РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. ОКТЯБРЬ. 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1895.

X-я книга „Русской Старины" вышла 1-го октября 1895 г.

Библіографическій листокъ.

Я. Волковъ, преподаватель Школы печатнаго дѣла Императорскаго русскаго техническаго общества. Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ (съ переводомъ ихъ на нѣмецкій языкъ). Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Ц. 30 к. Спб. 1896 года.

Всякій, кому приходилось преподавать русскій языкъ инородцамъ, безъ сомнѣнія, согласится, что труднѣе всего даются имъ наши глаголы. Сопровождающія спряженіе глагола, независимо отъ флексій, разнообразныя звуковыя измѣненія, обусловливаемыя духомъ русскаго языка, дѣлаютъ изученіе этой части рѣчи крайне затруднительнымъ для всякаго не-русскаго. Облегчить послѣднему усвоеніе названнаго грамматическаго отдѣла — составляетъ задачу настоящаго «Сборника». Для этой цѣли, въ немъ помѣщено полное спряженіе тѣхъ изъ наиболѣе употребительныхъ глаголовъ, которые претерпѣваютъ какія-либо измѣненія коренныхъ звуковъ. Глаголы эти, для удобства пользованія, расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Само собою разумѣется, что изученію тѣхъ или другихъ уклоненій должно предшествовать знакомство съ правильными формами. Въ виду этого, неправильнымъ глаголамъ предпосланы въ «Сборникѣ» образцы спряженія глаголовъ правильныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимыя понятія о главныхъ формахъ.

Независимо отъ того, при каждомъ неправильномъ глаголѣ помѣщены наиболѣе употребительныя нѣмецкія значенія его. Сдѣлано это съ тою цѣлью, чтобы облегчить запоминаніе встрѣчающихся въ «Сборникѣ» глаголовъ учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, которые, какъ извѣстно, еще не вполнѣ достаточно знакомы съ русскимъ языкомъ.

«Хотя при составленіи «Сборника» имѣлись въ виду преимущественно инородческія школы, тѣмъ не менѣе, употребленіе его въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ было бы, по нашему мнѣнію, также весьма цѣлесообразно, такъ какъ онъ даетъ обильный матеріалъ для упражненія въ спряженіяхъ», — заявляетъ авторъ, между прочимъ, въ предисловіи къ 2-му изданію своей книги.

Признавая несомнѣнныя достоинства за трудомъ г. Волкова, мы, однако, не можемъ не высказать нѣсколькихъ замѣчаній относительно полноты его изданія. По нашему мнѣнію, есть немало глаголовъ, которые съ одинаковымъ правомъ могли бы быть помѣщены въ «Сборникѣ», напримѣръ: на стр. 18-й помѣщенъ глаголъ «лупить», рядомъ съ нимъ слѣдовало бы помѣстить и глаголъ «любить», который въ образованіи грамматическихъ формъ ни на іоту не отличается отъ помѣщеннаго глагола. Слѣдовало бы непремѣнно помѣстить въ этомъ «Сборникѣ» три глагола: «метать» (мечу), «мести» (мету), и «мѣтить» (мѣчу), и нѣкоторые другіе; напр. на 22 й стр., — рядомъ съ «плакать», — «платить» (тѣмъ болѣе, что многіе русскіе, неговоря уже объ инородцахъ, совершенно неправильно говорятъ и пишутъ: заплочено, уплочено, вмѣсто заплачено, уплачено). Никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ относительно буквы *ѣ* въ настоящемъ времени глагола «брить». Въ «Русскомъ Правописаніи» покойнаго Я. К. Грота, извѣстнаго и авторитетнаго знатока русскаго языка, на стр. 68-й говорится слѣдующее: «Отъ гл. *брить* невѣрно образуется основа настоящаго съ буквою *ѣ*. Слѣдуетъ писать: *брею, брей, брадобрей*, какъ отъ *бить—бей*, отъ *лить—лей, водолей* (хотя въ прксл.: «лѣй, водолѣй»)».

Что брошюра г. Волкова не безполезна, доказываетъ выходъ ея вторымъ изданіемъ, внѣшность котораго, кстати сказать, очень прилична.

Н. Кашкадамовъ.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.

XIV.

М. С. Щепкинъ, его жизнь и сценическая дѣятельность, въ связи съ исторіей современнаго ему театра, съ прибавленіемъ краткой біографіи П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и П. М. Садовскаго. Біографическій очеркъ А. А. Ярцева. Съ портретомъ Щепкина, гравированнымъ К Адтомъ.

Въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со смерти М. С. Щепкина, въ русской литературѣ еще не появлялось болѣе или менѣе полной разработки данныхъ о его жизни и дѣятельности. „Нашъ очеркъ, — заявляетъ авторъ, — является скромной попыткой сгруппировать, въ предѣлахъ настоящаго изданія, свѣдѣнія о жизни великаго артиста и охарактеризовать его, какъ сценическаго дѣятеля и человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ очертить жизнь и дѣятельность главнѣйшихъ представителей русской сцены Щепкинскаго времени: П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и П. М. Садовскаго". Надо отдать справедливость автору: онъ весьма основательно выполнилъ взятую на себя задачу.

Очеркъ г-на Ярцева состоитъ изъ шести главъ и заключенія. „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ за-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

ОКТЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.

КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ
и
ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.
1877—1878 гг.

ГЛАВА IX [1]).

Положеніе края въ концѣ іюня и началѣ іюля 1877 г. и первоначальныя неурядицы въ тылу арміи.—Столкновеніе между враждебными элементами населенія.—Полная анархія.—Товарищество Грегера, Горвица, Когана и К° вноситъ новый элементъ разложенія.—Показныя агентства.—Плутни, за ними скрывавшіяся.—Расхищеніе средствъ края.—Взгляды князя Черкаскаго на продовольствіе арміи.—Записка 4-го іюля.—Переписка генералъ-адъютанта Милютина съ княземъ Черкаскимъ.

Блестящій успѣхъ систовской переправы, доставившей нашей арміи доступъ въ самое сердце Сѣверной Болгаріи, произвелъ на турокъ потрясающее впечатлѣніе. Турецкія войска поспѣшно отступили къ Рущуку и Тырнову, оголивъ все это весьма значительное пространство. За войсками послѣдовала и гражданская администрація; всѣ чиновники-турки бѣжали, а правительственныя и общественныя учрежденія закрылись и, такъ сказать, распались. Примѣръ войскъ и чиновниковъ увлекъ за собою значительное большинство турецкаго населенія. Во главѣ бѣглецовъ-жителей находились черкесы, поселенные турецкимъ правительствомъ въ этой части края.

---

[1]) См. «Русскую Старину» сентябрь 1895 г.

Появленіе русскихъ войскъ было для нихъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ; они увидѣли, что не только безвозвратно прошло время безнаказанныхъ грабежей, но наступилъ часъ возмездія за совершенныя прежде насилія и преступленія. Вотъ почему черкесы исчезли поголовно, но и при этомъ безпорядочномъ бѣгствѣ они успѣли произвести массу новыхъ грабежей и убійствъ, уже не съ цѣлью обогащенія, а просто изъ дикой злобы и мести къ христіанамъ, ускользавшимъ изъ ихъ рукъ. Множество болгаръ, встрѣченныхъ ими по дорогамъ и спокойно работавшихъ въ полѣ — пали жертвами этихъ извергов. Чѣмъ дальше бѣжали они, тѣмъ болѣе развивались ихъ хищническіе инстинкты и звѣрство. Перебравшись за Балканы, они и тамъ продолжали свои насилія, такъ что возстановили противъ себя турецкое правительство. Каймакамъ-Ямболи, чтобы противодѣйствовать черкесамъ, вооружилъ въ своемъ округѣ болгаръ [1]).

Собственно мусульманско-турецкое населеніе послѣдовало за черкесами далеко не все. Только главный трактъ — широкой, впрочемъ, полосою — отъ Дуная къ Балканамъ, вполнѣ очистился отъ турокъ. Помаки (отуреченные и весьма фанатическіе болгары) остались на своихъ мѣстахъ. Бѣжали изъ населенія преимущественно богатые турки, забирая съ собою болѣе дорогую движимость и почти весь свой рогатый скотъ, съ которымъ угоняли немало скота, принадлежащаго христіанамъ. Все остальное свое имущество, т. е.: домъ, движимость поплоше и мелкій скотъ, мусульмане бросали на произволъ судьбы или, кое-гдѣ, передавали его подъ наблюденіе оставшихся на мѣстахъ единовѣрцевъ и даже болгаръ, если жили съ ними въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, что встрѣчалось, хотя и рѣдко.

Въ обширномъ краѣ, отъ Дуная до Балканъ и далеко по обѣ стороны главнаго тракта на Тырновъ, враждебные между собою элементы мѣстнаго населенія — христіанскій и мусульманскій — очутились лицомъ къ лицу. Права мусульманъ на преобладаніе въ краѣ видимо были подорваны въ самомъ корнѣ, и христіане сразу

---

[1]) В.-Уч. Арх., дѣло № 123, VII; письмо генерала Непокойчицкаго къ военному министру.

поняли, что всякая гроза надъ ними въ видѣ турецкихъ властей и расправы фанатиковъ-жителей—исчезла безслѣдно. Предвидѣнный нами психологическій моментъ столкновенія между враждебными началами насталъ. Но только обстоятельства сложились иначе, чѣмъ мы предполагали. Дѣлая предварительныя соображенія объ обезоруженіи мусульманъ, мы думали, что стороной слабою, угнетенною явятся христіане, а они-то именно и сдѣлались хозяевами положенія, которое было тѣмъ сильнѣе, что оставшееся на мѣстѣ мусульманское населеніе самымъ этимъ фактомъ признало себя готовымъ подчиниться новымъ условіямъ жизни.

Моментъ былъ слишкомъ характеренъ, чтобы болгарское населеніе, столь долгое время страдавшее подъ турецкимъ игомъ, оставалось равнодушнымъ или умѣреннымъ. Освободясь отъ ежечасной грозной опеки и видя слабость своего исконнаго врага, болгары прежде всего стихійно обрушились на мечети, эти видимые символы мусульманства. Гордо возвышавшіеся въ теченіе многихъ вѣковъ минареты, какъ карточные домики пали подъ ударами озлобленной толпы; мечети были разрушены; ихъ имущество разграблено. Такому же грабежу подверглись брошенные турецкіе дома со всѣмъ оставшимся въ нихъ скарбомъ и скотомъ. Каждый хваталъ, что можно; оставшіеся турки не обращали на это вниманія, готовясь защищать свою личную безопасность и собственность.

Можетъ быть, этими грабежами и разрушеніями все бы и кончилось, но многія убійства, совершенно безцѣльно произведенныя то тамъ, то здѣсь бѣжавшими черкесами, а также уходившими турецкими войсками и мусульманскимъ населеніемъ, ожесточили болгаръ и вызвали ихъ на кровавыя репрессаліи. Никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемые, дурные инстинкты развивались съ необыкновенной быстротой. Злоба и месть, выказывавшіяся сперва на однихъ лишь туркахъ, весьма скоро обратились и противъ тѣхъ изъ своихъ, которые, въ тяжкое время мусульманскаго ига, держались стороны притѣснителей, а особливо противъ всѣхъ, чѣмъ-либо помогавшихъ мусульманамъ въ ихъ преслѣдованіи христіанъ. Какъ всегда бываетъ въ подобныя тревожныя времена, къ лицамъ дѣйствовавшимъ, хотя и преступно, но все-таки подъ вліяніемъ мести

или личныхъ счетовъ, присоединились и простые грабители, искавшіе удобнаго случая обогатиться или потѣшиться безъ всякаго удержа. Началась анархія. Трепетали уже не одни мусульмане и провинившіеся болгары, но и всѣ спокойные жители, видѣвшіе, что ежеминутно можетъ нагрянуть шайка грабителей и лишить не только пріобрѣтеннаго трудомъ имущества, но и самой жизни.

Такъ было на плоскости, въ горахъ же, гдѣ болгарское населеніе было гораздо энергичнѣе, обстоятельства сложились еще серьезнѣе. Тамъ во всѣ времена владычества турокъ, пользуясь труднодоступностью мѣстности, укрывались различные болгарскіе бѣглецы и собирались четы (партіи, шайки) удальцовъ, считавшихъ молодечествомъ, какъ вихорь, налетѣть на ненавистныхъ турокъ, заграбить и истребить все, что можно. Такія четы пользовались вообще сочувствіемъ христіанскаго населенія и дѣятельно имъ укрывались отъ всякихъ преслѣдованій. Появились четы и теперь послѣ бѣгства турецкихъ войскъ. Начавъ дѣйствовать только противъ турокъ, угрожавшихъ христіанамъ, они скоро не отказывались захватывать въ свою пользу все попадавшееся имъ подъ руку, такъ какъ трудно было разобрать, что именно брошено мусульманами и что дѣйствительно принадлежитъ христіанамъ. Съ другой стороны и турки, оставшіеся на мѣстахъ, собирались въ шайки и, гдѣ было можно, особенно вблизи расположенія турецкихъ войскъ со стороны Османъ-Базара и Ловчи, производили жестокія нападенія на болгаръ. Такъ въ началѣ іюля турки вырѣзали въ Бебровѣ (около гор. Елены) многихъ стариковъ и женщинъ. Все грозило обратиться въ огромныя побоища. Междоусобія здѣсь не ограничились лишь разрушеніемъ мечетей и турецкихъ дворовъ и единичными убійствами, а выразились, какъ увидимъ ниже, поголовнымъ избіеніемъ цѣлыхъ деревень.

Для полнаго ознакомленія съ характеромъ и подробностями смутъ, волновавшихъ населеніе Сѣверной Болгаріи лѣтомъ 1877 г., можно было бы привести множество самыхъ разнообразныхъ примѣровъ, но, чтобы не утомлять читателей перечисленіемъ цѣлаго ряда убійствъ, грабежей, насилій и всякаго рода безобразій, я ограничусь разсказомъ о похожденіяхъ шайки Гицова и Харизанова, изъ коихъ первый былъ бѣглымъ дружинникомъ изъ нашего болгар-

скаго ополченія, а второй—болгарскимъ священникомъ изъ Дряновскаго монастыря, разграбленнаго турками передъ войной. Подробности беремъ изъ подлиннаго дѣла [1]).

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Систова, въ немъ стали получаться свѣдѣнія о многочисленныхъ грабежахъ въ окрестныхъ селеніяхъ. 1-го іюля Систовскій административный совѣтъ получилъ, отъ священника дер. Караійсана Дмитрія Иванова, вполнѣ достовѣрныя заявленія о хищническихъ дѣйствіяхъ и убійствахъ, производимыхъ шайкою, бывшею подъ предводительствомъ болгаръ Гицова и священника Харизанова. При отсутствіи тогда въ городѣ какихъ бы то ни было властей, заявленіе это осталось безъ послѣдствій. 5-го числа тотъ же священникъ вторично прислалъ подобное же заявленіе, прося скорой помощи, такъ какъ, на этотъ разъ, Гицовъ уже грозилъ лично расправиться съ нимъ по-своему. Это было на другой день по введеніи гражданскаго управленія въ Систовѣ, и сообщеніе священника Иванова поступило къ только-что назначенному систовскимъ окружнымъ начальникомъ русскому подполковнику Михайлову. Онъ хотя и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакой вооруженной силы, но счелъ своею прямою обязанностью отправиться лично въ дер. Караійсанъ, куда ожидали прибытія Гицова на 7-е число. Въ этотъ день подполковникъ Михайловъ, взявъ съ собою полицейскаго пристава города Систова Дмитрія Манолова, въ качествѣ переводчика, и служившаго при полиціи Цане Тихова, какъ проводника, явился въ пятомъ часу вечера въ названную деревню. Его подвезли прямо къ дуґеню (трактиръ, корчма) Тодора Митова, около котораго, охраняемый вооруженнымъ часовымъ, развѣвался полосатый красно-сине-бѣлый значекъ съ вышитымъ на средней синей полосѣ крестомъ изъ широкой бѣлой тесьмы. Тутъ же находился нетрезвый человѣкъ въ красной шелковой рубахѣ и опол-

[1]) Хранится въ архивѣ Главнаго военно-суднаго управленія подъ № 54. «Дѣло канцеляріи военнаго прокурора бывшаго Систовскаго, затѣмъ Рущукскаго полеваго военнаго суда о жителяхъ болгарскаго края Иванѣ Гицовѣ 38 лѣтъ, Іорданѣ Харизановѣ 24 лѣтъ, Степанѣ Стояновѣ 32 лѣтъ... обвиняемыхъ въ составленіи злонамѣренной шайки и цѣломъ рядѣ убійствъ, разбоевъ, грабежей, изнасилованій, поджоговъ и другихъ преступленій». Начато 2-го августа 1877 г., кончено 3-го сентября 1878 г., на 169 л.

ченской шапкѣ, на котораго жители и указали, какъ на начальника шайки. На вопросъ окружнаго начальника, Гицовъ отвѣчалъ, что онъ дружинникъ 6-й дружины болгарскаго ополченія, посланный е. и. в. главнокомандующимъ дѣйствующей арміи для сбора турецкаго скота, хлѣба и денегъ на продовольствіе русской арміи. Ложь была очевидна, и подполковникъ Михайловъ приказалъ арестовать Гицова. Тотъ совершенно растерялся и далъ себя связать безъ всякаго сопротивленія. Одновременно съ нимъ, были арестованы въ той же деревнѣ священникъ Харизановъ и другіе. При задержанныхъ оказались деньги и два воза съ разнымъ награбленнымъ имуществомъ. Деньги, до 18 тыс. піастровъ, были найдены въ сапогахъ у Гицова и корчмаря Иванова, въ поясѣ у священника Харизанова, надѣтомъ подъ рубашкой и частью въ возахъ. Въ самомъ дугенѣ оказалось множество турецкой мужской и женской одежды, бѣлья, ковровъ, принадлежностей мебели и частью посуда. На возахъ были ружья и пистолеты штукъ по тридцати; двадцать пять саблей и ятагановъ и четыре сѣдла. Взяты также 18 лошадей, 32 штуки крупнаго рогатаго скота. Обвинительный актъ говоритъ, что «изъ одежды и бѣлья много было роскошной отдѣлки», а найденныя 18 тыс. піастровъ, вѣроятно, составляли добычу только одного послѣдняго дня, такъ какъ, по общимъ заявленіямъ, денегъ собиралось много.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ обнаружено, что шайка эта, въ теченіе нѣсколькихъ дней (съ 26-го іюня по 7-е іюля), посѣтила всего семь деревень, ограбленныхъ уже прежде сосѣдними жителями, и отобрала тамъ у турокъ 191.615 піастровъ деньгами, массу одежды, 202 штуки крупнаго и 1.045 шт. мелкаго скота.

Руководителями шайки были священникъ Іорданъ Харизановъ и бѣглые дружинники Гицовъ и Степанъ Стояновъ. Всѣ прочіе соучастники были мѣстные уроженцы, преимущественно содержатели деревенскихъ заѣздныхъ домовъ.

Изъ подлиннаго дѣла не видно, чтобы эти коноводы, кромѣ общей ненависти большинства христіанъ къ туркамъ, имѣли съ ними особые личные счеты. Только Харизановъ спасся изъ Дряновскаго монастыря во время рѣзни въ немъ и, такимъ образомъ, имѣлъ поводы къ личной мести за разореніе родной святыни и избіеніе

товарищей. Всѣ трое они еще въ 1876 г. бѣжали за Дунай, служили въ Сербіи добровольцами и потомъ прибыли въ Румынію для поступленія въ болгарское ополченіе. Гицовъ и Стояновъ успѣли въ этомъ, а священникъ Харизановъ получилъ отказъ и, перебравшись за Дунай вслѣдъ за войсками, появился на своей родинѣ. Какъ выяснено, онъ былъ душою шайки и подговорилъ Гицова и Стоянова къ разбою, который они и начали въ окрестностяхъ сел. Мекиша, гдѣ Харизановъ зналъ всѣ мѣстныя условія и многихъ изъ жителей. Отставъ отъ шедшей въ передовомъ отрядѣ своей дружины, Гицовъ прежде всего явился въ деревню Яиджи и, собравъ жителей, объявилъ имъ, что они не имѣютъ права обращать въ свою пользу оставленное бѣжавшими турками движимое имущество, состоявшее изъ разныхъ домашнихъ вещей и скота, и что все это, особенно же скотъ, должно поступать на потребности арміи, отъ которой онъ будто бы и посланъ самимъ главнокомандующимъ, собирать турецкій ячмень и скотъ. Ему повѣрили и тотчасъ же выдали 11 возовъ ячменя и 100 штукъ овецъ. На другой день черезъ Яиджи проѣзжалъ главнокомандующій по дорогѣ въ Тырновъ. Безъ сомнѣнія для того, чтобы еще болѣе укрѣпить въ жителяхъ довѣріе къ себѣ, Гицовъ собралъ ихъ для встрѣчи великаго князя, обучая, что при этомъ надо дѣлать и какими возгласами встрѣчать дорогаго гостя. Проводивъ кортежъ главнокомандующаго, шайка продолжала свои преступныя дѣйствія.

Награбленный скотъ и хлѣбъ шайка отправляла въ Павло и Тырново. Въ первый пунктъ хлѣбъ возилъ какой-то бывшій съ Гицовымъ человѣкъ въ «черномъ сюртукѣ и обыкновенной черной шапкѣ». Такіе же люди въ длинныхъ сюртукахъ «кажется, евреи и купцы»—принимали хлѣбъ въ Павло. Въ Тырново хлѣбъ передавался черезъ посредство члена шайки бѣглаго дружинника Степана Стоянова. Въ карманѣ Харизанова—во время его ареста, нашли и пріобщили къ дѣлу (стр. 25) «росписку, подписанную отъ имени какого-то штабсъ-капитана Кореля, на полученіе 19 штукъ скота» [1]).

---

[1]) Слѣдствіе не выяснило, кто былъ ш.-к. Корель и люди въ черныхъ сюртукахъ. Слѣдователи, только-что прибывшіе изъ Россіи, мало были знакомы съ образомъ дѣятельности агентовъ пресловутаго товарищества Гре-

Слѣдствіе и судъ надъ шайкой Гицова производились чинами Систовскаго полеваго военнаго суда. Мѣстное населеніе какъ христіане, такъ и мусульмане, согласно свидѣтельствовали о варварствѣ разбойниковъ. Противъ Гицова въ обвинительномъ актѣ выставлено 37 преступленій, а противъ Харизанова—28. Во время слѣдствія Гицовъ бѣжалъ, а другой дружинникъ Стояновъ умеръ. Харизановъ былъ приговоренъ къ смертной казни, а товарищи его къ каторжной работѣ. Харизановъ успѣлъ было бѣжать, но былъ пойманъ. Исполненіе надъ нимъ смертнаго приговора впослѣдствіи было пріостановлено генералъ-адъютантомъ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ и что съ нимъ сталось—неизвѣстно; прочимъ же членамъ шайки наказаніе было значительно смягчено.

Распространявшіеся въ краѣ безпорядки, начавъ угрожать спокойной части населенія, вызвали нѣкотораго рода реакцію. Проявились попытки организовать какія-нибудь власти. Въ городахъ и многихъ сельскихъ общинахъ учредились временныя управительныя коммиссіи, но въ составъ ихъ вошли люди «малоопытные въ практическомъ веденіи дѣлъ управленія... многіе даже не знаютъ, какъ приступить къ дѣлу [1])». Кромѣ того, состоя изъ людей болѣе достаточныхъ, чорбаджіевъ, бывшихъ всегда въ добрыхъ отношеніяхъ съ турками, коммиссіи эти были подозрительны населенію и не пользовались популярностью. О предстоящемъ устройствѣ края никто ничего не зналъ, всѣ надежды были на появленіи войскъ, которыя медлили идти отъ Дуная. Наконецъ 25-го іюня, главнокомандующій съ главною квартирою, во главѣ 8-го армейскаго корпуса, двинулся внутрь края къ Балканамъ.

На всемъ пути отъ Систова до Тырнова, на каждой остановкѣ главной квартиры, масса людей обращалась непосредственно къ главнокомандующему съ многочисленными жалобами, просьбами, заявленіями. Одни приводили схваченныхъ ими турокъ, уличали

геръ, Коганъ и К° и не направили своихъ разслѣдованій въ эту сторону. Мнѣ же кажется, что Гицовъ, Стояновъ и Харизановъ были въ тѣсной связи съ агентами товарищества, чѣмъ и объясняется появленіе въ шайкѣ подозрительныхъ личностей въ длинныхъ сюртукахъ.

[1]) Рапортъ полковника Соболева, 15-го іюля 1877 г. Дѣло В. Уч. Ар. № 7007.

ихъ въ прошлыхъ злодѣйствахъ и просили казни; другіе — и болгары и турки — жаловались, что ихъ ограбили, и просили возврата имущества, третьи умоляли предохранить ихъ отъ грабежей и безпорядковъ, до нихъ еще не дошедшихъ, но уже свирѣпствовавшихъ въ ближайшихъ окрестностяхъ. Видно было, что анархія воцарилась повсюду. Разбирать все это на походѣ было немыслимо. Войска шли въ составѣ отрядовъ, имѣвшихъ особыя военныя цѣли, и не могли быть употреблены на водвореніе порядка. Такое положеніе вещей и вызвало приказаніе главнокомандующаго о введеніи въ краѣ гражданскаго управленія и немедленнаго присоединенія гражданской канцеляріи къ главной квартирѣ въ Тырновѣ. Всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, обращавшимся въ главную квартиру, какъ лично, такъ и въ составѣ депутацій, объявлялось, что вслѣдъ за симъ въ край прибудутъ гражданскія власти, которыя займутся водвореніемъ порядка и устройствомъ управленія. Всѣ приглашались возвратиться въ свои дома и объявить тамъ о слышанномъ отъ военныхъ властей.

Между тѣмъ, пока гражданское управленіе могло устроиться и начать дѣйствовать, войсковымъ начальникамъ пришлось самимъ принимать мѣры къ успокоенію края. Какъ только авангардъ нашъ остановился у подножія Балканъ, а части войскъ, предназначенныя въ восточный заслонъ, стали располагаться около Рущука и на Янтрѣ, къ нимъ стали обращаться болгары и турки съ безконечными заявленіями и жалобами, подобными тѣмъ, что приносились и главной квартирѣ во время ея торжественнаго шествія отъ Дуная къ Балканамъ. Болгары, видя въ нашихъ войскахъ своихъ естественныхъ защитниковъ, полагали, что войска позволятъ имъ расправиться съ турками, и вездѣ ихъ преслѣдовали, явно вызывая на сопротивленіе. Ежедневно происходившія въ средѣ населенія кровавыя стычки грозили принять широкое развитіе, крайне опасное для спокойствія нашихъ войскъ и успѣха ихъ усилій воспользоваться мѣстными продовольственными средствами. Необходимо было обезпечить и порядокъ и прежде всего охранить отъ ярости болгаръ оставшуюся на мѣстѣ часть мусульманскаго населенія. Мѣры, по собственному почину принятыя войсками для охраненія турокъ отъ всякаго нападенія христіанъ, были крайне оригинальны и вполнѣ дѣйствительны. Въ турецкія деревни ставили по три, по два, а

иногда и по одному вооруженному солдатику. Раздобывъ такого защитника, турки съ торжествомъ вели его къ себѣ и считали себя счастливыми и вполнѣ обезпеченными. Присутствіе русскаго солдата — котораго наперерывъ другъ передъ другомъ всѣ кормили и ласкали — давало туркамъ право говорить, что деревня ихъ находится подъ покровительствомъ русскихъ властей, которыя не дали бы ей своихъ представителей, если бы не были убѣждены, что со стороны ея жителей не дѣлается ничего противузаконнаго. На болгаръ видъ этого представителя русской арміи дѣйствовалъ тоже самымъ внушительнымъ образомъ: напасть на жителей, заручившихся подобною охраной, было небезопасно — солдатикъ, какъ очевидецъ всего происшедшаго, станетъ нелицепріятнымъ свидѣтелемъ противъ грабителей. Въ горахъ, гдѣ нашихъ войскъ было меньше, чѣмъ на плоскости, подобное охраненіе порядка было затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что тамъ дѣйствовали вооруженныя болгарскія четы, грозившія общему спокойствію и вызывавшія образованіе турецкихъ шаекъ, появлявшихся со стороны Османъ-Базара и Ловчи или изъ-за Балканъ. При отсутствіи нашихъ войскъ въ горныхъ трущобахъ, уничтожить дѣйствовавшія тамъ четы было крайне затруднительно; требованія разойтись четы могли и не исполнить, почему по неволѣ пришлось не только признать ихъ существованіе, но даже уполномочить нѣкоторыя изъ нихъ на водвореніе порядка въ строго опредѣленныхъ мѣстностяхъ. Этимъ путемъ, входя въ сношеніе съ большими четами, возможно было уничтожить меньшія изъ нихъ, которыя или расходились сами или присоединялись къ большимъ четамъ, получившимъ, такъ сказать, право оффиціальнаго существованія. На этомъ основаніи четы Манафова, дѣйствовавшія около Габрова и Дрянова, явились какъ бы законными охранительницами порядка [1]). Ихъ посылали въ тѣ мѣста, откуда являлись болгары съ жалобами на притѣсненія мусульманъ. Они обѣщали наказывать только тѣ деревни, противъ которыхъ будутъ явныя улики, что жители не сдали полностію оружія и часть ихъ ушла подъ покровительство турецкихъ войскъ. Женщинъ и дѣтей они обязывались не

---

[1]) У самого Манафова было сперва 250 чел. и потомъ (съ 25-го іюля 1877 г.) до 350 чел. около Габрова. Другая его же партія дѣйствовала около Дрянова, на полдорогѣ между Габровомъ и Тырновомъ.

трогать, и имъ запрещалось жечь турецкое добро и производить пожары. «Трудно однако—говоритъ одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей [1]),—вѣрить, чтобы они дѣйствовали очень справедливо и не сводятъ своихъ старыхъ счетовъ. Народное озлобленіе страшно велико. Вездѣ вооруженные болгары бьютъ турокъ. Въ особенности въ Балканахъ, гдѣ постоянно слышатся выстрѣлы. Для возможнаго обузданія начальниковъ подобныхъ четъ, съ ними предполагали было посылать русскихъ строевыхъ офицеровъ, но почему-то такое предположеніе генерала Дерожинскаго, командовавшаго въ Габровѣ—не исполнилось.

Хотя этими спокойными и благоразумными мѣрами частныхъ военныхъ начальниковъ положены были начала къ водворенію порядка въ ближайшихъ къ расположенію войскъ мѣстностяхъ, но въ разстояніи одного, двухъ отъ нихъ переходовъ, анархія господствала по-прежнему, и вслѣдствіе этого для наказанія виновныхъ и успокоенія черезъ-чуръ взволнованныхъ страстей, приходилось принимать экстренныя строгія мѣры, сопровождавшіяся иногда смертными казнями.

Между тѣмъ какъ гражданское управленіе готовилось къ дѣйствію, а военныя власти, по собственному почину, принимали мѣры къ водворенію порядка въ ближайшихъ къ ихъ расположенію мѣстахъ, въ Задунайскомъ краѣ явился новый элементъ разложенія—пресловутое товарищество Горвица, Когана и К°. Дѣйствія его истощали край, мутили населеніе и самымъ растлѣвающимъ образомъ вліяли на войска.

Какимъ образомъ дѣйствовало товарищество за Дунаемъ? Обязавшись поставку предметовъ для продовольствія арміи производить на коммиссіонномъ началѣ [2]), по дѣйствительно существующимъ на мѣстахъ слѣдованія и стоянки войскъ цѣнамъ за продукты, обработку, оболочку и доставку ихъ—товарищество выговорило себѣ коммиссіонную плату въ

[1]) Начальникъ Габровскаго округа, кап. Масловъ. Письмо его отъ 25-го іюля.
[2]) Въ главѣ VII подробно разобранъ заключенный съ товариществомъ контрактъ.

размѣрѣ десяти процентовъ стоимости продуктовъ, въ вознагражденіе за трудъ, по принятой на себя операціи, и на расходы по устройству и содержанію администраціи. Расходы товарищества должны были оправдываться удостовѣренными контрактами съ торговыми домами, банками и частными лицами или счетами всѣхъ ихъ, или другими документами, какъ-то: торговыми и биржевыми бюллетенями, свидѣтельствами маклеровъ и т. п.

Въ предѣлахъ Румыніи вышеозначенные оправдательные документы если не всегда, то отчасти могли быть получаемы и представлены товариществомъ. Конечно, они нисколько не гарантировали выгодность для казны сдѣланныхъ покупокъ и легко могли быть составлены невѣрно въ ущербъ казнѣ, по предварительному уговору агентовъ товарищества съ продавцами, но, во всякомъ случаѣ, документы эти могли служить хотя какимъ-нибудь средствомъ дли провѣрки дѣйствій контрагентовъ арміи. Ничего подобнаго не могло быть за Дунаемъ. Оффиціальныхъ промышленно-торговыхъ учрежденій тамъ не имѣлось; правильной торговли и правильно организованныхъ торговыхъ домовъ не существовало; были лишь производители предметовъ первой необходимости и кулаки-скупщики, законтрактовывавшіе у крестьянъ продажный хлѣбъ, чтобы впослѣдствіи торговать имъ съ барышомъ. Мѣсто бѣжавшей турецкой администраціи заступили наши гражданскія власти, только-что начинавшія устраиваться въ іюлѣ мѣсяцѣ, одновременно съ открытіемъ операцій товарищества. Власти эти, какъ выше объяснено, были устранены отъ всякаго участія въ обезпеченіи войскъ продовольствіемъ и должны были оставаться пассивными зрителями того, что происходило на ихъ глазахъ. При такихъ условіяхъ товарищество, не связанное болѣе представленіемъ даже сомнительныхъ документовъ, легко получавшихся имъ въ Румыніи, могло смѣло предаться въ Болгаріи самымъ своекорыстнымъ операціямъ, обирая крестьянъ при разсчетахъ за купленные продукты и получая отъ казны огромныя деньги по таксамъ, утверждаемымъ интендантствомъ безъ всякихъ попытокъ выяснить, по какимъ именно цѣнамъ возможно было пріобрѣтать на мѣстѣ тѣ или другіе припасы. Между тѣмъ выясненіе этого было возможно, или черезъ сношеніе съ граж-

данскими властями, или черезъ образованіе особыхъ интендантскихъ коммиссій, безъ сомнѣнія нашедшихъ бы въ мѣстной русской администраціи полную поддержку и сочувствіе.

Когда главная квартира, пропуская войска за Дунай, стояла въ Зимницѣ, въ ней появилось большое число агентовъ товарищества, сразу бросавшихся въ глаза и обратившихъ на себя особенное вниманіе всѣхъ штабныхъ чиновъ. Съ удивленіемъ замѣчали они между этими агентами немало весьма почтенныхъ лицъ безусловно русскаго происхожденія, носившихъ отставные офицерскіе мундиры и съ разноцвѣтными околышами военныя фуражки. У нѣкоторыхъ въ петличкѣ красовались орденскія ленточки, знаки отличія военнаго ордена и даже столь уважаемые въ нашей арміи и во всемъ русскомъ обществѣ георгіевскіе кресты, назначаемые не иначе, какъ за подвиги выдающейся храбрости. Одинъ изъ таковыхъ агентовъ (Б. В. Струве, умеръ въ 1889 г.[1]) не такъ давно еще принадлежалъ къ составу высшей администраціи, занимая постъ губернатора въ двухъ губерніяхъ. Выставляя впередъ этихъ людей, товарищество очевидно хотѣло не только показать свою администрацію казовымъ концомъ — что весьма понятно и извинительно — но и укрыться за этимъ цвѣтомъ своихъ агентовъ, какъ за непроницаемымъ щитомъ, отъ болѣе внимательныхъ взглядовъ. Видя такихъ агентовъ, кто бы могъ сказать, что товарищество готовится къ самымъ безастѣнчивымъ гешефтамъ? А на дѣлѣ было такъ. Обманутые сладкими рѣчами заправилъ товарищества, эти показные агенты сдѣлались жертвою своего легковѣрія. Повѣривъ намѣреніямъ служить честно дѣлу арміи и имѣя въ виду значительное содержаніе, предложенное имъ контрагентами, они охотно вступили на службу товарищества, думая приносить пользу и направлять дѣло къ лучшему. Не тутъ-то было. Товарищество принимало ихъ къ себѣ не для руководства дѣлами, а только для отвода глазъ; орудовать же хотѣло посредствомъ темныхъ личностей. Хитрая эта выдумка весьма скоро разъяснилась, и несчаст-

---

[1]) Первоначально Б. В. Струве вмѣстѣ съ Каганомъ думалъ о самостоятельномъ предпріятіи и вошелъ съ особымъ предложеніемъ. См. «Воен. Сб.» 1894 г. № 8, стр. 260, статья г. Поливанова.

ные показные агенты, скомпрометтировавъ себя участіемъ въ еврейскомъ обманѣ, отказались отъ своихъ многотысячныхъ окладовъ и бросили службу у контрагентовъ. На мѣсто ихъ явились евреи, поляки и отчасти мѣстные кулаки-скупщики, существованіе которыхъ въ краѣ пришлось какъ разъ на руку товариществу. Вообще агенты товарищества состояли изъ множества Мошекъ, Гершекъ и Срулей, готовыхъ на всякія плутни и столь хорошо извѣстныхъ всѣмъ бывавшимъ въ Привислянскомъ краѣ и западныхъ губерніяхъ. На ихъ грязно омерзительномъ фонѣ выдавалось нѣсколько экземпляровъ изъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ евреевъ, являвшихся въ безукоризненной фрачной парѣ и бѣломъ галстукѣ. Эти-то послѣдніе въ сущности и были излюбленными дѣльцами товарищества, искусно проводя его цѣли и руководя массою оборванныхъ Мошекъ. Многимъ изъ этихъ фрачниковъ частенько приходилось попадать между молотомъ и наковальней, т. е. получать полновѣсныя внушенія не только отъ лицъ, принадлежащихъ къ составу войскъ, но и отъ мѣстныхъ жителей.

Каждый изъ второстепенныхъ агентовъ товарищества получалъ въ полное свое распоряженіе, на болѣе или менѣе продолжительное время, по нѣскольку человѣкъ нижнихъ чиновъ или казаковъ. Число этихъ нижнихъ воинскихъ чиновъ иногда увеличивалось добавленіемъ временно назначаемыхъ солдатъ и казаковъ на случай какихъ-либо большихъ заготовленій для пополненія интендантскихъ складовъ. Значеніе солдата, да еще вооруженнаго, а равно казака— было въ Болгаріи въ войну 1877—1878 г., по истинѣ, огромное, если можно такъ сказать—всемогущее. Только-что описавъ выше порядокъ охраненія турецкихъ селеній отъ грабежа, посредствомъ размѣщенія въ нихъ по два, по три человѣка и даже по одному, я далъ этому факту совершенно достаточное объясненіе. Понятно, что назначеніе солдатъ и казаковъ для содѣйствія агентамъ товарищества давало симъ послѣднимъ необычайное значеніе и громадный авторитетъ. Лицо, имѣвшее въ своемъ распоряженіи вооруженнаго солдата или казака, пріобрѣтало въ глазахъ населенія большое значеніе, оно было силой, которой слѣдовало повиноваться. Серьезность этой мѣры увеличивалась тѣмъ, что никто изъ начальниковъ округовъ и другихъ чиновъ гражданскаго управленія въ краѣ не имѣлъ

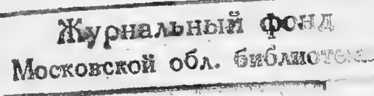
ихъ въ своемъ личномъ распоряженіи, и на все гражданское вѣдомство было дано только 23 казака, распредѣленныхъ между гражданской канцеляріей, управленіемъ Краснаго Креста и тремя губернаторами. Кромѣ солдатъ агенты товарищества были снабжены отъ интендантства особыми печатными бланками или сами завели эти бланки съ его разрѣшенія [1]). Бланкъ этотъ имѣлъ такой видъ:

Товарищество
Продовольствія Дѣйствующей Арміи
ДОЛЖНО.

Желая въ той или другой деревнѣ произвести покупку продовольственныхъ припасовъ, агентъ товарищества посылалъ туда своихъ скупщиковъ, обыкновенно еврея съ переводчикомъ-болгариномъ, и снабжалъ ихъ солдатомъ или казакомъ и предложеніемъ на бланкѣ. Въ предписаніи напр. писалось: «Настоящимъ приказываю вамъ купить десять тысячъ кринъ ячменя, каждая крина по два франка, и 500 возовъ сѣна по четыре франка за возъ, и доставить въ складъ товарищества по продовольствію русской арміи въ Тырново. Подписано: Адольфъ Леви». Весьма нерѣдко приказывалось требовать отъ жителей и доставки ихъ средствами всего у нихъ купленнаго въ самый складъ за ту же цѣну, опредѣленную за продукты.

Жидокъ со скупщикомъ-болгариномъ и солдатикомъ или казакомъ, явясь въ деревню, требовалъ къ себѣ мухтара и, предъявивъ ему на печатномъ бланкѣ написанное предписаніе, приказывалъ немедленно, или въ такой-то срокъ, поставить затребованное количество продуктовъ по той цѣнѣ, которая значилась въ предъявляемой бумагѣ и была будто бы назначена полиціей. При малѣйшей уклончивости со стороны мухтара, указывалось на сопровождавшаго казака и обѣщалось совсѣмъ нежелательное для братушки воздѣйствіе силы. Впрочемъ, вначалѣ никто и не думалъ противорѣчить; видя печатную бумагу, казака и агента, казакомъ распоряжающагося, никому и въ голову не приходило сопротивляться — все давалось немедленно, а если приказывалось, то и везлось куда требовалось. Большое требованіе подводъ подъ проходившія войска иногда заставляло мухтаровъ отказываться отъ перевозки зерна или

[1]) Все ниже приводимое основано на дѣйствительныхъ фактахъ.



фуража, но и на этотъ случай агенты нашли способъ извернуться. Они стали требовать отъ окружныхъ начальниковъ открытыхъ листовъ для взиманія обывательскихъ подводъ за опредѣленную плату [1]). Этотъ документъ авторитетныхъ русскихъ гражданскихъ властей болѣе усиливалъ значеніе агентовъ.

Цѣны, назначаемыя агентами въ своихъ предписаніяхъ, были всегда ниже тѣхъ, по которымъ разсчитывалось интендантство. Вся разница шла въ пользу товарищества, служа крупной надбавкой къ 10-ти процентной коммиссіонной платѣ. Но и эти уменьшенныя платы не всегда доходили до крестьянъ; очень часто въ счетъ ея шла доставка продуктовъ, и въ такомъ случаѣ товарищество получало еще съ казны плату за перевозку. Иногда скупщики удерживали часть платы въ свою пользу.

Въ выдачѣ окружными начальниками открытыхъ листовъ для полученія подводъ агентовъ поддерживали чины интендантства, заявляя съ своей стороны, что крайне необходимые войскамъ продукты уже куплены и только не могутъ быть свезены по неимѣнію подводъ. Имѣя въ виду прежде всего обезпеченіе потребностей арміи, гражданскія власти выдавали въ такихъ случаяхъ требуемые открытые листы. Но и добывъ подводы, товарищество, несмотря на то, что плату за нихъ могло поставить въ счетъ своихъ расходовъ, нерѣдко не уплачивало жителямъ за подводы. Такъ, съ 25-го іюля по 12-ое августа 1877 г., въ нѣсколькихъ деревняхъ Никопольскаго округа жители не получили за подводы до четырехъ тысячъ франковъ. Иногда, захвативъ подводы, агенты задерживали ихъ болѣе опредѣленнаго срока, употребляя ихъ въ другихъ мѣстахъ для различныхъ перевозокъ, и денегъ за все это время не отдавали.

Начальники округовъ получали на агентовъ безпрерывныя жалобы; то за неплатежъ денегъ за подводы, то за разнаго рода насилія, а наконецъ и на неправильный разсчетъ за купленные продукты. Аккуратные и очень разсчетливые братушки, видя въ ряду

---

[1]) По правиламъ о подводной повинности, утвержденнымъ княземъ Черкаскимъ 20-го іюля 1877 г., обывательскія подводы наряжались: или отдѣльнымъ воинскимъ частямъ, не имѣвшимъ казеннаго обоза, по требованію ихъ начальниковъ, или должностнымъ лицамъ (военнымъ и гражданскимъ) на основаніи свидѣтельствъ, выдаваемыхъ подлежащимъ начальствомъ.

агентовъ товарищества своихъ старыхъ знакомцевъ, мѣстныхъ скупщиковъ-кулаковъ, поняли, что предъявляемыя имъ товариществомъ цѣны фиктивныя и что агенты, требуя продажи продуктовъ именемъ казны, покупаютъ ихъ за свой счетъ. Поэтому явились жалобы гражданскому начальству о принужденіи товарищества сдѣлать доплату до той цѣны, которая будетъ назначена губернаторомъ. По произведеннымъ разслѣдованіямъ, жалобы крестьянъ подтвердились, и недобросовѣстность дѣйствій агентовъ выказалась въ полной силѣ. Губернаторы о всѣхъ этихъ безобразіяхъ доносили завѣдывающему гражданскою частью и просили объяснить имъ—въ чемъ именно должно заключаться содѣйствіе гражданскихъ властей агентамъ товарищества. Князь Черкаскій о всемъ лично—не желая заводить напрасной переписки — сообщалъ начальнику полеваго штаба, генералъ-адъютанту Непокойчицкому, и предлагалъ сговориться по этому важному дѣлу и придти къ какому-либо соглашенію. Начальникъ штаба на словахъ соглашался съ княземъ Черкаскимъ, но за разрѣшеніе дѣла не принимался и упорно отказывалъ въ оффиціальномъ сообщеніи гражданскому начальству не только о сущности сдѣланныхъ распоряженій относительно дѣйствій товарищества, но даже и текста заключеннаго съ нимъ контракта, имѣвшагося между прочимъ у каждаго агента, а затѣмъ у каждаго Мошки или Гершки.

Обязанное пополнять тотъ или другой интендантскій складъ или магазинъ, товарищество намѣчало для своихъ покупокъ ближайшія къ нему селенія и посылало туда своихъ агентовъ. Давая имъ приказаніе купить извѣстное количество продуктовъ, товарищество нисколько не соображалось съ тѣмъ, есть ли въ намѣченныхъ имъ селеніяхъ требуемое имъ количество припасовъ, а если и есть, то могутъ ли жители предложить его къ продажѣ. Не стѣснялось оно также и тѣмъ, что подобными покупками значительно затруднялось войскамъ пріобрѣтеніе продуктовъ собственными ихъ средствами. Агенты еврейской компаніи при помощи угрозъ брали все нужное количество запасовъ и подводъ, не заботясь объ интересахъ жителей и войскъ. Что же изъ того выходило? Вынужденные часто отдать всѣ свои запасы и подводы, жители оставались сами безъ всякихъ средствъ къ продовольствію и содержанію скота и не имѣли

*

чѣмъ воздѣлать и обсѣменить поля. Въ свою очередь, войска нерѣдко не получали должнаго имъ числа подводъ. Такимъ образомъ безпорядочное хозяйничанье товарищества опустошало въ конецъ многія мѣстности и вредило войскамъ, тогда какъ, при содѣйствіи гражданскаго начальства, вполнѣ возможно было бы производить поставку жителями продуктовъ, въ строгой системѣ, при которой пріобрѣтался бы для войскъ только избытокъ въ каждомъ селеніи и равномѣрно по всему пространству края, занятаго нашими войсками.

Податливость нѣкоторыхъ интендантскихъ чиновниковъ еще болѣе облегчала невыгодныя для продовольствія войскъ манипуляціи контрагентовъ. Дѣйствуя извѣстнымъ образомъ на смотрителей провіантскихъ магазиновъ, товарищество успѣвало сдавать имъ явно недоброкачественные продукты, а смотрителя, въ свою очередь, спускали ихъ войскамъ, нуждавшимся въ продовольствіи и по неволѣ принимавшимъ изъ магазиновъ испорченные продукты [1]).

Какъ ни важны эти послѣдствія безобразій товарищества, но были еще и другія и быть можетъ даже болѣе серьезныя, порожденныя вреднымъ вліяніемъ подобнаго хозяйничанья агентовъ на войска, въ лицѣ нѣкоторыхъ начальниковъ частей и тѣхъ второстепенныхъ чиновъ хозяйственнаго управленія войскъ, которые, завѣдуя пріем-

---

[1]) Отдѣльный полевой военный судъ при Сѣверномъ отрядѣ, въ Рущукѣ 2-го декабря 1878 г. приговорилъ двухъ смотрителей Систовскихъ продовольственныхъ магазиновъ къ исключенію изъ службы и ссылкѣ въ Томскую губернію на житье, найдя ихъ виновными: «а) губернскаго секретаря Щ. 1) въ томъ, что съ 14 по 19 апрѣля 1878 г. онъ безъ всякой корыстной цѣли, но по одной лишь неосмотрительности, принялъ отъ товарищества Грегера, Горвица и К° негодное къ употребленію сѣно въ количествѣ 24.407 пудовъ и 2) въ томъ, что, несмотря на актъ коммиссіи, признавшей, что принятое имъ отъ товарищества въ вышеупомянутомъ количествѣ сѣно негодно къ употребленію, онъ продолжалъ таковое отпускать войскамъ, отпустивъ его въ количествѣ 19.609 пуд., зная, что сѣно негодно, но желая скрыть, что онъ принялъ таковое, и б) губернскаго секретаря Б. 1) въ томъ, что съ 30-го апрѣля по 17 мая 1878 г., онъ безъ всякой корыстной цѣли, но по одной лишь неосмотрительности, принялъ отъ товарищества Грегера, Горвица и К° несоотвѣтствующаго качества и образцамъ и негодные къ употребленію 12.400 пудовъ сухарей, 545 четвертей ячневыхъ и 585 четвертей пшеничныхъ крупъ и 2) въ томъ, что, несмотря на актъ коммиссіи, признавшей негодность принятыхъ имъ продуктовъ, онъ, желая скрыть, что продукты приняты имъ негодные, началъ умышленно отпускать ихъ войскамъ и въ другіе склады». Приговоръ этотъ утвержденъ главнокомандующимъ, генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ 19-го января 1879 г.

кою продовольственныхъ припасовъ, по необходимости входили въ непосредственныя сношенія съ агентами товарищества.

Заключеннымъ съ военнымъ вѣдомствомъ контрактомъ, товарищество, между прочимъ, обязывалось (пунктъ 9-й) «всѣ заподряженные продукты отдавать въ натурѣ, и потому не *разсчитываться отнюдь ни съ кѣмъ, ни за какую часть продуктовъ деньгами* (курсивъ контракта), какъ при сдачѣ въ войска, такъ и при сдачѣ въ магазины». За противныя сему условію дѣйствія, товарищество подвергалось взысканію по всей строгости законовъ. Во всемъ контрактѣ подчеркнуты были только тѣ выраженія, которыя выше приведены курсивомъ. Какъ видно, военныя власти, въ справедливой заботливости о хорошемъ довольствіи людей и лошадей, особенно хотѣли предупредить замѣну продуктовъ деньгами и указали на это весьма опредѣленнымъ образомъ. Но какъ всякое запрещеніе само въ себѣ заключаетъ искушеніе къ его нарушенію, то и это запрещеніе не избѣжало общей участи—его обходили и къ нарушенію его стремились ради взаимной выгоды обѣ стороны — и агенты, сдававшіе продукты, и лица, принимавшія продовольствіе. Эти взаимныя выгоды повели къ тому, что разсчеты товарищества за продукты деньгами, разъ начавшись, дѣлались все чаще и чаще. Войска усвоили себѣ способъ дѣйствія товарищества по пріобрѣтенію продуктовъ, и расхищеніе средствъ края сдѣлалось еще большимъ, въ явный ущербъ какъ продовольствію, такъ и перевозочнымъ средствамъ [1]. Получая ячмень, сѣно, кукурузу натурою изъ мѣстныхъ средствъ, «нѣкоторые начальники частей,—какъ говоритъ генералъ Куропаткинъ,—пользовались освященнымъ обычаемъ правомъ выводить деньги въ расходъ по отчетнымъ листамъ полностью, хотя бы лошади довольствовались только половинною дачею или довольствіе пріобрѣталось фуражировкою безъ уплаты за набранные продукты денегъ».

Тотъ же авторъ свидѣтельствуетъ, что «достававшіеся намъ

---

[1]) Въ приказаніи войскамъ отъ 22-го декабря 1877 г. № 209 сказано: «нынѣ поступаютъ жалобы на то, что взимаемыя войсками подводы часто угоняются на значительное разстояніе и затѣмъ не отпускаются обратно, такъ что иногда задерживаютъ болѣе двухъ недѣль безъ уплаты подводчикамъ за оныя денегъ».

весьма значительные запасы турецкаго сѣна за р. Видомъ крайне безпорядочно расходовались частями, производившими фуражировки, причемъ добытое сѣно не записывалось въ отчетные листы, и большой процентъ его разбрасывался по землѣ, втаптывался въ грязь или загнивалъ на дождѣ. Тяжело было смотрѣть, какъ огромные стога сѣна иногда раскрывались и обдергивались самымъ неэкономнымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы достать сѣна прямо изъ средины стога». Подобныя заявленія столь авторитетнаго военнаго писателя, бывшаго на мѣстѣ и видѣвшаго все собственными глазами, настолько цѣнны и существенны, что я не считаю нужнымъ подкрѣплять ихъ подробнымъ приведеніемъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи донесеній гражданскихъ властей, въ лицѣ губернаторовъ тырновскаго, систовскаго и рущукскаго (въ томъ числѣ два генерала генеральнаго штаба), искренность коихъ едва-ли можетъ быть заподозрѣна.

О всѣхъ этихъ непорядкахъ завѣдывавшій гражданскими дѣлами получалъ донесенія и передавалъ ихъ начальнику полеваго штаба, который, однако, не былъ подвинутъ этимъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ. Совершенно справедливо тотъ же генералъ Куропаткинъ говоритъ: «Можно думать, что безпорядочное пользованіе средствами края во многомъ зависѣло и отъ того, что высшее строевое начальство въ войскахъ не имѣло точно опредѣленной роли въ этомъ важномъ дѣлѣ». Объ опредѣленіи этой роли для войскъ, товарищества и гражданскаго управленія тщетно домогался князь Черкаскій; опредѣленіе же ея всецѣло зависѣло отъ начальника полеваго штаба. На наше счастье край оказался очень богатымъ и кормилъ нашу армію, даже при самомъ нераціональномъ способѣ пользованія его средствами.

Неожиданный вызовъ князя Черкаскаго въ главную квартиру и настоятельное приказаніе немедленно ввести гражданское управленіе въ занятомъ краѣ—не застало его врасплохъ. Всѣ соображенія о первоначальномъ гражданскомъ управленіи были уже сдѣланы прежде и проекты необходимыхъ законоположеній выработаны; оставалось только пересмотрѣть ихъ, переписать и предста-

вить на утвержденіе главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого, князь Черкаскій ѣхалъ въ Тырновъ не съ пустыми руками.

Окончивъ докладъ главнокомандующему по своей части, князь Черкаскій присовокупилъ, что счелъ бы себя преступнымъ, если бы не обратилъ вниманія военныхъ властей на необходимость упорядоченія довольствія войскъ. Онъ полагалъ неизбѣжнымъ немедленно—когда не было еще пропущено благопріятное для того время—приняться за обузданіе произвола нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ точно такъ, какъ, вслѣдствіе разслѣдованія безпорядковъ въ Систовѣ, сами войска дѣятельно принялись за обуздываніе отдѣльныхъ мародеровъ и безобразниковъ изъ нижнихъ чиновъ. Предложилъ онъ, наконецъ, и свои соображенія о порядкѣ обращенія мѣстныхъ средствъ на удовлетвореніе потребностей войскъ. Мѣры по этому дѣлу онъ считалъ тоже неотложными. Кромѣ сохраненія средствъ болгаръ и вообще жителей, оставшихся на мѣстѣ, нужно было распорядиться брошенными на произволъ судьбы полями, лугами и скотомъ бѣжавшихъ турокъ. Военныя операціи того времени состояли въ томъ, что войска наши, въ предвидѣніи быстраго похода за Балканы, расходились отъ Дуная къ Янтрѣ, Виду и Балканамъ, располагаясь отдѣльными отрядами. Возложить на войска уборку турецкихъ полей и сборъ скота, очевидно, было нельзя, но, разумѣется, совершенно возможно было указать отдѣльнымъ отрядамъ (и особенно восточному и западному заслонамъ), какимъ именно образомъ и въ какихъ районахъ они должны были пріобрѣтать для себя зерно, сѣно и скотъ. Въ болѣе же далекихъ отъ расположенія войскъ мѣстахъ, все это, а равно и уборку полей вообще, возложить на гражданскія власти [1]).

Этотъ докладъ завѣдывавшаго гражданскими дѣлами принятъ былъ болѣе чѣмъ холодно. Если и прежде отношенія къ нему во-

---

[1]) Въ запискѣ генераловъ Золотарева и Нагловскаго, между прочимъ, говорится: «Аренсъ хотѣлъ убрать поля, брошенныя турками, болгарами, по тамошнимъ законамъ, и составить запасъ для арміи. Ванновскій хотѣлъ установить правильныя фуражировки. Криденеръ, а позднѣе товарищество, стали косить сѣно въ Болгаріи. Все стоило бы грошъ, а кто помѣшалъ? Черкаскій, увѣряя, что самъ соберетъ все нужное для арміи, а далъ нѣсколько скирдъ сѣна тамъ, гдѣ оно не было нужно, да немного зерна безъ мѣшковъ и безъ помѣщеній, а неубранныя поля, съ отличнымъ урожаемъ, такъ и пропали».

енныхъ властей были почти враждебны, то послѣ этого доклада сдѣлались крайне натянутыми. Ему сдѣланы были нѣкоторыя обѣщанія, но на дѣлѣ ничего не предпринималось. Все ограничилось только утвержденіемъ, 1-го іюля, доклада объ образованіи санджаковъ Систовскаго, Тырновскаго и Тульчинскаго и отданіемъ приказанія о скорѣйшемъ образованіи властей Рущукскаго санджака, куда, по докладу 9-го іюля, и были назначены: губернаторомъ ген. штаба полковникъ Золотаревъ, а вице-губернаторомъ—бывшій нештатный вице-консулъ въ Варнѣ, болгарскій уроженецъ Даскаловъ [1]).

Когда всѣ эти распоряженія были уже сдѣланы, гражданское управленіе, 8-го іюля 1877 г., получило извѣщеніе полеваго штаба, что вслѣдствіе прочнаго занятія значительной части Тульчинскаго санджака и пространства между Дунаемъ, Балканами, Видомъ (на западѣ) и Янтрою (на востокѣ)—во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ можно приступить къ устройству гражданскаго управленія. Разрѣшеніе это получено какъ разъ въ день первой Плевны и было единственнымъ подобнымъ заявленіемъ на письмѣ. Послѣ этого случая, оффиціальныхъ сообщеній штаба о занятіи той или другой части края не дѣлалось, и открытіе новыхъ санджаковъ производилось по непосредственнымъ докладамъ гражданскаго управленія, когда представлялся къ тому удобный случай.

Видя, что со стороны полеваго штаба существенный вопросъ о подкрѣпленіи гражданскихъ властей вооруженными силами замалчивается, князь Черкаскій рѣшился изложить свои мысли объ этомъ въ особой запискѣ, которая, вновь обративъ вниманіе главнокомандующаго на столь важный предметъ, осталась бы въ дѣлахъ фактическимъ доказательствомъ того, что завѣдывавшій гражданскою частью принималъ съ своей стороны всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ правильной постановкѣ ввѣренной ему части.

Записка эта подана 4-го іюля. Вслѣдствіе этой записки были приняты нѣкоторыя мѣры для упорядоченія способа продоволь-

---

[1]) Доклады 1-го и 9-го іюля напечатаны въ „Сб. оф. р.“, вып. VII, страница 3 и 5.

ствія войскъ, а также были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія для усиленія войсковыми частями изъ болгарскаго ополченія гражданскихъ властей. Этимъ, однако, не были удовлетворены всѣ требованія князя Черкаскаго, и должно допустить, что, отказывая гражданскому вѣдомству въ его предложеніяхъ, интендантъ и полевой штабъ дѣйствовали не съ цѣлью противорѣчить князю Черкаскому, а находясь подъ вліяніемъ крайняго оптимизма; первый надѣялся на правильность дѣйствій товарищества, а второй полагалъ, что черезъ нѣсколько недѣль наша армія будетъ подъ стѣнами Адріанополя!

Въ предыдущей главѣ разсказано, какое удручающее впечатлѣніе произвели на военнаго министра свѣдѣнія о безпорядкахъ, возникшихъ въ Систовѣ и его окрестностяхъ, и рѣшительномъ неимѣніи средствъ къ ихъ прекращенію. Онъ тогда же сказалъ мнѣ, что обо всемъ доведетъ до свѣдѣнія главнокомандующаго. Переходъ съ императорской квартирой отъ Систова до Бѣлы и нѣсколько-дневное пребываніе на берегахъ Янтры не только убѣдило его въ справедливости того, что ему было передано въ Систовѣ, но и разъяснило, что всѣ нестроенія въ краѣ если и развились съ особою силою на благопріятной почвѣ, то во многомъ зависѣли отъ подобныхъ же нестроеній въ правящихъ сферахъ военнаго занятія Болгаріи.

Подъ живымъ и болѣзненнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, генералъ Милютинъ обратился къ генералу Непокойчицкому съ письмомъ, въ которомъ изобразилъ всю безурядицу въ тылу арміи и говорилъ о необходимости принять рѣшительныя мѣры къ прекращенію прискорбныхъ неустройствъ, столь несогласныхъ съ интересами арміи и противорѣчившихъ торжественнымъ заявленіямъ государя о неприкосновенности мѣстнаго населенія, оставшагося на своихъ мѣстахъ. Письма этого не сохранилось въ дѣлахъ полеваго штаба, но послѣдовавшая затѣмъ переписка между военнымъ министромъ, начальникомъ полеваго штаба и княземъ Черкаскимъ вполнѣ разъясняетъ дѣло.

Получивъ письмо военнаго министра, начальникъ штаба ограничился коротенькимъ отвѣтомъ отъ 12-го іюля [1]):

---

[1]) Воен. Уч. Арх., дѣло № 123 (VII), стр. 316—317.

„Ваше выс—во относитесь строго къ нашимъ дѣйствіямъ. Благоволите взвѣсить, что 8-го іюня главнокомандующій выѣхалъ изъ Плоэшти, не имѣя еще положительно опредѣленнаго пункта для переправы, а въ одинъ мѣсяцъ она совершена благополучно, рѣчныя средства непріятеля почти совершенно уничтожены, Никополь взятъ съ 7 тыс. плѣнныхъ, Тырново, столица Болгаріи, занята и два прохода въ Балканахъ въ нашихъ рукахъ. Быстрое движеніе къ Балканамъ было необходимо для завладѣнія проходами, иначе нужно было впослѣдствіи дорого за нихъ заплатить. Быть можетъ, при такомъ быстромъ движеніи управленіе тыла не было сразу устроено, но однакожъ, въ настоящее время, этапы поставлены, телеграфная линія проведена, почты ходятъ. Что же касается до гражданскаго управленія краемъ, то задача эта весьма сложна и требуетъ времени; тутъ столько накипѣло ненависти съ одной и другой стороны, что страсть должна улечься прежде, чѣмъ водворить прочное устройство. Князь Черкаскій дѣлаетъ все, что можетъ. Турки очень хорошо сдѣлали, что убрались; оставаясь, они усложнили бы дѣло. Если въ Бѣлѣ приводятъ арестованныхъ турокъ, то вѣроятно за проступки; нѣсколько десятковъ подобныхъ людей, по предложенію князя Черкаскаго и утвержденію главнокомандующаго, рѣшено выслать въ Россію, какъ мѣру болѣе удобную, чѣмъ оставленіе ихъ въ настоящее время между болгарами. Нѣсколько турокъ осталось въ краѣ, и никто не обижаетъ ихъ. Въ Ямболи турецкій каймакамъ вооружилъ болгаръ для защиты противъ черкесовъ; стало быть явленія въ этомъ отношеніи различны. Дѣлаемъ все, что можемъ, и если есть прорухи, то онѣ неизбѣжны при условіяхъ войны“.

Вслѣдъ за этимъ генералъ Непокойчицкій, письмомъ отъ 13-го іюля, увѣдомилъ князя Черкаскаго объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ его требованій. Письма Д. А. Милютина и своего отвѣта ему начальникъ полеваго штаба не показывалъ князю Черкаскому, но на словахъ заявилъ, что получилъ письмо отъ военнаго министра, въ которомъ тотъ съ большими упреками относится къ бездѣйствію гражданскаго управленія. Я ему на это отвѣчалъ категорическимъ заявленіемъ, «что, напротивъ, вы дѣлаете все, что возможно».

Принимая на себя въ письмѣ къ военному министру защиту дѣйствій князя Черкаскаго, генералъ Непокойчицкій можетъ быть и серьезно думалъ, что, говоря о неустройствѣ тыла, Д. А. Милютинъ относилъ это къ винѣ гражданскаго управленія. Вѣрнѣе однако онъ хотѣлъ этимъ маневромъ свалить свою вину на неповиннаго, не предполагая, что, при существовавшихъ между Д. А. Милютинымъ и княземъ Черкаскимъ личныхъ добрыхъ отношеніяхъ, сущности дѣла легко было выясниться. Несомнѣнно, что, защищая дѣйствія князя Черкаскаго, генералъ Непокойчицкій думалъ совершенно устранить вопросъ о невозможной постановкѣ гражданскаго управленія и исключительно по его собственной винѣ.

Князь Черкаскій принялъ близко къ сердцу разсказъ генерала Непокойчицкаго и тотчасъ же написалъ къ военному министру отъ 13-го іюля, прочувствованное письмо, въ которомъ разъяснилъ настоящее положеніе дѣлъ.

„Пользуюсь отъѣздомъ полковника Золотарева [1],—писалъ онъ, дабы независимо письма моего по дѣламъ Краснаго Креста отвѣчать на упрекъ въ отсутствіи въ тылу арміи гражданскаго управленія, вами мнѣ косвенно сдѣланный въ письмѣ вашемъ къ Артуру Адамовичу и имъ мнѣ сообщенный. Нуженъ былъ такой поводъ, чтобы заставить меня снять храненіе съ устъ моихъ, которое я преднамѣренно наложилъ на себя, въ видѣ тяжелой эпитиміи за какіе-нибудь прошлые грѣхи. И теперь, въ оправданіе свое, приносимое мною противъ собственной воли, я ограничусь исключительно лишь самыми краткими словами, ни на кого не сѣтуя и лишь съ тѣмъ, чтобъ съ себя лично снять долю нравственной отвѣтственности, которую я считаю себя въ правѣ не нести.

„Я желалъ бы спросить ваше выс—во, полагаете ли вы возможнымъ, чтобы даже въ самой спокойной и родной землѣ существовало дѣйствительное гражданское управленіе, а не мнимое, безъ надлежащей полиціи и какихъ-нибудь военно-полицейскихъ средствъ (?) И допустима ли въ особенности подобная мысль и подобное устройство здѣсь въ Болгаріи, при кипучемъ враждебномъ настроеніи двухъ населеній, другъ другу ненавистныхъ по вѣрѣ и происхожденію, при чьихъ (?) взаимныхъ столкновеніяхъ нельзя положиться конечно на болгарскія дружины и на болгарскую полицію, нынѣ притомъ еще лишь создаваемую, и между которыми единственнымъ безпристрастнымъ регуляторомъ остается лишь русская военная сила, направляемая рукою гражданской власти?

„Возможно ли также одинокому русскому губернатору или окружному начальнику, не имѣющему никакой конной стражи для разъѣздовъ, сократить произволъ проходящихъ войскъ, предотвратить грабежъ или насиліе? Возможно ли имъ наконецъ производить правильный и весьма нужный сборъ податей, нарядъ подводъ, своевременную починку мостовъ, поимку злонамѣренныхъ людей и проч.? Я до сихъ поръ считалъ и считаю все это невозможнымъ и невольно страшусь вносимыхъ нами въ страну элементовъ разложенія. Не имѣю ничего на совѣсти: докладывалъ, писалъ, говорилъ и продолжаю это дѣлать. И все безуспѣшно. А что я могу дѣлать болѣе? Уважительность моихъ соображеній въ теоріи признается. Но до сихъ поръ въ мое распоряженіе ничего не дано на два санджака Систовскій и Тырновскій кромѣ 23 казаковъ, переданныхъ вчера мнѣ въ Тырновѣ, и только теперь начинаютъ устраиваться этапы, отъ которыхъ впрочемъ на объявленныхъ мнѣ условіяхъ пѣтъ толка никакого для полиціи. Даже болгарскія роты, назначенныя для сформированія новыхъ дружинъ, неразмѣщены еще согласно моей просьбы. Слышу лишь слабыя отдаленныя обѣщанія, когда придутъ ка-

---

[1]) Полковникъ Золотаревъ, назначенный рущукскимъ губернаторомъ, отправлялся въ отрядъ наслѣдника цесаревича и долженъ былъ проѣзжать, черезъ Бѣлу, гдѣ находилась императорская главная квартира, при которой былъ и военный министръ. Приводимая ниже переписка кн. Черкаскаго съ Д. А. Милютинымъ въ копіяхъ сохранилась при моемъ дневникѣ.

кіе-то новые резервные баталіоны, а когда это будетъ, Богъ вѣсть; а я на первый случай просилъ такъ мало, чего меньше нельзя: на каждый санджакъ по 200 казаковъ, по двѣ роты болгарскихъ дружинъ и сверхъ сего этапныя команды... Не посылаю вамъ своихъ документовъ и переписки, не считая себя на то въ правѣ. Но трудно быть обвиняемымъ и видѣть себя вынужденнымъ къ полному молчанію.

„Что касается до возвращенія турокъ на старыя пепелища, повѣрьте: счастіе наше, что они не возвращаются и, ради Бога, не поощряйте ихъ къ тому. При необезпеченности нашихъ сообщеній, одно наше спасеніе—отсутствіе турокъ на первой нашей главной артеріи между Дунаемъ и Тырновомъ. Когда они здѣсь заведутся, намъ будетъ гораздо хуже. Повѣрьте мнѣ, не поощряйте ихъ къ возврату. А безъ поощренія они сами не вернутся. По крайней мѣрѣ намъ они этимъ мало докучаютъ. И слава Богу!

„Кончаю мое письмо, дабы не впасть въ плачъ Іереміевъ. Душевно желаю вамъ того душевнаго спокойствія, котораго я лишился со дня моего пріѣзда въ Кишиневъ. Пріймите и проч... Кн. В. Ч.“

Черезъ два дня, 15-го іюля, Д. А. Милютинъ отвѣчалъ князю Черкаскому горячимъ письмомъ, бросающимъ яркій свѣтъ на порядки, водворившіеся въ арміи послѣ перехода ея за Дунай. Письмо это является документомъ такой важности, что его нельзя не привести здѣсь цѣликомъ. Авторитетность его автора исключаетъ всякое сомнѣніе въ пристрастіи и является лучшимъ истолкователемъ затруднительнаго положенія, въ которое было поставлено военными властями гражданское управленіе.

„Бѣла, 15 іюля 1877 г. Достойнѣйшій и многоуважаемый князь Владиміръ Александровичъ. Спѣшу отвѣчать на привезенное мнѣ сегодня полковникомъ Золотаревымъ письмо ваше отъ 13-го іюля. Глубоко сожалѣю, что переписка моя съ генералъ-адъютантомъ Непокойчицкимъ касательно неустройства тыла арміи могла подать вамъ поводъ къ предположенію, что въ этихъ моихъ указаніяхъ заключается упрекъ вашей дѣятельности. Я очень понимаю, что организація гражданскаго управленія во всякомъ краѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ, гдѣ еще ведется война, не можетъ быть введена на другой день по приходѣ арміи на мѣсто. Да еслибы даже имѣлъ бы что-либо сказать относительно устройства гражданскаго управленія, то конечно сообщилъ бы прямо вамъ, а не черезъ начальника штаба арміи. Замѣчанія мои относились преимущественно къ мѣрамъ, принимаемымъ въ тылу арміи непосредственно за проходомъ войскъ. Я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія начальства арміи, что въ этомъ отношеніи до сихъ поръ ничего не сдѣлано и не дѣлается въ здѣшней мѣстности. Линія сообщенія еще кое-какъ устроена между Систовомъ и Тырновомъ; сообщеніе же съ Рущукскимъ отрядомъ (состоящимъ изъ двухъ корпусовъ)—оставлено вовсе безъ вниманія. Въ такомъ пунктѣ, какъ Бѣла, не устроено этапа; оставленный здѣсь штабъ-офицеръ не имѣетъ ни команды, ни денегъ, ни инструкціи, а потому никто здѣсь не знаетъ, какъ поступать съ приводимыми плѣнными и турецкими семьями. Я слышалъ, что въ главной квартирѣ наслѣдника цесаревича проживаютъ какіе-то два чиновника, которыхъ генералъ Игнатьевъ называетъ „своими“ т. е. вѣроятно

изъ числа прежнихъ консуловъ. Между тѣмъ здѣсь никто не показывается. Еслибы коменданту здѣшнему не было дано роты изъ бригады, охраняющей императорскую главную квартиру и не была выдана небольшая сумма денегъ изъ военно-походной канцеляріи его величества—то не знаю, что бы дѣлалъ этотъ несчастный маіоръ съ присланными къ нему турками и болгарами. До сихъ поръ окрестные жители не видали даже прокламаціи. Вотъ о чемъ я писалъ генералу Непокойчицкому, а вовсе не о гражданской организаціи. Что же касается до вопроса о томъ, какъ поступать съ турками, приводимыми къ мѣстнымъ военнымъ начальникамъ—то и здѣсь очевидное недоразумѣніе. И ваше сіятельство и генералъ Непокойчицкій пишете все о нѣсколькихъ десяткахъ пойманныхъ бродягъ, которыхъ рѣшено отправить въ Россію вмѣстѣ съ военно-плѣнными; я же писалъ о населеніи турецкомъ, о цѣлыхъ семействахъ, приводимыхъ съ дѣтьми, скотомъ, имуществомъ. Теперь пока насчитываютъ такихъ семействъ сотнями, но по мѣрѣ того какъ мы будемъ подвигаться, особенно къ западу, намъ придется содержать подъ арестомъ и кормить тысячи, сотни тысячъ семействъ. Скажите сами, мыслимо ли все турецкое населеніе въ Болгаріи отправить въ Россію? И какъ же вы согласуете это съ прокламаціею, провозглашающею, что мусульманское населеніе должно оставаться спокойно на своихъ мѣстахъ? Наконецъ, я даже и не желалъ бы принимать на себя обсужденіе этого вопроса: я не вмѣшиваюсь въ рѣшеніе его и полагаю, что подобные общіе вопросы давно уже обсуждены и рѣшены въ планѣ дѣйствій главнокомандующаго. Мое дѣло заключалось только въ томъ, чтобы напомнить, указать—что въ здѣшней мѣстности никто не знаетъ, какъ означенный вопросъ разрѣшенъ; нѣтъ никакого органа высшей власти, снабженнаго инструкціями по этому предмету. Когда главная квартира императорская уйдетъ изъ Бѣлы, то арестованные здѣсь сотни турокъ и даже болгаръ должны умереть съ голоду или разбѣгутся за неимѣніемъ у коменданта военной команды. Вотъ на что я указывалъ и на что до сихъ поръ не имѣю прямаго отвѣта. Спрашиваю васъ самихъ, достойнѣйшій князь Владиміръ Александровичъ—развѣ тутъ возбужденъ преждевременно вопросъ о гражданской организаціи? развѣ не было моею прямою обязанностью указать на необходимость какихъ-нибудь неотлагательныхъ мѣръ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ? Вмѣсто принятія такихъ мѣръ заводится переписка; указанія мои принимаются за упреки, выражается мнѣніе о необходимости высылки въ Россію вредныхъ и преступныхъ личностей... и т. д. А между тѣмъ все-таки этапная часть не устраивается, сотни семействъ содержатся на открытомъ воздухѣ съ дѣтьми, скотомъ, имуществомъ, угрожаемые голодною смертью. Теперь вы прислали сюда полковника Золотарева; но я не знаю, въ состояніи ли онъ сдѣлать что-нибудь одинъ съ своими гражданскими органами, когда со стороны военнаго начальства не дѣлается никакого распоряженія; когда въ такихъ пунктахъ, какъ Бѣла, гдѣ открытъ даже госпиталь, нѣтъ ни этапа, ни настоящаго коменданта, ни команды военной, ни почты.

„Я счелъ нужнымъ войти во всѣ эти подробности, въ надеждѣ, что наконецъ черезъ васъ, князь Владиміръ Александровичъ, удастся мнѣ разъяснить странное недоразумѣніе, возникшее въ перепискѣ моей съ Артуромъ Адамовичемъ. Пишу вамъ пространно для того, чтобы вы могли на словахъ объясниться съ генераломъ Непокойчицкимъ. Конечно, еслибы обѣ главныя квартиры—императорская и главнокомандующаго — находились въ одномъ мѣстѣ, не могло бы и случиться подобнаго недоразумѣнія; не было бы и не-

реписки и все дѣло объяснилось въ нѣсколько минутъ. Къ сожалѣнію, отдѣльное расположеніе двухъ главныхъ квартиръ продолжается и до сихъ поръ. Оно и впредь можетъ повести къ ряду новыхъ недоразумѣній, не говоря уже о томъ, что цѣлая бригада прикована къ мѣсту пребыванія императорской главной квартиры и такимъ образомъ должна быть изъята изъ общаго разсчета боевыхъ силъ арміи.

„Итакъ надѣюсь, что вы, достойнѣйшій князь Владиміръ Александровичъ, не сохраните ни малѣйшаго сѣтованія на меня. Будьте увѣрены въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданнаго вамъ искренно Д. Милютина.

„Р. С. Поздравляю съ днемъ вашего ангела, желаю вамъ здоровья и силъ".

Письмо это во многомъ успокоило князя Черкаскаго и дало ему возможность обстоятельно объясниться съ генераломъ Непокойчицкимъ и сдѣлать докладъ главнокомандующему. Объясненія эти впрочемъ дали результатъ отрицательный и окончательно возстановили военныя власти противъ князя Вл. Ал. Положеніе его съ часа на часъ становилось хуже и невыносимѣе, чему немало способствовали вѣсти изъ императорской квартиры.

Вслѣдъ за письмомъ 15-го іюля, военный министръ прислалъ князю Черкаскому новое письмо отъ 18-го іюля. Излагая въ немъ бѣдственное положеніе турокъ, гонимыхъ и притѣсняемыхъ болгарами, заявлялъ, что, по мнѣнію государя, слѣдовало бы обратиться къ мѣстному населенію съ новою прокламаціей, призвавъ его къ умѣренности и строгому исполненію тѣхъ указаній, которыя уже даны въ воззваніи государя, обнародованномъ при переходѣ черезъ Дунай. Для огражденія порядка онъ предлагалъ устроить сильную мѣстную полицію изъ болгаръ, подъ защиту которой и поставить турокъ какъ оставшихся въ краѣ, такъ и возвращавшихся на свои мѣста послѣ побѣга. Относительно прокламаціи Д. А. Милютинъ послѣдствіи объяснилъ [1]) «что мѣра эта была предложена, если не ошибаюсь, генераломъ Игнатьевымъ въ виду происходившихъ ежедневно пожаровъ и грабежей въ турецкихъ деревняхъ. Разореніе этихъ деревень затруднитъ впослѣдствіи насъ же самихъ, если придется водворять турецкое населеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ подастся поводъ къ новому на насъ же нареканію. Конечно, при этомъ предположеніи имѣлось въ виду, чтобы и военное начальство приняло мѣры строгости и по войскамъ».

[1]) Письма этого цѣликомъ у меня подъ рукою не было; передаю извлеченія изъ него, сохранившіяся въ моемъ дневникѣ.

Отвѣчать на это письмо, доложенное главнокомандующему, предоставили князю Черкаскому. Имѣя теперь возможность оффиціально высказать свое мнѣніе по жгучему вопросу «о мѣстныхъ неустройствахъ», князь Черкаскій отправилъ къ военному министру письмо отъ 20-го іюля съ ѣхавшимъ въ Бѣлу полковникомъ Кишельскимъ, командированнымъ въ распоряженіе властей Рущукскаго отряда.

Князь Черкаскій рѣшительно возставалъ противу новой прокламаціи, съ чѣмъ согласенъ былъ и главнокомандующій. «Что можетъ тутъ сдѣлать одно лишнее печатное слово!» Возникавшія въ населеніи междуусобія онъ объяснялъ тремя причинами. «Во-первыхъ—взаимнымъ раздраженіемъ и ненавистью двухъ народностей, болгарскою и турецкою. Явленіе это предвидѣлось; говорили о немъ даже на Константинопольскихъ конференціяхъ, заявляя, что въ будущемъ предстоитъ une guerre de races et d'extermination. Для укрощенія этого, для водворенія порядка нужны не слова, а сила, крѣпкая власть въ тылу арміи и на ея сообщеніяхъ. Отсутствіе этой силы и составляетъ вторую причину анархіи. Положиться на одну мѣстную полицію изъ болгаръ невозможно. Она сама будетъ насиловать мусульманъ и на полицейскихъ не будетъ даже доносчиковъ и свидѣтелей. Для достиженія благихъ результатовъ, нужна безпристрастная русская военная сила въ рукахъ русской гражданской власти». Между тѣмъ требованіе его о предоставленіи ему военной силы не только не было удовлетворено, но поданною по сему случаю запискою онъ навлекъ на себя явное неудовольствіе великаго князя и вражду штаба. Наконецъ, какъ на третью причину, князь Черкаскій указывалъ на распущенность не столько солдатъ, сколько начальниковъ частей. Ихъ-то, по его мнѣнію, и слѣдовало подтянуть крѣпко. А между тѣмъ это было трудно, потому что интендантство съ переходомъ за Дунай перестало существовать, и части войскъ вынуждены силою вещей довольствоваться, чѣмъ и какъ попало. Указанная гражданскимъ начальствомъ мѣра производить реквизиціи не съ болгарскихъ, а съ турецкихъ брошенныхъ полей—не удалась. Въ этомъ же письмѣ князь Черкаскій указывалъ на новыя черныя тучи, надвигающіяся на нашъ горизонтъ —на рѣзню въ Ловчѣ, Габровѣ и за Балканами. «Не слѣдовало раскидываться—кончаетъ онъ

письмо, компрометтировать населеніе и подрывать наше въ немъ обаяніе. Болгары насъ долго станутъ упрекать Ловчею, Габровымъ, Эски и Эни Заграми»...

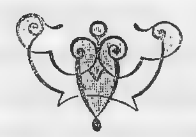
Отвѣтъ на это письмо незамедлилъ. Отъ 23-го іюля, изъ Бѣлы, военный министръ писалъ:

„Привезенное мнѣ Кишельскимъ письмо ваше, отъ 20-го числа, изображаетъ въ печальномъ видѣ наше положеніе среди болгарскаго населенія, которое мы пришли спасать. Не сердитесь на меня, глубокоуважаемый князь, когда узнаете, что многія мѣста этого письма я счелъ нелишнимъ прочесть государю. Я бы желалъ, чтобы многое изъ этого письма было извѣстно и великому князю главнокомандующему; но боюсь передавать его высочеству то, что узнаю отъ васъ, чтобы тѣмъ не разстраивать еще болѣе существующихъ уже натянутыхъ съ вами отношеній. Постараюсь, по возможности, облегчать встрѣчаемыя вами затрудненія по мѣрѣ того, какъ будутъ представляться къ тому случаи, не вмѣшивая вашего имени. Такъ на первый разъ, я предлагаю его высочеству сформировать два новые резервные батальона собственно для предоставленія губернаторамъ учреждаемыхъ нами санджаковъ средствъ къ поддержанію ихъ власти силою военной полиціи. Ожидаю отвѣта“.

Вышеприведенныя письма, разъясняющія подробности и причины мѣстныхъ неустройствъ и безпорядковъ, относятся ко времени, предшествовавшему нашей первой неудачѣ подъ Плевной. Событія первой и второй Плевны значительно ухудшили дѣло и усложнили наше положеніе.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій.

I.

Терпимость и покровительство правительства всѣмъ сектамъ.—Скопецъ Кондратій Селивановъ и его послѣдователи.—Свиданіе императора Александра I съ Селивановымъ.—Прибытіе въ Петербургъ Е. Ф. Татариновой.—Ея прошлое и знакомство со скопцами.—Религіозное настроеніе Татариновой.—Удаленіе отъ общества.—Образованіе союза «Братьевъ во Христѣ».—Молитвенныя ихъ собранія и обряды.

Въ 1817 году, въ Петербургѣ, на углу Бассейной и Знаменской улицъ, въ домѣ купца М. Н. Солодовникова, поселился битый кнутомъ и бѣжавшій изъ Сибири, глава скопческой ереси Кондратій Селивановъ, извѣстный подъ именемъ истиннаго Христа, Искупителя, втораго сына Божія, государя батюшки Петра Ѳедоровича.

Скопцы вѣруютъ и утверждаютъ, что Іисусъ Христосъ, по неизреченному милосердію своему къ человѣчеству и не желая губить его до конца, снисшелъ второй разъ на землю и нынѣ «распинается». Но кто же этотъ Христосъ? Скопцы отвѣчаютъ:—Петръ Ѳедоровичъ III, бывшій Всероссійскій императоръ, родившійся отъ непорочной дѣвы Елисаветы Петровны, которая посему сдѣлалась второю Божіею Матерью.

По ихъ словамъ, Елисавета Петровна жила въ Орловской губерніи, въ домѣ одного скопца, подъ именемъ Акулины Ивановны, никогда не царствовала, а царствовала поставленная ею намѣстница. Каждый скопецъ молится матушкѣ царицѣ небесной Акулинѣ Ивановнѣ и вѣруетъ, что Петръ III, тотчасъ послѣ рожденія, былъ отправленъ въ Голштинію и тамъ оскопился. Когда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствованія, онъ узналъ о намѣреніи Екатерины свергнуть его съ престола, Петръ III скрылся и, путешествуя по западнымъ государствамъ, проповѣдывалъ истинное ученіе, творилъ безчисленныя чудеса и возвѣщалъ «огненное крещеніе», т. е. скопленіе, безъ котораго никто не можетъ войти въ царствіе небесное.

Съ такою проповѣдью явился онъ въ Россію подъ именемъ Кондратія Селиванова, былъ схваченъ, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу въ Сибирь. Эту ссылку скопцы называютъ страданіемъ, распятіемъ и искупленіемъ всего избраннаго скопческаго рода.

Такова легенда скопцовъ о Кондратіи Селивановѣ. Въ ней только то правда, что Селивановъ, за распространеніе скопчества, 15 сентября 1775 года, былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ каторжную работу въ Иркутскую губернію. Спустя нѣкоторое время онъ бѣжалъ изъ Сибири, былъ пойманъ въ Москвѣ, въ январѣ 1797 года, и по повелѣнію императора Павла I, какъ принявшій имя его отца, отправленъ въ Петербургъ.

— Отецъ ли ты мнѣ?—спросилъ государь.

— Когда примешь мое дѣло,—отвѣчалъ смѣло Селивановъ,—тогда признаю тебя за сына.

Видя въ этихъ словахъ человѣка не въ здравомъ умѣ, Павелъ приказалъ посадить Селиванова въ смирительный домъ при Обуховской больницѣ. По восшествіи на престолъ императора Александра I и послѣ посѣщенія этого дома государемъ, Селивановъ, 6 марта 1802 года, былъ помѣщенъ въ городскую богадѣльню при Смольномъ монастырѣ. Тамъ во время службы, ходилъ онъ по церкви съ кружкою и собиралъ подаянія для бѣдныхъ. Черезъ три съ половиною мѣсяца Селивановъ, по ходатайству богатыхъ скопцовъ, безъ высочайшаго разрѣшенія, былъ уволенъ на поруки скопцу, стат-

скому совѣтнику Алексѣю Михайловичу Елянскому, и поселился въ домѣ купца Сидора Ненастьева, на углу Надеждинской улицы и Баскова переулка, близъ артиллерійскихъ казармъ. Послѣ Ненастьевыхъ домъ этотъ принадлежалъ Брилину [1]).

Сидоръ Яковлевичъ Ненастьевъ и братъ его Иванъ стояли во главѣ петербургскаго скопческаго корабля [2]), къ которому принадлежалъ и Елянскій. Ненастьевы были люди благочестивые и набожные, искавшіе духовнаго свѣта и дошедшіе въ своихъ поискахъ до хлыстовщины и затѣмъ до скопчества [3]).

Принявъ къ себѣ «Искупителя», Ненастьевы устроили ему подобающее помѣщеніе: комнаты были убраны богатымъ ковромъ, на которомъ изображались лики Ангеловъ и Архангеловъ. Вдоль одной изъ стѣнъ стояла кровать съ кисейными занавѣсками и золотыми кистями, на которой постланные тюфяки были въ ростъ человѣка. На постели утопалъ въ пуховикахъ старикъ въ батистовой рубашкѣ, котораго называли Господомъ и которому молились, какъ мы молимся истинному Богу [4]). Этотъ скопческій Христосъ привлекалъ къ себѣ не только скопцовъ, но и лицъ высшаго петербургскаго общества. Къ Ненастьевымъ на вечернія собранія пріѣзжали между прочими Ѳ. И. Прянишниковъ, П. Д. Маркеловъ, Ю. Н. Бартеневъ, офицеръ Семеновскаго полка А. Г. Милорадовичъ и многіе другіе [5]). Тогда, среди исканія духовной истины, на Селиванова была мода, и люди, не принадлежавшіе къ хлыстовщинѣ и скопчеству, все-таки искали случая увидѣть праведника и, пожалуй, получить отъ него благословеніе.

Онъ слылъ за святаго человѣка, о немъ разсказывали много таинственнаго, чудеснаго, поговаривали, что онъ предсказываетъ будущее, и этого было достаточно для ханжей и изувѣровъ, чтобы спѣшить въ домъ Ненастьевыхъ [6]). У подъѣзда этого дома всегда

---

[1]) «Бѣлые голуби» П. И. Мельникова, «Русскій Вѣст.» 1869 г. № 5, стр. 252. По другимъ свѣдѣніямъ, домъ Ненастьевыхъ находился въ Измайловскомъ полку.

[2]) Кораблемъ называется собраніе, кружокъ или общество скопцовъ.

[3]) «Записки о жизни Филарета», Н. Сушкова, изд. 1868 г., стр. 75.

[4]) «Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи», 1872 г., кн. III, стр. 205.

[5]) «Записки о жизни Филарета», Н. Сушкова, стр. 76.

[6]) Матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ересей», П. И. Мельникова. «Чтенія въ Московс. общес. исторіи», 1872 г. кн. III, 68.

стояла вереница экипажей, принадлежавшихъ лицамъ образованнаго общества. Сюда же пріѣзжалъ и императоръ Александръ I, въ 1805 году, передъ отъѣздомъ въ армію, отправленную въ Австрію, для дѣйствій противъ Наполеона. Тогда говорили, что государь испрашивалъ благословенія Селиванова, но не получилъ его, такъ какъ «Искупитель» предвидѣлъ неудачный исходъ войны. Это предсказаніе изложено въ слѣдующей скопческой пѣснѣ:

Не даю благословенья
Тебѣ, явному царю:
Не ходи ты на войну;
Безъ тебя врага уйму.
Не исполнилася чаша
Бонапартовыхъ грѣховъ,
Придетъ время, недалеко,
Покорю его тебѣ.
Силу вражью сокружу
Его царство разрушу.

Про свиданіе это скопцы разсказываютъ, что «явный царь», т. е. Александръ I, пришелъ къ «небесному въ олтарь», т. е. къ Селиванову въ домъ, и совѣтовался съ нимъ, начинать войну съ Бонапартомъ или нѣтъ?

— Не пришла еще пора твоя,—говорилъ Селивановъ государю,—побьетъ тебя и твое войско, —придется бѣжать куда ни попало. Погоди, да укрѣпляйся, часъ твой придетъ, тогда и Богъ поможетъ тебѣ сломить супостата.

Скопцы говорятъ, что, подавая въ будущемъ надежду на благопріятный исходъ войнѣ съ Наполеономъ, «небесный царь» говорилъ «явному»:

Какъ познаешь дѣло Божье
И увѣруешь въ меня,
Награжу тебя, отецъ,
Соблюду я твой вѣнецъ [1]).

Черезъ три дня послѣ свиданія императора Александра съ Селивановымъ, подстрекаемый любопытствомъ видѣть «Искупителя», пріѣхалъ къ нему Ѳ. П. Лубяновскій, впослѣдствіи сенаторъ. Входя

[1]) «Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи», 1872 г. кн. III, стр. 129.

въ комнату, онъ увидѣлъ въ сторонѣ отъ лѣстницы, въ большой сосѣдней залѣ, много молящагося народа. Старикъ приподнялся съ постели и благословилъ его.

— Се! еще одна овца заблудшая,—сказалъ онъ,—возвращается въ стадо.

Взявъ Ѳ. П. Лубяновскаго за руку, Селивановъ вдругъ спросилъ:

— Что, Алексаша уѣхалъ?

Лубяновскій смотрѣлъ ему въ глаза, не понимая, о комъ его спрашиваютъ.

— Ну, государь-то,—продолжалъ Селивановъ,—уѣхалъ?

Спрошенный отвѣчалъ утвердительно.

— Что будешь дѣлать—говорилъ старикъ съ сожалѣніемъ.—А еще третьяго дня, вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, я умолялъ его не ѣздить и войны съ этимъ проклятымъ французомъ не начинать... Упаси его, Боже! А добру тутъ не быть—увидите. Надобно было потерпѣть нѣсколько годиковъ; мѣра супостата, вишь, еще не полна.

«Ни одного слова здѣсь нѣтъ моего», прибавляетъ Ѳ. П. Лубяновскій[1]).—Нельзя было не подивиться предсказанію, но еще болѣе посѣщенію и непонятной терпимости... Въ общежитіи, какъ въ воздухѣ: здѣсь вѣтеръ, тамъ мысли перемѣняются. Съ Аустерлицкаго похода замѣтно стало движеніе совсѣмъ инаго духа, по тогдашнему прозванію, религіознаго и съ такимъ успѣхомъ, что даже изъ людей съ высшимъ взглядомъ выходили въ люди религіознаго духа. Вчастую бывало слышишь, отъ кого и не ожидалъ: пора придти въ разумъ истины, искать прежде всего царствія Божія и правды Его».

И, дѣйствительно, искали ихъ въ масонскихъ ложахъ, въ мистическихъ обществахъ и даже у скопцовъ. Предсказаніе Селиванова сбылось; война оказалась неудачною, такъ какъ же было не признать его святымъ человѣкомъ и лишить покровительства высшей власти!

Въ 1811 году «Искупитель» переселился въ домъ скопца Андрея Ивановича Кострова, на углу Знаменской улицы и нынѣшняго Ковенскаго переулка. Рядомъ съ этимъ домомъ находился другой, принадлежавшій богатому скопцу Михаилу Назарьевичу Солодов-

---

[1]) Записки Лубяновскаго «Русскій Арх.» 1872 г. стр. 474—476.

никову и выходившій однимъ фасадомъ на Знаменскую, а другимъ на Бассейную улицу. Въ 1816 году Солодовниковъ сломалъ старый домъ и построилъ большой новый со всѣми приспособленіями для жизни «втораго сына Божія». Большая зала была раздѣлена перегородкою на двѣ части; надъ перегородкою поставленъ Селиванову тронъ, такъ чтобы онъ могъ видѣть въ обѣихъ половинахъ залы своихъ послѣдователей и послѣдовательницъ, поющихъ и танцующихъ во время молитвы.

Въ 1817 году Селивановъ перешелъ въ домъ Солодовникова, и онъ сталъ называться «Домомъ Божіимъ», «Горнимъ Сіономъ», «Новымъ Іерусалимомъ» и проч. Сюда ежедневно сходилось отъ 200 до 300 человѣкъ поклониться престарѣлому страдальцу. Въ числѣ посѣтителей были лица, не принадлежавшія ни къ скопчеству, ни къ хлыстовщинѣ; пріѣзжали дамы, свѣтскія лица, монахи и монахини. «Нерѣдко нѣсколько каретъ, заложенныхъ по тогдашнему обыкновенію четверкою и шестеркою лошадей, стояло въ Басковомъ переулкѣ. Это пріѣзжали поклонницы Селиванова. Петербургскія барыни, не говоря уже о купчихахъ, толпами осаждали оскопленнаго праведника, добивались его благословенія, поученій и пророчествъ» [1]).

То было время религіознаго увлеченія, или, лучше сказать, помраченія, когда общество, имѣя во главѣ императора Александра I, заключившаго священный союзъ, искало всемірной истины, желало жить по Евангелію, въ братствѣ, равенствѣ и терпимости ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Всѣ секты: масоны, мистики, послѣдователи Библейскаго общества, молокане, духоборцы, хлысты и даже скопцы, имѣли одинаковыя права съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ. Тогда, среди образованнаго и даже аристократическаго общества, было очень много лицъ, допускавшихъ видѣнія, вдохновенія и пророчества, не находившихъ ничего страннаго въ обрядахъ скопческой секты и только удивлявшихся, зачѣмъ люди скопятъ себя. Принадлежавшій къ числу такихъ лицъ тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ называлъ Селиванова не иначе, какъ

---

[1]) «Чтенія», 1872 г. Кн. III, стр. 68.

«извѣстнымъ старикомъ», попасть къ которому, съ переѣздомъ его въ домъ Солодовникова, было довольно трудно. Скопческій императоръ принималъ только тѣхъ, которые были приводимы къ нему Костровымъ, Солодовниковымъ или Ненастьевыми.

Ненастьевы принадлежали къ скопческой ереси, но отъ членовъ, поступавшихъ въ это общество, не требовали тѣлеснаго искаженія [1]), и потому въ молитвенныхъ собраніяхъ участвовали здѣсь лица разныхъ состояній, начиная отъ простолюдиновъ и до лучшихъ фамилій высшаго общества. Въ числѣ ихъ была, въ началѣ 1815 года, и Екатерина Филипповна Татаринова, познакомившаяся впослѣдствіи и съ Селивановымъ.

Екатерина Филипповна родилась 29-го августа 1783 года и была дочь полковника фонъ-Буксгевдена и его супруги, урожденной баронессы Екатерины Θедоровны Мальтицъ. Отецъ Татариновой былъ директоромъ банка въ Тюмени и рано умеръ. Оставшись вдовою, госпожа Буксгевденъ пріѣхала съ дѣтьми въ Петербургъ и первое время жила у матери, баронессы Мальтицъ, бывшей гофмейстериной при дворѣ императрицы Екатерины II. Братъ баронессы Мальтицъ былъ облеченъ особою монаршею довѣренностію и въ теченіе многихъ лѣтъ былъ посланникомъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ [2]).

Съ раннихъ лѣтъ Екатерина Филиповна была отдана на воспитаніе въ Общество благородныхъ дѣвицъ (нынѣ Смольный монастырь) и, будучи слабаго здоровья и кроткаго характера, была принята, какъ своя, въ семействѣ начальницы Адлербергъ. За отличные успѣхи въ наукахъ и совершенное знаніе русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, Екатерина Филипповна при выпускѣ изъ института была удостоена фрейлинскаго приданаго. По окончаніи курса, она возвратилась въ домъ матери, бывшей въ то время нянею дочери императора Александра, великой княжны Маріи Александровны. Съ кончиною ея, г-жа Буксгевденъ жила сначала въ Зимнемъ дворцѣ, а потомъ въ Михайловскомъ (нынѣ Инже-

---

[1]) «Записки о жизни Филарета», Н. Сушкова, стр. 76.

[2]) Всеподданнѣйшія прошенія: Татариновой 28-го марта 1843 г. и деверя ея, М. Татаринова, « » декабря 1842 г. Архивъ оберъ-прокурора Синода, д. № 54 и Арх. Синода д. № 23759.

перномъ) замкѣ. Это была женщина очень почтенная, образованная; ее знали и уважали всѣ члены императорской фамиліи, и императоръ Александръ, посѣщая г-жу Буксгевденъ, ласкалъ дочь ея Екатерину Филипповну, которую зналъ съ малолѣтства.

Одно время Татаринова гостила у своего старшаго брата Ивана Ѳедоровича Буксгевдена [1]), служившаго до чина полковника л.-гв. въ Измайловскомъ полку и потомъ командовавшаго Астраханскимъ гренадерскимъ полкомъ. У Ивана Ѳедоровича собирались весьма образованные и выдающіеся люди: флигель-адъютанты Паскевичъ и Чернышевъ, зять, статскій совѣтникъ Эттингенъ и друг. [2]). Будучи очень красивою, Екатерина Филипповна могла бы блистать въ этомъ обществѣ, но, съ раннихъ лѣтъ религіозная, она предпочитала посѣщать бѣдныхъ и больныхъ, которыхъ и надѣляла, чѣмъ могла. Въ этомъ она имѣла поддержку со стороны своего брата, Петра Филипповича Буксгевдена, человѣка очень религіознаго и бывшаго впослѣдствіи инженеръ-капитаномъ.

Выйдя замужъ за Ивана Михайловича Татаринова, служившаго въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку, которымъ командовалъ ея старшій братъ, Екатерина Филипповна жила съ мужемъ очень не долго. Наступившая Отечественная война принесла ей много горя: братъ ея, Иванъ Ѳедоровичъ, былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи, а мужъ сильно контуженъ. Вслѣдъ за тѣмъ войска двинулись за границу, и Екатерина Филипповна, слѣдуя за полкомъ, претерпѣвала огромныя лишенія, часто сопряженныя съ опасностью жизни. Она переносила ихъ съ полной покорностью изъ любви къ мужу и единственному сыну, на которомъ сосредоточивались всѣ ея заботы и попеченія. Раненый подъ Лейпцигомъ пулею, которая осталась въ груди и страдавшій отъ контузіи въ голову, полученной въ Бородинскомъ сраженіи, полковникъ Татариновъ принужденъ былъ оставить военную службу, переименовался въ статскіе совѣтники, бросилъ жену и сына, и впослѣдствіи, по ходатайству жены, былъ назна-

---

[1]) Разность отчества между братомъ и сестрой встрѣчалась прежде между лютеранами, выбиравшими себѣ по произволу одно изъ именъ своего отца.

[2]) Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой, статс. сов. Іоаннова. «Русскій Арх.», 1872 г. Т. II, стр. 2335.

ченъ директоромъ Рязанской гимназіи. Татариновъ былъ масонъ и разошелся съ женой не по различію образа мыслей, а скорѣе по различію характеровъ. Съ тѣхъ поръ Татаринова въ частныхъ письмахъ никогда не подписывала своей фамиліи «для совершеннаго и безвозвратнаго посвященія себя Богу», говорилъ Ѳ. Коссовичъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ ея послѣдователей [1]).

По окончаніи кампаніи, возвращаясь въ Россію, черезъ Варшаву, Татаринова познакомилась съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Багинскимъ, который совѣтовалъ ей въ трудныхъ обстоятельствахъ обращаться съ молитвою къ Богу [2]).

— Возлюбите, сударыня,—говорилъ Багинскій—, Спасителя паче всѣхъ и паче всего. Онъ одинъ утѣшитъ и успокоитъ сокровищное сердце ваше. Читайте на первый разъ вотъ эту книжечку—«Капли меда»; затѣмъ вручите отъ меня въ Ригѣ письмо это дѣйствительному статскому совѣтнику фонъ-Гюне: онъ откроетъ вамъ дальнѣйшій путь къ Іисусу Христу.

Бывшій адъютантъ князя Н. В. Репнина, ревностнаго масона и самъ мистикъ, Егоръ Егоровичъ Гюне, впослѣдствіи президентъ лифляндскаго оберъ-гофъ-герихта, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и поклонникомъ секты скопцовъ [3]).

---

[1]) Показаніе штабъ-лѣкаря л.-гв. Егерскаго полка, Ѳедора Коссовича.

[2]) Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой. „Русскій Архивъ", 1872 г. Т. II, стран. 2336.

[3]) О причинахъ такого поклоненія Ѳ. П. Лубяновскій говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» слѣдующее: Въ началѣ декабря 1795 года, Гюне привезъ изъ Динамюнда, по Высочайшему повелѣнію, прямо во дворецъ двухъ арестантовъ. «Были они скопцы изъ числа главныхъ учителей этого полка. По разсказу Гюне, императоръ довольно долго, но тихо говорилъ съ ними въ кабинетѣ; потомъ, обратясь къ Гюне, велѣлъ ему отдать ихъ на руки тогдашнему военному губернатору Николаю Петровичу Архарову, самому же пока остаться въ Петербургѣ, бывать у нихъ и о чемъ нужно докладывать кому слѣдовать будетъ. Гюне прожилъ три недѣли въ одной комнатѣ со мною. Въ одинъ вечеръ возвратился въ такомъ встревоженномъ духѣ, съ лицомъ, до того разстроеннымъ, что я не узналъ его; спѣшилъ собраться въ дорогу, послалъ за лошадьми; съ нетерпѣніемъ ожидалъ князя (Н. В. Репнина) съ куртага; откланялся,—получилъ-де изъ дому печальныя извѣстія—и ускакалъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Гюне пріѣзжалъ въ Петербургъ и жилъ у меня; тутъ только, вспоминая былое, сказалъ мнѣ, отчего тогда чуть было съ ума не сошелъ и такъ торопился уѣхать. Скопцы въ тотъ вечеръ жаловались ему на Архарова, но о себѣ не просили, а умоляли его, Гюне (какъ они къ государю

— Желаете ли, — сказалъ Гюне Татариновой, — я познакомлю васъ съ людьми, которые имѣютъ въ себѣ духа любви Божіей?

— Ахъ! — отвѣчала она, — какъ вы осчастливите меня этимъ.

— Они помогутъ вамъ на пути Христовомъ, и духъ его просвѣтитъ васъ во всемъ и утѣшитъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, къ кому именно Гюне направилъ Татаринову, но изъ Риги она отправилась въ имѣніе старшей своей сестры Эттингенъ, находившееся въ окрестностяхъ Юрьева (Дерпта), для свиданія съ нею и матерью. Послѣдняя просила Екатерину Филипповну ѣхать въ Петербургъ, пользоваться ея квартирою и устроить нѣкоторыя ея дѣла.

Въ 1815 Екатерина Филипповна Татаринова пріѣхала въ столицу и поселилась въ Михайловскомъ (Инженерномъ) замкѣ. Оставленная мужемъ, — говоритъ Павелъ Кукольникъ [1]), — «котораго, несмотря на недостатки, горячо любила, брошенная на произволъ судьбы, подверженная долговременной и изнурительной болѣзни, при крайне скудныхъ средствахъ къ содержанію, кои часъ отъ часу становились недостаточнѣе, она находила единственное утѣшеніе въ малолѣтнемъ своемъ сынѣ, составлявшемъ послѣднюю нить, привязывавшую ее къ жизни». Господу угодно было лишить ее этого утѣшенія, и, съ кончиною сына, Екатерина Филипповна была близка къ отчаянію... Но, въ это время на помощь ей явилась Вѣра Сидоровна Ненастьева, женщина благочестивая, набожная и, по словамъ митрополита Филарета, усиленно стремившаяся къ духовному возрожденію и спасенію [2]).

Убѣждая Татаринову искать утѣшенія въ молитвѣ, Ненастьева, чтобы занять умъ и сердце Екатерины Филипповны духовными упражненіями, ввела ее въ свое семейство и познакомила съ собиравшимся у нихъ обществомъ для молитвы. Общество это, какъ

другой дороги не имѣли), сказать Его Величеству, чтобы изволилъ глядѣть въ оба, а не остережется, то кончитъ, какъ и не помышляетъ, — и то не за горами. Съ такою увѣренностью, говорилъ Гюне, они предсказывали, что волосы у него дыбомъ стали на головѣ; не зналъ, на что рѣшиться, вспомнилъ о женѣ и дѣтяхъ, зажалъ себѣ ротъ, глаза и уши и уѣхалъ». (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго, «Русскій Архивъ», 1872 г. Т. I, стр. 151).

[1]) Анти-Фотій, «Русск. Арх.», 1874 г. Т. I, стр. 591.

[2]) «Записки о жизни Филарета», Н. Сушкова, стр. 75.

мы видѣли, состояло большею частью изъ простолюдиновъ и людей мало образованныхъ. Не находя въ нихъ отвѣта своему религіозному душевному настроенію, Татаринова покинула Ненастьевыхъ, предалась уединенію, молитвѣ и дѣламъ благотворительности. Всюду отыскивала она лицъ, нуждавшихся въ помощи, помогала кому деньгами, кому совѣтами или ходатайствомъ [1]). Собирая вокругъ себя сиротъ, она особенно любила дѣтей-младенцевъ, брала ихъ къ себѣ и воспитывала съ попечительностью самой нѣжной матери. «Часто держала она ихъ на рукахъ, лелѣяла, лобзала, какъ родныхъ своихъ, вспоминая дражайшее младенчество Іисуса».

Екатерина Филипповна не могла насытиться чтеніемъ священнаго писанія и Евангелія, которое «поглощала» въ себя и толковала всѣмъ приходившимъ къ ней.

«Сердце ея,—говоритъ Урбановичъ-Пилецкій [2]),—горѣло любовію къ Господу Спасителю, съ такою необыкновенною силою, которую она только одна можетъ изъяснить живыми словами. По искренности и благоразумной простотѣ своей, она желала открыть радость, которую нашла въ Господѣ, всякому, кто только могъ ей произнесть сладчайшее для нея имя Спасителя. Всѣ слова ея запечатлѣвались необыкновенною силою духа и сообщали любовь».

Обаяніе Татариновой было такъ сильно, что всѣ приходившіе къ ней, слуги и служанки, простолюдины и люди образованные, одинаково обращались къ Господу отъ одного «прикосновенія къ ея любвеобильному сердцу». Екатерина Филипповна собирала къ себѣ нищихъ, кормила ихъ обѣдами, прислуживала имъ. Сама вела образъ жизни совершенно простой, но приличный ея званію; въ пищѣ и одеждѣ была очень умѣренна, часто ходила въ церковь, причащалась св. таинъ и не участвовала ни въ какихъ забавахъ и удовольствіяхъ міра. Изрѣдка она посѣщала семейство Ненастьевыхъ, бывала и у Селиванова. Тамъ она познакомилась со всѣми обрядами секты скопцовъ: присутствовала при пѣніи духовныхъ пѣсенъ (с т р а д ъ), при ихъ духовныхъ пляскахъ (р а д ѣ н і я х ъ) и даже пророчествахъ.

---

[1]) О духовномъ союзѣ Татариновой, Ю. Толстаго. «Девятнадцатый вѣкъ», историчес. сборн., изд. П. Бартенева. Кн. I, стр. 221.

[2]) Въ своей запискѣ. Арх. канцел. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

Обряды эти не нравились Татариновой, какъ не нравились и многія заблужденія скопцовъ: запрещеніе вступать въ бракъ, не ѣсть мясо, не пить вина, не курить и не нюхать табаку. Потомъ она узнала, что скопчество, къ которому всегда чувствовала омерзѣніе [1]), составляло въ обществѣ Селиванова предметъ пропаганды и ревностнаго старанія къ его распространенію. Татаринова возстала противъ этого всею силою своего слова.

— Что толку скопить тѣло, — говорила она,—но не скопить сердца? Въ немъ сѣдалище грѣха. Сердце обуздать должно тому, кто хочетъ служить Богу, а это богопротивное дѣйствіе сердца не обуздаетъ. Возможность отнимется, а желаніе останется.

Продолжая бывать у Селиванова, Екатерина Филипповна, несмотря на крайнюю скрытность сектантовъ, узнала, что онъ называетъ себя «Искупителемъ», а нѣкоторые изъ его послѣдователей дошли до того, что величаютъ Селиванова «вторымъ сыномъ Божіимъ». Тогда Татаринова публично, въ присутствіи всѣхъ собравшихся на молитву потребовала отвѣта: правда ли, что она слышала, или нѣтъ? Селивановъ сталъ уклоняться отъ прямаго отвѣта на вопросъ и прибѣгалъ къ разнаго рода изворотамъ. Татаринова укоряла собравшихся въ неправильномъ пониманіи ученія православной церкви и съ тѣхъ поръ прекратила всякія сношенія съ Селивановымъ и вообще со скопцами [2]).

Она замкнулась въ самое себя, совершенно уединилась отъ общества и почти никому не показывалась. Проводя все время въ молитвѣ, радовалась тѣлеснымъ страданіямъ, ее не оставлявшимъ, надѣялась, что они сократятъ ей путь «странствія земнаго», и рѣшилась провести остатокъ жизни въ совершенной неизвѣстности. Но судьба рѣшила иначе. Сила слова и религіозныя убѣжденія привлекали къ ней многихъ. Сначала посѣщали ее прежніе знакомые: гвардейскіе офицеры и нѣкоторые гражданскіе чиновники, а затѣмъ стали приходить и люди посторонніе. Въ числѣ первыхъ были деверь ея, Михаилъ Михайловичъ Татариновъ и кол-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Филаретъ, митрополитъ московскій, близко знавшій Татаринову. См. «Русскій Арх.» 1888 г., № 12, стр. 586.

[2]) «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой», статск. совѣтн. Іоаннова. «Русск. Арх.» 1872 г., т. II, стр. 2336.

лежскій совѣтникъ Иванъ Бутовскій. Они познакомили съ ней двухъ офицеровъ Семеновскаго полка: полковника Дмитрія и поручика Алексѣя Григорьевичей Милорадовичей. Черезъ нихъ и Бутовскаго были введены въ домъ Татариновой: л.-гв. Измайловскаго полка поручикъ Александръ Михайловичъ Миклашевскій, надворный совѣтникъ Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, извѣстный художникъ Владиміръ Лукичъ Боровиковскій и штабсъ-капитанъ л.-гв. Измайловскаго полка Лука Михайловичъ Гагинъ. Вскорѣ пріѣхалъ и родной братъ Татариновой, инженеръ-капитанъ Петръ Филипповичъ Буксгевденъ, который и поселился вмѣстѣ съ нею. Всѣ они приходили для чтенія св. писанія и бесѣдъ о сущности Евангельскаго ученія. Екатерина Филипповна не отказывала никому въ духовной пищѣ, и число посѣтителей быстро возрастало. Каждая бесѣда съ Татариновой производила глубокое впечатлѣніе на слушателей, и они уходили съ омерзѣніемъ ко грѣху, съ любовію къ Богу и ближнему, съ искреннимъ желаніемъ исполнять заповѣди Господни и жить по Евангелію. Они уходили съ такимъ внутреннимъ покоемъ, которымъ люди пользуются рѣдко и котораго не можетъ доставить чтеніе самой назидательной книги.

«Какая же сила,—спрашиваетъ одинъ изъ горячихъ ея поклонниковъ [1]),—привлекала къ ней души и доставляла ей владычество надъ умами и сердцами? Она была уже женщина не молодая, изнуренная недугами и подвигами благочестія; наружность ея была вовсе непривлекательная, даже самый даръ слова не имѣлъ въ себѣ ничего необыкновеннаго. А между тѣмъ число ея друзей увеличивалось безпрерывно, и часъ отъ часу дѣлались чаще ихъ посѣщенія, каждый изъ нихъ съ жадностью и нетерпѣніемъ ожидалъ минуты свиданія съ ней. Уста ея не произносили ничего новаго, передавали съ величайшею простотою истины Завѣта, обѣтованіе и угрозы, которыя каждый изъ посѣщавшихъ ее многократно слышалъ или читалъ; но каждый уходилъ отъ нея съ полною рѣшимостью отречься отъ міра и грѣха и посвятить себя всецѣло на служеніе Богу. Если же эта рѣшимость въ удаленіи отъ нея ослабѣвала, то каждое новое съ ней свиданіе возобновляло ее съ новою силою».

---

[1]) П. Кукольникъ. «Анти-Фотій», «Русскій Арх.» 1874 г., т. I, 596.

Сила эта была такъ велика, что, какъ увидимъ, всѣ члены кружка преисполнены были къ Екатеринѣ Филипповнѣ какимъ-то особымъ благоговѣніемъ и обожаніемъ. Мы увидимъ, что въ числѣ ея послѣдователей были люди высокообразованные, отказывавшіеся отъ службы, отъ выдающагося общественнаго положенія, лишь бы только быть возлѣ нея и слушать ея поученія. Это были не одинъ, не два, а почти всѣ тѣ, которые имѣли возможность ближе ознакомиться съ ея «внутреннимъ человѣкомъ», какъ говорили тогда. Обаяніе, производимое Татариновою на слушателей, объясняли присутствіемъ въ ней Св. Духа, проявившагося, говорили ея послѣдователи, съ такою силою, что сомнѣваться въ томъ было невозможно. Сомнѣвалась только сама Екатерина Филипповна и, опасаясь внушить соблазнъ, уѣхала въ деревню верстъ за 20 отъ столицы. Узнавъ объ этомъ, братья Милорадовичи, Миклашевскій и другіе отправились къ ней съ просьбою возвратиться въ Петербургъ и продолжать свою дѣятельность [1]).

— Не оставляйте насъ,—говорили они, — вы показали намъ путь Господень, по коему безъ поддержки вашей слѣдовать не можемъ. Умоляемъ васъ, возвратитесь, на это есть несомнѣнная воля Божія.

Екатерина Филипповна уступила просьбамъ, возвратилась въ Михайловскій зáмокъ, и такимъ образомъ составилось общество, которое въ началѣ 1817 года было извѣстно подъ именемъ Братства во Христѣ [2]). Общество это нельзя было назвать сектою, въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что оно не имѣло никакой организаціи, не предъявляло вступающимъ никакихъ условій и не налагало никакихъ обязанностей. Не привлекая никого въ свое общество, Татаринова никого не отвергала и не удерживала противъ воли.

— Если вамъ не нравится,—говорила она новому посѣти-

---

[1]) «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой», ст. сов. Іоаннова. «Русскій Арх.» 1872 г., т. II, стр. 2337.

[2]) Позже кружокъ Татариновой былъ извѣстенъ въ обществѣ подъ именемъ «Союза братства», «Никито-Татариновскаго союза», «Союза братьевъ и сестеръ» и «Духовнаго союза». См. «Сборн. о расколѣ» В. Кельсіева. Лондонъ. 1861 г., вып. II, стр. 130 и «Чтенія» 1872 г., кн. III, стр. 77.

телю,—покорнѣйше просимъ только не разсказывать: міръ имѣетъ и безъ того довольно предметовъ для осужденія.

Каждый могъ свободно оставить братство безъ всякаго объясненія причинъ своего удаленія, и оттого число послѣдователей то уменьшалось, то увеличивалось [1]).

---

[1]) Впослѣдствіи, при закрытіи общества Е. Ф. Татариновой и по произведеннымъ нѣсколько разъ дознаніямъ оказалось, что въ составъ его въ разное время входили: 1) жена маіора Анна Францъ; 2) дворянка дѣвица Наталья Петровна Пиперъ; 3) жена генерала-отъ-инфантеріи Елисавета Павловна Головина; 4) дочь ея Екатерина Евгеніевна, впослѣдствіи супруга Я. В. Ханыкова, бывшаго оренбургскимъ губернаторомъ; 5) и 6) княжны Анна и Софья Енгалычевы; 7) воспитанница Татариновой, дѣвица Анна Александровна Васильева; 8), 9) и 10) Вѣра, Любовь и Софья Васильевны Поповы, дочери тайнаго совѣтника Василія Михайловича Попова; 11) княжна Ольга Степановна Крапоткина; 12) жена титулярнаго совѣтника Өедорова Марья Васильевна Өедорова; 13) дворянка-дѣвица Лермонтова; 14) жена отставнаго гвардіи поручика княгиня Енгалычева, 15) купеческая дочь Вѣра Сидоровна Ненастьева; 16) Лукерья по фамиліи неизвѣстная; 17) генеральша Бутурлина; 18) жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Настатья Өедоровна Родіонова, съ двумя при ней сестрами Марьей и Пелагеей, мѣщанками; 19) инженеръ-капитанъ, потомъ титулярный совѣтникъ, письмоводитель въ институтѣ слѣпыхъ, членъ петербургскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета и попечитель въ Рождественской части, Петръ Филипповичъ Буксгевденъ, родной братъ Татариновой; 20) надворный (потомъ статскій) совѣтникъ Мартынъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій, родомъ сербъ, сначала директоръ благороднаго пансіона при Царскосельскомъ лицеѣ, потомъ директоръ института слѣпыхъ, директоръ въ комитетѣ опекунства израильскихъ христіанъ (духоборцы и молокане) и секретарь общества попечительства о тюрьмахъ; 21) его сынъ, Михаилъ Мартыновичъ; 22) его братъ, Павелъ Степановичъ Урбановичъ-Пилецкій; 23) министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, дѣйствительный камергеръ, предсѣдатель Императорскаго человѣколюбиваго общества, президентъ комитета Россійскаго библейскаго общества, президентъ комитета попечительнаго о тюрьмахъ, тайный (впослѣдствіи дѣйствительный тайный 1-го класса) совѣтникъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ; 24) оберъ-гофмейстеръ, вице-президентъ комитета Россійскаго библейскаго общества Родіонъ Александровичъ Кошелевъ; 25) директоръ департамента народнаго просвѣщенія, президентъ комитета опекунства израильскихъ христіанъ, Василій Михайловичъ Поповъ; 26) помощникъ секретаря при директорѣ народнаго просвѣщенія и секретарь комитета опекунства израильскихъ христіанъ, коллежскій секретарь (впослѣдствіи дѣйствительный статскій совѣтникъ) Гавріилъ Степановичъ Поповъ; 27) музыкантъ 1-го кадетскаго корпуса, потомъ помощникъ директора института слѣпыхъ Никита Ивановичъ Өедоровъ (пророкъ Никитушка); 28) экономъ института слѣпыхъ, титулярный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Козляниновъ; 29) вице-президентъ академіи художествъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Өедоровичъ Лабзинъ; 30) Семеновскаго полка подпоручикъ, потомъ титулярный совѣтникъ, директоръ комитета

— Всѣ чувствовали,—говорилъ Пилецкій,—въ сердцахъ своихъ живыя дѣйствія Божественной любви черезъ слова ея, но не всѣ пребыли вѣрными любви сей, не всѣ способны были отдать себя совершенно Господу.

Такіе уходили, ихъ замѣнили новые, и нѣтъ возможности указать съ точностью на число лицъ, бывшихъ въ собраніяхъ Татариновой. Можно сказать только, что многіе отказались отъ Селиванова, ушли изъ общества Ненастьевыхъ и, явившись къ Татариновой, умоляли ее дозволить имъ пользоваться ея назидательною бесѣдою и послушать слово Божіе. Нѣкоторыя женщины посвятили себя на службу ей безвозмездно, прося только позволенія оставаться при ней безотлучно. Такимъ образомъ къ братству присоединились:

общества попечительнаго о тюрьмахъ, Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ; 31) братъ его, полковникъ Дмитрій Григорьевичъ Милорадовичъ; 32) штабъ-лѣкарь л.-гв. Егерскаго полка, Ѳедоръ Андреевичъ Коссовичъ; 33) Измайловскаго полка поручикъ Александръ Михайловичъ Миклашевскій; 34) Преображенскаго полка капитанъ Бригенъ; 35) генералъ-отъ-инфантеріи, впослѣдствіи командиръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а затѣмъ генералъ-губернаторъ Прибалтійскихъ губерній и членъ Государственнаго Совѣта, Евгеній Александровичъ Головинъ; 36) его сынъ, Сергѣй Евгеніевичъ Головинъ и 37) его зять, Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ, впослѣдствіи оренбургскій губернаторъ; 38) коллежскій совѣтникъ Иванъ Бутовскій; 39) полковникъ князь Степанъ Александровичъ Крапоткинъ; 40) его сынъ, полковникъ князь Николай Степановичъ Крапоткинъ; 41) отставной гвардіи поручикъ князь Ельпидифоръ Парфентьевичъ Енгалычевъ; 42), 43) и 44) Семеновскаго полка три брата Рачинскихъ; 45) Костромской помѣщикъ Нелидовъ; 46) чиновникъ Евѳимъ Ивановичъ Слуцкій, 47) дворянинъ Чумаковскій; 48) дворянинъ Дмитрій Ивановичъ, по фамиліи оставшійся неизвѣстнымъ; 49) художникъ В. Л. Боровиковскій; 50) служившій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ въ канцеляріи императрицы, коллежскій асессоръ (потомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ) Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ; 51 и 52) его братья, помощникъ столоначальника въ департаментѣ государственнаго хозяйства министерства внутреннихъ дѣлъ, титулярный совѣтникъ Павелъ Родіоновичъ Родіоновъ и чиновникъ того же министерства Петръ Родіоновичъ Родіоновъ; 53) деверь Татариновой, Михаилъ Михайловичъ Татариновъ; 54) штабсъ-капитанъ л.-гв. Егерскаго полка, Лука Михайловичъ Гагинъ; 55) отставной полковникъ Александръ Петровичъ Дубовицкій; 56) священникъ Маловъ; 57) Іовъ, монахъ Александро-Невской лавры; 58) дѣйствительный статскій совѣт. Григорій Поповъ; 59) Кондратій Андреевичъ Лохвицкій; 60) Павелъ Кукольникъ. 61) Статскій совѣтникъ Іоанновъ; 62) надворной совѣтникъ и отставной штабъ-лѣкарь Ѳедоръ Ивановичъ Колосовъ; 63) помѣщикъ Орловской губерніи, отставной подпоручикъ Перваго 2-й; 64) Михаилъ Ивановичъ Клечановскій; 65) Валеріанъ Ивановичъ Кошелевъ, камеръ-юнкеръ; 66) Г-жа Еропкина и друг.

дѣвица Настасья Петровна Пиперъ, жена маіора Анна Францъ и Вѣра Сидоровна Ненастьева; бывшій въ обществѣ Ненастьевыхъ солдатъ музыкантъ 1-го кадетскаго корпуса, впослѣдствіи произведенный въ чиновники Никита Ѳедоровъ, три брата Рачинскихъ, капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Бригенъ и другіе.

Всѣ эти лица собирались въ Михайловскомъ (Инженерномъ) за́мкѣ, не по почамъ, какъ говоритъ Фотій въ своихъ запискахъ, а съ 6 часовъ утра, преимущественно по праздникамъ и воскреснымъ днямъ. Собравшіеся проводили время въ назидательныхъ бесѣдахъ, пѣніи духовныхъ пѣсенъ и чтеніи священныхъ книгъ. Первоначально слѣдовали строго ученію мистиковъ [1]), чѣмъ и объясняется связь А. Ѳ. Лабзина съ кружкомъ Татариновой. Жизнь по духу, хожденіе въ присутствіи Божіемъ и самое точное исполненіе заповѣдей Господнихъ было главнѣйшею цѣлію общества.

«Я долженъ утвердительно сказать,—писалъ генералъ-лейтенантъ Головинъ [2]), что въ смыслѣ религіозномъ это не есть секта, ибо слово секта предполагаетъ отсѣченіе послѣдователей ея отъ церкви или отъ того вѣроисповѣданія, къ которому они принадлежали. Здѣсь ничто подобное никогда не имѣло мѣста, ибо всѣ тѣ, кои находились въ кругу знакомства съ г. Татариновою, не только не охладѣли къ церкви, но еще болѣе съ нею сблизились, особенно въ отношеніи къ отличительнымъ догматамъ православнаго вѣроисповѣданія, какъ-то: почитанію Божіей Матери, признаванію Ея и Святыхъ заступленія, уваженію и любви къ иконамъ, предпочтенію обрядовъ греко-россійской церкви въ богослуженіи всѣмъ другимъ и проч.».

---

[1]) Въ числѣ отобранныхъ впослѣдствіи у Татариновой книгъ было много мистическихъ. Таковы: «Воззванія къ человѣкамъ», «Таинство Креста», соч. г-жи Гіонъ, «Путеуказатель къ истинному міру», «Объ апокалипсическомъ исчисленіи времени», «Отвѣтъ на письмо о крещеніи, о св. Духѣ и духѣ пророчества» «Божественная философія», Дютуа «О приведеніи всѣхъ христіанскихъ церквей въ прежнее единство» и друг.

[2]) Въ своей запискѣ о знакомствѣ съ Татариновою. Арх. канцел. оберъ-прокурора Синода д. № 54. Впослѣдствіи генералъ Головинъ, по требованію кн. Варшавскаго, написалъ другую записку, нѣсколько измѣненную противъ первоначальной редакціи. Эта послѣдняя записка и послужила основаніемъ статьи г. Фукса, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1892 г. № 1 подъ заглавіемъ: «Къ исторіи мистицизма. Татаринова и Головинъ».

— Совѣсть моя,—говорилъ М. Пилицкій,—возбраняетъ называть сектою бывшіе у г. Татариновой молитвенныя собранія потому, что въ оныхъ прославлялся, съ истинною вѣрою и любовью, Господь нашъ Іисусъ Христосъ и какъ сама она, такъ и всѣ посѣщавшіе собранія вполнѣ исповѣдывали православіе греко-восточной церкви. Стоитъ разсмотрѣть отобранныя у насъ бумаги—всюду найдутъ только истинное правовѣріе, любовь и приверженность къ церкви. Самыя иконы, коими украшены были наши комнаты, суть свидѣтели сей любви.

По словамъ генерала Головина, Пилецкаго, Коссовича и другихъ, собранія у Татариновой хотя и имѣли видъ таинственности, но были совершенно чужды признаковъ, по которымъ можно было бы принять собиравшихся за сектантовъ. Доводы свои они основывали на томъ, что Татаринова не распространяла какого-либо новаго ученія и не увеличивала числа прозелитовъ.

— Ученіе Екатерины Филипповны, — говорилъ Коссовичъ,—чистосердечное евангельское. Говоритъ она тогда, когда является духъ въ сердцѣ, котораго Спаситель повелѣлъ испрашивать и котораго всякій просящій можетъ получить, ибо не дастъ отецъ тѣлесный дитяти своему камня, когда онъ испрашиваетъ хлѣба, а кольми паче Отецъ Небесный.

— Какъ просвѣщенная благодатію Божіею,—показывалъ другой ея послѣдователь [1]),—Екатерина Филипповна въ бесѣдахъ своихъ подавала полезные для души каждаго наставленія и совѣты. Всѣ поученія ея клонились къ поселенію въ душахъ слушателей того духа, который служитъ основаніемъ ученія нашей православной церкви.

Татаринова не только не охлаждала обязанностей, налагаемыхъ наружною церковью, но усиливала ихъ, возвышая религіозное чувство живыми ощущеніями духовныхъ ея дѣйствій; съ православною греко-россійскою церковью сближала болѣе, нежели съ какимъ другимъ изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, соединяя въ ней простаго мужика съ человѣкомъ самымъ образованнымъ и просвѣщеннымъ свѣтскою наукою [2]).

---

[1]) Показаніе В. М. Попова 16 ноября 1840 г. Ар. Синода, д. № 23759.
[2]) Записка Головина о знакомствѣ его съ Татариновою.

Не отдаляясь и не обособляясь отъ православной церкви, участники братства исполняли всѣ ея уставы и христіанскія обязанности, которые образуютъ «духъ истиннаго христіанина»; не отставали отъ «вѣры, надежды и любви, какъ главныхъ христіанскихъ добродѣтелей, коимъ церковь наша, на основаніи евангельскихъ истинъ, поучаетъ» [1]). Къ правительственнымъ властямъ,—говорилъ Головинъ,—Татаринова вселяла покорность и уваженіе «не пустымъ многоглаголаніемъ и фразами, а чувствомъ истиннаго смиренія, при видѣ немощей человѣческой природы, съ которыми бороться призываетъ насъ законъ Христовъ».

Къ сожалѣнію, тѣ лица, которыя оставили общество Селиванова и Ненастьевыхъ и присоединились къ Е. Ф. Татариновой, стали тосковать по своимъ радѣніямъ и убѣдительно просили дозволить имъ порадѣть. Главною основою радѣнія было укрощеніе плоти и умерщвленіе страстей. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго, Екатерина Филипповна дала на то свое согласіе, вспоминая великихъ сподвижниковъ Симеона Столпника, Іоанна Многострадальнаго, Серафима Саровскаго и другихъ; вспоминая и то, что въ православныхъ монастыряхъ, для укрощенія плоти многіе подвижники носятъ вериги и власяницы, а въ римско-католическихъ употребляются и бичеванія.

На радѣнія собирались люди разныхъ званій и состояній, и число ихъ доходило иногда человѣкъ до 50 и болѣе. Всѣ присутствовавшіе одѣвались въ бѣлую одежду: женщины въ платья обыкновеннаго покроя, а мужчины въ бѣлые халаты [2]). Затѣмъ, садились вокругъ комнаты, читали вслухъ «Отче нашъ» или изъ Евангелія отъ Іоанна, а потомъ, ставъ на колѣни, пѣли одну изъ духовныхъ пѣсенъ. Пѣсни эти или духовные стихи были многочисленны [3]), заимствованы отъ масоновъ, переведены съ иностранныхъ языковъ, взяты у скопцовъ и хлыстовъ; но были и такія, которыя сочинены членами союза и даже самою Е. Ф. Татариновою. Вообще

---

[1]) Показаніе тайнаго совѣт. В. М. Попова.

[2]) Протоколъ, составленный при арестованіи Татариновой и ея послѣдователей 8 апрѣля 1837 года.

[3]) При закрытіи кружка Татариновой у нея было отобрано нѣсколько тетрадокъ, въ которыхъ было вписано болѣе 90 пѣсенъ.

*

пѣсни были двухъ родовъ: однѣ написанныя простонароднымъ языкомъ и содержанія крайне туманнаго, другія—полныя смысла, съ признаками поэтическаго дарованія, а главное служившія выраженіемъ высокаго религіознаго настроенія. Вотъ одна, изъ чаще употребляемыхъ,—пѣснь, обращенная къ Богородицѣ, пѣтая протяжно и заунывно.

О, матерь Бога пресвятая!
Съ благоговѣніемъ передъ тобой
Свои колѣна преклоняя,
Съ сердечной кроткою мольбой,
Грѣховнымъ игомъ отягченный,
Покоя, сладости лишенный,
Къ тебѣ свой обращаю гласъ.

Тебѣ свой духъ и плоть вручаю,
Тебя, Царица, умоляю,
Защитой будь мнѣ въ смертный часъ.
Зерцало кротости, смиренья,
Терпѣнья, скорби образецъ,
Тебя виновницей спасенья
Избралъ для насъ благій Творецъ.

Ахъ! не было еще примѣра,
Чтобы моленіе и вѣра
Остались тщетны предъ тобой.
Твое я милосердье знаю,
Съ моленьемъ вѣрно прибѣгаю
Спастись подъ кровъ нетлѣнный твой.

Скорбящихъ радость и отрада!
Вспомни горестный тотъ часъ,
Когда твой Сынъ, въ нощи изъ града,
На казнь былъ выведенъ за насъ;
Когда средн татей надменныхъ,
На раменахъ окровавленныхъ,
Съ терпѣньемъ тяжкій крестъ влачилъ;
Когда, поруганный, презрѣнный,
Усталостію изнуренный,
Палъ подъ крестомъ лишенный силъ.

Живое мукъ изображенье,
Владыка спаса моего!
Воспомни скорбь свою, мученье,
Когда ты Сына своего,

Къ кресту прикована узрѣла.
Воспомни, что тогда терпѣла
Душа пречистая твоя!
О, море горести безмѣрной!
Къ тебѣ, о, путь къ спасенью вѣрный,
О помощи взываю я!
Минуту вспомяни священну,
Какъ взоръ къ тебѣ Онъ обратилъ;
Жестокой грустію сраженный,
Тебя любимцу поручилъ.
Ахъ! ради скорби несравненной,
Которую твой духъ смятенный
Въ сіе мгновенье ощутилъ,
Любви источникъ безконечный
Избавь меня отъ муки вѣчной
И крестъ нести подай мнѣ силъ.
Вспомни, матерь пресвятая!
Какъ тѣло Сына твоего,
Христа, слезами обливая,
Намъ посвящала ты его.
Марія! лилія средь терній,
Господнихъ образецъ мученій,
Примѣръ священной чистоты!
Марія! вѣчна сладость рая!
Спаси, о, дѣва пресвятая,
Меня отъ бренной суеты.

На ряду съ этою, полною религіознаго чувства, молитвою пѣлись стихи, написанные такимъ размѣромъ, какимъ составляются простонародныя пѣсни, съ которыми и напѣвъ ихъ имѣлъ большое сходство. Стихи эти казались сначала многимъ не только странными, но «отвратительными» и «неприличными важности предмета духовнаго» [1]. Такъ было съ Е. А. Головинымъ; но впослѣдствіи, вслушавшись въ нихъ, онъ находилъ въ этихъ пѣсняхъ глубокій религіозный смыслъ и самъ увлекался ими. Почти всѣ онѣ были написаны Никитою Ѳедоровымъ безъ всякихъ, по его словамъ, приготовленій «въ слезахъ и сильномъ сердечномъ сокрушеніи». Впрочемъ самъ Ѳедоровъ, по свидѣтельству Головина, какъ не по-

[1] Записка Е. Головина о знакомствѣ съ Татариновою.

лучившій никакого образованія, не могъ бы ничего написать, ибо, едва зная грамотѣ, съ большимъ трудомъ ставилъ буквы; «но это не мѣшало пѣснямъ его при удивительной простотѣ выраженій, заключать въ себѣ высокій духовный смыслъ и истины евангельскія». Никита Ѳедоровъ, — говоритъ П. Кукольникъ [1]), — «составлялъ ихъ (пѣсни) болѣе по внушенію сердца, нежели ума, придерживаясь только выбранному имъ напѣву. Но нигдѣ не было слѣда чего-нибудь плотскаго, тѣмъ менѣе любодѣйнаго [2]). Простыя, но сильныя выраженія этихъ пѣсенъ направлены были къ одной цѣли: прославленію Бога и изображенію жалкой участи грѣшника. Это былъ вопль дитяти къ своему Отцу, къ которому оно обращалось съ дѣтскою простотою и неограниченною довѣренностію».

По примѣру первыхъ христіанъ, собиравшихся для молитвы въ потаенныхъ мѣстахъ отъ преслѣдованія язычниковъ, многіе мистики, въ томъ числѣ и Татаринова со своими послѣдователями, полагали, что при существованіи въ современной имъ православной церкви одной только обрядности, — такія отдѣльныя религіозныя общества, въ которыхъ могли бы собираться внутренно вѣрующіе, необходимы, и что въ нихъ только и можетъ быть спасеніе. Въ одной изъ духовныхъ пѣсней, взятыхъ у Татариновой, говорится:

Прельщенный въ мірѣ суетой;
Оставь твои забавы.
Приди сюда, найдешь покой,
Прямой достигнешь славы.

Эту славу и покой они надѣялись получить при помощи духовнаго соединенія съ Богомъ и стремленія къ нему всѣмъ сердцемъ и душою.

Сердцемъ кто тебя не знаетъ,
Духомъ не позналъ тебя,
Тотъ лишь букву все читаетъ
Ищетъ Бога внѣ себя.

---

[1]) «Анти-Фотій». «Русскій Арх.» 1874 г., т. I, стр. 602.

[2]) Это слово написано съ явнымъ протестомъ противъ записокъ Фотія. Мы будемъ имѣть случай указать на значеніе этихъ записокъ, а теперь скажемъ, что, имѣя въ своихъ рукахъ почти всѣ пѣсни кружка Татариновой, мы не можемъ указать ни на одну любодѣйную. Слова Фотія остаются на его совѣсти.

Утверждая, что престолъ Божій находится въ насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ, внутренно вѣрующіе говорили, что для спасенія души необходима благодать св. Духа, который

Всѣхъ скорбящихъ, всѣхъ скорбящихъ
Исцѣляетъ, утѣшаетъ.
Гдѣ Богъ хочетъ, гдѣ Богъ хочетъ,
Тамъ Его Св. Духъ дышетъ.
Нашъ Спаситель, нашъ Спаситель
Чрезъ Апостоловъ намъ пишетъ:
Собирайтесь, собирайтесь
На духовную бесѣду;
Духа Божья, Духа Божья
Во сердцахъ не угашайте,
И просите и просите
Христа ради—все вамъ дастся!
. . . .
Серафимы, серафимы
Славить Бога помогаютъ.
Херувимы, херувимы
Манну съ неба намъ приносятъ,
Съ нами вмѣстѣ, съ нами вмѣстѣ
Спасителя сюда просятъ.

Спаситель являлся, по словамъ членовъ «Братства», въ лицѣ пророковъ, вдохновляемыхъ Св. Духомъ, среди круженій или такъ называемыхъ радѣній.

Благослови Ты, нашъ Спаситель,
Сударь, Батюшка, родитель
Всѣмъ соборомъ порадѣть
Душой въ небо улетѣть.
Будемъ въ колоколъ звонить,
Птицу райскую манить.
Будемъ слёзы приносить,
Все Наставника просить.

Подъ напѣвъ этой пѣсни собирались на молитву и составляли кругъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, какъ бы движимые особеннымъ чувствомъ духовной радости, подобно Давиду, плясавшему при перенесеніи кивота, порывались съ своихъ мѣстъ, выбѣгали на средину круга и предавались сильному тѣлесному дви-

женію, большею частію кружась на одномъ мѣстѣ въ правую сторону, до полнаго изнеможенія.

Въ это время остальные пѣли [1]):

Дай намъ, Господи,
Іисуса Христа,
Дай намъ Сына Твоего.
Господь, помилуй, Боже, насъ!..
Наряди изъ насъ пророка,
Чтобы слабыхъ подкрѣпить...
Ты Христосъ и нашъ Спаситель,
Инаго Бога нѣтъ у насъ.
Ниспошли живое слово
Ты просящимъ всѣмъ сердцамъ...
Мы здѣсь съ вѣрой и любовью
Принести хотимъ сердца;
Со слезами Тебя просимъ
Милосердаго отца:
Посреди насъ, Утѣшитель,
Свой глаголъ ты покажи,
Чрезъ раба твоего пророка
Намъ здѣсь судъ твой соверши.

И судъ совершался въ формѣ предсказаній, выражаемыхъ на распѣвъ или скороговоркою, часто намеками въ формѣ отдѣльныхъ безсвязныхъ словъ, а иногда и плавной рѣчью.

Основываясь на XIV главѣ перваго посланія Апостола Павла къ коринѳянамъ, въ которомъ онъ повелѣваетъ ученикамъ своимъ искать даровъ духовныхъ, особливо же дара пророчества, многіе изъ послѣдователей Татариновой полагали, что, посвятивши себя всецѣло Господу, и они могутъ пріобрѣсти этотъ даръ. Въ одномъ изъ духовныхъ стихотвореній кружка читаемъ:

Я родитель сокровенный
Для живущихъ въ мірѣ чадъ,
Для моихъ же откровенный
Имъ я далъ мой свѣтлый взглядъ.

---

[1]) Пѣсня эта имѣетъ много варьянтовъ, поется скопцами и другими сектантами.—Мы помѣщаемъ ту, которая вписана въ одну изъ тетрадокъ, отобранныхъ у Татариновой.

Дѣти вѣры, дѣти свѣта
Зрятъ меня во всѣхъ дѣлахъ;
Не постигнутъ—ждутъ отвѣта
Въ гласѣ Духа—не въ словахъ.
Мое слово возвѣщаетъ,
Кто мнѣ вѣритъ, внемлетъ мнѣ,
Кто мнѣ сердце отверзаетъ,
Чтобы свѣтъ принять вполнѣ,
Мое слово изливаетъ,
Вмѣстѣ съ свѣтомъ, благодать,
Сердце вѣрой надѣляетъ
Учитъ мнѣ его отдать.
Между мной и человѣкомъ
Есть посредникъ мой—пророкъ!
Даръ пророка пренебесенъ
Для ума непостижимъ,
Душамъ сладокъ, прелюбезенъ
И онъ вѣрою движимъ.
Среди вѣрныхъ воздвигаю
Я пророка своего,
Имъ я церковь созидаю,
Снизойдя къ ней чрезъ него.
Моимъ духомъ наполняю
Я пророка какъ сосудъ,
И въ бесѣду съ нимъ вступаю
Свой даю я душамъ судъ.
Мой пророкъ есть исполнитель
Моей воли на кругу.
Съ трубой Ангелъ солетаетъ,
Подаваяй голоса,
А пророкъ лишь прорекаетъ
Говоря слова тѣ въ слухъ [1]).

Вѣрившіе въ это люди прибѣгали къ пламенной молитвѣ, строжайшему посту и къ изнуренію плоти, чтобы пріобрѣсть отъ Свя-

---

[1]) Многіе приписываютъ составленіе этой пѣсни А. П. Дубовицкому, но едва-ли это справедливо (см. статью П. И. Мельникова «Бѣлые голуби» «Русскій Вѣстникъ» 1869 г. № 3, стр. 341 и «Тульскія Епархіал. Вѣдом.» 1867 г. № 23, прилож., стр. 289 и 290). Дубовицкій былъ противникъ пророчества и едва-ли могъ написать подобную пѣсню. Она представляется намъ сборною изъ разныхъ: начало заимствовано у масоновъ, а коеецъ у скопцовъ или хлыстовъ. Варьянтовъ этой пѣсни было много и въ нашихъ рукахъ.

того Духа даръ пророчества. Между первыми христіанами,—говорили они,—способность эта была весьма обыкновенна, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дѣянія Апостольскія и посланія ихъ.

— Въ изъясненіи г. Дмитровскаго на литургію,—показывалъ Ѳ. А. Косовичъ, — изданномъ подъ разсмотрѣніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, глава IV, § 13, 14 и 19, упоминается о древнихъ христіанскихъ собраніяхъ, въ коихъ продолжалось вдохновенное ученіе, пѣніе и пророчество. Пророчицы по св. писанію говорили и пѣли въ Духѣ Святѣ [1]).

— Подъ словами пророчества или прореканія,—говорилъ Головинъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей кружка Татариновой,—не должно, однакоже, разумѣть способность возвѣщать будущее, хотя и это не исключается, а только изліяніе Духа посредствомъ звуковъ слова или писанія. Оно является большею частію въ пѣніи, а иногда въ простомъ глаголѣ на подобіе речетатива, только почти всегда стихами правильной мѣры съ рифмами. Такое изліяніе слова можетъ продолжаться безостановочно, сразу нѣсколько часовъ съ равною силою и даже съ тѣлеснымъ изнеможеніемъ прорекающаго, въ такомъ изобиліи рѣчи и часто съ такою быстротою, для которыхъ недостаточно никакой памяти и способности естественной. Смыслъ рѣчи обнимаетъ всѣ предметы въ границахъ строгаго цѣломудрія и важности и, обращаясь къ душѣ человѣческой, проникаетъ въ сокровеннѣйшія ея помышленія, иногда открываетъ ихъ въ строгихъ обличеніяхъ, большею же частію въ выраженіяхъ, исполненныхъ любви и сострраданія,—вливаетъ въ сердце слушающихъ покой и утѣшеніе. По крайней мѣрѣ таково было всегда дѣйствіе слова пророческаго на меня и таковымъ видѣлъ его на другихъ. Здѣсь не мѣсто объяснять свойство пророческаго дара; это потребовало бы многописанія. Ученыя историческія розысканія могли бы можетъ быть тутъ открыть первое происхожденіе поэзіи, которую древніе называли языкомъ Боговъ, т. е. языкомъ, которымъ божество говоритъ чрезъ человѣка.

Въ кружкѣ Татариновой многія были увѣрены, что даръ пророчества пріобрѣтался во время круженій, при радѣніи.

[1]) Показаніе Косовича 1-го марта 1824 г.

— Радѣніе, — говорилъ Пилецкій, или, — какъ называетъ апостолъ Павелъ — языки, есть видимое ликованіе Духа, которое вмѣстѣ съ пѣніемъ и пророчествами составляло какъ бы духовной балъ, торжественный и радостный, на которомъ души и тѣла радуются о своемъ Господѣ, ибо живое дѣйствіе и присутствіе Св. Духа въ это время бываютъ весьма ощутительны. Это присутствіе и сообщеніе любви Господа было столь усладительно, чисто и свято, что сердце какъ бы предвкушало тотъ брачный пиръ, гдѣ ликуютъ дѣвственныя души, когда небесный женихъ Іисусъ Христосъ сочетавается союзомъ любви своей съ возлюбленною своею невѣстою — церковью.

Находясь въ такомъ поэтическо-религіозномъ восторгѣ, Пилецкій увѣрялъ, что во время радѣній Духъ восхищаетъ мысль и сердце къ Богу. «Радѣніе одного человѣка, — говорилъ онъ, — было подобно вальсу, а когда радѣли многіе, то образовали одинъ общій кругъ, который двигался подъ общій тактъ пѣнія, — тихо или очень скоро, смотря по дѣйствію Св. Духа. Радѣніе (по-славянски лики, ликованіе — Лука 15, 25 и псалмы 149 и 150), соединяясь съ пѣніемъ, какъ танецъ съ музыкою, по словамъ послѣдователей кружка, «представляетъ пріятное зрѣлище. — Танцы и вообще тѣлодвиженія во время молитвы мы видимъ и въ блаженныхъ юродивыхъ. (1-е посланіе къ коринѳянамъ 3, 18 — 20)». Такія же странности, — говорили сектанты, — бывали и у первыхъ христіанъ. — Апостолъ Павелъ даетъ имъ совѣтъ, чтобы даръ, который онъ называетъ языки (т. е. вдохновенныя чувства, выражаемыя духомъ безъ словъ), скрывали они отъ невѣрующихъ и не знающихъ сего дѣйствія Св. Духа, потому, — говоритъ онъ, — что они скажутъ, что вы бѣситесь (1-е посланіе къ коринѳянамъ, 14, 23) [1]).

«Конечно — писалъ генералъ Головинъ [2]), ничто не можетъ быть страннѣе и для разума человѣческаго недоступнѣе, какъ понятіе, что можно хвалить Господа и такъ сказать служить ему пляскою. Одна мысль объ этомъ достаточна, чтобы возмутить благоговѣніе набожнаго человѣка и отвергнуть ее съ омерзѣніемъ. Но пусть въ спо-

---

[1]) Записка Пилецкаго при всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 6-го октября 1837 года, Арх. Канцел. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

[2]) Въ своей запискѣ о знакомствѣ съ ст. сов. Татариновою. Арх. Канцел. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

койномъ духѣ разсмотрятъ нижеслѣдующіе вопросы: 1) откуда произошли первоначальные танцы и 2) въ чемъ состояло дѣйствіе Св. Духа, при сошествіи его на Апостоловъ, когда присутствовавшіе тутъ свидѣтели сочли ихъ пьяными?

«Отъ глубокой древности извѣстно, что пляски входили въ обрядъ богослуженія: слѣды этого находятся даже между дикими, которые въ пляскахъ сохранили обряды своихъ жертвоприношеній. Въ первой книгѣ Царствъ (гл. 10 ст. 5) упоминается о ликѣ пророковъ, кои прорицали среди муссикійскихъ орудій. Царь Давидъ, посѣщенный Духомъ Святымъ, плясалъ передъ Кивотомъ Завѣта, несмотря на то, что подвергся осмѣянію (II книга Царствъ, глава 6 ст. 20—23). У магометанъ дервиши, нѣкогда въ большомъ уваженіи святости находившіеся, донынѣ еще сохранили круженіе, а извѣстно, что законъ магометанскій составленъ изъ ученія и обрядовъ еврейскихъ и христіанскихъ, перемѣшанныхъ и искаженныхъ. Въ Конверсаціонсъ-лексиконѣ, подъ статьею «танцы», нашелъ я между прочимъ указанія на книгу, подъ заглавіемъ: «О христіанскихъ пляскахъ и торжественныхъ танцахъ первыхъ христіанъ, соч. Бремеля. При всемъ стараніи я не могъ отыскать этой книги ни у одного изъ книгопродавцевъ въ Европѣ, но ссылка Конверсаціонсъ-лексикона, какъ творенія, уважаемаго по глубокой учености своей, заслуживаетъ вниманія.

«Въ позднѣйшія времена квакеры, извѣстные также подъ именемъ трясущихся, при всей странности своей, заслужили уваженіе между просвѣщеннѣйшими націями. Нынѣ въ Англіи, въ Соединенныхъ Американскихъ штатахъ, во Франціи, Германіи и даже въ Царствѣ Польскомъ, между нѣмецкими колонистами есть многія общины, между коими въ собраніяхъ ихъ болѣе или менѣе тайныхъ, по степени терпимости правительства, открываются духовныя дѣйствія въ сильныхъ тѣлесныхъ движеніяхъ. Теперь еще мы видимъ на евреяхъ, при молитвенныхъ ихъ собраніяхъ, остатки какого-то качанія всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, что же такое поклоны, въ одной только нашей церкви сохранившіеся.

«Изъ всего этого заключить слѣдуетъ, что танцы и пляски, входившіе въ обряды божественные и впослѣдствіи перешедшіе къ намъ вмѣстѣ съ языческими обычаями, какъ увеселеніе, распаляющее по-

хоти плотскія, были нѣкогда не иное что, какъ вспомогательное средство къ смягченію и умерщвленію плоти, дабы, въ кадансированныхъ движеніяхъ подчинить тѣло движеніямъ духовнымъ, или лучше сказать, — кадансированное дѣйствіе духовнаго начала облегчаетъ движеніе тѣла, которое по законамъ матеріальнаго тяготѣнія влечется къ землѣ и къ недвижности.

«Изнуреніе плоти для свободы духа, — говоритъ далѣе Головинъ, — было всегда однимъ изъ условій, ученіемъ церкви предлагаемыхъ; на этотъ конецъ установлены нощныя бдѣнія противу излишенства сна, посты — противу излишенства въ пищѣ, ибо то и другое утучняетъ тѣло. — Въ среднихъ вѣкахъ, набожными людьми, даже между особъ высокаго сана, для умерщвленія плоти употреблялось бичеваніе (discipline); у насъ, въ Россіи, являлось, какъ мнѣ кажется, то же самое въ грубѣйшемъ видѣ подъ названіемъ раскольнической секты — хлыстовщины. — Нынѣ это оказывается въ другихъ формахъ, ибо если, по ученію христіанскому, прежде настояла надобность въ укрощеніи тѣла и его похотей, то и теперь она необходима. Но что такія условія, во всѣ времена недоступныя для разума, могли быть пріемлемы чувствомъ и давали мѣсто фанатизму, объ этомъ много уже говорено и писано. Понятно также, почему въ нашъ вѣкъ разумъ еще съ большимъ остервенѣніемъ возстаетъ противъ обычаевъ, имѣющихъ цѣлію порабощеніе страстей и природныхъ наклонностей, если принять въ соображеніе, что ученіе матеріализма сдѣлалось всеобщимъ, и, свергнувъ иго всякаго принужденія, дало просторъ всѣмъ плачевнымъ побужденіямъ сердца человѣческаго, а необузданное стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, такъ сказать, обуяло всѣми сословіями, имѣющими средства любостраствовать временными благами.

«Равномѣрно не надобно удивляться, что дѣйствія духовныя, о которыхъ упомянуто выше, открываются въ наше время преимущественно между низшими классами людей, ибо высшее сословіе — классъ вельможъ, окованo прелестью европейскаго просвѣщенія, т. е. утонченнаго служенія міру и его похотямъ. Ищущій паче всего славы мірской не имѣетъ времени предаваться рязмышленіямъ душеспасительнымъ, а еще менѣе расположенъ жертвовать для сего временными наслажденіями. — Наконецъ при самомъ началѣ хри-

стіанства, среди величія и пышности римской державы, на немъ (христіанствѣ) явились первые знаки дѣйствія Св. Духа и не на малозначущихъ ли людяхъ въ народѣ презрѣнномъ и порабощенномъ, минуя старѣйшинъ, первосвященниковъ и учителей?»

Таковъ взглядъ на радѣніе одного изъ послѣдователей татаринскаго кружка, человѣка вполнѣ образованнаго, умнаго и принесшаго много пользы на поприщѣ государственной дѣятельности. Взглядъ Головина не единоличный, но служитъ выраженіемъ всего кружка и его послѣдователей.

— Радѣніе, ликованіе или святое плясаніе,—по словамъ В. М. Попова,—столь же невинно, какъ и пророческое слово. Всякій, даже дитя, пойметъ, что это явленіе радости, совершенно невинная, безвредная наружность, не касающаяся до обрядности церкви. Почему же не находятъ постыдными и вредными м і р с к і я плясанія и отчего же такъ нетерпимы Б о ж і и, когда всегда они были и въ древнемъ Божіемъ народѣ? Изъ всѣхъ дѣйствій и даровъ Св. Духа нѣтъ соблазнительнѣйшаго для многихъ, какъ радѣніе, ликованіе, святое плясаніе. Кто испыталъ дѣйствіе Св. Духа, тотъ знаетъ, что радѣніе есть радость внутренняя, дѣйствіе безмѣрной любви къ Іисусу Христу. Это блаженство, которое приводитъ вѣрующія души въ такой восторгъ, что онѣ забываютъ себя, играютъ, поютъ, предаются святому скаканію и плясанію, плещутъ руками, какъ царь Давидъ, хваля и славословя Господа. Зная это, могу ли говорить противъ очевидности. Радѣніе наименовано въ славянской Библіи ликованіемъ. Въ иностранныхъ библіяхъ слово л и к о в а н і е выражается яснѣе, нежели хотятъ истолковать это важные, высокоумные праведники нашего времени, скрывающіе и самую этимологію сего выраженія въ подлинникѣ, отъ гордой боязни и ложнаго стыда, чтобы не выказать себя передъ міромъ, что вѣрятъ святому плясанію. Въ англійской Библіи л и к о в а н і е переведено съ подлинника словомъ dance, т. е. танцеваніемъ. — Я помню, что мнѣ случилось, совсѣмъ неожиданнымъ образомъ, читать предисловіе французскаго молитвенника, гдѣ сказано нѣчто весьма замѣчательное о семъ божественномъ плясаніи.

— Подчиняясь средству подъ названіемъ р а д ѣ н і е,—говорилъ Головинъ,—я отлагалъ и попиралъ ногами всю мудрость люд-

скую съ ея приличіями и дѣлался какъ бы глупцомъ и юродивымъ ради Бога. Между тѣмъ средство это, низлагая гордость естественнаго разума, тѣлесно приносило мнѣ большую пользу, — оно укрѣпляло мое здоровье, ибо этотъ родъ движенія (exercice) производилъ такую транспирацію, какой и самые земные поклоны не производили. Послѣ этого я чувствовалъ себя каждый разъ необыкновенно легкимъ и свѣжимъ. Впрочемъ, сладости внутренней, какую ощущали другіе при этомъ трудѣ, я никогда не ощущалъ, и для меня всегда было это однимъ только трудомъ.

— Такъ называемое радѣніе, — показывалъ Пилецкій, — употреблялъ и я въ собраніяхъ, бывшихъ у Татариновой.—Если нѣтъ странности въ поклонахъ, въ строгихъ пощеніяхъ, власяницахъ, веригахъ, то нѣтъ странности употреблять, любя Бога, и сіе невинное средство. Что странно въ глазахъ человѣческихъ, то часто бываетъ пріятнымъ Богу.

Желаніе порадѣть происходило у собиравшихся въ Михайловскій замокъ отъ духа, или радостнаго или сокрушеннаго. Въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ забывалъ о себѣ: мысль и сердце его «терялись въ Богѣ». Употребленіе этого средства зависѣло отъ воли каждаго: никто не принуждалъ, никто и не воспрещалъ.—Нѣкоторые вовсе не радѣли, но назидались и утѣшались только пѣніемъ и пророческими словами.

— Что до меня касается, — говорилъ Пилецкій, — то я не имѣлъ сильныхъ дѣйствій Духа въ радѣніи, но всегда ощущалъ отъ него въ сердцѣ моемъ необыкновенное спокойствіе, мирную безмолвную молитву, свободу отъ страстей и даже здоровье мое отъ того дѣлалось лучшимъ. У другихъ, имѣвшихъ способность и призваніе къ пророчеству, вся внутренность и все тѣло наполнялись неизглаголанными дѣйствіями пророческаго духа.

Тогда тотъ, кто чувствовалъ въ себѣ посѣщеніе Св. Духа, выходилъ на средину и «питалъ словомъ живымъ», по очереди всѣхъ присутствующихъ.—Всѣ вѣрили въ святость произносимыхъ имъ словъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ членовъ союза, многія предсказанія, вырывавшіяся изъ устъ проповѣдниковъ, исполнялись съ удивительною точностью [1]). Пророки увѣряли своихъ сочленовъ, что когда

[1]) Мы скажемъ объ этомъ подробнѣе въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

бывали въ такомъ состояніи, то не помнили себя и говорили не собою, а Духомъ Святымъ, и потому не знали, что пророчествовали. Самый актъ пророчества поражалъ и вызывалъ удивленіе, потому что при этомъ высказывалась необыкновенная сила прорицателей во время вдохновенія.

«Приготовлясь къ сему,—пишетъ П. Кукольникъ,—они обыкновенно наблюдали строжайшій постъ, который, по естественному теченію дѣлъ, долженъ былъ ослабить тѣлесныя ихъ силы; между тѣмъ они питали словомъ присутствовавшихъ по нѣсколько часовъ, не умолкая. Случилось между прочимъ событіе, которому едва-ли можно повѣрить, если бы не существовали на то убѣдительныя свидѣтельства. Одинъ изъ вдохновенныхъ напиталъ словомъ сряду, безостановочно, 200 душъ, изъ коихъ одни уходили, другіе на ихъ мѣста приходили. Празднество это длилось безпрерывно 36 часовъ, въ продолженіе коихъ пророкъ не подкрѣплялъ себя ни пищею, ни питіемъ, ни сномъ [1])».

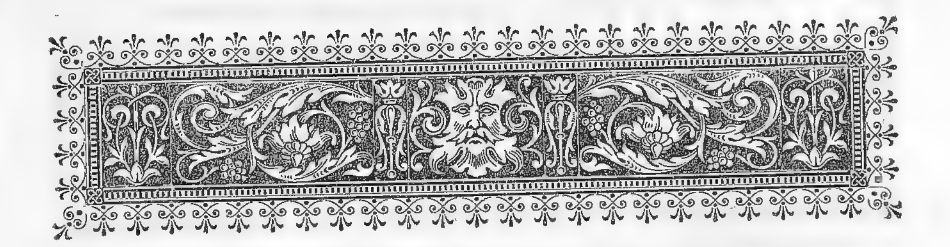
Если подобныя явленія поражали и вызывали удивленіе у людей здоровыхъ и вполнѣ образованныхъ, какимъ былъ П. Кукольникъ, М. С. Урбановичъ-Пилецкій, генералъ-лейтенантъ Головинъ, тайный совѣтникъ В. М. Поповъ и другіе,—то это еще сильнѣе должно было подѣйствовать на нравственно и физически разстроенную женщину, какою была тогда Е. Ф. Татаринова. Нервная и религіозно-восхищенная, она находила утѣшеніе только въ молитвѣ, въ единеніи съ Господомъ и легко дошла до полнаго самозабвенія. Неудивительно, что ей казалось, что Духъ Святой посѣтилъ ее и даровалъ ей даръ пророчества...

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Анти-Фотій", «Русскій Архивъ» 1874 г., т. I, стр. 593.



Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

VI [1]).

Старанія Англіи сблизиться съ Россіею. — Намѣренія Фридриха II склонить Россію къ союзу противъ Австріи.—Заговоръ маркиза Ботто.—Интриги между Бестужевымъ и Лестокомъ.—Вызовъ въ Россію герцога Голштинскаго и принцесы Цербтской. — Мнѣніе Елизаветы о Фридрихѣ II.—Подкупъ Бестужева.—Конвенція съ Англіею.

Съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, настала новая эра не въ одномъ только управленіи внутренняго государства. Въ ея царствованіе Россія впервые окончательно вступила въ число великихъ державъ Европы. До тѣхъ поръ, эта имперія, едва вышедшая изъ состоянія варварства и не умѣвшая воспользоваться своими огромными средствами, держалась въ сторонѣ отъ цивилизованнаго міра. Вопросы европейскаго равновѣсія ея не касались. Она довольствовалась защитою своей независимости или увеличеніемъ своихъ владѣній, ведя войну съ своими ближайшими сосѣдями: со Швеціей, съ Польской республикой и съ Портой Оттоманской. Императоръ Карлъ VI, добившись отъ Анны Іоанновны гарантіи прагматической санкціи, обезпечивавшей престолъ за его дочерью Маріей Терезіей, тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлать первый шагъ на пути европейской политики. Но русскіе, черезъ-чуръ занятые тѣми дворцовыми переворотами, которые такъ

[1]) См. „Русскую Старину“ сентябрь 1895 года.

быстро слѣдовали одинъ за другимъ, вовсе не думали воспользоваться этимъ благопріятнымъ, для величія страны, обстоятельствомъ. Ихъ пришлось, до извѣстной степени, силою вывести изъ этой непостижимой апатіи, ибо, какъ писалъ г. Финчъ въ 1741 г., русскіе дворяне не хотѣли имѣть ничего общаго съ остальной Европою.

Англіи первой пришло на мысль ввести Россію въ число державъ, отъ которыхъ зависѣло политическое равновѣсіе Европы. Инструкція, данная Финчу 29 февраля 1740 г., предписывала ему завязать тѣсныя, дружественныя отношенія между Россіей и Великобританіей и скрѣпить союзъ, существовавшій между императрицей Анной Іанновной и австрійскимъ домомъ.

Та же мысль пришла и Фридриху II, который тотчасъ по восшествіи на престолъ постарался завязать дружественныя отношенія съ петербургскимъ кабинетомъ. Его посланникъ, Мардефельдъ, усиленно ухаживалъ за Остерманомъ, который, управляя дѣлами иностранной коллегіи, почти одинъ руководилъ сношеніями Россіи съ иностранными державами. Остерманъ питалъ большое уваженіе къ Фридриху II и соглашался заключить союзъ съ Англіей единственно подъ условіемъ, что къ этому союзу примкнутъ Пруссія, Данія и Польша; но это вовсе не соотвѣтствовало видамъ англійскаго кабинета, какъ говоритъ Финчъ въ своей депешѣ отъ 1 октября 1740 г.

Въ это время скончался императоръ Карлъ VI (20 октября), и извѣстіе объ этомъ было получено въ Петербургѣ нѣсколько дней спустя послѣ кончины императрицы Анны Іоанновны; взявъ во вниманіе то затруднительное положеніе, въ которомъ находились въ то время внутреннія дѣла Россіи, и припомнивъ, что ею было гарантировано соблюденіе прагматической санкціи, невольно приходится сказать, что это событіе случилось какъ нельзя болѣе не кстати. Финчъ писалъ 1 ноября 1740 г.:

«Это извѣстіе крайне взволновало и встревожило гр. Остермана. Онъ находитъ, что европейскимъ монархамъ слѣдуетъ теперь зрѣло обдумать вопросъ, надобно ли имъ поддерживать цѣлость Австрійской монархіи или ее слѣдуетъ предоставить ея собственнымъ силамъ, такъ какъ инаго выбора быть не можетъ. Особенно важно знать, намѣрена ли Франція настаивать на соблюденіи прагматиче-

ской санкціи или нѣтъ; ибо, въ послѣднемъ случаѣ, всѣ державы Европы должны соединиться, по его мнѣнію, и дѣйствуя за-одно, настоять на исполненіи этого акта. Съ другой стороны, опасенія Остермана были вызваны тѣмъ, что король прусскій, повидимому, все еще совмѣщалъ въ своемъ лицѣ и личность перваго министра, и дѣйствовалъ исключительно по своему собственному убѣжденію. Всѣ переговоры Англіи съ Россіей ведутся въ предположеніи, что къ трактату присоединится также король прусскій. Я самъ понимаю, въ какомъ затруднительномъ положеніи очутился бы, въ противномъ случаѣ, этотъ дворъ и съ какою осмотрительностью ему пришлось бы дѣйствовать».

Это донесеніе, по всей вѣроятности, чрезвычайно удивило англійскій кабинетъ, вообразившій легкомысленно, что Россія отнесется серьезнѣе къ принятымъ ею на себя обязательствамъ. Такъ, напр., лордъ Гаррингтонъ, одинъ изъ статсъ-секретарей по иностраннымъ дѣламъ, писалъ, 31 октября, сэру Робинзону, англійскому посланнику въ Вѣнѣ:

«Англія и Голландія останутся въ тѣсномъ союзѣ съ Австріей, и король приметъ самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе короля прусскаго и царицы».

Что касается короля прусскаго, то онъ уже рѣшилъ ставить свои личные интересы выше тѣхъ торжественныхъ обязательствъ, которыя были приняты на себя его покойнымъ отцомъ и такъ какъ онъ зналъ русскихъ гораздо лучше, нежели англійскіе посланники, то былъ вполнѣ увѣренъ, что ежели они не послѣдуютъ его примѣру, то, во всякомъ случаѣ, также не будутъ особенно заботиться о прагматической санкціи. Надобно сказать правду, Фридрихъ былъ очень невысокаго мнѣнія о русскихъ. «Духъ этого народа представляетъ смѣсь недовѣрчивости и мошенничества, писалъ онъ; будучи лѣнивы, они отличаются въ то же время корыстолюбіемъ, очень способны къ подражанію, но лишены духа изобрѣтательности. Ихъ вельможи—крамольники, гвардія опасна для монарховъ, народъ глупъ, преданъ пьянству, суевѣренъ и несчастенъ». Впрочемъ, Россія, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, была не въ состояніи заниматься дѣлами своихъ сосѣдей и союзниковъ, хотя бы Остерманъ искренно и желалъ этого. Фридрихъ прямо говорилъ,

что онъ рѣшился занять войсками Силезію единственно въ виду кончины Анны Іоанновны. «По всему было видно, говоритъ онъ, что Россія, во время малолѣтства юнаго императора, будетъ занята скорѣе поддержаніемъ спокойствія внутри имперіи, нежели заботою о соблюденіи прагматической санкціи».

Фридрихъ не могъ удовлетвориться нейтралитетомъ Россіи. Онъ хотѣлъ привлечь ее на свою сторону и заставить вооружиться противъ королевы венгерской. Но пока иностранной политикой руководилъ Остерманъ, всякая попытка въ этомъ смыслѣ была безполезна, тѣмъ болѣе, что Биронъ, лично, былъ расположенъ къ австрійскому дому. Когда правленіе перешло въ руки герцогини Брауншвейгской, то въ сердце Фридриха закралась надежда, ибо герцогъ былъ его зятемъ, а перваго министра, Миниха, можно было подкупить. «Воспользовавшись этимъ переворотомъ, пишетъ онъ въ «Исторіи моего времени», король отправилъ въ Россію чрезвычайнымъ посланникомъ барона Винтерфельда, чтобы поздравить герцога Брауншвейгскаго и его супругу съ успѣхомъ этого предпріятія. Дѣйствительной же, скрытой цѣлью этой миссіи было подкупить Миниха, тестя Винтерфельда, и заручиться его согласіемъ на тѣ планы, которые король намѣревался привести въ исполненіе: все это удалось Винтерфельду какъ нельзя лучше». Финчъ, въ депешѣ отъ 20 декабря 1740 г. сообщалъ о пріѣздѣ маіора Винтерфельда, а нѣсколько дней спустя, 30 числа того же мѣсяца, онъ писалъ: «Минихъ склоняется къ мысли, что Австріи слѣдовало бы, такъ или иначе, удовлетворить Пруссію и заручиться ея содѣйствіемъ». По словамъ англійскаго посланника, Фридрихъ не замедлилъ оцѣнить такіе прекрасные взгляды: онъ далъ зятю Миниха, Мальцану, полковничью должность въ своихъ войскахъ, самому фельдмаршалу пожаловалъ съ собственной своей руки перстень, осыпанный бриллиантами, а сыну его — помѣстье на Одерѣ. Такая щедрость принесла желаемые плоды. Самъ Фридрихъ говорилъ объ этомъ слѣдующее: «Благодаря вліянію фельдмаршала Миниха, Винтерфельду удалось заключить съ Россіей оборонительный союзъ: выгоднѣе этого ничего нельзя было ожидать при столь критическихъ обстоятельствахъ». Вскорѣ послѣ этого, Минихъ былъ отрѣшенъ отъ занимаемыхъ имъ должностей, и вышеупомянутый трактатъ былъ бы

уничтоженъ одновременно съ заключеніемъ союза между королевой венгерской, Россіей, генеральными штатами Голландіи и королемъ польскимъ, что окончательно погубило бы короля прусскаго, какъ вдругъ совершился переворотъ, возведшій на престолъ Елисавету.

Трудно было предвидѣть, какой политики станетъ держаться Россія. Ежели бы вліяніе де-ла-Шетарди было такъ велико, какъ говорили, то Елисавета, безъ сомнѣнія, тотчасъ заключила бы союзъ съ Франціей и послала бы на помощь Фридриху тѣ войска, которыя были сосредоточены въ Ливоніи противъ него. Лестокъ готовъ былъ дѣйствовать въ пользу Франціи, но Бестужевъ, въ качествѣ вице-канцлера руководившій иностранной политикой, склонялся болѣе на сторону Англіи, а слѣдовательно и вѣнскаго двора. Что касается императрицы, говорилъ Фридрихъ, то она не имѣла симпатіи ни къ одной изъ этихъ державъ и одинаково недоброжелательно относилась къ вѣнскому и берлинскому дворамъ. Антонъ-Ульрихъ, отецъ свергнутаго ею императора, былъ двоюроднымъ братомъ королевы венгерской, племянникомъ вдовствующей императрицы и зятемъ короля прусскаго; это возбуждало опасеніе Елисаветы, чтобы узы крови не побудили эти державы на защиту той семьи, на гибели которой она построила свое величіе». Однако, Бестужеву въ концѣ концовъ удалось бы вѣроятно побѣдить антипатіи Елисаветы, и Россія, заключивъ союзъ съ Англіей и съ вѣнскимъ дворомъ, стала бы дѣйствовать противъ Пруссіи, напавъ на нее съ тыла. Вліяніе Англіи усиливалось при русскомъ дворѣ со дня на день; Бестужевъ ловко умѣлъ пользоваться неохотою императрицы къ дѣламъ, и ему удалось бы заключить союзъ съ любымъ государствомъ, стоило только выждать удобный моментъ. Новый англійскій резидентъ Уичъ (Wich) писалъ по этому поводу 21 октября 1742 г.:

«Такъ какъ императрица очень любитъ охоту и бываетъ чрезвычайно утомлена по вечерамъ, то кабинетъ-министры рѣдко имѣютъ возможность являться къ ней съ докладомъ».

Чтобы побѣдить версальскій кабинетъ его собственнымъ оружіемъ и создать ему противовѣсъ при дворѣ, гдѣ съ помощью денегъ можно было всего добиться, англійскій кабинетъ уполномо-

чилъ своего посланника подкупить тѣхъ лицъ, которыя отказывались признать правоту дѣла королевы венгерской. Въ этомъ слѣдуетъ искать причину особеннаго старанія Бестужева заключить союзъ съ Англіей, но онъ считалъ себя безсильнымъ, имѣя противника въ лицѣ Лестока, все еще пользовавшагося значительнымъ вліяніемъ. Уичъ постарался уладить это дѣло. Онъ писалъ 15 декабря 1742 г.:

«Я помирилъ Лестока съ братьями Бестужевыми и убѣдилъ перваго принять отъ его величества короля англійскаго ежегодную пенсію въ 600 фунтовъ стерлинговъ. Онъ остался этимъ весьма доволенъ и обнадежилъ меня обѣщаніями; но онъ получаетъ субсидіи также и отъ Франціи».

Между тѣмъ Елисавета Петровна была не въ состояніи принять какое-нибудь рѣшеніе. Согласіе, установившееся между Лестокомъ и Бестужевымъ, было непродолжительно и хотя «императрица ненавидѣла и боялась короля прусскаго», какъ говоритъ англійскій резидентъ, но она не рѣшалась заключить тѣсный союзъ съ Англій, что̀ было бы равносильно союзу съ вѣнскимъ дворомъ. Судьба, во всемъ благопріятствовавшая Фридриху, и въ этомъ случаѣ пришла ему на помощь.

Посланникъ королевы венгерской въ Петербургѣ, маркизъ Ботто-Адорно, всячески старался заручиться для своей государыни помощью Россіи, но всѣ его хлопоты были безуспѣшны; тогда онъ вообразилъ, что ему будетъ легче имѣть дѣло съ петербургскимъ кабинетомъ и скорѣе удастся заинтересовать его въ пользу Маріи Терезіи, если престолъ перейдетъ снова къ Іоанну. Весьма возможно и естественно, что онъ такъ именно смотрѣлъ на дѣло, но мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, чтобы, основываясь на этихъ соображеніяхъ, онъ составилъ заговоръ, съ цѣлью свергнуть съ престола Елисавету. Самое бо̀льшее, если онъ поощрялъ намѣреніе своихъ друзей, принадлежавшихъ къ партіи недовольныхъ. Какъ бы то ни было, многія изъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ были обвинены въ участіи въ заговорѣ, составленномъ австрійскимъ посланникомъ, который нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ уѣхалъ въ Берлинъ аккредитованнымъ посланникомъ при этомъ дворѣ. Однако не существуетъ никакихъ доказательствъ того, чтобы лица,

обвиненныя розыскной канцеляріей, дѣйствительно были виновны. Скорѣе можно допустить, что подъ видомъ этого заговора разыгралась одна изъ перипетій борьбы, затѣянной двумя противными партіями,—Лестокомъ и Бестужевымъ. Лестоку не удалось свергнуть канцлера, и множество жертвъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ дамъ, искупили пыткою или ссылкою въ Сибирь неудачу старорусской партіи, дѣйствовавшей за-одно съ Лестокомъ.

Королева венгерская сдѣлала ошибку, не высказавъ ни порицанія, ни одобренія дѣйствіямъ своего посланника. Фридрихъ отказался принять маркиза Ботта, обвиненнаго въ такомъ ужасномъ преступленіи, и постарался извлечь выгоду изъ озлобленія Елисаветы противъ вѣнскаго кабинета. Его посланнику, Мардефельду, послѣ долгихъ проволочекъ удалось добиться признанія неприкосновенности прусскихъ владѣній, но актъ, коимъ гарантировалась эта неприкосновенность, былъ написанъ, по свидѣтельству Фридриха, въ столь туманныхъ выраженіяхъ, что не стоило труда добиваться его. Король прусскій приписывалъ неудачу своихъ дипломатическихъ переговоровъ въ Петербургѣ—Бестужеву. Версальскій кабинетъ точно также былъ недоволенъ канцлеромъ, такъ какъ онъ помѣшалъ Франціи воспользоваться тѣми выгодами, какія она надѣялась извлечь изъ услугъ, оказанныхъ императрицѣ де-ла-Шетарди, который былъ вновь посланъ въ Россію, съ порученіемъ добиться отставки Бестужева; такъ какъ Франція и Пруссія были союзниками и преслѣдовали въ Петербургѣ общія цѣли, то Мардефельду было приказано помогать де-ла-Шетарди.

Фридрихъ, воспользовавшись досугомъ, который доставилъ ему миръ, заключенный въ Бреславлѣ, занялся сватовствомъ наслѣдника русскаго престола. Онъ хвастается этимъ, какъ крупнымъ успѣхомъ, и говоритъ объ этомъ бракѣ, какъ о событіи, обезпечивающемъ безопасность Пруссіи. «Великая княгиня, воспитанная и вскормленная въ прусскихъ владѣніяхъ и обязанная своимъ благополучіемъ королю, не можетъ дѣйствовать противъ него, говоритъ онъ, не бывъ неблагодарной». Нельзя удивляться тому, что Фридрихъ придавалъ особое значеніе этому косвенному союзу съ Елисаветой. Стоитъ припомнить сказанное имъ въ его превосход-

ныхъ мемуарахъ, которые имѣютъ значеніе его политическаго завѣщанія:

«Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи особенное вниманіе заслуживаетъ Россійская имперія, какъ самый опасный ея сосѣдъ: она могущественна и она наша сосѣдка; всѣмъ будущимъ правителямъ Пруссіи придется заискивать дружбу этихъ варваровъ».

Елисаветѣ, при восшествіи ея на престолъ, было всего 33 года, но она рѣшила не вступать въ бракъ; желая же обезпечить престолонаслѣдіе, назначила своимъ преемникомъ племянника своего, юнаго герцога Голштинскаго. Онъ прибылъ въ Петербургъ 5-го февраля 1742 г., а 7-го ноября, того же года, по принятіи православія, былъ объявленъ ея наслѣдникомъ, съ титуломъ великаго князя. Герцогу Голштейнъ-Готторнскому было всего тринадцать лѣтъ (онъ родился 21-го февраля 1728 г.), но Елисавета заботилась уже пріискать ему невѣсту, чтобы обезпечить порядокъ престолонаслѣдія.

«Хотя она ни на комъ не остановила своего выбора окончательно, говоритъ Фридрихъ, но готова была отдать предпочтеніе принцессѣ Ульрикѣ прусской, сестрѣ короля. Саксонскій дворъ желалъ устроить бракъ великаго князя съ принцессою Маріанною, второю дочерью Августа, чтобы этимъ союзомъ пріобрѣсти вліяніе у императрицы. Сближеніе Саксоніи съ Россіей какъ нельзя болѣе противорѣчило видамъ Пруссіи, но пожертвовать принцессой королевской крови для того, чтобы устранить саксонскую принцессу, казалось обиднымъ. Король прибѣгнулъ къ иному средству. Изо всѣхъ взрослыхъ германскихъ принцессъ ни одна не подходила въ такой степени къ Россіи и въ то же время не соотвѣтствовала такъ прусскимъ интересамъ, какъ принцесса Цербтская... Не останавливаясь на описаніи переговоровъ, происходившихъ при этомъ, достаточно сказать, что они потребовали гораздо болѣе труда, нежели рѣшеніе самаго сложнаго политическаго вопроса. Даже отецъ принцессы былъ противъ этого брака... Въ Россіи Мардефельдъ сумѣлъ такъ хорошо скрыть отъ Бестужева свои хлопоты по этому дѣлу, что принцесса Цербтская прибыла въ Петербургъ къ великому изумленію Европы; она была принята императрицею въ Москвѣ со всѣми знаками вниманія и пріязни». Принцесса Ангальтъ-Цербтская Софія, принявшая, въ православіи, столь прославленное ею имя Ека-

терины, родилась 2-го мая 1729 г. въ Штеттинѣ, гдѣ ея отецъ былъ губернаторомъ. По матери, рожденной принцессѣ Голштинской, она была родственницею великаго князя. Объ ея помолвкѣ съ наслѣдникомъ престола было объявлено тотчасъ по пріѣздѣ принцессы въ Петербургъ, именно въ февраля 1744 г., а бракосочетаніе ея было отпраздновано 1-го сентября слѣдующаго года.

Фридрихъ, въ ожиданіи того, когда великая княгиня будетъ въ состояніи оказать ему тѣ услуги, которыхъ, кстати сказать, онъ тщетно ожидалъ отъ нея, былъ бы не прочь видѣть удаленіе канцлера, котораго онъ считалъ главною помѣхою къ заключенію болѣе тѣснаго союза Россіи съ Пруссіей. Мардефельдъ, какъ вполнѣ достойный слуга своего монарха, былъ настолько ловокъ, что неудача де-ла-Шетарди на немъ не отразилась, и онъ сумѣлъ удержаться въ Петербургѣ, но Бестужевъ не простилъ ни ему, ни его монарху ихъ участія въ проискахъ, клонившихся къ устраненію его съ занимаемаго имъ поста.

За то англійскій министръ пользовался благоволеніемъ петербургскаго двора и болѣе чѣмъ когда всѣми силами старался втянуть Россію въ союзъ съ Георгомъ II, но ему никакъ не удавалось побѣдить равнодушіе императрицы и самаго народа. Тайравиль (Tyrawyl) писалъ 10-го сентября 1744 г.: «Русское дворянство, духовенство и весь народъ положительно убѣждены въ томъ, что Россія — государство слишкомъ могущественное, чтобы враги рѣшились напасть на ея территорію; они полагаютъ, что событія остальной Европы ея не касаются и не имѣютъ никакого значенія для этой имперіи. Мы должны постараться, по мѣрѣ возможности, разсѣять это заблужденіе, хотя оно чрезвычайно укоренилось; король прусскій основываетъ всѣ свои настоящіе планы на этомъ убѣжденіи и на увѣреніи Мардефельда, что оно непоколебимо».

Иначе смотрѣлъ на это Бестужевъ. Движимый злобою противъ короля прусскаго, онъ составилъ планъ дѣйствія, долженствовавшій, по его мнѣнію, вывести государыню изъ апатіи.

Вотъ, что писалъ Тайравиль 8-го октября 1744 г.:

«Я долженъ сообщить вашему сіятельству, совершенно конфиденціально, что Бестужевъ задумалъ уговорить императрицу от-

нять Пруссію у ея нынѣшняго монарха и отдать ее полякамъ, которые взамѣнъ этого уступили бы Россіи псковское и смоленское намѣстничества. Мы надѣемся, что намъ удастся повліять на императрицу доводами религіи, такъ какъ она, повидимому, весьма набожна, а вслѣдствіе этой комбинаціи подъ ея владычество перешло бы весьма много христіанъ греко-россійскаго исповѣданія. Духовенство безъ сомнѣнія одобритъ этотъ проектъ, и мнѣ кажется, что императрицу только этимъ путемъ можно вовлечь въ войну».

Этотъ безумный и нелѣпый планъ, вопреки ожиданію Бестужева и англійскаго резидента, не соблазнилъ Елисавету Петровну и не вывелъ ее изъ апатіи. Впрочемъ, ее удерживала отъ столь обширныхъ замысловъ весьма уважительная причина. Ея расточительность совершенно опустошила казну, и Тайравиль пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что она до такой степени нуждалась въ деньгахъ, что только надежда на огромныя субсидіи могла быть достаточною приманкою для того, чтобы соблазнить ее и заставить воевать съ кѣмъ бы то ни было.

Фридрихъ отлично понималъ это, но такъ какъ средства не позволяли ему купить союзничество и помощь Россіи, то онъ не жалѣлъ денегъ по крайней мѣрѣ сановникамъ Елисаветы Петровны, чтобы заручиться этимъ путемъ если не ихъ содѣйствіемъ, то хотя бы нейтралитетомъ Россіи. Съ этою цѣлью имъ было прислано 25 тысячъ экю, которыя предполагалось раздѣлить между Бестужевымъ и вице-канцлеромъ Воронцовымъ. Марія-Терезія, не менѣе Фридриха нуждавшаяся въ содѣйствіи русскаго канцлера и его помощника, но имѣвшая еще менѣе денегъ, прислала имъ цѣнные перстни. Королева венгерская и король прусскій находились, собственно говоря, въ такомъ положеніи, что имъ приходилось дорожить поддержкою всякой державы. Фридрихъ, встревоженный успѣхами, которые были одержаны вѣнскимъ дворомъ послѣ того, какъ онъ сложилъ оружіе, и опасаясь, чтобы у него не потребовали обратно Силезіи, несмотря на то, что она была уступлена ему по Бреславльскому договору, заключилъ тѣсный союзъ съ Франціей и, не объявляя войны, возобновилъ, безъ малѣйшаго къ тому повода, враждебныя дѣйствія, вступивъ въ Венгрію, гдѣ его положеніе оказалось весьма опаснымъ. Моментъ для нападенія на него былъ

вполнѣ благопріятный. Бестужевъ, не забывшій своей злобы несмотря на полученныя имъ деньги, горячо уговаривалъ Елисавету Петровну объявить королю войну. О томъ же всячески старался и англійскій резидентъ, настойчиво совѣтуя выполнить превосходный планъ канцлера. Онъ писалъ 2-го февраля 1745 г.: «Императрицѣ слѣдовало бы попользоваться въ свою очередь насчетъ короля, такъ какъ подобнаго случая можетъ болѣе не представиться. Бестужевъ раздѣляетъ это мнѣніе, но онъ находитъ, что прусскіе доводы слишкомъ сильно повліяли на Воронцова».

Елисавета Петровна была непоколебима, но англійскій кабинетъ, не терявшій надежды вовлечь ее въ войну, отправилъ въ Россію лорда Гиндфорда, оставившаго Берлинъ послѣ разрыва Пруссіи съ королевой венгерской. Этотъ посланникъ не былъ счастливѣе Тайравиля, несмотря на свои щедрыя обѣщанія и на предложенную немедленно субсидію. 13-го мая 1745 г., вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, лордъ Гиндфордъ писалъ: «Я опасаюсь, чтобы Франція не предложила здѣшнему двору такую же сумму за нейтралитетъ, какую мы можемъ дать для того, чтобы заставить ее дѣйствовать; не трудно догадаться, которое изъ этихъ предложеній будетъ принято ею предпочтительно».

Нѣсколько дней спустя, именно 21-го мая, онъ писалъ:

«Императрица никогда не согласится дѣйствовать явно противъ короля прусскаго, за-одно съ Австріей или Саксоніей, а тѣмъ болѣе одна; увѣряютъ, будто она втайнѣ обѣщала это королю, и даже поклялась ему въ томъ; и будто онъ напалъ, въ прошедшемъ году, на Богемію съ ея вѣдома и согласія. Хотя императрица выказываетъ столь нѣжныя чувства къ королю прусскому, только по злобѣ къ королевѣ венгерской, но все же она намѣрена идти противъ Франціи и дѣйствовать открыто противъ нея».

Однако Елисавета Петровна не согласилась воевать противъ Фридриха вовсе не изъ сочувствія къ нему, ибо, если вѣрить депешѣ англійскаго посланника, отъ 3-го ноября 1745 г., то она говорила, что «король прусскій безъ сомнѣнія дурной монархъ, у него нѣтъ страха Божьяго, онъ смѣется надо всѣмъ святымъ и никогда не посѣщаетъ церкви: это прусскій Надиръ-шахъ».

Высказывая это сужденіе, набожная государыня этимъ не все

договаривала. Фридрихъ имѣлъ слабость смѣяться не только надъ святынею, но этотъ безбожникъ не щадилъ и слабостей русской императрицы. Саксонскій посланникъ, Линаръ, писалъ нѣсколько лѣтъ спустя: «Совершенно справедливо, что государыня крайне озлоблена противъ берлинскаго двора, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько гайдуковъ, бывшихъ на службѣ короля прусскаго, разсказали, по возвращеніи своемъ въ Россію, что этотъ монархъ отзывался о ней безъ всякаго стѣсненія самымъ обиднымъ и оскорбительнымъ для нея образомъ. Его отзывы были переданы прислужницами Ея Величеству, которая и безъ того не долюбливала прусскаго короля, такъ какъ, по ея словамъ, этотъ монархъ не исповѣдуетъ никакой религіи, не обращаетъ никакого вниманія на королеву и не хочетъ жить съ нею; притомъ онъ не помазанъ на царство, что считается здѣсь весьма важнымъ, и имѣетъ нѣкоторые другіе недостатки, которые Ея Величество весьма не одобряетъ».

Лордъ Гиндфордъ, знавшій, съ какимъ уваженіемъ слѣдуетъ относиться къ женщинамъ, въ особенности, если онѣ стоятъ во главѣ обширной имперіи и если въ союзѣ съ ними нуждаются, не сдѣлалъ той ошибки, въ которую впалъ Фридрихъ. Напротивъ того, подозрѣвая, вѣроятно, что его депеша отъ 30-го ноября 1745 г. будетъ вскрыта въ Россіи, онъ писалъ въ ней: «Ваше сіятельство не можете себѣ представить, до какой степени Ея Величеству идетъ офицерскій мундиръ. Я увѣренъ, что люди, не знающіе государыню въ лицо, приняли бы ее за офицера, еслибы ее не выдавалъ ея красивый бюстъ. Въ самомъ дѣлѣ, Ея Величество обладаетъ сердцемъ мужчины, красотою женщины и достойна удивленія всего міра».

Между тѣмъ Фридрихъ обладалъ удивительнымъ умѣніемъ выйти изъ самаго затруднительнаго положенія. Кампанія 1745 г. доказала, что онъ былъ искуснѣйшимъ полководцемъ своего времени, а побѣды при Гогенфридбергѣ и Соррѣ дали ему возможность заключить выгодный и почетный міръ сначала съ Англіей, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя съ Саксоніей и Австріей. Затѣмъ, какъ бы полагая, что ему никогда болѣе не понадобится поддержка русскаго двора, онъ окончательно возстановилъ противъ себя Бестужева поступкомъ, изобличившимъ одну изъ самыхъ дурныхъ особенностей его характера. Канцлеръ еще не простилъ Мардефельду, а слѣдова-

тельно и его монарху того, что они дѣйствовали за-одно съ де-ла-Шетарди.

«Къ этой причинѣ, возбуждавшей въ немъ ненависть, присоединилась другая, — говоритъ Фридрихъ въ «Исторіи Семилѣтней войны». — Осенью 1745 года, когда король вступилъ въ Саксонію, Мардефельду было приказано, еще до битвы при Кессельдорфѣ, предложить Бестужеву сорокъ тысячъ экю съ тѣмъ, чтобы Россія не вмѣшивалась въ эту войну; когда же съ Саксоніей былъ заключенъ миръ, то Мардефельдъ, изъ неумѣстной экономіи или изъ личной непріязни, не уплатилъ этихъ денегъ государственному канцлеру; это имѣло послѣдствіемъ то, что Бестужевъ перенесъ свою личную вражду не только на Мардефельда, но и на все, носившее прусское имя. Желая выместить эти личныя обиды, онъ уговорилъ императрицу заключить союзъ съ вѣнскимъ и лондонскимъ дворами».

Не получивъ обѣщаннаго въ то время, когда король прусскій въ немъ нуждался, Бестужевъ тѣмъ болѣе имѣлъ поводъ быть недовольнымъ, что ему самому въ тотъ моментъ были крайне нужны деньги. Онъ просилъ у англійскаго посланника если не награды, то по крайней мѣрѣ долгосрочной и безпроцентной ссуды. Лордъ Гиндфордъ, передавая серьезно эту просьбу въ своей депешѣ отъ 27-го сентября 1746 г., присовокупляетъ: «мой другъ несомнѣнно находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи: онъ долженъ всѣмъ и каждому». Но Англія уже менѣе заботилась о союзѣ съ петербургскимъ кабинетомъ съ тѣхъ поръ, какъ король прусскій заключилъ миръ съ Австріей, и Бестужеву пришлось прибѣгнуть, для уплаты долговъ, къ иному средству.

Обще-европейская война приходила къ концу. Великія державы, принимавшія въ ней участіе, были утомлены, нѣкоторыя изъ нихъ были истощены войною, всѣ жаждали покоя; и миръ былъ заключенъ въ Ахенѣ въ 1748 г. Хотя Англія была весьма недовольна императрицею Елисаветою Петровною, но она не только не желала возстановлять ее противъ себя, но, напротивъ того, хотѣла быть ей пріятной, и это обстоятельство было причиною, что Россія заняла впервые мѣсто въ ряду великихъ державъ. Герцогъ Ньюкастельскій, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, писалъ 2-го февраля 1748 года одному изъ англійскихъ уполномоченныхъ, лорду Санд-

вичу: «Вамъ извѣстно нерасположеніе царицы ко всему, имѣющему отношеніе къ королю прусскому, и до какой степени она была недовольна и до сихъ поръ оскорблена статьею, включенной въ предварительныя условія мира относительно удовлетворенія за Силезію и Глацъ; если королю прусскому будетъ предложено примкнуть къ трактату, а царицѣ этого не предложатъ, то она употребитъ все свое вліяніе и свое значеніе въ Вѣнѣ, которыя, между прочимъ, весьма велики, чтобы создать намъ новыя затрудненія».

Такимъ образомъ, Россія въ числѣ прочихъ державъ подписала Ахенскій миръ и вслѣдствіе этого извлекла большую выгоду изъ войны, въ которой она не принимала, въ сущности, никакого участія. Вѣнскій дворъ смотрѣлъ на этотъ миръ не болѣе, какъ на перемиріе. Австрія положила оружіе только въ виду полнѣйшей невозможности продолжать войну и намѣревалась возобновить ее при первой возможности. Марія-Терезія была женщина, слѣдовательно, была мстительна и тщеславна. Утрата Силезіи была для нея такою обидою, которую она не могла забыть и простить; миръ представлялъ для нея только одно преимущество: онъ давалъ ей возможность готовиться на свободѣ къ обратному завоеванію провинціи, которою она дорожила по многимъ причинамъ. Вѣнскій дворъ, постоянно занятый мыслію, какъ бы вновь начать съ успѣхомъ борьбу съ Пруссіей, употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы сблизиться съ Россіей и поселить вражду между императрицей Елисаветой Петровной и королемъ прусскимъ. Это было нетрудно, тѣмъ болѣе, что Бестужевъ, все еще озлобленный противъ Фридриха, только искалъ предлога, чтобы нарушить согласіе, существовавшее между Россіей и Пруссіей. Случай къ тому вскорѣ представился. Франція, Пруссія и Швеція заключили между собою тройственный союзъ. Это возбудило неудовольствіе петербургскаго кабинета, и дѣло дошло до того, что русскіе не только сосредоточили войска въ Финляндіи, но стянули значительныя силы въ Ливоніи, по близости отъ прусской границы. Такъ какъ вліяніе вѣнскаго двора усиливалось въ Петербургѣ со дня на день, то Маріи-Терезіи не трудно было добиться того, что всѣ письменныя сношенія Россіи съ Пруссіей были прерваны. Несмотря на всю осторожность, которую Фридрихъ старался соблюдать въ своихъ отношеніяхъ съ императрицею, дѣло дошло

вскорѣ до открытаго разрыва. Въ исходѣ 1750 г. русскій посланникъ въ Берлинѣ оставилъ свой постъ, не откланявшись королю, и Фридрихъ былъ вынужденъ отозвать изъ Петербурга своего повѣреннаго въ дѣлахъ.

Нѣсколько лѣтъ прошло, не ознаменовавшись никакимъ выдающимся событіемъ, но все предвѣщало, что миръ въ Европѣ будетъ непродолжителенъ. Хотя отношенія Англіи къ Вѣнскому двору, съ одной стороны, и отношенія Пруссіи къ Франціи, съ другой, чрезвычайно охладѣли, и каждая изъ этихъ державъ имѣла много серьезныхъ поводовъ быть недовольной другою, но на первый взглядъ ихъ взаимное положеніе оставалось неизмѣннымъ. Сентъ-Джемскій кабинетъ, подобно Вѣнскому двору, употреблялъ всевозможное стараніе, чтобы заручиться поддержкою Россіи. Въ виду ожидавшейся въ недалекомъ будущемъ новой войны съ Пруссіей, эта держава должна была, по требованію Англіи, обѣщавшей ей денежную субсидію, сосредоточить въ Ливоніи шестидесяти-тысячную армію, съ цѣлью произвести диверсію на сушѣ, въ то время какъ флотъ высадилъ бы значительный десантъ съ моря. Этотъ планъ видимо понравился Петербургскому двору, онъ былъ одобренъ, отдѣльныя статьи и условія договора долгое время обсуждались, казалось, оставалось только скрѣпить его подписью императрицы, между тѣмъ заключеніе конвенціи откладывалось со дня на день, подъ самыми пустячными предлогами. Гюи Диккенсъ, представитель англійскаго кабинета въ Петербургѣ, отвѣчалъ въ началѣ марта 1755 года на его настоятельныя требованія: «Нерасположеніе государственнаго канцлера къ дѣламъ такъ же велико, какъ и антипатія къ нимъ самой государыни. Еслибы государственный канцлеръ послѣдовалъ моему совѣту, то вмѣсто того, чтобы писать мемуары, которыхъ никто не читаетъ, и лежать въ постели до послѣ-полудня, онъ являлся бы уже въ 10 часовъ утра въ покои бывшаго фаворита, графа Алексѣя Разумовскаго, куда императрица часто заходитъ, и имѣлъ бы нерѣдко случай знать ея резолюцію по нѣкоторымъ дѣламъ, долгое время остающимся безъ движенія. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ у нея не было свободной минутки, чтобы заняться дѣлами».

Въ депешѣ отъ 11-го марта онъ говоритъ:

«Съ прошедшей среды у насъ было не менѣе трехъ маскарадовъ и одного опернаго представленія, а на этой недѣлѣ не проходило дня безъ увеселеній. На будущей недѣлѣ начнется постъ, тогда всѣ станутъ молиться и поститься, а на второй недѣлѣ поста половина города будетъ, по обыкновенію, больна вслѣдствіе перехода отъ слишкомъ веселой жизни къ чрезмѣрному воздержанію: поэтому нечего и ожидать, чтобы кто-нибудь взялся здѣсь за перо и бумагу ранѣе, какъ черезъ три недѣли. Надѣюсь, что затѣмъ дѣла пойдутъ лучше, ибо императрица не въ состояніи проводить жизнь въ постѣ и молитвѣ, которымъ на смѣну явятся новыя удовольствія».

Однако, 25-го марта Гюи Диккенсъ писалъ, что дѣла не подвигаются. «Причиною этого все возрастающее отвращеніе императрицы къ занятіямъ или же то обстоятельство, что вліяніе канцлера значительно уменьшилось, можетъ быть и то и другое вмѣстѣ взятое, что гораздо правдоподобнѣе. Государственный канцлеръ никогда не бесѣдуетъ съ императрицею наединѣ. Все дѣлается письменно: канцлеръ подаетъ докладныя записки молодому фавориту Ивану Шувалову, а тотъ представляетъ ихъ императрицѣ, когда она расположена заниматься дѣлами».

Эти подробности безъ сомнѣнія вполнѣ согласны съ истиною, но этотъ способъ веденія дѣлъ былъ слишкомъ на руку Бестужеву, чтобы онъ постарался измѣнить его. Въ сущности, онъ руководилъ дѣлами рѣшительно по своему усмотрѣнію и былъ радъ только удобному предлогу, который давалъ ему возможность скрыть свою игру и обманывать англійскаго посланника, писавшаго 4-го апрѣля: «Государственный канцлеръ самъ жалуется на положеніе дѣлъ и на всѣ эти проволочки. Подобный образъ дѣйствій, по его словамъ, дискредитируетъ ихъ значеніе и репутацію въ глазахъ друзей и враговъ Россіи, но онъ не знаетъ, какъ помочь горю, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ, какъ я отправилъ свою послѣднюю депешу, молодой фаворитъ, чрезъ котораго нынѣ идутъ всѣ дѣла какъ большія, такъ и малыя, былъ очень боленъ, вслѣдствіе разгульной жизни, которую всѣ вели предпослѣднюю недѣлю. Слѣдовательно, до окончательнаго его выздоровленія нечего и думать, чтобы императрица принялась за какія-нибудь дѣла».

На слѣдующій день, 5-го апрѣля, онъ писалъ вновь: «Болѣзнь

молодаго фаворита перешла въ ревматизмъ и совершенно поглощаетъ всѣ мысли и заботы двора».

Гюи Диккенсъ понималъ справедливое нетерпѣніе своего двора, онъ сознавалъ также, до нѣкоторой степени, и свою вину въ томъ, что дѣла Англіи подвигались такъ медленно въ Петербургѣ. Причины, которыми онъ объясняетъ свою неудачу, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе быть отозваннымъ со своего поста, стоютъ того, чтобы ихъ привести здѣсь, такъ какъ онѣ рисуютъ, въ то же время, и положеніе Петербургскаго двора. И такъ Гюи Диккенсъ писалъ 18-го февраля 1755 г.

«Его Величеству надлежало бы имѣть, при здѣшнемъ дворѣ, посланникомъ человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ, по понятіямъ этой страны, иностранный посланникъ не долженъ пропускать ни одного пріема при дворѣ, ни одного бала, маскарада, спектакля, оперы, вообще, ни одного общественнаго увеселенія. По понятіямъ русскихъ, это является, кажется, главнымъ предметомъ ихъ миссіи. Я не могу, въ мои лѣта, вести подобнаго образа жизни, но нахожу это положительно необходимымъ».

Сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ, назначенный англійскимъ кабинетомъ въ преемники Гюи Диккенсу, по своимъ вкусамъ и склонностямъ былъ созданъ для того, чтобы блистать и имѣть успѣхъ при такомъ дворѣ, каковъ былъ Петербургскій, но хотя онъ былъ человѣкъ вполнѣ свѣтскій, однако по своимъ дарованіямъ могъ быть весьма полезенъ своей странѣ. Сэръ Вилліамсъ провелъ передъ тѣмъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ курфирста саксонскаго, избраннаго королемъ польскимъ. Это былъ человѣкъ выдающагося ума, до вступленія на дипломатическое поприще игравшій видную роль въ парламентѣ, гдѣ онъ былъ въ числѣ самыхъ ярыхъ сторонниковъ своего закадычнаго друга, сэра Роберта Вальполя. Инструкціи, данныя ему 11-го апрѣля 1755 г., вполнѣ ясно опредѣляютъ цѣль возложеннаго на него порученія. Ему было предписано во что бы то ни стало склонить Россію къ дѣятельному участію въ кампаніи, лишь только послѣдуетъ объявленіе войны.

По этому поводу въ инструкціи говорилось: «Мало вѣроятія, чтобы несогласіе, существующее между Англіей и Франціей, уладилось, слѣдовательно, общеевропейская война неизбѣжна,

какъ открыто заявляютъ французскіе посланники въ Лондонѣ и Гагѣ. Въ виду этого, принявъ во вниманіе, что срокъ трактата, заключеннаго съ Россіей въ 1742 года, истекаетъ въ 1757 года, необходимо, какъ можно поспѣшнѣе, заключить съ нею новый договоръ. Воспользовавшись этимъ случаемъ, было бы кстати убѣдить русскихъ въ томъ, что Россія останется азіатскою державою, если она не приметъ участія въ войнѣ и дозволитъ королю прусскому привести въ исполненіе его честолюбивые, давно имъ задуманные, опасные планы, имѣющіе цѣлью увеличеніе его владѣній. Его Величество, давъ вамъ извѣстныя полномочія и инструкціи, тѣмъ самымъ даетъ вамъ право принять съ вашей стороны всѣ необходимыя мѣры для предупрежденія подобнаго несчастія».

Англійскій кабинетъ тѣмъ болѣе желалъ заключить тѣсный союзъ съ Россіей, что Вѣнскій дворъ ставилъ это обстоятельство непремѣннымъ условіемъ своего участія въ войнѣ, которая была неизбѣжна между Англіей и Франціей. Первый министръ Австріи прямо заявилъ Кейту, что Марія Терезія «пошлетъ свои войска на помощь Англіи во Фландрію и Ганноверъ, которые будутъ, по всей вѣроятности, главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій континентальной войны, лишь въ томъ случаѣ, когда она будетъ увѣрена въ поддержкѣ Россіи противъ Пруссіи,—отнюдь не прежде этого». Дѣйствительно, Вѣнскій дворъ вовсе не желалъ принимать участія въ войнѣ, не сулившей ему никакихъ выгодъ; единственнымъ его желаніемъ было сокрушить короля прусскаго и вырвать у него Силезію. Для достиженія этой давно желанной цѣли, ему была необходима поддержка Россіи; предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, Марія Терезія не могла бы этого достигнуть. Слѣдовательно, говорилъ Кауницъ, Австріи надобно, во что бы то ни стало, заручиться содѣйствіемъ русскихъ войскъ,—это единственное средство одолѣть общаго врага, т. е. короля прусскаго. Такимъ образомъ, желая имѣть поддержку Вѣнскаго двора, Англія должна была немедленно располагать русскимъ войскомъ, стоявшимъ на квартирахъ въ Ливоніи, и заставить его произвести диверсію противъ короля прусскаго въ тотъ моментъ, когда Австрія двинула бы противъ него свои войска. Кауницъ постоянно твердилъ это на всѣ лады англійскому посланнику. Онъ высказался еще опредѣленнѣе

въ своей нотѣ отъ 1-го іюня 1755 г.: «Англія, конечно, не думаетъ, говоритъ онъ, чтобы мы не понимали огромной разницы, существующей между трактатомъ, который предполагается заключить, и трактатомъ уже заключеннымъ, между шестидесяти-тысячнымъ корпусомъ русскихъ войскъ, существующимъ только на бумагѣ, расположеннымъ въ мѣстностяхъ, весьма отдаленныхъ одна отъ другой, и 80 тысячами пруссаковъ, которые могутъ быть сосредоточены въ двѣ недѣли и двинуты во владѣнія австрійской императрицы».

Значеніе этихъ словъ было слишкомъ ясно, чтобы англійскій кабинетъ не понялъ его. Вѣнскій дворъ заботился единственно о своихъ собственныхъ интересахъ, а ничуть не объ интересахъ своихъ союзниковъ. Между тѣмъ разрывъ между Франціей и Великобританіей былъ неизбѣженъ; война вспыхнула уже въ водахъ, омывающихъ Сѣверную Америку, и англійскій кабинетъ, не имѣя возможности долѣе обходиться на материкѣ безъ поддержки Австріи, былъ вынужденъ торопить Русскій дворъ къ скорѣйшему заключенію союза; сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ не щадилъ для этого своихъ усилій, но они видимо не имѣли бо́льшаго успѣха, нежели всѣ старанія его предшественника. Однако, онъ не терялъ надежды, ибо 4 іюля 1755 года онъ писалъ: «Не только Бестужевъ сочувствуетъ союзу съ Англіей, но и Воронцовъ созналъ свою ошибку; онъ убѣжденъ, въ настоящее время, въ томъ, что самымъ опаснымъ союзникомъ Россіи является король прусскій, такъ какъ онъ самый естественный и самый страшный ея врагъ».

Въ этой же депешѣ, сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ высказываетъ, какого рода аргументами можно было, по его мнѣнію, повліять самымъ дѣйствительнымъ образомъ на русскихъ.

«Олсуфьевъ — душа Воронцова, который говоритъ только его словами, — пишетъ онъ. Я могу заручиться его услугами, давъ ему 500 дукатовъ единовременно и ежегодную пенсію такихъ же размѣровъ; мнѣ кажется, что онъ можетъ быть мнѣ весьма полезенъ. Не меньшимъ вліяніемъ пользуется Функъ, саксонскій посланникъ; онъ преданъ своему двору, но не получалъ жалованья за девять третей и находится, въ настоящее время, въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ будетъ вѣрнымъ слугою короля, получивъ ту же сумму, какую я предполагаю дать Олсуфьеву. Третій человѣкъ, котораго необхо-

*

димо подкупить—Волковъ, личный секретарь Бестужева. Онъ будетъ къ моимъ услугамъ, получивъ единовременно 500 дукатовъ и пенсію въ 250 дукатовъ.—Пока я говорилъ объ этомъ съ однимъ только Олсуфьевымъ».

Англійскій кабинетъ одобрилъ эти мѣры, и сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ имѣлъ удовольствіе сообщить своему двору нѣсколько дней спустя, именно 9-го августа, что «съ Россіей заключена наконецъ конвенція, которою намъ, главнымъ образомъ, обезпечена поддержка противъ Франціи и помощь Австріи». Вслѣдствіе этого, Бестужевъ получилъ, кромѣ обычныхъ дипломатическихъ подарковъ, десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Что касается Олсуфьева, то онъ съ благодарностью принялъ все ему предложенное. Сама императрица, подписывая этотъ договоръ, на который она такъ долго не соглашалась, руководилась при этомъ своими собственными соображеніями, о коихъ зналъ и англійскій посланникъ, ибо онъ писалъ въ той же депешѣ: «Несомнѣнно, что всѣ деньги, которыя этотъ дворъ получитъ по первому пункту секретнаго трактата, поступятъ въ шкатулку императрицы; а такъ какъ она занята, въ настоящее время, постройкою двухъ или трехъ большихъ дворцовъ, то для окончанія ихъ нуждается въ деньгахъ; это обстоятельство много способствовало быстрому заключенію конвенціи».

Это не мѣшало слишкомъ довѣрчивому сэру Вилліамсу добавить: «Антипатія императрицы къ Франціи и Пруссіи увеличивается съ каждымъ днемъ, а ея симпатія къ королю англійскому и къ его союзнику, Вѣнскому двору, ростетъ такъ быстро, что я готовъ ручаться, несмотря на свои слабыя силы, что мнѣ удастся добиться, при помощи тѣхъ маленькихъ субсидій, которыя я испрашиваю у короля, что этотъ дворъ будетъ въ рукахъ Его Величества, что король будетъ располагать имъ такъ, какъ никто изъ прочихъ монарховъ, и здѣсь ничто не будетъ дѣлаться противъ желанія Его Величества или вопреки его приказаніямъ.

«Государственный канцлеръ велъ себя прекрасно. На лицѣ его отразилась большая радость, когда его алчность была удовлетворена тѣми предложеніями, которыя я ему сдѣлалъ. Воронцовъ дѣйствовалъ также по мѣрѣ силъ. Его Величеству слѣдовало бы дать ему еще что-нибудь сверхъ обычныхъ подарковъ; пятьсотъ фунтовъ ст.,

употребленные на покупку перстня, имѣли бы самое благопріятное вліяніе на успѣхъ всѣхъ переговоровъ, которые намъ придется вести впослѣдствіи съ этимъ дворомъ».

Два дня спустя, именно 11 августа, сэръ Чарльсъ Ганбери Вилліамсъ писалъ: «Государственный канцлеръ увѣрялъ меня въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ, что всякая прибавка къ суммѣ, подлежащей уплатѣ по первому пункту секретнаго договора, была бы весьма пріятна Ея Величеству и была бы принята ею, до нѣкоторой степени, какъ личное одолженіе. Эта прибавка предоставила бы здѣшній дворъ и императрицу въ полное распоряженіе Его Величества. Пятьдесятъ тысячъ ф. ст., приблизительно, присланные на личныя надобности императрицы, произвели бы большое впечатлѣніе. Словомъ, цѣною того, что дано до сихъ поръ, будетъ куплена поддержка русскихъ войскъ, но послѣдняя сумма пріобрѣтетъ намъ сочувствіе императрицы».

Старый другъ сэра Роберта Вальполя былъ дѣйствительно самымъ подходящимъ для Россіи посланникомъ. Къ сожалѣнію, конвенція, имъ заключенная, не заслужила одобренія Англійскаго кабинета, ни по существу, ни по формѣ. Во-первыхъ, сэръ Чарльзъ Вилліамсъ согласился, чтобы конвенція была подписана сперва англійскимъ королемъ и чтобы его подпись стояла первою, а это было противно общепринятой формѣ протоколовъ. Во-вторыхъ, желая скорѣе покончить дѣло, онъ согласился, чтобы условія, касающіяся передвиженія войскъ, сроковъ уплаты субсидіи и т. п., были измѣнены въ пользу Россіи. Англійскій кабинетъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ этой конвенціей, которая связывала, относительно его, русскую императрицу лишь въ томъ случаѣ, если это согласовалось съ ея интересами, тѣмъ болѣе, что она заключила, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подобный же договоръ, безъ всякихъ оговорокъ, съ Вѣнскимъ дворомъ. По четвертому секретному пункту этого договора съ Австріей, Россія обязалась держать въ Ливоніи 60.000 корпусъ, готовый выступить по первому объявленію войны между Пруссіей и Австріей. Впрочемъ, англійскій кабинетъ менѣе заботился о сущности заключенной имъ конвенціи, нежели о ея значеніи въ глазахъ Вѣнскаго кабинета, который, какъ мы видѣли, даже настаивалъ на ея заключеніи. Кауницъ видимо былъ

вполнѣ удовлетворенъ конвенціей; ея условія не особенно интересовали Вѣнскій кабинетъ; ему было достаточно, что этотъ фактъ могъ вызвать неудовольствіе короля прусскаго и долженъ былъ отвлечь его отъ сближенія съ Англіей.

Поэтому Англійскій кабинетъ согласился признать конвенцію, заключенную его представителемъ въ Петербургѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постарался устроить дѣло такъ, чтобы оно не вызвало неудовольствія Фридриха: Англія извѣстила короля объ этомъ договорѣ, къ чему она не была обязана, оставляла ему исходъ, на тотъ случай, если бы онъ пожелалъ вступить съ нею въ союзъ. Хотя Сентъ-Джемскій кабинетъ придавалъ большое значеніе союзу съ Австріей и совмѣстному дѣйствію съ ней въ войнѣ съ Франціей, но онъ вовсе не хотѣлъ жертвовать своими интересами для удовлетворенія злобы мстительной Маріи-Терезіи. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, лордъ Гольдернессъ, въ письмѣ къ англійскому посланнику въ Берлинѣ отъ 10 окт. 1755 г., совершенно ясно опредѣляетъ взаимное положеніе обоихъ дворовъ и разницу въ ихъ политикѣ, говоря: «Насъ тревожитъ Франція, Австрію—Пруссія. Она окажетъ намъ содѣйствіе въ борьбѣ съ Франціей только въ случаѣ, если мы будемъ врагами Пруссіи и поможемъ ей вернуть утраченное въ послѣднюю войну. При нашемъ теперешнемъ положеніи, очевидно, было бы безразсудно задаваться подобными цѣлями».

Эти мысли англійскаго правительства не были тайною для Вѣнскаго двора. Австрійская императрица и ея министръ Кауницъ предвидѣли, что холодныя отношенія, существовавшія между двумя дворами со времени возобновленія мира, рано или поздно приведутъ къ открытому разладу. Вѣнскій кабинетъ, желая обезпечить себя отъ всякой случайности, хотѣлъ пріобрѣсти друзей болѣе покладистыхъ, нежели англичане, и которые охотнѣе стали бы помогать ему въ борьбѣ противъ короля прусскаго. Прежде всего онъ обратилъ взоры на Петербургъ. Между обѣими императрицами, которыхъ соединяла общая ненависть къ Пруссіи, царствовало полнѣйшее единомысліе. Подобно тому какъ австрійскій посланникъ въ Россіи дѣйствовалъ вначалѣ за одно съ англійскимъ посломъ и даже помогалъ ему въ переговорахъ при заключеніи конвенціи, такъ и Вѣнскій кабинетъ пожелалъ имѣть въ этомъ дѣлѣ посредника. Изъ Вѣ-

ны былъ посланъ въ Петербургъ гр. Цинцендорфъ, повидимому, безъ всякаго особеннаго порученія; его пріѣздъ возбудилъ неудовольствіе австрійскаго посланника при Русскомъ дворѣ, который былъ весьма озабоченъ этой поѣздкой. Точно также, если не болѣе, былъ этимъ встревоженъ сэръ Чарльзъ Вилліамсъ; онъ съ перваго же момента заподозрилъ, что между Россіей и Австріей подготовляется союзъ, существованіе котораго желаютъ скрыть отъ Англіи.

Между тѣмъ Британскій кабинетъ сообщилъ Фридриху о конвенціи, заключенной съ Россіей, которую оставалось только ратификовать императрицѣ. Король прусскій сразу понялъ значеніе этого договора, направленнаго исключительно противъ него, и съ обычной рѣшимостью, отличавшей всѣ его дѣйствія, отвѣчалъ на сдѣланное ему сообщеніе такими предложеніями, которыя должны были совершенно измѣнить роли, т. е. изъ врага сдѣлать его союзникомъ Англіи. Дѣйствительно, 16 января 1756 г. имъ подписанъ трактатъ, обезпечившій взаимные интересы обѣихъ державъ на континентѣ.

Трудно было сохранить въ тайнѣ переговоры, происходившіе между Пруссіей и Англіей. Они возбудили неудовольствіе Вѣнскаго кабинета, который и ранѣе подозрѣвалъ, что Англія не питаетъ особенно злобныхъ чувствъ къ королю прусскому; поэтому Австрія постаралась возстановить противъ Англіи императрицу Елизавету. 17-го февраля 1756 г. сэръ Чарльзъ Вилліамсъ писалъ лорду Гольдернессу: «Я полагаю, что трактатъ, заключенный съ Пруссіей, не будетъ имѣть невыгодныхъ для насъ послѣдствій при здѣшнемъ дворѣ; я готовъ даже поручиться въ этомъ вашему сіятельству. Я стараюсь день и ночь предотвратить эту непріятность и надѣюсь, что мои труды не будутъ напрасны».

Однако, Елисавета не спѣшила ратификовать конвенцію, и сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ писалъ два дня спустя, именно 19-го февраля: «Ратификація шестую недѣлю лежитъ неподписанная на столѣ у императрицы, и мнѣ приходится съ грустью добавить, что оба канцлера дотого боятся государыню, что у нихъ не хватаетъ смѣлости напомнить Ея Величеству о необходимости подписать эту бумагу».

14-го (25-го) февраля конвенція была наконецъ ратификована, но

со включеніемъ добавочной статьи, что «договоръ этотъ будетъ имѣть законную силу лишь въ томъ случаѣ, ежели король прусскій нападетъ на владѣнія Его Величества короля великобританскаго или на владѣнія его союзниковъ»; слѣдовательно, онъ терялъ всякую силу въ случаѣ заключенія союза между Англіей и Пруссіей. Бестужевъ и Воронцовъ клялись, что эта статья была включена въ договоръ безъ ихъ вѣдома и что все это было продѣлано въ покояхъ Шувалова. Англійскій посланникъ имѣлъ слабость повѣрить этимъ объясненіямъ и многимъ другимъ увѣреніямъ, заслуживавшимъ не болѣе довѣрія, и писалъ: «Бестужевъ поссорился съ Иваномъ Шуваловымъ; это обстоятельство чрезвычайно измѣняетъ положеніе дѣлъ при здѣшнемъ дворѣ. Вліяніе Ивана Шувалова усиливается ежедневно, и въ интересахъ Его Величества необходимо подкупить Петра Шувалова.

«Получивъ копію съ трактата, заключеннаго Пруссіей, я отправился къ Бестужеву, который поздравилъ меня съ этимъ новымъ союзомъ; но присовокупилъ, что императрица безъ сомнѣнія будетъ недовольна тѣмъ, что объ этомъ договорѣ было сообщено австрійскому посланнику въ Лондонѣ прежде, нежели ея министру; и что всякій, вновь заключенный союзъ между Англіей и Пруссіей долженъ быть весьма непріятенъ Ея Императорскому Величеству. Я отвѣчалъ на это, что подобный договоръ можетъ быть обиднымъ только Франціи и тѣмъ державамъ, которыя безъ того хотятъ считать себя обиженными. А что скажетъ Вѣнскій дворъ?—возразилъ онъ. Я отвѣчалъ, что ежели Австрійскій кабинетъ серьезно желаетъ мира, то онъ не можетъ ничего имѣть противъ этого. Я не счелъ умѣстнымъ говорить канцлеру, что поведеніе Австріи было одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ Его Величество заключить этотъ союзъ.

«Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ прямо далъ мнѣ понять, что онъ еще не получалъ обѣщанныхъ ему денегъ. Я успокоилъ его, сказавъ, что онъ всеконечно ихъ получитъ, и прибавилъ, что въ случаѣ, ежели бы онъ нуждался въ деньгахъ и былъ бы готовъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ искренно въ пользу короля, стараясь разсѣять безпокойство, которое прочія державы могутъ внушить императрицѣ, то я попрошу барона Вольфа немедленно выдать ему впередъ назначенную мною сумму. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что я пожелаю, и, со-

гласно съ этимъ, отправилъ императрицѣ полученныя прошлою ночью изъ Лондона и только-что дешифрированныя депеши кн. Голицына, съ комментаріями, мною продиктованными, въ которыхъ онъ говоритъ, что конвенція, заключенная въ Петербургѣ, имѣла уже послѣдствіемъ болѣе миролюбивое настроеніе короля прусскаго, вслѣдствіе чего онъ вступилъ въ переговоры съ королемъ англійскимъ, которые привели къ заключенію этого трактата, и что поддержать миръ въ Европѣ однимъ почеркомъ пера такъ же достойно славы императрицы, какъ возстановить его побѣдою».

Воронцовъ только замѣтилъ англійскому посланнику съ иронiей, что сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ вѣроятно не увѣренъ, что «можно вполнѣ разсчитывать, что императрица сдержитъ свои обязательства, ежели король прусскій попытается нарушить миръ».

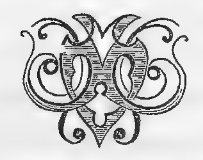
Въ той же депешѣ, сэръ Чарльзъ Ганбери Вилліамсъ хвалился содѣйствіемъ и поддержкою со стороны австрійскаго посланника. Оканчивая донесеніе, онъ говоритъ, что хотя опасаться нечего, но надобно, на всякій случай, подкупить Петра Шувалова, который весьма опасенъ по своему вліянію на фаворита Шувалова, своего родственника, и что генералу Апраксину надобно послать саблю, обѣщанную ему лордомъ Гинфордомъ. «Апраксинъ, — говоритъ онъ, — можетъ повредить намъ; онъ имѣетъ большой вѣсъ при дворѣ, гдѣ всѣ сановники славятся своею продажностью».

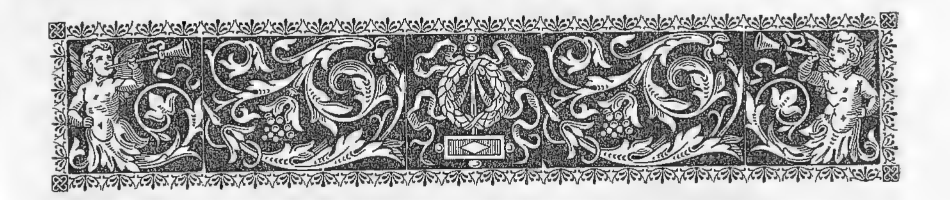
Эстергази, видимо, не былъ посвященъ въ тайные переговоры Вѣнскаго кабинета или не получилъ на этотъ счетъ соотвѣтственныхъ инструкцій, ибо, когда императрица Елисавета заговорила съ нимъ о договорѣ, заключенномъ Пруссіей, то онъ отвѣчалъ, что можетъ высказать по этому поводу свое мнѣніе только какъ частный человѣкъ, и полагаетъ, что этимъ трактатомъ можетъ быть обезпеченъ миръ. Такъ переданъ имъ, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ сэру Вилліамсу; онъ прибавилъ, что «императрица видимо была обижена; она сказала ему, что ея ожиданія сводились къ тому, что король англійскій и Вѣнскій дворъ выработаютъ какой-нибудь общій планъ дѣйствій, дабы сокрушить могущество прусскаго короля, и что она, со своей стороны, во всякое время, была бы готова способствовать этому».

Можно сомнѣваться въ правдивости австрійскаго посланника,

но Елисавета безъ сомнѣнія была вполнѣ искренна, говоря о своей ненависти къ королю прусскому. Конвенція, такъ недавно ею заключенная съ Англіей, для нея какъ бы не существовала; Фридрихъ, въ ея мысляхъ, совершенно не входилъ въ число союзниковъ Георга II. Между тѣмъ сэра Чарльза Ганбери Вилліамса успокоивало одно обстоятельство, именно плохое состояніе здоровья императрицы, которой не давали болѣе шести мѣсяцевъ жизни, а великая княгиня, которой предстояло, по всей вѣроятности, управлять страною именемъ мужа, смотрѣла весьма благосклонно на союзъ Россіи съ Англіей и настаивала на соблюденіи конвенціи. Такъ писалъ, по крайней мѣрѣ, сэръ Вилліамсъ 19-го февраля. Это былъ уже не первый случай, что имя великой княгини упоминалось въ депешахъ и что на ея мнѣнія ссылались.

(Продолженіе слѣдуетъ.)





ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА, ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ [1]).

Учителя и наставники благороднаго пансіона.—Отношенія между учениками и учителями.—Несправедливый отзывъ Пржевальскаго.—Отношенія между учениками. — Замѣчательный ураганъ. — Колечицкій—гусаръ старыхъ временъ.—Его романъ и самоубійство.

Знаменитый путешественникъ Пржевальскій, говоря въ своей автобіографіи объ учителяхъ нашей гимназіи, выразился, что «подборъ учителей за малыми исключеніями былъ невозможный, они пьяные приходили въ классъ, бранились съ учениками, позволяли себѣ таскать ихъ за волосы»... и такъ далѣе. По всей вѣроятности никто не сочтетъ оскорбленіемъ памяти такой громкой знаменитости, какъ Пржевальскій, если я безъ малѣйшей церемоніи, прямо скажу, что подобный отзывъ, отъ начала до конца, несправедливъ; amicus Plato, sed magis amica veritas. Конечно, говоря о прошломъ съ той высоты, съ какой написаны вышеприведенныя строки, можно и слона принять за букашку, но я буду о нихъ говорить съ точки зрѣнія смертнаго, весьма простаго, и постараюсь сказать все, что припомню, не скрывая и дурныхъ сторонъ. Прежде всего скажу, что мнѣ кажется нѣсколько страннымъ, почему знаменитый путешественникъ упоминаетъ только о

---

[1]) См. «Русскую Старину» сентябрь 1895 г.

самыхъ (за исключеніемъ Домбровскаго) болѣе или менѣе незначительныхъ и забываетъ о другихъ, о которыхъ даже и такой знаменитости вспомнить было бы не грѣхъ. Теперь считаю долгомъ честнаго человѣка заявить, что во все время моего пребыванія въ гимназіи (я кончилъ курсъ двумя годами раньше Пржевальскаго) я ни одного разу не видѣлъ, чтобы который-либо изъ учителей являлся пьянымъ, или таскалъ кого-либо за волосы. Припомню всѣхъ поодиночкѣ и если кто-либо когда прочтетъ эти строки, то увидитъ, что если между ними и были личности нѣсколько странныя, а нѣкоторымъ изъ нихъ и случалось браниться съ учениками, то были и такія, о которыхъ нельзя и припомнить безъ чувства уваженія.

Упоминаемый Пржевальскимъ отецъ Пареенiй Доронинъ былъ дѣйствительно очень почтенный человѣкъ и священникъ, и мы всѣ его любили; но о немъ я не могу припомнить ничего, чего-либо выдающагося, за исключеніемъ развѣ одного случая, который дѣлаетъ ему честь и довольно хорошо рисуетъ его характеръ. Отецъ мой, не помню въ какое именно время, хлопоталъ объ опредѣленіи одной изъ моихъ сестеръ въ институтъ, и ему необходимо было имѣть свидѣтельство о ея познаніяхъ, подписанное нѣсколькими учителями гимназіи. Подобныя свидѣтельства, по большей части, выдавались на основаніи удостовѣренія самихъ родителей, конечно смотря по степени достовѣрности, и никто изъ учителей не провѣрялъ никогда этихъ свѣдѣній на мѣстѣ. Само собою разумѣется, что иногда дѣло не обходилось и безъ приношеній. Всѣхъ остальныхъ учителей отецъ объѣздилъ самъ, а къ отцу Пареенію, не знаю по какой причинѣ, послалъ меня. До того времени мнѣ никогда не случалось у него бывать, хотя и былъ еще ученикомъ гимназіи. Я засталъ отца Пареенія въ его опрятной и скромной гостиной задумчиво бродящимъ изъ угла въ уголъ и, когда я изложилъ ему просьбу моего отца, то онъ еще больше задумался и долгое время, стоя передо мною, ничего не отвѣчалъ. «Да!»—наконецъ заговорилъ онъ,—«да какъ же это такъ? вѣдь мнѣ же неизвѣстно, что именно знаетъ ваша сестрица?» Я сказалъ ему, что онъ можетъ быть совершенно спокоенъ, что у сестеръ есть хорошая наставница, и въ доказательство показалъ свидѣтельство, подписанное всѣми учителями. «Нѣтъ!»—сказалъ отецъ Пареенiи,—«я лучше съѣзжу къ вамъ вмѣстѣ съ вами! вѣдь у васъ тутъ есть лошадь?» Я посадилъ почтеннѣйшаго законоучителя съ собою въ сани, мы вмѣстѣ пріѣхали въ нашъ домъ, и онъ только тогда подписался на свидѣтельствѣ, когда лично убѣдился, что десяти, или даже, помнится, восьмилѣтняя дѣвочка можетъ удовлетворительно отвѣчать на его вопросы. Отецъ, который вовсе не зналъ отца Пареенія, попытался было предложить ему вознагражденіе за безпокойство, но онъ отказался такъ рѣшительно, что настаивать уже не было никакой возможности. Отецъ

Парѳеній, со времени моего поступленія, былъ уже вторымъ нашимъ законоучителемъ; онъ поступилъ на эту должность послѣ смерти отца Симеона Дубинскаго и оставался въ теченіе болѣе двадцати пяти лѣтъ. По поводу двадцатипятилѣтняго юбилея, всѣ бывшіе его ученики поднесли ему, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода, наперсный крестъ, украшенный брильянтами. Предмѣстникъ отца Парѳенія былъ человѣкъ очень умный, магистръ духовной академіи и поступилъ на должность законоучителя, послѣ своего тестя, отца Никиты Троицкаго, въ томъ же самомъ году, когда и мы съ братьями опредѣлились туда. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ всего около двухъ лѣтъ и во время каникулъ втораго года, въ припадкѣ бѣлой горячки, утопился въ Днѣпрѣ. Онъ былъ мужчина громаднѣйшаго роста и по всей вѣроятности обладалъ гигантскою силою.

Такъ какъ я намѣренъ говорить отдѣльно о каждомъ изъ нашихъ учителей, то чтобы не забыть о которомъ-нибудь изъ нихъ—поименую сначала всѣхъ, распредѣливъ по преподававшимся ими предметамъ.

Объ учителяхъ нѣмецкаго языка я уже говорилъ, а французскій преподавался также двумя учителями, изъ которыхъ одинъ назывался Александромъ Ивановичемъ Лавровымъ, а другой, бельгіецъ, настоящее имя котораго было George Jean, извѣстенъ былъ всѣмъ подъ упрочившимся за нимъ именемъ Егора Ивановича Яна. Объ этомъ послѣднемъ мнѣ придется говорить особо, потому что онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ нашемъ домѣ и былъ нашимъ гувернеромъ, послѣ выхода изъ пансіона. Русскій языкъ преподавали К. В. Широковъ и Меркурій Петровичъ Мировъ; послѣдній въ скоромъ же времени былъ замѣненъ Гавріиломъ Антоновичемъ Гурскимъ. Латинскому языку насъ учили также двое: П. М. Мининъ и Августъ Львовичъ Ниландеръ, который впослѣдствіи преподавалъ также и греческій; а математикѣ и физикѣ—цѣлыхъ трое: высокочтимый Викторъ Елисѣевичъ Никитинъ, Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ и Н. Я. Толмачевъ, мѣсто котораго потомъ занялъ Ѳедоръ Павловичъ Еленевъ. Учителемъ исторіи я засталъ Петропавловскаго, имя котораго позабылъ, но скоро же на его мѣсто поступилъ Витольдъ Андреевичъ Домбровскій. Учителями: географіи былъ Сергѣй Васильевичъ Дьяконовъ, а рисованія и черченія—Александръ Мартиньяновичъ Ѳедотовъ. Были еще въ старшихъ классахъ преподаватели законовѣдѣнія, которыхъ при мнѣ смѣнилось трое: Пискаревъ, Лукашевичъ и Лыкошинъ, а передъ самымъ окончаніемъ курса ихъ замѣнилъ еще и четвертый—Малиновскій. Въ послѣдній же годъ моего пребыванія въ гимназіи было учреждено преподаваніе естественныхъ наукъ, и учителемъ этого предмета былъ назначенъ Владиміръ Викентьевичъ Ровинскій, дворянинъ и помѣщикъ нашей же губерніи и братъ одного изъ нашихъ товарищей. Вотъ и весь составъ тогдашнихъ учи-

телей, потому что въ ихъ число уже никакимъ образомъ нельзя включить ни учителя пѣнія, ни гарнизоннаго унтеръ-офицера Дрэзу, который довольно долгое время, и очень старательно, преподавалъ намъ повороты направо, налѣво, и налѣво-кругомъ и маршировку.

Изъ всѣхъ названныхъ учителей, собственно, странными, какъ я выразился выше, можно назвать только четверыхъ: Мирова, Ѳедотова, Дьяконова и Толмачева. О первомъ я уже сказалъ все, что зналъ, а объ остальныхъ скажу сейчасъ. Слѣдующій за нимъ Ѳедотовъ, о которомъ г. Пржевальскій говоритъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе «всѣхъ обращать въ православную вѣру», былъ дѣйствительно и глупъ, и грубъ, и невѣжественъ, но я положительно не могу догадаться, на что именно намекаетъ вышеприведенный отзывъ. Этотъ Ѳедотовъ былъ вольноотпущеннымъ дворовымъ человѣкомъ какой-то помѣщицы, фамилію которой я не помню, но знаю, что моя матушка во время своего дѣвичества бывала въ домѣ этой помѣщицы и очень хорошо помнила Ѳедотова стоявшимъ у дверей на вытяжку, съ подносомъ въ рукахъ. Я не знаю, какимъ способомъ попалъ онъ въ учителя и даже получилъ нѣсколько чиновъ, но спѣшу прибавить, что его лакейское происхожденіе могло считаться постыднымъ развѣ только въ то время, а теперь никто не станетъ ставить этого въ вину кому бы то ни было, да и не всегда было бы удобно это сдѣлать; но дѣло въ томъ, что Ѳедотовъ самъ какъ-то уже очень глупо забывалъ объ этомъ и, сдѣлавшись учителемъ, всѣмъ ученикамъ говорилъ не иначе, какъ «ты», а ко мнѣ и къ моему двоюродному брату нерѣдко обращался со слѣдующею фразою: «я твою маменьку помню, когда она была еще княжною: мы съ нею встрѣчались въ одномъ домѣ». Кромѣ этого, у него имѣлись еще нѣкоторыя особенности, постоянно возбуждавшія смѣхъ его учениковъ. Урокъ его обыкновенно начинался съ того, что онъ сначала долго разсаживалъ насъ за оклеенныя бумагою доски, на которыхъ виднѣлись недорисованные глаза, носы, уши и разныя другія изображенія; а когда всѣ начинали дѣлать видъ, что рисуютъ—онъ преважно отправлялся расхаживать по классу, изъ угла въ уголъ, и при этомъ непремѣнно, или брался обѣими руками за концы фалдъ своего широчайшаго, форменнаго фрака, или одною рукою держался за фалду, а другою, попеременно, ерошилъ свои растрепанные курчавые волосы. Впрочемъ на «ты» онъ обращался съ кѣмъ-либо только до тѣхъ поръ, пока его хорошенько не осадили, а послѣ этого—дѣлался почтителенъ и даже подобострастенъ; по крайней мѣрѣ такъ было со мною. Обученіе рисованью было необязательно, и являлся на его уроки только тотъ, кто хотѣлъ, а вслѣдствіе этого они даже и не считались уроками и въ теченіе ихъ шумъ и гвалтъ бывали невообразимы. Онъ, дѣйствительно, постоянно только и дѣлалъ, что однимъ кричалъ: на колѣни! (что, впрочемъ, бы-

вало только съ учениками младшаго возраста (и можетъ быть именно это Пржевальскій называлъ «обращеніемъ въ православную вѣру»), то другихъ, уже очень разшалившихся, покушался ухватить за вихоръ; но ни на то, ни на другое никогда и никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. На колѣни иной становился развѣ еще для какой-нибудь пущей шалости, за вихоръ ему тоже никого не удавалось поймать и, по большей части, въ серединѣ урока, какъ deus ex machina, въ классъ врывался директорскій сынъ, котораго Ѳедотовъ почтительно величалъ по имени и отчеству. Тотъ же начиналъ выкидывать съ Ѳедотовымъ такія шутки, что иногда даже и сами ученики примолкали, находя ихъ уже нѣсколько излишними; а самъ Ѳедотовъ только тогда, когда тотъ уже очень его допекалъ, начиналъ отчаяннымъ голосомъ кричать: «Давыдъ Ивановичъ! уберите отсюда, пожалуйста, Александра Александрыча!» Двоюродный братъ мой, который рисовалъ гораздо лучше самого Ѳедотова, обращался съ нимъ, также какъ и всѣ, разумѣется, не особенно церемонно, хотя я помню, что онъ старался по большей части не колоть ему глазъ тѣмъ, что самъ имѣлъ бы возможность научить его кое-чему; но вотъ, однажды, я вдругъ вижу, что Ѳедотовъ, пріотворивъ дверь нашего, послѣдняго уже, седьмаго класса, въ которомъ мы оба тогда были, знаками вызываетъ меня въ коридоръ. Когда я вышелъ, то, къ моему удивленію, онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами: «послушайте! скажите, пожалуйста, вашему двоюродному брату, чтобы онъ обращался со мною почтительнѣе! онъ думаетъ, что имѣетъ право такъ обращаться потому, что онъ артистъ; да я изъ каждаго могу сдѣлать такого артиста, какъ онъ!» Мнѣ оставалось отвѣчать на это только одно, что если онъ не слушаетъ его, учителя и старшаго, то какъ же я могу заставить его сдѣлать это, когда онъ самъ старше меня? Артистомъ, впрочемъ, Ѳедотовъ никого не сдѣлалъ, да и самъ былъ живописецъ весьма плохой, доказательствомъ чего и до сихъ поръ могутъ служить находящіеся въ залѣ дворянскаго собранія, писанные имъ портреты нѣкоторыхъ лицъ императорской фамиліи; но мнѣнія о своемъ художествѣ былъ—очень высокаго. Какъ разъ въ это время начали славиться картины извѣстнаго П. А. Ѳедотова, и мы, прочитавъ о нихъ обширную статью, помѣщенную въ «Современникѣ», показали ему ея заглавіе и шутя начали увѣрять, что это пишутъ о немъ. «Покажите-ка, покажите!»—важно сказалъ Ѳедотовъ, но въ книгу не заглянулъ и продолжалъ: «а! это должно быть о тѣхъ моихъ картинахъ, которыя тамъ»... гдѣ именно—не помню. Онъ такъ и остался въ полной увѣренности, что статья была о немъ. Начальства, вообще, Ѳедотовъ боялся страшно и когда еще издали по коридору начинали раздаваться шаги Ѳедота, то онъ уже ерзалъ и суетился на своемъ учительскомъ креслѣ; а если случалось, что

тотъ заходилъ въ классъ, то прежде нежели Ѳедотъ брался за ручку двери—Александръ Мартиньяновичъ уже вскакивалъ и низко кланялся.

Учитель географіи Дьяконовъ былъ личность, лучше всего выразиться—безжизненная: его, такъ же, какъ и Мирова, даже и вообразить себѣ было нельзя не въ форменномъ фракѣ, или говорящимъ о чемъ-либо другомъ, кромѣ географіи. Онъ, молча и опустивъ глаза, входилъ въ классъ, какъ только сѣлъ, сейчасъ же начиналъ, по списку, вызывать для отвѣта заданнаго урока; молча же выслушивалъ и хорошіе и дурные отвѣты, ставилъ баллы и потомъ начиналъ, по учебнику инспектора Ѳедота, толковать урокъ на слѣдующій разъ. Какъ только раздавался звонокъ, онъ, точно также молча, уходилъ.

Но уже полнѣйшимъ образцомъ какой-то шутовской своеобразности былъ учитель математики Н. Я. Толмачевъ. Я слышалъ, будто онъ уже давно умеръ, но если это ошибка, и онъ еще живъ, а случайно прочтя эти строки, узнаетъ себя — то пусть не погнѣвается, потому что я не скажу о немъ ничего, кромѣ истинной правды. Человѣкъ онъ былъ еще молодой, росту не болѣе двухъ аршинъ, но для того, чтобы быть хотя нѣсколько выше — носилъ высочайшіе каблуки, на которыхъ ему ступать было, замѣтно, очень неловко. Былъ онъ большой франтъ, одѣвался всегда очень долго, а по его жилету постоянно была развѣшена очень длинная золотая цѣпочка; но злые языки говорили, что на этой цѣпочкѣ часовъ не бывало никогда. Была у него еще и пара лошадей, на которыхъ онъ, и зимою и лѣтомъ, то и дѣло разъѣзжалъ по всему городу. Лошади эти постоянно запрягались съ пристяжкою; пристяжная непремѣнно скакала и завивалась. Уроки его постоянно бывали какими-то театральными представленіями и начиналъ буффонить всегда онъ самъ, безъ малѣйшаго вызова со стороны учениковъ. Объясняя урокъ, онъ почти всегда расхаживалъ по классу, постукивая своими высочайшими каблуками, и постоянно говорилъ такъ, какъ будто кричалъ, что происходило, вѣроятно, отъ того, что онъ замѣтно старался придать силу и звучность своему немного пискливому голоску.

Помню еще, какъ въ то время, когда уже мы, съ братьями, были вольноприходящими, и въ одинъ скучный осенній вечеръ сидѣли дома, занимаясь приготовленіемъ уроковъ съ жившимъ у насъ, въ качествѣ репетитора, гимназистомъ старшихъ классовъ Богдановымъ, вдругъ къ намъ, совершенно неожиданно, вошелъ Толмачевъ. Онъ усѣлся, началъ разспрашивать насъ о томъ, чѣмъ мы занимаемся, и заводить другіе посторонніе разговоры, а потомъ вдругъ объявилъ, что намъ не мѣшало бы брать у него частные уроки и что онъ даже очень не дорого за нихъ возьметъ—помнится — всего только по три рубля. Я, въ качествѣ старшаго, сказалъ на это, что безъ нашего отца мы не имѣемъ возмож-

ности ничего сдѣлать въ этомъ отношеніи; что отецъ въ настоящее время въ деревнѣ и неизвѣстно, когда пріѣдетъ.— «Такъ вы напишите объ этомъ отцу и придите ко мнѣ сказать, что онъ вамъ отвѣтитъ»,— преспокойно отвѣчалъ Толмачевъ и ушелъ. Послѣ его ухода меня начала озабочивать слѣдующая крѣпкая дума: между всѣми учениками гимназіи было вполнѣ установлено то убѣжденіе, что большая часть учителей (за исключеніемъ нѣкоторыхъ) очень любитъ давать эти частные уроки и что, вообще, гораздо легче и пріятнѣе учиться тому, чьи родители пощедрѣе или побогаче, нежели тому, у кого они бѣдны, скупы, или просто недогадливы. Я и самъ видѣлъ ясное подтвержденіе этого изъ примѣра моего дяди, но не менѣе хорошо была мнѣ извѣстна разсчетливость моего отца, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ или прямо откажетъ, или пошлетъ меня же къ Толмачеву поторговаться, чтобы онъ взялъ подешевле. И въ томъ и въ другомъ случаѣ положеніе мое одинаково было бы неловко: въ первомъ, я бы сгорѣлъ отъ стыда, услышавъ отъ Толмачева такую фразу, напримѣръ: «да неужели же отецъ вашъ такъ бѣденъ, что не можетъ заплатить какіе-нибудь три рубля»? что было весьма возможно; а во-второмъ—я бы скорѣе провалился сквозь землю. Не могу уже теперь припомнить, подъ какимъ именно предлогомъ отецъ не согласился на предложеніе Толмачева, но хорошо помню, что ходилъ сообщать объ этомъ къ нему на квартиру и по его недовольному виду тогда же догадался, что онъ не скоро это забудетъ. И дѣйствительно, съ этихъ поръ «Толкачь» очень замѣтно для всѣхъ сталъ ко мнѣ придираться, и придирки эти состояли въ томъ, что каждый разъ, когда онъ вызывалъ меня къ доскѣ, то, не давъ сказать даже двухъ словъ, уже начиналъ покачивать головою, строить недовольныя мины и бурчать что-то себѣ подъ носъ. Однажды, въ подобномъ же случаѣ, онъ уже не подъ носъ, а хотя и вполголоса, но очень явственно, началъ бормотать: — «что такое?... не хочетъ вовсе заниматься.... все ходитъ по городу.... какъ только я куда-нибудь выѣду, то непремѣнно его встрѣчаю.....» и я, вѣроятно, уже окончательно былъ выведенъ изъ терпѣнія, потому что, несмотря на мою постоянную застѣнчивость, рѣзко отвѣчалъ ему: — «нѣтъ, это я какъ только выйду изъ дома, такъ непремѣнно васъ встрѣчаю!» Всѣ засмѣялись невольно, и Толмачевъ замѣтно сконфузился:—«Да вѣдь это все равно!»—проговорилъ онъ...... —«Нѣтъ, не все равно»!—отвѣчалъ я тѣмъ же тономъ,— «потому что я вообще рѣдко выхожу!» Насъ, дѣйствительно, держали очень строго и куда-либо выходить пускали очень рѣдко, но по какой-то странной случайности, я каждый почти разъ встрѣчалъ на улицѣ Толмачева, и непремѣнно скачущимъ на своей парѣ съ пристяжкою. Впрочемъ, эти его придирки были не особенно злобны, и человѣкъ онъ былъ скорѣе добрый; я очень хорошо помню одинъ экзаменъ, гдѣ онъ

точно также, съ первыхъ моихъ словъ, вдругъ заговорилъ, вѣроятно уже по привычкѣ: «плохо, плохо!» и намѣревался уже ставить мнѣ баллъ. Случилось, къ моему счастью, что въ то время, когда я экзаменовался, инспекторъ Ѳедотъ куда-то вышелъ, и слѣдовательно бояться было не кого. «Какъ плохо?» — чуть не закричалъ я, и «Толкачь» смирился. — «Ну, ну, ну..... довольно! садитесь! три вамъ, три.... довольны вы этимъ?» Я, разумѣется, поспѣшилъ удовлетвориться и заблаговременно убраться до возвращенія Ѳедота, отъ котораго также, кромѣ придирокъ, ожидать не могъ ничего.

Изъ разсказаннаго мною о Толмачевѣ видно, что если онъ и не былъ вполнѣ безупреченъ по части вымогательства и пристрастія, то во всякомъ случаѣ эти его недостатки были и открыты и добродушны и даже наивны. Но были между учителями и такіе, которые въ подобныхъ случаяхъ поступали гораздо болѣе умѣло и систематично, а главное, осторожно: пристрастіе ихъ постоянно бывало очень искусно маскировано и только иногда проявлялось во всемъ своемъ блескѣ. Справедливость требуетъ сказать, что большинство нашихъ наставниковъ, въ этомъ отношеніи, стояло на высотѣ полнѣйшей безупречности, и я съ почтеніемъ заношу имена этихъ лицъ въ мои «воспоминанія»: никто изъ насъ не смѣлъ бы даже этого и подумать о Викторѣ Елисѣевичѣ Никитинѣ, Августѣ Львовичѣ Нилендерѣ, Витольдѣ Андреевичѣ Домбровскомъ, Ѳедорѣ Павловичѣ Еленевѣ, отцѣ Доронинѣ, Петрѣ Николаевичѣ Кудряшевѣ, или Гавріилѣ Антоновичѣ Гурскомъ, величайшемъ балагурѣ, о которомъ буду говорить отдѣльно. Даже о старикѣ Мировѣ, несмотря на его непопулярность, никто не дерзнулъ бы разсказать что-либо подобное; законовѣды также, всѣ безъ исключенія, стояли внѣ всякихъ сомнѣній и если нѣкоторыя изъ вышеназванныхъ лицъ также иногда соглашались давать частные уроки, то во всякомъ случаѣ они не употребляли для этого никакихъ мѣръ вымогательства и не оказывали пристрастія и злобы въ случаяхъ неудачи

Во время экзаменовъ, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ, я получилъ, какъ мнѣ казалось, по всѣмъ предметамъ переводные баллы, о чемъ имѣлъ полную возможность узнать своевременно, такъ какъ послѣ отвѣта каждаго ученика учитель громко объявлялъ, а инспекторъ проставлялъ этотъ баллъ въ спискѣ. Затѣмъ, въ продолженіе всѣхъ каникулъ, я считалъ себя перешедшимъ въ высшій классъ, тогда какъ братья мои, еще до отпуска, прямо были объявлены оставшимися въ прежнихъ классахъ

По большей части, каждый новый учебный годъ начинался съ торжественнаго акта, на которомъ объявлялось, кто перешелъ и кто остался, раздавались награды и тому подобное; но на этотъ разъ такого акта почему-то не было: просто, сейчасъ же по окончаніи каникулъ, насъ

собрали въ залу совѣта и объявили о результатахъ экзаменовъ, а потомъ, немедленно же, должны были начаться уроки. Вдругъ.... къ моему величайшему удивленію, я слышу, что меня объявляютъ оставшимся на другой годъ въ четвертомъ классѣ. Сначала я подумалъ, что просто ослышался, но вотъ сзади меня два товарища шопотомъ разговариваютъ, и одинъ изъ нихъ спрашиваетъ о томъ, который изъ насъ, трехъ братьевъ, перешелъ въ высшій классъ? а другой очень явственно отвѣчалъ: ни одинъ. Тогда я подумалъ, что по какой-нибудь ошибкѣ меня смѣшали съ младшими братьями и по окончаніи этого сбора, немедленно же подошелъ къ Ѳедоту и, уже безъ малѣйшей тѣни робости, спросилъ: по какому случаю я не переведенъ? Несмотря на то, что я въ дѣтствѣ и юности былъ очень робокъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ на своей сторонѣ справедливость, или вообще какое-либо ясное мнѣ самому право, то смѣлость являлась у меня какъ по щучьему велѣнью, и въ этомъ случаѣ, несмотря на то, что Ѳедота боялся даже болѣе, нежели своего отца, я твердо рѣшился отстоять свое право во что бы то ни стало. Я вовсе не испугался ни грознаго взгляда, ни крика, которыми Ѳедотъ встрѣтилъ мой вопросъ, настойчиво утверждалъ, что по всѣмъ предметамъ получилъ баллы переводные, и просилъ его показать ихъ мнѣ, потому что я увѣренъ, что здѣсь есть какая-нибудь ошибка. Мнѣ однако, сейчасъ же пришла въ голову мысль о томъ, не «Толкачь» ли это меня надулъ, и я уже въ душѣ приготовился прямо отсюда идти къ нему и наговорить все, что Богъ положилъ въ душу. Но тутъ-то Ѳедотъ и высказался во всей красѣ своей гуманности и безпристрастія: все еще продолжая кричать, онъ сердито развернулъ экзаменный списокъ и сердито тыкалъ въ него пальцемъ: «на! гляди! какая ошибка? вотъ у тебя двойка по русскому языку!» Тутъ уже я и самъ сталъ втупикъ: русскій языкъ былъ предметомъ, которымъ занимался охотнѣе другихъ, а въ особенности въ четвертомъ классѣ, гдѣ мы проходили древнюю литературу по учебнику Ивана Ивановича Давыдова (вѣрноподданнаго по чувству и изъ видовъ) и славянскую грамматику. Я не только очень хорошо помнилъ всѣхъ этихъ Даніиловъ Паломниковъ, Петровъ Могилъ и другихъ, но даже любилъ ихъ рисовать такими, какими они представлялись моему воображенію... Такъ за что же, спрашивается, мнѣ двойка, когда я ожидалъ не менѣе четверки? Быстро взглянувъ въ развернутый Ѳедотомъ списокъ, я увидѣлъ, что дѣйствительно «Толкачь» не обманулъ, а по русскому языку такъ и влѣплена очень явственная двойка. Я просилъ Ѳедота дать мнѣ переэкзаменовку, а на учителя русскаго языка, находившагося тутъ же, обратилъ недоумѣвающій и даже упрекающій взглядъ. «Да что же переэкзаменоваться» — отвѣчалъ безпристрастный Ѳедотъ, и при этомъ я замѣтилъ, что онъ какъ-то странно переглянулся съ учителемъ. Тогда

я понялъ все, и душа моя наполнилась самымъ живѣйшимъ негодованіемъ и вмѣстѣ презрѣніемъ. Эти чувства дали мнѣ силы сейчасъ же отправиться домой съ твердою рѣшимостью не являться болѣе въ гимназію, преодолѣть мой постоянный страхъ и сдержанность въ отношеніи къ отцу, который, къ счастью, еще не успѣлъ уѣхать въ деревню, и высказать ему все откровенно. На строгій, по обыкновенію, вопросъ моего отца о томъ, что значитъ мой несвоевременный приходъ, въ первый разъ въ жизни моя рѣчь полилась свободно и, пожалуй, также въ первый разъ я услышалъ, въ этомъ случаѣ, отъ отца живое слово и замѣтилъ въ немъ нѣкоторый проблескъ чувства. «Взятки что ли они хотятъ?» — спросилъ отецъ такимъ тономъ, въ которомъ было ясно слышно, что и онъ раздѣляетъ мое негодованіе. Въ тотъ же день отецъ мой побывалъ и у Ѳедота, и у учителя русскаго языка и, возвратясь, сказалъ, что мнѣ дадутъ переэкзаменовку. Когда на другой день я пришелъ въ гимназію и отправился было въ четвертый классъ, но вдругъ откуда ни взялся Ѳедотъ и съ любезною улыбкою сказалъ: «Широковъ (учитель русскаго языка) ждетъ тебя въ коридорѣ». Тутъ же въ коридорѣ учитель предложилъ мнѣ два, или три вопроса изъ славянской грамматики, на которые я и отвѣчалъ нисколько не лучше того, какъ на экзаменѣ, а затѣмъ самъ же Ѳедотъ отвелъ меня въ пятый классъ.

Другой случай былъ нѣсколько инаго, по своему характеру, сорта. Если, быть можетъ, изъ желанія возможно болѣе живо изобразить первый случай я былъ, самъ того не замѣчая, болѣе снисходителенъ къ самому себѣ, нежели слѣдовало, то второй разсказъ начну прямо съ того, что въ немъ я самъ виноватъ во многомъ. Перейдя въ пятый классъ вышеразсказаннымъ способомъ, я вѣроятно началъ лѣниться нѣсколько болѣе, нежели даже самъ могъ этого себѣ дозволить, а въ особенности, не упомню, по какой именно причинѣ, небрежно относился къ латинскому языку. Результатомъ этого было то, что на экзаменѣ учитель этого языка поставилъ мнѣ двойку. Хотя долженъ признаться, что я вполнѣ сознавалъ, что не заслуживалъ болѣе, но все-таки у меня невольно въ головѣ сидѣла мысль: «знаю я, чего вамъ всѣмъ надо!» Я, разумѣется, сейчасъ же сталъ просить переэкзаменовки и, помнится, она была мнѣ дана безъ особаго затрудненія. Экзаменъ этотъ былъ послѣднимъ, и въ остальныхъ предметахъ я имѣлъ баллы удовлетворительные. Живо я помню этотъ весенній, ясный, восхитительный вечеръ, который мнѣ показался мрачнѣе самаго пасмурнаго осенняго дня. Экзамены происходили въ зданіи пансіона и для того, чтобы возвращаться домой, мнѣ надо было проходить по городскому саду. Къ счастью, онъ былъ совершенно пустъ и, опустясь уныло на первую попавшуюся скамейку, я горько зарыдалъ. Переэкзаменовка

могла для меня остаться совершенно безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ я очень хорошо сознавалъ, что безъ посторонней помощи я приготовиться къ ней буду не въ силахъ. А между тѣмъ, я очень хорошо зналъ, что есть самое радикальное средство сдѣлать ее вполнѣ успѣшною, но сказать объ этомъ отцу и даже признаться въ томъ, что не выдержалъ экзамена—было выше моихъ силъ. Отца, впрочемъ, въ это время въ городѣ не было, и это, все-таки нѣсколько, облегчало мое положеніе. Вѣроятно, я просидѣлъ такъ довольно долго, когда вдругъ увидѣлъ, что по одной изъ внутреннихъ дорожекъ сада идетъ моя матушка, и это меня очень удивило, потому что она вообще, а въ особенности въ эту сторону, ходила очень рѣдко. Оказалось, что мое долгое отсутствіе начало ее обезпокоивать, и она пошла сама узнать, не случилось ли что-нибудь со мною. Увидя мои слезы, она еще болѣе обезпокоилась, но ей мнѣ гораздо легче было признаться откровенно и въ моей бѣдѣ, и въ безъисходности моего положенія; однако просить ее о содѣйствіи мнѣ и въ голову придти не могло, такъ какъ ея собственное положеніе въ отношеніи денежныхъ средствъ было не лучше моего. Я все-таки сказалъ ей, что нѣсколько уроковъ у учителя латинскаго языка поправили бы все дѣло, и вдругъ, къ моей величайшей радости, матушка обѣщала мнѣ дать на это средства. Даже не заходя домой, я побѣжалъ къ учителю М—ину и на крыльцѣ его квартиры засталъ моего товарища и однокласника «Сашку» Глу—аго, робко державшагося за ручку знонка. Онъ также получилъ двойку и пришелъ къ учителю за тѣмъ же, зачѣмъ и я, по приказанію его отца. Этотъ Сашка былъ сыномъ извѣстнаго богача и ростовщика, который всей губерніи былъ извѣстенъ также и своимъ скряжничествомъ, и, пока намъ отворили дверь, «Сашка» признался, что боится, чтобы учитель не запросилъ очень дорого, а спросить, сколько онъ возьметъ — стыдится. —«Спроси лучше ты»,—сказалъ онъ мнѣ. Учитель, впрочемъ, не заставилъ себя долго упрашивать, но объявилъ, что онъ согласенъ давать уроки не иначе какъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца, то-есть, даже и послѣ переэкзаменовки, которая была назначена, помнится, не далѣе какъ дней черезъ десять. Такая постановка вопроса облегчила и мнѣ возможность спросить о томъ, сколько надо будетъ заплатить, такъ какъ я не менѣе Глу—аго также почему-то стыдился сдѣлать такой вопросъ. «По двадцати рублей»,—отвѣчалъ учитель, и даже намъ эта цифра показалась снисходительною. Почтеннѣйшій П. М. М—инъ давалъ намъ эти уроки весьма добросовѣстно: помнится, черезъ день, до переэкзаменовки, мы являлись къ нему, оба вмѣстѣ, въ назначенное имъ время и переводили Тита Ливія, а при этомъ онъ каждый разъ еще угощалъ насъ кофеемъ. Когда, наконецъ, день переэкзаменовки наступилъ, то я, подойдя къ учителю послѣ того, когда Ѳедотъ меня уже

позвалъ, безъ малѣйшей церемоніи шепнулъ: «пятнадцатую главу!» Глава эта немедленно же оказалась раскрытою передо мною, оба мы были переведены въ шестой классъ, а отъ дальнѣйшихъ уроковъ М—инъ насъ уже уволилъ.

Вотъ, положительно, всѣ случаи, по крайней мѣрѣ относительно меня самого, того педагогическаго зла, которое называется лицепріятіемъ, а если мнѣ и случалось слышать что-либо подобное отъ другихъ, то припомнить это въ настоящее время я не могу. Не скажу, впрочемъ, чтобы даже и тѣ высокопочтенныя личности изъ числа нашихъ учителей, которыхъ я назвалъ выше, были вполнѣ свободны всѣ отъ этого недостатка, впрочемъ свойственнаго почти всему человѣчеству. Но только это ихъ лицепріятіе, если вполнѣ умѣстно употребить это слово для выраженія моей мысли, имѣло уже совершенно иную подкладку, не покупалось и не продавалось ни за какую цѣну, а если иногда и проявлялось довольно рѣзко, то во всякомъ случаѣ происходило изъ источниковъ болѣе или менѣе благородныхъ.

Одинъ только, развѣ, изъ поименованныхъ мною нашихъ почтенныхъ наставниковъ, и съ этимъ, я думаю, согласится каждый, кто его еще не позабылъ, былъ таковъ, что при воспоминаніи о немъ отходитъ въ сторону даже всякая мысль о какомъ-либо пристрастіи или несправедливости. Это былъ достойнѣйшій и симпатичнѣйшій Викторъ Елисѣевичъ Никитинъ. Кто изъ насъ не помнитъ его доброй, благородной, красивой и благодушной фигуры, когда онъ, придя на урокъ, сейчасъ же начиналъ какъ-то по-дружески, по-отечески бесѣдовать съ учениками своимъ добрымъ, милымъ голосомъ? Хотя онъ всегда очень кротко относился къ разнымъ мальчишескимъ шалостямъ, но врядъ-ли кто-либо позволилъ себѣ при немъ какую-либо вольность. Еще будучи въ пансіонѣ, я однажды, по неосторожности, попалъ въ него хлѣбнымъ шарикомъ, направленнымъ совершенно въ другую сторону: онъ тогда исполнялъ должность инспектора и присутствовалъ при нашемъ обѣдѣ. Викторъ Елисѣевичъ только взглянулъ на меня и покачалъ головою, и я уже согласился бы лучше провалиться сквозь землю; стыдъ, который я почувствовалъ, былъ тяжелѣе всякаго наказанія. Викторъ Елисѣевичъ былъ холостякъ, велъ жизнь очень регулярную и лѣтними вечерами любилъ дѣлать продолжительныя прогулки по большой дорогѣ, ведшей отъ губернскаго въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ, и мнѣ не рѣдко случалось сопутствовать ему въ этихъ прогулкахъ, въ то время, когда я былъ уже въ старшихъ классахъ. Онъ очень любилъ поговорить и довольно много разсказывалъ мнѣ о временахъ Надеждина и Каченовскаго, когда онъ былъ студентомъ Московскаго университета. Впослѣдствіи, уже гораздо позже окончанія мною курса, Викторъ Елисѣевичъ былъ инспекторомъ

нашей гимназіи довольно долгое время и умеръ въ этой же должности, въ довольно почтенной старости.

Съ неменьшимъ почтеніемъ вспоминаю я и о двухъ другихъ нашихъ наставникахъ: Витольдѣ Андреевичѣ Домбровскомъ и Ѳедорѣ Павловичѣ Еленевѣ. Первый изъ нихъ уже давно покоится въ могилѣ, а второй — въ настоящее время (въ 1890 г.) уже давно носитъ ленту Бѣлаго орла, но я не видалъ его уже болѣе двадцати лѣтъ.

Никакъ не могу пройдти молчаніемъ еще одну оригинальную личность изъ числа учителей нашей гимназіи, хотя собственно моимъ учителемъ онъ не былъ, потому что преподавалъ только въ младшихъ классахъ. Эту личность, пожалуй, можно бы было также отнести къ категоріи странныхъ, потому что она была оригинальна съ ногъ до головы и отъ головы до пятокъ; но не думаю, чтобы кто-либо изъ знавшихъ его рѣшился примѣнить къ нему этотъ эпитетъ, потому что эта его оригинальность, во-первыхъ, была самобытна, какъ самоцвѣтный камень, а во-вторыхъ, вполнѣ искупалась его не менѣе оригинальнымъ, хотя и простымъ, русскимъ умомъ. Имя его было Гавріилъ Антоновичъ Гурскій, онъ былъ учителемъ русскаго языка, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Онъ былъ всему городу извѣстный балагуръ и острякъ, а пожалуй отчасти и чудакъ, съ которымъ, однако, всѣ обходились очень почтительно и осторожно. Его правая рука, не знаю по какому случаю, была ампутирована по локоть. О подробностяхъ этой его, къ счастью, не удавшейся погибели любопытный читатель можетъ узнать изъ «Воспоминаній бывшаго попечителя Казанскаго округа П. Д. Шестакова», напечатанныхъ въ журналѣ «Русская Старина» въ 1890 или 1891-мъ году. Какое-то высокопоставленное лицо приняло его за пьяницу и возъимѣло намѣреніе немедленно же выгнать; «а заступился за меня, дай Богъ ему здоровья!» — разсказывалъ мнѣ самъ Гурскій,—«Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ; я за это поставилъ за него вѣчную свѣчку у Божіей Матери... да!»

Во время оно, Гурскій былъ студентомъ Московскаго университета въ одно время съ нѣкогда извѣстнымъ поэтомъ Полежаевымъ и когда у него спрашивали, дѣйствительно ли это правда, то онъ говорилъ: «правда! вмѣстѣ и стихи писали! да, вотъ, только Полежаева повезли читать стихи къ государю, а потомъ—въ солдаты, а меня, вотъ, и не повезли!» Онъ, дѣйствительно, и впослѣдствіи пописывалъ стишки, нѣкоторые изъ нихъ даже зналъ самъ на память и охотно декламировалъ, но, насколько мнѣ помнится, они не отличались никакими достоинствами. О студентческой своей жизни онъ любилъ разсказывать съ обычнымъ своимъ юморомъ, и у меня въ памяти сохранился одинъ изъ этихъ разсказовъ. Жили они на одной квартирѣ вчетверомъ и находились въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что изъ всего имущества

оставались только одна подушка, да шинель, принадлежавшая Гурскому, которую онъ берегъ пуще глаза и, несмотря ни на какія убѣжденія товарищей, заложить не соглашался. Подушкою пользовались всѣ вмѣстѣ слѣдующимъ образомъ: клали ее посреди комнаты на полъ и, укладываясь на нее всѣми четырьмя головами, изображали собою крестъ, а остальныя потребности оставались безъ малѣйшаго удовлетворенія. Какъ-то разъ Гурскій отправился пошляться по Москвѣ съ цѣлью заглушить мучившій его голодъ, а такъ какъ тогда было лѣто, то шинель его осталась дома. «Возвращаюсь домой» —разсказывалъ онъ,—«съ еще болѣе разъигравшимся аппетитомъ и вдругъ застаю цѣлое пиршество: на столѣ бушуетъ самоваръ, а вокругъ него разложены разныя прелести: ветчина, колбаса, водка и тому подобное. Я, разумѣется, немедленно же на нихъ накинулся, и что же вы думаете потомъ оказалось? Вѣдь это я свою собственную кровь пилъ! они подлецы продали мою шинель на толкучкѣ!» Не знаю, по какой причинѣ, но до самаго своего вступленія въ нашу гимназію Гавріилъ Антоновичъ былъ учителемъ не болѣе какъ въ уѣздномъ училищѣ; самъ онъ никогда не разсказывалъ объ этомъ. На должность учителя гимназіи онъ поступилъ, будучи уже довольно пожилымъ человѣкомъ, жилъ на очень скромной, даже бѣдной квартиркѣ, которую нанималъ со столомъ у одного надзирателя — съ цѣлью помощи его многочисленному семейству.

Въ заключеніе этой главы скажу, что послѣ смерти А. И. Лыкошина директоромъ былъ назначенъ М. А. Ф—въ, и на мѣсто переведеннаго Ѳедота П. Д. Шестаковъ, въ скорости назначенный нашимъ же директоромъ, потомъ инспекторомъ студентовъ, помощникомъ попечителя, а въ заключеніе и попечителемъ учебнаго округа.

Мы, братья и я, пробыли въ пансіонѣ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я былъ переведенъ въ четвертый классъ съ похвальнымъ листомъ, и это было единственное отличіе, полученное мною за все время ученья. Собственно о жизни въ пансіонѣ говорить нечего, такъ какъ она, вѣроятно, ничѣмъ не отличалась отъ жизни во всѣхъ другихъ подобныхъ заведеніяхъ, и поэтому я умолчу. Книги для чтенія давались намъ изъ особой, собственно пансіонской библіотеки, но, сколько мнѣ помнится, выборъ ихъ зависѣлъ отъ начальства и былъ довольно ограниченъ; да кромѣ того, онѣ постоянно отпускались не иначе, какъ самимъ Ѳедотомъ, котораго просить о чемъ бы ни было охотниковъ бывало немного. Я помню, что именно въ пансіонѣ прочелъ въ первый разъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и до сихъ поръ еще не позабылъ, какъ билось сердце и поднимались отъ ужаса волосы во время вечерняго чтенія «Страшной мести», «Вія» или даже «Сорочинской ярмарки». Долго послѣ этого я не могъ безъ страха проходить чрезъ темную комнату, а по ночамъ нерѣдко внезапно просыпался, весь облитый холоднымъ по-

томъ. Этотъ ужасъ былъ удѣломъ не одного меня, а почти общимъ, и кромѣ чтенія Гоголя онъ еще возбуждался и тѣмъ, что старикъ портной, носившій названіе Аѳоньки и назначеніе котораго была починка нашего платья, по вечерамъ разсказывалъ намъ страшныя сказки. Онъ помѣщался въ отдѣльной маленькой комнаткѣ, на широкомъ столѣ, и вокругъ него обыкновенно собиралась цѣлая толпа. Въ этихъ сказкахъ было столько разной чертовщины, что, слушая ихъ съ жадностью, мы всѣ дрожали отъ страха, а многіе крестились, запустивъ руку подъ куртку.

Особо тѣсной дружбы между воспитанниками, то-есть я говорю о дружбѣ сознательной и разумной, кажется, почти не было. Какихъ бы то ни было общихъ, нравственныхъ или житейскихъ правилъ въ сущности вовсе не существовало, но каждому вновь вступавшему сразу бросалось въ глаза и даже проповѣдывалось тѣми, кто уже былъ умудренъ опытомъ, что они обязаны: первое, во что бы то ни стало не выдавать виноватаго товарища и, второе, дѣлиться съ нимъ всѣмъ, что имѣешь непремѣнно. Эти двѣ истины проповѣдывались преимущественно тѣми же самыми практическими мудрецами, которые менѣе всѣхъ были расположены слѣдовать имъ въ отношеніи другихъ, хотя нельзя не сказать, что первая изъ этихъ истинъ имѣла своихъ фанатиковъ.

Интересы, такъ сказать, интеллектуальные, то-есть взгляды на жизнь вообще также съ перваго же раза скорѣе отталкивали, нежели заставляли себя сочувствовать. Первые же вопросы, которыми осаждали каждаго вновь вступавшаго, были таковы: «сколько у васъ душъ?» «Большой ли домъ у васъ въ деревнѣ, какая въ немъ мебель?» «Есть ли у васъ карета, экипажи и какія лошади?» Да и послѣдующіе разговоры преимущественно вертѣлись около тѣхъ же предметовъ, и нерѣдко я съ отвращеніемъ слушалъ, какъ именно тѣ, кто самъ родился и жилъ чуть не въ курной избѣ, именно эти господа и были самыми строгими критиками чужой обстановки; а понятій о томъ, напримѣръ, что можетъ существовать достоинство скромное, или почетная бѣдность—послѣдствіе честности, такихъ понятій не существовало даже и въ зародышѣ. Нерѣдко также приходилось выслушивать хвастливые разсказы о томъ, какъ папаша того или другаго изъ разсказчиковъ «такъ выпоролъ кучера, что его на рукахъ вынесли изъ конюшни», а мамаша «такъ дала въ морду дѣвкѣ, что та полетѣла», и все это не очень располагало дѣлиться мыслями. Помню, что именно по этому поводу таилось въ душѣ моей какое-то отчужденіе отъ людей, вообще. Уровень вышеупомянутыхъ понятій былъ почти одинаковъ какъ у воспитанниковъ пансіона, такъ и у приходящихъ.

Лѣтомъ 1849 года у насъ въ имѣніи случилось происшествіе, ко-

торое, кромѣ того, что оно было причиною нѣкоторой перемѣны въ нашей школьной жизни, можетъ быть разсказано и какъ примѣръ того, какими случайностями порождаются и поддерживаются въ народѣ нѣкоторыя вѣрованія, повѣрья, а пожалуй и предразсудки. Въ самый день, такъ называемаго, Ивана Купалы, то-есть 24-го іюня, отецъ мой, отправляясь на шестинедѣльное поминовеніе одного сосѣда, вздумалъ взять съ собою меня. Передъ самымъ отъѣздомъ, къ нему пришелъ староста и спросилъ о томъ, не прикажетъ ли онъ сегодня отпустить крестьянъ съ работъ, по случаю праздника? «Много такихъ праздниковъ!»—отвѣчалъ отецъ, и мы уѣхали. Мы поѣхали прямо въ село, гдѣ происходила заупокойная обѣдня, которое отстояло отъ насъ верстъ на восемь, а уже оттуда, въ усадьбу умершаго, вмѣстѣ съ другими приглашенными. Поѣздъ былъ довольно длинный, а усадьба отстояла отъ села версты на три и какъ разъ въ то время, когда мы выѣзжали изъ воротъ деревни, стоявшей на половинѣ дороги, навстрѣчу пронесся ураганъ, поднявшій цѣлыя тучи пыли. Онъ былъ такъ силенъ, что лошади всего поѣзда остановились, а я, вышедшій изъ экипажа для того чтобы запереть ворота, такъ какъ мы были послѣдними и лакея съ нами не было, едва устоялъ на ногахъ, и то оттого, что успѣлъ схватиться за ворота. Но все это произошло въ теченіе не болѣе какъ нѣсколькихъ мгновеній; ураганъ промчался мимо, ни града, ни дождя не было, не было слышно даже отдаленнаго грома, а затѣмъ небо расчистилось, и весь остальной день былъ хотя и холодноватъ, но ясенъ. Откуда и куда летѣлъ ураганъ, опредѣлить было трудно и когда, вечеромъ, мы возвращались домой, то и я и отецъ смотрѣли по сторонамъ дороги, не осталось ли отъ него какого-либо слѣда. Но все время, пока мы ѣхали чужими полями и лѣсами, не было видно ничего особеннаго и только когда переѣхали нашу границу, вслѣдъ за которою сейчасъ же начиналось ржаное поле, то глазамъ нашимъ предстала слѣдующая картина: на всемъ видимомъ его пространствѣ не было буквально ни одного стоячаго колоса, вся рожь была скомкана и перепутана, какъ будто по ней разъ десять пробѣжалъ цѣлый табунъ лошадей; а по дорогѣ чуть не черезъ каждую сажень стояли огромныя лужи. Въѣхавъ во дворъ, мы увидѣли, что онъ почти весь усыпанъ не только вѣтвями и листьями, но даже довольно большими сучьями отъ яблонь и грушъ, а во всѣхъ окнахъ дома не осталось ни одного цѣлаго стекла. На садъ также было жалко взглянуть, а матушка съ младшими братьями и сестрами еще находилась подъ впечатлѣніемъ ужаса, который ощущали во время бури: говорили, что градины были величиною почти съ куриное яйцо, а оторванные сучья летали, какъ щепки, и бились въ окна. Уже впослѣдствіи я слышалъ отъ нашихъ же дворовыхъ людей, что окрестные крестьяне всѣ поголовно были убѣждены, что эта

буря была наказаніемъ, посланнымъ свыше за то, во-первыхъ, что отецъ приказалъ работать на Ивановъ день, а во-вторыхъ, и за то, что мы ѣздили на поминовеніе самоубійцы.

Такъ какъ я пишу все, что помню, то, кстати, сдѣлаю отступленіе для того, чтобы разсказать, кто именно былъ этотъ самоубійца, о которомъ я не упомянулъ въ числѣ нашихъ сосѣдей, потому что онъ поселился въ нашей сторонѣ только незадолго до смерти. Звали его Иваномъ Михайловичемъ Колечицкимъ, и онъ былъ роднымъ племянникомъ владѣльца села Щелканова, о которомъ я говорилъ въ 6-ой главѣ этихъ записокъ. Я самъ не видѣлъ его никогда, но о немъ и ходило въ общей молвѣ, и лично мнѣ случалось слышать отъ людей, коротко его знавшихъ, столько разсказовъ, что я записываю все, что осталось въ памяти. Онъ воспитывался, по тогдашнему обычаю почти всѣхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе или менѣе значительное состояніе, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, но былъ выпущенъ не въ гвардію, а въ армейскіе гусары. Большую часть разсказовъ о немъ я слышалъ отъ одного моего сосѣда по имѣнію, отставнаго кавалерійскаго генерала, съ которымъ Иванъ Михайловичъ служилъ въ одномъ полку. Онъ былъ не только отличный, но даже просто отчаянный наѣздникъ и всякимъ оружіемъ владѣлъ мастерски. О его стрѣльбѣ въ цѣль мнѣ случалось слышать даже и не отъ одного вышеупомянутаго лица, а многіе видѣли, какъ онъ, будучи пьянъ до такой степени, что едва стоялъ на ногахъ, безъ промаха попадалъ въ часы, которые держалъ передъ нимъ его камердинеръ на довольно значительномъ разстояніи. Никто изъ присутствовавшихъ при этомъ не видѣлъ, чтобы у этого камердинера хотя одинъ разъ дрогнула рука: такъ онъ былъ увѣненъ въ искусствѣ своего барина. Слышалъ я также, что онъ остріемъ кинжала пробивалъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ сразу, а шашкою сносилъ головы нѣсколькимъ баранамъ, поставленнымъ рядомъ. Кромѣ этого, его спеціальностью были разныя шалости и проказы, которыя хотя и не отличались особымъ остроуміемъ, но все-таки носили на себѣ характеръ извѣстной удали и какой-то сумасбродной смѣлости. Тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, почти постоянно квартировалъ въ Торжкѣ, а жители этого города отличались въ то время совершенно своеобразными, старинными обычаями и очень заботливо избѣгали какого бы то ни было общенія, по крайней мѣрѣ явнаго, съ кѣмъ бы то ни было, а съ гусарскими офицерами въ особенности. Кромѣ этого, они носили, и мужчины и женщины,—послѣднія въ особенности,—костюмы оригинальные, по которымъ обывателя этого города можно было узнать вездѣ. Необходимо сказать, что въ то же время въ полку служилъ также и другой братъ Колечицкаго, человѣкъ не только смирнаго, но даже очень робкаго характера, не мечтавшій даже о возможности совершить какую-

либо шалость. Этого брата звали Павломъ Михайловичемъ. Дальнѣйшій разсказъ я поведу отъ лица вышеупомянутаго генерала. «Какъ-то разъ я, за отсутствіемъ полковаго командира, исправлялъ его должность, когда получилъ отъ матери Колечицкаго письмо, въ которомъ она просила отпустить его на нѣсколько времени домой, въ деревню, гдѣ думала хотя нѣсколько его остепенить. Я приказалъ заготовить ему билетъ заранѣе, послалъ за нимъ и, отдавая его, посовѣтовалъ немедленно же взять почтовыхъ лошадей и скакать, не оглядываясь. Я боялся, чтобы онъ до отъѣзда чего-нибудь не накуралесилъ. Онъ обѣщалъ, но не прошло и двухъ часовъ, какъ бригадный командиръ прислалъ мнѣ записку, въ которой увѣдомлялъ, что посадилъ двухъ офицеровъ подъ арестъ, и приглашалъ зайти къ нему переговорить. Фамиліи офицеровъ не были названы, и я сначала пошелъ на гауптвахту, чтобы посмотрѣть, кто именно сидитъ, одинъ былъ NN (забылъ фамилію), тоже довольно извѣстный проказникъ, а другой—къ величайшему моему удивленію—Павелъ Михайловичъ Колечицкій. Вы-то, батюшка, какимъ же это манеромъ попались? спрашиваю я у него, а онъ молчитъ. Тутъ я вспомнилъ объ Иванѣ Михайловичѣ и началъ допытываться отъ брата, уѣхалъ ли онъ или еще нѣтъ? Я понялъ, что здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе, и наконецъ Павелъ Михайловичъ отвѣчалъ, что скажетъ только тогда, когда я дамъ слово не говорить генералу. Я, конечно, далъ, и онъ пробормоталъ: «это не я-съ! это Ваничка!». Оказалось, что тотъ, какъ только получилъ отъ меня билетъ, сейчасъ же отправился къ NN. Оба они нарядились въ полные костюмы торжковскихъ купчихъ и верхомъ по-мужски нѣсколько разъ проскакали мимо бульвара, по которому въ то время гулялъ почти весь городъ, а за тѣмъ Колечицкій сѣлъ въ телѣгу да и былъ таковъ. Придя къ генералу, я невольно разсмѣялся, а когда онъ у меня спросилъ—чему, то откровенно разсказалъ, что посадилъ онъ совсѣмъ не того, кого бы слѣдовало. Генералъ также засмѣялся и разсказалъ, что къ нему явилась цѣлая толпа обывателей подъ предсѣдательствомъ головы съ жалобою, что корнеты Колечицкій и NN напустили «мараль» на весь городъ. «Я вѣдь, только, сдѣлалъ видъ, что разсердился... то-то я и самъ удивлялся, какъ это такой смирный могъ напроказничать!» Бригадный командиръ далъ мнѣ слово, что никому не скажетъ, и приказалъ выпустить арестованныхъ на другой же день. Въ другой разъ, уже въ другомъ городѣ, гдѣ полкъ квартировалъ временно, Колечицкому пришла фантазія продѣлать слѣдующую штуку: во время гололедицы онъ скакалъ въ карьеръ по улицамъ города, на всемъ скаку выпрыгивалъ изъ сѣдла и, держась за трензель у самой морды, скользилъ рядомъ съ лошадью гигантскими шагами. Въ это время попался ему навстрѣчу какой-то чиновникъ и должно быть засмѣялся, а можетъ быть Колечицкому просто не понравилась его физіономія: онъ опять

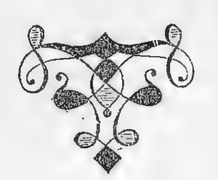
вскочилъ въ сѣдло, повернулъ лошадь и полетѣлъ на чиновника, замахнувшись нагайкой. Къ счастью преслѣдуемаго, все это происходило противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, и чиновникъ, увернувшись отъ удара, вскочилъ на крыльцо и сталъ быстро взбираться по лѣстницѣ. Но, къ своему ужасу, онъ услышалъ за собою стукъ лошадиныхъ копытъ и, видя бѣду неминуемую, вскочилъ въ «присутствіе», не успѣвъ даже запереть двери, а вслѣдъ за нимъ, ко всеобщему удивленію, влетѣлъ гусаръ на конѣ и такъ какъ чиновнику уходить уже болѣе было некуда, то Колечицкій и отхлесталъ его торжественно; а за тѣмъ преспокойно уѣхалъ тою же дорогою. Не знаю, какъ онъ раздѣлался съ этою штукою, но скоро послѣ онъ получилъ отставку и, уже переодѣвшись въ гражданское платье, оставался жить въ томъ же городѣ, гдѣ стоялъ его бывшій полкъ, въ ожиданіи изъ дома денегъ для расплаты съ кредиторами. Отъ скуки онъ ежедневно посѣщалъ театръ, въ которомъ давала представленія труппа какихъ-то плохенькихъ актеровъ, и нанималъ обыкновенно двѣ ложи рядомъ. Въ одну онъ садился самъ, а въ другую сажалъ свою лягавую собаку, которую пріучилъ сидѣть смирно положа лапы на барьеръ. Какъ только на сценѣ заводили какую-нибудь жалобную арію—Колечицкій ущемлялъ собакѣ хвостъ въ расколотую палочку, и собака, не перемѣняя позы, начинала вторить не менѣе жалобнымъ воемъ. Какъ-то разъ въ театръ зашелъ и вышеупоминаемый генералъ и, увидя это, попросилъ Колечицкаго, уже не какъ начальникъ, а какъ хорошій знакомый, прекратить свои шалости. «Хорошо! не безпокойтесь, Михаилъ Ивановичъ, я сейчасъ уѣду!» отвѣчалъ тотъ и дѣйствительно сейчасъ же исчезъ изъ ложи, вмѣстѣ съ собакою. На сценѣ, въ это время, разыгрывалась какая-то пьеска, въ которой какой-то тиролецъ или швейцарецъ сначала задумчиво сидитъ подъ деревомъ и играетъ на своей дудочкѣ, а потомъ встаетъ и говорятъ, что «теперь онъ идетъ туда-то» и такъ далѣе. Тиролецъ сидѣлъ у самой кулисы и, пока онъ игралъ, всѣ замѣтили, что онъ какъ-то неестественно жмется, дѣлаетъ непроизвольныя, какъ будто, движенія, и его дудочка безпрестанно срывается съ губъ; а когда, наконецъ, онъ всталъ, выбѣжалъ на средину сцены и объявилъ публикѣ, что «идетъ и т. д.», то вслѣдъ за нимъ сначала полетѣла кулиса, а потомъ выскочилъ Иванъ Михайловичъ, не успѣвшій еще выпустить изъ рукъ веревочки, которою онъ зацѣпилъ актера изъ-за кулисы, пока тотъ сидѣлъ. Нисколько не потерявшись, онъ раскланялся съ публикою и отрекомендовался: а я отставной корнетъ Колечицкій и тоже иду, только не туда, куда этотъ, а домой спать!»

Выйдя въ отставку, Колечицкій поселился въ доставшемся на его часть имѣніи, недалеко отъ нашего, жилъ совершенно одинъ и продолжалъ заниматься охотою, выѣздкою лошадей и стрѣльбою въ цѣль. Вдругъ

разнеслось извѣстіе, что въ самый день Вознесенія Господня онъ сначала подстрѣлилъ изъ пистолета, а потомъ изрубилъ шашкою какую-то вмѣстѣ съ нимъ только-что пріѣхавшую изъ губернскаго города дѣвицу, а затѣмъ, запершись на ключъ въ своемъ кабинетѣ—застрѣлился самъ.

Объ этомъ событіи ходило много разсказовъ, объясняли его очень различно, говорили, что онъ сдѣлалъ это изъ ревности, и было извѣстно, что вмѣстѣ съ нимъ и дѣвицею изъ города пріѣхалъ также какой-то молодой человѣкъ, никому неизвѣстный, по фамиліи Б–нъ и что онъ убилъ дѣвицу въ его присутствіи. Но я разскажу подробности и объясню причины ихъ такъ, какъ, лѣтъ черезъ двадцать слишкомъ потомъ, разсказалъ мнѣ ихъ старшій братъ Колечицкаго, Петръ Михайловичъ. Дѣло въ томъ, что Иванъ Михайловичъ, несмотря на свою безшабашность, имѣлъ взгляды на жизнь, настолько выше стоявшіе тогдашняго уровня общихъ понятій, что не хотѣлъ позволить себѣ ни въ какомъ случаѣ употребить власть помѣщика для утоленія своихъ чувственныхъ потребностей, какъ это дѣлалось почти всѣми; а не имѣя ни малѣйшаго желанія вступить въ супружество, задумалъ пріискать себѣ постоянную сожительницу, по добровольному соглашенію, изъ среды лицъ свободныхъ. Для этого онъ поѣхалъ въ губернскій городъ, и дѣвица довольно скоро нашлась (я не знаю, къ какому сословію она принадлежала), немедленно же согласилась на всѣ его предложенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявила, что у нея есть женихъ и что отдѣлаться отъ него нельзя иначе, какъ заплативъ ему три тысячи отступнаго. Были слухи, что этотъ женихъ былъ подставной и что по согласію съ нимъ дѣвица задумала сорвать какъ можно больше съ богатаго барича, это-то и былъ упомянутый Б—нъ, который, кажется, былъ не болѣе какъ мелкій чиновникъ. Требуемой суммы у Ивана Михайловича не было, и онъ разослалъ гонцовъ по всему городу и велѣлъ разыскивать кого-либо, кто бы далъ ему денегъ въ займы. «И можете вы себѣ представить»—разсказывалъ мнѣ Петръ Михайловичъ, «до какой степени строго честенъ былъ этотъ молодой человѣкъ! въ то время у него въ ящикѣ коляски лежали мои шесть тысячъ, которыя я поручилъ ему взять изъ приказа общественнаго призрѣнія, и онъ не хотѣлъ просто взять оттуда и раздѣлаться съ претендентами». Наконецъ нашелся одинъ желающій дать взаймы помѣщикъ того же уѣзда, но такъ какъ деньги у него были въ деревнѣ, то онъ обѣщалъ привезти ихъ на другой же день въ усадьбу Ивана Михайловича, отъ которой самъ жилъ недалеко. Иванъ Михайловичъ поѣхалъ и повезъ съ собою дѣвицу, а такъ какъ женихъ не хотѣлъ отставать, не получивъ разсчета, то захватилъ съ собою и его. Пріѣхали они на разсвѣтѣ въ самый день Вознесенья, а такъ какъ тогда былъ храмовой праздникъ въ сосѣднемъ селѣ Щелкановѣ, то и

всѣ дворовые люди Ивана Михайловича и оба брата его, въ то время у него гостившіе, были уже тамъ еще съ вечера. Желая занять чѣмъ-нибудь своихъ гостей, въ ожиданіи пріѣзда кредитора, онъ вынесъ изъ кабинета все свое оружіе, разложилъ его на столъ въ столовой и началъ имъ его показывать по очереди. Какъ-то, по неосторожности, или не зная, что одинъ изъ пистолетовъ заряженъ, онъ спустилъ курокъ и пуля попала дѣвицѣ прямо въ голову. Видя, что ранилъ ее смертельно, но что она еще жива и сильно страдаетъ, Колечицкій схватилъ шашку и вѣроятно по привычкѣ рубить головы баранамъ, хотѣлъ однимъ взмахомъ прекратить ея агонію, но, не попавъ по шеѣ, началъ, съ отчаянія, полосовать ее вдоль и поперекъ. Женихъ, какъ сумасшедшій, выскочилъ изъ дома и побѣжалъ, куда глядѣли глаза, но, увидя по дорогѣ множество народа, шедшаго къ празднику, вмѣстѣ съ нимъ добрался до Щелконова, гдѣ и приказалъ разбудить братьевъ. Оба они сейчасъ же вскочили на коней и въ карьеръ понеслись въ Клемятино, но, пріѣхавъ, нашли дверь кабинета запертою, а когда ее выломали, то увидѣли, что Иванъ Михайловичъ лежалъ на полу съ черепомъ, на вылетъ пробитымъ ружейною пулею. Схоронили его рядомъ съ убитою имъ дѣвицею и, вѣроятно, съ разрѣшенія архіерея, со всѣми надлежащими обрядами церкви.



Присяга французовъ, находившихся въ Россіи во время терроризма во Франціи.

Когда Императрица Екатерина II получила извѣстіе объ умерщвленіи Людовика XVI, то, прервавъ всѣ сношенія съ Франціею, повелѣла отъ всѣхъ французовъ, желающихъ остаться въ Россіи, принять присягу, помѣщаемую ниже; а не присягнувшимъ велѣно было выѣхать изъ предѣловъ Россійской имперіи.

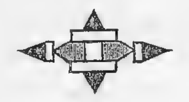
Копія
На подлинной собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано тако:
«Быть по сему».

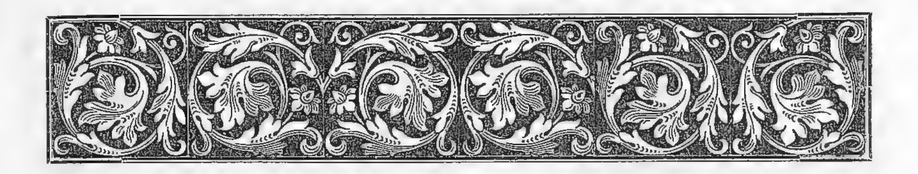
Въ С.-Петербургѣ февраля 8-го дня 1793 года.

ФОРМА ПРИСЯГИ.

Я нижеименованный сею клятвою моею, предъ Богомъ и святымъ его Евангеліемъ произносимою, объявляю, что, бывъ непричастенъ правиламъ безбожнымъ и возмутительнымъ, во Франціи нынѣ введеннымъ и исповѣдуемымъ, признаю настоящее правленіе тамошнее незаконнымъ и похищеннымъ, умерщвленіе короля христіаннѣйшаго Людовика XVI-го почитаю сущимъ злодѣйствомъ и измѣною законному государю, ощущая все то омерзеніе къ произведшимъ оное, каковое они отъ всякаго благомыслящаго праведно заслуживаютъ. Въ совѣсти моей нахожу себя убѣжденнымъ въ томъ, чтобы сохранять свято вѣру христіанскую, отъ предковъ моихъ наслѣдованную N. N. исповѣданія, и быть вѣрнымъ и послушнымъ королю, который по праву наслѣдства получитъ сію корону; а потому, пользуясь безопаснымъ убѣжищемъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, даруемымъ мнѣ въ Имперіи ея, обязуюся—при сохраненіи, какъ выше сказано, природной моей христіанской вѣры и исповѣданія N. N. и достодолжномъ повиновеніи законамъ и правленію отъ Ея Величества учрежденнымъ—прервать всякое сношеніе съ одноземцами моими французами, повинующимися настоящему неистовому правительству, и онаго сношенія не имѣть, доколѣ съ возстановленіемъ законной власти, тишины и порядка въ Франціи послѣдуетъ отъ Ея Императорскаго Величества на то разрѣшеніе. Въ случаѣ противныхъ сему моихъ поступковъ, подвергаю себя въ настоящей временной жизни казни по законамъ, въ будущей же суду Божію. Въ заключеніе же клятвы моей цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

Сообщено **Ард. В. Ивановымъ.**





Англійская печать и отношеніе къ ней русскихъ дипломатическихъ агентовъ въ XVIII столѣтіи.

I.

Русское правительство сознаетъ значеніе иностранной прессы и вмѣняетъ въ обязанность своимъ представителямъ печатать опроверженія въ иностранныхъ газетахъ.

Важное значеніе иностранной печати сознавалъ еще Петръ Великій. Въ печатномъ словѣ вообще онъ видѣлъ одно изъ могущественныхъ образовательныхъ средствъ для распространенія просвѣщенія, и потому и въ своемъ государствѣ прилагалъ старанія, чтобы и собственные его подданные знали, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ и они имѣли свои газеты, читали свои «куранты». Въ восемнадцатомъ вѣкѣ періодическая печать въ отдѣльныхъ государствахъ Западной Европы (въ особенности въ Голландіи и Англіи) получаетъ широкое развитіе и пріобрѣтаетъ важное значеніе: она формируетъ общественное мнѣніе страны и вліяетъ даже на направленіе внѣшней политики государства. При такой силѣ печатнаго слова Петръ не могъ равнодушно относиться и къ тому, что писали въ иностранной прессѣ о немъ и о Россіи. Онъ зналъ, что на Западѣ не сочувствовали его политической системѣ, что тамъ съ завистью и непріязнью относились къ его попыткамъ ввести Россію въ семью европейскихъ державъ, и тѣмъ настойчивѣе сознавалъ онъ необходимость пріобрѣсти на свою сторону общественное мнѣніе того же Запада, поднять и возвысить въ его глазахъ Россію [1]. Еще въ 1702 г. русское

[1]) Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. 15 (изд. 1865 г.), стр. 103, 110. Шмурло, «Петръ Великій въ русской литературѣ». Спб. 1889 г., стр. 66.

правительство вошло въ соглашеніе съ барономъ Гюйсcеномъ и пригласило его литературнымъ путемъ распространять взгляды русскаго царя [1]), самому писать и другихъ склонять къ сочиненію и изданію хвалебныхъ брошюръ и статей о Россіи и доставлять нужный для того сырой и обработанный матеріалъ. Этими данными опредѣляется и отношеніе къ иностранной печати русскихъ дипломатовъ, воспитанныхъ въ школѣ и традиціяхъ Петра Великаго.

А. А. Матвѣевъ, еще въ бытность свою въ Парижѣ (въ 1702 году), сообщалъ въ газеты свѣдѣнія о побѣдахъ русскихъ войскъ въ Ливоніи [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя, находясь на дипломатическомъ посту въ Англіи, онъ и въ этой странѣ интересовался англійской прессой и слѣдилъ за ея сообщеніями о Россіи.

Для того, чтобы правильнѣе выяснить отношеніе русскихъ дипломатическихъ агентовъ къ англійской печати, слѣдуетъ имѣть въ виду не только политику русскаго правительства, но и то положеніе, какое пріобрѣла или, лучше сказать, завоевала себѣ печать въ Англіи. Свобода печати (какъ право выражать свое мнѣніе путемъ печатнаго слова, подъ условіемъ отвѣтственности лишь передъ закономъ и судомъ) [3]), установилась въ этой странѣ, какъ результатъ долгой и упорной борьбы королевской власти съ парламентомъ. Побѣду одержалъ парламентъ. Корона потеряла прежнее право держать печать въ опекѣ при помощи строгихъ репрессивныхъ мѣръ. Право контроля присвоила себѣ палата общинъ, и она не останавливалась налагать взысканія и даже удалять изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые (подобно Стилю въ 1714 г.) осмѣливались порицать ея министровъ. Постепенно (со времени управленія Р. Вальполя 1721—1742 гг.) пресса освобождается и отъ контроля со стороны парламента [4]).

При такомъ положеніи англійской прессы борьба съ ея враждебными

---

[1]) Пекарскій. «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I, стр. 90—95.

[2]) Соловьевъ. «Ист. Россіи», т. XV, стр. 57.

[3]) Ср. опредѣленія, выставленныя въ XVIII в. лордами Mansfield и Kenyon, и разборъ у J. F. Stephen, A History of the Criminal Law of England, v. II (London 1883), p. 349. Нельзя не согласиться и съ Дайси, утверждающимъ (Law of the Constitution, p. 172, 260), что the so called liberty of the press is a mere application of the general principle, that no man is punishable except for a distinct breach of the law.

[4]) Р. Вальполь горячо протестовалъ противъ вмѣшательства парламента въ дѣло Стиля (см. его блестящую рѣчь по этому поводу въ Parliam. Hist., v. VI, p. 1265—1268), но, къ сожалѣнію, благодаря его собственному режиму (подкупамъ, субсидіямъ), печать хотя и пріобрѣла большую свободу, но деморализировалась въ нравственномъ отношеніи. Ср. также у Fox Bourne, v. I, ch. V: Walpole's legacies.

выходками по адресу Россіи представлялась дѣломъ далеко не легкимъ и не всегда могла быть ведена съ успѣхомъ.

Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что въ Англіи XVIII столѣтія не было органовъ, систематически враждебно относящихся къ Россіи, хотя въ газетахъ различныхъ лагерей нерѣдко попадались отзывы и сообщенія о Россіи неосновательныя, неправдоподобныя, а иногда и оскорбительныя для чести Россіи и ея монарха. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ февралѣ 1707 года въ газетѣ «Flying Post» [1]) былъ напечатанъ въ формѣ постъ-скрипта слухъ о томъ, что «король шведскій намѣренъ низложить съ престола русскаго царя». Русскій посолъ, А. А. Матвѣевъ, въ тотъ же день, 23 февраля, написалъ письмо статсъ-секретарю Бойлю и просилъ его о наказаніи «сочинителя этого извѣстія, типографщика и издателя» [2]). Данныя Лондонскаго государственнаго архива (и уголовнаго его отдѣленія) не содержатъ письменнаго отвѣта по этому дѣлу, и можно предположить, что послѣдній былъ отрицательнаго характера. Въ этомъ убѣждаетъ еще и слѣдующее. Почти черезъ годъ сообщеніе подобнаго же рода снова появилось, но не въ свободомыслящей газетѣ, а въ «London Gazette» — органѣ полуоффиціальномъ, отличавшемся осторожностью и правдивостью своихъ корреспонденцій [3]). Въ № 4424, отъ 1-го—5-го апрѣля 1708 года «Лондонская газета» («The London Gazette») напечатала слѣдующее извѣстіе, любопытное въ томъ отношеніи, что оно можетъ бросить новый свѣтъ на отношенія Петра Великаго къ своему опальному, впослѣдствіи, сыну. «Онъ (т. е. Кэрлъ XII, находившійся въ то время въ Литвѣ), — сообщала газета, — открыто объявляетъ о своемъ намѣреніи отнять престолъ у царя и возвести на тронъ его сына подъ условіемъ: ненарушимо соблюдать трактаты и управлять своей страной согласно съ основными ея законами, учредить совѣтъ изъ 10 или 12 знатнѣйшихъ изъ дворянъ, съ которымъ онъ будетъ совѣщаться по болѣе важнымъ государственнымъ дѣламъ» [4]).

---

[1]) № 2001 (Febr. 23, 1707): The King of Sweden we hear intends to dethrone the Czar, to please the Malecontents who are very numerous in Muscovy.

[2]) Письма Матвѣева см. въ Pub. Rec. Off. Russia, Ministers № 9.

[3]) Одинъ изъ современниковъ (Misson) такъ характеризуетъ этотъ органъ въ 1709 г.: the truest and most cautions of all the gazettes I Know; it inserts no news but what is certain and often waits for the confirmation of it before it publishes it. Fox Bourne Engl. Newsp. v. I, p. 68.

[4]) He (т. е. Карлъ XII) openly declares his intention to be to dethrone the Czar and to set up his Son in his stead, provided he will disown his father's conduct and promise to observe his Treaties inviolably, to govern his country according to the Fundamental Laws of it, and in conformity to them to establish a Council of 10 or 12 of the Chief of his Nobility for advising him in the weighter matters of his Government.

*

Въ своемъ письмѣ къ статсъ-секретарю Бойлю (отъ 6 апрѣля 1708 г.) Матвѣевъ жаловался англійскому министру на безстыдство газетчиковъ, резонирующихъ о дѣлахъ, которыя вѣдаетъ одинъ только Богъ. «Я торжественно выражаю свою жалобу на эту дерзость»,—такъ заканчиваетъ свое письмо русскій посолъ,—«и надѣюсь, что она будетъ наказана за прошлое и предотвращена на будущее время» [1]. Матвѣевъ требовалъ удовлетворенія относительно прошлаго и гарантій относительно будущаго, каковыхъ статсъ-секретарь не могъ дать, ибо жалоба Матвѣева носила голословный характеръ и не подкрѣплялась доказательствами, при наличности которыхъ могло бы быть возбуждено преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ. Кромѣ того, злополучный инцидентъ съ самимъ же русскимъ представителемъ [2], возбудившій продолжительную дипломатическую переписку, затѣмъ и отъѣздъ Матвѣева изъ Англіи отложили на долгое время разрѣшеніе вопроса о появленіи въ печати сенсаціонныхъ слуховъ, неблагопріятныхъ для русскаго правительства. Безуспѣшность представленій Матвѣева вынуждала русское правительство подумать о другихъ, болѣе подходящихъ средствахъ борьбы съ печатью. Указомъ отъ 21 марта 1720 года велѣно было присылать къ русскому резиденту въ Лондонѣ, Ѳ. П. Веселовскому, печатныя вѣдомости для освѣдомленія резидента и для того, чтобы «ежели какія фальшивыя и предосудительныя вѣдомости въ тамошнихъ мѣстахъ разглашаются — оныя опровергать» [3].

Смыслъ этого указа совершенно ясенъ: 1) дипломатическій агентъ Россіи обязанъ слѣдить за тѣмъ, что пишутъ о Россіи, но онъ можетъ не знать, правдоподобныя ли извѣстія сообщаютъ иностранныя газеты, или же нѣтъ. Для разрѣшенія сомнѣній ему даютъ разъясненія и посылаютъ отечественныя печатныя вѣдомости. 2) Нѣтъ необходимости всякій разъ, когда появится въ какой-либо газетѣ неправдоподобный слухъ или сообщеніе о Россіи—требовать удовлетворенія дипломатическимъ путемъ, а дипломатическій представитель обязанъ самостоятельно опровергать подобнаго рода сообщенія, т. е. печатать опроверженія въ тѣхъ же или другихъ газетахъ. 3) Сообщенія, согласно указу, должны быть опровергаемы въ двухъ случаяхъ: когда заключаютъ извѣстія «фальшивыя», т. е. ложныя, вымышленныя, это во-первыхъ, и во-вторыхъ: «предосудительныя», причемъ подразумѣвается: для чести, достоинства Россіи и ея интересовъ. Императорскій кабинетъ оставался вѣрнымъ указанному толкованію и предписывалъ

---

[1]) Publ. Rec. Off. Russian Ministers 1707—1720, № 9.

[2]) См. Дѣло объ оскорбленіи русскаго посла въ Лондонѣ А. А. Матвѣева въ моей статьѣ въ «Журн. минист. народн. просв.» 1893 г., № 9 (сентябрь), стр. 158—172.

[3]) Моск. арх. мин. ин. д., англ. д. того же года.

(напр., рескриптомъ отъ 30 декабря 1770 г. № 3) опровергать извѣстія «о вкравшемся будто-бы моровомъ повѣтріи въ Россію», отъ распространенія которыхъ за границей могли потерпѣть ущербъ экономическіе интересы Россіи. 4) Обязанность дипломатическихъ агентовъ опровергать вышеприведенныя сообщенія установлялась: a) общимъ указомъ 21 марта 1720 г.; b) рескриптами [1]), отправляемыми къ нимъ по требованію обстоятельствъ, какъ показываетъ только-что приведенный примѣръ рескрипта императрицы Екатерины II отъ 30 декабря 1770 г. и, наконецъ, инструкціями, которыя выдавались дипломатамъ при назначеніи ихъ въ Англію.

Изъ инструкцій первая, которая заключала въ себѣ повелѣніе этого рода, была дана князю А. Д. Кантемиру при отправленіи его резидентомъ въ Англію. Какъ показываютъ черновые отпуски, хранящіеся въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ, ее сочинялъ вице-канцлеръ графъ А. И. Остерманъ, который зналъ, какое положеніе пріобрѣла печать на Западѣ. Ему памятно было и то, какъ боролся съ этой печатью Петръ Великій, и какъ стремился онъ при помощи печатнаго слова пріобрѣсти на свою сторону, расположить къ себѣ общественное мнѣніе западно-европейскихъ державъ. Со свойственной ему хитростью и изворотливостью составилъ Остерманъ инструкцію Кантемиру, 14-я статья которой гласила: «съ протчими чужихъ державъ министрами дружеское обхожденіе содержать... а особливо, что до высочайшихъ ея императорскихъ интересовъ какимъ-либо образомъ касаться можетъ, все возможное и прилежное примѣчаніе имѣть, и подлинныя и надежныя извѣстія получать наилучше стараться, также еслибы отъ кого къ предосужденію ея имп—аго в—а что предвоспріято или намѣрено было о томъ, какъ о всемъ тамо происходящемъ, не токмо немедленно сюда доносить, но и оное надлежаще препятствовать и предупредить и всякіе къ тому служащіе и потребные способы употреблять крайнѣйшее свое стараніе прилагать имѣетъ» [2]). Выражаясь болѣе простымъ языкомъ, слѣдовало бы сказать: резидентъ обязанъ заботиться объ интересахъ ея императорскаго величества, и еслибы въ печати появились какія-нибудь неблагопріятныя сообщенія, то таковыя предупреждать и опровергать. Въ инструкціи другихъ статей, имѣющихъ хоть какое-нибудь отношеніе

---

[1]) «Вы имѣете»,—предписывали кн. Кантемиру въ рескриптѣ отъ 17-го ноября, — «предосудительныя статьи прилично предостерегать и на то смотрѣть, чтобы оныя немедленно опровержены были, и чтобъ газетирамъ таковыя явныя ложныя вѣдомости въ свои газеты вносить запрещено было, и ежели они на то не посмотрятъ, чтобъ они надлежащимъ образомъ штрафованы были». Реляціи кн. А. Д. Кантемира изъ Лондона (Москва 1892 г.), стр. 221 (т. I), прим. 90.

[2]) Реляціи кн. А. Д. Кантемира, изд. мною, т. I, стр. 243.

къ печати, нѣтъ, и можетъ возникнуть сомнѣніе, правильно ли только-что приведенное толкованіе и дѣйствительно ли налагала на резидента эта статья обязанность печатать опроверженія въ иностранныхъ газетахъ. Для разрѣшенія этого вопроса обращаемся къ интимной перепискѣ кн. Кантемира съ гр. Остерманомъ [1]). Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Лондонъ кн. Кантемиръ получилъ отъ гр. Остермана письмо (отъ 16 мая 1732 г.), въ которомъ русскій вице-канцлеръ извѣщалъ его о томъ, что въ англійской газетѣ, именуемой «Evening Post» [2]), въ № отъ 6 апрѣля приведена выдержка изъ какого-то письма изъ Берлина, въ коемъ употреблены неумѣстныя и оскорбительныя выраженія о русскихъ министрахъ. Остерманъ совѣтовалъ Кантемиру не жалѣть денегъ, и у редактора газеты узнать, кто былъ авторъ подобнаго сообщенія. Затѣмъ прибавлялъ Остерманъ: «ваша свѣтлость и безъ того по содержанію своей инструкціи всегда прилежно смотрѣть и престерегать будете, дабы никакія фальшивыя до насъ касающіяся вѣдомости въ газетахъ печатаны не были, и ежели какія явятся, то немедленно публично же надлежащимъ образомъ опровержены были, и потому жъ опроверженіе помянутаго фальшиво вымышленнаго экстракта въ той же газетѣ «Evening Post» напечатано быть можетъ». Князь Кантемиръ немало былъ смущенъ подобнымъ предписаніемъ, изъ котораго онъ видѣлъ, что въ Петербургѣ внимательно слѣдили за иностранной печатью и ея отзывами о Россіи. Кантемиръ оправдывался передъ Остерманомъ тѣмъ, что еще не успѣлъ получить № означенной газеты, вышедшаго всего черезъ пять дней послѣ его пріѣзда въ Лондонъ. «Ко мнѣ,—писалъ онъ Остерману (іюня 9, 1732 г.), — чтó день приносятъ пять листовъ (т. е. газетъ), а еще столько же, какъ слышу, другихъ, чтó ежедневно выходитъ, кромѣ безчисленныхъ печатныхъ писемъ и брошюръ, которыя мнѣ одному просматривать невозможно, главнымъ образомъ потому, что поанглійски мало понимаю и человѣка къ тому способнаго при себѣ не имѣю». Въ томъ же письмѣ Кантемиръ заявлялъ Остерману, какъ трудно вести подобную борьбу въ Англіи, народъ которой свободенъ, думаетъ и говоритъ, какъ хочетъ. Ту же мысль онъ подробнѣе развиваетъ впослѣдствіи (въ концѣ 1733 г.), когда Кантемиру предписывали опровергать ложныя извѣстія о дѣлахъ турецкихъ и польскихъ. Свобода печати считается основаніемъ англійскихъ вольностей и народъ пользуется этимъ правомъ въ своей оппозиціи какъ по отношенію къ королю, такъ и министрамъ [3]).

---

[1]) Переписка эта печатается въ Спб. II Отд. И. Ак. Н.

[2]) Одна изъ второстепенныхъ газетъ, органъ торіевъ, издавалась три раза въ недѣлю. Болѣе вліятельными органами той же партіи были: «Daily Journal» «The Postboy»; эти газеты получалъ и Кантемиръ.

[3] Реляціи, т. I, стр. 221 (секр. р. отъ 11 дек. 1773 г., № 90): «сколько турецкихъ, персидскихъ и польскихъ дѣлъ касается—здѣсь многія ложныя вѣ-

Согласно инструкціи и рескриптамъ, Кантемиръ не разъ печаталъ опроверженія въ англійскихъ газетахъ, о чемъ постоянно извѣщалъ и отечественное правительство [1].

По временамъ русское правительство предлагало своимъ представителямъ за границей примѣнять и другія средства борьбы съ печатью, каковыя, впрочемъ, нельзя назвать удачными. Приведемъ примѣръ изъ царствованія императрицы Екатерины II [2].

Въ сентябрѣ 1763 года русскій посланникъ въ Англіи, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, доносилъ своему правительству, что въ Лондонѣ появилась газета, въ которой разсказывались самыя оскорбительныя вещи про русскій дворъ. Посланникъ жаловался на свою безпомощность и не зналъ, что ему дѣлать. Въ отвѣтъ на его депешу императрица начертала слѣдующую резолюцію: «На сіе три способа есть (подр. борьбы): 1) зазвать автора, куда способно, и поколотить его; 2) или деньгами унимать писать, или уничтожить; 3) или писать въ защиту (подр. опроверженіе), а у двора, кажется, дѣлать нечего» [3]. Послѣдній пунктъ, впрочемъ, вѣренъ: королевская власть потеряла контроль надъ печатью, поэтому ко двору и обращаться не слѣдовало. Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1768 г.) императорскій кабинетъ снова возвращается къ вопросу объ отношеніи русскаго представителя въ Лондонѣ къ печати, но его предписанія на этотъ разъ болѣе сдержанны и даже проникнуты тѣмъ грустнымъ сознаніемъ собственнаго безсилія, какое угнетало прежде и А. Р. Воронцова. Въ ст. 13-й инструкціи гр. Чернышеву, назначенному чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Англію (въ іюлѣ 1768 г.), было сказано: «не меньшая должность ваша состоять имѣетъ и въ томъ, чтобы всякія производимыя иногда ложныя и предосудительныя о нашей имперіи разглашенія опровергать и уничтожать. Мы, правда, знаемъ, что въ Великобританіи

домости въ разныя числа изданы, которыя я опровергалъ экстрактами изъ писемъ г. Неплюева и г. Эрдмана, а печатниковъ здѣшнихъ отъ того унять никакимъ образомъ невозможно, понеже свободное печатаніе за основаніе аглицкой вольности почитаютъ, и оной привилегіумъ противъ самаго своего короля и его министровъ повседневно употребляютъ, къ тому жъ всѣ здѣшнихъ газетіеровъ вѣдомости списаны слова отъ слова съ голландскихъ и съ парижскихъ, такъ что они свободно извинить себя могутъ, еслибы можно и суда на нихъ искать».

[1] Ср. предш. прим. и стр. 156 назв. реляцій (т. I), гдѣ приводится извлеченіе изъ напечатаннаго кн. Кантемиромъ опроверженія въ газетѣ «The Daily Journal».

[2] Прим. изъ цар. Елизаветы Петровны (1758 г.), см. въ «Совр. межд. пр.» проф. Мартенса, т. II, стр. 383, прим. 4.

[3] Его же, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», т. IX (X), стр. 242.

по необузданной вольности прессы, нѣтъ способа запретить имъ въ издаваніи въ печать всякихъ нескладныхъ лжей, и чѣмъ болѣе имъ въ томъ препятствуется, тѣмъ болѣе они къ неистовствамъ своимъ поощрены бываютъ, не опасаясь за то, по ихъ вольности, ни отъ самаго парламента никакого себѣ наказанія; при всемъ томъ, если вы иногда что усмотрите въ газетахъ тамошнихъ и въ другихъ изданіяхъ предосудительнаго о нашей имперіи, то хотя подъ рукою стараться, дабы разглашаемые слухи тѣми же газетами и опровергаемы были» [1]). Въ этой инструкціи видно сознаніе того значенія, какое пріобрѣла печать: она сдѣлалась независимой и отъ парламента, и не знала надъ собой другой власти, другаго контроля, кромѣ закона и суда.

II.

Борьба съ печатью путемъ судебнаго преслѣдованія, порядокъ его возбужденія и отвѣтственность.

Если путемъ печати наносилось оскорбленіе иностранному правительству или его дипломатическому представителю, въ такомъ случаѣ обиженная сторона имѣла право возбудить судебное преслѣдованіе противъ виновнаго лица, а если послѣднее неизвѣстно, то противъ редактора, или издателя газеты, напечатавшей пасквиль [2]). Порядокъ возбужденія преслѣдованія и привлеченія къ суду былъ слѣдующій. Какъ только напечатаніе пасквиля сдѣлалось извѣстнымъ, дипломатическій представитель по собственной иниціативѣ (какъ это дѣлалъ А. А. Матвѣевъ) или по предписанію отечественнаго правительства (какъ это было при С. Р. Воронцовѣ) — требовалъ удовлетворенія и наказанія виновныхъ отъ статсъ-секретаря [3]). Послѣдній, если усматривалъ въ напечатанной статьѣ оскорбленіе для правительства иностранной державы или ея монарха, немедленно отъ имени своего государя выражалъ дипломатическому агенту сожалѣніе по поводу случившагося и давалъ увѣ-

---

[1]) «Сбор. И. Р. Ист. Общ.», т. 87, стр. 118—119.

[2]) Libel. О различн. знач. этого термина, см. Stephen, A digest of the Cr. Law, 4 ed. p. 208; его же History of the Cr. Law. v. II, p. 298—395.

[3]) Шведскій посланникъ Васенбергъ жаловался лорду Гарингтону въ нотѣ отъ 6 іюля 1738 года, что «Daily Post» въ № отъ 3 іюля т. г. сильно задѣвала шведскаго короля. L'honneur de Sa Majesté Suedoise et celui de sa couronne attaqué de la manière la plus indigne et la plus outrageuse—писалъ посланникъ. P. Rec. Off. Cr. Books f. 237.

реніе, что дѣло не останется безъ разслѣдованія, и что виновные въ оскорбленіи получатъ должное наказаніе по всей строгости законовъ [1]).

Затѣмъ статсъ-секретарь отправлялъ королевскій указъ (order) къ генеральному прокурору (The Attorney-General) съ требованіемъ: разсмотрѣть обстоятельства даннаго дѣла [2]), сообщить свое заключеніе о возможности судебнаго преслѣдованія и, наконецъ, возбудить и самое преслѣдованіе, т. е. привлечь обвиняемыхъ къ суду.

Генеральный прокуроръ, ознакомившись съ дѣломъ, отвѣчалъ статсъ-секретарю: «смѣю выразить свое мнѣніе (I am humbly of opinion), что противъ такого-то лица можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе въ судѣ королевской скамьи». Иногда, впрочемъ, дѣло до суда и не доходило, а обнародовавшій пасквиль, призванный къ отвѣту генеральнымъ прокуроромъ, давалъ обѣщаніе въ будущемъ ничего подобнаго не печатать. Производство слѣдствія, вызовъ обвиняемыхъ и составленіе обвинительнаго акта—все это лежало на обязанности генеральнаго прокурора, онъ же поддерживалъ и обвиненіе на судѣ. Переданное въ судъ дѣло разсматривалось въ судѣ Королевской скамьи съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Присяжные рѣшали вопросъ факта, а судьи — вопросы права [3]). Въ 1792 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ и на основаніи парламентскаго акта [4]) было постановлено, что присяжные даютъ общій отвѣтъ на вопросы о виновности даннаго лица (a general verdict of guilty or not guilty upon the whole matter).

Опредѣленнаго наказанія за оскорбленія путемъ печати законъ не установлялъ, и размѣры его опредѣлялись по усмотрѣнію суда. Послѣдній приговаривалъ (въ XVIII в.) виновныхъ къ штрафу, тюремному заключенію, а иногда и къ заключенію въ тюрьму вмѣстѣ съ уплатою штрафа. Приведемъ слѣдующій примѣръ.

---

[1]) Отвѣтъ Гарингтона Васенбергу: De Whitehall ce 11 Juillet, 1738. Sa Majesté m'ordonné de Vous faire connaître sans perte de tems l'indignation avec laquelle Elle a entendu la Hardiesse de cet auteur inconnu et de Vous informer aussi, que les ordres sont dejà donnés pour que celui qui sera trouvé avoir ecrit ce libelle ou à défaut celui qui a imprimé soit poursuivi en justice par le Procureur Général du Roy afin d'en recevoir la punition selon toute la rigueur de la Loi.

[2]) Указъ гласилъ: To consider the contents and report the opinion whether you find sufficient cause whereon to ground a prosecution against the Author and Printer or Publisher.

[3]) Stephen, History of the Crim. Law II, p. 350: Questions of law being for the judge, and questions of fact for the jury, the judge's duty must be to tell the jury what judgment the law would pass upon a given state of facts suggested to the jury, supposing them to find its existence.

[4]) Этотъ актъ (32 Geo. 3, c. 60) называется: An Act to remove doubts respecting the functions of juries in cases of libel.

Въ маѣ 1799 года противъ Джона Парри, по ходатайству С. Р. Воронцова, было возбуждено преслѣдованіе за то, что въ издаваемой имъ газетѣ «Курьеръ» («The Courier») въ ноябрѣ 1798 г. былъ напечатанъ пасквиль на императора Павла [1]. Генеральный прокуроръ (лордъ Эльдонъ впослѣдствіи) доказывалъ, что напечатанный пасквиль оскорблялъ правительство дружественной Англіи державы и могъ посѣять смуту въ отношеніяхъ между Россіей и Англіей. Судъ королевской скамьи приговорилъ Парри къ штрафу въ 100 ф. стер. и заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ. Его два товарища по изданію (редакторъ и типографщикъ) были осуждены въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ [2].

III.

Политическія сочиненія о Россіи и вопросъ объ изъятіи ихъ изъ обращенія.— Уничтоженіе сочиненій въ рукописи.—Борьба съ англійскимъ правительствомъ путемъ печати и въ союзѣ съ нею.

Немало хлопотъ причиняли дипломатическимъ представителямъ и политическія сочиненія о Россіи, издававшіяся за границей въ XVIII в. Нерѣдко и самую книгу достать было трудно, въ особенности если мѣсто изданія ея не было извѣстно. Способы борьбы съ произведеніями печати этого рода нѣсколько иные. Когда газета сообщала ложный слухъ — легко было напечатать опроверженіе. Но иное дѣло, когда издано цѣлое сочиненіе, когда напечатана книга, надъ которой авторъ работалъ иногда нѣсколько лѣтъ и пользовался матеріалами никому недоступными. Какъ опровергать сообщенія, хотя бы даже и ложныя, заключающіяся въ такихъ сочиненіяхъ. Ни одно правительство Западной Европы не располагало такими литературными силами, чтобы можно было сочинять опроверженія по поводу каждаго памфлета, для него неблагопріятнаго или оскорбительнаго. Усилія правительствъ направляются въ другую сторону. Дипломатическимъ представителямъ вмѣняется въ обязанность: препятствовать дальнѣйшему распространенію сочиненій неблагопріятныхъ для отечественнаго правительства (путемъ переизданія, перевода и т. п.), заботиться объ уничтоженіи изданнаго или издаваемаго сочиненія и, наконецъ, требовать наказанія автора или издателя книги. Слѣдующіе примѣры ближайшимъ образомъ выяснятъ эти положенія.

---

[1]) Переводъ ст. см. въ «Рус. Арх.» 1879 г., т. I, стр. 326, прим. 46.

[2]) Другіе прим. у Стифена, History, v. II, 317, 319, 321, 326, 362, 365, и Fox Bourne Engl. Newsp. v. I, p. 103, 104, 113,170, 173, 175, 177, 204—206, 233—238, 239, 266, 267, 274.

Въ концѣ 1735 года въ Парижѣ было напечатано анонимное сочиненіе, подъ названіемъ «Lettres Moscovites» или «Московскія письма». Въ этихъ письмахъ неизвѣстный авторъ, котораго, впрочемъ, скоро открыли [1]), нарисовалъ довольно непригляднную картину системы управленія русскаго государства и мрачными красками очертилъ господство нѣмецкой партіи при дворѣ. Книга обратила на себя всеобщее вниманіе въ Западной Европѣ и быстро расходилась. Въ ноябрѣ русскій полномочный министръ въ Лондонѣ, князь Кантемиръ, счелъ необходимымъ увѣдомить свое правительство о вновь вышедшемъ сочиненіи, которое «съ крайнѣйшею безпощадностію и продерзостію порекаетъ двухъ министровъ и весь народъ россійскій, одну высочайшую ея императорскаго величества и принцевъ крови особъ выключая». Князь Кантемиръ сообщилъ также въ Петербургъ, что «Московскія письма» переводятся и на англійскій языкъ. Еще не имѣя въ рукахъ сочиненія, но получивъ подобныя донесенія, проницательный Остерманъ угадывалъ, кто бы могъ быть возможнымъ авторомъ этого сочиненія. Въ рескриптѣ къ князю Кантемиру изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 13 декабря 1735 года было объявлено, что по всѣмъ обстоятельствамъ авторъ той книги есть извѣстный обманщикъ (т. е. Ф. Локателли), который въ 1733 году за весьма его подозрительные поступки здѣсь (т. е. въ Россіи) задержанъ былъ. Далѣе князю Кантемиру предписывалось: «важнѣйшіе пассажи, изъ книги выписавъ, въ С.-Петербургъ прислать, и затѣмъ всякое возможное стараніе прилагать, чтобъ изготовленный на англинскомъ языкѣ съ оной книжки переводъ къ печатанію и публикованію въ народъ допущенъ не былъ, но наипаче оная книга яко пасквиль надлежащимъ образомъ и подъ жестокимъ наказаніемъ конфискована и запрещена была».

По всѣмъ пунктамъ этого рескрипта князю Кантемиру пришлось отвѣчать отрицательно. Въ Англіи не было закона, который разрѣшалъ бы конфискацію подобныхъ сочиненій, не было и парламентскаго акта, который воспрещалъ бы переводъ политическихъ сочиненій на англійскій языкъ. «Сколько касается книгъ Летръ Московитъ,— пишетъ князь Кантемиръ въ секретной реляціи отъ 23 января 1736 г. (№ 7),—я отъ друзей своихъ старался узнать, можно ли здѣсь ее конфисковать; и всѣ согласно признаютъ, что того чинить законы здѣшніе не позволяютъ, такъ что если я о томъ министрамъ здѣшнимъ говорить стану, принужу ихъ противно ихъ воли въ томъ мнѣ отказать». Князь Кантемиръ въ силу указанныхъ мотивовъ не нашелъ удобнымъ настаивать на зааре-

---

[1]) Подробности о немъ см. въ моей ст. «Переписка барона М. А. Корфа съ княземъ М. А. Оболенскимъ по поводу Моск. писемъ» («Жур. мин. нар. просв.» 1892 г., февр., стр. 428—438).

стованіи имѣвшихся въ продажѣ экземпляровъ указаннаго сочиненія, а рѣшился написать опроверженіе и издать таковое въ формѣ писемъ [1]), на что и получилъ разрѣшеніе отъ отечественнаго правительства. Появленіе «Московскихъ писемъ» на англійскомъ языкѣ также не удалось остановить, и въ началѣ 1736 года письма были изданы въ Лондонѣ подъ заглавіемъ: «Lettres Moscovites, or Muscovian letters containing an account of the form of government, customs and manners of that great empire. Writhen by an Italian officer», in-8, XII, 190 (Московскія письма, составляющія изслѣдованіе о формѣ правленія, обычаяхъ и нравахъ этой великой имперіи, сочиненныя отличившимся итальянскимъ офицеромъ). На заглавномъ листѣ названъ и переводчикъ: William Musgrave, esq.

Такъ какъ сочиненіе первоначально было издано во Франціи, князь Кантемиръ велъ переговоры и съ французскимъ министромъ при С.-Джемскомъ дворѣ—Шавиньи о томъ, чтобы «печатникъ (т. е. издатель) этой книги былъ сысканъ и наказанъ, а также книги (во Франціи) конфискованы и чрезъ палача сожжены были» [2]). Съ подобнымъ требованіемъ князь Кантемиръ не могъ и не рѣшился обратиться къ англійскому правительству, ибо публичное сожженіе книгъ и вообще печатныхъ произведеній (брошюръ, памфлетовъ и даже отдѣльныхъ №№ газетъ) въ Англіи въ XVIII в. примѣнялось рѣдко, и по рѣшенію не административной власти, а по опредѣленію парламента или по крайней мѣрѣ одной изъ его палатъ—палаты лордовъ [3]). Подобная участь постигала печатныя произведенія, направленныя противъ государственнаго строя Англіи, взывавшія къ возстанію и ниспроверженію правительства и оскорблявшія національную религію, а подъ эти категоріи не подходили печатныя произведенія, наносившія оскорбленія иностранному правительству.

Достойно вниманія, что князь Кантемиръ, требовавшій сожженія «Московскихъ писемъ» отъ французскаго посланника, сознавалъ всетаки недостаточность и безуспѣшность борьбы съ печатью подобнаго

---

[1]) Письма съ возраженіями на нихъ были изданы на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Die so genannte Moscovitische Briefe oder die wider so löbliche russische Nation von einem aus der andern Welt zurück gekommenen Italiäner aus dem Französischen übersetzt... Frankfurt und Leipzig 1738. 8°. Переводъ книги былъ сдѣланъ, вѣроятно, Г. Гроссомъ, служившимъ въ канцеляріи Кантемира въ Лондонѣ.

[2]) Письмо кн. Кантемира къ Остерману отъ 6 января 1736 г. въ М. арх. мин. ин. д., анг. д. 1736 г. св. 46, № 4.

[3]) It would also seem (говоритъ James Farrer въ интересномъ сочиненіи Books condemned to be burnt, p. 174) that during the eighteenth century it was generally the House of Lords that took the initiative in the time-honoured practice of condemning disagreeable opinions to the care of the hangman. Объ участіи палаты общинъ см. примѣры у него же (стр. 171, 174 и др.).

рода мѣрами. Воспитанный въ реформѣ Петра Великаго, онъ и борьбу съ печатнымъ словомъ хотѣлъ вести тѣми же средствами и, подобно Преобразователю Россіи, желалъ путемъ гласности, воздѣйствуя на общественное мнѣніе, путемъ того же печатнаго слова возвысить Россію въ глазахъ Европы и тѣмъ оградить свое отечество отъ враждебныхъ нападковъ иностранной прессы. Князь Кантемиръ неохотно сочинялъ опроверженія на «Московскія письма», и 13 февраля 1736 года писалъ въ Петербургъ: «в. и. в—о не соизволитъ ли удержаться на оную (книгу) формально отвѣтствовать, но токмо повелѣть издать совершенное описаніе какъ географическое, такъ и политическое Россійской имперіи, каковыя имѣются о всѣхъ знатныхъ государствахъ подъ титуломъ Ета презанъ (т. е. État présent), въ которомъ описаніи, изъяснивъ прямое состояніе в—го имп—го в—а имперіи, вашего мудраго правленія и народныхъ обычаевъ, тѣмъ самымъ опровержены будутъ Локателевы злобныя басни и поводъ не подастся къ чтенію его книги».

Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находился дипломатическій представитель, когда ему приходилось имѣть дѣло съ сочиненіемъ еще неизданнымъ, а подготовляемымъ къ печати, когда возможно было пріобрѣсти подлинную рукопись сочиненія отъ автора или издателя. Въ такомъ случаѣ уничтоженіемъ оригинала можно было воспрепятствовать появленію въ печати сочиненій, неблагопріятныхъ для отечественнаго правительства. 1772 года марта 2 (13) русскій полномочный министръ въ Лондонѣ, Мусинъ-Пушкинъ, въ своей реляціи (за № 19) донесъ, что въ Лондонъ прислана изъ Парижа для перевода и напечатанія на англійскомъ языкѣ рукопись, подъ заглавіемъ: «Essay historique sur les revolutions politiques, les moeurs, les usages et le commerce des Russes, ouvrage melé d'anecdotes, curieuses et secrettes ignorées jusqu'à present». Сочиненіе распадалось на три части: въ первой излагались политическія событія и перевороты, происходившіе въ Россіи въ XVIII в.; во второй—разсказывались анекдоты о всѣхъ тѣхъ по именамъ, кои хотя малое какое имѣли участіе въ государственныхъ перемѣнахъ, и въ третьей—текущая внѣшняя политика—дѣла польскія и турецкія. Авторъ этого сочиненія былъ французъ Gontier de Marville, жившій въ Kentish town, близъ Лондона [1]). Мусинъ-Пушкинъ сообщилъ также въ Петер-

---

[1]) Въ анг. д. 1772 г. (въ Моск. арх. м. и. д.) существуютъ указанія, что въ составленіи названнаго сочиненія принималъ участіе Дюпуи (бывшій секретарь барона Бретейля (о немъ см. у Rambaud, R. d. Instr. II, 111—218), которому свѣдѣнія доставляла какая-то дама, по имени Рейшъ или Ришъ, имѣвшая будто-бы доступъ къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Передъ отправленіемъ въ Лондонъ сочиненіе было разсмотрѣно и исправлено какимъ-то французскимъ академикомъ (см. рел. Мусина-Пушкина отъ 2 (13) ноября 1772 г.).

бургъ о своемъ намѣреніи пріобрѣсти рукопись и испрашивалъ на то согласія императорскаго правительства, а равно и указаній, какъ поступить съ оригиналомъ. Рескриптомъ отъ 30 марта того же года Мусинъ-Пушкину за его старанія по этому дѣлу выражено было высочайшее ея императорскаго величества благоволеніе и соизволеніе на пріобрѣтеніе сочиненія, которое предписывалось «предать огню до послѣдняго листа».

Мусинъ-Пушкинъ исполнилъ высочайшее повелѣніе, купилъ рукопись за 200 гиней, что даже по курсу того времени составляло около 1.200 русскихъ рублей, и уничтожилъ ее. «На сихъ дняхъ,—сообщаетъ онъ въ реляціи отъ 15 (26) іюня 1772 г.,—выручивъ скаредную рукописную книгу въ трехъ частяхъ со всѣми принадлежащими къ оной записками, самъ оную предалъ огню. При выдачѣ за то 200 гиней взялъ я съ продавца росписку, чтобъ оную никогда и ни подъ какимъ видомъ опять не писать и не сочинять. Истребленіе такое увѣряетъ меня (т. е. служитъ гарантіей въ томъ), что всѣ злодѣйскія сіи разсужденія останутся навсегда въ совершенномъ безизвѣстіи и сокровеніи» [1]).

Таковы были средства и способы борьбы русскихъ дипломатическихъ представителей съ иностранною печатью. Но, живя въ Англіи, они не могли не замѣчать, что печать (въ особенности періодическая) являлась крупною политическою силою, что она формировала общественное мнѣніе страны и нерѣдко давала направленіе внѣшней политикѣ правительства. Отсюда у дипломатовъ не могла не явиться мысль заручиться (путемъ подкупа, субсидіи или иными средствами) содѣйствіемъ какихъ-либо органовъ печати, чтобы черезъ нихъ проводить взгляды, отвѣчающіе видамъ и интересамъ своего правительства. На этомъ поприщѣ сослужилъ для Россіи службу С. Р. Воронцовъ въ 1791 году. Политическое положеніе тогдашней Россіи было довольно затруднительное: Пруссія двинула свои войска къ предѣламъ Курляндіи, въ Польшѣ готовилось возмущеніе, сильный флотъ Англіи собирался идти въ Балтійское море и дѣйствовать въ союзѣ съ Пруссіей противъ Россіи. Талантливый Питтъ громилъ Россію въ парламентѣ и доказывалъ англійскому народу необходимость въ интересахъ политическаго равновѣсія положить предѣлъ неумѣренному властолюбію Россіи и спасти Турцію отъ окончательной гибели. «Дабы скорѣе выйти изъ неизвѣстности и вынудить Питта разоружиться, — разсказываетъ С. Р. Воронцовъ въ своей автобіографіи, —я заставлялъ сочинять записки [2]), для которыхъ доста-

---

[1]) Англ. дѣл. Моск. арх. мин. ин. д. за 1772 г.

[2]) Ср. Zinkeisen, «Geschichte des Osmanischen Reiches». Th. VI, s. 817 (Gotha 1859).

влялъ самые точные и убѣдительные матеріалы, съ цѣлью доказать англійскому народу, что его влекутъ къ разоренію посредствомъ уничтоженія торговли и ради интересовъ ему чуждыхъ. Эти записки я переводилъ на англійскій языкъ и по напечатаніи разсылалъ ихъ во всѣ графства (dans toutes les provinces). Онѣ вызвали тревогу въ мануфактурныхъ городахъ и между прочими въ Норичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ, гдѣ собирались митинги и происходили публичныя собранія, коихъ рѣшенія были напечатаны и привели къ представленію въ парламентъ петицій противъ дѣйствій (les mesures) кабинета относительно Россіи... Въ Лондонѣ на всѣхъ стѣнахъ домовъ простой народъ мѣломъ чертилъ слова: «не хотимъ войны съ Россіей» (point de guerre avec la Russie). Въ 20 и болѣе газетахъ, выходящихъ здѣсь ежедневно, появлялись постоянно статьи (хотя и негласно) отъ меня и убѣдительныя для народа, который со дня на день все больше озлоблялся противъ министерства, и все это не стоило и 250 фун. (около 1.250 р.) нашему двору, но мнѣ и всѣмъ чиновникамъ моей канцеляріи [1]) все это стоило большихъ трудовъ, ибо съ марта мѣсяца и до іюля во все время этой борьбы ни я, ни они не знали покоя. Мы по цѣлымъ ночамъ писали на скорую руку, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и если я могъ имѣть хотя нѣсколько минутъ отдыха—они не имѣли, ибо приходилось по ночамъ разносить въ конторы разныхъ газетныхъ редакцій статьи, которыя должны были появляться въ печати на слѣдующій день. Наконецъ Питтъ призналъ себя побѣжденнымъ и отправилъ въ Россію Фокнера съ полномочіемъ уступить во всемъ волѣ императрицы. Флотъ былъ разоруженъ, а въ Швецію былъ отправленъ къ Листону курьеръ для прекращенія всѣхъ переговоровъ о субсидіяхъ шведскому королю, который очень желалъ получить деньги и открыто возобновить войну, при поддержкѣ Пруссіи и Англіи» [2]).

Впослѣдствіи никому изъ дипломатическихъ представителей Россіи при С.-Джемскомъ дворѣ не удавалось одерживать подобную побѣду или имѣть такое вліяніе на общественное мнѣніе страны, какое пріобрѣлъ С. Р. Воронцовъ. Еслибы Россіи суждено было имѣть въ Лондонѣ дипломатовъ подобныхъ графу Семену Романовичу и въ XIX в.— противъ насъ никогда не могла бы сложиться такая могущественная, враждебная коалиція, какая образовалась, напримѣръ, въ достопамятные годы передъ Крымской войной.

Проф. **В. Александренко.**

---

[1]) Этими полезными сотрудниками были: Василій Григорьевичъ Лизакевичъ (совѣтникъ посольства), священникъ посольской церкви Яковъ Ивановичъ Смирновъ и переводчикъ Назаревскій. «Рус. Арх.» 1879 г., т. I, стр. 172, 173, 354-356.

[2]) Автобіографія гр. С. Р. Воронцова напечатана въ «Арх. кн. Воронцова», кн. 8, стр. 1—36; о борьбѣ съ Питтомъ, ibid. стр. 22—23.

Отставка графа Заводовскаго.

Указъ Сенату Императора Павла I. 6-го ноября 1799 г.

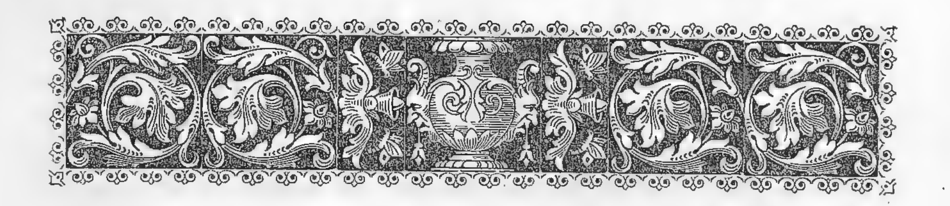
«По случаю похищенія, случившагося въ ассигнаціонномъ банкѣ секретаремъ Матвѣевымъ и архиваріусомъ Нѣеловымъ, повелѣваемъ тотчасъ всѣхъ директоровъ онаго банка, подъ отчетомъ коихъ казна состоитъ, отъ должности отрѣшить. А такъ какъ подъ начальствомъ графа Заводовскаго подобныя опущенія случаются уже въ 3-й разъ, то онъ отставленъ отъ службы, на мѣсто же отрѣшенныхъ директоровъ Сенатъ имѣетъ избрать способнѣйшихъ и представить ихъ на утвержденіе Наше».

Стихи, написанные въ Парижѣ въ кабинетѣ Наполеона I въ 1814 году.

Артиллеріи генералъ-маіоръ Койленскій, бывъ въ секретномъ кабинетѣ Бонапарта, написалъ слѣдующіе стихи:

Вотъ здѣсь-то онъ писалъ для робкихъ душъ законы,
А смѣлымъ угрожалъ низвергнуть въ бездну троны.
Вотъ здѣсь-то обмокалъ онъ въ ядъ свое перо,
Чтобъ на всегда изгнать съ лица земли добро!
Но Богъ не восхотѣлъ погибели вселенной!
Отъ сѣверной страны святой, благословенной
Послалъ на западъ онъ великаго царя,
И здѣсь врага ужь нѣтъ—онъ скрылся за моря

Парижъ, 19 апрѣля 1814 г.



Записки М. Я. Ольшевскаго[1].

Кавказъ съ 1854 по 1866 гг.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

IV.

Императоръ Александръ Николаевичъ на Западномъ Кавказѣ въ 1861 году [2]).

Въ іюлѣ 1861 года быстро разнеслась по Кавказу радостная вѣсть. Перенесясь черезъ ледяныя выси Кавказа, хотя эта вѣсть прежде всего достигла Тифлиса, но она не касалась Закавказья; не касалась она и Прикаспійскаго края. Только Сѣверный Кавказъ могъ радоваться этой вѣсти, а войска, на немъ находящіяся, готовиться къ восторженной и благоговѣйной встрѣчѣ своего царя, пожелавшаго видѣть и благодарить ихъ за тяжелую боевую службу. Въ августѣ же это счастье миновало и войска Терской области, и только войска Западнаго Кавказа могли предаваться полному ликованію, что узрятъ своего царя.

Впрочемъ, ликованія и Западнаго Кавказа были непродолжительны: они начались въ Тамани 12-го сентября, когда государь императоръ высадился съ парохода, и окончились 24-мъ числомъ того же мѣсяца, когда Его Величество отплылъ на пароходѣ изъ укрѣпленія Константиновскаго. Во время двѣнадцати-дневнаго пребыванія на Западномъ Кавказѣ вѣнценосный гость осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ всѣ пункты закубанскаго и залабинскаго пространства, занятые нашими войсками въ землѣ абадзеховъ, шапсуговъ и натухайцевъ.

---

¹) См. «Русскую Старину» сентябрь 1895 г.

²) Глава эта подъ тѣмъ же заглавіемъ была напечатана въ «Русской Старинѣ» 1884 г. № 5.—Здѣсь же она помѣщается для сохраненія полноты разсказа и цѣльности «Записокъ». Ред.

Находившіяся за Кубанью и за Лабою войска, которыхъ августѣйшій монархъ желалъ видѣть и осчастливить своимъ привѣтомъ, занимались построеніемъ станицъ, прорубкой просѣкъ, проложеніемъ дорогъ и устройствомъ на нихъ кордоновъ. Эти войска, числительность которыхъ доходила до 70.000 человѣкъ, хотя работали въ 1861 году мирно, безъ кровопролитія и сопротивленія со стороны непріятеля, однако они вполнѣ заслуживали услышать «царское спасибо» за ихъ прошлые подвиги и за совершенные ими неимовѣрные труды. Вѣдь кромѣ войскъ, издавна воевавшихъ и трудившихся на Западномъ Кавказѣ, тутъ же были, кромѣ другихъ, и стрѣлковые батальоны, покорившіе его державѣ Восточный Кавказъ. Всѣ войска, бывшія на Западномъ Кавказѣ, заслуживали полное «царское спасибо» и за совершаемые ими труды. Вѣдь они неустанно работали не только топоромъ, лопатой и киркой, но ломомъ, буравомъ и молотомъ, когда приходилось откапывать землю изъ-подъ снѣга и ледяной коры, или прокладывать дорогу въ скалѣ и каменистой почвѣ. «Царскій привѣтъ» этимъ войскамъ нуженъ былъ для ободренія ихъ духа и укрѣпленія ихъ силъ на будущіе ихъ подвиги и труды, совершенные ими при покореніи Западнаго Кавказа.

Войска, находившіяся въ 1861 году за Кубанью и Лабою, составляли три отдѣльныя группы.

Крымскій пѣхотный полкъ съ черноморскими линейными и четырьмя стрѣлковыми батальонами, расположенные между Абиномъ, низовьями Кубани и Чернымъ моремъ, мирно работали, устраивая свои штабъ-квартиры и станицы. Натухайцы, на землѣ которыхъ эти войска были расположены, не отличаясь воинственными наклонностями и не предаваясь хищничеству, занимались по-прежнему торговлей. Будучи же окружены нашими укрѣпленіями и стѣснены въ поземельной собственности нашими станицами, начали добровольно переселяться въ Турцію [1]).

Ставропольскій пѣхотный полкъ, съ тремя батальонами кавказской резервной дивизіи и черноморскими казаками, достраивая укрѣпленія Григорьевское, Дмитріевское и Ильское, вмѣстѣ съ тѣмъ занимались устройствомъ надежнаго сообщенія какъ между этими укрѣпленіями, такъ и съ Екатеринодаромъ. Свирѣпые шапсуги, злѣйшіе враги черноморцевъ, на землѣ которыхъ производились эти работы, уже были далеко не тѣ, каковыми они слыли во времена своихъ славныхъ предводителей Шеретлука и Казбича. Въ особенности они притихли послѣ

[1]) Съ окончаніемъ восточной войны и въ особенности съ покореніемъ Восточнаго Кавказа, было разрѣшено горцамъ вообще свободное переселеніе въ Турцію. И первые, воспользовавшіеся этимъ разрѣшеніемъ, были закубанскіе ногайцы и частью жители Большой Кабарды. М. О.

пораженій, нанесенныхъ имъ шапсугскимъ отрядомъ въ 1860 году. Поэтому шапсуги избѣгали открытыхъ столкновеній съ нашими войсками, расположенными на ихъ землѣ; но зато съ полнымъ увлеченіемъ предавались хищничеству и воровству не только въ нашихъ предѣлахъ, а и у своихъ соплеменниковъ — бжедуховъ, натухайцевъ и абадзеховъ.

Наконецъ третью группу, и самую огромную, составляли войска, расположенныя между Большой Лабой и Фарсомъ, а также въ Майкопѣ, укрѣпленіи Бѣлорѣченскомъ, въ станицахъ Кужорской и Нижнефарской, а равно по постамъ, охраняющимъ пути сообщенія между этими пунктами. Кромѣ нижегородскихъ и тверскихъ драгунъ, мѣстныхъ казаковъ и болѣе сорока подвижныхъ орудій пѣшей и конно-казачьей артиллеріи, на пространствѣ между Большой Лабой и низовьями Бѣлой, находились: Кубанскій и Севастопольскій, пяти-батальоннаго состава, пѣхотные полки, десять батальоновъ стрѣлковъ и одиннадцать кавказскихъ резервныхъ и мѣстныхъ линейныхъ батальоновъ.

Всѣ эти войска — числительность которыхъ простиралась до 40.000 штыковъ и сабель — независимо хамкетинскаго отряда, прорубавшаго просѣки по Фарсу и Псефири, воздвигали новыя станицы по Ходзу и Малой Лабѣ и устраивали сообщенія между этими новыми поселеніями. Все это совершалось мирнымъ путемъ, да и могло ли быть иначе? Съ многочисленными, богатыми, гордыми, вовсе не склонными къ хищничеству, но мужественно храбрыми и стойкими, — когда пришлось отстаивать свою независимость, — абадзехами мы находились въ мирѣ, заключенномъ генераломъ Филипсономъ на урочищѣ Хамкеты еще въ концѣ 1859 года[1]). На пространствѣ между Большой Лабой и Фарсомъ воздвигались новыя станицы; не было уже злѣйшихъ по своимъ хищничествамъ враговъ казачьяго населенія — бесленеевъ, башильбаевъ, тамовцевъ, баговцевъ, казильбековъ, шахъ-гиреевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ[2]); всѣ эти, хотя небольшія, но хищническія общества, весною 1861 года, были переселены въ Турцію силою нашего оружія. Скрывающіеся въ густыхъ и обширныхъ лѣсахъ по Фарсу и между этой рѣкой, Майкопомъ и Лабой махоши, темиргои и егерукаи, тоже извѣст-

---

[1]) Этотъ миръ не могъ считаться прочнымъ, какъ не заключенный съ общаго согласія абадзехскаго народа, а былъ махинаціей нѣсколькихъ десятковъ вліятельныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ Мегметъ-Аминь. Этотъ миръ былъ не только стѣснителенъ для насъ, какъ не дозволявшій дѣйствовать самостоятельно и сообразно съ обстоятельствами, но былъ, по нѣкоторымъ условіямъ, унизителенъ. Однако этотъ миръ много способствовалъ къ быстрой колонизаціи Западнаго Кавказа. М. О.

[2]) Бесленеи и бѣглые кабардинцы — выходцы изъ Большой Кабарды при Ермоловѣ — были черкесскаго происхожденія; башильбаи же, тамовцы, баговцы, казильбеки и шахъ-гиреи принадлежали къ абазинскому племени. М. О.

*

ные хищники и злѣйшіе враги казаковъ, не смѣли показываться изъ своихъ трущобъ, сознавая въ страхѣ, что близится то время, когда они должны покинуть эти завѣтныя мѣста [1]).

Изъ предыдущей главы извѣстно, что приказомъ 20-го августа я былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ войскъ, за Лабою находящихся, и непосредственнымъ начальникомъ верхнеабадзехскаго отряда [2]),—того отряда, въ которомъ 18-го сентября рѣшилась участь магометанскаго населенія Западнаго Кавказа.

Такое назначеніе ставило меня въ болѣе близкія соотношенія съ графомъ Евдокимовымъ и генераломъ Забудскимъ. До сихъ поръ, будучи начальникомъ кавказской резервной дивизіи, батальоны которой находились въ Терской и Кубанской областяхъ [3]), слѣдовательно, подчиняясь графу Евдокимову, я былъ ходатаемъ предъ нимъ за облегченіе ввѣренныхъ мнѣ солдатъ отъ излишняго труда и за возможное устраненіе отъ нихъ лишеній и недостатковъ. Съ 20-го же августа 1861 года я дѣлался прямымъ отвѣтственнымъ лицомъ не только восьми батальоновъ кавказской резервной дивизіи, но и всѣхъ другихъ войскъ, между Лабою и Бѣлою находящихся.

Много хлопотъ и заботъ предстояло мнѣ, чтобы сдѣлать переѣздъ вѣнценоснаго гостя безостановочнымъ, а пріемъ—болѣе удобнымъ и торжественнымъ. Нужно было осмотрѣть тѣ мѣста, которыя долженъ былъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ государь императоръ, и пути сообщенія, по которымъ Его Величество долженъ былъ проѣхать. Нужно было назначить отъ частей и распредѣлить по станціямъ упряжныхъ

---

[1]) Махоши, темиргои и егерукаи — черкесскаго происхожденія — будучи окружены войсками, въ апрѣлѣ 1862 года, принуждены были оставить свои лѣса и отправиться въ Турцію. М. О.

[2]) Подъ такимъ названіемъ этотъ отрядъ былъ извѣстенъ въ оффиціальной перепискѣ, какъ дѣйствующій на землѣ верхнихъ абадзеховъ. Но мы будемъ называть его по-прежнему «Хамкетинскимъ»,— названіе, болѣе извѣстное и сохранившееся между нижними чинами, во все время его существованія. М. О.

[3]) По числу находящихся на Кавказѣ полковъ четырехъ пѣхотныхъ дивизій, а именно гренадерской, 19-й, 20-й и 21-й, кавказская резервная дивизія состояла изъ 16-ти комплектныхъ батальоновъ, тѣхъ же самыхъ наименованій, которыми назывались полки. Въ 1861 году 8 батальоновъ резервной дивизіи находились на работахъ по устройству дорогъ въ Хулхулаускомъ, Аргунскомъ, Ассинскомъ и Алагирскомъ ущельяхъ. Другіе 8 батальоновъ находились за Лабою; изъ нихъ Лейбъ-Эриванскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ были въ составѣ Хамкетинскаго отряда. Въ 1862 году вся резервная дивизія была сосредоточена уже на Западномъ Кавказѣ. Въ слѣдующемъ же году изъ этой дивизіи сформированы были 12 полковъ или 38-я, 39-я и 40-я дивизіи, изъ коихъ двѣ первыя и по настоящее время находятся въ составѣ кавказской арміи. М. О.

лошадей, а также составить росписаніе по экипажамъ. Нужно было въ мѣстахъ ночлеговъ, обѣдовъ и завтраковъ приготовить почетные караулы и назначить войска для конвоированія и въ прикрытіе во время переѣздовъ. Нужно было для Хамкетинскаго отряда избрать новое лагерное мѣсто для всѣхъ свободныхъ войскъ, и чѣмъ болѣе будетъ ихъ собрано, тѣмъ величественнѣе будетъ пріемъ. Нужно было озаботиться устройствомъ царской ставки и помѣщеніемъ для свиты и начальствующихъ лицъ, сопровождающихъ царя.

Не касаясь другихъ распоряженій, относящихся до пріѣзда государя императора, сдѣланныхъ мною еще въ Севастополѣ, начну съ описанія лично мною осмотрѣнныхъ тѣхъ мѣстъ и путей Залабинскаго пространства, по которымъ, согласно присланнаго маршрута, долженъ былъ совершить Его Величество свое путешествіе.

Переправившись по мосту черезъ Большую Лабу у станицы Тенгинской, я направился сначала въ укрѣпленіе Бѣлорѣченское, а потомъ въ Майкопъ. Несмотря на то, что этотъ семидесяти-верстный путь пролегалъ большею частью чрезъ мѣста, поросшія густымъ и высокимъ лѣсомъ, но это было мало замѣтно, — такъ широки были просѣки. За исключеніемъ Бѣлорѣченскаго укрѣпленія, не замѣчательнаго своею величиною, верками, постройками и окружающею его мѣстностью, да нѣсколькихъ расположенныхъ по дорогѣ постовъ, другаго населенія здѣсь не было. Жившіе же на этихъ мѣстахъ, до пятидесятыхъ годовъ, гатюхайцы и хамышейцы удалились въ горы, попытавъ первоначально, съ помощью абадзеховъ, оказать мужественное сопротивленіе непрошеннымъ гостямъ.

Несмотря на такую пустынность этого пространства, рѣшено было обезпечить этотъ путь, кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго конвоя[1]), тремя батальонами пѣхоты при шести орудіяхъ, расположенными тремя эшелонами.

Майкопское укрѣпленіе, находящееся на правомъ берегу Бѣлой, противъ впаденія въ нее Куржипса, со времени своего существованія начавшагося въ 1856 году, предназначено было штабъ-квартирой для Кубанскаго пѣхотнаго полка. И тогдашній полковой командиръ, полковникъ Горшковъ, большой хозяинъ, устроилъ хотя не столько прочную, сколько красивую и помѣстительную штабъ-квартиру. Въ особенности были хорошо устроены разныя мастерскія, въ которыхъ онъ любилъ проводить большую часть времени и, какъ знатокъ оружейнаго дѣла и другихъ мастерствъ, умѣлъ извлекать изъ нихъ пользу.

---

[1]) Кавалерійскій конвой, долженствовавшій перемѣниться по числу перепряжекъ три раза, состоялъ изъ дивизіона драгунъ, трехъ сотенъ казаковъ и двухъ конно-казачьихъ орудій. М. О.

Во время двухдневнаго пребыванія моего въ Майкопѣ, кромѣ другихъ распоряженій, мнѣ необходимо было совершить поѣздку за Бѣлую и заняться составленіемъ росписанія упряжнымъ лошадямъ. Побывать за Бѣлой мнѣ необходимо было, чтобы осмотрѣть мѣстность, по которой, согласно маршрута, долженъ проѣхать государь императоръ и взглянуть на войска, тамъ разрабатывающія крутой подъемъ, ведущій на высокую гору, и занимающіяся рубкой растущаго на ней лѣса. Съ этой высокой горы, находящейся напротивъ Майкопа у сліянія Курджипса съ Бѣлой, виднѣлись на далекое разстояніе живописныя земли абадзеховъ, на которыя Его Величеству и благоугодно было взглянуть. Немало времени употреблено было на составленіе росписанія упряжнымъ лошадямъ, которыхъ при переѣздѣ изъ Майкопа въ Хамкетинскій отрядъ, по числу трехъ перепряжекъ въ Кужорской, Нижнефарской и на Кунактау, требовалось до 650 лошадей. Нужно было не только указать, отъ какихъ частей, на какіе пункты должны быть выставлены лошади, но и распредѣлить ихъ по экипажамъ.

Изъ Майкопа я отправился черезъ новыя станицы Кужорскую и Нижнефарскую, урочища Кеналъ и Кунактау въ Хамкетинскій отрядъ. На этомъ восьмидесяти-верстномъ разстояніи дорога пролегала преимущественно между дремучими лѣсами, въ которыхъ укрывались хищные махоши, темиргои и егерукаи. Несмотря на частые посты и пикеты, расположенные по дорогѣ между Майкопомъ и станицей Нижнефарской, сообщеніе даже днемъ не могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ; по ночамъ же оно для жителей совершенно прекращалось. Отъ Нижнефарской же до отряда — и днемъ не иначе можно было проѣхать, какъ съ конвоемъ. При посредствѣ же конвоя, правда, небольшаго, производилось сообщеніе отряда и съ Лабинской линіей. Поэтому, для безопаснаго проѣзда царя, кромѣ непосредственнаго кавалерійскаго конвоя, назначено было шесть батальоновъ при двѣнадцати орудіяхъ, расположенныхъ эшелонами между Майкопомъ и Хамкетинскимъ отрядомъ.

Хамкетинскій отрядъ, состоявшій изъ семи батальоновъ, двухъ сотенъ и восьми орудій, былъ расположенъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ укрѣпленія Хамкеты, на Псефири, притокѣ Фарса. Начальникомъ этого отряда былъ командиръ Севастопольскаго полка, полковникъ Лихутинъ, бывшій офицеръ генеральнаго штаба, спартанецъ по жизни, попечительный и заботливый о подчиненныхъ, хотя разсчетливый до скупости, но не дозволявшій себѣ жить на счетъ солдата.

По прибытіи въ Хамкетинскій отрядъ, моей первой заботой было избрать новую лагерную позицію, на которой предполагалось сосредоточить, кромѣ кавалеріи, не менѣе четырнадцати батальоновъ при двад-

цати орудіяхъ, и приступить къ постановкѣ на этой позиціи царской ставки.

Объѣхавъ окрестности, я избралъ для новаго лагеря возвышенное плато, между Фарсомъ и его притокомъ Аллеркушемъ. Съ юго-западной стороны чернѣлись лѣсистыя предгорія главнаго Кавказскаго хребта; на сѣверо-западѣ, за Фарсомъ, виднѣлась верстъ на десять волнистая мѣстность; въ пяти верстахъ на юго-востокѣ находилось укрѣпленіе Хамкеты, затѣмъ низовья Фарса и оба берега Псефири были покрыты дремучимъ лѣсомъ. Избранная позиція была выгодна не только въ тактическомъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи: вода и лѣсъ въ изобиліи находились подъ рукой. Одно неудобство ея состояло въ томъ, что, начиная отъ Кунактау, на разстояніи почти шестнадцати верстъ, тянулся бездорожный лѣсъ. Однако, благодаря знанію своего дѣла инженера путей сообщенія, капитана Богушевича, черезъ этотъ лѣсъ, въ продолженіе двадцати дней, была устроена до такой степени хорошая дорога, что заслужила Высочайшую благодарность.

Немало времени потребовалось на составленіе проекта по устройству царской ставки. По моему убѣжденію, необходимо было, чтобы она не только величественно возвышалась надъ всѣмъ лагеремъ, но и отличалась бы своимъ убранствомъ. Мало того, что на эту царскую ставку съ благоговѣніемъ и любовью смотрѣли бы тысячи глазъ окружавшихъ ее преданныхъ воиновъ, но чтобы поражались ею какъ добровольно пріѣзжавшіе въ лагерь горцы, такъ депутаты отъ абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ, которые предстанутъ предъ лицемъ нашего монарха.

Сдѣлавъ всѣ окончательныя распоряженія по устройству дороги и царской ставки, я отправился для осмотра остальнаго Залабинскаго пространства, по которому, согласно первоначальнаго, но впослѣдствіи измѣненнаго маршрута, долженъ былъ проѣхать государь императоръ. Этотъ путь проходилъ черезъ вновь устроенныя станицы Губскую, Переправную, Промежуточную, откуда черезъ Ирисское ущелье въ укрѣпленіе Псебай, штабъ-квартиру Севастопольскаго полка, а изъ этого укрѣпленія черезъ станицы Псеменскую, Ахметовскую, Андрюкскую въ укрѣпленіе Каладжи.

По возвращеніи изъ поѣздки въ отрядъ, было приступлено къ вырубкѣ на новой лагерной позиціи кустовъ, проведенію на ней шоссированныхъ дорогъ, устройству спусковъ, въ особенности на Аллеркушѣ, текущемъ въ крутыхъ берегахъ, и постановкѣ царской ставки. И все это было окончено къ 14-му сентября, т. е. за три дня до пріѣзда государя императора, когда были передвинуты и войска съ стараго лагеря на заблаговременно опредѣленныя имъ мѣста. До того же времени охраненіе новой лагерной позиціи было возложено на Кабардинскій

стрѣлковый батальонъ, энергичный и распорядительный командиръ котораго, подполковникъ Гейманъ, руководилъ и всѣми работами. Это тотъ самый Гейманъ, который съ даховскимъ отрядомъ покорилъ абадзеховъ и убыховъ, а въ послѣднюю турецкую кампанію геройски предводительствовалъ войсками подъ Ардаганомъ, Авліяромъ и Аладжами. Это тотъ самый Гейманъ, который въ 1878 году сталъ жертвой тифа въ Эрзерумѣ, не устоявшемъ передъ мужественною храбростью предводительствуемыхъ имъ войскъ.

Для бо̀льшаго простора и соблюденія внутренней чистоты новая лагерная позиція была широко раскинута и занимала бо̀льшее пространство, нежели слѣдовало для окружавшихъ ее 12-ти батальоновъ и 20-ти орудій. Пѣхота была расположена развернутыми батальонами, а артиллерія на большихъ интервалахъ. Притомъ въ лагерѣ не было ни обоза частей, ни маркитантскихъ и другихъ торговцевъ повозокъ. Все это сосредоточивалось въ отдѣльномъ вагенбургѣ, въ полуверстѣ устроенномъ и охраняемомъ шестью ротами. Между лагеремъ и вагенбургомъ были расположены двѣ сотни и милиція. Тутъ же должна была расположиться бивуакомъ и кавалерія, конвоирующая царскій поѣздъ.

Посреди лагеря возвышалась бѣлоснѣжная ставка, надъ которой, на саженномъ шестѣ, развѣвался трехъ-цвѣтный шерстяной флагъ. Ставка была длиною въ пять, шириною въ двѣ и высотою въ полторы сажени; она состояла изъ залы съ главнымъ входомъ въ четыре окна, коридора съ боковыми выходами, спальни въ два окна и боковой комнатки въ одно окно. Внутренняя отдѣлка была шелковая и шерстяная съ деревяннымъ поломъ, покрытымъ коврами; канделябры по угламъ залы изъ ружейныхъ стволовъ и шомполовъ, кенкеты на стѣнахъ изъ штыковъ, курковъ и другихъ мелкихъ оружейныхъ принадлежностей. Кромѣ того, еще былъ отдѣльный столовый навѣсъ, подъ которымъ за разставленными столами могло свободно помѣститься до сорока человѣкъ. Расположенныя вокругъ ставки двадцать офицерскихъ палатокъ, предназначенныя для царской свиты и начальствующихъ лицъ Кавказа, окружали, какъ пигмеи, своего великана.

И поистинѣ сказать, величественна и красива была царская ставка. Меня утѣшало и радовало то, что я достигъ желаемаго. Пріѣзжавшіе ко мнѣ старшины и депутаты, сначала отъ ближнихъ абадзеховъ, потомъ отъ дальнихъ обществъ, а наконецъ отъ шапсуговъ и убыховъ, поражались ея величиной и убранствомъ. Въ особенности она была эффектна при освѣщеніи. Разъ я пригласилъ пріѣхавшихъ ко мнѣ нѣсколькихъ абадзехскихъ старшинъ посмотрѣть ставку и одновременно съ тѣмъ, какъ окна были закрыты, свѣчи въ канделябрахъ и кенкетахъ мгновенно зажглись посредствомъ пироксилинной нитки, то одни изъ

моихъ дикарей-гостей упали ницъ, взывая къ Аллаху, тогда какъ другіе съ ужасомъ выбѣжали изъ ставки.

Пріѣзжавшихъ въ лагерь горцевъ я радушно принималъ и угощалъ. Бесѣдуя съ ними, разумѣется, черезъ переводчика, я узналъ, что въ верховья Бѣлой,—а именно въ Даховскомъ обществѣ, — кромѣ дальнихъ абадзеховъ, прибыло много шапсуговъ, убыховъ и представителей отъ другихъ горныхъ обществъ; что ближніе абадзехи съ покорностью отдаютъ себя въ наше распоряженіе, тогда какъ шапсуги и въ особенности убыхи требуютъ войны или ухода русскихъ за Лабу. Представителямъ послѣднихъ я совѣтовалъ не предлагать никакихъ условій, а тѣмъ болѣе требованій, и ожидать милости отъ великодушія императора. Но, какъ увидимъ, эти мои совѣты были безполезны.

Бывшимъ у меня старшинамъ и депутатамъ было повторено, но болѣе категорически и съ нѣкоторыми дополненіями все то, что было объявлено абадзехамъ, шапсугамъ и натухайцамъ графомъ Евдокимовымъ, еще въ началѣ августа: что сборы, въ какомъ бы числѣ они ни были, не должны спускаться ниже такъ называемыхъ Черныхъ горъ, а тѣмъ болѣе являться въ виду нашихъ укрѣпленій и расположенія войскъ; что съ 16-го числа, кануна пріѣзда государя императора, никто изъ горцевъ не долженъ приближаться къ лагерю на пушечный выстрѣлъ, и что по такимъ ослушникамъ будутъ стрѣлять; если же будутъ захвачены, то съ ними будетъ поступлено какъ съ военноплѣнными [1]), что пріемъ депутаціи будетъ зависѣть отъ воли нашего царя, и что она должна дожидаться въ верховьяхъ Фарса особаго объ этомъ извѣщенія [2]).

Въ ночь съ 15-го на 16-е число былъ отправленъ мною въ Майкопъ съ письмомъ къ графу Евдокимову отрядный начальникъ штаба, генеральнаго штаба подполковникъ Цытовичъ (нынѣ генералъ), въ которомъ были изложены всѣ подробности, относящіяся до пріема государя императора. Въ заключеніи письма я убѣдительно просилъ графа Евдокимова не предпринимать поѣздки за Бѣлую, а выѣхать изъ Майкопа поранѣе; въ противномъ же случаѣ лучше передневать въ этомъ укрѣпленіи. Ту же самую просьбу долженъ былъ передать на словахъ подполковникъ Цытовичъ

---

[1]) Это распоряженіе не было исключительнымъ только для Хамкетинскаго отряда, а касалось до всѣхъ мѣстъ закубанскаго и залабинскаго пространства, въ которыхъ государь императоръ останавливался для ночлеговъ, завтраковъ и обѣдовъ. М. О.

[2]) Еще въ августѣ было объявлено, что городская депутація — если послѣдуетъ на это Высочайшее соизволеніе—будетъ принята въ одномъ только мѣстѣ, а именно въ Хамкетинскомъ отрядѣ. Особымъ же повелѣніемъ дано было мнѣ знать, что депутація въ числѣ 50 человѣкъ будетъ принята государемъ императоромъ на другой день прибытія Его Величества въ отрядъ. М. О.

и начальнику главнаго штаба, А. П. Карцеву. Побудительной причиной, заставившей обратиться меня съ этой просьбой, было опасеніе поздняго прибытія въ лагерь государя императора, что могло случиться по дальности разстоянія и не вполнѣ хорошему состоянію дороги. Какъ сказано выше, между Майкопомъ и отрядомъ считалось до 80 верстъ, и нужно было проѣзжать по довольно гористой мѣстности. Слѣдовательно, чтобы прибыть въ отрядъ засвѣтло и притомъ не встрѣтивъ въ пути остановокъ, нужно было выѣхать изъ Майкопа до полудня. Но, къ сожалѣнію, мои доводы оставлены были безъ вниманія.

По возвращеніи изъ рекогносцировки за Бѣлой, государь императоръ выѣхалъ изъ Майкопа около часу, слѣдовательно, при скорой и благополучной ѣздѣ въ отрядъ ранѣе шести часовъ пріѣхать было невозможно. На самомъ же дѣлѣ случилось не такъ. Упущена была изъ виду одна природная случайность—неожиданно разразившаяся гроза. И, дѣйствительно, она была неожиданная, потому что до вечера 17-го числа погода была великолѣпная: хотя жаркіе, но не душные дни; пріятные вечера; хотя прохладныя, но тихія ночи. Притомъ, разразись эта гроза днемъ, то, кромѣ оживленія природы, она другаго ощущенія не произвела бы. Нѣтъ, какъ на зло и горе, эта гроза, сопутствуемая порывистымъ вѣтромъ, сильнымъ дождемъ, ослѣпительной молніей и страшными ударами грома, разразилась съ солнечнымъ закатомъ въ то время, когда царскій поѣздъ былъ на половинѣ пути между Кунактау и лагеремъ, слѣдовательно, не менѣе часа требовалось на переѣздъ остальныхъ семи верстъ.

Кто живалъ на югѣ, тому хорошо извѣстно, какъ коротки тамъ сумерки и какъ быстръ переходъ отъ дневнаго свѣта къ ночной темнотѣ. Въ описываемомъ случаѣ густыя черныя тучи ускорили этотъ переходъ, а высокорастущій лѣсъ, которымъ нужно было проѣзжать, сдѣлалъ темноту непроницаемою. Однако факелы, розданные заблаговременно казакамъ, составляющимъ конвой, вывели изъ бѣды и мрака. И только одни факелы оказались въ этомъ случаѣ полезными; заливаемые же дождемъ костры и смоляныя бочки, разложенныя и разставленныя по обѣимъ сторонамъ дороги, болѣе дымились, нежели освѣщали.

Но этимъ не кончились мои огорченія и треволненія. Минутъ за десять до прибытія царя даютъ мнѣ знать, что навѣсъ съ кухни снесенъ вѣтромъ, а плита залита дождемъ. Какъ не придти въ отчаяніе отъ такого извѣстія? Пріѣдутъ ожидаемые высокіе гости утомленные, измокшіе, голодные, и должны ожидать приготовленія новаго обѣда или кушать то, что уцѣлѣло и не испорчено. Однако это извѣстіе оказалось невѣрнымъ и преувеличеннымъ. Навѣсъ дѣйствительно былъ сорванъ, но только съ моей походной кухни, гдѣ обѣдъ приготовлялся для адъю-

тантовъ, ординарцевъ и другихъ разночинцевъ. Не успѣлъ я успокоиться, какъ страшный ударъ, сопровождаемый трескомъ и сотрясеніемъ, снова встревожилъ меня. Но это было паденіе огромной сосны въ Аллеркушъ, свергнутой громовымъ ударомъ съ отвѣсной, въ нѣсколько саженъ, высоты лѣваго берега этой рѣчки.

Въ три четверти восьмаго безмолвный, волнуемый ожиданіями лагерь мгновенно оживился и принялъ торжественно-воинственный видъ. Звуки музыки и барабановъ, «ура!» болѣе восьми тысячъ человѣкъ, пальба орудій привѣтствовали въѣздъ русскаго царя въ лагерь и огласили горы и лѣса Западнаго Кавказа. Но гроза, хотя стихающая, значительно умалила торжественность этого въѣзда, потому что лагерь представился мрачнымъ. Расположенныя группами плошки, уставленные пирамидально шкалики, развѣшанные фестонами разноцвѣтные фонари, какъ задуваемые вѣтромъ и заливаемые дождемъ, не могли горѣть. Лагерь только и освѣщался факелами, да горѣвшими внутри каждой солдатской палатки свѣчами. Притомъ вездѣ было сыро, грязно, а во впадинахъ даже образовались лужи. Дуло и капало въ простыхъ офицерскихъ домикахъ, предназначенныхъ для генералъ-адъютантовъ графа Адлерберга, князя Долгорукаго и графа Ламберта, лейбъ-медика Енохина, флигель-адъютанта Рылѣева и остальной свиты. То же самое происходило и въ столовой. Только внутренность царской ставки не подверглась никакимъ перемѣнамъ отъ разразившейся грозы.

Такъ какъ составлявшіе свиту монарха прибыли въ лагерь промокшими, прозябшими, а главное проголодавшимися, то они нашли царскую ставку изящною, а обѣдъ, обратившійся въ ужинъ, вкуснымъ, въ особенности остались довольны изобиліемъ закусокъ и разнообразіемъ напитковъ. За исключеніемъ лейбъ-медика Енохина, всѣ гости остались довольны и приготовленнымъ для нихъ лагернымъ помѣщеніемъ; онъ же выразилъ свое неудовольствіе на то, что ему дана была палатка, не подбитая сукномъ. Но я въ этомъ былъ неповиненъ, потому что во всемъ лагерѣ оказались только три палатки, въ томъ числѣ и моя, подбитыя сукномъ, которыя и были отданы подъ помѣщеніе генералъ-адъютантовъ князя Долгорукаго и графовъ Адлерберга и Ламберта. Неповиненъ былъ и въ томъ, что адъютанты, ординарцы и другіе разночинцы встали изъ-за стола не вполнѣ насыщенными. Виною этому, какъ извѣстно, была разразившаяся грозой природа.

Къ полуночи лагерь безмолвствовалъ, ради утомленныхъ именитыхъ гостей, предавшихся отдохновенію. Бодрствовали одни только усиленные караулы, да передовые посты, расположенные вокругъ лагеря. Бодрствовалъ далеко за полночь и я со своимъ штабомъ. Нужно было о многомъ распорядиться и отдать разныя приказанія, касающіяся до завтрашняго дня. Много было потрачено времени на составленіе — при

посредствѣ царскаго повара-француза — кромѣ завтрака, обѣда на сорокъ человѣкъ, потому что, кромѣ государевой свиты, къ обѣденному столу были приглашены всѣ начальники частей.

Однако и остальной мой сонъ въ эту ночь не былъ продолжителенъ. Съ восходомъ солнца, появившагося во всей красѣ изъ-за Кунактау, я былъ уже на ногахъ. И хорошо, что такъ случилось. Не успѣлъ я обойти лагерь и быть у графа Адлерберга и князя Орбельяни, какъ государь императоръ, одѣтый въ пальто, вышелъ изъ своей ставки. Полюбовавшись съ нагорнаго берега Фарса на Кавказскій хребетъ и его лѣсистыя предгорья и обойдя лагерь съ юго-западной стороны по линіи Лейбъ-Эриванскаго и Грузинскаго резервныхъ, а также 20-го стрѣлковаго батальоновъ, дивизіона казачьей артиллеріи и нижегородскихъ драгунъ, конвоировавшихъ наканунѣ поѣздъ отъ Кунактау, Его Величество возвратился въ свою ставку.

По окончаніи завтрака, поданнаго въ полдень, и за которымъ присутствовали государева свита и начальствующія лица Кавказа, двѣ разнородныя картины представляли лагерь и лѣсистыя предгорія Фарса. Одновременно съ тѣмъ, какъ оставшіеся свободными отъ войскъ, охраняющихъ лагерь, восемь батальоновъ, четыре эскадрона драгунъ, пять сотенъ казаковъ и милиціи, при двѣнадцати орудіяхъ, выстраивались въ колоннахъ, начиная отъ царской ставки до Маврюкъ-гоя и далѣе по дорогѣ за это урочище[1],—лѣсистыя предгорія верховьевъ Фарса начали наполняться сотнями (преимущественно конныхъ) абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ. Въ то время, какъ войска, построенныя для смотра, привѣтствовали громкимъ «ура!», смѣшаннымъ со звуками музыки, громомъ барабановъ, проѣзжавшаго по фронту любимаго монарха, — въ верховьяхъ Фарса раздавались бранные и раздражительные крики тѣхъ изъ молодыхъ горцевъ, которые желали ѣхать вмѣстѣ съ депутатами въ нашъ лагерь, чего старшины не могли дозволить потому, что это противно было условіямъ, объявленнымъ имъ графомъ Евдокимовымъ наканунѣ въ Майкопѣ. Въ то время, когда вышеозначенныя войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо царя, хотя не такъ стройно, какъ гвардія на Марсовомъ полѣ, но съ свойственною кавказскому солдату своеобычностью и молодцоватостью,—отъ сборища горцевъ, состоящаго изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ (расположившихся противъ юго-западнаго фаса лагеря, занятаго тремя батальонами

---

[1]) Урочище Маврюкъ-гой съ находящейся на немъ рощей примыкало къ восточному фасу лагеря. Это урочище огибала дорога, ведущая съ Кунактау, и по которой въѣхалъ государь императоръ въ лагерь. Маврюкъ-гой, по живописности своего мѣстоположенія, былъ любимымъ мѣстомъ нижнихъ абадзеховъ. Подъ его развѣсистыми чинарами и дубами любили они собираться и разсуждать о своихъ дѣлахъ. М. О.

съ шестью заряженными орудіями), отдѣлилось пятьдесятъ всадниковъ на разномастыхъ лошадяхъ и въ разнородныхъ костюмахъ. Въ толпѣ этой были и панцырники, и кольчужники, и вооруженные длинными азіатскими винтовками, и даже луками и колчанами со стрѣлами. Эта толпа преимущественно пестрѣла черными, бѣлыми и сѣрыми папахами; однако виднѣлись и чалмы, покрывавшія головы эфендіевъ, хаджи и муллъ. Эти пятьдесятъ всадниковъ и составляли депутацію отъ абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ обществъ Западнаго Кавказа.

Представъ предъ государемъ императоромъ спѣшенными и обезоруженными, они были приняты великодушно явившимся передъ ними русскимъ царемъ. Но такъ какъ заявленія депутатовъ были требовательны, то имъ объявлено было, что въ продолженіе мѣсяца они должны окончательно рѣшить: желаютъ ли выселиться изъ горъ на указанныя имъ мѣста, или переселиться въ Турцію? Въ противномъ же случаѣ, съ наступленіемъ ноября, откроются военныя дѣйствія и ихъ заставятъ исполнить уже силою оружія то или другое.

Съ отбытіемъ депутаціи произведенъ былъ государемъ императоромъ объѣздъ лагеря съ окрестностями. Въ особенности Его Величество долго пробылъ на передовой позиціи и въ вагенбургѣ. Первая находилась на Фарсѣ, правый берегъ котораго былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и гдѣ пролегала арбяная дорога. Занимавшій эту позицію Гренадерскій стрѣлковый батальонъ, построенный развернутымъ фронтомъ вдоль по дорогѣ, громкимъ «ура!» привѣтствовалъ проѣзжавшаго царя. Еще болѣе громкіе крики огласили горы и лѣса, когда государь императоръ, томимый жаждою, по причинѣ жаркаго дня, выпилъ стаканъ вина за здоровье храбрыхъ стрѣлковъ. Такое же «ура!» раздалось на противоположной сторонѣ лагеря, въ то время, когда царь объѣзжалъ семь стрѣлковыхъ ротъ (линейныхъ батальоновъ), охранявшихъ вагенбургъ, въ которомъ былъ сосредоточенъ не только обозъ всѣхъ частей отряда, но повозки маркитантовъ и другихъ торговцевъ.

Въ шесть часовъ, послѣ разнообразной закуски, начался царскій обѣдъ, за которымъ, кромѣ государевой свиты и главныхъ начальствующихъ лицъ, участвовали командиры полковъ, батарей и отдѣльныхъ батальоновъ. Несмотря на то, что онъ происходилъ подъ холщевымъ навѣсомъ и среди лѣсовъ и горъ, обитаемыхъ дикими горцами, но, благодаря содѣйствію царскаго повара-француза, его можно было сопричислить къ числу вкусныхъ и искусно составленныхъ обѣдовъ. Въ составъ меню входили супъ à la tortue, пюре изъ дичи, кулебяка съ живою форелью, разныхъ сортовъ пирожки, индѣйки съ трюфелями, соте изъ дикой козы, разныхъ сортовъ зелень, дичь на жаркое, желе и сюпремъ на пирожное. И все это запивалось дорогими винами и, если

не замороженнымъ, то холоднымъ шампанскимъ, ящики съ которымъ были опущены въ родники, въ изобиліи бьющіе въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ставки.

Но вотъ наступила минута высокаго торжества, умилительнаго восторга, грознаго величія, когда воздухъ потрясся тысячами голосовъ, кричавшихъ «ура!», смѣшанными съ боевыми выстрѣлами изъ орудій и залпами изъ ружей. Такъ откликнулся весь отрядъ, когда командующій кавказскою арміею, князь Орбельяни, послѣ краткой, но прочувствованной рѣчи, провозгласилъ тостъ за августѣйшаго гостя. И въ то время, когда эти воинственные крики, исходящіе изъ глубины сердецъ вѣрноподданныхъ, и громъ оружія разносились по лѣсамъ и горамъ непокорнаго еще Западнаго Кавказа, лагерь освѣтился тысячами плошекъ, шкаликовъ и китайскихъ разноцвѣтныхъ фонарей, между которыми горѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ транспаранты. Одновременно съ этимъ запылали десятки огромныхъ костровъ, расположенныхъ на возвышенностяхъ вокругъ лагеря.

При такой, если можно такъ выразиться, феерической батальной картинѣ, по окончаніи обѣда, все послѣдовало за гостемъ-вѣнценосцемъ на террасу, устроенную на самомъ возвышенномъ мѣстѣ лагерной позиціи. Это хотя недалекое, но торжественное шествіе совершилось при неумолкаемомъ «ура!» болѣе десяти тысячъ голосовъ, пальбѣ изъ орудій и ружей. Здѣсь, на террасѣ, были поданы кофе и разныхъ сортовъ ликеры. Пребываніе на этой террасѣ закончилось вечернею зарею съ церемоніей, послѣ чего государь императоръ изволилъ отправиться съ нѣсколькими изъ приглашенныхъ лицъ въ свою ставку.

И въ то время, когда русскій царь, среди умолкшаго, но еще пылающаго огнями лагеря, игралъ въ вистъ съ своими приближенными, въ верховьяхъ Фарса происходили трагическія сцены, столь присущія горцамъ, при возбужденномъ состояніи. А намъ извѣстно, что они находились въ такомъ ненормальномъ настроеніи еще до отправленія депутаціи. Когда же о царскомъ отвѣтѣ узнано было въ непріятельскомъ станѣ, то одновременно съ тѣмъ, какъ абадзехи, въ особенности ближніе, пришли въ уныніе, шапсуги съ убыхами явились подстрекателями. Много было употреблено усилій и убѣжденій со стороны стариковъ, чтобы успокоить взволнованные умы молодежи. Не разъ обнажались кинжалы и шашки, и даже дошло до незначительной кровавой схватки.

19-го сентября, несмотря на утомленіе, происходящее не столько отъ усталости, сколько отъ треволненій, я съ восходомъ солнца былъ уже на ногахъ. День былъ такой же прекрасный, какъ и предшествовавшій. Озаряемый лучами солнца, живописенъ былъ вообще Кавказскій хребетъ, въ особенности же картиннымъ представлялось открытое пространство, находящееся впереди лѣсистыхъ предгорій, изъ которыхъ

беретъ свое начало Фарсъ. Это пространство было усѣяно многочисленными толпами пѣшихъ горцевъ, впереди которыхъ скакали, гикали, стрѣляли сотни всадниковъ. Пѣшія толпы состояли изъ пріунывшихъ абадзеховъ, махошъ, темиргоевъ, егерукаевъ; послѣднихъ же составляли убыхи, шапсуги и раздраженная молодежь дальнихъ абадзеховъ. Все это происходило верстахъ въ двухъ отъ лагеря; подъѣзжать же ближе они не дерзали, изъ опасенія подвергнуться выстрѣламъ изъ нашихъ орудій.

По случаю воскреснаго дня, государь императоръ оставилъ Хамкетинскій отрядъ въ десять часовъ, послѣ ранней обѣдни, отслуженной въ походной церкви, при пальбѣ изъ орудій и громкихъ крикахъ «ура!» бѣжавшихъ за нимъ солдатъ. Когда проѣхали Маврюкъ-гойское урочище, то Его Величество, остановивъ лошадь, подозвалъ меня къ себѣ. Подавъ мнѣ руку на прощанье, выразивъ въ самыхъ милостивыхъ словахъ свою благодарность и пожелавъ всего хорошаго какъ мнѣ, такъ и войскамъ, состоящимъ подъ моимъ начальствомъ, закончилъ, указывая на верховья Фарса, слѣдующими словами: «Постарайся до времени не раздражать твоихъ разгнѣванныхъ сосѣдей». Привѣтливо разстались со мною князь Долгоруковъ, графы Адлербергъ и Ламбертъ, а равно всѣ другіе, пріѣзжавшіе съ царемъ, гости.

Раздававшіеся послѣдовательно орудійные выстрѣлы въ укрѣпленіи Хамкеты и станицахъ Губской и Переправной возвѣщали проѣздъ государя императора черезъ эти мѣста. Наконецъ, новые салютаціонные выстрѣлы, раздавшіеся въ два часа, возвѣстили о благополучномъ прибытіи русскаго царя въ укрѣпленіе Каладжи, находящееся уже на правомъ берегу Большой Лабы.

Но такіе салютаціонные выстрѣлы были не послѣдніе на непріятельской землѣ. Государь императоръ, послѣ ночлеговъ — въ станицѣ Темиргоевской, штабъ-квартирѣ Тверскаго драгунскаго полка, и городѣ Екатеринодарѣ,—по переправѣ черезъ Кубань, у Псебедаха, изволилъ совершить переѣздъ по землѣ натухайцевъ въ укрѣпленіе Константиновское, находящееся на берегу Чернаго моря, гдѣ не только зачастую рыскали хищническія партіи шапсуговъ, но и появлялся непріятель въ большихъ массахъ, какъ, напримѣръ, это случилось при нападеніи на постъ Георгіевскій и станицу Ново-Баксанскую.

Этимъ заканчиваю мое описаніе, потому что дальнѣйшее путешествіе монарха, изъ укрѣпленія Константиновскаго къ берегамъ Абхазіи и Мингреліи, было совершено на пароходѣ по Черному морю.

V.

Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ съ 1861 по 1863 годъ.

Отсрочка на одинъ мѣсяцъ, данная 18 сентября 1861 года, лично нашимъ великодушнымъ и добросердечнымъ государемъ императоромъ, старшинамъ абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ горскихъ народовъ Западнаго Кавказа, не повлекла ни къ какимъ для нихъ благопріятнымъ послѣдствіямъ.

Нельзя было ожидать, чтобы послѣ отвѣта нашего царя на дерзкія и нелѣпыя предложенія старшинъ нашего непріятеля, вся масса населенія могла изъявить согласіе поселиться на указываемыхъ имъ мѣстахъ. Такія условія заставили бы призадуматься и болѣе благоустроенныя общества, нежели горскія племена Западнаго Кавказа, между которыми не существовало единства мысли, а каждый глава семейства дѣйствовалъ по своему убѣжденію и внушенію.

Промѣнять свои завѣтные, дышащіе здоровьемъ, свободой, независимостью горы и лѣса на зловредныя равнины Черноморья и болотныя низменности Большой Лабы не значитъ ли отдать себя на жертву лихорадокъ? И дѣйствительно, если страшно болѣли живущіе тамъ казаки, какъ родившіеся среди міазмъ, или переселившіеся туда съ степнаго пространства, то какимъ образомъ могли перенести эту міазму жители горъ, дышавшіе всегда свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ?

Къ тому же каждый абадзехъ, шапсугъ, убыхъ понималъ, что, съ переселеніемъ въ Черноморію и на Лабу, онъ будетъ лишенъ той независимости и свободы, которой пользовался въ трудно доступныхъ для насъ горахъ и лѣсахъ. Каждый горецъ хорошо понималъ, что, будучи окруженъ нашими укрѣпленіями, станицами и войсками, онъ лишается возможности дѣйствовать произвольно, и что, находясь подъ постояннымъ надзоромъ, каждое неблагонамѣренное его дѣйствіе будетъ замѣчено и подвергнетъ его отвѣтственности

Большинство дальнихъ абадзеховъ и шапсуговъ не хотѣло слышать и о переселеніи въ Турцію. Къ этому большинству принадлежали беззаботная молодежь и «байгуши», то-есть люди, не имѣющіе, какъ говорится, ни кола, ни двора.

— Мы будемъ драться и всѣ умремъ, но не покинемъ нашихъ лѣсовъ и горъ—кричали они, подстрекаемые убыхами.

— Пусть только падишахъ пришлетъ намъ обѣщанную помощь, то мы освободимъ васъ отъ ненавистныхъ гяуровъ,—вторили имъ убыхи. «Намъ нечего бояться русскихъ, насъ защищаютъ отъ нихъ горы»—

добавляли они съ надменною гордостью, столь свойственною легковѣрному молодому горцу.

Однако благоразумные не только абадзехи и шапсуги, но убыхи видѣли настоящее свое печальное положеніе и понимали, что то время, когда они должны будутъ покинуть свои завѣтные горы и лѣса, приближается. Нѣкоторые изъ нихъ втайнѣ приготовлялись къ переселенію, разумѣется, не въ наши предѣлы, а въ Турцію; дѣлали же это не явно, потому что боялись укора не только со стороны другихъ, но даже отъ своихъ родичей.

Лихорадочная дѣятельность была замѣтна между тѣми абадзехами, темиргоями, махошами и егерукаями, которые жили между Фарсомъ и Бѣлой. Ихъ безпокоилъ не столько абадзехскій отрядъ, по-прежнему расположенный на томъ мѣстѣ, гдѣ осчастливилъ своимъ трехдневнымъ пребываніемъ государь императоръ, сколько просѣка, прокладываемая войсками этого отряда, внизъ по Фарсу на станицы Нижне-Фарскую и Кужорскую. Жители этихъ мѣстъ видѣли и понимали, что, съ проложеніемъ сообщенія черезъ недоступный и завѣтный лѣсъ, имѣющій болѣе двадцати верстъ протяженія, они должны будутъ безусловно покориться или немедленно переселиться въ Турцію и уйти въ горы. На первое они не согласились, а поспѣшили удалиться въ горы и častію переселились въ Турцію.

Здѣсь кстати упомяну, что проложеніе просѣки Абадзехскимъ отрядомъ не нарушало перемирія съ нашимъ непріятелемъ, потому что войска этого отряда не переходили Фарсъ; по правую же сторону этой рѣки мы могли дѣйствовать по своему усмотрѣнію и заниматься прорубкою просѣкъ, проложеніемъ дорогъ и устройствомъ станицъ.

Съ наступленіемъ ноября открылись наступательныя военныя дѣйствія съ двухъ сторонъ.

Отрядъ, выступившій изъ Майкопа подъ начальствомъ командира Кубанскаго пѣхотнаго полка, полковника Горшкова, въ составѣ шести батальоновъ съ пропорціональнымъ числомъ артиллеріи и кавалеріи, двинулся вверхъ по Бѣлой. На обязанности этого отряда лежало: a) въ 14 верстахъ отъ Майкопа выстроить станицу Егерукаевскую; b) прорубить просѣки черезъ лѣса, растущія на такъ называемой Семиколѣнной горѣ, что между строющейся станицей и Фюнфтомъ, а также между урочищами Большимъ и Малымъ Кожохомъ, что по близости Каменнаго моста на Бѣлой; c) проложить колесное сообщеніе на пространствѣ между станицею Егерукаевскою и Каменнымъ мостомъ, и d) устроить укрѣпленный складочный пунктъ у впаденія Фюнфта въ Бѣлую.

Абадзехскому отряду, оставленному мною въ концѣ октября [1]) и со-

[1]) Начальствованіе надъ этимъ отрядомъ я не могъ продолжать, кромѣ другихъ причинъ: a) по несвоевременной и неаккуратной высылкѣ ко мнѣ

стоящему подъ начальствомъ знакомаго уже намъ генерала Тихоцкаго, предстояло исполнить слѣдующее: a) построить станицу Царскую на лѣвомъ берегу Фарса напротивъ лагеря, осчастливленнаго пребываніемъ нашего царя, и поэтому названную Царской; b) построить станицу Севастопольскую въ верховьяхъ Фюнфта на половинномъ разстояніи между Фарсомъ и Бѣлой; и c) проложить колесное сообщеніе на двадцати-верстномъ гористомъ и перерѣзанномъ крутыми оврагами пространствѣ, лежащемъ между Фарсомъ и устьемъ Фюнфта въ Бѣлую, гдѣ вмѣсто складочнаго укрѣпленнаго поста должна быть построена станица Абадзехская.

Исполненіе этихъ предпріятій, возложенныхъ на оба эти вышеупомянутые отряда, по сложности своей не было вполнѣ удовлетворительно, какъ по времени года, такъ и по короткому сроку, назначенному для этого. Графъ Евдокимовъ желалъ, чтобы все это было окончено къ марту. Онъ полагалъ, что одновременно съ проложеніемъ просѣкъ можно также удобно строить станицы и проводить дороги. Но на дѣлѣ вышло не такъ.

Не одному графу Евдокимову, а всѣмъ воевавшимъ въ Чечнѣ, начиная со временъ генерала Фрейтага, было извѣстно, что зима считалась самымъ удобнымъ временемъ для проложенія просѣкъ въ лѣсу и, чѣмъ сильнѣе была стужа, тѣмъ скорѣе и шла эта работа, въ особенности если отрядъ располагался внутри того лѣса, который предназначался къ рубкѣ; тогда онъ истреблялся съ неимовѣрной быстротой на огромныхъ и во множествѣ раскладываемыхъ кострахъ. Работы же по проложенію дорогъ на большомъ разстояніи и по устройству на протяженіи нѣсколькихъ верстъ земляныхъ валовъ, вокругъ вновь устраиваемыхъ станицъ, не могли съ успѣхомъ производиться на землѣ, не только крѣпко замерзшей, но и покрытой глубокимъ снѣгомъ. А зима въ декабрѣ 1861 и генварѣ 1862 года, какъ бы наперекоръ предположеніямъ графа Евдокимова, была суровая и изобильная снѣгомъ. Притомъ прочному проложенію дорогъ препятствовало безчисленное множество ручьевъ и источниковъ, въ зимнее время или изсякнувшихъ или невидимыхъ.

Поэтому на самомъ дѣлѣ случилось то, что дорога по Фюнфту, а также переѣзды черезъ Семиколѣнную гору и урочище Кожохъ оказались вовсе негодными, и ихъ нужно было снова передѣлать. Между тѣмъ, отъ тяжелыхъ земляныхъ работъ и нѣкоторыхъ другихъ неудобствъ, въ сильной степени развилась болѣзненность между нижними

графомъ Евдокимовымъ денегъ на экстраординарные расходы и b) по возобновленію генераломъ Забудскимъ, помимо меня, сношеній съ начальниками частей войскъ, расположенныхъ за Лабою.

чинами. Къ тому же къ больнымъ прибавилось болѣе 200 человѣкъ съ отмороженными членами, во время стужи и мятели, застигшей отрядъ подъ личнымъ предводительствомъ графа Евдокимова, при обратномъ слѣдованіи отъ Бѣлой къ станицѣ Царской, такъ что къ марту мѣсяцу всѣ госпитали и лазареты были переполнены больными.

Несмотря на это графъ Евдокимовъ продолжалъ упорно приводить въ исполненіе свои предположенія по заселенію края. Съ раннею весною, а именно въ мартѣ, не только заселены жителями огороженныя станицы: Царская, Севастопольская, Абадзехсхая и Егерукаевская, но приступлено къ устройству и заселенію новыхъ станицъ: Баговской, Баракаевской, Хамкетинской, Махошевской и Псефирской между Фарсомъ и Лабою, а также Ханской и Бѣлорѣченской по Бѣлой.

Каждая изъ этихъ станицъ должна была вмѣщать отъ 150 до 250 и даже 300 семействъ; и такъ какъ кромѣ широкихъ улицъ, огромныхъ площадей, сѣнниковъ поселяне надѣлялись большими усадьбами, то черезъ это станичныя юрты становились слишкомъ велики. Такое широкое расположеніе станицъ и надѣленіе усадебною собственностью жителей было весьма удобно, если бы эти поселенія воздвигались въ мирномъ краѣ и если бы не нужно было принимать никакихъ охранительныхъ мѣръ противъ непріятеля. Но такъ какъ, въ то же время, каждая изъ станицъ обносилась по преимуществу землянымъ валомъ, то такое широкое расположеніе, противорѣча военному положенію края, значительно увеличивало личный трудъ войскъ и разстраивало ихъ въ матерьяльномъ отношеніи.

Кому не извѣстно, какъ тяжела земляная работа, когда не лопата и мотыга, а кирка и ломъ въ ходу. А въ суровую зиму 1861 и 1862 годовъ солдаты упомянутыхъ отрядовъ, откапывая землю изъ подъ снѣга и ледяной коры, или роясь въ каменистомъ грунтѣ, иначе не работали, какъ киркой и ломомъ. Истощая свои физическія силы на столь тяжелыхъ и притомъ безпрестанныхъ работахъ, у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ быстро изнашивалась обувь и портилась одежда, которую они не имѣли возможности исправлять, по неимѣнію на то свободнаго времени, и обновлять, не получая никакой заработной платы.

Но въ войскахъ подвергались неимовѣрному труду не одни люди, а страдали отъ нескончаемыхъ перевозокъ по дурнымъ дорогамъ подъемныя лошади. Въ видахъ будто бы сбереженія казны, графъ Евдокимовъ нашелъ полезнымъ, отпуская подъемнымъ лошадямъ вмѣсто шестимѣсячнаго по положенію фуражнаго довольствія девятимѣсячное, употреблять безпощадно этихъ несчастныхъ животныхъ не только для перевозки провіанта, боевыхъ патроновъ и артиллерійскихъ принадлежностей, но подвозить колья, жерди, хворостъ для тѣхъ станицъ, въ которыхъ ограды устраивались плетневыя. Отъ этого подъемныя лошади

едва таскали ноги и сильно падали. Но были и такіе случаи, когда артельныя лошади—собственность солдата—перевозили не то, что имъ подлежитъ, а по причинѣ дороговизны продовольствуясь не надлежащимъ образомъ, тоже были худотѣлы и болѣли.

Съ наступленіемъ апрѣля, солдаты обоихъ Абадзехскихъ отрядовъ повеселѣли и вышли изъ того апатическаго состоянія, въ которомъ они находились въ продолженіе зимы, когда узнали о двухъ экспедиціяхъ: одной въ Дахо, а другой для выселенія изъ лѣсныхъ трущобъ махошевъ, темиргоевъ и егерукаевъ. Они знали, что эти экспедиціи не будутъ продолжительны, и что по совершеніи ихъ опять наступятъ тяжелыя ненавистныя работы, но что эти работы будутъ производиться на новой мѣстности, весною при обновляющейся природѣ. Главная же причина оживленія солдатъ была та, что они будутъ наконецъ имѣть возможность подраться съ непріятелемъ, котораго, несмотря на его близость, они до сихъ поръ не видѣли. Можетъ быть перепадетъ на ихъ долю и нѣкоторая добыча, при занятіи ауловъ.

Выселеніе изъ лѣсовъ махошевъ, темиргоевъ и егерукаевъ и занятіе Дахо поглощали все вниманіе графа Евдокимова и дѣйствительно при тогдашнемъ положеніи дѣлъ составляли важныя и безотлагательныя предпріятія.

Махоши, темиргои и егерукаи, гнѣздившіеся теперь въ лѣсныхъ трущобахъ между Фарсомъ, Лабой и Фюнфтомъ, съ давнихъ поръ отличались своимъ воинственнымъ духомъ. Соприкасаясь съ нашими казачьими поселеніями, сначала на Кубани, а потомъ на Лабѣ, они первые должны были испытать силу нашего оружія. Но, не будучи въ состояніи отражать силу силою, они преимущественно прибѣгали къ скрытнымъ дѣйствіямъ; а потому подобно чеченцамъ отличались хищничествомъ и воровствомъ, совершая по временамъ и болѣе рѣшительныя предпріятія, напримѣръ, нападали на станицы. Впрочемъ, на подобныя предпріятія рѣшались не иначе, какъ въ совокупности съ прочими своими сосѣдями. Поэтому выселеніе изъ лѣсныхъ трущобъ такого хищническаго населенія должно было считаться дѣломъ весьма важнымъ и полезнымъ.

Покореніе Даховскаго общества, живущаго за хребтомъ, замыкающимъ верховья Бѣлой и образующимъ ущелье Каменнаго моста, слывшаго до того времени термопилами Западнаго Кавказа, считалось дѣломъ особенной трудности и важности.

Исполненіе этого предпріятія графъ Евдокимовъ возложилъ на командира Севастопольскаго полка, полковника Геймана, безотчетно храбраго, предпріимчиваго, рѣшительнаго, пожалуй крайне честолюбиваго и не лишеннаго военныхъ способностей, необходимыхъ для начальника отряда. Получивши гимназическое или домашнее воспитаніе, что

навѣрное не знаю, Гейманъ поступилъ въ 1840 году юнкеромъ въ Кабардинскій полкъ, съ которымъ съ честью участвовалъ во многихъ славныхъ экспедиціяхъ и дѣлахъ съ горцами и въ которомъ онъ дослужился до полковника. Не только тяжелая рана, но любовь и преданность къ нему солдатъ той роты и батальона, которыми командовалъ, свидѣтельствовали, что онъ былъ достойнымъ и лихимъ начальникомъ.

Занятіе Дахо сверхъ ожиданія совершилось съ незначительной для насъ потерей, несмотря на то, что во время перехода черезъ хребетъ, по дурной лѣсистой дорогѣ, покрытой завалами, было оказано довольно упорное сопротивленіе со стороны непріятеля. Въ донесеніи графа Евдокимова о покореніи Даховскаго общества, въ которомъ по справедливости выхвалялась рѣшительность и распорядительность полковника Геймана, между прочимъ, было сказано: что пространство это совершенно замыкаетъ съ фланга Бѣлорѣченскую линію и, владѣя всѣми проходами къ Большой и Малой Лабѣ, по которымъ постоянно проходили хищническія партіи, представляетъ готовое основаніе для будущихъ нашихъ дѣйствій въ горныхъ котловинахъ, лежащихъ за рѣкой Бѣлой, избавляя въ то же время насъ отъ необходимости снова прорываться туда съ сѣвера чрезъ хребты, покрытые лѣсами.

Однако такое предположеніе на самомъ дѣлѣ не оправдалось. Владѣніе нами Дахо ни мало не препятствовало непріятелю вторгаться въ наши предѣлы. Дахо никогда не могъ служить базисомъ для будущихъ нашихъ дѣйствій въ горахъ, за исключеніемъ только движенія на Хамишки и далѣе вверхъ по Бѣлой. Напротивъ, пять батальоновъ, двѣ сотни и восемь орудій, находившіеся тамъ для устройства и разработки дороги на правомъ берегу Бѣлой, какъ замкнутые въ котловинѣ, сжатой со всѣхъ сторонъ высокими и трудно доступными горами, оставались въ бездѣйствіи во время лѣта, когда Залабинскій край былъ подверженъ нападенію непріятеля, а вновь поселенныя станицы находились чисто въ блокадномъ положеніи.

И, дѣйствительно, непріятель, какъ будто желая доказать неосновательность приведеннаго донесенія, вслѣдъ за занятіемъ Дахо, не упоминая о второстепенныхъ его дѣйствіяхъ и хищническихъ покушеніяхъ, нападаетъ въ значительныхъ массахъ на скотъ подъ Псебаемъ и станицей Губской, а также окружаетъ колонну, высланную изъ Дахо въ Царскую за провіантомъ. Не проходило дня, чтобы не раздавались сигнальные пушечные выстрѣлы, или не слышалась учащенная канонада по разнымъ направленіямъ. Безпрестанно получались извѣстія о сборахъ непріятеля и о намѣреніи его напасть то на скотъ, то на жителей, то на строющіяся станицы.

Отъ такого тревожнаго состоянія края въ особенности изнурена

была кавалерія отъ скачекъ по разнымъ направленіямъ, вслѣдстіе сигнальныхъ выстрѣловъ, производимыхъ безъ всякаго систематическаго порядка. По существующимъ для кордонной службы правиламъ, каждый постовой начальникъ, съ появленіемъ непріятеля, не справляясь о числѣ, долженъ былъ извѣщать кордонъ сигнальнымъ пушечнымъ выстрѣломъ, который повторялся на сосѣднихъ постахъ и ближайшихъ станицахъ. Такая мѣра, безспорно хорошая и полезная, при обыкновенныхъ отправленіяхъ кордонной службы, была неумѣстна въ лѣто 1862 года, когда непріятель, желая держать наши войска и поселенія въ постоянной тревогѣ, съ намѣреніемъ являлся одновременно въ разныхъ пунктахъ. А потому зачастую случалось, что отъ такихъ сигнальныхъ выстрѣловъ тревога дѣлалась общею, не только въ Залабинскомъ пространствѣ, но и на Лабинской линіи. Слѣдствіемъ такой неурядицы было то, что кавалерія, не успѣвшая возвратиться съ одной тревоги, должна была скакать на другую, или, не доскакавши до одного мѣста,—спѣшить по учащеннымъ выстрѣламъ на другой пунктъ. Въ особенности страдала отъ такихъ скачекъ кавалерія, расположенная по Бѣлой, а также въ станицахъ Кужорской и Нижнефарской, по причинѣ болѣзненной дѣятельности и энергіи начальника кордона, подполковника Есакова.

Если кавалерія не имѣла покоя и страдала отъ безпрестанныхъ скачекъ, то пѣхота не имѣла отдыха отъ непомѣрныхъ работъ и карауловъ. Для нея не существовало покоя ни днемъ, ни ночью. Днемъ рубка лѣса, проложеніе дорогъ, устройство мостовъ, копаніе рвовъ, насыпаніе брустверовъ, вязаніе туровъ или плетня; ночью—усиленные караулы, по причинѣ не вполнѣ огороженной станицы, и зачастую бдѣніе всего гарнизона, по случаю ожидаемаго нападенія.

Хотя солдаты сильно были изнурены и болѣли, однако работы не прекращались, даже въ годовые праздники. «Пусть умрутъ на работахъ!» было девизомъ графа Евдокимова. И дѣйствительно, госпитали и лазареты были запружены больными, между которыми и смертность была очень велика, потому что, кромѣ изнурительныхъ лихорадокъ, явился заразительный тифъ.

Но страдали не одни войска, страдали и жители новыхъ поселеній, куда попали кромѣ казаковъ старыхъ станицъ Кавказскаго линейнаго войска и поселяне внутренней Россіи, не имѣвшіе понятія о бивуачной жизни, а тѣмъ болѣе подверженные постоянной опасности лишиться не только послѣдняго своего имущества, но и жизни. Стѣсненные въ станичной оградѣ съ лошадьми и рогатымъ скотомъ, по нѣскольку дней невыгоняемымъ на пастьбу, по причинѣ иногда воображаемой въ умѣ станичнаго или кордоннаго начальника опасности, они должны были подъ навѣсомъ или холщевымъ наметомъ, а то и подъ открытымъ не-

бомъ, переносить всѣ вліянія непогоды, столь непостоянной въ предгорныхъ мѣстахъ. Отъ этого явилась не только лихорадка — болѣзнь обыкновенная въ странахъ, подверженныхъ быстрымъ и частымъ перемѣнамъ, но другія изнурительныя болѣзни и даже тифъ. Много бѣдствій перенесли новые поселенцы не только отъ болѣзни и другихъ лишеній, но даже отъ голода.

При такомъ печальномъ состояніи Залабинскаго края безъ сомнѣнія слѣдовало бы обратить вниманіе на облегченіе отъ работъ войскъ и успокоеніе новопоселенныхъ жителей, не предпринимая ничего новаго. Нужно было заняться надежнымъ огражденіемъ и вооруженіемъ станицъ, потому что большинство было безъ оконченныхъ оградъ и вовсе не были вооружены. Нужно было прекратить напрасныя частыя тревоги, изнурительныя скачки и распространеніе неточныхъ свѣдѣній о непріятелѣ—сообразнымъ отправленіемъ кордонной службы, правильнымъ расположеніемъ войскъ и положительнымъ собираніемъ и разсылкою точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ.

Къ сожалѣнію, на все это не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Изъ числа войскъ, изнуренныхъ уже непомѣрными работами, частыми тревогами и сильными болѣзнями, составляется новый отрядъ изъ 14½ батальоновъ, восьми эскадроновъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ и шестнадцати орудій, который и двигается на Пшеху, гдѣ и приступаетъ къ устройству Пшехской станицы.

Это новое наступательное движеніе было тѣмъ болѣе несвоевременно, что предпринималось въ покосное время и когда приближалась уборка хлѣба. Но этого желалъ начальникъ штаба войскъ, за Лабою находящихся, подполковникъ К—въ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ графа Евдокимова и генерала Забудскаго и вполнѣ управлявшій генераломъ Тихоцкимъ, человѣкомъ добрымъ, храбрымъ и не безъ нѣкоторыхъ другихъ военныхъ способностей, но до сего времени подъ своимъ начальствомъ, свыше кавалерійскаго полка, не имѣвшимъ.

Отъ такого преждевременнаго движенія нашихъ войскъ на Пшеху пользы особенной не произошло, а послѣдовало много вреда.

Залабинскій край, какъ надѣялись, не только не успокоился, а напротивъ непріятель, показавшій отчаянное сопротивленіе при движеніи на Пшеху и занятіи этой рѣки, съ новой энергіей началъ тревожить наши новыя поселенія и дѣлать нападенія еще въ большемъ числѣ. Такъ въ тысячныхъ массахъ штурмуетъ укрѣпленіе Хамкеты, дважды врывается въ станицу Пименскую, значительную часть которой сжигаетъ и предаетъ разграбленію. Кромѣ того, появляясь одновременно небольшими партіями въ разныхъ мѣстахъ, отгоняетъ скотъ, нападаетъ на небольшіе команды и посты, убиваетъ и захватываетъ въ плѣнъ

жителей, во время полевыхъ работъ, или при заготовленіи лѣса для построекъ.

Такія ежедневныя происшествія, наводя ужасъ на жителей, заставили ихъ совершенно прекратить полевыя работы и не выгонять свой скотъ на пастьбу. А отъ этого произошло: что сѣна было не накошено въ должномъ количествѣ; созрѣвшій хлѣбъ не былъ убранъ надлежащимъ образомъ; скотъ, оставаясь безъ корму по нѣскольку дней, началъ болѣть и дохнулъ. Ко всему этому еще болѣе увеличилась болѣзненность и смертность между жителями и солдатами, тогда какъ, если бы движеніе нашихъ войскъ на Пшеху совершилось позже хотя двумя мѣсяцами, то жители успѣли бы накосить въ достаточномъ количествѣ сѣна, убрать и свезти съ полей хлѣбъ и заготовить для своихъ построекъ лѣсъ.

Въ такомъ тревожномъ положеніи Залабинское пространство находилось до глубокой осени, когда, съ окончательной разработкой дороги между Даховскою станицею и Каменнымъ мостомъ на Бѣлой, расширялся кругъ дѣйствій Даховскаго отряда и его энергическаго начальника.

Полковникъ Гейманъ не оставался въ бездѣйствіи и во время своего замкнутаго нахожденія въ Даховской котловинѣ. Тогда какъ меньшая часть его отряда занималась устройствомъ Даховской станицы и устройствомъ дороги до Каменнаго моста по правую сторону Бѣлой, гдѣ одновременно нужно было бурить и разрывать порохомъ каменныя скалы и перестрѣливаться съ непріятелемъ, постоянно безпокоившимъ своими выстрѣлами съ противоположнаго берега — онъ съ большею частью прошелъ болѣе 20-ти верстъ вверхъ по Бѣлой и осмотрѣлъ всѣ боковыя ущелья. Живущее тамъ небольшое, но хищническое Хамышейское общество было выселено изъ лѣсныхъ трущобъ къ укрѣпленію, устроенному на единственной въ горахъ довольно обширной полянѣ, и проложена дорога черезъ густой лѣсъ и скалы между этимъ укрѣпленіемъ и станицей Даховскою.

Только къ сентябрю окончились работы по устройству и снабженію продовольствіемъ Даховской станицы и возстановленію надежнаго сообщенія, начиная отъ Каменнаго моста вверхъ по Бѣлой, и только съ этого времени мѣняется мѣсто дѣйствія Даховскаго отряда, сохранившаго это свое названіе и на будущее время, до окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа.

Полковникъ Гейманъ, переваливши(сь), съ 8-ю батальонами, 4-мя эскадронами, 8-ю сотнями и 12-ти орудіями, черезъ возвышенный лѣвый берегъ Бѣлой, вступаетъ въ узкую, лѣсистую и густо населенную долину Куржипса, гдѣ и занимается въ продолженіе зимы прорубкой просѣкъ, проложеніемъ сообщенія и устройствомъ окопа для Куржип-

ской станицы. Дѣйствія этого отряда въ тревожный 1862 годъ завершаются 8-ми-дневной экспедиціей, предпринятой къ верховьямъ Куржипса, собственно для прусскаго принца Альберта, въ честь котораго и закладывается станица Прусская.

Одновременно съ переходомъ полковника Геймана съ отрядомъ на Куржипсъ, Пшехскій отрядъ, уже состоящій подъ начальствомъ генерала Преображенскаго, совершивъ движеніе вверхъ по Пшехѣ, переноситъ свои дѣйствія на Пшишъ, гдѣ устроивъ два поста и приступивъ къ окопанію Бжедуховской станицы, вступаетъ въ связь съ отрядомъ генерала Кухаренки.

Этотъ отрядъ, составленный въ станицѣ Корсунской преимущественно изъ бывшихъ черноморскихъ пѣшихъ батальоновъ и казаковъ, гдѣ, переправившись черезъ Кубань, началъ и окончилъ свои дѣйствія устройствомъ кордонной линіи вверхъ по Пшишу и заложеніемъ на этой же рѣкѣ станицы Габукаевской.

Обратимся теперь въ противоположную сторону Западнаго Кавказа, къ дѣйствіямъ Адагумскаго отряда, войска котораго находились въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели дѣйствующія между Лабой и Пшишемъ, и что между солдатами было менѣе больныхъ. Это происходило какъ отъ того, что Натухайскій округъ менѣе былъ тревожимъ непріятелемъ, такъ и по той причинѣ, что солдатъ не обезсиливался и не изнурялся тяжелымъ трудомъ.

И дѣйствительно Натухайскій округъ, кромѣ появленія непріятельскихъ партій, только одинъ разъ подвергся вторженію непріятеля въ тысячныхъ массахъ, а именно при нападеніи въ октябрѣ на вновь поселенную и не вполнѣ достроенную и вооруженную Нижне-Баксанскую станицу. Однако и въ этомъ своемъ предпріятіи онъ понесъ пораженіе отъ подоспѣвшей своевременно кавалеріи и даже пѣхоты. Правда, былъ еще случай непріятный для всѣхъ, въ особенности для начальства: это уничтоженіе поста Георгіевскаго, съ находящимися на немъ 35 казаками.

Нельзя не сказать, что появленіе небольшихъ непріятельскихъ партій и совершаемыя ими хищническія продѣлки были по временамъ довольно частыя, но только войска не тревожились и не изнурялись отъ напрасныхъ скачекъ и передвиженій, какъ напримѣръ это было на Бѣлой, потому что здѣсь соблюдалось болѣе порядка въ производствѣ сигнальныхъ выстрѣловъ и самыя войска были болѣе правильно расположены. Отъ этого они успѣли своевременно прибыть и предупредить разграбленіе Нижне-Баксанской станицы отъ вторгнувшагося въ нее непріятеля.

Нельзя, не сказать, что и работы, возложенныя на Адагумскій отрядъ,

по числу войскъ, его составляющихъ, были меньшія, сравнительно съ отрядами, дѣйствовавшими между Лабою и Пшишемъ. На Адагумскомъ отрядѣ кромѣ дѣйствія противъ шапсуговъ, скрывавшихся въ лѣсныхъ трущобахъ и ущельяхъ Абина, Кунипса, Афипса, Антхира и Хабля, лежало устройство станицъ: Благовѣщенской, Анапской, Новороссійской, Гастюгаевской, Раевской, Варениковской, Натухайской, Верхне- и Нижне-Баксанской, Неберджайской и Крымской. Сверхъ того въ укрѣпленіи Абинскомъ устраивались помѣщенія для штабъ-квартиры Крымскаго пѣхотнаго полка, перемѣщенной изъ Крымскаго укрѣпленія, обращеннаго въ станицу.

И все это благодаря распорядительности и заботливости начальника отряда, генерала Бабича, безъ изнуренія, лишеній и особой болѣзненности для ввѣренныхъ ему войскъ къ сентябрю было окончено.

VI.

Военныя дѣйствія на Западномъ Кавказѣ съ 1863 года до его покоренія.

Въ 1863 году войскамъ, дѣйствующимъ на Западномъ Кавказѣ, предстояли такія же огромныя занятія, по продолженію устройства нашихъ казачьихъ поселеній и проведенію сообщеній, какъ и въ прошломъ году; но только это было совершено при менѣе тревожныхъ обстоятельствахъ.

Непріятель, истощенный физически послѣ огромныхъ потерь, понесенныхъ имъ въ частыхъ кровавыхъ дѣлахъ съ нами, видя нашъ успѣхъ въ колонизаціи и массу войскъ, вездѣ его стѣсняющую, началъ упадать и нравственно. Этотъ упадокъ духа еще болѣе увеличился, когда въ февралѣ мѣсяцѣ его императорское высочество главнокомандующій Кавказской арміей прошелъ побѣдоносно съ Адагумскимъ и Пшехскимъ отрядами по предгоріямъ, гдѣ толпилось непріязненное намъ мусульманское населеніе Западнаго Кавказа.

Съ этого времени уже не существуетъ того общаго, единодушнаго противодѣйствія, того энергическаго стремленія къ нанесенію вреда намъ, которое проявлялось у абадзеховъ, шапсуговъ, убыховъ и другихъ обществъ въ прошломъ году. Такъ при движеніяхъ полковника Геймана съ Даховскимъ отрядомъ по Куржипсу и въ верховьяхъ Пшеха ему сопротивляется только мѣстное населеніе. Такимъ же образомъ генералъ Зотовъ, начальникъ Пшехскаго отряда, при движеніи вверхъ по Пшишу къ Хадыжамъ и при занятіи этого пункта дерется только съ абадзехами, столпившимися въ ущельѣ Пшиша. Объ убыхахъ же, столь

сильно подстрекавшихъ абадзеховъ и шапсуговъ къ сопротивленію и клявшихся не покидать ихъ, нѣтъ и помину. Они, потерявъ надежду на помощь отъ турецкаго султана, приготовляются къ переселенію за море до прибытія русскихъ.

Непріятель нашъ, утративъ энергію и упавъ духомъ, уже не смѣетъ предпринимать вторженіе въ наши предѣлы. Онъ теперь думаетъ только о собственномъ своемъ спасеніи. Но если успокоилась часть Западнаго Кавказа, занятая нашими поселеніями, то не избавились войска отъ работъ. Они по-прежнему трудились безъ отдыха. Лишенія и болѣзни по-прежнему преслѣдовали ихъ. Никакіе доводы и убѣжденія частныхъ начальниковъ, что войска нуждаются въ отдыхѣ, хотя непродолжительномъ, необходимомъ для приведенія въ нѣкоторый порядокъ ихъ одежды и обуви, не принимались во вниманіе графомъ Евдокимовымъ. Ропотъ между войсками былъ столь силенъ, что не разъ казалось, что перейдетъ въ возмущеніе. Въ особенности неудовольствія и ропотъ были велики въ Пшехскомъ отрядѣ въ то время, когда командовалъ имъ полковникъ Офрейнъ. Нельзя не удивляться, что такому безхарактерному и безгласному штабъ-офицеру могъ быть порученъ двадцатитысячный отрядъ.

Но войска, составлявшія этотъ отрядъ, несмотря на дурное продовольствіе, трудились не менѣе прежняго. Только кругъ ихъ дѣйствій былъ самый ограниченный. Они занимались рубкою просѣкъ и проложеніемъ дорогъ въ окрестностяхъ Пшехской станицы, а также устройствомъ мостовъ на Пшехѣ и ея рукавахъ, нѣсколько разъ портившихся и сносимыхъ отъ прибыли воды и напора льда. Впрочемъ предпринимать хотя нѣсколько отдаленныя движенія отрядъ не могъ и потому, что всѣ подъемныя лошади частей войскъ, будучи заняты перевозкой сѣна, по страшно дурнымъ дорогамъ, находились въ самомъ изнуренномъ состояніи.

Поэтому войска Пшехскаго отряда ожили, когда начальство надъ ними было ввѣрено распорядительному и попечительному генералу Зотову. Большая часть знала его во время покоренія Чечни, когда онъ ходилъ въ бой съ ними при занятіи Аргунскаго ущелья.

Одновременно съ тѣмъ, какъ полковникъ Гейманъ строитъ станицы Дагестанскую, Нижегородскую и Самурскую и, прорубившись до Тубинскаго ущелья, производитъ въ немъ рекогносцировку, Пшехскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Зотова закладываетъ и устраиваетъ станицы по Пшехѣ: Кубанскую, Апшеронскую и Ширванскую, и по Пшишу Тверскую; прорубаетъ между ними просѣки и устраиваетъ надежныя сообщенія. И все это совершается не торопясь, обдуманно, а главное безъ излишняго обремененія и изнуренія для войскъ. Наконецъ отрядъ двигается отъ станицы Тверской вверхъ по Пшишу и съ незначитель-

ной потерей занимаетъ Хадыжи, пунктъ довольно важный въ стратегическомъ отношеніи, какъ лежащій на прямомъ сообщеніи къ Гойтскому перевалу, ведущему въ долину Туабсе, а слѣдовательно къ Черному морю.

Казалось бы, лучшаго успѣха нечего и желать, но графъ Евдокимовъ находитъ занятіе Хадыжей преждевременнымъ и, по причинѣ своей отдаленности, могущимъ намъ дорого стоить; а потому предписываетъ оставить Хадыжи и отступить снова къ Тверской.

Генералъ Зотовъ оставляетъ Хадыжи и, несмотря на бой съ непріятелемъ, съ незначительной потерей прибываетъ въ эту станицу, гдѣ и слагаетъ съ себя по болѣзни начальство надъ отрядомъ.

Удаленіемъ генерала Зотова былъ доволенъ и недоволенъ графъ Евдокимовъ. Онъ былъ доволенъ, что избавился отъ надоѣдливаго начальника отряда, часто требовавшаго отъ него денегъ на экстраординарные расходы. Недоволенъ былъ тѣмъ, что лишился въ немъ распорядительнаго и дѣльнаго помощника.

За то вполнѣ торжествуетъ честолюбивый и властолюбивый полковникъ Гейманъ.

Онъ хорошо понималъ, что, пока будетъ начальствовать Пшехскимъ отрядомъ Зотовъ, кругъ его дѣятельности будетъ весьма ограниченный и онъ съ Даховскимъ отрядомъ или долженъ вращаться въ долинѣ Курджипса и Тубинскомъ ущельи, или подчиниться въ своихъ дѣйствіяхъ Зотову, какъ старшему. А потому полковникъ Гейманъ, бывшій по вызову въ Ставрополѣ, въ то время, когда было получено донесеніе о занятіи Хадыжей, выражаетъ и свое мнѣніе, что движеніе на перевалъ черезъ Тубинское ущелье онъ считаетъ болѣе удобнымъ и кратчайшимъ. И графъ Евдокимовъ, хотя не знакомый съ Тубинскимъ ущельемъ и верховьями Пшиши, но убѣжденный доводами Геймана,—о военныхъ дарованіяхъ и способностяхъ котораго онъ составилъ непреложное мнѣніе, еще со времени Даховской экспедиціи,—предписываетъ генералу Зотову оставить Хадыжи.

Однако графъ Евдокимовъ, вскорѣ по прибытіи въ станицу Тверскую, убѣждается въ неосновательности своихъ распоряженій. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказывается Тубинское ущелье вовсе неудобнымъ и не прямымъ путемъ къ движенію нашихъ войскъ къ перевалу. Такой путь ведетъ вверхъ по Пшишу на Гойтхъ, ту часть перевала, откуда эта рѣка беретъ свое начало, а слѣдовательно на Хадыжи, которое урочище спустя двадцать дней снова занимается нашими войсками подъ личнымъ предводительствомъ графа Евдокимова.

Но если путь дѣйствій остался прежній, то измѣнились труженики и дѣятели. Здѣсь по Пшишу дѣйствуетъ полковникъ Гейманъ съ Даховскимъ отрядомъ; полковникъ же графъ Граббе, за отдѣленіемъ нѣ-

скольких батальоновъ своему сопернику, съ Пшехскимъ отрядомъ направляется вправо на Псекупсъ.

На Даховскій отрядъ возложено было: а) устроить въ Хадыжи окопъ со складами для продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, необходимыхъ для будущихъ военныхъ дѣйствій; b) построить на Пшишѣ мостъ и нѣсколько постовъ для обезпеченія сообщенія; с) прорубить просѣки черезъ густыя лѣсныя полосы, растущія на тридцативерстномъ разстояніи между Хадыжами и переваломъ; d) на этомъ же разстояніи проложить дорогу по крутымъ подъемамъ и глубокимъ оврагамъ, и е) устроить на перевалѣ укрѣпленіе съ новыми складами для продовольственныхъ и военныхъ запасовъ.

Пшехскій отрядъ, дѣйствуя вверхъ по Псекупсу, обязанъ былъ, столпившихся тамъ въ огромныхъ массахъ, жившихъ на плоскости абадзеховъ или заставить принести положительную покорность или вытѣснить ихъ за перевалъ. Достигнувъ вершины хребта, съ котораго беретъ свое начало Псекупсъ съ притоками, графъ Граббе обязанъ былъ занять такую позицію, чтобы находиться въ связи съ Даховскимъ отрядомъ и въ случаѣ надобности охранять его съ фланга отъ непріятельскаго покушенія.

И все это исполнено съ точностью можно сказать математическою, стоившею новыхъ большихъ трудовъ, усилій и лишеній для солдатъ, въ особенности при производствѣ земляныхъ работъ, какъ совершавшихся въ зимнее время. Въ концѣ декабря оба отряда были расположены на перевалахъ: Даховскій отрядъ занялъ позицію возлѣ выстроеннаго имъ Гойтскаго укрѣпленія, получившаго это названіе отъ перевала. Въ нѣсколькихъ верстахъ на западъ былъ расположенъ Пшехскій отрядъ.

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній отъ графа Евдокимова, оба отряда бездѣйствовали, и потому, въ ожиданіи ихъ дѣятельности, опишемъ, что дѣлалось въ Адагумскомъ отрядѣ, состоящемъ по-прежнему подъ начальствомъ генерала Бабича и взглянемъ на новый Джубскій отрядъ.

Занятія Адагумскаго отряда въ продолженіе 1863 года состояли: въ довершеніи устройства Абинской линіи, возведеніемъ станицъ: Ильской, Хабльской, Грузинской, Мингрельской, Эриванской и Шапсугской; въ проложеніи сообщенія отъ Абина на Геленджикъ и въ построеніи въ этомъ послѣднемъ пунктѣ укрѣпленія. Наконецъ движеніемъ отряда отъ Геленджика по берегу моря до Джубы и даже Шапсуха, для очищенія этого прибрежнаго пространства отъ туземнаго населенія, завершилась семилѣтняя тихая заботливая дѣятельность Бабича.

Приказомъ по войскамъ Кубанской области отъ 27-го декабря,

Адагумскій отрядъ былъ расформированъ, съ поступленіемъ одной половины на усиленіе Джубскаго отряда и съ оставленіемъ другой во вновь устроенныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ на прибрежьѣ и для окончанія различныхъ работъ въ Натухайскомъ округѣ.

Вновь составленный собственно для подвиговъ наказнаго атамана Кубанскаго казачьяго войска графа Сумарокова-Эльстона Джубскій отрядъ, выступивъ изъ укрѣпленія Григорьевскаго и двигаясь вверхъ по Шепшу, въ 15-ти верстахъ закладываетъ станицу Ставропольскую. По устройствѣ этой станицы и проложеніи дороги до перевала, Джубскій отрядъ переваливается черезъ хребетъ въ долину Джубы, двигаясь по которой истребляетъ нѣсколько шапсугскихъ ауловъ, а на берегу моря разрушаетъ укрѣпленіе, впрочемъ никѣмъ не занятое.

Не помню, какъ долго находились въ бездѣйствіи Даховскій и Пшехскій отряды на перевалѣ, гдѣ мы ихъ оставили, но знаю, что войска, составлявшія эти отряды, мерзли и претерпѣвали стужу отъ сильнаго мороза, мятели и вѣтра.

Знаю также, что сильно страдали подъемныя и артельныя лошади частей при перевозкѣ провіанта и другихъ продуктовъ по гористой, дурно устроенной, покрытой льдомъ или занесенной снѣгомъ дорогѣ.

Извѣстно также, что начальники отряда жили между собою не въ ладахъ, интриговали и, слѣдя другъ за другомъ, въ искаженномъ или смѣшномъ видѣ старались представить дѣйствія одинъ другаго.

Не берусь описывать съ подробностью дѣйствія полковника Геймана, когда онъ съ Даховскимъ отрядомъ двигался внизъ по Туабсе къ морю. Знаю только, что большія трудности и препятствія нужно было преодолѣть на этомъ болѣе чѣмъ шестидесяти-верстномъ разстояніи, и что войска кромѣ неимовѣрныхъ трудовъ терпѣли огромныя лишенія. По причинѣ существованія только вьючнаго сообщенія, — да и то мѣстами весьма опаснаго, войска не могли взять съ собой ни палатокъ, ни въ достаточномъ количествѣ продовольствія; а потому пришлось имъ бивуакировать и расходовать сухари съ большой экономіей, въ особенности въ то время, когда отрядъ прибылъ къ мѣсту бывшаго форта Вельяминовскаго, разрушеннаго въ 1841 году горцами.

По распоряженію графа Евдокимова, въ началѣ марта должны были прибыть по морю, къ устьямъ Туабсе, наши суда съ продовольственными и военными запасами. Но съ прибытіемъ Даховскаго отряда послѣ тяжелаго двѣнадцати - дневнаго похода къ развалинамъ форта Вельяминовскаго, не оказалось тамъ ожидаемыхъ судовъ. Не видно было судовъ и въ бушевавшемъ морѣ, съ возвышеннаго праваго берега Туабсе, на которомъ торчали развалины этого форта. Да если бы суда

плавали въ виду нашемъ, то и тогда бушевавшее море не дозволило бы выгрузиться имъ, потому что они во избѣжаніе крушенія должны были бы держаться въ отдаленіи отъ береговъ.

Но какъ оказалось, транспортныя суда, долженствовавшія доставить продовольственные и военные запасы, по причинѣ бурь и столь опаснаго «бора» [1]), не могли выйти изъ Новороссійска съ такимъ разсчетомъ, чтобы прибыть къ Туабсе одновременно съ отрядомъ, а значительно запоздали. По той же причинѣ не существовало сообщенія по Черному морю и для другихъ судовъ, тѣмъ болѣе для «кочермъ»—небольшихъ парусныхъ турецкихъ судовъ,—долженствовавшихъ перевозить по преимуществу горцевъ, перекочевывавшихъ въ Турцію.

За неприбытіемъ судовъ, оставалось одно средство для Даховскаго отряда доставить продовольствіе изъ Гойтха. Но на эту операцію нужно было употребить не менѣе пяти сутокъ: одинъ день на посылку гонца; двое, трое сутокъ на отпускъ провіанта, укладку его на вьюки и прибытіе транспорта на половину дороги и не менѣе сутокъ на обратное шествіе колонны, высланной изъ Вельяминовскаго форта. Между тѣмъ въ Даховскомъ отрядѣ оставалось сухарей съ небольшимъ на однѣ сутки. Слѣдовательно, по необходимости пришлось питаться одной говядиной, бараниной и козлятиной, да похлебкой и кашей изъ проса и кукурузы, которыхъ продуктовъ къ счастью оказалось въ достаточномъ количествѣ. Рогатый скотъ, бараны и козлы не только имѣли сами войска, но ихъ, а равно просо и кукурузу, можно было пріобрѣтать за весьма умѣренную цѣну у выселяющихся въ Турцію абадзеховъ и шапсуговъ.

Но если положеніе Даховскаго отряда, занявшагося устройствомъ помѣщенія въ развалинахъ Вельяминовскаго форта, съ прибытіемъ сухарнаго продовольствія, соли, водки и другихъ необходимыхъ продуктовъ значительно улучшилось, то положеніе выселяемыхъ въ Турцію абадзеховъ и шапсуговъ съ каждымъ днемъ ухудшалось. Наконецъ положеніе ихъ доведено было до отчаянія, когда все жившее какъ по прибрежью Чернаго моря, такъ между хребтомъ и Кубанью, столпилось у устья Туабсе, единственнаго пункта, назначеннаго для ихъ отплытія въ Турцію.

Самое большое число абадзеховъ и шапсуговъ столпилось у устья Туабсе, какъ бы на бо́льшую ихъ погибель, во время весенняго равно-

---

[1]) Бора или Борра—пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій со стороны Кавказскаго хребта. Если онъ дуетъ зимою, то обледеняетъ всѣ мачты судовъ. Подъ названіемъ Бора этотъ вѣтеръ извѣстенъ и на Адріатическомъ морѣ и столь же опасенъ для Иллирійскихъ и Истрійскихъ гаваней, какъ для Новороссійска и другихъ гаваней Кавказа.

денствія, когда царство Нептуна вообще бываетъ неспокойно, и въ особенности бушуетъ Черное море. По непреложному велѣнію судьбы въ началѣ марта къ шапсугамъ, жившимъ по теченію Туабсе съ ея притоками и принужденнымъ оставить свои жилища Даховскимъ отрядомъ, присоединились какъ шапсуги, жившіе съ незапамятныхъ временъ по прибрежью Чернаго моря, такъ и соплеменники ихъ, обитавшіе по Кунипсу, Абину, Хаблю, Супсу и другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Кубань, а равно абадзехи, населявшіе долины Бѣлой, Куржипса, Пшехи, Пшипса и Псекупса.

Тѣсно скученные въ тысячныхъ массахъ на небольшой равнинѣ возлѣ Вельяминовскаго форта подъ открытымъ небомъ, пронизываемые постоянно холоднымъ вѣтромъ, обливаемые частыми дождями, терпя недостатокъ въ продовольствіи и оставаясь безъ горячей пищи, дѣти, женщины и старики начали сильно болѣть и умирать, въ особенности отъ тифа и дисентеріи. Большія и частыя могилы свидѣтельствовали о множествѣ жертвъ, погибшихъ на родномъ берегу, еще недавно столь для нихъ дорогомъ, а теперь имъ опротивѣвшемъ.

Немало абадзеховъ и шапсуговъ погибло и во время переѣзда по морю. Хозяева судовъ, въ особенности турецкихъ кочермъ, изъ жаднаго корыстолюбія брали на свои суда болѣе переселенцевъ, нежели могли вмѣщать въ себѣ или выдержать по дурной конструкціи и ветхости, ту тяжесть, которая составляла грузъ.

А отъ тѣсноты и заразительнаго воздуха увеличилась смертность и безъ того уже страждущихъ болѣзнями переселенцевъ. Или и того хуже,—когда суда, носимыя по волнамъ бушующаго моря, погибали. Впрочемъ, въ своей гибели были отчасти виноваты и сами переселенцы, которые изъ желанія скорѣе оставить прежде столь дорогую, а теперь столь ненавистную родину, употребляли силу, хитрость и платили въ три-дорога, чтобы попасть на отплывающую кочерму.

И дѣйствительно ни одно судно не отплывало безъ печальной или трагической катастрофы для переселенцевъ. Одинъ изъ нихъ утопалъ, штурмуя баркасъ или лодку, долженствующую перевезти его отъ берега къ судну; другой съ отчаянія, что не попалъ на отходящую кочерму, бросался въ море и погибалъ въ волнахъ. Здѣсь удрученный годами и изнеможенный болѣзнью старикъ съ проклятіями распарывалъ себѣ животъ кинжаломъ. Тамъ въ ужасныхъ корчахъ испускала духъ на берегу мать, держа въ своихъ объятіяхъ умирающаго груднаго младенца [1]).

---

[1]) Не по разсказамъ, а какъ очевидецъ описываю здѣсь отчаянное положеніе переселяющихся въ Турцію абадзеховъ и шапсуговъ. Для осмотра частей войска ввѣренной мнѣ дивизіи, не только расположенныхъ по эту

Отчего же произошло, что Даховскій отрядъ былъ нѣсколько дней безъ сухарей, соли и водки, а изгоняемые изъ своей родины абадзехи и шапсуги претерпѣвали такія страшныя мученія и страданія? Единственно отъ торопливаго и преждевременнаго движенія нашихъ отрядовъ къ морю до весенняго равноденствія. Выступи Даховскій отрядъ мѣсяцемъ, двумя недѣлями позже, и этого не случилось бы. Между тѣмъ мы достигли бы тѣхъ же самыхъ результатовъ по окончательному покоренію Западнаго Кавказа.

Но солдаты, въ особенности же офицеры Даховскаго отряда претерпѣвали нѣкоторыя лишенія непродолжительное время, потому что, съ прибытіемъ въ Туабсе нашихъ военныхъ пароходовъ, миновались эти лишенія, и даже явились предметы роскоши, тогда какъ положеніе выселяемыхъ абадзеховъ и шапсуговъ немногимъ улучшилось и по успокоеніи моря, по той причинѣ, что на мѣсто отплывавшихъ въ Турцію являлись новыя толпы горцевъ.

Съ движеніемъ Даховскаго отряда во второй половинѣ марта отъ Туабсе къ Псезуапе и далѣе, когда началось выселеніе шапсуговъ, между этими рѣками и въ ущельяхъ, образуемыхъ многими притоками, массы горцевъ достигли опять до двадцати тысячъ душъ обоего пола. Но только эти переселенцы, по причинѣ хорошей погоды, уже не болѣли такъ сильно, хотя, какъ и ихъ предшественники, томились ожиданіемъ отплыть, потому-что какъ тогда, такъ и теперь, былъ недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ.

Даховскій отрядъ слѣдовалъ по восточному прибрежью Чернаго моря, такъ же безъ выстрѣла, какъ совершилъ свое движеніе отъ Гойтскаго перевала къ устью Туабсе [1]).

Только въ вершинахъ Аше и Псезуапе войска наши встрѣтили слабое сопротивленіе отъ жившихъ тамъ хакучей, не составлявшихъ особаго племени, а образовавшихся изъ абрековъ, то-есть: воровъ, разбойниковъ и такихъ бездомныхъ людей, которые всегда жили грабежемъ и воровствомъ. Тутъ были абадзехи, шапсуги, убыхи и другихъ обществъ горцы. Между хакучами даже находились наши бѣглые казаки и солдаты. Хакучи не щадили никого, даже своихъ соплеменниковъ. Ихъ боялись и ненавидѣли, какъ страшныхъ воровъ, всѣ сосѣдніе имъ горцы.

сторону Кавказскаго хребта, но и находящихся въ составѣ Даховскаго отряда, дѣйствующаго по берегу Чернаго моря, было предпринято мною въ мартѣ путешествіе верхомъ отъ Хадыжей черезъ Гойтхъ, внизъ по Туабсе до форта Вельяминовскаго, откуда по берегу моря до Сочи. Этимъ же путемъ я возвратился въ Хадыжи, гдѣ былъ оставленъ мой тарантасъ.

[1]) Ни малѣйшаго сопротивленія не было оказано со стороны мѣстнаго населенія.

Однако если Даховскому отряду не противодѣйствовалъ непріятель, то онъ встрѣчалъ много трудно преодолимыхъ препятствій со стороны природы. Въ особенности затрудняли слѣдованіе этого отряда разлившіяся рѣки съ ихъ безчисленными притоками, въ другое время года не составлявшія никакого препятствія. Теперь же онѣ составляли такую важную преграду, черезъ которую нельзя было устроить мостовъ, какъ по неимѣнію мѣстъ для устоевъ и широтѣ разлитія, такъ по огромности камней и деревьевъ, несомыхъ быстротою теченія, не только по Псезуапе, Аше и Шахе, но и по ихъ ничтожнымъ притокамъ. Также немало затрудняли шествіе нашихъ войскъ острые камни, которыми усѣяно прибрежье моря и ущелья, а равно растущія въ изобиліи колючія растенія, быстро уничтожавшія обувь и портившія одежду. Но имѣвшіеся у солдатъ поршни и башмаки съ толстыми подошвами, убитыми гвоздями, сохраняли отчасти ихъ сапоги и ноги отъ искалѣченія.

Не остановилъ рѣшительныхъ и смѣлыхъ дѣйствій полковника Геймана сборъ убыховъ позади Псезуапе, намѣревавшихся воспротивиться переходу Даховскаго отряда черезъ границу ихъ земель, и сильно разлившаяся Шахе.

Разбитые и понесшіе значительныя потери на Вардане, убыхи безпрекословно покорились и поспѣшили переселеніемъ въ Турцію, съ указаннаго имъ близъ Сочи пункта. Переходъ же черезъ Шахе нашихъ войскъ былъ совершенъ по импровизованнымъ, качающимся горскимъ мостамъ, устроеннымъ въ узкихъ скалистыхъ берегахъ надъ пѣнящеюся пропастью.

Съ прибытіемъ на Сочи, составляющую границу между убыхами и джигетами, Даховскій отрядъ пріостановилъ свое дальнѣйшее побѣдоносное шествіе. Необходимъ былъ отдыхъ для исправленія разорванной одежды отъ колючки и обновленія пришедшей въ совершенную негодность обуви. Нужно было подумать и объ обезпеченіи отряда продовольствіемъ.

Въ отвѣтѣ, полученномъ изъ Тифлиса на телеграмму полковника Геймана о покореніи убыховъ, тоже упоминалось о необходимости оставаться Даховскому отряду на Сочи и озаботиться обезпеченіемъ сообщенія и продовольствія, а также окончательнымъ выселеніемъ въ Турцію горцевъ.

Покореніе же джигетовъ, псхоу, анчипсхоу и другихъ мелкихъ обществъ, обитавшихъ по Мзымтѣ и Бзыби, возлагалось на отрядъ, сосредоточенный въ Абхазіи, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго.

VIII.

Переходъ черезъ Кавказскій хребетъ.

Экспедиція противъ непріязненныхъ намъ обществъ, обитавшихъ по Мзымптѣ и Бзыби, была непродолжительная, не трудная и не опасная. Но такъ какъ съ этой экспедиціей, и вмѣстѣ съ послѣднимъ выстрѣломъ на урочищѣ Каабе, гдѣ послѣ торжественнаго молебствія было отпраздновано окончательное покореніе Кавказа, соединенъ трудно интересный переходъ мой черезъ перевалъ у Оштенъ, одного изъ гигантовъ Кавказскаго хребта, то и коснусь нѣкоторыхъ подробностей этого путешествія.

Это движеніе было предпринято графомъ Евдокимовымъ не съ боевою цѣлію, потому что со стороны непріятеля не могло встрѣтиться сопротивленія. Его уже не было по сѣверо-восточную сторону хребта съ прошлаго года; юго-западныя же покатости, обращенныя къ Черному морю, были только-что очищены дѣйствіями Даховскаго отряда. Могли развѣ встрѣтиться хищническія партіи хакучей, или нѣсколько абадзеховъ и убыховъ, скрывавшихся въ непроходимыхъ дебряхъ и ущельяхъ.

Этотъ путь желалъ лично изслѣдовать графъ Евдокимовъ и убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ служить удобнымъ сообщеніемъ для нашихъ войскъ, какъ одинъ изъ кратчайшихъ между Кубанью и Чернымъ моремъ, и въ такомъ случаѣ какого рода поселенія, или только одни укрѣпленные пункты могутъ существовать на немъ. Поэтому графъ Евдокимовъ выступилъ изъ Майкопа въ концѣ мая съ одной только милиціей, тѣмъ болѣе, что на многихъ пунктахъ были расположены войска, занимавшіяся разработкой дороги.

До перевала у Оштенъ путь лежалъ по Бѣлой и до Хамешковъ, гдѣ былъ назначенъ первый ночлегъ, пролегалъ черезъ извѣстныя уже намъ мѣста: станицу Егерукаевскую, Семиколѣнную гору, Фюнфтъ, станицу Абадзехскую, большой и малой Кожоки, ущелье Каменнаго моста, станицу Даховскую и черезъ 10 верстное лѣсистое и скалистое ущелье.

Отъ укрѣпленія Хамешки, построеннаго еще въ 1862 году и занимаемаго линейнымъ баталіономъ, или, правильнѣе сказать, отъ находящагося въ 6 верстахъ впереди Бѣлорѣченскаго поста, путь лежалъ по мѣстности уже неизвѣстной. Далѣе этого поста войска наши не двигались, и только за нѣсколько дней было послано нѣсколько ротъ пѣхоты, для разработки тѣхъ мѣстъ, по которымъ намъ предстояло ѣхать. Извилистая вьючная дорога круто поднималась въ гору между вѣковымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ дуба, чинара, ясени, бука, вяза, карагача,

лиственицы и другихъ породъ, перевитыхъ колючими растеніями. Влѣво шумѣла Бѣлая, текущая по каменистому и узкому ущелью.

Болѣе часу ѣхали мы по такой закрытой, однообразной мѣстности, когда лѣсъ окончился яворовой рощицей и передъ нами представились обнаженныя каменистыя горы и снѣжный Оштенъ. Но этотъ гигантъ Западнаго Кавказа былъ еще далекъ отъ насъ. Нужно было перевалить черезъ два глубокихъ ущелья, по которымъ прорывалась и шумѣла Бѣлая съ своими притоками, да кой-гдѣ виднѣлись оставленныя жилища загнанныхъ и сюда силою оружія абадзеховъ. Древесная растительность была самая жалкая и состояла изъ чахлыхъ, корявыхъ приземистыхъ сосенъ, елей, березъ, встрѣчались также рододендроны. Окружавшія нашъ путь горы состояли изъ шифернаго плитняка или гнейса.

Поднявшись на одну изъ такихъ горъ и обогнувъ другую, мы въѣхали въ снѣжную полосу, лишенную уже всякой растительности. Только лишай да мохъ покрывали камни, обнаженные солнечными лучами отъ снѣга. Передъ нами возвышалась на нѣсколько сотенъ футовъ снѣжная и недоступная вершина Оштенъ, которую нужно было обогнуть съ сѣверовосточной стороны по снѣжной тропѣ, наклоненной къ глубокой пропасти.

Крайне опасенъ былъ этотъ переходъ. Хотя длина его не превышала двухъ, трехъ десятковъ саженъ, однако, одна милиціонерская и нѣсколько вьючныхъ лошадей обрушились въ пропасть, гдѣ и остались на добычу волковъ, шакаловъ, орловъ и вороновъ.

Дальнѣйшее слѣдованіе по обширной, снѣжно-льдистой впадинѣ тоже было не безъ затрудненій. Нужно было слѣдовать болѣе двухъ верстъ пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу съ большою осторожностію, и дѣлать частые обходы, чтобы не попасть въ проралъ, зажору или разщелину, образовавшіеся отъ таявшаго снѣга и льда. Сверхъ того мы продрогли отъ сильнаго вѣтра, промокли отъ мокраго снѣга и въ довершеніе всего были побиты градомъ, доходившимъ величиною до куринаго яйца, пока добрались до небольшаго лѣса, растущаго у притоковъ Шахе. Здѣсь былъ данъ часовой привалъ, необходимый какъ для всадниковъ послѣ восьми-часоваго тяжелаго переѣзда, такъ и для того, чтобы дать время подтянуться отставшимъ вьюкамъ.

Продолжать же намъ отдыхъ нельзя было, потому что на переѣздъ до Бабуковскаго аула, ближайшаго населеннаго мѣста, гдѣ предположено было переночевать, нужно было употребить не менѣе трехъ часовъ. Переѣздъ по разстоянію былъ не великъ, верстъ не болѣе десяти, но онъ былъ труденъ по крутости и продолжительности спуска къ Шахе, а равно по переправѣ черезъ эту быстро текущую, въ особенности въ своихъ верховьяхъ, и каменистую рѣку.

Поразительно было ущелье Шахе по грандіозности горъ, которыми

оно обставлено и по растущимъ на нихъ вѣковымъ деревьямъ, но поразительнѣе всего были мѣста, покрытыя рододендронами и азаліями. Ихъ темно-пунцовый и ярко-желтый цвѣта среди зелени сильно поражали зрѣніе, и глазъ невольно обращался въ ту сторону, гдѣ находились кусты этихъ непахучихъ растеній.

Бабуковъ аулъ, куда мы прибыли послѣ полусуточнаго труднаго и утомительнаго переѣзда, получилъ это названіе отъ своего владѣльца, одного изъ вліятельныхъ старшинъ убыховскаго племени и, за нѣсколько дней до нашего прибытія, отправившагося въ Турцію, вмѣстѣ съ другими своими соплеменниками. Этотъ аулъ былъ не великъ. Онъ состоялъ изъ десятка небольшихъ деревянныхъ сакель, между которыми возвышался двухъ-этажный домъ владѣльца такъ же высоко, какъ Оштенъ надъ своими сосѣдями, составлявшими хребетъ Западнаго Кавказа.

Послѣ ночлега въ Бабуковомъ аулѣ нельзя сказать покойнаго, по причинѣ множества крысъ, воя голодныхъ собакъ и вторившихъ имъ шакаловъ и волковъ, завыванія вѣтра и течи отъ сильнаго дождя съ громомъ и молніею, мы отправились съ восходомъ солнца далѣе.

На 8—10 верстѣ отъ Бабукова аула встрѣтилъ насъ Гейманъ—уже генералъ и кавалеръ св. Георгія 3 степени, достойно заслужившій эти награды за покореніе убыховъ и вообще за смѣлыя и рѣшительныя свои дѣйствія. Онъ ожидалъ нарочно на такомъ трудномъ мѣстѣ графа Евдокимова, съ частію войскъ Даховскаго отряда, гдѣ нужно было или почти вплавь совершить переѣздъ черезъ бушевавшую Шахе или перебираться по опаснымъ ступенямъ черезъ скалу надъ страшнымъ обрывомъ

Спѣшенные всадники предприняли опасный и трудный переходъ черезъ скалу, тогда какъ наши верховыя и вьючныя лошади начали такой же переѣздъ по Шахе. Хотя переходъ черезъ скалу, въ особенности трудный для страдавшаго удушьемъ покойнаго генерала Шульмана, былъ совершенъ безъ приключеній, но зато при переѣздѣ нашихъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей по Шахе, кромѣ другихъ случаевъ, несмотря на всѣ мѣры предосторожности и опытности—три вьюка вмѣстѣ съ лошадьми были унесены водой.

Съ этой переправой черезъ Шахе кончились трудности нашего дальнѣйшаго путешествія, а напротивъ, чѣмъ болѣе мы приближались къ морю, тѣмъ болѣе каждый изъ насъ наслаждался прелестями природы.

Переваливши черезъ два хребта и проѣхавъ сплошную массу хуторовъ и поселковъ, расположенныхъ между дубовымъ, чинаровымъ и другихъ породъ лиственнымъ лѣсомъ, мы въѣхали въ ущелья сначала каштановыхъ и орѣховыхъ рощъ, а наконецъ виноградныхъ лозъ. Часто встрѣчаемые пустые аулы свидѣтельствовали о густомъ здѣсь населеніи. На прихотливую же и роскошную жизнь жившихъ здѣсь

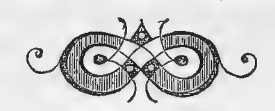
убыховъ указывали огромные фруктовые сады и виноградники, расположенные террасами.

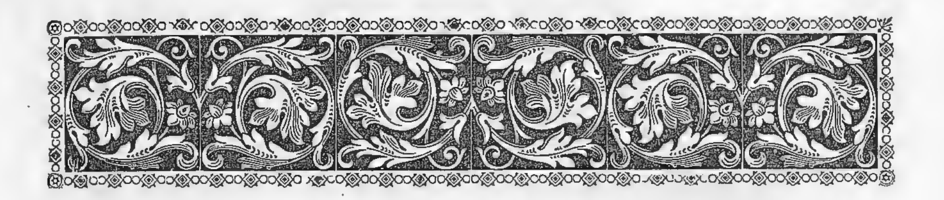
Въ одномъ изъ такихъ ауловъ, находящемся въ глубокомъ ущельи одного изъ притоковъ Шахе, названіе котораго я, къ сожалѣнію, не помню, мы расположились на ночлегъ за нѣсколько часовъ до заката солнца. И каждый изъ насъ уснулъ крѣпкимъ сномъ подъ благодатнымъ небомъ и въ благорастворенномъ климатѣ, несмотря на вой многочисленныхъ собакъ, оставленныхъ прежними обитателями, невольно переселившимися въ Турцію.

На четвертыя сутки послѣ нашего выступленія изъ Майкопа мы отправились далѣе. Проходя по такимъ же густонаселеннымъ ауламъ и богатымъ садами и виноградниками мѣстамъ, мы прибыли въ Даховскій отрядъ, расположенный не при устьѣ Сочи, гдѣ пріостановилось его побѣдоносное шествіе, а на Дагомысѣ, на небольшой рѣчкѣ, имѣющей свой истокъ въ море, и по которой мы ѣхали болѣе 10 верстъ послѣ нашего послѣдняго ночлега.

Этотъ пунктъ лагерной стоянки Даховскаго отряда предпочелъ генералъ Гейманъ передъ Сочи и другими не столько по климатическимъ причинамъ, сколько потому, что по Дагомысу лежалъ лучшій путь сообщенія, еслибы пришлось устроить таковой черезъ перевалъ у Оштенъ, то-есть тотъ путь, который я только-что описалъ.

КОНЕЦЪ.





ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Очеркъ изъ студенческой жизни.

Покойный братъ мой Владиміръ Михайловичъ Юзефовичъ оставилъ нѣсколько тетрадей въ высшей степени интересныхъ записокъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ его дѣятельной жизни. Не всѣ онѣ въ настоящее время могутъ быть напечатаны, но съ нѣкоторыми изъ нихъ, относящимися къ болѣе отдаленному времени, мнѣ кажется возможнымъ подѣлиться съ читающей публикой, которую вѣроятно заинтересуетъ его живой, талантливый разсказъ, столь же интересный по сюжету, сколько и по содержанію. Отличительною чертою характера Владиміра Михайловича была необыкновенная способность сживаться съ интересами той среды, въ которой, въ данную минуту, ему по обстоятельствамъ приходилось вращаться или дѣйствовать. Черта эта дѣлала изъ него весьма тонкаго наблюдателя и критика, а такъ какъ онъ, кромѣ того, обладалъ еще и превосходной памятью, то совокупностью этихъ качествъ и объясняется тотъ высокій интересъ, который представляютъ его записки о пережитомъ имъ времени.

Нижеслѣдующій разсказъ относится ко времени, предшествовавшему возстанію 1863 г., когда авторъ находился въ числѣ студентовъ Кіевскаго университета (1858—1862). Эпоха эта ознаменовалась, между прочимъ, безпорядками въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, а въ особенности въ университетахъ,—безпорядками, источникомъ которыхъ являлось подстрекательство со стороны лицъ, совершенно постороннихъ университетамъ, сѣявшихъ смуту повсюду, гдѣ только было возможно, не ради увлеченія ихъ интересами молодежи, ни даже подъ

вліяніемъ какихъ-либо политическихъ заблужденій, а изъ духа политической интриги, направленной по опредѣленной, зрѣло обдуманной программѣ, въ которую, между прочимъ, входило намѣреніе вызвать правительство къ непопулярнымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Этимъ путемъ люди смуты и безпорядка разсчитывали на возбужденіе всеобщаго неудовольствія и въ этомъ смыслѣ ожидали особеннаго успѣха отъ такихъ мѣръ, какъ закрытіе университетовъ, которое они силились вызвать распространеніемъ смуты среди студентовъ. Описываемое время относилось къ эпохѣ подготовленія къ польскому возстанію, а потому подстрекателями къ безпорядкамъ въ Кіевскомъ университетѣ явилась польская революціонная партія, разсчеты которой были однако угаданы нѣкоторыми изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей русской учащейся молодежи. Благодаря проницательности и такту этихъ послѣднихъ польскія интриги не имѣли успѣха въ Кіевскомъ университетѣ, добиться закрытія котораго польской революціонной партіи такъ и не удалось.

Все это движеніе очень искусно изложено въ нижеслѣдующемъ очеркѣ. Изъ дѣятелей, изображенныхъ въ немъ подъ нѣсколько измѣненными фамиліями, нѣкоторые живы еще и до сихъ поръ и безъ сомнѣнія узнаютъ себя въ этомъ разсказѣ, который живо перенесетъ ихъ къ давно пережитой и быть можетъ отчасти уже забытой ими эпохѣ студенческой жизни.

Б. Юзефовичъ.

г. Кіевъ.
3-го мая 1894 г.

I.

...Это было въ 1861 году, въ половинѣ марта. Съ горъ текли многочисленные ручьи, которые, сливаясь въ широкіе потоки, дѣлали кіевскія улицы почти непроходимыми. Отовсюду вѣяло теплымъ, благоуханнымъ весеннимъ воздухомъ.

На Крещатицкой площади, у фонтана, стояла густая толпа народа, среди которой, взгромоздившись на подмостки, квартальный надзиратель что-то громко читалъ. Толпа, безъ шапокъ, благоговѣйно слушала. По окончаніи чтенія, народъ сталъ молча расходиться и черезъ нѣсколько минутъ площадь опустѣла, городъ пришелъ въ свой обычный видъ и никому въ голову не приходило, что въ этотъ день произошло что-нибудь, выходящее изъ ряда обыкновеннаго. А, между тѣмъ, событіе было не изъ маловажныхъ: квартальный надзиратель громогласно прочелъ народу манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

На другой день въ коридорахъ и сборной залѣ университета съ ранняго утра толпились группы студентовъ. Видно было необычайное движеніе и оживленіе. При входѣ въ залу, съ первой же минуты можно было замѣтить особенный характеръ собранія: сѣрыя, черныя и коричневыя свитки, съ серебряными и стальными украшеніями, широкіе кушаки, съ огромными пряжками, лакированные ботфорты; лица, около которыхъ группировались кружки, не принадлежали къ обычнымъ посѣтителямъ университетскихъ аудиторій и самый видъ ихъ смутно напоминалъ какой-нибудь эпизодъ изъ такъ называемыхъ университетскихъ исторій.

Среди всеобщаго гула трудно было что-нибудь разслышать, и большинство толпившихся студентовъ, несмотря на все желаніе, не могло, казалось, хорошенько узнать, въ чемъ дѣло. Оторопѣлый Данилка, сторожъ сборной залы, робко озираясь кругомъ, прислонился къ закрытымъ дверямъ 4-й аудиторіи.

Вдругъ громкій крикъ: «На окна! на окна!» заставилъ всѣхъ оглянуться. Среди разступившейся толпы, высокій молодой человѣкъ быстрыми шагами направился къ среднему окну залы. Взобравшись на окно, онъ повелительно зашикалъ, и въ залѣ мгновенно водворилось молчаніе.

— Господа! Одного изъ нашихъ вчера арестовали и безъ разбирательства, безъ присутствія депутата отъ университета, однимъ распоряженіемъ административной власти, исключили изъ числа студентовъ, —началъ онъ рѣзко-оглушительнымъ голосомъ по-польски и, взывая къ протесту противъ такого «нарушенія существенныхъ правъ гражданина», разразился страстной рѣчью противъ правительства и его, будто-бы, незаконныхъ распоряженій.

— Кого это исключили и за что? — спросилъ по-русски одинъ изъ молодыхъ людей, стоявшихъ поодаль отъ окна у статнаго брюнета въ сѣрой свиткѣ.

— Студента Пеньковскаго, который стоялъ на площади вчера, при чтеніи манифеста, и не снялъ шапки,—отвѣтилъ онъ, сопровождая послѣднія слова ироническою улыбкою.

— Но вѣдь исключеніе его уже отмѣнено, и надъ нимъ наряжено слѣдствіе съ назначеніемъ депутата отъ университета, — вмѣшался третій.

— Да! — сказалъ студентъ въ свиткѣ, — но развѣ мы гарантированы, что подобный случай не повторится? Вчера исключили, сегодня снова зачислили, завтра опять исключатъ. Этого допустить невозможно.

Между тѣмъ, послѣ взрыва одобрительныхъ возгласовъ, нѣсколько человѣкъ одновременно устремилось къ окнамъ, но шумъ и гамъ заглушили ихъ попытки говорить; неудача принудила нѣкоторыхъ сойти съ

оконъ и вмѣшаться въ толпу, но болѣе упорные продолжали жестикулировать и кричать. Наконецъ одному изъ нихъ, развертывавшему листъ исписанной бумаги, удалось привлечь вниманіе. Толпа снова хлынула къ окну. Но ему не дали начать чтеніе.

— Господа! — раздался голосъ изъ толпы на польскомъ языкѣ, — здѣсь говорить неудобно, пойдемте лучше въ 4-ю аудиторію.

— Въ аудиторію! всѣ въ аудиторію! Господа поляки, русскіе и малороссы, пожалуйте!

Несмотря на отчаянныя усилія Данилки, двери 4-й аудиторіи взяты были приступомъ. Въ сборной залѣ осталась только небольшая кучка людей, съ недоумѣніемъ смотрѣвшихъ другъ на друга.

— Незачѣмъ намъ идти туда!—сказалъ одинъ.—Соберемся лучше въ лекторіи, — подхватилъ другой.

— Въ лекторію, въ лекторію,—раздались голоса.

Растворивъ дверь 4-й аудиторіи, одинъ изъ студентовъ прервалъ начавшіяся уже тамъ польскія рѣчи громкимъ крикомъ:

— Господа русскіе и малороссы, въ лекторію!

Человѣкъ шестьдесятъ бѣгомъ устремились по коридору и лѣстницѣ въ четвертый этажъ.

Въ лекторіи въ это время сидѣло нѣсколько человѣкъ, погруженныхъ въ чтеніе. Быстрое вторженіе толпы заставило ихъ приподняться съ мѣстъ; на нѣсколькихъ лицахъ написана была явная досада.

— Что это, опять собраніе!—пробормоталъ одинъ изъ нихъ, съ нетерпѣніемъ сдавая книгу дежурному.

Въ нѣсколько минутъ столы были отодвинуты къ стѣнамъ, и скамейки рядами разставлены по срединѣ комнаты.

Никто не садился, но въ отдѣльныхъ кружкахъ шли оживленные разговоры.

— Садитесь, господа! Садитесь! надо выбрать предсѣдателя!

Предсѣдателемъ былъ выбранъ высокій, худощавый блондинъ, съ густыми, вьющимися волосами.

— Господа! — началъ предсѣдатель, — вчера арестовали студента Пеньковскаго по донесенію квартальнаго о томъ, что онъ будто бы не снялъ шапки во время чтенія манифеста на Крещатицкой площади. Вчера же было сдѣлано распоряженіе объ исключеніи его изъ университета, въ настоящее время уже отмѣненное. Вы слышали въ сборной залѣ, что студенты-поляки хотятъ по этому поводу протестовать и намѣрены выбрать депутатовъ для подачи протеста. Намъ необходимо, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, обсудить хорошенько, слѣдуетъ ли намъ примкнуть къ ихъ протесту, или оставаться въ сторонѣ.

Начались оживленныя пренія: одни говорили, что, въ такомъ дѣлѣ, раздвоеніе—позоръ, что обязанность студентовъ охранять свои права

и протестовать противъ ихъ нарушенія. Другіе полагали, что слѣдуетъ воздержаться отъ всякихъ заявленій. Третьи доказывали, что, въ этомъ случаѣ, воздерживаться—все равно, что подписывать адресъ; что такъ какъ поляки составляютъ большинство, то демонстрація зачтена будетъ всѣмъ студентамъ; что русскимъ и прочимъ непольскимъ студентамъ слѣдуетъ, прежде всего, ознакомиться съ содержаніемъ предполагаемаго адреса и если, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, онъ будетъ изложенъ въ рѣзкихъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ, то подать отъ себя заявленіе, въ которомъ высказать опредѣленно неодобреніе польскому адресу, въ увѣренности, что дѣлу Пеньковскаго дано будетъ направленіе, согласно съ университетскими правилами.

Начали формулировать предложенія, но настроеніе большинства было такъ нерѣшительно, да, притомъ, формулированныхъ предложеній явилось такъ много, что нечего было и думать о какомъ-нибудь единодушномъ рѣшеніи.

У предсѣдательскаго стола столпилось нѣсколько человѣкъ и вполголоса говорили другъ съ другомъ. Въ это время двери растворились.

— Господа,—сказалъ вошедшій,—что вы здѣсь дѣлаете? въ четвертой аудиторіи собраніе поляковъ и малороссовъ; тамъ и русскихъ нѣсколько человѣкъ; хотятъ выставить подачу адреса обще-студентскимъ дѣломъ.

— Я полагаю,—сказалъ предсѣдатель,—что мы можемъ возобновить сегодняшнее собраніе завтра; нельзя допустить, чтобы адресу безъ нашего участія приданъ былъ обще-студенческій характеръ; не мѣшаетъ намъ посмотрѣть и послушать, что дѣлается въ 4-й аудиторіи.

Лекторія опустѣла, и толпа снова хлынула въ коридоръ и черезъ сборную залу въ 4-ю аудиторію.

Аудиторія была полна народа, преобладалъ польскій элементъ, и рѣчь велась на польскомъ языкѣ; на среднихъ скамьяхъ сидѣло нѣсколько человѣкъ въ малороссійскомъ платьѣ, съ рѣзкими малороссійскими чертами, выбритыми подбородками и длинными усами; они служили центромъ группы студентовъ, составлявшихъ въ Кіевскомъ университетѣ малороссійскую партію.

Нѣтъ надобности подробно описывать того, что происходило въ 4-й аудиторіи въ то время, когда вошли туда русскіе студенты. Только очень наивные люди могли вѣрить, что здѣсь шло какое-нибудь обсужденіе дѣла о подачѣ адреса.

Болѣе проницательные сразу могли догадаться, что дѣло было не только обсуждено заранѣе, но заранѣе и единогласно рѣшено всею польскою партіею. Все, что ни говорилось, говорилось исключительно для толпы, не посвященной въ ихъ организацію, съ цѣлью расшевелить робкихъ, дать толчекъ нерѣшительнымъ, воспользоваться всѣми добрыми

и злыми инстинктами, личнымъ самолюбіемъ, опасеніемъ быть обвиненнымъ въ трусости, духомъ товарищества и проч. Большинство говорящихъ были поляки; всѣ они говорили одно и то же, съ различныхъ точекъ зрѣнія; часто кажущееся возраженіе было въ дѣйствительности только подтвержденіемъ предыдущаго.

Пришедшіе изъ лекторіи студенты потребовали прочтенія проекта адреса. Оказалось, что онъ заключалъ въ себѣ, отъ имени всѣхъ студентовъ, самое рѣзкое порицаніе распоряженія администраціи и настойчивое требованіе гарантій въ томъ, что случай, подобный настоящему, не повторится. Предполагался онъ къ подачѣ генералъ-губернатору. Нѣкоторые поляки попытались, по-польски, объяснять и оправдывать допущенную рѣзкость выраженій. Ихъ встрѣтилъ единодушный крикъ: «По-русски! по-русски!» Желая устранить всякіе поводы къ раздраженію, которые могли бы только повредить имъ, они уступили.

Большинство русскихъ энергически возстали противъ злоупотребленія именемъ всѣхъ студентовъ и угрожали протестомъ. Многіе изъ тѣхъ, которые, въ лекторіи, высказывались за подачу адреса, примкнули къ противоположному мнѣнію. Рѣзкость выраженій, допущенная въ адресѣ очевидно умышленно, открыла имъ глаза: ясно было, что дѣло ведется не ради простыхъ гарантій, а ради демонстраціи, послѣдствіемъ которой могли быть не уступки, а только новыя репрессивныя мѣры; нѣкоторые, впрочемъ, продолжали, въ напыщенныхъ фразахъ, доказывать необходимость единодушія въ обще-студенческомъ дѣлѣ. Пока спорили русскіе, поляки молчали, поддерживая только своихъ союзниковъ разными выраженіями одобренія.

Наконецъ одинъ изъ корифеевъ-поляковъ (какъ принято было называть самыхъ вліятельныхъ изъ нихъ) выступилъ съ блистательною рѣчью, рѣчью дѣйствительно ловкою по аргументаціи и весьма эффектною по складу и силѣ. Изложивъ вкратцѣ высказанныя обѣими сторонами мнѣнія, онъ выступилъ въ защиту обще-студенческаго характера, приданнаго адресу, основываясь на правахъ большинства надъ меньшинствомъ въ такой корпораціи, какъ студенческая, гдѣ отдѣльныя группы и партіи должны стушевываться при возникновеніи вопросовъ, касающихся самыхъ существенныхъ интересовъ общей массы студентовъ. «Къ чему наши собранія, къ чему обсужденія»,— сказалъ онъ, —«если они не будутъ имѣть рѣшительнаго характера, если побѣжденное меньшинство будетъ считать себя въ правѣ выступать въ качествѣ самостоятельной единицы?» Онъ сослался на примѣръ европейскихъ государствъ, представительныхъ и общественныхъ собраній, корпорацій, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ вездѣ на свѣтѣ; мнѣнія въ средѣ ихъ часто расходятся, но одно мнѣніе всегда принуждено уступать другому, въ пользу котораго высказалось большее число голосовъ. «Тотъ, кто явился

въ собраніе, уже тѣмъ самымъ обязанъ подчиниться его рѣшенію; совѣщательный характеръ могутъ имѣть частныя сходки, на которыхъ каждая группа, каждая партія можетъ стараться пріобрѣтать себѣ союзниковъ, но гдѣ, затѣмъ, свобода дѣйствій остается за каждою личностью. Собранія же обще-студенческія не должны и не могутъ имѣть иного значенія, кромѣ рѣшительнаго; иначе, разбивается корпорація, являются изолированныя группы, лишенныя той нравственной силы, которая пріобрѣтается исключительно единствомъ дѣйствія. Или, можетъ быть, вы требуете единогласія, т. е. деспотизма меньшинства надъ большинствомъ? Отрицали бы ли вы право заявленія отъ имени всѣхъ студентовъ, если бы къ нему примкнули всѣ, за исключеніемъ одного? Гдѣ существенная разница между этимъ положеніемъ и тѣмъ, которое вы создаете? Не есть ли это допущеніе того самаго права veto, которое погубило Польшу и приговоръ которому уже произнесла исторія?»

Въ это время толпа у дверей вдругъ заколебалась, и среди нея показалась невысокая, худощавая фигура, съ короткими съ просѣдью волосами, съ саркастическою улыбкою на тонкихъ губахъ, въ форменномъ вицъ-мундирѣ ученаго вѣдомства. Въ аудиторіи произошло нѣкоторое замѣшательство.

— Господа! какъ ректоръ университета приглашаю васъ разойтись,—сказалъ вошедшій, слегка картавя, здѣсь должна начаться лекція, да притомъ я не могу допустить незаконныхъ собраній въ стѣнахъ университета.

Всѣ встали съ мѣстъ, многіе разомъ заговорили; сзади раздалось нѣсколько пронзительныхъ свистковъ.

— Господа,—снова началъ ректоръ,—я приглашаю васъ разойтись. Я, кажется, въ правѣ надѣяться, что вы дорожите университетомъ, какъ научнымъ центромъ, гдѣ нѣтъ мѣста другимъ стремленіямъ, кромѣ научныхъ.

Раздались еще болѣе смѣлые и рѣзкіе свистки. Послышалось нѣсколько голосовъ, призывавшихъ къ порядку, но общій шумъ заглушилъ ихъ. Ректоръ рѣшился на новую и послѣднюю попытку.

— Я надѣюсь,—сказалъ онъ, блѣдный и уже нѣсколько взволнованнымъ голосомъ,—что тѣ, которые смотрятъ на университетъ не какъ на мѣсто сборищъ, послѣдуютъ за мною.

Съ этими словами онъ вышелъ. Человѣкъ шестьдесятъ вышло за нимъ.

II.

На другое утро корридоры университета стали наполняться раньше обыкновеннаго. Снова появились свитки и конфедератки, снова под-

нялись оживленные толки и самыя разнообразныя сужденія о вчерашнемъ днѣ. Въ 12 часовъ назначено было собраніе въ лекторіи, куда съ утра забралась большая часть русскихъ студентовъ. Въ сборной залѣ раздавался исключительно польскій говоръ. Въ вліятельныхъ кружкахъ замѣтно было нѣкоторое смущеніе: дѣйствительно, русскіе студенты въ первый разъ рѣзко выступили противъ поляковъ; въ первый разъ чувствовалось и сознавалось ясно какое-то раздвоеніе, грозившее явнымъ расколомъ. Представители польскихъ гминъ сошлись у дверей 3-й аудиторіи и полушопотомъ совѣщались: «въ которомъ часу собраніе въ лекторіи?»—Въ двѣнадцать. Я только-что посылалъ туда; тамъ уже собралось человѣкъ до ста и постоянно приходятъ новые.—«На сколько человѣкъ мы можемъ у нихъ разсчитывать?»—А кто ихъ тамъ разберетъ! Развѣ у нихъ есть какія-нибудь опредѣленныя стремленія? Все зависитъ отъ того, кто будетъ ими руководить.—«Да не все ли намъ равно? пусть себѣ отказываются отъ участія въ протестѣ! мы и безъ нихъ выберемъ депутатовъ».—Нѣтъ! дѣйствовать, такъ дѣйствовать сообща, а то они пожалуй еще и контръ-адресъ сочинятъ и выставятъ дѣло въ такомъ смыслѣ, что нашъ адресъ исходитъ отъ однихъ студентовъ-поляковъ, а не всѣхъ вообще студентовъ университета; такая выходка поддержитъ администрацію въ неблагопріятномъ для насъ смыслѣ, дастъ ей энергію и точку опоры. Этого ни за что нельзя допустить. — «Да что же съ ними сдѣлаешь?» — Надо кому-нибудь изъ нашихъ пойти къ нимъ; вѣдь у нихъ никто и говорить не умѣетъ. Надо всѣмъ имъ толкомъ противопоставить ловкую аргументацію, надо ихъ взять съ слабой стороны. Въ сущности говоря, отказъ отъ участія въ общемъ заявленіи есть прямое противодѣйствіе этому заявленію, а такое противодѣйствіе носитъ въ себѣ характеръ доноса. На эту тему и слѣдуетъ пріударить. Всѣхъ не убѣдишь, но если они останутся въ слишкомъ ограниченномъ числѣ, то мы всегда можемъ подбить остальныхъ избрать отъ себя депутата, какъ представителя большинства русскихъ студентовъ.—«Правда, правда».—Однако всѣмъ намъ оставаться здѣсь не зачѣмъ; не надо выставлять себя наружу. Пускай останутся въ залѣ сотни полторы; оккупаціонная армія! Съ ними можетъ остаться Язвинскій, у него, кстати, и голосъ сильный; пусть онъ ихъ развлекаетъ чѣмъ-нибудь до обѣда. Можетъ быть удастся привлечь на нашу сторону тѣхъ изъ русскихъ, которые зайдутъ сюда прежде, нежели въ лекторію; слѣдовало бы занять коридоръ, а также курительную. Въ лекторію надо отправить Фишберга, онъ сумѣетъ съ ними говорить, но только слѣдуетъ выждать и избрать благопріятную минуту. Не мѣшаетъ и тамъ имѣть кого-нибудь изъ нашихъ; я этимъ распоряжусь; они предупредятъ Фишберга, когда пора будетъ. Мы же

пойдемъ отсюда, я долженъ сообщить вамъ нѣкоторыя полученныя мною извѣстія.

Между тѣмъ въ лекторіи шумѣлъ народъ. Собраніе еще не началось, но неумолкаемый говоръ, среди цѣлаго облака табачнаго дыма, суета, толкотня, придавали всей обстановкѣ нѣсколько кабачный видъ. Послѣ этого утра появилась въ книгѣ для заявленій, дѣлаемыхъ по разнымъ вопросамъ, касающимся лекторіи, слѣдующая замѣтка: «въ лекторіи шумъ, гамъ, недостаетъ только водки: купите водки, и будетъ совершенный кабакъ».

Въ комнатѣ библіотекаря, гдѣ обыкновенно засѣдали немногіе, лично знакомые съ библіотекаремъ, собрался небольшой кружокъ, изъ котораго рѣзко выдѣлялись двѣ личности: одинъ, тотъ самый, который наканунѣ предсѣдательствовалъ въ собраніи, другой довольно высокій, худощавый, съ взъерошенными темно-каштановыми волосами, съ маленькими, черными, чрезвычайно выразительными и сверкающими глазами. Первый изъ нихъ былъ одѣтъ весьма просто, но въ новомъ и чистомъ платьѣ. На второмъ былъ узенькій, поношенный сюртукъ, изъ котораго онъ какъ будто выросъ и который еще рѣзче обнаруживалъ его угловатыя плечи и локти. Вся фигура его производила съ перваго раза не только неблагопріятное, но даже отталкивающее впечатлѣніе; но, вглядываясь ближе, въ чертахъ его обнаруживалось столько жизни и энергіи, такая сила воли выражалась въ его смѣтливыхъ глазахъ, что всякій какъ-то невольно смирялся съ его наружностью.

— Послушайте, Воронковъ,—сказалъ онъ,—такъ вы серьезно надѣетесь, что намъ удастся убѣдить ихъ?

— Не надѣюсь, а увѣренъ, если только поляки ничего не узнаютъ,—отвѣчалъ Воронковъ.—Смотрите, господа, ни слова не говорите до поры до времени, а то все дѣло испортить можно; да, кстати, Строевъ, не возьметесь ли вы переговорить съ вашими новостроенцами, только главное, чтобъ огласки не было.

— Главное, теперь, не терять времени и условиться, что говорить и какъ дѣйствовать. Пусть поляки выбираютъ депутатовъ, лишь бы на избирательныхъ листахъ не было непольскихъ подписей. Говорятъ, нѣкоторые затѣваютъ отдѣльное заявленіе, въ смыслѣ польскаго, но безъ рѣзкостей. Это опасная ловушка, на которую, пожалуй, поймается и кое-кто изъ нашихъ. Вы предупредите полтавцевъ, чтобъ ужь намъ плотно держаться, а то, если придется цѣлый часъ спорить изъ-за азбуки дѣла, то этому конца не будетъ.

— О насъ не безпокойтесь; мы-то знаемъ, въ чемъ дѣло, и попусту словъ тратить не будемъ; вотъ бы этихъ старогородцевъ какъ-нибудь попріунять. Ужь лучше бы совсѣмъ не ходили на собранія.

— Эко дурачье! дальше носа ничего не видятъ. И на кой ихъ чортъ изъ Казани сюда попереводили! Имъ сейчасъ давай революцію! Тутъ хоть бы воскресныя школы какъ-нибудь спасти, а имъ революцію!

Група старогородцевъ состояла, главнымъ образомъ, изъ нѣсколькихъ студентовъ, переведенныхъ за студенческіе безпорядки изъ великороссійскихъ губерній; къ нимъ присоединилось нѣсколько пылкихъ, очень юныхъ людей, воспитанныхъ въ пассивномъ поклоненіи Герцену. Група эта не составляла политической партіи; безъ достаточной зрѣлости и безъ всякаго духа инициативы она не только не была организована, но даже не имѣла опредѣленнаго направленія. Ее смутно влекло къ демонстраціямъ, въ которыхъ выражался протестъ противъ существующаго порядка вещей. Откуда бы демонстрація ни выходила, они ей сочувствовали и содѣйствовали. Между ними не было ни одной особенно выдающейся личности, но всѣ, безъ исключенія, были крикуны. На сходкахъ они больше всѣхъ бушевали и сыпали заученными фразами. Слово «доносъ» было ихъ любимымъ словомъ; иногда достаточно было рѣзко выразить несочувствіе какому-нибудь движенію, чтобы прослыть доносчикомъ. Поклоненіе нѣкоторымъ авторитетамъ было совершенно безусловное и пассивное. Такая-то личность сказала то-то, значитъ это такъ. Знали они весьма мало, чтеніе ихъ ограничивалось журнальными статьями, на основаніи которыхъ они, главнымъ образомъ, и создавали себѣ своихъ любимыхъ авторитетовъ. Въ нихъ была готовая закваска, изъ которой выработался, впослѣдствіи, нигилизмъ. Звали ихъ старогородцами, потому что многіе изъ нихъ жили въ старомъ городѣ.

Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ и о прочихъ студенческихъ партіяхъ; партія умѣренныхъ, къ которой принадлежало большинство непольскихъ студентовъ, менѣе всѣхъ другихъ имѣла право называться партіей; въ ней было полное отсутствіе сколько-нибудь сознательной группировки; дробилась она на кружки, основанные, главнымъ образомъ, на личныхъ отношеніяхъ и взаимной симпатіи. Воспитанники каждой гимназіи составляли, по преимуществу, одинъ кружокъ; но даже и здѣсь не было сознательнаго единодушія, весьма часто, въ общестуденческомъ дѣлѣ, мнѣнія расходились совершенно случайно; въ средѣ самой тѣсной группы являлось разномысліе и разногласіе. Наиболѣе единодушія представляли бывшіе воспитанники Полтавской гимназіи, между которыми большимъ вліяніемъ пользовался уже знакомый намъ Воронковъ. Но и здѣсь единодушіе не было послѣдствіемъ вполнѣ сознательнаго объединенія. Происходило оно просто отъ того, что члены этой группы жили какъ-то особенно дружно между собою, часто сходились, обо всякомъ студенческомъ дѣлѣ толковали между собою и являлись на сходки если не съ предвзятымъ рѣшеніемъ, то болѣе дру-

гихъ подготовленные. Въ этомъ кружкѣ были люди весьма недюжинные. Въ послѣднее время группы дѣлились еще по воскреснымъ школамъ, которыхъ, въ то время, было въ Кіевѣ три: одна на Подолѣ, другая на Новомъ Строеніи и третья на Печерскѣ. Въ Подольской школѣ преобладалъ полтавскій кружокъ и, затѣмъ, все, что въ ней было посторонняго, уже само собою нѣсколько подчинялось вліянію полтавцевъ. Новостроенская школа, преподавателями которой были, большею частью, прежніе воспитанники кіевскихъ гимназій, представляла также группу, хотя и далеко менѣе объединенную. Третья, наконецъ, Печерская школа, въ которую вошли и нѣкоторые изъ старогородцевъ, разбивалась на нѣсколько кружковъ, получившихъ особый оттѣнокъ только впослѣдствіи, когда въ составъ ихъ вошло нѣсколько новыхъ и выдающихся личностей.

Малороссійская партія держала себя отъ прочихъ студентовъ особнякомъ. Безъ серьезныхъ знаній и съ низкою степенью образованія, у большинства людей, въ первое время ее составлявшихъ, національныя тенденціи выражались, главнымъ образомъ, въ подражаніи народнымъ обычаямъ, народному костюму, въ идеальныхъ мечтаніяхъ о казачинѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ—въ собираніи народныхъ повѣрій, пѣсенъ и сказокъ; у нихъ, пожалуй, и существовало нѣчто въ родѣ политическихъ тенденцій, или, вѣрнѣе сказать, ихъ инстинктивно влекло къ смутнымъ мечтаніямъ о политическомъ сепаратизмѣ; но все это было не только не выработано, но даже большинствомъ вовсе не выяснено; категорическій вопросъ насчетъ ихъ стремленій поставилъ бы любаго изъ нихъ въ совершенный тупикъ. Вообще у большинства непольскихъ студентовъ партія эта въ первое время была въ пренебреженіи. Но польская партія смотрѣла на нее нѣсколько иначе: она знала, что въ ней смутно кроется протестъ противъ кого-то и чего-то; что при необыкновенной склонности къ идеализаціи, къ воспринятію всевозможныхъ ощущеній сердцемъ скорѣе, чѣмъ разсудкомъ, эти люди могли, въ ловкихъ рукахъ, сдѣлаться послушнымъ орудіемъ. Хотя они и отличались свойственною малороссійскому народу недовѣрчивостью и даже подозрительностью, но обойти ихъ было нетрудно: для этого нужно было только искусно приноровиться къ ихъ инстинктамъ. Въ описываемое время связь ихъ съ польскою партіею была укрѣплена настолько, что въ обще-студентскихъ дѣлахъ они шли всегда объ-руку съ поляками; въ такъ-называемой громадѣ, которую они изъ себя составили, проникло много поляковъ-студентовъ и нестудентовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «хлопомановъ»; для этой цѣли они переняли малороссійскій костюмъ, говорили между собою по-малороссійски, кичились любовью къ народу, братались съ нимъ въ деревняхъ, гдѣ имъ приходилось бывать, но въ то же время весьма ловко проводили свою пропаганду во все, что выходило изъ

предѣловъ наружной обстановки. Все это дѣлалось осторожно и обдуманно: даже изъ вожаковъ малороссійской партіи никто не могъ бы отдать себѣ отчета, какъ и почему, во время пріятельскихъ сборищъ и попоекъ, перестала раздаваться заунывная пѣсня, въ которой слышался плачъ народа, вызванный польскимъ гнетомъ, и вмѣсто нея слышались всевозможныя, большею частью, мнимо-народныя пѣсни, направленныя противъ гнета Москвы. Какъ и почему чтеніе «Катерины» Шевченко вызывало болѣе единодушные взрывы восторга, чѣмъ чтеніе «Гайдамаковъ»; откуда взялись все чаще и чаще употребляемые польскіе обороты рѣчи; наконецъ, вслѣдствіе какого вліянія извѣстные установившіеся взгляды на нѣкоторыя историческія событія и лица принимали совершенно противоположный оттѣнокъ. Подъ тѣмъ же незамѣтнымъ вліяніемъ, партія эта начинала сливаться въ нѣчто цѣлое; она, на подобіе польской партіи, стала являться на университетскія сходки не какъ сборъ отдѣльныхъ личностей, а какъ самостоятельная группа, подающая голосъ почти всегда въ совокупности. Изъ всего этого видно, что въ средѣ непольскихъ студентовъ, несмотря на стремленіе къ группировкѣ, не было, въ то время, организованныхъ политическихъ партій. Вообще, когда внѣ польской партіи упоминается о «политическихъ» партіяхъ, то не слѣдуетъ принимать этого выраженія въ серьезномъ смыслѣ, какой принято ему придавать. Какія серьезныя политическія партіи могли существовать между студентами, рамки общественной дѣятельности которыхъ такъ узки. Выраженіе это въ данномъ случаѣ принимается исключительно въ смыслѣ правильной организаціи, съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ политическимъ оттѣнкомъ; такихъ партій начинало уже въ это время появляться немало во всѣхъ университетахъ. Нечего и говорить о томъ, какъ много въ нихъ было ребячества, какъ смѣшна была иногда эта игра въ заговоръ и эта претензія на общественное и политическое значеніе. Но къ нимъ можетъ быть примѣнено названіе политическихъ партій, потому что организація подобныхъ кружковъ не только существовала, но и была доведена до извѣстнаго въ своемъ родѣ совершенства; притомъ эти партіи всегда имѣли связи внѣ университета и даже направленіе получали почти всегда извнѣ, такъ что, въ извѣстныхъ случаяхъ, они могли представлять собою отрасль крупнаго общества, отрасль, задача которой была дѣйствовать въ извѣстной опредѣленной сферѣ.

Но относительно польской партіи выраженіе политическая партія могло быть принято въ серьезномъ смыслѣ. Здѣсь встрѣчалось уже совсѣмъ не то, что во всевозможныхъ группахъ съ болѣе или менѣе яркими политическими оттѣнками, которыя именно въ описываемое время стали появляться у насъ въ такомъ изобиліи. Студенческая польская партія была только однимъ звеномъ обширнаго заговора, охва-

тившаго всю Польшу и западныя губерніи. Но роль она получала извнѣ; всякое движеніе было заранѣе обдумано, и всякій шагъ находился въ связи съ общею системою. Организація этой партіи была блистательная. Каждый студентъ былъ членомъ извѣстной гмины, гдѣ, кромѣ студентовъ, было и много постороннихъ лицъ; каждая гмина имѣла своего представителя, «репрезентанта», какъ его называли; представители эти между собою совѣщались, поддерживали единство, а въ извѣстныхъ случаяхъ и приказывали, основываясь на распоряженіяхъ центральной власти. Случаевъ неповиновенія почти не встрѣчалось; при рѣшеніи какого-нибудь дѣла, оставшіеся въ меньшинствѣ не только не противодѣйствовали большинству, но даже дѣятельно его поддерживали. Единодушіе было или казалось полнымъ, такъ какъ всѣ оттѣнки стушевывались передъ главною цѣлью; а цѣль эта: открытое вооруженное возстаніе, виднѣлась въ близкомъ будущемъ. Въ смыслѣ политической подготовки студенческая польская партія была неизмѣримо выше всѣхъ оттѣнковъ русской партіи; она не замыкалась въ сферѣ узкихъ, непосредственно близкихъ ей интересовъ; нѣкоторые, главные дѣятели отличались довольно серьезною подготовкою, и всѣ они, почти безъ исключенія, отличались замѣчательнымъ искусствомъ и ловкостью.

Незадолго до начала описываемой эпохи, въ польской партіи обнаружился маленькій расколъ. Въ средѣ такъ называемыхъ «хлопомановъ», о которыхъ упомянуто было выше, появились личности, которыя не поладили съ руководителями польской партіи сперва изъза нѣкоторыхъ соціальныхъ взглядовъ. Въ польскомъ обществѣ различались двѣ группы: бѣлая и красная. Первая мечтала о Польшѣ шляхетской, вторая—о Польшѣ демократической. Группы эти часто принуждены были дѣлать взаимныя уступки, въ особенности красная, такъ какъ бѣлая, къ которой принадлежало большинство землевладѣльцевъ, снабжала заговоръ матеріальными средствами. Проникнутые отъ ногъ до головы демократически соціальными убѣжденіями, эти немногіе изъ «хлопомановъ» возстали противъ всякихъ уступокъ; для нихъ соціальный вопросъ поглощалъ національный; для остальныхъ національныя стремленія стояли на первомъ планѣ. Сблизившись съ малороссійскою партіею первоначально лишь съ цѣлью ее эксплоатировать, они мало по малу начали задаваться мыслью, что для соціальной пропаганды этотъ элементъ представляетъ гораздо болѣе шансовъ успѣха, чѣмъ всякій другой и, въ особенности, чѣмъ польскій; что въ краткіе историческіе эпизоды, во время которыхъ Малороссія являлась самостоятельною единицею, политическая и общественная организація ея была вполнѣ демократическая, что собственно малороссійскаго дворянства никогда не было, а существовалъ исключительно малороссійскій народъ: казаки и крестьяне; что подъ вліяніемъ силы событій и обстоятельствъ, все, что

*

выдѣлялось изъ этого народа, утрачивало свойственный ему національный оттѣнокъ и воспринимало чуждые ему оттѣнки, во время польскаго владычества—польскіе, а во время русскаго—великороссійскіе. Одинъ изъ этихъ хлопомановъ Антиповичъ, человѣкъ вполнѣ замѣчательный какъ по уму, такъ и по научному образованію, понялъ очень хорошо, что не съ такими элементами, изъ какихъ состояла въ то время малороссійская партія въ Кіевѣ, возможно что-нибудь сдѣлать, и, сознавая тѣ затрудненія, какія, въ сферѣ людей менѣе наивныхъ, будетъ для него создавать его польское прошедшее, рѣшился смѣло порвать съ этимъ прошедшимъ и устно и печатно поднялъ войну противъ польскихъ притязаній на Юго-Западный край. Изучивъ основательно исторію этого края, онъ разбилъ въ пухъ и прахъ всѣ польскія теоріи, на основаніи которыхъ строились мнимыя права Польши на Малороссію. Мало того, онъ сталъ, хотя сдержанно, но настойчиво обнаруживать тѣ польскіе происки, которые носили общій, не личный характеръ. Самые дальновидные изъ красныхъ хотя и были нѣсколько озадачены такимъ неожиданнымъ маневромъ, но не особенно имъ смущались, убѣжденные въ томъ, что въ потребныхъ случаяхъ Антиповичъ явится имъ союзникомъ и, притомъ, внесетъ въ ихъ революціонный контингентъ новыя нравственныя и матеріальныя силы; къ тому же они сильно надѣялись на его личную пропаганду въ народной сферѣ. Но бѣшенство бѣлыхъ было неописанное; все, что они ненавидѣли въ своихъ красныхъ, но что извиняли имъ ради національнаго знамени, которое они держали въ рукахъ, все олицетворялось въ этомъ отщепенцѣ, да къ тому же въ чисто польскомъ направленіи. Пошли жалобы, доносы на спеціальную пропаганду, главными дѣятелями которой выставлялись Антиповичъ и находившійся подъ непосредственнымъ его вліяніемъ Рыхлинскій. Губернскій предводитель (полякъ) заявилъ генералъ-губернатору, что происки Антиповича и Рыхлинскаго угрожаютъ серьезными безпорядками среди крестьянъ Кіевской губерніи. Наряженныя слѣдствія, впрочемъ, ничего не обнаружили.

Въ описываемое время, мнѣнія на счетъ Антиповича и Рыхлинскаго были весьма различны: одни считали ихъ поляками, надѣвшими маску; другіе—искренними поборниками малороссійской самостоятельности и, въ этомъ смыслѣ, такими же врагами Польши, какъ и Россіи; третьи, наконецъ,—врагами собственно-польскихъ притязаній и ревностными защитниками обще-русскихъ интересовъ.

Окончивъ эту легкую характеристику партій, возвратимся въ комнату библіотекаря, гдѣ мы прервали разговоръ Воронкова и Строева.

— Вы намѣрены предупредить Антиповича?—спросилъ Строевъ.

— Да безъ него обойтись невозможно, да и никто изъ нихъ ни на что не рѣшится, не спросивъ его мнѣнія.

— А если поляки узнаютъ?

— Не узнаютъ; Антиповичу нѣтъ разсчета бить тревогу въ лагерѣ. Вѣдь у него тоже свои цѣли есть, и я знаю положительно, что онъ не прочь отъ слiянiя и даже въ пользу слiянiя рѣшится на многiя уступки; онъ надѣется все въ руки забрать потомъ,—говорилъ Воронковъ.

— Ну, лишь бы слиться, а тамъ кто кого возьметъ въ руки, это еще бабушка на-двое гадала. Я вѣдь тоже кое-что знаю насчетъ Антиповича,—сказалъ Строевъ—онъ слишкомъ увѣренъ въ своей ловкости, и эта именно увѣренность составляетъ его слабую сторону; двуличную роль очень, очень трудно играть, въ особенности при частыхъ сношенiяхъ съ невѣрующими въ его быстрое обращенiе.

— Завтра все рѣшится, мы можемъ назначить и время совѣщанiя. Только, послушайте, не надо очень откровенничать, но не надо и слишкомъ скрытничать. Вы скажите вашимъ, хоть въ общихъ чертахъ, въ чемъ дѣло, и внушите имъ, чтобы они были поосторожнѣе. Антиповичъ лишняго не скажетъ, но эта громада будетъ непремѣнно плесть ахинею; не надо имъ рѣзко возражать; чѣмъ болѣе они выскажутся, тѣмъ намъ же полезнѣе будетъ; главное, побольше уступчивости; тамъ, когда сольемся въ одно, съ ними легче будетъ совладать.

— Это само собою разумѣется, но именно поэтому я думаю, не нужно много народа собирать, иначе выйдетъ чепуха. Особенно крикуновъ нужно избѣгать! Вѣдь имъ дѣла не втолкуешь!

— Разумѣется, къ чорту старогородцевъ. Однако, я думаю, пора бы начинать въ лекторiи, тамъ ужь, кажется, немало народа собралось.

— Постойте... мнѣ кажется, надо начать съ того, чтобы въ собранiе не допускать никого изъ тѣхъ, которые уже подписали избирательные списки депутатовъ, а то, пожалуй, и поляки налѣзутъ.

— Разумѣется. Пойдемъ же!

Собранiе въ лекторiи было многолюдное. Всѣ скамьи были заняты, для нѣкоторыхъ и мѣста не нашлось: расположились на столахъ и окнахъ. Предсѣдателемъ снова былъ избранъ Воронковъ и началъ съ того, что внесъ предложенiе объ исключенiи изъ собранiя всѣхъ тѣхъ, которые, участвуя въ избранiи депутатовъ, уже тѣмъ самымъ выразили согласiе на подачу адреса. Предложенiе это вызвало сильный протестъ со стороны многихъ; всѣ старогородцы ополчились, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ уже приложили руку къ избирательнымъ листамъ. Но большинство настояло на томъ, чтобы въ собранiи участвовали только тѣ, которые сохранили за собою право дѣйствовать свободно. Исключенные, въ числѣ которыхъ оказались и подосланные поляки, вышли, весьма сконфуженные, изъ комнаты.

Пошли разсужденiя. Строевъ выступилъ однимъ изъ первыхъ: онъ доказывалъ, что хотя въ общемъ дѣлѣ практическiе интересы частныхъ

лицъ не должны имѣть мѣста, но что нельзя требовать, чтобы одна группа разыгрывала въ рукахъ другой, болѣе многочисленной группы, роль слѣпаго орудія. Чего добиваются поляки? Во-первыхъ, демонстраціи, которая сдѣлала бы университетъ солидарнымъ съ ежедневными уличными манифестаціями, происходящими въ городѣ. Во-вторыхъ, репрессивныхъ мѣръ со стороны правительства, мѣръ, которыя раздражили бы самыхъ умѣренныхъ. Можетъ быть, и закрытіе университета входитъ въ ихъ разсчеты. На что имъ университетъ? Всѣмъ извѣстно, что они въ настоящее время совершенно поглощены своимъ національнымъ дѣломъ; не сегодня-завтра многіе изъ нихъ и безъ того покинутъ университетъ. Если смотрѣть на университетъ, какъ на центръ, связующій нравственныя силы края, то и въ этомъ отношеніи онъ имъ не нуженъ. У нихъ существуетъ своя организація, которая, помимо университета, связываетъ ихъ въ одно цѣлое. Наконецъ, почти всѣ они — люди, обладающіе извѣстными матеріальными средствами; у кого ихъ нѣтъ—тотъ разсчитываетъ на общественную поддержку; они разбредутся себѣ по краю и будутъ вести свое дѣло. Въ такомъ ли положеніи находятся неполяки? для нихъ университетъ единственный возможный умственный и нравственный центръ; они занялись здѣсь серьезнымъ дѣломъ—воскресными школами; очевидно, школы только и держатся, пока существуетъ университетъ и пока онъ не скомпрометтированъ. Къ тому же для большинства вся будущность зависитъ отъ окончанія университетскаго курса; безъ средствъ и безъ подготовки, куда они дѣнутся? Легко полякамъ жертвовать университетомъ ради демонстрацій. «Слѣдуетъ ли намъ»,—сказалъ онъ въ заключеніе,—«рисковать его погибелью ради совершенно чуждыхъ намъ цѣлей?»

Поставленный такимъ образомъ вопросъ заставилъ многихъ призадуматься. Вообще, противъ обыкновенія, крику не было, говорили поочередно и немногіе. Право большинства надъ меньшинствомъ, въ данномъ случаѣ, было единогласно отвергнуто: между польскимъ большинствомъ и непольскимъ меньшинствомъ существовало слишкомъ громадное различіе интересовъ; признаніе принципа большинства равнялось бы признанію польскаго преобладанія во всѣхъ обще-студенческихъ дѣлахъ.

Къ концу было рѣшено объявить полякамъ, что группа русскихъ студентовъ воздерживается отъ избранія депутатовъ для подачи адреса по дѣлу Пеньковскаго и порицаетъ самый фактъ подачи этого адреса.

Въ это время дверь съ шумомъ растворилась, и вошелъ студентъ Фишбергъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей. Онъ прямо подошелъ къ предсѣдателю и попросилъ позволенія передать собранію нѣсколько словъ по порученію польской группы студентовъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ началъ доказывать необходимость единенія въ обще-студенческомъ

дѣлѣ. «Мы не чуждаемся, а, напротивъ, желаемъ сближенія, мы желали бы, чтобы насъ поняли такими, какъ мы есть. Насъ упрекаютъ въ преслѣдованіи исключительныхъ цѣлей, но гдѣ онѣ? всякое благоустроенное общество стремится къ прогрессу; какъ бы различно ни толковали это слово, но съ понятіемъ о немъ неразрывно связаны понятія о свободѣ, о гражданскихъ правахъ личности; чего же мы добиваемся? той свободы, безъ которой немыслимъ никакой прогрессъ. Развѣ вы не стремитесь къ тому же? но вы взвѣшиваете вѣроятности успѣха каждаго прогрессивнаго шага, прежде чѣмъ рѣшиться на него; вы входите въ сдѣлки съ существующимъ порядкомъ вещей, вы иногда жертвуете принципомъ ради случайныхъ и минутныхъ разсчетовъ; мы же гордимся тою ролью піонеровъ свободы, которую мы на себя приняли; нужды нѣтъ, что насъ давитъ матеріальная сила; всякій протестъ, вызываемый давленіемъ, облегчаетъ дальнѣйшій путь если не намъ, то будущимъ поколѣніямъ». Такъ и еще сильнѣе продолжалъ онъ рѣчь свою. «Къ чему»—говорилъ онъ,—«приведетъ разногласіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ только единодушіе можетъ привести къ успѣху. Положимъ, правительство, опираясь на вашу поддержку, рѣшится насъ обвинить; мы уступимъ университетъ въ ваше нераздѣльное владѣніе, но, помните, что вы создадите прецедентъ, который, можетъ быть, вамъ же скоро придется оплакивать. Пока еще не поздно, подумайте! не отвергайте союза, который въ вашихъ, равно какъ и въ нашихъ дѣлахъ, будетъ всегда залогомъ успѣха и побѣды! Ради союза, мы не остановимся передъ нѣкоторыми уступками: мы готовы, совмѣстно съ вами, вновь обсудить редакцію адреса и измѣнить ее по вашимъ замѣчаніямъ, лишь бы за нимъ сохранился его основной характеръ протеста, а не жалобы, требованія, а не просьбы».

Этимъ онъ кончилъ.

Предсѣдатель просилъ Фишберга предоставить собранію обсудить внесенное имъ предложеніе; Фишбергъ молча поклонился и вышелъ.

Мысль о союзѣ была почти единогласно отвергнута.

III.

Общее броженіе не улеглось: съ утра университетъ сталъ снова наполняться, снова появились тѣ же лица, тѣ же кружки, съ оживленными рѣчами.

Вожаки польской партіи были въ это утро смущены. Рѣшеніе вчерашняго собранія въ лекторіи было уже имъ извѣстно, и подача адреса,

такимъ образомъ, утратила тотъ характеръ обще-студенческой манифестаціи, который полякамъ такъ хотѣлось ему придать. Агитація пріобрѣла чисто національный оттѣнокъ, а главное, что угрожало имъ и, чего они опасались пуще всего, это образованіе враждебной партіи, которая, сознавъ свою численную силу, пожалуй сумѣетъ организоваться и стать въ систематическую оппозицію.

Съ нѣкоторою тревогою ожидали они и результатовъ подачи адреса. Очевидно, составляя его, они не имѣли въ виду добиться тѣхъ гарантій, которыхъ требовали. Рѣзко заносчивый тонъ адреса былъ разсчитанъ не на уступки, а на репрессивныя мѣры; но теперь, когда они сознавали, что судьба университета виситъ на волоскѣ, какъ ни желательно казалось имъ закрытіе университета, ихъ брало невольное раздумье.

Притомъ университетскія демонстраціи были ими затѣяны съ цѣлью сдѣлать всѣхъ студентовъ солидарными съ движеніемъ; иначе не стоило и начинать: собственно польскихъ манифестацій и безъ того было достаточно; всякое воскресенье, революціонные гимны раздавались въ костелѣ, при громадномъ стеченіи польскаго населенія города; дамы носили глубокій трауръ, съ разными эмблемами, въ родѣ бѣлыхъ орловъ, сломанныхъ якорей и т. п.; въ театрѣ давались по преимуществу народныя польскія пьесы, которыя относительно декорацій и костюмовъ обставлялись настолько пышно, настолько допускали мѣстныя средства, и къ тексту которыхъ, сплошь да рядомъ, примѣшивались самые недвусмысленные намеки, каждый разъ вызывавшіе взрывъ восторженныхъ рукоплесканій. За манифестаціями дѣло не стояло, и ни одна изъ нихъ ни разу не сопровождалась неудачею. А тутъ угрожала не только неудача, но и перспектива оппозиціи и не со стороны власти, а со стороны такой же общественной силы, какою они и себя считали. При такомъ настроеніи они можетъ быть рѣшились бы даже отказаться отъ подачи адреса, если бы не зашли уже слишкомъ далеко, и, если бы, въ данномъ случаѣ, отступленіе не равнялось пораженію, способному ослабить энергію большинства, энергію, на которой, главнымъ образомъ, основывались ихъ надежды на успѣхъ.

Фишбергъ стоялъ у окна съ однимъ изъ главныхъ представителей гминъ.

— Вчерашнее настроеніе ихъ удивило меня,—сказалъ онъ,—я ожидалъ если не успѣха, то переговоровъ и нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, уступокъ.

— Отчасти, можетъ быть, мы и сами виноваты, ужь черезъ чуръ пересолили; можно было бы адресъ изложить нѣсколько мягче, а то вѣдь и самымъ близорукимъ нельзя было не понять, что отъ этакихъ адресовъ нечего ждать практическихъ результатовъ; а на простую манифестацію, я и прежде говорилъ, поддѣть ихъ не такъ легко.

— Да вѣдь я имъ предлагалъ, если хотятъ, измѣнить редакцію и смягчить самыя рѣзкія выраженія.

— Поздно! они уже успѣли подмѣтить заднюю мысль. Чѣмъ это все кончится! Вчера были переговоры у генералъ-губернатора съ попечителемъ. Мнѣ обѣщали узнать, что затѣвается: завтра маршалъ (предводитель) обѣдаетъ у князя Васильчикова.

Между тѣмъ Строевъ въ дверяхъ лекторіи встрѣтился съ Воронковымъ.

— Скажите своимъ, чтобы приходили сегодня сюда въ 12 часовъ ночи; соберемся въ библіотекарской комнатѣ,—сказалъ Воронковъ.—Пускай только не приходятъ помногу вдругъ. Двери съ профессорскаго подъѣзда будутъ отперты.

— Помѣхи никакой не будетъ?—спросилъ Строевъ.

— Оффиціальнаго разрѣшенія не дали, — отвѣчалъ полушопотомъ Воронковъ,—пообѣщали смотрѣть сквозь пальцы. Сторожа будутъ предупреждены.

Библіотекарь студенческой библіотеки, которымъ въ то время былъ студентъ Шишковскій, занималъ большую, квадратную комнату въ четвертомъ этажѣ университета, рядомъ съ лекторіею. Собственно библіотекарю принадлежала не вся комната, такъ какъ въ ней помѣщались и завѣдующій лекторіею, и секретарь библіотеки; но мѣста было достаточно и для трехъ. У каждаго былъ свой, отгороженный уголъ, гдѣ помѣщались, за шкапами, кровать, небольшой столъ и сундукъ съ вещами. Въ остальной, общей части комнаты, стояло два-три комода, шкапы, нѣсколько столовъ, заваленныхъ разными каталогами и приходорасходными книгами библіотеки и лекторіи, вѣшалки съ платьемъ, черныя скамьи и нѣсколько дубовыхъ подъ лакъ стульевъ; въ углу, между печкою и дверью, скамейка съ самоваромъ.

Было часовъ 11 вечера. Шишковскій въ рубашкѣ и нижнемъ платьѣ, съ накинутою студенческою шинелью, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и курилъ папиросу въ длинномъ, желтомъ камышовомъ муштукѣ. На полу, по срединѣ комнаты, стоялъ мѣдный подсвѣчникъ, съ нагорѣлымъ сальнымъ огаркомъ, а кругомъ, въ безпорядкѣ,—скамьи, съ которыхъ сторожъ стиралъ пыль. Окончивъ эту работу, онъ началъ медленно разставлялъ ихъ въ ряды.

— Не такъ,—нетерпѣливо сказалъ Шишковскій,—разставляй полукругомъ... не такъ... начинай отсюда, въ два ряда... шире, шире кругъ... Да съ этой строны не надо, тутъ надо столъ и стулъ поставить.. возьми этотъ столикъ... книги сложи на полку... свѣчи цѣлыя вправь... на! вотъ, стеариновыя, въ два подсвѣчника... щипцовъ не нужно. И снова пошелъ ходить взадъ и впередъ, пуская кольца дыма.

Въ половинѣ двѣнадцатаго начали собираться. Въ нижнемъ кори-

дорѣ и на лѣстницѣ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. На верху мерцалъ слабый свѣтъ отъ огарка, который былъ поставленъ на полукругломъ окнѣ, выходившемъ изъ лекторіи въ коридоръ. На многихъ какъ-то возбудительно дѣйствовали и этотъ поздній часъ, и эта темнота, и таинственность. Въ комнатѣ библіотекаря, несмотря на многочисленное общество, царствовала тоже какая-то таинственная тишина. Всѣ какъ будто чего-то ждали.

Главные представители малороссійской партіи были почти всѣ на лицо. Они почти ни съ кѣмъ не были знакомы и держались въ сторонѣ; въ малороссійскомъ платьѣ были только немногіе; одинъ изъ нихъ, въ коричневой свиткѣ, синихъ холщевыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ, съ типическимъ малороссійскимъ лицомъ, ничѣмъ, по наружности, не отличался отъ мужика. Позади другихъ, скромно сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати; онъ одѣтъ былъ въ черный сюртукъ, сѣрый жилетъ и панталоны; бѣлье на немъ было чистое, но немного измятое; приземистый, широкоплечій, съ свѣтло-русыми, гладко причесанными волосами, съ широкимъ лицомъ и широкимъ, немного вздернутымъ носомъ, съ свѣтло-сѣрыми, постоянно влажными глазами, съ выпуклымъ лбомъ, гладко выбритымъ подбородкомъ и маленькими усиками. Въ наружности его не было ничего такого, что бы бросалось въ глаза. Это былъ Антиповичъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Рыхлинскій, очень молодой человѣкъ съ чрезвычайно красивымъ лицомъ чистѣйшаго польскаго типа; онъ былъ одѣтъ небрежно-неряшливо; необыкновенно подвижныя черты лица его придавали ему особенно оживленный видъ.

Въ половинѣ перваго собраніе было уже въ полномъ разгарѣ. Говорилъ одинъ изъ полтавцевъ, Драгомиловъ, невысокій молодой человѣкъ, лѣтъ 20, съ красивымъ и выразительнымъ лицомъ, съ густыми и длинными каштановыми волосами и окладистою темно-русою бородою. Изложивъ тѣ неудобства, которыя постоянно встрѣчались при разрѣшеніи общестуденческихъ дѣлъ, вслѣдствіе отсутствія между студентами группировки, указавъ на выгодное положеніе, которымъ поляки пользуются на сходкахъ, благодаря тому, что являются на нихъ приготовленными и почти всегда уже съ предвзятымъ рѣшеніемъ, онъ выразилъ мысль, что слѣдуетъ теперь же, не теряя времени, сплотиться. Польская партія представляетъ интересы чуждые другимъ студентамъ, она преслѣдуетъ свои національныя цѣли, въ которыя постороннихъ не посвящаетъ; этимъ постороннимъ, т. е. всѣмъ остальнымъ группамъ студентовъ, приходится въ большинствѣ случаевъ разыгрывать роль слѣпаго орудія. Чтобы избѣжать этого, необходимо уничтожить ту изолированность, въ которой находятся отдѣльныя личности, нужно связать эти личности однимъ общимъ интересомъ, нужно противопоставить полякамъ созна-

тельную силу, которая, не вызывая ихъ на борьбу, охраняла бы свои интересы и ограждала себя отъ эксплоатаціи.

Изъ среды малороссіянъ поднялись голоса, которые стали доказывать, что, несмотря на историческую, врожденную антипатію, которую внушаютъ имъ поляки, они не могутъ не сочувствовать нѣкоторымъ ихъ стремленіямъ, проявляющимся собственно въ студенческихъ дѣлахъ: они отстаиваютъ общія студенческія права, выступаютъ смѣло и открыто въ защиту товарищей своихъ, безъ различія національностей. Во всемъ этомъ еще не видно какихъ-либо исключительныхъ цѣлей, враждебныхъ интересамъ остальныхъ группъ студентовъ.

Возражали имъ Драгомиловъ, Воронковъ и Строевъ. Они доказывали, главнымъ образомъ, что стремленія, обнаруживаемыя поляками въ студенческихъ дѣлахъ, сами по себѣ, могли бы не только не считаться враждебными, но несомнѣнно пользовались бы сочувствіемъ и содѣйствіемъ всѣхъ остальныхъ студентовъ, если бы они не находились въ связи съ цѣлой системой дѣйствій, отличающихся совершенно исключительнымъ характеромъ. Тѣ же самыя личности, которыя въ университетѣ громко ратуютъ за возстановленіе нарушенныхъ правъ, внѣ университета бьютъ стекла въ домахъ, обливаютъ чернилами платья дамъ, не носящихъ траура и, такимъ образомъ, не только сами нарушаютъ тѣ же существенныя права личности, за которыя ратуютъ, не только возбуждаютъ противъ себя общественное мнѣніе, но и явно обнаруживаютъ въ своей университетской дѣятельности не столько желаніе противодѣйствовать произволу, сколько постоянное стремленіе къ антиправительственнымъ манифестаціямъ съ цѣлями, совершенно исключительными. Пока, возбуждая университетскія движенія, главная цѣль ихъ сдѣлать университетъ солидарнымъ съ польскими манифестаціями, происходящими въ городѣ. Если бы отъ университетскихъ манифестацій можно было ждать какого-нибудь практическаго результата, то къ нимъ можно было бы и даже слѣдовало бы примкнуть. Но практическіе результаты вовсе не входятъ въ ихъ разсчеты. Допустивъ, что правительство рѣшилось бы дать всѣ требуемыя гарантіи, развѣ они удовлетворились бы этимъ? развѣ они не стали бы искать новаго повода къ манифестаціямъ и протестамъ? При такомъ положеніи вещей, необходимо стать въ самостоятельное отъ нихъ положеніе и сохранить за собою полную свободу дѣйствій, только и возможную при сознательной группировкѣ и полномъ сліяніи всѣхъ остальныхъ студентовъ въ одно цѣлое

На это Антиповичъ сказалъ, что сліяніе студентовъ-неполяковъ. желательно и возможно, но что, прежде чѣмъ говорить о немъ, нужно уяснить себѣ, какія цѣли они могутъ преслѣдовать.

Ему отвѣчали, что, въ данномъ случаѣ, организація студенческой группы должна имѣть одну цѣль: дѣйствовать за-одно въ дѣлахъ, ка-

сающихся студентовъ какъ корпораціи; организація эта не должна стѣснять студентовъ въ ихъ частной и общественной дѣятельности внѣ университета; главная задача теперь—это сблизить студентовъ, создать общіе интересы, сгладить разномысліе, которое, весьма часто, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, вслѣдствіе того, что при недостаткѣ сближенія многое остается невыясненнымъ.

По поводу общихъ интересовъ одинъ изъ малороссовъ заявилъ, что трудно провести точную грань между собственно университетскими и неуниверситетскими дѣлами, касающимися студентовъ. Между тѣми и другими существуетъ иногда тѣсная связь. Можетъ ли существовать сліяніе тамъ, гдѣ антагонизмъ, внѣ стѣнъ университета, будетъ проявляться всегда и въ малѣйшемъ дѣлѣ.

Зашла рѣчь о воскресныхъ школахъ, о которыхъ малороссы высказались несочувственно съ той точки зрѣнія, что онѣ проводятъ въ народѣ великорусскую пропаганду, такъ какъ преподаваніе въ нихъ ведется на русскомъ языкѣ. Они очень запальчиво доказывали, что видятъ не пользу, а вредъ въ такомъ преподаваніи, которое ведется не въ народномъ духѣ и не на природномъ языкѣ. Не менѣе запальчивы были и возраженія со стороны нѣкоторыхъ, не посвященныхъ въ дипломатическій характеръ собранія. Начинало проявляться нѣкоторое раздраженіе; тогда коноводы русской партіи взялись говорить въ примирительномъ духѣ. Они заявили, что малороссійскій языкъ вовсе не изгоняется изъ воскресныхъ школъ и что многіе изъ преподавателей дѣлаютъ и теперь разъясненія по-малороссійски; ссылались на отсутствіе учебниковъ, на незнаніе языка иными преподавателями; просили малороссовъ принять участіе въ школахъ. Строевъ объявилъ, что онъ уже получилъ разрѣшеніе на открытіе ежедневной послѣобѣденной школы въ лекторіи и что имѣетъ въ виду вести въ ней преподаваніе на малороссійскомъ языкѣ. Вообще доказывали, что школы стремятся къ одной цѣли: распространенію грамотности и что если ведется въ нихъ какая-нибудь пропаганда, то исключительно анти-польская, въ тѣхъ случаяхъ, когда являются мальчики, обученные польской грамотѣ. Нѣкоторые попытались было повести рѣчь о томъ, что введеніе русской грамотности вмѣсто польской есть искорененіе одного зла другимъ; послѣдовала бы неминуемая буря, если бы Антиповичъ быстро не прервалъ ихъ заявленіемъ о полномъ согласіи, послѣ высказанныхъ мнѣній, на сліяніе студентовъ-неполяковъ въ одну группу, для единодушнаго противодѣйствія преобладающему вліянію поляковъ на университетскія дѣла. Предложена была мысль группироваться по національностямъ: русскіе, малороссы и поляки, съ тѣмъ, чтобы каждая группа составляла отдѣльную единицу и чтобы общія дѣла рѣшались не общими собраніями, а постановленіями отдѣльныхъ группъ; при разногласіи, рѣшенія, при-

нятыя двумя группами, должны были бы дѣлаться обязательными для третьей. Предлагали избрать депутатовъ для общихъ совѣщаній, въ крайнихъ, особенно важныхъ случаяхъ, созывать общія собранія, въ которыхъ дѣла рѣшались бы все-таки не по большинству голосовъ, а по большинству группъ, считая каждую группу за единицу. Предложенія эти, о которыхъ долго толковали, не были, однако, приняты, вслѣдствіе убѣжденія, что поляки не согласятся пожертвовать численнымъ своимъ перевѣсомъ.

Въ числѣ прочихъ говорилъ студентъ Иванинъ и прочелъ цѣлый политическій трактатъ, изложеніе котораго потребовало не менѣе часа. Общее утомленіе дошло до того, что многіе встали съ мѣстъ и разбились на кружки; повторенныя выраженія нетерпѣнія заставили Иванина прекратить свою рѣчь, съ протестомъ противъ нарушенія свободы слова.

Странный человѣкъ былъ этотъ Иванинъ. Весь складъ ума его былъ донельзя оригиналенъ. Нельзя сказать, чтобы онъ пользовался, между студентами, сочувствіемъ или вліяніемъ; но въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ онъ только принималъ участіе, онъ такъ настойчиво проводилъ свое мнѣніе, такъ непоколебимо умѣлъ устоять въ виду не только противодѣйствія, но ожесточенныхъ насмѣшекъ, которыя сыпались на него со всѣхъ сторонъ, а иногда даже брани, такъ послѣдовательно, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, возвращался снова къ отвергнутымъ уже разъ предложеніямъ, что, въ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, онъ успѣвалъ брать свое. Смѣшно бывало, когда среди всеобщаго невниманія и весьма рѣзкихъ, часто неприличныхъ колкостей, онъ невозмутимо продолжалъ свое и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда общее мнѣніе открыто обнаруживалось противъ него, не останавливался, надѣясь склонить его въ свою пользу. До сихъ поръ главнымъ поприщемъ его дѣятельности была студенческая библіотека; несмотря на самую сильную оппозицію, при которой вначалѣ ему нерѣдко приходилось оставаться одному при своемъ мнѣніи, ему удалось, въ теченіе года, провести почти все то, на чемъ онъ настаивалъ съ самаго начала. Правда, что ужь доставалось же ему и на собраніяхъ, и въ книгѣ заявленій, въ которой десятки страницъ были исписаны его рукой. Но въ концѣ концовъ ему просто-на-просто удалось утомить, —скорѣе нежели убѣдить— своихъ слушателей, и завелась въ библіотекѣ задуманная имъ организація, съ бухгалтерскими книгами, сложнымъ счетоводствомъ, съ депутатскими собраніями и президентомъ (какъ онъ его называлъ) депутатскаго собранія. Вмѣсто одной должности библіотекаря появилось три должности: собственно библіотекаря и подвѣдомственныхъ ему—завѣдующаго лекторіей и секретаря. Кромѣ прежде существовавшихъ дежурныхъ при лекторіи, учреждены были дежурные депутаты. Со вре-

мени образованія лекторіи заведена была книга для записки жалобъ и заявленій, касающихся лекторіи; съ легкой руки Иванина пошли писать въ этой книгѣ всякія разсужденія, имѣвшія, большею частью, мало отношенія къ библіотечнымъ дѣламъ. Теперь, по мысли его, заведены были двѣ книги: собственно жалобная и полемическая, въ которой появилась всевозможная чушь. Общія собранія, которыя, въ прежнее время, собирались два раза въ годъ, стали созываться почти ежемѣсячно. И онъ носился съ своимъ дѣломъ, какъ дитя съ любимою игрушкою, радовался и торжествовалъ, когда впервые появились толстые фоліанты приходо-расходныхъ, штрафныхъ книгъ, книгъ для общаго счетоводства и т. п., гдѣ красовались на бумагѣ громадныя суммы штрафовъ, большею частью безнадежныхъ ко взысканію и для взысканія которыхъ онъ даже предлагалъ обращаться чуть ли не къ судебному преслѣдованію.

Затѣвалъ онъ и политическіе митинги, на которыхъ должны были подвергаться теоретическому обсужденію разные соціальные и политическіе вопросы; однажды онъ даже созвалъ такой митингъ, но ужь тутъ ему пришлось имѣть дѣло съ голыми стѣнами, такъ какъ, несмотря на всѣ его усилія, никто на его зовъ не явился. «Скоты!» — говаривалъ онъ, вспоминая объ этой неудачѣ и съ гордостью называлъ себя «свободы сѣятелемъ пустыннымъ!»

Но возвратимся къ собранію.

Утомительная рѣчь Иванина имѣла то полезное послѣдствіе, что отбила охоту къ многословію и сдѣлала всѣхъ какъ-то сговорчивѣе. Этимъ настроеніемъ воспользовались коноводы, и вскорѣ было принято слѣдующее предложеніе:

1) Организовать изъ среды непольскихъ студентовъ три группы, подъ названіемъ корпорацій, по главнымъ оттѣнкамъ, на которые дѣлились студенты. Право выбора для себя корпораціи принадлежало усмотрѣнію каждаго.

2) Корпораціи эти, въ общихъ дѣлахъ, должны были имѣть рѣшительный голосъ, каждая какъ отдѣльная единица.

3) Каждая корпорація должна была избрать трехъ представителей для общихъ совѣщаній.

4) По требованію абсолютнаго большинства могли быть созываемы общія собранія.

5) Рѣшено было стать въ совершенно самостоятельное положеніе отъ поляковъ, если они не согласятся образовать изъ себя, на тѣхъ же основаніяхъ, не болѣе двухъ корпорацій.

Въ залогъ сліянія, малороссы согласились примкнуть къ русской партіи по дѣлу Пеньковскаго.

IV.

На другой день, въ сборной залѣ вывѣшено было приглашеніе студентамъ немедленно прекратить сходки въ залахъ и аудиторіяхъ университета. Приглашеніе это подписано было Пироговымъ, тогдашнимъ попечителемъ.

Въ то смутное время, когда у большинства студентовъ русскихъ университетовъ всякая власть была ненавистна, по чувству ненависти къ самому принципу власти, приглашеніе попечителя, взывавшее къ чувству законности и уваженія къ университету, какъ научному центру, казалось бы, должно было вызвать со стороны польскаго большинства студентовъ тѣ же самыя послѣдствія, какія вызывало въ нихъ всякое правительственное распоряженіе, т. е. сперва усмѣшки, потомъ ропотъ и, наконецъ, явное противодѣйствіе. Но личный авторитетъ Пирогова былъ сильнѣе его попечительской власти: тѣ самые, которые считали бы неповиновеніе попечителю какимъ-то молодечествомъ, склонялись подъ обаяніемъ его имени. Вызывая умышленно репрессивныя мѣры административной власти, которыми всегда можно было воспользоваться для возбужденія противъ нея антагонизма, сами поляки страшились возможности энергическихъ мѣръ со стороны Пирогова, зная, что на сторонѣ его будетъ общественное мнѣніе и что обвиненіе въ произволѣ не могло коснуться имени, пользовавшагося такимъ общимъ и безпредѣльнымъ уваженіемъ.

Съ этого дня сходки въ университетѣ прекратились.

Адресъ поляковъ посланъ былъ по назначенію. Онъ не сопровождался, вопреки ожиданію большинства, ни закрытіемъ университета, ни арестами, ни какими-либо иными строгими мѣрами. Вся демонстрація оказалась бы холостымъ зарядомъ, если бы она не получила огласки и если бы самый фактъ ея безнаказанности не компрометтировалъ отчасти достоинства и значенія власти.

Корпораціи организовались; самые умѣренные примкнули къ 1-й корпораціи, самые крайніе—къ 3-й. Предлагали и полякамъ примкнуть къ новой организаціи студенческой общины, но послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ ихъ стороны послѣдовалъ самый положительный отказъ.

Въ это самое время возникла мысль обратиться съ ходатайствомъ объ открытіи Варшавскаго университета, который, по существовавшему тогда мнѣнію, могъ отвлечь изъ Кіева большинство студентовъ-поляковъ. Мысль эта принадлежала одному изъ вліятельныхъ профессоровъ, и говорили даже, что она была ему внушена самимъ попечителемъ. Хотя фактъ этотъ и не могъ считаться вполнѣ доказаннымъ, но несомнѣнно было то, что центральная учебная власть округа покровительствовала

ея осуществленію. Прошеніе объ этомъ было уже подписано огромнымъ большинствомъ непольскихъ студентовъ.

Въ настоящее время самый фактъ допущенія подобнаго ходатайства долженъ показаться весьма страннымъ, помимо оффиціальной его иниціативы. Но тогда было совершенно иное время. Поляки составляли большинство студентовъ; всевозможныя манифестаціи получили характеръ хроническій, и университету угрожала опасность сдѣлаться центромъ сборищъ, съ совершенно не научнымъ характеромъ. Лекціи посѣщались мало; хотя манифестаціи и вызывали протесты со стороны несочувствующихъ имъ и хотя протесты эти обнаруживали консервативный духъ въ извѣстной средѣ студентовъ, но, сами по себѣ, онѣ не могли считаться вполнѣ законными: имъ предшествовали незаконныя собранія, въ которыхъ часто проявлялись весьма крайнія мнѣнія и сужденія. Съ другой стороны, запрещать анти-польскія манифестаціи возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы противъ польскихъ манифестацій принимались какія-нибудь репрессивныя мѣры.

Но, опять, имѣла ли учебная власть какую-нибудь возможность прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, въ то время, когда манифестаціи, среди бѣла дня, безнаказанно совершались на виду у всего города и въ костелѣ, и въ театрѣ, и даже на улицахъ. Администрація молча глядѣла на эти манифестаціи; обращаемые къ ней адресы, незаконные по формѣ, а иногда и совершенно возмутительные по содержанію, оставались безнаказанными. Что было дѣлать учебному вѣдомству и какія мѣры принять къ охраненію порядка внутри университета? Пироговъ разсчитывалъ на свое нравственное вліяніе, и этотъ разсчетъ его не обманулъ, когда онъ обратился къ студентамъ съ призывомъ къ порядку; но и нравственнымъ вліяніемъ нужно пользоваться осторожно; подобные призывы могли имѣть значеніе только при условіи не частаго ихъ повторенія; а между тѣмъ, не нужно было большой дальновидности, чтобы понять, что это только начало, что затѣвается что-то серьезное и что однѣми манифестаціями дѣло не обойдется.

Отсюда и возникла мысль пустить въ ходъ ходатайство объ открытіи Варшавскаго университета. Покуда Кіевскій университетъ являлся единственнымъ въ западныхъ губерніяхъ, онъ неизбѣжно привлекалъ въ себя польскую молодежь не только Юго-Западнаго края, но и Бѣлоруссіи, Литвы и Польши; онъ дѣлался центромъ, гдѣ скоплялась самая пылкая часть польскаго населенія, вытѣснить которую, безъ репрессивныхъ мѣръ, было невозможно; да и репрессивныя мѣры, помимо неблагопріятности всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ, могли касаться только единицъ, а не массы. Чтобы дѣятельно приняться за вытѣсненіе польскаго элемента изъ Кіевскаго университета, оставалось одно средство· открыть для этого элемента исходъ.

Въ этомъ смыслѣ было составлено прошеніе на имя попечителя, и, повторяемъ, оно уже было подписано огромнымъ большинствомъ непольскихъ студентовъ. Но и только-что созданнымъ корпораціямъ, и этому прошенію угрожала участь мертворожденныхъ.

Въ день, назначенный для подачи его, получена была телеграфическая депеша, объ увольненіи Пирогова отъ должности попечителя. Извѣстіе это было встрѣчено глубокимъ огорченіемъ не только учебнаго вѣдомства, но и всѣхъ слоевъ населенія города. Различные толки шли о причинахъ этого увольненія, которое для Пирогова было такою же неожиданною новостью, какъ и для всѣхъ другихъ. Многіе не безъ основанія полагали, что послѣдніе студенческіе безпорядки были главнымъ поводомъ къ неудовольствію противъ всей педагогической системы Пирогова и приписывались исключительно вліянію этой системы.

Подобному взгляду нельзя было особенно удивляться. Въ то время не могли еще выясниться ни главныя начала его системы, ни характеристическія особенности самаго времени, ни исключительное положеніе, въ которое поставленъ былъ Кіевскій университетъ, вслѣдствіе возникшаго польскаго движенія. Между тѣмъ, достаточно сравнить настроеніе кіевскихъ студентовъ, во время попечительства Пирогова, съ господствовавшимъ тогда настроеніемъ остальныхъ нашихъ университетовъ, чтобы понять незаслуженность взводимыхъ противъ него обвиненій.

Студенты Кіевскаго университета, какъ видно изъ предыдущаго, раздѣлялись на двѣ главныя группы: польскую и непольскую. Польская группа начала уже въ то время обнаруживать такія стремленія, которыя, въ связи съ манифестаціями, производимыми повсемѣстно, какъ въ Польшѣ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, не могли оставлять ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ конечной цѣли ихъ. Очевидно, манифестаціи эти не были вызваны задуманною Пироговымъ педагогическою системою, какъ и не могли быть предотвращены находившимися у него въ рукахъ административными средствами. Относительно польскаго движенія, правительство держалось какого-то выжидательнаго положенія; принимались, правда, частныя и иногда даже крутыя мѣры противъ отдѣльныхъ личностей, но, въ то же время, въ ущербъ достоинству правительства и самымъ существеннымъ государственнымъ интересамъ, терпѣлось открытое выраженіе враждебнаго настроенія всей массы польскаго населенія. Среди бѣлаго дня, въ костелахъ, при звукѣ органа, тысячи голосовъ возносили мольбы объ освобожденіи Польши отъ владычества тирановъ, и подъ вліяніемъ стройныхъ, величественныхъ звуковъ революціонныхъ гимновъ, возбужденное настроеніе обхватывало самыхъ умѣренныхъ и самыхъ робкихъ людей. Безучастное отношеніе администраціи къ этимъ манифестаціямъ, отсутствіе всякихъ мѣръ къ предупрежденію ихъ объяснялось, въ средѣ поляковъ, безсиліемъ

правительства къ ихъ подавленію, или страхомъ общественнаго мнѣнія Европы.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, безнаказанность давала смѣлость наименѣе смѣлымъ по характеру. Съ каждымъ днемъ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе обнаруживалось враждебное правительству настроеніе, и, подъ вліяніемъ террора, распространеннаго среди поляковъ партіею движенія, къ нему мало-по-малу примыкало все, что носило польское имя. Тѣ изъ поляковъ, которые долѣе другихъ оставались безучастными свидѣтелями манифестацій, подвергались публичнымъ оскорбленіямъ и не находили ни охраны, ни защиты отъ нихъ въ правительственной власти. Можно ли было разсчитывать на сохраненіе порядка между поляками-студентами, представлявшими самую пылкую и энергическую часть польскаго населенія, въ то время, когда люди солидные, люди съ общественнымъ положеніемъ, люди, которые, казалось, должны были бы представлять самые консервативные элементы населенія, открыто примыкали къ партіи безпорядка.

Относительно студентовъ-поляковъ, вліяніе Пирогова не могло, очевидно, привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Иное дѣло относительно студентовъ неполяковъ.

Что мы видимъ, въ это время, во всѣхъ остальныхъ русскихъ университетахъ? какое направленіе господствовало между студентами? чье вліяніе въ нихъ преобладало?

Въ эту эпоху всеобщаго броженія, самой необузданной реакціи противъ всего, что составляло старый порядокъ вещей, нечего было искать умѣренности во взглядахъ и стремленіяхъ молодежи, внезапно вырвавшейся на свободу, встрѣтившейся съ бездною новыхъ вопросовъ, зачитавшейся до опьяненія всѣмъ, что производила тогдашняя передовая журналистика и лондонская эмиграція.

При той нетерпѣливой жаждѣ дѣятельности, которая, во время переходныхъ эпохъ, обхватываетъ всѣхъ и каждаго, не было ни одного студента, который не вообразилъ бы себя призваннымъ къ роли общественнаго дѣятеля. Передъ большинствомъ университетской молодежи какъ бы вздернулась завѣса: многія вещи представились имъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ они привыкли на нихъ смотрѣть; самые смутные взгляды и мнѣнія, навѣянныя какою-нибудь журнальною статейкою, сразу возводились въ серьезныя убѣжденія. Всѣ почувствовали себя развитыми и, оглядываясь назадъ, вспоминая людей, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться и которые, несмотря на усидчивый трудъ и основательныя знанія, имѣли совершенно иные взгляды на вещи и понятія, они невольно задавали себѣ вопросъ: есть ли развитіе необходимое послѣдствіе знанія? не можетъ ли ученый человѣкъ быть отсталѣе неученаго? что важнѣе, знаніе, или развитіе? И пошла въ ходъ теорія о нелѣпости

науки для науки и о томъ, что всякое ученіе должно быть подчинено практическимъ цѣлямъ.

Возникли воскресныя школы, и многія изъ нихъ сдѣлались центромъ самой безпорядочной пропаганды. Начали заботиться, главнымъ образомъ, о развитіи учениковъ, которыхъ сразу посвящали во всевозможныя соціальныя, политическія и матеріалистическія бредни.

Въ столичныхъ университетахъ нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ студентовъ проникли въ передовые литературные кружки, которые искали сближенія съ студентами и стремились пріобрѣсти надъ ними вліяніе. Стремленіе къ общественной дѣятельности не ограничивалось воскресными школами: начали образовываться отдѣльные литературные кружки, въ которыхъ происходило совмѣстное чтеніе всевозможныхъ запрещенныхъ брошюръ и газетъ. Подъ ихъ вліяніемъ, кружки эти приняли болѣе опредѣленные оттѣнки и задались мечтаніями о политической дѣятельности. Возникавшее въ то время польское движеніе встрѣчено было всеобщимъ сочувствіемъ; такъ какъ поляки представляли уже стройную и организованную политическую партію, дѣйствительная сила которой представлялась въ еще преувеличенномъ видѣ, то сліяніе съ нею въ одно цѣлое казалось лучшимъ залогомъ успѣха всѣхъ самыхъ смѣлыхъ политическихъ мечтаній. Многіе изъ студентовъ вошли въ составъ политическаго общества, рѣшившагося дѣйствовать заодно съ поляками.

Господствующее настроеніе между студентами было самое крайнее: ненависть къ принципу власти, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, самая фанатическая нетерпимость ко всему, что расходилось съ ними во мнѣніяхъ, убѣжденіе въ гнилости всего, что не принадлежало къ молодому поколѣнію, при безусловной вѣрѣ въ великое призваніе этого молодаго поколѣнія, протестъ противъ существующаго порядка вещей, доходившій до полнаго отрицанія какого бы то ни было съ ними компромисса,—вотъ отличительныя черты тогдашняго студенческаго духа. Они, по весьма удачному выраженію, раздѣляли людей на двѣ категоріи: мы и подлецы.

Въ Кіевѣ, въ средѣ большинства студентовъ неполяковъ, господствовало въ то время совершенно иное настроеніе. Они представляли, въ ряду другихъ студентовъ, въ полномъ смыслѣ слова, консервативный элементъ.

Такое настроеніе имѣло двоякую причину.

Первая изъ нихъ заключалась въ инстинктивной, почти врожденной ненависти къ польскому элементу. Большая часть студентовъ были уроженцы юго-западныхъ губерній, а также губерній Полтавской и Черниговской, и принадлежали преимущественно къ такимъ слоямъ общества, гдѣ сильнѣе другихъ сохранилась историческая вражда къ полякамъ.

Борьба съ польскимъ элементомъ, имѣвшимъ преобладающее вліяніе въ университетѣ, составляя главную задачу каждой отдѣльной личности, отвлекала отъ всякихъ другихъ стремленій и цѣлей. Съ такъ называемыми петербургскими либералами у нихъ не могло быть много общаго уже потому, что либералы эти поставили себѣ задачею дѣйствовать заодно съ поляками. Ни передовая журналистика, ни герценовскія изданія не могли имѣть большаго вліянія, вслѣдствіе космополитическаго духа, которымъ они были пропитаны. Воскресныя школы явились орудіемъ исключительно анти-польской пропаганды, которая не оставляла мѣста для какихъ-либо иныхъ политическихъ или соціальныхъ цѣлей. Объ анти-религіозной пропагандѣ не было и рѣчи: и православіе являлось здѣсь силою, противодѣйствующею католицизму, такъ неразрывно связанному съ полонизмомъ. Независимо отъ того, въ этихъ студентахъ преобладало такъ называемое народолюбство, и хотя это чувство сплошь да рядомъ сопровождалось идеализаціею всего, что относилось къ народу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызывало и уваженіе ко всему тому, къ чему относился съ уваженіемъ народъ. Всѣ либеральныя стремленія сосредоточивались въ желаніи добра народу, и добру этому симпатизировали, откуда бы оно ни нисходило на народъ; поэтому радовались осуществленію крестьянской реформы и сочувственно относились къ твердому направленію, принятому въ этомъ отношеніи правительствомъ. Вообще національныя стремленія составляли у нихъ противовѣсъ радикализму, который всегда плохо ладитъ съ этими стремленіями; можно смѣло сказать, что если радикализмъ и скрывается иногда подъ видомъ стремленій національныхъ, то въ этомъ случаѣ это дѣлается лишь съ тѣмъ, чтобы лучше замаскировать совершенно чуждыя имъ цѣли.

Но могло ли долго просуществовать это настроеніе, которое первоначально вызвано было скорѣе личными инстинктами каждаго, чѣмъ какимъ-либо общимъ соглашеніемъ? Не должны ли были преобладающія стремленія видоизмѣниться подъ вліяніемъ времени, всесильной журналистики и отовсюду вѣявшаго, всеобхватывающаго либеральнаго духа? Тутъ-то является и вторая причина относительнаго консерватизма русскихъ студентовъ Кіевскаго университета, а именно, личное вліяніе Пирогова и его педагогической системы. Предоставленная студентамъ свобода, казавшаяся еще болѣе широкою послѣ прежнихъ стѣсненій, дала ихъ порывамъ къ дѣятельности довольно широкій просторъ: занятія дѣлами лекторіи, студенческой кассы и, въ особенности, воскресными школами, въ то же время, борьба съ польскимъ элементомъ въ университетѣ и внѣ университета. Студенты почувствовали себя въ избранной ими сферѣ дѣятельности не стѣсненными; большаго имъ въ то время не было нужно, и они заботились только о неприкосновенномъ сохраненіи настоящаго. Есть времена, когда довольствуешься хорошимъ,

боясь потерять его въ погонѣ за лучшимъ. При относительно благопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились, студенты, кромѣ того, встрѣчали въ Пироговѣ самое теплое участіе ко всѣмъ ихъ нуждамъ, готовность помочь совѣтомъ и содѣйствіемъ всегда, когда это только было возможно, и, хотя въ отношеніи къ студентамъ онъ всегда обнаруживалъ твердость, безъ малѣйшихъ признаковъ потворства или задобриванья, но это не вызвало противъ него ни малѣйшаго ропота, или неудовольствія. Онъ очень заботился о томъ, чтобы создать, въ средѣ студентовъ, общественное мнѣніе, которое, подъ разумнымъ вліяніемъ, могло бы привить къ нимъ духъ порядка и законности, и предотвратить безразсудныя увлеченія и необдуманные порывы. Свое личное вліяніе онъ проявлялъ очень осторожно, дѣйствуя черезъ нѣкоторыхъ, пользовавшихся значеніемъ, профессоровъ, которые, въ свою очередь, входили въ соприкосновеніе съ болѣе вліятельными студентами. Консервативный духъ между ними онъ успѣлъ поддерживать, и одинъ онъ могъ бы поддержать его и впослѣдствіи. Чтобы понять это, достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ характеромъ университетской молодежи того времени; умѣренность, въ политическомъ смыслѣ, не была въ большомъ ходу въ описываемую эпоху и требовала гораздо большаго гражданскаго мужества, чѣмъ явно враждебное правительству настроеніе. Тогдашній дешевый либерализмъ, которому можно было предаваться совершенно безопасно, пользовался большою популярностью, и чѣмъ рѣже онъ проявлялся, тѣмъ сильнѣе возбуждалъ къ себѣ сочувствіе. Въ первое время проявленія польскаго движенія, несмотря на инстинктивную нелюбовь къ полякамъ, весьма немногіе рѣшились выступить противъ нихъ открыто; всякій страшился обвиненія въ отсталости; только подъ личнымъ, хотя и скрытымъ вліяніемъ Пирогова, началась группировка. Поддержка его сразу поставила на ноги болѣе рѣшительныхъ, и дала имъ возможность постепенно распространять свое вліяніе на остальныхъ. Обвиненіе въ отсталости не могло коснуться Пирогова, и тѣ стремленія, которыя онъ соглашался поддерживать, уже тѣмъ самымъ пріобрѣтали разумное значеніе. Никакое открытое противодѣйствіе университетскимъ безпорядкамъ не могло бы возникнуть и, въ особенности, укрѣпиться и стать въ положеніе систематической и сознательной оппозиціи, еслибы оно не было, съ самаго начала, освящено одобреніемъ Пирогова. Авторитетъ его имени былъ непоколебимъ, и только силою этого авторитета можно было объяснить полемику, возникшую, въ то время, между однимъ изъ кіевскихъ, весьма популярныхъ студентовъ съ Добролюбовымъ по поводу розогъ, введенныхъ въ гимназическій уставъ о наказаніяхъ. Рѣшиться вступить въ борьбу съ такимъ, тоже, въ своемъ родѣ, авторитетомъ, какъ Добролюбовъ, да еще по поводу такой непопулярной мѣры, какъ возстановленіе розогъ,

притомъ, студенту выступить въ защиту попечителя, т. е. стоявшей надъ нимъ власти,—все это были бы вещи немыслимыя, еслибы, въ то время, въ средѣ кіевскихъ студентовъ Пироговъ не пользовался безусловнымъ значеніемъ и уваженіемъ. Что было бы, еслибы онъ остался, судить трудно. Но можно допустить, что преобладаніе малороссійской партіи, начавшее проявляться непосредственно послѣ его увольненія, не получило бы такого широкаго значенія, что нигилизму не представилось бы такого простора, какимъ онъ вскорѣ воспользовался между студентами Кіевскаго университета, что, наконецъ, явились бы, дѣйствительно, разумные, подготовленные и надежные русскіе дѣятели, въ то время, когда, послѣ развязки польскаго мятежа, въ нихъ оказалась также потребность.

Нечего останавливаться на описаніи всевозможныхъ овацій въ честь Пирогова, овацій, въ которыхъ принимали участіе всѣ лучшія общественныя силы города и края. Но нельзя не упомянуть о рѣчи, сказанной Пироговымъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ его честь кіевскимъ обществомъ, рѣчи, которая навсегда останется однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русскаго краснорѣчія.

«То, что мнѣ теперь предстоитъ,—сказалъ онъ,—сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднею весною, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля, запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчею.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь дѣлать все какъ можно раціональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими, какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по-прежнему.

«И можетъ быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня; а то, что я началъ обработывать мои поля не по прежней рутинѣ, и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднею весною, едва оттаявшее отъ лучей вешняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найтись такіе, которые не въ законахъ

необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву.

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять раціональность и здравый смыслъ на рутину и безсмысліе?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ; мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина, то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полнаго и нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія, и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

«Вотъ это-то полное нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и открыто. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровенъ и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ сдѣлать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству человѣка, онъ не можетъ разсчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить, кто крѣпче, препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ?

«Слѣдуя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь, и на самыхъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ, хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобы утѣшить себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ

начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

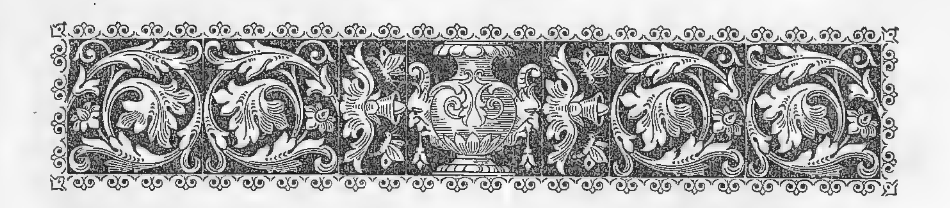
«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою, по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дождаться этого счастливаго времени, но вамъ, милостивые государи, членамъ общества предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему дѣлу».

Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева въ вербную субботу; при выѣздѣ изъ города, его привѣтствовали цѣлыя толпы студентовъ, собравшихся за тѣмъ, чтобы еще разъ проститься съ нимъ. Здѣсь, на прощаніе, онъ обратился къ нимъ съ послѣднимъ словомъ: «Я люблю и уважаю молодость, потому что хорошо помню свою»,—сказалъ онъ имъ, между прочимъ, и теперь, какъ говорилъ неоднократно и прежде. Въ этой фразѣ заключается лучшій отвѣтъ на всѣ направленныя противъ него обвиненія; тотъ, кто, подобно ему, провелъ молодость въ трудѣ, достигъ высшихъ предѣловъ знанія и житейской опытности, составилъ себѣ блестящее имя въ сферѣ научной и общественной дѣятельности и, притомъ, сохранилъ всю свѣжесть молодаго чувства, относящагося съ любовью, уваженіемъ и довѣріемъ къ молодому поколѣнію, тотъ не могъ направлять это поколѣніе на иной путь, поощрять въ немъ иныя стремленія, внушать ему иныя цѣли, чѣмъ лежавшіе въ основѣ всей его дѣятельности: трудовой путь, честныя стремленія, разумныя и мирныя цѣли.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX вѣка.

(Посольство Резанова въ Японію въ 1803—1805 гг.).

ГЛАВА II [1]).

Императоръ Александръ Павловичъ посѣщаетъ экспедицію на Кронштадтскомъ рейдѣ.—Выходъ въ море.—Копенгагенъ.—Въ Нѣмецкомъ морѣ.—Встрѣча съ англійскими кораблями.—Англія въ 1803 году.—Настроеніе умовъ въ ожиданіи высадки Наполеона. — Канарскіе острова. — Испанская администрація на Тенерифѣ.—Инквизиція.—Переходъ чрезъ экваторъ.—Въ Бразиліи.—Островъ св. Екатерины.—«Американецъ»-Толстой.—Мысъ Горнъ.—Инцидентъ на Маркизскихъ островахъ.—Буйство офицеровъ.—Тяжелое положеніе посланника на «Надеждѣ». — Сандвичевы острова. — Прибытіе экспедиціи въ Петропавловскъ.—Камчатскій комендантъ Кошелевъ.—Слѣдствіе.—Примиреніе.—Отъѣздъ въ Японію.

Въ двадцатыхъ числахъ іюля императоръ Александръ Павловичъ прибылъ въ Кронштадтъ въ сопровожденіи морскаго министра Чичагова, графа Румянцева и Резанова, чтобы лично посѣтить суда, впервые отправляющіяся въ кругосвѣтное плаваніе. Взойдя на шканцы [2]), государь встрѣченъ былъ командиромъ «Надежды» Крузенштерномъ, отъ котораго принялъ рапортъ, и затѣмъ милостиво привѣтствовалъ выстроенныхъ въ линію офицеровъ. Посланникъ представлялъ государю поочередно всѣхъ кавалеровъ посольства, ученыхъ и прочихъ членовъ экспедиціи. Осмотрѣвъ оба судна, государь отбылъ на шлюпкѣ при громѣ выстрѣловъ находившихся на рейдѣ судовъ, сопровождаемый криками «ура!» разставленной по реямъ команды «Надежды» и «Невы».

---

[1]) См. «Русскую Старину» іюль 1895 г.

[2]) Шканцы—почетное мѣсто на суднѣ, между гротъ-и бизань-мачтами.

Экспедиція была окончательно готова. Компанейскій грузъ, порученный двумъ приказчикамъ русско-американской компаніи, купцамъ Шамелину и Коробьицыну, былъ распредѣленъ по обоимъ судамъ; провизія, взятая съ разсчетомъ на два года, а также запасы прѣсной воды были нагружены; аммуниція, вооруженіе команды, порохъ и снаряды— все было въ порядкѣ. Хотя оба судна и были приспособлены для надобности компаніи и, слѣдовательно, являлись судами коммерческими, но государь императоръ разрѣшилъ обоимъ кораблямъ употреблять по надобности военный флагъ въ виду того, что на «Надеждѣ» отправлялось чрезвычайное посольство, а также какъ гарантію противъ осмотра каперовъ, «особливо въ виду безпокойнаго состоянія дѣлъ въ Европѣ, которая вся вооружена и моря всего свѣта покрыты военными судами и каперами, кои пущаются безпрерывно не токмо на торговые корабли воюющихъ націй, но и на суда неутральныя [1])».

27-го іюля 1803 года экспедиція тронулась въ дальній путь. Въ 10 часовъ утра, оба корабля, отдавъ марселя, начали сниматься съ якорей и черезъ полчаса, при тихомъ ZO вѣтрѣ, «Надежда» и «Нева», разукрашенныя флагами, при громѣ пушечной пальбы, сопровождаемыя напутственными пожеланіями собравшейся публики, родственниковъ и друзей, вышли въ открытое море. Пользуясь попутнымъ вѣтромъ, около 30 купеческихъ судовъ, оставивъ вмѣстѣ съ ними рейдъ, окружили наши корабли и, проходя мимо, прощались, желая благополучнаго пути. Милостивое вниманіе государя, прекрасный видъ кораблей, опытность ихъ командировъ, наконецъ, самая благопріятная погода — все это, повидимому, предвѣщало благополучный исходъ плаванія. Посланникъ стоялъ на палубѣ и долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся изъ виду берегамъ, какъ бы предчувствуя, что онъ ихъ болѣе не увидитъ. Еще не задолго до отхода экспедиціи онъ писалъ И. И. Дмитріеву прощальное письмо, въ которомъ высказывалось грустное настроеніе его мыслей въ виду постигшей его не задолго потери жены. «Кончина жены моей,—пишетъ Резановъ,—составлявшей все счастье дней моихъ, содѣлала для меня всю жизнь мою безотрадною. Двое милыхъ мнѣ дѣтей хотя и услаждаютъ жизнь мою, но въ то же время и растравляютъ сердечныя мои раны... Предавшись единой скорби своей, думалъ я взять отставку. Но государь вошелъ милостиво въ положеніе мое, сперва совѣтовалъ мнѣ разсѣяться, наконецъ, предложилъ мнѣ путешествіе и объявилъ мнѣ волю свою, чтобы принялъ я на себя посольство въ Японію [2])»... Таково было состояніе духа Резанова передъ отъѣздомъ въ

[1]) Всеподданнѣйшая записка Крузенштерна.

[2]) Письмо Резанова къ Ив. И. Дмитріеву въ апрѣлѣ 1803 г. «Русск. Арх.» 1866 г., стр. 1331.

отдаленное плаванiе, во время котораго, какъ мы увидимъ ниже, ему предстоялъ цѣлый рядъ испытанiй и непрiятностей, окончательно разстроившихъ его нервную систему, и безъ того потрясенную чисто личнымъ, семейнымъ горемъ. Читая его донесенiя государю и письма къ графу Румянцеву и директорамъ компанiи, надо удивляться мужеству и силѣ воли, съ которыми этотъ физически больной и нравственно истерзанный человѣкъ боролся съ неслыханною дерзостью офицеровъ и злобою обоихъ командировъ, перенося все во имя задачи, которая на него была возложена. Нѣтъ сомнѣнiя, что причина непрiязненныхъ отношенiй Крузенштерна и Лисянскаго къ Резанову коренилась, какъ мы уже упоминали въ предъидущей главѣ, въ соображенiяхъ матерiальныхъ, а также и въ вопросахъ самолюбiя, т. е. въ вопросѣ подчиненiя Крузенштерна Резанову, какъ главному начальнику всей экспедицiи. Въ донесенiяхъ своихъ въ главное правленiе компанiи Крузенштернъ неоднократно упираетъ на то обстоятельство, «что онъ, Крузенштернъ, призванъ по Высочайшему повелѣнiю (котораго, однако, нигдѣ не видно) командовать надъ экспедицiей, и что оная ввѣрена Резанову безъ его вѣдѣнiя, на что онъ никогда бы не согласился; что должность его не состоитъ только въ томъ, чтобы смотрѣть за парусами», и т. д. Несостоятельность этихъ доводовъ уже видна изъ того, что, во-первыхъ, Резановъ еще на Кронштадтскомъ рейдѣ объявилъ Крузенштерну Высочайше данную ему 10-го iюля 1803 года инструкцiю, въ которой онъ является уполномоченнымъ всей экспедицiи, и, во-вторыхъ, что въ инструкцiи самого Крузенштерна дополненiе къ § XVI говоритъ о томъ же, чего онъ, очевидно, не могъ не знать.

На основанiи инструкцiи, данной 29-го мая 1803 года Крузенштерну главнымъ правленiемъ русско-американской компанiи, суда экспедицiи должны были имѣть слѣдующiй маршрутъ: изъ Кронштадта идти въ датскiй портъ Гельсиноръ, гдѣ захватить остальную часть компанейскаго груза, привезеннаго изъ Гамбурга и, если, по необходимости, не вынуждены будутъ приставать въ другiе порты, идти къ островамъ Канарскимъ (Тенерифу или Мадерѣ). Второе сборное мѣсто назначено въ Бразилiи, на островѣ св. Екатерины, а оттуда, не заходя ни въ Лемеровъ, ни въ Магеллановъ проливы, идти къ югу и обогнуть мысъ Горнъ, вступить въ Тихiй океанъ, гдѣ имѣть остановку на островахъ Маркизскихъ. Четвертый роздыхъ имѣть на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ корабль «Нева» долженъ разстаться съ «Надеждою», и взять курсъ къ острову Кадьяку, главному селенiю русско-американской компанiи. «Надеждѣ» же идти къ японскимъ берегамъ, въ гавань Нагассакскую, гдѣ до окончанiя дипломатической миссiи и оставаться (§§ I—IV). По окончанiи посольства въ Японiи, Крузенштерну предписывалось идти въ Петропавловскъ, выгружать компанейскiй грузъ,

а оттуда направиться къ Кадьяку для соединенія съ Лисянскимъ (§ VII), а оттуда, нагрузившись пушнымъ товаромъ, идти вмѣстѣ съ «Невою» къ азіятскому берегу, въ китайскій портъ Кантонъ и промѣнять здѣсь взятые на Кадьякѣ товары на товары китайскіе (§§ VIII—XV). Какъ въ Кантонѣ, такъ въ прочихъ мѣстахъ, главное правленіе компаніи «намѣрено поручить торговлю главной довѣренной особѣ японской миссіи, ежели сія отъ государя императора назначится изъ числа акціонеровъ компаніи» (§ XVI). Въ §§ XVII и XVIII даются указанія относительно доставленія припасовъ посредствомъ обмѣна ихъ на разные предметы и относительно возвращенія въ обратный путь.

Инструкція эта, выданная, какъ видно, въ маѣ 1803 года, составлена была еще до назначенія Резанова, вслѣдствіе чего къ § XVI-му сдѣлано было дополненіе, каковое приводимъ здѣсь дословно:

«Въ дополненіе XVI пункта сей инструкціи главное управленіе васъ извѣщаетъ, что Его Императорское Величество соизволилъ ввѣрить не только предназначенную къ Японскому двору миссію въ начальство его превосходительства двора Его Императорскаго Величества г. дѣйствительнаго камергера и кавалера Николая Петровича Резанова въ качествѣ Чрезвычайнаго Посланника и Полномоченнаго Министра, но и сверхъ того Высочайше поручить ему благоволилъ всѣ предметы торговли и самое образованіе Россійско-Американскаго края, то главное правленіе, имѣя уже въ лицѣ сея довѣренныя особы съ самаго существованія компаніи уполномоченнаго своего ходатая у монаршаго престола и во все время вѣрнаго блюстителя пользъ ея—пріятнымъ себѣ долгомъ поставляетъ и нынѣ подтвердить ему свою признательность, уполномочивая его полнымъ хозяйскимъ лицемъ не только во время вояжа, но и въ Америкѣ и вслѣдствіе сего снабдило его особымъ отъ всея компаніи кредитивомъ, а потому содержаніе сей инструкціи уже по нѣкоторымъ частямъ относится до особы его превосходительства. Предоставляя полному распоряженію вашему управленіе во время вояжа судами и экипажемъ и сбереженіемъ онаго, какъ части, единственному искусству, знанію и опытности вашей принадлежащей, главное правленіе и дополняетъ сіе тѣмъ только, что какъ всѣ торговые обороты и интересы компаніи ему, яко хозяйствующему лицу, въ полной мѣрѣ ввѣрены, то и ожидаетъ отъ васъ и всѣхъ господъ офицеровъ, по усердію вашему на пользу Россійско-Американской компаніи, столь тѣсно съ пользою отечества сопряженную, что вы не оставите руководствоваться его совѣтами во всемъ томъ, что къ выгодѣ и интересамъ ея имъ за благо признано будетъ, о чемъ отъ сего правленія донесено и Его Императорскому Величеству маія 21 дня 1803 года» [1].

12-го августа оба судна вошли въ Копенгагенскую гавань. У острова Гохланда противные вѣтры свирѣпствовали болѣе 3-хъ сутокъ, и качка была очень чувствительна. Въ Копенгагенѣ взяты были астрономъ Горнеръ, который ожидалъ здѣсь прибытія судовъ, и натуралистъ Тилезіусъ, съ которымъ заключенъ былъ контрактъ посланникомъ нашимъ

---

[1]) Инструкція Крузенштерну. Арх. М. И. Д.

въ Дрезденѣ, Ханыковымъ. Тутъ же присоединился къ экспедиціи и геттингенскій профессоръ Лангсдорфъ, убѣдительно просившій Резанова принять его безъ всякихъ условій, предоставляя государю наградить труды его по возвращеніи. Просьбу его поддерживалъ и Тилезіусъ, утверждая, что онъ будетъ дѣятельнымъ помощникомъ въ его занятіяхъ, которыя онъ одинъ едва-ли въ состояніи будетъ выполнить. Занятія между натуралистами распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 1) зоологія, орнитологія, энтомологія—Тилезіусъ; 2) ихтіологія и минералогія—Лангсдорфъ; 3) ботаника—Брыкинъ подъ наблюденіемъ первыхъ двухъ.

Въ Копенгагенѣ экспедиція еще нѣсколько задержалась изъ-за пересолки солонины, купленной въ Гамбургѣ. Пересолка оказалась не совсѣмъ надежною, такъ что рѣшено было еще купить ирландской солонины по десяти бочекъ на судно, дабы въ случаѣ порчи на экваторѣ старой, имѣть подъ рукою свѣжій запасъ. Въ виду этого согласились зайти въ Фальмутъ. 27-го числа вышли изъ Копенгагена въ пять съ половиною часовъ пополудни и снялись съ якоря при вѣтрѣ WNW. Сильные противные вѣтры не пропустили ихъ черезъ Зундъ и продержали цѣлую недѣлю въ Гельсинорѣ, въ милѣ отъ города. 2-го сентября вѣтеръ сдѣлался попутнымъ, суда снялись съ якоря и благополучно прошли Каттегатъ. На другой день однако погода измѣнилась, такъ что корабли трое сутокъ лавировали въ Скагерракѣ въ виду норвежскихъ береговъ; 6-го сентября поднялся сильный штормъ, длившійся болѣе сутокъ, во время котораго «Надежда» разлучилась съ «Невою». Судно такъ кренило на бокъ—пишетъ посланникъ, — «что не только шкафутами [1]) черпало оно воду, но и пушками на шканцахъ захватывало». Штормъ выдержали благополучно, хотя, повидимому, были въ большой опасности. Наконецъ подулъ сильный благопріятный вѣтеръ, который довелъ «Надежду» до Ярмутскаго берега. 12-го сентября встрѣтили англійское военное судно «Антилопу», которое приняло ихъ сначала за французовъ. Вскорѣ однако недоразумѣніе разъяснилось и, когда бывшій на «Антилопѣ» адмиралъ сэръ Сидней Смитъ [2]) узналъ, что корабль—русскій, то тотчасъ отправилъ на «Надежду» лейтенанта съ поздравленіемъ и «двумя анкерками рома». Его отблагодарили, пославъ кіевскаго варенья и клюквеннаго соку. Вечеромъ снова остановилъ ихъ 44 пушечный англійскій корабль «La Virginie». Обмѣнявшись привѣтствіями, командиръ «Вир-

---

[1]) Шкафутъ—мѣсто на суднѣ отъ фокъ до гротъ мачты.

[2]) Сэръ Вильямъ Сидней Смитъ, извѣстный англійскій адмиралъ, уничтожившій французскій флотъ при Сирійскомъ портѣ Акка (Saint Jean d'Acre) во время осады этого города Бонапартомъ въ 1799 году, вслѣдствіе чего Наполеонъ вскорѣ снялъ осаду и вернулся въ Египетъ.

гиніи», капитанъ Бересфордъ, прислалъ на «Надежду» лоцмана, чтобы провести ихъ каналомъ. Ночью плыли вмѣстѣ, а на другой день посланникъ, желая быть въ Лондонѣ, пересѣлъ на «Виргинію», съ которой отправился въ Ширнезъ, разсчитывая прибыть въ Фальмутъ одновременно съ нашими судами. Но внезапный штиль остановилъ путь ихъ, и посланникъ съѣхалъ на ботѣ въ Горвичѣ, откуда отправился въ Лондонъ въ почтовой каретѣ. Когда посланникъ съѣхалъ съ «Виргиніи», капитанъ Бересфордъ разставилъ въ честь его людей по вантамъ [1]) и на шканцахъ выставилъ почетный караулъ съ барабаннымъ боемъ. «Англійскіе берега»,—пишетъ посланникъ,—«покрыты судами и войсками... Вездѣ телеграфы въ безпрерывномъ дѣйствіи; и англичане весьма желаютъ десанта французовъ, бывъ увѣрены, что сіе покушеніе не можетъ непріятелю ихъ быть удачно. Порты французскіе всѣ блокированы и 20-го числа, въ сильный вѣтеръ, пробѣжали изъ Дюнкерка въ Калэ 28 канонерскихъ лодокъ, кои назначены для десанта. Здѣсь въ Лондонѣ забавляются каррикатурами, которыя всякій день наполняютъ улицы, насчетъ французовъ».

23-го сентября Резановъ прибылъ въ Фальмутъ. Здѣсь уже находились оба судна, которыя сдѣлали необходимыя починки, запаслись припасами, астрономическими инструментами и всѣмъ необходимымъ. Въ тотъ же день вышли въ море и въ теченіе семи дней пользовались попутнымъ вѣтромъ. На восьмой день хотя онъ и перемѣнился и сильно стихъ, но, лавируя, продолжали путь такъ, что на 14-й день достигли острова Тенерифа и 8-го октября бросили якорь противъ города Санта-Круцъ. Черезъ нѣсколько времени прибылъ на «Надежду» капитанъ надъ портомъ, Донъ-Карлосъ-Адона, лейтенантъ испанскаго флота, и указалъ командиру восточную сторону рейда, какъ мѣсто, самое удобное для якорной стоянки. Какъ только суда наши стали на якорь, командиръ «Надежды» послалъ лейтенанта Левенштерна къ губернатору, чтобы объявить о приходѣ русскихъ судовъ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ на «Надежду» вице-губернаторъ (Teniente del Rey) съ секретаремъ губернатора, и поздравляли посланника съ благополучнымъ прибытіемъ. Ихъ тотчасъ пригласили къ обѣду. Они сообщили, что генералъ-губернаторъ Канарскихъ острововъ, маркизъ де-ла-Каза-Кагигаль, уже предваренъ о приходѣ русскихъ судовъ и завѣряетъ, что суда наши вездѣ будутъ хорошо приняты испанскими властями и что онъ, съ своей стороны, уполномоченъ выдать открытый листъ съ королевскимъ повелѣніемъ объ оказаніи всякаго содѣйствія нашей экспедиціи. На другой день послѣ прихода въ Санта-Круцъ, посланникъ, въ сопровожденіи

---

[1]) Ванты — толстыя веревки, скрѣпляющія мачту съ боковъ и служащія веревочной лѣстницей для поднятія на верхъ мачты.

натуралистовъ Тилезіуса, Лангсдорфа, Брыкина и доктора Либанда, отправился на знаменитый Тенерифскій пикъ. Въ тотъ же день путешественники прибыли въ Пуэрто-дель Оротава,—городокъ, находящійся въ 10 миляхъ отъ Санта-Круцъ. Но здѣсь узнали они съ сожалѣніемъ, что уже прошло время, удобное для восхожденія, и вершина пика вся была покрыта снѣгомъ и льдами. Натуралисты наши собрали, однако, насколько позволило время, произведенія здѣшней природы. Лучшимъ временемъ восхожденія на пикъ считается начало лѣта. Въ Puerto del Orotava осмотрѣли они королевскій ботаническій садъ, съ прекраснымъ собраніемъ рѣдкихъ растеній. Посланникъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти сѣмена нѣкоторыхъ рѣдкихъ растеній для Павловскаго сада вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ пещерахъ, окружающихъ пикъ, видѣли они муміи гванчей, первобытныхъ обитателей острова. При этомъ случаѣ капитанъ надъ портомъ поднесъ въ подарокъ двѣ ноги и голову муміи, очень хорошо сохранившіяся. 12-го октября генералъ-губернаторъ далъ въ честь посланника большой обѣдъ, къ которому приглашены были наши офицеры и главные чины острова. Маркизъ провозгласилъ тостъ за здоровье россійскаго императора, на который посланникъ отвѣчалъ рѣчью и тостомъ за короля испанскаго. «Вѣжливости его, — пишетъ Резановъ,—я отвѣчалъ посылкою одного déjeuner изъ тѣхъ, кои, за изображеніемъ на нихъ крестовъ, въ Японіи употреблены быть не могутъ». Бесѣдуя съ посланникомъ, генералъ-губернаторъ, между прочимъ, разсказалъ ему исторію, характеризующую англичанъ,—фактъ вполнѣ достовѣрный, о которомъ въ то время говорили, такъ какъ это произошло около полугода тому назадъ. Предмѣстникомъ маркиза, въ качествѣ генералъ-губернатора, здѣсь былъ нѣкій генералъ Перласка, человѣкъ уже пожилой, который, пробывъ на островѣ много лѣтъ, рѣшилъ оставить службу и вернуться въ Испанію. Сѣвъ на корабль, направился онъ къ испанскимъ берегамъ, но, не доѣзжая мыса Сенъ-Винцента, судно атаковано было англійскимъ корсаромъ, который захватилъ ихъ корабль. Не довольствуясь захватомъ ихъ собственности, англичане настолько грубо обращались съ испанцами, что даже 66-лѣтняго старика-генерала все время держали на простой матросской пищѣ. Продолжалось это 41 день, пока случайно другое англійское судно не встрѣтило ихъ, и, увидѣвъ безчеловѣчіе своихъ соотечественниковъ, выручило старика, выпросивъ его себѣ. Вскорѣ высадили его на Азорскіе острова, откуда, наконецъ, достигъ онъ Испаніи. На рейдѣ, въ Санта-Круцъ, «видѣли мы множество французскихъ корсаровъ,—ремесло, которое здѣсь, повидимому, не почитается безчестнымъ». Объ испанской администраціи и мѣстныхъ порядкахъ Резановъ сообщаетъ слѣдующее: «Гишпанцы,—говоритъ онъ, — сколь по характеру ихъ ни подозрительны, но насъ

приняли съ отличнымъ уваженіемъ. Большая часть изъ нихъ — люди безъ воспитанія и фанатики. Святая инквизиція держитъ не токмо чернь, но и дворянство въ невѣжествѣ, и запрещеніемъ книгъ[1]) пресѣкаетъ всѣ способы къ просвѣщенію. Генералъ-губернаторъ острововъ здѣшнихъ, маркизъ де-ла-Каза-Кагигаль, человѣкъ благовоспитанный и выше всѣхъ предразсудковъ, но не имѣетъ возможности распространенію наукъ способствовать. Главный инквизиторъ, епископъ, живетъ на Большомъ Канарскомъ островѣ, а здѣсь имѣетъ двухъ помощниковъ и можетъ весьма легко лишить мѣста самого начальника посредствомъ сарагосскаго архіепископа, который, пользуясь набожностью государя, страшенъ всѣмъ подданнымъ. Здѣсь духовенство блаженствуетъ: всюду монастыри, часовни, кресты, и жирные пастыри, подъ разными предлогами благочестія, обираютъ такъ овецъ своихъ, что на черни бѣдное рубище только-что прикрываетъ наготу тѣла. Здѣсь генералъ-губернаторъ получаетъ въ годъ жалованья 6.000, а первый инквизиторъ, епископъ,—40.000 піастровъ. Удивительно, какъ далече эта нація у всѣхъ назади осталась».

Въ заключеніе Резановъ упоминаетъ еще объ одномъ событіи — огромномъ наводненіи, бывшемъ на островѣ Мадерѣ дней за десять до его прихода на Тенерифъ. Наводненіе началось въ 10 час. вечера, и черезъ полчаса третья часть города Фунчала покрыта была водою; множество домовъ было разрушено и болѣе пяти-сотъ человѣкъ погибло. «Увѣряютъ,—говоритъ Резановъ,—что еслибы еще на четверть часа продолжалась прибыль воды, то весь городъ былъ бы поглощенъ наводненіемъ».

15-го октября экспедиція вышла изъ Тенерифа и черезъ мѣсяцъ, 14-го ноября, въ 10 часовъ пополудни, совершенъ былъ переходъ черезъ экваторъ. Въ этотъ день, «въ ознаменованіе благополучнаго перехода россійскаго флага въ первый разъ черезъ экваторъ», посланникъ приказалъ, отъ имени Его Императорскаго Величества, выдать въ поощреніе трудовъ нижнимъ чинамъ «Надежды» и «Невы» по одному піастру на человѣка. Декабря 9-го стараго стиля оба судна прибыли къ бразильскимъ берегамъ и стали на якорѣ у острова Св. Екатерины. Мѣстный губернаторъ, Шевалье донъ-Хозе-де-Курадо, оказался въ высшей степени любезнымъ, радушнымъ и внимательнымъ хозяиномъ. Посланника онъ пригласилъ на время пребыванія помѣститься у него, а офицеры

---

[1]) Извѣстный путешественникъ, Дюмонъ-Дюрвиль, бывшій здѣсь въ 20-хъ годахъ, разсказываетъ, что въ Санта-Крузѣ инквизиція запретила книгу чисто научнаго характера изъ-за одного ея заглавія: «Les surfaces de révolution», т. е. «О плоскостяхъ вращенія тѣлъ». Оказалось, что слово «révolution» святые отцы сочли намекомъ на внутренніе раздоры, терзавшіе Европу.

Прим. автора.

наши ежедневно должны были у него обѣдать. Въ виду отдыха послѣ столь продолжительнаго плаванія, освѣженія припасовъ и совершенія нѣкоторыхъ починокъ, предположено остановиться здѣсь на недѣлю. Между тѣмъ, болѣе тщательный осмотръ кораблей обнаружилъ настолько серьезныя поврежденія и недостатки, что экспедиціи пришлось задержаться здѣсь болѣе шести недѣль. По этому поводу довольно любопытнымъ документомъ можетъ служить донесеніе главнаго правленія Русско-Американской компаніи на имя министра коммерціи, графа Румянцева, изъ котораго видно, что на «Надеждѣ» гротъ и фокъ сгнили и что оба судна, купленныя въ Лондонѣ по очень дорогой цѣнѣ, вовсе не новыя, за каковыя они пріобрѣтены К. Л. Лисянскимъ. Вотъ что, между прочимъ, говорится по этому поводу: «По разсмотрѣніи бумагъ, полученныхъ минувшаго августа 6-го числа съ острова святыя Екатерины изъ экспедиціи, кругомъ свѣта отправленной, видно что сей корабль «Надежда» (который купленъ въ Лондонѣ капитанъ-лейтенантомъ Лисянскимъ за самый крѣпкій и прочный, и только-что въ 1800 году построенный), найденъ штурманомъ XII класса, Каменщиковымъ, старымъ уже девять лѣтъ, ибо усмотрѣно имъ внизу корабля выжженное клеймо того года (слѣдовательно, построенъ въ 1799 году), и что связи, на коихъ утверждены палубы, такъ сгнили, что крошатся отъ руки. О старости корабля подтвердили въ Тенерифѣ и французы, увѣрившіе, что сей корабль былъ у нихъ въ полону, что очень кажется быть имовѣрнымъ потому, что двѣ мачты сего корабля, съ коими онъ былъ купленъ, были разстрѣляны ядрами и перемѣнены новыми въ Кронштадтѣ. Равнымъ образомъ и о другомъ кораблѣ, «Невѣ» (купленномъ Лясинскимъ же), по рапорту корабельнаго подмастерья Корюкина, отзываются, что и оный должно во многомъ починить и исправить».

Во время пребыванія экспедиціи въ Бразиліи впервые стали обнаруживаться враждебныя отношенія командировъ къ посланнику. Уже по выходѣ изъ Кронштадта чуткій умъ Резанова сразу замѣтилъ щекотливость своего положенія, будучи поставленъ во главѣ экспедиціи, командованіе которой, въ виду Высочайшей воли о японскомъ посольствѣ, было отнято у обоихъ командировъ. Онъ былъ бѣльмомъ на глазу обоихъ лейтенантовъ, и это чувство, очевидно, должно было лечь въ основаніе будущихъ отношеній. Умный, образованный, тактичный, по природѣ крайне деликатный, Резановъ тщательно старался избѣгать всего, что могло бы какимъ-нибудь образомъ затронуть самолюбіе ихъ, какъ командировъ и военныхъ, и держался въ этомъ смыслѣ на «Надеждѣ», какъ простой пассажиръ, отдавая справедливую дань уваженія уму и способности Крузенштерна, какъ опытнаго морскаго офицера. Мало того, изъ всеподданнѣйшаго донесенія его уже по прибытіи

въ Японію, когда мелкія придирки и явная злоба Крузенштерна чуть не довели его до нервнаго удара, мы увидимъ ниже, что онъ всегда съ похвалою отзывался о его дѣятельности, какъ моряка, и просилъ ему даже награды. Переходъ изъ Тенерифа до Бразиліи былъ въ этомъ отношеніи еще сносенъ.

Но, по прибытіи на островъ св. Екатерины, придирки Крузенштерна стали принимать явно дерзкій характеръ. Такъ, когда Резановъ, на основаніи данной ему инструкціи на случай неожиданнаго разлученія судовъ, послалъ Лисянскому необходимыя наставленія, касающіяся хозяйственной и экономической части для исполненія ихъ по прибытіи на островъ Кадьякъ, о чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ и Крузенштерна особымъ письмомъ, прося и его снабдить съ своей стороны Лисянскаго необходимыми указаніями, касающимися самого плаванія, то Лисянскій не только не отвѣтилъ посланнику, но даже вернулъ ему обратно его письмо подъ предлогомъ, что оно доставлено ему не «по командѣ», т. е. не черезъ Крузенштерна. Самъ же Крузенштернъ тремя письмами требовалъ отъ Резанова объясненія, на какомъ основаніи онъ, Резановъ, лишаетъ его правъ начальства надъ экспедиціей, непосредственно ему отъ компаніи ввѣренной, и нарушаетъ дисциплину и т. п.

25-го декабря 1803 года посланникъ писалъ къ директорамъ русско-американской компаніи: «Съ сердечнымъ прискорбіемъ долженъ я сказать вамъ, милостивые государи, что г. Крузенштернъ преступилъ уже всѣ границы повиновенія: онъ ставитъ противъ меня морскихъ офицеровъ и не только не уважаетъ сдѣланной вами мнѣ довѣренности, но и самыя Высочайшія порученія, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ мнѣ данныя, не считаетъ для исполненія своего достаточными. Онъ отозвался, что не слѣдуетъ Лисянскому принимать отъ меня никакихъ повелѣній, такъ какъ онъ (Крузенштернъ) главный начальникъ и что мое дѣло сидѣть на кораблѣ до Японіи, гдѣ онъ знаетъ, что поручено мнѣ посольство»... Въ этомъ же донесеніи впервые упоминается о кавалерѣ посольства, графѣ Толстомъ, впослѣдствіи получившемъ извѣстность въ московскихъ кружкахъ подъ именемъ «Американца». Извѣстный князь П. А. Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ довольно часто говоритъ о Толстомъ «Американцѣ», хотя, кажется, не объясняетъ происхожденія этого прозвища. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, не ошибаясь, что грибоѣдовскія строфы изъ «Горе отъ ума»:

> ... ночной разбойникъ, дуэлистъ...
> Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ,
> и т. д.

относятся именно къ этому графу Ф. И. Толстому-Американцу. Вотъ что говоритъ о немъ Резановъ: «Крузенштернъ взялъ себѣ въ това-

рищи гвардіи подпоручика Толстова, человѣка безъ всякихъ правилъ и не чтущаго ни Бога, ни власти, отъ него поставленной. Сей развращенный молодой человѣкъ производитъ всякій день ссоры, оскорбляетъ всѣхъ, безпрестанно сквернословитъ и ругаетъ меня безъ пощады — и вотъ положеніе, въ которое ввергло меня безпредѣльное мое къ службѣ усердіе». Подобное поведеніе подпоручика графа Толстаго особенно странно уже потому, что онъ, какъ сухопутный офицеръ, не входившій въ составъ флотскихъ чиновъ экспедиціи, былъ непосредственно подчиненъ Резанову, въ качествѣ кавалера посольской его свиты. О «буйствѣ» этого офицера во время плаванія, за которое онъ въ концѣ концовъ и былъ высаженъ посланникомъ въ Камчаткѣ и отправленъ въ Петербургъ, мы упомянемъ въ свое время, когда коснемся прихода экспедиціи къ Маркизскимъ островамъ.

20-го января 1804 года Резановъ пишетъ изъ Бразиліи графу Румянцеву: «мы ожидаемъ теперь благопріятнаго вѣтра, но когда пойдемъ, донести не могу по неповиновенію г. Крузенштерна, не говорящаго со мною ни слова о его плаваніи. Не знаю, какъ удастся мнѣ совершить миссію, но смѣю васъ увѣрить, что дурачества его не истощатъ моего терпѣнія, и я рѣшилъ все вынести, чтобы только достигнуть успѣха».

Ожидаемый благопріятный вѣтеръ наконецъ появился, и утромъ 23-го января экспедиція оставила бразильскіе берега послѣ слишкомъ шестинедѣльной стоянки, вызванной, какъ уже сказано выше, необходимостью починки обоихъ кораблей. Съ острова св. Екатерины, согласно инструкціи, направили курсъ къ югу и, минуя проливы Магеллана и Лемера, обогнули мысъ Горнъ, дойдя до 60° южной широты, и затѣмъ поднялись къ сѣверо-западу по направленію къ островамъ Маркизскимъ. Переходъ этотъ былъ весьма продолжителенъ и крайне тяжелый: сильнѣйшіе штормы, свирѣпствовавшіе въ этихъ водахъ, причинили судамъ значительныя поврежденія и разлучили на время оба корабля. Пройдя мысъ Горнъ, на «Надеждѣ» стала показываться течь, вслѣдствіе чего, желая избѣгнуть опасности, Крузенштернъ предложилъ сократить путь и отъ Сандвичевыхъ островов, не заходя въ Японію, идти кратчайшимъ путемъ къ Камчаткѣ, гдѣ произвести необходимыя починки и выгрузить часть компанейскихъ товаровъ. Посланникъ «охотно согласился послѣдовать благоразумному совѣту опытнаго морскаго офицера», въ виду столь серьезныхъ соображеній и рѣшилъ отсрочить посольство, намѣреваясь идти въ Нагасаки изъ Петропавловска.

Апрѣля 25-го 1804 года прибыли къ островамъ Маркизскимъ и стали на якорѣ у острова Нукагива, куда черезъ два дня благополучно прибыла и «Нева». Во время пребыванія на этихъ островахъ и произошелъ тотъ невѣроятный инцидентъ, который Резановъ называетъ «прискорбнымъ происшествіемъ на островахъ Мендозиныхъ» и который

является открытымъ бунтомъ офицеровъ, съ командирами во главѣ, противъ начальника экспедиціи — Резанова.

Когда по прибытіи въ Нукагиву, по приказанію Крузенштерна, лейтенанту Ромбергу и доктору Эспенбергу поручено было вымѣнивать у дикихъ жизненные припасы на разныя вещи, то посланникъ, желая пріобрѣсти для императорской кунстъ-камеры этнографическую коллекцію, также приказалъ приказчикамъ компаніи пріобрѣтать у туземцевъ, посредствомъ обмѣна, разные предметы ихъ обихода. Сначала обратился онъ къ командиру «Надежды» и просилъ его содѣйствія; тотъ обѣщалъ, но когда послѣ обмѣна желѣза на кокосы и хлѣбные плоды стали пріобрѣтать у дикихъ разныя для европейцевъ рѣдкости, то приказчиковъ компаніи не только къ обмѣну не допускали, но даже отобрали у нихъ все то, что они пріобрѣли на берегу по порученію посольства. Вотъ что говоритъ по этому поводу самъ Резановъ: «чувствуя таковыя наглости, увидя на другой день на шканцахъ Крузенштерна, что было мая 2-го числа, сказалъ я ему: не стыдно ли вамъ такъ ребячиться и утѣшаться тѣмъ, что не давать мнѣ способовъ къ исполненію на меня возложеннаго? — Вдругъ закричалъ онъ на меня: «какъ вы смѣли мнѣ сказать, что я ребячусь». — «Такъ-то, сударь мой, сказалъ я, весьма смѣю, какъ начальникъ вашъ».—«Вы начальникъ! Можетъ ли это быть? Знаете ли, что я поступлю съ вами, какъ не ожидаете?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я, не знаю; не думаете ли и меня на бакѣ [1]) держать, какъ Курляндцева? Матросы васъ не послушаютъ, и я сказываю вамъ, что если коснетесь только меня, то чиновъ лишены будете. Вы забыли законы и уваженіе, которымъ вы и одному чину моему уже обязаны». Потомъ удалился я въ свою каюту. Немного спустя вбѣжалъ ко мнѣ капитанъ, какъ бѣшеный, крича: «какъ вы смѣли сказать, что я ребячусь, знаете ли, что есть шканцы? увидите, что я съ вами сдѣлаю». Видя буйство его, позвалъ я къ себѣ надворнаго совѣтника Фоссе, титулярнаго совѣтника Брыкина и академика Курляндцева, приказавъ имъ быть въ каютѣ и защитить меня отъ дальнихъ наглостей, кои мнѣ были обѣщаны. Потомъ капитанъ ѣздилъ на «Неву» и вскорѣ возвратился, крича: «вотъ я его проучу». Спустя нѣсколько времени пріѣхали съ «Невы» капитанъ-лейтенантъ Лисянскій и мичманъ Бергъ, созвали экипажъ, объявили, что я самозванецъ, и многія дѣлали мнѣ оскорбленія, которыя, наконецъ, при изнуренныхъ уже силахъ, повергли меня безъ чувствъ. Вдругъ положено вытащить меня на шканцы къ суду. Гвардіи подпоручикъ графъ Толстой бросился было ко мнѣ, но его схватили и послали лейтенанта Ромберга, который, пришедъ ко мнѣ, сказалъ: «извольте идти на шканцы, офицеры обоихъ кораблей васъ ожидаютъ». Измученный, лежа почти

[1]) Бакъ—мѣсто на суднѣ отъ носа до гротъ-мачты.

безъ чувствъ, Резановъ отказался слѣдовать за нимъ. Въ это время снова вбѣжалъ къ нему Крузенштернъ и съ крикомъ требовалъ прочтенія инструкціи, говоря, что оба корабля находятся въ неизвѣстности о начальствѣ и что онъ «не знаетъ, что дѣлать». Тогда, чтобы покончить со всѣмъ этимъ, посланникъ рѣшилъ выдти на верхъ съ высочайшими повелѣніями. Когда прочелъ онъ высочайшій рескриптъ и повелѣнія, поручавшія ему начальство, услышалъ онъ хохотъ и вопросы: «кто подписалъ?» Резановъ отвѣчалъ: «государь вашъ Александръ».—«Да кто писалъ?»—«Не знаю»,—возразилъ посолъ.—«То-то»,—кричалъ Лисянскій, «мы хотимъ знать, кто писалъ, а подписать-то знаемъ, что онъ все подпишетъ». Пораженный такими невѣроятными рѣчами, такими неслыханными по дерзости своей словами, произнесенными русскимъ офицеромъ, посланникъ стоялъ ошеломленный, а между тѣмъ снова продолжались шумъ и крики, и офицеры (кромѣ лейтенанта Головачева) подходили къ посланнику, говоря: «ступайте, ступайте съ вашими указами, нѣтъ у насъ начальника кромѣ Крузенштерна». А лейтенантъ Ратмановъ, ругаясь, говорилъ: «еще онъ прокуроръ, а не знаетъ законовъ, что гдѣ объявляетъ указы» и «ругая по матерну», кричалъ: «его, скота, заколотить въ каюту!» Какова была дисциплина, какова роль обоихъ командировъ, едва-ли требуются комментаріи. Безобразная картина эта говоритъ сама за себя. Истерзанный, истомленный всѣми этими выходками, Резановъ удалился въ свою каюту, которую и не покидалъ до самаго прихода въ Петропавловскъ. Перенося ужасный тропическій зной, страдая отъ духоты, рѣшился онъ лишить себя воздуха, чтобы только имѣть спокойствіе и уединеніе. Результатомъ всего этого явился полный упадокъ силъ и сильнѣйшая нервная болѣзнь, во время которой судовой врачъ ни разу не посѣтилъ больнаго, хотя на кораблѣ всѣ знали, что посланникъ сильно занемогъ.

На девятый день стоянки вышли изъ Нукагивы и, придя къ группѣ Сандвичевой, стали на якорѣ у острова Овайхи. Здѣсь суда раздѣлились: «Нева» взяла курсъ прямо на сѣверъ къ острову Кадьяку, а «Надежда» направилась къ Камчаткѣ и 4-го іюля 1804 года прибыла въ Петропавловскъ.

Посланникъ тотчасъ съѣхалъ на берегъ и помѣстился въ домѣ командира Петропавловскаго порта. Несмотря на свою энергію и желаніе выполнить возложенную на него миссію, онъ рѣшился не ѣхать въ Японію, такъ какъ невозможное его положеніе на кораблѣ и личныя отношенія съ Крузенштерномъ заставляли его опасаться новыхъ выходокъ со стороны послѣдняго, а въ Японіи это могло бы привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Онъ рѣшилъ поэтому прежде всего написать о всѣхъ происшествіяхъ лично государю. Съ этой цѣлью, на другой же день по прибытіи въ Петропавловскъ, онъ послалъ съ эста-

фетою письмо къ ближайшему представителю административной власти въ Камчаткѣ, генералъ-маіору Кошелеву, бывшему въ то время комендантомъ въ г. Нижне-Камчатскѣ.

Вотъ, что писалъ ему Резановъ:

«Имѣю я крайнюю нужду видѣться съ вашимъ превосходительствомъ и по высочайше ввѣреннымъ мнѣ отъ государя императора порученіямъ получить нужное отъ васъ, какъ начальника края, пособіе. У меня на кораблѣ взбунтовались въ пути морскіе офицеры. Вы не можете себѣ представить, сколь много я вытерпѣлъ огорченія и насилу могъ съ буйными умами дойти до отечества. Сколь ни прискорбно мнѣ, соверша столь многотрудный путь, остановить экспедицію, но при всемъ моемъ усердіи не могу я исполнить японскаго посольства и особливо, когда однѣ наглости офицеровъ могутъ произвесть неудачу и разстроить навсегда государственные виды. Я рѣшилъ отправиться къ государю и ожидаю только васъ, чтобы сдать, какъ начальствующему краемъ, всю ввѣренную мнѣ экспедицію».

Тѣмъ временемъ стали выгружать компанейскіе товары, при чемъ Резановъ распорядился о безденежномъ снабженіи продуктами мѣстный баталіонъ, госпиталь и нѣкоторыхъ бѣднѣйшихъ жителей. Во все это время непріязненныя отношенія Крузенштерна къ посланнику повидимому продолжались: такъ, при выгрузкѣ товаровъ русско-американской компаніи командиръ «Надежды» запретилъ матросамъ переносить товары даже за деньги.

Въ августѣ генералъ-маіоръ Кошелевъ прибылъ въ Петропавловскъ въ сопровожденіи военной команды и по просьбѣ посланника приступилъ къ формальному слѣдствію, которое продолжалось около недѣли. Пригласивъ къ себѣ командира и офицеровъ, Кошелевъ допрашивалъ ихъ въ присутствіи Резанова, записывая всѣ показанія. Видя, что дѣло принимаетъ неблагопріятный для него оборотъ и что Кошелевъ собирается черезъ сибирскаго генералъ-губернатора Селифонтова возбудить дѣло объ отрѣшеніи его отъ командованія судномъ, Крузенштернъ рѣшился принести повинную и лично просилъ Кошелева покончить это дѣло миромъ, изъявивъ полную готовность принести посланнику публичное извиненіе. Примиреніе произошло 8-го августа въ квартирѣ посланника, куда Крузенштернъ явился вмѣстѣ съ офицерами въ полной парадной формѣ. Въ тотъ же день Резановъ написалъ генералу Кошелеву слѣдующее письмо:

«Милостивый государь мой, Павелъ Ивановичъ!

Хотя и препроводилъ я къ вашему превосходительству при отношеніи моемъ о непріятныхъ со мною въ пути происшествіяхъ записку съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь мой, справедливость оной черезъ всѣхъ чиновниковъ и экипажъ корабля «Надежда» изслѣдовавъ, донесли Его Императорскому Величеству; но какъ раскаяніе господъ офицеровъ, въ присутствіи вашемъ принесенное, можетъ быть мнѣ впередъ порукою въ повиновеніи ихъ, а польза отечества, на которую посвятилъ я уже всю жизнь мою, ста-

вить меня выше всѣхъ личныхъ мнѣ оскорбленій, лишь бы только успѣлъ я достичь моей цѣли, то весьма охотно все случившееся предаю забвенію и покорнѣйше прошу васъ оставить бумагу мою безъ дѣйствія; о каковомъ согласіи всея ввѣренныя мнѣ экспедиціи всеподданнѣйше донесу Его Императорскому Величеству».

Изъ Петропавловска Резановъ отправилъ два всеподданнѣйшихъ рапорта государю императору (отъ 16 и 17 августа), въ которыхъ описывалъ путь экспедиціи отъ Бразиліи до Камчатки. Въ послѣднемъ донесеніи своемъ онъ, между прочимъ, упоминаетъ о новомъ спутникѣ, захваченномъ ими случайно на островѣ Нукагива. Это былъ французъ, по имени Жозефъ Кабре, родомъ изъ Бордо, попавшій вмѣстѣ съ англичаниномъ Робертсомъ въ плѣнъ къ дикимъ. На Нукагивѣ они пробыли много лѣтъ и подъ конецъ совершенно одичали. Оба были татуированы подобно нукагивцамъ и женаты на дочеряхъ мѣстнаго владѣтеля. На корабляхъ нашихъ офицеры и матросы ихъ приласкали и вскорѣ узнали отъ нихъ всю исторію ихъ плѣна и жизни среди островитянъ. Они оказались очень полезными нашимъ морякамъ въ качествѣ переводчиковъ и посредниковъ при переговорахъ и мѣновой торговлѣ съ дикарями. Въ день отплытія экспедиціи изъ Нукагивы, французъ Кабре, находившійся на «Надеждѣ», замѣшкался на кораблѣ и не успѣлъ во-время сойти на берегъ. Въ это время внезапно поднялся сильный вѣтеръ, принудившій «Надежду» сняться съ якоря и немедленно выдти въ открытое море. «Сей одичавшій европеецъ,—пишетъ Резановъ,—былъ неутѣшенъ, разлучась съ своимъ семействомъ; онъ даже хотѣлъ пуститься въ море на доскѣ, но множество рекеновъ (акулъ?) остановили смѣлость его. Итакъ, противъ чаянія, сей бордосскій уроженецъ умножилъ собою число нашихъ спутниковъ. Здѣсь, въ Камчаткѣ, полюбилъ онъ генерала Кошелева и захотѣлъ остаться. Доставя Камчаткѣ новаго гражданина, долгомъ себѣ поставляю донести Вашему Императорскому Величеству».

Во время стоянки «Надежды» въ Петропавловскѣ заболѣлъ одинъ изъ членовъ экспедиціи, академикъ Курляндцевъ (художникъ экспедиціи), и настолько серьезно, что его пришлось отправить обратно въ Россію сухимъ путемъ черезъ Сибирь. Для ухода за больнымъ и сопровожденія его въ пути, при немъ оставленъ кандидатъ медицины Брыкинъ, котораго тоже списали съ «Надежды». Наконецъ, въ Петропавловскѣ же, высаженъ былъ «enfant terrible» экспедиціи, подпоручикъ графъ Толстой, «дурачества» котораго и здѣсь повидимому не прекращались. Выведенный изъ терпѣнія его поведеніемъ, Резановъ рѣшился оставить его въ Камчаткѣ и отправить отсюда въ Петербургъ для сдачи на руки «по начальству».

Въ письмѣ своемъ къ генералъ-губернатору Селифонтову отъ 18-го

августа, Резановъ, между прочимъ, говоритъ: «Я возвращаю также лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручика графа Толстаго, раздоры во всей экспедиціи посѣявшаго, и всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство, когда прибудетъ онъ въ Иркутскъ, то принять начальничьи мѣры ваши, чтобы онъ не проживалъ въ Москвѣ и дѣйствительно къ полку явился. Я доносилъ уже изъ Бразиліи Его Императорскому Величеству о его шалостяхъ и что исключилъ я его изъ миссіи, а нынѣ повторилъ въ донесеніи моемъ».

На мѣсто графа Толстаго взятъ былъ въ число кавалеровъ посольства братъ нижне-камчатскаго коменданта, поручикъ Дмитрій Ивановичъ Кошелевъ, а также, для большей представительности посольства въ качествѣ почетнаго караула при посланникѣ, семь человѣкъ рядовыхъ, собою видныхъ солдатъ, съ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ. Они находились подъ командой капитана Ѳедорова.

26-го августа 1804 года, оставивъ Петропавловскую гавань, «Надежда» вышла въ открытое море, держа курсъ къ югу, по направленію къ Японскимъ берегамъ.

ГЛАВА III.

Пребываніе посольства въ Нагасаки.

Въ виду Японіи. — Празднованіе коронаціи государя. — Рѣчь посланника на шканцахъ.—Тифонъ.—Входъ въ Нагасакскую бухту.—Первые японцы.—Прибытіе голландцевъ на «Надежду».—Директоръ Дѣффъ.—Исторія голландской факторіи въ Нагасаки.—Переѣздъ посольства на берегъ.—Жизнь посольства въ Мегасаки.—Прибытіе уполномоченнаго изъ Едо. — Аудіенція и переговоры.—Отвѣтъ японскаго правительства.—Причина отказа.—Заключеніе.

Выйдя изъ Петропавловска 26-го августа, а 27-го изъ Авачинской губы, «Надежда» взяла курсъ къ югу по направленію Курильскихъ острововъ. Сначала вѣтеръ былъ довольно благопріятный, но приближалось уже время осенняго равноденствія, что́ предвѣщало въ этихъ водахъ сильныя бури. Августа 30-го выдержали довольно сильный штормъ въ параллели Курильскихъ островоъ, который, однако, скоро прекратился, и плаваніе продолжало сьуспѣшно. Наконецъ, 15-го сентября, въ самый день коронованія государя Александра Павловича, показались вдали берега Японіи. Погода стояла великолѣпная. Ровно въ полдень, офицеры и команда «Надежды» собраны были на верхней палубѣ, и посланникъ, въ сопровожденіи посольской свиты и членовъ экспедиціи, вышелъ на шканцы, гдѣ, послѣ раздачи медалей, обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующею рѣчью:

«Россіяне! Обошедъ вселенную, видимъ мы себя, наконецъ, въ водахъ японскихъ! Любовь къ отечеству, мужество, презрѣніе опасностей—суть черты,

изображающія россійскихъ мореходовъ; суть добродѣтели, всѣмъ россіянамъ вообще свойственныя. Вамъ, опытные путеводцы, принадлежитъ и теперь благодарность вашихъ соотчичей! Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свѣтъ никогда лишить васъ не въ силахъ! Вамъ, достойные сотрудники мои, предстоитъ совершеніе другаго достохвальнаго подвига и открытіе новыхъ источниковъ богатствъ! А вы, неустрашимыя чады морскихъ ополченій, восхищайтесь успѣхомъ ревностнаго вашего содѣйствія! Соединимъ же сердца и души наши къ исполненію воли монарха, пославшаго насъ, монарха, столь праведно нами обожаемаго! Итакъ, благодарность къ августѣйшему государю нашему да одушевляетъ всѣ наши чувства. День сей, друзья мои, знаменитъ въ отечествѣ нашемъ; но онъ еще будетъ знаменитѣе тѣмъ, что сыны его въ первый разъ проникаютъ въ пространства имперіи Японской, и побѣдоносный флагъ Россіи ознакомливается съ водами нагасакскими. Уполномоченъ будучи отъ великаго государя нашего быть свидѣтелемъ подвиговъ вашихъ, столь же лестно мнѣ было раздѣлять съ вами труды и опасности, сколь пріятно нынѣ торжественно изъявить вамъ ту признательность, которая въ нѣдрахъ любезнаго нашего отечества всѣхъ насъ ожидаетъ. Празднуя въ водахъ японскихъ день высочайшей Его Императорскаго Величества коронаціи, дѣлаю я оный для заслугъ вашихъ памятнымъ. Зрите здѣсь изображеніе великаго государя, примите въ немъ мзду вашу и украсьтесь симъ отличіемъ, безпредѣльными трудами и усердіемъ пріобрѣтеннымъ. Помните всечасно, что оно еще болѣе обязываетъ васъ къ строгому храненію долга, коимъ славны предки ваши, и въ восторгѣ славы благословляйте царствованіе, въ которое заслуги послѣдняго подданнаго и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ свѣта предъ монаршимъ престоломъ никогда не забвенны».

Въ этотъ день, по распоряженію посланника, нижнимъ чинамъ выдано, изъ суммъ компаніи, по серебряному рублю на человѣка. За обѣдомъ въ каютъ-кампаніи, разукрашенной оружіемъ и флагами, Крузенштернъ, послѣ тоста посланника за здоровье государя, пилъ здоровье Резанова съ пожеланіями успѣха посольству. Офицеры «Надежды» съ своей стороны сдѣлали посланнику шумныя оваціи и съ криками «ура!» качали на рукахъ.

Курсъ продолжали держать къ югу, по направленію къ Ванъ-Дименову проливу; къ сожалѣнію, морскія карты, которыми пользовалась экспедиція, составленныя на основаніи старыхъ путешествій голландцевъ, были крайне плохи, и берега Японскаго архипелага нанесены настолько неправильно, что послѣдніе на самомъ дѣлѣ оказались гораздо западнѣе. Съ утра 19-го сентября начался сильный штормъ, который къ 4 часамъ пополудни превратился въ такъ называемый «тифонъ» (по-японски тайфунъ), жесточайшій ураганъ, который свирѣпствуетъ обыкновенно въ японскихъ водахъ въ періодъ осенняго равноденствія.

Вотъ какъ описываетъ это происшествіе Резановъ въ письмѣ своемъ къ государю, отправленномъ по прибытіи въ Нагасаки [1]):

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо Резанова къ императору Александру изъ Нагасаки отъ 15 (27) октября 1804 г. Арх. М. И. Д.

«Сентября 19 числа, вблизи береговъ японскихъ, въ 31°,7′ сѣв. широты и 145° вост. долготы отъ Гренвича, претерпѣли мы столь рѣдкій штормъ, что я нахожу достойнымъ описать его вкратцѣ Вашему Императорскому Величеству: вѣтеръ свѣжѣлъ съ утра постепенно, и барометръ понижался. Крузенштернъ, капитанъ нашъ, успѣлъ убрать заблаговременно всѣ паруса и, наконецъ, поставилъ уже одни штормовые стаксели [1]). Въ $3^1/_2$ часа пополудни, сдѣлался столь сильный вѣтеръ, что громадныя волны океана обратилъ въ пыль, смѣшанную съ атмосферою и, неослабно продолжаясь, рвалъ безъ всякаго милосердія. Руль закрѣпленъ. Наконецъ, стаксели вырвало, и нельзя было нести ни одного паруса; галлерею и корму обломало; вода лилась въ каюты и черезъ бортъ; мгла не позволяла видѣть даже гротъ мачты; барометръ, чего ни въ одномъ путешествіи не случалось, понизился ниже всѣхъ дѣленій, такъ что ртуть упала и три часа не было ея видно. Пыль, смѣшавшаяся съ атмосферою, била въ лицо столь больно, что стоять было не можно, ибо самое дно морское всколебалось, такъ что на другой день на марсахъ [2]) и снастяхъ были песокъ и ракушки. Въ семъ положеніи, не видя спасенія, ожидали мы уже спокойно своей участи и того часа, когда ударимся о берегъ, на которой несло насъ; но Провидѣнію угодно было спасти насъ еще чудеснѣйшимъ образомъ. Въ 8 часовъ ночи ударилъ валъ въ корму съ такою силою, что оглушилъ многихъ и черезъ минуту, другой, еще сильнѣе прежняго, вышибъ съ кормы окна, и мы въ каютахъ въ одну минуту по поясъ въ водѣ очутились; въ люки шла она столбами, залила свѣчи, и мы едва успѣли закрыть сходы въ нижнюю палубу, которая начала уже водою наливаться. Сильное бросаніе корабля съ боку на другой облегчило оный сбѣжаніемъ воды въ шпигаты [3]) и мы, захватя окна ставнями, держали ихъ упорами аншпуговъ; но въ самый сей критическій часъ, вѣтеръ съ такою же силою вдругъ отошелъ на 8 румбовъ и понесъ насъ отъ берега. Съ полуночи началъ стихать онъ, и спорныя его силы остановили волненіе, въ которомъ непремѣнно бы мы мачтъ лишиться должны были. Я не смѣю опредѣлить, далече ли мы были отъ берега, но только по утру мы оный увидѣли. Капитанъ, офицеры и экипажъ безстрашно работали. Судно, однакожъ, въ составѣ своемъ, какъ и такелажъ, остались безъ большаго поврежденія. Въ таковомъ неудобномъ положеніи проходили мы проливъ Діемена (Ванъ-Дименовъ), имѣя острова Ликеи къ югу, а не къ сѣверу, какъ на картахъ Аросмита [4]) показано, и нашли тутъ оконечность провинціи Сацумы».

26-го сентября 1804 года, ровно черезъ мѣсяцъ по выходѣ изъ Петропавловска, «Надежда» прибыла въ Нагасаки. Не доходя до залива, въ открытомъ морѣ, имъ попалась навстрѣчу японская рыбачья лодка; японцы, бывшіе на «Надеждѣ» [5]), окликнули ее и стали говорить съ рыбаками по-японски, приглашая ихъ на корабль. Удивленные рыбаки, слыша японскую рѣчь на чужеземномъ кораблѣ, сначала не рѣшились

---

[1]) Стаксели—косые паруса, служащіе добавленіемъ общей парусности.

[2]) Марсы—площадка на верху мачты.

[3]) Шпигаты—отверстія въ палубѣ у борта, служащія для стока воды.

[4]) Антонъ Арроусмитъ (Arrowsmith), извѣстный англійскій картографъ 1772 † 1823.

[5]) Японцы, взятые въ Россію, о которыхъ упомянуто въ I главѣ.

подплыть ближе, но, ободренные своими земляками, согласились, наконецъ, войти на корабль. Они сообщили, что японскія власти уже четыре дня какъ извѣщены огнями о приближеніи ихъ корабля и что навстрѣчу имъ будутъ скоро высланы чиновники. Черезъ полчаса по отъѣздѣ рыбаковъ, командиръ приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ орудія, и вскорѣ затѣмъ показалось японское судно съ чиновниками. Когда судно приблизилось къ «Надеждѣ», Резановъ велѣлъ вручить японскимъ чиновникамъ слѣдующую записку на голландскомъ языкѣ:

«Отъ великаго императора всея Россіи къ его тензинкубоскому величеству, великому императору японскому камергеръ Резановъ отправленъ посломъ для поднесенія его величеству даровъ и возвращенія 4 человѣкъ его подданныхъ. Отправился изъ престольнаго города С.-Петербурга іюля 26-го минувшаго года и прибылъ сюда сентября 26-го настоящаго года. Проситъ японское правительство о присылкѣ лоцмана для провода корабля въ Нагасакскую гавань».

Прочитавъ записку, чиновники провели «Надежду» къ самому входу въ бухту, гдѣ просили бросить якорь, изъ пушекъ не стрѣлять и не входить въ заливъ до прибытія изъ города уполномоченныхъ отъ губернатора. Когда «Надежда» встала на якорь въ указанномъ мѣстѣ, посланникъ велѣлъ вручить отъѣзжавшимъ японскимъ чиновникамъ вторую записку слѣдующаго содержанія:

«Великаго россійскаго императора посланникъ благодаритъ правительство великія Японскія имперіи за высылку навстрѣчу судна съ чиновниками и показанія якорнаго мѣста, гдѣ фрегатъ по назначенію и сталъ на якорь пополудни въ 7 часовъ, а между тѣмъ покорнѣйше проситъ, чтобы завтрашняго утра ранѣе позволить втянуться въ Нагасакскую гавань».

Чиновники японскіе, между прочимъ, сообщили, что въ Японіи уже 12 лѣтъ какъ ожидаютъ прибытія русскаго судна [1]) и въ теченіе 4 лѣтъ подъ рядъ готовились къ принятію русскихъ.

Въ 9 часовъ вечера на Нагасакскомъ рейдѣ показались огни, и изъ залива появилось множество японскихъ джонокъ, освѣщенныхъ огнями, которыя приближались къ «Надеждѣ», а между ними большое судно, украшенное разноцвѣтными фонарями, подошедшее къ самому фрегату. Это были уполномоченные отъ губернатора и судовая стража. Сначала вошли на «Надежду» переводчики: старшій и два младшихъ. Войдя на шканцы, они съ поклонами привѣтствовали командира, держась за колѣнки и присѣдая по японскому обычаю; они съ любопытствомъ осматривали фрегатъ, «удивляясь военному тикету» и двумъ гренадерамъ, стоявшимъ на часахъ у лѣстницы, ведущей въ каюту посла. Бу-

---

[1]) Съ 1791 года, со времени экспедиціи Лаксмана.

дучи приведены къ Резанову, переводчики еще съ болѣе почтительными поклонами привѣтствовали его съ благополучнымъ пріѣздомъ и сообщили о прибытіи уполномоченныхъ отъ губернатора, желавшихъ представиться великому послу. Когда Резановъ передалъ имъ, что будетъ радъ видѣть уполномоченныхъ, переводчики вышли и вскорѣ вернулись съ губернаторскими чиновниками, которые размѣстились на предложенныхъ имъ мѣстахъ. На вопросъ уполномоченныхъ—согласенъ ли посолъ повиноваться ихъ обычаямъ? Резановъ отвѣчалъ: «весьма пріятно для меня исполнить обряды дружеской державы, если не будутъ они величію государя моего предосудительны». Затѣмъ пожелали они видѣть японцевъ, привезенныхъ изъ Россіи, и разспрашивали ихъ, записывая подробно всѣ отвѣты. Наконецъ, просили они позволенія представить послу голландцевъ, которые уже около часу сидѣли на своемъ суднѣ и безъ разрѣшенія переводчиковъ войти не смѣли. Посланникъ велѣлъ просить ихъ и, едва вошелъ директоръ голландской факторіи Дёффъ съ секретаремъ и капитаномъ голландскаго корабля, какъ, не давъ ему даже окончить привѣтствія, старшій переводчикъ закричалъ: Ober-Hoopt Doof complement an den grooten Herrn» [1]). Тогда Дёффъ и всѣ голландцы нагнулись въ поясъ и, держа себя за колѣни, стояли такъ нѣсколько времени, пока, по знаку японцевъ, имъ разрѣшено было встать. Младшіе переводчики въ это время лежали на полу передъ уполномоченными, а старшій, сидя на колѣняхъ, обратился отъ ихъ имени къ посланнику съ слѣдующими словами:

— Господинъ посолъ. Вамъ странны обыкновенія наши; но всякая страна имѣетъ свои, а мы голландцевъ имѣемъ издревле друзьями, и вотъ вамъ доказательство ихъ добраго къ намъ расположенія. Согласны ли вы сему слѣдовать?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Резановъ,—ибо почитаю слишкомъ японскую націю, чтобы начинать намъ дѣло бездѣлицами; а обыкновенія ваши, ежели они издревле съ голландцами состоялись, ни мало для меня не удивительны; но у насъ они другія, и при томъ они также непоколебимо сохраняются.

— Согласны ли вы отдать порохъ, ружья и шпаги, изъ коихъ одна вашей особѣ предоставится?—спрашивали уполномоченные.

— Весьма охотно,—отвѣчалъ посолъ,—кромѣ шпагъ офицерскихъ и ружей моему караулу [2]).

Японцы однако на это не соглашались, указывая на примѣръ голландцевъ, которые этимъ правомъ не пользуются, исключая директора

---

[1]) Т. е. «Начальникъ Дёффъ привѣтствуетъ великаго господина».

[2]) Донесеніе Резанова государю императору отъ 9-го іюня 1805 года. Арх. М. И. Д.

факторіи, которому предоставлена шпага, когда онъ отправляется въ качествѣ посла къ императору. Но Резановъ настаивалъ, утверждая, что «Надежда» есть судно военное; что голландскій директоръ, даже будучи посломъ, является представителемъ купеческаго общества (голландской Остъ-Индской компаніи), а что онъ, Резановъ, посолъ императорскій, и что лишеніе офицеровъ и караула его оружія—равносильно лишенію шпаги самого его. Тогда голландцы стали въ свою очередь уговаривать посланника и просили его согласиться, но Резановъ рѣшительно отказался принять эти условія и въ заключеніе прибавилъ, обращаясь къ японцамъ: «Надѣюсь, что уполномоченные передадутъ мои соображенія губернатору, который, вѣроятно, самъ найдетъ требованія мои справедливыми». Японцы обѣщали доставить отвѣтъ не позже трехъ сутокъ; но посланникъ просилъ ихъ ввести корабль въ гавань на другой день, такъ какъ судно, пострадавшее во время тифона, не въ состояніи держаться долго въ открытомъ морѣ въ столь бурное время.

Директоръ факторіи Дёффъ при этомъ сообщилъ посланнику, что въ этотъ самый день (19-го сентября) было сильное землетрясеніе въ Нагасаки и такой тифонъ, котораго жители не запомнятъ; въ самой голландской факторіи, на островѣ Десима, въ этотъ день вырвало съ корнемъ большое толстое дерево, и голландскій корабль, находившійся въ гавани, сорвало съ двухъ якорей.

Прощаясь съ японцами, посланникъ просилъ ихъ о присылкѣ свѣжихъ припасовъ.

Здѣсь кстати будетъ умѣстно сдѣлать небольшое отступленіе и передать читателямъ краткую исторію голландской факторіи въ Нагасаки и знаменитаго острова Десима въ Нагасакской бухтѣ, въ которомъ, цѣною 200-лѣтняго плѣна, голландцы пользовались исключительнымъ среди европейскихъ народовъ правомъ торговли съ Японіей.

Конецъ XVI вѣка, ознаменованный въ Европѣ борьбою Нидерландовъ за независимость, доставилъ голландцамъ не только политическую свободу, но сдѣлалъ ихъ вскорѣ опасными соперниками морскаго могущества Испаніи. Духъ торговой предпріимчивости, ознаменованный рядомъ выдающихся открытій, сдѣланныхъ голландцами, вскорѣ выдвинулъ имена Ванъ Димена, Тасмана, Линсхоттена и многихъ другихъ, столь извѣстныхъ въ исторіи землевѣдѣнія. Изъ нидерландскихъ колоній, основанныхъ въ это время, особенно стала процвѣтать Батавія, на островѣ Явѣ, столица голландской Остъ-Индской компаніи. Изъ Батавіи впервые посланы были голландскія суда въ Японію. Въ 1611 году компанія получила отъ японскаго правительства права торговли, и первая голландская факторія въ Японіи учреждена была на островѣ Хирандо, недалеко отъ Нагасаки. Торговыя права голландцевъ въ это время были весьма значительны: они могли сбывать свои товары по

всей странѣ и присылать въ Японію неограниченное количество кораблей. Факторія стала быстро обогащаться и дѣлала блестящіе обороты. Голландцы, рѣшившіе уже твердо здѣсь основаться, стали мало по малу возводить европейскія постройки: появились обширныя каменныя зданія, магазины, конторы, и маленькая колонія стала вскорѣ принимать видъ европейскаго поселенія. Такъ было до 1640 года, когда въ Хирандо внезапно прибылъ уполномоченный изъ Едо и объявилъ начальнику факторіи императорскій приказъ срыть до основанія всѣ постройки и жилища факторіи, на которыхъ выставлено имя и годъ Христа. Словомъ, голландцамъ стала угрожать участь быть изгнанными изъ Японіи подобно португальцамъ. Тогдашній директоръ факторіи Каронъ безпрекословно исполнилъ это приказаніе и сталъ срывать зданія, дома и магазины. Это повиновеніе спасло голландцевъ. Японское правительство, подумывавшее уже объ окончательномъ воспрещеніи голландцамъ торговли, смягчило свой гнѣвъ и ограничилось переводомъ факторіи съ острова Хирандо въ Нагасаки. Для этой цѣли въ гавани этого города сооруженъ былъ искусственный островокъ Десима, сдѣлавшійся знаменитымъ въ исторіи голландскаго поселенія въ Японіи,—тотъ островокъ, въ которомъ съ истинно-фламандскимъ терпѣніемъ голландцы продержались болѣе 200 лѣтъ вплоть до окончательнаго открытія Японіи европейцамъ въ 1853 году. Съ переводомъ факторіи въ Нагасаки заканчивается золотой періодъ голландской торговли, и наступаетъ новая эпоха. Торговыя привилегіи ихъ значительно сокращены, и самая жизнь голландцевъ въ Японіи, благодаря подозрительности едоскаго правительства, обставляется все болѣе и болѣе тягостными условіями. Несмотря однако на это, голландская Остъ-Индская компанія въ Батавіи ни за что не хотѣла лишиться столь выгодной монопольной торговли и постоянно предписывала своимъ резидентамъ въ Десимѣ безпрекословно подчиняться всѣмъ требованіямъ японцевъ. А между тѣмъ зачастую требованія эти бывали такъ тяжелы и оскорбительны для европейцевъ, что знаменитый Кемпферъ [1]), проживш
ій на Десимѣ нѣсколько

[1]) Энгельбертъ Кемпферъ (Kaempfer) изъ Вестфаліи, родился въ Лемговѣ въ 1651 году. Получилъ степень доктора медицины и ботаники въ Упсальскомъ университетѣ. Въ 1683 г. въ качествѣ секретаря шведскаго посольства отправился въ Персію черезъ Москву, Казань, Астрахань. Въ 1685 г. поступилъ врачемъ голландской Остъ-Индской компаніи въ Батавію, а въ 1690 г. прибылъ въ Нагасаки и совершилъ путешествіе ко двору въ Едо. По возвращеніи въ Европу, онъ написалъ знаменитое свое сочиненіе Historia imperii Japonici, изданное въ Гагѣ въ 1727 г. и переведенное на многіе языки. Сочиненіе это, представляющее въ настоящее время библіографическую рѣдкость, считается до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ.

лѣтъ, въ порывѣ благороднаго негодованія противъ унизительной, узко-меркантильной политики батавскаго правительства, восклицаетъ:

Quid non mortalia pectora cogis,
auri sacra fames [1]).

И дѣйствительно положеніе этой горсти европейцевъ, подвергающихъ себя добровольному изгнанію, переносящихъ столько униженій ради торговыхъ выгодъ, напоминаетъ скорѣе положеніе узниковъ, чѣмъ жизнь свободныхъ торговцевъ. Островокъ Дѐсима, на которомъ жили голландцы, по японски Дѐсима мàтсу, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «улица передоваго острова», представлялъ песчаную отмель въ Нагасакской бухтѣ, окруженную со всѣхъ сторонъ водою и соединяющуюся съ городомъ Нагасаки небольшимъ каменнымъ мостомъ. Весь островъ, формою своею напоминавшій раскрытый вѣеръ, имѣлъ 85 саженъ длины и 35 ширины и былъ окруженъ высокимъ деревяннымъ заборомъ, не позволявшимъ видѣть, что происходитъ въ городѣ и бухтѣ. Въ концѣ моста, соединявшаго Дѐсиму съ городомъ, выстроены были ворота съ караульнымъ домомъ. Здѣсь помѣщалась главная стража момъ-банъ (стража воротъ), которая обязана была бдительно слѣдить за всѣми входящими и выходящими съ острова. На сѣверной сторонѣ, обращенной къ морю, находились такъ называемыя «водяныя ворота», которыя открывались во время стоянки голландскихъ судовъ, приходящихъ изъ Батавіи. У этихъ воротъ находилась особая стража «фунà-банъ» (корабельная стража), слѣдящая за нагрузкой и выгрузкой голландскихъ кораблей. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ острова, въ водѣ, поставлено 13 высокихъ столбовъ, на которыхъ прибиты доски съ надписями: это приказы губернаторовъ, запрещающіе подъ страхомъ строгаго наказанія приближаться къ острову постороннимъ лодкамъ и судамъ. У воротъ, ведущихъ въ городъ, также вывѣшены приказы и распоряженія, касающіеся какъ жителей Дѐсимы, такъ и японцевъ, посѣщающихъ островъ. На этомъ-то небольшомъ пространствѣ живетъ начальникъ факторіи или директоръ (Opperhoofd) и 15—20 человѣкъ колонистовъ, состоящихъ на службѣ голландской Остъ-Индской компаніи. Тутъ же выстроены ихъ дома, магазины и службы. Вдоль всего острова проходитъ единственная улица, въ концѣ которой на небольшой площадкѣ, развѣвается нидерландскій флагъ. Мачта съ флагомъ, по сообщенію Зибольда, находится подъ 32°45′ сѣверной широты и 127°31′ восточной долготы Лондонскаго меридіана. Ни одинъ голландецъ не имѣетъ права выходить изъ Дѐсимы безъ особаго разрѣшенія главнаго пристава острова, называемаго «оттòна». Этотъ полицейскій

[1]) «До чего доводишь ты сердца смертныхъ, о возмутительная жажда золота!»

офицеръ имѣлъ высшій надзоръ за факторіей: онъ наблюдалъ за порядкомъ, заботился о доставленіи необходимыхъ припасовъ, наблюдалъ за продажей товаровъ, выдавалъ пропускные билеты, чинилъ судъ и расправу надъ японцами и голландцами факторіи,—словомъ, послѣ губернатора, онъ являлся высшимъ и непосредственнымъ начальствомъ въ факторіи. Кромѣ названныхъ лицъ, японское правительство содержало еще цѣлый отрядъ переводчиковъ (до 150 человѣкъ), которые изучили голландскій языкъ для облегченія сношеній обитателей факторіи съ мѣстными купцами. Кемпферъ увѣряетъ, что при этомъ была тайная цѣль—не допускать голландцевъ къ изученію японскаго языка, чтобы не дать имъ возможности ближе ознакомиться со страною. Устроивъ такимъ образомъ жизнь голландцевъ, обставивъ ихъ режимомъ, въ которомъ ярко выступала подозрительность японскаго правительства, послѣднее не предоставляло имъ даже права пользоваться этимъ клочкомъ земли по своему усмотрѣнію. Всѣ дома и зданія, выстроенные на островѣ, принадлежали жителямъ Нагасаки; они брали съ нихъ огромную плату, которую могли измѣнить по своему усмотрѣнію. Единственнымъ событіемъ, нарушавшимъ томительное однообразіе жизни обитателей факторіи, было путешествіе голландской миссіи ко двору въ Едо. Согласно установившемуся обычаю, путешествія эти, имѣвшія цѣлью поднесеніе подарковъ едоскому двору, совершались въ началѣ, ежегодно, а съ конца XVIII столѣтія разъ въ четыре года. Директоръ факторіи, получившій за это время званіе посланника, отправлялся, въ качествѣ представителя нидерландской Остъ-Индской компаніи, въ Едо на поклонъ къ тайкуну. Его сопровождалъ секретарь, врачъ и многочисленная японская свита. Во время этихъ путешествій, длившихся около двухъ мѣсяцевъ, члены посольства, которымъ въ это время предоставлялась значительно большая свобода, имѣли возможность входить въ сношенія съ населеніемъ, изучить его нравы, обычаи, знакомиться съ исторіей и топографіей Японіи. Журналы этихъ путешествій, веденные въ разное время, начиная съ 1690 по 1830 годъ, въ которые подробно заносились ежедневныя замѣтки о всемъ видѣнномъ въ пути, служатъ до сихъ поръ лучшимъ источникомъ для ознакомленія съ Японіей того времени. Врачи факторіи, пріѣзжавшіе на Десиму съ цѣлью изученія этой мало извѣстной страны, обыкновенно вели журналы этихъ путешествій и, по возвращеніи въ Европу, издавали свои сочиненія. Таковы были Кемпферъ (1690), Тунбергъ [1]) (1775), Титсингъ [2]) (1784), Зибольдъ (1823)

[1]) Карлъ Петръ Тунбергъ (Thunberg) натуралистъ, ученикъ Линнея, родомъ шведъ, былъ врачемъ голландской факторіи съ 1775 по 1779 г. Сочиненіе его «Voyage au Japon» издано въ Парижѣ въ 1796 году. Также «Flora Japonica» въ 1798 г. Собранныя имъ ученыя коллекціи находятся въ Упсальскомъ университетѣ.

[2]) Исаакъ Титсингъ (Titsing), директоръ голландской факторіи съ 1779—1784 г., въ 1795 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Пекинъ. Провелъ въ

и др., труды которыхъ по исторіи, этнографіи, ботаникѣ Японіи до сихъ поръ считаются классическими. Островъ Дѐсима, какъ резиденція голландской факторіи, просуществовалъ до начала 50-ти годовъ нынѣшняго столѣтія. Въ настоящее время онъ уже не существуетъ, а модель его находится въ Королевскомъ музеѣ въ Гагѣ. Въ 1804 году, во время пребыванія въ Нагасаки Резанова, директоромъ факторіи былъ, какъ мы уже сообщили, Генрихъ Дёффъ, привѣтствовавшій посла въ день прибытія.

На слѣдующій день по прибытіи посольства въ Нагасаки, 27-го сентября рано утромъ, губернаторъ прислалъ на фрегатъ провизію, при чемъ отъ денегъ японцы отказались, ссылаясь на приказъ губернатора. Около полудня показалось въ заливѣ большое японское судно, украшенное флагами, которое шло по направленію къ «Надеждѣ», въ сопровожденіи цѣлой флотиліи мелкихъ лодокъ. Это были посланные отъ губернатора, прибывшіе для дальнѣйшихъ переговоровъ. Переводчики, предшествовавшіе имъ, изъявили было желаніе, чтобы посланникъ вышелъ навстрѣчу представителямъ губернатора, но Резановъ, зная, что этой уступкой онъ подастъ поводъ къ новымъ подобнаго рода требованіямъ, наотрѣзъ отказалъ имъ въ этомъ. «Сдѣлать сего не могу, ибо столь велико званіе мое, что ежели бъ и самому губернатору рѣшился я сдѣлать сію вѣжливость, то развѣ изъ единаго почтенія моего къ японскому монарху, отъ котораго сей чиновникъ управленіемъ края удостоенъ». Переводчики вышли съ этимъ отвѣтомъ и вскорѣ вернулись съ представителями губернатора, при чемъ сами стали разставлять стулья и указали посланнику его мѣсто. Резановъ вѣжливо благодарилъ ихъ за трудъ и любезность, но заявилъ, что кресло его никому занять нельзя. Усѣвшись наконецъ, послѣ первыхъ привѣтствій, чиновники, сообщили черезъ переводчиковъ, что губернаторъ, изъ особаго уваженія къ россійскому послу, разрѣшаетъ всѣмъ офицерамъ сохранить ихъ шпаги, а караулу посланника—ружья. Посланникъ велѣлъ благодарить губернатора, прибавивъ, что «отъ вельможи столь просвѣщеннаго онъ инаго и не ожидалъ». Когда разговоръ коснулся императорской грамоты, которую японцы пожелали видѣть, то посланникъ сообщилъ имъ, что подлинную грамоту съ подписью государя онъ можетъ только собственноручно вручить японскому императору, а что для губернатора онъ уполномоченъ выдать копію съ подлинника, съ переводомъ на японскій языкъ. Документъ этотъ принесенъ былъ однимъ изъ кавале-

---

Азіи 33 года. Умеръ въ 1812 году въ Парижѣ. Многія изъ его драгоцѣнныхъ рукописей по исторіи Японіи печатались въ изданіи Remusat въ его «Mélanges Asiatiques». Онъ извѣстенъ переводомъ японской лѣтописи Nippon-o-dai-itsi-Ran, изданной на французскомъ языкѣ оріенталистомъ Клапротомъ подъ названіемъ „Annales des Empereurs du Japon". Большинство его рукописей къ сожалѣнію утеряны и не были напечатаны.

ровъ посольства, и Резановъ, поднявъ свертокъ, въ знакъ уваженія, до головы, передалъ его японскимъ представителямъ, которые, вставъ съ мѣстъ, приняли его съ почтительными поклонами, заявивъ, что губернаторъ отправитъ его съ курьеромъ въ Едо. Посланные, между прочимъ, просили выдать имъ привезенныхъ изъ Россіи японцевъ, но Резановъ сказалъ, что передастъ ихъ лично губернатору. «Въ такомъ случаѣ», отвѣчали японцы, «придется ожидать возвращенія курьера изъ столицы, ибо до прибытія его свиданіе посланника съ губернаторомъ состояться не можетъ». Затѣмъ приглашены были опять голландцы, которые, какъ и вчера, дожидались разрѣшенія войти и снова продѣлали церемоніалъ съ поклонами. Директоръ Дёффъ, на этотъ разъ, былъ при шпагѣ, которая, прибавляетъ Резановъ, «на сей день вѣроятно не дешево ему стала, ибо за все берутъ съ нихъ талеры». Дёффъ разсказывалъ посланнику, что о разрѣшеніи выдти изъ Дèсимы долженъ онъ каждый разъ просить какъ милости, которая однако ему одному стоитъ каждый день 16 талеровъ, а когда съ капитаномъ ѣздилъ онъ за городъ, то этотъ одинъ день стоилъ ему 400 талеровъ, которые пришлось уплатить за стражу, сопровождавшую ихъ корабль.

Затѣмъ приступлено было къ отобранію пороха, снарядовъ, ружей и сабель у команды, при чемъ находившимися здѣсь японскими офицерами составленъ былъ актъ и подробный списокъ отобраннымъ предметамъ съ переводомъ на голландскій языкъ. Одинъ экземпляръ акта оставленъ былъ у командира «Надежды».

Вечеромъ, послѣ отъѣзда уполномоченныхъ, подошло къ фрегату около 70-ти японскихъ лодокъ, которыя, взявъ «Надежду» на буксиръ, подвели корабль къ острову Папенбергу, гдѣ велѣли бросить якорь. Здѣсь стоянка была уже безопаснѣе, чѣмъ въ открытомъ морѣ, и японцы обѣщали провести корабль еще ближе, какъ только китайскія суда, стоящія на якорѣ за горою Папенбергъ, выдутъ въ море, такъ какъ по японскимъ законамъ кораблямъ двухъ націй въ одномъ мѣстѣ стоять на якорѣ воспрещается.

Подарковъ отъ русскихъ не принимали, и покупать также ничего не было позволено. Съ фрегата на берегъ никого не спускали, окруживъ его сторожевыми лодками, на которыхъ было до 500 человѣкъ караула. Впрочемъ, чиновники, пріѣзжавшіе ежедневно на «Надежду», увѣряли, что скоро всѣ эти формальности окончатся, какъ только вернется изъ Едо курьеръ. Тѣмъ не менѣе число сторожевыхъ судовъ все увеличивалось, и 4-го октября прибыла еще флотилія изъ 50-ти парусныхъ судовъ, при чемъ однако японцы объясняли, что это не караулъ, а почесть послу великой имперіи. На другой день, 5-го октября, китайскія суда ушли въ море, и фрегатъ провели за Папенбергъ, гдѣ велѣли бросить якорь въ четырехъ миляхъ отъ города, не доходя импера-

торской крѣпости; по уходѣ же голландскихъ кораблей, обѣщали подвинуть фрегатъ еще ближе къ городу.

Между тѣмъ, благодаря дурной стоянкѣ и постоянному сквозному вѣтру, посланникъ сильно простудился, и общее состояніе его здоровья стало ухудшаться; онъ рѣшилъ обратиться съ просьбой къ губернатору, прося разрѣшить ему совершать ежедневно прогулку на берегу для здоровья. Въ это самое время прибылъ изъ Едо второй губернаторъ на смѣну первому, который, однако, въ виду пріѣзда русскаго посольства, не выѣхалъ въ столицу, такъ что въ Нагасаки оказалось одновременно два губернатора. Получивъ увѣдомленіе Резанова, они стали совѣщаться и рѣшили дозволить ему прогулку на берегу. Съ этой цѣлью приказали они, близъ селенія Кибачи, отгородить на берегу небольшое пространство саженъ въ 25 длины и 10 ширины, въ которомъ соорудили нѣчто въ родѣ бесѣдки изъ бамбука и разставили вокругъ караулы. 17-го октября прибыли на фрегатъ чиновники и «съ великими вѣжливостями» сопровождали посланника на берегъ подъ эскортомъ 20 парусныхъ судовъ съ войсками. Но оказалось, что мѣсто было крайне не удачно для прогулокъ: пыльное и безъ тѣни, такъ что посланникъ вскорѣ отъ этого отказался и снова не сходилъ съ корабля. На вопросъ Резанова, скоро ли переѣдетъ посольство на берегъ, японцы отвѣчали, что курьеръ еще находится въ пути и, за разлитіемъ рѣкъ, раньше 30-ти дней ожидать его нельзя. 27-го октября ушли изъ Нагасаки голландскіе корабли, и на другой день, по приказанію губернатора, фрегатъ проведенъ былъ на буксирѣ за императорскіе караулы, гдѣ бросилъ якорь. Съ этого мѣста открывался уже весь городъ.

Между тѣмъ, болѣзнь посланника все усиливалась, вслѣдствіе чего губернаторы обѣщали доставить ему на берегу помѣщеніе, къ отдѣлкѣ котораго и велѣно приступить. Для этой цѣли избрана мѣстность напротивъ голландской факторіи, гдѣ помѣщался рыбный базаръ, называемая Мегасаки, которую окружили бамбуковымъ заборомъ какъ со стороны моря, такъ и со стороны Десимы, съ которой посольство не должно было имѣть никакихъ сношеній. Домъ посланника и его свиты состоялъ изъ девяти комнатъ, отдѣлявшихся другъ отъ друга бумажными перегородками и ширмами. На дворѣ помѣщались четыре магазина и еще два за воротами. Мѣстность съ трехъ сторонъ окружена была заливомъ и обнесена тыномъ изъ бамбука вышиною въ 10 футовъ; ворота, выходившія прямо въ воду, запирались съ обѣихъ сторонъ замками; противъ дома самый заливъ огороженъ былъ тыномъ въ два ряда, саженъ на 50, чтобы суда близко не подходили, и на обоихъ концахъ помѣщались двѣ караульни съ солдатами. Наружный ключъ отъ воротъ находился у морскаго чиновника, а внутренній—у сухопутнаго офицера. Другія ворота выходили въ переулокъ, ведущій къ городу; здѣсь нахо-

дились двѣ караульни съ множествомъ солдатъ при 18 офицерахъ,— одна изъ нихъ полицейская, другая военная, состоящая изъ войскъ князя Омура, которыя ежедневно смѣнялись. Ночью для провѣрки постовъ приходили изъ города чиновники съ патрулемъ. Кромѣ того на горѣ были разставлены караульные дома съ пикетами, такъ что все происходившее внизу сверху видно было. Островъ Дѣсима, на которомъ жили голландцы, отдѣлялся отъ посольскаго помѣщенія заливомъ и находился отъ Мегасаки на разстояніи около 300 саженъ. Въ началѣ декабря отдѣлка посольскаго помѣщенія была окончена, и 5-го декабря Резановъ, съ большою торжественностью, переѣхалъ на берегъ.

Въ этотъ день съ ранняго утра Нагасакская бухта приняла праздничный видъ: весь заливъ покрытъ былъ множествомъ судовъ и лодокъ, украшенныхъ флагами, а на берегу разставлены были войска. Около полудня показалось огромное японское судно, богато убранное, которое стало приближаться къ фрегату. Это была собственная двухъ-дечная барка князя Хизенскаго, родъ огромнаго катера въ 120 футовъ длины, раздѣленнаго поперечными перегородками на три части. Нижняя палуба катера была украшена лиловыми шелковыми обоями, съ бѣлыми гербами князя Хизенъ; верхняя часть судна увѣшана была разноцвѣтными матеріями съ вытканными золотомъ гербами князя. На кормовой части устроенъ павильонъ изъ дорогой ткани, для помѣщенія посланника со свитою и важнѣйшихъ японскихъ чиновниковъ. Войдя на катеръ, Резановъ помѣстилъ у входа въ павильонъ двухъ гренадеръ и велѣлъ поднять флагъ чрезвычайнаго посланника съ двуглавымъ орломъ по срединѣ. На берегу онъ былъ встрѣченъ уполномоченными, которые отъ имени обоихъ губернаторовъ привѣтствовали посла съ вступленіемъ на японскую землю и выразили пожеланія о скорѣйшемъ его выздоровленіи.

Въ этомъ домѣ пришлось прожить посланнику до самаго отъѣзда изъ Японіи и, хотя онъ окруженъ былъ вниманіемъ и всевозможными знаками почтенія и уваженія, но въ сущности все это было не что иное, какъ почетный плѣнъ, который японцы старались замаскировать вѣжливостью и ссылкой на древніе обычаи. Моряки наши тѣмъ временемъ жили на фрегатѣ, который 11-го декабря перевели еще ближе къ городу: это была уже пятая его стоянка со времени прихода въ Нагасаки. Такъ какъ въ пути «Надежда» потерпѣла значительныя аваріи, то пришлось теперь заняться починкой судна. Всѣ необходимые на этотъ предметъ матеріалы японцы доставляли Крузенштерну, отказываясь попрежнему отъ всякой платы.

Такимъ образомъ посольство наше прожило въ Магасаки въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, до самаго отъѣзда изъ Японіи. Въ теченіе этого времени Резановъ могъ только видѣться съ нашими моряками и из-

рѣдка съ директоромъ голландской факторіи Дёффомъ, котораго подозрительные японцы ни на минуту не оставляли съ посланникомъ съ глазу на глазъ. Тѣмъ не менѣе Резановъ не терялъ даромъ времени, стараясь употребить его съ возможною для себя пользою. Обладая большими лингвистическими способностями, онъ сталъ усердно продолжать свои занятія японскимъ языкомъ, начатыя имъ еще во время путешествія съ однимъ изъ находившихся на «Надеждѣ» японцевъ, и настолько успѣлъ въ этомъ, что составилъ даже краткое русско-японское руководство и словарь, въ которомъ собралъ болѣе 5.000 словъ [1]). Кстати объ этихъ японцахъ. Всѣ они находились на фрегатѣ и, несмотря на просьбы посланника, на берегъ ихъ не выпускали; съ другой стороны, до нихъ дошли слухи, что привезенные еще раньше Лаксманомъ изъ Камчатки японцы заключены были подъ стражу и что одинъ изъ нихъ, по имени Коодай, до сихъ поръ будто-бы находится въ тюрьмѣ. Все это настолько ихъ разстроило, что они стали уже просить посланника не передавать ихъ нагасакскимъ властямъ, а взять обратно въ Россію, а одинъ изъ нихъ, именемъ Тàдзиро, съ отчаянія хотѣлъ лишить себя жизни. Тогда Резановъ рѣшилъ передать ихъ японцамъ, успокоивъ ихъ и ручаясь за ихъ безопасность; съ этой цѣлью 5-го января онъ отправилъ губернаторамъ слѣдующее письмо, которое приводимъ въ подлинникѣ [2]):

«Милостивые государи мои! Ваши превосходительства уже извѣстны, изъ высочайшей грамоты великаго государя моего, что Его Императорское Величество повелѣть мнѣ соизволилъ вручить Его Тензинкубоскому Величеству его подданныхъ. Сколь ни желалъ я лично сіе исполнить, но неожиданныя обстоятельства обязываютъ меня перемѣнить сіе положеніе и объяснить тому причины. Привезенные мною японцы изъ вѣрности къ ихъ государю и любви къ отечеству предприняли сюда возвратиться, подвергшись всѣмъ трудамъ и опасностямъ долговременнаго нашего плаванія; наконецъ, возвратясь и не видя рѣшимости о судьбѣ ихъ, предались отчаянію, которое ввергло ихъ въ болѣзнь. Одинъ изъ нихъ вчерашняго числа пожелалъ лучше прекратить страданія свои лишеніемъ жизни и, схватя бритву, заколачивалъ ее въ горло; но къ счастію успѣли ее отнять и спасли его, ибо рана была не смертельна. Опасаясь и отъ другихъ японцевъ подобныхъ послѣдствій, покорнѣйше прошу ваши превосходительства приказать ихъ отъ меня принять и притомъ получить какъ всемилостивѣйше пожалованныя имъ отъ великаго государя моего, такъ и собственныя ихъ деньги и вещи и о полученіи оныхъ благоволить меня увѣдомить».

На слѣдующій же день японцы переданы были губернаторскимъ чиновникамъ, при чемъ послѣдніе отобрали у нихъ деньги и вещи и по-

[1]) Насколько извѣстно, словарь этотъ былъ впослѣдствіи изданъ академіей наукъ.

[2]) Письмо посланника къ губернаторамъ Нагасаки: Хида-Бунго-но-Ками. Сама и Нарусино-бону-Ками-Сама изъ Мегасаки отъ 5-го января 1805 г. Арх. М. И. Д.

везли въ городъ. Резановъ говоритъ, что впослѣдствіи, передъ самымъ отъѣздомъ, до него дошли слухи, что всѣ четверо посажены подъ стражу «какъ преступники, подавшіе возвращеніемъ своимъ причину къ неудовольствіямъ».

Въ мартѣ прибылъ наконецъ столь долго ожидаемый чиновникъ изъ Едо, котораго японцы называли «великій сановникъ Ито». Первая аудіенція назначена на 23-е марта. Въ этотъ день Резанова со всей посольской свитой съ большою торжественностью перевезли на японскомъ суднѣ въ городъ; болѣе двадцати чиновниковъ японскихъ прибыли въ Мегасаки для сопровожденія посла, а на берегу его встрѣтили уполномоченные отъ губернатора съ почетнымъ карауломъ. Вдоль улицъ, по которымъ должно было направляться шествіе, выстроены были войска, стоявшія шпалерами по обѣимъ сторонамъ. Народу однако не было видно, такъ какъ по распоряженію нагасакскихъ властей на улицу ни кого не пускали; подъ видомъ бо́льшей торжественности окна и двери домовъ завѣшаны были разноцвѣтными матеріями, дабы любопытные не могли ничего видѣть. При выходѣ на берегъ для посланника былъ приготовленъ богатый «норимонъ» [1]), несомый восемью носильщиками, въ которомъ помѣстился Резановъ съ императорскою грамотою; кавалеры посольства и прочая свита посланника шли пѣшкомъ.

Въ правительственномъ домѣ, назначенномъ для переговоровъ, посольство встрѣчено было множествомъ переводчиковъ. Въ пріемной посланнику и его свитѣ предложенъ чай и трубки; затѣмъ губернаторскій чиновникъ со старшимъ переводчикомъ просили посла перейти въ комнату совѣщаній; посольская свита осталась въ пріемной, а Резановъ, въ сопровожденіи одного кавалера посольства, несшаго грамоту, послѣдовалъ за прибывшими. Пройдя цѣлую анфиладу комнатъ, въ которыхъ рядами сидѣли чиновники, посолъ дошелъ наконецъ до аудіенцъ-залы; передъ тѣмъ, чтобы войти туда, онъ взялъ изъ рукъ сопровождавшаго его кавалера посольства грамоту и вошелъ одинъ. Здѣсь сидѣлъ уже прибывшій изъ Едо императорскій коммиссаръ, имѣя по сторонамъ обоихъ губернаторовъ. Послѣ обмѣна поклоновъ и обоюдныхъ привѣтствій, Резановъ сѣлъ на приготовленное ему кресло, и прибывшій изъ Едо началъ говорить; по мѣрѣ того какъ произносилъ онъ медленно отдѣльныя слова, переводчики, почтительно сидѣвшіе на полу съ наклоненными головами, съ замѣтнымъ удивленіемъ и безпокойствомъ стали по-

---

[1]) Норимонъ, въ буквальномъ переводѣ—«переносная вѣщь (нόри-мό-но), родъ паланкина съ каретнымъ кузовомъ. Дѣлается изъ тонкихъ лакированныхъ досокъ; внутри обитъ шелкомъ и бархатомъ; въ немъ можно сидѣть и лежать, поджавъ ноги. По верхней части кузова продѣтъ большой шестъ, который несутъ на плечахъ носильщики.

глядывать на нашего посла и, когда коммиссаръ кончилъ, съ видимымъ смущеніемъ стали переводить его слова.

Отвѣтъ, который привезенъ изъ Едо, заключался въ слѣдующемъ: повелитель японскій крайне удивленъ прибытію русскаго посольства, такъ какъ Лаксману уже было сказано, что никакихъ переписокъ съ россіянами имѣть нельзя; что тому же Лаксману указанъ былъ городъ Нагасаки лишь въ виду того, что въ другіе города Японіи иностранцамъ вообще заходить запрещено; что посольства императоръ принять не можетъ и торговли не желаетъ и проситъ, чтобы посолъ выѣхалъ изъ Японіи. «Переводчики»,—пишетъ Резановъ, — «не ожидая такого отказа, сами остолбенѣли и наконецъ едва перевели они мнѣ, какъ я, измѣнясь въ лицѣ, не могъ удержать себя и сказалъ: удивляюсь сей дерзости. Можетъ ли кто запретить писать моему государю, который черезъ то еще болѣе чести сдѣлалъ кубосскому величеству, нежели ожидать онъ могъ; они оба императоры, но кто изъ нихъ болѣе, не намъ рѣшать здѣсь. Впрочемъ, намъ торгъ ихъ не нуженъ, и со стороны монарха моего это была относительно Японіи милость, которая изъ единаго человѣколюбія къ облегченію ихъ недостатковъ послѣдовала; но не думаютъ ли они и россіянъ трактовать, какъ португальцевъ? Переводчики пересказывали имъ, а я со вниманіемъ слушая дополнялъ имъ по-японски. Они потупили глаза въ землю, и одинъ изъ губернаторовъ, Хида-Бунго-но-Ками-Сама, отвѣчалъ: «скажите послу, что онъ сегодня обезпокоился и что лучше отсрочить намъ засѣданіе до другаго дня». «Съ великимъ удовольствіемъ», сказалъ я, и вонъ отъ нихъ вышелъ. Они выслали угощать меня чаемъ, табакомъ и конфектами, но я отказался, а переводчики, вздыхая, говорили, какія несчастливыя будутъ слѣдствія, и просили офицеровъ уговаривать меня, чтобы я умѣрялъ отвѣты, и признаюсь Вашему Величеству, что я и самъ неумѣренность свою почувствовалъ, но она вышла къ лучшему. На другой день аудіенція была уже ласковѣе. Сановники говорили, что императоръ не можетъ принять посольства и даровъ потому, что по обычаямъ японскимъ долженъ отвѣчать тѣмъ же, но сіе невозможно, ибо уже 200 лѣтъ какъ постановлено, чтобы японцы не выѣзжали; что начинать торговлю ни съ какимъ народомъ коренныя постановленія ихъ запрещаютъ; что японцевъ (привезенныхъ изъ Россіи) принимаетъ онъ съ благодарностью, что ежели есть вообще правило, чтобы не приходили въ ихъ порты никакія иностранныя суда, то и россійскія не могутъ сего на свой счетъ принять, какъ и то, что къ берегамъ японскимъ никому приближаться не позволено. Я отвѣчалъ, что законы ихъ намъ извѣстны, что взаимнаго посольства Ваше Величество не потребуете и спросилъ, ежели впредь японцы претерпятъ бѣдствіе, куда привозить ихъ и, буде бури завлекутъ насъ по необходимости искать убѣжища въ другихъ портахъ, то получимъ ли мы дружеское пособіе,

какъ и нынѣ харчевне, за наши деньги припасы? Объ этомъ сказали они, завтра разсуждать будемъ».

При слѣдующемъ третьемъ свиданіи, условились, что на всѣ вышеприведенные вопросы японцы дадутъ письменный отвѣтъ, который не замедлятъ представить посланнику. Между тѣмъ по распоряженію губернаторовъ, вслѣдствіе императорскаго указа, фрегатъ снабженъ былъ двухъ-мѣсячною провизіею безплатно и, кромѣ того, узнавъ о желаніи русскихъ купить 2.000 мѣшковъ соли — послѣдніе тотчасъ отпущены были безденежно. «Въ благодарность за гостепріимство японцамъ въ Россіи оказанное», продолжаетъ Резановъ, «все содержаніе экипажа «Надежды» за всѣ шесть съ половиною мѣсяцевъ и отпускъ на разныя корабельныя надобности матеріаловъ приняты на счетъ Кубосскаго величества. Я просилъ ихъ потому, чтобы оставили они дары Вашего Величества, чѣмъ еще болѣе докажутъ намъ свое уваженіе, но получилъ отвѣтъ, что хотя и чувствуютъ они всю великость россійскаго государя, но сами на сіе рѣшиться не могутъ и что долженъ я буду дожидаться отвѣта и разрѣшенія изъ Едо, что̀ отыметъ у меня время, ибо когда оный получится, опредѣлить не смѣютъ [1])».

Всѣ японцы, которые, за долговременное пребываніе посольства нашего въ Мегасаки, сжились съ русскими, открыто изъявляли послу нашему свое сожалѣніе и совершенное недоумѣніе по поводу неожиданнаго неблагопріятнаго исхода переговоровъ. Что недоразумѣніе это было непритворно, видно уже изъ того, что, за время нахожденія русскихъ въ Нагасаки, изъ многихъ городовъ Японіи стали пріѣзжать сюда купцы, которые, черезъ переводчиковъ, предлагали уже свои условія, будучи совершенно увѣрены, что торговля будетъ разрѣшена съ пріѣздомъ императорскаго коммиссара,—увѣренность, которая какъ мы увидимъ ниже, имѣла свои основанія. Японцы, между прочимъ, узнавъ, что русскіе намѣрены идти Корейскимъ моремъ, совѣтовали посланнику измѣнить направленіе, такъ какъ путь этотъ наполненъ подводными камнями. Резановъ благодарилъ ихъ за участіе, но сказалъ, что избралъ этотъ путь, какъ ближайшій и что вполнѣ надѣется на искусство нашихъ мореходовъ.

Наконецъ 4-го апрѣля присланы въ Мегасаки копіи съ грамотъ и переводъ съ отвѣта японскаго правительства, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «въ древнія времена корабли всѣхъ націй свободно приходили въ Японію и даже сами японцы посѣщали чужія страны. Но вскорѣ затѣмъ одинъ изъ императоровъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ не выпускать японцевъ изъ имперіи и принимать однихъ лишь гол-

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе Резанова отъ 9 іюня 1805 года. Арх. М. И. Д.

ландцевъ. Съ этого времени многіе иностранные города не разъ старались завести дружескія сношенія съ Японіей, но предложенія эти всегда были отвергаемы въ силу древлеустановленнаго запрещенія, при томъ же весьма опасно заводить съ неизвѣстною державою дружественныя сношенія, основанныя на неравныхъ правахъ. И что такое дружба народовъ? Не есть ли это цѣпь, которая для достиженія извѣстныхъ цѣлей должна состоять изъ опредѣленнаго числа звеньевъ? Если одна часть цѣпи крѣпка, а другія слабы, то послѣднія скоро разрушатся. Такъ и цѣпь дружбы можетъ быть выгодною только для сильной ея части. Тринадцать лѣтъ тому назадъ русскій корабль подъ командой лейтенанта Лаксмана прибылъ въ Японію; нынѣ является другой съ посланникомъ великаго императора Россіи. Первый былъ принятъ недовѣрчиво, второй дружелюбно. Японскій властитель готовъ сдѣлать все, что зависитъ отъ его воли, если это не противно законамъ имперіи. Могущественный государь россійскій присылаетъ къ нему посланника и множество драгоцѣнныхъ подарковъ. Принявъ ихъ, властитель японскій долженъ бы, по обычаямъ страны, отправить посольство къ императору Россіи съ подарками столь же цѣнными. Но существуетъ формальное запрещеніе жителямъ и судамъ оставлять Японію. Съ другой стороны Японія не столь богата, чтобы отвѣтить равноцѣнными дарами. Такимъ образомъ властитель японскій не имѣетъ возможности принять ни посланника, ни подарковъ. Японія не имѣетъ большихъ потребностей, и потому иностранныя произведенія не могутъ ей быть полезны: излишняя же роскошь не должна быть поощряема». Въ заключеніе императоръ просилъ посланника «изъ уваженія къ древнимъ законамъ» оставить страну, съ своей же стороны, въ знакъ благодарности за присылку японцевъ, онъ проситъ принять безвозмездно припасы и все необходимое передъ отходомъ. Таковъ былъ отвѣтъ японскаго правительства, твердо рѣшившагося, повидимому, сохранить свою прежнюю замкнутость.

На слѣдующій день, простившись съ мегасакскими японцами, посланникъ переѣхалъ на фрегатъ. Проводы изъ Мегасаки были столь же торжественны, какъ и переѣздъ съ фрегата на берегъ. Губернаторскіе уполномоченные провожали Резанова до самой «Надежды» и привезли съ собою послѣдніе подарки—2.000 шелковыхъ ватъ для посланника и всѣхъ чиновниковъ.

«Послѣдніе дни,—говоритъ Резановъ,—приходили въ караульни, черезъ преданныхъ намъ офицеровъ, разнаго рода люди со мною прощаться; съ искренностью увѣряли, что никогда россіянъ не забудутъ, и приносили связки бѣлыхъ вѣеровъ, чтобы подписалъ я имъ имя свое и день прихода нашего, что будутъ они сохранять, какъ драгоцѣнность. Я писалъ имъ по-голландски и по-японски разные девизы, и они были

весьма довольны; офицеры также на другихъ вѣерахъ подписывали имя свое.

Наконецъ 6-го апрѣля 1805 года, рано по утру, «Надежда», снявшись съ якоря, сопровождаемая массой японскихъ лодокъ, провожавшихъ фрегатъ до выхода изъ бухты,—вышла въ открытое море.

За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ изъ Японіи Резанову удалось узнать истинную причину отказа японскаго правительства въ принятіи нашего посольства. Свѣдѣнія эти, вполнѣ правдоподобныя, сообщены были ему однимъ изъ мегасакскихъ чиновниковъ, который, повидимому, былъ хорошо освѣдомленъ.

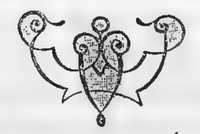
Когда еще въ 1792 году, во время прихода въ Японію Лаксмана, возбужденъ былъ вопросъ о сношеніяхъ съ Россіей, при дворѣ тогдашняго сеогуна, Іе-Нари, особымъ вліяніемъ пользовался сановникъ по имени Девесама, человѣкъ обширнаго ума и выдающихся способностей, видѣвшій въ сношеніяхъ съ иностранными державами залогъ развитія и обновленія своей родины. Своими доводами онъ убѣдилъ сеогуна въ пользѣ заведенія сношеній съ Россіей, вслѣдствіе чего Лаксману дана была надежда на благосклонный пріемъ русскихъ, если они прибудутъ въ Нагасаки. Все это дѣлалось въ Едо по распоряженію сеогуна, при чемъ могущественный при едоскомъ дворѣ Девесама, видѣвшій, по выраженію Резанова, въ духовномъ императорѣ (микадо) «одинъ фантомъ власти»,—не счелъ нужнымъ сообщить о происшедшемъ въ Міако. Въ теченіе семи лѣтъ тщетно ожидали прибытія русскаго корабля, а между тѣмъ, главный приверженецъ русскихъ, Девесама, вскорѣ послѣ этого скончался. Тогда противная партія, во главѣ которой стоялъ другой сановникъ, Унема-Сама, начала усиленно дѣйствовать въ противномъ направленіи и вскорѣ пріобрѣла значительное вліяніе. Единственнымъ сторонникомъ мнѣній покойнаго Девесама при едоскомъ дворѣ остался Хида-Хиго-Сама, который по-прежнему стоялъ за договоръ съ Россіей.

Около этого времени Резановъ прибылъ въ Японію и, когда отправленный нагасакскимъ губернаторомъ курьеръ привезъ нашу посольскую грамоту въ Едо, то сеогунъ рѣшилъ тотчасъ принять русскаго посла. На совѣтѣ, собранномъ по этому случаю, хитрый Унема-Сама, повидимому, соглашался со мнѣніемъ сеогуна, но предложилъ, чтобы, согласно съ обычаями, испросить на это согласіе микадо, при дворѣ котораго, въ Міако, у него былъ вліятельный родственникъ. Послѣдній повліялъ на даири, и микадо прислалъ отвѣтъ, что для столь важнаго дѣла необходимо созвать главнѣйшихъ князей государства. Послѣдніе собрались въ Едо въ числѣ болѣе 200 и, когда приступили къ вопросу о принятіи русскаго посольства, то возникло разногласіе, вслѣдствіе чего государственные чины рѣшили послать выписку изъ всего дѣла на окончательное утвержденіе даири. Но едва послѣдній увидѣлъ изъ дѣла, что Лаксману

былъ данъ благопріятный отвѣтъ, безъ его вѣдома и согласія, какъ тотчасъ возбудилъ дѣло объ оскорбленіи императорскаго достоинства сеогуномъ. Готовилась уже борьба между приверженцами микадо и сеогуна, но послѣдній, желая избѣгнуть кровопролитія, принесъ повинную микадо и выдалъ головою приверженца проекта Хида-Хиго-Саму, который и былъ отправленъ въ ссылку, а Резанову посланъ отказъ, несмотря на то, что общественное мнѣніе въ Японіи было крайне благопріятно для русскихъ.

Такъ окончилась миссія Резанова, неудачный исходъ которой уже никоимъ образомъ не можетъ быть ему поставленъ въ вину. А между тѣмъ нѣкоторые приписываютъ неудачу посольства горячности и высокомѣрію посланника; другіе видятъ причину нашей неудачи въ томъ, что Резановъ имѣлъ неосторожность довѣриться директору голландской факторіи Дёффу, который игралъ двойную игру и въ тайнѣ употреблялъ всѣ усилія, чтобы уничтожить домогательства русскихъ и т. п. Всѣ эти обвиненія, повторяемъ, рушатся сами собою въ виду того, что отказъ, рѣшенный принципіально въ Едо, произошелъ вслѣдствіе причинъ посторонних, независящихъ отъ переговоровъ, веденныхъ въ Нагасаки Резановымъ. Имѣй мы въ то время въ Тихомъ океанѣ эскадру, которая могла бы поддержать нашъ авторитетъ въ Японіи, исходъ переговоровъ былъ бы вѣроятно иной и честь открытія Японіи для европейской торговли,—какъ это сдѣлано было 50 лѣтъ спустя американской эскадрой Перри,—принадлежала бы Россіи.

К. Военскій.



Поправка.

Въ іюльской книжкѣ «Русской Старины», въ статьѣ «Русское посольство въ Японію въ началѣ XIX вѣка», на страницѣ 123 въ 6-й строкѣ снизу напечатано: Въ 1743 году, вмѣсто: Въ 1733 году.

Поединки и законы о нихъ въ XVIII вѣкѣ.

Всеподданнѣйшій рапортъ генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-адъютанта князя Репнина о поединкѣ кадета Петра Линдемана.

---

7 декабря 1746 г.

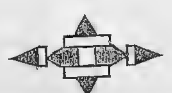
Сего декабря «5» числа кадетскаго шляхетнаго корпуса подполковникъ фонъ Зихеймъ поданнымъ ко мнѣ репортомъ объявилъ, яко того корпуса кадетъ Петръ Линдеманъ найденъ заколотый, что учинилось слѣдующимъ обстоятельствомъ: то-есть сего декабря 3 и на 4-е число оной Линдеманъ, самовольно отлучась, при корпусѣ не ночевалъ; а пришелъ уже 4 числа по утру, за что былъ арестованъ; а потомъ и штрафованъ фухтелемъ и изъ-подъ ареста свобожденъ; съ приказаніемъ крѣпкимъ, чтобъ его какъ во всю ту такъ и въ будущую недѣли з двора не пускать, но онъ Линдеманъ паки самовольно того же числа послѣ половины дни въ классахъ не былъ; и въ корпусѣ не сысканъ; которой чрезъ посланнаго отъ корпуса кадетскаго сержанта Четкина съ человѣкомъ его Линдемана, найденъ въ измайловскомъ полку въ квартирѣ того полку сержанта Зейтца заколотъ; а кѣмъ того оной Линдеманъ сказать не могъ (потому), что былъ уже при смерти. Но потомъ помянутый сержантъ по сказыванію ему отъ сержанта того измайловскаго полку Гельмерсена объявилъ, яко рѣченный кадетъ Линдеманъ заколотъ вышесказаннаго уже 4 числа имянованнымъ сержантомъ Зейтцомъ и того же числа восмомъ часу пополудни умре; котораго тѣло послѣ число имѣлось въ измайловскихъ свѣтлицахъ, а сего дня взято въ кадетскій корпусъ. Предписаннымъ же подполковника фонъ Зихейма репортомъ объявлено, что о томъ убивствѣ о произведеніи надлежащаго при опредѣленномъ отъ корпуса депутатѣ слѣдствія въ полковую означеннаго измайловскаго полку канцелярію того 5 числа сего мѣсяца изъ канцеляріи кадетскаго корпуса и промеморія послана.

А по правамъ Вашего Императорскаго Величества узаконеннымъ повелѣваетъ: воинскаго устава въ главѣ «49-й» по нижеслѣдующимъ пунктамъ, а имянно по 14-му: ежели случится, что двое на назначенное мѣсто выдутъ и одинъ противъ другаго шпаги обнажатъ, то повелѣно таковыхъ, хотя никто изъ оныхъ

уязвленъ или умерщвленъ не будетъ, безъ всякой милости, такожде и секундантовъ или свидѣтелей, на которыхъ докажутъ, смертью казнить и оныхъ пожитки отписать; однакожъ сіе съ такимъ изъятіемъ, что ежели оныя по обнаженію оружія отъ другихъ разлучены и силою уняты будутъ, а ежели сами престанутъ, то токмо жестокому штрафу подлежатъ по разсмотрѣнію воинскаго суда.—По 15-му: ежели биться начнутъ и въ томъ бою убиты и ранены будутъ, то какъ живые такъ и мертвые повѣшаны да будутъ. По 16-му: и понеже часто случается, что многія для убѣжанія онаго наказанія, которое о поединкахъ учреждено, причины и случая къ ссорамъ ищутъ и тѣмъ предпріятіе свое къ дракѣ намереніе покрыть хотятъ, будто бы оная ненарочно учинилась, или за какую свою обиду, о которой суду не бивъ челомъ въ драку вступятъ, хотя одинъ противъ одного, или съ равнымъ числомъ секундантовъ и равнымъ или не равнымъ оружіемъ, а сыщется подлинно, что то учинено вымысломъ, для убѣжанія штрафа о поединкахъ, то оная драка за поединокъ причтена и которые въ томъ найдутся, таковые жъ наказаніемъ, како о поединкахъ учреждено, наказаны имѣютъ быть до по послѣдующимъ же воинскимъ артикуломъ повелѣно.—По 139-му, все, вызовы, драки, поединки, чрезъ сіе наикрѣпчайше запрещаются, так. обр., чтобы никто, хотя бы кто онъ ни былъ высокаго или нискаго чину, прирожденный, здѣшный или иноземецъ, хотя другой кто, словами, дѣломъ, знаками, или инымъ чѣмъ къ тому побужденъ или раздоренъ былъ, отнюдь не дерзалъ соперника своего вызывать, ни же на поединокъ съ нимъ на пистолетахъ или на шпагахъ биться; кто противъ сего учинитъ, оный всеконечно какъ вызыватель, такъ кто выйдетъ имѣетъ быть казненъ, а имянно повѣшенъ, хотя изъ нихъ кто будетъ раненъ, или умерщвленъ, или хотя оба ранены отъ того отойдутъ; а ежели случится, что оба или одинъ изъ нихъ въ такомъ поединкѣ останется, то ихъ и по смерти за ноги повѣсить.—По 142-му, для остереганія всякаго случая надлежитъ при зачатіи такихъ дракъ постороннимъ ссорящимся пріятельски помирить искать; и ежели того не могутъ учинить, то немедленно по караулу послать, или самимъ сходить и о такомъ дѣлѣ объявить, дабы караулъ ихъ развести или при нужномъ случаѣ за арестъ взять могъ; кто сего не учинитъ оный такожъ, яко и виноватый накажется.—Но понеже на какихъ обстоятельствахъ въ томъ заколоніи слѣдствіе окажется, того до акуратнаго онаго окончанія подробно Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести не могу.

князь Репнинъ [1]).

Сообщилъ: баронъ **Н. В. Дризенъ**.



[1]) Дальнѣйшаго производства въ дѣлѣ не находится.

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ съ половины іюня до половины августа настоящаго года.

Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула. «Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Мартыновъ, А. А. Надгробная лѣтопись Москвы. «Русскій Архивъ», 1895, № 7.

Титовъ. А. А. Родъ Ярославскихъ князей Троекуровыхъ.—«Русскій Архивъ», 1895, № 7.

О «Русской Родословной книгѣ» князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. «Русскій Архивъ», 1895, № 7.

Письма А. В. Никитинки къ Н. П. Гилярову (1863) о М. Н. Катковѣ.—«Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Письма Святогорца Серафима къ И. И. Бороздину, со стихами.—«Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Арсеньевъ, Ю. В. Николай Спаѳарій и его время. I. Молдавскій періодъ. — «Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Изъ записокъ А. О. Смирновой. «Русскій Архивъ». № 7.

Ардашевъ. Н. Н. Московскій приказъ XVII вѣка на Московской выставкѣ историческихъ картинъ XIX вѣка.—«Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Письма Екатерины Великой къ Ступишинымъ и къ графу В. П. Мусину-Пушкину. — «Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Пять писемъ дьякона В. Пальмера къ А. С. Хомякову (1816—1853). Переводъ съ неизданныхъ англійскихъ подлинниковъ. — «Русскій Архивъ». 1895, № 7.

Записки А. О. Смирновой. Лермонтовъ,—Листъ.—Глинка. «Сѣв. Вѣстн.». 1895, № 7.

Урсинъ, М. Религіозно-политическіе идеалы польскаго общества.—«Сѣв. Вѣст.». 1895, № 7.

Некрологъ Н. Х. Бунге. — «Сѣв. Вѣст.» «Внутрен. Обозрѣніе».—1895. № 7.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики (продолж.) «Кіев. Старина». 1895, № 6.

Морозъ, Д. Изъ моего давнопрошедшаго. (Окончаніе).—«Кіев. Старина», 1895, № 6.

Багалѣй, Д. Украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. (Продолженіе) «Кіев. Старина». 1895, № 6.

Митрополитъ тобольскій Павелъ Конюскевичъ.—«Кіевск. Старина». 1895, № 6.

Рудневъ, Л. И. О духовныхъ завѣщаніяхъ по русскому гражд. праву въ историч. развитіи.—«Унив. Изв.». 1895, № 6.

Голубовскій, П. В. Исторія Смоленской земли до начала XV в. — Продолженіе. «Унив. Изв.». 1895, № 6.

Владиміровъ, В. П., проф. Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина. — «Унив. Извѣстія». 1895, № 6.

Багалѣй, Д. И., проф. Опытъ исторіи Харьковскаго университета. (Продолженіе.—Записки Имп. Харьк. унив. 1895, кн. 2-я.

Ризниковъ, С. А. Опредѣленіе времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожевскаго монастыря на Крутицкій.—«Ист. Обозрѣніе», т. VIII, 1895.

М. С. Николай Христіановичъ Бунге. (Некрологъ.)— «Вѣстн. Евр.». 1895, № 7.

Пыпинъ, А. Н. Времена Екатерины II. — Окончаніе «Вѣстн. Евр.». 1895, № 7.

Котляревскій, Н. А. Памяти Е. А. Баратынскаго. «Вѣстн. Евр.» 1895, № 7.

Дубновъ, С. М. Евреи и реформація въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ.—«Восходъ», 1895, май.

Бершадскій, С. А. Проф. Положеніе о евреяхъ въ 1804 году.—«Восходъ». 1895, іюнь.

Чумиковъ, А. А. Къ исторіи спо-

шеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. (Изъ «Чт. въ И. О. Ист. и Древн. Росс.» 1895, кн. II. — М. 1895.

Лебедевъ, А. Н. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись).—(Изъ «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» за 1895, кн. 3-я).—М. 1895.

Коноплевъ, Николай. Святые Вологодскаго края. (Изъ «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.»)—М. 1895.

Амфилохій, еписк. О фрескахъ въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевомъ Дмитріевомъ монастырѣ, въ ц. Преображенія Господня. — «Труды Восьмаго Археол. Съѣзда». Т. II.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Къ вопросу о губернскихъ историческихъ архивахъ. — «Труды Восьмаго Археол. Съѣзда». Т. II.

Лашковъ, Ѳ. Ѳ. Крымскія шертныя грамоты XVI—XVII в., хранящіяся въ Москов. Глав. Архивѣ М. И. Д.— «Труды Восьмаго Археол. Съѣзда», Т. II.

Лебедевъ, Д. П. Неизвѣстный московскій проповѣдникъ половины XVI вѣка.—«Труды Восьмаго Археол. Съѣзда», Т. II.

Соболевскій, А. И. Грамота кн. Иванка Берладника 1134 года.—«Труды Восьмаго Археол. Съѣзда». Т. II.

Красносельцевъ, Н. Ѳ. Новый списокъ русскихъ богослужебныхъ «Дѣйствъ» XVI—XVII в.в.—«Труды Восьмаго Археол. Съѣзда». Т. II.

Лопаревъ, Х. М. Іерусалимскій патріархъ Хрусаѳъ (1707—1731) и его отношеніе къ Россіи.—«Труды Восьмаго Арх. Съѣзда въ Москвѣ».—Т. II.

Симоновъ, Н. Сибирскій казачій №1-го Ермака Тимофеева полкъ въ Кульджинскомъ походѣ 1880 года.—«Военный Сборникъ» 1895, № 6.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ. «Военный Сборникъ», 1895, № 6 и 7-й.

Оборона Шипки. Боевая служба и жизнь артиллеріи на Шипкѣ.—«Военный Сборникъ», 1895, № 6 и № 7.

Бердяевъ, В. Обходное движеніе черезъ Балканы восточнаго отряда князя Святополка-Мирскаго 2-го, съ 23-го по 27-е дек. и бой подъ Шипкою 27-го и 28-го дек. 1877. «Военный Сборникъ». 1895, № 7.

Гадзяцкій, С. А. Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ. (Окончаніе).—«Русская Бесѣда». 1895, № 6.

Лобановъ, Д. Д. Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. (Продолженіе).—«Русская Школа». 1895, №№ № 5 и 6.

Арепьевъ, Н. Ѳ. Исправительное воспитаніе въ Россіи. (Продолженіе).—«Русская Школа». 1895, № № 5 и 6.

Милюковъ, П. Н., Проф. Очерки по исторіи русской культуры (Продолженіе).—«Міръ Божій». 1895, № 5 и № 7.

Ивановъ, Ив. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. (Жизнь, личность, творчество).—«Міръ Божій». 1895, № 5—№ 7.

Разныя разности.—На родинѣ.— Н. Х. Бунге. (Некрологъ).—Переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой.—«Міръ Божій». 1895, № 7.

Маминъ-Сибирякъ, Д. А. В. Елисѣевъ. Страничка изъ воспоминаній.—«Міръ Божій». 1895, № 7.

Южаковъ, С. Н. Изъ современной хроники. Некрологи: Н. Х. Бунге, П. В. Павлова и А. В. Елисѣева.—«Русское Богатство». 1895, № 6.

Мякотинъ, В. Новое изслѣдованіе по исторіи Сената. — «Русское Богатство». 1895, № 6.

Дружининъ, Н. П. Закрѣпощеніе и освобожденіе крестьянъ (Историческій этюдъ). Продолженіе.—«Наблюдатель». 1895, № 6.

Липранди, А. П. Русское дѣло въ Западномъ краѣ. (Продолженіе). — «Наблюдатель». 1895, № 7.

Колюпановъ, Н. П. Изъ прошлаго. (Посмертныя записки). (Окончаніе).— «Русское Обозрѣніе». 1895, № 6.

Ливотовъ, Е. В. Георгій Конисскій, архіепископъ бѣлорусскій. (Окончаніе). «Русское Обозрѣніе». 1895, № 6.

Владиміровъ, А. П. О виленскомъ памятникѣ графу М. Н. Муравьеву.— «Русское Обозрѣніе». 1895, № 6.

Павловъ, Н. М. Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. — Отзывы о славянофилахъ. «Русское Обозрѣніе». 1895, № 6.

Фудель, Свящ. І. И. Одна изъ нашихъ слабостей. (По поводу полемики Каткова съ Герценомъ).—«Русское Обозрѣніе» 1895, № 6.

Елисѣевъ, А. В. (Некрологъ). «Русское Обозрѣніе», 1895, № 6.

Смирновъ, Е. К. Прот. Англо-русское литературное общество. I. Дѣятельность Общ. за второй годъ его существованія. «Русское Обозрѣніе». 1895, № 7.

Палимпсестовъ, И. У. Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ.—«Русское Обозрѣніе, 1895, № 6.

Архангельскій, А. С., Проф. С. Т. Ак-

каковъ I. Дѣтство и студенчество.—«Русское Обозрѣніе». 1895, № 7.

Дьяконовъ, М. Половники поморскихъ уѣздовъ въ XVII в. (Изъ «Журн. М. Н. Просв». № 5. 1895).—Спб. 1895.

Крыжановскій, О. Значеніе духовенства въ исторіи народнаго образованія въ Россіи (продолженіе).—«Образованіе». 1895, №№ 5—6.

Соколовъ, М. И. О редакціяхъ житія св. Авраамія Ростовскаго.—«Труды Восьмаго Археол. Съѣзда», Т. II.

Забѣлинъ, Иванъ. Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. Часть I. Третье изданіе съ дополненіями. М. 1895.

Щербачевъ, Г. Д. Идеалы моей жизни.—Воспоминанія изъ временъ царствованій императоровъ Николая I и Александра II.—М. 1895.

Токмаковъ, И. Историко-статистическое и археологическое описаніе церкви во имя Спаса-Исцѣлителя Разслабленнаго, въ селѣ Ведерницахъ, Дмитровскаго у.—«Старая и новая Москва». Вып. 3-й.—Москва. 1895.

Празднованіе 25-лѣтней службы К. Х. **Иноевса**.—Москва. 1895.

Щегловъ, В. Г., Проф. Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра Перваго.—Историко-юридич. изслѣдованіе. Вып. первый.—Ярославль, 1895.

Леонидъ. Архим. Историко-археологич. и статист. описаніе Боровскаго Пафнутіева монастыря. Изд. 2-е исправлен. и дополн.—Калуга. 1894.

Верещагинъ, В. В. Худож. 1812.—Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ I.—Приложеніе къ каталогу картинъ В. В. Верещагина. Москва. 1895.

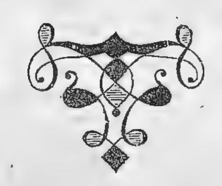
Сказаніе о недугѣ, кончинѣ и погребеніи въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца императора Александра III.—Варшава. 1895.

Брянскій Петропавловскій женскій монастырь.—Брянскъ. 1895.

Записки А. О. **Смирновой**. Часть I. Съ портретомъ. (Отд. отт. «Сѣв. Вѣстника»). 1895. Спб.

Балласъ, Михаилъ. Виноделіе въ Россіи. — Историко - статистическій очеркъ. Часть I. Спб. 1895.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.—Изданіе третье Пост. Комм. по устройству народ. чт. Спб. 1895.



мѣчательныхъ русскихъ людей, къ числу тѣхъ русскихъ самородковъ, которыми по справедливости можетъ гордиться родина, и имена которыхъ въ лѣтописяхъ прогрессивнаго движенія страны стоятъ въ первыхъ рядахъ дѣятелей на пользу своего отечества",—такъ начинаетъ авторъ первую главу своего очерка. М. С. Щепкинъ родился въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ, 6 ноября 1788 года. Отецъ его считался отъ рожденія дворовымъ человѣкомъ графа Волькенштейна и служилъ камердинеромъ при баринѣ. Мать Щепкина была тоже изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, отданныхъ въ приданое за графинею, и служила сѣнной дѣвушкой при барынѣ: этого, по обычаю того времени, было достаточно, чтобы сочетать ихъ бракомъ. Тихо и мирно проходили первые годы дѣтства Щепкина, сдѣлавшагося любимцемъ и родителей, и господъ. Полугодовалымъ малышемъ онъ уже пользовался привилегіями, совершенно выходившими изъ рамокъ общепринятой дворовой дисциплины. Когда ему еще не было пяти лѣтъ, его начали учить грамотѣ, „чтобы не баловался". Ключнику хлѣбнаго магазина при винокуренномъ заводѣ суждено было внѣдрять первыя начала премудрости въ дѣтскую голову будущаго артиста. Ученье пошло легко и быстро, и въ шесть лѣтъ Щепкинъ вполнѣ усвоилъ всю несложную науку первоначальнаго образованія, при чемъ не обходилось и безъ наказаній. Матери было больно смотрѣть, какъ наказывали ея любимаго сына, и она уговорила отца отдать мальчика къ другому учителю, священнику одного изъ графскихъ селъ; спустя нѣкоторое время отецъ надумалъ везти сына въ Бѣлгородъ къ другому, очень ученому, священнику. Во время этой поѣздки случилось важное событіе въ дѣтской жизни Щепкина, повліявшее, по собственному его признанію, на всю его судьбу. Случилось, что путники остановились на ночлегъ въ томъ самомъ Красномъ, гдѣ родился Щепкинъ. Вдовецъ графъ, для развлеченія и забавы своихъ дѣтей, устроилъ театръ. У него былъ хорошій оркестръ музыкантовъ и порядочный хоръ пѣвчихъ, такъ что была возможность ставить и оперы;—въ этотъ разъ дана была опера „Новое семейство". Голова семилѣтняго воспріимчиваго мальчика закружилась отъ необыкновенной обстановки спектакля, тѣмъ не менѣе онъ все разсмотрѣлъ и все примѣтилъ, а оперные мотивы помнилъ до конца своей жизни. Этотъ вечеръ былъ роковымъ въ жизни Щепкина: съ тѣхъ поръ зародилась въ немъ страсть къ театру, угасшая лишь съ послѣднимъ вздохомъ геніальнаго артиста. И еще разъ въ дѣтствѣ пришлось Щепкину возобновить свои сценическія впечатлѣнія, но явиться уже не зрителемъ, а актеромъ. Это случилось уже въ Суджѣ, гдѣ Щепкинъ учился въ уѣздномъ училищѣ, послѣ занятій у бѣлгородскаго священника. Подъ руководствомъ учителя ученики должны были сыграть „Вздорщицу", Сумарокова. Этотъ спектакль и все связанное съ нимъ навсегда сохранилось въ памяти Щепкина со многими подробностями. Онъ описалъ впослѣдствіи не только различные эпизоды этого вечера, но и свои ощущенія, и чувства, волновавшія его при этомъ первомъ дебютѣ: сначала онъ какъ будто струсилъ, но потомъ былъ въ такомъ жару, что себя не помнилъ и чувствовалъ какое-то самодовольствіе, видя, что быстрѣе его никто не говоритъ. Юные актеры удостоились полной похвалы. Спектакли въ Красномъ и Суджѣ были самыми важными событіями въ дѣтствѣ Щепкина и оказали несомнѣнное вліяніе на его артистическое призваніе. Еще большее развитіе получило въ немъ это призваніе въ слѣдующіе годы, когда онъ въ Курскѣ увидалъ настоящій театръ. Въ 1802 году Щепкина изъ Суджи привезли въ Курскъ и отдали въ народное губернское училище, прямо въ 3-й классъ. Въ это время Щепкину было уже около 15 лѣтъ; ребяческія шалости и игры смѣнялись чтеніемъ. Прикащикъ книжной лавки очень полюбилъ Щепкина и охотно снабжалъ его книгами, а особенно помогъ ему въ дѣлѣ развитія И. Ѳ. Богдановичъ. Съ отличіемъ окончивъ курсъ въ курскомъ училищѣ, Щепкинъ долженъ былъ ѣхать въ деревню, къ своему барину. Такъ закончилось научное образованіе Щепкина; начиналась для него жизнь, полная суровой дѣйствительности, жизнь дворового человѣка, безусловно зависимаго отъ произвола и случайностей.

Во второй главѣ своего очерка авторъ говоритъ о дѣятельности Щепкина на провинціальной сценѣ, въ третьей—о московскомъ театрѣ дощепкинскаго періода, а затѣмъ,—о дѣятельности его въ качествѣ актера императорскихъ театровъ. Въ четвертой главѣ А. А. Ярцевъ дѣлаетъ характеристику Михаила Семеновича, какъ артиста и человѣка. Въ двухъ слѣдующихъ главахъ мы находимъ краткую характеристику П. С. Мочалова, В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова и П. М. Садовскаго, главнѣйшихъ представителей русской сцены щепкинскаго періода, который ознаменовался расцвѣтомъ русской драматургіи и появленіемъ на сценѣ многихъ талантливыхъ дѣятелей. „Это было время окончательнаго укрѣпленія на русской сценѣ художественнаго реализма. Театръ, основанный по образцу иноземныхъ, пошелъ впереди послѣднихъ въ смыслѣ пониманія задачъ искусства и исканія художественной правды. Въ этомъ — значеніе щепкинскаго періода, а въ достигнутыхъ результатахъ—залогъ той свѣтлой будущности, когда русскій театръ станетъ народнымъ достояніемъ",—такъ заканчиваетъ г. Ярцевъ свой интересный очеркъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1895 г.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд.	(*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ	(*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ	(*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд.	(*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ	(*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе	(*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ	(*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ	(*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ,	(*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ,	(*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ	(*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892, 1893-94 гг.,	12 книгъ,		съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. НОЯБРЬ. 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,

Большая Подъяческая, 39.

1895.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1895 г.

Библіографическій листокъ.

М. В. Юзефовичъ. «Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи». Второе изданіе. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Кіевъ. 1895 г.

Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ (род. 15-го іюня 1802 г., умеръ 21-го мая 1889 г.) много писалъ въ различныхъ органахъ печати—«Кіевлянинѣ», въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Днѣ», въ «Le Nord» и издалъ немало отдѣльныхъ брошюръ, большею частію касавшихъ жизни и интересовъ Юго-Западнаго края. Не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго человѣка, который, бывая въ Кіевѣ, —гдѣ Михаилъ Владиміровичъ прожилъ безвыѣздно почти пятьдесятъ лѣтъ,—съ нимъ бы не познакомился. Переживъ цѣлыя поколѣнія друзей и сверстниковъ, а въ послѣдніе годы почти окончательно потерявъ слухъ, Михаилъ Владиміровичъ до конца жизни сохранилъ ясность и свѣжесть умственныхъ силъ. Въ его бумагахъ оказалось много замѣтокъ, набросковъ и отдѣльныхъ статей, въ совокупности которыхъ рельефно обрисовываются какъ взгляды его на историческое прошлое Россіи и современную ея жизнь, такъ и самая личность и характеръ автора, всецѣло посвятившаго себя отстаиванію дорогихъ ему русскихъ интересовъ. «Такъ какъ посмертныя замѣтки эти,—говорится въ предисловіи ко 2-му изданію этой брошюры,—могли имѣть цѣну для довольно обширнаго круга его родныхъ, друзей и почитателей, то семья его первоначально рѣшилась издать ихъ лишь въ соотвѣтствующемъ, ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Нынѣ же, убѣдившись, что этими искренними и оригинальными мыслями заинтересовался большой кругъ читателей, признанъ своевременнымъ новый выпускъ этого историческаго обзора».

Трудъ разбора, приведенія въ порядокъ и редактированія этого обзора принялъ на себя сынъ покойнаго, Б. М. Юзефовичъ, съ именемъ котораго наши читатели знакомы, такъ какъ съ октябрьской книги «Русской Старины» начаты печатаніемъ сообщенные имъ очерки изъ студенческой жизни его брата, Владиміра Михайловича, подъ заглавіемъ «Тридцать лѣтъ тому назадъ».

Б. М. Юзефовичу удалось найти и слѣдующія строки, предназначавшіяся авторомъ, повидимому, служить вступленіемъ къ этой политической исповѣди. Мы приводимъ ихъ дословно: «Издавая эти размышленія, я знаю, что становлюсь въ рѣзкія противорѣчія съ общественнымъ мнѣніемъ и иду навстрѣчу множеству противниковъ. Но я не руковожусь ни гордымъ самомнѣніемъ, ни желаніемъ угодить кому бы то ни было. Я представляю здѣсь результаты умственной работы цѣлой долгой жизни—работы, если не безошибочной, то добросовѣстной и вполнѣ независимой. Этотъ своего рода капиталъ я не хочу зарыть съ собою въ могилу».

Какъ образчикъ мѣткости и образности языка автора приведемъ хотя бы слѣдующія строки: „Сколько бы мы ни обращались къ урокамъ исторіи, сколько бы мы ни углублялись въ умозрительныя выкладки, ничего намъ не найти мудрѣе, цѣлесообразнѣе и практичнѣе для единовластнаго государственнаго механизма той правительственной формулы, какую придумалъ Петръ, этотъ перворѣшитель всѣхъ основныхъ задачъ русской жизни. Его Правительствующій Сенатъ съ коллегіальными министерствами, исключавшими личный произволъ и подчиненными верховному его контролю, былъ тѣмъ зерномъ, изъ котораго могла и должна была вырости полная система нашего государственнаго правоваго порядка. Я, конечно, разумѣю не сколокъ съ Петровскаго Сената, а идею, которая была положена въ его основу соотвѣтственно требованіямъ даннаго времени. Эта идея выражается слѣдующею формулою: дать въ помощь самодержавной власти такое учрежденіе, въ которомъ сосредоточивались бы всѣ функціи ея и гдѣ вседержащая власть могла бы провѣрять самое себя и приходить къ окончательнымъ опредѣленіямъ, опираясь на соборный разумъ избранныхъ ею людей, съ помощью которыхъ могъ бы быть учрежденъ и правильный надзоръ за дѣятельностью исполнительныхъ органовъ. Для полновластнаго у насъ монарха не существуетъ никакихъ корыстныхъ побужденій сознательно противорѣчить общему благу, а возможны только ошибки, отъ которыхъ, въ предѣлахъ возможности, и охранялъ бы его соборный разумъ».

Мы не станемъ приводить содержанія этого въ высшей степени интереснаго и прекрасно изданнаго историческаго обзора; замѣтимъ только, трудъ г. Юзефовича прочтется съ большимъ удовольствіемъ и пользою всякимъ образованнымъ человѣкомъ.

Н. К-ш-ъ.

«Столѣтіе россійской конной артиллеріи. 1794—1894. Историческій очеркъ. Составилъ и издалъ Павелъ Потоцкій. Съ 15-ю листами портретовъ и рисунковъ. Спб. 1894.

Въ предисловіи къ своему труду г. Потоцкій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго**, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать «**РУССКУЮ СТАРИНУ**» чрезъ редакцію **«Досугъ и Дѣло»**.

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

══ Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно** въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145.** Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ══

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

Историческій музей при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Милостивый Государь
Г. Редакторъ.

Позвольте при посредствѣ Вашего уважаемаго изданія довести до свѣдѣнія лицъ, интересующихся исторіей просвѣщенія русскаго общества, объ организаціи историческаго музея Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный Монастырь). Прилагаемая при семъ программа музея дастъ многимъ возможность содѣйствовать этому дѣлу какъ доставленіемъ указанныхъ въ ней предметовъ и сообщеніемъ о мѣстѣ ихъ нахожденія, такъ и распространеніемъ свѣдѣній о собираніи памятниковъ, цѣнныхъ для исторіи образованія русской женщины.

Организаторъ музея **Н. Карцовъ**.

ПРОГРАММА

организаціи Историческаго музея при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Со времени своего основанія ИМПЕРАТОРСКОЕ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и состоявшее при немъ Александровское Училище неоднократно удостоивались высокаго вниманія и милостей Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи; многія лица, выдававшіяся въ исторіи образованія русскаго общества, группировались около этого учрежденія, и многія измѣненія въ воззрѣніяхъ Правительства на дѣло воспитанія и обученія ярко отражались въ жизни этого перваго по времени Правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи. Все это представляетъ большой интересъ для исторіи образованія русской женщины, и потому Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго Института постановилъ организовать при первомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній музей, который комплектовали бы слѣдующіе предметы.

1) Письма Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, имѣвшія связь съ жизнью Общества благородныхъ дѣвицъ и состоявшаго при немъ Александровскаго Училища.

2) Произведенія искусствъ, книги и другіе предметы, пожертвованные Членами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи.

3) ВЫСОЧАЙШІЕ рескрипты, данные на имя учрежденія, а также выдающіяся постановленія относительно учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя этого заведенія.

4) Планы зданій въ разное время, гравюры и вообще предметы, интересные для исторіи этого учрежденія.

5) Литературные и художественные труды, а также мемуары бывшихъ воспитанницъ и указанія на ихъ выдающуюся семейную или общественную дѣятельность.

6) Портреты выдававшихся дѣятелей, литературные, художественные и ученые труды служившихъ, а также служащихъ при этомъ учебномъ заведеніи.

7) Учебныя программы, классныя записки и учебники за разное время.

8) Сочиненія и отзывы постороннихъ лицъ, касающіеся этого учебнаго заведенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что лица, интересующіяся исторіей умственнаго и нравственнаго образованія русской женщины, и въ особенности лица, близко стоявшія или стоящія къ названному учрежденію, будутъ содѣйствовать основанію такого музея и не откажутся доставить означенные предметы въ Канцелярію заведенія на имя организатора музея Николая Сергѣевича Карцова, который и обязуется вести письменные и устные переговоры по всѣмъ подобнаго рода дѣламъ. Кромѣ такихъ пожертвованій, которыя будутъ отмѣчаться особыми записями, принимаются и указанія на мѣстонахожденіе подобныхъ историческихъ памятниковъ.

Всякое же заявленіе о возвращеніи владѣльцу представленныхъ предметовъ или документовъ будетъ тотчасъ же выполнено по снятіи съ нихъ копій или фотографическаго снимка.

Дозв. ценз. Спб. 17 іюля 1895 г.

Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., № 39.

М. ЧАЙКОВСКIЙ.

(Мехметъ — Садыкъ паша).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

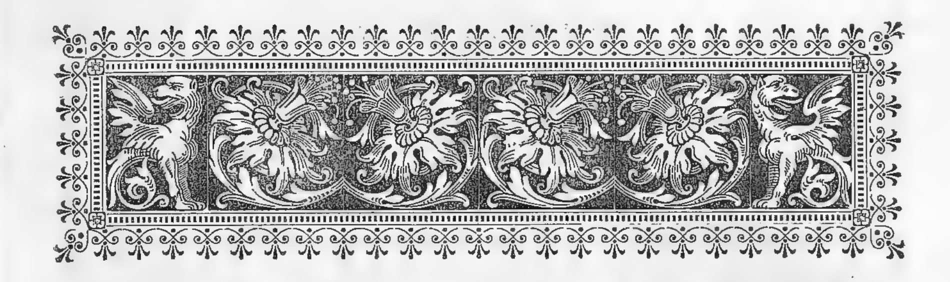
1895 г.

НОЯБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", Бол. Подъяч., 39.
1895.



НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій.

II [1]).

Собранія въ Михайловскомъ замкѣ.—Значеніе замка для союза.—Переходъ Е. Ф. Татариновой изъ лютеранства въ православіе.—Пріобрѣтеніе ею дара пророчества.—Покровительство братству императора Александра I и его надежда что союзъ Татариновой будетъ противодѣйствовать распространенію скопчества.—Книга М. С. Пилецкаго о скопцахъ.—Высылка Кондратія Селиванова изъ Петербурга.—Объявленіе о томъ его послѣдователямъ.—Стараніе митрополита Михаила познакомиться съ ученіемъ Татариновой.—Священникъ Маловъ.—Новые послѣдователи: К. А. Лохвицкій, Ѳ. А. Косовичъ и генералъ-лейтенантъ Е. А. Головинъ.

Въ промежутокъ времени съ 1816 по 1822 годъ, т. е. до указа о закрытіи тайныхъ обществъ, число лицъ, собиравшихся на квартиру Татариновой, для духовныхъ бесѣдъ, было весьма значительно. Она жила тогда въ Михайловскомъ (нынѣ Инженерномъ) замкѣ, и квартира ея, отдѣлявшаяся отъ церкви только одною стѣною, была расположена такъ, что всѣ посѣтители проходили подъ воротами замка, на которыхъ было написано: «Дому твоему подобаетъ святыня Господня».

Въ этой надписи видѣли особое знаменіе Божіе и объясняли

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1895 г. октябрь.

*

его тѣмъ, что возродившіяся къ Богу души молящихся «отъ нетлѣннаго сѣмени слова Божія» чувствуютъ себя какъ бы воскресшими.

«Съ тѣхъ поръ,—писалъ Урбановичъ-Пилецкій [1]),—какъ сталъ я посѣщать Татаринову и слушать изъ устъ ея слово Божіе въ Михайловскомъ зàмкѣ, сдѣлался онъ для меня достопамятнымъ, и, смѣю сказать, храмомъ Божіимъ, домомъ святыни Господней. Часто предавался я размышленіямъ о семъ величественномъ зданіи, въ зодчествѣ котораго видны слѣды вѣры царственнаго его соорудителя и чего-то необыкновеннаго. Когда разсматривалъ надъ воротами его надпись: «Дому твоему подобаетъ святыня Господня» и храмъ Архангела Михаила, пламеннаго блюстителя этой святыни, то зàмокъ представлялся мнѣ весьма духовнымъ и какъ бы назначеннымъ быть домомъ Св. Духу. Если же вѣрить еще и преданію, что сей зàмокъ съ церковью сооруженъ по повелѣнію Архангела Михаила, являвшагося для того одному дворцовому часовому, то Михайловскій зàмокъ дѣлается еще болѣе достойнымъ особаго вниманія. Такъ чувствовалъ я тогда. Мнѣ скажутъ: могло тутъ вмѣшиваться и нѣкоторое пристрастіе отъ того, что душа моя была восхищена и плѣнена тогда небеснымъ сокровищемъ пророческаго слова, которое я слушалъ въ Михайловскомъ зàмкѣ, отъ того и зàмокъ мнѣ представляется въ такомъ благолѣпномъ и духовномъ видѣ. Но, чистое, спокойное чувство души, имѣющей въ предметѣ единаго Господа, и самая очевидность вещей не обманываютъ; обмануть могутъ мысли, воображеніе и что-нибудь слышанное отъ другихъ».

Тамъ, въ этомъ зàмкѣ, въ 1817 году, въ день Архангела Михаила Екатерина Филипповна приняла православіе и въ тотъ же день, по словамъ ея послѣдователей, пріобрѣла даръ пророчества и исполнилась духомъ Слова Божія.

— Слово Божіе,—говорилъ Пилецкій, сообщаетъ душѣ вѣчную жизнь Св. Духа; она радуется и ликуетъ.

— Вчерашній вечеръ,—показывалъ Ѳ. Косовичъ [2]), оставилъ

---

[1]) Въ запискѣ, приложенной ко всеподданнѣйшему прошенію отъ 6 октября 1837 года. Арх. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

[2]) 27-го февраля 1824 года.

меня Духъ, и я видѣлъ, что я безъ него! Слова не могъ написать, а въ сердцѣ неизъяснимое чувство сухости. Такое состояніе и труднѣйшее бываютъ тогда, когда я отвращаюсь сердцемъ отъ Господа, что, по благости Его, рѣдко случается, ибо всегда почти хожу въ присутствіи Его. Легко съ нимъ! Всякія дѣла оканчиваются свободно, не принужденно; усталости отъ трудовъ не чувствую, болѣзни тѣла прекратились, желаній почти нѣтъ никакихъ — всѣмъ доволенъ. Утѣшаюсь любовію Господа; въ сердцѣ свобода, миръ, тишина и радость. Во истину царствіе Божіе въ сердцѣ человѣческомъ. Духу только надобно дать свободу дѣйствовать въ немъ — онъ все совершитъ. Господь единъ крѣпокъ и силенъ. Онъ же сожигаетъ все мертвенное въ сердцахъ и водворяетъ любовь. Ему же единому слава, честь и поклоненіе!

Съ такимъ настроеніемъ и вѣрою въ Бога собирались послѣдователи Татариновой въ залѣ Михайловскаго замка, на потолкѣ котораго было нарисовано изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя, а на стѣнѣ висѣлъ большой образъ «Тайной вечери».

Собранія происходили открыто и потому скоро обратили на себя вниманіе правительства. Въ томъ же 1817 году управлявшій министерствомъ полиціи, генералъ Вязмитиновъ, писалъ императору Александру, бывшему тогда въ Москвѣ, что въ Михайловскомъ замкѣ живетъ подполковница (?) Татаринова, которая содержитъ особую секту и приводитъ въ оную другихъ. Поводомъ къ открытію духовнаго союза послужило перехваченное полиціею письмо Екатерины Филипповны къ госпожѣ Францъ.

«Почтенная и дражайшая во Христѣ сестрица Анна Ивановна!» — писала ей Татаринова [1]).

«Чувствую до глубины сердца моего вашу довѣренность; я желаю въ глазахъ Господа оную заслужить. Теперь живетъ у меня мать моя и занимаетъ ту комнату, которую я вамъ всѣмъ сердцемъ желаю уступить, и я надѣюсь, что до сентября мѣсяца она уже уѣдетъ и тогда я буду свободнѣе вамъ пожелать пріобрѣсти покой въ моемъ домѣ. Да благословитъ Богъ сіе намѣреніе! Прошу васъ покорнѣйше не открывайте никому нашу тайну, ибо вы знаете, что

---

[1]) «Изъ моихъ воспоминаній» Н. С. Усовъ. «Историч. Вѣстникъ», 1884 г. № 3, 579.

Господь запрещаетъ перлы бросать передъ нечистыми; а мы не знаемъ, кому мы о Богѣ говоримъ, можемъ и ошибиться. Извольте прочесть первое посланіе къ коринѳянамъ главу 14, стихи 1—5 [1]). Въ сей главѣ состоитъ тайна наша, которая, по высокому милосердію Божію, насъ утѣшаетъ: любить единаго Бога и для него единственно жить; молю Его, чтобы онъ и васъ сподобилъ сего счастія, которое есть истинное предвѣщаніе царствія небеснаго. Я надѣюсь сама къ вамъ побывать, а до тѣхъ поръ честь имѣю пребыть, почтеннѣйшая сестрица, ваша искренняя слуга Катерина».

Дальнѣйшія разысканія полиціи дали болѣе подробныя свѣдѣнія о всемъ происходившемъ въ собраніяхъ Татариновой. Находившаяся у нея въ услуженіи и принятая въ секту, солдатская жена Варвара Осипова разсказывала, что, при пріемѣ ея въ братство, она была положена въ постель и не знаетъ, отъ чего пришла въ безпамятство. Очнувшись отъ сна, она увидѣла передъ собою пророка, предсказывавшаго ей, что придетъ къ ней корабль съ деньгами, «а госпожѣ Францъ, которая также приведена была въ безчувствіе, явившійся пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся ангелы и возьмутъ ее отъ сей жизни, и потому совѣтовалъ ей, для пріобрѣтенія спасенія, быть благотворительною».

Донесеніе Вязмитинова было отправлено на имя министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, который писалъ, что императоръ, разсмотрѣвъ его записку о собраніяхъ у госпожи Татариновой, приказалъ «оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности». Находя же, что комнаты въ Михайловскомъ замкѣ отведены г. Буксгевденой, а не Татариновой, государь повелѣлъ выселить ее изъ замка [2]).

---

[1]) Въ этихъ стихахъ содержится слѣдующее:

1) Держитеся любве; ревнуйте духовнымъ, паче да пророчествуйте.

2) Глаголяй бо языки не человѣкомъ глаголетъ, но Богу; никто бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.

3) Пророчествуяй же человѣкомъ глаголетъ созиданіе, утѣшеніе и утвержденіе.

4) Глаголяй бо языки себѣ зиждетъ, а пророчествуяй—церковь зиждетъ.

5) Хощу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицайте. Божій бо пророчествуяй нежели глаголяай языки, развѣ аще (кто) сказуетъ, да церковь созиданіе пріемлетъ.

[2]) Письмо кн. А. Н. Голицына С. К. Вязмитинову 8 октября 1817 г. «Историческій Вѣстникъ» 1884 г. № 3, стр. 580.

По этому поводу кн. Голицынъ писалъ барону Петру Романовичу Альбедилю [1]): «Дошло до свѣдѣнія государя императора, что у жительствующей въ Михайловскомъ зàмкѣ полковницы Буксгевденой живетъ дочь ея, подполковница Татаринова, и еще вдова маіора польской службы Францъ, безъ высочайшаго на то соизволенія. А какъ по существующему правилу для Зимняго дворца, особы, помѣщенныя въ немъ жительствовать, не имѣютъ права принимать къ себѣ, безъ высочайшей воли, отдѣльныхъ отъ нихъ совсѣмъ родственниковъ, долженствующихъ жить въ вольныхъ квартирахъ, кромѣ несовершеннолѣтнихъ и никуда еще не пристроенныхъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола дѣтей, зависящихъ совершенно отъ своихъ родителей, то его императорскому величеству угодно было повелѣть мнѣ сообщить вашему превосходительству, чтобы и жительствующія въ Михайловскомъ зàмкѣ особы не могли принимать къ себѣ подобныхъ родственниковъ безъ высочайшей воли, и чтобы таковыя, помѣщенныя ими самими, выведены были изъ онаго, и впредь бы никакому лицу сего дѣлать не позволено было».

Мы не знаемъ, какимъ путемъ это высочайшее повелѣніе осталось неисполненнымъ и кому обязана Татаринова тѣмъ, что въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ продолжала жить въ Михайловскомъ зàмкѣ. Извѣстно только, что она снискала покровительство императора Александра и въ особенности министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Александра Николаевича Голицына [2]). Послѣдній выхлопоталъ ей значительную пенсію на 20 лѣтъ [3]) и, вмѣстѣ съ гофмейстеромъ Родіономъ Александровичемъ Кошелевымъ, часто пріѣзжалъ въ Михайловскій зàмокъ, гдѣ присутствовалъ на радѣніяхъ и слушалъ пророчества [4]).

---

[1]) Въ письмѣ отъ 7 октября 1817 г. Тамъ же.

[2]) Записки: М. С. Пилецкаго и Е. А. Головина.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ прошеніи 17-го іюня 1843 г. Татаринова писала, что ей пожалована пенсія по 10 т. руб. въ годъ, а въ прошеніи 10 октября 1849 года—по 6 т. руб. въ годъ. Послѣднее вѣрнѣе.

[4]) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. «Православ. Обозрѣніе», 1868 г. № 8, стр. 523.

Пророки были двухъ родовъ: одни говорившіе по внушенію Духа Святаго—Никита Ѳедоровъ, чаще другихъ пророчествовавшій, а другіе по назначенію—М. Татариновъ и Л. М. Гагинъ.

«Малюточка моя!—писала Татаринова въ одномъ изъ писемъ Л. М. Гагину [1]). Ты вчера пишешь ко мнѣ, чтобы я на тебя должность какую ни есть возложила, дабы ты не даромъ хлѣбъ ѣлъ. Голубчикъ мой! будь ты нашъ пророкъ,—вотъ тебѣ и работа, меня и вѣрныхъ нашихъ утѣшать. Спѣшу, обнимаю тебя духомъ.

«Другъ мой, ангелъ мой!—отвѣчалъ ей Гагинъ. Сердце сердца моего! За что Господу угодно меня такъ наградить – вѣрно для принятія его завтра. О! Господь Спаситель мой, Іисусъ Христосъ, возьми все и позволь у ногъ твоихъ пребывать. Другъ сердца моего! отпиши мой ангелъ вразумитель, что это значитъ?—все сердце у меня горитъ и разливается отъ радости. Ахъ! да будетъ изъ нашихъ сердецъ сердце Іисуса Христа».

Люди съ подобнымъ настроеніемъ, доведенные религіознымъ фанатизмомъ до разстройства нервовъ, до восхищенія и самозабвенія, послѣ долгихъ круженій на одномъ мѣстѣ, легко впадали въ безсознательный бредъ и наслаждались своимъ положеніемъ. Въ этомъ бреду, какъ во снѣ, они видѣли то, къ чему стремились на яву, что составляло ихъ мечты и желанія, и высказывали, что читали или слышали отъ людей одного съ ними направленія. Присутствующіе, не посвященные въ тайны мистическаго ученія, называли слова ихъ предсказаніями или пророчествами, а мистики—магнетизированіемъ.

«Магнетизированная при мнѣ особа,—писалъ А. Ѳ. Лабзинъ З. Я. Карнѣеву [2]),—не только была въ восхитительномъ состояніи—говорила: «ахъ, какъ свѣтло! какъ мнѣ хорошо! о любовь, о свѣтъ», называла всѣхъ насъ, присутствовавшихъ, братьями,—но зная одну изъ нашихъ пѣсенъ, ей нравящихся, велѣла всѣмъ намъ стать на колѣни и пропѣть слѣдующій куплетъ:

О радость! о любовь, о свѣтъ!
О мудрость кроткая, благая!

---

[1]) Безъ года и числа.
[2]) Отъ 11 марта 1820 г. «Русскій Архивъ» 1892 г. № 12, стр. 358.

О духъ! Зри тройственный завѣтъ:
Ковчегъ, Престолъ, Святыхъ Святая.
Расторгнувъ бренности покровъ,
Зри связь и сущность всѣхъ міровъ.
Мірской гнушаясь суетою,
Облекши мысли чистотою,
Стремитесь вѣрныя сердца
Познать Всевышняго Творца.

На вопросъ Лабзина, что она видитъ?

— Ah, — отвѣчала магнетизированная, — que les secrets de l'esprit content. Les secrets spirituels sont bien autre que ceux d'ici-bas.

— Qu'est-ce que c'est que le magnétisme?

— Le magnétisme est un chose sainte; il est le Mercure dans la nature; mais il est au-dessous de l'esprit. Il descend d'en haut, et l'ame s'élance vers le ciel: en voilà deux actions différentes qui ne font qu'une [1]).

Такъ говорила магнетизированная и привлекала къ себѣ многихъ лицъ, мистически настроенныхъ. Съ «душевнымъ услажденіемъ» выслушивали подобные разсказы кн. А. Н. Голицынъ, Р. А. Кошелевъ и другія лица аристократическаго общества; но въ особенности они любили пророческое слово Татариновой, легко впадавшей въ трансъ или гипнозъ, какъ говорятъ нынѣшніе спириты.

— Мы видѣли ее въ скорби, — говорилъ Пилецкій, — и въ слезахъ, часто въ совершенномъ изнеможеніи и вслѣдъ затѣмъ веселою, съ лицомъ свѣтлымъ, на коемъ выражались покой, свобода, сила, мудрость и простота святаго младенчества. Въ присутствіи однихъ, она подвергается изнеможенію, даже до обмороковъ; въ присутствіи другихъ—даются ей сила, здоровье, радость и свобода духа. Души, которыя дѣлаются ей чадами по духу Іисуса Христа,

---

[1]) Ахъ! тайны удовлетворенной души. Духовныя тайны совсѣмъ иное, чѣмъ земныя.

— Что такое магнетизмъ?

— Магнетизмъ святая вещь; это Меркурій въ природѣ, но онъ стоитъ ниже самаго духа. Магнетизмъ ниспосылается съ небесъ, а душа стремится къ небесамъ, и вотъ два разныхъ явленія, объединяющіяся въ одно цѣлое.

сообщенному имъ черезъ ея посредство, не могутъ разстаться съ нею. Онѣ возрастаютъ около нея въ духѣ и въ любви къ единому Спасителю, и когда утвердятся въ сей любви, тогда уже не нуждаются въ ея вожденіи, но слѣдуютъ вожденію своего внутренняго духа и поступаютъ такъ, какъ учитъ ихъ въ сердцѣ сіе святое помазаніе. Нѣтъ, кажется, тайны, которую не открылъ бы ей Господь, для дѣтей Божіихъ, когда они вопрошаютъ ее съ вѣрою. Она знаетъ безошибочно, каковы они въ отношеніи къ Господу. Въ этомъ состоитъ собственно ея званіе, котораго никто не узнаетъ, если не откроетъ Господь, хотя бы и видѣлъ ее, хотя бы и говорилъ съ нею. Весьма жалѣю, что не могу описать всѣхъ обстоятельствъ ея жизни и долженъ ограничиться только немногими, не имѣя и способности, чтобы изобразить достоинства столь благодатной особы, удостоенной быть храмомъ, посвященнымъ въ жилище Св. Духу, но закрытымъ для мірскихъ и гордыхъ очей невидимымъ смиреніемъ и величайшею простотою.

— Даръ святаго пророчества, — говорилъ другой послѣдователь Татариновой, открылся въ ней въ великой полнотѣ и силѣ, и пророческое слово изливалось чрезъ нее изобильно.

«Мы никогда не толкуемъ пророческаго слова, — показывалъ Ѳ. Косовичъ [1]), а принимаемъ чрезъ него любовь и вѣримъ, что оное тотчасъ исполняется въ сердцѣ, или въ свое время исполнится. Рече и быша; повелѣлъ и сдѣлается».

Всѣ послѣдователи Татариновой, какъ настоящіе, такъ и послѣдующіе, вѣрили безусловно въ ея пророческій даръ и въ то, что Господь сотворилъ въ ней свою обитель и что она имѣетъ сокровища высшія, нежели дары духовные. Пророчества Татариновой, — говорили люди, ихъ слышавшіе, — были настолько сильны [2]), что проникали до глубины души и потрясали слушателя «отъ головы до ногъ»; при этомъ ощущался «благоговѣйный трепетъ отъ присутствія Божія» [3]) и сердечное глубокое сокрушеніе и умиленіе.

---

[1]) Показаніе 29 февраля 1824 г.

[2]) Показанія Пилецкаго 6 октября 1837 г. и В. М. Попова 16 и 19 ноября 1840 г.

[3]) Пилецкій увѣрялъ, что «Господь неоднократно являлся, при немногихъ только насъ и въ нашихъ собраніяхъ».

— Я былъ однажды свидѣтелемъ, говорилъ генералъ Головинъ, какъ тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ, слушая пророческое слово Татариновой, началъ кружиться невольнымъ образомъ, самъ испугавшись столь сильнаго надъ собою духовнаго явленія.

Для такихъ лицъ могло ли быть какое-либо сомнѣніе, что прореканія производились не Духомъ Святымъ. Екатерина Филипповна разсказывала мысли и дѣянія каждаго, указывала на пороки, кромѣ самого слушателя никому неизвѣстные, давала наставленія, предостерегала отъ предстоявшихъ опасностей и предсказывала будущее.

Все это дѣлалось съ «премудростію, всевѣдѣніемъ и властью явно божественными». Такъ, за нѣсколько лѣтъ она предсказала П. Кукольнику женитьбу и указала на особу, которой суждено было сдѣлаться спутницею его жизни [1]. По заявленію доктора Ѳ. Косовича и генерала Е. А. Головина, Татаринова исцѣлила ихъ отъ смертельной болѣзни [2]; по свидѣтельству Пилецкаго, она умоляла кн. А. Н. Голицына упросить императора Александра не ѣздить въ Таганрогъ, такъ какъ было пророчество: «Царя въ сыру землю положу», предсказывающее скорую его кончину [3]. По словамъ членовъ кружка въ началѣ двадцатыхъ годовъ были предсказаны событія 14 декабря 1825 года такими словами: «Что же дѣлать, какъ же быть, Россію надо кровію омыть». По заявленію Е. А. Головина, въ началѣ 1830 г. было предсказано возмущеніе въ Польшѣ и наконецъ, въ маѣ 1837 года, за нѣсколько дней до ареста братьевъ союза, Татаринова произнесла пророческое слово: — «крышу раскрою, посрамлю, разошлю» [4].

Все это казалось вѣрнымъ и несомнѣннымъ.

«Что же тутъ удивительнаго?— спрашиваетъ П. Кукольникъ [5]), если въ личности, посвятившей всѣ минуты жизни своей исключи-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1874 г., т. I, стр. 603 и 604.

[2]) Показаніе Ѳ. Косовича и записка Е. А. Головина.

[3]) Записка М. С. Пилецкаго. Записка Е. А. Головина.

[4]) В. М. Поповъ настолько вѣрилъ въ пророческій даръ Татариновой, что, будучи уже сосланъ въ монастырь, не рѣшался отказаться отъ своего мнѣнія, опасаясь зато наказанія въ день страшнаго суда.

[5]) «Русскій Архивъ» 1874 г., т. I, стр. 597.

тельно Его (Божію) служенію и предавшейся ему всецѣло, обнаружились признаки присутствія Его всесвятаго Духа? Отвергать это значило бы не имѣть довѣрія къ божественному завѣту. Это именно присутствіе Св. Духа обнаружилось въ Екатеринѣ Филипповнѣ съ такою силою, что сомнѣваться въ немъ могло только одно безвѣріе. Не говоря уже о той силѣ духа, которую она сообщала слушателямъ, многочисленныя ея предсказанія исполнялись съ такою точностію, что приводили въ изумленіе самыхъ хладнокровныхъ скептиковъ. Кто слушалъ ея совѣты въ самыхъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, тотъ никогда не жалѣлъ о томъ. Напротивъ, тѣ, кои не покорялись ея внушеніямъ, горько впослѣдствіи раскаивались».

— Кто же можетъ произвести такія дѣйствія?—спрашивали братья союза,—«если не Господь духомъ своего слова!»

Татаринова пророчествовала сравнительно рѣдко и почти никогда въ большихъ собраніяхъ: дѣлала это или въ самомъ ограниченномъ кружкѣ вѣрно-преданныхъ или въ одиночку. Пророчествовала она и среди дня, и во время обѣда за столомъ[1]); во время же радѣній пророчествовали другіе.

8-го іюня 1819 года В. Л. Боровиковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Продолжали пѣть, пророчествовала Лукерья, но не смогла всѣмъ; начала Екатерина Филипповна, но также остановилась. Послѣ позвала меня къ себѣ и продолжала пророкать многія обѣтованія и что Господь устроитъ жизнь мою во дворцѣ. Чувствую теплоту сердечную; со всѣми любовно распростился, но дома все пилъ съ ромомъ».

13-го августа воскресенье. «Былъ въ ранней обѣднѣ и молился съ дамами; напившись чаю, поспѣшилъ и засталъ въ полномъ собранія поющихъ, и мнѣ слово милостивое и какая-то Тетеря обезпокоитъ меня и что приведу не одну душу въ братство».

23-го августа. «Слухъ носится, что князь Голицынъ съ Филаретомъ (митрополитомъ московскимъ) хотятъ составить новое христіанское сословіе, въ противность масонамъ»[2]).

---

[1]) Изъ дневника В. Л. Боровиковскаго.
[2]) Тамъ же.

Князь Голицынъ, нѣсколько разъ побывавшій у Татариновой и неоднократно бесѣдовавшій съ нею, познакомилъ съ ея дѣятельностью и лицъ царской фамиліи. Императрица Елисавета Алексѣевна, послѣ нѣсколькихъ свиданій съ Татариновой, обѣщала быть ея покровительницею. Александръ I, находясь нѣкоторое время внѣ Петербурга, писалъ Р. А. Кошелеву, что сердце его пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда онъ читаетъ въ письмахъ его объ обществѣ Татариновой. По возвращеніи въ столицу, Государь принялъ ее самымъ благосклоннымъ образомъ, сообщалъ ей самыя сердечныя свои чувствованія, любовь свою къ Господу и «многое ей одной только извѣстное и такъ удостовѣрился въ ея правовѣріи, въ непорочности пути ея и въ подлинности пророческаго слова, что возлюбилъ ее въ Богѣ» [1]) и сталъ ея покровителемъ. Послѣ продолжительной бесѣды государь ободрилъ Татаринову и выразилъ ей свое сочувствіе.

— Продолжайте,—сказалъ онъ.—Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спасителѣ нашемъ [2]).

Вслѣдъ за тѣмъ императоръ Александръ потребовалъ къ себѣ музыканта Ѳедорова (Никитушку), долго разговаривалъ съ нимъ, разспрашивалъ, какъ онъ познакомился съ Татариновою, какимъ путемъ получилъ даръ пророчества, какое чувствуетъ на себѣ дѣйствіе Святаго Духа и проч. Ѳедоровъ отвѣчалъ, что приведенъ къ Екатеринѣ Филипповнѣ Промысломъ Божіимъ, что онъ совсѣмъ не зналъ ее, но увидѣлъ въ чудномъ видѣніи и, получивъ тогда же сильный даръ пророчества, питаетъ имъ многія души, приходящія въ Михайловскій замокъ. Впослѣдствіи, по ходатайству кн. Голицына и по расположенію къ нему императора Александра I, Ѳедоровъ за свою пророческую дѣятельность былъ награжденъ чиномъ 14-го класса и потомъ дослужился до чина титулярнаго совѣтника.

Посѣтивъ самъ собраніе Татариновой, императоръ Александръ слушалъ пророческое слово, въ которомъ,—писалъ Пилецкій,—«вѣроятно было откровеніе Божіе, ибо изволилъ сказать съ увѣренностію: «симъ обществомъ надѣюсь истребить ереси—скопцовъ и ма-

---

[1]) Записка Пилецкаго. Арх. канц. оберъ-прокурора Синода, д. № 54.

[2]) «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой». «Рус. Арх.» 1872 г., т. II, стр. 2337.

соновъ»[1]). И дѣйствительно въ 1818 году, государь отправилъ къ Кондратію Селиванову М. С. Пилецкаго и бывшаго директора департамента народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника В. М. Попова. Въ присутствіи многочисленнаго собранія скопцовъ, Пилецкій два часа разубѣждалъ Кондратія Селиванова во вредѣ скопчества для государства и общества. Скопцы молча выслушали рѣчь, не возражали, не противорѣчили, но и не убѣдились доказательствами говорившаго. Зато, В. М. Поповъ остался въ полномъ восхищеніи отъ оратора и говорилъ потомъ, что онъ слышалъ Духъ Божій, говорящій черезъ М. С. Пилецкаго[2]). Это былъ первый толчокъ, приведшій Попова къ сближенію съ Татариновою и сдѣлавшій его впослѣдствіи самымъ горячимъ ея поклонникомъ. По тогдашнему общественному положенію Попова и по близости его къ князю А. Н. Голицыну, знакомство съ Татариновою было большимъ пріобрѣтеніемъ для союза. «Скажи отъ меня Попову, — писала Екатерина Филипповна брату[3]),—что я его очень люблю и никому не уступлю».

По поводу бесѣды къ К. Селивановымъ Пилецкій поднесъ императору въ рукописи свое сочиненіе «О скопцахъ». Государь прочиталъ его внимательно, похвалилъ, приказалъ напечатать въ пользу бѣдныхъ, и 6-го октября 1819 года книга появилась въ количествѣ 11.000 экземпляровъ, которые и были разосланы по духовному вѣдомству для руководства и въ войска, для предостереженія отъ опасной секты. Филаретъ, тогда ярославскій архіепископъ, а потомъ митрополитъ московскій, заплатилъ собственныя деньги за присланные ему экземпляры книги, но отказался разослать ее по епархіи, находя, что содержаніе не согласно съ ученіемъ православной церкви. Онъ писалъ о томъ кн. А. Н. Голицыну, который отвѣчалъ: «одна часть хороша, другая не годится — вы бы исправили»[4]). Филаретъ отказался отъ исправленія потому, что небольшая

[1]) Записка М. С. Пилецкаго.

[2]) Это совершенно обратно тому, что пишетъ П. Мельниковъ (см. «Чтенія» 1872 г., т. III, 80). Селивановъ молчалъ, и Попову трудно было увлечься его умомъ и рѣчью.

[3]) Петру Филипповичу Буксгевдену, 26 сентября 1822 года.

[4]) «Изъ воспоминаній митрополита Филарета». «Православное Обозрѣніе». 1868 г. № 8, стр. 520.

книжка Пилецкаго «О скопцахъ» [1]), наполненная ссылками на сказанія апостоловъ, въ сущности заключала въ себѣ все ученіе Татариновой, которому слѣдовалъ и самъ Пилецкій.

«Въ послѣднее время,—говорилъ онъ въ своей книжкѣ,—примѣтно всеобщее стремленіе къ познанію Бога. Оно столь сильно, что души, жаждущія спасенія, но не просвѣщенныя внутреннимъ ученіемъ Духа Святаго, хватаются за ложныя средства, прилѣпляются къ онымъ, утверждаются въ заблужденіи и дѣлаются жертвою его. Все это происходитъ отъ того, что они не познали всѣмъ сердцемъ истины, а познавшіе оную не могутъ подойти къ нимъ и открыть имъ глаза, что царствіе Божіе внутри насъ обрѣтается, т. е. въ сердцѣ, которое единъ токмо Духъ Святый обновить и просвѣтить можетъ».

Это ученіе мистиковъ Пилецкій развиваетъ далѣе въ смыслѣ объясненій кружка Татариновой.

«Кромѣ молитвенныхъ храмовъ, — пишетъ онъ [2]), — въ коихъ священно-обрядно совершается искупительная жертва явною властію установленнымъ духовенствомъ, еще съ апостольскихъ временъ продолжались особыя собранія христіанъ, въ коихъ они бесѣдовали и радовались о своемъ Господѣ Спасителѣ, исполняясь Духа Святаго посредствомъ вдохновенныхъ божественныхъ пѣсней и притомъ назидались, укрѣплялись и утѣшались пророческимъ словомъ, которое было прорекаемо для вѣрующихъ въ явленіи Святаго Духа, черезъ христіанъ, получившихъ даръ пророческій».

Такія собранія, по словамъ автора, всегда были, но скрывались только отъ тѣхъ людей, которые не могли участвовать въ нихъ. Собранія были управляемы вдохновленными Богомъ настоятелями, которые имѣли помазаніе отъ Св. Духа. «Но когда въ ученіе Духа Святаго вмѣшивалось человѣческое, тогда вдохновеніе ослабѣвало и уступало мѣсто школьному богословію и премудрости, умомъ человѣческимъ сплетенной. Когда же вкрадывалось ложное ученіе тогда люди, получившіе дары Св. Духа, теряя мало-по-малу чистоту

---

[1]) Книжка напечатана въ $^1/_{16}$ долю листа, крупнымъ шрифтомъ и имѣетъ всего 30 страницъ.

[2]) «О скопцахъ», изданіе 1819 г., стр. 6.

сердца, принимали въ себя нечистыя и ложныя внушенія; тогда и дары сіи помрачались таковыми внушеніями, обращались въ судъ и заблужденіе тѣмъ, въ пользу коихъ они даны были. Такъ самый чистый ручей, протекая грязныя мѣста, принимаетъ въ струи свои чуждыя примѣси, дѣлается отъ того мутнымъ, а наконецъ къ употребленію вовсе негоднымъ. Такъ всегда образовались лжеучители и лжепророки, которые были прежде на пути къ истинѣ, но потомъ отпали отъ истинныхъ учителей и пророковъ и увлекали другихъ въ свои заблужденія. Для избѣжанія сихъ заблужденій весьма нужно вѣрнымъ просить у Господа Духа Истины, того помазанія, которое всему учитъ [1])».

---

[1]) «О скопцахъ», изданіе 1819 г., стр. 8 и 9. Хотя брошюра Пилецкаго не оказала никого вліянія на скопцовъ, но для насъ она является явнымъ протестомъ противъ обвиненія Татариновой извѣстнымъ юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ, — обвиненія, недостойнаго служителя церкви. «Сія госпожа, — пишетъ Фотій въ своихъ запискахъ, — учила всѣхъ своихъ для нѣкоего мнимаго воздержанія, воздерживать, умерщвлять плоть и скоплять, вырѣзывать тайные уды мужамъ. Даже бѣсъ научилъ ее искусству женскій полъ, самыхъ женъ и дѣвицъ скоплять». Все это, конечно, ложь, написанная или по невѣрнымъ слухамъ или изъ притворно-аскетической ненависти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ обществѣ Татариновой случаевъ оскопленія никогда не существовало, и оффиціальныя донесенія хотя и говорятъ въ общихъ выраженіяхъ, что бывали скопленія, но не приводятъ ни одного факта, ни одного случая. По произведеннымъ слѣдствіямъ въ числѣ многочисленныхъ послѣдователей Татариновой не оказалось ни одного скопца. Фотій могъ бы въ этомъ удостовѣриться изъ разспросовъ сосланнаго въ Юрьевъ монастырь послѣдователя Татариновой Никиты Ѳедорова, но архимандритъ предпочелъ сдѣлать характеристику кружка по собственному усмотрѣнію или по слухамъ. Но мало ли что говорятъ о людяхъ, часто по пристрастію, по ненависти, а иной разъ и для краснаго словца. Говорили и про отношенія Фотія къ графинѣ Орловой-Чесменской; сохранилось объ этомъ извѣстное четверостишіе великаго русскаго поэта, но кто изъ безпристрастныхъ изслѣдователей придастъ этому стихотворенію фактическое значеніе. Записки современниковъ могутъ служить источникомъ для характеристики событій и общества только тогда, когда составляютъ правдивое свидѣтельство очевидца, когда въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается жизнь извѣстной эпохи, безъ прикрасъ и выдумокъ. Записки хороши и цѣнны, когда пишущій ихъ не выставляетъ себя на первый планъ, не старается указать на свои блестящія способности, свой умъ, свои заслуги, а скрывается за событіями, которыхъ былъ личнымъ свидѣтелемъ. Не таковъ былъ Фотій. Подъ личиною монашескаго смиренія онъ скрывалъ громадное самолюбіе и властолюбіе, требовалъ себѣ поклоненія, совалъ всѣмъ цѣловать свою руку, какъ нѣчто святое, и не исключалъ изъ этого императора Александра. То же самое онъ попробовалъ было сдѣлать съ императоромъ Николаемъ, но, подвергнутый

Все это просилось, все это признавалось не только въ кружкѣ Татариновой, но и мистиками вообще, въ числѣ которыхъ былъ и императоръ Александръ. Вотъ почему онъ покровительствовалъ всѣмъ, кто искалъ обновленія внутренняго человѣка и соединенія его съ Богомъ. Онъ покровительствовалъ и поручику л.-гв. Семеновскаго полка Алексѣю Милорадовичу, бывшему однимъ изъ первыхъ послѣдователей Татариновой и самымъ преданнымъ къ ней лицомъ. Эта преданность не нравилась отцу, тѣмъ болѣе, что про кружокъ Татариновой ходили самые несбыточные слухи, и онъ лишилъ сына содержанія. Молодой Милорадовичъ поселился тогда у Пилецкаго, бывшаго директоромъ института слѣпыхъ и имѣвшаго квартиру на Литейной улицѣ. Не нуждаясь ни въ помѣщеніи, ни въ столѣ, Милорадовичъ нуждался во всемъ остальномъ, что необходимо было для службы въ гвардіи. Семеновскій полкъ былъ любимымъ дѣтищемъ Александра I, знавшаго всѣхъ офицеровъ и пришедшаго на помощь молодому Милорадовичу.

«Принимая участіе во всемъ, что касается до вашего дома,—писалъ государь отцу Милорадовича [1]),—я хочу успокоить васъ насчетъ сына вашего Алексѣя, служащаго лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку. Онъ отличный офицеръ по ревности своей къ службѣ и по нравственности. Я старался проникнуть въ его связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашелъ, что тутъ ничего нѣтъ такого, чтò бы отводило его отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности.

«По сему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны.—По моимъ правиламъ, хотя и не стѣсняю я ничьей совѣсти, но съ другой стороны не терпѣлъ бы, если бы открылось что-либо противъ церкви или гражданскаго порядка.

за это смиренію, притихъ, стушевался, и аскетическаго его слова не было болѣе слышно. Фотій оставилъ его въ своихъ запискахъ, крайне пристрастныхъ, во многомъ невѣрныхъ и о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить не одинъ разъ.

[1]) Въ рескриптѣ отъ 20 августа 1818 г. «Русскій Архивъ» 1864 г. выпуски V и VI, стр. 623. Тайный совѣтникъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ былъ женатъ на Александрѣ Павловнѣ Кочубей, родной сестрѣ графа Виктора Павловича Кочубея, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ и ближайшимъ сподвижникомъ императора Александра I.

«Надѣясь, что сіи строки васъ успокоятъ, пребываю вамъ благосклонный».

Этотъ рескриптъ послужилъ большимъ ободреніемъ для кружка Татариновой тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ, возвратясь изъ путешествія по Россіи, во время смотра гвардейскому корпусу и церемоніальнаго марша, вызвалъ Милорадовича изъ фронта.

— Я былъ у вашихъ родителей въ Черниговѣ, — сказалъ государь, — они здоровы и кланяются вамъ; я ихъ на вашъ счетъ успокоилъ.

Проѣзжая черезъ Рязань, императоръ пригласилъ къ себѣ обѣдать мужа Татариновой, тогда директора Рязанской гимназіи, и большую часть обѣда разговаривалъ съ нимъ [1]).

Несмотря на все это, молодой Милорадовичъ, желая посвятить себя на служеніе Богу, не считалъ возможнымъ оставаться въ военной службѣ и вышелъ въ отставку. Онъ поступилъ потомъ чиновникомъ особыхъ порученій къ своему дядѣ, с.-петербургскому генералъ-губернатору графу М. А. Милорадовичу, и почти поселился у Татариновой. Графъ Милорадовичъ выговаривалъ племяннику, что, внѣ служебныхъ обязанностей, онъ рѣдко бываетъ у него.

— Какъ же мнѣ бывать у васъ, дядюшка, — отвѣчалъ онъ, — когда вы принимаете самыя нелѣпые доносы на меня.

— Я имъ не вѣрю, — отвѣчалъ графъ: — тебя люблю, Татаринову уважаю — бывай у меня чаще.

Графъ Кочубей, графиня Безбородко и другіе родственники принимали молодаго Милорадовича съ нѣжною любовью, видя въ немъ кротость и смиреніе. Но скоро стали замѣчать, въ особенности графъ Милорадовичъ, что Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ и братъ его полковникъ Дмитрій Григорьевичъ, завлеченные придворнымъ лакеемъ Кобелевымъ, стали часто посѣщать сборище Кондратія Селиванова и что младшій Алексѣй соглашался даже на оскопленіе. При этомъ открылось, что Селивановъ, заботясь о распространеніи своей секты, успѣлъ оскопить многихъ нижнихъ чиновъ гвардейскихъ полковъ и матросовъ. Графъ написалъ о томъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю

---

[1]) «Русск. Арх.», 1872 г., т. II, стр. 2338.

А. Н. Голицыну, прибавляя, что у извѣстнаго старика, бываютъ въ послѣднее время многочисленныя собранія, на которыя сходятся люди всякаго званія, въ томъ числѣ и нижніе воинскіе чины, привлекаются даже молодые люди изъ высшаго общества. Но, такъ какъ въ домъ, гдѣ живетъ онъ, входъ полиціи былъ воспрещенъ по высочайшему повелѣнію, то графъ Милорадовичъ просилъ кн. Голицына довести до свѣдѣнія императора, что скопчество растетъ съ каждымъ днемъ, и вредъ, наносимый обществу, долѣе терпимъ быть не можетъ [1]). Произведенное слѣдствіе показало, что въ Петербургѣ многіе дома наполнены скопцами, что секта эта быстро распространяется и что появилась «дѣвица рѣдкой красоты», называвшая себя то Богородицею, то разведенною женою цесаревича Константина Павловича, великой княгиней Анной Θедоровной, а иногда царевной Еленой Павловной, — смущавшая своей красотой дѣвственниковъ и завлекавшая ихъ въ секту [2]).

Все это заставило правительство выслать Селиванова изъ Петербурга, и лѣтомъ 1820 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отправленіи его въ Суздальскій монастырь, съ полнымъ удобствомъ, въ коляскѣ, которая стоила казнѣ 1.700 руб. ассиг. «По высочайшему повелѣнію,—писалъ кн. А. Н. Голицынъ графу Д. А. Гурьеву [3]), —покорнѣйше прошу ваше сіятельство приказать выдать мнѣ тысячу семьсотъ рублей на извѣстное Его Величеству употребленіе, отпустивъ деньги сіи немедленно по имѣющейся въ нихъ надобности». Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Голицынъ писалъ секретно графу Милорадовичу [4]): «Государь императоръ изволилъ мнѣ сказать, что онъ уже далъ вамъ приказаніе, какимъ образомъ вы должны объявить послѣдователямъ извѣстнаго старика о высылкѣ его отсюда; а мнѣ Его Величество указать соизволилъ препроводить бумагу, которую имъ надобно будетъ прочесть. Я поручилъ сіе письмо вмѣстѣ съ оною бумагою представить моему директору департамента просвѣщенія, г. Попову, ибо дѣло сіе черезъ него производилось

---

[1]) «Чтенія въ общес. исторіи и древ.» 1872 г. кн. III, стр. 82.

[2]) Подробности объ этой дѣвицѣ см. у г. Кутепова: «Секта хлыстовъ и скопцовъ», стр. 206.

[3]) Въ письмѣ отъ 24 іюня 1820 г.

[4]) Отъ 9-го іюля 1820 г. изъ Царскаго Села.

(въ 1818 году), а такъ какъ онъ былъ посылаемъ къ сему старику по высочайшему повелѣнію, то ежели вашему сіятельству нужно будетъ потребовать каковыя свѣдѣнія, онъ готовъ будетъ оныя вамъ дать».

На другой день 10-го іюля В. М. Поповъ явился къ графу Милорадовичу и вручилъ ему пакетъ кн. Голицына. Графъ сказалъ, что имѣетъ уже приказаніе отъ государя, ожидалъ бумаги и знаетъ, что она значительно сокращена самимъ императоромъ. Хотя графъ Милорадовичъ и былъ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, но, читая заготовленное объявленіе, удивлялся и какъ бы въ первый разъ слышалъ, что скопцы называютъ Селиванова сыномъ божіимъ. «Тутъ я ему разсказалъ вкратцѣ, — писалъ Поповъ кн. Голицыну [1]), — что я самъ слышалъ и видѣлъ, бывъ тамъ по сдѣланному мнѣ порученію (съ Пилецкимъ). Онъ же не зналъ, что это я былъ въ числѣ тѣхъ чиновниковъ, о коихъ онъ самъ дѣлалъ распоряженія. Я не преминулъ предупредить его, въ разсужденіи излишняго уваженія, оказываемаго и «старику», и сектѣ его прежнимъ начальствомъ полицейскимъ, изъявилъ, что хотя воли государя и нѣтъ наказывать за лжевѣріе, однако столь ужасное злоупотребленіе не можетъ никакъ быть попускаемо и терпимо, когда оно однажды сдѣлалось извѣстно, и потому нужно было главнаго сему виновника остановить въ распространеніи такого соблазна. Вслѣдствіе того мы (Поповъ и Пилецкій), бывъ у него наединѣ, поставили ему открытымъ образомъ на видъ всю ужасность его грѣха и требовали отъ него непремѣнно перемѣны въ поступкахъ его; но онъ, сколько ни былъ смѣшанъ симъ яснымъ обличеніемъ, не показалъ никакой надежды къ исправленію».

Графъ Милорадовичъ не скрылъ отъ Попова своего незнанія, что скопцы такъ стараются о распространеніи своей секты и что основываются на столь ужасномъ ученіи. Вообще видно было, что онъ имѣлъ мало понятія о сей сектѣ и расположенъ былъ кѣмъ-нибудь въ пользу ея болѣе, нежели въ предосужденіе.

Графъ Милорадовичъ предложилъ Попову поѣхать вмѣстѣ съ нимъ для прочтенія скопцамъ объявленія, но, прежде чѣмъ испол-

---

[1]) Въ запискѣ отъ 10 іюля 1820 г.

нить это, надо было удалить изъ Петербурга Кондратія Селиванова.

Въ часъ по полуночи, 13-го іюля 1820 г. [1]), с.-петербургскій полиційместеръ Горголи, прибывъ въ домъ Солодовникова и не объявляя никому ничего, взялъ Селиванова и увезъ въ своей каретѣ въ съѣзжій домъ Московской части, что на Загородномъ проспектѣ близъ Семеновскихъ казармъ. Здѣсь пересадили его въ дорожную коляску и въ 2 часа ночи отправили съ слѣдственнымъ приставомъ въ Суздальскій монастырь. При арестованіи Селиванова скопцы спали, а кто не спалъ, тѣ не знали, куда повезли ихъ «Искупителя». Спохватившись потомъ, они бросились по разнымъ дорогамъ, и двое изъ нихъ, Солодовниковъ и Кузнецовъ, успѣли нагнать его въ Тоснѣ и проститься самымъ трогательнымъ образомъ [2]). Они привезли собратьямъ грустное извѣстіе, что «Втораго Сына Божія» повезли по Московскому тракту, вѣроятно для доставленія въ Сибирь. Осиротѣлые скопцы остались въ неопредѣленномъ положеніи, не знали, что дѣлать и что съ нимъ будетъ. Но, вотъ, 15-го іюля въ домъ Солодовникова прибылъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ.

Рано утромъ онъ отправилъ свою карету за В. М. Поповымъ и, въ сопровожденіи его, оберъ-полиційместера Горголи и своего племянника Алексѣя, отправился въ домъ Солодовникова. «Въ каретѣ графъ условливался, — писалъ В. М. Поповъ [3]), — что ему говорить, и спрашивалъ меня, между прочимъ, кто писалъ бумагу, которую ему читать слѣдуетъ—не я ли? Я сказалъ, что она написана, какъ онъ видитъ, вашимъ сіятельствомъ и по точнымъ словамъ и желанію государя [4]).

Графъ Милорадовичъ и его спутники были встрѣчены съ большою церемоніею. Начиная отъ воротъ и до крыльца, потомъ на

---

[1]) Срав. Кутепова: «Секты хлыстовъ и скопцевъ», изд. 1883 г., стр. 207 и 208.

[2]) «Чтенія въ Москов. общ. истор. и древ.» 1872 г. кн. 3, стр. 84 и 85

[3]) Князю Голицыну въ запискѣ отъ 16 іюля 1820 г. Срав. также «Чтенія» 1872 г. кн. 3, стр. 85.

[4]) Первоначальный текстъ написанъ весь рукою В. М. Попова, переписанъ съ поправками собственноручно княземъ А. Н. Голицынымъ и сокращенъ императоромъ Александромъ.

крыльцѣ и у каждой двери стояли послѣдователи Селиванова. Прибывшіе были введены въ комнату, въ которой, равно какъ и въ двухъ другихъ, размѣстились вдоль стѣны скопцы, рядомъ одинъ возлѣ другаго. Здѣсь было ихъ человѣкъ отъ 40 до 50, все большею частію люди молодые, отчасти среднихъ лѣтъ, но старыхъ очень немного. Почти всѣ были одѣты въ купеческомъ платьѣ, но было нѣсколько и во фракахъ. Остановившись посреди комнаты, графъ Милорадовичъ объявилъ имъ, что присланъ отъ государя сказать, что сдѣлалось со старикомъ, котораго они считаютъ своимъ наставникомъ. Страхъ и недоумѣніе, которые прежде были видны на лицахъ, вдругъ перешли въ ожиданіе и желаніе скорѣе узнать о судьбѣ Селиванова. Графъ приказалъ имъ подойти ближе къ себѣ, вынулъ бумагу и приготовился къ чтенію.

— Дерзость «старика»,—сказалъ онъ,—съ которою онъ продолжалъ распространять въ народѣ свое ученіе и преклонять къ скопчеству, не взирая на точное обѣщаніе, данное имъ въ воздержаніи отъ сего, побудили государя, ангела милосердія, употребить должную строгость, лишеніемъ старика способовъ къ дальнѣйшимъ соблазнамъ.

Тутъ нѣсколько голосовъ заговорили въ оправданіе наставника, что ни онъ, ни кто другой не уговариваютъ къ оскопленію, а всегда дѣлается это по доброй волѣ. Графъ приказалъ замолчать и затѣмъ сталъ читать громко и съ разстановкою слѣдующее объявленіе:

«Вы собраны мною здѣсь, для объявленія вамъ о томъ, что послѣдовало по высочайшему повелѣнію съ наставникомъ вашимъ, учившимъ васъ, что скопчество есть основаніе вашего спасенія и что онъ Искупитель. Не входя въ изъясненіе сего заблужденія, совершенно противнаго духу св. писанія, я долженъ вамъ сказать, что, при бывшихъ царствованіяхъ, сей старикъ извѣстенъ былъ какъ распространитель ложнаго ученія и по сей причинѣ сосланъ былъ въ Сибирь. Въ царствованіе нынѣшняго государя императора строго запрещено ему было скопить; онъ обѣщалъ точно бывшему тогда военному-губернатору графу Толстому не производить того, съ тѣмъ, что онъ подвергается всей строгости законовъ, ежели преступитъ свое обѣщаніе. Напротивъ того, извѣстно, что онъ по-

пускалъ сему заблужденію продолжаться между тѣми, кои имѣли къ нему полную довѣренность.

«Государь императоръ, помазанникъ Божій, пекущійся о благѣ людей, ввѣренныхъ попеченію его Всевышнимъ Царемъ-Царствующихъ, не могъ равнодушно взирать на таковое обольщеніе ему любезныхъ подданныхъ, для того посланы были по высочайшему повелѣнію довѣренные чиновники въ домъ, гдѣ жилъ старикъ. Они подтвердили черезъ личное обозрѣніе все то, что донесено было и что окружающіе его, къ удивленію посланныхъ, объявляли, что старикъ сей именуется ими Сыномъ Божіимъ, рожденнымъ отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи и очищающимъ ихъ отъ грѣховъ. Однимъ словомъ, приписывали сему слабому старику всѣ свойства благодати и дары, Божественному нашему Спасителю Іисусу Христу принадлежащіе. Послѣ того, для вящшаго еще удостовѣренія, Его Императорское Величество хотѣлъ черезъ время удостовѣриться во всемъ вышеписанномъ. Нынѣ, не имѣя уже никакого сомнѣнія въ поступкахъ сего старика, положилъ сдѣлать преграду симъ безпорядкамъ, удаленіемъ сего лжеучителя изъ среды тѣхъ, коихъ незнаніе Закона Божія ввело въ послѣдованіе сему толку. Старикъ сей въ монастырскомъ уединеніи, лишенный средствъ соблазнять другихъ, можетъ еще употребить послѣдніе дни жизни своей на покаяніе, и какъ Господь всѣхъ истинно кающихся прощаетъ, то и онъ имѣетъ средства спасти душу свою, ежели пожелаетъ.

«Впрочемъ я вамъ объявляю, что отнынѣ никто не долженъ отваживаться скопить кого бы то ни было. Соблазняющіе другихъ ко вступленію въ скопчество подвергнутся строгому взысканію отъ гражданскаго правительства, какъ вредные въ обществѣ люди. За симъ приказано будетъ мною имѣть строгое наблюденіе» [1]).

---

[1]) Первоначальный проектъ объявленія, составленный Поповымъ, былъ пространнѣе и имѣлъ цѣлью выяснить взглядъ правительства на скопчество и указать на вредность этой секты. Въ виду этого мы приводимъ этотъ проектъ объявленія дословно.

«Вы собраны мною здѣсь для объявленія о томъ, что послѣдовало по высочайшему повелѣнію съ наставникомъ вашимъ, который васъ училъ искать спасенія души особыми путями отъ указываемыхъ православною христіанскою церковью. Вмѣсто того надѣетесь вы спасенія чрезъ скопленіе себя

Когда графъ Милорадовичъ дочиталъ свое объявленіе до того мѣста, гдѣ говорилось о посылкѣ довѣренныхъ чиновниковъ, одинъ пожилой человѣкъ во фракѣ и съ дворянскою медалью 1812 года, сталъ говорить, что они ходятъ въ церковь, исповѣдуются и причащаются, а отъ наставника своего получаютъ только дополнительное ученіе о чистотѣ, каковой достигнуть нельзя безъ отнятія того, что составляетъ корень всѣхъ золъ. Графъ Милорадовичъ остановилъ говорившаго и замѣтилъ, что нѣтъ никакого

и чрезъ признаваніе наставника вашего Искупителемъ. Сіе зловредное ученіе, ненавистное Богу, противное духу Евангелія и христіанству, разрушительное для семейственнаго благосостоянія, пагубное для государства, извѣстно правительству съ давняго времени и никогда не было имъ терпимо. Когда язва сего ученія, разрушающая Божескіе и человѣческіе законы, стала заражать многихъ слабоумныхъ, то старикъ сей, какъ распространитель такого ученія, сосланъ былъ въ прежнія времена, по сей причинѣ, въ Сибирь. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи его и въ царствованіе нынѣшняго государя императора велѣно наставнику вашему не скопить болѣе никого и даже стараться отвращать отъ того всемѣрно. Онъ обѣщалъ сіе точно и непремѣнно. Бывшему тогда военному генералъ-губернатору графу Толстому далъ слово и нарушилъ оное потомъ. Извѣстно стало, что онъ продолжалъ попускать сему погибельному заблужденію усиливаться между тѣми, кои имѣли къ нему полную довѣренность. Вмѣсто указанія истины, которой они искали у него для спасенія души, онъ пользовался слабостію ихъ, поддерживалъ ихъ въ такомъ ослѣпленіи, которое явно ведетъ къ погибели временной и вѣчной, и принималъ себѣ отъ нихъ наименованія и почести, какія не принадлежатъ никому, кромѣ всесвятѣйшаго лица Іисуса Христа, сына Божія, вознесшагося на небеса и сидящаго одесную Отца и обѣщавшаго придти опять на землю, но со славою уже и силою многою.

«Сей же смертный и дряхлый старикъ, подверженный болѣзнямъ, слабостямъ и недостаткамъ, лишенный даже почти возможности двигаться и отъ разслабленія членовъ тѣла своего лежащій непрестанно, дерзнулъ не только отводить людей отъ истинной вѣры Христовой, но и присвоять себѣ то, чего безъ содроганія и помыслить не можно.

«Я не стану входить въ подробныя доказательства лживости ученія о скопчествѣ, а скажу только, что если бы оно установлено было Богомъ, то противорѣчило бы собственному устроенію Промысла Его о размноженіи рода человѣческаго. Но сіе быть не можетъ, и Богъ не противорѣчитъ самъ себѣ.

«Между тѣмъ въ противность данному старикомъ обѣщанію правительство съ соболѣзнованіемъ видѣло, что постыдная скопческая ересь увлекаетъ многихъ въ сей развратъ, отнимаетъ у общества полезныхъ сочленовъ, у церкви—вѣрныхъ чадъ, у семействъ—родителей и человѣковъ, созданныхъ Богомъ на пользу другъ другу въ общежитіи, лишаетъ всѣхъ сихъ способностей. Зло сіе такъ стало размножаться, что по разнымъ губерніямъ и даже въ сей столицѣ не малое число, по невѣдѣнію ими истинъ вѣры Христа

сомнѣнія въ такомъ ихъ вѣрованіи.—Многіе стали утверждать, что ученіе ихъ справедливо и что Селивановъ есть истинный Искупитель. Графъ Милорадовичъ приказалъ замолчать и заявилъ, что они сами могутъ думать какъ хотятъ: въ этомъ ни государь, ни онъ мѣшать имъ не могутъ, а только не уговаривали бы никого другаго къ скопленію, за что будетъ строго взыскиваться. Говорившіе отвѣчали, что они никого не склоняютъ, но всякій убѣждается самъ истиною Евангельскихъ словъ и ученіемъ пра-

---

Спасителя и по незнанію св. писанія, дали себя обольстить и подверглись плачевной участи быть искаженными на тѣлѣ своемъ на всю жизнь.

«Государь императоръ, помазанникъ Божій, ревнуя о благѣ людей, ввѣренныхъ попеченію его Всевышнимъ Царемъ-Царствующихъ, не могъ взирать равнодушно на таковую погибель подданныхъ, ему любезныхъ. Для вящшаго удостовѣренія въ томъ, какое лицо представляетъ у скопцовъ тотъ, котораго они признаютъ своимъ наставникомъ въ вѣрѣ, и въ чемъ состоятъ главныя основанія вѣры ихъ, посланы были по высочайшему повелѣнію довѣренные чиновники въ домъ сей. Но сей самый человѣкъ, носящій столько лѣтъ жизни званіе наставника многихъ людей, не осмѣлился передъ тѣми чиновниками объявить прямо правило ученія своего. Онъ не въ силахъ былъ даже и говорить что-либо къ изъясненію того, чему учитъ. Святыя истины Евангелія Христова, какія поставлялись ему тогда на видъ оными чиновниками, для испытанія, согласуется ли онъ съ ними, приводили его въ замѣшательство и связывали ему языкъ. Онъ не зналъ вовсе, что отвѣчать, молчалъ, путался въ словахъ и спѣшилъ перемѣнить рѣчь, чтобы не отвѣчать на вопросы. Гдѣ жъ его святость? Гдѣ твердость въ ученіи? Онъ только былъ въ силахъ upрашивать, чтобы донесеніе посланныхъ о немъ было выгодно. Но Апостолы Христовы и другіе проповѣдники слова Божія съ твердостію и смѣло передъ всякимъ возвѣщали свое ученіе. Христосъ Господь и Спаситель нашъ всегда одинъ и тотъ же, и Слова Его непреложны; Евангеліе его никогда не измѣняется, и послѣдователи Его ученія всегда согласны между собою.

«Съ удивленіемъ удостовѣрились тогда посланные чиновники изо всего видѣннаго и слышаннаго ими отъ лицъ, находившихся около сего бывшаго наставника здѣшняго, что онъ дѣйствительно именуется послѣдователями своими Искупителемъ, Сыномъ Божіимъ, рожденнымъ отъ Пречистыя Дѣвы очищающимъ ихъ отъ грѣховъ,—однимъ словомъ, сіи легковѣрные приписывали сему слабому старику всѣ свойства благодати и дары, Божественному нашему Спасителю принадлежащіе.

«Такое богопротивное ученіе, столь богохульственныя мнѣнія и поступки съ одной стороны, заслуживаютъ, конечно, сожалѣніе къ бѣднымъ до такой степени заблудшимъ людямъ, съ другой же не могутъ никакъ долѣе быть попускаемы и терпимы.

«Наипаче же тотъ, который лживыми ученіями своими содержалъ ихъ въ такой слѣпотѣ и велъ такимъ образомъ отъ заблужденія къ заблужденію, до глубочайшей бездны вѣчной погибели.

«Его Императорское Величество, по таковъ удостовѣреніи въ пагубныхъ

вославной нашей церкви, которая призываетъ къ цѣломудрію и чистотѣ. Говорилъ всего больше человѣкъ во фракѣ и съ медалью [1]. Съ нимъ вступилъ въ споръ молодой Милорадовичъ, теперь горячо возстававшій противъ скопчества, даже и оберъ-полиціймейстеръ доказывалъ, что Евангеліе, упоминая о скопцахъ, разумѣетъ не тѣлесное, а духовное оскопленіе, ибо иначе надобно бы было отрѣзать руки и ноги, которыя насъ также соблазняютъ. Молодой Милорадовичъ спросилъ, читали ли они книжку Пилецкаго о скопцахъ? Отвѣтъ былъ отрицательный, и тогда графъ Милорадовичъ намѣренъ былъ прислать имъ 100 экземпляровъ.

правилахъ ученія скопческаго, положилъ сдѣлать преграду распространенію оныхъ. Наставникъ скопческой ереси, какъ главный виновникъ усиленія оной, удаленъ теперь изъ среды тѣхъ, коихъ незнаніе Закона Божія, по слѣпотѣ сродной таковымъ, ввергло въ пагубное послѣдованіе сему толку. Старикъ сей въ монастырскомъ уединеніи, лишенный средствъ соблазнять другихъ, будетъ имѣть еще время употребить послѣдніе дни жизни на раскаяніе во грѣхѣ обольщенія и соблазна, отъ коихъ многіе черезъ него сдѣлались и погибли, и на спасеніе души своей.

«Рѣшеніе сей участи его послѣдовало бы немедленно по полученіи государемъ донесенія отъ посланныхъ имъ чиновниковъ о пагубномъ лжевѣріи, гнѣздящемся внутри сего жилища; но свойственное христіанскому сердцу монарха нашего милосердіе удерживало исполненіе сего въ зимнее время, до нынѣшняго болѣе удобнаго, для отвезенія онаго старика въ назначенное ему мѣсто.

«Вы видите теперь и можете сами заключить, въ какую ужасную пропасть ведетъ ложное ученіе, лишающее васъ вида и свойства общаго людей, разлучающее васъ съ прочими человѣками и съ самимъ Богомъ, ибо вы ищете не Его присутствія, не Его ученія, но наставленія человѣка грѣшнаго, слабаго и смертнаго подобнаго вамъ. Онъ не можетъ самъ себѣ помочь, онъ самъ находится въ крайнемъ ослѣпленіи: какъ же поможетъ вамъ и чему научитъ, чѣмъ просвѣтитъ, будучи самъ во тмѣ?

«Благотворное желаніе государя императора есть, чтобы вы отнынѣ обратились къ общей православной нашей церкви, гдѣ слышатся слова истиннаго Евангелія Христа Спасителя. Тамъ, при вѣрномъ послѣдованіи Евангелію, найдете вы огражденіе отъ всѣхъ соблазновъ и лжеученій, дѣлающихъ несчастными въ сей жизни и погибшими въ вѣчной. Читайте сами св. писаніе, заключающее въ себѣ слова Бога живаго, и учитесь молиться Ему въ Духѣ и истинѣ, ибо Богъ любитъ такихъ поклоняющихся Ему.

«Впрочемъ я вамъ объявляю, что отнынѣ никто не долженъ отваживаться скопить кого бы то ни было. Соблазняющіе другихъ ко вступленію въ скопчество и къ искаженію себя симъ разрушающимъ человѣческій видъ образомъ подвергнутся строгому взысканію отъ гражданскаго правительства, какъ нарушители общаго спокойствія и вредные въ обществѣ люди. За симъ приказано будетъ мною имѣть строгое наблюденіе».

[1]) Къ сожалѣнію, фамилія и званіе этого скопческаго защитника остались неизвѣстными.

Изъ комнаты, гдѣ были мужчины, графъ и его спутники перешли на женскую половину, гдѣ было собрано до 25 женщинъ въ бѣлыхъ платьяхъ и съ бѣлыми платками въ рукахъ. Разставленныя вдоль стѣнъ, вокругъ комнаты, онѣ встрѣтили вошедшихъ земнымъ поклономъ и такъ остались. Графъ приказалъ имъ немедленно встать. Тогда появился пожилой человѣкъ съ медалью и сказалъ имъ, чтобы стали на колѣни. Графъ Милорадовичъ выгналъ вонъ распорядителя, приказалъ затворить двери и не впускать никого изъ мужчинъ. Онъ объявилъ имъ, что старикъ очень, удобно и покойно отправленъ въ монастырь на покаяніе. Бабы вдругъ заголосили въ одинъ голосъ, но имъ приказано было перестать притворяться, и плачъ тотчасъ же умолкъ. Имъ сказано, чтобы подъ страхомъ наказанія никого изъ постороннихъ женщинъ не соблазняли своимъ ученіемъ, а сами могутъ жить покойно. Опять послѣдовали земные поклоны и просьбы о покровительствѣ и защитѣ. Добрый и увлекающійся графъ Милорадовичъ обѣщалъ то и другое, чѣмъ значительно ободрилъ сектантовъ и далъ имъ смѣлость. Когда онъ возвратился въ комнату мужчинъ, то они встрѣтили графа просьбою возвратить имъ наставника, безъ котораго они жить не могутъ. Они увѣряли, что онъ все знаетъ, что онъ святой и видитъ, что теперь у нихъ происходитъ; что одинъ изъ его учениковъ по смерти оказался нетлѣннымъ, и его мощи почиваютъ въ Шлюссельбургѣ, и просили позволенія взять останки его въ Петербургъ. Они благодарили графа за то, что онъ ободрилъ ихъ, просили остаться и откушать у нихъ чай.

«Онъ былъ уже готовъ на сіе,—писалъ Поповъ [1]),—такъ что я съ великимъ трудомъ и на силу могъ его удержать отъ того, говоря по-французски, что онъ ихъ ободритъ еще болѣе этимъ, слѣдовательно, наша коммиссія исполнится не въ томъ видѣ, въ какомъ бы слѣдовало. Но они ухватили его за руки и оберъ-полиціймейстера и такъ усильно упрашивали, что не знали, какъ и отвязаться. Между тѣмъ я не переставалъ твердить ему своего, и такъ мы едва успѣли вырваться. На дорогѣ сказалъ мнѣ графъ: «кажется, это хорошо, что мы не остались пить чай».

[1]) Въ запискѣ, представленной кн. А. Н. Голицыну, отъ 16 іюля 1820 г.

Въ общемъ коммиссія не произвела того дѣйствія, котораго отъ нея ожидали. «Сколько графъ ни толковалъ имъ по-своему о добродѣтели, о пользѣ общей отъ размноженія рода человѣческаго, называлъ ихъ не человѣками, лишенными полнаго вида и состава, а съ тѣмъ вмѣстѣ и полной силы разсудка—но все было тщетно» [1]. Графъ Милорадовичъ уѣхалъ изъ дома Солодовникова съ убѣжденіемъ въ необходимости разослать по монастырямъ главнѣйшихъ говоруновъ и во главѣ ихъ представителя съ медалью.

Единственная польза отъ объявленія коммиссіи была та, что она остановила многихъ готовыхъ вступить въ скопчество, и въ томъ числѣ двухъ братьевъ Милорадовичей.—Покинувъ эту мысль, младшій Милорадовичъ, Алексѣй, еще ближе сошелся съ кружкомъ Татариновой и проводилъ въ ея обществѣ большую часть дня.—Объ ученіи этой «жрицы», какъ называлъ ее А. С. Шишковъ, тогда ходили самые разнообразные разсказы, и покровительство ей императора Александра приводило въ недоумѣніе многихъ. Въ числѣ ихъ былъ и с.-петербургскій митрополитъ Михаилъ, который хотя самъ и не слушалъ пророческаго слова, но нѣсколько разъ приглашалъ къ себѣ Татаринову и, будучи самъ склоненъ къ мистицизму [2]), бесѣдовалъ съ нею съ удовольствіемъ. Желая, однакоже, проникнуть въ тайны ея ученія, Михаилъ поручилъ извѣстному въ то время проповѣднику священнику Малову познакомиться съ Татариновою и убѣдить ея послѣдователей, чтобы они въ церкви передъ святымъ Престоломъ и на исповѣди передъ св. причастіемъ открыли чистосердечно чувствуемыя ими на себѣ дѣйствія отъ пророческаго слова и что они увѣрены въ томъ, что это есть даръ Св. Духа.

«Всѣ мы, говорилъ Пилецкій [3]), засвидѣтельствовали передъ Св. Престоломъ (ибо въ сіе время были открыты для насъ царскія двери) и исповѣдали передъ лицомъ Господа Бога, какъ на страшномъ праведномъ судѣ его, что это истина. Не знавъ прежде ничего о такой исповѣди до самой сей минуты, каждый изъ насъ порознь, какъ и сама г. Татаринова, подтвердили сіе торжественное

---

[1]) Тамъ же.

[2]) О митрополитѣ Михаилѣ см. статью: «Наши мистики-сектанты», „Русская Старина" 1894 г. № 10-й, стр. 120 и 121.

[3]) Въ своей запискѣ объ участіи въ кружкѣ Татариновой.

исповѣданіе рѣшительно, твердо, единогласно и съ такою силою, что священникъ Маловъ повергся на колѣна, восклицая сими словами: «Ей-ей истина! Слава тебѣ, Боже». Всѣ мы тогда же удостоены были святаго причащенія. Священникъ Маловъ, вѣроятно не безъ соизволенія митрополита, неоднократно участвовалъ въ нашихъ собраніяхъ, слушалъ наше пѣніе, проливая слезы отъ дѣйствія Духа; слушалъ однажды и пророческое слово».

Все это, — по словамъ сектантовъ, — такъ подѣйствовало на него, что послѣдующія его проповѣди «именуемыя св. церковью Слово Благодатное, имѣли помазаніе Духа Божія и вразумляли вѣрующихъ, какъ надо подражать жизнію нашею Спасителю[1])». По словамъ Боровиковскаго, митрополитъ съ удивленіемъ выслушалъ донесеніе Малова о подробностяхъ ученія Татариновой[2]).

— Чудныя дѣла!—сказалъ онъ.—Я служу столько лѣтъ престолу Господню и не смѣю мыслить, чтобы всѣ поступки мои водимы были духомъ Господнимъ, а отчуждающіеся отъ общей церкви пророки пребываютъ въ надеждѣ лучшей меня.

Услышавъ такой отзывъ, Татаринова назвала Михаила маловѣрующимъ и въ одномъ изъ своихъ пророчествъ предсказала скорую его кончину.

Но не одинъ Михаилъ выражалъ недовѣріе къ пророчествамъ; были и другія лица, которыя послѣ участія въ нѣсколькихъ молитвенныхъ собраніяхъ у Татариновой, оставляли ея кружокъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ извѣстный мистикъ Кондратій Андреевичъ Лохвицкій. 18 ноября 1818 года онъ зашелъ къ А. Ѳ. Лабзину, какъ разъ въ то время, когда тотъ получилъ письмо отъ Татариновой.

— Знакомъ ты съ нею?—спросилъ Лабзинъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Лохвицкій.

Лабзинъ совѣтовалъ ему познакомиться. Въ тотъ же день, обѣдая у графини А. Н. Безбородко, Лохвицкій сидѣлъ за столомъ рядомъ съ Миклашевскимъ, который ему признался, что принадлежитъ къ церкви «филадельфійской». «Тутъ-то я обрадовался,—

---

[1]) „Русскій Арх." 1872 г., т. II, стр. 2341.

[2]) Письмо кн. Андроникова архимандриту Фотію 28 апрѣля 1825 года.

записалъ Лохвицкій въ своемъ дневникѣ [1]), — услышавъ о сей церкви, — святой, истинной, о которой духомъ Святымъ изъ Библіи слова Божія мнѣ было открыто семь лѣтъ тому назадъ».

Миклашевскій предложилъ спросить чрезъ пророчество у Бога, можетъ ли Лохвицкій быть принятъ, и на другой день, 19 ноября, объявилъ, что Лохвицкій призывается отъ Духа Христова, чрезъ пророчество сына церкви сей и брата его. Искавшій духовнаго обновленія мистикъ тотчасъ же поѣхалъ къ Татариновой и пробылъ у нея до 8 часовъ вечера. Въ этотъ день она пророчествовала вновь прибывшему, что Господь Богъ Спаситель нашъ давно вложилъ въ его сердце слово истинное и святое. «21 ноября,—писалъ Лохвицкій,—въ день памяти Введенія во Храмъ Пречистой Дѣвы Маріи, собравшись въ единодушной братской любви, пророкъ Никита (Ѳедоровъ) пророчествовалъ обо мнѣ, что Господь, тріединый Богъ дастъ мнѣ силу любви Иліину, и воспарю я къ солнцу правды, какъ орелъ и что Сый влагаетъ Духъ свой въ мое перо».

Подъ вліяніемъ восторга отъ пророчества Лохвицкій, возвратившись домой, тотчасъ же написалъ «Пѣснь любви Божіей въ Филадельфіи богородничной(?)».

Въ мирной радости пылаютъ
Наши братскія сердца.
Духъ любовью воскрыляютъ,
Хвалятъ въ ней небесъ Творца
    Свѣтъ любви намъ сіяетъ,
    Нову жизнь въ душѣ творитъ,
    Братолюбіемъ питаетъ
    Въ ней огонь святой горитъ.
Братцы, дѣвственны сестрицы!
Чистую поемъ любовь;
Вслѣдъ пошедши сей царицы,
Вкусимъ райскихъ мы плодовъ.

Восторгъ Лохвицкаго, выраженный въ пѣснѣ, сталъ охладѣвать по мѣрѣ того, какъ онъ знакомился съ внутреннею жизнію кружка Татариновой. Онъ не нашелъ того, что искалъ, и, убѣдившись, наконецъ, что собранія кружка не принадлежитъ филадельфійской церк-

[1]) „Труды Кіевской духовной академіи“ 1863 г., т. III, стр. 175.

ви, оставилъ его навсегда. Его замѣнили новыя лица, вполнѣ увѣровавшія въ святость Татариновой, сплотившіяся съ нею узами духовнаго союза, отличавшіяся необыкновенною къ ней преданностію и не называвшія ее иначе какъ матерью.

«Прошлаго 1823 года апрѣля 3-го дня,—показывалъ штабълѣкарь л.-гв. Егерскаго полка Косовичъ,—въ первый разъ былъ я принятъ Екатериною Филипповною и въ то же время ощутилъ въ сердцѣ моемъ живое чувство, котораго, до того времени, не ощущалъ и не предполагалъ. Сіе живое сердечное чувство усиливалось назвать ее матерью, но разумъ удерживалъ трое сутокъ, въ которыя я никакъ не называлъ ее. Въ третій день то же живое сердечное чувство выговорило имя мать, очень пріятное для сердца моего, съ тѣхъ поръ не могущаго иначе называть ее. Противъ воли моей, духъ выговариваетъ изъ сердца. Онъ же свидѣтельствуетъ намъ, что все священное писаніе есть отъ Духа Божія. Прежде читалъ я священное писаніе какъ мертвую букву, теперь же я явственно и сильно ощущаю, что оное живитъ мое сердце. Чувствую, что тѣмъ же духомъ пристрастіе сердца моего къ земному со дня на день уменьшается, а любовь къ Господу возрастаетъ. Черезъ Екатерину Филипповну научился я сердцемъ чтить и любить Господа, верховныя власти, ближнихъ и законы. И сія любовь во мнѣ, не моя—вижу отеческій Промыслъ надо мною; Его въ ней называю матерью. Господь далъ ей надо мною власть: немощи мои несетъ, питаетъ и животворитъ мое сердце—истинно мать моя, Богомъ дарованная» [1]).

— Не возможно мнѣ,—говорилъ М. С. Пилецкій,—не быть благодарнымъ Богу и г. Татариновой,—истинной моей благодѣтельницѣ и матери,—за тѣ духовныя сокровища, которыя двадцать лѣтъ получала душа моя. Я подвергнулъ бы себя всегдашнему угрызенію совѣсти, еслибы дерзнулъ лицемѣрно сказать что-либо противъ видимой и живымъ опытомъ дознанной истины. Духъ пророчества и слова г. Татариновой имѣли всегда такое живое, глубокое и благодѣтельное вліяніе на мое сердце, что нельзя мнѣ было

[1]) Сама Татаринова, основываясь на томъ, что апостолъ Павелъ всѣхъ вѣрующихъ въ Спасителя называетъ братьями, называла себя сестрою во Христѣ.

не удостовѣриться, что это духъ истины, обѣщанный за кровь Христову и что это есть то самое пророческое слово, которымъ утѣшались и назидались первые христіане. Въ этомъ удостовѣряло меня собственное сердце чувствомъ неописаннымъ и неизъяснимымъ, которое можетъ сообщить только опытъ.

Въ пророческое слово Татариновой и въ даръ ея исцѣлять отъ болѣзней вѣрилъ и докторъ Ѳ. Косовичъ. Заболѣвъ тяжкою болѣзнью, онъ молился втайнѣ, чтобы Господь продлилъ ему жизнь и даровалъ бы руководителя на пути духовномъ. «Господь услышалъ меня,—говорилъ онъ,—и по выздоровленіи привелъ, черезъ капитана Гагина, къ Екатеринѣ Филипповнѣ. Отъ перваго дня я не могъ уже противиться влеченію сердца и просилъ, чтобы она меня не отринула. Чувствую, что въ отеческій домъ пришелъ, точно какъ дитя къ матери. Единственной милости у Господа испрашиваю: да не разлучитъ онъ меня съ нею никогда, но да соединяетъ во Христѣ на вѣки».

Черезъ восемь мѣсяцевъ, черезъ посредство Ѳ. Косовича, явился въ обществѣ Татариновой и командиръ л.-гв. Егерскаго полка, генералъ-маіоръ Евгеній Александровичъ Головинъ, впослѣдствіи главнокомандующій на Кавказѣ и членъ Государственнаго Совѣта.— Это настолько крупная личность, что на ней необходимо остановиться.

Е. А. Головинъ принадлежалъ къ смоленскому дворянству и родился въ 1782 году. Получивъ воспитаніе свое сначала въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, онъ окончилъ его въ Московскомъ университетѣ, изъ котораго и вышелъ въ 1796 г., въ годъ кончины Екатерины II. Въ апрѣлѣ 1797 года Головинъ поступилъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ декабрѣ того же года произведенъ въ прапорщики. Первыя впечатлѣнія своей юности,—говоритъ его біографъ,—онъ «вынесъ изъ великаго вѣка Великой Екатерины, хотя начало его служебнаго поприща относится уже ко времени преобразованія россійскаго общества Павломъ I. Этимъ объясняется сочетаніе въ Головинѣ съ одной стороны многосторонней и вполнѣ основательной образованности, которая была отличительнымъ свойствомъ офицеровъ екатерининскихъ, и съ другой—неумолимаго педантизма въ соблюденіи воин-

скихъ артикуловъ, изученіе коихъ считалось впослѣдствіи достаточнымъ для всѣхъ чиновъ военнаго сословія, начиная отъ солдата и до генерала» [1]).

Е. А. Головинъ былъ человѣкъ ума свѣтлаго, воли твердой, распорядительный и энергичный. При такихъ счастливыхъ дарованіяхъ въ немъ замѣтна была въ молодости нѣкоторая суровость въ характерѣ, часто выражавшаяся жестокостью съ подчиненными ему солдатами; «но,— разсказывалъ кн. А. Н. Голицынъ [2]),—«не одни солдаты страдали, — терпѣли много отъ оной домочадцы, служители и управители». Случай свелъ Головина съ Татариновою, и характеръ его, какъ увидимъ, круто измѣнился.

Въ Преображенскомъ полку Головинъ оставался не долго и въ январѣ 1798 года былъ переведенъ подпоручикомъ въ Могилевскій гарнизонный баталіонъ, потомъ служилъ въ Фанагорійскомъ гренадерскомъ полку, участвовалъ съ нимъ во всѣхъ войнахъ и 31-го января 1811 года назначенъ командиромъ этого полка. Къ этому времени относится его первое знакомство съ Екатериною Филипповною, тогда дѣвицею и сестрою пріятеля Головина, полковника Ивана Ѳедоровича Буксгевдена, служившаго съ нимъ въ одной бригадѣ и убитаго въ Бородинскомъ сраженіи. Съ началомъ Отечественной войны и послѣдующихъ затѣмъ событій Е. А. Головинъ потерялъ изъ виду Татаринову и встрѣтился съ нею только въ 1823 году.

Находясь въ Тулѣ бригаднымъ командиромъ въ 3-й гренадерской дивизіи, генералъ Головинъ въ 1821 году, совершенно для него неожиданно, былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Егерскаго полка.

«Удостоенный столь лестнаго выбора»,—говоритъ онъ [3]),—«я началъ службу въ гвардіи съ такимъ успѣхомъ, который превзошелъ даже мое чаяніе». Но назначеніе это возбудило зависть

---

[1]) «Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина» Ю. Толстаго. «Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. И. Бартенева, стр. 1.

[2]) Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева. «Русск. Арх.» 1886 г., № 10, стр. 150.

[3]) Въ своей запискѣ о знакомствѣ съ Татариновою. Арх. канцеляріи оберъ-прокурора Синода д. № 54. Все, что говоритъ г. Гетце (см. «Историческій Вѣстн.» 1882 г. № 5, стр. 246 и 247) относительно знакомства Головина съ Татариновой, не имѣетъ никакой исторической достовѣрности и спутано хронологически.

во многихъ. Строгость, точное соблюденіе дисциплины, неумолимая взыскательность, при отсутствіи всякаго лицепріятія, несмотря ни на происхожденіе, ни на положеніе въ обществѣ, вызвали на Головина неудовольствіе многихъ лицъ, даже и приближенныхъ ко двору. Про него стали распускать самые преувеличенные слухи, что онъ педантъ, обращается жестоко съ солдатами, дурно кормитъ ихъ и проч. Къ счастію, слухи эти не повредили Головину. Происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, и безпорядки, возникавшіе время отъ времени въ армейскихъ полкахъ, были у всѣхъ на виду. Въ глазахъ всесильнаго тогда графа Аракчеева педантизмъ во фронтѣ, строгость наказаній, если они были соединены съ безкорыстіемъ и личною исполнительностію, были не недостатками, а хорошими качествами командира[1]). Несмотря на то, крайне пылкій отъ природы, самолюбивый и обладавшій сильнымъ характеромъ Е. А. Головинъ не могъ не чувствовать огорченій отъ интригъ и распускаемыхъ о немъ слуховъ.

«Похвалы и вниманія», писалъ онъ[2]), «коихъ я сдѣлался предметомъ, не замедлили, по обыкновенному ходу вещей, возбудить противъ меня зависть, которая успѣла мое къ службѣ усердіе представить въ превратномъ видѣ и искусными навѣтами поселить даже сомнѣніе насчетъ преданности моей къ престолу, приписывая мнѣ такіе умыслы, кои никогда мнѣ на мысль не приходили. Впрочемъ, я вспоминаю объ этомъ безъ намѣренія роптать или жаловаться, ибо въ то же время среди огорченій и сѣтей, меня окружавшихъ, Десница Всевышняго меня покрывала. Сколь ни тяжко было положеніе мое въ служебномъ отношеніи, я долженъ, однакоже, сказать, что къ нему присоединились еще и другія обстоятельства, ни отъ людей, ни отъ наружнаго моего быта не зависѣвшія. Здѣсь надо открыть тайны сердечныя. Года два до перевода меня въ гвардію, я получилъ преступную привязанность къ домашней горничной дѣвкѣ. Эта слабость совершенно разрушила душевное мое спокойствіе и, раздирая внутренность колючими упреками совѣсти, лишала меня отрады въ счастіи семейственномъ».

---

[1]) «Очеркъ жизни Головина» Ю. Толстаго. «Девят. вѣкъ», кн. I, стр. 8.
[2]) Въ своей запискѣ о знакомствѣ съ Татариновою.

Связь эта настолько тяготила Головина, что онъ не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью [1]).

— Ты видишь обстановку мою, — говорилъ онъ впослѣдствіи своему пріятелю [2]), — видишь изобиліе, почести, благоволеніе; сынъ мой пожалованъ въ пажи, часто ѣздитъ къ великому князю [3]), одаренъ подарками, приличными его шестилѣтнему возрасту отъ вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны; но еслибы ты видѣлъ, въ какомъ растерзанномъ состояніи находится душа моя, ты ужаснулся бы.

Такимъ образомъ, преслѣдуемый извнѣ интригами завистниковъ и враговъ, внутренно терзаемый страстью, которой, — говоритъ Головинъ, — преодолѣть былъ не въ силахъ, «провелъ я остальное время начальства моего л.-гв. Егерскимъ полкомъ, до тяжкой болѣзни, постигшей меня въ концѣ 1823 года». Она подготовлялась давно и была слѣдствіемъ душевнаго страданія; первые признаки ея показались 1-го октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы. Болѣзнь началась воспаленіемъ лѣваго глаза и въ началѣ не представляла никакой опасности, но вскорѣ оказалось, что главная причина болѣзни заключалась въ сильномъ развитіи желчи и приливахъ крови къ головѣ, отъ чего, при тогдашней тучности Евгенія Александровича, можно было ожидать ежеминутно апоплексическаго удара. На больномъ глазѣ образовалась рожа, причинявшая больному жестокія страданія и лишавшая его возможности спать.

Больнаго генерала лѣчилъ его полковой штабъ-лѣкарь Косовичъ, не щадившій ни заботливости, ни своихъ трудовъ; но, несмотря на все его стараніе, болѣзнь не поддавалась лѣченію и, усиливаясь все болѣе и болѣе, дошла до того, что на четырнадцатый день Головинъ счелъ необходимымъ исповѣдаться и причаститься св. Таинъ.

— Въ это время, — говорилъ онъ, — въ первый разъ открылось во мнѣ внутреннее духовное дѣйствіе въ величайшемъ сокрушеніи сердечномъ, изливавшемся при исповѣди потоками слезъ, такъ что

---

[1]) «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой» ст. сов. Іоаннова, «Русскій Архивъ» 1872 г., т. II, стр. 2342.

[2]) Несомнѣнно Θ. Косовичу.

[3]) Впослѣдствіи императору Александру II.

духовникъ мой, бывшій протоіерей л.-гв. Измайловскаго полка Раевскій, пришелъ въ изумленіе.

Тѣмъ временемъ Косовичъ успѣлъ побывать у Татариновой и услышалъ обращенный къ нему, пророческій голосъ: «приведешь къ Богу вельможу».

— Кто онъ?—спросила Татаринова.

— Думаю, что это генералъ Головинъ,—отвѣчалъ Косовичъ.

— Жалѣй его,—замѣтила Татаринова.

Косовичъ тотчасъ же отправился къ Головину и нашелъ его причастившимся св. Таинъ.

— Я сегодня,—говорилъ больной,—сподобился принятія тѣла и крови Господней и какъ мнѣ хорошо!

Косовичъ совѣтовалъ ему чаще обращаться къ Богу и пребывать съ Нимъ.

— Его замѣнить вамъ никто не можетъ, ни здѣсь, ни въ вѣчности,—говорилъ Косовичъ,—пребывайте съ Нимъ всю жизнь.

Эти слова глубоко запали въ душу Головина и совершенно измѣнили его мысли и образъ жизни.

Послѣ исполненія христіанскаго долга, больной сталъ нѣсколько покойнѣе, но здоровье не улучшалось. Воспаленіе и боль въ глазу не прекращались, и на помощь Косовичу былъ приглашенъ лейбъ-окулистъ Грубе. Найдя состояніе больнаго опаснымъ, онъ прибѣгнулъ къ сильнѣйшимъ средствамъ: къ кровопусканію до обморока и приставленію къ виску такого числа піявокъ, какое могло только помѣститься. Этими средствами и большими пріемами слабительнаго, Грубе остановилъ приливы крови къ головѣ, но значительно ослабилъ силы больнаго. Головинъ подвергся истерическому припадку, который, по его словамъ, «сопровождался какимъ-то сладостнымъ чувствомъ внутренняго блаженства, съ обильнѣйшими слезами и сильнымъ волненіемъ въ груди».

Видя такое нравственное и душевное настроеніе больнаго, докторъ Косовичъ, все время не покидавшій его и часто сидѣвшій у его изголовья, сталъ бесѣдовать съ Головинымъ о религіи и любви къ Богу. Больной слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и казалось, что бесѣды эти производили на него пріятное впечатлѣніе.

— По писаніямъ и явнымъ знакамъ видно,—сказалъ однажды

Косовичъ,—что вы должны принадлежать Богу и слѣдовать за Нимъ; да есть и особа, черезъ которую Господь даетъ силу нести крестъ Его.

— Ты это не отъ себя произнесъ,—замѣтилъ съ живостью Головинъ,—Богъ побудилъ тебя къ тому.

Косовичъ призналъ замѣчаніе справедливымъ и указалъ ему на Татаринову, какъ на женщину, которая можетъ исцѣлить его отъ душевныхъ страданій. Головинъ просилъ ей кланяться, поцѣловать ручку и напомнить, что былъ другомъ ея брата Ивана Θедоровича Буксгевдена [1]). Евгеній Александровичъ выразилъ теперь желаніе познакомиться съ Екатериною Филипповною, тогда какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ имѣлъ о ней самое невыгодное мнѣніе.

Когда въ 1821 году Головинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то о Татариновой ходили такіе слухи, что они казались ему не только странными, но и смѣшными. Разсказывали, что это клубъ адамистовъ, что въ обществѣ Татариновой въ большомъ употребленіи такъ называемый свальный грѣхъ, что многіе изъ ея послѣдователей подвергли себя оскопленію, а сама Татаринова избрала новый способъ скопить женщинъ, и что молитвенныя сборища въ Михайловскомъ замкѣ сопровождаются «такой скандальной обстановкой, что трудно придумать что-нибудь болѣе комическое или безобразное». Конечно, прибавляетъ одинъ изъ разсказчиковъ подобныхъ слуховъ, «я самъ ихъ не видалъ и не имѣлъ къ тому ни малѣйшей охоты [2]).

Такіе разсказы и клеветы были хорошо извѣстны членамъ кружка Татариновой. Но,—пѣли они во время молитвенныхъ собраній:

Пусть громко міръ ругаетъ насъ,
Злословитъ и клевещетъ,
Не вреденъ намъ завистныхъ глазъ,
Коль свѣтъ съ востока блещетъ.
    Вся тайна истины—въ любви,
    Но міръ того не знаетъ.

---

[1]) «Русскій Арх.» 1872 г., т. II, стр. 2342 и 2343.

[2]) Воспоминанія Θадеева. «Русскій Арх.» 1891 г. № 3, стр. 397. По этимъ же слухамъ написалъ свои записки и Фотій.

Питая тщетно желчь въ крови,
Онъ много самъ теряетъ.
Хоть міръ противъ насъ жестокъ,
Хоть намъ онъ много зла творитъ,
Мы тайно слезный льемъ потокъ,
Но міръ не судимъ строго.
Любовь превыше всѣхъ отрадъ
Вмѣщаетъ всѣ блаженства,
Она любезнѣй всѣхъ наградъ,
Источникъ совершенства.
О чемъ же больше намъ тужить!
Чтобъ въ полной радости прожить,
Мы будемъ, мы будемъ всѣхъ любить [1]).

Какъ бы то ни было, но ходившіе по городу слухи были причиною того, что Головинъ не желалъ возобновлять давно прерваннаго знакомства съ Татариновой, и первое обстоятельство, обратившее его вниманіе на эту женщину, было то вліяніе, которое она имѣла на капитана его полка Л. М. Гагина. Посѣтивъ послѣдняго во время болѣзни, Головинъ увидѣлъ въ немъ что-то необыкновенное: кротость, смиреніе, увѣренность и вѣру въ Бога; слова его, растворенныя какимъ-то «сладкимъ убѣжденіемъ», сильно подѣйствовали на Головина, въ то время испытывавшаго сильныя огорченія и терзаемаго страстью. Зная Гагина за человѣка очень начитаннаго, но, подобно прочимъ молодымъ людямъ того времени, запутаннаго, безъ системы и руководства, въ разныя теоріи и религіозныя понятія, Головинъ удивился такой перемѣнѣ, и узнавъ, что она произошла послѣ знакомства Гагина съ Татариновою, измѣнилъ о ней мнѣніе. Теперь удрученный самъ тяжкою болѣзнью, почти на смертномъ одрѣ, Евгеній Александровичъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы Косовича о святости жизни этой женщины, ея пророческомъ дарѣ и съ удовольствіемъ принималъ поклоны отъ прежней знакомой, поклоны, сопровождаемые словами утѣшенія отъ «имени Божія и Христа Спасителя».

— Слова эти, — говорилъ впослѣдствіи Головинъ, — каждый разъ производили во мнѣ глубочайшее потрясеніе и вмѣстѣ съ

---

[1]) Пѣсня эта несомнѣнно происхожденія масонскаго, но вписана въ тетрадку Татариновой и пѣлась въ ея кружкѣ.

тѣмъ вливали какой-то цѣлительный бальзамъ въ растерзанное горестью сердце, заставляли забывать тяжкую болѣзнь тѣлесную и по цѣлымъ часамъ исторгали потоки слезъ сладкихъ и успокоительныхъ. Все это было не мечта, а истинныя живыя ощущенія, въ коихъ воображеніе не имѣло никакого участія.

Такъ постепенно подготовлялось духовное соединеніе Головина съ Татариновою, вызываемое какими-то таинственными дѣйствіями, западавшими въ глубину его сердца. При такомъ настроеніи естественно было желаніе Головина видѣть Татаринову, и онъ рѣшился быть у нея вмѣстѣ съ докторомъ Косовичемъ, несмотря на боль въ глазу, отъ которой онъ не переставалъ терпѣть безпокойство.

24-го ноября 1823 года, въ день именинъ Екатерины Филипповны, генералъ Головинъ первый разъ посѣтилъ ее и не вынесъ никакого особеннаго впечатлѣнія. Онъ увидѣлъ въ Татариновой женщину обыкновенную и уже не молодую. Въ пріемѣ, ему сдѣланномъ, Головинъ подозрѣвалъ притворство, а заявленіе, что она говоритъ только то, что чувствуетъ ея сердце, онъ считалъ за выдумку, и во всѣхъ пріемахъ Татариновой видѣлъ скорѣе соблазнъ, чѣмъ назиданіе. Послѣдующія свиданія также не производили особаго впечатлѣнія, но заочные разсказы Косовича продолжались попрежнему и послужили «залогомъ», безъ котораго дальнѣйшія сношенія Головина съ Татариновой и даже самое знакомство были бы непродолжительны. Въ началѣ Головинъ бывалъ не болѣе одного раза въ недѣлю, но затѣмъ, по совѣту Косовича, сталъ ѣздить чаще и просиживалъ по нѣскольку часовъ, проводя время въ религіозной бесѣдѣ.

— Чрезвычайно умна, —сказалъ онъ однажды, возвращаясь домой вмѣстѣ съ Косовичемъ.—Ты будешь еще сегодня вечеромъ у Екатерины Филипповны, скажи ей о происходящемъ со мною, и что я цѣлую ея ручки.

Косовичъ исполнилъ, конечно, порученіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ увѣрять Головина въ «возможности обладать способностью говорить не по размышленію, какъ это бываетъ въ порядкѣ естественномъ, гдѣ мысль предшествуетъ слову, а по вдохновенію, въ которомъ голова нисколько не участвуетъ, и при которомъ языкъ произноситъ слова машинально, какъ орудіе страдательное».

— Способность эта,—говорилъ Косовичъ,—называется даромъ пророчества или пророческимъ словомъ.

Это заявленіе поразило Головина, но, по его словамъ, онъ скоро убѣдился въ справедливости сказаннаго.

Въ день Рождества Христова Татаринова совершенно неожиданно обратила свое пророческое слово на Головина и продолжала его около часа.

— Мнѣ сказано было,—говорилъ впослѣдствіи Евгеній Александровичъ,—много утѣшительнаго, и я, въ умиленіи сердечномъ, заливался слезами. Я слушалъ его (слово), какъ это потомъ всегда бывало, стоя на колѣняхъ и даже иногда падая ницъ. Мнѣ возвѣщалось помилованіе, отпущеніе грѣховъ и жизнь вѣчная съ такою властью, которая не давала мѣста никакому сомнѣнію. Образъ выраженія весьма похожъ на тотъ, который мы видимъ въ книгахъ пророческихъ Ветхаго Завѣта, напримѣръ: «Я господь Вседержитель, говорю или сдѣлаю то-то». Слогъ рѣчи иногда обыкновенный, иногда высокій и краснорѣчивый, но по большей части иносказательный и для разума непонятный, что́, однакожъ, не мѣшаетъ дѣйствію на сердце съ большою неизъяснимою силою. Слушалъ я слово пророческое каждый разъ, когда бывалъ у госпожи Татариновой, и всегда съ одинаковою жадностью.

Въ это время болѣзнь не только не покинула Головина, но, сосредоточившись на лѣвомъ глазѣ, причиняла ему сильную боль. Въ пророческомъ словѣ Татариновой обѣщано было ему исцѣленіе и возбудило въ больномъ сильную увѣренность въ исполненіи обѣщанія. Докторъ Грубе продолжалъ его лѣчить, но едва-ли, говоритъ Головинъ, «могъ бы я совершенно выздоровѣть, если бы нѣкое чудесное дѣйствіе не пришло на помощь черезъ посредство новаго моего знакомства съ г. Татариновою». Въ началѣ 1824 года, она, по внутреннему внушенію, совѣтовала Головину удвоить пріемъ прописанныхъ Грубе лѣкарствъ, которыя были такъ сильны, что никакой медикъ не рѣшился бы ихъ удвоить. Около того же времени произошелъ съ Головинымъ случай, который онъ приписывалъ также дѣйствію свыше. Онъ подумалъ, что хорошо бы было имѣть образъ Распятія, написанный художникомъ Боровиковскимъ, и желаніе его, безъ заявленія кому бы то ни было, исполнилось: образъ

былъ написанъ и вставленъ въ тяжелую, рѣзную вызолоченую раму. Е. Ф. Татаринова благословила имъ Головина въ присутствіи другихъ.

— Я принялъ икону, —говорилъ Головинъ, —стоя на колѣняхъ, въ то время, какъ двое, поддерживая ее, поставили мнѣ на голову. Послѣ сего, когда я, простившись съ г. Татариновою, пошелъ изъ горницы, чтобы ѣхать домой, она сказала, что вслѣдъ за мной пошла большая сила.

— Огромная сила взята отъ меня, —сказала она, —и отражена на васъ, но я не знаю нынѣ, что это значитъ.

Не понималъ этихъ словъ и Евгеній Александровичъ, но черезъ нѣсколько дней у него явилось необыкновенное расположеніе къ молитвѣ, на которой онъ стоялъ передъ Распятіемъ, сначала по часу, потомъ по два, по три и даже по пяти часовъ сряду. Это бывало обыкновенно ночью. Однажды, стоя во время молитвы на колѣняхъ, онъ почувствовалъ, что какая-то сила заставляетъ его кланяться до земли, и онъ сталъ класть поклоны сначала стоя на колѣняхъ, чтò довольно легко, а потомъ стоя на ногахъ, какъ принято нашею церковью во время великопостной службы. Этотъ родъ поклоновъ очень тяжелъ и назначается въ наказаніе, налагается въ эпитимію для умерщвленія плоти и въ очищеніе отъ грѣховъ. Такихъ поклоновъ Головинъ клалъ сначала нѣсколько десятковъ, потомъ дошелъ до сотенъ и тысячъ, а однажды, въ теченіе только пяти часовъ положилъ ихъ пять тысячъ, на чтò надобно было имѣть силу почти сверхъестественную.

При такомъ изнуреніи тѣла Головинъ продолжалъ еще принимать рвотное и слабительное, которое, по совѣту внутренняго голоса Татариновой, онъ утроилъ. Передавая внушенія свыше, она сама пугалась трудностей и даже опасности того, что по простому разсудку казалось невозможнымъ. Но Головинъ исполнилъ указаніе и сильно ослабѣлъ. Тогда Татаринова писала Ѳ. Косовичу [1]): «Другъ мой! Я такъ и полагала, что отъ рвотнаго онъ ослабѣетъ. Сдѣлай милость, вели достать козьяго молока и съ молитвою давай ему пить оное, хотя понемногу вмѣсто питья. Скажи ему отъ меня,

---

[1]) Въ письмѣ безъ числа и мѣсяца.

чтобъ онъ любя меня пилъ, что Богъ мнѣ приказалъ. Прижимаю васъ обоихъ къ сердцу. Когда Богу угодно, то можно послѣ обѣдни или завтра пріѣхать. Положись на Господа, другъ мой, эта болѣзнь для него перерожденіе. Я тебя вечеромъ опять печальнаго видѣла, какъ въ слезахъ. Была съ вами долѣе 12 часовъ ночи».

Совѣты Татариновой подѣйствовали благотворно на здоровье Головина, и онъ точно также видѣлъ въ своей болѣзни перерожденіе внутренняго человѣка.

«Сильное потрясеніе всего тѣла,—говорилъ онъ,—производимое земными поклонами, отъ котораго потъ лился изъ меня потоками, ежедневные пріемы слабительнаго, строгій постъ, который я, по собственному побужденію налагалъ на себя, не принимая никакой пищи, кромѣ чашки самаго жидкаго чая съ небольшимъ кускомъ бѣлаго хлѣба въ сутки и, наконецъ, по внутреннему голосу г. Татариновой, частыя кровопусканія изъ руки—все это вмѣстѣ какъ бы обновило всю тѣлесную мою натуру. Я потерялъ прежнюю тучность тѣла, особенно въ животѣ, который подвелся и сдѣлался плоскимъ. Замѣчательно, что по мѣрѣ того, какъ я худѣлъ и становился, можно сказать, кожа и кости—тѣлесныя силы мои не только не упадали, но ощутительно возростали, и когда всѣ видѣвшіе меня, даже самъ царствующій нынѣ императоръ (Николай I), посѣщавшій тогда меня, полагали, что я въ чахоткѣ, мнѣ сообщалась крѣпость первой молодости. Пользовавшій меня докторъ Грубе нерѣдко приходилъ въ изумленіе, видя на мнѣ дѣйствія столь чудесныя и приписывая ихъ своимъ лѣкарствамъ, ибо все другое было отъ него сокрыто.

«Вмѣстѣ съ исцѣлѣніемъ недуговъ тѣлесныхъ исцѣлились и душевные мои недуги. Я хочу опять коснуться слабости моей къ горничной дѣвкѣ, слабости, которая въ самомъ началѣ и все время подстрекалась какимъ-то неестественнымъ безсиліемъ, слабости, которой собственными силами я никакъ бы не могъ преодолѣть и которая неминуемо должна была отравить всѣ мои семейныя отношенія. Татаринова, взявъ эту дѣвку къ себѣ, какъ бы приняла на себя немощь мою, снимая ее съ меня постепенно. Замѣчательно, что, когда она разсказывала мнѣ въ простотѣ сердечной, сколько позволяла благопристойность, о своихъ ощущеніяхъ къ помянутой

дѣвкѣ—я узнавалъ въ нихъ собственныя мои чувства и даже наружное мое вольное съ нею обращеніе. Впослѣдствіи дѣвка отпущена на волю и теперь замужемъ».

Послѣ всего перечувствованнаго и испытаннаго, невольно является вопросъ: въ какое взаимное положеніе могли стать Головинъ къ Татариновой и она къ нему? Отвѣтъ незатруднителенъ. Головинъ подчинился полному ея вліянію, вліянію безграничному, которое и сохранялось до конца дней обоихъ. Но не одинъ Евгеній Александровичъ находился въ такомъ положеніи, а и всѣ послѣдователи Татариновой. Число ихъ съ каждымъ годомъ уменьшалось вслѣдствіе измѣнившихся взглядовъ правительства на тайныя вообще.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

И. Н. Скобелевъ и Ѳ. В. Булгаринъ.

Два письма И. Скобелева Ѳ. Булгарину.

I.

7 іюня 1829 г. Крѣпость Бобруйскъ.

Отецъ и командиръ, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! По прочтеніи на святой Руси небывалаго, а посему и драгоцѣннаго Выжигина, тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей. Что бы Ѳаддею Венедиктовичу, подумалъ я, родиться лѣтъ за десять предо мною! Начавъ учиться грамотѣ и чтенію съ сочиненія толико превосходнаго, неподражаемаго, я бы съ того именно на пути жизни своей все начиналъ, чѣмъ впослѣдствіи все оканчивалъ. Опыты хороши, но къ сожалѣнію поздны, а раскаяніемъ не всегда удается съ успѣхомъ исправить прошедшій грѣхъ. Проклятый романъ: «Марія Луиза, Бранденбургская маркграфиня, или милордъ англійскій Георгъ. Съ присовокупленіемъ Марцимириса, повѣсти турецкой», былъ началомъ моего бѣднаго воспитанія! И по сіе еще время въ лѣтахъ преклонныхъ, дряхлыхъ, этотъ тріанафемскій романъ, отъ доски до доски, въ головѣ моей такъ свѣжо памятенъ, какъ исправному каптенармусу вѣдомы хранящіяся въ ротномъ цейгхаузѣ, отъ некомплекта людей, амуничныя вещи. А къ чему служитъ сумбуръ сей?—Счастливы, тысячекратно счастливы молодые люди, коимъ рокъ судилъ своевременно впить спасительные уроки изъ источника вашего почерпаемые, за которые каждый благомыслящій человѣкъ, каждый отецъ семейства и каждый чудакъ, кому еще не поздно исправиться, долженъ быть вамъ всѣмъ сердцемъ благодаренъ!—Имѣя подъ начальствомъ своимъ до 250 человѣкъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, прелестнымъ Выжигинымъ восхищенныхъ, и не сомнѣваясь, что на каждаго изъ молодыхъ не только благовоспитанныхъ, но и къ посредственности судьбою сопричисленныхъ смертныхъ, пресловутый Выжигинъ произвелъ благодѣтельное вліяніе. Я, какъ старый солдатъ, привыкшій выгоды товарищей цѣнить наравнѣ съ собственными пользами, прижимая васъ къ сердцу, благодарностію

преисполненному, чиню земной поклонъ отъ лица всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь.

Да благословитъ Господь Богъ продолженіе полезнаго труда вашего въ тактъ началу и да узритъ справедливое потомство имя славнаго Булгарина на обелискѣ, признательностію воздвигнутомъ; я же готовъ послать къ вамъ и другую пушку, если найду къ тому средство.

Пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда всепокорнѣйшій слуга.

Иванъ Скобелевъ.

II.

9 сентября 1830 г. Кр. Бобруйскъ.

У меня есть страшная слабость любить и даже боготворить умныхъ людей, и вы досыта нахохотались бы, любезный другъ Ѳаддей Венедиктовичъ, если бы увидѣли, съ какимъ восхищеніемъ и съ какою революціонною, такъ сказать, радостію, нерѣдко до безумія простирающеюся, читаю я письма всѣхъ журналистовъ, а слѣдовательно и ваши; но всѣ ли журналисты умны, спросите вы? Хоть тресни, не знаю, что сказать, по моему, какъ бы кажется взвалить на себя тяжкое бремя, не имѣя силы? Вопросъ сей долго ломалъ мнѣ голову, но я неподвижно остановился на мысли, что въ особѣ журналиста можно допустить различныя погрѣшности, ремеслу его несвойственныя, какъ-то: скорость, опрометчивость, лѣнь рыться въ святой старинѣ, а посему не впопадъ рѣшеніе дѣлъ на смѣлой увѣренности и проч. и проч. и проч. Но глупость не есть уже удѣлъ писателя, которому стоитъ только перестать писать, вотъ онъ и умница; а это такая позиція, до коей нашему брату, безграмотному, доколотиться, если бъ и возможно, такъ по крайности не легко.

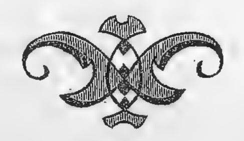
Хотите ли вы смѣяться? извольте начинать; вотъ вамъ обширное поле.

Родясь отъ бѣдныхъ родителей, до 14-ти лѣтняго возраста, т. е. до вступленія въ высокославную службу, касательно просвѣщенія успѣлъ я удрать къ возможности читать церковныя книги, что сообщила мнѣ покойная мать моя, до сей же степени достигшая; но на 18 году жизни я все еще руководствовался мнѣніемъ благодѣтельной родительницы, что печатныя книги суть даръ неба, и что человѣкъ не рожденъ къ непостижимой мудрости и исполинскому труду, каковой совершили св. отцы, печатныя книги намъ оставившіе, и книгопродавецъ Шишковъ, древними романами въ Уфѣ торговавшій, былъ первый человѣкъ, убѣдившій

меня, что существуютъ типографіи и что выисканы средства печатать въ три часа, чего не прочтешь въ три года. Чудо! думалъ я, если это правда.

Теперь вы хотите мои мизерныя сочиненія вклеить въ вашъ романъ? да знаете ли, что вы рѣшаетесь на уголовное преступленіе. Я не умѣю понять за что? но вижу, что и безъ меня бранятъ васъ частенько, чѣмъ же вы оправдаетесь, когда введете въ рядъ дѣла записки самоучки? тогда и обоимъ намъ, на лицѣ земли, не дадутъ пріюту! Ну вамъ и за дѣло, какая нечистая сила внушила вамъ мысль посвятить себя на поприще, славнаго въ нашъ вѣкъ, писателя, и не только успѣть въ томъ, но еще и превзойти многихъ? а я-то за какіе грѣхи терпѣть буду?—Развѣ по старинной пословицѣ: «съ другомъ грязь ѣдимъ»—ну пожалуй! Только всего журнала я и женѣ, покамѣстъ, не показываю, въ немъ есть матеріалы о храбрецахъ... которыхъ я боюсь; а буду присылать постепенно извлеченія, по примѣру настоящаго случая, если болѣзнь не помѣшаетъ; теперь же ограничиваюсь одною статьею, потому что всѣ мои бредни въ деревнѣ, въ которую сейчасъ выѣзжаю. Достойнѣйшимъ командиршамъ цѣлую ручки; къ вамъ же милуя, къ сердцу прижимая и здравія желая, пребуду всегда и вѣчно преданнѣйшимъ другомъ.

Скобелевъ.



КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ
и
ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.
1877—1878 гг.

ГЛАВА X[1]).

Князь Черкаскій въ Тырновѣ до отъѣзда главнокомандующаго въ Горній Студень.

Натянутость отношеній между военными и гражданскими властями.—Радостное настроеніе въ главной квартирѣ 8-го іюля.—Молебствіе по случаю занятія Шипки.—Первая Плевна.—Приготовленія къ новой атакѣ Плевны.—Турки занимаютъ Ловчу и Беброво.—Новая неудача подъ Плевной.—Отъѣздъ главнокомандующаго изъ Тырнова.

Неудовлетворительность отношеній между военными властями и завѣдывавшимъ гражданскими дѣлами, какъ видимъ, перестала быть достояніемъ тѣснаго кружка главной квартиры дѣйствующей арміи, стала извѣстна внѣ ея и дошла до императорской квартиры. Въ половинѣ іюля о ней уже говорятъ, какъ о факторѣ, съ которымъ надо обращаться осторожно, дабы не ухудшить еще болѣе ненормальность отношеній между враждебно другъ противъ друга настроенными элементами. Поэтому умѣстно обратить на этотъ фактъ особое вниманіе и дать ему должное освѣщеніе.

---

[1]) См. «Русскую Старину» октябрь 1895 г.

Начало натянутости отношеній связывается съ первымъ между собою знакомствомъ обѣихъ сторонъ въ Петербургѣ, гдѣ князь Черкаскій явился совершенно нежданнымъ и негаданнымъ помощникомъ главнокомандующаго по устройству Болгаріи. Входя въ среду совершенно ему незнакомую, для которой назначеніе его не могло быть пріятнымъ уже по одной своей неожиданности, а прежняя его дѣятельность по крестьянскому дѣлу и въ Привислянскомъ краѣ была весьма подозрительною—князь Вл. Ал. по прямолинейности своего характера, лишеннаго гибкости, и по неумѣнью завязывать личныя отношенія, не успѣлъ внушить къ себѣ должной симпатіи и тѣмъ ослабить непріятное впечатлѣніе своего какъ бы насильственнаго вторженія въ составъ высшаго управленія арміи. Кишиневское сидѣнье привело еще къ большему укрѣпленію составившагося противъ князя Черкаскаго предубѣжденія, въ чемъ играло огромную роль вліяніе лицъ, имѣвшихъ свои поводы относиться къ князю враждебно по принципу.

Объявленіе войны, сведя ихъ вмѣстѣ и поставя во взаимныя дѣловыя отношенія, сразу выяснило, что въ будущемъ не слѣдовало ожидать отъ нихъ согласныхъ дѣйствій. Направленія обѣихъ сторонъ были слишкомъ противоположны одно другому. Полевой штабъ, стоя на почвѣ личной непріязни и отвергая въ корнѣ необходимость учрежденія при арміи гражданскаго управленія съ его широкими задачами—желалъ совершенно исключить его изъ состава полевыхъ учрежденій арміи, а представитель гражданскаго вѣдомства—вполнѣ понимая подобное стремленіе—не считалъ нужнымъ обращать на него вниманіе, а видѣлъ себя обязаннымъ по долгу патріотизма смѣло идти впередъ къ осуществленію не личныхъ своихъ взглядовъ, а указанныхъ ему правительствомъ основаній для будущей его дѣятельности въ Болгаріи. Первоначальный успѣхъ былъ на сторонѣ штаба и выразился рѣшительнымъ и систематическимъ отказомъ въ поддержаніи гражданскаго управленія при его первоначальномъ устройствѣ.

Прибытіе императорской квартиры въ Плоэшти значительно измѣнило ходъ дѣла, и князь Черкаскій если и былъ лишенъ средствъ приступить къ устройству своей администраціи въ Болгаріи непосредственно за переходомъ арміи черезъ Дунай, но успѣлъ провести

благополучно всѣ тѣ мѣры, которыя считалъ необходимымъ для правильнаго развитія дѣятельности гражданскаго управленія и для раціональнаго направленія дѣйствій военныхъ властей въ первоначальный періодъ занятія края.

Заручившись такими результатами, князь Черкаскій полагалъ, что оказанная ему извнѣ поддержка возымѣетъ свою силу, разсѣетъ недоразумѣнія и обезоружитъ его противниковъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что одержанный имъ успѣхъ сильно подѣйствовалъ на развитіе его самомнѣнія и, весьма вѣроятно, въ личныхъ сношеніяхъ съ своими противниками, онъ не упустилъ случая рельефно выставить на видъ какъ свою удачу, такъ и ихъ пораженіе, а это было и не политично, и весьма вредно для дѣла и для него самого.

Другая сторона, напротивъ, не считала себя побѣжденною и отнюдь не думала отказаться отъ образа и цѣли своихъ дѣйствій. Видимо соглашаясь на всѣ мѣропріятія, противъ которыхъ бороться было нельзя, и сохраняя, по-прежнему, безукоризненную внѣшнюю любезность и корректность въ частныхъ сношеніяхъ, въ служебномъ дѣлѣ она поступала весьма предосудительно, не обращая вниманія на вредъ, тѣмъ приносимый. Утвержденныя мѣропріятія, какъ мы знаемъ, были совсѣмъ почти замалчиваемы, а стремленіе къ недопущенію гражданскаго элемента въ составъ полевыхъ учрежденій осуществлено было —неприглашеніемъ князя Черкаскаго со средствами Краснаго Креста къ переправѣ черезъ Дунай. Фактъ этотъ, лишившій многихъ страдальцевъ своевременной медицинской помощи, произвелъ на представителей гражданскаго вѣдомства угнетающее впечатлѣніе, а въ самомъ князѣ Черкаскомъ справедливо возбудилъ бурю негодованія, едва не прорвавшуюся наружу и всетаки послужившую къ демонстративному устройству имъ Зимницѣ своего госпиталя... Кромѣ вопіющаго оскорбленія для его самолюбія, это было настоящимъ ударомъ для его нервовъ, которые, придя въ страшно возбужденное положеніе, никогда засимъ не успокоивались и повели къ послѣдствіямъ чисто патологическаго разстройства. Съ этой поры здоровье князя Черкаскаго было потрясено въ самомъ основаніи.

Разсчитывая отдохнуть и оправиться во время дѣйствій военно-полицейскаго управленія, князь Черкаскій сильно обманулся. По-

ложеніе края, представившееся главнокомандующему во время его пути отъ Систова къ Тырнову, произвело столь сильное впечатлѣніе на главную квартиру арміи и грозило такою отвѣтственностью за непредупрежденіе происшедшихъ безпорядковъ, что штабъ быстро сообразилъ свою ошибку въ недопущеніи князя Черкаскаго къ управленію Задунайскимъ краемъ. На третій день похода, его совершенно неожиданно потребовали въ главную квартиру, и притомъ какъ-будто виновнаго въ томъ, что онъ не оказался на своемъ мѣстѣ въ то время, когда представилась въ немъ надобность.

Нисколько не колеблясь, князь Черкаскій беретъ въ свои руки управленіе занятою страною, засвидѣтельствовавъ, однако, запозданіе этой мѣры, не отъ его вины происшедшее. Вскорѣ затѣмъ послѣдовала непріятная переписка начальника полеваго штаба съ военнымъ министромъ, сильно повредившая князю Черкаскому, котораго считали, хотя и не основательно, виною всего случившагося. Рядъ мѣръ, предложенныхъ завѣдывавшимъ гражданскими дѣлами въ Тырновѣ, еще болѣе усилилъ противъ него вражду его противниковъ, и положеніе его стало по истинѣ невыносимымъ.

Ухудшенію положенія князя Черкаскаго послужили и нѣкоторыя обстоятельства совершенно частнаго свойства, происшедшія въ Тырновѣ во время совмѣстнаго его тамъ пребыванія съ высшими военными властями съ 30-го іюня по 19-ое іюля. Если до сего времени, повѣствуя о болгарской войнѣ, возможно было чаще склоняться на сторону князя Владиміра Александровича и выставлять на видъ преимущественно неправильность дѣйствій его противниковъ, преслѣдовавшихъ личныя цѣли въ явное противорѣчіе съ указаніями правительства, то въ настоящій моментъ разсказа невозможно обойти молчаніемъ и тѣ поводы къ неудовольствію и сильному противъ него возбужденію, которые онъ подавалъ самъ лично.

Хотя замѣтка, внесенная въ дневникъ главнокомандующаго на бивакѣ при Анчаирѣ 28-го іюня и показываетъ, что въ главной квартирѣ отсутствіе изъ нея князя Черкаскаго ставили ему въ личную вину, и хотя способъ его вызова черезъ ординарца являлся какъ бы воздаяніемъ за эту виновность, но оказанный ему въ Тыр-

новѣ пріемъ былъ въ высшей степени любезный и завершился приглашеніемъ остановиться на бивуакѣ главнокомандующаго.

Разбивъ свои палатки и облюбовавъ около нихъ мѣсто на открытомъ воздухѣ, князь Черкаскій зажилъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ бы въ самомъ укромномъ мѣстѣ, въ которое никто не проникаетъ ни глазомъ, ни ухомъ. Съ поразительнымъ равнодушіемъ ко всему окружающему онъ говорилъ громко, не уменьшая голоса и не задерживая выраженій, которыя, при его колкомъ умѣ и ѣдкомъ языкѣ, зачастую бывали черезчуръ заостренными и поражающими. На совѣты близкихъ людей припомнить, что каждое его слово раздается во всеуслышаніе, проникаетъ въ сосѣднія палатки и совершенно невольно выслушивается многочисленными сосѣдями, а потомъ стоустой молвой разносится и далѣе, онъ отвѣчалъ:

— Я самъ ни чьихъ разговоровъ не слушаю и знать ихъ не хочу; все мнѣ равно, слушаютъ ли меня или нѣтъ; я говорю, что думаю, и скрываться не имѣю поводовъ; ну, а кто подслушаетъ что-нибудь для него непріятное, такъ самъ и пеняй на себя.

— Не вводите, князь, во искушеніе, не давайте поводовъ къ осужденію.

— Да что я оберегать ихъ нравственность обязался, пусть занимаются своимъ дѣломъ.

И вотъ, въ теченіе трехъ почти недѣль (съ 1-го по 19 іюля) шла эта жизнь на самомъ юру, у всѣхъ на виду и въ такое время, когда ежедневно, ежечасно неудача являлась за неудачей всегда оскорбительной, злополучной для общаго блага и какъ бы умышленно разсчитанной на бо̀льшее и бо̀льшее разстройство нервовъ впечатлительнаго и высоко-патріотически настроеннаго князя Черкаскаго. Да, правъ былъ М. Д. Скобелевъ, сто разъ правъ, характеризуя такое поведеніе его противниковъ умышленнымъ задразниваніемъ. Подъ вліяніемъ задразниванія раздраженіе росло, чувство мѣры терялось, происходило то, чего бы никогда, при достойномъ отношеніи къ дѣлу, случиться не могло.

Первые же часы водворенія князя Владиміра Александровича на бивуакѣ главнокомандующаго обратили на себя общее вниманіе. Онъ распекалъ прислугу, не умѣвшую поставить палатки, какъ ему хотѣлось; сердился за присылку прямо къ нему всѣхъ жалобщиковъ,

*

болгаръ и турокъ, являвшихся въ главную квартиру[1]; силился понять ихъ заявленія и не могъ, потому что не было переводчика, знавшаго турецкій языкъ, то уходилъ болгаринъ, назначенный для разговоровъ съ братушками. Когда удалось установить въ городѣ губернатора, полиціймейстера и окружнаго начальника и убѣдить кого слѣдовало, что не къ нему, а къ нимъ, къ этимъ мѣстнымъ властямъ надо было направлять всѣхъ являвшихся съ жалобами, прошло нѣсколько дней, и ближайшіе къ нему сосѣди успѣли ознакомиться съ болѣзненною нетерпѣливостью князя Черкаскаго, его обычною ворчливостью и другими непривлекательными сторонами его характера, которыя обыкновенно проявляются въ самой интимной, домашней обстановкѣ, и, давъ поводъ къ пословицѣ: «il n'y a pas de héros pour son valet de chambre», наружу не выходятъ. Частые окрики на прислугу и несчастнаго переводчика, цѣлый день не смѣвшаго отойти отъ палатки и не имѣвшаго возможности какъ-нибудь укрыться отъ палящаго солнца — составили князю Черкаскому репутацію придирчиваго и непріятнаго начальника. Я пріѣхалъ въ Тырновъ на семь дней позже князя и уже засталъ его въ сильномъ разладѣ съ высшими властями и въ осадномъ положеніи у ближайшихъ сосѣдей по бивуаку.

На коврахъ у палатки князя Черкаскаго разыгрывались курьезныя сцены. При помощи дневника я привожу нѣсколько изъ нихъ для выясненія тогдашняго положенія дѣлъ, оговариваясь, что все разсказываемое мною не выдумано и не преувеличено, а дѣйствительно происходило.

Сидитъ онъ съ нѣсколькими лицами и ведетъ оживленную бесѣду по серьезному дѣлу. Правитель канцеляріи или кто-либо изъ начальниковъ отдѣленій, приткнувшись тутъ же на косогорѣ, держа на колѣняхъ папку съ бумагами, старательно записываютъ. По всей обстановкѣ видно, что люди работаютъ. Вдругъ на горку начинаетъ взбираться господинъ, весьма почтенный, въ чинахъ, занимающій въ военной администраціи видное мѣсто. Онъ видимо направляется къ бесѣдующимъ. Князю Черкаскому на его вопросъ — кто это? называютъ и фамилію и должность подошедшаго, который

[1]) Князь Черкаскій прибылъ въ Тырновъ безъ канцеляріи.

привѣтливо улыбается. Дѣлать нечего, князь встаетъ, привѣтствуетъ гостя и ожидаетъ изложенія цѣли посѣщенія. Тотъ не торопится разъяснить загадку и, когда прервавшій дѣло Черкаскій спрашиваетъ наконецъ, чѣмъ можетъ служить—ему отвѣчаютъ: «я такъ пришелъ послушать, о чемъ вы говорите и какъ обсуждаете важныя дѣла, можетъ быть и самъ могу помочь вамъ въ чемъ-нибудь». Всеобщее недоумѣніе и затѣмъ язвительный отвѣтъ Черкаскаго, спроваживающаго непрошеннаго совѣтчика. Я не называю именъ, но положительно заявляю, что при мнѣ, съ 8-го по 19-е іюля, такихъ случаевъ появленія наивныхъ любопытныхъ было не два, а больше. Понятно, что послѣ первыхъ опытовъ большинство подымавшихся на горку непрошенныхъ гостей, иногда съ самыми благонамѣренными цѣлями, возбуждало негодованіе; имъ издали кричали: «извините, извините, не могу принять, пожалуйте въ другое время». Они оставались недовольными и разносили слухи о недоступности и непривѣтливости князя Черкаскаго, дѣйствовавшаго въ подобныхъ случаяхъ въ предѣлахъ законной самообороны.

Разъ предсталъ такимъ же образомъ нѣкій звѣздоносецъ съ письмомъ отъ извѣстнаго дѣятеля. Не начать разговора было нельзя.

— Что прикажете?

— Желаю поступить на службу по гражданскому вѣдомству.

— Объ этомъ NN и пишетъ въ своемъ письмѣ?

— Да.

— Очень жаль, но долженъ отвѣчать полнымъ отказомъ. Всѣ мѣста, необходимыя по настоящимъ обстоятельствамъ, заняты или предназначены извѣстнымъ лицамъ, находящимся уже въ пути. Для будущихъ должностей утверждены кандидатскіе списки. Извините, я такъ и отвѣчу NN.

— Такъ вы меня не принимаете? Но я прослужилъ 30 слишкомъ лѣтъ, дѣйств. ст. сов., имѣю двѣ звѣзды.

— И все таки я не могу васъ принять.

— Да вы должны посмотрѣть мои бумаги, прочитать мой формуляръ; я не какой-нибудь первый встрѣчный. Позвольте, я вѣрный слуга государя, пріѣхалъ сюда изъ чистаго патріотизма и вдругъ мнѣ отказъ; нѣтъ-съ, такъ нельзя.

— Вы мнѣ мѣшаете заниматься, благоволите оставить меня въ покоѣ.

— Я вамъ мѣшаю заниматься, а вы мѣшаете мнѣ служить Россіи.

И дальше и дальше. Никто изъ присутствующихъ не можетъ, да и не желаетъ взять на себя обязанности жандарма. Разговоръ дѣлается горячѣе, голоса возвышаются, а вслѣдъ затѣмъ изъ многихъ палатокъ выглядываютъ любопытныя лица. И вотъ прекрасный поводъ къ самымъ горячимъ разсказамъ во всѣхъ ресторанчикахъ главной квартиры о новомъ скандалѣ около палатки «проконсула», о новомъ доказательствѣ его невозможности.

Указанія военнаго министра на неустройство тыла, отсутствіе правильныхъ сообщеній между двумя главными квартирами, произвели на полевой штабъ спасильное дѣйствіе. Въ немъ забили тревогу, въ отвѣтъ на которую, въ Тырновъ, со всѣхъ сторонъ, нагрянула масса евреевъ съ различными предложеніями, между прочимъ, и по устройству почтъ. Явилось стремленіе отдать почты евреямъ, но такъ, чтобы привлечь къ дѣлу и гражданское управленіе. Князь Черкаскій, по своей подозрительности, вообразилъ, что его хотятъ обойти, снять съ себя часть отвѣтственности и сверхъ того, прикрываясь его именемъ, облегчить хозяйственныя манипуляціи. Поэтому на первые же намеки на устройство почтъ сообща онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, указавъ на печальные результаты еврейскаго хозяйничанья по продовольствію арміи. Однако на этомъ дѣло не остановилось, и сдѣлана была попытка достигнуть соглашенія путемъ еврейскаго натиска на князя Черкаскаго. Маленькій, толстенькій человѣчекъ, съ характернымъ лицомъ еврейскаго интеллигента, нѣкто Ш..., появился у палатки Владиміра Александровича.

— Я Ш..., почтовый подрядчикъ.

— Мнѣ не нужно никакихъ подрядчиковъ.

— Меня многіе знаютъ, я веду теперь переговоры о подрядѣ по военнымъ почтамъ.

— Разлюбезное дѣло, тамъ и устраивайтесь. У меня вамъ будетъ невыгодно.

— Отчего невыгодно? если вы присоедините вашихъ лошадей къ военнымъ, то можно будетъ взять дешевле.

— И подрядчику достанется больше, правда? Напрасно на меня разсчитываете, я воровать у себя не позволю; не позволю и именемъ моимъ прикрываться при устройствѣ разныхъ еврейскихъ гешефтовъ. Это вамъ для личнаго свѣдѣнія, если вы явились по собственному почину, а если васъ кто прислалъ, то и имъ передайте то же. Этого еще недоставало, чтобы я окунулся въ еврейскіе подряды? Благодарю покорно. Передайте всѣмъ, чтобы меня оставили въ покоѣ, не пойду я на еврейскія сдѣлки и казнокрадомъ не сдѣлаюсь, ступайте, ступайте и передайте кому слѣдуетъ.

Когда Ш... удалялся отъ палатки, князь Владиміръ Александровичъ проводилъ его еще нѣсколькими замѣчаніями.

— Это нахальство,—говорилъ онъ по-прежнему громкимъ голосомъ,—влѣзли сами въ жидовское болото по самое горло и меня туда же тянутъ. Ошибаются и этого никогда не добьются.

Къ этому самому времени относится и вышеприведенное заявленіе одного изъ высокопоставленныхъ лицъ о томъ, что князь Черкаскій, при личныхъ объясненіяхъ, вертитъ своимъ костылемъ и тычетъ имъ въ самый носъ собесѣдникамъ. Проявлялись неловкости съ его стороны и при другихъ обстоятельствахъ. Въ главную квартиру доставляли множество турецкихъ плѣнныхъ. Наиболѣе интересныхъ изъ нихъ, послѣ вопроса въ комендантскомъ управленіи, находившемся у самаго нашего бивуака, приводили на бивуакъ и представляли штабнымъ чинамъ. Начинался ихъ опросъ при посредствѣ драгомана нашего посольства Макѣева, мастерски владѣвшаго турецкимъ языкомъ и манерами. Приведу изъ дневника описаніе одного изъ такихъ опросовъ. Плѣнные—нѣсколько офицеровъ и баталіонный имамъ—были съ Шипки изъ тѣхъ войскъ, которыя занимали перевалъ, добивали нашихъ раненыхъ и калѣчили тѣла убитыхъ. Надежда получить какія-либо разъясненія объ этой варварской рѣзнѣ собрала внизу бивуака, къ разставленнымъ кресламъ, массу зрителей. Переводчикомъ явился Макѣевъ.

— Откуда онъ?

Макѣевъ.—Говоритъ, на высотахъ около Шипки взяли.

— Откуда онъ, т. е. гдѣ служилъ?

Макѣевъ.—Говоритъ, въ редифахъ.

— Да вѣдь редифы разные, изъ какихъ?

Макѣевъ.—Изъ гвардейскаго редифа.

— Гдѣ былъ до Казанлыка? Сколько дней шли? Гдѣ жилъ прежде и т. д.

Макѣевъ.—Въ Бейрутѣ.

— Знаетъ такого-то пашу?

Макѣевъ.—Говоритъ, зналъ, когда паша былъ еще капитаномъ.

— Такъ онъ не видѣлъ меня, когда я былъ въ Бейрутѣ у этого паши?

Макѣевъ.—Онъ зналъ пашу, когда тотъ былъ капитаномъ.

— Отчего паша не пошелъ на войну?

Макѣевъ.—Говоритъ, слыхалъ, что паша не хочетъ идти на войну потому, что знаетъ, кто командуетъ русской арміей.

— О, какой онъ ловкій. Спроси, сколько ихъ было, когда они вышли изъ Константинополя?

Послѣ пятиминутнаго разговора Макѣевъ отвѣчаетъ: много было.

— Хочетъ ли вернуться домой?

Макѣевъ.—Нѣтъ, не хочетъ.

— Почему?

Макѣевъ.—Говоритъ, наше правительство слабое, а русское сильное, пусть меня гонятъ отсюда—не пойду.

— Ха, ха, ха! Общая веселость.

— Ну, а спроси, давно ли получали жалованье?

Послѣ долгихъ переговоровъ Макѣевъ отвѣчаетъ:

— Одинъ не получалъ мѣсяцъ, другой восемь мѣсяцевъ, третій три мѣсяца, а вотъ этотъ объясняетъ, что совсѣмъ не видалъ въ глаза денегъ.

— А какъ наши дерутся?

Макѣевъ.—Чудесно, говоритъ, хвалитъ.

Князь Черкаскій встаетъ съ своего кресла и поспѣшно уходитъ домой, произнося въ двухъ, трехъ шагахъ:

— Къ чему всѣ эти сантименты, повѣсить надо было бы эту каналью, которая разсыпается теперь мелкимъ бѣсомъ, а вѣроятно самъ рѣзалъ нашимъ раненымъ носы и уши.

Вообще, допросы были мало поучительны. Но въ тотъ же разъ помню вполнѣ достойное поведеніе одного муллы, родомъ изъ Тырнова, служившаго батальоннымъ имамомъ. Лицо энергичное и гордое; очень красивъ и держитъ себя съ достоинствомъ. На вопросъ, отчего турецкія войска уродуютъ тѣла нашихъ убитыхъ и не было ли на этотъ счетъ какого-либо приказанія турецкаго правительства,—онъ спокойно отвѣчалъ:

— Приказанія не было; раненые и плѣнные непріятели должны быть неприкосновенны, а если ихъ грабятъ и рѣжутъ, то значитъ, что несчастные, дѣлающіе это, не читали корана и закона Магомета!

На другіе вопросы—что онъ дѣлалъ, гдѣ его батальонъ, не хочетъ ли быть отпущенъ къ себѣ—мулла не отвѣчалъ ни слова.

Бывали, впрочемъ, около палатки князя Черкаскаго и смѣхотворныя происшествія. Пробирается, однажды, на горку, баба, съ воемъ бросается на колѣни передъ собравшимися и подаетъ прошеніе. Одинъ изъ болгаръ прочелъ прошеніе; изъ него оказалось, что баба изъ Ахчіара (подъ Систовомъ), гдѣ у нея украли двухъ буйволовъ, одного изъ которыхъ она нашла здѣсь, въ Тырновѣ, и проситъ возвратить. Прошеніе передано бывшему тутъ же, на совѣщаніи, губернатору, генералу Домантовичу, а болгаркѣ объяснено, откуда ей ждать возвращенія ея буйвола.

Я пріѣхалъ въ Тырново рано утромъ 8-го іюля, по чудному Тырновскому ущелью, съ его живописными стражами—монастырями Преображенія и Св. Николая, какъ бы висящими въ воздухѣ. Подъемъ къ Тырнову довольно пологій, но длинный; городъ стоитъ на высотѣ 180 метровъ. Проѣхавъ черезъ нѣсколько улицъ города, я повернулъ на дорогу въ Севліево и немного впереди, вправо отъ шоссе, у входа въ какую-то усадьбу, увидѣлъ знакомый флагъ главной квартиры, а нѣсколько не доходя до нея, нашелъ фургоны нашей гражданской канцеляріи. Узнавъ отъ своихъ чиновниковъ, что всѣ они живутъ въ городѣ, а князь Черкаскій расположился на бивуакѣ великаго князя, я, оставивъ свой экипажъ при фургонахъ, направился пѣшкомъ на бивуакъ главной квартиры, надѣясь пови-

даться съ княземъ Черкаскимъ и узнать, нельзя ли будетъ и мнѣ тамъ же остановиться.

Войдя въ ворота и сдѣлавъ всего нѣсколько шаговъ впередъ, слышу, что справа кто-то зоветъ меня:

— Здравствуйте, Анучинъ.

Посмотрѣвъ въ сторону голоса и по своей близорукости не различивъ, кто меня звалъ, я отвѣчаю:

— Здравствуйте, здравствуйте!

И продолжаю идти далѣе. Но кто-то подбѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ:

— Это васъ зоветъ главнокомандующій.

Дѣйствительно, у самаго почти входа, нѣсколько вправо, поставленъ накрытый столъ, а за нимъ, лицомъ къ дорогѣ, сидѣлъ, за утреннимъ чаемъ, великій князь, главнокомандующій, окруженный группою офицеровъ. Напротивъ него, за тѣмъ же столомъ, расположился великій князь Николай Николаевичъ Младшій, наканунѣ вернувшійся съ Шипки и привезшій самыя свѣжія новости о ея занятіи—съ одной стороны изъ-за Балканъ, отрядомъ генерала Гурко, а съ сѣвера—Орловскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Пріятныя новости, видимо, одушевляли всѣхъ. Всѣ лица были веселыя и радостныя.

Радостны были извѣстія — радостно и настроеніе группы, собравшейся вокругъ своего августѣйшаго вождя. Но надо замѣтить, что всегда и всюду, во время похода 1877—1878 г.г., въ минуты блестящихъ удачъ и въ періоды тяжкихъ испытаній, великій князь главнокомандующій былъ неизмѣненъ въ своемъ обращеніи со всѣми, имѣвшими особое счастье состоять въ ближайшей его свитѣ или хотя временно являться въ главную квартиру. Рыцарская внѣшность, много напоминавшая всѣмъ намъ дорогую фигуру покойнаго императора Николая Павловича, соединялась въ главнокомандующемъ съ неисчерпаемою добротою сердца, благостнымъ ко всѣмъ вниманіемъ и тою простотою обращенія, которая сразу ставила его въ отеческія ко всѣмъ отношенія и устанавливала атмосферу, въ которой жилось легко, безбоязненно...

Каждый былъ увѣренъ, что и на его долю, какъ бы онъ скроменъ ни былъ, хватитъ и ласки, и вниманія, а подчасъ и шутки,

иногда приправленной чисто-русскимъ юморомъ, но всегда сердечной и незлобивой.

Подхожу, извиняюсь. Великій князь милостиво протягиваетъ руку, предлагаетъ чаю и начинаетъ разспросы. Что дѣлается въ Систовѣ, видѣлъ ли Гассана-пашу; какъ ѣхалъ, не слыхалъ ли, что дѣлается въ отрядѣ наслѣдника цесаревича и проч. Отвѣтивъ, по возможности, на всѣ вопросы, я затѣмъ самъ выслушалъ новости о взятіи Шипки и узналъ, что объ этомъ только-что послана государю депеша и готовится благодарственный молебенъ.

— Можете поставить вашу палатку около князя Черкаскаго,— сказалъ мнѣ главнокомандующій, — а теперь скорѣе надѣвайте шарфъ и выходите на молебствіе.

Поднимаясь къ палаткѣ князя Черкаскаго, я прошелъ мимо веселой кучки молодыхъ офицеровъ, въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ. Это ординарцы главнокомандующаго, получившіе военныя награды и собравшіеся благодарить своего любимаго начальника. Молодежь сіяла счастьемъ: добытые успѣхи, полученныя награды рисовали ей войну съ казоваго конца; мысли о дальнѣйшихъ успѣхахъ оставляли за собою все остальное.

Князя Черкаскаго я нашелъ около палатки сидящимъ на циновкѣ. Около него нѣсколько офицеровъ, чиновниковъ гражданскаго управленія и болгаръ, собравшихся на предстоящее молебствіе. Шелъ оживленный разговоръ. Здѣсь тоже всѣ были веселы, спокойны и довольны...

Войска для молебна стали покоемъ, открытою стороною на югъ. Огромныя толпы братушекъ собрались около парада и усѣяли всѣ окрестности бивуака. Солдатики, не попавшіе на парадъ, тоже высыпали изъ палатокъ и составили на всемъ бивуакѣ оживленныя группы. Все было въ ожиданіи великаго князя, и всѣ уже знали что Балканы заняты.

Въ девять часовъ утра, главнокомандующій, на соловомъ жеребцѣ, украшенномъ краснымъ налобникомъ, молодцомъ подъѣхалъ къ войскамъ, поздоровался съ ними и сказалъ:

— Сейчасъ прочтутъ вамъ, ребята, депешу, которую я послалъ государю императору, донося о побѣдѣ нашихъ храбрыхъ товарищей.

Генералъ Левицкій громкимъ голосомъ прочиталъ депешу.

Нужно ли говорить, какъ наэлектризовала всѣхъ эта депеша и какое грянуло «ура!» со всѣхъ сторонъ, когда, послѣ чтенія генерала Левицкаго, главнокомандующій громко произнесъ:

— «Ура!» нашимъ молодецкимъ войскамъ!

Долго не смолкали крики, начатые войсками парада и подхваченные сперва толпами зрителей, а потомъ войсками на бивуакахъ и жителями, стоявшими у переднихъ домовъ Тырнова. То прекращаясь, то снова подымаясь, эти восторженные крики оглашали воздухъ и тогда, когда парадъ благоговѣйно уже слушалъ молебенъ.

Громко, ясно и съ видимымъ волненіемъ провозгласилъ діаконъ многолѣтіе государю, вѣчную память павшимъ воинамъ и снова многолѣтіе храброму воинству! Замолкло пѣніе походнаго хора пѣвчихъ. Войска накрылись.

— «Ура!» государю императору! — воскликнулъ главнокомандующій, и опять, вблизи и далеко кругомъ, раздались тѣ же побѣдные клики, слившіеся на этотъ разъ съ народнымъ гимномъ, сыграннымъ полковою музыкою. Картина неописанная! — замѣчено у меня въ дневникѣ. Надо видѣть войска въ побѣдную минуту и чувствовать съ ними одинаково, чтобы одушевленіе достигло крайней степени. Такія минуты, разумѣется, не часты въ жизни, и у многихъ ихъ нѣтъ.

Съ большимъ одушевленіемъ мои штабные знакомцы разсказывали мнѣ о самыхъ смѣлыхъ и радужныхъ надеждахъ; о новыхъ успѣхахъ въ ближайшемъ будущемъ. Въ главной квартирѣ, вообще, были убѣждены, что нашъ переходъ черезъ Дунай, овладѣніе Тырновомъ, паденіе Никополя и, наконецъ, взятіе Шипки произвело на турокъ потрясающее впечатлѣніе, слѣдствіемъ котораго была потеря довѣрія къ своимъ силамъ и начало деморализаціи...

Всѣмъ этимъ слѣдовало воспользоваться и продолжать рѣшительныя дѣйствія.

Надѣялись, что не трудно будетъ овладѣть Рущукомъ; толковали о скорѣйшемъ направленіи туда осадной артиллеріи, для обложенія крѣпости и начала ея осады. Разсказовъ было много. Въ императорскую квартиру, въ Бѣлу, для доклада о подробностяхъ

занятія Шипки, посланы были его высочество Николай Николаевичъ Младшій и полковникъ Струковъ. Ожидали, что они привезутъ интересныя и важныя свѣдѣнія о положеніи и намѣреніяхъ рущукскаго отряда. Ожидались и другія вѣсти... Полагали, что получено будетъ окончательное увѣдомленіе о срокѣ прибытія въ Тырновъ и императорской квартиры. Губернаторъ Тырнова, генералъ Домантовичъ, приготовлялъ уже помѣщеніе для государя въ городѣ; у въѣзда строили тріумфальную арку...

Поговоривъ съ княземъ Черкаскимъ, я узналъ, что онъ только-что получилъ сообщеніе полеваго штаба, увѣдомлявшее его, что разрѣшается приступить къ устройству гражданскаго управленія на всемъ пространствѣ между Дунаемъ, Балканами и рѣками — Видомъ, на западѣ, и Янтрой, на востокѣ. Это было первое и послѣднее сообщеніе такого рода.

Весь день 8-го іюля былъ праздникъ и общее ликованіе. Чудесная погода какъ-бы вторила такому настроенію. Небольшой, хорошенькій дождь, при 20° тепла, освѣжилъ воздухъ и никого не вогналъ въ палатки. Вечеромъ зажглись огни - внизу на бивуакахъ и кругомъ въ домахъ амфитеатромъ раскинувшагося города. Всюду сновалъ народъ, раздавались солдатскія и болгарскія пѣсни. Даже у насъ, въ главной квартирѣ, чайный столъ былъ накрытъ около дерева съ почтовымъ ящикомъ и изъ среды засѣдавшаго за нимъ общества разносились въ вечернемъ воздухѣ веселыя мелодіи изъ разныхъ оперъ и оперетокъ. Кто-то пѣлъ:

«Всѣ мы жаждемъ любви...» А другой перебилъ его: «La donna é mobile...» И къ несчастью это послѣднее было правдой.

Въ то самое время, когда мы безпечно веселились и распѣвали, торжествуя побѣду, судьба, измѣнчивая, какъ женщина, дала намъ первое предостереженіе. 8-го іюля, утромъ, генералъ Шильдеръ-Шульднеръ, съ частью своей 5-ой пѣхотной дивизіи (9 батальоновъ и 4 батареи) атаковалъ Плевну и былъ отбитъ. На сцену дѣйствій явился Османъ-паша, которому суждено было на долгое время приковать къ занятой имъ Плевнѣ и большую часть силъ дѣйствующей арміи, и все вниманіе не только Россіи и Европы, но и цѣлаго міра. Начиналось трудное время.

Еще въ бытность мою въ Систовѣ, мнѣ говорили, что изъ Плевны прибѣжалъ священникъ, разсказывавшій, что въ то самое время, какъ онъ, во главѣ массы народа, вышелъ встрѣчать русскій казачій отрядъ, турки вошли въ городъ съ противоположной стороны. Возвращаться домой священнику было опасно: его, какъ встрѣчавшаго «московов», безъ сомнѣнія, турки не пощадили бы, а потому онъ благоразумно и прибѣжалъ въ Систово.

И такъ, о занятіи турками Плевны было извѣстно въ самомъ началѣ іюля, но фактъ этотъ, самъ по себѣ, не обратилъ на себя особаго вниманія. Появленіе турокъ въ Плевнѣ было весьма понятно, и вытѣсненіе ими изъ этого города нашего слабаго казачьяго отряда, чуть-ли не разъѣзда, ничего серьезнаго на первый взглядъ не представляло. Всѣ мы—говорю о бывшихъ тогда въ Систовѣ — знали, что, по взятіи Никополя, къ сторонѣ Плевны двинется 9-ый корпусъ генерала барона Криденера, а потому слухамъ о появленіи турокъ съ этой стороны не придавали должнаго значенія. Само собою разумѣется, что это, главнымъ образомъ, происходило оттого, что никто не полагалъ, что туда подходили значительныя силы съ сербской границы. По общему мнѣнію, турецкія войска, дѣйствовавшія прежде противъ Сербіи и Черногоріи, были отозваны и моремъ спѣшно перевозились въ Константинополь.

Первыя свѣдѣнія о неудачѣ подъ Плевной получены въ полевомъ штабѣ днемъ 9-го іюля. Ихъ держали въ секретѣ, и они медленно распространялись между чинами главной квартиры. Я узналъ о нихъ только на слѣдующій день.

Несмотря на эти извѣстія, общее оживленіе въ главной квартирѣ продолжалось. По-прежнему, всѣхъ занимали успѣхи передоваго отряда за Балканами; всѣ говорили «о долинѣ розъ» и о походѣ на Константинополь. Оказалось, однако, что движеніе впередъ задержится Рущукомъ; устройства подъ нимъ осадныхъ батарей ожидали не ранѣе 18-го іюля, а затѣмъ только осада его или сдача развязывали намъ руки. Ранѣе нельзя было идти далѣе. На разработку дороги черезъ Шипкинскій перевалъ посланы саперы; работы поручены старому саперному генералъ-лейтенанту Кренке.

Во время обѣда, 10-го іюля, намъ читали, въ столовой, реляцію генерала Гурко о взятіи Шипки. Но сперва музыка, игравшая

подъ окнами, мѣшала хорошо слышать, а потомъ общее вниманіе и совсѣмъ отвлекли возвратившіеся изъ императорской квартиры августѣйшій сынъ главнокомандующаго и адъютантъ Струковъ. Великій князь получилъ золотую саблю, а Струковъ, награжденный уже передъ тѣмъ золотымъ оружіемъ и георгіевскимъ крестомъ, предсталъ передъ нами не только въ генеральскихъ погонахъ, но и съ царскимъ на нихъ шифромъ.

Послѣ привѣтствій и поздравленій снова заговорили о Шипкѣ; разсказывали о коварствѣ турокъ, выставившихъ бѣлое знамя и потомъ встрѣтившихъ залпами нашихъ стрѣлковъ. Передавали настойчивые слухи о варварствахъ на Шипкѣ, сдѣланныхъ регулярными турецкими войсками; однако, этому не вполнѣ еще вѣрилось, ожидали ближайшихъ показаній безпристрастныхъ очевидцевъ.

Одиннадцатаго іюля мы уже знали, что неудача подъ Плевной была гораздо серьезнѣе, чѣмъ сперва полагали.

Чѣмъ серьезнѣе были полученныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе озабочивали всѣхъ разсказы о посланныхъ подкрѣпленіяхъ. Кромѣ остальныхъ частей корпуса барона Криденера, къ Плевнѣ, подъ общимъ начальствомъ князя Шаховскаго, направлены изъ окрестностей Тырнова значительныя силы 11-го и 4-го корпусовъ. Одни находили, что посылается мало, другіе, напротивъ, утверждали, что слухи о силахъ турокъ, которыхъ полагали въ числѣ 60 тысячъ человѣкъ, черезчуръ преувеличены, и что, получивъ посылаемую подмогу, баронъ Криденеръ будетъ имѣть численный перевѣсъ надъ Османомъ. Не удовлетворяло многихъ только то, что вновь разбиваются корпуса и что едва-ли при новой атакѣ Плевны будетъ единство командованія. Князь Шаховской по производству былъ моложе барона Криденера и долженъ былъ ему подчиниться, но по служебному положенію былъ такимъ же корпуснымъ командиромъ, а потому, какъ боялись, могъ претендовать на бо́льшую самостоятельность, чѣмъ бы слѣдовало. А между тѣмъ, до того времени, онъ командовалъ всею стрѣлковою бригадою, т. е. четырьмя батальонами, и совершенно не былъ освоенъ не только съ боемъ, но даже съ маневрированіемъ большихъ массъ войскъ. Важность Плевны уже обозначилась съ довольною ясностью; необходимость во что бы то ни стало сломить встрѣченное тамъ пре-

пятствіе сознавалась всѣми. Хотя баронъ Криденеръ, отлично дѣйствовавшій подъ Никополемъ, и пользовался въ арміи прекрасною репутаціею, но говорили, что начальство надъ войсками, при новой атакѣ Плевны, слѣдовало бы дать не ему, а другому, болѣе авторитетному лицу—называли прямо генерала Непокойчицкаго, который болѣе, чѣмъ кто-нибудь, зналъ, какъ необходимо устраненіе задержки съ этой стороны. Болѣе и болѣе слышались сѣтованія по поводу того, что война начата съ несоотвѣтственными силами... Одни говорили, что съ имѣющимся числомъ войскъ невозможно исполнить предначертанный широкій планъ кампаніи; другіе и, кажется резонно, возражали, что если по плану надо было болѣе войскъ, то, соглашаясь взять меньшее число, не слѣдовало стремиться исполнить все то, что предполагали возможнымъ при большихъ силахъ. Споры были горячіе, откровенные и продолжительные. Особенно вели ихъ, въ этотъ день, за завтракомъ, когда главнокомандующій, по легкому нездоровью, не былъ въ столовой.

По общимъ разсчетамъ, 13-го или 14-го іюля, могли уже получиться серьезныя свѣдѣнія изъ-подъ Плевны; но день проходилъ за днемъ, а вѣстей не было. Особенно мучительное время началось съ 15-го. Тягость ожиданія и неизвѣстность объ исходѣ предпринятаго наступленія къ Плевнѣ усилились въ этотъ день ужасающими извѣстіями, привезенными изъ-за Балканъ о звѣрствахъ, совершенныхъ турками на Шипкѣ. Раненыхъ нашихъ добили самымъ варварскимъ образомъ. Повсюду трупы съ отрубленными головами и другими членами. У нѣкоторыхъ съ груди, въ видѣ передника, содрана кожа и спущена внизъ; отрубленныя головы сложены въ пирамиду... Видѣли руки, врытыя въ землю и поддерживающіе котелки съ варящеюся въ нихъ пищей. Тѣ же неистовства повторились послѣ первой Плевны. Въ моемъ дневникѣ, подъ 15-мъ іюля, записано:

«Подъ Плевною, говорятъ, одному раненому солдатику отрѣзали уши, онъ пошелъ. Его остановили и выкололи глаза. Пошелъ. Отрѣзали пальцы и потомъ убили. Все это видѣлъ раненый офицеръ, лежавшій въ кустахъ и не замѣченный турками. О балкан-

скихъ мученіяхъ иностранные газетные корреспонденты, въ томъ числѣ англійскій, составили актъ за общею подписью» [1]).

Наконецъ, 16-го получено извѣщеніе барона Криденера о сосредоточеніи войскъ. Ему даны окончательныя приказанія, и всѣ, въ ожиданіи, притихли, если можно такъ сказать. Увѣренность въ благопріятномъ исходѣ дѣла была, однако, полная и всеобщая. Всѣ сознавали, что успѣхъ зависитъ отъ умѣлыхъ распоряженій и отъ неповторенія ошибокъ, допущенныхъ 8-го іюля. Того же 16-го іюля узнали мы и о занятіи турками Ловчи. Вѣсти объ этомъ пришли какъ бы нарочно, чтобы усугубить тяжелое настроеніе умовъ. Нашъ небольшой отрядъ долженъ былъ отступить отъ Ловчи, оставя городъ во власть туркамъ. Что-то будетъ, — спрашивали мы другъ друга, — съ несчастными жителями Ловчи, которые такъ еще недавно торжествовали свое освобожденіе и, безъ сомнѣнія, въ упоеніи неизвѣданной свободой, успѣли свалить нѣсколько минаретовъ и отчасти выместить накипѣвшую злобу противъ своихъ исконныхъ притѣснителей. Теперь для ловчанъ насталъ — и совершенно внезапно — грозный часъ расплаты.

Въ это же время баши-бузуки захватили Беброво. Въ обоихъ мѣстахъ послѣдовала страшная рѣзня христіанъ, подробностями своими воскресившая въ нашей памяти еще не забытыя корреспонденціи Макъ-Гахана и Скайлера, описывавшія звѣрство турокъ за Балканами въ 1876 году. Эти проявленія турецкой силы и изувѣрства разнеслись по окрестностямъ и подняли духъ мусульманъ. Они ободрились и стали задирать христіанъ. Взаимная вражда начала проявляться въ болѣе рѣзкой формѣ. Изъ Беброва и Ловчи появились первые бѣженцы, разнося тревожныя вѣсти и описывая самыми мрачными красками положеніе мѣстностей, занятыхъ было нашими войсками и снова ими оставленныхъ. Кровавыя стычки сдѣлались частыми, особенно въ селеніяхъ къ сторонѣ Сельви и

[1]) Къ этому листку моего дневника приложена вырѣзка изъ 222 № бельгійской газеты „Le Nord», отъ 10-го августа 1877 г. Въ ней помѣщенъ вышеупомянутый мною актъ корреспондентовъ. Подписали его: C. B. Brackenburg, подполковникъ, военный корреспондентъ «Times»; Dick de Lonlay, спеціальный корреспондентъ «Monde Illustre» и «Moniteur Universel»; H. de Lamothe, корреспондентъ «Times»; S. L. Telbia корреспондентъ «L'Illustration espanola y americana».

Ловчи. Свѣдѣнія объ этомъ получались ежедневно. Въ главной квартирѣ стали носиться слухи, что, пользуясь неустройствомъ нашего тыла, Османъ-паша вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Абдулъ-Керимъ-пашей, и гонцы ихъ, будто бы, преспокойно проѣзжали черезъ наше расположеніе.

Полученіе такихъ свѣдѣній неблагопріятно повліяло на главную квартиру, умы которой и безъ того были въ напряженномъ состояніи. Наиболѣе тяжела была ночь на 18-е іюля; почти до самаго утра никто въ главной квартирѣ не ложился спать; все ждало вѣстей... Наконецъ, наступило и 18-е число. Свѣдѣній изъ-подъ Плевны все еще не было, но одно высокопоставленное лицо, бесѣдуя съ А. И. Нелидовымъ (тогда директоръ дипломатической канцеляріи при арміи, а нынѣ посолъ въ Константинополѣ), сказало ему, что Криденеръ получилъ самыя подробныя указанія насчетъ боя: «мы ему чуть не сказали, гдѣ слѣдуетъ поставить орудія» и потомъ, взглянувъ на часы, добавило: «ну, если исполняется предписанное, то въ настоящую минуту идетъ пафъ, пафъ, пафъ — артиллерійскій огонь подъ Плевной».

Ничего не зная, разумѣется, о томъ, что тогда переживала главная квартира, и, напротивъ, стараясь показать намъ полное довѣріе и благодарность, масса болгарской молодежи, именно утромъ 18-го іюля, собралась къ воротамъ нашего бивуака. Нѣсколько учительницъ съ толпою маленькихъ дѣвочекъ, всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ и букетами цвѣтовъ въ рукахъ, были введены во дворъ и размѣщены по пути въ столовую, а человѣкъ до 200 молодыхъ парней расположились шпалерами около входа на бивуакъ по дорогѣ въ городъ. Женщины и дѣти пришли поздравить главнокомандующаго съ успѣхами русскаго оружія на Шипкѣ, а парни собрались для обученія и поступленія въ болгарскія дружины. Молодежь была крайне оживлена, кричала «ура!», пѣла пѣсни и, при появленіи главнокомандующаго, громко хлопала въ ладоши...

А что въ тотъ моментъ дѣлалось подъ Плевной?

Тамъ исполнено было предписанное—турокъ атаковали, но войска наши снова потерпѣли неудачу и съ огромными потерями отступили.

Депеша барона Криденера о второй его неудачѣ пришла рано утромъ 19-го іюля. Содержаніе ея держалось въ строгой тайнѣ. Вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій былъ приглашенъ немедленно прибыть въ Бѣлу, гдѣ тогда находился государь. Распоряженія объ отъѣздѣ были сдѣланы скрытно, такъ что большинство лицъ, составлявшихъ главную квартиру, не знали о принятомъ уже главнокомандующимъ намѣреніи покинуть Тырново и стать съ своею главною квартирою гдѣ-либо ближе къ главнымъ силамъ арміи.

Въ 20 минутъ 3-го часа пополудни, главнокомандующій сѣлъ съ генераломъ Непокойчицкимъ въ открытую коляску, поданную къ самой его палаткѣ, приказалъ своему адъютанту Евреинову сѣсть на козлы и, перекрестившись, велѣлъ трогать. Около коляски не собрались даже бывшіе въ то время на бивуакѣ чины штаба. Всѣ мы думали, что великій князь ѣдетъ куда-либо въ окрестности. Казачій его конвой еще ранѣе и незамѣтно вытянулся на систовскую дорогу.

Всѣ эти предосторожности были совершенно умѣстны. Слуховъ въ народѣ о неудачѣ подъ Плевной еще не было никакихъ; толпы братушекъ весело встрѣчали главнокомандующаго, и онъ покинулъ свой бивуакъ подъ крики «ура!» и пѣніе «Шуми, Марица».

Часовъ въ пять съ половиною пополудни, еще до обѣда, князь Черкаскій получилъ телеграмму отъ систовскаго губернатора Герова. Онъ сообщалъ, что, вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія дѣлъ подъ Плевной, въ Систовѣ паника; жители спасаются въ Зимницу, удержать ихъ трудно, но все-таки онъ старается и удержать и вооружить ихъ [1]).

Это было первое горестное извѣстіе, начавшее собою цѣлый рядъ другихъ донесеній, слуховъ и разсказовъ, повергшихъ всѣхъ въ немалое уныніе.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

[1]) Въ Систовѣ тогда чинились ружья, отбитыя въ Никополѣ и переданныя въ распоряженіе гражданскаго начальства для вооруженія ими жителей.

*

Офицеро-солдатская шинель въ войну 1853—1856 гг.

(Изъ воспоминаній стараго офицера).

Въ разгаръ Крымской войны, когда непріятельскій огонь соединенныхъ вражьихъ силъ и днемъ, и ночью не переставалъ сверкать надъ осажденнымъ Севастополемъ, наши боевые офицеры, рѣзко отличаясь своими блестящими эполетами отъ нижнихъ чиновъ, наглядно служили какъ-бы мишенью для мѣткихъ выстрѣловъ непріятеля.

Царствовавшему тогда государю императору Николаю Павловичу пришла благая мысль: разрѣшить всѣмъ военнымъ чинамъ, какъ во фронтѣ, такъ и внѣ фронта, кромѣ обыкновенныхъ форменныхъ шинелей, носить еще солдатскую шинель изъ сѣраго толстаго сукна надѣвая ее сверхъ мундира въ рукава.

Для этого было приказано командиру образцоваго кавалерійскаго полка, генералу Курдюмову, сшить двумъ офицерамъ, въ видѣ образца, казенныя, солдатскаго покроя, шинели и представить ихъ въ этихъ шинеляхъ на высочайшій смотръ въ Зимнемъ дворцѣ.

Такими счастливыми избранниками были: тверскаго драгунскаго его имп. выс. велик. князя Михаила Павловича полка штабсъ-капитанъ Пустошкинъ и я [1]), пишущій эти воспоминанія.

Въ назначенный день и часъ (это было въ январѣ 1855 г.), я и Пустошкинъ, во главѣ съ своимъ командиромъ полка, генераломъ Кюрдюмовымъ, пріѣхали изъ Павловска по царско-сельской жел. дорогѣ въ Петербургъ и прямо направились въ Зимній дворецъ. Насъ провели по парадной лѣстницѣ наверхъ въ бильярдную комнату, гдѣ мы и должны были ожидать высочайшаго пріема.

Чрезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи своей свиты, вошелъ

---

[1]) Я, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, въ 1853 г. прибылъ въ образц. кавалер. полкъ изъ Елисаветградскаго уланск. ея имп. выс. вел. княгини Екатерины Михаиловны полка. Е. Г.

въ бильярдную наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Приблизясь къ намъ, его высочество, съ свойственною ему привѣтливостью, изволилъ сказать:

— Государь императоръ сожалѣетъ, что не можетъ, за болѣзнію, васъ, господа, видѣть. Его Величество поручилъ мнѣ принять васъ и осмотрѣть новыя шинели,—насколько онѣ удобны въ военное время и могутъ ли предохранить г.г. офицеровъ отъ непріятельскихъ пуль въ настоящую войну.

По осмотрѣ шинелей, его высочество спросилъ насъ,—не находимъ ли мы, что эполеты подъ шинелью, надѣтой въ рукава, служатъ лишнею тягостью плечамъ? Мы, со всею откровенностью, отвѣтили, что, при узкости шинели въ плечахъ, эполеты дѣйствительно нѣсколько нажимаютъ на нихъ.

— Хорошо, господа! Я объ этомъ передамъ государю!

Затѣмъ, его высочество сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ генералу Курдюмову и, милостиво поблагодаривъ всѣхъ насъ, изволилъ выйти изъ бильярдной, сопутствуемый тѣми же лицами.

Въ тотъ же день послѣдовалъ высочайшій приказъ объ отмѣнѣ эполетъ и о замѣнѣ ихъ плечевыми галунными погонами, и о разрѣшеніи всѣмъ военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ носить поверхъ мундира солдатскую шинель толстаго сѣраго сукна.

Императоръ Николай Павловичъ настолько любилъ эту шинель, что постоянно въ ней гулялъ по Петербургу [1]) и, какъ извѣстно, и умеръ, бывъ покрытъ ею.

По поводу этой шинели разскажу курьезный случай, бывшій со мною въ тотъ день.

Послѣ пріема насъ государемъ наслѣдникомъ, я, пользуясь хорошей погодой, возвращался изъ Зимняго дворца пѣшкомъ. На мнѣ, поверхъ солдатской шинели, была надѣта на-опашъ енотовая шуба, а на головѣ—уланская шапка съ этишкетами и офицерскимъ помпономъ, и какъ было на дворѣ тепло, то я, распустя свою саблю, волочившуюся по землѣ, шелъ распахнувши полы. Стоявшій на углу Вознесенскаго проспекта и Большой Садовой полицейскій солдатъ, недовѣрчиво глядя на меня, съ усмѣшкою сказалъ:

— Ишь, какой модникъ! напялилъ на себя барскую шубу, гремитъ офицерской саблей и думаетъ, что онъ е н е р а л ъ!... Пожалуй, иной служивый предъ нимъ сниметъ фуражку и сдѣлаетъ ему фрунтъ! [2])

---

1) Въ магазинахъ на Невскомъ тогда были выставлены для продажи гипсовые бюсты Николая I въ солдатской шинели во весь ростъ. Одинъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняется у меня. Е. Г.

2) Въ царствованіе государя Николая I всѣ нижніе чины, не исключая юнкеровъ и кадетъ, при встрѣчѣ съ генераломъ, на разстояніи 16 шаговъ снимали фуражки, а не доходя 8-ми шаг. становились во фронтъ. Е. Г

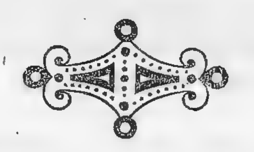
— А ты, любезный, развѣ не отдашь мнѣ чести?—спросилъ я городоваго.

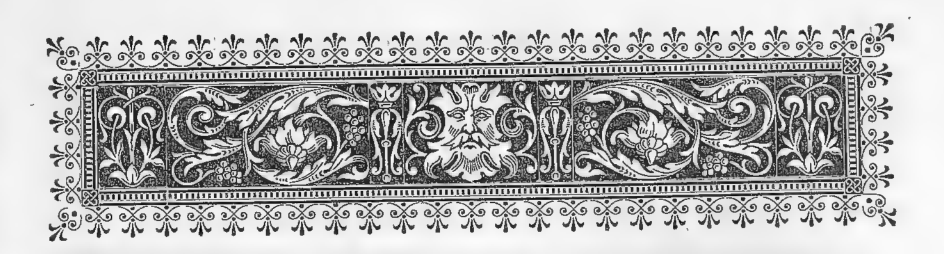
— Шалишь, братъ! проваливай! Много мы въ Питерѣ видывали такихъ молодчиковъ-щеголей изъ вашего брата! Иди своей дорогой, коли посланъ куда: полно раздобаривать!

О новой солдатской для офицеровъ шинели тогда еще не было всѣмъ извѣстно; поэтому я не желалъ разочаровывать блюстителя порядка и вступать съ нимъ въ дальнѣйшій разговоръ.

По вступленіи на престолъ императора Александра Николаевича, эполеты по-прежнему были введены въ войскахъ, а офицеро-солдатскую шинель, со стоячимъ воротникомъ и мелкими складками на спинѣ, замѣнило нынѣшнее пальто, которое потомъ дано и всѣмъ нижнимъ чинамъ, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ и крайне тѣсныхъ солдатскихъ шинелей,—хотя, съ другой стороны, солдатики въ нихъ выглядывали молодцами и, вообще, имѣли болѣе щеголеватый наружный видъ.

Сообщилъ **Е. Г. Гвоздиковъ.**





Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

VII [1]).

Заисвиваніе англійскаго посланника у молодаго двора.—Безпокойство Фридриха по поводу Версальскаго договора.—Усиленіе при русскомъ дворѣ французскаго вліянія.—Начало военныхъ дѣйствій со стороны Фридриха.—Назначеніе Апраксина главнокомандующимъ.—Его характеристика.—Сдѣлка Фридриха съ Бестужевымъ послѣ захвата дрезденскаго архива.—Сношенія великаго князя съ Фридрихомъ.—Бездѣятельность Апраксина.—Смѣна его Ферморомъ.—Охлажденіе Елисаветы къ Бестужеву.—Отчаяніе Фридриха.—Паденіе Бестужева.—Проектъ присоединенія Пруссіи къ Россіи.—Противодѣйствіе Англіи.—Смерть Елисаветы.

Заручившись услугами сановниковъ Елисаветы, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ на этомъ не остановился, онъ старался найти поддержку союзу съ Англіей въ такъ называемомъ молодомъ дворѣ, т. е. великомъ князѣ и великой княгинѣ. Первый не игралъ при дворѣ никакой роли, и его недружелюбныя отношенія къ Ивану Шувалову и его партіи были причиною, что онъ не пользовался особымъ значеніемъ. Иное дѣло великая княгиня, на которую уже были обращены всѣ взоры. Бестужевъ, въ особенности, старался снискать ея благоволеніе. Здѣсь не мѣсто передавать подробности странныхъ отношеній сэра Ч. Г. Вилліамса къ Екатеринѣ: достаточно сказать, что, будучи враждебно настроена по отношенію къ Фридриху, она благоволила къ Англіи. Вилліамсъ писалъ 2-го октября 1755 г.:

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1895 года.

«Великая княгиня на дняхъ откровенно высказала мнѣ свой взглядъ на короля прусскаго. Она не только убѣждена въ томъ, что онъ естественный и самый опасный врагъ Россіи, но видимо питаетъ къ нему лично извѣстную непріязнь.

«Недавно, говоря со мною о королевскомъ принцѣ прусскомъ, она сказала, что онъ уступаетъ королю въ умѣ, но что касается сердца, то онъ долженъ быть лучше своего брата, ибо король прусскій несомнѣнно самый дурной человѣкъ въ мірѣ.

«О королѣ англійскомъ она отзывается не иначе, какъ въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ и съ большимъ уваженіемъ. Она вполнѣ убѣждена въ необходимости тѣснаго союза Россіи съ Англіей, всегда называетъ его величество лучшимъ и самымъ могущественнымъ союзникомъ императрицы и надѣется, что король, со своей стороны, не откажетъ великому князю и ей самой въ дружбѣ и покровительствѣ».

Искренна ли была великая княгиня, говоря это о королѣ прусскомъ? Или она со временемъ измѣнила свое мнѣніе, такъ какъ выполненіе конвенціи, заключенной съ Англіей, было равносильно союзу съ Пруссіей,—для насъ это безразлично. Въ тотъ моментъ у Екатерины были иныя заботы, ей было вовсе не до политическихъ интересовъ своего новаго отечества, и мы увидимъ, что ей не приходилось ни въ чемъ отказывать посланнику, который былъ готовъ служить ей. Поэтому сэръ Ч. Г. Вилліамсъ имѣлъ полное право писать 11-го апрѣля 1756 г.:

«Великая княгиня не измѣняетъ своихъ взглядовъ и пользуется всякимъ случаемъ, чтобы оказать королю англійскому всѣ, отъ нея зависящія, услуги. Она созналась, что извѣстіе о договорѣ, заключенномъ съ Пруссіей, поразило ее, но что она ничего не имѣетъ противъ него съ тѣхъ поръ, какъ мы съ канцлеромъ разъяснили ей этотъ фактъ; она выразила надежду, что союзъ Англіи, Австріи и Россіи будетъ непоколебимъ; и что эти три двора не измѣнятъ этой политикѣ...

«Дѣятельность великой княгини громадна. Она объявила, что кто попытается нарушить союзъ, существующій между Англіей, Австріей и Россіей—тотъ врагъ этой имперіи. Ее любятъ и уже боятся; даже люди, пользующіеся особымъ расположеніемъ импера-

трицы, не упускаютъ случая втайнѣ ухаживать за ея высочествомъ.

«Здоровье императрицы весьма плохо. Она жаждетъ отдыха и спокойствія; она впала въ меланхолію и ведетъ весьма замкнутую жизнь; прошедшую зиму она выѣзжала всего одинъ только разъ, тогда какъ прежде она не пропускала дня, не совершивъ прогулки верхомъ или въ экипажѣ».

Нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, именно 2-го октября 1755 г., сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ уже что:

«Здоровье императрицы очень плохо. Она харкаетъ кровью, страдаетъ одышкою, безпрестанно кашляетъ, у нея пухнутъ ноги, и она страдаетъ грудною водянкою; несмотря на это, она танцовала со мною менуетъ».

Въ это самое время на политическомъ горизонтѣ Европы собиралась буря, отголосокъ которой глухо отозвался въ Петербургѣ. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ, поглощенный своими мелочными заботами и ослѣпленный чрезмѣрною самонадѣянностью, упорно закрывалъ глаза на совершающіеся факты. Онъ писалъ 16-го марта 1766 г.:

«Австрія не выразила здѣсь ни малѣйшаго протеста противъ трактата, заключеннаго съ Пруссіей. Эстергази по-прежнему любезенъ со мною и сообщаетъ мнѣ всѣ, до него доходящія новости. Личный секретарь Бестужева, Волковъ, говорилъ мнѣ, что опасенія, возбужденныя въ императрицѣ по поводу трактата, заключеннаго съ Пруссіей, мало-по-малу улеглись».

Однако, девять дней спустя, именно 27-го марта, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ узналъ, что въ Совѣтѣ возникли продолжительныя пренія по поводу вопроса, будетъ ли конвенція, заключенная съ Англіей, считаться уничтоженной вслѣдствіе трактата, заключеннаго этою державою съ Пруссіей. Вопросъ этотъ остался открытымъ. Бестужевъ превзошелъ себя, какъ было передано отъ его имени Вилліамсу, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извинялся, что не можетъ увидѣться съ посланникамъ, и обнадеживалъ его, что все окончится благополучно. Вилліамсъ былъ того же мнѣнія, основываясь на личныхъ свойствахъ Елисаветы. Онъ писалъ въ депешѣ отъ 11-го апрѣля:

«Ненависть императрицы къ Фридриху и къ прусской монархіи проявляется довольно часто. Но симпатіи и антипатіи ея ни-

когда не бываютъ продолжительны и хотя Ея Величество съ трудомъ рѣшается на что-нибудь, зато ее чрезвычайно легко удержать отъ какого-нибудь намѣренія. Первое съ трудомъ можетъ быть достигнуто соединенными усиліями всѣхъ ея сановниковъ, тогда какъ втораго легко можетъ добиться наименѣе вліятельный изъ нихъ».

Англійскій кабинетъ вѣрнѣе понималъ тогдашнее положеніе дѣлъ, но лордъ Гольдернессъ, обманутый спокойствіемъ сэра Ч. Г. Вилліамса, писалъ ему 30-го марта:

«Могу сообщить вамъ конфиденціально, что, судя по полученнымъ мною извѣстіямъ, которымъ вполнѣ можно довѣрять, Франція замышляетъ напасть съ большими силами на короля прусскаго въ герцогствѣ Клевскомъ и на короля англійскаго въ Ганноверѣ; этотъ проектъ одобренъ Вѣною; австрійцы намѣрены одновременно произвести диверсію въ той части Силезіи, которая уступлена ими королю прусскому. Въ такомъ случаѣ, Англіи пришлось бы прибѣгнуть къ поддержкѣ Россіи, потребовавъ, чтобы императрица высказалась, что именно она намѣрена сдѣлать въ этомъ случаѣ».

Въ отвѣтъ на эту депешу, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ 11-го апрѣля:

«Эстергази получилъ, три дня тому назадъ, новыя инструкціи; вслѣдствіе чего происходило большое совѣщаніе, на которомъ обсуждался вопросъ: слѣдуетъ ли соблюдать конвенцію, заключенную съ Англіей, или нѣтъ? Воронцовъ предложилъ уничтожить ее, но оба Шувалова, Иванъ и Петръ, подкупленные великой княгиней, которая принимала, по моей настоятельной просьбѣ, большое участіе въ этомъ дѣлѣ, возстали противъ этого предложенія. Бестужевъ такъ энергично настаивалъ на соблюденіи трактата, что императрица даже укоряла его за это, но онъ былъ непоколебимъ. За насъ было шесть голосовъ противъ четырехъ, а именно: великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, Бестужевъ, оба Шувалова, Апраксинъ и Голицынъ; противъ насъ были: Воронцовъ, братъ Бестужева, Трубецкой и Бутурлинъ».

Ничто не могло вывести Вилліамса изъ заблужденія, ибо онъ писалъ далѣе, въ той же депешѣ:

«Вѣнскій дворъ высказывалъ здѣсь большія жалобы по поводу

того, что англійскій король игнорируетъ его интересы; намекали даже на то, что Австрія можетъ быть вынуждена искать иныхъ союзниковъ. Канцлеръ въ одной изъ своихъ записокъ къ великой княгинѣ говоритъ, что Австрія до того озлоблена противъ Англіи, что здѣшнему двору приходится успокоивать австрійскую императрицу и скрывать отъ нея правду, изъ опасенія, чтобы она не рѣшилась войти въ соглашеніе съ Версальскимъ дворомъ».

1-го мая слѣдующаго года, Франція и Австрія подписали Версальскій договоръ; а 27-го числа того же мѣсяца, Англія оффиціально объявила войну Франціи. Какъ поступитъ въ виду этихъ обстоятельствъ Петербургскій дворъ?—вотъ вопросъ, не дававшій покоя Фридриху, который то и дѣло съ тревогою спрашивалъ англійскаго посланника: увѣрены ли вы въ русскихъ, вполнѣ ли вы въ нихъ увѣрены? Онъ неоднократно и настойчиво возвращался къ этому вопросу, но не опасался, что эта держава присоединится къ Франціи и Австріи; онъ боялся только, что она сохранитъ нейтралитетъ, а ему, для успѣшнаго выполненія его плана кампаніи, было необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи 30 тысячъ русскаго войска. «Видя, съ какой тревогою и подозрительностью король освѣдомляется о положеніи нашихъ дѣлъ при русскомъ дворѣ, я подозрѣваю, —писалъ г. Митчель, передавая сущность своихъ бесѣдъ съ Фридрихомъ,—что его увѣдомили, будто Россія относится къ намъ не такъ доброжелательно, какъ я имѣлъ основаніе думать, уѣзжая изъ Англіи». Намѣренія русскаго кабинета еще не были извѣстны сэру Ч. Г. Вилліамсу, и онъ писалъ 29-го мая 1756 г. съ нѣкоторою тревогою:

«Войска стягиваются со всѣхъ сторонъ въ Ливонію. Численность арміи приказано довести до 140 тысячъ человѣкъ: должно быть 36 пѣхотныхъ полковъ, 3 кавалерійскихъ, 5 гусарскихъ, 20 тысячъ казаковъ и соотвѣтственный артиллерійскій обозъ. Нѣсколько генераловъ уже отправились въ Ригу».

Нѣсколько дней спустя, 5-го іюня, онъ писалъ еще:

«Императрица такъ мало скрываетъ свою непріязнь къ королю прусскому, что она проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ; всѣ выходки, направленныя противъ этого монарха, живо подхватываются царицей и ея сановниками».

Между тѣмъ Кейтъ писалъ изъ Вѣны, что онъ имѣлъ полное основаніе вѣрить въ существованіе самаго тѣснаго союза между Австріей и Россіей, и что эти двѣ державы дѣйствуютъ во всемъ съ общаго согласія. Онѣ хотѣли только обмануть Англію, усыпивъ ея бдительность до тѣхъ поръ, пока онѣ не окончатъ свои приготовленія. Изъ другаго источника намъ извѣстно, что Вѣнскій дворъ препроводилъ уже въ это время въ Россію милліонъ флориновъ. Но сэръ Ч. Г. Вилліамсъ все еще полагался на преданность Бестужева, который, сказавшись больнымъ, уѣхалъ въ деревню, якобы для поправленія своего здоровья, и, такъ какъ передвиженіе войскъ было пріостановлено, вслѣдствіе того, что Вѣнскій дворъ ничего не хотѣлъ предпринимать въ этомъ году, то онъ надѣялся, что все это окончится ничѣмъ. Въ этомъ смыслѣ писались имъ донесенія своему двору: гораздо искреннѣе писалъ онъ своему коллегѣ въ Берлинъ, что «положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось въ Петербургѣ, и что шведамъ отвѣтили на ихъ запросъ, что Россія вооружается не противъ нихъ». Русскій посланникъ въ Лондонѣ, князь Голицынъ, настаивалъ въ то же время на томъ, что поводъ къ войнѣ будетъ существовать лишь въ томъ случаѣ, если король прусскій нападетъ на владѣнія англійскаго короля или его союзниковъ, а Фридрихъ утверждалъ, что Елисавета обязалась помочь австрійской императрицѣ въ случаѣ нападенія на нее со стороны Пруссіи.

Англіи приходилось бороться въ Петербургѣ не только противъ Австріи, но и противъ Франція, которая, съ нѣкоторыхъ поръ, также незамѣтнымъ образомъ пріобрѣла при этомъ дворѣ большое вліяніе. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, дю-Шателе, французскій посланникъ въ Лондонѣ, не желая уступать перваго мѣста графу Чернышеву, самымъ грубымъ образомъ согналъ его, на одномъ празднествѣ, съ занятаго имъ мѣста. Посланникъ смиренно перенесъ это оскорбленіе, но императрица Елисавета прервала дипломатическія сношенія съ Франціей, отозвавъ аккредитованнаго ею посланника изъ Парижа. Когда версальскій кабинетъ вступилъ въ переговоры съ Австріей, желая заключить съ нею союзъ, то онъ пожелалъ возобновить сношенія съ Петербургскимъ дворомъ. Съ этою цѣлью въ Россію отправился, подъ видомъ простаго путешественника, нѣкто Дугласъ, въ сопровожденіи извѣстнаго кавалера д'Эона; Дугласу было приказано

предъявить свои ввѣрительныя грамоты, лишь въ томъ случаѣ, если онъ увидитъ возможность разсчитывать на хорошій пріемъ со стороны императрицы. Дугласъ исполнилъ возложенное на него порученіе съ большою ловкостью, и возобновившіяся тогда же сношенія между обоими дворами стали вскорѣ весьма дружественными. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ 7-го октября 1755 г.:

«Сюда прибылъ изъ Парижа нѣкто Дугласъ. Подозрительный австрійскій посланникъ спросилъ его, что онъ намѣренъ дѣлать въ Россіи? Онъ отвѣчалъ: я пріѣхалъ по предписанію врача, который совѣтовалъ мнѣ испытать дѣйствіе холоднаго климата на мое здоровье».

15-го іюня слѣдующаго года сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ г. Митчелю въ Берлинъ, что «тайные происки Дугласа, наравнѣ съ стараніями Австріи, отвлекли Россію отъ союза съ Англіей», а 9-го іюля онъ писалъ лорду Гольдернессу:

«Бестужевъ сказалъ мнѣ: наша бѣда въ томъ, что у насъ есть теперь фаворитъ, который говоритъ по-французски и любитъ французовъ и ихъ моды. Онъ желаетъ, чтобы къ здѣшнему двору прибыло большое французское посольство. Его вліяніе такъ велико, что подъ часъ нѣтъ никакой возможности противиться ему.

«Меня особенно удивляетъ его увѣренность въ томъ, что здѣсь было рѣшено сдѣлать попытку къ сближенію съ Версальскимъ дворомъ гораздо ранѣе, нежели зашла рѣчь о союзѣ Англіи съ Пруссіей, и что это было сдѣлано единственно въ угоду молодому графу Шувалову, который рѣшилъ имѣть при здѣшнемъ дворѣ французскаго посланника. Бестужевъ ничего не зналъ объ этихъ переговорахъ и былъ только исполнителемъ повелѣнія императрицы».

Дѣйствительно, Франція пріобрѣла нѣкоторое значеніе при Петербургскомъ дворѣ и у Елисаветы, единственно благодаря вліянію Ивана Шувалова. Дугласъ предпочелъ ухаживать за лицами, власть имѣвшими, тогда какъ англійскій посланникъ возлагалъ всѣ свои надежды на близкую кончину императрицы и старался заручиться благоволеніемъ будущихъ повелителей России. Онъ писалъ въ тотъ же день, 3-го іюля:

«Преданность великой княгини королю англійскому, вѣроятность вступленія ея, въ скоромъ времени, на престолъ и увѣрен-

ность въ томъ, что, будучи на престолѣ, она будетъ дѣйствовать какъ нельзя лучше, придаютъ всѣмъ ея словамъ особенный вѣсъ. Она очень встревожена слухами о союзѣ съ Франціей и о пріѣздѣ французскаго посланника. Она выразила мнѣ готовность сдѣлать все, что я ей посовѣтую, чтобы помѣшать этому. Я обратилъ вниманіе великой княгини на опасность, которой это угрожаетъ ей и ея супругу, ибо ея враги, Шуваловы, безъ поддержки Франціи, не имѣли бы достаточно силы поколебать порядокъ престолонаслѣдія. Она разъ десять слишкомъ благодарила меня за эти совѣты, сказавъ, что понимаетъ опасность, и постарается внушить великому князю мысль о необходимости дѣйствовать въ семъ случаѣ какъ можно энергичнѣе; великая княгиня прибавила, что она могла бы сдѣлать гораздо больше, ежели бы у нея были деньги, безъ которыхъ здѣсь нельзя ничего добиться; она говоритъ, что вынуждена платить даже горничнымъ императрицы, что ей не къ кому обратиться въ этомъ случаѣ, но ежели король будетъ настолько щедръ и любезенъ, чтобы одолжить ей нѣкоторую сумму денегъ, то она дастъ въ ней вексель Его Величеству и возвратитъ взятыя деньги, лишь только это будетъ въ ея власти; вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ дано право завѣрить короля ея честнымъ словомъ, что всѣ эти деньги, до послѣдняго гроша, будутъ употреблены на поддержку того дѣла, которое она считаетъ ихъ общимъ, выгоднымъ для обѣихъ сторонъ, дѣломъ; великая княгиня желаетъ, чтобы я былъ порукою передъ Его Величествомъ за ея образъ мыслей и поступки. Она проситъ двадцать тысячъ дукатовъ».

Въ тотъ же день сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ еще:

«Бестужевъ жалуется, что императрица даетъ ему всего семь тысячъ въ годъ и что этой суммы недостаточно для того, чтобы быть независимымъ. Если король англійскій согласится назначить ему ежегодную пенсію въ 2.500 ф. ст., то онъ будетъ совершенно преданъ ему».

Англійскій кабинетъ согласился ассигновать пенсію Бестужеву и дать 20.000 дукатовъ великой княгинѣ. Щедрость сэра Ч. Г. Вилліамса и легкость, съ какою онъ давался въ обманъ, до того были извѣстны въ Петербургѣ, что одинъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ союза съ Англіей не постыдился обратиться къ нему, чтобы

получить свою долю въ вознагражденіи. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ говоритъ объ этомъ фактѣ въ своей депешѣ отъ 9-го іюля слѣдующимъ образомъ:

«Одинъ, человѣкъ, подосланный Воронцовымъ, сказалъ мнѣ, что прошлое должно быть забыто, что дѣла не такъ худы, чтобы ихъ нельзя было поправить; что я никогда не обращался къ вице-канцлеру надлежащимъ путемъ, что домъ, который онъ строитъ въ Петербургѣ, начатъ на англійскія деньги; вотъ уже лѣтъ пять или шесть какъ онъ не въ состояніи продолжать постройку, и домъ долженъ быть достроенъ на англійскія же деньги. Я отвѣчалъ, что вице-канцлеръ до сихъ поръ держалъ себя такъ, что ему надобно чѣмъ-нибудь доказать свою искренность прежде, нежели я довѣрюсь ему. На это посланный возразилъ, что ежели я не дамъ денегъ, то дадутъ другіе и, что, насколько ему извѣстно, Дугласъ уже роздалъ нѣкоторымъ лицамъ порядочно много денегъ. Я отвѣчалъ, что болѣе ничего не могу сказать по этому поводу. На слѣдующій день, тотъ же посланный явился вновь и сообщилъ мнѣ, что вице-канцлеръ желаетъ видѣться со мною наединѣ. Я возразилъ, что Воронцовъ, по всей вѣроятности, желаетъ что-нибудь предложить мнѣ, ибо я намѣренъ ждать съ его стороны какихъ-нибудь предложеній, чтобы открыть ему мои планы».

Съ помощью этихъ ничтожныхъ подачекъ, Англія думала заручиться содѣйствіемъ Петербургскаго кабинета, какъ будто Франція и Австрія не могли дѣйствовать тѣмъ же путемъ. Въ то же время ея посланникъ въ Берлинѣ добивался, чтобы Фридрихъ не предпринималъ никакихъ дѣйствій, которыя могли бы увеличить опасность русской императрицы, тѣмъ болѣе, что, судя по всѣмъ признакамъ, война въ этомъ году не должна была начаться. Однако Вѣнскій дворъ спѣшилъ приготовленіями, чтобы имѣть возможность начать кампанію какъ можно скорѣе. Король прусскій, напротивъ того, былъ увѣренъ и не безъ основанія, что Англіи нечего болѣе разсчитывать на союзъ съ Россіей, поэтому, будучи готовъ къ войнѣ, онъ хотѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія и взять на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ все еще вводилъ Англійскій кабинетъ въ заблужденіе, поддерживая его обманчивыя надежды. Онъ писалъ 14-го августа:

«Все идетъ, повидимому, хорошо, хотя за послѣдствія никто не можетъ ручаться. Медленность и бездѣйствіе свойственны здѣшнему двору».

Затѣмъ 17-го августа онъ пишетъ:

«Наибольшимъ вліяніемъ пользуется въ настоящее время, безъ сомнѣнія, Бестужевъ. Ежели онъ сдержитъ свои обѣщанія, все пойдетъ хорошо, въ противномъ случаѣ, онъ продержитъ насъ, по своему обыкновенію, въ неизвѣстности».

Даже отказъ со стороны Русскаго двора получить условленную по договору съ Англіей субсидію и назначеніе посланника во Францію не открыло глаза Вилліамсу. На всѣ его предложенія и возраженія ему отвѣчали, что надобно заключить новый трактатъ и что ему будутъ сдѣланы вскорѣ, въ этомъ смыслѣ, новыя предложенія.

Между тѣмъ Фридрихъ вступилъ, въ началѣ сентября, на саксонскую территорію и нѣсколько дней спустя овладѣлъ Дрезденомъ. 1-го октября онъ одержалъ славную побѣду надъ австрійцами при Ловозицѣ, а 15-го числа, того же мѣсяца, саксонская армія, укрѣпившаяся въ лагерѣ подъ Пирною, положила оружіе. Такая быстрота дѣйствій и такіе выдающіеся успѣхи повергли союзниковъ въ совершенное уныніе. Королева польская послала въ Петербургъ одного изъ своихъ камергеровъ, говоритъ сэръ Вилліамсъ, съ жалобою на бездѣйствіе русскихъ и съ намѣреніемъ возбудить гнѣвъ императрицы, велѣвъ сказать ей, что если она не поспѣшитъ объявить войну Пруссіи, то Фридрихъ двинется во главѣ своего войска, чтобы вторично посадить на престолъ Іоанна Антоновича. Елисавета отвѣчала на это, что лишь только до нея дойдетъ слухъ о подобномъ намѣреніи короля, она тотчасъ прикажетъ обезглавить Іоанна. Австрійскій посланникъ со своей стороны жаловался на бездѣйствіе тѣхъ войскъ, которыя должны были идти на помощь его государыни. Впрочемъ, надобно сказать, что войска, стоявшія на квартирахъ въ Ливоніи, получили приказаніе выступить въ походъ, и имъ былъ данъ главнокомандующій. Но выборъ этого генерала, по словамъ сэра Ч. Г. Вилліамса, былъ не особенно удаченъ для союзниковъ Россіи; онъ писалъ 12-го сентября 1756 г.

«Главнокомандующимъ русской арміей назначенъ Апраксинъ:

онъ произведенъ недавно въ фельдмаршалы. Это человѣкъ крайне лѣнивый и трусливый: нѣсколько дней назадъ онъ былъ жестоко оскорбленъ и чуть ли не побитъ гетманомъ (Кирилломъ Разумовскимъ) и не выказалъ даже по этому случаю ни малѣйшей обиды».

Въ депешѣ отъ 28-го числа Вилліамсъ говоритъ о немъ:

«Апраксинъ человѣкъ огромнаго роста, лѣнивъ, развращенъ и вовсе не храбръ. Онъ никогда не видалъ непріятельской арміи и не участвовалъ даже въ походахъ Миниха въ Турцію. Я знаю, что онъ отнесся къ своему назначенію весьма неохотно; вообще здѣсь начинаютъ поговаривать, что не такъ-то легко двинуть въ походъ такую большую армію, какъ говорили».

11-го ноября сэръ Ч. Г. Вилліамсъ могъ сообщить, что:

«Отъѣздъ Апраксина снова отложенъ; государственный канцлеръ прямо сказалъ намъ, что это сдѣлано благодаря ему, и что онъ готовъ сдѣлать еще больше, чтобы служить своимъ друзьямъ. Самого Апраксина уговорили придумать всевозможныя препятствія, чтобы отдалить его отъѣздъ, который еще не былъ окончательно рѣшенъ; пока объ немъ нѣтъ и помина. Король прусскій можетъ быть увѣренъ, что канцлеръ гроша не получитъ изъ обѣщанныхъ ему денегъ, пока онъ не окажетъ намъ всѣхъ существенныхъ услугъ, какія я отъ него требую».

Послѣднія слова требуютъ поясненія. При вступленіи въ Саксонію, Фридрихъ счелъ полезнымъ задобрить Бестужева, который впрочемъ и безъ того долженъ былъ держать сторону короля прусскаго съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ союзникомъ Англіи. Въ этихъ видахъ король велѣлъ передать сэру Вилліамсу его просьбу предложить канцлеру 100.000 экю; въ полной увѣренности, что это порученіе будетъ въ надежныхъ рукахъ, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ по этому поводу 28-го сентября 1756 г.

«Я старался привлечь государственнаго канцлера на сторону короля прусскаго. Сначала онъ казался непоколебимъ, но по мѣрѣ того какъ я увеличивалъ цифру, онъ сталъ сдаваться и наконецъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ: съ этой минуты я преданъ королю, хотя я не вижу, чѣмъ я могъ бы быть ему полезенъ въ настоящее время. Если бы я зналъ это два мѣсяца тому назадъ, то я могъ бы многое сдѣлать; но онъ самъ началъ войну, и теперь никто не въ

силахъ отговорить императрицу оказать помощь Австріи. Все уже рѣшено. Правда, король засталъ насъ, до нѣкоторой степени, врасплохъ, къ тому же вамъ извѣстно, что мы не отличаемся быстротою дѣйствій. Въ настоящее время я ничего не могу обѣщать со своей стороны, это не въ моей власти, но можете увѣрить короля прусскаго, что вина Мардефельда совершенно мною забыта и что я при первой возможности докажу на дѣлѣ мою готовность служить ему. Кончивъ разговоръ, онъ выразилъ надежду, что эта перемѣна, равно какъ и его заявленіе, останутся въ величайшей тайнѣ.

«Мнѣ нужны деньги и для раздачи нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Надѣюсь, что король прусскій вышлетъ мнѣ помянутые десять тысячъ дукатовъ въ возможно скоромъ времени».

Между тѣмъ Фридрихъ вступилъ въ Дрезденъ, и первою его заботою было захватить бумаги курфирста. Онѣ дали ему возможность обезпечить себѣ услуги Бестужева безъ затраты столь крупной суммы. Вотъ что пишетъ король прусскій въ «Исторіи семилѣтней войны»: «Бестужевъ поставилъ себѣ за правило быть заклятымъ врагомъ пруссаковъ, но ему пришлось подавить эту ненависть и совершенно измѣнить свой образъ дѣйствій, по двумъ причинамъ: первая изъ нихъ была весьма значительная пенсія, которую продолжали ему уплачивать англичане, а вторая заключалась въ томъ, что король овладѣлъ дрезденскими архивами. Въ этихъ архивахъ было найдено письмо, въ которомъ Бестужевъ совѣтовалъ гр. Брюлю отдѣлаться, съ помощью яда, отъ одного русскаго резидента въ Варшавѣ, коимъ они оба были недовольны, такъ, какъ онъ самъ отдѣлался отъ де-Кастеры, внушавшаго ему опасенія своимъ умомъ. Бестужевъ не гнушался преступленіями, но не желалъ, чтобы объ нихъ знали, поэтому, опасаясь, чтобы это письмо не было обнародовано, ему пришлось связать себя обѣщаніемъ оказать королю весьма важныя услуги, если Фридрихъ обѣщаетъ уничтожить упомянутое письмо. Король охотно согласился на это, и канцлеръ сдержалъ обѣщаніе, давъ фельдмаршалу Апраксину такую инструкцію, которая согласовалась съ интересами короля, насколько позволяли обстоятельства».

Фридрихъ, какъ видно, вовсе не упоминаетъ о ста тысячахъ

экю, предложенныхъ вначалѣ Бестужеву, и сэръ Ч. Г. Вилліамсъ со своей стороны не выказываетъ ни малѣйшаго удивленія, не получивъ этой суммы. Какъ бы то ни было, Бестужевъ дѣйствовалъ въ интересахъ короля и служилъ ему по мѣрѣ силъ, т. е., собственно говоря, весьма мало, такъ какъ онъ уже значительно утратилъ свое вліяніе и не былъ въ состояніи бороться съ Иваномъ Шуваловымъ и его партіей. Къ счастью для Фридриха, у него нашлись въ Петербургѣ болѣе сильные ходатаи: никто иной какъ великій князь и великая княгиня. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ 28 сентября:

«Великая княгиня Екатерина Алексѣевна осуждаетъ поведеніе Вѣнскаго двора по отношенію Англіи; она находитъ, что только союзъ между Англіей, Россіей, Голландіей, Пруссіей и нѣкоторыми другими германскими принцами могъ бы спасти Европу».

9-го ноября того же года онъ писалъ:

«Великій князь и великая княгиня на сторонѣ Пруссіи и жалуются на интриги всесильныхъ Шуваловыхъ въ пользу Франціи. Великая княгиня писала мнѣ дня два тому назадъ: «у меня былъ сегодня посланный отъ Шуваловыхъ, которому велѣно передать мнѣ, что они чрезвычайно возмущены тѣмъ, что вновь заключенный Россіей союзъ съ Франціей не одобряется великимъ княземъ и мною. Они называютъ его своею системою и считаютъ ее хорошею. Они предлагаютъ мнѣ свое содѣйствіе во всемъ, обѣщаютъ какъ нельзя лучше уладить мои отношенія къ императрицѣ и доставить мнѣ при ея жизни все, что только можетъ быть мнѣ пріятно, если я обѣщаю имъ свое покровительство въ будущемъ и свою готовность слѣдовать ихъ политической системѣ и покровительствовать ей. Я отвѣчала, что, насколько я интересуюсь политикой, я рѣшительно не одобряю ихъ новую систему, всегда была за союзъ съ Англіей и противъ союза съ Франціей; впрочемъ, мое мнѣніе въ этихъ дѣлахъ не имѣетъ особеннаго вѣса. Но я готова совершенно искренно заявить имъ, что великій князь никогда не послѣдуетъ этой системѣ, но строго накажетъ ея виновника, когда это будетъ въ его власти. Васъ осуждаютъ за пристрастіе къ королю прусскому. Что касается меня, то я не осуждаю васъ за это, такъ какъ въ настоящее время мы сходимся во взглядахъ, и я надѣюсь, что такъ будетъ и впредь».

Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ передаетъ въ депешѣ отъ 25-го декабря,

что великій князь въ совѣтѣ энергично возставалъ противъ союза съ Франціей, который императрица почти готова была заключить. Елисавета прервала его, сказавъ, что все было сдѣлано по ея повелѣнію, и она не допуститъ, чтобы ея рѣшенія подвергались обсужденію. Великій князь замѣтилъ на это, что ему остается только повиноваться и молчать. Великій князь былъ горячій сторонникъ Пруссіи, въ особенности самого Фридриха, который догадался заручиться его сочувствіемъ и преданностью своимъ интересамъ. «Великій князь, пишетъ Фридрихъ въ «Исторіи семилѣтней войны», по происхожденію принцъ Голштинскій, почерпнулъ въ исторіи своей родины непримиримую вражду къ датчанамъ, вызванную тѣми вопіющими несправедливостями, какія члены его семьи испытали со стороны королей датскихъ. Великій князь, опасаясь въ то время, чтобы дѣла Пруссіи не приняли такой оборотъ, который заставилъ бы короля дѣйствовать въ союзѣ съ датчанами, предложилъ ему все свое вліяніе и содѣйствіе въ Россіи, лишь бы онъ не заключалъ никакихъ обязательствъ съ этими исконными врагами Голштиніи. Король принялъ это предложеніе и обѣщалъ не заключать никакого договора съ Даніей; хота эта уступка не принесла ему, въ то время, никакой существенной выгоды, но это сближеніе съ великимъ княземъ разрушило, какъ увидимъ, впослѣдствіи великіе замыслы австрійцевъ.

Въ другомъ мѣстѣ Фридрихъ прибавляетъ, что въ отступленіи фельдмаршала Апраксина, въ 1757 г., когда этотъ генералъ, разбивъ фельдмаршала Левальда, ушелъ въ Польшу, немалую роль игралъ великій князь. Въ это тревожное время онъ не бывалъ даже въ Совѣтѣ, гдѣ долженъ былъ засѣдать, не желая участвовать въ обсужденіи тѣхъ мѣръ, какія императрица хотѣла предпринять противъ короля прусскаго, и которыя онъ не одобрялъ.

Несмотря на это, Фридриха весьма естественно безпокоилъ вопросъ, чью сторону приметъ Петербургскій дворъ. Успѣхъ, ознаменовавшій начало кампаніи, не могъ ручаться за ея исходъ. «Тутъ идетъ дѣло,—говорилъ онъ англійскому посланнику Митчелю,—ни болѣе, ни менѣе, какъ о существованіи Бранденбургскаго дома. Какъ мнѣ не тревожиться? У меня на рукахъ Франція и Австрія, что будетъ со мною, если мнѣ придется защищаться еще противъ

Россіи? Еслибы императрица Елисавета соблаговолила умереть или не принимать никакого участія въ войнѣ, то я не боялся бы своихъ враговъ», прибавлялъ онъ. Письма сэра Ч. Г. Вилліамса до нѣкоторой степени успокоивали его, и онъ просилъ его энергично настаивать на томъ, чтобы русскіе оставались, по крайней мѣрѣ, нейтральными. 26-го декабря Митчель писалъ своему коллегѣ: «Король никогда не унываетъ; по его мнѣнію, намъ не слѣдуетъ отчаяваться; приписывая перемѣну, происшедшую въ настроеніи Русскаго кабинета, деньгамъ, розданнымъ Австріей, онъ полагаетъ, что вамъ надобно будетъ вновь начать дѣйствовать тогда, когда эти деньги будутъ истрачены».

Военныя дѣйствія, прерванныя суровымъ временемъ года, вскорѣ должны были возобновиться; поэтому являлась необходимость во что бы то ни стало воспрепятствовать русской арміи выступить въ походъ. Вслѣдствіе этого г-нъ Митчель писалъ сэру Ч. Г. Вилліамсу, 8-го января 1757 года:

«Генералъ Апраксинъ совершенно преданъ великой княгинѣ, по крайней мѣрѣ, онъ постоянно заявляетъ о своей преданности ей. Это человѣкъ не военный, притомъ онъ не высокаго мнѣнія объ арміи, ему ввѣренной; полагаютъ, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія встрѣтиться съ пруссаками въ открытомъ полѣ. Притомъ онъ весьма расточителенъ и, несмотря на щедрыя награды, имъ полученныя отъ государыни, вѣчно нуждается въ деньгахъ. Принявъ все это во вниманіе, король прусскій полагаетъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ было бы полезно дать ему извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы движеніе войскъ было замедлено, что главнокомандующій всегда имѣетъ возможность сдѣлать подъ разными предлогами. Устройство этого дѣла надобно поручить великой княгинѣ, если она пожелаетъ за него взяться».

Два мѣсяца спустя, именно 22-го марта, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ писалъ своему коллегѣ въ Берлинъ:

«Апраксинъ прислалъ въ Петербургъ своего адъютанта, съ порученіемъ привезти ему двѣнадцать паръ платьевъ; изъ этого можно заключить, что онъ намѣренъ предпринять нынѣшнимъ лѣтомъ походъ на обитательницъ города Риги, ибо онъ такой же фатъ и такъ же много заботится о своемъ туалетѣ, какъ графъ Брюль, не-

смотря на то, что это одинъ изъ самыхъ толстѣйшихъ и неграціозныхъ людей въ мірѣ».

Апраксинъ, безъ сомнѣнія, охотно остался бы совершенно спокойно на одномъ мѣстѣ, но приказанія императрицы были такъ настоятельны, что ему пришлось двинуть свою 83-хъ-тысячную армію. Прусская граница была почти совершенно не укрѣплена со стороны Россіи. 30-го іюня Апраксинъ явился подъ стѣнами Мемеля, который долженъ былъ сдаться по прошествіи пяти дней. 30-го августа того же года, фельдмаршалъ Левальдъ былъ на-голову разбитъ Апраксинымъ, но послѣдній, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ успѣхомъ, идти впередъ и проникнуть до столицы Пруссіи, отступилъ, какъ будто его разбили, и расположился на зимнихъ квартирахъ въ Польшѣ.

Въ то время, какъ совершались всѣ эти событія, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ уѣхалъ изъ Петербурга, будучи отозванъ англійскимъ кабинетомъ, который обвинялъ его въ неудачѣ своей политики въ Россіи. Наканунѣ своего отъѣзда, состоявшагося 19-го августа, сэръ Ч. Г. Вилліамсъ получилъ два письма, которыя могли, до нѣкоторой степени, утѣшить его при этихъ непріятныхъ обстоятельствахъ. Одно изъ нихъ было отъ великаго князя; это было коротенькое письмо, въ коемъ только одна фраза заслуживаетъ упоминанія: «Я не сомнѣваюсь,—писалъ великій князь,—въ вашей преданности моимъ интересамъ, которые во многихъ отношеніяхъ тѣсно связаны съ интересами короля англійскаго. Надѣюсь, что нашъ общій врагъ когда-нибудь почувствуетъ это». Письмо великой княгини было болѣе обстоятельно; она писала:

«Я рѣшила писать вамъ, такъ какъ мнѣ не удалось повидаться и проститься съ вами. Мои искреннѣйшія сожалѣнія будутъ сопровождать того, кого я считаю однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей и кто своими поступками заслужилъ мое уваженіе и дружбу. Я никогда не забуду, сколько я вамъ обязана. Желая вознаградить васъ путемъ, вполнѣ достойнымъ благородства вашихъ чувствъ, я скажу вамъ, что я намѣрена сдѣлать: я не упущу ни малѣйшаго случая возвратить Россію на тотъ путь, который я признаю согласнымъ съ ея истинными интересами, т. е. къ тѣсному союзу съ Англіей, которой я всѣми, отъ меня зависящими, силами, буду помогать, чтобы

доставить ей, ко благу всей Европы и, въ особенности, Россіи, первенство надъ Франціей, —ихъ общимъ врагомъ,—величіе которой составляетъ позоръ Россіи. Я постараюсь осуществить эти мысли на дѣлѣ; на нихъ я хочу упрочить мою славу и докажу стойкость моихъ убѣжденій королю, вашему монарху. Повѣрьте, что я болѣе всего въ мірѣ желаю, чтобы вы возвратились сюда съ торжествомъ. Надѣюсь, что король, вашъ монархъ, не откажетъ мнѣ, современемъ, въ одолженіи, котораго я прошу, увидѣть васъ здѣсь вторично. Это послужитъ только къ его выгодѣ».

Съ отъѣздомъ сэра Ч. Г. Вилліамса вліянію Австріи и Франціи былъ открытъ полный просторъ. Дугласъ, облеченный только званіемъ посланника, былъ замѣщенъ съ іюля мѣсяца маркизомъ де л'Опиталемъ, въ званіи посла. Послѣдній, вмѣстѣ съ графомъ Эстергази, чрезвычайно жаловался на поведеніе Апраксина, которое было до того странно, что его можно было объяснить развѣ умышленнымъ желаніемъ нанести королю прусскому какъ можно менѣе вреда. Оба посла, встрѣтивъ поддержку въ партіи Шуваловыхъ, безъ труда добились того, что императрица смѣнила Апраксина, назначивъ на его мѣсто генерала Фермора. Апраксину было повелѣно съ величайшею поспѣшностью возвратиться въ Петербургъ, чтобы дать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Бумаги его были перехвачены и чрезвычайно скомпрометтировали Бестужева и великую княгиню. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ выводить заключеніе, чтобы Бестужевымъ былъ составленъ, какъ тогда говорили, заговоръ, съ цѣлью свергнуть императрицу и возвести на престолъ, помимо великаго князя, Екатерину и ея сына. Гораздо вѣроятнѣе, что были найдены письма, въ которыхъ Бестужевъ, именемъ великой княгини, просилъ Апраксина пощадить короля прусскаго.

По всему случившемуся во время послѣдней кампаніи было очевидно, что спасеніе Пруссіи зависѣло отъ болѣе или менѣе дѣятельной роли Россіи и, въ особенности, отъ ея нейтралитета. Фридрихъ могъ противостоять арміямъ Австріи, Саксоніи и Франціи только подъ условіемъ, что на него не будетъ произведено нападенія съ тыла. Онъ все еще питалъ надежду, что его дѣло, въ Петербургѣ, не проиграно, и что есть возможность если не отвлечь Елисавету отъ союза, направленнаго противъ него, то, по крайней

мѣрѣ, такъ или иначе, добиться ея нейтралитета. Англійскій кабинетъ раздѣлялъ эту обманчивую надежду, вслѣдствіе чего Питтъ, желавшій во что бы то ни стало спасти Пруссію, счелъ нужнымъ вновь попытать счастье въ Петербургѣ. Съ этою цѣлью на мѣсто отозваннаго сэра Ч. Г. Вилліамса былъ назначенъ новый посланникъ. Къ несчастью, выборъ палъ на Кейта, занимавшаго, до разрыва дипломатическихъ сношеній съ Австріей, мѣсто посланника въ Вѣнѣ. Это назначеніе чрезвычайно встревожило какъ французскаго, такъ и австрійскаго посланниковъ. Они вообразили, что къ нимъ посылаютъ втораго сэра Ч. Г. Вилліамса, т. е. ловкаго интригана, который способенъ разрушить всѣ ихъ политическія комбинаціи. Въ этомъ отношеніи они ошиблись: Кейтъ былъ ниже посредственности и представлялъ, по своимъ качествамъ и недостаткамъ, совершенную противоположность со своимъ предшественникомъ. Зато Бестужевъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда этого представителя Англіи, въ надеждѣ вернуть при его поддержкѣ свое значеніе; но пріѣздъ посланника окончательно погубилъ его.

Государственный канцлеръ давно уже предчувствовалъ приближеніе опалы. Императрица не допускала его болѣе къ себѣ, а при встрѣчѣ съ нимъ принимала холодный видъ, не предвѣщавшій ничего добраго. Братья Шуваловы поклялись сгубить его, но все не рѣшались исполнить это, такъ какъ Бестужевъ, подобно своему предшественнику, Остерману, умѣлъ сдѣлаться необходимымъ. Но представители Франціи и Австріи, имѣя въ виду, что пріѣздъ новаго англійскаго посланника ожидался со дня на день, рѣшили ускорить паденіе Бестужева. Кейтъ писалъ 30-го марта 1758 г.:

«Какъ только было получено извѣстіе о моемъ пріѣздѣ въ Варшаву, французскій посланникъ отправился къ вице-канцлеру Воронцову и сказалъ ему, что необходимо, не теряя времени, сплотить ихъ силы, чтобы нанести послѣдній ударъ Бестужеву, присовокупивъ, что если Воронцовъ не согласится на это, то онъ прямо отправится къ Бестужеву, откроетъ ему все происшедшее и вмѣстѣ съ нимъ погубитъ самого Воронцова. Испуганный этими словами, вице-канцлеръ присоединился къ заговору, и французскій посланникъ, ловкимъ образомъ, сумѣлъ возбудить подозрительность императрицы противъ Бестужева. Канцлеръ перенесъ, какъ говорятъ,

свое несчастье съ большою твердостью и утверждаетъ, что его врагамъ не удастся ничего доказать противъ него».

Бестужевъ, арестованный 24-го февраля, былъ обвиненъ въ составленіи заговора, съ цѣлью свергнуть съ престола императрицу и предоставить корону великой княгинѣ. Но это былъ только предлогъ, чтобы сгубить его; хотя онъ былъ несомнѣнно замѣшанъ въ интригахъ, въ которыхъ принимала участіе великая княгиня, но подробности ихъ, въ настоящее время, намъ неизвѣстны, и никакихъ доказательствъ его вины не было обнаружено. Тѣмъ не менѣе, Бестужевъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ приговоренъ къ смертной казни. Императрица замѣнила казнь ссылкою въ одно изъ его помѣстій, въ 120-ти-верстахъ отъ Москвы, а графъ Михаилъ Воронцовъ, въ награду за оказанныя имъ услуги, былъ назначенъ государственнымъ канцлеромъ.

Кейтъ вскорѣ увидѣлъ, что ему нечего дѣлать въ Петербургѣ, въ особенности послѣ опалы Бестужева. Версальскій дворъ пріобрѣлъ въ Россіи, въ скоромъ времени, гораздо болѣе значенія, нежели Вѣнскій дворъ и, такъ-называемая, французская партія, т. е. партія братьевъ Ивана и Петра Шуваловыхъ была такъ сильна, что нечего было и думать вступать съ нею въ борьбу. Графъ Эстергази и маркизъ де л'Опиталь давали тонъ въ столицѣ и при дворѣ, какъ писалъ о томъ Кейтъ своему коллегѣ въ Берлинъ. Имъ удалось посеЛить несогласіе между великимъ княземъ и его супругою, устранивъ, такимъ образомъ, ея вліяніе на него; сама великая княгиня была до нѣкоторой степени въ немилости и поэтому не имѣла возможности защищать интересы Англіи и короля прусскаго. Кейтъ, будучи предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ, не могъ ничего добиться, тѣмъ болѣе, что императрица, кичась успѣхомъ послѣдней кампаніи, считала себя уже не союзницей Австріи и Франціи, а какъ бы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой войнѣ. Въ томъ же году кампанія весьма мало походила на прошлогоднюю. Русскіе, пройдя по польскимъ владѣніямъ, не обращая никакого вниманія на протестъ этой страны, безъ боя вступили въ Пруссію и вели себя тамъ, какъ только могутъ вести варварскія, недисциплинированныя войска, грабя и опустошая страну. Новое пораженіе при Цорндорфѣ

(25-го августа 1758 г.) доказало имъ, что король прусскій былъ далеко не такъ близокъ къ погибели, какъ льстили себя надеждою въ Петербургѣ. Правда, русскіе отомстили ему блестящимъ образомъ на слѣдующій годъ при Кунерсдорфѣ (12-го августа 1759 г.), когда генералъ Солтыковъ, несмотря на огромный уронъ въ его войскѣ, нанесъ самому Фридриху такое рѣшительное пораженіе, что этотъ монархъ считалъ себя погибшимъ и серьезно думалъ о самоубійствѣ, какъ объ единственномъ средствѣ спасти свою честь. Еслибы русскіе имѣли болѣе способнаго главнокомандующаго и лучше сумѣли бы воспользоваться своими успѣхами, то судьба Фридриха и Пруссіи была бы рѣшена, и она очутилась бы во власти Австріи и ея союзниковъ. Это можно сказать безъ всякаго преувеличенія. Митчель, отъ котораго у Фридриха не было тайнъ, писалъ 16-го января 1760 г.: «король сдѣлаетъ все, что будетъ въ человѣческихъ силахъ, но страна его истощена, и у него не хватаетъ средствъ для борьбы: лучшіе офицеры его убиты или взяты въ плѣнъ, и надобно сознаться, что въ войскѣ царствуетъ полное уныніе. Его Величество все еще не теряетъ надежды. Но я боюсь, что гибель короля прусскаго будетъ безповоротна, если Англія не найдетъ средства устранить отъ коалиціи Францію и унизить могущество Россіи».

Нечего было и думать, что Франція броситъ Марію Терезію на произволъ судьбы, слѣдовательно, единственное спасеніе было въ Россіи, которая не была непосредственно заинтересована въ этой войнѣ. Фридрихъ, для достиженія своихъ цѣлей, былъ готовъ на всякія жертвы. Онъ попробовалъ снискать расположеніе русскихъ, льстя ихъ тщеславію, превознося до небесъ ихъ военные успѣхи; это было для нихъ ново и тѣмъ пріятнѣе щекотало самолюбіе націи; своими инсинуаціями онъ разжигалъ зависть, существовавшую между ними и Австріей. Наконецъ, несмотря на свое полное разореніе, онъ ассигновалъ 150.000 экю для раздачи сановникамъ и приближеннымъ Елисаветы. Изъ депешъ Кейта ему было извѣстно, что русскіе начинали тяготиться войною, и что Разумовскій не одобрялъ союза съ Франціей и Австріей, которому покровительствовалъ Иванъ Шуваловъ. Великій князь попрежнему былъ вѣренъ ему. Король умолялъ не покидать его,

но за наслѣдникомъ престола зорко слѣдили, онъ не пользовался особеннымъ вліяніемъ и уваженіемъ и имѣлъ весьма мало вѣса. Въ предыдущемъ году онъ безуспѣшно пытался проявить свою самостоятельность, какъ о томъ писалъ Кейтъ 5-го января 1759 г.:

«Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ послалъ императрицѣ письмо, высказавъ ей, что онъ уже достигъ того возраста, когда за нимъ можно признать право имѣть свое собственное мнѣніе. Онъ не въ состояніи долѣе подчиняться тому стѣсненію и надзору, подъ какимъ Ея Величеству угодно было держать его, и проситъ позволенія удалиться въ свое владѣніе—Ораніенбаумъ. Императрица была чрезвычайно оскорблена этой выходкой и просила великаго князя изложить письменно причины, побудившія его къ этой просьбѣ, но я слышалъ, что это было окончено и замято. Императрица частенько прихварываетъ: говорятъ, будто у нея бываютъ припадки падучей».

Великій князь ничѣмъ не могъ быть полезенъ королю прусскому, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ, будучи въ разладѣ со своею супругою, онъ не руководствовался болѣе ея выдающимся умомъ. И въ этомъ году, точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ, всѣ его старанія измѣнить политику Россіи были безполезны, ибо Елисавета была неумолима въ своей ненависти къ Фридриху и чрезвычайно радовалась его неудачамъ. Австрія и Франція, понимая, какъ полезно могло быть для нихъ дѣятельное участіе Россіи, приняли мѣры къ тому, чтобы императрица окончательно присоединилась къ ихъ союзу. Фридрихъ самъ говоритъ, что послѣ Цорндорфской битвы «дворы Вѣнскій и Версальскій пустили въ ходъ все свое вліяніе при Русскомъ дворѣ, чтобы усилить ненависть императрицы Елисаветы къ королю прусскому; они убѣждали ее, что необходимо смыть позоръ, которымъ покрыли себя ея войска, выставивъ на слѣдующую весну болѣе многочисленную армію. Ея фаворитъ, Шуваловъ, постоянно твердилъ государынѣ, что генераламъ, которые будутъ командовать этимъ войскомъ, надобно предписать дѣйствовать съ величайшей энергіей и во всемъ слѣдовать указаніямъ, которыя будутъ имъ даны союзными державами; только тогда презрѣніе, съ которымъ пруссаки относятся къ русскимъ, смѣнится уваженіемъ. Французскій и австрійскій послан-

ники полагали, что, для скрѣпленія ихъ союза съ русской императрицею, необходимо гарантировать ей пріобрѣтеніе королевства Прусскаго, которое, какъ страна завоеванная, вошло бы въ составъ ея обширной монархіи. Это предложеніе было принято императрицей благосклонно, и съ этимъ условіемъ былъ заключенъ и подписанъ ею трактатъ». Эта сдѣлка была неизвѣстна Англіи и королю прусскому, но она объясняетъ неуспѣшность всѣхъ домогательствъ Кейта. Этотъ посланникъ писалъ 1-го января 1760 г.:

«Всѣ увѣренія русскихъ министровъ насчетъ скораго заключенія мира и всѣ ихъ слова не имѣютъ никакого значенія. Императрица сказала австрійскому посланнику, что хотя она долго не можетъ на что-нибудь рѣшиться, но за то бываетъ тверда въ своихъ рѣшеніяхъ и намѣрена, во что бы то ни стало, продолжать войну вмѣстѣ съ своими союзниками, хотя бы ей пришлось для этого продать всѣ свои платья и драгоцѣнности».

Неудача Кейта не обезкуражила Фридриха. Онъ послалъ въ Петербургъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, голштинскаго дворянина Пешлина, бывшаго нѣкогда на службѣ у великаго князя, но этотъ посланецъ, какъ говоритъ король, «не имѣлъ даже случая объясниться по поводу возложеннаго на него порученія». И онъ прибавляетъ: «императрица Елисавета была слишкомъ предубѣждена и озлоблена противъ короля, поэтому ее трудно было склонить къ иному образу дѣйствій. Ею руководилъ фаворитъ, который находился, въ свою очередь, подъ вліяніемъ Вѣнскаго двора. Всѣ ея приближенные были вполнѣ преданы Франціи и Австріи. При томъ, императрицѣ улыбалась мысль о пріобрѣтеніи королевства Прусскаго, которое она считала уже мысленно присоединеннымъ къ Россіи и полагала, что, вступивъ въ какіе бы то ни было переговоры съ королемъ, она могла этимъ утратить свои преимущества; поэтому нельзя было никакими путями довести до свѣдѣнія Елисаветы то, что королю желательно было ей выяснить».

Императрица Елисавета и ея ближайшіе совѣтники до такой степени были убѣждены, что Вѣнскій и Версальскій кабинеты обезпечатъ Россіи, по окончаніи войны, обладаніе если не всѣмъ королевствомъ Фридриха, то по крайней мѣрѣ собственно Пруссіей, что фаворитъ Иванъ Шуваловъ счелъ возможнымъ завести объ

этомъ рѣчь съ Кейтомъ съ цѣлью узнать мнѣніе Англіи. Можно себѣ представить, до какой степени былъ удивленъ и пораженъ Кейтъ, услыхавъ объ этомъ сумасбродномъ, нелѣпомъ проектѣ; тщетно старался онъ разъяснить Шувалову, что Сентъ-Джемскій кабинетъ никогда, ни за какія деньги, не дастъ своего согласія на исполненіе трактата, заключеннаго между Россіей, Франціей и Австріей. Вотъ что говоритъ по этому случаю англійскій посланникъ:

«Я сказалъ Шувалову, что въ такомъ случаѣ можно ручаться, что война не скоро кончится, ибо, если я вѣрно сужу о характерѣ короля прусскаго, то онъ скорѣе погибнетъ подъ развалинами послѣдняго города въ своемъ королевствѣ, нежели подчинится этимъ постыднымъ условіямъ. Я присовокупилъ, что если Россія завладѣетъ этой провинціей, то она будетъ служить постояннымъ яблокомъ раздора для другихъ державъ и вѣчнымъ источникомъ волненій въ Европѣ, ибо всѣ державы имѣютъ особый интересъ не допускать этого, если же, по роковому стеченію обстоятельствъ, этому нельзя будетъ помѣшать въ настоящее время, то всякій воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы вырвать это пріобрѣтеніе изъ рукъ Россіи. Шуваловъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ постичь, чтобы обладаніе такой маленькой провинціей могло возбудить зависть остальной Европы; въ концѣ концовъ онъ сказалъ, что ее можно будетъ оставить имъ въ залогъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено инаго средства вознаградить Россію. Я возразилъ, что надобно отказаться отъ мысли сохранить ее въ видѣ залога, точно такъ же, какъ и отъ надежды окончательно завладѣть этой провинціей, и что Россія, изъявивъ претензію на ту или другую изъ этихъ мѣръ, возстановитъ противъ себя весь свѣтъ, такъ какъ это послужитъ явнымъ доказательствомъ ея желанія завладѣть всѣмъ судоходствомъ Балтійскаго моря и слѣдовательно захватить въ свои руки всю торговлю сѣвернаго края, на что̀ указываетъ, между прочимъ, прибавилъ я съ улыбкою, ихъ недавнее намѣреніе овладѣть Данцигомъ».

Въ кампанію 1760 г. воинственный пылъ русскихъ войскъ значительно охладѣлъ; вступивъ довольно поздно на прусскую территорію, они удовольствовались тѣмъ, что заняли страну и

начали ее грабить, а съ наступленіемъ зимы удалились на свои зимнія квартиры, почти въ глаза не видавъ войскъ Фридриха. Король счелъ это признакомъ болѣе благопріятнаго для него настроенія и въ декабрѣ мѣсяцѣ отправилъ въ Россію совѣтника Баденгаупта, «братъ котораго, — говоритъ Митчель, — былъ врачемъ Ивана Шувалова, возложивъ на него секретное порученіе подкупить этого фаворита». Русскій дворъ, во-время предупрежденный, не допустилъ посланнаго въ Петербургъ. Арестованный въ Митавѣ, онъ былъ выпровоженъ за границу. Чувства императрицы Елисаветы къ Фридриху нисколько не измѣнились къ лучшему, и она въ тотъ самый моментъ вполнѣ одобряла намѣренія Франціи, Австріи и Саксоніи, которыя предложили Англіи заключить миръ, чтобы имѣть возможность обратить всѣ свои силы противъ короля прусскаго. Питтъ только-что вышелъ изъ англійскаго министерства, и его преемникъ, лордъ Бьютъ (Bute) рѣшилъ заключить миръ во что бы то ни стало, соглашаясь купить его хотя бы цѣною Фридриха. Между тѣмъ, какъ переговоры по этому поводу затянулись, военныя дѣйствія, съ наступленіемъ весны, были возобновлены, и русскіе генералы, въ этомъ году, точно такъ же, какъ и въ предыдущемъ, удовольствовались тѣмъ, что ихъ войска кормились на счетъ пруссаковъ; удовлетворенные лаврами 1759 года и взятіемъ Кольберга, они не искали даже случая сразиться. Между тѣмъ средства Фридриха истощались; единственный союзникъ готовъ былъ отказаться отъ него, и ему угрожалъ въ добавокъ недостатокъ въ продовольствіи, когда столь давно, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая кончина Елисаветы открыла ему, наконецъ, путь къ спасенію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

V [1])

Польское движенiе принимало все болѣе и болѣе опредѣленныя формы, все болѣе и болѣе угрожающiе размѣры. Послѣ сравнительно спокойнаго лѣта, наступила осень и стала снова привлекать въ городъ самые пылкiе и буйные элементы польскаго населенiя. Снова появились нацiональные костюмы, всевозможныя революцiонныя эмблемы, шумныя сборища въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ университета. Администрацiя начинала уже помышлять о необходимости строгихъ мѣръ противъ разнообразныхъ, почти ежедневныхъ манифестацiй, проявлявшихся повсемѣстно и какъ бы подъ влiянiемъ одной направляющей воли.

Для возбужденiя университетскихъ волненiй явился новый поводъ въ только-что изданныхъ для студентовъ правилахъ, примѣненiе которыхъ во всѣхъ почти университетахъ встрѣчено было ропотомъ и даже сопротивленiемъ.

Въ сборной залѣ университета зашумѣли сходки, въ которыхъ, какъ и прежде, преобладалъ польскiй элементъ. Чтобы придти къ какому-нибудь единодушному рѣшенiю, русскiе студенты попытались было примѣнить къ дѣлу новоустроенныя корпорацiи, но несостоятельность ихъ обнаружилась съ самаго начала; не только между отдѣльными корпорацiями, но и въ средѣ ихъ существовало большое разнообразiе взглядовъ на то положенiе, которое слѣдовало бы принять въ виду новыхъ пра-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ октябрь 1895 года.

вилъ. Самые крайніе, главнымъ образомъ старогородцы, настаивали на необходимости сопротивленія, по примѣру прочихъ университетовъ. Они доказывали, что въ настоящемъ случаѣ сопротивленіе не имѣетъ ничего общаго съ польскими манифестаціями, что здѣсь не можетъ быть уже и рѣчи объ исключительныхъ цѣляхъ и что дѣло настолько касается самыхъ существенныхъ студенческихъ интересовъ, что никакія соображенія не заставятъ ихъ оставаться пассивными. Даже наиболѣе умѣренные колебались, сознавая всю трудность борьбы въ такомъ дѣлѣ, которому трудно было придать національный колоритъ. Большинство не желало манифестацій и еслибы, хотя немногіе запаслись достаточнымъ мужествомъ, чтобы смѣло высказать свое мнѣніе на этотъ счетъ, то имъ не трудно было бы увлечь за собою и остальныхъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ непримиримыхъ. Но не только на сходкахъ, а даже и въ частныхъ разговорахъ, всякій держался неувѣренно, и люди, совершенно между собою согласные, взаимно хитрили, боясь прослыть слишкомъ упорными защитниками правительственныхъ мѣръ. Толчка извнѣ некому было дать. Наиболѣе популярные и вліятельные студенты слишкомъ дорожили и популярностью, и вліяніемъ, чтобы ставить ихъ на карту, а при положительномъ невѣдѣніи внутренняго настроенія большинства, рискъ былъ очевиденъ. Тѣмъ не менѣе, даже и въ этомъ дѣлѣ, сліяніе съ поляками отрицалось безусловно; въ этомъ только и сошлось большинство, расходясь на множество различныхъ мнѣній, когда дѣло коснулось частностей, да и тутъ сразу нарушено было основное правило, принятое при образованіи корпорацій. Старогородцы въ полномъ составѣ вышли изъ собранія, не желая подчиниться его рѣшенію. Кромѣ того, малороссійская партія, которая постоянно расширялась и въ составъ которой вошли многія лица, еще недавно относившіяся къ ней враждебно, держалась какъ то въ сторонѣ отъ корпорацій, рѣдко посѣщая собранія и давая ясно понять, что въ корпораціи она составляетъ status in statu. Вообще характеръ этой партіи въ послѣднее время сталъ измѣняться; вошедшіе въ нее новые элементы начинали вытѣснять изъ среды ея большую часть проникшихъ туда поляковъ, смутныя стремленія стали облекаться во что-то болѣе опредѣленное, отчасти подъ вліяніемъ кружка, группировавшагося въ Петербургѣ около издававшагося тогда журнала «Основы». Всѣ знали о существованіи громады. Самые записные противники ея думали-было предложить, чтобы члены корпорацій не могли участвовать въ какомъ-либо другомъ обществѣ, съ однороднымъ характеромъ, но не нашли отголоска, такъ какъ цѣль такого предложенія сдѣлалась бы ясна и оно повело бы только къ немедленному выходу всѣхъ членовъ малороссійской партіи изъ корпорацій. Притомъ, многіе изъ не участвовавшихъ въ громадѣ льнули къ ней и желали попасть въ ея составъ, кто съ цѣлью бороться съ предпо-

лагаемыми въ средѣ ея польскими интересами, кто просто потому, что видѣлъ несостоятельность корпорацій и чувствовалъ, что въ близкомъ будущемъ центръ тяжести перенесется въ громаду.

Покуда шли толки, все болѣе и болѣе убѣждавшіе самыхъ недальновидныхъ изъ студентовъ въ отсутствіи нравственной связи между отдѣльными студенческими группами, поляки взялись за дѣло по-своему.

Въ одинъ прекрасный день, послѣ костельной манифестаціи, они на костельномъ погостѣ избили до полусмерти квартальнаго надзирателя, записывавшаго фамиліи входящихъ, и затѣмъ толпою направились въ университетъ, и тамъ въ сборной залѣ, въ одно мгновеніе, разбили рамки, вмѣщавшія распоряженія начальства, разорвали на клочки всѣ эти распоряженія и съ шумными возгласами: «To nasz Uniwersitet! Chcemy swoi prawidła!» (Это нашъ университетъ! хотимъ свои правила!), вышли вонъ изъ залы. Все это продолжалось какихъ-нибудь пять минутъ, и въ тотъ же вечеръ во всемъ городѣ, не говоря уже объ университетскихъ кружкахъ, только и говору было, что объ этомъ событіи.

Польскій характеръ манифестаціи былъ ясенъ: въ ней участвовали почти исключительно одни поляки, къ которымъ присоединились только самые завзятые изъ старогородцевъ. Самая манифестація произошла такъ неожиданно и совершилась такъ быстро, что многіе изъ студентовъ, сидѣвшіе въ это время въ лекторіи, узнали о ней только по выходѣ оттуда, проходя черезъ коридоръ, гдѣ уже никого не было кромѣ оторопѣлыхъ сторожей.

Утромъ на другой день, коридоръ и зала стали быстро наполняться; вся польская партія была на лицо; другихъ привлекли самыя разнообразныя побужденія, любопытство, лихорадочная жажда сильныхъ ощущеній, озлобленіе, желаніе порисоваться. Большинство непольскихъ студентовъ, подъ вліяніемъ выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ событія, громко выражали свое негодованіе; начались взаимные споры, превратившіеся вскорѣ въ руготню; къ одному студенту-еврею, возвысившему голосъ противъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ польскихъ корифеевъ, обратились съ такими недвусмысленными угрозами, что товарищамъ пришлось силою спасать его изъ рукъ окружившей его толпы.

Раздались ожесточенные польскіе крики: «Won Moskalow! to nasz Uniwersitet!» Все, что въ залѣ было непольскаго, пустилось бѣгомъ изъ нея. Поле сраженія осталось за поляками.

Описывать то, что происходило, затѣмъ, въ лекторіи, смятеніе, взрывы негодованія, десятки различныхъ предложеній, возникавшихъ съ разныхъ сторонъ и заглушаемыхъ общимъ шумомъ и крикомъ, мы не беремся.

Самые вліятельные студенты, силившіеся возстановить порядокъ,

утратили всякую возможность обратить вниманіе на свои рѣчи. Горланили больше всѣхъ самые нелюбимые изъ агитаторовъ. Одинъ изъ нихъ, невзрачный, съ взъерошенными волосами, въ очкахъ, взлѣзъ на столъ и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы привлечь хоть на минуту вниманіе; онъ завелъ рѣчь если не въ защиту, то въ извиненіе происшедшаго, самъ онъ участвовалъ въ манифестаціи, боялся, что объ этомъ узнають, видимо хотѣлъ это скрыть, путался въ словахъ и, видя, наконецъ, что нѣтъ надежды не только убѣдить кого-нибудь, но даже заставить себя выслушать, сталъ спускаться со стола, но споткнулся и упалъ бы на полъ, если бы его не поддержали. Невольный взрывъ хохота вырвался изъ толпы, стоявшей поближе и видѣвшей комическія усилія и паденіе неудачнаго оратора. Благодаря тому, что въ теченіе одной минуты общее вниманіе сосредоточилось, двумъ-тремъ коноводамъ удалось водворить порядокъ. Всѣ сознавали, что нужно что-нибудь предпринять, что въ настоящую минуту волненіе и раздраженіе еще слишкомъ сильны, что нужно дать всѣмъ немного остыть и одуматься, и потому, безъ особенныхъ преній, рѣшили собраться послѣ обѣда и просить у начальства разрѣшенія избрать для этой цѣли одну изъ большихъ аудиторій.

Собраніе разрѣшено было оффиціально попечителемъ, барономъ Николаи, и въ распоряженіе студентовъ предоставлена была огромная 2-я аудиторія; въ ней даже, по распоряженію университетскаго начальства, зажжена была лампа и на каѳедру поставлено было двѣ свѣчи. Часамъ къ пяти аудиторія сверху до низу наполнилась. Едва-ли когда-либо въ ней присутствовало такъ много народа; опоздавшіе кое-какъ пріютились на подножки каѳедры, другіе принуждены были стоять. Малороссійская партія была вся на лицо. Явились даже тѣ изъ студентовъ, которые обыкновенно избѣгали сходокъ, но которые, подъ вліяніемъ раздраженія, возбужденнаго поступкомъ поляковъ, думали, что нужно чѣмъ-нибудь покончить съ безпорядками, нарушающими правильное теченіе научныхъ занятій.

Начали съ выбора предсѣдателя и рѣшили произвести выборъ по запискамъ, такъ какъ сразу предложено было до десяти кандидатовъ. Для счета голосовъ столпились около каѳедры обычные распорядители и участники всякаго рода студенческихъ сходокъ, носившіе между студентами названіе «общественныхъ дѣятелей». Люди этого сорта представляли довольно любопытный типъ: казалось, большинство ихъ только затѣмъ и числилось въ университетѣ, чтобы имѣть право создавать и распоряжаться студенческими общественными дѣлами, чтобы во всякомъ дѣлѣ выступать непремѣнно съ активною ролью, чтобы, при всякомъ удобномъ случаѣ, даже безъ всякой надобности, изощрять свои ораторскія способности. Почти всѣ они играли въ общественныхъ дѣлахъ, о которыхъ такъ пеклись, далеко не первостепенную роль, можетъ быть

именно потому, что путались во всякое дѣло; они агитировали и по поводу спектаклей, и по поводу лекторіи и кассы, и по поводу всякаго рода скандаловъ, которыми такъ обильно было послѣднее время. Каждый изъ нихъ всегда торопился высказать свое мнѣніе не столько ради того, чтобы лучше отстоять его, сколько изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не предвосхитилъ его. Они иногда приводили въ отчаяніе тѣхъ людей, которые серьезно и добросовѣстно старались провести какую-нибудь мысль, своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ, неосторожною выходкою.

Какъ часто, впослѣдствіи, присутствуя на крестьянскихъ сходкахъ, я имѣлъ случай убѣждаться въ поразительномъ ихъ сходствѣ съ студенческими. То же апатическое большинство, то же крикливое меньшинство, тѣ же неизмѣнные общественные дѣятели, всегда, о чемъ бы ни шла рѣчь, выступающіе впередъ, тѣ же агитаторы, старающіеся подѣйствовать на инстинкты массъ; и тамъ, какъ здѣсь, послѣ продолжительныхъ усилій провести какую-нибудь разумную мысль, когда, казалось, большинство уже было вполнѣ настроено въ благопріятномъ для нея смыслѣ, неожиданная выходка мгновенно измѣняла настроеніе и приводила къ противоположному результату. Я помню одну волость, гдѣ, бывало, зимой, не только въ воскресные, но и въ будничные дни, нѣсколько крестьянъ аккуратно являлись около полудня въ волостное правленіе и сидѣли тамъ до вечера; они мѣшались во всякое дѣло, всюду совались съ своимъ мнѣніемъ и, пользуясь мягкостью старшины, нерѣдко дѣлали распоряженія, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Эти Пахомы, Трофимы, Сидоры были «волостные общественные дѣятели», и всякій разъ, глядя на нихъ, я вспоминалъ хорошо знакомыя лица эпохи студенческихъ волненій. Созывается, бывало, сходъ, мои Пахомы, Трофимы, Сидоры уже тутъ торчатъ съ ранняго утра; еще никого нѣтъ, а уже они тамъ и съ нахально-самодовольнымъ видомъ понукаютъ то старостою, то сотскимъ, то десятникомъ. Спросишь: «что это за люди? хорошіе ли они хозяева?»—Какое!—отвѣчаютъ, — дрянь!—Вотъ Сидоръ ужь шестой годъ опаиваетъ крестьянъ, чтобы выбрали его старшиною; тѣ и пьютъ, а какъ дѣло дойдетъ до выборовъ, то никто и голоса за него не подастъ. Говоритъ, все хозяйство переведу, а буду старшиною.—«И будетъ?»—Гдѣ ужь тамъ! онъ и въ сотскіе и въ старосты напрашивался, ему бы хоть поганенькимъ начальникомъ, лишь бы начальникомъ быть.—«Да чего же они вѣчно тутъ торчатъ?»—Видно, дома нечего дѣлать, такъ они тутъ днюютъ и ночуютъ.

— Какъ же ихъ не спровадятъ изъ волостнаго правленія?

— Да кабы старшина не баба, то ихъ бы и духу тутъ не было. Что, развѣ они на добро сюда шляются! Отъ пристава прійдетъ приказъ, или отъ мироваго, или тамъ писарь въ вѣдомостяхъ что прочитаетъ, они бѣгаютъ по кабакамъ, да и разсказываютъ, да иной разъ такого

бунта надѣлаютъ, что не приведи, Боже! Вотъ какъ грамоту вводили, они-то и уговорили наше общество отъ земли отказаться; ужь и мировой толковалъ, и батюшка уговаривалъ, лучшіе хозяева Христомъ-Богомъ просили: не отказывайтесь, а они шепчутъ: «не слушайте, они всѣ помѣщикомъ подкуплены», а общество что? темные люди, и кричатъ: «не хотимъ, да не хотимъ!» а теперь сами плачутъ.

И кто, мало-мальски знакомый съ крестьянскимъ бытомъ, не видалъ этихъ Пахомовъ, Сидоровъ, Трофимовъ? И вѣдь не то, чтобы они сознательно обманывали другихъ; иной разъ они сами вѣрятъ въ то, о чемъ толкуютъ; вся бѣда въ томъ, что они себя воображаютъ особенно умными, хитрыми и дальновидными, а дальше носа ничего не видятъ.

И вотъ на двухъ концахъ лѣстницы просвѣщенія, на университетскихъ и волостныхъ сходкахъ, встрѣчаешь тѣ же явленія, тѣ же типы, тотъ же отличительный характеръ, иной разъ и тѣ же дикіе пріемы. Какъ бы можно было и къ инымъ университетскимъ дѣятелямъ примѣнить выраженіе, что имъ бы хоть поганенькими начальниками хотѣлось быть, лишь бы начальниками!

Но возвратимся къ нашему разсказу. Выбрали предсѣдателемъ студента Драгомилова. Этотъ не принадлежалъ къ крикунамъ: правда, рѣдкія собранія обходились безъ его присутствія, но онъ никогда не говорилъ на нихъ изъ одной любви къ искусству; когда дѣло не живо его интересовало, онъ присоединялся къ апатическому большинству и развѣ кое-когда ѣдкою насмѣшкою заставлялъ спуститься съ поднебесныхъ высотъ какого-нибудь оратора, залетѣвшаго туда изъ-за вопроса о томъ, что скажетъ Европа, если студенты поступятъ такъ, а не иначе. Репутація Драгомилова, который всегда, впрочемъ, пользовался между студентами значеніемъ и уваженіемъ, хотя и не рисовался этимъ, репутація его, говоримъ мы, особенно возросла послѣ полемики его съ Добролюбовымъ по поводу розогъ и послѣ рѣчи, сказанной на прощальномъ обѣдѣ Пирогову. Драгомилову въ первый разъ пришлось предсѣдательствовать въ собраніи, но онъ не выказывалъ ни малѣйшаго смущенія и прямо поставилъ вопросы, подлежащіе обсужденію: 1) должно ли рѣшеніе, которое будетъ принято, считаться обязательнымъ для всѣхъ присутствующихъ въ собраніи; 2) какую роль должны принять непольскіе студенты въ виду манифестаціи, произведенной поляками.

Обязательность рѣшенія для всѣхъ присутствующихъ вызвала многочисленныхъ оппонентовъ; въ особенности ополчились старогородцы, которые, предчувствуя исходъ собранія, хотѣли сохранить свободу дѣйствій и энергически настаивали на совѣщательномъ характерѣ собранія. Ихъ поддерживали и нѣкоторые изъ самыхъ умѣренныхъ, опасав-

шіеся, чтобы собраніе не рѣшило, рядомъ съ порицаніемъ польской манифестаціи, ходатайствовать объ отмѣнѣ правилъ. Въ результатѣ большинство постановило, что, каково бы ни было рѣшеніе собранія, меньшинству, не желающему примкнуть къ нему, предоставляется принять лишь пассивную, но не противодѣйствующую роль.

Когда начали толковать о томъ, что дѣлать въ виду произведенной манифестаціи, то послышались самыя разнородныя мнѣнія: одни требовали исключительно протеста противъ новыхъ правилъ, другіе предлагали протестовать одновременно и противъ манифестаціи, и противъ правилъ, третьи настаивали на томъ, чтобы подано было заявленіе съ рѣзкимъ порицаніемъ произведеннаго безпорядка, не касаясь вовсе новыхъ правилъ. Были и такіе, которые находили наиболѣе умѣстнымъ воздержаться отъ какого бы то ни было заявленія.

Драгомиловъ старался, по возможности, поддерживать порядокъ и послѣдовательность въ преніяхъ. Желавшіе говорить должны были записываться и ждать очереди, говорившихъ не въ очередь, или отступавшихъ отъ предмета онъ останавливалъ; кто-то упрекнулъ его въ генеральствѣ, многіе заговорили вдругъ, начался обычный шумъ и гамъ, но Драгомиловъ не потерялся, началъ звонить и звонилъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не замолкли. Порядокъ кое-какъ удерживался. Послѣ баллотировки разныхъ предложеній, рѣшено было подать попечителю заявленіе исключительно съ порицаніемъ произведенной манифестаціи. Прочтено было нѣсколько проектовъ заявленій; одни показались слишкомъ мягкими, другіе—слишкомъ рѣзкими, въ одномъ слышалось какъ бы почтительное одобреніе новоизданныхъ правилъ, что́ пахло лицемѣріемъ и подобострастіемъ и вызвало громкіе крики: «не надо! не надо!»

— Намъ нужно ясно выразить наше несочувствіе именно польскому характеру манифестаціи и заявить, что мы считаемъ здѣшній край русскимъ, а не польскимъ,—сказалъ кто-то.

— И не русскимъ,—послышался голосъ изъ верхнихъ рядовъ аудиторіи.

— Русскимъ, русскимъ!—закричало нѣсколько человѣкъ.

— Малорусскимъ, малорусскимъ,—горланили противники.

Драгомиловъ опять зазвонилъ.

— Господа,—сказалъ онъ, когда шумъ утихъ,—не въ этомъ дѣло. Весь вопросъ въ томъ, что часть студентовъ выразила свое неудовольствіе противъ новыхъ правилъ тѣмъ, что побила стекла и порвала распоряженія университетскаго начальства. Другая часть студентовъ находитъ подобныя манифестаціи неумѣстными. Это надо высказать, и только это.

— Нѣтъ, нѣтъ, не только это,—закричали со всѣхъ сторонъ.

— Здѣсь не въ правилахъ дѣло, здѣсь выражается претензія на преобладаніе; они кричали, что это ихъ университетъ! Мы должны высказаться противъ этихъ притязаній.

— Намъ нечего вдаваться въ національные вопросы,—возразилъ Драгомиловъ,—и нужно высказаться коротко и категорично.

— Совсѣмъ нѣтъ!—сказалъ одинъ изъ общественныхъ дѣятелей, самодовольно оглядываясь,—мы только и протестуемъ противъ манифестаціи, потому что она польская; если бы не это, то мы бы вмѣстѣ съ студентами прочихъ университетовъ протестовали противъ правилъ.

— Правда, правда,—заголосили изъ толпы.

Ободренный общественный дѣятель продолжалъ что-то доказывать своему сосѣду.

Къ каѳедрѣ подошелъ Строевъ и, попросивъ слова, сказалъ, что онъ составилъ проектъ заявленія.

— Читайте, читайте!—закричали съ разныхъ скамеекъ.

Строевъ сталъ читать.

«Волненія, производимыя въ Кіевѣ польскимъ населеніемъ, не остались безъ вліянія и на университетъ. Польскіе студенты Кіевскаго университета, идя за-одно съ польскимъ обществомъ, принимаютъ въ нихъ участіе. До тѣхъ поръ, пока съ этими волненіями не было связано имя университета, всякій зналъ, что въ нихъ принимаютъ участіе одни польскіе студенты. Но послѣ страннаго поступка большей части польскихъ студентовъ, уничтожившихъ...»

— Не только польскіе студенты, были и русскіе,—прервало нѣсколько голосовъ.

— Можно исправить,—сказалъ Строевъ и взялъ въ руки карандашъ.

«Но послѣ страннаго поступка большей части польскихъ студентовъ и весьма немногихъ русскихъ, не понимавшихъ дѣла...»

Аудиторія разразилась громкимъ хохотомъ.

— Господа! перестаньте!—сказалъ Драгомиловъ.

«... уничтожившихъ 9 октября всѣ объявленія въ сборной залѣ университета,—продолжалъ Строевъ,—и заявившихъ тѣмъ свое неудовольствіе противъ новыхъ правилъ самымъ неумѣстнымъ и необдуманнымъ образомъ, упрекъ можетъ пасть на всѣхъ студентовъ Кіевскаго университета.

«Послѣдній поступокъ, имѣя характеръ ребяческаго увлеченія, возбудилъ сильное негодованіе значительной части студентовъ, тѣмъ болѣе, что имъ заявлено было неуваженіе къ постановленіямъ университетскаго совѣта.

«Въ довершеніе всего, 10 октября, въ сборной залѣ университета, группа польскихъ студентовъ оскорбила въ лицѣ одного студента-еврея всѣхъ студентовъ Кіевскаго университета.

«Имѣя въ виду спокойствіе университета, какъ учрежденія, приносящаго великую пользу здѣшнему краю, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его обусловливаетъ существованіе безплатныхъ школъ для народнаго образованія, нижеподписавшіеся русскіе и малорусскіе студенты...»

— Малорусскіе и русскіе,—закричалъ кто-то, и многіе за нимъ стали кричать: «прежде малорусскіе, потомъ русскіе».

Опять пошли бы споры, если бы Строевъ, который имѣлъ свои виды и не хотѣлъ изъ-за пустяковъ ссориться съ малороссами, не сказалъ рѣшительнымъ голосомъ:

«Пусть и такъ! Малорусскіе и русскіе студенты здѣшняго университета,—продолжалъ онъ читать,—поручаютъ избраннымъ товарищамъ... такимъ-то,—кого выберете господа!..—довести до свѣдѣнія г. попечителя учебнаго округа, что они, не сочувствуя несвоемѣстнымъ вспышкамъ польскихъ студентовъ... пускай себѣ въ Польшѣ, что хотятъ дѣлаютъ, это не наше дѣло—пояснилъ онъ... противорѣчащимъ нуждамъ университета и здѣшняго... пожалуй можно сказать южно-русскаго края, не намѣрены принимать въ нихъ никакого участія именно потому, что во всѣхъ этихъ вспышкахъ, кромѣ ребяческаго характера, видны сильныя стремленія чуждой національности въ краѣ совершенно не польскомъ

«Полагая, что заявленіе несочувствія подобнымъ демонстраціямъ должно быть извѣстно здѣшнему обществу, смотрящему въ послѣднее время на университетъ, какъ на причину всѣхъ волненій въ городѣ, нижеподписавшіеся русскіе и малорусскіе... виноватъ, малорусскіе и русскіе студенты поручаютъ избраннымъ товарищамъ просить г. попечителя дозволить, чтобы заявленіе это было опубликовано въ мѣстной газетѣ».

Онъ кончилъ.

Редакція эта многимъ не понравилась, и нѣкоторые попытались возразить противъ тѣхъ выраженій, которыя носили въ себѣ слишкомъ сильный оттѣнокъ мѣстнаго патріотизма.

Драгомиловъ, видимо недовольный, забылъ про свою предсѣдательскую роль, сошелъ съ каѳедры и въ сторонѣ переговаривался съ нѣкоторыми изъ полтавцевъ. Онъ еще до собранія заявлялъ нѣкоторымъ о своемъ желаніи быть избраннымъ предсѣдателемъ именно съ тѣмъ, чтобы провести заявленіе, составленное имъ вмѣстѣ съ однимъ изъ вліятельныхъ профессоровъ, заявленіе, чуждое какихъ бы то ни было демонстративныхъ оттѣнковъ и заключавшее въ себѣ простое и сжатое порицаніе вчерашней манифестаціи. Онъ вполнѣ разсчитывалъ на успѣхъ и почти поручился передъ профессоромъ, что его редакція пройдетъ; зная, что безъ разсужденій и споровъ не обойдется, онъ приберегъ свой проектъ для конца, когда, думалъ онъ, вдоволь наспорятся и накричатся; онъ надѣялся на свой авторитетъ и на поддержку своего довольно многочисленнаго и объединеннаго кружка. Теперь онъ ясно видѣлъ настроеніе большинства и зналъ почти навѣрное, что редакція Строева будетъ принята. Пріятели совѣтовали ему все-таки попытаться.

— На голоса, на голоса!—кричали сверху.

— Позвольте, господа, прочесть еще одинъ проектъ,—сказалъ Драгомиловъ.—Многіе желали бы избѣжать въ заявленіи того слишкомъ опредѣленнаго оттѣнка, который выражается въ проектѣ Строева. Не надо забывать, что мы—студенты и что тутъ дѣло идетъ только о безпорядкѣ, произведенномъ въ стѣнахъ университета. Едва-ли умѣстно

впутывать сюда городскія манифестаціи и притязанія поляковъ на здѣшній край.

Драгомиловъ прочелъ свой проектъ, который встрѣченъ былъ одобреніемъ однихъ и порицаніемъ другихъ.

Пришлось пустить оба проекта на голоса.

— Господа, кто за проектъ Строева, не угодно ли встать!

Очень многіе встали, но очень многіе и сидѣли. Трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ большинство.

Два раза принимались считать стоявшихъ и сидѣвшихъ. Тѣ и другіе спорили, что не такъ считаютъ. Дѣйствительно трудно было не сбиться въ особенности въ верхнихъ рядахъ и въ столпившейся около каѳедры кучѣ. Сидѣвшихъ же, изъ которыхъ нѣкоторые прижались на подножки каѳедры, а другіе усѣлись просто на полу, не было возможности счесть.

— Надо считать однихъ стоящихъ,—сказалъ Драгомиловъ.—Сосчитали наконецъ стоящихъ.

— Теперь прошу сѣсть тѣхъ, которые за проектъ Строева и встать тѣхъ, которые за мой проектъ.

Встало и теперь немало, и на глазъ рѣшительно невозможно было опредѣлить, чья взяла. Долго считали и спорили, то пропускали когонибудь, то лишняго сосчитывали. Въ результатѣ, на сторонѣ Строева оказалось большинство 16 голосовъ.

Довольный и видимо польщенный своимъ успѣхомъ, Строевъ обратился къ предсѣдателю съ просьбою сейчасъ же баллотировать депутатовъ.

Многіе изъ оставшихся въ меньшинствѣ выходили.

Драгомиловъ, скрывая свою досаду и желая выказать полное безпристрастіе, удерживалъ выходящихъ; нѣкоторые послушались, другіе все-таки вышли.

Выбрали пять депутатовъ, въ томъ числѣ и Строева. Драгомиловъ отъ выбора отказался, но Строевъ, желая привлечь хотя часть меньшинства, настоялъ на избраніи двухъ изъ кружка полтавцевъ. Изъ малороссійской партіи попалъ въ депутаты только одинъ.

— Надо скорѣе подписывать, чтобы завтра же подать попечителю,— говорилъ Строевъ, раздавая подписные листы.

Толпа съ шумомъ тѣснилась въ коридорѣ и у дверей. Аудиторія скоро опустѣла.

Одинъ сторожъ тушилъ лампу, другой вносилъ кадушку съ водою.

— Эка нагадили,—пробормоталъ онъ,—завтра цѣлый день чистить придется.

VI.

Заявленіе быстро покрывалось подписями даже и тѣхъ, которымъ сильно не нравилась его редакція. Они уступали сознаваемой всѣми необходимости покончить разъ на всегда съ польскими манифестаціями и прекратить городскія сплетни, распространяемыя на счетъ вновь будто-бы затѣваемыхъ университетскихъ безпорядковъ.

Попечитель принялъ поданное ему заявленіе благосклонно, но сказалъ, что не можетъ разрѣшить его напечатанія, не испросивъ предварительно согласія министра народнаго просвѣщенія. Согласія этого, вѣроятно, не послѣдовало, такъ какъ заявленіе не было допущено къ напечатанію.

Черезъ нѣсколько дней, въ сборной залѣ, гдѣ слѣды опустошенія были уже изглажены, появилось въ рамахъ за вновь вставленными стеклами нѣсколько печатныхъ экземпляровъ постановленія совѣта по поводу студенческихъ безпорядковъ.

Постановленіе это было слѣдующаго содержанія:

«Въ засѣданіи совѣта университета 13 октября постановлено нижеслѣдующее:

«Нарушеніе спокойствія и порядка въ университетѣ срываніемъ объявленій, содержавшихъ въ себѣ опредѣленія совѣта, крикъ и шумъ въ коридорахъ и въ сборной залѣ во время лекцій, сцены насилія и высказанныя при этомъ притязанія возбудили глубокое негодованіе совѣта, обязаннаго охранять высшіе научные интересы въ краѣ и доставлять молодымъ людямъ, приготовляющимъ себя къ серьезной общественной дѣятельности, всѣ средства для ученыхъ занятій. Совѣтъ, признавая, что университетъ только тогда отвѣчаетъ своему призванію, когда онъ ставитъ выше всѣхъ интересовъ науку и просвѣщеніе, считаетъ не только своимъ долгомъ заявить гласно свое негодованіе, по поводу происходившихъ въ университетѣ безпорядковъ, но признаетъ необходимымъ, для предупрежденія ихъ въ будущемъ, просить о скорѣйшемъ осуществленіи предположеній совѣта относительно преобразованія учебной и административной части, и сдѣлать то, что отъ него зависитъ, для охраненія ввѣренныхъ ему интересовъ науки.

«Согласно съ этимъ совѣтъ опредѣлилъ:

«1) Возобновить представленія, сдѣланныя совѣтомъ, относительно устройства учебной и административной части университета, въ интересахъ распространенія высшаго образованія.

«2) Объявить гг. студентамъ и вольнослушателямъ, что въ случаѣ повторенія бывшихъ безпорядковъ и невозможности остановить ихъ силою нравственнаго уваженія къ наукѣ, совѣтъ предвидитъ, что охраненіе тишины и спокойствія въ университетѣ можетъ подпасть постороннему вѣдомству.

«3) Въ видахъ огражденія достоинства университета, предложить гг. студентамъ и вольнослушателямъ, раздѣляющимъ взглядъ совѣта, какъ на цѣль университета, такъ и на происходившіе безпорядки, подписать слѣдующее:

«Мы нижеподписавшіеся признаемъ срываніе постановленій совѣта, ка-

савшихся научныхъ нашихъ интересовъ, нарушеніе правильнаго хода занятій и проявленіе кулачнаго права—поступками несовмѣстными съ достоинствомъ ученаго сословія и препятствующими совѣту университета употреблять свое нравственное вліяніе для облегченія условій къ пріобрѣтенію нами высшаго образованія, а потому будемъ употреблять съ своей стороны всѣ старанія для поддержанія чести и достоинства университета».

Профессора, для скорѣйшаго исполненія вышеизложеннаго опредѣленія, приняли на себя обязанность объявить гг. студентамъ исключительно въ понедѣльникъ, 16 октября, на своихъ лекціяхъ, и подписанные листы передать ректору, для представленія въ совѣтъ—въ экстраординарное засѣданіе, во вторникъ, 17 октября.

Передъ рамами толпились группы студентовъ. Нѣсколько возгласовъ и ироническихъ замѣчаній на польскомъ языкѣ вырывалось оттуда.

— Это ни на что похоже! да это маккіавелевская штука! никто этого не подпишетъ!

— Что это такое?—спрашивали болѣе отдаленные.

— Да вотъ совѣтъ вздумалъ требовать отъ насъ подписи въ благонадежности.

— «Охраненіе порядка въ университетѣ можетъ подпасть постороннему вѣдомству», вотъ вздумали чѣмъ стращать! какъ будто и теперь не то же самое.

Русскихъ въ сборной залѣ почти не было. Послѣднее шумное столкновеніе заставило ихъ избѣгать встрѣчи съ поляками, и они, большею частью, шли прямо въ лекторію, или на лекціи, не заходя въ залу.

Въ этотъ день всѣ профессора уже читали лекціи, на которыхъ присутствовало довольно много студентовъ, даже такихъ, которые въ обыкновенное время рѣдко показывались въ аудиторіяхъ.

Ректоръ университета читалъ въ 7-й аудиторіи лекцію политической экономіи. Стоя на каѳедрѣ и опираясь на нее лѣвою рукою, онъ съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкою, слегка картавя, говорилъ объ организаціи различныхъ банковъ.

На передней скамейкѣ, въ числѣ слушателей, сидѣлъ Строевъ и, рядомъ съ нимъ, очень молодой студентъ, съ едва пробивающимся на верхней губѣ пушкомъ, съ выпуклыми, карими, какъ будто удивленными глазами, съ тонкою и длинною шеею, окаймленною большими отложными воротничками. На синемъ, съ черными крапинками, галстукѣ, закрывавшемъ манишку, отдѣлялась небольшая жемчужная булавка. Синее, совершенно новое платье немного мѣшковато сидѣло на его худощавомъ и угловатомъ тѣлѣ. Онъ внимательно слушалъ лекцію и изрѣдка дѣлалъ карандашемъ замѣтки въ лежавшей передъ нимъ въ коричневомъ, сафьянномъ переплетѣ, тетради.

Звонокъ уже прозвонилъ, и ректоръ, безпрестанно вынимая часы

изъ жилетнаго кармана, торопливо доканчивалъ объясненіе, которое невозможно было прервать на половинѣ.

— На слѣдующій разъ мы перейдемъ къ организаціи англійскихъ банковъ,— сказалъ онъ въ заключеніе и, сдѣлавъ общій поклонъ, быстрыми мелкими шагами вышелъ изъ аудиторіи.

Вслѣдъ за нимъ вышли Строевъ и сидѣвшій подлѣ него молоденькій студентъ.

Ректоръ, увидя ихъ, остановился и подалъ каждому изъ нихъ руку.

— Я надѣюсь, что съ слѣдующаго вторника можно будетъ возобновить наши практическія упражненія,— сказалъ онъ;—если вы зайдете ко мнѣ въ понедѣльникъ, часовъ въ 10 утра, то мы вмѣстѣ можемъ назначить время... Ахъ нѣтъ! я и забылъ, что во вторникъ назначено засѣданіе совѣта; лучше зайдите ко мнѣ въ среду утромъ, и тогда мы рѣшимъ, собраться ли намъ въ четвергъ или пятницу.

Приподнявъ шляпу надъ головою, онъ пошелъ дальше тѣми же быстрыми и мелкими шагами.

— Что жъ, вы домой?—спросилъ Строевъ у молоденькаго студента.

— А вы куда?—переспросилъ тотъ.

— Я пойду обѣдать... Намъ по дорогѣ, пойдемъ вмѣстѣ... только постойте, надо шинель взять.

— Да кстати и я пойду на верхъ, я еще сегодня газетъ не читалъ.

Строевъ незадолго передъ тѣмъ избранъ былъ библіотекаремъ студенческой библіотеки и помѣщался въ библіотекарской квартирѣ. Въ ней, по-прежнему, въ трехъ отдѣльныхъ углахъ, размѣщались библіотекарь, завѣдующій лекторіей и секретарь.

Когда Строевъ вошелъ въ комнату, онъ засталъ Иванина сидящимъ вмѣстѣ съ секретаремъ за огромною штрафною книгою.

— Что вы здѣсь вѣчно роетесь,—съ полуусмѣшкою обратился онъ къ Иванину.

— Надо штрафы взыскивать... это ни на что не похоже! вотъ на Петренкѣ 89 р. 25 к. штрафа еще съ прошлаго года, а его лѣтомъ выпустили на вакаціи. Эдакъ никогда ничего не взыщешь.

— А вы думаете, что если бы его не выпустили, то онъ заплатилъ бы?

— Долженъ былъ бы заплатить, а не заплатилъ, такъ сиди въ городѣ.

— Что пустяки молоть, и безъ насъ ему выдали бы билетъ. Развѣ мы имѣемъ право такіе штрафы налагать?

— Да... если и библіотекарь такъ апатично будетъ относиться къ дѣлу, то, разумѣется, ни одно наше постановленіе въ грошъ не будутъ ставить.

— Вольно было дурацкія постановленія дѣлать!

— Дурацкія, дурацкія!—почти закричалъ Иванинъ, весь красный, вставая съ мѣста и поправляя очки,—все сдѣлается дурацкимъ въ ду-

рацкихъ рукахъ... Всѣхъ штрафовъ вѣдь 1.344 рубля... Сколько книгъ на эти деньги купить можно было бы! Дурацкія!.. такъ по-вашему подарить бы эти штрафы!

— Разумѣется, подарить. Вотъ я въ первое же общее собраніе внесу предложеніе о сложеніи всѣхъ штрафовъ и объ установленіи новыхъ правилъ,—говорилъ Строевъ, дразня Иванина, который все больше и больше выходилъ изъ себя.

— Стыдно, стыдно такъ поступать,—почти задыхаясь и тряся кулаками, отвѣчалъ Иванинъ.

— Что вы здѣсь раскричались,—хладнокровно продолжалъ Строевъ, стараясь придать лицу своему серьезное выраженіе,—я вотъ перестану васъ пускать сюда. Вы только другимъ мѣшаете.

— Я мѣшаю, я мѣшаю?—еще громче заголосилъ Иванинъ,—а что бы здѣсь было, если бы не я? Славные у васъ порядки пошли бы; всѣ книги растаскали бы, держали бы по году безъ всякой отвѣтственности; а когда книга другому понадобилась бы, такъ кланялись бы, да просили: сдѣлайте милость, коли прочитали, отдайте. Я мѣшаю! да если здѣсь есть какой-нибудь порядокъ, то кому этимъ обязаны? развѣ не одному мнѣ? я и теперь за всѣхъ работаю, я и счеты свожу, и дежурныя тетради повѣряю, и списки розданныхъ книгъ веду.

— И безъ васъ все это сдѣлали бы, да еще было бы поменьше путаницы.

— А... здравствуйте, panie Iwanowsky,—сказалъ только-что вошедшій молоденькій студентъ, съ комически-почтительнымъ поклономъ протягивая Иванину руку.

— Подите вы съ вашимъ паномъ Ивановскимъ,—полу-злобно, полуулыбаясь проговорилъ Иванинъ.

Его дразнили Ивановскимъ, вслѣдствіе ненависти, съ которою онъ относился ко всему польскому.

— Ну что, Вуичъ, идемъ,—сказалъ Строевъ, обращаясь къ молоденькому студенту.

— Идемъ.

Они вмѣстѣ вышли и пошли прямо по Университетской площади къ Бульварной улицѣ.

— Знаете ли вы, что Боричевскій и Мальченко уже поступили въ громаду,—сказалъ Вуичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, кто вамъ сказалъ?

— Самъ Боричевскій, онъ предлагалъ мнѣ, не хочу ли я.

— Что жъ вы?

— Да я ничего не отвѣтилъ. Пожалуй, подумали бы, что я поступилъ затѣмъ, чтобы вамъ пересказывать... Отчего они вамъ не предложатъ?

— Да я и самъ не хочу... рано... когда-нибудь послѣ, когда ближе сойдемся... торопиться нечего, а я знаю, что теперь Антиповичъ былъ бы противъ меня. Вообразите, что надняхъ я говорю ему, что затѣвается рукописный журналъ, подъ заглавіемъ: «Не вѣримъ!» Что же бы вы думали: онъ мнѣ на это отвѣтилъ? Говоритъ: «а я слышалъ, что будетъ издаваться другой журналъ, подъ заглавіемъ: «Какъ себѣ хотите!»

— Зачѣмъ вы такъ прямо высказываете ему недовѣріе?

— Да я и скрывать не хочу! я хочу, чтобы знали и понимали, что я за нихъ, если въ нихъ польскаго духа не будетъ, и противъ нихъ, если они польскаго духа не выкурятъ. Я малороссъ и, можетъ быть, почище ихъ малороссъ, даромъ, что фамилія моя на «въ». Но именно потому я съ поляками брататься не намѣренъ... Они думаютъ, что я хитрю и что въ душѣ не сочувствую украинофильству; пока они не убѣдятся въ моей искренности, я и напрашиваться къ нимъ въ громаду не хочу.

— На школу ихъ интересно бы посмотрѣть.

— Что школа! будто я и такъ не знаю, что-за духъ вѣетъ въ школѣ, гдѣ преподаютъ разные Пашковскіе, Швитковскіе и подобные имъ... Увѣряютъ, что тамъ польскаго языка и въ поминѣ нѣтъ... да развѣ въ одномъ языкѣ дѣло? развѣ и на малорусскомъ языкѣ нельзя проводить польскихъ идей? Пока въ школѣ будетъ хоть одинъ полякъ, меня тамъ не будетъ. Это они знаютъ и, затѣмъ, пусть дѣлаютъ, какъ знаютъ...

Они остановились у калитки невысокаго дома, въ подвальномъ этажѣ котораго помѣщалась кухмистерская.

— Ну прощайте,—сказалъ Строевъ,—когда съ вами увидимся?

— Да я, можетъ быть, сегодня вечеромъ къ Чоповскому зайду. Прощайте.

Вуичъ, спустившись на Крещатикъ, взялъ извощика и поѣхалъ дальше.

Вуичъ былъ сынъ одного изъ значительныхъ лицъ города. Онъ воспитывался дома и, поступивъ въ университетъ 16 лѣтъ, встрѣтился съ новою и совершенно неизвѣстною ему жизнью. Еще тогда, когда, отправляясь на вступительные экзамены, онъ подъѣзжалъ въ коляскѣ къ университету и выбѣгалъ на крыльцо, ни на кого не глядя, но чувствуя на себѣ любопытные взгляды сидѣвшихъ на ступеняхъ и курившихъ студентовъ, когда онъ шелъ по коридору въ толпѣ незнакомыхъ ему людей, озиравшихся на его почти дѣтскую наружность и чистенькое, новенькое платье, онъ чувствовалъ какую-то странную смѣсь самыхъ различныхъ ощущеній: счастья, робости, симпатіи и антипатіи къ этимъ незнакомымъ лицамъ.

Онъ одинъ казался чужимъ среди этой молодежи, которая и въ коридорахъ, и въ сборной залѣ, и въ аудиторіяхъ держала себя, какъ дома.

На экзаменахъ онъ держалъ себя въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не заговаривая и не вмѣшиваясь въ общіе разговоры, хотя ему подчасъ и сильно хотѣлось сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ этими незнакомыми ему типами и людьми.

Тѣ, въ свою очередь, обращали на него мало вниманія, очень безцеремонно просили его подвинуться, садясь съ нимъ рядомъ, или передать книгу или карандашъ, но даже послѣ случайно обмѣненныхъ нѣсколькихъ словъ, ни на другой, ни на третій день не обращались къ нему съ отдѣльнымъ поклономъ.

Когда его вызывали къ отвѣту, онъ невольно краснѣлъ, стыдясь своего смущенія и своей красноты. Богъ знаетъ, что бы онъ въ то время далъ, лишь бы не выказать этого смущенія и такъ же смѣло, какъ другіе, подойти къ профессорскому столу, такъ же небрежно вынуть билетъ, такъ же развязно откашляться и отвѣчать на вопросъ.

Когда, кончивъ экзаменъ французскаго языка, онъ разговорился по-французски съ лекторомъ, то внутренно радовался, что можетъ чѣмъ-нибудь пощеголять передъ товарищами; но когда, возвращаясь къ скамейкѣ, ему показалось что-то насмѣшливое въ выраженіи, съ которымъ посмотрѣлъ на него сосѣдъ и слышавшемся сзади него шушуканьи, онъ опять покраснѣлъ, и ему вдругъ стало совѣстно за себя и за то, что онъ могъ разсчитывать на эффектъ своего французскаго разговора.

По окончаніи экзаменовъ, ректоръ писалъ къ его отцу:

«Спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что вашъ сынъ на вступительномъ испытаніи весьма отличился», и затѣмъ слѣдовало исчисленіе балловъ, полученныхъ имъ изъ различныхъ предметовъ, и поздравленіе съ поступленіемъ въ университетъ.

Вдвойнѣ счастливый и довольный и окончанію тяжелыхъ приготовительныхъ къ экзаменамъ занятій, и перспективѣ свободы, и новой привлекательно-неизвѣстной жизни, Вуичъ находился нѣсколько дней въ восторженно-возбужденномъ состояніи. Съ какими радостными мечтами онъ всякій день и вставалъ, и ложился, какое множество различныхъ мыслей нахлынуло и не могло умѣститься въ его еще слишкомъ ребяческой головѣ. Учился онъ дома хорошо и вообще считался прилежнымъ мальчикомъ; но въ небольшомъ запасѣ пріобрѣтенныхъ имъ знаній память играла бо́льшую роль, чѣмъ отчетливое сознаніе; въ немъ мало выработалась способность относиться критически къ какому-нибудь вопросу, и онъ принималъ на вѣру то, чему его учили. Вслѣдствіе этого, въ первое время на него скорѣе повліяла внѣшняя, чѣмъ внутренняя обстановка новой студенческой жизни. Его больше тѣшила мысль, что съ нимъ будутъ обращаться, какъ съ взрослымъ, что ему не нужно будетъ готовить уроковъ, что его будутъ приглашать на балы; развѣ кое-когда смутно прорывалась мысль, что и въ новомъ ученіи онъ най-

детъ что-то такое, чему прежде его не учили, и въ товарищахъ онъ найдетъ новыхъ людей, съ которыми прежде не приходилось ему сталкиваться.

Онъ былъ религіозенъ, и сомнѣнія не закрадывались еще въ его душу, но и въ религіозности его было что-то ребяческое, незрѣлое, такъ точно, какъ и въ восторженно-патріотическихъ чувствахъ, которыми онъ былъ проникнутъ. Онъ смѣло, безотчетно и суевѣрно вѣрилъ въ Бога, и въ святыхъ, и въ чудотворныя иконы, и въ святость духовнаго сана, и въ предохранительную силу страстной свѣчи во время грозы; онъ такъ же точно, почти безсознательно, боготворилъ власть и отечество; ему казалось, что иначе и быть не можетъ, и не вѣрилось, чтобы даже существовали люди, отрицающіе Бога или не чтущіе власть.

Первыя лекціи, которыя пришлось ему слушать, не удовлетворили его: онъ ждалъ чего-то особеннаго, чего? онъ и самъ объяснить бы не могъ, но то, что онъ слышалъ, было не то, совсѣмъ не то. Пробовалъ-было читать, но серьезное чтеніе съ трудомъ ему давалось; онъ иногда разсѣянно пробѣгалъ глазами цѣлый рядъ страницъ, думая совсѣмъ о другомъ.

Знакомился онъ и съ товарищами, которые со дня поступленія его въ университетъ причислили его къ разряду студентовъ, называемыхъ аристократами. Онъ этимъ гордился и считалъ себя выше прочихъ студентовъ; онъ чванился и коляской, въ которой подъѣзжалъ, и тѣмъ, что губернаторъ и попечитель оставляютъ ему визитныя карточки, и тѣмъ, что бываетъ на балахъ и хорошо знакомъ со всею городскою знатью. «Вотъ я каковъ!»—думалъ онъ иногда, приравнивая свое положеніе къ положенію прочихъ студентовъ.

Но онъ скоро убѣдился, что все то, чѣмъ онъ чванится, очень мало значитъ въ ихъ глазахъ; что они чванятся между собою и передъ нимъ совсѣмъ другимъ, что они ставятъ себѣ въ заслугу пренебреженіе земными благами и сильными міра сего. Ему скоро пришлось замѣтить, что поглощавшіе его интересы совершенно чужды прочимъ студентамъ и что у нихъ свои совсѣмъ отдѣльные интересы, что имъ не тепло, ни холодно отъ того, что происходило на послѣднемъ балѣ у генералъ-губернатора, и что какая-нибудь журнальная статья или книжка съ тенденціозною статьею, въ которой или умѣли читать между строками, или какая-нибудь запрещенная брошюра интересуетъ ихъ гораздо больше.

Его, разъ, сильно покоробила насмѣшка одного изъ студентовъ надъ только-что окончившеюся лекціею богословія; онъ началъ было довольно рѣзко высказываться на этотъ счетъ, но удивленные взгляды и сдержанный смѣхъ вдругъ остановили его; онъ покраснѣлъ, смѣшался, и аргументы, казавшіеся ему неопровержимыми, не только перестали ему

казаться неопровержимыми, но и явилось въ немъ сомнѣніе въ своихъ умственныхъ способностяхъ. До тѣхъ поръ онъ считалъ себя очень умнымъ; въ этомъ убѣждали его и одобрительные отзывы учителей, и отлично выдержанный вступительный экзаменъ.

«Неужели я глупъ?»—думалъ онъ,—«да, да, я долженъ быть глупъ!.. съ чего я взялъ, что я уменъ? въ чемъ выражается мой умъ? вотъ и здѣсь они смѣются надо мною... а когда я танцую съ дамою, какъ трудно мнѣ придумать предметъ для разговора и какъ неловко иногда выходитъ то, что я говорю. Да, должно быть, я глупъ... По крайней мѣрѣ и то хорошо, что я это сознаю, значитъ, все же я умнѣе тѣхъ глупцовъ, которые считаютъ себя умными».

Съ товарищами онъ видѣлся въ университетѣ, но ни у кого изъ нихъ не бывалъ. Онъ и желалъ и боялся сближенія; желалъ потому, что его влекло къ этому обществу, молодому, веселому, свободному; боялся потому, что непріятная, отчасти циническая обстановка, которая казалась ему неизбѣжною съ бурлацкою студенческою жизнью, вселяла въ немъ невинное отвращеніе.

Какъ-то разъ, вечеромъ, онъ встрѣтился съ однимъ студентомъ, который зазвалъ его къ себѣ. Это было зимою, и при входѣ прямо со свѣжаго воздуха въ тѣсную, жилую студенческую конуру, спертый, тяжелый воздухъ сразу ударилъ ему въ носъ и долго потомъ его преслѣдовалъ; не могъ онъ безъ отталкивающаго, брезгливаго чувства, вспоминать и неубранную кровать, на которую ему пришлось сѣсть, и чай, которымъ угостилъ его этотъ студентъ и который, за неимѣніемъ ложечки, пришлось ему размѣшивать карандашомъ.

На второмъ семестрѣ онъ сдѣлался подписчикомъ студенческой лекторіи и однимъ изъ усердныхъ ея посѣтителей.

Тамъ онъ ежедневно зачитывался разными журнальными статьями. Тамъ же почти ежедневно собирались одни и тѣ же лица, разговоры съ которыми начинали оказывать на него все большее и большее вліяніе. Новые взгляды, новыя понятія, новые идеалы воспринимались имъ почти безъ борьбы.

Иной разъ онъ бывалъ пораженъ, замѣчая, что то, о чемъ онъ только начиналъ догадываться, являлось уже во мнѣніи другихъ непреложною истиною. Переходъ отъ суевѣрной религіозности къ безвѣрію начался въ тотъ моментъ, когда инстинктивныхъ, безсознательныхъ вѣрованій коснулся анализъ и когда мало по малу начали расшатываться всѣ основы, на которыхъ построено было его религіозное воспитаніе.

Онъ сталъ искать объясненія и оправданія тому, чему прежде слѣпо вѣрилъ, и все то, что не находило нагляднаго объясненія, вызывало сперва сомнѣніе, потомъ отрицаніе. Ему не жаль было своихъ вѣрова-

ній, потому что, какъ прежде казалось ему невозможнымъ не вѣрить, такъ точно теперь ему казалось невозможнымъ вѣрить.

Въ сферѣ различныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ онъ также встрѣтился съ новыми взглядами и понятіями и съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ все то, что онъ любилъ и уважалъ, встрѣчало совершенно противоположныя чувства въ людяхъ, которые казались ему олицетвореніемъ ума и развитія. Ему казалось, что и онъ начинаетъ прозрѣвать и развиваться; пріятное ощущеніе, доставляемое ему этою мыслью, изглаживало то грустное впечатлѣніе, которое всегда производитъ разочарованіе въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ.

Вообще, въ это время, всѣ умственныя способности его были исключительно направлены къ отрицанію. Занимался онъ мало, чтеніе его ограничивалось журналами, вліяніе которыхъ дѣлалось все ощутительнѣе; остальное время проводилъ онъ въ семейномъ кругу, или въ обществѣ, гдѣ въ то время много толковали о предстоящей крестьянской реформѣ и высказывали иногда сужденія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя онъ слышалъ въ студенческомъ кругу и читалъ въ журналахъ.

Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ вопросахъ, его часто поражала отсталость людей, къ мнѣніямъ которыхъ онъ прежде относился съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Отецъ его былъ человѣкъ въ высшей степени религіозный и врагъ космополитизма; онъ вѣрилъ въ высокое призваніе Россіи, основанное на самобытной русской цивилизаціи и на православіи.

Вуичъ не могъ перестать уважать своего отца, но стыдился нѣкоторыхъ мнѣній, имъ высказываемыхъ.

Чувство народности и въ особенности православіе казались ему олицетвореніемъ обскурантизма; еще кое-какъ допускалъ онъ слѣпую вѣру и упорный квасной патріотизмъ, вытекающій изъ сердца, скорѣе чѣмъ изъ разсудка; но онъ рѣшительно не понималъ возможности защищать эти взгляды разумными доводами, искать логическихъ объясненій и оправданій тому, что́ въ основаніи своемъ представлялось ему неразумнымъ и нелогичнымъ.

Вся эта перемѣна произошла въ немъ въ относительно короткій промежутокъ времени. Переходъ отъ дѣтства къ возмужалости сопровождался для него слишкомъ рѣзкимъ измѣненіемъ въ образѣ жизни и въ обстановкѣ, чтобы не оказать немедленнаго вліянія на весь его умственный и нравственный строй. Ему казалось, что онъ въ первый разъ проникся серьезными и прочными убѣжденіями, что связь между прежними дѣтскими вѣрованіями и понятіями и теперешнимъ зрѣлымъ и чуждымъ увлеченій взглядомъ на вещи окончательно порвана, и самъ при этомъ не замѣчалъ бездны противорѣчій, въ немъ встрѣчавшихся.

Считая себя атеистомъ, онъ чувствовалъ какой-то непонятный и безотчетный восторгъ при чтеніи отзыва одного высоко-авторитетнаго ученаго о цивилизующемъ вліяніи христіанства. Презирая церковные обряды, какъ недостойную комедію, онъ въ то же время глубоко возмущался кощунствомъ, почему? онъ самъ бы не могъ этого объяснить. Смотря на власть какъ на отжившее учрежденіе, какъ на злоупотребленіе силою и на верховное безправіе, онъ, однажды, стоя въ толпѣ во время проѣзда государя, почувствовалъ, при появленіи его, такой наплывъ любви и преданности къ нему, разразился такимъ громогласнымъ «ура!» и такъ восторженно замахалъ шапкою, что заставилъ всѣхъ стоявшихъ подлѣ него оглянуться.

Людей онъ совершенно не зналъ и безпрестанно мѣнялъ взгляды на нихъ. Сегодня такой-то казался ему олицетвореніемъ всего, что есть лучшаго въ человѣкѣ, черезъ мѣсяцъ онъ уже искалъ тѣхъ же качествъ въ другомъ, а въ прежнемъ идеалѣ тѣ недостатки,—которыхъ онъ до того вовсе не замѣчалъ,—представлялись ему въ такомъ преувеличенномъ видѣ, что ему дѣлалось совѣстно за себя и за свои увлеченія. Въ первые полтора года онъ ни съ кѣмъ не сблизился; не было у него съ другими никакихъ общихъ, связующихъ интересовъ. Знакомство не шло дальше университета и лекторіи, разговоръ—дальше теоретическихъ сужденій о разныхъ возникавшихъ тогда вопросахъ, или же толковъ о профессорахъ, о новомъ романѣ Тургенева, о новой статьѣ Чернышевскаго или Добролюбова, о новомъ номерѣ «Колокола».

Однажды, войдя въ лекторію, Вуичъ машинально сталъ перечитывать жалобную книгу, гдѣ уже начали въ то время появляться длинныя разсужденія Иванина о лекторіальныхъ дѣлахъ. Вдругъ онъ покраснѣлъ; на послѣдней страницѣ онъ прочелъ замѣтку слѣдующаго содержанія: «всѣ подписчики лекторіи обязаны дежурить; господинъ Вуичъ подписчикъ, слѣдовательно, и они должны бы дежурить».

— А, такъ вотъ оно что! они все еще считаютъ меня аристократомъ! теперь всѣ прочтутъ эту замѣтку и это насмѣшливое *они*, и я сдѣлаюсь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ... ну, да я никому не позволю надъ собою смѣяться... Да развѣ я одинъ не дежурилъ? почему же непремѣнно задѣвать меня одного, а не другихъ.

Онъ уже обдумывалъ отвѣтъ, сдержанный, но исполненный твердости и достоинства. Въ головѣ у него уже начали складываться высокопарныя фразы, но почему-то, вдругъ, ему представилось, что все это будетъ очень глупо, что, въ сущности, онъ обязанъ дежурить и не правъ, не исполняя этой обязанности, что лучшимъ отвѣтомъ будетъ, если онъ сейчасъ же, въ виду всѣхъ запишется на дежурномъ листѣ и, съ походкою, исполненною, сознанія собственнаго достоинства, онъ подошелъ къ двери, на которой висѣлъ этотъ листъ, и внесъ свою фамилію

въ графу одного изъ ближайшихъ дежурныхъ дней. «И ни слова отвѣчать не буду! пусть знаютъ, что если я бываю неправъ, то умѣю сознаваться въ своихъ ошибкахъ!»

Съ этой минуты, имъ все болѣе и болѣе овладѣвало желаніе сблизиться съ студенческимъ обществомъ, убѣдить другихъ въ томъ, что онъ точно такъ же, какъ и они, отрѣшенъ отъ предразсудковъ, что онъ радъ и счастливъ былъ бы сравниться съ ними во всемъ и отбросить все, что въ положеніи его есть привилегированнаго, съ тѣмъ, чтобы жить съ ними общею жизнью.

Семейный кругъ и общество перестали его привлекать. Въ обществѣ онъ ощупалъ какую-то особенную робость, которая заставляла его всегда держаться на второмъ планѣ. Въ семейномъ кругу онъ встрѣчалъ слишкомъ много противорѣчій съ тѣми взглядами и симпатіями, которые имъ теперь овладѣли; въ споръ вступать ему не хотѣлось, да къ тому же онъ чувствовалъ безполезность споровъ, которые, не измѣняя ни чьихъ убѣжденій, могли только повести ко взаимному раздраженію и къ нарушенію обычнаго склада его жизни, вызывая его на открытую борьбу, или на пассивное подчиненіе.

Поступилъ онъ преподавателемъ въ подольскую воскресную школу, и это новое дѣло очень заинтересовало его. Ученики попались ему безграмотные; онъ сперва не зналъ, какъ приняться за нихъ, пробовалъ на различные лады, но, не будучи знакомъ съ основными пріемами, ясно видѣлъ, что изъ его ученія мало толку выходитъ. Это заставило его присматриваться къ тому, какъ преподаютъ другіе, и вдумываться въ способы болѣе легкаго и доступнаго ознакомленія учениковъ съ звуками и складами. Несмотря на желаніе и усилія, преподаваніе все-таки плохо давалось ему, что его немало смущало и заставляло не разъ призадуматься на счетъ своихъ умственныхъ способностей. Недовѣріе къ себѣ дѣлалось все сильнѣе, и, вслѣдствіе этого недовѣрія, онъ все замѣтнѣе ощущалъ въ себѣ робость; даже тогда, когда онъ рѣшался высказать какое-нибудь мнѣніе, онъ это дѣлалъ какъ-то несмѣло и ободрялся только въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь его поддерживалъ. Иногда, въ разговорѣ, приходила ему какая-нибудь мысль, которую онъ не высказывалъ, боясь сказать глупость; когда же случалось, что другой высказывалъ ту же мысль и находилъ сочувствіе и одобреніе, ему становилось на себя досадно, и онъ проклиналъ свою робость и нерѣшительность. Надъ нимъ иногда подтрунивали, что его подъ часъ сильно коробило; онъ краснѣлъ, иной разъ отмалчивался, иной разъ, хотя и отвѣчалъ, но крайне ненаходчиво. Потомъ уже, ему необыкновенно ясно представлялось то, что ему слѣдовало отвѣчать, и онъ не могъ понять, почему тогда же это не пришло ему въ голову.

Между тѣмъ настроеніе университетской молодежи начинало мало-

по-малу измѣняться. Вышелъ изъ университета одинъ изъ профессоровъ, имѣвшій на студентовъ огромное вліяніе; этотъ профессоръ, болѣе другихъ сближавшійся съ студентами, собиравшій ихъ у себя, устраивавшій теоретическія бесѣды и чтенія, между прочимъ, и запрещенныхъ лондонскихъ изданій, былъ одною изъ главныхъ причинъ преобладавшаго тогда космополитически - либеральнаго направленія. Стали выходить, по окончаніи университетскаго курса, поколѣнія студентовъ, воспитанныя въ этомъ направленіи, и вступать новые элементы, мягкіе, какъ воскъ, и которымъ можно было дать какую угодно форму. Космополитизмъ сталъ представляться чѣмъ-то слишкомъ отвлеченнымъ, въ особенности подъ вліяніемъ начинавшихъ уже обнаруживаться польскихъ стремленій. Переходъ отъ космополитическаго направленія къ національному совершился неуловимо, но несомнѣнно то, что онъ начался одновременно съ первыми ясными проявленіями польскаго движенія. Заснувшая-было инстинктивная ненависть къ полякамъ тотчасъ же проснулась, какъ только зашевелились. Борьба съ ними влекла отъ другихъ цѣлей. И воскресныя школы сдѣлались орудіемъ анти-польской, а не иной какой-нибудь пропаганды. Теоретическія мечтанія о переустройствѣ человѣческихъ обществъ на какихъ-то началахъ правды и разума исчезли передъ сознаніемъ необходимости народной почвы, какъ основы всему.

Вуичъ считалъ долгомъ сочувствовать польскимъ стремленіямъ къ освобожденію. Тогда сочувствіе это было вообще въ большой модѣ. Отдать имъ Польшу и Литву казалось ему дѣломъ справедливымъ. Но онъ внутренно не любилъ поляковъ и потому, когда анти-польское, а съ тѣмъ вмѣстѣ и національно-русское направленіе охватило большинство студентовъ, онъ и самъ безъ труда увлекся въ эту сторону. Ему опять казалось, что онъ только теперь начинаетъ прозрѣвать истину и что тотъ, кто хочетъ служить истинѣ, долженъ, прежде всего, любить и уважать народъ, трудиться для народа и въ народныхъ нравахъ и обычаяхъ искать основы для всѣхъ реформъ и улучшеній.

Подъ понятіемъ о народѣ ему представлялись исключительно крестьяне, эти добрые, славные мужички, которыхъ онъ вовсе не зналъ, но которыхъ въ воображеніи рисовалъ себѣ въ видѣ чего-то поэтически-прекраснаго. Думалъ онъ подъ часъ и о томъ добрѣ, которое со временемъ онъ сдѣлаетъ своимъ крестьянамъ, о той роли отца, въ которую онъ станетъ въ отношеніи къ нимъ, о благодарности и уваженіи, которое онъ заслужитъ.

Въ это же время стали особенно часто собираться студенческія сходки по дѣламъ лекторіи, кассы, по устройству студенческихъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ товарищей. Вуичъ посѣщалъ эти сходки, хотя рѣдко вмѣшивался въ толки и пренія. Ему нравились эти сборища, гдѣ моло-

дежь безъ стѣсненія, безъ посторонняго вмѣшательства вела свои общественныя дѣла; и какими серьезными, какими важными представлялись ему въ то время эти дѣла!

Онъ сталъ также усерднѣе заниматься науками: познакомившись съ польскимъ языкомъ, онъ взялся, по польскимъ источникамъ, за изученіе исторіи Польши, въ особенности по отношенію ея къ западной Руси. Въ то же время онъ принялся и за изученіе политической экономіи и, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими студентами, сдѣлался обычнымъ участникомъ практическихъ упражненій, устроенныхъ, въ свободное отъ лекціи время, подъ личнымъ руководствомъ профессора. Проглотилъ онъ скорѣе, нежели прочелъ, цѣлыя массы политико-экономическихъ сочиненій, но съ трудомъ одолѣвалъ то, что онъ называлъ сухою стороною науки; нѣкоторыя теоретическія положенія, особенно теорію кредита, онъ, несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ себѣ усвоить: такъ и бросилъ ее. За то философская сторона науки часто вызывала его на размышленія. Изъ политико-экономическихъ писателей онъ съ особеннымъ увлеченіемъ читалъ и перечитывалъ Рошера и Бастіа. Симпатію его къ Рошеру, доходившую по временамъ до восторга, возбудили въ немъ нѣкоторыя положенія, поразившія его своею ясностью и глубиною и открывавшія какъ бы новый свѣтъ передъ его глазами.

Одно изъ такихъ положеній особенно ему понравилось; въ немъ Рошеръ слѣдующимъ образомъ выражаетъ идеалъ экономическаго прогресса, въ связи съ умственнымъ и нравственнымъ: «Идеалъ былъ бы достигнутъ, если бы люди, испытывая однѣ только законныя потребности, ясно видѣли и легко пріобрѣтали средства къ ихъ достиженію».

Въ Бастіа блестящія опроверженія нѣкоторыхъ соціальныхъ утопій особенно поразили его своею мѣткостью и убѣдительностью, противъ которой не могли устоять начинавшія роиться въ головѣ его соціалистическія идеи.

«Какъ иногда самая простая мысль, казалось бы, всякому доступная, не приходитъ въ голову, покуда не прочтешь, или не услышишь ее?»— думалъ онъ, лежа въ постели и перебирая ту бездну новыхъ мыслей, которыя пробудило въ немъ чтеніе.

Когда польскія демонстраціи коснулись университета, Вуичъ съ особеннымъ рвеніемъ примкнулъ къ самымъ отъявленнымъ антагонистамъ поляковъ; онъ даже рѣшался иногда побороть свою робость и вступалъ въ пренія съ тѣми изъ студентовъ, которые требовали единодушныхъ съ поляками дѣйствій. Спорилъ онъ запальчиво и по мѣрѣ того, какъ говорилъ, все больше и больше приходилъ въ возбужденное состояніе. У него не было чувства умѣренности въ отношеніи къ противникамъ, и чѣмъ фанатичнѣе были эти противники, тѣмъ большій фанатизмъ вызывали и съ его стороны.

Манифестъ объ освобожденіи крестьянъ въ первую минуту привелъ его въ неописанный восторгъ. Восторгали его и величіе событія, и роль царя въ этомъ дѣлѣ, и возможность примиренія съ тѣмъ принципомъ самодержавія, противъ котораго вооружался его умъ и къ которому, въ то же время, льнуло сердце. Но послѣ первыхъ порывовъ восторга, какое-то недоброе чувство выступило впередъ: вспомнилъ онъ о своихъ мечтахъ, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя онъ думалъ со временемъ пролить на своихъ крестьянъ, и явилось сожалѣніе о томъ, что эти благодѣтельныя мечты уже осуществились и притомъ безъ его участія, помимо его воли, какъ бы противъ его воли, и когда онъ вернулся домой, то, не поднимая глазъ, прошелъ мимо сидѣвшихъ въ передней лакеевъ, увѣренный, что они смотрятъ на него съ злорадною улыбкою, какъ бы говоря: «а что, слыхали? будетъ вамъ командовать нами, пришелъ и намъ чередъ; захотимъ, останемся, не захотимъ—силою не удержите». И дѣйствительно злорадно смотрѣли на него лакеи и тѣмъ злораднѣе, что не скрылось отъ нихъ его смущеніе.

Вечеромъ, когда онъ пришелъ раздѣваться, камердинеръ его смѣло посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ: «а что дадите десять рублей жалованья? а не то я себѣ другаго мѣста буду искать». И Вуичъ съ своей стороны съ злорадствомъ ему отвѣтилъ: «Постой-ка уходить. Еще два года не прошло, а до двухъ лѣтъ все по-старому». И, сказавъ это, ему вдругъ стало стыдно и этихъ словъ, и этого чувства, и все-таки онъ чувствовалъ, что преодолѣть его не въ силахъ. «Дрянь я человѣкъ!»—думалъ онъ,—«и съ сквернѣйшими инстинктами справиться не могу».

Дѣло Пеньковскаго, сліяніе съ малороссами, устройство корпорацій, проводы Пирогова,—все это слѣдовало одно за другимъ и поглотило все его время и всѣ его мысли. Положеніе, принятое Строевымъ въ дѣлѣ Пеньковскаго и вообще въ борьбѣ съ поляками, слишкомъ сходилось съ его собственнымъ настроеніемъ, чтобы не вызвать въ немъ сочувствія. Онъ сталъ искать сближенія съ нимъ и дѣйствительно сошелся съ нимъ ближе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ. Въ продолженіе всего лѣта онъ ходилъ къ нему почти ежедневно, и не коробили его больше ни тѣснота и безпорядокъ его квартиры, ни отчасти неряшливая внѣшность самого Строева. Самъ не чувствуя этого, онъ подчинился его вліянію и полюбилъ его съ увлеченіемъ.

На увлеченія онъ, вообще, былъ падокъ, и увлеченія дѣйствовали на него благотворно, потому что, при склонности его къ идеализаціи, вызывали въ немъ стремленіе приблизиться къ тому идеалу, который онъ олицетворялъ въ любимомъ человѣкѣ.

Иной разъ ему случалось просиживать у Строева часовъ пять-шесть сряду, и общество его сдѣлалось для него такою потребностью, что онъ

чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, если что-нибудь мѣшало съ нимъ видѣться въ обычные часы.

Строевъ самъ привыкъ къ этимъ обычнымъ посѣщеніямъ, и они не тяготили его, такъ какъ присутствіе Вуича ни въ чемъ его не стѣсняло: онъ спалъ при немъ, когда хотѣлось спать, читалъ, когда хотѣлось читать, молчалъ, когда не хотѣлось говорить, говорилъ, когда не хотѣлось молчать. И Вуича, съ своей стороны, нисколько не тяготило это пассивное положеніе, и онъ вполнѣ довольствовался тою степенью дружбы, которую дарилъ ему Строевъ. Строевъ дѣйствительно любилъ его, вполнѣ довѣрялъ ему и зналъ, что на него положиться можно; странныя, отчасти женственныя черты, которыя онъ замѣчалъ въ характерѣ Вуича, эту нѣжность въ дружбѣ, которую тотъ выказывалъ ему почти на каждомъ шагу,—все это въ глазахъ его объяснялось средою, въ которой онъ былъ воспитанъ, и было ему симпатично.

Труднѣе всего было Вуичу поддаться вліянію Строева по отношенію къ малороссійскому вопросу. Узко-національныя, областныя стремленія малороссійской партіи ужь потому приходились ему не по вкусу, что они олицетворялись для него въ формѣ тѣхъ студентовъ-хохломановъ, которыхъ онъ видѣлъ въ первый разъ на ночномъ собраніи въ лекторіи, одѣтыхъ въ свитки, съ стриженными бородами и длинными усами, съ мужицкими физіономіями и ухватками, съ малороссійскою рѣчью, не такою, какою говорятъ крестьяне, но исполненною аффектированной претензіи на сходство съ нею.

Но подъ вліяніемъ ежедневныхъ разговоровъ, подъ вліяніемъ измѣненія настроенія многихъ другихъ студентовъ по отношенію къ малороссійской партіи, онъ мало-по-малу освобождался отъ предубѣжденнаго взгляда на эту партію и сталъ смотрѣть на сближеніе съ нею, какъ на вещь возможную, тѣмъ болѣе, что на первомъ планѣ у Строева стояла все-таки борьба съ полонизмомъ въ средѣ громады.

Въ этомъ положеніи засталъ Вуича и разсказъ нашъ.

VII.

Разставшись съ Строевымъ, Вуичъ, какъ мы уже сказали, сѣлъ на извощика и поѣхалъ дальше.

Извощикъ зналъ, куда его вести, и прямо подкатилъ къ высокому одноэтажному дому, стоявшему особнякомъ посреди большаго вѣковаго сада.

— Что, еще не садились кушать? — спросилъ онъ, входя въ переднюю.

— Никакъ нѣтъ-съ! васъ дожидаютъ,—отвѣчалъ лакей, снимая съ него пальто.

Вуичъ прошелъ прямо къ матери.

— Ну вотъ и обѣдать можно,—сказала она въ то время, когда онъ входилъ. Митя, вели кушать давать,— обратилась онъ къ курчавому мальчику, сидѣвшему подлѣ нея и смотрѣвшему, какъ она раскладывала пасьянсъ.

Митя побѣжалъ.

За столомъ усѣлись, кромѣ Вуича, его отецъ, мать, маленькій братъ и находившійся при немъ студентъ Петръ Николаевичъ Задолинный, бѣлокурый, съ краснымъ лицомъ и выразительными свѣтло-сѣрыми глазами.

— Гдѣ это ты пропадалъ до сихъ поръ?—спросилъ у Вуича отецъ его, когда сѣли за столъ.

— Я былъ на лекціи политической экономіи, а потомъ зашелъ въ лекторію почитать газеты.

— Ты, пожалуйста, не слишкомъ увлекайся всѣми этими сборищами; не забывай, что у тебя экзаменъ на носу и что тебѣ заниматься нужно.

— Какія сборища... теперь нѣтъ никакихъ сборищъ, все уже кончилось.

— Что, вы видѣли Строева?—спросилъ Петръ Николаевичъ, будетъ онъ сегодня вечеромъ у Чоповскаго?

— Не знаю, — сухо отвѣчалъ Вуичъ, не любившій въ домашнемъ кругу слишкомъ распространяться о своихъ университетскихъ знакомыхъ.

— А ты видишься съ Чоповскимъ?—спросилъ у него отецъ, знавшій Чоповскаго, который недавно кончилъ курсъ Петербургскаго университета, и крайне не желавшій сближенія своего сына съ этимъ нигилистомъ, какъ онъ его называлъ.

— Такъ, встрѣчаю иногда,—вполголоса и какъ бы нехотя отвѣчалъ Вуичъ и весь при этомъ покраснѣлъ; ему стыдно было своей лжи; онъ не только часто видѣлся съ Чоповскимъ, но и бывалъ у него.

— Пожалуйста, держи себя отъ него подальше; ты знаешь, что я тебя не стѣсняю, но и не хотѣлъ бы, чтобы ты попалъ въ дурное общество.

— Какъ это вы, Александръ Михайловичъ, право, всегда строго судите,—запальчиво сказалъ Задолинный,—чѣмъ же общество Чоповскаго дурное? Дай Богъ побольше такихъ молодыхъ людей.

Старикъ-Вуичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Да, по-вашему дай Богъ побольше, а по-моему дай Богъ, чтобы и совсѣмъ такихъ не было... Знаете ли вы, что господинъ Чоповскій вздумалъ прочесть мнѣ цѣлую лекцію, въ которой доказывалъ, что у

Малороссіи два врага: Россія, или, какъ онъ ее называетъ, Москва и Польша; только Москва будто бы еще опаснѣе Польши, потому что сильнѣе... Прошу покорно... и у меня вздумалъ пропагандировать свои идеи... ну, да и принялъ же я его хорошо... другой ужь разъ вѣрно не покажется.

— Странное дѣло... какъ будто ужь мнѣнія своего высказать нельзя! Ну, положимъ, онъ заблуждается... да... Вѣдь палкою не вышибешь убѣжденій... да... Вотъ и Катковъ и Аксаковъ все про сепаратизмъ напѣваютъ... развѣ хорошо выставлять какими-то бунтовщиками людей, которые и защищаться не могутъ.

— Полноте—защищаться не могутъ. Кто вамъ мѣшаетъ защищаться, мало вамъ того, что свою «Основу» Богъ знаетъ чѣмъ наполняете... Вѣдь подите вы съ ними... всѣ такіе... вотъ и поляки, которые говорятъ, что имъ высказываться мѣшаютъ... я ихъ вызываю, пишите, высказывайтесь, что хотите доказывайте; ручаюсь вамъ, что напечатаютъ... такъ нѣтъ, не хотятъ... и очень хорошо знаютъ, что напечатаютъ, да не хотятъ, боятся... а чего боятся? не преслѣдованій боятся, а открытой борьбы, борьбы, гдѣ каждый могъ бы судить, кто правъ, кто виноватъ... Имъ выгоднѣе прикрываться за воображаемыми цензурными стѣсненіями...

— C'est le grand jour que vous craignez, — говорилъ я еще вчера Грабовскому... За живое задѣло... обѣщалъ приготовить статью... всѣ польскія притязанія обѣщалъ высказать... посмотримъ.

Молодой Вуичъ поспѣшилъ свести разговоръ на польскія демонстраціи.

— Говорятъ, штрафы вводятся за пѣніе гимновъ въ костелахъ, — сказалъ онъ.

— Давно пора... терпѣли, терпѣли, покуда квартальнаго чуть не убили... у насъ всегда такъ: не остановятъ вначалѣ, а начнутъ останавливать тогда, когда часто ужь и поздно бываетъ.

— А что хорошаго въ штрафахъ,—сказала мать Вуича,—вотъ мнѣ сегодня одна полька говорила, что теперь ужь пѣніе революціонныхъ гимновъ оффиціально дозволено; нужно только пошлину заплатить... вотъ и выходитъ, будто бы за деньги правительство позволяетъ себя публично бранить

— Назначить бы эти штрафы въ пользу народныхъ школъ, пусть бы, по крайней мѣрѣ, ихъ демонстраціи противъ нихъ же обратятся.

— Въ самомъ дѣлѣ, мысль хорошая, надо будетъ князю передать... Воображаю, въ какое бѣшенство они придутъ, если узнаютъ, что на ихъ деньги хлоповъ учатъ царя любить и за отечество стоять.

Довольный тѣмъ, что удалось свести разговоръ съ щекотливаго направленія, которое онъ угрожалъ принять, молодой Вуичъ, воспользо-

вавшись наступившею паузою, сталъ болтать безъ умолку и кончилъ тѣмъ, что разсмѣшилъ всѣхъ какимъ-то анекдотомъ изъ кіевской жизни.

Послѣ обѣда, посидѣвъ немного съ матерью, онъ пошелъ въ свой кабинетъ: это была небольшая комната, съ двумя высокими окнами въ садъ; между окнами бокомъ стоялъ письменный столъ, уставленный портретами и различными бездѣлушками; подальше къ стѣнѣ другой столъ, на которомъ лежали книги и газеты, кругомъ диваны и кресла, маленькій шкафъ съ книгами, овальный столъ, покрытый скатертью, на немъ бронзовая лампа, изображающая Христофора Колумба. Новенькія съ иголочки занавѣски на окнахъ и двери. Полъ—обтянутый сплошнымъ ковромъ, въ которомъ преобладалъ темно-коричневый оттѣнокъ. Нѣсколько ландшафтовъ масляными красками на стѣнахъ.

Въ комнатѣ было свѣтло, тепло и уютно.

Вуичъ усѣлся въ кресло и сталъ перелистывать книгу. Онъ хотѣлъ себя заставить читать, но не могъ остановить мысли на предметѣ чтенія. Ему все припоминался разговоръ, происходившій за обѣдомъ, и многіе, подобные этому, разговоры. И вспомнилось ему, какъ онъ и сегодня, и прежде нѣсколько разъ, во избѣжаніе непріятныхъ объясненій, прибѣгалъ ко лжи, и какъ ему всякій разъ досадно было на себя и какъ это ни къ чему не вело, и привычка лжи мало-по-малу вкоренялась въ немъ.

— А могу ли я всегда правду говорить? могу ли? если я и въ мелочахъ долженъ лгать иногда, то что же было бы, если бы я всю правду сказалъ? не пришлось ли бы мнѣ тогда выбирать одно изъ двухъ: или отречься отъ лучшихъ моихъ надеждъ, мечтаній, вѣрованій, или разорвать въ конецъ всѣ связи съ семьею, съ отцомъ, съ матерью, которыхъ я люблю, которыхъ я не хотѣлъ бы огорчать, которые не заслуживаютъ того, чтобы я ихъ огорчалъ.

Онъ не спрашивалъ себя: что дальше будетъ? что будетъ, если скрытность и двуличіе обратятся у него въ систематическую привычку? онъ не думалъ о томъ, что одна ложь ведетъ за собою другую и что впослѣдствіи надо будетъ прибѣгать къ изворотамъ, не только чтобы скрыть какъ-нибудь поступокъ, но и чтобы не обнаружить прежней лжи. Онъ гораздо больше заботился о настоящемъ, чѣмъ о будущемъ. «Перемелется, мука будетъ»—утѣшалъ онъ себя.

Полузакрывъ глаза, онъ развалился на креслѣ и прислонилъ голову къ высокой спинкѣ.

— Миша, гдѣ ты?—послышался мягкій голосъ его матери, поднимавшей половину спущенной портьеры и входившей въ комнату.

— Здѣсь, maman,—сказалъ Вуичъ, вскакивая съ кресла и подходя къ ней.

— А я ужь думала, что ты ушелъ... что это ты въ потьмахъ сидишь?

— Я тутъ зачитался, а какъ начало темнѣть, бросилъ и вздремнулъ.

— Я хотѣла тебѣ сказать... какой, право странный Петръ Николаевичъ! зачѣмъ онъ вѣчно раздражаетъ «папа» своими противорѣчіями... ты замѣтилъ, какъ онъ рѣзко сегодня говорилъ?.. сказалъ бы ты ему.

— Да что жъ, онъ только спорилъ... Я не замѣтилъ.

И это была неправда: онъ отлично замѣтилъ, и его тогда же покоробила рѣзкость Задолиннаго, но ему хотѣлось сгладить произведенное на мать непріятное впечатлѣніе.

— Ты всегда его защищаешь, а я боюсь, чтобы онъ не имѣлъ на Митю дурнаго вліянія... и какимъ грубымъ голосомъ онъ всегда говоритъ... и какія манеры... локти на столъ кладетъ... меня иногда мучитъ, что «папа», который такъ слѣдилъ за твоимъ воспитаніемъ, теперь, какъ-будто, вовсе не обращаетъ вниманія на воспитаніе Мити.

— Полно, maman, безпокоиться. Петръ Николаевичъ прекрасный учитель; а что касается до манеръ, то развѣ манеры главное!

— Да, вотъ вы всѣ такъ разсуждаете, а прежде люди иначе смотрѣли на это; вотъ и ты теперь... я помню, еще недавно, какой ты вѣжливый, предупредительный былъ... всѣ говорили: какой милый и благовоспитанный молодой человѣкъ; а теперь... и ты начинаешь перенимать дурныя привычки, должно быть у товарищей своихъ... Вотъ тоже, прежде... какой ты откровенный былъ, а теперь я все замѣчаю въ тебѣ все большую и большую скрытность... спросишь, гдѣ ты былъ, ты нехотя отвѣчаешь... а помнишь, на дняхъ я тебя спросила, такъ ты мнѣ отвѣтилъ: «да тамъ!» Развѣ это отвѣтъ!... и передъ кѣмъ же скрытничать, развѣ есть у тебя лучшіе друзья, чѣмъ отецъ и мать?

— Богъ знаетъ, что тебѣ въ голову приходитъ, милая мамаша, съ чего ты взяла, что я скрытничаю?... Я, правда, иногда какъ будто нехотя отвѣчаю, но это совсѣмъ не отъ того, это... такъ... какъ на умъ взбредетъ.

— Вотъ видишь... какъ на умъ взбредетъ... вотъ я, выходитъ, и правду говорю... прежде тебѣ никогда не взбрело бы на умъ неучтиво матери отвѣчать... нѣтъ, ужь ты мнѣ не говори...

Она взяла сына за руку.

— Право, Миша, что тебѣ за охота избѣгать хорошаго общества и цѣлые дни проводить Богъ знаетъ съ кѣмъ.

— Они совсѣмъ не Богъ знаетъ кто... ты ихъ не знаешь... почему же такъ отзываться о нихъ.

— Да если бы они не были Богъ знаетъ кто, ты давно бы ихъ сюда

привелъ и съ нами познакомилъ... Отчего никто изъ нихъ у тебя не бываетъ, а если и бываетъ, то тогда только, когда насъ дома нѣтъ?

— Они бѣдные.... имъ не на что было учиться хорошимъ манерамъ... за то у нихъ много такого есть, чего у многихъ людей съ отличными манерами недостаетъ.

— Ты, кажется, скоро отца и мать на нихъ промѣняешь, какъ промѣнялъ уже родныхъ и знакомыхъ.

— Ну, зачѣмъ это говорить, maman, зачѣмъ и себя и меня огорчать! ты лучше возьми да сядь, да посиди у меня.

Онъ позвалъ человѣка и велѣлъ зажечь лампу.

— Посмотри, какой хорошенькій у меня кабинетикъ вышелъ... какъ хорошо и удобно тутъ заниматься... мнѣ всегда весело, когда я тутъ сижу.

— Отчего же ты чаще дома не сидишь, если тебѣ здѣсь хорошо?

— Вотъ видишь, привычка много значитъ... составишь себѣ привычку по вечерамъ дома не сидѣть.... и такъ, какъ вечеръ настанетъ, тебя и тянетъ изъ дому.

— Ты бы хоть «папа» утѣшилъ, иногда съ нимъ посидѣлъ... ты знаешь, какъ онъ любитъ съ тобою поговорить.

— «Папа» всегда занятъ, когда бываетъ дома.... а когда гости у него...

— Ну, хоть тогда бы приходилъ, когда гости есть... ты знаешь.... «папа» не скажетъ... онъ не хочетъ тебя стѣснять... а мнѣ еще недавно говорилъ: «Вотъ Миша совсѣмъ отъ рукъ отбился; прежде, бывало, хоть иногда, когда гости есть, дома сидитъ, а теперь, даже странно, никогда его нѣтъ... многіе спрашиваютъ о немъ, не знаешь, что и отвѣчать». Право, Миша, не хорошо... иной разъ подумаешь, что ты на домъ свой смотришь, какъ на гостиницу: только обѣдать и ночевать приходишь.

Въ эту минуту въ комнату заглянулъ Задолинный и сейчасъ же скрылся.

— Петръ Николаевичъ, что вы? — спросилъ Вуичъ.

— Я думалъ, вы одни, я послѣ зайду,—отвѣтилъ онъ изъ-за двери.

Послышались удаляющіеся шаги.

— Какъ вѣжливо... и что это за секреты у него могутъ быть съ тобою!

— Какіе тамъ секреты! — пожавъ плечами, отвѣчалъ Вуичъ, который дѣйствительно нашелъ поведеніе Задолиннаго не совсѣмъ учтивымъ.

— Ну, Богъ съ тобою, не хочу тебѣ мѣшать. .. пойду я къ себѣ.

— Мамашенька, милая, ты мнѣ не мѣшаешь... ты не можешь мнѣ мѣшать... останься,—совершенно искренно просилъ Вуичъ.

— Нѣтъ, у меня отъ твоей лампы глаза разболѣлись,—сказала мать, заслоняясь рукою отъ свѣта.

— Ахъ, я разсѣянный! все забываю абажуромъ завестись.

Онъ поцѣловалъ у матери руку.

— Прислать тебѣ можетъ быть фруктовъ?—спросила она, выходя.

— Пришли, пожалуйста, а я, покуда, примусь письма писать.

«Милая, добрая, дорогая»,—думалъ Вуичъ,—«какъ она меня любитъ».

Онъ отперъ одинъ изъ шкапиковъ письменнаго стола, гдѣ въ порядкѣ стояли различной величины ящики съ сигарами, вынулъ большую, свѣтлую сигару, тщательно обрѣзалъ ее, закурилъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Ахъ, эти письма еще, никогда не напишу ихъ»,—подумалъ онъ, съ нетерпѣливымъ жестомъ сбрасывая пепелъ въ большую бронзовую пепельницу.—«Какъ это я не могу себя ни къ чему принудить?... примусь за чтеніе... читаю глазами и думаю о другомъ... Особенно съ нѣкотораго времени никакая работа не клеится... надо, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать усиліе надъ собою и хоть часа два-три въ день посвятить занятіямъ... И, кажется, какъ тутъ не заниматься охотно... здѣсь такъ уютно, хорошо... вотъ въ прошлую зиму и въ началѣ лѣта, какъ много я читалъ... и думалъ какъ много...».

Въ комнату вошелъ Задолинный.

— Что, пойдете вы къ Чоповскому?—спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать, Петръ Николаевичъ, какой вы, право... странный... вотъ, сегодня, за обѣдомъ... я ужь просилъ васъ... что вамъ стоитъ не начинать споровъ... вы знаете, что эти споры только меня къ непріятностямъ ведутъ... а также вотъ, теперь... ну, увидѣли мать... отчего не войти... а то, вотъ, сейчасъ, какіе-то комплоты представляются...

— Странное дѣло, что же вы хотите, чтобы я какъ рыба молчалъ... да... когда Александръ Михайловичъ начнетъ своимъ доктринерскимъ тономъ... я не могу равнодушно слушать... ну, что ему Чоповскій?... нѣтъ, воля ваша, я не могу терпѣть этихъ генеральскихъ замашекъ...

Вуичъ нетерпѣливо подергивалъ плечемъ.

— Да, вотъ вы не можете малѣйшаго усилія надъ собою сдѣлать... а мнѣ каково... вотъ мать ушла... точно выгнали вы ее отъ меня.

— Ахъ, пожалуйста, оставьте вы ваши наставленія... они ни къ чему не послужатъ... а вотъ лучше скажите, пойдете вы къ Чоповскому... идти, такъ идти, а то поздно будетъ.

Вошелъ лакей и подалъ Вуичу на большомъ подносѣ нарѣзанный арбузъ и виноградъ.

Вуичъ глазами указалъ на Задолиннаго и продолжалъ ходить.

Задолинный сѣлъ на диванъ и принялся за арбузъ.

Вуичъ взялъ немного винограда на дессертную тарелочку и поставилъ на столъ.

— Что же, пожалуй, идемъ... или, и лучше всего лошадей запречь.

— Нѣтъ, ужь идти, такъ идти, еще лошадей дожидаться... донесутъ и пѣшкомъ ваши барскія ножки.

Чоповскій жилъ въ довольно просторной квартирѣ, недалеко отъ университета. Это былъ высокій, здоровый мужчина, съ очень смуглымъ, полнымъ лицомъ, съ толстыми, красными губами.

Когда Задолинный и Вуичъ вошли, у него уже было человѣкъ пятьшесть, въ томъ числѣ и Строевъ. На столѣ шумѣлъ самоваръ, и въ комнатѣ стояло облако табачнаго дыма.

Сидѣвшіе кругомъ стола потѣснились. Задолинный и Вуичъ со всѣми поздоровались и сѣли.

— Что это у васъ съ старикомъ Вуичемъ вышло? онъ сегодня говорилъ о васъ чуть не какъ о государственномъ преступникѣ... спросилъ Задолинный у Чоповскаго.

— А... говорилъ?... совсѣмъ старика изъ себя вывелъ... я и не зналъ, что онъ у васъ такой,—обратился онъ къ Вуичу. —Что жъ, другой разъ осторожнѣе буду... онъ хорошій старикъ... я люблю стариковъ, въ которыхъ жизни много...

— А нашъ Михаилъ Александровичъ совсѣмъ спасовалъ, какъ батюшка началъ остерегать его отъ вашего знакомства,—сказалъ Задолинный.

— Не спасовалъ вовсе, а къ чему тутъ спорить?... къ чему поведутъ споры... я вотъ не знаю, какая вамъ охота вѣчно спорить.

— А любитъ спорить?—усмѣхаясь спросилъ Строевъ.

— Да почти ни одинъ обѣдъ безъ спора не обходится; еще сегодня какъ-то удалось мнѣ замять, а то, иногда... я, право, за отца боюсь... къ концу обѣда весь красный сдѣлался, а Петръ Николаевичъ и вниманія не обращаетъ... какъ будто ему особенное удовольствіе доставляетъ раздражать отца.

— Дорого бы я далъ, чтобы взглянуть на Задолиннаго съ старикомъ Вуичемъ,—сказалъ Строевъ.

Въ комнату вошли Антиповичъ и Рыхлинскій.

— Ну, Строевъ, громъ и молнію на васъ мечутъ въ польскомъ лагерѣ,—сказалъ Рыхлинскій.

— А что?—вопросительно взглянулъ на него Строевъ.

— Да все вашъ протестъ.

— А... ну, чѣмъ больше сердятся, тѣмъ, значитъ, ближе къ цѣли попалъ.

— Мы сейчасъ съ Антиповичемъ цѣлую атаку выдержали... они говорятъ, что украинцы дали себя одурачить.

— Сами привыкли вѣчно дурачить, такъ имъ все мерещится, что и другіе только и думаютъ о томъ, чтобъ кого-нибудь дурачить...

— Не втолкуешь имъ, что намъ ни Польши, ни Москвы не надо; имъ все кажется, что кто противъ нихъ, тотъ за Москву.

— Этакой ужь несчастный нашъ украинскій народъ,—съ сердцемъ сказалъ Задолинный,—что его вѣчно то въ ту, то въ другую сторону тянутъ. Нѣтъ ему хода, да и только... да... какъ за лакомый кусокъ за него два сосѣда бьются, и то съ однимъ, то съ другимъ приходится ему справляться; одного одолѣетъ, гляди: уже другой на него руку протягиваетъ... да...

— Справимся съ поляками, примемся и за Москву, — сказалъ Чоповскій.

— Да съ поляками не штука справиться, съ ними и безъ насъ, пожалуй, съумѣютъ справиться... да... хорошо ли вотъ мы дѣлаемъ, что и безъ того сильнаго врага поддерживаемъ?.. вотъ что...

— У сильнаго врага пока одна физическая сила, а у поляковъ есть интеллектуальная сила, которая теперь для насъ гораздо опаснѣе. Посмотрите, какъ они все въ руки успѣли забрать, какъ ихъ вліяніе обнаруживается сверху до низу,—говорилъ Антиповичъ своимъ ровнымъ, слегка дребезжащимъ голосомъ, отчетливо выговаривая каждую букву.

— Москва еще только думаетъ о школахъ, а поглядите, что дѣлается по селамъ: въ каждомъ уѣздѣ есть нѣсколько школъ, гдѣ подъ носомъ у администраціи шляхтичи-учители и ксендзы учатъ по польскимъ букварямъ и просто моралью калѣчатъ народъ. Я видѣлъ, какіе люди изъ этихъ школъ выходятъ... они и говорить по-украински забываютъ... Москва хоть пропаганды не ведетъ..: спасибо и за это... Въ суммѣ— Украйна все Украйной остается, я думаю, съ этимъ и любезнѣйшій Петръ Николаевичъ согласится... а не противодѣйствуйте полякамъ, они и народъ ополячатъ такъ же, какъ ополячили свою прислугу.

— Странное, право, дѣло, какъ это вы всѣ господа, правобочные [1]), судите... да... побывали бы вы у насъ за Днѣпромъ, да посмотрѣли, что съ народомъ дѣлается... конечно, изъ украинца не скоро великорусса сдѣлаешь, хоть бы тамъ тысячи школъ позаводили, да Аксакова во главѣ ихъ поставили... тутъ ужь сила и живучесть самостоятельнаго народнаго типа, съ которымъ не совладать ни Москвѣ, ни Польшѣ... Да... но эта сила и живучесть въ теперешнемъ украинскомъ народѣ— сила пассивная, лишенная сознательности; это какое-то состояніе апатіи, равнодушія, которое все сильнѣе замѣчается не только въ бывшемъ крѣпостномъ населеніи, но и въ свободномъ казачьемъ сословіи... да... развѣ сердце не надрывается, когда слышишь рядомъ съ высокопродуманною и прочувствованною народною пѣснью какую-нибудь занесенную солдатами легенду... по-моему, солдатъ опаснѣе

[1]) Правобочные—уроженцы: праваго берега Днѣпра.

поляка... въ полякѣ народъ видитъ, прежде всего пана, и уже потому его ненавидитъ, что онъ панъ... солдатъ же свой, не чужой... и московская пропаганда, путемъ рекрутскихъ наборовъ, дѣлаетъ свое дѣло, пожалуй, удачнѣе, чѣмъ если бы школы стала заводить...

— Эку проповѣдь закатилъ,—сказалъ Чоповскій,—вамъ бы, Задолинный, изъ академіи да въ попы, а не въ университетъ, право, архіереемъ были бы... вы говорите: солдаты... тамъ, положимъ, подъ Кременчугомъ у васъ всегда полки стоятъ, не мудрено, что и пѣсни отъ солдатъ перешли и къ народу... а что вы про отставныхъ солдатъ скажете? развѣ вы не видѣли сами, какъ они, послѣ 25-лѣтней службы, возвращаясь домой, вмѣстѣ съ солдатскою шинелью снимаютъ и всю ту внѣшнюю московскую оболочку, которую старались привить къ нимъ въ полкахъ...

Строевъ отошелъ съ Антиповичемъ въ другую комнату и вполголоса съ нимъ разговаривалъ.

На столъ подали водку, пиво, наливку и разложенныя на нѣсколько тарелокъ соленые грибы и ломтики свѣжаго сала, колбасы и мещерскаго сыра.

Чоповскій занялся угощеніемъ, а Задолинный съ жаромъ продолжалъ доказывать необходимость поднять народный духъ путемъ живаго слова и возбужденія въ немъ историческихъ народныхъ традицій.

— Прежде всего, мнѣ кажется, слѣдуетъ намъ изучить народъ... его и такъ гнули то туда, то сюда... не слѣдуетъ насиловать его симпатій и навязывать ему антипатій,—а проникнуться тѣми симпатіями и антипатіями, которыя выработила въ немъ исторія,—возразилъ Рыхлинскій,—инстинктъ народный лучше насъ чувствуетъ, что ему нужно и что не нужно.

— Инстинктъ народный!—подхватилъ Задолинный,—да развѣ во мнѣ его нѣтъ, инстинкта-то? Развѣ я не изъ того же народа вышелъ? Я народъ люблю и отношусь съ уваженіемъ даже къ его предразсудкамъ... я развѣ хочу насиловать его инстинкты? . Я хочу только возбудить въ немъ то, что замерло... подкрѣпить то, что ослабѣло... напомнить то, что имъ забыто... да...

— Да мы все думаемъ, что знаемъ народъ, и воображаемъ, что можемъ учить его, а выходитъ на повѣрку, что намъ еще многому научиться слѣдуетъ... Кто сохранилъ народный типъ и кто его утратилъ?

— Развѣ мы его сохранили? Прежде чѣмъ стать учителями народными, намъ нужно самимъ сдѣлаться настоящими украинцами, откинувъ все то, что въ насъ вкоренилось чужаго... Мы и говорить порядочно по-украински не умѣемъ и постоянно мѣшаемъ въ свою рѣчь чуждые слова и обороты...

— Ну, господа,—прервалъ Чоповскій,—послѣ будете спорить, а

теперь за наливку.. Задолинный, вы, я думаю, и въ Полтавщинѣ такой наливочки не пивали.

Задолинный взялъ въ руку большую рюмку наливки, отпилъ немного, всталъ, посмотрѣлъ сквозь рюмку на свѣтъ, еще отпилъ и съ видомъ истиннаго знатока и цѣнителя проговорилъ: «добрая наливка»; потомъ сразу осушилъ рюмку, встряхнулъ волосами и звучнымъ чистымъ тенорòмъ затянулъ круговую пѣсню, которую за нимъ подхватили и другіе. Рюмка передавалась изъ рукъ въ руки, и каждый по очереди начиналъ ту же пѣсню, переходившую затѣмъ въ общій хоръ.

— Постойте, господа, я вамъ спою пѣсню, которую въ Черниговщинѣ записалъ,—сказалъ круглолицый юноша, съ вздернутымъ носикомъ и мягкими, свѣтлыми, вьющимися волосами.

Онъ запѣлъ одинъ изъ тѣхъ мелодическихъ, заунывныхъ малороссійскихъ мотивовъ, въ которыхъ сказывается и любовь, и томленіе, и замираніе, въ которомъ вся душа какъ будто бы выливается въ звуки:

«Ой на гори казакъ воду носыть,
Дивчинычка казаченка просыть:
Казаченьку мій соболю!
Визьмы жъ мене изъ собою,
Помандрую я съ тобою!
Не сама жъ я по садочку ходыла,
Казаченька за рученьку водыла,
Цилувала, милувала,
Да серденька прыгортала;
Я жъ думала, що винъ буде мій!
Казаченько, сухотонька ты моя!
Кажутъ люде, що не буду я твоя!
Кажутъ люде, сама бачу,
Не разъ не два на день плачу,
Я жъ думала, що ты будешь мій!»

Рыхлинскій прислушивался и въ тактъ покачивалъ головою.

— Ай-да Вербовскій, молодецъ!—сказалъ онъ, когда тотъ кончилъ.

Бутылка наливки скоро опорожнилась. Принесли новую, а между тѣмъ и водкою, и пивомъ не брезгали.

Пѣсни не умолкали, и стройный хоръ все болѣе и болѣе возбуждалъ уже и такъ возбужденное наливкою настроеніе этой молодежи.

Вуичъ съ увлеченіемъ слушалъ звуки родной пѣсни и припѣвалъ своимъ тоненькимъ фальцетомъ, когда пѣсня была ему знакома.

— Ну, давайте, поподчую я васъ пѣснью своего сочиненія,—сказалъ Чоповскій.

Это была патріотическая сербская пѣсня, переложенная на малорусскій ладъ: въ ней сыны Украйны призывались къ воскресенію малороссійской вольности; стихъ былъ плавный, гладкій и сильный.

Вся публика пришла въ восторгъ; Чоповскаго окружили и заставили

повторить. Рыхлинскій и Задолинный припѣвали, взмахивая головою и руками; всегда оживленная фигура Рыхлинскаго вся дышала возбужденіемъ и восторгомъ. Антиповичъ и Строевъ, которымъ Чоповскій отнесъ по стаканчику наливки въ другую комнату, чтобы не мѣшать ихъ бесѣдѣ, теперь также подошли, привлеченные восторженными криками и хлопаньемъ въ ладоши.

Чоповскій долженъ былъ еще разъ повторить пѣсню, и потому уже всѣ затянули ее хоромъ. Только-что кончили, за стѣною послышались звуки также хоровой польской пѣсни.

— А, панове добродзѣи пожаловали,—сказалъ Чоповскій.

Всѣ замолчали и прислушивались.

Нѣсколько молодыхъ, свѣжихъ голосовъ весело и лихо пѣли извѣстную, съ темпомъ мазурки, патріотическую пѣсни: «Jeszeze Polska nie zgineła»

По интонаціямъ голосовъ слышно было, что и тамъ уже прошлись по водочкѣ или по наливочкѣ.

«Co nam obca przemoe wzieła
To my odbierzemy».

— Завтра отберете,—крикнулъ Вербовскій

Въ отвѣтъ за стѣною затянули новую патріотическую пѣсню.

— Давайте и мы,—сказалъ Вербовскій и запѣлъ старинную легенду временъ народныхъ войнъ съ Польшею.

Поляки въ долгу не остались и наперерывъ, съ той и съ другой стороны, пошли перекидываться пѣснями.

Было уже два часа ночи, когда Строевъ съ Волковскимъ вышли отъ Чоповскаго. Оба они шли молча по улицѣ, слабо освѣщенной масляными догорающими фонарями. Дойдя до угла Университетской площади, они остановились и пожали другъ другу руки.

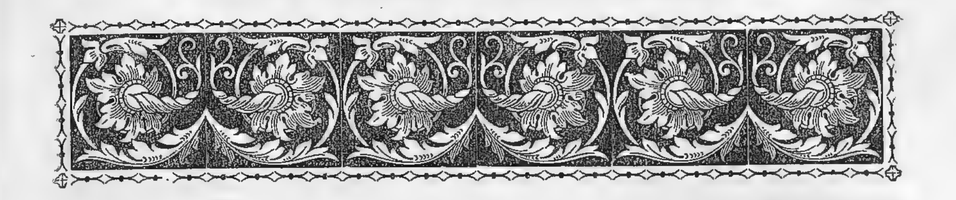
— Заходите ко мнѣ завтра,—сказалъ Строевъ.—Послѣ пяти часовъ вечера приглашаютъ въ громаду.

Волковскій вытаращилъ на него глаза.

— Завтра?—проговорилъ онъ въ раздумьи.

— А что, не ожидали такъ скоро?

Волковскій ничего не отвѣтилъ, но еслибы не было такъ темно, то Строевъ могъ бы замѣтить, до какой степени сообщенное извѣстіе его взволновало. Всю ночь ему мерещилась новая эпоха, для него открывавшаяся, новыя ощущенія, новая дѣятельность, тайное общество, въ которое ему и хотѣлось попасть, и котораго онъ смутно боялся, какъ вообще боялся всякаго рѣзкаго шага впередъ съ окончательнымъ, полнымъ разрывомъ съ прошлымъ, перспективы новыхъ затрудненій усиленнаго движенія и этой вѣчной, постоянной лжи, противъ которой тщетно вооружалась его совѣсть.



ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА,

ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ

СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ [1]).

Переходъ изъ пансіона въ гимназію.—Мои впечатлѣнія и думы.—Похожденія моего брата.—Его характеръ.

Вышеописанное градобитіе имѣло для насъ то послѣдствіе, что хотя, по окончаніи лѣта 1849-го года, мы и возвратились въ пансіонъ, но уже знали, что насъ скоро оттуда возьмутъ, потому что отцу трудно будетъ платить за насъ требуемую сумму. И, дѣйствительно, помнится, около Рождества, мы переселились во флигель нашего собственнаго дома. Въ самомъ домѣ въ то время, нанималъ квартиру вышеупомянутый учитель латинскаго языка, Августъ Львовичъ Нилендеръ, иначе «Зумъ», съ довольно многочисленнымъ семействомъ и нѣсколькими воспитанниками гимназіи, жившими у него въ качествѣ пансіонеровъ. Я вовсе не сожалѣлъ о томъ, что оставляю пансіонъ, но, такъ какъ по мнѣнію, съ давнихъ поръ сложившемуся, переходъ оттуда въ число вольноприходящихъ считался чѣмъ-то въ родѣ нѣкоторой деградаціи, то не скажу, чтобы я не чувствовалъ какъ будто какого-то стыда. Глядя въ настоящую минуту назадъ въ прошлое, я вижу, что многое было бы лучше, еслибы отецъ поступилъ такъ съ самаго начала, то-есть, прямо

---

[1]) См. «Русскую Старину», октябрь 1895 года.

*

помѣстилъ бы насъ въ собственномъ домѣ. Въ то время, товарищество въ родѣ пансіонскаго, не представляло ровно ничего вліяющаго благодѣтельно на развитіе, а напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, оно дѣйствовало положительно и безусловно растлѣвающимъ образомъ, и одною изъ жертвъ этого былъ мой несчастный средній братъ, пріобрѣвшій въ пансіонѣ одну очень пагубную привычку, отъ которой его, впослѣдствіи, было очень трудно отучать.

Когда мы поселились въ своемъ домѣ, то въ качествѣ и слуги и эконома и дядьки къ намъ былъ приставленъ Платонъ, о которомъ я говорилъ выше, а въ качествѣ репетитора уроковъ съ нами жилъ гимназистъ шестаго класса, уже брившій бороду, по имени Онуфрій Михайловичъ. Этотъ гимназистъ и самъ-то былъ изъ довольно плохихъ, а потому былъ очень мало полезенъ для братьевъ, къ которымъ собственно и былъ приставленъ, такъ какъ я вполнѣ могъ обходиться безъ его помощи. Онъ, впрочемъ, недолго оставался у насъ, и его мѣсто занялъ учитель французскаго языка въ младшихъ классахъ, тотъ самый George Theophile Gean, который въ гимназіи именовался Егоромъ Ивановичемъ Яномъ. Онъ прожилъ у насъ, помнится, болѣе двухъ лѣтъ, но я не могу теперь припомнить, по какой причинѣ онъ насъ оставилъ, а на его мѣсто поселился молодой человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, который и оставался до окончанія мною курса. Звали его А. К. Руссовъ, и онъ былъ воспитанникомъ Гатчинскаго сиротскаго института, а въ то время служилъ помощникомъ бухгалтера въ палатѣ государственныхъ имуществъ. Человѣчекъ онъ былъ скромный и не особенно далекій, но мы съ нимъ, то-есть собственно я, жили довольно дружно, и по вечерамъ онъ, всегда съ большимъ увлеченіемъ, слушалъ, какъ я ему читалъ разныя повѣсти, поэмы и стихотворенія.

При такой-то обстановкѣ текла наша жизнь регулярно. Каждый день въ восемь часовъ утра, мы, съ сумочками подъ мышкою, шли въ гимназію, а оттуда возвращались ровно въ два часа. Этотъ ежедневно совершаемый нами путь былъ такъ намъ извѣстенъ, что мы заранѣе знали, кого именно, когда и на какомъ мѣстѣ мы должны встрѣтить. Болѣе всѣхъ другихъ мнѣ памятны слѣпой отставной солдатъ, продававшій нюхательный табакъ, и одинъ почтенный старикъ, когда-то бывшій предсѣдателемъ гражданской палаты, по фамиліи Женевскій. По возвращеніи изъ гимназіи, въ остальное время дня насъ никуда не выпускали, и знакомыхъ мы имѣли очень мало. Иногда, во время пріѣздовъ дяди Каленова, онъ, и то если это случалось въ отсутствіи отца, бралъ насъ или въ театръ, или къ кому-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, преимущественно въ извѣстный своимъ гостепріимствомъ барскій домъ Бибиковыхъ, гдѣ постоянно собирался весь городъ; но все это дѣлалось очень рѣдко и непремѣнно

контрабандою отъ отца. Иногда приходилъ къ намъ кое-кто изъ товарищей, но опять-таки только во время отсутствія отца, и съ большею опасливостью, такъ какъ его пріѣзды были почти всегда неожиданны; да и мы сами, зная его разсчетливость, трепетали за каждый лишній кусокъ сахару и поэтому избѣгали этихъ посѣщеній всякими мѣрами. Подобный образъ существованія очень рано породилъ во мнѣ привычку смотрѣть на жизнь какъ будто издали: я не умѣлъ ни сходиться съ людьми, ни дѣлить съ ними ихъ интересы; а моя природная застѣнчивость и болѣзненно-развитое чувство самолюбія лишали меня возможности даже изъ представлявшихся къ тому случаевъ извлекать что-либо, что̀ могло бы послужить къ искорененію изъ меня этого недостатка, который я самъ очень хорошо сознавалъ.

Въ вѣчно-юномъ, вѣчно-благоухающемъ, какъ дыханіе весны, и вѣчно-назидательномъ твореніи русскаго поэта, носящемъ названіе «Дѣтство и отрочество», великій художникъ удивительно изобразилъ мысли и чувства человѣка того возраста, въ какомъ былъ тогда я самъ, который сознаетъ въ глубинѣ души, что онъ какъ будто чего-то не понимаетъ самъ, отличенъ отъ другихъ людей, видитъ, что не производитъ въ нихъ пріятнаго впечатлѣнія, и мучится этою мыслью; онъ невольно считаетъ себя какъ будто виноватымъ передъ людьми, а вслѣдствіе этого, невольно же, завидуетъ тѣмъ, кто обладаетъ умѣньемъ имъ нравиться. Всѣ тѣ душевныя муки, которыя испыталъ герой вышеназваннаго творенія, испытаны и мною, и даже въ гораздо сильнѣйшей степени, и такъ глубоко пустили корни, что во мнѣ на всю жизнь осталась привычка держаться отъ людей возможно подалѣе и, не принимая участія ни въ ихъ забавахъ, ни въ печаляхъ, наблюдать за ними внимательно, съ единственнымъ желаніемъ хотя когда-нибудь ихъ постигнуть.

Отецъ пріѣзжалъ изъ деревни довольно часто, иногда оставался подолгу въ одномъ же помѣщеніи съ нами, и эти его пріѣзды были для насъ временемъ самымъ тяжелымъ и унылымъ—до такой степени, что мы, и каждый въ себѣ и другъ у друга, видѣли ясно, что мы не въ силахъ чувствовать себя свободными не только въ дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и чувствахъ.

Когда мнѣ было лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, отецъ вздумалъ взять меня съ собою на одну очень парадную свадьбу, происходившую въ великолѣпной барской усадьбѣ одного мѣстнаго аристократа. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать туда по многимъ причинамъ; но отказаться я не имѣлъ ни малѣйшей возможности, да кромѣ того, мнѣ весьма естественно все-таки хотѣлось посмотрѣть на то, что до тѣхъ поръ мною видано еще не было. Само-собою разумѣется, что я заранѣе рѣшился держать себя какъ можно болѣе въ сторонѣ отъ общества, въ которомъ

не надѣялся встрѣтить никого ко мнѣ подходящаго, а въ особенности отъ отца, который, кромѣ того, что при немъ я всегда и вездѣ чувствовалъ себя неловко, имѣлъ еще обыкновеніе выказывать свою заботливостью о дѣтяхъ, именно при большомъ стеченіи постороннихъ людей. Когда мы вошли въ огромныя комнаты дома, уже наполненныя гостями, то я сразу почувствовалъ себя какъ будто не у мѣста, въ моемъ возрастѣ и съ моимъ скромнымъ гимназическимъ мундирчикомъ, среди взрослыхъ и стариковъ, по большей части губернскихъ тузовъ и аристократовъ, а также и среди молодыхъ людей, которые были хотя и очень немногимъ старше меня, но уже носили лейбъ-уланскіе и конногвардейскіе мундиры или были одѣты въ гражданскіе костюмы взрослыхъ людей, а держали себя не менѣе свободно, элегантно и развязно. Я былъ очень доволенъ, что на меня никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія; до самаго обѣда, который происходилъ очень поздно, бродилъ я по комнатамъ, прислушиваясь къ чуждымъ мнѣ разговорамъ, а когда стали садиться за столъ, то заботился только объ одномъ, чтобы, какъ будто невзначай, очутиться какъ можно подалѣе отъ отца. Мнѣ это не вполнѣ удалось, и я оказался сидящимъ черезъ два или три человѣка отъ него. Вдругъ, среди обѣда вижу, что ко мнѣ протягивается отцовская рука съ горстью конфектъ, и, положа ихъ передъ моимъ приборомъ, отецъ, привставъ съ своего мѣста, говоритъ:—«Отвези это сестрамъ!»—Онъ какъ будто и не подозрѣвалъ того чувства отчужденности, которое я испытывалъ, и не понималъ, что только этого не доставало для того, чтобы удесятерить мою неловкость и застѣнчивость! Я весь вспыхнулъ и все остальное время обѣда сидѣлъ, опустивъ глаза, изъ страха встрѣтить насмѣшливые взгляды какъ разъ противъ меня сидѣвшей молодежи и, разумѣется, не дотрогиваясь до положенныхъ конфектъ.

Въ настоящее время, когда нравы и обычаи такъ много измѣнились, быть можетъ кому-нибудь покажется страннымъ и даже вовсе непонятнымъ почему-то, что разсказанное выше произвело на меня такое впечатлѣніе; а поэтому я постараюсь объяснить. Еще съ самаго ранняго дѣтства, приходилось мнѣ часто слышать самыя злыя насмѣшки и даже презрительные отзывы и разсказы о той категоріи личностей, преимущественно старыхъ барынь, которыя на чужихъ балахъ и обѣдахъ занимались, какъ какою-то спеціальностью, наполненіемъ своихъ кармановъ даровыми лакомствами, и всѣ эти личности были извѣстны на перечетъ. Изъ верхнихъ слоевъ общества всѣ эти разговоры передавались внизъ и даже среди учениковъ гимназіи, а въ особенности дворянскаго пансіона, повторялись съ разными прикрасами и прибаутками. Весьма понятно, что не только стать когда-либо въ этотъ разрядъ я считалъ для себя невозможнымъ, но даже слышать о себѣ хотя бы подобіе такого намека—казалось мнѣ уже постыднымъ. И дѣйствительно, какъ будто въ

оправданіе моей боязни, очень скоро вслѣдъ за разсказаннымъ со мною случилось слѣдующее. Упомянутая свадьба происходила въ самомъ концѣ каникулъ, и почти сейчасъ же начались уроки, а на первомъ же урокѣ зашелъ разговоръ о ней, такъ какъ эта свадьба была въ нѣкоторомъ родѣ событіемъ въ губернскомъ городѣ. Въ разговорѣ о свадьбѣ принималъ участіе также и учитель, и къ сожалѣнію моему, одинъ изъ самыхъ мною уважаемыхъ; вдругъ я услышалъ его насмѣшливое замѣчаніе:—«А говорятъ, что тамъ какой-то гимназистъ цѣлый арбузъ къ карманъ положилъ».—Не знаю навѣрно, намекалъ ли онъ на то, что разсказано выше, или это замѣчаніе было просто случайное, но я принялъ его за намекъ, и опять стыдъ сдавилъ мнѣ горло. Преодолѣвъ, однако, и стыдъ и застѣнчивость, я громко сказалъ, что изъ гимназистовъ тамъ былъ только одинъ я и никакого арбуза въ карманъ не клалъ. Каждый, кто испыталъ хотя что-либо подобное, вѣроятно, пойметъ мои ощущенія и не осудитъ за то, что я такъ открыто ихъ высказываю.

Между тѣмъ, братья мои начали оказываться уже вовсе безнадежными. Что собственно было этому причиною,—я опредѣлительно объяснить не умѣю, но оба они какъ будто сдѣлались положительно неспособными къ ученью, хотя ни одинъ изъ нихъ вовсе не былъ глупъ, а средній, Сергѣй, малый характера очень живаго, кромѣ того, сталъ проявлять стремленіе къ необузданности и безпрестанно попадался въ разныхъ шалостяхъ, которыя дѣлалъ большею частью по наущенію другихъ. Я говорилъ уже объ одной изъ нихъ, и эта, пожалуй, была одна изъ самыхъ непростительныхъ, но между нами случались и такія, которымъ, право, было можно и не придавать важнаго значенія. Однажды, напримѣръ, завелся у него откуда-то гривенникъ и, желая извлечь изъ него пользу, сообразную съ потребностями, онъ во время перемѣны урока выбѣжалъ изъ гимназіи и, перебѣжавъ черезъ улицу, отправился въ какую-то, не то лавочку, не то харчевню и купилъ себѣ фунтъ копченой колбасы. Какъ на бѣду, возвращаясь съ этою колбасою, онъ попался прямо въ лапы Ѳедоту, который въ это самое время всходилъ на другое крыльцо. Помнится, что Ѳедотъ никакому наказанію за это его не подвергъ, но такъ какъ это случилось передъ самыми Рождественскими праздниками, то въ отпускномъ свидѣтельствѣ, которое обыкновенно давалось намъ съ отмѣтками объ успѣхахъ и поведеніи, своею рукою изобразилъ: «Ходилъ въ харчевню покупать колбасы». Сергѣй, который былъ, какъ говорится, «блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ», увидя у себя такую аттестацію, пришелъ въ отчаяніе при мысли о томъ, что будетъ, когда онъ покажетъ ее отцу, и мы, также раздѣляя его опасенія, уныло возвращались въ день роспуска домой, гдѣ уже ожидали присланныя лошади, чтобы везти насъ въ деревню. Какъ будто нарочно, тотъ старичекъ Женевскій, о которомъ я говорилъ выше, на

этотъ разъ привѣтствовалъ насъ такою фразою: «Ну что, господа? теперь домой! въ деревню, на колбасы!» и бѣдный Сергѣй пришелъ еще въ большее отчаяніе, вообразивъ, что и онъ знаетъ о колбасѣ, написанной въ его аттестаціи.

Я не припомню, какія именно послѣдствія имѣлъ для него этотъ случай, но тѣмъ не менѣе братья оставались по два, а иногда и по три года въ одномъ и томъ же классѣ, такъ что, когда я уже кончилъ курсъ, то Сергѣй, поступившій только однимъ классомъ ниже меня, едва только, и то пополамъ съ грѣхомъ, перешелъ въ четвертый. Кромѣ того, что не было никакой возможности заставить его хотя когда-нибудь заняться уроками, онъ, несмотря даже на страхъ къ отцу, очень часто началъ самовольно исчезать изъ дома, и мы, съ Руссовымъ, не желая говорить объ этомъ отцу, добивались отъ него, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, сказалъ, гдѣ бываетъ. Но добиться отъ него правды не было возможности, а между тѣмъ, онъ сталъ возвращаться иногда домой какъ будто подъ хмѣлькомъ, и бѣдный нѣмчура просто приходилъ въ отчаяніе при мысли, что рано или поздно онъ будетъ долженъ сказать обо всемъ отцу. Долго наши убѣжденія не уходить не имѣли никакого результата, и вотъ, наконецъ, въ одинъ печальный зимній вечеръ, во время его отсутствія, неожиданно пріѣхалъ отецъ. Узнавъ, что Сергѣй неизвѣстно гдѣ, отецъ, разумѣется, немедленно же выразилъ нѣмцу неудовольствіе, и мы, вчетверомъ, ожидая его, довольно долго сидѣли въ состояніи двойнаго унынія: одного обычнаго, всегда приносимаго отцомъ съ собою, а другаго уже чисто специфическаго. Дверь въ переднюю была какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и вотъ, наконецъ, мы видимъ, что входитъ Сергѣй и, увидя отца, блѣдный, какъ мертвецъ, останавливается у порога и даже не откликается на зовъ его. Отецъ самъ долженъ былъ выйдти въ переднюю, и только подъ впечатлѣніемъ страха Сергѣй, наконецъ, признался, гдѣ бывалъ, и оказалось, что у сына одного нашего родственника, товарища его по классу и по прилежанію, но уже нѣсколько болѣе, нежели онъ, искушеннаго опытомъ жизни. Помнится, на этотъ разъ, отецъ отнесся къ нему довольно снисходительно и ограничился только продолжительнымъ нравоученіемъ, но по отъѣздѣ отца, Сергѣй, видя, что теперь бояться уже нечего, признался намъ очень хвастливымъ тономъ, что они съ упомянутымъ товарищемъ занимались преимущественно тѣмъ, что въ сумерки разъѣзжали по городу и каждаго встрѣчнаго хлестали кнутомъ. Не понимаю, какъ это сходило имъ съ рукъ. Дѣло, однако, на этомъ не остановилось, и отецъ скоро былъ вынужденъ довольно часто наказывать Сергѣя уже не одними словесными внушеніями, и, вѣроятно, это, вмѣстѣ съ тѣми наказаніями, которыя ему доставались въ гимназіи, уже въ конецъ его озлобило, потому что въ одно прекрасное утро онъ исчезъ

изъ дома вовсе. Разумѣется, его начали розыскивать по всему городу, но не нашли нигдѣ и даже и придумать не могли, куда онъ могъ дѣваться безъ средствъ куда-нибудь уѣхать. Что же, потомъ, оказалось? Нанявъ въ городѣ какого-то извозчика, а можетъ быть просто мужика, онъ махнулъ въ принадлежавшій намъ небольшой фольваркъ, находившійся въ недальнемъ разстояніи отъ города, и, пріѣхавъ туда, потребовалъ у старосты, отъ имени отца, всѣ деньги, какія у него имѣются въ сборѣ. Староста этотъ былъ мужикъ хотя и неглупый, но все-таки мужикъ, и отдалъ ему деньги, которыхъ, впрочемъ, было не особенно много; и только когда Сергѣй опять уѣхалъ, не сказавъ куда, онъ догадался, что ему самому можетъ достаться, пріѣхалъ въ городъ, чтобы доложить о случившемся, но отца въ городѣ уже не было. Онъ уѣхалъ опять въ то имѣніе, гдѣ жилъ постоянно, предполагая, что быть можетъ Сергѣй убѣжалъ туда, но какъ только отецъ уѣхалъ, то Сергѣй явился самъ къ матушкѣ. Взявъ деньги у старосты, онъ опять воротился, на той же подводѣ, въ городъ и нѣсколько дней прожилъ «за Днѣпромъ» то-есть въ части города, очень отдаленной отъ нашего дома, въ какой-то «бѣлой харчевнѣ», гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока не проѣлъ всѣ свои деньги. Впослѣдствіи онъ мнѣ разсказывалъ, что въ это время онъ нерѣдко по вечерамъ подходилъ къ окнамъ нашего дома, но видя, что отецъ еще не уѣхалъ, опять возвращался въ свою харчевню. Въ это время я былъ уже въ Москвѣ, а потому и не знаю навѣрно, какъ поступилъ отецъ съ Сергѣемъ въ наказаніе за этотъ побѣгъ, но изъ гимназіи онъ его взялъ, чего тотъ, вѣроятно, только и добивался. Вскорѣ началась Крымская война, и отецъ отвезъ Сергѣя въ Варшаву, гдѣ опредѣлилъ юнкеромъ въ Таврическій гренадерскій полкъ. Когда полкъ ушелъ въ Крымъ, то онъ остался въ Варшавѣ, въ Уяздовскомъ госпиталѣ, гдѣ однажды съ нимъ сдѣлался такой обморокъ, что его сочли мертвымъ и, пробудившись ночью въ мертвецкой, онъ поднялъ такой гвалтъ, что его поневолѣ признали живымъ. По выпискѣ изъ госпиталя, его отправили въ полкъ по этапу, и какимъ-то манеромъ онъ, вмѣсто Крыма, попалъ въ Одессу. Тамъ въ то время была игуменіею наша родная тетка, мать Таифа, которая, видя его бѣдственное положеніе, помогла ему, да кромѣ того, онъ встрѣтилъ самый отечески-радушный пріемъ въ домѣ тогдашняго командира Одесскаго порта, контръ-адмирала Николая Сергѣевича Потемкина. Онъ былъ намъ родственникомъ по матери, но хотя мы были близки съ его сестрами, самъ онъ, какъ жившій далеко, былъ намъ извѣстенъ только по имени. Подъ гостепріимнымъ крыломъ этихъ почтенныхъ людей, пріютившихъ его у себя, какъ сына, Сергѣй ухитрился прожить нѣсколько мѣсяцевъ и по окончаніи войны, вмѣстѣ съ полкомъ, пришелъ изъ Крыма во Владимірскую губернію, гдѣ была расположена вторая гренадерская дивизія. Сергѣй былъ дві-

надцати вершковъ роста, не дуренъ собою и, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно,—пользовался постояннымъ успѣхомъ у женщинъ. Необдуманность дѣйствій и какая-то взбалмошность, составлявшая въ дѣтствѣ главныя черты его характера, съ лѣтами или прошли или, быть можетъ, превратились въ необыкновенное, Богъ знаетъ откуда взявшееся, умѣнье быстро знакомиться и даже близко сходиться съ людьми, нравиться имъ и вселять въ нихъ къ себѣ самое неподдѣльное участіе. Онъ какъ-то такъ ловко умѣлъ приноровиться ко вкусамъ и понятіямъ каждаго человѣка, съ которымъ встрѣчался даже въ первый разъ, что мнѣ случалось видѣть людей характера суроваго и даже нелюдимаго, дѣлавшихся въ разговорѣ съ нимъ и любезными, и общительными, а послѣ первой встрѣчи уже постоянно съ нимъ встрѣчавшихся какъ со старымъ знакомымъ. Въ первое время моего пребыванія во Владимірѣ я, чуть не на каждомъ шагу, былъ удивляемъ поклонами и любезными привѣтствіями встрѣчавшихся мнѣ на улицѣ людей, которыхъ я видѣлъ въ первый разъ въ жизни; но, наконецъ, объяснилось, что они, по росту и по семейному сходству, принимали меня за Сергѣя. Помню также, какъ, незадолго до своей смерти, когда Сергѣй лежалъ въ полковомъ лазаретѣ Московскаго гренадерскаго полка, то фельдшеръ этого лазарета, молодой человѣкъ, кажется изъ жидковъ, просто не отходилъ отъ его кровати, какъ собачонка глядѣлъ ему въ глаза и бѣгалъ для исполненія его капризовъ, забывая о другихъ больныхъ. Точно также, когда отецъ послѣ того посѣщенія насъ въ Муромѣ, о которомъ я разсказалъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, поѣхалъ къ нему, сначала въ городъ Вязники, гдѣ квартировалъ его полкъ, а потомъ, не заставъ уже его тамъ—во Владиміръ, то Сергѣй такъ сумѣлъ разшевелить и растрясти скупаго и меланхолическаго родителя нашего, что тотъ, не только не дававшій намъ ни одной лишней копѣйки, но даже пытавшійся взять назадъ даже то, что уже было дано, для него прожилъ во Владимірѣ цѣлый мѣсяцъ, не жалѣлъ издержекъ и даже, чего уже почти нельзя было и ожидать, обѣщалъ перевесть его въ уланы.

Младшій братъ мой Иванъ, пробывъ въ гимназіи цѣлыхъ шесть лѣтъ, дошелъ только до третьяго класса и впослѣдствіи служилъ въ одно время со мною и въ одномъ и томъ же полку. Объ обоихъ моихъ братьяхъ мнѣ придется говорить еще впослѣдствіи, когда разсказъ дойдетъ до общей намъ жизни въ военной службѣ, а теперь я скажу только то, что оба они умерли отъ скоротечной чахотки: Сергѣй—въ 1857-мъ году—во Владимірѣ, на двадцать первомъ году отъ рожденія; а Иванъ въ 1860-мъ году, на двадцать третьемъ году—въ Муромѣ, на рукахъ моихъ и нашего бывшаго крѣпостнаго человѣка—Андрея.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Мои сверстники по гимназіи.—Различіе въ карьерѣ.—Неожиданныя превращенія.—Трагическая жизненная развязка.

Въ 1851-мъ году, въ началѣ весны, матушка переѣхала на постоянное жительство въ городъ со всѣмъ семействомъ, состоявшимъ изъ шести сестеръ, изъ которыхъ старшей было одиннадцать лѣтъ, а младшей едва кончился годъ; но это обстоятельство почти не измѣнило нашего образа жизни. Помню только то, что послѣ этого Егоръ Ивановичъ прожилъ у насъ очень недолго, и его сейчасъ же замѣнилъ Руссовъ, съ которымъ я, бывшій въ то время уже въ шестомъ, предпослѣднемъ классѣ, находился въ отношеніяхъ, скорѣе товарищескихъ, нежели такихъ, какія обыкновенно существуютъ между воспитанниками и гувернерами. Этотъ послѣдній гувернеръ нашъ былъ, какъ я уже упоминалъ, человѣкъ еще очень молодой, мало развитой и воспитаніе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Родомъ онъ былъ изъ Эстляндіи и не знаю, по какому случаю попалъ на службу въ Смоленскъ. Тогдашній управляющій палатою государственныхъ имуществъ, Д. С. Протопоповъ, человѣкъ ума замѣчательнаго, обращалъ на него особое вниманіе, какъ на чиновника, стоявшаго все-таки выше общаго уровня, и нерѣдко, по вечерамъ, приглашалъ къ себѣ. По всей вѣроятности, цѣлью этого было желаніе заняться его развитіемъ, и я помню, что каждый разъ Руссовъ, возвращаясь домой отъ управляющаго, передавалъ мнѣ свои разговоры съ нимъ. Эти разговоры постоянно и самого меня наводили на кое-какія мысли, которыми, впрочемъ, я не дѣлился съ моимъ собесѣдникомъ, такъ какъ для меня было ясно, что онъ относится къ нимъ почти безсознательно. Между прочимъ, очень часто стали приходить мнѣ въ голову и почти, какъ кошмаръ, не давать мнѣ покоя такія мысли: вотъ, скоро окончу я курсъ гимназіи, поступлю на юридическій факультетъ (это всегда было моимъ живѣйшимъ желаніемъ) и черезъ четыре года окончу курсъ и тамъ... ну, а затѣмъ? для чего все это будетъ, и чѣмъ я буду долженъ сдѣлаться? сдѣлаюсь ли я чиновникомъ, такимъ вотъ, какъ эти печальныя и некрасивыя фигуры, которыя ежедневно, въ извѣстные часъ и минуту, проходятъ мимо нашихъ оконъ? Вѣдь изъ нихъ одинъ, какъ я знаю, также окончилъ курсъ въ университетѣ, а между тѣмъ чѣмъ же онъ отличается отъ тѣхъ другихъ, которые не пошли далѣе уѣзднаго училища, или низшихъ классовъ семинарій? Или, положимъ, что я буду счастливѣе ихъ и сразу получу такое мѣсто, которое дастъ мнѣ возможность не ходить пѣшкомъ, какъ они, а ѣздить въ каретѣ, какъ вотъ этотъ вице-губернаторъ, который живетъ какъ разъ противъ насъ... но развѣ даже быть такимъ, какъ онъ, можетъ составлять цѣль, къ которой стои-

ло бы стремиться съ охотою? Кончившій курсъ въ университетѣ чиновникъ, кажется, еще и не старъ, а уже похожъ на человѣка пожилаго, да еще на такого человѣка, которому такъ и хочется сказать: «подай мнѣ стаканъ воды!» а вице-губернатора даже мальчишки - гимназисты называютъ не иначе, какъ: «Михайло Иванычъ-съ». Вотъ развѣ только одинъ Протопоповъ, то-есть начальникъ моего сожителя, какъ будто не совсѣмъ похожъ на всѣхъ другихъ: въ лицѣ его видна какая-то глубокая мысль, но это лицо такъ желто и болѣзненно, а на губахъ его сложилась какая-то очень ядовитая усмѣшка... отчего это? Кромѣ того, только вѣдь и слышишь, что чиновники, всѣ безъ исключенія—взяточники и что не быть взяточникомъ, находясь въ гражданской службѣ, не только «вполнѣ невозможно, но даже просто смѣшно»; что тѣхъ, кто умѣетъ брать взятки—всѣ называютъ умными, а тѣхъ, кто ихъ преслѣдуетъ—сумасшедшими. Подобные разговоры мнѣ нерѣдко приходится слышать въ кругу помѣщиковъ, то-есть, въ средѣ, къ которой по рожденію принадлежу и я самъ, и нерѣдко слушаешь, внутренно соглашаясь, что для того, чтобы оставаться вполнѣ чистымъ отъ всякихъ нареканій, слѣдуетъ или служить въ военной службѣ, или не служить вовсе, а просто носить званіе помѣщика. Приходится также видѣть, что эти помѣщики, а въ особенности болѣе крупные—такъ называемые аристократы—обходятся съ чиновниками: съ высшими—съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ, а низшихъ—даже и за людей не считаютъ. И дѣйствительно, эти помѣщики, то-есть не служащіе нигдѣ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, дикихъ, которые не выѣзжаютъ изъ деревни, все какъ-будто гораздо и привлекательнѣе и умнѣе, и какъ-то свободнѣе чиновниковъ вообще, а такіе, напримѣръ, какъ нашъ графъ Павелъ Петровичъ, отставной поручикъ, или Н. А. Ляр—ій, отставной штабъ-ротмистръ, или вотъ этотъ, нигдѣ никогда не служившій, но окончившій въ училищѣ правовѣдѣнія Д. Н. Потемкинъ, такіе представляютъ собою просто идеалы изящества и благородства, и физическаго и нравственнаго, и хоть сколько-нибудь на нихъ походить—уже составляетъ мою завѣтную мечту. Но, вмѣстѣ съ этимъ, я вижу ясно, что сдѣлаться такими, какъ они—для меня положительно невозможно, уже по одной той причинѣ, что они видимо очень богаты, а я?.. вотъ еще вопросъ, который мучилъ меня неотступно. Все-таки, однако, мое убѣжденіе склонялось къ тому, что быть просто помѣщикомъ, все-таки, гораздо благороднѣе, нежели сдѣлаться чиновникомъ.

Но вѣдь приходится, еще чаще, слушать и такіе разговоры, что, молъ, для того, чтобы быть хорошимъ помѣщикомъ, надо умѣть, непремѣнно, заставлять работать мужиковъ, а это возможно только въ томъ случаѣ, если ихъ какъ можно чаще порютъ и колотятъ; а безъ этого вы всегда будете и въ убыткѣ, и въ дуракахъ. Уже одна мысль о томъ, что я

когда-нибудь буду чѣмъ-либо подобнымъ—возбуждала въ душѣ моей омерзѣніе, и меня часто занимало размышленіе: неужели же эти, изящные и благородные, такъ же дерутся? О томъ, что возможно освобожденіе отъ рабства—даже и мысль, каюсь въ томъ чистосердечно, въ голову мнѣ тогда не приходила, а если и мелькала когда-нибудь въ умѣ, то подобное событіе казалось мнѣ просто невозможнымъ и даже—неестественнымъ. О томъ, чтобы когда-нибудь сдѣлаться военнымъ—объ этомъ я, сознавая мою физическую слабость и природную неловкость, даже и не мечталъ; но, глядя на военныхъ, мнѣ все-таки хотѣлось, хотя я и понималъ невозможность этого, походить на адъютантовъ, гусаръ и уланъ, которые такъ восхитительно танцуютъ и держатся такъ смѣло и увѣренно, и уже ни въ какомъ случаѣ не имѣть ничего общаго съ пѣхотинцами, перетянутыми въ рюмочку и такъ неловко танцующими на балахъ. Не подозрѣвалъ я тогда, что и эти оба, такъ рѣзко тогда отличавшіеся другъ отъ друга, типа—также въ непродолжительномъ времени исчезнутъ съ лица земли.

Среди вышеописанныхъ обстоятельствъ и размышленій, я и самъ не замѣтилъ, какъ, въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ, въ четыре года своего пребыванія въ гимназіи, очутился, наконецъ, въ седьмомъ, то-есть въ послѣднемъ классѣ, въ числѣ только девяти товарищей изъ числа по крайней мѣрѣ полутораста, бывшихъ вмѣстѣ со мною въ третьемъ.

Объ этихъ, въ одно время со мною окончившихъ курсъ, товарищахъ я буду говорить впослѣдствіи, а теперь хочу припомнить тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые вышли или ранѣе или позже меня и почему-либо остались въ моихъ воспоминаніяхъ. За время моего пребыванія въ гимназіи, ранѣе нашего выпуска было только четыре, и большинство окончившихъ въ то время курсъ находилось уже въ такомъ возрастѣ, что брило бороды, а нѣкоторые переваливали даже за двадцать пять лѣтъ. Это большинство принадлежало къ разнымъ общественнымъ сферамъ: были между ними и сыновья мелкихъ чиновниковъ, и мѣщане, и очень мелкіе дворяне, изъ такъ называвшихся однодворцевъ; тѣ изъ нихъ, которые дотянули до конца университетскій курсъ, по большей части стали потомъ или врачами, или учителями гимназій, а не дотянувшіе—наполняли собою присутственныя мѣста губернскаго города. Но были между ними и сыновья мѣстныхъ помѣщиковъ, даже довольно богатыхъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые, какъ напримѣръ, Косовъ и Ровинскій, были впослѣдствіи, полезными по своимъ силамъ дѣятелями въ земскихъ или мировыхъ учрежденіяхъ. Изъ числа ихъ былъ одинъ, котораго карьеру можно назвать не совсѣмъ обыкновенною. Фамилія его была Час—ій, и онъ былъ сыномъ довольно богатаго и уважаемаго мѣстнаго помѣщика, отставнаго артиллерійскаго полковника; онъ отличался такою привлекательною наружностью, что и въ юности и даже

впослѣдствіи его называли не иначе, какъ «красавчикомъ Васенькою», онъ очень былъ занятъ этою наружностью, одѣвался всегда очень изящно и даже во время пребыванія въ гимназіи носилъ проборъ сзади— à l'anglaise. Въ нашу гимназію онъ перешелъ изъ Московскаго дворянскаго института, послѣ его переименованія въ 4-ю гимназію, и поступилъ прямо въ шестой классъ; а, слѣдовательно, пробылъ въ ней всего только два года и былъ ученикомъ весьма посредственнымъ, какъ по способностямъ, такъ и по прилежанію. По окончаніи курса онъ, сейчасъ же, получилъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ у мѣстнаго губернатора и немедленно сдѣлался львомъ мѣстнаго аристократическаго общества, а для бывшихъ своихъ сотоварищей—недосягаемымъ идеаломъ совершенства и благополучія. Помню, какъ робко и подобострастно раскланивался я съ нимъ, при встрѣчахъ, въ первое время его выхода изъ гимназіи, а впослѣдствіи и вовсе пересталъ дѣлать это, замѣтивъ въ немъ ясное намѣреніе игнорировать существованіе «какихъ-то гимназистовъ». Успѣхи его въ губернскомъ обществѣ продолжались нѣсколько лѣтъ подрядъ, неизмѣнно и прогрессивно, и даже не было счета дѣвицамъ и барышнямъ, которыя считали какъ-будто обязанностью быть въ него влюбленными. Онъ успѣлъ уже нѣсколько поизносить свою красоту, даже вынесъ небольшой нервный ударъ, отпустилъ бородку à la Napoleon III и сталъ выглядывать совершеннѣйшимъ «roué», когда наступила пора освобожденія крестьянъ. Тутъ—онъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій, попалъ въ составъ мировыхъ посредниковъ такъ называемаго перваго призыва и вслѣдствіе знакомства съ однимъ очень умнымъ мѣстнымъ либераломъ, который изъ учителей гимназіи былъ избранъ дворянствомъ въ члены губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, «красавчикъ Васенька», неожиданно для всѣхъ, вдругъ совершенно переродился. Онъ разомъ бросилъ свѣтскую жизнь и вмѣсто прежняго льва, постоянно на всѣхъ балахъ, собраніяхъ и концертахъ бывшаго на первомъ планѣ, только изрѣдка сталъ появляться въ обществѣ и не иначе, какъ вмѣстѣ съ знаменитымъ либераломъ; въ это время онъ, ясно, намѣренно, удалялся въ самые задніе ряды, какъ-будто для того, чтобы не быть замѣченнымъ. Въ своей посреднической дѣятельности онъ прямо присоединился къ не особенно многочисленной и по своему составу довольно разнообразной фалангѣ такъ называвшихся въ то время либераловъ: началъ яро преслѣдовать злоупотребленія помѣщиковъ и, какъ казалось, искренно говорилъ о необходимости взять подъ защиту закона меньшихъ братьевъ. Этотъ составъ посредниковъ перваго призыва очень быстро разлетѣлся въ разныя стороны; большинство понесло свой либерализмъ въ распоряженіе тогдашняго укротителя мятежной Польши, генерала Муравьева, а «Васенька» вышелъ въ отставку и уѣ-

халъ за границу. Тамъ, впрочемъ, по какимъ-то обстоятельствамъ, онъ пробылъ очень не долго, доѣхалъ, кажется, не далѣе какъ до Берлина, и я помню, что скоро по его возвращеніи мнѣ случилось провести съ нимъ цѣлый вечеръ. Онъ тогда разсказывалъ, что въ Берлинѣ познакомился съ Лассалемъ, который въ то время находился въ апогеѣ своей, уже оффиціально признанной, славы, но помнится, ничего не говорилъ о подробностяхъ этого знакомства. Однако и тогда я замѣтилъ, что въ немъ какъ-будто твердо уже укоренились нѣкоторыя идеи такъ называемаго соціализма. Скоро послѣ этого, «Васенька» опять поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, которое въ то время пріобрѣло нѣкоторую связь съ обрусѣніемъ Западнаго края, и гдѣ служилъ тогда и тотъ нашъ мѣстный либералъ, о которомъ я говорилъ выше. Ч—скій сдѣлался членомъ географическаго общества, избранъ былъ предсѣдателемъ одного изъ его отдѣленій и былъ главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ отправленія въ Австралію знаменитаго Миклухи-Маклая. Кончилъ «красавчикъ Васенька» тѣмъ, что, будучи около пятидесяти лѣтъ отъ роду и имѣя чинъ статскаго совѣтника, въ одно прекрасное утро приставилъ себѣ револьверъ ко лбу и послѣ выстрѣла, въ граціозной позѣ, опустился на колѣни возлѣ своего роскошнаго письменнаго стола.

Изъ числа окончившихъ курсъ уже послѣ меня я, вообще, помню не очень многихъ и еще меньше между ними такихъ, съ кѣмъ приходилось мнѣ встрѣчаться впослѣдствіи. Первое мѣсто между ними, да и между всѣми нами, само собою разумѣется, принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ и безспорно тому, кто впослѣдствіи сдѣлался знаменитостью европейскою, то-есть Пржевальскому; но я, лично, съ нимъ почти не былъ даже и знакомъ и только съ другимъ его братомъ, также въ настоящее время довольно извѣстнымъ на поприщѣ адвокатуры, мнѣ случилось какъ-то вмѣстѣ ѣхать въ Москву на почтовыхъ. Не знаю, предугадывалъ ли, или по крайней мѣрѣ предчувствовалъ ли самъ Пржевальскій свою будущую славу, но еслибы въ то время кто-нибудь вздумалъ ее предсказать, въ кругу его бывшихъ товарищей, то врядъ ли нашелъ бы много охотниковъ ему повѣрить.

Въ маѣ 1858-го года я, наконецъ, въ числѣ девяти товарищей окончилъ курсъ гимназіи, безъ всякихъ отличій; впрочемъ, по количеству балловъ не далѣе какъ пятымъ, вслѣдъ за четырьмя, уже совсѣмъ отличнѣйшими. Изъ числа этихъ девяти троихъ—двоихъ уже очень давно, а третьяго не такъ давно—уже въ настоящее время (въ 1890 г.) нѣтъ на свѣтѣ; а затѣмъ—одинъ состоитъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, двое въ чинахъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, а двое, въ томъ числѣ и азъ многогрѣшный, остаются простыми смертными. О девятомъ, и именно томъ самомъ, съ кѣмъ былъ болѣе другихъ близокъ, я ничего не

слышалъ почти съ самаго окончанія курса. По окончаніи курса, четверо изъ насъ, а именно: Тулубьевъ старшій, мой двоюродный братъ Каленовъ и я—поступили въ Московскій университетъ, четверо: Делюсто, Волковичъ, В—въ и Тулубьевъ младшій—въ Горы-горецкій земледѣльческій институтъ, а одинъ, кажется, въ военную службу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Выпускной экзаменъ.—Смоленскій архіепископъ Тимоѳей.—Его характеристика.—Секретарь Богд—скій.—Переѣздъ въ Москву.

Мнѣ до сихъ поръ памятенъ день нашего послѣдняго экзамена и тѣ чувства, которыя я испытывалъ по окончаніи курса. Къ этому дню всѣ предметы были сданы уже благополучно, и оставался только одинъ Законъ Божій, считающійся вездѣ самымъ легчайшимъ изъ всѣхъ предметовъ. Къ экзамену ожидали архіерея. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, и насъ начали вызывать по одиночкѣ изъ другой комнаты въ залу Совѣта, гдѣ засѣдалъ весь экзаменующій ареопагъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ сидѣлъ маленькій старичекъ, архіепископъ Тимоѳей, почти совсѣмъ спрятавшійся въ высокомъ и глубокомъ креслѣ; на немъ была бархатная ряса, прекраснаго фіолетоваго цвѣта, на которой, по обѣимъ сторонамъ груди, сіяли двѣ, также совершенно новыя, звѣзды. По правую его сторону глядѣли красивые, но потухшіе глаза, и виднѣлась изящная фигура бывшаго гвардейскаго офицера, который былъ тогда нашимъ директоромъ, а по лѣвую—моталась лисья мордочка и выглядывали изъ-за очковъ бѣгающіе, іезуитскіе глазки инспектора. Почтенная и умная фигура отца Парѳенія, также въ новой, но очень скромной, темной рясѣ, была отодвинута къ сторонѣ, какъ-будто при такой торжественной обстановкѣ онъ былъ уже вовсе не при чемъ. Я былъ вызванъ, по алфавиту, послѣднимъ и когда вошелъ, то старичекъ уже казался замѣтно утомленнымъ, но, услышавъ мою фамилію, оживился и не успѣлъ я еще взять вопроснаго билета, какъ онъ началъ экзаменовать меня самъ. «А скажи мнѣ, Николаша, то-то и то-то»... безпрестанно повторялъ онъ, и должно быть мои отвѣты были удачны, потому что билетъ такъ и остался невзятымъ. Во время экзамена, на это обстоятельство никто даже не обратилъ вниманія, а по окончаніи, отецъ Парѳеній выразилъ мнѣ особое удовольствіе передъ всѣми товарищами. Наконецъ, экзаменъ окончился, насъ позвали уже всѣхъ разомъ въ залу и тамъ архіерей, стоя передъ образомъ, благоговѣйно прочиталъ молитву, далъ намъ напутственное благословеніе и уѣхалъ, а насъ попросили опять

уйти въ ту же комнату, изъ которой мы пришли, и снова начали вызывать по одиночкѣ въ актовую залу. Такъ какъ мы считали уже все оконченнымъ, то эта новая церемонія не могла насъ не удивить, тѣмъ болѣе, что мы положительно не могли постигнуть, что такое хотятъ съ нами дѣлать. Сейчасъ же, впрочемъ, по выходѣ изъ залы перваго изъ вызванныхъ мы узнали, что за тѣмъ же столомъ, гдѣ происходили экзамены, производится слѣдующая, весьма остроумная и очень необходимая операція: каждому подходящему директоръ, пополамъ, впрочемъ, съ инспекторомъ, говоритъ перорацію, въ которой высказываетъ свой взглядъ на предстоящаго передъ нимъ, на его способности и характеръ и вообще дѣлаетъ характеристику его личности и дѣятельности. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ, какъ я хорошо помню, и въ то время показалось нѣсколько непонятнымъ, для какой надобности изобрѣтена подобная процедура, и она казалась мнѣ странною тѣмъ болѣе, что мы не имѣли никакихъ основаній къ тому, чтобы считать именно директора компетентнымъ для подобнаго суда, потому что среди воспитанниковъ онъ появлялся очень рѣдко и даже съ послѣднимъ классомъ почти не имѣлъ сношеній. Поэтому, когда очередь дошла до меня, то я подошелъ къ столу съ сердцемъ, уже заранѣе предубѣжденнымъ ожиданіемъ услышать о себѣ что-либо весьма невѣрное и съ чувствомъ самолюбія, также заранѣе возмущеннымъ, такъ какъ какихъ-либо особыхъ похвалъ ожидать не могъ, да, правду сказать, вовсе и не желалъ выслушивать ни похвалы, ни порицанія. Должно быть, всѣ эти мои чувства ясно отражались на моемъ лицѣ, когда я подошелъ къ столу, потому что я очень ясно и теперь помню, какъ директоръ сначала опустилъ какъ-то быстро свои потухшіе глаза, довольно долго откашливался и, наконецъ, началъ свою рѣчь какимъ-то, какъ будто нерѣшительнымъ голосомъ. Я, разумѣется, не могу припомнить всего того, что онъ мнѣ говорилъ, но и не забылъ, что, и по окончаніи рѣчи, впечатлѣніе мое осталось то же и что характеристика моя, высказанная почтеннѣйшимъ претендентомъ на сердцевѣдѣніе, отличалась крайнею поверхностностью, а одно, сказанное имъ, слово даже глубоко укололо меня. Краснорѣчиво и изящно излагая описаніе моего поведенія, директоръ выразился, что я былъ «человѣкъ тихій». Признаюсь, что и въ настоящее время для меня не вполнѣ ясенъ настоящій смыслъ этого выраженія, но, если, говоря его, онъ подразумѣвалъ, что въ характерѣ моемъ существовала способность дѣлать что-либо, какъ говорится, исподтишка, то даже и теперь, когда я исповѣдываюсь уже только, исключительно, передъ самимъ собою, смѣло скажу, что почтеннѣйшій педагогъ-сердцевѣдецъ или вовсе былъ лишенъ способности понимать людей, или, говоря это намѣренно, желалъ уколоть меня. Даже и теперь, черезъ сорокъ почти лѣтъ, я повторяю, что, право, гораздо лучше бы поступилъ нашъ почтенный на-

чальникъ, если бы не совалъ своего изящнаго носа въ дѣло, за которое браться ему вовсе не слѣдовало хотя бы для того, чтобы не отравлять ничѣмъ памяти о своей, все-таки симпатичной личности; а если онъ считалъ эти инсинуаціи чѣмъ-то необходимымъ, то предоставилъ бы ихъ той «лисѣ-патрикѣевнѣ», мнѣніемъ которой онъ въ настоящемъ случаѣ руководился. Не знаю, какъ для другихъ, но для меня эти слова были бы гораздо менѣе оскорбительны, если бы они излетѣли изъ устъ инспектора, такъ какъ даже въ томъ случаѣ, если они имѣли смыслъ одобренія, то нельзя не сказать, чтобы въ нихъ слышалось что-либо другое, кромѣ недоброжелательства; а именно отъ директора я ожидалъ его менѣе, нежели отъ кого-либо другаго. Очень живо помню, что именно эта характерика отравила ту радость, которую я въ то время ощущалъ, и оставила въ душѣ моей впечатлѣніе чего-то угнетающаго.

Бросивъ послѣдній взглядъ на голыя стѣны классовъ и на лавки, на которыхъ просидѣлъ пять лѣтъ, я поспѣшно пошелъ домой, сгорая нетерпѣніемъ сообщить своимъ объ окончаніи курса.

Хотя у меня хорошо сохранилось въ памяти все то, что произошло по приходѣ моемъ домой, но не буду надоѣдать читателю описаніемъ, а скажу только, что матушка не съ особенною радостью отнеслась къ сообщенному мною извѣстію и прямо совѣтовала мнѣ остаться добровольно на другой годъ въ седьмомъ классѣ, такъ какъ, по ея мнѣнію, въ мои годы оканчивать курсъ было еще рано: въ то время мнѣ только-что минуло семнадцать лѣтъ. Ни одинъ разъ, впослѣдствіи, сожалѣлъ я глубоко о томъ, что не послѣдовалъ тогда этому совѣту, но въ то время я къ нему отнесся, какъ къ чему-то не только положительно неосуществимому, но даже и немыслимому, и главнѣйшимъ побужденіемъ къ этому была жившая во мнѣ боязнь отстать отъ моихъ товарищей, несмотря на то, что многіе изъ нихъ были двумя или даже тремя годами меня старше. Всѣмъ извѣстно, что въ настоящее время общественный взглядъ на этотъ вопросъ уже давно измѣнился, и никто не стыдится поступать въ университетъ двадцати, или даже болѣе, лѣтъ; теперь я вполнѣ сознаю, что если бы тогда была надо мною чья-либо руководящая рука, которая, не спрашивая моего согласія, прямо заставила бы меня остаться въ гимназіи еще на одинъ годъ, то очень и очень многое въ моей жизни было бы не то, что теперь.

Еще года за два до окончанія курса намъ всѣмъ стало извѣстно, что поступленіе на всѣ факультеты университета, кромѣ медицинскаго, ограничено извѣстнымъ комплектомъ; но само собою разумѣется, что никто изъ насъ и не думалъ о томъ, какимъ способомъ будемъ мы со временемъ попадать въ этотъ комплектъ, и каждый продолжалъ хранить въ душѣ желаніе поступить на тотъ именно факультетъ, къ ко-

торому чувствовалъ болѣе расположенія. Всѣ мы, кромѣ брата Каленова, который согласно волѣ своего отца (о чемъ я уже говорилъ) думалъ сдѣлаться медикомъ, хотѣли поступить на юридическій факультетъ, и съ этою надеждою, скоро по окончаніи курса, я и отправился въ дорогу, вмѣстѣ съ отцомъ.

Путь, который мы должны были совершить до Москвы, предполагался довольно продолжительный: сначала, черезъ наше подгороднее имѣніе, мы должны были ѣхать въ Бѣльское, гдѣ отецъ предполагалъ пробыть немалое время для хозяйственныхъ своихъ дѣлъ; оттуда все на своихъ лошадяхъ, мы должны были ѣхать въ Вязьму, а оттуда, уже на почтовыхъ въ Москву. Передъ нашимъ отъѣздомъ, отецъ возилъ меня проститься къ архіерею, и это посѣщеніе мнѣ памятно до сихъ поръ. Я хочу воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы сказать нѣсколько словъ о давно уже умершемъ архіепископѣ Тимоѳеѣ, такъ какъ это былъ человѣкъ не лишенный своеобразности, хотя, быть можетъ, и не отличался никакими особыми достоинствами. Онъ пробылъ пастыремъ нашей епархіи, кажется, около тридцати лѣтъ, и очень многимъ поколѣніямъ памятна его маленькая согбенная фигурка съ большою, лысою головой и сѣденькою, рѣдкою бородкой. Въ то время, когда онъ бывалъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, или, вообще, въ какихъ-либо торжественныхъ случаяхъ, онъ облекался въ бархатную рясу и надѣвалъ серебряную звѣзду, но дома, и одинъ, и при гостяхъ, обыкновенно сидѣлъ въ старенькой, какъ онъ самъ, сверху до низу засаленной, коленкоровой рясѣ, на которой была нашита фольговая анненская звѣзда. Нерѣдко можно было его застать даже просто въ одномъ бѣльѣ и растоптанныхъ туфляхъ, которыми онъ громко шлепалъ, бѣгая по своей гостиной, и вслѣдъ за которыми постоянно тащились длинныя завязки отъ кальсонъ. Въ этихъ случаяхъ онъ начиналъ извиняться и дѣлалъ видъ, что хочетъ убѣжать въ другую комнату, но обыкновенно кончалось тѣмъ, что онъ склонялся на просьбу посѣтителя не безпокоиться и такъ, какъ бывалъ, и усаживался на диванъ для бесѣды. Онъ никогда не выпускалъ изъ рукъ огромной круглой табакерки, которую называлъ «табатеркою», и постоянно вертѣлъ пальцами, какъ колесо; носъ онъ набивалъ табакомъ чуть не чрезъ каждыя пять минутъ, а по обѣимъ его сторонамъ всегда было разложено нѣсколько цвѣтныхъ носовыхъ платковъ. Вести бесѣду съ кѣмъ бы то ни было онъ, вообще, очень любилъ и, когда онъ для этого усаживался, то лицо его принимало самое благодушное выраженіе, хотя въ глазахъ свѣтилось нѣкоторое лукавство; ведя разговоръ, онъ то и дѣло прерывалъ и свои и чужія рѣчи, и, какъ будто про себя, но громко произносилъ: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» всегда три раза, при чемъ пощелкивалъ пальцами по крышкѣ табакерки. Къ этому

же маневру онъ прибѣгалъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда затруднялся отвѣчать на какой-либо вопросъ, или тема разговора истощалась. Дома онъ никогда не носилъ ни клобука, ни скуфейки, но въ гости постоянно пріѣзжалъ въ клобукѣ, который только сначала сидѣлъ на немъ прямо, но подъ конецъ вечера непремѣнно оказывался сбитымъ на бекрень, какъ уланскій киверъ, и то же самое происходило и съ митрою во время богослуженія. Въ первый разъ я видѣлъ его, когда мнѣ было не болѣе девяти лѣтъ, въ то время, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ деревню, а впослѣдствіи нерѣдко бывалъ у него съ моимъ отцомъ; онъ всегда оказывалъ мнѣ вниманіе и расположеніе, и постоянно называлъ Николашею. Надо сказать, что въ очень раннемъ дѣтствѣ я, подъ вліяніемъ разсказовъ моихъ тетокъ, которыя всѣ были величайшія ханжи, а одна, кромѣ того, и самая фанатичная поклонница архіерея, привыкъ думать объ архіереяхъ, какъ о чемъ-то высшемъ, нежели всѣ остальные люди; но когда, во время пріѣзда въ деревню къ намъ, я увидѣлъ то подобострастіе, которымъ его тогда окружали: всѣ эти земные поклоны, цѣлованія рукъ и подползаніе на колѣняхъ для благословенія, то признаюсь, что благоговѣніе мое сразу куда-то испарилось. Объ архіереѣ Тимоѳеѣ ходило по городу множество разсказовъ и анекдотовъ. Онъ былъ большой любитель дамскаго общества и очень часто посѣщалъ домъ самой главной его почитательницы, Ольги Ивановны Бибиковой, весьма гостепріимной женщины, у которой постоянно толкался весь городъ. Для пріѣзда архіерея обыкновенно собирались преимущественно пожилыя барыни, изъ которыхъ однѣ были также его поклонницами, а другія изображали изъ себя оппозицію, что впрочемъ вовсе не мѣшало имъ быть постоянными посѣтительницами вечеровъ съ архіереемъ. Какъ-то разъ онъ, на одномъ изъ этихъ вечеровъ, затѣялъ читать поученіе о томъ, что жены должны быть вѣрны мужьямъ, и должно быть уже очень разъоткровенничался, потому что одна изъ барынь протестантокъ, привезшая съ собою дочь, взрослую дѣвицу, вдругъ не выдержала и довольно громко проговорила: «quel cochon!» Архіерей остановился, посмотрѣлъ на нее и потомъ, обратясь къ ея дочери, сталъ громко звать: «Катя! Катя! поди сюда!» Когда дѣвица подошла къ нему, то онъ взялъ ее за руку, притянулъ къ себѣ очень близко и, тыкая пальцемъ въ сторону мамаши, сказалъ ей какъ будто на ухо, но очень громко: «скажи этой... вотъ той... что я по-французски лучше ея знаю!» Въ этомъ случаѣ, однако, онъ просто-на-просто прихвастнулъ, потому что по-французски зналъ только всего одну фразу, начинавшуюся словами: «le grand Dieu... etc.»... которую повторялъ при всякомъ удобномъ случаѣ; да и ту коверкалъ самымъ немилосердымъ образомъ, а произносилъ такъ, какъ будто выучилъ ее по написанному русскими буквами. Помню, въ какой тупикъ онъ поставилъ однажды меня, когда,

проговоря ее всю до конца, вдругъ заставилъ перевести ему по-русски. Разсказывали, что у него была какая-то племянница, которая отличалась способностью такъ хорошо декламировать оду Державина «Богъ», что старикъ показывалъ ее всѣмъ своимъ посѣтителямъ. Дѣлала она это, сопровождая слова соотвѣтствующей жестикуляціею, и при стихѣ: «Безъ лицъ—въ трехъ лицахъ Божества» сначала закрывала лицо обѣими руками, а потомъ вдругъ раздвигала ихъ по обѣ стороны головы, изображая этимъ три лица. Говорятъ, что старикъ, слушая ее, приходилъ въ умиленіе и восторгъ, и повторялъ, что только одинъ Державинъ могъ написать такія слова и только одна племянница можетъ произносить, какъ слѣдуетъ. Былъ у него еще секретарь или письмоводитель, извѣстный въ то время всѣмъ и каждому Иванъ Филипповичъ Богд—ій, которому онъ такъ довѣрялъ, что по всей губерніи архіереемъ называли не самого архіерея, а именно этого Ивана Филипповича. Говорили, и очень громко, что этотъ Филипповичъ немилосердно обиралъ поповъ при каждомъ удобномъ случаѣ, но никто изъ нихъ не смѣлъ на него пожаловаться, и только изрѣдка до архіерея эти жалобы доходили чрезъ какого-нибудь помѣщика, желавшаго защитить своего приходскаго священника. Въ этихъ случаяхъ старикъ, тутъ же при помѣщикѣ, призывалъ къ себѣ Ивана Филипповича и, стуча палкою по полу, кричалъ: «Иванъ Филипповъ! мошенникъ! разбойникъ!» но тотъ обыкновенно равнодушно отворачивался, или говорилъ, что ему некогда, и преспокойно уходилъ, а иногда даже и вовсе не являлся на зовъ архіерея. Потомъ, онъ, конечно, опять начиналъ свои продѣлки. Были даже слухи, что онъ иногда безъ малѣйшей церемоніи подписывался подъ его руку, и наконецъ забралъ такую силу, что для того чтобы наконецъ ссадить его, не придумали другаго средства, какъ ссадить самого архіерея. Старикъ былъ неожиданно уволенъ на покой безъ прошенія и поселился въ монастырѣ, гдѣ архимандритомъ былъ родной братъ этого же Ивана Филипповича. Тамъ онъ вскорѣ и умеръ, а первымъ дѣломъ его преемника было, конечно, смѣщеніе секретаря съ его насиженнаго такъ долго мѣста.

Богослуженіе епископъ Тимоѳей совершалъ, впрочемъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ, и, глядя на него, въ это время невольно забывалось все то, что въ немъ бывало комично, но по окончаніи литургіи онъ имѣлъ обыкновеніе выходить передъ царскія врата, съ посохомъ въ рукахъ и митрою на бекрень, для поученія, причемъ его всегда окружала большая свита. Эти его поученія, конечно, краснорѣчіемъ не отличались, а нерѣдко ему случалось просто потерять нить своей рѣчи; тогда онъ безъ церемоніи оборачивался назадъ къ своей свитѣ и во всеуслышаніе спрашивалъ: «что я сейчасъ сказалъ?» Для образчика приведу одну изъ этихъ рѣчей, которая долгое время была памятна всѣмъ, кто ее слы-

шалъ; это было слово, сказанное при началѣ крымской кампаніи. Онъ говорилъ, приблизительно, въ такихъ выраженіяхъ: «вотъ, православные христіане, противъ насъ теперь собрались языцы! Хотятъ они попрать нашу православную вѣру и отобрать у насъ города и земли! Пошли, Господи, благочестивѣйшему государю нашему побѣду и одолѣніе, потому что онъ не хочетъ ничего отъ нихъ отбирать... ему не надо ни земель ихъ, ни городовъ! Онъ хочетъ только одного—покорить подъ своя нозе вся!» Очень не задолго до своего увольненія старикъ былъ произведенъ въ архіепископы и такъ этому обрадовался, что довольно часто повторялъ: «вотъ, про Тимоѳея-то все говорятъ, что онъ-де и такой и сякой... а вотъ онъ — архіепископъ!» Впрочемъ, при всей своей оригинальности и безпечности по управленію епархіею, архіепископъ Тимоѳей былъ все-таки человѣкъ съ сердцемъ и душу имѣлъ прямую и не робкую. Когда-то, уже давно, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы» было напечатано его письмо къ графу Аракчееву, въ то время, когда этотъ могущественный человѣкъ еще не утратилъ своей силы и власти, а самъ Тимоѳей былъ епископомъ старорусскимъ. Содержаніе этого письма я излагать не буду, потому что позабылъ, но хорошо помню то впечатлѣніе, которое оно на меня произвело: оно написано языкомъ смѣлой правды, и въ немъ нѣтъ даже тѣни лести, или страха. Одинъ очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что когда, въ 1858 году, покойный императоръ Александръ II пріѣзжалъ въ нашъ городъ, то дворянство устроило для высокаго гостя обѣдъ, на которомъ, разумѣется, присутствовалъ и преосвященный Тимоѳей. По пріѣздѣ, государь, послѣ обычныхъ привѣтствій, взялъ архіерея подъ руку, подвелъ его къ столу съ закускою и, собственноручно наливъ рюмку водки, предложилъ ее ему. Тогда старецъ произнесъ: «Царь земной! помолимся Царю Небесному!» и, обратясь къ образу, громко прочиталъ молитву.

Вотъ къ этому-то архіерею и отправились мы съ отцомъ, передъ моимъ поступленіемъ въ университетъ. Мы застали его какъ разъ въ томъ костюмѣ, какъ сказано выше: дѣло было лѣтомъ, и время стояло очень жаркое. Послѣ непродолжительной бесѣды, отецъ сказалъ ему, куда меня везетъ, и просилъ напутствовать своимъ благословеніемъ. Старикъ сейчасъ же всталъ съ дивана, поспѣшно накинулъ свою коленкоровую ряску и, взявъ какую-то книжку, довольно долго по ней молился передъ образами, а затѣмъ тепло и чисто по-отечески меня благословилъ. Когда мы уходили, то онъ, шлепая своими туфлями, за которыми по обыкновенію тащились завязки, почти бѣжалъ за мною до самой двери передней и нѣсколько разъ повторилъ: «береги нравственность, Николаша! пуще всего береги нравственность!» Съ этимъ напутствіемъ мы и отправились въ дорогу.

Пріѣхавъ въ наше подгороднее имѣніе, то-есть, собственно, небольшой фольваркъ, въ которомъ отецъ всегда останавливался во время поѣздокъ въ Бѣльское, мы, въ ожиданіи, пока выкормятся лошади, отправились пѣшкомъ къ одному сосѣду, почтенному старику, жившему очень близко. Сосѣдъ, у котораго сынъ въ томъ же году кончалъ курсъ въ Московскомъ же университетѣ, очень обрадовался намъ и пригласилъ остаться у него обѣдать. Я разсказываю все это для того, чтобы упомянуть о произошедшемъ здѣсь случаѣ, который самъ по себѣ былъ довольно ничтоженъ, но имѣлъ значительное вліяніе на все то, что произошло потомъ, да пожалуй и на всю мою дальнѣйшую судьбу. На столѣ у этого сосѣда лежалъ нумеръ тогдашнихъ (еще не Катковскихъ) «Московскихъ Вѣдомостей», и, пробѣгая его, отецъ увидѣлъ объявленіе правленія Московскаго университета о томъ, что всѣ желающіе поступить въ университетъ на всѣ другіе факультеты кромѣ медицинскаго, должны подать или послать по почтѣ прошеніе объ этомъ непремѣнно ранѣе 15-го іюля (или іюня, не помню навѣрное). Отцу не только очень хорошо было извѣстно мое желаніе поступить на юридическій факультетъ, но, повидимому, онъ даже самъ этому сочувствовалъ, такъ по крайней мѣрѣ говорилъ; не могъ онъ также не понимать, что для юноши моихъ лѣтъ всѣ эти канцелярскія формальности — terra incognita... а между тѣмъ, что же онъ сдѣлалъ? Вмѣсто того чтобы просто принять его къ свѣдѣнію и поступить сообразно съ нимъ, онъ показалъ объявленіе мнѣ и устремилъ на меня вопросительный взглядъ, какъ будто спрашивая подтвержденія или совѣта. Положительно не могу постигнуть и до настоящаго времени, по какому побужденію я сказалъ, что это, вѣроятно, не относится къ тѣмъ, которые, подобно мнѣ, окончили курсъ въ гимназіи того же округа, съ правомъ поступленія въ университетъ безъ экзамена. По всей вѣроятности, я это отъ кого-нибудь слышалъ, потому что и теперь не могу предположить, чтобы я выдумалъ самъ; но дѣло въ томъ, что отецъ удовлетворился, и прошеніе такъ и не было отослано.

Пробывъ въ Бѣльскомъ имѣніи довольно долго, мы въ концѣ іюля отправились въ Вязьму на своихъ же лошадяхъ по ужаснѣйшей дорогѣ, которая почти на всемъ ея протяженіи состояла изъ подгнившихъ и расшатавшихся бревенъ, уложенныхъ на болотистой почвѣ. Какъ я говорилъ уже выше, тетушка моя Александра Николаевна, въ то время уже мать Аркадія, была казначеею Вяземскаго женскаго монастыря, и мы, разумѣется, сейчасъ же по пріѣздѣ, отправились къ ней. Игуменьею монастыря въ то время еще считалась, впрочемъ только номинально, его основательница, бывшая княжна Ширинская-Шихматова, родная сестра только-что въ то время умершаго министра народнаго просвѣщенія. Отецъ мой, повидимому, и прежде былъ знакомъ съ этою игу-

меньею, но я отъ него прежде ничего о ней никогда не слыхалъ и видѣлъ ее въ первый и въ послѣдній разъ именно тогда, когда, въ описываемый мною пріѣздъ, тетушка повела меня къ ней. Когда мы вошли, то меня сразу поразило какое-то неопредѣленное, блуждающее выраженіе глазъ почтенной игуменьи, а также и то, что во время нашего визита, продолжавшагося довольно значительное время, она нерѣдко обращалась взглядомъ къ тетушкѣ, какъ будто ожидая ея приказанія или объясненія того, что она должна сказать. Удивило меня еще и то, что какъ только мы вошли и ей меня отрекомендовали, то она, какъ будто по заказу, начала высыпать разныя нѣжныя слова, въ родѣ: «душенька мой! голубчикъ! миленькій! родной мой!» и все это продолжалось до конца посѣщенія. Помню, что она даже отрывалась отъ разговора съ отцомъ, котораго, повидимому, слушала очень внимательно, для того чтобы обращаться ко мнѣ снова съ тѣми же нѣжностями. Должно быть, я глядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ или по крайней мѣрѣ—любопытствомъ, которое не ускользнуло отъ вниманія тетки, потому что, когда мы прощались, то она довольно громко, хотя на ухо, сказала мнѣ: «поцѣлуй ей ручку—она святая!» Чрезъ тетушку же мы получили рекомендательныя письма отъ игуменьи къ ея племяннику, князю Александру Прохоровичу, который въ то время былъ директоромъ 3-й Московской гимназіи, впослѣдствіи попечителемъ Московскаго округа, а потомъ и товарищемъ министра народнаго просвѣщенія; а также къ ея племянницѣ г-жѣ Новиковой, мужъ которой служилъ экзекуторомъ Московскаго университета. А затѣмъ уже на почтовыхъ, но въ своемъ тарантасѣ мы отправились въ Москву.

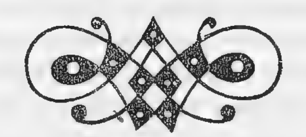
У меня была и осталась до сихъ поръ какая-то врожденная любовь къ путешествіямъ; мнѣ постоянно хотѣлось и очень нравилось видѣть какія-либо новыя, еще невиданныя мною мѣста, и только тогда я и чувствовалъ себя счастливымъ, когда куда-нибудь ѣхалъ. Ощущенія, описанныя Гоголемъ въ «Мертвыхъ душахъ» по поводу дороги, были мнѣ понятны еще тогда, когда я не успѣлъ испытать ихъ, и мнѣ жадно хотѣлось именно этихъ ощущеній. Теперь, съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ, подобныя ощущенія уже невозможны, и, сидя въ вагонѣ, приходится часто припоминать слова одного французскаго писателя, забылъ кого именно: «pour les chemins de fer on ne voyage pas: on arrive». Этотъ мой первый дальній путь былъ полонъ ощущеній, и я то и дѣло поворачивалъ голову то на ту, то на другую сторону дороги, боясь пропустить хотя какую-нибудь мелочь. Передъ нами тянулись мѣста, наполненныя историческими воспоминаніями, и я мысленно населялъ ихъ то толпами поляковъ, идущихъ на Москву подъ предводительствомъ вождя въ золотомъ жупанѣ, то пьяными ватагами Тушинскаго вора, то, наконецъ, стройными колоннами, впереди которыхъ не разъ воображалъ

себѣ человѣка, «отмѣченнаго божественнымъ перстомъ» въ «трехугольной шляпѣ и сѣромъ походномъ сюртукѣ». Кромѣ того, я жадно всматривался во все то, что казалось мнѣ проявленіемъ человѣческой жизни, и мнѣ хотѣлось постигнуть, убѣдиться и сравнить: такъ же ли и здѣсь, какъ тамъ, гдѣ выросъ я, живутъ и господа, и мужики? Таковы ли же они съ виду? неужели же и здѣсь такъ же бѣдны и грязны мужицкія хаты, а сами мужики глядятъ также мрачно, злобно и угрюмо; или, быть можетъ, нѣтъ? Если по дорогѣ попадалась помѣщичья усадьба, то я опять жадно вглядывался и хотѣлъ сквозь стѣны дома проникнуть въ самую жизнь и угадать: кто и какъ живетъ тамъ? Чѣмъ болѣе приближались мы къ Москвѣ, тѣмъ болѣе жизнь простаго народа казалась мнѣ постепенно улучшающеюся и народъ болѣе веселымъ, привѣтливымъ, зажиточнымъ и чистоплотнымъ, а уже не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы мое вниманіе обратила на себя цѣлая деревня, построенная изъ кирпича и обсаженная деревьями. Помнится, что эта деревня принадлежала кому-то изъ князей Голицыныхъ, и, глядя на нее, я восхвалялъ мысленно благодѣтельнаго помѣщика, и мнѣ невольно думалось, что было бы очень хорошо, еслибы всѣ мужики по всей Россіи жили въ такихъ хатахъ. Помню, что, проѣзжая чрезъ эту деревню лѣтъ восемь послѣ, я видѣлъ ее въ состояніи очень плачевномъ: вокругъ полуразвалившихся избъ лежали груды отвалившагося отъ стѣнъ кирпича, трубы вездѣ были полуобрушены, деревья—или вырублены, или ощипанныя стояли безъ листьевъ среди лѣта. Вотъ наконецъ и послѣдняя до Москвы станція, Перхушково, за которую съ насъ взяли двойные прогоны, и скоро увижу я Москву,—Москву, въ которой такъ «много для сердца русскаго слилось»; Москву «дистанцію огромнаго размѣра», которой пожаръ даже «способствовалъ къ украшенію», въ которой царствуетъ, какъ я слышалъ еще очень давно, намѣстникъ царя, старикъ графъ Закревскій, и передъ нимъ трепещутъ всѣ; ту, наконецъ, Москву, на которую открывается видъ какъ на ладони съ знаменитой Поклонной горы. Я очень нетерпѣливо ждалъ и горы и виды; и дѣйствительно, за нѣсколько верстъ видъ открылся великолѣпный, и надъ нимъ царила громада Храма Спасителя, тогда еще вся обставленная лѣсами; но самой «горы» я такъ и не дождался ни тогда, ни послѣ, хотя уже немало разъ случалось подъѣзжать къ Москвѣ; и до сихъ поръ не понимаю откуда взялось названіе «горы». Наконецъ, мы въѣхали въ Дорогомиловскую заставу, а затѣмъ нашъ тарантасъ медленно началъ подскакивать по булыжной мостовой, и мимо насъ потянулось все то, что уже увѣковѣчено въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Грохотъ вокругъ насъ отъ экипажей стоялъ неумолкаемый; люди разныхъ видовъ такъ и сновали и на встрѣчу, и сзади; я даже не успѣвалъ ловить взоромъ все то, что встрѣчалось, и помню только то, что меня удивляло невозмутимое равнодушіе нашего доморощеннаго Пе-

трушки, камердинера отца, который хотя, какъ и я, былъ въ Москвѣ въ первый разъ въ жизни, а все продолжалъ смотрѣть куда-то себѣ подъ ноги.

Наконецъ мы подъѣхали къ гостиницѣ «Парижъ» на углу Тверской и Охотнаго ряда, гдѣ и остановились въ нумерѣ въ третьемъ этажѣ, стоившемъ 50 копѣекъ въ сутки.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ портрету Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ-паша).

Предлагаемыя читателямъ нашимъ записки М. Чайковскаго составляютъ его полную автобіографію. Это былъ польскій писатель и политическій дѣятель, судьба котораго сложилась крайне интересно и была замѣчательно разнообразна проявленіемъ его дѣятельности на различныхъ поприщахъ. Его автобіографія заключаетъ въ себѣ описаніе жизни его съ самаго ранняго дѣтства вплоть до окончаніи его служебной дѣятельности въ Турціи и возвращенія, по полученіи Высочайшаго разрѣшенія, въ Россію. Записки эти, представляя огромный историческій интересъ, составляютъ весьма серьезный вкладъ въ литературу историческихъ матеріаловъ. Обнимая собою цѣлыхъ шестьдесятъ лѣтъ, съ 1812 по 1872 годъ, онѣ разъясняютъ многія событія нашего вѣка, представляя въ то же время profession de foi политическаго дѣятеля и извѣстнаго писателя.

Большая рукопись эта въ 1891 году была начата печатаніемъ въ журналѣ «Кіевская Старина», но съ значительными пропусками и сокращеніями, почему внезапно прекратилась. Редакція «Русской Старины», пріобрѣтя нынѣ весь оригиналъ, даетъ на своихъ страницахъ полный переводъ автобіографіи М. Чайковскаго, безъ всякихъ сокращеній, считая въ то же время не лишнимъ предпослать этимъ запискамъ краткій очеркъ, служащій какъ бы дополненіемъ къ портрету Чайковскаго въ лѣтахъ его молодости.

Михаилъ Чайковскій родился въ 1804 г. въ Житомірскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, въ деревнѣ Гальчинецъ (Haltchynietz). Какъ единственный сынъ, онъ получилъ въ наслѣдство три деревни близъ

Гальчинеца и пять деревень близъ Чуднова со стеклянными и чугунно-литейнымъ заводами въ окрестныхъ лѣсахъ.

Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ пансіонѣ г. Вольсея, бывшаго директора Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, который поселился впослѣдствіи въ Бердичевѣ. Одну изъ особенностей этого заведенія составляла его чисто военная организація; помимо классическихъ наукъ, воспитанники обучались въ немъ подъ руководствомъ старыхъ офицеровъ ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ и военнымъ эволюціямъ; имъ преподавались даже правила полевой службы. Изъ этого пансіона Чайковскій перешелъ въ гимназію въ Мендзиржецъ, которую содержали піаристы, а оттуда въ Варшавскій университетъ, гдѣ онъ слушалъ курсъ законовѣдѣнія и администраціи. Возвратившись домой и живя въ своемъ помѣстьѣ, онъ былъ избранъ въ 1829 г. предводителемъ дворянства Житомірскаго уѣзда.

Чайковскій принималъ участіе въ возстаніи 1831 г. и поступилъ въ конный полкъ, сформированный помѣщиками Волынской губерніи и состоявшій подъ командою его зятя, полковника польской арміи Карла Ружицкаго. Этотъ конный полкъ, извѣстный подъ названіемъ Волынскаго коннаго полка, присоединился къ польской арміи въ Польшѣ и сражался вмѣстѣ съ нею.

Эмигрировавъ во Францію, онъ жилъ по очереди въ Буржѣ, Фонтенебло и Парижѣ. Не желая пользоваться жалованьемъ, которое французское правительство выдавало польскимъ офицерамъ-эмигрантамъ, онъ сталъ издавать на польскомъ языкѣ цѣлую серію своихъ сочиненій, въ которыхъ развивалъ мысль, или, лучше сказать, выработанное имъ убѣжденіе, что Польское королевство погибло вслѣдствіе того, что оно отдѣлилось отъ славянскихъ народовъ, подчинилось политикѣ западныхъ державъ и стало игрушкою въ рукахъ нѣмцевъ и другихъ сосѣднихъ государствъ. Самою главною ошибкою польской республики было, по словамъ Чайковскаго, то, что, подчинившись іезуитамъ и католической религіи, она возстановила противъ себя казацкое и православное населеніе Малороссіи, которое сдѣлалось ея злѣйшимъ врагомъ. Чайковскій писалъ также много отдѣльныхъ статей въ французскія газеты, именно въ «Réformateur», «la Presse», «Quotidienne», «le Constitutionnel», «la Gazette des Tribuneaux», иногда даже въ «Journal des Débats», въ «Revue du Nord» и въ польскія газеты, издаваемыя въ Познани. Кромѣ того онъ помѣщалъ много спеціальныхъ статей въ «la Revue militaire française» и въ «Dictionnaire de la conversation.» Благодаря этимъ разнообразнымъ литературныхъ работамъ, онъ былъ избранъ въ члены историческаго общества (Institut historique), и ему было предложено поступить на службу во французскую армію, но онъ

отказался отъ этого вслѣдствіе своихъ политическихъ убѣжденій и для того, чтобы не связывать себя въ будущемъ.

Приглашенный княземъ Чарторыйскимъ на дипломатическую службу польскому дѣлу, которымъ руководилъ этотъ послѣдній, онъ былъ посланникомъ въ Римѣ, Италіи, Германіи и наконецъ въ Турціи. Тутъ онъ поступилъ на дипломатическую службу въ канцелярію султана Абдулъ Меджида и въ 1853 г. съ чиномъ румелійскаго бейлербея былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ казаковъ, водворившихся въ Турціи. Эти казаки образовали довольно многочисленное населеніе, занявшее Добруджу по берегу Дуная и Чернаго моря, за исключеніемъ казаковъ-старовѣровъ, извѣстныхъ подъ именемъ казаковъ Игнатія Некрасова и населявшихъ въ Малой Азіи обширную деревню Бенъ Эоле (что по-турецки значитъ тысяча домовъ). Эти казаки, уроженцы Дона, находились прежде на службѣ у крымскихъ татаръ, но послѣ покоренія Крыма и присоединенія его къ Россіи они перешли на службу Турціи и были колонизованы въ Добруджѣ, близъ устья Дуная, по сосѣдству съ запорожскими казаками, которые эмигрировали въ Турцію послѣ разоренія ихъ Малороссійской Сѣчи. Распри, возникшія между этими двумя казацкими войсками, вынудили некрасовцевъ оставить Добруджу; тогда они поселились въ Румеліи близъ города Эноса при устьѣ Марицы. Лихорадки, посѣщавшія ихъ въ этой мѣстности, заставили ихъ снова въ началѣ нынѣшняго столѣтія перемѣнить мѣсто жительства, и тогда съ разрѣшенія турецкаго правительства они поселились окончательно въ Малой Азіи на берегу озера Маніоса, въ большомъ селеніи Бенъ Эоле, лежавшемъ въ 5 часахъ ѣзды отъ города Бандермы, небольшаго порта на Мраморномъ морѣ. Согласно постановленіямъ, завѣщаннымъ имъ Игнатіемъ Некрасовымъ, эти казаки не должны были заниматься хлѣбопашествомъ, не должны были обработывать полей, но только во время войны драться вмѣстѣ съ турецкими войсками, въ благодарность за оказанное имъ турками гостепріимство, а въ мирное время имъ дозволялось заниматься рыбною ловлею, соленьемъ рыбы и продажею ея; казацкое общество должно было существовать на деньги, выручаемыя отъ этой продажи. Казаки брали каждый годъ въ аренду отъ правительства и частныхъ лицъ множество озеръ и прудовъ какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи и заходили даже въ самыя отдаленныя ея провинціи въ Азіи. Та часть населенія, которая занималась рыбною ловлею, раздѣлялась на небольшіе отряды; въ каждомъ отрядѣ былъ свой начальникъ или атаманъ, свой совѣтъ старшинъ, свой казначей, писарь и свой отдѣльный округъ, въ которомъ онъ занимался рыбною ловлею, приготовленіемъ икры и другими тому подобными работами. По возвращеніи этихъ отрядовъ на мѣсто жительства, изъ суммъ, выручен-

ныхъ ими, образовывался общій фондъ, который раздѣлялся на три части. Одна изъ нихъ составляла резервный капиталъ, шедшій на вооруженіе и обмундированіе казаковъ въ военное время, другая составляла общій фондъ казацкаго общества, которымъ уплачивалась аренда за тони на слѣдующій годъ; наконецъ, третья часть дѣлилась поровну между всѣми казаками. Впослѣдствіи армяне и греки начали брать тони въ аренду, и казацкое общество обѣднѣло, тѣмъ болѣе, что оно не обезпечило за собою достаточнаго количества земли. Въ военное время они доставляли турецкому правительству вооруженныя сотни, а въ былыя времена цѣлыя тысячи всадниковъ, но въ эпоху крымской войны казаки вооружили только четыре эскадрона. Турки чрезвычайно цѣнятъ казаковъ за ихъ храбрость, и въ архивахъ казацкаго войска хранится множество фирмановъ, данныхъ имъ султанами въ благодарность за услуги, оказанныя Турціи этимъ войскомъ. Въ 1839 г. въ Нежибскомъ сраженіи казаки оставили поле битвы послѣдніе и своими выстрѣлами остановили напоръ арабской кавалеріи египтянъ, давъ такимъ образомъ турецкой артиллеріи возможность отступить, не попавъ въ руки египтянъ. По этому случаю ихъ атаманъ, Иванъ Солтанъ, получилъ отъ султана Махмуда благодарственный фирманъ и золотую булаву.

Запорожскіе казаки, населявшіе нѣкогда Добруджу и основавшіе свою Сѣчь на берегу Дунаевца, возвратились въ 1828 г. въ Россію со своимъ атаманомъ Гладко, за исключеніемъ небольшаго числа ихъ, человѣкъ около тысячи, служившихъ въ то время въ Босніи, которые остались въ Добруджѣ и послѣ заключенія мира; потомки ихъ населяютъ до сихъ поръ въ этой провинціи нѣсколько деревень. Эти казаки были извѣстны у турокъ подъ названіемъ отузбировъ (тридцать одинъ), такъ какъ они были административно раздѣлены на тридцать одну курень. Ихъ историческое знамя, данное султанами ихъ атаману Орлыку при водвореніи казаковъ въ Турціи, когда была разрушена ихъ Запорожская Сѣчь, хранилось въ домѣ греческаго патріарха въ Константинополѣ во время объявленія войны и осталось въ Турціи, когда запорожцы возвратились въ Россію. Впослѣдствіи это знамя перешло къ казацкому полку, сформированному турецкимъ правительствомъ во время крымской войны 1854 г.; оно состояло изъ золотаго православнаго креста на бѣломъ полѣ и серебрянаго полумѣсяца на красномъ полѣ.

Другая часть казацкаго населенія состояла изъ разныхъ русскихъ сектаторовъ, поселившихся въ Добруджѣ и занимавшихся торговлею, земледѣліемъ и рыбною ловлею въ городахъ и деревняхъ этой провинціи. Въ военное время, вслѣдствіе привилегій, полученныхъ ими отъ турецкаго правительства, они были обязаны сформировать на свой счетъ

военный отрядъ, но за то въ мирное время освобождались отъ нѣкорыхъ налоговъ и не причислялись къ раіямъ или христіанскимъ подданнымъ, но образовали отдѣльный классъ, имѣвшій въ Константинополѣ при Оттоманской Портѣ своего оффиціальнаго представителя или казакъ-баши, защищавшаго его интересы и привилегіи. Къ этой части населенія причислялись и крестьяне, бѣжавшіе изъ южной Россіи отъ крѣпостнаго права, а равно и дезертиры изъ русской арміи; казаки-старовѣры нанимали часто этихъ послѣднихъ на свое мѣсто въ военное время.

Послѣ Крымской кампаніи Чайковскій былъ произведенъ въ ферики или дивизіонные генералы подъ именемъ Мехмедъ-Садыкъ-паши, сохранивъ командованіе надъ казаками и надъ двумя регулярными и постоянными казацкими и драгунскими полками, включенными въ гвардію султана въ награду за услуги, оказанныя казаками въ эту войну.

Съ этими полками Чайковскій охранялъ нѣкоторое время греческую границу и освободилъ Ѳессалію и Эпиръ отъ разбойничьихъ шаекъ, наводнявшихъ эти провинціи; затѣмъ онъ сражался съ ними на Коссовомъ полѣ на границѣ Черногоріи; въ 1867 г. командовалъ войсками, охранявшими Балканы и нынѣшнюю Румелію, а въ 1870 г. командовалъ подъ Шумлою гвардейской кавалеріей, собравшейся въ этомъ лагерѣ. По окончаніи кампаніи онъ вышелъ въ отставку. Получивъ амнистію вслѣдствіе великодушія русскаго монарха, онъ возвратился въ Россію въ 1872 г.

До сихъ поръ на польскомъ языкѣ появились слѣдующія его сочиненія: Казацкія сказки въ 1 томѣ, Werny horo, 2 тома; Kirdjali, 2 тома; Etienne Tcharnecki или Шведы въ Польшѣ, 2 тома; Анна, 2 т.; Koschovata, 1 т.; Ukrainki, 1 т.; Gawendy, 1 т.; Жизнеописаніе нѣкоторыхъ замѣчательныхъ поляковъ, 1 т.; Болгарія, 2 т.; Боснія, 1 т.; Nemoloko, 2 т.— Болгарія и Боснія были позднѣе напечатаны на русскомъ языкѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Многія изъ этихъ сочиненій выдержали два или три изданія, и всѣ были перепечатаны въ библіотекѣ польскихъ писателей, изданной Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены на французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій и сербскій языки.

Поводомъ къ организаціи въ Турціи регулярнаго казацкаго войска, состоящаго на службѣ и въ мирное время, было желаніе образовать въ Турціи христіанское и славянское войска; это было первою попыткою въ этомъ направленіи, предложенною султану Абдулъ-Меджиду Садыкъ-пашею (Михаиломъ Чайковскимъ), черезъ посредничество великаго визиря Решидъ-паши. Давъ христіанамъ право носить оружіе, онъ хотѣлъ этимъ не только возвысить христіанскую роль въ глазахъ господствую-

щаго племени, завоевателей турокъ, но и привязать вмѣстѣ съ тѣмъ славянъ къ Турецкой имперіи и положить основаніе къ образованію въ будущемъ союза южныхъ славянскихъ государствъ подъ верховною властью султановъ, которые, вслѣдствіе браковъ ихъ предковъ съ сербскими принцессами династіи Немовичей, принадлежатъ по женской линіи къ древней сербской королевской фамиліи. Стремясь къ достиженію этой цѣли, Чайковскій имѣлъ въ виду сроднить снова, такъ сказать, политически поляковъ со славянами, отъ которыхъ имъ отнюдь не слѣдовало отдѣляться, оторвать ихъ отъ запада и привлечь на востокъ, гдѣ они имѣютъ свое мѣсто въ политикѣ.

Мысль эта понравилась султану Абдулъ-Меджиду, и осуществленію ея способствовали Решидъ, Риза и Фуадъ, бывшіе въ то время государственными дѣятелями Турціи.

Взявъ за основаніе контингентъ, доставляемый казацкимъ населеніемъ въ военное время, въ Турціи былъ созданъ въ началѣ похода регулярный казацкій полкъ. Онъ былъ обмундированъ и организованъ въ теченіе четырехъ недѣль, состоялъ изъ 6-ти эскадроновъ по 150 всадниковъ въ каждомъ; въ составъ его вошли волонтеры по большей части изъ болгаръ, съ примѣсью сербовъ, босняковъ, поляковъ и австрійскихъ славянъ. Офицерами этого полка были большею частью польскіе эмигранты 1831 и 1848 гг.; многіе изъ нихъ служили въ польской арміи подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, а нѣкоторые сражались даже въ войскахъ Наполеона I.

Одновременно съ организаціей этого полка были призваны къ оружію некрасовцы, старовѣры Добруджи и остатки запорожцевъ; этотъ контингентъ составилъ второй полкъ. Служебнымъ языкомъ въ войскѣ былъ принятъ славянскій, малороссійскій языкъ; казакамъ дано было древнее знамя запорожцевъ, сохранившееся въ домѣ греческаго патріарха въ Константинополѣ.

Эти два полка участвовали въ Дунайскомъ походѣ и заслужили своей храбростью разныя привилегіи, и между прочимъ, что всякій волонтеръ регулярнаго полка, послѣ пяти лѣтъ дѣйствительной службы, выйдя въ отставку, освобождался отъ подушной подати и пользовался одинаковыми правами съ турками. Во время кампаніи, въ виду заслугъ перваго регулярнаго полка, было приказано сформировать второй, но онъ былъ распущенъ вслѣдствіе интригъ и происковъ польской католической партіи, и по окончаніи похода изъ этихъ солдатъ сформированъ второй полкъ по примѣру перваго, но они были вооружены и обучались по образцу драгунскихъ полковъ.

Решидъ-паша хотѣлъ основать въ 1856 г. военную казацкую колонію на островахъ Лети, Сулина и по берегамъ Дунаевца; но противъ

осуществленія этого плана возстали посланники западныхъ державъ, между прочимъ французскій, англійскій и австрійскій.

Фуадъ-паша хотѣлъ увеличить число казацкихъ полковъ съ двухъ до восьми; противъ этого плана возстали тѣ же державы, опасаясь усиленія черезъ это славянскихъ государствъ.

Наконецъ Гуссейнъ-паша, бывшій въ то время всемогущимъ военнымъ министромъ Турціи, подчиняясь вліянію Австріи и Англіи и интригамъ поляковъ и католиковъ, совершенно устранилъ славянскій элементъ изъ этого войска; тогда Садыкъ-паша, Чайковскій, оставилъ службу, не желая командовать войскомъ, утратившимъ совершенно свой славянскій характеръ и не имѣвшимъ болѣе никакой политической цѣли въ славянскомъ вопросѣ.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехмедъ-Садыкъ-паша).

I.

Мое рожденіе и воспитаніе.—Отецъ моей матери.—Мемуары Брюховецкаго.—Моя мать.—Учебное заведеніе Вольсея.—Учителя и ихъ политическія воззрѣнія.

Я родился въ 1804 году, въ деревнѣ Гальчинецъ, Житомірскаго уѣзда, Волынской губерніи, въ Коденскомъ приходѣ, въ тринадцати верстахъ отъ Бердичева — этого торговаго Іерусалима жидовъ приднѣпровской Руси—и въ девяти верстахъ отъ Св. Кодни, гдѣ, именемъ польскаго короля и Рѣчи Посполитой, жгли, сажали на колъ и обезглавливали гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, Это мѣсто внушило такой ужасъ населенію Украйны, что, по настоящее время, желая бросить въ лицо кому-либо проклятіе или угрозу, здѣсь говорятъ: «Чтобъ тебя не миновала Св. Кодня».

Отецъ мой, Станиславъ Чайковскій, былъ почетнымъ кіевскимъ городничимъ, старостою даничевскимъ и представителемъ Кіевскаго воеводства на сеймѣ 3-го мая. Мать моя была дочерью Михаила Глембоцкаго, войскаго[1]) и маршалка Овручскаго уѣзда, и Елены, урожденной Брюховецкой—вдовы послѣ перваго мужа, внучки знаменитаго атамана Запорожья—Ивана Брюховецкаго, который, совершивъ сорокъ четыре, всегда побѣдо-

---

[1]) Войскій—чиновникъ, наблюдающій за спокойствіемъ области во время общаго ополченія.

носныхъ и сопровождавшихся рѣзнею и пожарами, набѣга на Крымъ, на султана, на Россію и Польшу, умеръ отъ гнѣва и отчаянія, когда ему пришлось отступить отъ Перекопа, предавъ пламени всего только три города и до тридцати деревень, и захвативъ въ плѣнъ только три тысячи татаръ. Онъ не вернулся въ Сѣчь; отъ скорби у него лопнуло сердце, и онъ скончался въ открытой степи. Надъ его могилою казаки насыпали высокій курганъ.

Въ наслѣдство отъ него досталось моей матери семь огромныхъ, переплетенныхъ въ пергаментъ, книгъ, писанныхъ имъ собственноручно, прозою, стихами, по-польски, по-русски и по-латини. Это была удивительная мозаика разсказовъ, сентенцій, мнѣній, правилъ, рецептовъ,—все это было полно ума и остроумія и чрезвычайно интересно. Когда я научился читать, любимымъ моимъ занятіемъ было перечитывать эту дорогую для меня семейную хронику. Она была для меня Евангеліемъ и Кораномъ.

Отецъ моей матери, Михаилъ Глембоцкій, былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей задорной и своенравной шляхты Волыни и Украйны. Онъ относился къ казакамъ, какъ грозный шляхтичъ, къ ляхамъ,—какъ гордый казакъ; къ русскимъ и нѣмцамъ,—какъ непримиримый полякъ. Это былъ человѣкъ стараго закала, себѣ-на-умѣ; онъ прекрасно умѣлъ устраивать свои имущественныя дѣла и пользоваться жизнью. Получивъ назначеніе, вмѣстѣ съ командующимъ войсками Стемпковскимъ, судить и карать гайдамаковъ Гонты и Желѣзняка, онъ, держа уже приподнятый мечъ въ рукѣ, сказалъ себѣ: «Когда человѣку отрубятъ голову или задушатъ его, то останутся только тѣло и кости; что станется съ душою—это одинъ Богъ знаетъ; но несомнѣнно, что она не станетъ отбывать барщину и давать даровой трудъ». Въ виду такого рода соображеній, онъ спаивалъ Стемпковскаго токайскимъ виномъ, а гайдамаковъ по двадцати, по десяти человѣкъ выпускалъ на свѣтъ Божій, на свободу, съ тѣмъ, чтобы они за грѣхи свои терпѣли наказаніе, отбывая барщину во славу Божію, въ пользу пана войскаго овручскаго. Благодаря этому, онъ пріобрѣлъ шесть деревень: Солотвинъ, Гальчизну, Зарбинцы, Сѣмаки, Агатовку и Раскопанную Могилу. Кодня и три другія деревни перешли къ войскому отъ его племянника — стольника Глембоцкаго. Послѣ смерти первой жены, отъ которой онъ имѣлъ троихъ дѣтей: мою мать, Михаила и Феликса Глембоцкихъ, онъ женился на вдовѣ племянника, у которой были двѣ взрослыхъ дочери—Станислава и Анна, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей—Іоанна и Іосифа Глембоцкихъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ его сосредоточились: Коденщизна, Пардниновщизна, которая перешла къ нему отъ первой жены; Зароковщизна въ Житомірскомъ уѣздѣ, доставшаяся ему отъ предковъ; Голубѣвщизна въ лѣ-

сахъ овручскихъ, а также Видыборъ и Жадки въ Радомысльнѣ. Благодаря этому, онъ сталъ, какъ говорится, большимъ бариномъ. Хозяйство вездѣ у него велось образцовое.

Когда я сталъ скакать на конѣ, какъ настоящій казакъ, Глембоцкій все собирался идти на помощь великому Наполеону, хотя французскія войска уже покинули Россію, а самъ онъ еле на ногахъ держался. Русское правительство, въ виду почтеннаго возраста и богатства моего дѣдушки, а также принимая во вниманіе заслуги одного изъ моихъ дядей въ царской арміи, смотрѣло сквозь пальцы на заносчивыя мечтанія стараго войскаго. Триста конныхъ вооруженныхъ казаковъ, подъ командою усатаго атамана, по фамиліи Пшеничный, находилось у него въ усадьбѣ. У него было нѣсколько адъютантовъ, а именно ротмистръ драгунскаго полка королевы Ядвиги, панъ Дрозджевскій, панъ Игнатій Стржемецкій, надворный поэтъ панъ Кожуховскій, который писалъ стихомъ безъ мѣры, безъ риѳмы, нѣсколько длиннымъ— для того, чтобы было понятнѣе, и русскій статскій совѣтникъ панъ Шильдкнехтъ—врачъ-курляндецъ, который лѣчилъ пана войскаго и редактировалъ для него газету, въ которой разсказывалъ о побѣдахъ Наполеона и объ отзывахъ этого богатыря къ пану войскому овручскому. Въ награду за это Шильдкнехтъ получилъ прекрасную деревню, входящую въ составъ Зароковщизны.

У пана войскаго всегда было людно; все онъ собирался на войну; подъ окнами трубили въ трубы; казаки Пшеничнаго гарцовали на дворѣ на татарскихъ коняхъ; у крыльца стоялъ богато осѣдланный вороной конь пана войскаго, на котораго онъ никогда не садился; а самъ панъ войскій гладилъ пистолеты и шашку, старался подняться и, не будучи въ силахъ сдѣлать это, снова падалъ въ кресла. «Ну, что же,—кричалъ онъ,—еще успѣемъ. Барылко, принеси ромашки!—завтра поѣдемъ; пусть Пшеничный прикажетъ на завтра готовиться въ походъ; попросить пана совѣтника Шильдкнехта написать великому Наполеону, что я скоро приду къ нему на помощь». И эти сборы и рѣшеніе остаться—все это повторялось ежедневно.

Когда мой отецъ пріѣхалъ къ дѣдушкѣ, чтобы сообщить ему о рожденіи внука, панъ войскій очень обрадовался и закричалъ:

— Пусть назовутъ его Михаиломъ, пусть казацкій архангелъ хранитъ его, такъ будетъ для него хорошо.

Удивительный человѣкъ былъ этотъ панъ Михаилъ Глембоцкій: гордый шляхтичъ, дикій кабанъ—въ полномъ значеніи этого слова; съ практическимъ складомъ ума, съ добрымъ сердцемъ; онъ любилъ Польшу, но по-своему: стоило затронуть его самолюбіе, и онъ, какъ настоящій дикій кабанъ, бросался впередъ и уничтожалъ все, что попадалось ему навстрѣчу. Онъ безпрестанно повторялъ:

*

— Я шляхтичъ, но не теперешній. При Ягеллонахъ Долиссы (гербъ Глембоцкихъ) были извѣстны: когда имъ стало мало простору, они пошли въ казаки на Днѣпръ и въ Запорожье. Глембоцкій основалъ Глубокое, и Глубоцкій полкъ такъ же славенъ, какъ Полтавскій и Нѣжинскій. Мой предокъ-полковникъ не сдалъ своего замка ни слѣпому Палею, ни бѣшеному Петру. Когда панъ Мазепа заварилъ кашу— Глембоцкіе ее расхлебывали до дна, вмѣстѣ съ Войнаровскимъ, Киселевскимъ и Городнискими. Несмотря на свое могущество, бѣлый царь и православный синодъ побоялись проклять Глембоцкихъ, какъ другихъ, потому что Глембоцкіе—это не то, что другіе!

Панъ Бутовичъ, родственникъ жены пана войскаго, дослужившись до генеральскаго чина въ русской арміи, хотѣлъ похвастаться передъ родственниками своимъ достоинствомъ и пріѣхалъ въ полной парадной формѣ навѣстить пана войскаго. Войскій, вспомнивъ оборону крѣпости Глубокое противъ русскихъ, когда Глембоцкій былъ полковникомъ, а Бутовичъ есауломъ, какъ только его увидѣлъ, закричалъ:

— Измѣнникъ, предатель, ты растопталъ достоинство шляхтича и славу казацкую!

Кликнувъ казаковъ, велѣлъ растянуть бѣднаго Бутовича, и генеральскій мундиръ разбить батогами. Отсюда возникъ процессъ съ русскимъ правительствомъ и Бутовичемъ, процессъ, который едва удалось потушить четырьмя деревнями на Украйнѣ. Кошелекъ шляхтича войскаго сталъ нѣсколько легче, но все-таки ему удалось поставить на своемъ: наказать предателя и отдѣлаться отъ отвѣтственности деньгами.

Другой родственникъ пана войскаго, панъ Уминскій, владѣлецъ Ляховичъ, имѣлъ званіе камеръ-юнкера императора Павла. Онъ построилъ корчму на своей собственной землѣ, но въ томъ урочищѣ, гдѣ войскій привыкъ травить зайцевъ. Зайцы, которые, очевидно, не были любителями выпить, покинули эту мѣстность. Войскій, найдя вмѣсто зайцевъ корчму, приказалъ ее сжечь. Молодой камеръ-юнкеръ, изъ уваженія и изъ страха передъ грознымъ войскимъ, не жаловался въ правительственное учрежденіе, не вызвалъ Глембоцкаго въ судъ, но одѣвшись въ камеръ-юнкерскій мундиръ, съ золотымъ ключемъ, отправился къ войскому переговорить о несчастномъ случаѣ, приключившемся по винѣ этого послѣдняго. Войскій, какъ казакъ, не любилъ долгихъ разговоровъ, у него было обыкновеніе сразу ошеломить противника: онъ приказалъ казакамъ растянуть Уминскаго и бить до тѣхъ поръ, пока не отлетѣлъ золотой ключъ. Чтобы потушить это дѣло, Глембоцкому пришлось, по совѣту друзей, заплатить всѣ долги, которыми были обременены Ляховичи и, вообще, привести въ порядокъ денеж-

ныя дѣла Уминскаго, чрезвычайно запутанныя вслѣдствіе кутежей въ Петербургѣ. Панъ Уминскій больше не надѣвалъ камеръ-юнкерскаго мундира; облачился въ чамару, хозяйничалъ, засѣдалъ на сеймикахъ и умеръ въ Ляховичахъ, какъ подобаетъ шляхтичу и помѣщику. Панъ Глембоцкій опустошилъ свой кошелекъ, но поставилъ на своемъ.

Третій сынъ пана войскаго, Янъ Канты Глембоцкій, человѣкъ достойный всякаго уваженія, служилъ въ русскихъ уланахъ для того, чтобы предохранить отца отъ подозрѣнія и смягчать частыя проявленія его причудливаго высокомѣрія. Послѣ пораженія французскихъ войскъ подъ Березиною, Янъ, украшенный орденами, пріѣхалъ къ отцу. Извѣщенный о его пріѣздѣ, старикъ нахмурился, вертѣлся въ креслѣ и, по своему обыкновенію, гладилъ пистолеты, которые лежали передъ нимъ на столѣ. Когда вошелъ сынъ, онъ схватилъ пистолетъ и, въ отвѣтъ на поцѣлуй, выстрѣлилъ въ сына, со словами:

— Настоящій москаль, такой москаль—чортъ его побери!

Пуля пробила воротникъ мундира Яна Глембоцкаго. Послѣ этого войскій не пускалъ на глаза къ себѣ браваго улана. До самой смерти войскаго Янъ Глембоцкій жилъ у моей матери. При отцѣ о немъ нельзя было даже вспоминать.

Генералъ Корженевскій, бывшій въ то время бригадиромъ народной литовской кавалеріи, владѣлецъ трехъ городовъ и нѣсколькихъ десятковъ селъ, искалъ руки моей тетки, Станиславы Глембоцкой. Такъ какъ войскій узналъ, что бригадиръ былъ противникомъ Барской конфедераціи и имѣлъ сношенія съ гетманомъ Браницкимъ, то онъ не хотѣлъ согласиться на этотъ бракъ. Молодая дѣвушка, съ согласія и вѣдома братьевъ и матери, бѣжала отъ отца; повѣнчавшись, молодые супруги вернулись и упали къ ногамъ войскаго. Войскій схватилъ прутъ и до тѣхъ поръ билъ имъ лежащаго бригадира, пока прутъ не разломался на щепки. Однако, далъ богатое приданое: Св. Кодню, денегъ не жалѣлъ, но этихъ супруговъ никогда, до самой смерти, не желалъ видѣть.

Таковъ былъ мой дѣдушка, любимцемъ котораго я былъ съ самаго рожденія. Отецъ мой умеръ, когда я едва начиналъ говорить; а моя мать, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ на Украйнѣ, молодая, умная, богатая, не пожелала вступить въ новый бракъ, хотя были искатели ея руки, и предпочла заняться воспитаніемъ своего единственнаго сына, чтобы сдѣлать изъ него настоящаго казака.

Согласно желанію дѣдушки, меня одѣли по-казацки; надѣли на голову казацкую шапку, а къ шапкѣ прикрѣпили перо цапли, какъ у прежнихъ гетмановъ Украйны и Запорожья.

Въ Зороковѣ отличались гостепріимствомъ: ѣли вкусно, пили старое вино; всегда было много гостей; часто заѣзжали важные русскіе.

Однажды пріѣхали генералы Орурк, Игельстромъ, нѣсколько полковниковъ и другихъ офицеровъ. Замѣтивъ, что они расположились слишкомъ по-домашнему въ кабинетѣ моего дѣдушки, я принесъ изъ притвора костела два большихъ аршина, закрылъ за собою дверь, далъ одинъ аршинъ войскому и, со словами: «А ну, дѣдушка, ударимъ на этихъ москалей!»—другимъ аршиномъ ударилъ по головѣ генерала Орурка. Дѣдушка нѣсколько струсилъ: тутъ ясно обнаружилась система воспитанія внука; за это можно было укатить въ дальніе края, а панъ войскій предпочелъ бы совершить путешествіе не дальше Слонима. Но генералъ Орурк, человѣкъ достойный полнаго уваженія, улыбнулся, взявъ изъ рукъ моихъ аршинъ.

— Когда выростешь,—сказалъ онъ,—то тогда «ура!» на москалей, а теперь будемъ съ тобою друзьями.

Всѣ смѣялись, я стоялъ на своемъ. Дѣдушка нѣсколько пришелъ въ себя, но все-таки былъ самъ не свой, пока не уѣхали гости. Затѣмъ послалъ за актуаріусомъ Гродзкимъ, пригласилъ двухъ сосѣдей-помѣщиковъ, въ качествѣ свидѣтелей, и составилъ завѣщаніе, въ силу котораго оставилъ мнѣ все свое значительное имущество, выдѣливъ четыремъ сыновьямъ имѣнія, которыми они управляли, а дочерямъ приданыя, которыя имъ уже были отданы. Онъ меня гладилъ по подбородку, говоря:

— Вотъ такъ шляхтичъ, вотъ такъ казакъ!—и, показывая мнѣ гербовую печать отца, читалъ на ней:—«Богъ и я со мною». Видишь,—говорилъ онъ,—полагайся только на Бога и на себя самого,—и Богъ тебя не оставитъ!

Все это запечатлѣлось въ душѣ моей, и я росъ, проникаясь такими воззрѣніями.

Завѣщаніе это, по смерти дѣдушки, мать моя возвратила его семейству, а у меня осталась только склонность къ аристократизму, въ духѣ казачества и шляхетства, которыя дѣдушка старался во мнѣ развить. Моя мать, несмотря на любовь къ своему единственному сыну, старалась сдѣлать изъ меня казака душою и тѣломъ. Борзыя, лошади, соколы—все это было у меня до пресыщенія. Первымъ моимъ учителемъ былъ панъ Антоновичъ, страстный украйнофилъ и казакъ; по большей части, наши занятія происходили на коняхъ. Кромѣ этого учителя, моимъ учителемъ былъ старикъ-нищій, по имени Левко, который разсказывалъ мнѣ народныя басни о знахаряхъ и чародѣяхъ, передавалъ казацкія преданія, показывалъ въ окрестностяхъ урочища, гдѣ происходили разныя битвы, и пѣлъ украинскія думки.

Мать постоянно говорила мнѣ:

— Не мѣшайся въ чужія дѣла, но и не позволяй, чтобы другіе вмѣшивались въ твои дѣла; совѣты слушай, но имѣй свое мнѣніе; не

позволяй себѣ отказаться отъ предпринятаго дѣла ни вслѣдствіе его трудности, ни вслѣдствіе опасности, никому не навязывай своихъ взглядовъ, но и не позволяй относиться безъ уваженія къ твоимъ убѣжденіямъ; не будь гибкимъ, какъ тростникъ, но твердымъ, какъ дубъ; сто разъ лучше быть сломленнымъ, раздавленнымъ, чѣмъ гнуться въ ту или другую сторону; не будь заносчивымъ съ людьми, ниже тебя стоящими, и не низкопоклонничай предъ высшими; не обращай вниманія на поступки людей, а за свои отвѣчай передъ Богомъ и передъ своею совѣстью. Богъ—и ты съ Нимъ!

Кромѣ меня, у родителей моихъ было пять дочерей. Старшая Маріанна вышла замужъ за Карла Ружицкаго; Анна умерла на 7-мъ году жизни, Пелагея умерла 18 лѣтъ,—она была чрезвычайно красива, Катерина вышла замужъ за Іосифа Сосницкаго, надворнаго совѣтника, и послѣдняя Элоиза, вслѣдствіе неосторожности мамки, стала калѣкою. Я былъ любимцемъ не только всего нашего семейства, но и всѣхъ Чайковскихъ, а именно Ѳеодоры Чайковской, позднѣе жены маршалка Третьякова, женщины съ пылкимъ сердцемъ и живымъ воображеніемъ, рожденной быть героиней старыхъ временъ; родъ Ястрембцовъ былъ для нея святыней: слава и значеніе этого рода были для нея дороже собственнаго счастія; она и сестра моя Ружицкая чаще всѣхъ выказывали мнѣ свою привязанность; сестра любила меня какъ брата, а Ѳеодора Третьякова, какъ Чайковскаго-Ястрембца.

Когда мнѣ шелъ 9-й годъ, меня отдали въ школу.

Нѣсколько лѣтъ спусти послѣ войны 1812 года Вольсей, происходившій изъ знатнаго англійскаго рода, въ награду за преподаваніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу, братьямъ императора Александра, назначенъ былъ директоромъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. Наплывъ учениковъ въ лицей былъ огромный, и лицей скоро пріобрѣлъ широкую заслуженную извѣстность. Русскіе, поляки, казаки разныхъ общественныхъ слоевъ посылали своихъ дѣтей въ это учебное заведеніе. По поводу пустячнаго недоразумѣнія между новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Воронцовымъ и Вольсеемъ гордый англичанинъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Бердичевъ, гдѣ Матвѣй Радзивиллъ предоставилъ ему большой домъ съ прекраснымъ паркомъ и сумму въ 300 т. польскихъ злотыхъ, для открытія лицея. Три четверти учениковъ и почти всѣ учителя переѣхали изъ Одессы въ Бердичевъ. Вольсей очень любилъ разсказывать о причинѣ этого переѣзда и сравнивать князя Воронцова съ княземъ Матвѣемъ Радзивилломъ.

Въ Одессѣ обыкновенно каждое воскресенье 10 учениковъ Вольсея по очереди обѣдали и проводили вечера у новороссійскаго генералъ-губернатора. Однажды, по поводу пріѣзда гетманши Браницкой, князь Воронцовъ прислалъ къ Вольсею адъютанта скорѣе съ просьбой, чѣмъ съ

предложеніемъ, чтобы между десятью учениками находился молодой Воронцовъ. Вольсей отвѣтилъ, что, по поводу плохихъ успѣховъ въ наукахъ, молодой Воронцовъ останется въ лицеѣ.

Адъютантъ вернулся, на этотъ разъ съ приказаніемъ, чтобы молодой Воронцовъ былъ на вечерѣ. Тогда Вольсей приказалъ вывернуть ему мундиръ подкладкой наружу и повезъ его такимъ образомъ переодѣтаго во дворецъ: передалъ сына въ руки отца и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе объ оставкѣ.

Ничто не могло отклонить его отъ этого шага, не говоря уже объ убѣжденіяхъ Воронцова и другихъ.

Въ Бердичевѣ въ школѣ Вольсея былъ родной племянникъ князя Матвѣя, князь Франципекъ Радзивиллъ. Онъ имѣлъ отвращеніе отъ всѣхъ наукъ; послѣ всевозможныхъ опытовъ, наказаній, Вольсей отослалъ его къ дядѣ, написавъ, что было бы недобросовѣстно брать деньги за такого неуча, котораго научить чему-нибудь нѣтъ возможности. Князь Матвѣй племянника оставилъ у себя, а на имя Вольсея записалъ 50 т. злотыхъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма составила постоянный фондъ, предназначенный на воспитаніе двухъ бѣдныхъ Ржевусскихъ, по выбору Вольсея. При этомъ Радзивиллъ замѣтилъ, что еще старая польская пословица говоритъ, что нельзя найти умнаго Радзивилла, точно такъ же, какъ нельзя встрѣтить глупаго Ржевусскаго. Поэтому, если Радзивиллы не хотятъ учиться, то пусть платятъ за Ржевусскихъ, такъ какъ Польшѣ нужны умные люди.

Учебное заведеніе Вольсея совершенно не походило на другія такого рода заведенія, существовавшія въ то время въ Польшѣ, равно какъ и на тѣ, какія мнѣ случалось видѣть во время моихъ путешествій въ чужихъ краяхъ. Военная система, въ полномъ смыслѣ этого слова, была его основаніемъ; экстерновъ не было, были одни только интерны. Ученіе было раздѣлено на шесть классовъ, классы отличались другъ отъ друга цвѣтными украшеніями на мундирахъ синяго цвѣта, уланскаго покроя. Въ первомъ классѣ воротники, брыжи, лампасы и канты были свѣтло-зеленые; во второмъ свѣтло-голубые, въ третьемъ—желтые, въ четвертомъ – бѣлые, въ пятомъ—пунцовые и въ шестомъ—амарантовые; всѣ воспитанники имѣли пики со значками и деревянные палаши, а въ каждомъ классѣ былъ инспекторъ, который считался офицеромъ.

Ночью, по очереди, стояли на стражѣ у воротъ; въ огромномъ дубовомъ паркѣ, для того, чтобы воспитанники привыкали къ отвагѣ и военной службѣ, были разставлены въ разныхъ мѣстахъ дозоры и патрули. Обязательно было учиться владѣть оружіемъ и ѣздить верхомъ. Желающіе могли держать своего коня, остальные же ѣздили на лошадяхъ учебнаго заведенія. Ученики жили по десяти въ комнатѣ; въ каждой изъ нихъ былъ особый инспекторъ; каждый ученикъ по очереди

былъ дежурнымъ, на его обязанности лежало наблюденіе за чистотою комнаты и учениковъ, каждый воспитанникъ долженъ былъ самъ убирать свою постель и приводить въ порядокъ свои вещи. На обязанности прислуги лежала только чистка сапогъ и платья и приготовленіе воды для умыванья. Одѣвшись, всѣ собирались въ большой залъ, а въ дни ясные и теплые—въ садъ передъ домомъ, гдѣ за разставленными столами сидѣли г-жа Вольсей и другія почтенныя дамы, жившія въ учебномъ заведеніи Вольсея; онѣ предлагали воспитанникамъ кофе и чай, по желанію. Къ ученикамъ относились, какъ къ взрослымъ; если кто-нибудь напроказничалъ или велъ себя неприлично, то его тутъ же не наказывали, но инспектора зорко за всѣмъ слѣдили и все, что замѣчали, записывали для доклада Вольсею. Въ десять часовъ утра завтракали; завтракъ состоялъ изъ двухъ или трехъ прекрасно приготовленныхъ блюдъ; въ столовой было шесть большихъ столовъ; за однимъ столомъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ самъ Вольсей, за другимъ—г-жа Вольсей, за остальными—наиболѣе почтенные изъ профессоровъ. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, всѣ дежурные подавали Вольсею писаные рапорты, онъ читалъ ихъ, часто вызывалъ какого-нибудь ученика, смотрѣлъ, какъ онъ ходитъ, вымыты ли его уши, руки. Приносили рапорты учителей, инспектора. Передъ обѣдомъ читали назначенныя наказанія или похвалы, что кто заслужилъ. Послѣ обѣда прогулка въ паркѣ или за городъ, а послѣ прогулки чай въ залѣ, разговоры и разныя игры. Въ воскресенье или праздничные дни приходилъ къ намъ по большей части пансіонъ пани Вигилинской, состоявшій изъ нѣсколькихъ десятковъ дѣвицъ; приходили и другіе гости; была музыка, танцы; каждый воспитанникъ обязанъ былъ учиться танцамъ и музыкѣ на какомъ-нибудь инструментѣ, по его собственному выбору. Иногда ходили на вечера къ пани Вигилинской и въ частные дома, частями, по очереди. Вольсей наистрожайшимъ образомъ запрещалъ наказывать учениковъ на этихъ собраніяхъ, съ ними нужно было обращаться, какъ съ взрослыми, свѣтскими людьми, проступки ихъ заносились въ рапорты, результатомъ чего были выговоры, штрафы, наказанія, что кто заслужилъ.

Тѣлесныхъ наказаній не было, но были разнообразныя другія наказанія, на нѣкоторыя укажу; уменьшали порцію, помѣщали въ госпиталь, заставляя болѣть въ видѣ наказанія, при этомъ кормили овсянкой, на время занятій одѣвали мундиръ и отправляли въ школу, а потомъ снова заставляли надѣть халатъ и колпакъ—и въ госпиталь; и такъ держали иногда по цѣлымъ недѣлямъ; сажали подъ арестъ, ставили на караулъ не въ очередь, запрещали принимать участіе въ прогулкахъ и играхъ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ обязательно было говорить по-французски, въ среду—по-русски, въ четвергъ—по-польски; въ пятницу—

по-нѣмецки; въ субботу — по-латини, въ воскресенье разрѣшено было говорить на какомъ угодно языкѣ; за нарушеніе этихъ правилъ грозили денежные штрафы въ пользу бѣдныхъ. Учебныя программы составлялись коммиссіей подъ предсѣдательствомъ князя Адама Чарторыйскаго; членомъ этой коммиссіи былъ Тадеушъ Чацкій.

Профессора были прекрасные, между прочимъ, Артемовскій, который былъ впослѣдствіи профессоромъ польской литературы въ Петербургскомъ университетѣ и ректоромъ этого университета; двое Антоновичей, одинъ математикъ, другой естественникъ; Максимовичъ, давшій Украинѣ сборникъ народныхъ пѣсенъ; Кистовскій, издатель бердичевскаго календаря о.о. босыхъ кармелитовъ, астрономъ Бердичевской обсерваторіи; генералъ графъ де-Синьи, французскій эмигрантъ; Куркъ, знаменитый балетмейстеръ балета короля Станислава, и Черни, музыкантъ и композиторъ, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ; полковникъ Ободынскій преподавалъ верховую ѣзду изъ любви къ искусству. Преподаваніе велось настолько хорошо, что, послѣ ревизіи графа Платера и посѣщенія фельдмаршала Гудовича, главнаго попечителя всѣхъ учебныхъ заведеній Россіи и обѣихъ Украинъ, лицей Вольсея получилъ всѣ права и привилегіи губернскаго лицея. Я долженъ сознаться, что, когда, послѣ смерти Вольсея, я покинулъ Бердичевъ и перешелъ въ лицей отцовъ піаровъ [1]) въ Мендзиржецъ, то здѣсь преподавали въ старшихъ классахъ все то, что у Вольсея проходили въ третьемъ классѣ. Отчасти можно то же сказать и про Варшавскій университетъ. Учениковъ было 180. Главный контингентъ составляли поляки и казаки различныхъ общественныхъ классовъ. Было также много русскихъ, какъ, напримѣръ, Козловъ, впослѣдствіи извѣстный поэтъ; Лавровъ—беллетристъ; трое братьевъ Игнатьевыхъ, Александръ, Константинъ и Сергѣй; нѣсколько братьевъ Игэльстромовъ. Изъ поляковъ: Баневскій, Проскура, Краевскіе и многіе другіе. Изъ казаковъ: Иловайскіе, Дмитровъ, Чернозубовъ, нѣсколько Орловыхъ-Денисовыхъ, Платовъ и два брата Гизая изъ Крыма.

Это была мозаика изъ славянъ, но преобладалъ казацкій духъ и казацкія традиціи, такъ какъ профессора были завзятыми украйнофилами, а также потому, что въ томъ бердичевскомъ кружкѣ культивировались: «Старина Запорожья», «Золотая дума о гетманахъ Украйны», пѣсни казацкія и малороссійскія и многія другія произведенія, которыя позднѣе увидѣли свѣтъ въ Харьковѣ, такъ какъ всѣ болѣе выдающіеся профессора, послѣ смерти Вольсея, перешли преподавателями въ Харьковскій университетъ. Они создали украинскую школу, которая позднѣе перешла на Приднѣпровье и дала многихъ знаменитыхъ польскихъ

[1]) Монашескій орденъ.

писателей-украйнофиловъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что почти всѣ эти писатели были родомъ изъ окрестностей Махнувки-Мурованой, находящейся въ нынѣшнемъ Бердичевскомъ уѣздѣ.

Въ каникулярное время профессора часто пріѣзжали навѣстить мою матушку, къ которой они относились съ большимъ уваженіемъ, какъ къ дочери шляхтича и казака.

Мнѣ часто приходилось присутствовать при ихъ спорахъ. По своимъ убѣжденіямъ, они дѣлились на два лагеря. Одни стояли за поднятіе уровня казачества, какъ рыцарскаго ордена, который долженъ быть для славянъ тѣмъ, чѣмъ и меченосцы были для германцевъ, тампліеры и мальтійскіе рыцари для латинскихъ народностей; доказывали, что казацкіе завѣты могутъ сообщить воинскія доблести русскому и польскому дворянству, которое стало уже забывать владѣть саблей, которое разучилось ѣздить на конѣ и завело себѣ удобные экипажи, которое, благодаря всему этому, готовитъ себѣ горькую участь и упадокъ; доказывали, что въ казачествѣ сила, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующее: когда послѣ пораженія подъ Берестечкомъ, Богданъ Хмѣльницкій, этотъ обновитель Руси, не могъ найти въ ней ни силъ, ни жизни и былъ близокъ къ отчаянію въ Путивлѣ, тогда Янъ Выговскій издалъ циркуляръ: «Отъ Донца до Низовыхъ степей, по Случъ и за Случъ пусть будутъ всѣ казаками!» Нѣсколько дней спустя у Богдана было 100 т. казаковъ, готовыхъ къ бою, и онъ направился къ Бѣлой церкви, чтобы уничтожить тяжелыя послѣдствія невзгоды подъ Берестечкомъ. Казакъ—это рыцарь—шляхтичъ, а Русь—это—мужичество, толпа, громада, чернь, сбродъ.

Другая сторона возражала, что въ глазахъ Бога всѣ люди равны, что такъ должно быть и по человѣческому праву; припоминали какія-то учрежденія Великаго Новгорода, древніе уставы Стараго Кіева. «Долой шляхетство и казачество,—говорили они,—мы желаемъ русской грамоты, золотой грамоты, свободы и равенства, мѣстнаго самоуправленія и опирающейся на немъ національной свободы, мы хотимъ Руси!»

А первые опять возражали: «Безъ казачества и шляхты у васъ будетъ народовластіе Гонты и Желѣзняка, убійства, пожары и опустошенія. Вотъ ваша Русь!»

А тѣ имъ отвѣчали на это: «Ваше казачество—это кнутъ въ рукахъ царя, несчастіе для народа!»

Приносили старыя книги, лѣтопись Нестора и новгородскія, обращались даже къ запискамъ моего прадѣда Брюховецкаго; спорили, даже ссорились, расходились и снова сходились. Пришли въ концѣ къ слѣдующимъ выводамъ: что сынъ вдовы Остапъ, сынъ Дашка Вишневецкаго, Богданъ Рожинскій, Петръ Канашевичъ Сагайдачный, Янъ Выговскій—были истинными представителями казачества, цѣльныя натуры,

аристократы рыцарства не только казацкаго, но и всеславянскаго; что Богданъ Хмѣльницкій, съ пьяна, изъ корысти, подъ вліяніемъ перенесенныхъ обидъ, которыя онъ слишкомъ глубоко принялъ къ сердцу, откопалъ старую Русь, которая, разъ присоединившись добровольно къ Россіи и Литвѣ, можетъ существовать только подъ скипетромъ русскаго царя или польскаго короля. Тотъ будетъ ея господиномъ, кто сильнѣе и умнѣе. Русь Хмѣльницкаго была накипью, которая вела къ демократіи, которая въ старыя времена погубила столько царствъ, уничтожила столько народностей; что Мазепа неблаговиднымъ, іезуитскимъ путемъ, хотя онъ и былъ православный, стремился возстановить аристократію; когда же ему это не удалось, онъ совершилъ предательство, что́ является гибелью для всякой народности; что Гонта былъ вожакомъ демократіи, стремившейся достигнуть всеобщаго равенства путемъ рѣзни, пожаровъ и разрушенія: онъ былъ дьяволомъ, исполнителемъ Божіей несправедливости. Наконецъ, всѣ согласились, что все зло можно исправить только всеславянствомъ, столицей котораго долженъ быть Старый Кіевъ; кто будетъ имъ владѣть и образуетъ изъ него столицу, тотъ будетъ властелиномъ ста милліоновъ славянъ.

Ко всему этому я внимательно прислушивался, все это я заучилъ наизусть, какъ молитвы, какъ десять заповѣдей Божіихъ. Съ этого дня я постоянно сталъ думать объ этомъ казацко-славянскомъ соборѣ; каждую ночь онъ снился мнѣ; вся эта терминологія о казачествѣ, объ аристократіи, о демократіи въ славянствѣ засѣла мнѣ гвоздемъ въ голову; подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній я росъ, отъ нихъ я не отступалъ въ моей политической жизни и вижу, что на мнѣ оправдалась поговорка, что воззрѣнія, которыми проникается ребенокъ въ дѣтствѣ, отзываются въ немъ въ теченіе всей жизни.

II.

Упадокъ лицея Вольсея.—Фельдмаршалъ Гудовичъ.—Русскіе гусары.—Польскіе офицеры.—Тампліеры.—Императоръ Александръ.—Графъ Орурвъ.—Староста Бахтынскій.—Піаристы и базильяне.

Учебное заведеніе Вольсея просуществовало только три года. Этотъ знаменитый человѣкъ умеръ, и вмѣстѣ съ нимъ прекратилъ существованіе его лицей, несмотря на оффиціальное признаніе его правительственнымъ лицеемъ Кіевскаго генералъ-губернаторства. Конечно, среди множества людей науки, которыми изобиловала въ то время русская земля, можно было найти замѣстителя Вольсею, но возникли недоразу-

мѣнія научнаго и политическаго характера, между графомъ Платеромъ, главнымъ инспекторомъ трехъ губерній, входившихъ въ составъ Виленскаго учебнаго округа, и фельдмаршаломъ Гудовичемъ, попечителемъ этого учебнаго округа. Графъ Платеръ, человѣкъ ученый и просвѣщенный, но воспитанникъ отцовъ іезуитовъ и сторонникъ ихъ ученія, имѣвшаго прежде всего своею цѣлью единую всеобщую католическо-латинскую церковь, дальнѣйшее сближеніе польской народности съ Западомъ и отторженіе ея отъ Востока,—съ опасеніемъ смотрѣлъ на этотъ лицей, который преслѣдовалъ совершенно противоположныя цѣли, и который, благодаря своему военному характеру, приходился по сердцу проникнутой рыцарскимъ духомъ польской шляхтѣ, которая въ то время отличалась воинскими доблестями и относилась враждебно къ іезуитскимъ доктринамъ. Представители самыхъ знатныхъ родовъ посылали своихъ дѣтей въ лицей Вольсея. Кременецъ, этотъ истинный свѣтильникъ науки Волыни, созданный княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ и Тадеушемъ Чацкимъ, давшій столько недюжинныхъ людей по различнымъ отраслямъ науки и искусства, благодаря которому въ польскихъ салонахъ стали господствовать французскій языкъ, нравы и обычаи, который былъ проводникомъ исключительно польскихъ стремленій, безъ сближенія съ другими славянами Русской имперіи, сталъ смотрѣть съ безпокойствомъ на это новое учебное заведеніе и на его политическую и частную окраску. Это обстоятельство еще болѣе усиливало опасеніе графа Платера, который съ бо̀льшимъ сочувствіемъ относился къ кременецкому учебному заведенію, чѣмъ къ бердичевскому. Графъ Платеръ былъ ревностнымъ католикомъ; однако его не столько тревожило кременецкое вольтерьянство, сколько бердичевское казачество, которое напоминало ему тяжелыя годины, пережитыя Польшей и Литвой, когда жидамъ и іезуитамъ приходилось брататься на однѣхъ и тѣхъ же висѣлицахъ. Онъ желалъ, чтобы послѣ смерти Вольсея былъ назначенъ директоромъ католическій ксендзъ. Князь Матвѣй Радзивиллъ отказывался субсидировать лицей въ случаѣ назначенія его директоромъ ксендза: онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ католическимъ духовенствомъ, которое взяло съ него огромную сумму денегъ за расторженіе брака его племянницы, Юліи Радзивиллъ, съ маршалкомъ Юдыцкимъ, и за разрѣшеніе на ней жениться. Изъ-за излишняго усердія къ католицизму была сдѣлана крупная ошибка: не умѣли пользоваться особенностями характера фельдмаршала Гудовича такъ, какъ умѣлъ ими пользоваться Тадеушъ Чацкій. Фельдмаршалъ Гудовичъ былъ настоящій украинскій казакъ; онъ гордился своимъ шляхетскимъ происхожденіемъ, милостію Божіею и царскою; получивъ за покореніе Анапы, крѣпости, построенной на пескѣ, званіе фельдмаршала, онъ считалъ себя первымъ воителемъ въ мірѣ; онъ не отличался ни большою начитанностью, ни ученостью, но былъ благород-

нымъ человѣкомъ и очень любилъ казачество. Когда князь Адамъ Чарторыжскій отказался отъ должности попечителя учебнаго округа, на этотъ постъ былъ назначенъ фельдмаршалъ Гудовичъ, а Тадеушъ Чацкій—его помощникомъ. Однажды фельдмаршалъ, разговаривая съ Чацкимъ, спросилъ его, кого онъ считаетъ первымъ полководцемъ настоящаго времени. Чацкій, безъ колебаній, отвѣтилъ: «Покорителя Анапы». Фельдмаршалъ вскочилъ со стула и, обнимая Чацкаго, сказалъ: «Теперь я убѣдился, что ты первый мудрецъ нашего времени!» Съ того времени Чацкій дѣлалъ все, что хотѣлъ, а фельдмаршалъ на все давалъ разрѣшеніе, все подтверждалъ. Одинъ изъ сыновей фельдмаршала былъ женатъ на дѣвицѣ Залѣсской, сестрѣ маршалка Северина Залѣсскаго, нашего сосѣда. Устраивая торжественные проводы профессоровъ, уѣзжающихъ въ Харьковъ, фельдмаршалъ пригласилъ на это торжество маршалка Залѣсскаго и моего дядю, Яна Кантаго Глембоцкаго, товарища по военной службѣ сыновей Гудовича, а также выразилъ желаніе, чтобы они привезли съ собою меня. Въ теченіе нѣсколькихъ дней давались парадные обѣды, устраивались охоты, рыбныя ловли, танцы, пѣніе, музыка. Приглашена была вся окрестная шляхта. На второй день прибыло двое новыхъ гостей, Святославъ Бѣжинскій и Готардъ Собаньскій, оба камеръ-юнкера Императорскаго двора. Первый былъ племянникомъ г-жи Гудовичъ, второй—сосѣдомъ по имѣнію. Фельдмаршалъ принялъ ихъ очень любезно, но ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ согласиться посадить этихъ гостей за однимъ столомъ съ собою и остальною шляхтою, среди которыхъ были и простые арендаторы, безъ всякихъ средствъ, но принадлежавшіе къ старымъ шляхетскимъ родамъ. На всѣ просьбы онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, это рѣшительно не возможно; какъ бы то ни было, а вѣдь это лакеи, хотя и царскіе; какъ же можно позволить лакею садиться за однимъ столомъ со шляхтою!» Когда жена сына его, которую онъ очень любилъ, стала просить его измѣнить свое рѣшеніе, онъ, поцѣловавъ ее, сказалъ: «Нѣтъ, этого никоимъ образомъ нельзя сдѣлать; ты не понимаешь, что такое польскій шляхтичъ: когда мы на Іосафатовой долинѣ предстанемъ предъ лицомъ Божіимъ, то шляхта польская и старшины казацкіе будутъ стоять подлѣ Св. Михаила, бѣлаго Архангела, впереди королей, князей, даже впереди святыхъ,—какъ же я могу посадить лакея со шляхтою? Нѣтъ—я шляхтичъ польскій!» Ничего нельзя было съ нимъ подѣлать: пришлось посадить камеръ-юнкеровъ за особый столъ.

Была устроена большая охота съ облавою съ гончими собаками и съ тенетами для ловли волковъ на вабикъ. Я видѣлъ тогда, какъ старый фельдмаршалъ подходилъ къ крестьянамъ, называлъ ихъ по имени, припоминалъ прежнія охоты; съ однимъ выпьетъ водки, у другаго возьметъ кусокъ прожареннаго сала попробовать, хорошо ли оно; мальчиш-

камъ дарилъ сладости; садился у костра, и крестьяне пѣли ему украинскія думки, молодые ребята танцовали предъ нимъ трепака въ присядку, а онъ мурлыкалъ: «сюды, туды».. Въ этомъ заключалась вся тайна любви и привязанности, доходившей до обожанія, крестьянъ къ фельдмаршалу Гудовичу. Онъ оставлялъ фельдмаршальское высокомѣріе во дворцѣ въ Чечельникѣ, а на охотѣ, какъ казакъ и шляхтичъ, братался съ казацкимъ простонародьемъ.

Цѣлыхъ три мѣсяца провелъ я съ матерью и родными послѣ закрытія учебнаго заведенія Вольсея, которое дало мнѣ столько прекрасныхъ мгновеній моей жизни.

Директоръ меня любилъ, учителя цѣнили, съ товарищами я жилъ очень дружно, въ особенности съ казаками и русскими, которые позднѣе много разъ давали мнѣ доказательства своей горячей и постоянной ко мнѣ дружбы. Признаюсь, что если я кое-чему научился и въ настоящее время обладаю нѣкоторыми свѣдѣніями, то всѣмъ этимъ я обязанъ знаменитымъ учителямъ школы. Панъ Падура, склонясь на просьбы моего дяди Кантаго Глембоцкаго, переѣхалъ къ намъ, въ качествѣ моего учителя. По цѣлымъ часамъ читали мы съ нимъ записки Брюховецкаго; въ остальное время охотились, ѣздили къ сосѣдямъ; у моей матери тоже часто бывали гости, среди которыхъ было много офицеровъ, поляковъ и русскихъ. Это было въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Ясно проглядывало стремленіе правительства содѣйствовать сближенію поляковъ и русскихъ, особенно въ войскахъ. Въ Бердичевѣ была главная квартира дивизіи гусаровъ, состоявшей изъ четырехъ полковъ: Александрійскаго, Ахтырскаго, Маріампольскаго и принца Оранскаго. Полки эти славились своими кутежами, можетъ быть, слишкомъ гусарскими, но офицеры этихъ полковъ были все люди прекрасно воспитанные и принадлежали къ самымъ знатнымъ родамъ Россіи, Польши и Курляндіи. Въ Коднѣ былъ штабъ отдѣла кадра (remonty) Польсаго, пяти полковъ конныхъ стрѣлковъ и четырехъ уланскихъ; здѣсь тоже былъ очень тщательный составъ офицеровъ, многіе изъ нихъ отличились въ войнѣ съ Наполеономъ, происходили изъ хорошихъ семействъ и были прилично воспитаны. Въ Житомірѣ была главная квартира командира корпуса генерала Ротта, родомъ эльзасца, капитана королевскаго нормандскаго полка предъ французской революціей, позднѣе эмигранта и русскаго офицера; онъ былъ прекраснымъ генераломъ, очень воспитаннымъ человѣкомъ, но до суровости требовательнымъ въ военной жизни. Поэтому ему поручили 3-ю дивизію для исправленія; вмѣстѣ съ тѣмъ на него была возложена миссія сближенія поляковъ и русскихъ. Для того, чтобы сохранить воспоминанія объ этихъ гусарахъ, я посвящу одну или двѣ страницы ихъ изображенію. Трудно было представить себѣ что-либо болѣе прекрасное, болѣе мужественное, какъ эти

гусары на коняхъ, на плацу, во время ученія. Блестѣли лакированные кивера, развѣвались по вѣтру ментики, и земля разступалась со стономъ, когда гусары съ криками «ура!» неслись во весь карьеръ. Первый полкъ Маріампольскій, сапфировый съ золотомъ, на гнѣдыхъ коняхъ; командиромъ полка былъ полковникъ Снарскій, шуринъ фельдмаршала Витгенштейна. Второй, Ахтырскій, коричневый (цвѣта табака), съ золотомъ, на темногнѣдыхъ коняхъ,—полковымъ командиромъ былъ богачъ, полковникъ Пашковъ, который на свои деньги покупалъ лошадей для полка. Третій, Александрійскій, черный съ серебромъ, на черныхъ коняхъ, подъ командою браваго полковника Катарджи, родомъ изъ Бессарабіи. Четвертый, принца Оранскаго, синій (цвѣта сапфира) красные доломаны съ золотомъ и красные кивера, на бѣлыхъ коняхъ, подъ командою барона ....[1]), курляндца по происхожденію, потомка меченосцевъ; полкъ этотъ называли полкомъ св. Георгія. Въ салонахъ, вопреки пѣснѣ Давыдова, гусары танцовали и разговаривали о Жомини и, вѣроятно, ни въ одной странѣ въ мірѣ не было и не могло быть болѣе образованныхъ и болѣе свѣтскихъ офицеровъ. Ихъ гусарскіе праздники, при всей ихъ терпкости, всегда заключали въ себѣ что-нибудь забавное, остроумное, оригинальное; душою этихъ продѣлокъ былъ графъ Штакельбергъ, ротмистръ Александрійскаго гусарскаго полка. Приведу нѣкоторыя изъ этихъ продѣлокъ.

Панъ Феликсъ Залѣсскій, маршалокъ Кіевскаго уѣзда, имѣлъ обыкновеніе считать число лошадей въ экипажахъ пріѣзжавшихъ къ нему гостей и, сообразуясь съ этимъ числомъ, садилъ гостей на болѣе или менѣе почетныя мѣста за столомъ. Графъ Штакельбергъ зналъ объ этомъ обыкновеніи. Въ день ангела пана маршалка къ нему собралось много гостей, въ числѣ которыхъ были такія важныя лица, какъ фельдмаршалъ баронъ Сакенъ, генералъ Роттъ, губернаторъ; уже всѣ были въ салонахъ, какъ вдругъ услыхали звонъ колокольчиковъ, а на длинной греблѣ увидѣли цѣлый рядъ направляющихся къ усадьбѣ троекъ; на каждой сидѣлъ кучеръ; десять троекъ, одна за другой; за десятой экипажъ и въ немъ развалившись ротмистръ Штакельбергъ въ полной парадной формѣ. Подъѣхавъ къ крыльцу, онъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ столовую и сѣлъ на первое мѣсто, закричавъ: «Не уступлю по праву и по обычаю добылъ я первое мѣсто, прошу произвести разслѣдованіе». Всѣ много смѣялись, и Штакельбергъ остался на первомъ мѣстѣ.

Однажды у насъ въ домѣ этотъ неистовый ротмистръ встрѣтился съ докторомъ Шлемеромъ, родомъ чехомъ, извѣстнымъ въ окрестностяхъ не только своимъ врачебнымъ искусствомъ, но также остроуміемъ и ве-

---

[1]) Пропускъ въ оригиналѣ.

селымъ нравомъ; они вмѣстѣ обѣдали, но представлены другъ другу не были. Шлемеръ началъ разсказывать о ярмаркѣ въ Бердичевѣ и о продѣлкахъ гусаровъ. «Нужно вамъ сказать, господа, что все это продѣлки этого лайдака (безпутнаго) Штакельберга, вы его знаете?» Штакельбергъ поправилъ усъ. «Имѣю честь представиться: это я этотъ лайдакъ (безпутный)». Шлемеръ даже не измѣнился въ лицѣ: «принесите стараго вина, выпьемъ за здоровье этого лайдака!» Выпили за здоровье, и съ этого времени ротмистръ и докторъ сердечно подружились. Поручикъ Якимовичъ, когда въ костелѣ отцевъ босыхъ кармелитовъ органъ заигралъ любимый маршъ ксендза провиніонала Романовскаго, пригласилъ танцовать жену полковника Клингенбергъ и сдѣлалъ нѣсколько па въ то время, когда ксендзъ Даніилъ, пріоръ, читалъ: «ite missa est».

На ученьи генералъ Роттъ сказалъ по-русски Штакельбергу: «ротмистръ, ваша лошадь дурная», а этотъ отвѣтилъ: «нѣтъ, лошадь хорошая, но ротъ дурной». Роттъ ничего не отвѣтилъ, но отмѣтилъ этотъ случай у себя въ памяти. Ободренные этимъ обстоятельствомъ, гусары въ тотъ же самый день шли въ траурномъ кортежѣ, съ подполковникомъ Милорадовичемъ во главѣ, за покрытымъ покровомъ гробомъ; всѣ были въ полной парадной формѣ и въ траурѣ. Роттъ послалъ своего адъютанта Стенбока, узнать, чьи похороны. Отвѣтили: хоронимъ генерала Ротта. Роттъ приказалъ принести гробъ къ себѣ; открываютъ, а тамъ свинья еще живая. Безъ гнѣва, безъ крика, гусаровъ посадили подъ арестъ. Судъ происходилъ вполнѣ согласно съ законами, восемь офицеровъ, во главѣ съ подполковникомъ Милорадовичемъ, были разжалованы въ солдаты. Штакельбергъ изъ гусарскихъ ротмистровъ былъ перечисленъ въ драгуны, съ чиномъ капитана. Представившись генералу въ каррикатурно-драгунской формѣ, онъ вышелъ въ отставку. Послѣ этого гусары успокоились, а Роттъ достигъ своей цѣли, дѣлая изъ этихъ своевольныхъ барчуковъ дѣльныхъ офицеровъ, такъ какъ эта 3-я дивизія была одна изъ прекраснѣйшихъ дивизій въ кавалеріи. Говорили, что безпорядочный образъ жизни среди гусаръ былъ введенъ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ, который, за кутежи еще въ началѣ царствованія Александра I, былъ лишенъ синихъ мундировъ и получилъ сѣрые. Во время Наполеоновскихъ войнъ полкъ этотъ такъ отличился, что получилъ всѣ, какія только возможны, награды, и между прочимъ ему возвращены были синіе мундиры. Всѣ офицеры поблагодарили за эту царскую милость, съ просьбой, чтобы имъ позволили носить сѣрые мундиры съ вышивкой на воротникахъ: «за дурачества и кутежи».

Бауэръ, Верзилинъ, Нестоемскій, Орурнъ, Игельстромъ, Штакельбергъ, Крыжановскій, Порадовскій, Моргулецъ—это были настоящіе патріархи или дьяволы гусаръ; этотъ родъ оружія и названія вошли въ моду, а генералъ Давыдовъ своей возвышенной и правдиво-народной

поэзіей высоко поднялъ гусарскую славу. Какъ же было шляхтѣ, столь много о себѣ думающей, не стараться подражать гусарамъ? Она это и дѣлала. Гусары въ салонахъ ухаживали за прекрасными дамами—просто любо было смотрѣть, плясали мазурку такъ, что душа радовалась, а сердца усиленно бились. На охотѣ травили звѣрей, на войнѣ это были настоящіе головорѣзы; при этомъ и водку и вино хорошо пили, но разговаривали и о Жомини, и объ Окуневѣ, и о Броневскомъ; кутили, чтобы слѣдовать традиціямъ старыхъ гусаръ; читали и учились, чтобы не отставать отъ вѣка и создать типъ новаго гусара.

Нѣсколько иной характеръ носили офицеры польскаго войска. Подборъ ихъ былъ дѣломъ цесаревича вел. кн. Константина. Блендовскій, настоящій баярдъ польскаго рыцарства; Крыжановскій, человѣкъ неподкупной честности, чрезвычайно чуткій къ мельчайшимъ вопросамъ, касающимся воинской чести; Маевскій, мечтавшій о Польшѣ и считавшій потеряннымъ всякое мгновеніе, въ теченіе котораго онъ не работалъ непосредственно въ пользу Польши. Среди этихъ офицеровъ былъ Карлъ Ружицкій, который женился на моей самой старшей сестрѣ. Всѣ эти офицеры участвовали въ войнахъ съ Наполеономъ и, принимая участіе во всѣхъ трудностяхъ походовъ, снискали себѣ заслуженную въ бояхъ славу. Все это были люди, много читавшіе и много видѣвшіе; они не могли не внушить уваженія къ себѣ русскимъ офицерамъ. Отношенія ихъ къ этимъ послѣднимъ были прекрасныя. Я не слышалъ ни объ одномъ поединкѣ, ни объ одномъ недоразумѣніи между офицерами двухъ славянскихъ народностей. Когда въ составъ офицеровъ этой дивизіи вошли два Муравьева, Артамонъ—командиромъ Ахтырскаго, а Александръ—Александрійскаго полковъ, Пашковъ былъ сдѣланъ бригаднымъ генераломъ, а Лашкаревъ—дивизіоннымъ; тогда нѣмцы стали покидать эту дивизію, а на ихъ мѣсто поступали русскіе; между русскими и польскими офицерами завязались самыя близкія отношенія, они дебатировали о славянскомъ вопросѣ, о которомъ русскіе имѣли надлежащее представленіе, между тѣмъ какъ для поляковъ вопросъ этотъ являлся совершенной новостью; упрекать за это поляковъ нельзя, такъ какъ они, отдѣлившись добровольно отъ славянъ, благодаря религіи и политикѣ, и отдавшись, выражусь такъ, въ услуженіе нѣмцамъ и латинянамъ, закоренѣли въ заблужденіи и въ своей литературѣ или ничего не говорили о славянахъ, или искажали правду, чтобы не обнаружить своего заблужденія, и утопали все глубже и глубже въ нѣмецкой фальши.

Собранія и диспуты по большей части происходили у двухъ полковниковъ Муравьевыхъ. На эти собранія съѣзжались также офицеры другихъ родовъ оружія. Слѣдуя примѣру польскихъ офицеровъ, стали пріѣзжать и обыватели и приглашать къ себѣ русскихъ офицеровъ; началось сближеніе между поляками и русскими. Въ это время Маевскій, капи-

танъ польскихъ улановъ, одинъ изъ товарищей Контульскаго, президентъ Карвицкій и братья Муравьевы образовали общество рыцарей тампліеровъ, которые, какъ я тогда слышалъ отъ Карла Ружицкаго, по русской версіи, должны были стремиться къ объединенію славянъ, а по польской—къ образованію двухъ отдѣльныхъ, русской и польской республикъ. Очевидно, они нѣсколько плохо понимали другъ друга, но старались быть рыцарями и оставались тампліерами. Въ первый разъ въ это время обнаружилось отвращеніе русскихъ и поляковъ къ австрійскимъ и прусскимъ нѣмцамъ. Говорили о безбожіи, неблагодарности и безчестныхъ планахъ нѣмцевъ. Позднѣе это тампліерство привело къ обществу зеленой книги, къ сожалѣнію, не славянской, а американской. Кто знаетъ, можетъ быть злой духъ послалъ туда нѣмцевъ, чтобы они исказили славянскую мысль и направили въ другую сторону славянскія стремленія—нѣмцы на все способны. Принятіе въ среду тампліеровъ и разговоры о тампліерахъ происходили настолько явно, что генералъ Гижицкій, волынскій губернаторъ, одно время былъ убѣжденъ, что это цесаревичъ Константинъ придумалъ этихъ тампліеровъ, чтобы содѣйствовать сближенію поляковъ съ русскими. Когда панъ Северинъ Залѣвскій, бывшій уже самъ тампліеромъ, предлагалъ ему войти въ это общество, онъ отвѣтилъ: «жду приказанія цесаревича, надѣюсь его вскорѣ получить». Панъ Падура и Антоновичъ младшій, который въ то время собирался переѣзжать въ Харьковъ, сильно возставали противъ этого названія—«тампліеры!» Не разъ поднимали они этотъ вопросъ съ Карломъ Ружицкимъ и капитаномъ Маевскимъ. «Почему было не назвать казаками, говорили они, вѣдь это единственные славянскіе рыцари»,— и часто повторяли мнѣ: «когда выростешь, то сдѣлайся казакомъ, а не тампліеромъ».

Въ этомъ году императоръ Александръ проѣзжалъ черезъ Житоміръ и изволилъ осчастливить своимъ присутствіемъ балъ, данный дворянствомъ въ честь его пріѣзда. Губернаторомъ былъ генералъ Гижицкій, шуринъ извѣстнаго сенатора Ильинскаго, любимца императора Павла; губернскимъ предводителемъ дворянства—Викентій Ледуховскій, мужъ моей тетки; президентомъ 1-го департамента—генералъ Корженевскій, мужъ моей другой тётки. Мать привезла меня на это торжество; меня одѣли въ мальтійскій мундиръ, такъ какъ, когда я еще былъ груднымъ младенцемъ, для меня купили за шесть тысячъ рублей на ассигнаціи мальтійское рыцарство. Я былъ представленъ императору. До 14 лѣтняго возраста я былъ очень малаго роста и чахлаго сложенія и выглядѣлъ настоящимъ заморышемъ. Императоръ приказалъ мнѣ взлѣсть на столъ, чтобы разговаривать съ этимъ рослымъ помѣщикомъ. Въ это время, вблизи императора, около гетманши Ржевусской, стояли три самыя красивыя изъ бывшихъ на балу дамы: пани Анжелика Пружинская, жена президента

*

Пружинскаго, настоящая украинская русалка-чародѣйка; панна Пилавская, племянница президента Домбровскаго, и пани Орловская, урожденная Ярошинская. Императоръ приказалъ мнѣ выбрать одну изъ этихъ дамъ для мазурки; я безъ колебаній выбралъ m-me Орловскую, признаюсь, ради ея брильянтоваго полумѣсяца. Императоръ улыбнулся, говоря по-французски пану Артуру Потоцкому: «Rien d'étonnant, les chavaliers de Malte ont culte pour Sainte Madeleine». Самъ императоръ пригласилъ пани Пружинскую, а панъ Артуръ Потоцкій—панну Пилавскую. Мазурка удалась мнѣ прекрасно; за ужиномъ меня посадили около пани Орловской, я пилъ шампанское и чувствовалъ себя превосходно. На слѣдующій день губернаторъ Гижицкій увѣдомилъ меня, что мнѣ Высочайше пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 степени за хорошее веденіе хозяйства въ моемъ имѣніи. Я не въ состояніи описать энтузіазма, съ какимъ принимали императора Александра. Каждый полякъ готовъ былъ, по одному его мановенію, пожертвовать жизнью, состояніемъ, всѣмъ, что имѣлъ, а польки сходили съ ума по привѣтливомъ императорѣ.

Генералъ Орурнъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ храбрымъ генераломъ. Въ 1810 г. онъ командовалъ волынскими уланами. Подъ Рущукомъ, послѣ переправы черезъ Дунай, обозъ его подвергся нападенію турецкихъ спаговъ. Онъ самъ и его уланы, въ однѣхъ рубахахъ, вскочили на коней, безъ сѣделъ, и съ пиками въ рукахъ оттѣснили спаговъ и нанесли имъ страшное пораженіе. Мой дядя, Янъ Глембоцкій, находился въ то время подъ командой Орурка. Горячая кобыла изъ стада моей матери понесла его, и онъ, совершенно противъ воли, очутился среди турецкихъ спаговъ. Испуганные спаги кричали: «аманъ, аманъ!» а мой дядя, знавшій нѣсколько словъ по-турецки, повернулъ коня къ обозу и закричалъ: «Бераберъ гель!» (за мной впередъ) и пустилъ во весь духъ коня къ обозу; спаги за нимъ, и такимъ образомъ попали въ обозъ. Было турокъ 36, въ рапортѣ гр. Орурнъ приказалъ помѣстить 360 и, когда дядя протестовалъ противъ этого, Орурнъ отвѣтилъ: «не жалѣй басурмановъ!—пиши!»—и мой дядя получилъ за этотъ подвигъ чинъ ротмистра и саблю за храбрость.

Годъ этотъ былъ у насъ очень счастливый на польскихъ улановъ; трое изъ нихъ были ремонтерами; всѣ трое женились. Одинъ изъ нихъ, Карлъ Ружицкій, женился на моей старшей сестрѣ Маріаннѣ.

На свадьбу съѣхались всѣ родственники моего отца и матери. Среди этого собранія выдѣлялся Каэтанъ Чайковскій, староста бахтынскій, богачъ и скряга, въ сравненіи съ которымъ блѣднѣлъ мольеровскій Скупой. Вслѣдствіе скупости, онъ не женился; изъ скупости въ своихъ имѣніяхъ, въ роскошныхъ домахъ, на чердакахъ устроилъ склады хлѣба, а внизу хлѣва для телятъ, самъ онъ жилъ въ сквер-

ной лачужкѣ, въ мѣстности, настолько болотистой и лѣсистой, что трудно было доѣхать туда въ экипажѣ или верхомъ.

Во всемъ домѣ у него былъ одинъ старый слуга, по имени Даніилъ, который былъ одновременно поваромъ, камердинеромъ, кучеромъ и сторожемъ. Староста бахтынскій былъ человѣкомъ очень ученымъ, древними и новыми языками владѣлъ, какъ польскимъ, много читалъ, занимался преимущественно историческими изысканіями. Съ управляющимъ Микульскимъ и казнохранителемъ Курскимъ постоянно толковалъ онъ о происхожденіи ядзвинговъ (ятвяговъ). Послѣ 10-лѣтнихъ разсужденій, пришли къ слѣдующему рѣшенію Ядзвинги были мирнымъ, добрымъ славянскимъ племенемъ. Они были покорены ляхами, татарскимъ племенемъ съ Кавказа. Ляхи, плетьми понуждая ихъ работать и служить побѣдителямъ, говорили: «Га, двигайся, лѣнтяй (Ha dzwigaj się leniu), бездѣльникъ». Кнуты запечатлѣли эти слова на спинахъ наказываемыхъ. Отсюда возникло имя гадзвинговъ, перешедшее позднѣе въ ядзвинговъ.

Староста бахтынскій засталъ въ Гальчинцѣ огромную принадлежавшую мнѣ псарню; онъ говорилъ моей матери, что эта саранча, вѣроятно, очень много поѣдаетъ и очень мало приноситъ пользы: онъ часто-де слышалъ отъ пана маршалка Завиши изъ Чернигова, что еслибы охота была хоть сколько-нибудь выгоднымъ промысломъ, то уже давно жиды сняли бы ее въ аренду; а вѣдь ему никогда не приходилось видѣть жида-охотника

Моя мать настаивала на томъ, что страсть къ охотѣ развиваетъ рыцарскій духъ—единственное истинное достоинство польскаго шляхтича, и что страсть къ охотѣ можетъ отвлечь отъ другихъ страстей. Эти поэтическіе и казацкіе аргументы не произвели никакого впечатлѣнія на дядю. Когда же я принесъ въ комнату въ платкѣ 300 рублей карбованцевъ, которые мнѣ уплатилъ бердичевскій жидъ Іочель за шкурки убитыхъ зимою зайцевъ, лисицъ и волковъ, то этотъ звенящій аргументъ подѣйствовалъ гораздо сильнѣе. Дядя сталъ меня разспрашивать, и я подробно разсказывать, сколько каждая борзая ловитъ въ теченіе зимы зайцевъ, лисицъ и волковъ. Разсчетливый дядя былъ ошеломленъ. Онъ уже не смѣялся, но серьезно и внимательно смотрѣлъ на меня. «Поздравляю тебя,—сказалъ онъ, обратившись къ моей матери:—повѣрь, что изъ твоего сына выйдетъ великій экономистъ». Такъ былъ рѣшенъ этотъ трудный вопросъ: собаки попали въ тягло.

Послѣ свадьбы сестры меня отвезли въ Межирѣчье-Корецкое, въ лицей Волынскій, руководимый ксендзами-піаристами. Ректоромъ былъ ксендзъ Грабовскій, настоящій благоденствующій монахъ, человѣкъ очень добрый и изысканно вѣжливый. Вице-ректоромъ—ксендзъ Бартошевичъ, большой любитель охоты на лисицъ. Префектомъ лицея

былъ ксендзъ Кмита, сухой, увядшій; онъ скорѣе похожъ былъ на пергаментнаго іезуита, чѣмъ на піариста. Былъ также ксендзъ Младеновичъ, сынъ уманьскаго губернатора, убитаго во время рѣзни. Онъ былъ также крестнымъ сыномъ Гонты, который, благодаря этому, спасъ его. Онъ былъ инвалидомъ или ветераномъ монастыря. Единственнымъ его занятіемъ было разсказывать объ уманьской рѣзнѣ, объ Украйнѣ, о гайдамакахъ, о Запорожьѣ. Онъ все запомнилъ и рисовалъ яркими красками въ своихъ разсказахъ. И замѣчательно: онъ никогда не обнаруживалъ ни ненависти, ни даже негодованія противъ Гонты. Всю вину за это злодѣяніе онъ слагалъ на счастливца Потоцкаго и на польскую шляхту. Вотъ его подлинныя слова, которыя онъ часто повторялъ: «Его научили читать, писать и понемногу всѣмъ другимъ наукамъ, а потомъ хотѣли сѣчь розгами и сажать въ карцеръ, сдѣлали его полковникомъ, и полковникомъ прекраснымъ, такъ какъ онъ былъ болѣе свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, чѣмъ командиры отдѣльныхъ частей, бригадиры и ротмистры-хоругвеносцы, а потомъ хотѣли шельмовать его, какъ хама и мужика; и муравей, когда вывести его изъ терпѣнія, кусаетъ, что же говорить про человѣка? и такого человѣка, какъ Гонта! Да, паны заварили кашу, а народъ долженъ ее расхлебывать и терпѣть, пока не исполнится чаша его страданій».

Въ лицеѣ было 900, а иногда до тысячи человѣкъ молодежи. Я помѣщался вмѣстѣ съ Александромъ Подгородельскимъ, двумя Залѣсскими и Дмитріемъ Четвертынскимъ у ксендза Зарѣцкаго, можетъ быть, самаго приличнаго изъ всѣхъ, такъ какъ онъ не прибѣгалъ къ плети и тѣлеснымъ наказаніямъ. Столъ былъ не дурной, но выдавали порціями; отсюда подкупъ прислуги, поваровъ, обманъ другъ друга. Какая это была перемѣна для насъ, перешедшихъ изъ лицея Вольсея.

Кромѣ Кременца, занимавшаго первое мѣсто, въ качествѣ русскаго воспитательнаго центра, всѣ учебныя заведенія Россіи того времени можно было раздѣлить на три категоріи. Свѣтскіе учителя—не монахи, присылаемые изъ Вильны, нужно полагать, были людьми способными, хорошо знали преподаваемые ими предметы, но я не слыхалъ ни объ одной губернской или уѣздной школѣ, находящейся подъ руководствомъ свѣтскихъ профессоровъ, которая бы снискала себѣ кое-какую извѣстность, которая бы дала знаменитыхъ учениковъ; все это была посредственность, не отличавшаяся ни способностями, ни воспитаніемъ. Эти школы не дали выдающихся людей ни литературѣ, ни военной службѣ, ни даже польской идеѣ. Профессора не умѣли себя держать съ подобающею ихъ положенію солидностью; они походили на правительственныхъ чиновниковъ, а не на учителей молодежи. Повидимому, это происходило отъ того, что на нихъ слишкомъ большое вліяніе оказывала правительственная опека, а также и оттого, что они не старались

сближаться съ мѣстнымъ обществомъ. Они исполняли свою обязанность, но не болѣе, а потому и не могли пріобрѣсти болѣе широкій кругозоръ. Ни одинъ болѣе состоятельный помѣщикъ не отдавалъ своихъ дѣтей въ школы, находившіяся подъ руководствомъ свѣтскихъ учителей. Школы эти пополнялись, по большей части, мѣщанами, и число учениковъ въ нихъ было очень ограничено.

Двѣ другія вѣтви школъ, находившіяся подъ руководствомъ ксендзовъ-піаристовъ и базильянъ, имѣли совершенно другой характеръ; почти свободныя отъ давленія и даже надзора правительства, находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мѣстными помѣщиками, у которыхъ находили какъ матеріальную, такъ и нравственную поддержку, онѣ привлекали къ себѣ всю молодежь и имѣли возможность осуществлять широко поставленную воспитательную програму.

Ксендзы-базильяне, принадлежавшіе, по большей части, къ родовитой шляхтѣ, имѣя почти всегда во главѣ людей, принадлежащихъ къ самымъ знатнымъ родамъ края, не чувствовали симпатій къ западной цивилизаціи и къ западнымъ модамъ. Ихъ внѣшняя политика, которая, помимо всѣхъ разсужденій доктринеровъ, помимо всѣхъ запрещеній правительства, должна отражаться на воспитаніи, какъ и на всѣхъ другихъ вѣтвяхъ умственнаго развитія, носила характеръ анти-нѣмецкій, анти-латинскій, чисто польскій, съ легкимъ оттѣнкомъ общеславянскихъ идей. На всей воспитательной системѣ базильянъ лежала печать консерватизма, монархизма и даже аристократизма. Главною наукою въ этихъ школахъ была польская исторія. Ее изучали не по руководству ксендза Ваги, не по педантичному труду епископа Нарушевича, но по рукописямъ Кс. Стройновскаго, Михальскаго и другихъ столповъ славянскаго ордена св. Василія, изъ хроникъ и комментаріевъ, изучали ее со стороны философской, исторической и поэтической, чтобы создать хорошихъ и умныхъ поляковъ. Ксендзы-базильяне не позволяли ученикамъ своимъ проникаться космополитическими взглядами, забывая о польщизнѣ; напротивъ, они старались развить въ нихъ польскій патріотизмъ и очень часто повторяли казацкую поговорку, что рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ бурка. Базильянскія школы въ Умани, въ Любарѣ, въ Овручѣ и другія насчитывали по тысячѣ и болѣе учениковъ, принадлежавшихъ къ самымъ уважаемымъ семействамъ. Школы этого ордена могутъ гордиться Мальчевскимъ, Гожчиньскимъ, Богданомъ Залѣсскимъ, Ржевусскими и Михаиломъ Грабовскимъ, и даже фельдмаршаломъ Паскевичемъ, который, по окончаніи школьнаго образованія, поступилъ въ русское войско.

Ксендзы-піаристы были, позволю себѣ такъ выразиться, орденомъ революціоннымъ, демократическимъ, скорѣе космополитическимъ, чѣмъ чисто польскимъ. Такой характеръ носила и ихъ польская система.

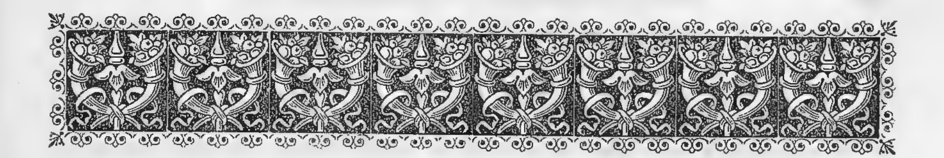
Польская исторія входила въ составъ исторіи всеобщей; о славянахъ знали столько же, сколько объ авганцахъ; но за то о великой французской революціи, о революціяхъ итальянской, испанской и другихъ, знали мельчайшія подробности такъ же хорошо, какъ десять заповѣдей Божіихъ. Вмѣсто строгости и послушанія, господствовавшихъ въ школахъ базильянскихъ, здѣсь имѣли мѣсто постоянные протесты, прокламаціи и памфлеты, въ прозѣ и стихахъ. Правда, ксендзъ Жебровскій наказывалъ памфлетистовъ розгами, протестующихъ сажали подъ арестъ на хлѣбъ и на воду, но не старались, однако, искоренить эти проявленія протеста, а даже до извѣстной степени ихъ поощряли, чтобы развить въ ученикахъ самостоятельность и сильную, свободную волю. Ученики межирѣчьской школы въ салонахъ не уступали ученикамъ школы кременецкой и превосходили въ этомъ отношеніи учениковъ базильянскихъ школъ. Ученики ксендзовъ-піаристовъ превращались изъ спѣсивыхъ поляковъ въ ловкихъ французовъ, въ настоящихъ сѣверныхъ французовъ. Какъ только разносился слухъ о какомъ-нибудь возстаніи или войнѣ, отцы-піаристы сбрасывали монашеское облаченіе въ крапиву и одѣвались въ артиллерійскія или уланскія куртки; такъ же поступали и ученики; во время всѣхъ возстаній и войнъ, школы піаристовъ доставляли наиболѣе добровольцевъ. Въ средѣ помѣщичьей, мужчины стояли за школы базильянъ, женщины же были на сторонѣ школъ піаристовъ. Правительство относилось съ сочувствіемъ къ этимъ послѣднимъ, а къ первымъ—съ нѣкоторымъ недовѣріемъ.

Попечителемъ гимназіи, а позднѣе лицея межирѣчьскаго, былъ Іосифъ Стецкій, владѣлецъ Межирѣчья и многихъ имѣній на Украйнѣ и Волыни, маршалокъ Ковенскаго уѣзда; по происхожденію онъ принадлежалъ къ высшему классу казаковъ, онъ не отличался ни начитанностью, ни ученостью; какъ и фельдмаршалъ Гудовичъ, онъ часто повторялъ, что это въ натурѣ, въ крови, въ характерѣ Стецкихъ—не доходить выше 2-го класса, но что всѣ они инстинктивно любятъ науку и учащихся. Эту любовь онъ доказалъ, записавъ въ пользу школъ піаристовъ, для образованія неприкосновеннаго капитала, большую деревню Гаручи и 300.000 польскихъ злотыхъ, при томъ 100 тысячъ злотыхъ польскихъ на инструменты для физическаго и химическаго кабинетовъ, а другія 100 тысячъ на библіотеку и на географическія карты. Въ праздники и по воскресеньямъ его салоны были открыты для учениковъ, а самъ онъ, если не бывалъ на охотѣ, проводилъ цѣлые дни въ монастырѣ.

Дай Богъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ имѣть такихъ попечителей!

Перевелъ съ польскаго **Турцевичъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Мои воспоминанія о забытомъ корпусѣ.

VI [1]).

Перемѣщеніе насъ изъ Головинскаго дворца въ Красныя казармы.—Анненгофская роща.—Преображенское кладбище и Старообрядческій монастырь при немъ.—Сопѣлкинъ.—Лефортовскій садъ.—Крымская война.—Недовольство порядками на театрѣ войны.—Рѣзкая перемѣна во взглядахъ окружающихъ насъ.—Кончина императора Николая Павловича.—Заботы Ридигера и Чистякова о выборѣ новыхъ преподавателей.—Характеристика Ридигера.—Новые преподаватели: Некрасовъ, Альбертини, Владимірскій и Муравьевъ.

Въ концѣ августа изъ Головинскаго дворца, куда ожидали прибытія изъ лагеря 1-го Московскаго корпуса, насъ водворили въ Красныя казармы, назначенныя для постояннаго нашего мѣстопребыванія въ Москвѣ.

Зданіе корпуса въ Брестѣ по наружному своему виду было и величественнѣе, и красивѣе Красныхъ казармъ, но зато новое помѣщеніе корпуса въ Москвѣ было несравненно просторнѣе и веселѣе; въ немъ было много воздуха и свѣта, тогда какъ въ Брестѣ, особенно въ нижнемъ этажѣ, было и темно и тѣсно.

Красныя казармы, построенныя во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, расположены на самомъ краю Москвы, у Проломной заставы, черезъ улицу отъ Головинскаго дворца. Довольно большой плацъ, служившій для военныхъ упражненій кадетъ, отдѣлялъ Красныя казармы отъ обширной Анненгофской рощи—мѣста гуляній кадетъ весною до выхода въ лагери и въ теплые осенніе дни. Анненгофская роща насажена ради удовольствія Анны Іоанновны ея курляндскимъ любимцемъ на протяженіи чуть ли не ста десятинъ, занимаетъ и до сихъ поръ все пространство между Введенскими горами и Проломной заставой. Сзади

[1]) См. «Русскую Старину» іюнь 1895 г.

этой рощи, въ то время, когда мы прибыли въ Москву, былъ пороховой заводъ, устроенный Петромъ I, а на лѣвомъ ея флангѣ—Преображенское старообрядческое кладбище и монастырь при немъ. Кладбище это, въ то время, служило самымъ фанатическимъ опорнымъ пунктомъ старообрядцамъ Преображенскаго согласія. Мы очень часто, конечно секретно, посѣщали и кладбище, и келейниковъ, жившихъ въ монастырѣ подъ видомъ рабочихъ и служащихъ на кладбищѣ; они охотно и не стѣсняясь бесѣдовали съ нами о вопросахъ вѣры. Мы объясняли это тѣмъ, что они знали, что мы были католики. У этихъ келейниковъ я впервые увидѣлъ небольшаго формата Евангелія, издаваемыя англійскимъ библейскимъ обществомъ. Вѣроятно, въ монастырѣ былъ складъ этого изданія, такъ какъ я неоднократно видѣлъ, какъ у нихъ покупали эти Евангелія. То было время самаго жестокаго гоненія на старообрядцевъ, и лѣтъ пять спустя, когда я былъ уже офицеромъ и стоялъ въ караулѣ Преображенской тюрьмы, между многочисленными арестантами-старообрядцами я встрѣчалъ многихъ моихъ прежнихъ знакомыхъ по Преображенскому кладбищу.

Въ 1857 году нѣкто Сопѣлкинъ, человѣкъ начитанный и очень умный, имѣвшій большое значеніе среди преображенскихъ раскольниковъ, дошелъ до убѣжденія и притомъ безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, въ неправотѣ раскола, не замедлилъ присоединиться къ единовѣрію и явился горячимъ проповѣдникомъ единовѣрія. Пропаганда эта велась съ такимъ успѣхомъ, что передъ нею постепенно началъ отступать фанатизмъ Преображенскаго кладбища, и окончилось тѣмъ, что Сопѣлкинъ въ 1857 году основалъ на кладбищѣ, на мѣсто прежняго старообрядческаго монастыря, единовѣрческій монастырь. Вспоминаю объ этомъ потому, что все это совершилось по сосѣдству съ нами, такъ сказать, на глазахъ нашихъ, живо насъ интересовало, и многіе изъ насъ лично знали этого Сопѣлкина.

Кромѣ Анненгофской рощи, почти каждое воскресенье весною и осенью въ хорошую погоду мы гуляли въ знаменитомъ Лефортовскомъ, Дворцовомъ саду, принадлежавшемъ тогда Головинскому дворцу.

На этихъ-то гуляніяхъ, въ тѣнистыхъ аллеяхъ Дворцоваго сада и подъ вѣчно зелеными сводами Анненгофской рощи, мы довольно скоро, послѣ пріѣзда въ Москву, свели знакомство съ кадетами 1-го и 2-го московскихъ корпусовъ. Сначала они къ намъ не особенно благоволили, неоднократно приходилось слышать отъ нихъ кличку «полячки», но это продолжалось недолго, и многіе изъ насъ сдружились съ ними до того, что передавали другъ другу свои завѣтныя мысли, знакомили ихъ съ польской литературой, особенно съ Мицкевичемъ, вышедшимъ въ то время, съ разрѣшенія государя, полнымъ изданіемъ, и до самаго выѣзда корпуса изъ Москвы въ Вильну отношенія наши были самыя дру-

желюбныя. Такія же отношенія были у насъ и съ кадетами Сиротскаго корпуса, которые были ближайшими нашими сосѣдями по лагерному расположенію.

Переводъ нашъ въ Москву совпалъ съ самыми тяжелыми моментами борьбы Россіи съ союзниками въ Крымскую войну.

Война затягивалась и сдѣлалась до крайности разорительной. Кромѣ того въ тысячный разъ повторилась обычная исторія: ничего не было къ войнѣ приготовлено, ни хорошаго оружія, ни продовольствія, ни путей сообщенія. Приходилось разсчитывать исключительно на выносливость и на мужество нашего солдата, и намъ разсказывали о чудесахъ храбрости и о великомъ терпѣніи не только коренныхъ и закаленныхъ двадцати-пятилѣтней службой солдатъ, но и ополченцевъ, взятыхъ прямо изъ-подъ сохи. Всѣ эти свѣдѣнія какъ о причинахъ войны, такъ и о неудачахъ и дурной подготовкѣ къ войнѣ мы слышали уже не отъ дядекъ Бабулы и Назарука, а непосредственно отъ нашихъ офицеровъ и учителей, которые при этомъ съ негодованіемъ разсказывали намъ о колоссальныхъ грабежахъ интендантовъ, о злоупотребленіяхъ и подкупахъ. Всѣ они были крайне недовольны войной, у всѣхъ у нихъ развязались языки, и они, не стѣсняясь передъ нами, порицали и порядки, и людей, и только о Тотлебенѣ говорили, какъ о рыцарѣ безъ страха и упрека, какъ единственномъ человѣкѣ, который можетъ еще спасти Севастополь. Вообще это было время, когда направленіе мыслей всѣхъ окружающихъ насъ, даже людей самыхъ простодушныхъ, радикально измѣнилось, и притомъ все это случилось какъ-то чрезвычайно быстро. Какъ будто ихъ что-то пришибло, какъ будто они въ чемъ-то усомнились, отъ чего-то пришли въ ужасъ и негодованіе и, какъ заблудшіе, искали истины и правды. Для насъ изъ всего этого ясно было, что налетѣлъ шквалъ и низвергнулъ всѣхъ старыхъ боговъ, которымъ такъ долго поклонялись.

Наступилъ 1855-й годъ.

19-го или 20-го февраля, этого не помню, но хорошо помню, что это было вечеромъ, скоро послѣ окончанія классныхъ занятій, вбѣгаетъ, запыхавшись, въ нашу роту адъютантъ Селевичъ, шепчется о чемъ-то съ дежурнымъ офицеромъ, и вслѣдъ за симъ приказываютъ намъ строиться и ведутъ въ большой залъ, гдѣ уже были выстроены и другія роты. Всѣ мы были въ нѣкоторомъ волненіи, не зная, въ чемъ дѣло. Наконецъ является директоръ корпуса, Ридигеръ, окруженный офицерами и нѣкоторыми учителями и дрожащимъ голосомъ, со слезами на глазахъ, сообщаетъ намъ и смерти императора Николая Павловича. Извѣстіе это встрѣчено было всѣми нами съ искреннимъ сожалѣніемъ. Была какая-то особая сила у императора Николая, что его всѣ любили, несмотря на его суровость. Мнѣ кажется, что сила эта заключалась въ

томъ, что онъ былъ справедливый монархъ, и этимъ самымъ высшимъ достоинствомъ для монарха онъ изглаживалъ другіе свои недостатки. Вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти императора, всѣ наши учителя, разумѣется въ высшихъ классахъ, считали своею обязанностью сказать нѣсколько словъ по поводу этого горестнаго событія, и я помню, одинъ изъ нихъ сказалъ буквально слѣдующее: «Императоръ Николай I умеръ въ припадкѣ мрачнаго разочарованія. Машина, мудро построенная имъ и которую онъ считалъ безукоризненною, въ день испытанія оказалась неспособною сослужить свою службу, вѣра всей его жизни была разбита, и онъ не пережилъ ее»...

Въ годъ нашего пріѣзда въ Москву открытіе классныхъ занятій значительно замедлилось по той причинѣ, что нужно было пополнить штатъ учителей, на мѣсто оставшихся въ Брестѣ. И директоръ Ѳ. Ф. Ридигеръ и В. Б. Чистяковъ очень хорошо понимали, что для того, чтобы поставить Брестскій корпусъ въ образовательномъ значеніи наравнѣ съ московскими корпусами, которые, несмотря на то, что обучались по однимъ и тѣмъ же съ нами программамъ и по одной и той же системѣ, по развитію стояли выше насъ; нужно было выбрать такихъ учителей, которые кромѣ знаній умѣли бы поставить себя среди воспитанниковъ и заслужить ихъ довѣріе и любовь; а не были бы послѣдними спицами въ колесницѣ, какъ это было въ Брестѣ, гдѣ учителя не имѣли ровно никакого вліянія на кадетъ. Это зависѣло впрочемъ и отъ общихъ причинъ. Положеніе учителей въ то время было повсюду въ Россіи плачевное, не изъяты были въ этомъ отношеніи и кадетскіе корпуса. Въ корпусахъ, гдѣ начальство было военное и притомъ большею частью безъ образованія, на учителей, особенно штатскихъ, смотрѣли почти съ пренебреженіемъ и въ лучшемъ разѣ—какъ на низшій классъ служащихъ въ личномъ составѣ корпуса. Взглядъ такой помимо воли сообщался и кадетамъ и лишалъ учителей должнаго къ нимъ уваженія, и мы безнаказанно творили всевозможныя шалости, изощрялись во всевозможныхъ фокусахъ.

Съ такими учителями, которые бы имѣли нравственное вліяніе на воспитанниковъ, ничего подобнаго быть не могло. Есть основаніе предполагать, что этого именно хотѣлъ достигнуть новый нашъ директоръ Ѳ. Ф. Ридигеръ, и само собою разумѣется, что въ лицѣ В. Б. Чистякова, лучшаго педагога того времени, онъ встрѣтилъ самаго убѣжденнаго себѣ помощника.

Вообще генералъ Ридигеръ не заботился исключительно о томъ только, чтобы все было исправно по внѣшности, какъ это было въ обычаяхъ того времени и чтобы высшее начальство было имъ довольно. Онъ хотѣлъ оставить послѣ себя лучшую память.

Мнѣ хотѣлось бы воскресить въ памяти моихъ товарищей обликъ

Ѳ. Ф. Ридигера, занявшаго должность директора нашего корпуса, по выходѣ В. Н. Назимова. Директорство его было самою цвѣтущею эпохою нашего корпуса, во все время его существованія, благодаря его честной, энергической и разумной дѣятельности.

Генералъ-маіоръ Ѳеодоръ Филипповичъ Ридигеръ былъ очень высокаго роста, стройный, съ сильно выдающеюся грудью; съ сѣрыми, подъ гребенку остриженными, волосами, тщательно выбритыми щеками и небольшими усами. Трудно представить наружность болѣе открытую и энергичную, какая была у него. Если Ѳ. Ф. былъ въ духѣ, улыбка его была привѣтлива, и тогда онъ ласково разговаривалъ со всѣми; но если онъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, онъ смотрѣлъ грозно, и, признаться сказать, мы тогда его трусили. Вообще же, это былъ очень добрый человѣкъ, и отношенія его къ намъ были и сердечны, и симпатичны. Всѣ реформы и всѣ улучшенія, какъ въ воспитательномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніяхъ, находили въ немъ энергическаго руководителя и покровителя. Насколько онъ былъ къ намъ добръ, видно будетъ изъ слѣдующаго случая. Въ одномъ изъ высшихъ классовъ, который помѣщался надъ квартирою учителя нѣмецкаго языка Л., одинъ изъ кадетъ спустилъ въ печную трубу записку по адресу племянницы этого учителя, въ которой, къ слову сказать, большинство кадетъ, высшаго возраста, питали пламенную любовь. Записка эта, невинная, впрочемъ, по содержанію, попала, къ несчастью, въ руки нѣмца, и онъ, возмущенный такою безнравственностью, сдѣлалъ скандалъ. Дежурный по корпусу, кажется, капитанъ В., почему-то вообразилъ, что записку писалъ и спустилъ или С. или М., и тотчасъ же обоихъ ихъ арестовалъ, тогда какъ виновникомъ этой шалости былъ совсѣмъ другой. Возмущенные такою несправедливостью, кадеты потребовали у В. освобожденія С. и М. Понятно, что требованіе это не только удовлетворено не было, но дежурный по корпусу сталъ стращать дурными послѣдствіями для всѣхъ участниковъ «заговора», какъ онъ называлъ. Тогда цѣлая рота Его Величества, въ которой состояли С. и М., схвативъ ружья, рѣшились освободить ихъ изъ карцера силою. Доложили объ этомъ Ридигеру. Явившись неожиданно въ взволнованную и шумѣвшую роту, онъ своимъ громовымъ голосомъ крикнулъ: «Смирно, стройся!» и когда всѣ встали по своимъ мѣстамъ, приказалъ дежурному по ротѣ командовать ружейные пріемы, и, когда ружейные пріемы были продѣланы, приказалъ ружья отнести въ цейхгаузъ, а кадетамъ явиться къ нему. Спустя полчаса все было окончено мирно: С. и М. выпущены изъ-подъ ареста, а дѣйствительный виновникъ, сознавшійся передъ Ридигеромъ, получивъ серьезный нагоняй, долженъ былъ извиниться передъ учителемъ-нѣмцемъ.

Но и на солнцѣ есть пятна, и нѣтъ на землѣ совершенства. Груст-

ная истина, но неопровержимая. Былъ случай, что на свѣтлую и добрую личность Ридигера, къ сожалѣнію, нашло затменіе, стоившее будущности тремъ нашимъ лучшимъ товарищамъ: Б., Ж. и С. Какіе имѣлъ мотивы Ридигеръ поступить такъ, какъ онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, я, конечно, не знаю, но самъ фактъ, который я знаю хорошо, не стоилъ того, чтобы изъ-за него пожертвовать участью трехъ юношей, во всѣхъ отношеніяхъ честныхъ и способныхъ. Кто-то донесъ ротному командиру (только не кадеты, такъ какъ у насъ такой подлости тогда и въ заводѣ не было), а можетъ быть это обнаружено случайно, что у вышеупомянутыхъ трехъ кадетъ имѣются запрещенные стихи и книги, которые они будто бы получили отъ студентовъ. Дѣйствительно, у насъ въ корпусѣ ходили тогда по рукамъ стихотворенія Герцена, Огарева и другихъ, которыя мы читали съ увлеченіемъ и переписывали. У Б., Ж и С. сдѣлали обыскъ, нашли нѣсколько рукописей запрещенныхъ стиховъ, а главное, нашли берлинское изданіе комедіи «Трумперъ, принцъ нѣмецкій», — дѣдушки Крылова. Кадетъ Б., Ж. и С. продержали долгое время подъ арестомъ, исключили изъ корпуса и выслали въ юнкера.

Исключеніе Б., Ж. и С., лучшихъ товарищей и способнѣйшихъ воспитанниковъ, дотого тяжело подѣйствовало на всѣхъ насъ, что мы долгое время не могли опомниться, и когда ихъ перевели въ Крутицкія казармы, мы каждое воскресенье навѣщали ихъ и всѣми средствами старались облегчить ихъ судьбу и успокоить.

Этотъ случай — единственная темная точка во все время директорства Ѳ. Ф. Ридигера. Но, быть можетъ, онъ ничего не могъ сдѣлать въ защиту этихъ нашихъ товарищей?.. Долгое время, однако, мы не могли забыть нашему директору этого факта, и только впослѣдствіи, подъ вліяніемъ общественныхъ сношеній и житейскихъ обстоятельствъ, когда нѣсколько очерствѣли — на фактъ этотъ стали смотрѣть спокойнѣе и находить мотивы оправдательные.

Я сказалъ выше, что и Ридигеръ, и Чистяковъ обратили самое заботливое вниманіе на выборъ учителей, особенно для высшихъ классовъ. Для преподаванія русской словесности приглашенъ былъ Николай Петровичъ Некрасовъ. О Николаѣ Петровичѣ остались у насъ и теперь самыя лучшія воспоминанія, а въ то время мы относились къ нему съ восторженнымъ благоговѣніемъ. Живой свидѣтель разсвѣта новой русской литературы, вращающійся въ писательскомъ кругу, Н. П. былъ поставленъ, какъ преподаватель, въ особыя, выгодныя, условія. Его лекціи по литературѣ были привлекательны не только научными достоинствами, но онѣ отличались глубокимъ, упорно страстнымъ стремленіемъ развить въ насъ любовь къ свѣтлымъ человѣческимъ идеаламъ. Лекціи эти оставляли въ насъ самыя здоровыя впечатлѣнія.

Н. П. часто повторялъ намъ, что литературу нужно разсматривать не только какъ источникъ эстетическаго наслажденія, но какъ могущественное орудіе, при помощи котораго можно сотворить новаго человѣка, облагородивъ его и вдохнувъ въ него міръ новыхъ идей и стремленій. И для насъ это было время самаго сильнаго стремленія къ развитію; мы читали и писали много, и все это приносило намъ огромную пользу.

Не менѣе способный и талантливый былъ учитель законовѣдѣнія— Н. В. Альбертини. Уже въ то время Н. В. принадлежалъ къ числу извѣстныхъ публицистовъ и знатоковъ англійскаго государственнаго строя. Его лекціи дотого были интересны и по изложенію, и по существу, что иной разъ не хотѣлось уходить изъ класса; такъ бы, кажется, слушалъ и слушалъ. Н. В. былъ большой поклонникъ Щедрина, только-что начинавшаго въ то время писать; и когда вышли его «Губернскіе очерки», онъ требовалъ отъ насъ, чтобы мы ихъ прочитали и вкратцѣ передали ихъ содержаніе.

Владимірскій, преподаватель химіи, и Н. Муравьевъ, преподаватель статистики, знали и преподавали свои предметы превосходно. Особенно лекціи Муравьева отличались необыкновенною ясностью, прекраснымъ подборомъ фактовъ и чрезвычайно талантливымъ изложеніемъ.

Прошлое не такъ-то скоро становится на самомъ дѣлѣ прошлымъ, и долго еще опредѣляетъ собою настоящее и, хотя, въ силу такого вліянія прошлаго, новые учителя наши были черезчуръ осторожны въ преподаваніи, придерживались и программъ, и глупѣйшихъ учебниковъ, но при всемъ томъ они исполнили свое дѣло вполнѣ добросовѣстно, и великое имъ за это спасибо.

Благодаря ихъ честному и добросовѣстному труду, ихъ высоко-нравственному на насъ вліянію, мы, въ нашей миніатюрной жизни, скоро почувствовали рѣзкій контрастъ съ тою жизнью, какою мы жили въ Брестѣ; у насъ явились новые идеалы, да и отцы-командиры наши порѣшили разъ навсегда съ жестокостью и произволомъ.

VII.

Вступленіе на престолъ императора Александра II.—Радость наша по этому поводу.—Императоръ остается шефомъ нашего корпуса.—Переименованіе 1-ой роты въ роту Его Величества.—Осуществленіе нашихъ семейныхъ надеждъ.—Новыя преобразованія въ войскахъ.—Удобства новаго обмундированія и облегченія во фронтовыхъ занятіяхъ.—Интересъ среди кадетъ, вызванный новыми вопросами общественной жизни.—Шт.-кап. Шавровъ.—Изданіе газеты „Поученія шт.-кап. Пр—са о хорошемъ тонѣ".

Вступленіе на престолъ императора Александра II было для насъ, брестцевъ, особенно радостно. Прежде всего императоръ Александръ

Николаевичъ былъ для насъ идеаломъ всѣхъ добродѣтелей, и убѣжденіе это создалось не по разсказамъ, а по личнымъ впечатлѣніямъ: когда онъ, будучи еще наслѣдникомъ, пріѣзжалъ въ Брестъ, онъ былъ съ нами не только ласковъ и милостивъ, но его обхожденіе было до крайности просто. Я какъ сейчасъ вижу красивую и величественную фигуру цесаревича, съ привѣтливой улыбкой на устахъ, танцующаго кадриль визави съ кадетомъ на корпусномъ балу, устроенномъ во время пребыванія наслѣдника въ Брестѣ. Трудно найти человѣка, чья бы наружность такъ гармонировала съ душевными качествами, какъ это было у этого добраго и кроткаго государя. Достаточно было разъ только увидѣть его, чтобы почувствовать къ нему непреодолимую симпатію. Къ стыду и позору человѣчества, этого генія доброты, этого лучшаго человѣка мы зовемъ теперь царемъ-мученикомъ. Кровь стынетъ передъ безсовѣстною неблагодарностью людей.

Затѣмъ, со вступленіемъ на престолъ императора Александра II, пожелавшаго остаться шефомъ нашего корпуса, мы получали Императорскій шифръ на погоны, корону на кепи и двѣ золотыхъ нашивки на воротники, а также первая рота переименована была въ роту Его Величества. Шифръ и нашивки увеличивали красоту нашего мундира, а переименованіе 1-ой роты въ роту Его Величества доставляло намъ немало гордости.

Кромѣ того, радость наша по поводу воцаренія императора Александра Николаевича имѣла еще одинъ источникъ, такъ сказать, чисто семейный. Послѣ польскаго возстанія 1831 года и революціоннаго движенія 1846—48 годовъ, почти всѣ мы (я имѣю въ виду польскихъ уроженцевъ) имѣли близкихъ родственниковъ то въ тюрьмахъ, то въ ссылкѣ, то эмигрировавшихъ за границу. Изъ писемъ, получаемыхъ отъ нашихъ родныхъ, мы были освѣдомлены, что со вступленіемъ на престолъ императора Александра II явилась надежда на ихъ освобожденіе и на разрѣшеніе возвратиться изъ ссылки и изъ эмиграціи.

Полгода спустя послѣ вступленія на престолъ новаго императора надежды эти осуществились, и десятки тысячъ поляковъ вернулись къ своимъ семьямъ, въ свои имѣнія, на свою родину.

Послѣ заключенія мира съ союзниками началось переформированіе арміи, такъ сказать, съ ногъ до головы. Перемѣны эти коснулись и насъ. Трехшеренговый строй замѣненъ двухшеренговымъ, упрощены и уменьшены ружейные пріемы и построенія, тихій шагъ отмѣненъ совершенно; произошла коренная реформа и въ обмундированіи. Вмѣсто прежней длинной шинели и мундира съ двумя задними куцыми фалдами, мы получили пальто, значительно короче прежней шинели, и полукафтаны, вмѣсто шапокъ—французскія кепи. Новое обмундированіе понравилось намъ очень, оно было и удобнѣе, и красивѣе, только кепи

нѣсколько не гармонировало съ общимъ обмундированіемъ, но и къ этому головному убору скоро привыкли, тѣмъ болѣе, что съ уничтоженіемъ шапокъ и съ замѣною ихъ кепи, при встрѣчѣ начальствомъ отмѣнено было снятіе шапокъ для нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ и для кадетъ, а введенъ былъ новый способъ отданія чести, прикладываніемъ руки къ козырьку, составляющій до сихъ поръ привилегію только офицеровъ. Это нововведеніе сразу не особенно понравилось нѣкоторымъ нашимъ офицерамъ, и мы неоднократно слышали рѣзкую критику на эту уже черезчуръ либеральную, по ихъ мнѣнію, реформу, а начальникъ нашей нестроевой роты, «бурбонъ», какъ мы его звали, поручикъ Жуковъ, долго послѣ введенія новаго порядка отданія чести, требовалъ отъ солдатъ нестроевой роты, чтобы они при встрѣчѣ съ нимъ снимали по-прежнему кепи. Съ введеніемъ кепи уничтоженъ былъ также безобразнѣйшій атрибутъ военнаго костюма—наушники, которые замѣнены чрезвычайно практичными и удобными башлыками.

Введеніе новаго обмундированія стоило нашему начальству и въ особенности нашему милому и доброму казначею штабсъ-капитану Длотовскому много хлопотъ, поглощало на долгое время все ихъ вниманіе, да и намъ доставалось порядкомъ отъ постоянныхъ примѣрокъ и пригонокъ, пока не наладили дѣла. Въ результатѣ новое обмундированіе давало больше свободы членамъ, такъ какъ мундиры старой формы, узкіе въ поясѣ, мѣшали намъ не только свободно двигаться, но и свободно дышать.

Не только обмундированіе, измѣнилось и вооруженіе, а также и вся система военныхъ упражненій. Крымская кампанія доказала, что недостаточно умѣть ходить церемоніальнымъ маршемъ на плацъ-парадахъ, недостаточно, чувствуя правымъ локтемъ своего товарища, соблюдать идеальное равненіе, на что тогда при обученіи войскъ было обращено все вниманіе,—что условія войны, благодаря новымъ вооруженіямъ измѣнились совершенно и что для созданія хорошей арміи нужны новыя условія и самыя быстрыя и широкія реформы. И мы въ корпусѣ скоро послѣ войны почувствовали вліяніе этихъ реформъ, благодаря которымъ фронтовое ученіе, бывшее до того жесточайшею мукою для насъ, стало почти развлеченіемъ. Мы уже не слышали на ученіяхъ этихъ постоянныхъ напоминаній, чтобы «не смѣть думать во фронтѣ», что «думаютъ только индѣйскіе пѣтухи, да армейскіе каптенармусы», а напротивъ, отъ насъ стали требовать примѣненія на ученіяхъ личной сообразительности.

Въ періодъ окончанія Крымской войны мнѣ было лишь 16 лѣтъ. Само собою разумѣется, что это возрастъ еще такой, когда особаго понятія въ вопросахъ общественной жизни имѣть нельзя, тѣмъ паче, въ то время, когда и не такіе юноши, какимъ былъ я, но люди взрослые и

тѣ на всѣ общественные вопросы смотрѣли съ полузакрытыми глазами и ничего не видѣли въ настоящемъ свѣтѣ. Это было время неустанныхъ только славословій, неустанныхъ восхваленій, время, когда всѣ еще вѣрили, что весь міръ можемъ закидать шапками, благодаря чему истина искажалась и все обстояло благополучно. Понятно, что при такихъ условіяхъ общественнаго развитія и при моемъ почти дѣтскомъ возрастѣ,—а въ такомъ возрастѣ было большинство моихъ товарищей по корпусу,—мы обладали весьма слабыми способностями анализировать факты, но тѣмъ не менѣе на второй уже годъ по вступленіи императора Александра II на престолъ, присматриваясь издали къ общественному настроенію, бывая то у знакомыхъ, то въ средѣ студентовъ, мы видѣли, что новыя собранія возбуждали очень много новыхъ вопросовъ внутренней жизни и что все сильнѣе и сильнѣе росла реакція старыхъ порядковъ.

Въ это самое время, въ число дежурныхъ офицеровъ, поступилъ къ намъ штабсъ-капитанъ сапернаго баталіона Шавровъ. Выдающіяся способности, въ связи съ рѣдкой энергіей, впослѣдствіи выдвинули его на поприщѣ общественной дѣятельности. Имѣя запасъ серьезныхъ свѣдѣній объ экономическомъ и промышленномъ положеніи Россіи и обладая даромъ живой рѣчи, онъ много и долго поработалъ на пользу русской промышленности, и очень жаль, что смерть похитила его у общества еще сравнительно въ молодомъ возрастѣ. Во время пребыванія Шаврова у насъ въ корпусѣ, онъ чрезвычайно много способствовалъ къ разъясненію намъ того крутаго перелома, который такъ рѣзко сталъ измѣнять условія общественной жизни. Онъ первый сообщилъ намъ о готовящейся реформѣ освобожденія крестьянъ и до того увлекъ многихъ изъ насъ своими разсказами о страданіяхъ этой, какъ онъ выражался, «святой скотины», что многіе изъ кадетъ приходили въ отчаяніе, что родители ихъ имѣли въ своемъ владѣніи крестьянъ и писали къ нимъ съ просьбою освободить ихъ. Не больше года пробылъ у насъ Шавровъ, но новыя идеи, новыя явленія общественной жизни сдѣлались намъ понятными, и въ этомъ направленіи стало проявляться дальнѣйшее наше развитіе. Бывало, по цѣлымъ вечерамъ мы спорили по разнымъ общественнымъ вопросамъ—о гласномъ судѣ, о свободѣ печати, о разныхъ преобразованіяхъ и, наконецъ, для того, чтобы развивать эти идеи, кружокъ кадетъ старшаго класса рѣшилъ издавать газету на русскомъ и польскомъ языкѣ. Редакторомъ польскаго отдѣла былъ Брунелли, а редакторомъ русскаго Колесовъ [1]). Газета просущество-

---

[1]) Владиміръ Петровичъ Колесовъ, года четыре тому умершій въ чинѣ полковника.

вала не долго, но во всякомъ случаѣ выпущено было десять номеровъ. Часть 3-го номера этой газеты у меня случайно сохранилась, и я берегу этотъ отрывокъ газеты, какъ лучшее воспоминаніе нашихъ юношескихъ увлеченій, восторженныхъ надеждъ и нашихъ мирныхъ и любвеобильныхъ чувствъ.

Быть можетъ, кому-нибудь, кто будетъ читать эти воспоминанія, смѣшнымъ покажутся мои разглагольствованія о какихъ-то новыхъ идеяхъ, новыхъ вѣяніяхъ среди мальчугановъ-кадетъ. По-моему же, обстоятельство это должно представлять особый интересъ. Такое вліяніе новыхъ теченій и направленій, явившихся въ то время, на замкнутую среду кадетъ, состоящую подъ постояннымъ надзоромъ, показываетъ, до какой степени это былъ важный моментъ въ жизни русскаго народа. Движеніе новыхъ идей дотого было сильно, что оно проникало въ глубь всей жизни и охватывало собою даже такіе умы, такія личности, которые, казалось, были совершенно изолированы отъ всякаго вліянія. Когда идеѣ суждено жить—она проникаетъ всюду. Это тайна воплощенія. Еслибы лѣтъ пять передъ тѣмъ, какъ Я. И. Ростовцевъ сталъ во главѣ крестьянской реформы, кто-нибудь сдѣлалъ бы такое предположеніе, то я увѣренъ, что всѣ прыснули бы отъ смѣха, а самъ Я. И. Ростовцевъ пришелъ бы въ ярость. Между тѣмъ, новыя идеи, сильныя жизненной силой, восторжествовали и надъ нимъ, и сдѣлали его «своимъ человѣкомъ» и лучшимъ борцомъ за великое дѣло освобожденія.

Разсказывай намъ Шавровъ годомъ только раньше все то, что онъ разсказывалъ потомъ, мы бы, вѣроятно, или совсѣмъ не слушали его, или слушали бы съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ штабсъ-капитана Пр—са, тоже нашего воспитателя, который съ самымъ серьезнымъ видомъ поучалъ насъ, что такое хорошій тонъ и что противно правиламъ хорошаго тона. «Не годится,—говорилъ онъ,—кости, перецъ и т. п. класть на край тарелки, еще менѣе прилично положить это подлѣ тарелки на скатерть». Въ то время Пр—са мы считали между нашими воспитателями если не самымъ умнымъ, то самымъ изысканнымъ человѣкомъ, а про Шаврова, еслибы только такой воспитатель могъ, въ то время, проникнуть въ стѣны корпуса, мы навѣрное сказали бы, что у него въ головѣ не совсѣмъ ладно, и подымали бы его на смѣхъ.

VIII.

Отсутствіе знакомыхъ.—Бѣдность развлеченій въ то время въ Москвѣ.—Знаменитая драматическая труппа.—Мои знакомства.—Наши отношенія къ студентамъ Московскаго университета.—Корпусные балы.—Варварскіе обычаи.—Коронація императора Александра II.—Наше участіе.—Спеціальные классы въ губернскихъ корпусахъ.—Новые преподаватели.—Выпускъ.

Большинство кадетъ Брестскаго корпуса, особенно изъ польскихъ уроженцевъ, совершенно не имѣли въ Москвѣ не только родственниковъ, но даже знакомыхъ, и поэтому большинству изъ насъ рѣшительно не было къ кому ходить въ отпускъ во время праздниковъ, въ особенности въ первое время послѣ переѣзда въ Москву. Кадетъ старшаго возраста отпускали изрѣдка въ городъ, но Москва того времени, несмотря на семь вѣковъ своего историческаго существованія, не имѣла ни музеевъ, ни картинныхъ галлерей, ни дешевыхъ и доступныхъ театровъ, ни зоологическаго сада, ни общественныхъ гуляній. Правда, Румянцевскій музей уже былъ открытъ, но туда пускали съ такими трудностями и формальностями, что побывать намъ, кадетамъ, положительно не удавалось. Чтобы попасть въ Большой или Малый Императорскій театры, нужно было имѣть и много денегъ, и каждый разъ особое разрѣшеніе начальства, что было также не совсѣмъ легко. Изрѣдка все-таки мы бывали въ театрѣ, но это тогда, когда театральное начальство присылало даровыя ложи для кадетъ, преимущественно на балеты, которые москвичи посѣщали мало, такъ какъ нельзя сказать, чтобы этотъ родъ искусства въ Москвѣ въ то время процвѣталъ. Но если балеты были плохи, за то московская драматическая труппа того времени, со Щепкинымъ, Садовскимъ и Шумскимъ во главѣ, была въ апогеѣ своей славы, и впослѣдствіи, когда мы были уже въ выпускныхъ классахъ и когда намъ удавалось чаще посѣщать Малый театръ, мы получали высокое наслажденіе отъ игры этихъ колоссальныхъ талантовъ и тѣмъ болѣе, что весь репертуаръ того времени состоялъ исключительно изъ драмъ и трагедій Шекспира, и начали ставить комедіи Островскаго. Исполненіе «Бѣдной невѣсты», «Доходнаго мѣста» намъ пришлось видѣть съ такимъ превосходнымъ персоналомъ, какого мнѣ уже больше видѣть не приходилось. Но пока мы дошли до выпускныхъ классовъ, если мы и выходили изъ корпуса, по праздникамъ, то намъ ничего больше не оставалось, какъ только бродить по улицамъ Москвы и изучать ея уличные памятники.

Про Москву говорятъ, что она на крови строена и кровью пропитана, но не менѣе вѣрно и то, что она строена самою исторіею и ею тоже насквозь пропитана. И московскую, да и вообще русскую исто-

рію въ Москвѣ можно изучать просто, прохаживаясь по улицамъ, да прислушиваясь къ названіямъ улицъ, переулковъ, площадей, церквей, и вникая въ ихъ смыслъ и значеніе. Бродя такимъ образомъ по Москвѣ, мы едва-ли не одинаково хорошо ее знаемъ, какъ коренной москвичъ.

Что касается до меня, то я былъ счастливѣе моихъ товарищей насчетъ знакомствъ. У меня было нѣсколько знакомыхъ семействъ, гдѣ меня принимали радушно. Чаще всего, однако, я бывалъ въ семействѣ инженера Ал. Викен. Полонскаго и у М. А. Алексѣева, женатаго на родственницѣ послѣдняго столпа русской аристократіи, кн. Сергѣя Михайловича Голицына. Семья Полонскаго восторженно любила музыку. Въ то время въ Москвѣ, на подобіе Петербурга, организована была въ Большомъ театрѣ итальянская опера, и Полонскіе имѣли свой абонементъ. Въ свою ложу они каждый разъ, когда мнѣ было можно, брали и меня; и имъ я обязанъ первымъ знакомствомъ съ итальянской, да и вообще съ музыкою. У Полонскихъ я впервые познакомился съ Ник. Гр. Писаревскимъ, въ то время офицеромъ генеральнаго штаба, редактировавшимъ, кажется, «Русскій Инвалидъ», недавно скончавшимся; съ Леонидомъ Александровичемъ Полонскимъ, сыномъ Александра Викентьевича, съ Ватсономъ и съ другими, впослѣдствіи выдающимися публицистами и литераторами. У Алексѣевыхъ я встрѣчалъ В. Ѳ. Корша, редактора «Атенея», и всѣхъ членовъ редакціи; видѣлъ часто Лажечникова, маленькаго, юркаго старичка, «Ледянымъ домомъ» котораго мы такъ восхищались въ корпусѣ. Лажечниковъ говорилъ очень много и очень интересно. Его разсказы представляли живую анекдотическую лѣтопись литературы. Мнѣ было очень любопытно видѣть свидѣтеля отдаленнаго прошлаго, человѣка, видѣвшаго своими глазами Пушкина, Лермонтова, Мицкевича и др. Часто также бывалъ у Алексѣевыхъ и М. Н. Катковъ, скромный по виду, застѣнчивый, незначительный въ то время и профессоръ, и публицистъ. Никому тогда и въ голову не приходило, что изъ него выработается такой смѣлый и талантливый публицистъ, какимъ онъ оказался впослѣдствіи. Не могу также еще не вспомнить объ одномъ моемъ знакомомъ, о казначеѣ 1-го московскаго кадетскаго корпуса—Ягевскомъ. Онъ былъ врачъ-гомеопатъ, но гомеопатіею своею то и дѣло совершалъ чудеса исцѣленія, за что и прозванъ былъ въ простомъ народѣ «цѣлительникомъ». Народъ валилъ къ нему каждое утро чуть не сотнями. Со всѣхъ сторонъ только и слышно было о немъ, что по его милости многіе выздоравливаютъ отъ такихъ болѣзней, гдѣ возможно было только чудо. Что въ этихъ разсказахъ было много преувеличеннаго, несомнѣнно, но несомнѣнно и то, что онъ не былъ шарлатаномъ, и что, благодаря его помощи, выздоравливали такіе больные, отъ которыхъ аллопаты отступались совершенно.

Многіе изъ моихъ товарищей если не имѣли знакомыхъ семейныхъ домовъ, то почти всѣ мы имѣли въ Московскомъ университетѣ кто брата, кто родственниковъ. Въ то время Московскій университетъ былъ излюбленнымъ университетомъ польской молодежи. Землячество среди студентовъ было тогда въ полномъ ходу. Поляки-студенты жили небольшими группами, по 8—10 человѣкъ, на Грачевкѣ, на Козихѣ, у Патріаршихъ прудовъ. Мы часто бывали у нихъ. Въ тѣхъ кружкахъ, которые мы посѣщали, студенты вели себя нравственно и серьезно занимались наукою. Во взаимномъ обращеніи они были всегда приличны. Нескромныхъ разговоровъ никогда мы не слышали. Политическій бытъ не только Россіи, но и другихъ государствъ подвергался осторожной критикѣ. Отъ студентовъ мы научились хоровымъ польскимъ пѣснямъ, которыя потомъ пѣли въ Анненгофской рощѣ и въ лагеряхъ. Вообще, такіе кружки студентовъ не могли не имѣть хорошаго вліянія на наше развитіе.

Два раза въ годъ начальство корпуса устраивало для насъ балы за свой счетъ. Кадетскіе балы московская знать очень любила и охотно ихъ посѣщала. На первомъ такомъ балу былъ со своею дочерью знаменитый въ то время правитель Москвы, графъ Закревскій, еще не лишенный чрезвычайныхъ полномочій, которыя онъ имѣлъ при императорѣ Николаѣ, и не признававшій никакого закона администраторъ. Бывали также и другіе генералъ-губернаторы—Офросимовъ и Тучковъ. Въ семьѣ послѣдняго проживалъ въ то время, еще тогда молодой студентъ, недавно умершій сенаторомъ —Деспотъ-Зеновичъ. Съ дочерью нашего директора, Ридигера, чрезвычайно стройною и интересною брюнеткою, онъ танцовалъ мазурку въ первой парѣ.

Для нашего развлеченія устраивались также и сценическія представленія. Спектаклями почти всегда режиссировалъ кто-нибудь изъ артистовъ Московскаго театра и, благодаря умѣлому выбору пьесъ, сноснымъ декораціямъ, приличнымъ съ иголочки костюмамъ для играющихъ и хорошей гриммировкѣ, спектакли эти проходили всегда очень весело и собирали немало публики. Конечно, всѣ роли, какъ мужскія, такъ и женскія, исполняли только кадеты.

Въ концѣ мая всѣ кадетскіе корпуса, почти единовременно, выходили въ лагери, расположенные верстахъ въ десяти отъ Москвы, близъ села Коломенскаго, нѣкогда мѣстопребыванія Грознаго и его опричниковъ. Въ селѣ и до сихъ поръ сохранились царскія палаты, въ которыхъ жилъ грозный царь и откуда распространялъ страхъ и трепетъ на все населеніе Москвы. Въ этихъ палатахъ не осталось почти ничего отъ временъ Іоанна Грознаго, за исключеніемъ нѣсколькихъ рѣзныхъ скамеекъ вокругъ стѣнъ.

Въ то время крестьяне села Коломенскаго и сосѣднихъ съ нимъ

селъ Кожухова, Ногатина и Котловъ занимались садоводствомъ и огородничествомъ и поставляли на всю Москву кислую капусту, которую они солили въ дошникахъ (родъ огромныхъ чановъ), врытыхъ по самые края въ землю, отчего въ дошники проникала грязь, попадали крысы, случалось вытаскивать оттуда и кошекъ, и собакъ. Такой способъ приготовленія кислой капусты возбуждалъ въ насъ отвращеніе и, вѣроятно, теперь уже не существуетъ.

Лагерная жизнь подъ Москвою была вообще несравненно свободнѣе и веселѣе, нежели подъ Брестомъ.

Въ будни, послѣ утреннихъ фронтовыхъ занятій, старшихъ классовъ воспитанники выходили на съемку съ буссолями, астрелябіями и мензулами. Эти съемочныя партіи изъ 4-хъ корпусовъ, да если прибавить къ нимъ еще человѣкъ сто, отправляющихся ежедневно на съемку изъ Межеваго корпуса, расположеннаго лагеремъ неподалеку отъ насъ—составляли цѣлую армію изъ двухсотъ человѣкъ. Кромѣ прямыхъ своихъ занятій армія эта была грозою для мѣстныхъ крестьянъ.

Положа руку на сердце, приходится сказать правду, что мы цѣлыми толпами, вооруженные съемочными кольями, разставивъ часовыхъ, забирались въ малинники, уничтожали вишню, яблоки, груши, а въ крайнемъ случаѣ не брезгали огурцами, горохомъ и даже картофелемъ.

Не могу не сообщить одного факта, на который мнѣ и нѣсколькимъ моимъ товарищамъ пришлось натолкнуться въ селѣ Ногатинѣ, во время съемки. Случай этотъ запечатлѣлся въ моей памяти дотого ясно, что мнѣ кажется, будто это было только вчера. Проходя съ буссолью и съ цѣпью по полямъ ногатинскихъ крестьянъ, мы услышали крики и плачь въ толпѣ мужиковъ, собравшихся на межѣ полевой полосы. Подходимъ ближе и видимъ, что крестьяне копаютъ межевую яму и тутъ же рядомъ стоитъ весь въ слезахъ мальчикъ лѣтъ 13—15, со спущенными штанами и съ рубцами на тѣлѣ; а сѣденькій мужичекъ держитъ въ рукахъ пучекъ розогъ. Спрашиваемъ, въ чемъ дѣло? Намъ совершенно спокойно отвѣчаютъ, что это, по стародавнему обычаю, отецъ высѣкъ своего сына на межѣ своего участка, чтобы онъ навсегда помнилъ границы своей и чужой собственности. Фактъ этотъ мною не измышленъ, его могутъ подтвердить мои товарищи, бывшіе при этомъ, хотя за справедливость даннаго намъ ногатинскими крестьянами объясненія не ручаюсь и существовалъ ли когда-нибудь такой обычай—не знаю.

Въ августѣ 1856 года состоялась коронація императора Александра II. Уже съ апрѣля мѣсяца Москва приготовлялась къ этому торжеству. Не легко было администраціи первопрестольной даже съ такимъ всесильнымъ сатрапомъ, какимъ былъ Закревскій, бороться съ вѣковою грязью и неслыханнымъ антисанитарнымъ состояніемъ города. Доста-

точно было пройти даже небольшому дождю, чтобы на лучшихъ улицахъ стояла грязь, а со дворовъ домовъ исходили такія зловонія, что даже привычные люди задыхались. Въ Москвѣ въ то время не только не было запрету, но это было въ порядкѣ вещей, что даже естественныя нужды отправлялись на улицахъ. И къ тому времени вполнѣ примѣнимъ былъ старый стихъ Грибоѣдова:

„На всѣхъ московскихъ былъ особый отпечатокъ".

Москва того времени не походила на Москву теперешнюю, и всѣ классы общества отличались почти первобытнымъ чувствомъ довольства. Къ тому же, кому было наблюдать за чистотою, порядкомъ и благочиніемъ, когда не существовало даже дворниковъ, освѣщеніе было самое мизерное; а заслуженные инвалидные будочники, съ средневѣковыми алебардами въ рукахъ, безмятежно спали на часахъ возлѣ своихъ будокъ. Само собою разумѣется, что при такихъ порядкахъ, при полномъ отсутствіи инидіативы со стороны общества, ни высшая администрація, ни существовавшая въ то время городская семигласная дума ничего особаго къ принятію государя для украшенія и очистки города не дѣлали.

За то у насъ, въ кадетскихъ корпусахъ, чистка была капитальная. Цѣлый мѣсяцъ передъ коронаціей только и дѣлали, что чистились, занимались пригонкой мундировъ и аммуниціи, репетиціями разводовъ, парадовъ и приготовленіемъ ординарцевъ.

29-го августа состоялся Высочайшій въѣздъ въ Москву. По всему пространству отъ Петровскаго дворца, откуда начался Высочайшій въѣздъ, вплоть до Большаго Кремлевскаго дворца шпалерами стояли войска съ хорами музыкантовъ. Кадетскіе корпуса разставлены были отъ Спасскихъ воротъ внутри Кремля; Брестскому корпусу пришлось стоять у самаго Успенскаго собора. День былъ ясный и теплый. Высочайшій въѣздъ сопровождался колокольнымъ звономъ всѣхъ московскихъ церквей и пушечной стрѣльбой нѣсколькихъ сотъ орудій. Звонъ, стрѣльба, сотни военныхъ оркестровъ, игравшихъ встрѣчи, несмолкаемые крики «ура!», нескончаемыя вереницы золотыхъ каретъ, красивыя лошади, чудная упряжь, сотни скороходовъ, герольдовъ, эскадроны кавалергардовъ, гусаръ въ красивыхъ и разнообразныхъ мундирахъ,—все это производило такое чарующее впечатлѣніе, котораго забыть не возможно. Государь ѣхалъ на бѣлой лошади, лицо его сіяло доброй и привѣтливой улыбкой. Его окружала такая многочисленная и разнообразная свита, состоящая изъ пословъ, генераловъ, высшихъ чиновъ придворныхъ, въ такихъ разнообразныхъ и богатыхъ мундирахъ, что глаза разбѣгались. Изъ всей этой свиты дороговизною убранства лошади (чапракъ, сѣдло, уздечка — все сіяло драгоцѣнными каменьями), оригинальностью и

богатствомъ мундира выдѣлялся графъ Эстергази, австрійскій посланникъ.

Въ день коронованія мы стояли въ Анненскомъ залѣ, и мимо насъ дефилировала вся процессія въ соборъ и обратно.

Въ самый ли день коронованія, или въ какой-либо другой день коронаціонныхъ торжествъ, этого не знаю, на Ивановской колокольнѣ оборвался довольно большихъ размѣровъ колоколъ, и случай этотъ среди суевѣрнаго народа вызвалъ разнообразные толки. Кажется, 31-го августа на Ходынскомъ полѣ устроено было угощеніе для народа въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ еще не бывало, но при этомъ вышелъ крайне непріятный казусъ. Стотысячная толпа, не дождавшись пріѣзда государя, прорвалась сквозь цѣпь солдатъ и въ безпорядкѣ кинулась на столы, и въ одно мгновеніе все было расхищено и выпито. Намъ разсказывали, что государь остался этимъ крайне недоволенъ и сдѣлалъ строгій выговоръ графу Закревскому [1]).

Во все время коронаціонныхъ торжествъ у насъ, вмѣсто классныхъ занятій, происходили парады, разводы и смотры.

Коронаціонныя торжества окончились фейерверкомъ, устроеннымъ на кадетскомъ плацу, близъ Анненгофской рощи. Чтобы судить о томъ, какихъ громадныхъ размѣровъ былъ этотъ фейерверкъ, достаточно сказать, что однихъ ракетъ выпущено было свыше пятидесяти тысячъ штукъ. Во время фейерверка игралъ соединенный оркестръ всѣхъ хоровъ музыки гвардейскихъ и армейскихъ полковъ, находящихся въ то время въ Москвѣ подъ управленіемъ Львова. При исполненіи народнаго гимна вмѣсто турецкихъ барабановъ—гремѣли пушки, обращенныя жерлами на Анненгофскую рощу—для чего пушки эти соединены были съ пюпитромъ Львова электрическимъ токомъ. Фейерверкъ устраивалъ полковникъ Константиновъ.

Въ память коронаціи мы получили серебряные жетоны.

Въ 1857 году введена была новая реформа въ провинціальныхъ кадетскихъ корпусахъ. До этого года, по окончаніи 4-го общаго класса, кадеты всѣхъ провинціальныхъ корпусовъ высылались въ Петербургъ, въ Дворянскій полкъ для окончанія спеціальнаго военнаго образованія. Съ 1857 г. два спеціальныхъ класса введены были во всѣхъ корпусахъ и только 3-й спеціальный остался привилегіей корпусовъ столичныхъ. Еслибы реформа эта застала насъ въ Брестѣ, для нашего развитія это было бы большимъ несчастіемъ. Сколько бы ни прибавляли классовъ, провинціальные корпуса, особенно въ такомъ захо-

---

[1]) Читатели «Рус. Стар.» болѣе подробно ознакомились съ этимъ неудавшимся гуляньемъ по запискамъ В. А. Инсарскаго, напечатаннымъ въ № 8 журнала, на стр. 13.

лустьѣ, какъ Брестъ, были такъ дурно обставлены и учительскимъ персоналомъ и учебными средствами, что прошедшій полный курсъ ученія кадетъ выходилъ изъ корпуса хорошимъ фронтовикомъ, но за то безусловно не выносилъ никакихъ познаній и если при этомъ былъ еще способностей слабыхъ—выходилъ совсѣмъ тупицей, начиненный хламомъ никуда негодныхъ свѣдѣній.

Введеніе двухъ спеціальныхъ классовъ въ Москвѣ не встрѣтило никакихъ затрудненій, и они сразу поставлены были на ту высоту, на какой должны были стоять. Новый персоналъ образованныхъ и знающихъ свое дѣло преподавателей былъ найденъ безъ особаго труда. Тактику читалъ у насъ полковникъ генеральнаго штаба А. Д. Горемыкинъ, нынѣ иркутскій генералъ-губернаторъ, фортификацію—сначала капитанъ Карцевъ, потомъ капитанъ Бергъ, артиллерію—капитанъ Чепелевскій.

Несмотря на довольно-таки сухой предметъ, А. Д. Горемыкинъ умѣлъ преподавать тактику до такой степени интересно, что, благодаря ему, я, несмотря на то, что давно уже оставилъ военную службу и вопросами военной науки совсѣмъ не занимаюсь,—умѣю однако оріентироваться и сдѣлать свои заключенія тамъ, гдѣ требуются тактическія знанія. Его теоріи не были голословны, онъ подтверждалъ ихъ ссылками на военную исторію и этимъ достигалъ съ одной стороны того, что мы хорошо усваивали предметъ, а съ другой, само преподаваніе выходило въ высшей степени интереснымъ и живымъ. Признавая, что исторія иностраннаго военнаго искусства обладаетъ множествомъ превосходныхъ образцовъ, данныхъ великими военными людьми, за многіе вѣка, онъ находилъ, въ то же время, что и исторія русскаго военнаго искусства также заключаетъ въ себѣ много поучительнаго. Для насъ,—говорилъ онъ,—особенно важно знать свою военную исторію, предпочтительно передъ иностранной, и потому А. Д. большею частью бралъ примѣры изъ русской военной исторіи и, надобно отдать ему справедливость, находилъ всегда прекрасные для того образцы.

Карцевъ и Бергъ въ преподаваніи фортификаціи держались учебника Теляковскаго, составленнаго крайне сухо.

Капитанъ Чепелевскій дотого любилъ свой предметъ и увлекался имъ, что вмѣсто слѣдующихъ полутора часовъ готовъ былъ бы читать три часа, еслибы это возможно было. Это былъ очень талантливый преподаватель.

При такомъ прекрасномъ составѣ преподавателей, какъ общихъ предметовъ, такъ и спеціальныхъ, при постепенно измѣняющихся взглядахъ къ лучшему на воспитаніе юношества, при общемъ нашемъ стремленіи пользоваться всѣми этими благопріятными условіями со всѣмъ рвеніемъ молодыхъ силъ,—развитіе наше въ Москвѣ шло чрезвычайно успѣшно. Спустя два года послѣ открытія у насъ спе-

ціальныхъ классовъ, около пятидесяти кадетъ, съ серьезнымъ запасомъ знаній, окончили вторый специальный классъ съ правомъ на чинъ подпоручика, въ числѣ которыхъ былъ и я.

Такимъ образомъ въ 1859 г. былъ первый выпускъ въ офицеры изъ Брестскаго корпуса. Выпускные кадеты въ лагерь не пошли, а изъ нихъ составлена была особая выпускная рота. Впредь до Высочайшаго приказа и производства, мы жили въ зданіи корпуса и на его содержаніи, но пользовались почти полной свободой. Ѳ. Ф. Ридигеръ не скупился дать намъ полную экипировку: мы получали не только всю верхнюю одежду, т. е. сюртукъ, мундиръ, пальто, но обувь, носильное и даже постельное бѣлье.

Іюля 15-го состоялся Высочайшій приказъ о нашемъ производствѣ. Это былъ послѣдній день нашего пребыванія въ стѣнахъ корпуса, какъ кадетъ. Ночь съ 15-го на 16-е мы провели почти безъ сна. Нетерпѣливое ожиданіе надѣть мундиръ настолько волновало насъ, что мы неоднократно вставали съ постелей и пересматривали всѣ приготовленные къ нашему обмундированію доспѣхи, начиная съ сапогъ и кончая темляками. 16-го числа, утромъ, мы всѣ облеклись въ офицерскія формы и пошли гулять по Москвѣ. Все кругомъ улыбалось намъ, казалось, всѣ встрѣчные смотрѣли на насъ съ почтеніемъ и завистью. Вездѣ было хорошо, весело и отрадно. Такихъ дней въ жизни—не много. Дней черезъ пять мы приняли присягу, простились съ дорогимъ корпусомъ, съ нашимъ начальствомъ и учителями, пожелали другъ другу на новомъ жизненномъ пути всѣхъ благъ и разбрелись по широкой Русской землѣ.

Прошло съ тѣхъ поръ почти сорокъ лѣтъ.

Мы вступали въ жизнь, когда русское общество, подъ вліяніемъ событій, быстро обновлялось, мы затѣмъ были свидѣтелями, какими прыжками и скачками, съ какими проволочками и спотыкаясь шла эта жизнь въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи и, наконецъ, мы дожили до того момента, когда жизнь общества нашего приняла какой-то гнетуще-мрачный колоритъ, какое-то угрюмое затишье, и при этомъ въ ней рѣзко выразились два стихійныхъ направленія: съ одной стороны утрата вѣры въ идеалы, а съ другой во всемъ эгоистическія стремленія. Что же сталось съ нами? Семья не безъ урода. Были такіе, которые, пожертвовавъ идеалами, всю жизнь свою потратили, мѣняясь на мелкую монету, но за то большинство моихъ товарищей остались попрежнему симпатичными, добрыми, честными людьми, сохранившими свои прежніе идеалы и свои нравственныя обязательства. Съ этимъ отраднымъ сознаніемъ я заканчиваю мои воспоминанія о Брестскомъ корпусѣ.

О. Еленскій.

Легенда о происхожденіи картофеля.

Извѣстно, что Екатерина II нарочно велѣла подавать къ своему столу картофель, чтобы быть примѣромъ подданнымъ; извѣстно также, что правительство побуждало помѣщиковъ къ разведенію его въ своихъ помѣстьяхъ. Хотя экономическія причины были такъ сильны, что картофель быстро пріобрѣлъ права гражданства среди нашихъ родимыхъ полевыхъ произрастеній и быстро аклиматизировался, тѣмъ не менѣе въ извѣстной части населенія онъ встрѣтилъ сильный протестъ своему распространенію, да и теперь еще нерѣдко можно встрѣтить среди крестьянъ цѣлыя семьи, которыя считаютъ грѣхомъ употреблять его въ пищу. Какъ и всегда, въ подобныхъ случаяхъ эти люди стремятся объяснить свои поступки религіей и приводятъ въ доказательство своей справедливости «духовные стихи» и «сказанія» легендарнаго характера. Предлагаемая легенда о происхожденіи картофеля записана со словъ одного старика и представляетъ довольно характерное явленіе въ области устной народной литературы. Вотъ ея дословная запись.

«Въ одной землѣ умеръ царь и оставилъ послѣ себя двоихъ сыновей. Сенато̀ры собрались на совѣтъ и думаютъ: кого выбрать царемъ? Думали, думали и выбрали большака.

— Нѣтъ,—говоритъ одинъ сенато̀ръ,—давайте выберемте того, кто угоднѣе Богу. Всѣмъ эта рѣчь и полюбилась: да, правду ты говоришь, господине, нужно выбрать того, кто милѣе Богу; только какъ намъ объ этомъ узнать?

— А вотъ какъ,—говоритъ имъ сенаторъ —заставимте ихъ молиться Богу, а лампаду не затеплимъ; у котораго во время молитвы лампада затеплится сама, тотъ и будетъ любъ Богу.

Заставили молиться большака. Молится онъ, молится, а лампада не затепляется. Потомъ сталъ молиться меньшой; помолился немного, лампада сама и затеплилась. Сенато̀ры и выбрали его царемъ. Сталъ онъ царствовать, а большаку дѣлать нечего. Вотъ онъ и поѣхалъ въ чужія земли. Ѣздилъ, ѣздилъ и пріѣхалъ къ Елени (Эллины). Тутъ онъ сталъ учиться волхвованію и сдѣлался волхвомъ. Братъ меньшой прослышалъ объ этомъ и поѣхалъ къ Елени. Пріѣхалъ туда и спраши-

ваетъ:—«гдѣ мой братъ?» Ему на это и говорятъ: братъ твой былъ волхвомъ, а теперь ужь онъ умеръ.—«Сведите меня на его могилу». Пришли на могилу и глядятъ—на ней ростетъ невиданное дотолѣ стебліе. Что это за стебліе?—думаютъ всѣ, а узнать никакъ не узнаютъ. Взяли лопату, стали рыть и видятъ—стебліе ростетъ изъ ребра человѣчьяго, корни пустило во всѣ стороны, а на этихъ корняхъ растетъ картофель. Они взяли да и сварили его, чтобы испробовать, скусенъ ли онъ. Поѣли и глядятъ—впрямь онъ скусенъ. Съ тѣхъ поръ и пошли по міру картофель садить да ѣсть. Богъ видитъ: нехорошее дѣло дѣлаютъ православные христіяне и послалъ своего ангела. Ангелъ явился одному епископу и говоритъ: «скажи ты, епископъ, православнымъ христіянамъ, чтобы они картофель не садили и не ѣли. А кто ѣлъ, тотъ да покается и получитъ оставленіе грѣховъ; кто же не покается, тотъ не внидетъ въ царствіе Божіе» [1]).

Сообщ. **А. Сперанскій.**

Первая помощь жителямъ разоренной Москвы.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина Сергѣю Козьмичу Вязмитинову.

Честь имѣю препроводить при семъ къ вашему высокопревосходительству записку о денежной раздачѣ въ Москвѣ бѣднымъ и потерпѣвшимъ разореніе отъ нашествія непріятельскаго. Изъ сей записки ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, на какомъ основаніи производилась выдача денегъ бѣднымъ, и какія, сверхъ того, предприняты были мѣры къ призрѣнію наиболѣе нуждающихся изъ нихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Мая 5 дня 1813 года. № 1290.

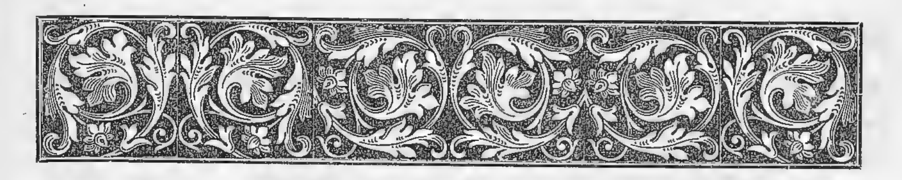
При вступленіи гражданскаго начальства въ Москву, по бѣгствѣ непріятельскихъ войскъ изъ оной, найдено было довольно значущее число престарѣлыхъ, малолѣтнихъ и изнуренныхъ, разнаго званія, людей, не имѣвшихъ дневнаго пропитанія и, по тогдашнему положенію города, даже никакихъ средствъ къ снисканію себѣ пищи и покрова. Всѣ сіи страждущіе немедленно были призрѣны, и доставлено имъ пропитаніе и

---

[1]) Записано въ мартѣ 1881 г. со словъ начетчика, крестьянина деревни Осѣева (Владим. губ. и уѣзда) Якима Онисимова, восьмидесяти-пятилѣтняго старика.

убѣжище. Въ Екатерининскомъ богадѣленномъ домѣ и въ домѣ ума-лишенныхъ учредилось особенное отдѣленіе, въ кое помѣщались неимѣющіе нигдѣ пристанища и, сверхъ отопленія и призрѣнія, съ ноября мѣсяца до мая, выдавали благороднымъ по 25 коп., разночинцамъ по 15 коп. въ день на каждаго. Тѣ же, кои имѣли собственный уголъ, родственниковъ, или благодѣтелей, у коихъ находили себѣ пристанище, получали отъ г. главнокомандующаго въ Москвѣ и кавалера билеты, по коимъ, по учрежденію его сіятельства, выдаваема имъ была изъ частей таковая же дача, какую получали помѣщенные въ отдѣленіе: благороднымъ по 25 коп., разночинцамъ по 15 коп. въ воскресные дни на цѣлую недѣлю впередъ; и какъ сіи деньги получали на каждаго человѣка, то нѣкоторыя семейства брали по 20 р. въ недѣлю, и не только имѣли избыточно на пропитаніе, но получили средства къ предохраненію себя впредь отъ необходимыхъ нуждъ. Благотворительное сіе учрежденіе въ то же время сдѣлалось извѣстно въ окрестностяхъ столицы, и изъ всѣхъ мѣстъ начали стекаться скитавшіеся по городамъ и селеніямъ, и были помѣщаемы въ отдѣленіе, или получали билеты. Число жившихъ въ отдѣленіи простиралось: благородныхъ 240; разночинцевъ 628; имѣвшихъ билеты: благородныхъ 790, разночинцевъ 1.918; всѣхъ же 3.576 человѣкъ; и въ продолженіе шести мѣсяцевъ, изъ всего числа, умерло: въ отдѣленіи 50, получившихъ билеты 28 человѣкъ. Во все сіе время выдано имъ 85.943 р. 95 коп. При прекращеніи, съ наступленіемъ мая, еженедѣльной дачи, дано каждому по 5 руб. Тако спасенные правительствомъ, да благословляютъ драгоцѣнное имя съ славою и любовью царствующаго государя, и да возносятъ теплыя молитвы къ Богу о сохраненіи здравія Его Императорскаго Величества.

Подписалъ: надворный совѣтникъ Аркадій Бушинъ.



АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

Первое дѣйствіе царскаго неблаговоленія къ кн. Голицыну и всей партіи тайной, вредной для церкви и государства. Въ день Пасхи непринятіе Р. Кошелева въ царскихъ палатахъ.—Князь Голицынъ лукаво отводитъ митр. Серафима въ Пасху отъ свиданія съ императоромъ; дѣвица же Анна къ тому понуждаетъ Серафима митр., и онъ видитъ царя безъ доклада и лично получаетъ его царское благоволеніе за дѣло и ревность втайнѣ.—Пастырская бесѣда Серафима митр. къ царю императору Александру I противу нововведеній вредныхъ для правительства, церкви и всего государства.—Объ опасности, угрожавшей св. церкви и государству отъ тайныхъ враговъ массонскихъ обществъ, отъ разныхъ обществъ заведеній неблагонамѣренныхъ.—О вредности Библейскаго общества.—О вредности перевода священнаго писанія на простонародный языкъ русскій.—О вредности воззваній отъ Библейскаго общества и сочиненій, издаваемыхъ по сему предмету.—О злоупотребленіи отъ князя Голицына власти по тремъ министерствамъ и по дѣламъ духовнымъ особенно, и вредномъ вліяніи на Св. Сνнодъ по нарушенію церковной іерархіи.—О покровительствѣ кн. Голицына всѣмъ ересіархамъ и вреднымъ людямъ церкви, вѣрѣ и государству.—О вредномъ вліяніи кн. Голицына на просвѣщеніе.—О покровительствѣ виновныхъ противу архіереевъ и печатанія публикацій всѣхъ соблазновъ частныхъ въ церквахъ бываемыхъ.—О препятствіяхъ отъ кн. Голицына въ дѣлахъ епархіальныхъ митр. Серафиму. —О вредномъ вліяніи кн. Голицына на Св. Сνнодъ.—Бесѣда съ гр. Аракчеевымъ по волѣ царевой Серафима и Фотія.—Анаѳема Госнеру, Попову, Кошелеву, всему сонмищу Богоборному, вождю всякаго зла и покровителю нечестія и всѣмъ участникамъ въ С.-Петербургѣ и внѣ онаго противу Бога и царя, истины и ученія святыхъ, учащимъ и все дѣлавшимъ.—Страхъ дщери дѣвицы отъ анаѳемы, реченной вождю нечестія непокаявшемуся.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ.

Помазанникъ Божій!
Благочестивѣйшій царь,
и великій государь!
Радуйся!

Отъ юности моея старался я работать Господу Богу и хранить Его заповѣди; мудрости философской, ораторской и человѣческой старался я научиться, дабы всячески Богу и царю вѣрою и правдою служить. Но яко суету и ко спасенію не полезную, оную мудрость вовсе презрѣвъ, я искалъ премудрости Божіей и началомъ ея полагалъ страхъ Божій (притч. Солом. 1, 7), поучался въ Законѣ Божіемъ день и нощь; книги свя-

[1]) См. „Русскую Старину“, 1895 года. августъ.

тыхъ отцевъ и учителей церкви внимательно читалъ и по нимъ всячески я старался жить, все то исполнять словомъ и дѣломъ, чего требуетъ отъ меня Богъ, какъ отъ христіанина, монаха и священника—служителя церкви по закону, по совѣсти и присягѣ.

Восемь лѣтъ постяся и моляся, и всячески угождая Господу моему, я презрѣвъ страхъ людей, клеветы и поруганія, имѣлъ въ виду данную мною присягу—служить Богу и царю вѣрою и правдою, и въ оные годы сражался я съ тайными обществами, съ отступниками, еретиками и карбонаріями. Господу помогающему мнѣ, всегда я ихъ одолѣвалъ тмы, хотя тебѣ, можетъ быть, и неизвѣстно; но какъ я много жертвъ отъ нихъ отнялъ, умыслы ихъ знаю и ничѣмъ ихъ не прельщаюся, то Господь меня безоружнаго и меньшаго паче всѣхъ далъ имъ въ страхъ великъ; всячески они старались и стараются, какъ бы меня единаго погубить. Враги сіи царя и церкви только сѣть мнѣ ставили оные: клеветы, хулы и насмѣшки мнѣ дѣлали и тѣмъ иногда начальству въ худомъ видѣ меня выставляли. По милости Божіей это я не считаю за болѣзнь никогда. И какъ я знаю многія ихъ тайны и злодѣйства, подъ видомъ набожности и добра дѣемыя, то молился Господу, дабы Онъ сдѣлалъ меня орудіемъ въ сіи времена смутныя на пользу церкви, царю и отечеству. Вотъ я по жребію пріѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ и узналъ многіе замыслы тайные, сдѣланные въ теченіе года и 6 мѣсяцевъ, которые жилъ я въ монастырѣ. Еще заранѣе въ теченіе 6 мѣсяцевъ я старался до твоего свѣдѣнія довести многія тайны, но не нашелъ человѣка, который бы служилъ вѣрою и правдою изъ знаемыхъ мнѣ и тебѣ приближенныхъ: одни были сами замѣшаны во всемъ, и первые еще; а другіе были страшливы изъ мірскихъ видовъ. Пребывая въ семъ градѣ полтора мѣсяца, я въ слѣдъ тайно за Госнеромъ назиралъ и узналъ, что онъ для пріуготовленія къ революціи умы вызванъ учить; и всячески такъ огражденъ, что никто не смѣетъ его и коснуться: онъ вызванъ потому, что изъ нашего духовенства правовѣрнаго никого не нашлось способнаго къ умысламъ. Вдругъ не могъ и я, противуставъ, открыть умыслы всѣхъ въ томъ. Я довести непрестанно просилъ князя Голицына до свѣдѣнія твоего, но тщетно; наконецъ, какъ плакалъ о грядущей опасности церкви и отечеству, просилъ Бога, дабы Онъ Самъ все сіе како вѣдаетъ, устроилъ, открылъ и до твоего свѣдѣнія довелъ путями необыкновенными; то вотъ что вслѣдствіе сего случилось!

Сего 1824 года, марта на 30 число, на Вербное Воскресенье было мнѣ видѣніе отъ Бога послано: предсталъ мнѣ ангелъ Божій во время дреманія, разгнулъ книгу имѣя въ рукахъ, держащихъ предо мною, и былъ гласъ свыше: «з р и и р а з у м ѣ й!» Въ сей книгѣ нигдѣ, ни сверха, ни снизу ничего не было написано; а по срединѣ токмо по обѣимъ страницамъ въ одну черту были среди тмы по темнымъ листамъ, а не

бѣлымъ сіи слова: «сія книга составлена для революціи и теперь намѣреніе ея революція». Я же, желая знать, что это за книга, и узналъ въ видѣніи, что она есть книга: «Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова»; и повелѣно мнѣ было, дабы я не умолчалъ, а открылъ все это кому слѣдуетъ прямо. Сверхъ того я имѣю тебѣ многія тайны открыть. Богъ любитъ церковь нашу, тебя—царя и народъ; а потому заранѣе посылаетъ меня открыть тебѣ, и можетъ быть, какъ духъ мнѣ говоритъ,—за четыре года ранѣе все открываю: можно весь планъ разрушить революціи. Что же дѣлать,—мнѣ все открыто;—все сіе вѣдая, тайно содержи, какъ будто ничего не вѣдая. Графъ Аракчеевъ все можетъ исполнить, онъ вѣренъ,—и объ немъ мнѣ открыто тогда, какъ я тебя видѣлъ въ видѣніи; а если не возьмешь мѣры для отвращенія, все узнавъ отъ меня на бумагѣ и отъ устъ моихъ, то такой планъ сдѣланъ, что можетъ быть чрезъ четыре года и выполнится, если созрѣетъ все къ тому. Чтобы весь вдругъ планъ разрушить, то двухъ человѣкъ отъ должности отдали: одного отъ себя, а другаго отъ службы [1]). Знай, о великій царь, что Господь все мнѣ открывалъ прежде и все впредь заранѣе откроетъ: никакой бѣды не будетъ, если ты послушаешь Господа, чрезъ меня тебѣ глаголющаго. Богъ мнѣ сіе открылъ, яко служителю своему вѣрному, а я тебѣ открываю по данной мнѣ присягѣ, яко рабъ вѣрный Бога моего. У насъ единая святая правая вѣра, а потому Богъ и открываетъ намъ, а не другимъ; знай, о Божій слуга царь мой о Христѣ любимый! Я ничего не боюся служить вѣрою и правдою, я знаю, кто мой помощникъ и покровитель: съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Сей мой Богъ и прославлю Его; Богъ отца моего и вознесу Его (Исходъ гл. XV, 2—3): славно бо прославися въ насъ, и въ нашемъ царствѣ въ 1812 году и проч. Послушай того Господа, о царю! ты Его знаешь и Его намѣстникъ на земли. Я тебѣ служу вѣрно яко Богу; Онъ въ лицѣ тебя царствуетъ; знай, что за вѣру, за церковь, за тебя царя и за отечество смерти я не боюся. Смерти мнѣ не будетъ, а будетъ одинъ переходъ къ царю моему Богу въ небесныя обители. Служить царю вѣрно есть первое дѣло Божіе нашея вѣры: я ближняго долженъ любить по Евангелію; но царь первый и большій всѣхъ ближнихъ моихъ, ближній отецъ мой и защитникъ всѣхъ. О, любимѣйшій мой о Господѣ и кроткій царь! Если что услышишь отъ кого на меня худое, какъ-то клеветы и праздныхъ людей пустыя слова, не вѣруй; всякими мѣрами діаволъ научаетъ людей меня оклеветать, дабы Богъ чрезъ меня не разрушалъ планъ враговъ.

---

[1]) Разумѣются—Родіонъ Кошелевъ и князь А. Н. Голицынъ.

Буди въ мирѣ, радуйся о Христѣ; Господь съ тобою; Господь сокрушитъ враговъ и сломитъ ихъ оружіе и щиты ихъ сожжетъ огнемъ. Господи! силою Твоею возвеселится царь и о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло (псал. XX ст. 2)! Аминь.

Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа о Дусѣ Святѣ, служитель св. церкви, вѣрно—вѣрноподданнѣйшій царю, послѣднѣйшій, но правовѣрный Архимандритъ Фотій.

1824 года апрѣля 12.

1824 года 12 апрѣля. Вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу въ собственныя руки.

ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ.

Помазанникъ Божій!

Въ наши времена во многихъ книгахъ сказуется и многими обществами и частными людьми возвѣщается о какой-то новой религіи, аки бы предустановленной для послѣднихъ временъ. Сія новая религія проповѣдуется въ разныхъ видахъ, а имянно: то подъ видомъ какого-то новаго свѣта, то новаго ученія, то пришествія Христова въ Духѣ, то соединенія церквей, то подъ видомъ какого-то обновленія и акибы Христова тысящелѣтняго царствованія; то внушается подъ видомъ какой-то новой истины. Все это есть токмо въ разныхъ видахъ отступленіе отъ вѣры Божіей, Христовой, Апостольской, Отеческой, Православной; о чемъ святый апостолъ тако воззвалъ: Духъ явственно глаголетъ, что въ послѣднія времена отступятъ отъ вѣры внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ (1 Тимоѳ. IV, I) и проч. А святый Ипполитъ то все называетъ всемірною вражіею и діавольскою прелестію: и иначе называетъ лукавыхъ человѣковъ прелесть и злосовѣстіе. Святый Ефремъ Сиринъ говоритъ: «что все то будетъ орудіемъ, коимъ «змій безстудный и лукавый хочетъ возмутить всю поднебесную «и вложить страхъ и пренебреганіе и лютое невѣрованіе въ сердца человѣкомъ» и проч. И паки говоритъ онъ: «по попущенію св. Бога пріемлетъ власть антихристъ прельстить міръ весь: зане умножися нечестіе «въ мірѣ, вездѣ и повсюду злая содѣваются; а потому Пречистый Владыко духомъ лестчимъ хощетъ искусить весь міръ, за нечестіе ихъ пославить. Понеже тако сами человѣки восхотѣли отъ Бога отступить, «а непріязнь пріять и всякимъ образомъ ученія (т. е. новаго ложнаго «и испорченнаго) прельстить весь міръ въ смерть». Сего ради и Господь во святомъ Евангеліи говоритъ намъ: блюдитеся, да никто же васъ прельститъ (Мѳ. XXIV, ст. 4). Что же значитъ слово:

прельстить? Отвѣчаю: сатана и діаволъ лукавый, древній змій, льстецъ подъ видомъ добра прельстилъ въ раю Адама и Евву и навелъ смерть и грѣхъ на весь родъ человѣческій; сей діаволъ подъ видомъ добра, взявъ слова изъ священнаго писанія, дерзнулъ приступить въ пустынѣ и ко Господу, искушая Его и прельщая; сей діаволъ на основаніи также священнаго писанія умѣлъ прельстить многихъ еретиковъ, какъ-то: безбожнаго Арія, Несторія, Евтихія и проч. и также Магомета, коихъ до того прельстилъ, ослѣпилъ, что они смущали вселенную, называя себя посланными отъ Бога и тако вводили новую религію, новое ученіе, новую какую-то истину, новую вѣру, и все свое нечестіе и мудрованіе старались основывать на священномъ писаніи. Симъ лукавымъ образомъ свои толки ложные распространяли, усиливали, имѣя себѣ защитниковъ и послѣдователей. Сей-то сатана и діаволъ, змій безстудный, и въ послѣднія времена умыслилъ смутить всю поднебесную, развратить всю землю, прельстить человѣковъ, а особенно христіанъ всякимъ образомъ, на основаніи ученія акибы христіанскаго и подъ предлогомъ акибы великой пользы умыслилъ вводить отступленіе отъ Бога, то нелѣпымъ соединеніемъ церквей [1]; то вводить новую какую-то религію, новое какое-то христіанство, хуля же и осмѣивая чистѣйшее, святѣйшее первыхъ временъ христіанство, отвергая ученіе святыхъ отецъ, уничижая святые вселенскіе соборы, поругая всякое благочестіе церкви Христовой, непорочнѣйшей въ существѣ своемъ доселѣ, коея всѣ мы вѣрныя чада и ты, нашъ благочестивѣйшій государь! Для сего врагъ и прелестникъ діаволъ, яко тать, вкравшись около восьмаго вѣка отъ Рождества Христова въ нѣкіихъ изъ чадъ единыя святыя и апостольскія церкви, желая отторгнуть часть нѣкую отъ единства,—и вотъ первое видное хотя и частію малою, но сдѣлалось отступленіе отъ вѣры въ Западной церкви; за ея же грѣхъ отступленія отъ вѣры малою частію, по попущенію Божію, нѣсколько вѣковъ

[1]) Священникъ о. Ѳеодосій Левицкій написалъ особое обширное сочиненіе, которое было имъ представлено государю Александру Павловичу, сочиненіе «О необходимости и неотрицаемомъ долгѣ церкви заботиться о просвѣщеніи всѣхъ остальныхъ языковъ и воззваніи всѣхъ христіанскихъ племенъ ко святому единомыслію». Сочиненіе написано было въ 1823 году, и въ немъ указывалось, что настоящее время (т. е. 1823 годъ) особенно благопріятно для призыва всѣхъ народовъ къ единенію въ вѣрѣ. Ту же самую мысль доказывалъ о. Левицкій и лично петербургскому митрополиту Серафиму и утверждалъ, что «чрезъ священныя дѣйствія библейскихъ обществъ всѣ разномыслящіе христіанскіе народы могутъ быть призваны къ возвращенію въ первое святое Христово единомысліе и совершенное единство». «Русская Старина» 1880. Сентябрь, 149, 157. Вигель объ извѣстномъ мистикѣ В. М. Поповѣ говоритъ, что онъ, будучи орудіемъ Библейскаго общества, усердствовалъ соединенію вѣръ. «Воспоминанія», томъ III, часть V, 66—68.

спустя и отъ нея самой отступленіе сдѣлалось при Лютерѣ по многимъ уже частямъ; а посемъ еще въ нѣкоторыхъ горшее сдѣлалось отступленіе отъ вѣры къ невѣрію, отъ благочестія къ нечестію; а отъ сего послѣдняго студенца, т. е. отъ тяжкаго отступленія отъ вѣры, какого можно было ожидать добра на землѣ? Ужасы сіи въ очахъ нашихъ! Иллюминатство, масонство, злѣйшіе методисты и крайнее нечестіе подъ видомъ новаго мудрованія, гордостно силятся выступить и явиться свѣту и возмутить всю землю.

Вотъ какая новая религія возвѣщается въ наши времена! Истинно можно сказать, что это новая религія, а не старая; она такъ въ существѣ своемъ лукава, льстива, худа, нечестива, беззаконна, буйна безумна, безбожна, что никогда отъ начала міра во всѣхъ древнихъ языческихъ религіяхъ не было злѣе новой. Она новая религія неслыханная по нечестію; и гдѣ не можетъ дѣйствовать она чрезъ лукавство и прелесть, тамъ всѣмъ повсюду грозитъ вездѣ революціею, ужасами и потребленіемъ. Новая религія, не имѣя никакого добра въ себѣ, она всякое добро Божіе хулитъ; а посему хулитъ и порицаетъ всякое христіанство, сущее на землѣ доселѣ, вѣчные законы, преданія, церкви нашея, богослуженія наши до такой степени безумія, что многія книги изданы и напечатаны и въ нашемъ отечествѣ противъ всякой власти, а особенно царской, и противу церкви и ея служителей вѣрныхъ. Сія-то новая ложная религія, ожидаемая и предуставленная акибы для послѣднихъ временъ и хотящая быть всеобщею, но вовсе противна вѣрѣ Христовой; сія новая религія во грядущаго антихриста (крайняго отступленія отъ вѣры), мерзости запустѣнія, религія дышущая единою революціею, жаждущая кровопролитія и исполненная духа сатанина, есть прелесть вражія и діавола, коея суть ложные пророки, ложные апостолы, ложные предтечи и лжеучители, исказители вѣры и св. писанія. Юнгъ Штиллингъ, Эккартгаузенъ, Гіонъ, Бемъ, Лабзинъ, великое число методистовъ, гернгутеры, квакеры, Госнеръ, Фесслеръ и проч. ученіе ихъ нечестивое вполнѣ хранится въ сектахъ: павліанцахъ, духоборцахъ, молоканахъ и проч. Ядомъ сего ученія отравляются юные умы и сердца. Цѣль же всего того та, чтобы всякимъ образомъ отвлечь отъ истинной вѣры, испровергнуть олтари и престолы, внушить отвращеніе ко всѣмъ властямъ, а особливо царской и священной. Ибо обѣ сіи власти, одна помазанная отъ Бога на царство, а другая на священство, такъ тѣсно между собою соединены, что нельзя, не поколебавъ сперва власть церкви, поколебать власть царскую, самодержавную; а какъ Самъ Богъ глаголетъ: Мною царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, то противъ властей всякое общество, всякое ученіе, всякое дѣйство можетъ ли быть не безбожіе? Это все скрывается въ послѣдователяхъ новой религіи, коихъ плоды Европа уже ви-

дѣла и видитъ. Мы же, христіане единыя святыя восточныя церкви, отъ коея прочіе отпадали, содержимъ ту же вѣру Христову во всей цѣлости, которую Господь предалъ Своимъ Апостоламъ, а отъ нихъ перешла къ святымъ отцамъ, на святыхъ вселенскихъ соборахъ утверждена, всѣми вѣками оправдана; та единая вѣра въ насъ, и ту исповѣдуемъ, и по правиламъ ея милостію Божіею цари наши помазуются и пріемлютъ Святаго Духа.

Помазанникъ Божій!

Убо да воскреснетъ Богъ и десницею твоею и духомъ на тебѣ сущихъ,—да расточатся враги Бога,—отцевъ нашихъ, противники Господа нашего Іисуса Христа, хульники Святаго Духа, послѣдователи новой вражіей прелести, лютаго невѣрія антихристова; и яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ со всѣмъ ложнымъ ученіемъ отъ лица земли нашея!

Ты же съ Богомъ въ мирѣ царствуй и радуйся во вѣки!

Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа о Дусѣ Святѣ, служитель святой церкви, вѣрно—вѣрноподданный царю, послѣднѣйшій архимандритъ Фотій.

1824 года апрѣля 12. Вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу.

Все дѣло о пасторѣ Госнерѣ, его сочиненіи и прочемъ противу князя Голицына и всей вражіей партіи шло въ великой для всѣхъ тайнѣ. Сердце царево такъ было глубоко и сокровенно, что вида не было никакъ дано о семъ никому прежде времени! Даже митрополитъ Серафимъ не зналъ самъ о томъ, имѣетъ ли какое вліяніе на царя его апологія и пастырское посланіе за вѣру и церковь. Первое знаменіе было, что царь отвратился сердцемъ отъ заблужденія, въ которое былъ вовлеченъ отъ князя Голицына и Кошелева таковое. На день святыя Пасхи начинается утреня и обѣдня у царя; послѣ всѣ приходятъ поздравить его со свѣтлымъ праздникомъ. Кошелевъ же, какъ вельможа дворцовая и особа имѣющая паче всѣхъ доселѣ доступъ къ императору, спѣшитъ по прежнему обычаю предварить всѣхъ другихъ; никогда не бывало отказа, а особенно въ такой праздникъ Родіону Кошелеву; но въ сіе время, въ часъ свѣтлаго торжества, когда докладываютъ императору о Кошелевѣ, что онъ пришелъ къ нему съ праздникомъ его поздравить, императоръ велѣлъ ему отказать, и къ себѣ болѣе никогда впредь не входить. Всѣ тотчасъ узнаютъ о семъ, молва разносится, что Кошелевъ не въ благоволеніи у императора, а слѣдовательно и кн. Голицынъ лишился его милости, довѣренности. Для всей партіи богоборной нѣтъ уже отрады въ замыслахъ и въ особенности отъ сего знаменія все зашумѣло и затрепетало. Но князь Голицынъ еще не можетъ проникнуть въ тайну, отъ чего все дѣется, и мнитъ еще быть въ прежней силѣ, какъ уже онъ

много бывалъ въ подобныхъ случаяхъ подъ гнѣвомъ царскимъ, и лукавствомъ своимъ успѣвалъ паки взойтить еще въ большую милость. Царь князю Голицыну и вида не подаетъ даже о томъ, что дѣется противу него и что у него самого на сердцѣ.

Митрополитъ, равно и прочее духовенство во время особенно владычества, преобладанія беззаконнаго княжескаго надъ духовенствомъ, въ такомъ были уничиженіи, что никто не смѣлъ доселѣ говорить императору мимо кн. Голицына. Никогда митрополитъ не смѣлъ идти поздравить съ праздникомъ царя своего, будучи первое лице церкви и пастырь, безъ воли князя Голицына; за великую милость то было митрополиту, когда ему или кому-либо князь исходатайствовалъ случай быть предъ лицемъ царя. Но то было рѣдко, такъ, что кромѣ особыхъ случаевъ по году и болѣе онъ, митрополитъ, не могъ быть предъ лицемъ у царя. Такъ со всѣхъ былъ сторонъ царь кроткій и милостивый окруженъ отъ князя Голицына, что никакъ до него дойти было невозможно правдѣ. Прошелъ день Свѣтлаго Воскресенья. Митрополитъ не видѣлъ царя, наступилъ вторый день. Князь Голицынъ является самого митрополита поздравить съ праздникомъ и говоритъ, что царь уже въ Царское Село уѣхалъ и не будетъ всю недѣлю. Сіе князь сдѣлалъ для того, дабы митрополитъ не имѣлъ вовсе случая видѣть своего императора и слышать что-либо отъ него и что-либо ему самъ сказать. Лишь уѣхалъ князь, послѣ его чрезъ часъ еще до полудня вскорѣ является съ праздникомъ поздравить того же митрополита Серафима графиня дѣвица Анна Ор. Чес., крѣпкая поборница въ дѣлѣ вѣры за Серафима. Скорбѣлъ же Серафимъ, пересказывая рѣчи князя Голицына, что царя не можно видѣть ему митрополиту. Дѣвица графиня митрополиту говорила: «неправда, владыко, что царь въ Царскомъ Селѣ; онъ въ разводѣ посредѣ войска на Царицыномъ полѣ, я сейчасъ очами моими видѣла; теперь еще часъ 10-й, ежели ты хощешь его поздравить, то безъ всякихъ докладовъ, сейчасъ прикажи коней себѣ подать и поѣзжай на поклонъ къ нему». Выслушавъ, Серафимъ отъ устъ дѣвицы слова сіи, сочелъ за истину, тотчасъ пріуготовился, сѣлъ въ колесницу и уѣхалъ во дворецъ, дабы, дождався царя съ развода, видѣть его. Царь Александръ, сей ангелъ кроткій, узрѣвъ изъ разводу, что Серафимъ митрополитъ поѣхалъ сверхъ чаянія къ нему прямо въ палату, оставивъ воиновъ, какъ потѣху царскую въ сіе время, верхомъ на конѣ скачетъ въ слѣдъ за нимъ и другими проѣздами успѣваетъ пройти въ свои палаты, гдѣ и срѣтаетъ Серафима, принимаетъ такъ милостиво, какъ никогда Серафимъ того не видалъ его лично; благодаритъ его за его ревность, преданность и откровенность; обѣщаетъ ему свое благоволеніе, желаетъ вскорѣ видѣть его у себя, о всемъ говорить подробно, и что для того назначитъ ему день и часы. И яко полчаса говоривъ, пріялъ благо-

словеніе отъ митрополита, отпустилъ его въ домъ и объявилъ, что онъ по вечеру намѣревается ѣхать въ Царское Село свое, гдѣ онъ любилъ всегда быть для покоя и безмолвія; ибо благочестно царь въ сіе время жилъ весьма. Серафимъ же, возвратясь въ домъ, радовался, что видѣлъ лице императора, и о дѣлѣ хотя въ малѣ, но слышалъ нѣчто надежное и благодарность получилъ. Отъ сего митрополитъ, болѣе въ духѣ ревности укрѣпився, уже помышлялъ все императору объяснить злоупотребленіе власти министерской по духовенству отъ кн. Голицына о всемъ вредѣ, злѣ, что учинилось, и что имѣло вскорѣ еще худшее послѣдовать, ежели не будетъ прекращено вскорѣ и вдругъ высочайшею волею императорскою. Вотъ при тайной распрѣ за вѣру между митр. Серафимомъ и кн. Голицынымъ, какое Господь устроилъ первое свиданіе пастырю архіерею милостивое съ царемъ Александромъ! Князь же Голицынъ, услышавъ о свиданіи такомъ митрополита съ царемъ мимо его, вострепеталъ весь, дивился и не зналъ, чему все сіе царское благоволеніе приписать.

Какъ по наружной любви, такъ особенно желая увѣдать что-нибудь отъ Фотія изъ любопытства о начепшихся дѣлахъ, князь Голицынъ вскорѣ послѣ Пасхи пріѣхалъ въ Невскую Лавру въ келью къ Фотію, посѣтить его въ праздничный день. Фотій же тогда стоялъ въ переднемъ восточномъ углу у св. образовъ, опершись рукою на божницу. Началась у Фотія съ нимъ рѣчь о Госнерѣ пасторѣ, о его сочиненіи, о его проповѣди явно революціонной, и внушалъ Фотій князю со всею любовію, чтобы русскій вѣрноподданный сынъ святыя церкви, ежели у него осталась какая-либо искра любви къ истинѣ, о всемъ донесъ царю заблаговременно. Но онъ, князь, зная, что все зло отъ него дозволено было, не давалъ никакой надежды содѣйствовать противу Госнера, врага вѣры святой и, между прочимъ, сказалъ такъ: «Я ничего не боюсь; никто ничего сотворить мнѣ не возможетъ; что можетъ сотворить мнѣ какой-либо архіерей, кто бы онъ ни былъ?» И многія рѣчи, исполненныя гордыни, самомнѣнія и нераскаянія произнесъ предъ образомъ Господнимъ князь, за ничто все увѣщаніе Фотіево считая. Тогда, видѣвъ отецъ Фотій совершенно въ нечувствіи сердце его, ему явно сказалъ, возбужденъ бывъ духомъ: «вѣру мнѣ имѣй, княже, что искушеніе тебѣ пріидетъ вскорѣ; Богъ тебя предастъ въ руки тѣхъ, которые стараются тебя уловить нынѣ, яко ловцы премудрыя церкви, и уловятъ они, яко слуги Господни; ибо они за слово и дѣло Божіе дѣйствуютъ; никто не постоитъ тогда за тебя, яко съ ними Господь въ дѣлѣ правды и благочестія». Тогда князь какъ бы изумленъ былъ отъ сего, пріобыкши вѣру имѣть словамъ Фотія во многомъ, сказалъ: «Ежели ты, отче Фотіе, меня оставишь и съ ними будешь, то они меня одолѣютъ, а иначе никто не одолѣетъ меня». Князь же не вѣдалъ, кто противу него, и съ кѣмъ

именно брань за дѣло вѣры имѣетъ. Послѣ же князь, смиряясь отъ страха, падъ до земли, поклонился Фотію въ ноги, дабы онъ его не оставилъ [1]). Фотій же ему сказалъ: «Княже, что я тебѣ могу пособить, когда Богъ будетъ противу тебя? Какъ я за тебя буду подвизаться противу Бога? Или ты не знаешь, что я рабъ Господа и Бога моего Іисуса Христа? Я тебѣ другъ, но до святаго олтаря; какъ начнется дѣло, гдѣ ты явно противу святаго олтаря, Бога и вѣры дѣлаешь, тамо я первый противу тебя; кто бы ни былъ человѣкъ, никому не предамъ ни за что истины, отъ вѣры ни словомъ, ни дѣломъ не отступлю». Князь, зная Фотія любовь къ себѣ, не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ въ случаѣ такомъ, даже въ дѣлѣ и словѣ вѣры могъ отъ него отстать; ибо мнилъ, что Фотій паче Бога любитъ его человѣка и пожалѣетъ его въ несчастіи. Тогда ему повторилъ Фотій: «О возлюбленне брате, друже! Никто тебя не любитъ, какъ я люблю тебя за любовь твою ко мнѣ; но паче Бога я никого любить не могу; я вѣрный слуга Бога моего въ дѣлѣ Его, я другъ тебѣ до святаго олтаря». По многой бесѣдѣ цѣловавшись, разстались въ жалости другъ о другѣ. Думалъ Фотій послѣ, что, можетъ быть, онъ его еще обратитъ на путь истины, или отвратитъ отъ себя какъ-либо таковыми рѣчами и словами. Ибо съ нимъ уже тяжело было свиданіе имѣть ему: явно онъ ему себя оказывалъ, что не токмо зло творитъ, за дѣло Госнера стоитъ, но какъ въ семъ дѣлѣ не даетъ надежды къ раскаянію никакой, дерзнулъ написать къ нему грозное посланіе, думая, что послѣ сего посланія онъ не узритъ князя никогда тѣмъ паче, что втайнѣ противу его дѣйствуетъ и отъ 12-го апрѣля два свои посланія Александру царю уже вручены, апологія на книгу В о з з в а н і е и составленная записка на другія книги. Время же сіе было послѣ 17 апрѣля 1824 года, послѣ свят. Пасхи, и какъ уже Серафимъ митрополитъ былъ у императора, все дѣло съ пастырскою смѣлостію объяснилъ и истину возвѣстилъ, не боясь ничего. Но князь такъ былъ хитръ, что, несмотря на строгость посланія Фотіева, старался съ нимъ имѣть свиданіе въ домѣ дщери его дѣвицы Анны, гдѣ колико онъ съ нимъ свиданіе имѣлъ, толико и рѣчь дѣлалъ о томъ, что Госнеръ есть мятежникъ, за что и изгнанъ онъ изъ нѣмецкихъ земель, разстрига есть человѣкъ, не на лучшую вѣру католицкую перемѣнилъ, а на худшую; имѣетъ видъ лютеранскія ереси, но онъ никакого вѣроисповѣданія доселѣ господственнаго не содер-

---

[1]) Если вѣренъ во всей полнотѣ передаваемый здѣсь Фотіемъ фактъ, то Е. П. Карновичъ совершенно справедливо объясняетъ характеръ отношеній Голицына къ Фотію, когда говоритъ, что князь Голицынъ, провидѣвшій ту силу, которую начинаетъ получать Фотій въ Петербургѣ, хотѣлъ склонить на свою сторону этого своеобразнаго монаха. «Русск. Старина» 1875 г. августъ, 461. Что князь Голицынъ старался привлечь Фотія на свою сторону и доходилъ до униженія предъ нимъ—это можно будетъ видѣть ниже.

житъ, новую какую-то вѣру универсальную библейскую, смѣшанную секту проповѣдуетъ; явно возмущаетъ какъ лютеранскую религію, католицкую, такъ и православную нашу вѣру хулитъ, и, собравъ себѣ множество въ секту народу, разсѣваетъ свое ученіе къ общему вреду столицы и цѣлой Россіи. Князь Голицынъ былъ такъ къ сему невнимателенъ, что какъ бы слуха не имѣлъ, и умышлялъ своими кознями дѣло сіе какъ-нибудь представить въ иномъ видѣ и императора обмануть, дабы токмо устоять на своемъ мѣстѣ, и чаялъ послѣ всѣхъ рабовъ божіихъ потребить силою своею и властію.

Императоръ Александръ, какъ царь, истинно пекущійся о благѣ всякомъ святыя церкви и отечества, получивъ всѣ нужныя свѣдѣніи отъ митрополита чрезъ присланныя бумаги, отъ Фотія архимандрита, слухи отъ устъ любимца Уварова, главнаго начальника гвардіи, соображалъ все, находилъ за важное дѣло настоящее происшествіе и желалъ о всемъ, или о чемъ токмо можно подробнѣе отъ устъ митрополита и архимандрита Фотія слышать, и извѣстилъ тайно, дабы тому и другому быть въ готовности, что онъ назначитъ у себя и день и часы каждому порознь для свиданія съ ними. Почему 17-го дня апрѣля въ 7 часовъ пополудни назначено Серафиму митрополиту быть у императора Александра въ его кабинетѣ. Пришло время, митрополитъ пріуготовился токмо идти въ карету и ѣхать [1]), но отъ многомыслія и необыкновеннаго представляемаго дѣйствія предъ лицомъ царя находила на него нерѣшительность; а посему онъ то шелъ изъ комнатъ, то возвращался въ оныя; что видѣвъ, Фотій, подошедъ къ нему, сказалъ: «Что ты, владыко святый, робѣешь? Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами! Аще Богъ по насъ, кто на насъ? Пора тебѣ ѣхать! Гряди съ Богомъ». Симъ Фотій укрѣпивъ іерарха своего, взялъ его подъ руку лѣвую, велъ изъ ком-

---

[1]) По разсказамъ другихъ современниковъ, у митрополита Серафима въ тотъ самый день, когда онъ рѣшился ѣхать во дворецъ для доклада государю о вредныхъ для церкви дѣйствіяхъ князя Голицына, находились: Аракчеевъ, Орловъ и Павловъ. Митрополитъ, по этимъ разсказамъ, рѣшился, наконецъ, ѣхать во дворецъ къ государю только послѣ долгихъ колебаній, убѣжденій, обнадеживаній. По словамъ синодальнаго чиновника Павлова, переданнымъ имъ о. Морошкину, митрополитъ три раза садился въ карету, чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ, въ третій разъ до кареты провожали его Павловъ, Фотій и Орловъ, и своими руками усадили его въ нее. Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не останавливался до Зимняго дворца, крикнулъ: пошелъ! и карета быстро помчалась отъ Невской Лавры къ Зимнему дворцу. («Русскій Архивъ» 1868 г., 1390). Въ разсказѣ А. А. Павлова то невѣроятно, что митрополитъ Серафимъ думалъ вовсе отказаться отъ поѣздки во дворецъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ не могъ этого сдѣлать, хотя бы и хотѣлъ, потому-что ему назначена была особая высочайшая аудіенція.

натъ, ввелъ его въ карету, и затворили въ ней его люди. Онъ же, сидя, изъ кареты еще хотѣлъ бесѣдовать, смущеніе представляемое разгоняя, Фотій же утѣшалъ его, перекрестилъ колесницу и сказалъ правящему конями: съ Богомъ въ путь ступай [1]). И тотчасъ митрополитъ скрылся изъ очей всѣхъ своихъ [2]). Фотій же молился усердно въ тайнѣ, дабы Господь далъ духа Своего Серафиму и укрѣпилъ его, что во благо и къ сердцу предъ царемъ нужное возвѣстить. Тако проходитъ часъ 8-й, 9-й и 10-й; Фотій ждетъ его—и нѣтъ митрополита обратно отъ царя. Наступаетъ 11-й часъ, Фотій съ его секретаремъ, сидя на окнѣ, при ночномъ мракѣ смотритъ, прислушиваясь къ каждому стуку, желая узнать, не ѣдетъ ли митрополитъ, и что Богъ споспѣшилъ въ словѣ и дѣлѣ вѣры? Проходитъ сей часъ, и 12-й наступивъ проходитъ,—и нѣтъ митрополита. Полночь прошла; Фотій удивлялся, что значитъ, что такъ долго его нѣтъ отъ царя; сіе никогда не бывало ни съ кѣмъ, чтобы въ полночь митрополитъ когда-либо бывалъ у императора и по такимъ дѣламъ, каковы начались. Сердце Фотіево смущалось: секретарь Алексѣй Сусловъ и Фотій думали, что не прогнѣвался ли царь, куда-нибудь и не посадилъ ли во гнѣвѣ митрополита, или отчаянно нездоровъ онъ сдѣлался. Первый часъ пополуночи приходитъ, и при тихомъ сумракѣ нощномъ, тихо митрополитъ Серафимъ ѣдетъ; выбѣжали всѣ его срѣтать. Входя, онъ весьма былъ тихъ, миренъ, но такъ молчаливъ, что ни слова не говорилъ; весь отъ головы до ногъ

---

[1]) Издатель «Русскаго Архива» вноситъ здѣсь, впрочемъ, со словъ другихъ, еще новую подробность, именно: будто М. Л. Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою митрополита и, когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу. («Русскій Архивъ» 1868 г. 1390, въ примѣчаніи). Варіанты разсказа о представленіи митрополита Серафима государю находятся въ воспоминаніяхъ Панаева («Вѣстникъ Европы» 1867 года, т. IV, стр. 84) и у Сухомлинова («Журн. министерства народн. просв.» 1868 г., янв., стр. 7). Разсказъ г. Попова о томъ, что митрополитъ Серафимъ явился къ государю въ полномъ святительскомъ облаченіи («Труды Кіевск. духовн. акад.» 1875 г. іюнь, 770), не заслуживаетъ довѣрія.

[2]) Въ запискахъ Панаева («Вѣстникъ Европы» 1867 г., ч. IV, 84) со словъ самого Магницкаго сообщается, что онъ, Магницкій, вслѣдъ за митрополитомъ отправился на Адмиралтейскій бульваръ и прошелъ къ подъѣзду дворца, гдѣ уже столпилось довольно народа, привлеченнаго каретой митрополита. Магницкій хотѣлъ видѣть, въ какомъ расположеніи духа выйдетъ изъ дворца митрополитъ. Замѣтивъ, что митрополитъ вышелъ изъ дворца съ лицомъ довольнымъ, Магницкій убѣдился, что дѣло идетъ хорошо, и тотчасъ отправился въ Невскій монастырь поздравить его съ успѣхомъ. Едва-ли все переданное здѣсь Панаевымъ, хотя и со словъ самого дѣйствующаго лица, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Сомнительно, чтобы Магницкій могъ дежурить у дворца едва не до полуночи, еще сомнительнѣе то, что онъ тотчасъ же поѣхалъ поздравлять митрополита въ первомъ часу ночи.

мокоръ отъ льющаго съ него пота. Таковъ былъ потъ у него отъ сильнаго душевнаго и тѣлеснаго дѣйствія предъ царемъ, что акибы изъ водопада весь былъ облитъ. Входя, митрополитъ въ зало свое, вздохнувъ, сказалъ: «Все, слава Богу, хорошо! Слава Тебѣ, Господи!» Взошедъ въ тайную свою келью, перемѣнилъ одѣяніе, Фотія къ себѣ пригласилъ въ кабинетъ и съ улыбкою подобо-ангельскою сказалъ: «Все, что могъ и успѣлъ я, царю сказалъ! Царь весьма много доволенъ. Я царю сказалъ, какъ бы сыну моему и какъ другу, не боясь истину ему всю открылъ. Теперь въ рукахъ Божіихъ дѣло состоитъ все привести въ дѣйство и къ благому концу [1]). Вотъ хотя въ малѣ здѣсь скажу, что я царю говорилъ и успѣлъ внушить:

1. Что православная церковь Христова наша въ Россіи, говорилъ Серафимъ царю, въ крайней опасности отъ тайныхъ и явныхъ враговъ, и государству, какъ уже явно изъ всего видно, настоитъ скорая, неминуемая бѣда, ежели не будетъ мѣръ возможныхъ отъ государя употреблено поправить всѣ дѣла.

2. Сверхъ тайныхъ обществъ масонскихъ уже запрещенныхъ, явно противныхъ церкви и государству, самыя злѣйшія враждебныя общества, многія заведенія и собранія учредились и учреждаются какъ въ обѣихъ столицахъ, такъ въ главныхъ другихъ губернскихъ городахъ и многихъ другихъ мѣстахъ, на вредъ одной церкви Христовой православной, правительству гражданскому и царскому престолу. Всѣ они подъ самыми благочестивыми предлогами вымышлены, заводятся, устрояются, дѣй-

---

[1]) Авторъ записокъ о «крамолахъ враговъ Россіи» описываетъ въ слѣдующихъ чертахъ представленіе митрополита Серафима государю. «Возбужденный Духомъ Божіимъ митрополитъ Серафимъ,—разсказываетъ этотъ авторъ,—съ полнымъ самоотверженіемъ, свойственнымъ святому его сану и званію, со святымъ дерзновеніемъ древнихъ пророковъ, предсталъ лицу императора, чтобы открыть ему всѣ козни враговъ церкви. Онъ, снявъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и съ твердостію сказалъ: не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ вашего величества царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и Святѣйшему Сгноду возвратятся прежнія права его, и что министромъ народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся. Въ несомнѣнное доказательство гибельныхъ для церкви и отечества дѣйствій министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія митрополитъ представилъ императору книгу Госнера «О Евангеліи Матөея», которая оканчивалась печатаніемъ; раскрылъ въ ней тѣ мѣста, которыя показывали дерзкое возстаніе сочинителя не только противъ русскаго православія и самодержавія, но даже противъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Убѣжденный доказательствами Серафима, императоръ, подавая ему клобукъ его, сказалъ: «преосвященный, примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; и ваши святыя и патріотическія представленія будутъ исполнены». «Русскій Архивъ» 1868 г., 1387 стр.

ствуютъ, уже большое на все имѣютъ вліяніе, такъ, что иные дѣлались какъ бы непоколебимыми въ своихъ основаніяхъ, взошли въ составъ церкви и правительства. Размножились секты, расколы и частныя собранія противу-церковныя; изъ таковыхъ суть: Библейское общество съ его всѣми заведеніями самое противузаконное сборище, гдѣ противу силы св. писанія, евангельскія истины, мірской человѣкъ въ еретическомъ платьѣ начальникъ главный какъ патріархъ есть, а св. Сѵнодъ, по обѣ его стороны, іерархи и все духовенство сидитъ. Мірскіе чиновники сидятъ выше духовныхъ лицъ; православные митрополиты сидятъ перемѣшанные съ католицкими, уніатскими архіереями, съ пасторами нѣмецкими, съ ересіархами. И всѣхъ желаетъ Библейское общество согласить въ переводѣ Библіи, въ распространеніи вѣры единой новой всемірной библейской; общество Библейское, главное въ столицѣ изъ всѣхъ сектъ и изъ всѣхъ людей составлено, всѣхъ желаетъ согласить во-едино, а потому и въ основаніи усиливается всѣхъ вѣръ начала различія уничтожить, и ни къ единой бывшей доселѣ религіи не привести, а отъ всѣхъ отвлечь, а потому противно оно, явно есть, какъ православной церкви, такъ католической, лютеранской. Духовенство всѣхъ оныхъ религій находитъ самымъ вреднымъ и опаснымъ заведеніемъ и всеобщею пагубою для всѣхъ, и всеобщимъ возмущеніемъ Библейское общество; въ немъ начала и успѣхи уже большіе сдѣланы ко всемірной революціи, гдѣ оно доселѣ дѣйствуетъ; всѣхъ вѣроисповѣданій люди благонамѣренные вопіютъ, что это тайныхъ обществъ замыселъ. Россію, сильную по всему, при слабомъ смотрѣніи властей мірскихъ и духовныхъ, усиливается разстроить, поколебать и, ежели можно будетъ, разорвать на части, разорвавъ прежде царство Христово въ единствѣ церкви святыя господствующія. Почему учрежденіе особо царства Польскаго есть намѣреніе и дѣйство также тайныхъ обществъ. Между тѣмъ предсѣдатель есть всего общества Библейскаго кн. Голицынъ. Государь и фамилія его соучастники токмо ему во всемъ, во власти его находящіеся и ему во всемъ внимающіе, а князь самъ Голицынъ со всею свитою изъ разныхъ людей сумнительныхъ, но враждебныхъ государству, св. церкви, все дѣлаетъ, что посторонняя какая-то сила ему внушитъ. Оное общество Библейское заведено по всему государству Россійскому, вездѣ въ губерніяхъ и епархіяхъ. Архіереи какъ вице-президенты, а губернаторы тоже первыя особы, и другія первыя духовныя и мірскія лица, вмѣстѣ съ ними разныхъ сектъ ересіархи во единое сословіе библейское, называемое общество, имѣютъ вліяніе. Сей новый потокъ ученія библейскаго, какъ потокъ, всюду разлился и наводняетъ всѣ мѣста, гдѣ можетъ токмо завести сходбища для того къ своей тайной цѣли злой.

3. Дабы новую церковь противу христіанскую подъ названіемъ Биб-

лейскаго (собранія) общества распространить скорѣе, дать всему новый видъ, толкъ, новую силу, новое все по всѣмъ частямъ, Библейское общество, находя себѣ препятствіемъ къ своей скорѣйшей цѣли враждебной, подъ разными благочестивыми видами и намѣреніями, старается священное писаніе все съ церковнаго нарѣчія переложить на простонародное, общее русское называемое, тѣмъ являя, что изъ православной святой Христовой хотятъ главныя лица и князь Голицынъ какую-то новую церковь обыкновеннымъ обществомъ народнымъ представить и всеобщимъ сдѣлать для всѣхъ обществъ, всѣмъ дать въ руки царство, священство, службу и право ученія, уничтоживъ все доселѣ реченное, видимое и преданное, чѣмъ стоитъ царство Русское, и извѣстно паче всѣхъ въ благочестіи, и за что Господь паче всего милостивъ къ нему. Евангеліе и весь Апостолъ подъ названіемъ Новаго Завѣта переведенъ уже къ неудовольствію многихъ благонамѣренныхъ такъ индѣ неудачно и злонамѣренно, что, взявъ для своего основанія само изданіе книги на евангеліе отъ Матѳея, Госнеромъ сочиненной, прямо хулу неслыханную даже въ древнихъ ересіархахъ на Приснодѣву Богородицу осмѣлились изрыгать враги, и вмѣсто истолкованія слова Господня, явное воззваніе сдѣлали противу Богородицы, родства Христова, противу догматовъ церковныхъ всѣхъ, противу Христа, св. Троицы, противу таинствъ церковныхъ, службъ, духовенства, правительства, всѣхъ званій, состояній гражданскихъ, противу власти царской, противу всего правовѣрія, всего гражданскаго порядка, основанія, и тайно, яко дѣло возмутительное, напечатавъ, разослать хотѣли сперва въ отдаленные края Россіи и куда возможно чрезъ посредство министерства духовныхъ дѣлъ, по духовнымъ вѣдомствамъ и лицамъ, чрезъ министерство же просвѣщенія по вѣдомству просвѣщенія и чрезъ содѣйствіе почтъ. Какъ все въ рукахъ одного человѣка, то все и дѣлается согласно: никто не смѣлъ противиться, помышляя, что это все дѣйствуется не безъ воли Высочайшей. Псалтирь же такъ несогласно переведена съ церковною богослужебною, что какъ бы совсѣмъ другая книга. Всему новоученые въ предлогъ представляютъ свое знаніе языка греческаго и еврейскаго и тѣмъ новые христіанскіе гностики хотятъ выставить, что какъ бы доселѣ никто не разумѣлъ добрѣ перевести Псалтирь въ Россіи кромѣ ихъ съ еврейскаго. О, негодные богоотступники! Они забыли то, что у евреевъ нынѣ нѣтъ уже ни царства, ни церкви, ни духовенства законнаго, нѣтъ у нихъ ни училищъ, ни учителей истинныхъ, нѣтъ средствъ къ тому ни коихъ,— разсѣяны всѣ по всей земли, все знаніе языка еврейскаго находится для самихъ раввиновъ чрезъ многіе вѣка въ крайне жалкомъ состояніи; то коликая болѣе есть нынѣ для новоученыхъ переводчиковъ трудность знать языкъ во всей точности, кто вовсе не изъ евреевъ и знаетъ переводить едва съ словарями, которые словари также отъ враговъ церкви

и истины, отъ основателей нововѣрія изданы, а Библейскимъ обществомъ искусно придумано все поддѣлать, дабы дать совсѣмъ иной толкъ истинѣ, переводу.

4. Библейское общество сверхъ испорченности священнаго писанія на русскомъ нарѣчіи дѣлаетъ свои по своему смыслу и духу воззванія о вѣрѣ, церкви и спасеніи, само по себѣ дѣлая все противу всѣхъ правъ, отдаляя духовенство, дабы въ свободномъ зловѣріи членамъ не противилось духовенство, зная свое дѣло лучше всегда мірскихъ; Библейскаго общества члены составляютъ сочиненія, толкованія, переводы и на разные языки народные многія библіи переводятъ, язычникамъ раздаютъ съ неистиннымъ и даже совершенно противнымъ смысломъ; ибо дается переводить Библія не тѣмъ, которые вѣру Христову исповѣдуютъ, а самымъ даже язычникамъ, непріявшимъ вѣры, и вызываются для того въ Санктъ-Петербургъ, на что не простое знаніе нужно имѣть, а и благодать Святаго Духа свыше отъ Бога должна быть подаема.

5. Все сіе дѣйствуетъ кн. Голицынъ. Онъ достигнулъ для того трехъ министерствъ, старался всю силу имѣть: сдѣлавшись же министръ духовныхъ дѣлъ, іерархію церковную явно разрушилъ: вездѣ кромѣ службъ церковныхъ, онъ первое мѣсто занимаетъ словомъ и дѣломъ: Сѵнодъ менѣе имѣетъ силы дѣйствовать, нежели министерская канцелярія. Члены Сѵнода ничего почти не имѣютъ вліянія въ сравненіи съ его директоромъ по духовнымъ дѣламъ. Министерство духовныхъ дѣлъ и коммиссія со всемъ раздираютъ Сѵнодъ. Они все себѣ забрали важнѣйшее для дѣйствія своего; а посему въ трехъ мѣстахъ дѣлаетъ различно и къ разной болѣе цѣли, а не къ единству вѣры и благочестія. Съ воли министра духовныхъ дѣлъ, переводятся, сочиняются книги, печатаются, сочиненія выходятъ такія, которыя не токмо св. Сѵнодъ подъ судъ долженъ былъ бы отдать, а правительство должно какъ явныхъ возмутителей гражданскихъ и церковныхъ предать всей строгости законовъ. Все переводится, сочиняется, печатается и вводится, что токмо можетъ быть новое противу св. церкви православной, правительства, благочестія, порядка, общаго блага народнаго, и все дѣйствуетъ властію князь Голицынъ, никто не смѣетъ даже слова сказать противу, ему истину возвѣщая. Многіе рѣшались возстать за вѣру и гонимы были до гроба, какъ безсильные; иныхъ, какъ еретиковъ и враговъ общаго блага пастырей церкви, осудили избранныхъ Божіихъ и ревнителей и сослали въ отдаленныя мѣста.

6. Князь Голицынъ дѣйствуетъ по вліянію тайныхъ главныхъ лицъ, враждебныхъ церкви православной и правительству и имянно Родіона Кошелева, покровительствуетъ всѣхъ ересіарховъ, какъ-то: Фесслера, Госнера, Линделя, Криднеръ, Татаринову, Лабзина въ Санктъ-Петербургѣ, и всѣхъ вездѣ ему извѣстныхъ, яко содѣйствователей въ мнимой

вѣрѣ библейской распространяемой, и всѣмъ даетъ всюду верхъ и право дѣлать, что хотятъ.

7. Князь Голицынъ министръ просвѣщенія, со времени своего преобладанія противное направленіе даетъ и успѣхъ даже далъ просвѣщенію, выписавъ безбожниковъ ересіарховъ для образованія и давъ право сочинять, печатать, распространять сочиненія философскія и прочія всякаго рода, совершенно неблагонамѣренность, развратъ и революцію въ разныхъ видахъ внушающія.

8. Князь Голицынъ противу епархіальныхъ архіереевъ покровительствуетъ виновныхъ и подлежащихъ суду, на архіереевъ отъ всѣхъ доносы пріемлетъ. Еще такой соблазнъ учинить выдумалъ, что печатаются всякіе доносы о церковныхъ происшествіяхъ, что гдѣ дѣлаютъ священники, діаконы, гдѣ случились какіе соблазны въ церквахъ по духовенству, печатаются [1], и тѣмъ все духовенство на соблазнъ и позоръ дается, народъ возмущается, раскольники посмѣваются, умные ересіархи къ тому содѣйствуютъ, а благонамѣренные сыны церкви съ крайнею горестію сѣтуютъ; какъ будто всѣ прочіе люди безъ грѣха, что частные проступки духовныхъ публикуются въ то доказательство, что таково-то духовенство россійское есть развратное, и что новое библейское собраніе есть лучшее.

9. Сила князя Голицына такова сдѣлалась, что нѣтъ силы дѣйствовать въ дѣлахъ по епархіи, даже митрополиту санктъ-петербургскому безъ сношенія съ его директоромъ.

10. Дабы вездѣ повсюду имѣть силу, а Сѵнодъ ничему не могъ противиться, выдумалъ закономъ ввести министръ духовныхъ дѣлъ не членовъ дѣлать Сѵнода архіереевъ, а изъ всѣхъ епархій вызывать для присутствія на время и тѣмъ всѣхъ православныхъ, усмотрѣвъ лично, совершенно какъ себѣ противныхъ, политически удалялъ [2], скорѣе от-

---

[1]) Въ 1816 и 1817 годахъ изданы были указы, которыми за нарушеніе церковнаго благочинія и проступки въ церквахъ духовныя лица подвергались уголовному суду. Тогда же принято было «въ страхъ и опасеніе» отъ подобныхъ преступленій публиковать изъ Сѵнода по епархіямъ печатные листы «о предосудительныхъ, противозаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и послѣ онаго, духовными лицами, и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію». Публикаціи эти были крайне соблазнительны и вредны для репутаціи духовенства. Онѣ были отмѣнены въ 1821 году. Знаменскій, «Чтенія по исторіи русской церкви при Александрѣ I», 80—81 стр.

[2]) Профессоръ Знаменскій говоритъ о положеніи Сѵнода при князѣ Голицынѣ: «къ вящшему ослабленію св. Сѵнода заведенъ былъ особый порядокъ назначенія въ него членовъ посредствомъ очереднаго вызова въ него епархіальныхъ архіереевъ на короткіе сроки, вслѣдствіе чего составъ его постоянно перемѣнялся и потерялъ послѣднюю устойчивость». (Знаменскій, «Чтенія по исторіи русской церкви въ царствованіе Александра I», 51 стр.). Если

правляя на епархіи, а архіереевъ, имѣющихъ или наклонность все въ угодность министру духовныхъ дѣлъ чинить, противу всѣхъ правилъ церковныхъ и законовъ государственныхъ, или явныхъ недоброхотовъ къ дѣлу церкви и вѣры, и особенно пріятелей съ Кошелевымъ, рекомендуемыхъ отъ ересіарховъ и всѣхъ окружающихъ его, кн. Голицына,— выписывалъ, рекомендовалъ императору и въ члены Святѣйшаго Сvнода старался подѣлать.

Многое Серафимъ митрополитъ Фотію повѣдалъ, что о расколахъ, о споспѣшникахъ къ тому и прочихъ дѣлахъ и опасностяхъ, о чемъ Господь далъ ему силу и крѣпость, императору успѣлъ пересказать. Слышавъ все, императоръ Александръ о многомъ скорбѣлъ, но митрополитъ, истину говоря, явно сіе доказывалъ. Царь былъ весьма благодаренъ, что слышалъ отъ устъ его какъ пастыря истину и далъ слово свое, что онъ постарается, Богу содѣйствующу (Марк. XVI, 20), исправить дѣла. Посемъ митрополитъ пошелъ на покой нощной, а Фотій также отшелъ въ свое мѣсто. Конецъ бесѣды Серафима митр. съ Фотіемъ, о чемъ онъ говорилъ Александру императору 17-го апрѣля 1824 года въ нощи.

Бесѣда отца Фотія

съ императоромъ Александромъ I-мъ за вѣру и церковь Христову противу зловѣрія и враговъ ересіарховъ.

Императоръ Александръ мудрый и благочестивый, желая вскорѣ о всемъ злѣ явно и тайно возникшемъ подробно увѣдать, апрѣля 20 дня по полудни въ 6 часовъ, повелѣлъ отцу Фотію явиться къ себѣ предъ лице, и изъ устъ его все самъ слышать. Посланный повелѣлъ ему съ секретнаго входа взойтить, и тайною лѣстницею къ нему въ кабинетъ, дабы сіе не было всѣмъ гласно. Наступилъ опредѣленный часъ, Фотій тотчасъ и поѣхалъ изъ дома дщери дѣвицы Анны въ ея каретѣ, спрятавъ крестъ свой, дабы въ случаѣ надзора отъ враговъ не былъ узнанъ

оберъ-прокурору Яковлеву стоило большаго труда и многихъ происковъ для того, чтобы вытѣснить изъ Сvнода одного непріятнаго ему члена (Павла, архіеписк. ярославскаго, Знаменскій, 6—7 стр.), то придуманный княземъ Голицынымъ способъ вызова въ Сvнодъ для временнаго присутствованія въ немъ совершенно развязывалъ ему руки. По мановенію Голицына, члены Сvнода, люди достойные и съ твердымъ характеромъ, не только удаляемы были изъ Сvнода, но даже лишаемы были епархій (напримѣръ Антоній, архіеписк. ярославскій въ 1820 году), а на мѣсто ихъ вызывались въ Сvнодъ архіереи слабые, безхарактерные, отъ которыхъ «пользы было мало» для церкви, но за то они очень удобны были для министра духовныхъ дѣлъ, потому что «не противорѣчили» (таковъ напримѣръ Іона тверскій—по отзыву члена Сvнода Симеона ярославскаго), «Прав. Обозрѣніе» 1872 г. іюль—августъ, въ приложеніи, 19).

онъ входяй и исходяй; ровно въ 6-ть часовъ, въ седьмомъ подъѣхалъ онъ къ царскимъ палатамъ, и сошедъ пошелъ, гдѣ его камердинеръ царской Мельниковъ уже ждалъ, срѣтилъ его, взявъ повелъ, и тайною лѣстницею ввелъ въ церковь малую походную, которая была на случай болѣзни у царя поставлена подлѣ его кабинета. Въ церкви, во святомъ олтарѣ, нѣсколько Фотій побылъ, послѣ какъ отворены ему двери къ царю, взошедъ по обычаю онъ помолился, трижды поклонився ко святому образу; потомъ обратяся царю, воздавая честь подобающую, поклонился; царь же кроткій Александръ смиренно подошедъ, взялъ благословеніе и цѣловалъ его десницу; посемъ повелъ его, посадилъ въ кабинетѣ своемъ за большой длинный столъ на стулъ (перекрестився Фотій сѣлъ). Послѣ нѣсколькихъ словъ царь сказалъ Фотію, говоря: «Отецъ Фотій! Я получилъ писанія всѣ твои»; Фотій же отъ сего догадался, что онъ долженъ уже ему говорить, что касается къ дѣлу, и началъ говорить такъ къ царю:

1) Внемли, о царю, говорилъ Фотій, что тайна беззаконія великая дѣется (2 Сол. 2, ст. 7.), уже явно въ Россіи на пагубу св. церкви, царства, во вредъ всякому порядку, закону и правительству.

2) Что оная злая пагуба, всегубительство крайнее готовится подъ самыми благовидными, даже благочестивыми и священными вещами затѣвается; а посему какая-то всемірная монархія уготовляется отъ единомышленниковъ нечестивыхъ человѣковъ, и для того новая вѣра распространяется подъ именемъ единовѣрія всюду [1]), но въ семъ едина токмо вселукавая кознь содержится на вредъ всѣмъ вдавшимся въ обманъ и прелесть сію.

3) Отъ тайныхъ обществъ нечестивыхъ, безбожныхъ, тайныхъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ устроается, чтобы вездѣ нынѣ существующія царства, страны, державы, правительства или уничтожить или, ослабивъ, разстроить разными средствами, разрушая тѣ основанія, коими они связаны между собою. Придумано, всѣ господствующія религіи уничтоживъ, перемѣнить на одну какую-то новую.

4) Не нашлось никого столь безумнаго изъ русскаго православнаго духовенства въ Россіи, дабы кто явно посредѣ столицы дерзнулъ учить новой религіи неслыханной враждебной, ругая и осмѣвая всякую доселѣ христіанскую религію; то тайные враги вѣры и церкви изъ западныхъ странъ изгнаннаго бунтовщика проклятаго пастора Госнера вы-

[1]) Есаулъ Котельниковъ прямо проповѣдывалъ, что вмѣсто православной церкви въ царствованіе Александра I откроется и распространится новая религія духоносцевъ подъ именемъ единовѣрія по всей вселенной такъ скоро, что не успѣетъ еще Библія всѣмъ роздана быть. Это новая церковь есть перворожденная нынѣшней эпохи церковь. («Христ. чтеніе» 1882 г. № 11—12. Ересь Е. Котельникова).

писали, который былъ изгнанъ какъ злѣйшій, нетерпимый преступникъ законовъ всѣхъ гражданскихъ, а въ Россіи принятъ какъ за великаго человѣка, получаетъ изъ казны многія тысящи денегъ, распространяетъ свое ученіе, и уже скопище великое собралъ, будучи покровительствуемъ отъ первыхъ вельможъ и начальниковъ правительственныхъ.

5) Дабы поколебать догматы вѣры, первѣе св. Евангеліе по своему, противно ученію православной церкви, противу Божіея Матери, Господняго воплощенія, духовенства, правительства и всего ученія православнаго составили враги, во множествѣ напечатали подъ вліяніемъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, и особыя толкованія на то новыя свои.

6) Тайные враги церкви и правительства, книги, науки составляютъ въ таковомъ духѣ и понятіи, чтобы всѣ способы и усилія скорѣе даровать,—всѣ священныя основанія въ государствѣ подорвать. Явно тайныя книги и науки подъ видомъ священныхъ, благочестивыхъ и нужныхъ учатъ нечестію и приготовляютъ особый классъ людей къ революціи.

7) Многіе таковаго духа вельможи, въ правительствѣ занимающіе мѣста, во всемъ готовы содѣйствовать, и содѣйствуютъ по многимъ частямъ правительства къ новому преобразованію всего.

8) Дабы таковое общественное потрясеніе, пріуготовляемое втайнѣ и наружу выходящее по времени, не было въ началѣ для распространителей опасно, то оно подъ самыми прелестными названіями распространяется; назначенъ же годъ и самое время, когда вдругъ оное повсюду опубликовать, и знаютъ токмо члены тайныхъ обществъ.

9) Здѣсь есть кознь особенно англинскихъ методистовъ, у коихъ заговоръ сдѣланъ, какимъ бы ни было образомъ, но потрясти сердце Россіи подъ разными предлогами, какъ о томъ была въ собраніи тайныхъ обществъ объ успѣшномъ дѣйствованіи и говорена рѣчь, что вскорѣ какъ пожаръ въ Россіи возгорится революція, теперь же уже дрова накладены и огнь подкладывается. Вскорѣ же всѣ узрятъ, что олтари и престолы повсюду рушатся въ монархіи Россійской [1]).

---

[1]) Здѣсь имѣется въ виду рѣчь президента британскаго библейскаго общества Рихарда Ватсона, главы методистовъ, сказанная имъ въ годичное собраніе общества 7 мая 1817 года, въ Лондонѣ. Въ рѣчи его находятся, напримѣръ, такія выраженія: «всенародное обращеніе Библіи въ Россіи можетъ только возстановить греческую церковь и исторгнуть ее изъ того упадка, въ которомъ она теперь находится... При началѣ нашей реформаціи должно было преобѣдить тысячи препятствій, но въ Россіи столь великое и нужное измѣненіе совершится безъ малѣйшаго потрясенія: предполагается, въ сей имперіи реформація уподобится восходящему солнцу, озаряющему равнымъ свѣтомъ какъ хижину сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ». «Русскій Архивъ», 1868 г. 1383—1384.

10) Зло во всей силѣ колико распространяется, толико правительство не обращаетъ вниманія на оное, а духовенство, какъ бы безгласное, молчитъ, частію потворствуя во всемъ, частію боясь своей лѣности въ дѣлахъ вѣры и благочестія.

11) Ежели вскорѣ всѣ средства не будутъ приняты къ остановленію зла, распространившагося до нынѣ, то всеобщее потрясеніе необходимо будетъ.

12) Все же добрѣ и обстоятельно развѣдавъ тихо и тайно надобно дѣлать и вдругъ. Это съ Божіею помощію такъ можетъ быть хорошо сдѣлано, что какъ прахъ исчезнетъ зловѣріе и тайная кознь. Надобно начинать не съ низа, а съ верха, не съ послѣднихъ, а поразить самыя главы первыя, яко главныя орудія всего злаго дѣла: когда глава у кого отнята бываетъ, то все тѣло остается, яко трупъ недѣйствительно. Корень когда у древа порубленъ будетъ, древо неминуемо изсыхаетъ, жизни и питательности лишившись.

И такъ послушай, о царь возлюбленный, говорилъ Фотій, много есть тебѣ вообще и въ частности говорить, но Богъ все въ свое время откроетъ тебѣ и волю свою, объявитъ зло, и ты узришь, какъ это уже сильно распространилось въ Россіи при твоемъ царствованіи. Сіе и многое къ тому говоря и представляя на всѣ пункты печатные листки, изъ печатныхъ актовъ и книгъ вырѣзанные, отецъ Фотій представилъ царю, дабы царь видѣлъ, что не воображеніе или ино что дѣйствуетъ, а ревность по Бозѣ и любовь къ царю. Царь же все въ печати читая, дивился, какъ хитро все и дерзко дѣлается. Вся же бесѣда продолжалась 7-й, 8 и 9-й часы.

Царь и великій государь императоръ Александръ, какъ мужъ кроткій, желающій всегда души своей спасенія, царству и церкви всѣхъ благъ, со всею любовію, царскою милостію внималъ, и воставъ наконецъ со стула, простеръ руки къ Богу и сказалъ: «Господи, коль Ты милосердъ ко мнѣ! Ты мнѣ какъ прямо съ небесъ послалъ Ангела своего святаго возвѣстить всякую правду и истину! Буди милость Твоя на мнѣ! Я же готовъ исправить всѣ дѣла и Твою святую волю творить». И потомъ обратясь къ Фотію, сказалъ: «отецъ Фотій! не возгордися, что я сіе сказалъ тебѣ; я такъ о тебѣ чувствую». Благословенный царь Александръ не зналъ, что и какъ начать, а посему сказалъ Фотію, чтобы онъ написалъ для совершенія намѣренія въ дѣло планъ о всемъ. Фотій обѣщался нѣчто написать вскорѣ и представить. Наконецъ царь, благодаря его за ревность къ истинѣ, и видя, что самъ онъ вовлеченъ будучи, много къ тому содѣйствовалъ своею царскою силою, просилъ помощи отъ Господа въ дѣлахъ и сказалъ: «о Фотій! сотвори о мнѣ здѣсь ко Господу молитву, да осѣнитъ меня сила Вышняго на всякое дѣло благое». Съ симъ словомъ царь великій предъ священно-

начальникомъ о. Фотіемъ палъ на колѣни, сложивъ руки къ сердцу, велѣлъ на главу свою ему положить руки и прочитать молитву. Фотій, видя въ семъ не токмо всесовершенное содѣйствіе свыше ему, яко въ словѣ и дѣлѣ истины за вѣру и благочестіе, но и совершенное царское благопокореніе царя на всякое дѣло благое, возложилъ руки свои крестообразно на главу цареву помазанную, тихо возведя умъ и сердце горѣ къ Богу, читалъ глаголя сіи слова: «Царю Небесный! Утѣшителю, душе истинный, иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни Подателю, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша!» И знаменая главу цареву десницею, отступилъ отъ царя; царь же, смиреннѣйшій царь, яко кроткій Давидъ, царь мудрый, царь по сердцу Божію, достойный сосудъ благодати Святаго Духа, поклонился по молитвѣ въ ноги, яко кающійся человѣкъ къ Богу, не человѣку, но Богу въ лицѣ человѣка поклонився усталъ [1]). Фотій же видѣлъ благодать Св. Духа, яко росу на руно окрестъ сходящую, яко ѳуміамъ кадильный надъ царемъ, окрестъ его величествія; въ лицѣ его былъ зракъ свѣта лица Божія. Посемъ царя Фотій благословивъ, исходилъ изъ палаты царевы. Царь же, до святаго храма и олтаря провождая, кланялся въ слѣдъ ему, и Фотій ему обращаяся, кланялся, и знаменіе и благословеніе издалека десницею творивъ, разстался. Тайною лѣстницею сошелъ онъ внизъ, и изшедъ изъ двора царскаго прежнимъ путемъ скоро идя, сѣвъ въ карету, прибылъ къ дщери своей дѣвицѣ Аннѣ. Три часа почти продолжавшееся свое бесѣдованіе съ такою силою духа ко всякому благу, что онъ отъ главы до ногъ былъ, какъ водою, его потомъ смоченъ, и не простъ потъ, а яко кровавъ все одѣяніе его нижнее облилъ; что все снявъ съ себя, а иное надѣвши и укрѣпився мало пищею (ибо онъ готовяся къ таковымъ дѣламъ, говѣлъ, пріобщался, не піяй и не ядый ничтоже предъ лице царя предсталъ), втайнѣ все повѣдавъ дщери своей, и никому же ничто же ей не повелѣвая повѣдать, съ Богомъ отправился въ Невскую Лавру, прямо къ отцу и архипастырю Серафиму, гдѣ еще внизу срѣтаемъ былъ отъ его вѣрныхъ и искреннихъ, какъ сынъ съ дѣла отчаго, какъ воинъ съ брани утомленный, но радующійся онъ шелъ въ домъ отца архіерея. Онъ же, его срѣтивъ въ залѣ, взялъ въ свою молитвенную внутреннюю келью, заперъ всѣ двери и вопрошалъ о всемъ. Фотій же сказалъ ему многое, что возвѣстилъ царю, и что ка-

[1]) Священникъ Ѳеодосій Левицкій, представлявшійся государю Александру I лѣтомъ 1823 года, въ своей автобіографіи описываетъ отношеніе къ себѣ императора довольно сходно съ тѣмъ, что излагается здѣсь въ автобіографіи архимандрита Фотія. Такъ о. Левицкій сообщаетъ, что императоръ потребовалъ отъ него рукоблагословенія и требовалъ повторить его до трехъ разъ и возложить руки на голову и плечи. («Русская Старина» 1880 г. сентябрь, 147).

кое дѣйство благодать Божія надъ царемъ содѣлала. Архіерей, простирая очи, руки и сердце горѣ къ Богу, надѣясь явно въ словѣ, дѣлѣ церкви, вѣры и благочестія, какъ въ дѣлѣ Божіемъ, всякаго успѣха, поклонился Господу Богу, обнявъ его лобзалъ, какъ отецъ единороднаго и возлюбленнаго своего сына [1]).

Между тѣмъ на день св. Георгія апрѣля 22 на 23, по вечеру, яко о часѣ девятомъ, вѣсть тайная принесена, что по высочайшему повелѣнію, къ митрополиту будетъ отъ императора съ порученіемъ графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Митрополитъ Серафимъ и архимандритъ ожидали его, ибо въ запискѣ къ митрополиту написано, дабы о. Фотій непремѣнно при томъ тайномъ бесѣдованіи о дѣлахъ вѣры и св. церкви былъ. Насталъ часъ времени опредѣленнаго, графъ Аракчеевъ [2]), вельможа справедливый, приверженный паче всѣхъ къ царю

---

[1]) Князь Голицынъ очень скоро узналъ объ аудіенціи, данной государемъ Фотію 20 апрѣля, сверхъ обыкновенія, помимо министра духовныхъ дѣлъ. Голицынъ встревожился и 21 апрѣля написалъ довольно рѣзкое письмо Фотію, въ которомъ обвинялъ его въ хитрости и лукавствѣ по отношенію къ себѣ. Фотій отвѣчалъ Голицыну укорительнымъ письмомъ отъ 22 апрѣля, въ которомъ оправдывалъ себя отъ взводимыхъ на него обвиненій. «Тьма злодѣйскихъ книгъ, писалъ онъ Голицыну, можетъ ли и святую душу не смущать? Убойся Бога—что я противу тебя? Ужели слово и дѣло всякое противу злодѣйствъ книжныхъ—есть и можетъ быть противу тебя? Я, что касается до тебя, возвѣщалъ тебѣ покаяніе. Отъ личности твоея я чистъ. Кто не знаетъ, что ты не злобивъ и добръ самъ по себѣ?» И Фотій былъ съ своей точки зрѣнія до извѣстной степени правъ, потому что въ вышеприведенной бесѣдѣ его съ государемъ ни разу не упоминается личность князя Голицына. А потому не совсѣмъ справедливо относится въ данномъ случаѣ къ Фотію г. Поповъ («Труды Кіев. духовн. акад.» 1875 г. іюнь, 760), отрицающій всякую искренность въ письмѣ Фотія и обвиняющій его въ лже-смиреніи и въ любви во время дѣйствительной измѣны. Письмо Фотія къ Голицыну напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 г., 1159—1161.

[2]) Г-нъ Поповъ («Труды Кіев. духовн. акад.» 1875 г. іюнь, 759—760) утверждаетъ, что Фотій во все время борьбы своей съ кн. Голицынымъ, начиная съ 1823 года, дѣйствовалъ чрезъ графа Аракчеева, хотя самъ тотчасъ же ослабляетъ свое мнѣніе указаніемъ на то, что соглашеніе Фотія съ Аракчеевымъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Г-нъ Карновичъ («Русск. Старина» 1875 г. августъ, 478—479) выражается по данному вопросу неопредѣленно. «Участіе Аракчеева въ низверженіи князя Голицына, говоритъ онъ, не подлежитъ сомнѣнію, но степень этого участія и починъ его не разъяснены еще окончательно». Г-нъ Пыпинъ («Вѣстникъ Европы» 1868 г. ноябрь) представляетъ дѣло въ такомъ видѣ, что Аракчеевъ самъ искалъ себѣ помощниковъ и сумѣлъ найти ихъ въ лицѣ Фотія и митроп. Серафима. Г-нъ Миропольскій («Вѣстникъ Европы» 1878 г. декабрь, 620 стр.) близко подходитъ ко взгляду Пыпина, когда говоритъ, что Фотій, служа цѣлямъ Аракчеева, въ то же время самъ пользовался случайнымъ человѣкомъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Взгляды Пыпина и Миропольскаго болѣе отвѣчаютъ автобіографіи Фотія,

Александру, истинный патріотъ, сынъ церкви усердный, является къ Серафиму митрополиту. Митрополитъ, его взявъ за руку, вводитъ въ свою малую гостиную. Графъ спрашиваетъ Фотія, который призванъ туда же, заранѣ бывъ близъ въ другой комнатѣ, сидѣлъ и ждалъ приглашенія. Графъ Аракчеевъ объявляетъ отъ имени государя обоимъ, чтобы о говоренномъ всемъ императору было ему еще пересказано. Когда митрополитъ, пересказывая, что недоговоритъ, то Фотій дополнялъ и подтверждалъ. Примѣтно было то, что царь Александръ не хотѣлъ явно все произвесть въ дѣло, а тайно думалъ и тихо учинить. Графъ Аракчеевъ старался отъ имени царя какъ-нибудь согласить во всемъ митрополита съ кн. Голицынымъ. Серафимъ митрополитъ началъ говорить, «что здѣсь въ дѣлѣ св. церкви и вѣры, какъ въ важнѣйшемъ, нѣтъ средины: когда дѣлать царь хощетъ, то пусть дѣлаетъ какъ должно, въ противномъ случаѣ онъ будетъ предъ Богомъ на землѣ и на небесахъ виновенъ; а бѣда неминуемо имѣетъ послѣдовать отъ великихъ золъ для всего государства. Нѣтъ у меня здѣсь ни личности, ни инаго чего: какъ пастырь церкви, какъ архіерей, я слово и дѣло Божіе возвѣщаю, ничего не боюсь, ничѣмъ не дорожу; что мнѣ въ шестьдесятъ лѣтъ еще нужно? [1]) Много уже лѣтъ, какъ я архіереемъ былъ, — ни честь, ни слава, ниже ино что мнѣ не нужны. Боже мой! Страхъ одолѣваетъ меня, что дѣлается у насъ, и всѣ какъ спятъ и пробудиться не могутъ! Изъ Святѣйшаго Сунода сдѣлали нечистый единъ, просто сказать, заходъ! Церковь явно поругается, и все поражается. До чего мы дожили? Я не дорожу моей митрополіей»; и тотчасъ, взявъ бѣлый клобукъ свой митрополичій, снялъ съ главы своея, бросилъ на столъ [2]) предъ очами вельможи-любимца царева и сказалъ: «Графъ! вѣрный слуга царевъ, донеси о семъ царю, что видишь и слышишь; вотъ ему клобукъ мой; я болѣе митрополитомъ быть не хощу, ежели дѣла въ прежнемъ видѣ останутся; съ княземъ Голицынымъ не могу служить какъ явнымъ врагомъ клятвеннымъ церкви и государства». Графъ Аракчеевъ смотрѣлъ на сіе, какъ на вещь рѣдкую, не находилъ словъ къ

который, имѣя при дворѣ такихъ вліятельныхъ лицъ — какъ графиня Орлова, Уваровъ, Гладковъ — нисколько не нуждался въ Аракчеевѣ, а если послѣдній и явился ему на помощь, то по своимъ личнымъ соображеніямъ, а не по вызову Фотія. Поэтому указываемый Фотіемъ въ своей автобіографіи моментъ появленія Аракчеева на сценѣ борьбы съ княземъ Голицынымъ слѣдуетъ признать за исторически достовѣрный.

[1]) Митрополиту Серафиму въ 1824 году шелъ 67-й годъ.

[2]) Этотъ поступокъ митроп. Серафима не послужилъ ли основаніемъ для разсказа автора «Записокъ о крамолахъ враговъ Россіи», который въ нихъ говоритъ, что митроп. Серафимъ на аудіенціи въ Зимнемъ дворцѣ 17 апрѣля снялъ съ своей головы бѣлый клобукъ и положилъ къ ногамъ императора. «Русскій Архивъ» 1868 г., 1387.

тому противустоять. Но, казалось, по волѣ царевой онъ хотѣлъ еще какъ-нибудь къ миролюбію преклонить.

Тогда митрополитъ смотрѣлъ Фотію въ лицо и не зналъ, что дѣлать и сказать еще ему? Фотій же всталъ, графъ же сидѣлъ и желалъ что-нибудь изъ словъ, царемъ сказанныхъ, припомнивъ объявить. Тогда, не давая времени ничего, Фотій началъ говорить графу въ минуты молчанія архіерея Серафима, и сказалъ: «Владыко святый! дѣло все въ такомъ нынѣ существѣ и видѣ, что мѣста миру не можетъ быть со вредомъ для церкви и общаго блага! Богъ видитъ, что дѣло важно, велико есть болѣе, нежели какъ царь думаетъ. Не явный ли мятежъ противу церкви, что посредѣ столицы въ слухъ всѣмъ осмѣливаются проповѣдывать еретики, безбожники чужестранные свою ересь, распространяютъ свое нечестіе и гласятъ безстрашно, что Божія Матерь, Царица и Богородица, Пресвятая Дѣва дѣтей рождала? Какъ? Развѣ можно все духовенство вражіею силою называть? Кое общеніе свѣта ко тмѣ? (2 Кор. VI, 14). Како согласіе можетъ быть Христу со идолами, благочестію съ нечестіемъ? Невозможно сего болѣе терпѣть: жалость дому Божія снѣдаетъ сердца наша (Псаломъ 68, ст. 10): мы дѣлаемъ слово и дѣло Божіе. Стой, владыко святый, не соглашайся ни въ чемъ противномъ, на грѣхъ и на пагубу благочестію; будемъ крѣпки въ словѣ и дѣлѣ; что сказано царю, то вѣрно, стой въ словѣ до конца; лучше намъ за правду Божію въ заточеніе идти, нежели за нарушеніе нашей должности и нечестіе во адъ. Какъ тебѣ быть въ мирѣ съ врагомъ Бога, вѣры и всякаго общественнаго блага? Сvнодъ почти не существуетъ: однимъ названіемъ онъ есть, а дѣлаетъ все князь Голицынъ противу всѣхъ законовъ и правъ; все дѣлаетъ токмо, и только, что онъ не служитъ, забравъ въ руки все, свою уже вѣру, свое все новое съ своими выдумываетъ, и однѣ секты бунтовщиковъ церковныхъ покровительствуетъ. Ежели царь вскорѣ не исполнитъ своего долга и не исправитъ, то вскорѣ будетъ новое зло, всякаго зла злѣйшее. До чего дѣло дошло въ Сvнодѣ, что нѣтъ ни одного архіерея за дѣло вѣры и благочестія стоящаго! Іона и Дмитрій—любимцы князя и Р. Кошелева, все по ихъ волѣ творить готовы; одинъ Серафимъ митрополитъ остался. Все рушатъ, все раздираютъ и нѣтъ ни откуду помощи: весь Сvнодъ въ плѣну у слуги діавольскаго. Теперь едино остается дѣлать, ежели царь не исправитъ дѣло вѣры и не защититъ благочестіе, какъ царь благочестивый,—взять святое Евангеліе въ одну руку, а въ другую св. крестъ, идти въ Казанскій соборъ и посредѣ народа возгласить: православные! вѣру Христову попираютъ; а новую какую-то бѣсовскую хотятъ ввести; князь Голицынъ, Госнеръ пасторъ и прочіе ихъ сообщники все то дѣлаютъ! Послушай, графъ, донеси царю, что сіе быть можетъ сдѣлано; вся Россія узнаетъ; жены и дѣти найдутся

многія, которыя за Преблагословенную Приснодѣву Богородицу вступятся, свое сохраняя благочестіе. Она Владычица наша вскорѣ пріидетъ на помощь: все, хотя съ горестію, но уничтожится діавольское дѣйство; падетъ врагъ, и путь нечестивыхъ погибнетъ».

Графъ Аракчеевъ, послушая всего сего и прочаго сказаннаго, находилъ, что дѣло важное есть настоящее происшествіе, наружу вышедшее, и нужно оное прекратить вскорѣ, дабы худшаго чего не могло случиться отъ того; почему онъ, принявъ благословеніе, уѣхалъ. Сидѣлъ же очень много, говоря о семъ дѣлѣ. По выходѣ графа, Фотій Серафиму владыкѣ сказалъ: «Добрѣ, владыко святый, ты сотворилъ: ты какъ іерархъ и Ангелъ Божій возвѣстилъ всю правду небоязненно; царь же, слышавъ все, непремѣнно довершитъ дѣло, какъ должно. И радовался Серафимъ митрополитъ, что Богъ устамъ его далъ премудрость противустоять волѣ царевой, не во благо клонящей главное дѣло, или искушающей сердце и вѣру въ нихъ. Послѣ слышалъ Фотій отъ графа Аракчеева, что императоръ Александръ велѣлъ ему быть потому на совѣтѣ тайномъ семъ, дабы, какъ старецъ, Серафимъ не оказалъ какой-либо слабости духа и уступки въ дѣлѣ, и стоялъ бы Серафимъ твердо; а что касается до царя, то онъ готовъ за все приняться. Ежели же митрополитъ не устоитъ въ твердости своей, то дѣло начать царю гласно будетъ безъ пользы. Графъ же Аракчеевъ о всемъ царю донесъ, что слышалъ и видѣлъ—и рѣшительно сказалъ тако: «государь! Миръ и согласіе водворить между церковію, духовенствомъ, митрополитомъ и княземъ Голицынымъ, при оставленіи происшествій и золъ въ тайномъ видѣ, въ какомъ теперь находятся, и всему князь Голицынъ виною и его любимцы, никакъ невозможно. Митрополитъ въ рѣчь не дается, чтобы дать въ попраніе святую вѣру. Онъ говорилъ, что много лѣтъ терпѣлъ онъ уже дерзость зловѣрія, а теперь терпѣть болѣе не можетъ, не хощетъ и лучше умереть готовъ, нежели въ посмѣяніе оставить благочестіе, явно отвергаемое и попираемое къ общему вреду».

За симъ вскорѣ царь въ дѣйство производитъ митрополита Серафима донесеніе о Госнерѣ, съ печатнымъ листомъ; вручаетъ военному губернатору, графу Милорадовичу, дабы внесъ въ комитетъ министровъ, и оставилъ тамъ на разсмотрѣніе. Военный губернаторъ сей вноситъ [1]) и объявляетъ, гдѣ между прочимъ министры были, графъ Аракчеевъ и князь Голицынъ. Послѣ объявленія монаршей воли

---

[1]) Подробности разслѣдованія дѣла о напечатаніи книги Госнера, произведеннаго военнымъ губернаторомъ Милорадовичемъ, до перенесенія имъ дѣла на разсмотрѣніе комитета министровъ, изложены въ запискахъ Греча. «Русскій Архивъ», 1868 года, 1407—1410.

о семъ графъ Аракчеевъ, заранѣе волю императора на сіе слышавъ, подошелъ къ князю Голицыну и спрашиваетъ: «знаешь ли ты о семъ?» Князь Голицынъ, какъ лукавъ будучи во всемъ, видя себя совершенно виновата, говоритъ: «ей, я ничего не зналъ и не знаю о Госнерѣ никакихъ дѣлъ». Тогда всѣ, приступивъ одинъ по другому, начали говорить князю Голицыну: какъ же быть министромъ, и столь долгое время не знать въ столицѣ и въ собственной своей канцеляріи—что дѣлается? Несмотря ни на что положено, Госнера съ фельдъегеремъ непремѣнно вывезти за границу, а прочее дѣло, обслѣдовавъ, предать суду виновныхъ всѣхъ. Что все было въ апрѣлѣ, и послѣдовалъ отъ 25-го числа указъ Высочайшій на имя Голицына князя. Но еще не было извѣстно и втайнѣ все скрылось. Самъ князь Голицынъ оставался безотвѣтенъ и думалъ востать въ прежней силѣ, все по-своему передѣлать по времени, лестію и коварствомъ вредъ общему благу сотворить. Но какъ не одно дѣло было о Госнерѣ принято за вину при настоящемъ происшествіи, то надобно было, хотя не по формѣ законной, но подвигнуть прочія всѣ дѣла, и Богъ устроилъ тако всему быть

Какія бесѣды послѣднія были съ княземъ Голицынымъ у архимандрита Фотія, и какой указъ о Госнерѣ ему былъ, здѣсь оныя прилагаются. Донесеніе подъ названіемъ: послѣднія бесѣды архимандрита Фотія императору какъ были, такъ и прописываются.

Послѣднія бесѣды архимандрита Фотія съ княземъ Голицынымъ о революціи [1].

1823 года, апрѣля 23-го дня, въ день Св. Великомученика Георгія, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ восхотѣлъ видѣться съ архимандритомъ Фотіемъ и пришелъ къ нему. Вотъ между прочимъ, почти два года [2]) Фотій, увѣщевая его отстать отъ заблужденій, началъ говорить такъ: «умоляю тебя, Господа ради, останови ты книги, кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской, противу всякой святыни, и въ коихъ явно возвѣщается революція, или доложи ты помазаннику Божію». Но онъ, князь Голицынъ, отвѣчалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать? Всѣ университеты и учебныя заведенія сформированы уже для революціи». Я ему сказалъ: «ты яко оберъ-прокуроръ сперва, а теперь министръ духовныхъ дѣлъ и про-

---

[1]) Послѣдующій разсказъ Фотія былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ», 1868 года, книга I, 266—267.

[2]) Архимандритъ Фотій лично познакомился съ княземъ Голицынымъ 22-го мая 1822 года («Русская Старина», 1882 г., мартъ, 776; «Русскій Архивъ», 1869 года, стр. 944) и, значитъ, съ этого самаго времени онъ началъ употреблять мѣры къ его обращенію и исправленію его религіозныхъ воззрѣній.

свѣщенія, могъ бы уже исправить». И сказалъ князь Голицынъ: «не я, а государь виноватъ, который, такого же духа будучи, желалъ». Я же сказалъ князю Голицыну: «но я тебя увѣряю, что можешь еще остановить». Но князь Голицынъ сказалъ: «поздно уже остановить, все уже въ большой силѣ». Видя ложь и дерзость князя Голицына, я дивился: пожалѣлъ о томъ, что два года напрасно употребилъ, обращая его отъ заблужденія. И рѣшился болѣе не видѣться съ княземъ, яко со врагомъ святой церкви и государства.

25-го апрѣля 1824 года, въ часъ пополудни, возжелалъ еще видѣться съ Фотіемъ князь А. Голицынъ и приходитъ онъ къ Фотію. Сей стоитъ у святыхъ иконъ; горитъ свѣща; святыя тайны Христовы предстоятъ; Библія раскрыта (Іер. 23 гл.), входитъ князь, и образомъ яко звѣрь рысь является (Іер. гл. 5, ст. 6), протягиваетъ руку для благословенія. Но Фотій, не давая благословенія, говоритъ тако: «въ книгѣ «Таинство Креста» подъ твоимъ надзоромъ напечатано: духовенство есть звѣрь (т. е. антихристовъ акибы помощникъ), а я Фотій изъ числа духовенства есть іерей Божій, то благословить тебя не хощу, да тебѣ и не нужно оно». Князь Голицынъ сказалъ: «неужели за сіе одно?» Фотій сказалъ: «и за покровительство сектъ, лже-пророковъ и за участіе въ возмущеніи противу церкви съ Госнеромъ; и вотъ на нихъ съ тобою слова Іереміи гл. 23: прочти и покайся!» И сказалъ Голицынъ: «не хощу читать»; и, съ презрѣніемъ ко святымъ взглянувъ, отвратился, побѣжалъ и сказалъ: «не хощу твоей правды слышать». Фотій же сказалъ: «еслибъ ты былъ премудръ по писанію, послушалъ бы ты обличенія, и покаялся бы; но какъ ты все попираешь и не хощешь покаяться; то поразитъ васъ Господь. Я предстану на страшномъ судѣ съ тобою предъ Господа, и всѣ слова мои будутъ тебѣ во обличеніе и во осужденіе. Молю тя, покайся, отрекися отъ лукавыхъ пророковъ, подобныхъ Госнеру». Съ омерзѣніемъ и злобою отвратился князь, побѣжалъ вонъ безъ благословенія, хлопнувъ дверями. Фотій же, отворивъ двери, въ слѣдъ воззвалъ громко: «если ты не покаешься, что зла надѣлалъ церкви и государству, тайно и явно, и все сполна не откроешь царю, не узришь царствія небеснаго и снидеши во адъ» [1]). Аминь.

Юрьевскій архимандритъ Фотій.

1824 года апрѣля 25-го дня вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу.

---

[1]) Словами: «и снидеши во адъ» оканчивается отрывокъ, напечатанный въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей россійскихъ», 1868 года, кн. I, 268.

Указъ князю Голицыну о Госнерѣ и прочемъ.

Господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Санктъ-петербургскій военный генералъ-губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Моего о распространившейся въ здѣшней столицѣ на русскомъ языкѣ печатной книгѣ подъ заглавіемъ: «О Евангеліи отъ Матѳея», которая переведена съ сочиненія пастора римско-католическаго исповѣданія Госнера, на нѣмецкомъ языкѣ изданнаго, и пропущена къ напечатанію цензоромъ статскимъ совѣтникомъ Бируковымъ.

Усмотрѣвъ, что книга сія содержитъ въ себѣ разныя произвольныя толкованія сочинителя на каждый текстъ Евангелія и изъясненія, противныя понятіямъ всякаго исповѣдующаго христіанскую религію и самому гражданскому благоустройству, Я поручилъ комитету министровъ обратить вниманіе на содержаніе сей книги и представить Мнѣ заключеніе свое по сему предмету.

По разсмотрѣніи въ комитетѣ министровъ признано единогласно, что толкованія пастора Госнера кромѣ того, что противны правиламъ всѣхъ исповѣданій христіанской религіи, оскорбительны для господствующей въ государствѣ нашемъ греко-россійской вѣры и содержатъ въ себѣ мнѣнія, клонящіяся къ разрушенію общественнаго благоустройства.

Почему считая обязанностью обратить должную строгость какъ на сочинителя, который осмѣлился публично оглашать такого рода умствованія, такъ равно и на цензора, дозволившаго напечатать оныя на русскомъ языкѣ, Я повелѣваю вамъ истребовать отъ сего послѣдняго объясненія, по какимъ причинамъ могъ онъ пропустить означенную книгу, и внести оное на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Что принадлежитъ до пастора Госнера, то, поелику послѣ сдѣланныхъ комитетомъ министровъ замѣчаній и послѣ обнаруженнаго имъ въ сочиненіи своемъ образа мыслей, не остается уже никакого сомнѣнія въ предосудительности поступковъ его и въ самой чистотѣ предписываемыхъ имъ поученій, Я признаю необходимымъ производившіяся досѣлѣ въ занимаемой имъ квартирѣ собранія для слушанія его проповѣдей воспретить и самого его удалить изъ Россіи; для сего вмѣстѣ съ симъ повелѣлъ Я управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ выпроводить Госнера за границу, на томъ же основаніи, какъ высланъ былъ изъ Одессы пасторъ Линдель и съ такими же пособіями, какія оказаны были въ то время Линделю.

За симъ, для отвращенія на будущее время, чтобы подобныя сочиненія и впредь не могли быть перепечатаемы на русскомъ языкѣ, поручено вамъ снестись съ преосвященнымъ митрополитомъ Серафи-

момъ, на какомъ основаніи признаетъ онъ соотвѣтственнѣйшимъ установить цензуру всѣхъ сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ на русскомъ языкѣ, по предметамъ, до вѣры относящимися, и мнѣніе его, совокупно съ собственнымъ вашимъ заключеніемъ, внести въ комитетъ министровъ на разсмотрѣніе.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

Царское Село
25-го апрѣля
1824 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ съ половины августа до половины сентября настоящаго года.

Львовъ, А. Замѣтки по поводу ареста участниковъ второй Камчатской экспедиціи. – «Русск. Арх.», 1895, № 6.

Письма В. А. **Жуковскаго** къ А. И. Тургеневу (изъ Дерпта въ Петербургъ, 1815), съ примѣчаніями И. А. Бычкова.—«Русск. Арх.», 1895, № 6.

Савеловъ, Л. М. Воронежскій городъ Коротоякъ (по поводу его 250-ти лѣтія).—«Русск. Арх.», 1895, № 6.

Мансуровъ, А. П. Петръ Великій въ городѣ Касимовѣ (1722). — «Русск. Арх.», 1895, № 6.

Семеновъ, М. О. Андрей Николаевичъ Муравьевъ въ послѣдніе годы своей жизни.—«Русск. Арх.», 1895, № 6.

Письмо А. Н. **Муравьева** къ А. П. Озерову.—«Русск. Арх.», 1895, № 6.

Изъ воспоминаній разныхъ лицъ о Николаѣ Павловичѣ и его времени.—«Русск. Арх.», 1895 № 6.

Изъ Записокъ А. О. **Смирновой.** — «Русск. Арх.», 1895, № 6.

«Журналъ біографическій моей жизни». — Памятныя замѣтки Русскаго офицера (Ганноверскій походъ 1805 г. Прусская кампанія 1807 года).—«Русскій Архивъ», 1895, № 6.

Титовъ, А. Еще нѣсколько словъ о селѣ Капцевѣ-Богородцкомъ. — «Русскій Архивъ», 1895, № 6.

Мартыновъ, А. А. Надгробная лѣтопись Москвы. — «Русскій Архивъ», 1895, № 6.

Воспоминанія А. В. **Эвальда.** I—II (продолженіе). «Ист. Вѣст.», 1895, № 8.

Кругловъ, А. В. Пестрыя странички. Изъ литературныхъ воспоминаній. I. «Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Чеховъ, Ал. П. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ. «Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Титовъ, А. А. Учемская Кассіанова пустынь. «Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Брикнеръ, А. Г. Проф. Екатерина II и французская революція. – «Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Тридцати-пятилѣтіе дѣятельности А. И. Зубчанинова.—«Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Медвѣдскій, К. П. Современные литературные дѣятели. С. Н. Терпигоревъ (Сергѣй Атава).—«Истор. Вѣст.», 1895, № 8.

Ясинскій, I. I. Нѣсколько словъ о С. Н. Терпигоревѣ.—«Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Львовъ, А. Н. Абиссинія и православный Востокъ въ прошломъ столѣтіи.—«Истор. Вѣстн.», 1895, № 8.

Майковъ, П. Письмо императрицы Екатерины II.—Сообщенія и Извѣстія. «Русскій Вѣстникъ», 1895, № 8.

Б—овъ, И. Н. Н. И. Хмельницкій (къ предстоящему 50-лѣтію его кончины). Сообщенія и Извѣстія. «Русскій Вѣстникъ», 1895, № 8.

Б—овъ, И. Н. Графъ Е. Ф. Канкринъ и его двадцатилѣтнее управленіе русскими финансами (окончаніе). «Русскій Вѣстникъ», 1895, № 8.

Старый читатель. Изъ лѣтописи нашей журналистики. (Изъ воспоминаній стараго читателя) 1836-й годъ. (Продолж.)—«Русск. Вѣст.», 1895, № 8.

Мальшинскій, А. П. Изъ прошлаго нашихъ Прибалтійскихъ губерній.—«Русск. Вѣстн.» 1895, № 8.

Пыпинъ, А. Н. Начало девятнадцатаго вѣка.– «Вѣст. Евр.» 1895, № 8.

Висковатовъ, П. А. Проф. Задачи русской литературы. (Вступ. лекція).—«Русск. Обозр.», 1895, № 8.

Архангельскій, А. С. Проф. С. Т. Аксаковъ (продолж.).—«Русск. Обозр.» 1895, № 8.

Князь **Ш.,** Н. В. Обстоятельства оставленія Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ службы въ Моск. Дух. Акад.—«Русск. Обозр.», 1895, № 8.

Макъ-Гаханъ, В. Н. Поступательное движеніе православія въ Соед. Штатахъ. (Письмо изъ Нью-Iорка).—«Русское Обозрѣніе», 1895, № 8.

Черняевъ, Н. И. О русскомъ самодержавіи. Главы I—XVI. — «Русское Обозрѣніе», 1895, № 8.

Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Письмо къ О. А. Новиковой И. С. **Аксакова**; 2) Неизданное стихотвореніе Б. Н. **Алмазова**.—«Русск. Обозр.», 1895, № 8.

Уманьскій, А. Адамъ Мицкевичъ. Историко - литературный этюдъ. — «Русск. Богат.», 1895, № 7.

Григорьевъ, А. А. Одинокій критикъ.—«Книжки Недѣли», 1895, № 8.

Петровъ, Н. И. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь.—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, № 7.

Титовъ, Ѳ. И. Московскій митрополитъ Макарій Булгаковъ (продол.).—«Труды Кіев. Дух. Акад.», 1895, № 7.

Лебедевъ, Е. М. Спасскій монастырь въ Казани, историч. описаніе.—«Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Каз. Унив.» т. XII, вып. 6.

Васильевъ, А. В. Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ.—«Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Казан. Унив.» т. XII, вып. 6.

Пономаревъ, П. А. О началѣ «Нѣмецкаго гулянья» въ Казани.—«Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Каз. Унив.», т. XII, вып. 6.

Пономаревъ, П. А. Вопросъ объ открытіи Городской Публич. Библіотеки въ Казани. — «Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Казан. Унив.» т. XII, вып. 6.

Износковъ, И. А. Матеріалы для историко-археологич. обозрѣнія Спасскаго уѣзда Казанской губ. I. Бассейнъ р. Ахты.—«Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Казан. Унив.» т. XII, вып. 6

Назаровъ, Е. Копія съ опредѣленія Елецкой провинціал. канцеляріи. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.» 1895, вып. I.

Назаровъ, Е. Челобитная Елецкаго Богородицкаго дѣвичьяго монаст. игуменіи Пелагіи съ сестрами. (1751 г.) — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.». 1895, вып. I.

Назаровъ, Е. О Елецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Пупаревъ, А. Распоряженіе правителя Орловскаго намѣстничества С. А. Неплюева по случаю неурожая въ 1787 году.—«Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Пупаревъ, А. Черты изъ временъ крѣпостнаго права. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Пупаревъ, А. По Высочайшему повелѣнію о снятіи траура (1797 г.). — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Минюшскій, Ф. П. О родѣ князей Пожарскихъ. (Съ прилож. родословной таблицы).—«Труды Рязан. Учен. Арх. Коммис.», 1895, т. X, вып. 1-й.

Риттихъ, А. Ф. Карта Славянскихъ поселеній въ З. Евр. въ древности.—«Труды Рязан. Учен. Архив. Комм.», 1895, т. X, вып. 1-й.

Добролюбовъ, Я. К. Вкладная книга Николо-Радовицкаго монастыря. — «Труды Рязан. Учен. Архив. Комм.», 1895, т. X, вып. 1-й.

Яхонтовъ, С. Д. Переяславль—Рязанская провинція въ XVIII в.—«Труды Рязан. Учен. Арх. Комм.», 1895, Т. X, вып. 1-й.

Яхонтовъ, С. Д. Пронскій кладъ.—«Труды Рязан. Учен. Арх. Комм.», 1895, Т. X, вып. 1-й.

Повалишинъ, А. Д. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. — «Труды Рязан. Учен. Архив. Комм.», 1895, т. X, вып. 1-й.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъ подъ Севастополемъ (продолженіе). — «Военный Сборникъ», 1895, № 8.

Участникъ. Оборона Шипки. Боевая служба и жизнь артиллеріи на Шипкѣ.—«Военный Сборникъ», 1895, № 8.

Ивановскій, Н. Памяти отца архим. Павла, настоятеля Моск. единовѣрческаго монастыря.—«Прав. Собес.», 1895, №№ 6 и 7.

Ильминскій, Н. Записка Н. И. Ильминскаго по вопросу объ отпаденіяхъ крещеныхъ татаръ Казан. губ. 1881 года.—«Прав. Собес.», 1895, №№ 6 и 7.

Линниченко, И. А. Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной Галицкой Руси XIV—XV в. — Изслѣдованіе. — «Ученыя Записки Имп. Моск. Унив.», вып. XX. 1894.

Назаровъ, Е. О Елецкой Богоявленской церкви. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Назаровъ, Е. Изъ лѣтописи церкви села Петропавловскаго, Елецкаго уѣзда. — «Труды Орлов. Учен. Архив. Комм.», 1895, вып. I.

Леонтовичъ, Ѳ. И. Проф. Панскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. — «Варш. Унив. Извѣстія», 1895, V.

Александренко, В. Н. Проф. Русская посольская церковь въ Лондонѣ въ

XVIII вѣкѣ. — «Варш. Унив. Извѣстія», 1895, V.

Моргулисъ, М. Г. Изъ моихъ воспоминаній.—«Восходъ», 1895, № 7.

Грюнвальдъ, М. Поселеніе евреевъ на Балканскомъ полуостровѣ.—«Восходъ», 1895, № 7.

Беркенгеймъ, А. М. Колонизаціонное движеніе русскихъ евреевъ въ Палестину и Аргентину. (Продолженіе).— «Восходъ», 1895, № 7.

Дубновъ, С. М. Евреи и реформація въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ.—«Восходъ», 1895, № 8.

Императрица Екатерина II и принцъ де-Линь. — «Вѣстн. Ин. Лит.», 1895, № 8.

Ровинскій, Д. А. Некрологъ.—«Обзоръ Первой Всерос. Выст. Печ. Дѣла», 1895, № 31.

Бахтіаровъ, А. Начатки литературы при Петрѣ Великомъ.—«Обзоръ Первой Всерос. Выст. Печ. Дѣла», 1895, №№ 31, 32.

Романовскій, Наказъ Императрицы Екатерины II, какъ предметъ исторической бесѣды.—«Гимназія», 1895, № 4.

Марковъ, Н. Сочиненія А. С. Грибоѣдова, помимо «Горя отъ Ума».— «Гимназія», 1895, № 3.

Ельницкій, К. Три воспоминанія о бывшихъ педагогическихъ курсахъ военнаго вѣдомства. — «Гимназія», 1895, № 2.

Демковъ, М. Исторія русской педагогіи.—«Гимназія», 1895, №№ 2—5.

Петровъ, И. И. О смутномъ времени.—Два чтенія. Изд. 4-е Постоян. комм. по устр. народ. чтеній. Спб. 1895.

Труворовъ, А. Н. Обзоръ дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій за 1892—1893 гг.— Спб. 1895.

Потемкинъ, Б. Д. На поляхъ Бородина 15 апр. 1895 г. Спб. 1895.

Дитмаръ, Сергѣй. Памяти Царя-Праведника и Великаго Миротворца, Императора Александра III. — Спб. 1895.

Кулаковскій, П. А. Проф. Памяти Павла Іосифа Шафарика. — Рѣчь въ торжеств. засѣданіи Славян. Общ. 11 мая 1895 г.—Спб. 1895.

Паршенъ, И. Б. Шт.-кап. Памятка 27-го пѣхотнаго Витебскаго полка.— Спб. 1895.

Ермоловъ, Г. П. Памфлетъ на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. (Изъ «Чт. въ Имп. Общ. Исторіи и Древн. Росс.» за 1894, кн. III, т. 174).—Москва, 1895.

Бороздинъ, А. К. Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ. Спб. 1895.

Сторожевъ, В. Н. Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка. — Рефератъ, читанный въ первомъ общемъ собраніи членовъ IX-го Археол. Съѣзда.—Москва, 1894.

Алексѣевскій, А. И. Памяти Императора Всероссійскаго Александра III.— Спб. 1895.

Полисадовъ, Г. А. Высокопр. Макарій, бывшій архіеп. донской и бывшій епископъ нижегород. Біографич. очеркъ.—Нижній-Новгородъ, 1895.

Карелинъ, М. С. и Кн. С. **Трубецкой**. Въ память А. М. Иванцова-Платонова. — Рѣчи, читанныя въ Моск. Ист. Общ. 5 марта 1895 г.—Москва, 1895.

Самсоновъ, Г. Изъ частныхъ записокъ старослуживаго.—Москва, 1895.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга 5-ая. Саратовъ, 1894.

Шереметевъ, Сергій, графъ. Псково-Печерскій монастырь. Спб. 1895.

Соловьевъ, Л. Ѳ. Краткая исторія г. Углича.—Спб. 1895.

Блехъ, Іосифъ. Устройство финансоваго управленія и контроля въ Россіи въ историч. ихъ развитіи.—Спб. 1895.

Шесть лѣтъ въ домѣ графа Л. Н. Толстаго. — Записки г-жи Анны **Сейронъ**. Перев. съ нѣмец. А. Сергіевскаго.—Спб. 1895.

Поповицкій, А. И. Для друзей.—Два юбилея его литературной дѣятельности.—Спб. 1895.

Потто, В. Исторія 44-го Драгунскаго Нижегородскаго Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича полка. Томъ VIII. Спб. 1895.

Александровъ, А. Феодальное земство. — Отвѣтъ г. Зиновьеву на его «Опытъ изслѣдованія земскаго устройства Лифляндской губерніи». — Спб. 1895.

Лихачевъ, Н. П. Книгопечатаніе въ Казани за первое пятидесятилѣтіе существованія въ этомъ городѣ типографій.—Спб. 1895.

Таренецкій, А. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Имп. Военно-Медиц. Академіи за сто лѣтъ. Историческій очеркъ.—Спб. 1895.

Егоровъ, М. Дѣйствія нашихъ войскъ въ Чечнѣ съ конца 1852 г. по 1854 г. «Кавказскій Сборникъ», т. XVI, Тифлисъ, 1895.

Фонъ-Климанъ, Ф. Война на Восточн Кавказѣ съ 1824 по 1834 г. въ связи съ мюридизмомъ (продолж.). — «Кавказск. Сборн.», т. XVI, Тифлисъ, 1895.

К. Обзоръ событій на Кавказѣ въ 1846 г. (продолж.).—«Кавказскій Сборникъ», т. XVI, Тифлисъ, 1895.

Чудиновъ, В. Имеретинская неурядица въ 1809 и 1810 г. (Окончаніе).—«Кавказскій Сборникъ», т. XVI, Тифлисъ, 1895.

Бриммеръ, Э. В. Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ I Кадетскомъ Корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 г. (Продолж.).—«Кавказскій Сборникъ», т. XVI. Тифлисъ, 1895.

Счастливыя и тяжелыя минуты крейсера «Воевода». — Воспоминаніе конвоира Имп. яхты въ Данію въ 1893 г. Спб. 1895.

Василенко, Н. Историч. свѣдѣнія о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. — Съ приложеніемъ герба и родословной таблицы.—Кіевъ, 1895.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. Николай Михайловичъ Карамзинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. (Статья изъ «Біографич. словаря русск. дѣятелей», издаваем. Имп. Рус. Ист. Общ.). Спб. 1895.

Андріевскій, А. Первый русскій книгопечатникъ. — Изд. 3-е, безъ перемѣны, Кіев. Ком. Народ. Чтеній. — Кіевъ, 1895.

Ефименко, А. Очерки исторіи правобережной Украйны. — Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1895.

Голубевъ, С. Матеріалы для исторіи западно-русской церкви (Изъ IX кн. «Чтен. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп.»). Кіевъ, 1895.

Пѣтуховъ, Е. В. Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850).—Второе изд., свѣренное по подлинникамъ, исправл. и пополн. (съ 2-мя фототип. снимк.). Кіевъ, 1895.

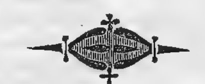
Александровъ, В. С. Двадцатипятилѣтіе Кіевской женской гимназіи Министерства Нар. Просв. Кіевъ, 1895.

Ренненкампфъ, Н. К. Проф. Рѣчь, сказанная въ лютеранской кирхѣ 9 іюня, при выносѣ тѣла Предсѣдателя Комитета Министровъ Николая Христіановича Бунге, Кіевъ, 1895, № 16.

Дѣдовъ, М. Г. Царь - Миротворецъ Александръ III Александровичъ. Его жизнь, дѣятельность и кончина. Новгородъ, 1895.

Гончаровъ, В. Скорбные дни въ Тифлисѣ о въ Бозѣ почившемъ В.-К. Алексѣѣ Михаиловичѣ, Тифлисъ, 1895.

Запольскій, М. Памятка кавказскихъ стрѣлковъ о русско-турецкой войнѣ 1877—1878. Тифлисъ, 1895.



Историческій музей при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Милостивый Государь
Г. Редакторъ.

Позвольте при посредствѣ Вашего уважаемаго изданія довести до свѣдѣнія лицъ, интересующихся исторіей просвѣщенія русскаго общества, объ организаціи историческаго музея Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный Монастырь). Прилагаемая при семъ программа музея дастъ многимъ возможность содѣйствовать этому дѣлу какъ доставленіемъ указанныхъ въ ней предметовъ и сообщеніемъ о мѣстѣ ихъ нахожденія, такъ и распространеніемъ свѣдѣній о собираніи памятниковъ, цѣнныхъ для исторіи образованія русской женщины.

Организаторъ музея **Н. Карцовъ.**

ПРОГРАММА

организаціи Историческаго музея при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Со времени своего основанія ИМПЕРАТОРСКОЕ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и состоявшее при немъ Александровское Училище неоднократно удостоивались высокаго вниманія и милостей Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи; многія лица, выдававшіяся въ исторіи образованія русскаго общества, группировались около этого учрежденія, и многія измѣненія въ воззрѣніяхъ Правительства на дѣло воспитанія и обученія ярко отражались въ жизни этого перваго по времени Правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи. Все это представляетъ большой интересъ для исторіи образованія русской женщины, и потому Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго Института постановилъ организовать при первомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній музей, который комплектовали бы слѣдующіе предметы.

1) Письма Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, имѣвшія связь съ жизнью Общества благородныхъ дѣвицъ и состоявшаго при немъ Александровскаго Училища.

2) Произведенія искусствъ, книги и другіе предметы, пожертвованные Членами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи.

3) ВЫСОЧАЙШІЕ рескрипты, данные на имя учрежденія, а также выдающіяся постановленія относительно учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя этого заведенія.

4) Планы зданій въ разное время, гравюры и вообще предметы, интересные для исторіи этого учрежденія.

5) Литературные и художественные труды, а также мемуары бывшихъ воспитанницъ и указанія на ихъ выдающуюся семейную или общественную дѣятельность.

6) Портреты выдававшихся дѣятелей, литературные, художественные и ученые труды служившихъ, а также служащихъ при этомъ учебномъ заведеніи.

7) Учебныя программы, классныя записки и учебники за разное время.

8) Сочиненія и отзывы постороннихъ лицъ, касающіеся этого учебнаго заведенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что лица, интересующіяся исторіей умственнаго и нравственнаго образованія русской женщины, и въ особенности лица, близко стоявшія или стоящія къ названному учрежденію, будутъ содѣйствовать основанію такого музея и не откажутся доставить означенные предметы въ Канцелярію заведенія на имя организатора музея Николая Сергѣевича Карцова, который и обязуется вести письменные и устные переговоры по всѣмъ подобнаго рода дѣламъ. Кромѣ такихъ пожертвованій, которыя будутъ отмѣчаться особыми записями, принимаются и указанія на мѣстонахожденіе подобныхъ историческихъ памятниковъ.

Всякое же заявленіе о возвращеніи владѣльцу представленныхъ предметовъ или документовъ будетъ тотчасъ же выполнено по снятіи съ нихъ копій или фотографическаго снимка.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
на 1896 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Въ 1896 году
УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на

I) отдѣлъ оффиціальный — и

II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщемы:

А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библіографическіе обзоры и т. п.

Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложеній, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ *М. Дьяконовъ.*

«Отсутствіе исторіи нашей конной артиллеріи, появленіе которой оказало бы несомнѣнно пользу нашему военному дѣлу, заставило меня ко дню столѣтія (29-го сентября 1894 года), хотя кратко, напомнить о болѣе значительныхъ событіяхъ въ исторіи этого рода оружія и о тѣхъ лицахъ, которыми гордится конная артиллерія, и память о доблести которыхъ должна жить среди конныхъ артиллеристовъ и возрождать въ молодомъ поколѣніи стремленіе поддержать ту славу, которая завѣщана имъ отцами нашей конной артиллеріи, и благодаря которой наши монархи питали къ конной артиллеріи особое чувство расположенія. Это была высокая награда за тѣ доблести, которыя она проявляла».

Отличительныя свойства конной артиллеріи, какъ особаго рода оружія, заключаются, по словамъ автора, единственно въ производствѣ движеній и дѣйствій со скоростью, невозможной для ѣздящей артиллеріи, и въ духѣ истинно кавалерійскомъ: смѣло, лихо, даже отважно. Если конная артиллерія не обладаетъ этими свойствами, она безполезна и излишня, какъ особый родъ оружія; ее могутъ съ удобствомъ замѣнить хорошія ѣздящія батареи. Русская конная артиллерія всегда обладала и донынѣ обладаетъ этимъ свойствомъ въ превосходной степени.

Трудъ г. Потоцкаго распадается на двѣ части: первая имѣетъ предметомъ начало конной артиллеріи. (Въ январѣ 1794 года, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе артиллеріею, графъ Зубовъ, заинтересовавшись идеею объ образованіи самостоятельнаго артиллерійскаго отряда, для придавія его коннымъ полкамъ, «чтобы подать конницѣ, въ обращеніяхъ своихъ быстро и стремительно подвигающейся, такую же помощь, какую обыкновенная артиллерія подаетъ пѣхотѣ»,—пожелалъ «видѣть опытъ конной артиллеріи, которой донынѣ здѣсь еще введено не было»), вторая же часть посвящена краткой боевой хроникѣ этого оружія.

Книга эта состоитъ изъ десяти главъ четкимъ, красивымъ шрифтомъ, на прекрасной бумагѣ напечатаннаго текста, написаннаго къ тому же хорошимъ языкомъ, со множествомъ примѣчаній; въ концѣ книги помѣщены приложенія, числомъ 19. Портреты и рисунки, исполненные фототипіей А. Вильборга, воспроизведены прекрасно.

Заканчиваетъ свой историческій очеркъ г. Потоцкій слѣдующими словами С. Г—и (С. Н. Глинки?): «Каждый шагъ, каждое дѣяніе защитниковъ отечества напечатлѣвайте въ памяти и сердцахъ вашихъ дѣтей отъ самой колыбели; путями русскихъ героевъ учите ихъ идти къ чести и славѣ. Кто не знаетъ своихъ героевъ, кто не знаетъ славы, можетъ ли тотъ любить честь и славу?».

Н. Кашкадамовъ.

Ѳед. Дмитріевъ. Исторія Брянска. Орелъ. 1894 г.

Передъ нами небезъинтересный историческій очеркъ города Брянска, основаннаго въ первой половинѣ, вѣрнѣе — въ первой четверти XII столѣтія.

По словамъ автора, Брянскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописи по слѣдующему поводу: Изяславъ Мстиславовичъ, великій князь кіевскій, соединившись съ Владиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами, князьями черниговскими, началъ на Святослава Ольговича новгородъ-сѣверскаго, который въ то время владѣлъ Брянскомъ. Спасаясь отъ ихъ преслѣдованій, Святославъ покинулъ свою столицу Новгородъ-Сѣверскъ и удалился въ Карачевъ; за нимъ отправился въ погоню Изяславъ Давыдовичъ черниговскій. Узнавъ, что Святославъ Ольговичъ остановился въ Карачевѣ, Изяславъ, въ свою очередь, расположился лагеремъ недалеко отъ этого города въ Болдыжѣ. Дальнѣйшее бѣгство Святослава становилось безполезнымъ: онъ рѣшился вступить въ бой съ преслѣдовавшимъ его непріятелемъ. Въ битвѣ, происшедшей 16-го января 1146 года, черниговскія войска были разбиты. Но эта побѣда Святослава Ольговича не улучшила его положенія; на помощь Изяславу прибылъ самъ великій князь и также расположился лагеремъ за Болдыжскимъ лѣсомъ. Тогда Святославъ Ольговичъ покинулъ Карачевъ и удалился въ Брянскъ. Вотъ здѣсь-то въ первый разъ Брянскъ и упоминается въ лѣтописи (Лѣтопись Никонова, 2 т. 93 стр.). Давыдовичи не прекращали своихъ преслѣдованій, и Святославъ принужденъ былъ уступить имъ и этотъ городъ (У Карамзина: «князья черниговскіе выгнали Святослава изъ Брянска, Козельска, Дѣдославля...» «Истор. гос. Росс.», 2 т. 214).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Дмитріевъ, на основаніи трудовъ авторитетныхъ историковъ (Карамзина, Соловьева, Татищева, Погодина, Щербатова, и друг.), рисуетъ полную картину исторической жизни города Брянска. Въ концѣ книги помѣщены примѣчанія, свидѣтельствующія, что авторъ немало поработалъ надъ историческими сочиненіями для составленія Исторіи Брянска.

Н. Кашкадамовъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXVI-й. ДЕКАБРЬ 1895 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза», Большая Подъяческая, 39.

1895.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1895 г.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ седьмой. Изданъ подъ редакціею Н. Дубровина. XII + 482. Спб. 1895 г.

Седьмой выпускъ издающагося съ Высочайшаго соизволенія Сборника историческихъ матеріаловъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ: I. Высочайшіе указы, рескрипты и повелѣнія императора Николая I, съ 1826 по 1831 гг. (числомъ 155 № №), и II. Высочайшія повелѣнія, объявленныя статсъ-секретаремъ Муравьевымъ (числомъ 8 № №).

Второй отдѣлъ составляютъ: I. Записка о внутреннемъ управленіи въ Россіи, представленная императору Александру Павловичу въ августѣ 1818 г. II. Мнѣніе украинскаго помѣщика, В. Н. Каразина, выраженное послѣ бесѣды съ своими собратіями объ указѣ 23-го мая 1816 г. и объ эстляндскихъ постановленіяхъ. III. Посланіе россійскаго дворянина къ князю Ник. Гр. Репнину. IV. Къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. V. Замѣчаніе относительно должности генералъ-губернатора (мнѣніе генералъ-губернатора Клокачева, поданное императору 30 іюня 1821 г.). VI. Записки о гернгутерахъ. VII. О состояніи внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ и средствахъ къ ихъ улучшенію. VIII. Переписка барона Б. Б. Кампенгаузена съ графомъ Аракчеевымъ, 1816—1817 гг. IX. Рѣчь графа Сиверса о народномъ образованіи, 26 декабря 1818 г. X. Донесенія по управленію Бессарабскою областью полномочнаго намѣстника Бессарабской области, генералъ-лейтенанта Бахметева. XI. Къ вопросу объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. XII. Всеподданнѣйшее письмо и записка статсъ-секретаря Н. Муравьева, о владѣніи землями безъ обладанія живущими на нихъ крестьянами, 30 марта 1824 г.

Въ концѣ этого Сборника, составляющаго, безспорно, солидный вкладъ въ нашу историческую литературу, помѣщенъ Алфавитный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, что значительно облегчаетъ справки.

По внѣшности книга издана прекрасно: на хорошей бумагѣ, четкимъ и красивымъ шрифтомъ.

Н. Кашкадамовъ.

Пятидесятилѣтіе книжнаго и картиннаго производства фирмы И. А. Голышева въ слободѣ Мстерѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. 7 декабря 1844—1894 гг. Съ портретомъ И. А. Голышева. Составлено подъ редакціею секретаря Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета Н. П. Шипина. Владиміръ на Клязьмѣ. 1895 г.

Среди лицъ, послужившихъ на пользу отечественной археологіи, давнимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ пользуется имя Ивана Александровича Голышева. Замѣчательныя изданія различныхъ памятниковъ русской старины: древностей церковныхъ, синодиковъ, пряничныхъ досокъ, лубочныхъ картинокъ и т. п. составили ему почетную извѣстность неутомимаго и безкорыстнаго труженика въ сферѣ изученія народнаго быта и народнаго творчества въ нашемъ обширномъ отечествѣ. Крестьянинъ по происхожденію, бывшій крѣпостной, своего рода самоучка, упорнымъ трудомъ и настойчивою энергіею пробившій себѣ дорогу и не уклонившійся отъ разъ намѣченной цѣли, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, И. А. Голышевъ можетъ быть названъ истиннымъ сыномъ роднаго ему Суздальско-Московскаго края, въ теченіе многихъ вѣковъ дававшаго намъ славныхъ личностей, типичной чертою которыхъ всегда была неуклонная воля, выдержка характера, благородное упрямство, выносливость, смѣтка, ясный и трезвый умъ.

7-го декабря 1894 года исполнилось ровно 50 лѣтъ съ того дня, когда покойный Александръ Кузьмичъ Голышевъ, отецъ Ивана Александровича, началъ свою книжную дѣятельность. Фирма Голышева, удовлетворяя въ теченіе полувѣка духовнымъ и нравственнымъ потребностямъ народа, является единственной въ этомъ краѣ фирмой, существующей такой продолжительный періодъ времени. Одинъ этотъ фактъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ той энергіи, того неустаннаго труда, съ которыми велось книжное и картинное дѣло на пользу не только мѣстную, но и вообще на пользу

Дозв ценз. Спб. 26 октября 1895 г. Тип. Тов. „Общ. Польза“, Б. Подъяч., № 39.

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

(† 21 февр. 1895 г.)

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1895 г.

ДЕКАБРЬ.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1895.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «**РУССКАЯ СТАРИНА**», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разработывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала на страницахъ «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современнаго имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «**РУССКОЙ СТАРИНЫ**» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣйствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ѳ. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьева, Н. Ѳ. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, П. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе разсказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Отзывы о содержаніи историческихъ статей, помѣщаемыхъ какъ въ разныхъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ, такъ и въ общихъ литературныхъ; 12) Народная словесность; 13) Архивные документы, 14) Родословія.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелаютъ получить двѣ части **Записокъ В. А. Инсарскаго,** которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ **1** р.

Войсковыя части могутъ выписывать «**РУССКУЮ СТАРИНУ**» чрезъ редакцію «**Досугъ и Дѣло**».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

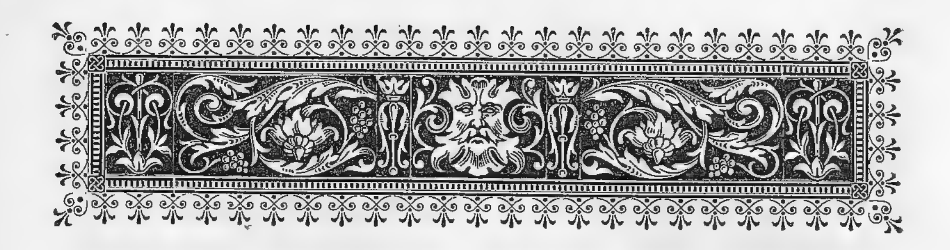
М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

= Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги **непосредственно** въ главную контору, въ Петербургъ, **Фонтанка, 145**. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. =

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».



КНЯЗЬ В. А. ЧЕРКАСКІЙ

и

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ ВЪ БОЛГАРІИ.

1877—1878 гг.

ГЛАВА XI [1]).

Тревожное время послѣ отъѣзда главнокомандующаго изъ Тырнова.

Неожиданность отъѣзда великаго князя.—Приказаніе генералу Гурко возвратиться.—Опасенія за судьбу забалканскихъ христіанъ.—Заявленіе генерала Радецкаго о недостаткѣ въ войскахъ хлѣба.—Совѣщаніе у князя Черкаскаго.—Интендантство защищаетъ товарищество Грегера, Горвица, Когана и К°.—Вызовъ главной квартиры въ Горный Студень.—Тревожное состояніе умовъ въ Тырновѣ.—Маркъ Балабановъ.

Отбытіе главнокомандующаго изъ Тырнова было сигналомъ къ отъѣзду офицеровъ генеральнаго штаба, адъютантовъ и прочихъ лицъ ближайшей свиты великаго князя. Къ обѣду 19-го іюля собралось всего человѣкъ двадцать, а къ утру 20-го іюля на мѣстѣ бивуака остались только князь Черкаскій, я, священникъ и діаконъ. Внизу бивуака, внѣ стѣнъ сада, оставались еще комендантъ съ своимъ управленіемъ, большая часть штаба, гражданская канцелярія и конвойный батальонъ. Все остальное ушло.

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1895 года.

*

Гражданское управленіе, до полученія телеграммы систовскаго губернатора о паникѣ въ городѣ, было въ полномъ невѣдѣніи о всемъ происходившемъ. До такой степени мы ничего не знали о совершившихся обстоятельствахъ, что въ самый день отъѣзда главнокомандующаго, у князя Черкаскаго состоялось, назначенное прежде на этотъ день, совѣщаніе объ образованіи личнаго состава служащихъ для Филиппопольскаго санджака. Еще наканунѣ князь Черкаскій получилъ личное приказаніе главнокомандующаго немедленно приготовить полковника Г. И. Бобрикова къ выѣзду за Балканы для открытія тамъ гражданскаго управленія. Приказаніе это было отдано въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ и не было отмѣнено въ моментъ выѣзда изъ Тырнова.

Депеша Герова освѣщала обстоятельства зловѣщимъ свѣтомъ. Новая неудача подъ Плевною являлась пораженіемъ, вызвавшимъ панику въ пунктѣ единственной, устроенной нами, переправы черезъ Дунай Очевидно было, что отъѣздъ главнокомандующаго изъ Тырнова и вторая Плевна совершенно измѣнили ту обстановку, при которой главная квартира была выдвинута впередъ подъ самыя Балканы, а отрядъ генерала Гурко посланъ на ту сторону горъ. Хотя до 10 часовъ вечера, 20-го іюля, въ Тырновѣ еще не было никого изъ очевидцевъ второй Плевны, но до полученія телеграммы Герова стало уже яснымъ, что на подкрѣпленіе генерала Гурко новыми войсками разсчитывать невозможно, а слѣдовательно, отрядъ этотъ, по необходимости, долженъ былъ возвратиться на сѣверную сторону Балканъ. Это возвращеніе назадъ было, въ сущности, предоставленіемъ въ полную власть турокъ всей «долины розъ», которая, съ приходомъ генерала Гурко, выгнала отъ себя почти все турецкое населеніе, причемъ были произведены страшныя избіенія мусульманъ. Болгары, столь долгое время бывшіе безотвѣтными рабами турокъ, увидя ихъ разбитыми и униженными, съ неудержимою ненавистью и местью набросились на тѣхъ мусульманъ, что не успѣли бѣжать съ войсками. Турецкіе дома были разграблены, мечети разрушены, а множество турокъ перебито самымъ безжалостнымъ образомъ. Расправа народной немезиды была ужасна, хотя понятна. Словомъ, за Балканами повторилось, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, то, что было уже сдѣлано въ Дунайской Болгаріи.

Войскамъ пришлось дѣйствовать энергично, чтобы оградить порядокъ и въ Казанлыкѣ; былъ поставленъ гарнизонъ изъ двухъ сотенъ казаковъ, и учреждены тамъ военно-полицейскія власти.

Сознаваемая неизбѣжность возвращенія отряда генерала Гурко выдвигала впередъ грозный вопросъ: «Что будетъ съ Казанлыкомъ и со всею «долиною розъ»?» Примѣры Беброва и Ловчи давали самыя тревожныя предсказанія. Казанлыку и всей южной Болгаріи, въ той ея части, которая видѣла наши войска, грозило страшное разореніе и отмщеніе, и тѣмъ большее, что сами болгары, въ дни упоенія надеждою на свое освобожденіе, дѣйствительно, были жестоки съ турецкимъ населеніемъ.

Участь Казанлыка сильно озабочивала князя Черкаскаго, и онъ, 20-го числа, поѣхалъ къ командиру 8-го корпуса, генералу Радецкому, командовавшему войсками въ окрестностяхъ Тырнова и въ Балканахъ. Князь Черкаскій хотѣлъ познакомить его съ полученными изъ Систова свѣдѣніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить о возможно сильномъ занятіи Казанлыка, полагая, что мы сохранимъ этотъ важный пунктъ за собою, во всякомъ случаѣ. Полученныя отъ генерала Радецкаго свѣдѣнія были весьма неутѣшительны. Оставляя Тырново, главнокомандующій снялъ съ генерала Гурко отвѣтственность за ходъ дѣлъ за Балканами и приказалъ ему возвратиться. Радецкому поручено было укрѣпить Шипку и держаться во что бы ни стало, отправя лишнія тяжести назадъ. Куда? Итакъ, всѣ надежды на спасеніе южной Болгаріи слѣдовало бросить; населенію ея, самому богатому и развитому во всей странѣ, предстояла неминучая гибель.

Вечеромъ того же 20-го числа, получено было изъ-за Балканъ, отъ полковника Соболева, извѣстіе о занятіи генераломъ Гурко, послѣ удачнаго боя 18-го іюля, города Эни-Загры. Извѣстіе это еще болѣе усилило опасенія за Болгарію; турецкимъ репрессаліямъ расширялось поле дѣйствій, и увеличивалось число пунктовъ, гдѣ были русскія войска и гдѣ мѣстное христіанское населеніе проявило свои чувства преданности освободителямъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ отряда генерала Гурко, уже отозваннаго изъ-за Балканъ, гроза турокъ навлекалась на большее и большее пространство Забалканскаго края.

Во всякомъ случаѣ, князь Черкаскій счелъ себя обязаннымъ о занятіи Эни-Загры довести до свѣдѣнія главнокомандующаго. Такъ какъ мѣсто пребыванія его было неизвѣстно, то заготовлена была телеграмма въ Бѣлу, на имя военнаго министра, съ просьбою сообщить извѣстіе великому князю. Молодой дипломатъ, г-нъ Вурцель, посланный съ этою телеграммою на станцію военнаго телеграфа, вернулся съ неудачей. Сообщеніе съ Бѣлой было прервано, такъ какъ линія между Бѣлой и Поликраэшти была испорчена на десять верстъ, причемъ часть столбовъ порублена, а проволока унесена. Гдѣ, какъ не здѣсь, умѣстно разсказать о томъ, какъ мы распорядились съ турецкими телеграфами. Мидхадъ-паша, управлявшій Рущукскимъ вилайэтомъ, кромѣ прекрасныхъ шоссейныхъ дорогъ, устроилъ въ немъ довольно густую сѣть телеграфовъ, соединявшую между собою большинство городовъ генералъ-губернаторства. Отъ Тульчи до Измаила шелъ даже подводный кабель.

Отступленіе турокъ отъ Дуная было столь поспѣшно, что въ Тульчѣ, напримѣръ, телеграфная станція осталась въ полномъ порядкѣ; телеграфисты только удалились изъ нея, не унеся и не повредивъ аппаратовъ; кабель тоже былъ нетронутъ. Телеграфныя линіи, отъ Систова на Рущукъ и Тырново, были сильно повреждены, но не уничтожены. Со станцій увезены всѣ аппараты или только часть ихъ; проволока порвана, столбы кое-гдѣ вырваны. Казалось бы, слѣдовало воспользоваться этими уцѣлѣвшими остатками и немедленно возстановить брошенныя турецкія линіи. Стоило только отправить съ высланнымъ впередъ отрядомъ генерала Гурко тотъ или другой телеграфный паркъ, который бы возобновилъ старыя, или устроилъ новыя, станціи и, безъ крайнихъ затрудненій, возстановилъ бы телеграфное сообщеніе. Но этого, своевременно, не сдѣлали, и телеграфы не были даже охранены отъ дальнѣйшаго разрушенія. Что же съ ними сталось? Выписываю изъ моего дневника: «Столбы срубили на топливо, а изъ проволоки сдѣлали... ну, что бы можно было придумать сдѣлать?—постромки!! Разсказъ о томъ, какъ столбы рубились на топливо, а изъ проволоки дѣлались необычайной прочности чудовищныя постромки, произвелъ въ нѣкоторыхъ сферахъ игривое настроеніе...»

«Въ Систовѣ командиръ ж-го полка, полковникъ Т., лично

разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ ротныхъ командировъ его полка, среди бѣлаго дня, перервалъ проволоку нашего военнаго телеграфа. «Что вы дѣлаете?» — кричатъ ему. — «Рублю турецкій телеграфъ».— «Да это нашъ, военный».— «Можетъ ли быть, я о военномъ телеграфѣ никогда ничего не слыхалъ и, видя маленькіе столлики, полагалъ, что это турецкій телеграфъ». Ну, что дѣлать съ такою наивною простотою? Разумѣется, вину капитана отпустили».

Видя подобное обращеніе нашихъ войскъ съ телеграфами, мѣстные жители послѣдовали ихъ примѣру и похищали проволоку для своихъ хозяйственныхъ потребъ; у многихъ изъ нихъ, при обыскахъ, сдѣланныхъ по распоряженію гражданскихъ властей, находили горшки и вообще глиняную посуду, оплетенную телеграфной проволокой.

Можетъ быть, и линію между Бѣлой и Поликраэшти уничтожали какіе-нибудь наши обозы, починяя свои запряжки, но могло быть и иначе. Кто ручался, что это не сдѣлали баши-бузуки, пробравшіеся изъ Ловчи или Османъ-Базара? Сообщеніе Тырнова съ Дунаемъ шло тонкой линіей, рѣшительно ничѣмъ не обозначенной и подверженной одинаковой опасности отъ турокъ, какъ съ запада, такъ и съ востока [1]).

Не успѣлъ князь Черкаскій передать мнѣ подробности своего разговора съ генераломъ Радецкимъ,—пріѣхали въ 10 часовъ вечера первые свидѣтели второй Плевны. Это были ординарцы великаго князя, лейбъ-гусаръ Бен—фъ и золотой уланъ Дер—нъ. Они не знали, что главнокомандующій уже оставилъ Тырново, и пріѣхали къ нему съ донесеніями. Молодые люди были сильно взволнованы и говорили прерывающимся голосомъ. Разсказы ихъ были печальны. Вслѣдъ за ними, ночью и утромъ 21-го, пріѣхали французскій военный агентъ Гальяръ (Gaillard) и нашъ полковникъ генеральнаго штаба, князь Кантакузенъ. Оба они были глубоко потрясены видѣннымъ, и разсказы ихъ производили неизгладимое впечатлѣніе. Разсказы всѣхъ этихъ очевидцевъ записаны мною тогда же въ дневникъ. Перечитывая дневникъ, я вновь пере-

---

[1]) Телеграфное сообщеніе возстановили 21-го іюля; унесенною оказалась только проволока, а столбы поломаны. Для возстановленія линіи 6-му парку пришлось позаимствовать проволоку у 5-го.

чувствовалъ тѣ ужасныя минуты, которыя мы переживали въ Тырновѣ, послѣ поспѣшнаго отъѣзда главнокомандующаго. На этомъ эпизодѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, и я не могу не выписать изъ дневника хотя бы одного изъ разсказовъ названныхъ мною очевидцевъ и не передать затѣмъ, въ сжатой формѣ, о всѣхъ событіяхъ, предшествовавшихъ движенію Радецкаго на Шипку. Подъ 21-мъ іюля въ моемъ дневникѣ написано:

«Видѣлъ Кантакузена. Онъ безъ слезъ и волненія не можетъ разсказывать о плевненскомъ дѣлѣ 18-го іюля. Солдаты-герои дрались великолѣпно и погибали сотнями, тысячами. Общаго руководства не было—и все погибло. На правомъ флангѣ шли Вельяминовъ и Шильдеръ-Шульднеръ, а на лѣвомъ князь Шаховской. Говорятъ, Скобелевъ 2-ой оказывалъ чудеса храбрости, водилъ въ штыки пѣхоту, атаковалъ съ кавалеріей; подъ нимъ убиты двѣ лошади. Генералъ-маіоръ Горшковъ, командиръ 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи, тоже велъ себя превосходно, ворвался въ Плевну, но былъ выбитъ. Отступленіе на Булгарени было полное, безпорядочное, постыдное. Артиллерія давила раненыхъ. Полки и команды смѣшались. Когда, наконецъ, добрались до Булгарени, то вдругъ прискакалъ какой-то фейерверкеръ и закричалъ: «Приказано отступать дальше!» Никто не спрашивалъ, кто приказалъ, кому, куда; стали запрягать повозки и побѣжали. Обозъ Краснаго Креста, бывшій подъ Плевною, тоже выбрался изъ Булгарени. П. Н. Исаковъ, сопровождавшій его, видѣлъ всю булгаренскую панику, но онъ приписываетъ ее рѣшительно генералу Пузанову, который, прискакавъ, громко кричалъ: «Спасайтесь, всѣ разбиты, идутъ турки». Легко раненые вскакивали съ постелей и, не надѣвъ даже нижняго бѣлья, бѣжали изъ палатокъ, бросаясь дорогою въ проѣзжающіе экипажи и повозки [1]).

21-го возвратился изъ Казанлыка полковникъ Соболевъ, съ бывшею въ его распоряженіи партіею гвардейскихъ офицеровъ.

[1]) Многіе бѣжали не только изъ Систова за Дунай, но и на лѣвомъ берегу рѣки были бѣглецы изъ Зимницы, Турнъ-Магурелли. Бѣжали даже нѣкоторые изъ Бухареста. Это мною записано со словъ довѣреннаго банкира Евлогія Георгіева.

По слухамъ, шедшимъ отъ болгаръ, турки уже успѣли возстановить испорченную отрядомъ генерала Гурко желѣзно-дорожную линію у Эни-Загры [1]), и въ отместку мѣстному населенію, за восторженный пріемъ русскихъ войскъ, сожгли до основанія девять болгарскихъ деревень. О предстоящемъ отступленіи передоваго отряда еще не знали, но ожиданіе наступленія турокъ было всеобщее, и населеніе Казанлыка предчувствовало опасность. «Городъ находился въ полномъ волненіи, все населеніе высыпало на улицы. На всѣхъ лицахъ были изображены тревога и недоумѣніе. Турецкое населеніе спокойно ожидало событій; имущество турокъ и ихъ семейства были подъ охраною русскихъ карауловъ». Коммиссія Соболева сочла своею обязанностью помочь городу огражденіемъ его окопами съ востока и запада. «Немедленно все мужское болгарское населеніе вооружилось ружьями, пистолетами, саблями и ятаганами. Нѣсколько сотъ человѣкъ явились съ лопатами и кирками. Ихъ направили за городъ, заставили рыть ложементы. На ночь вокругъ города было выставлено до 700 вооруженныхъ болгаръ, въ видѣ аванпостной цѣпи» [2]).

22-го іюля въ Тырновѣ все было совершенно спокойно и тамъ ничего еще не знали ни о второй Плевнѣ, ни объ отступленіи генерала Гурко. Состоявшій при гражданскомъ управленіи товарищъ прокурора Полтавскаго окружнаго суда Теохаровъ (болгаринъ) ночевалъ въ городѣ и рано утромъ слышалъ тамъ, что турки подъ Плевною вчера разбиты. Въ то самое время, когда Теохаровъ разсказывалъ это князю Черкаскому и мнѣ, снизу раздались звуки музыки, игравшей «Боже, царя храни». Всѣ мы встрепенулись; надежда оживилась въ нашихъ сердцахъ. Немедля послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что это парадъ по случаю тезоименитства императрицы. Съ вечера насъ забыли предупредить объ этомъ. Мы поспѣшили на молебенъ.

---

[1]) Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть французовъ, служившихъ на желѣзно-дорожной станціи Эни-Загра и уволенныхъ турками послѣ оставленія нами этого города. Они разсказывали, что желѣзно-дорожная линія у Эни-Загры была испорчена нами настолько неумѣло, что исправленіе ея потребовало самыхъ ничтожныхъ усилій и не болѣе двухъ часовъ времени.

[2]) Выписки взяты изъ рапорта полковника Соболева отъ 28-го іюля 1877 года, № 4, Военно-ученый архивъ, дѣло № 7007.

Бывшій на парадѣ генералъ Радецкій передалъ Черкаскому: 1) что Гурко, не имѣя возможности пройти на Эски-Загру, отступилъ отъ Эни-Загры черезъ Хаинкіойскій перевалъ; 2) что Казанлыкъ будетъ оставленъ; 3) что Шипка занимается всего однимъ Орловскимъ полкомъ и болгарскими дружинами и 4) что состоящія подъ его, Радецкаго, начальствомъ войска не имѣютъ хлѣба, а потому крайне необходимо обезпечить снабженіе ихъ печенымъ хлѣбомъ, при посредствѣ гражданскаго начальства, устроивъ хлѣбопеченіе у мѣстныхъ жителей.

Князь Черкаскій поспѣшилъ немедленно предложить образовать у него совѣщаніе по предмету довольствія войскъ, обѣщая принять, съ своей стороны, всѣ мѣры къ устройству хлѣбопеченія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Радецкій согласился на это и обѣщалъ пріѣхать на совѣщаніе съ находившимся тогда въ Тырновѣ полевымъ интендантомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аренсомъ, а князь Черкаскій долженъ былъ пригласить: полеваго генералъ-контролера, Б. И. Черкасова, своего помощника, тырновскаго губернатора и другихъ лицъ, чрезъ посредство которыхъ слѣдовало дѣлать исполнительныя распоряженія.

Заявленіе генерала Радецкаго о недостаткахъ въ довольствіи войскъ и обращеніе его къ содѣйствію мѣстныхъ властей, хотя и противорѣчило категорическимъ утвержденіямъ начальника полеваго штаба и полеваго интенданта о неимѣніи никакой нужды въ привлеченіи гражданскаго вѣдомства къ обезпеченію войскъ мѣстными средствами довольствія, но для князя Черкаскаго оно не было новостью. Онъ, какъ мы видѣли, лично уже, собственными разспросами и донесеніями подвѣдомственныхъ ему властей, убѣдился въ бездѣйствіи интендантства и товарищества, докладывая о томъ главнокомандующему, предлагая свои услуги къ упорядоченію дѣла,—но получилъ отказъ (11-го іюля, см. главу IX). Вслѣдъ за отказомъ и всего за два дня до вышеприведеннаго заявленія генерала Радецкаго, самъ полевой интендантъ далъ въ руки князя Черкаскаго документъ, краснорѣчиво доказывавшій, что продовольствіе арміи идетъ крайне безпорядочно, и что для выхода изъ этого хаоса не остается другаго средства, какъ прибѣгнуть къ только-что отвергнутому содѣйствію гражданскихъ властей.

Дѣло было такъ. Командиръ 4-го армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Зотовъ, перейдя съ корпусомъ черезъ Дунай, писалъ 16-го іюля интендантству, что войска его находятся въ самомъ затруднительномъ положеніи относительно продовольствія. Агенты товарищества ничего не поставляли имъ; само интендантство не сдѣлало для нихъ никакихъ заготовленій, а жители отказываются въ продажѣ хлѣба, причемъ заявляютъ, что по существующимъ съ издавна обычаямъ они, впредь до полученія разрѣшенія властей, не имѣютъ права начать молотьбу. Полевой интендантъ не нашелъ ничего лучше, какъ препроводить отзывъ генерала Зотова, при надписи, князю Черкаскому, прося его принять мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ 4-го корпуса.

Въ то время наше гражданское управленіе, едва водворившееся на мѣстахъ слѣдованія 4-го армейскаго корпуса, только-что приступало ко введенію въ краѣ порядка и было озабочено производствомъ выборовъ на разныя должности городскаго и сельскаго управленія. Объ обезпеченіи войскъ продовольствіемъ губернскія и окружныя власти не получили никакихъ указаній и на ихъ обязанность ничего по этому предмету возлагаемо не было. Мало того, получивъ распоряженіе о могущемъ быть взиманіи десятины натурою [1]), эти власти должны были оповѣстить о томъ мѣстное населеніе и предупредить его быть готовымъ, въ случаѣ надобности, поставить десятину, куда будетъ приказано,—натурой. Это оповѣщеніе могло повести на практикѣ къ недоразумѣніямъ, невыгоднымъ для войскъ; жители, обязанные сохранять десятину въ натурѣ, могли отказывать войскамъ въ продажѣ зерноваго фуража. Какъ видно изъ бумаги генерала Зотова, жители отказывали войскамъ въ продажѣ хлѣба и при томъ ссылались на неполученіе разрѣшенія начать молотьбу. По этому случаю слѣдуетъ сдѣлать разъясненіе. Болгары, по мѣстному обычаю, передъ всякимъ изготовленіемъ для себя хлѣба, приготовляютъ муку на ручныхъ жерновахъ въ такомъ лишь количествѣ, которое имъ нужно для немедленной выпечки хлѣба. Поэтому у нихъ никогда нѣтъ запасовъ ни муки, ни

---

[1]) Прокламація главнокомандующаго отъ 5-го іюня 1877 г. Отмѣна сбора десятины была объявлена циркуляромъ 22-го іюля. См. главу IX.

хлѣба, и этими предметами они служить войскамъ не могли. Отказывая войскамъ въ продажѣ хлѣба, имъ нечего было ссылаться на какія-либо запрещенія; хлѣба у нихъ, дѣйствительно, не было, а равно не было и муки. Да еслибы и была мука, то направлявшимся въ Болгарію войскамъ едва-ли бы она пригодилась; во время болгарскаго движенія, некогда было заниматься хлѣбопеченіемъ, тѣмъ болѣе, что о необходимости его войска предувѣдомлены не были и къ нему не приготовились. Для облегченія продовольствія войскъ хлѣбомъ, можно бы было оповѣстить жителей, чтобы они заготовили для проходящихъ войскъ муку и по возможности печеный хлѣбъ, но центральное гражданское управленіе не могло этого сдѣлать, такъ какъ не только не имѣло понятія о принятыхъ военными властями мѣрахъ обезпеченія войскъ продовольствіемъ за Дунаемъ—но категорически, оффиціально отстранено было отъ всякаго содѣйствія этому важному дѣлу. Не останавливалось оно потому и на существовавшемъ при туркахъ обычаѣ разрѣшать населенію молотьбу; впрочемъ, при отказѣ отъ систематическаго пользованія средствами края, не было и надобности распоряжаться молотьбой, что, впрочемъ, само собою было бы сдѣлано при взысканіи десятины натурой.

Озабочиваясь оказаніемъ содѣйствія генералу Зотову, князь Черкаскій, немедленно по полученіи бумаги полеваго интенданта, предложилъ систовскому губернатору, по телеграфу, принять возможныя мѣры къ обезпеченію войскъ 4-го армейскаго корпуса всѣмъ необходимымъ изъ средствъ края.

Понятно, что требованіе генераломъ Радецкимъ хлѣба для войскъ 8-го корпуса было принято княземъ Черкаскимъ съ истиннымъ сочувствіемъ, отвѣчая самымъ задушевнымъ его стремленіямъ — предоставить на пользу арміи всѣ мѣстныя средства Болгаріи. Войска 8-го корпуса стояли на мѣстѣ; скораго ихъ движенія кудалибо не предвидѣлось, а потому организація хлѣбопеченія мѣстными жителями представлялась легко исполнимою.

Немедленно по возвращеніи съ парада, призвавъ къ себѣ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, князь Черкаскій началъ всестороннее обсужденіе этого вопроса.

Какъ и куда свозить зерно; какъ устроить перемолъ его; гдѣ

устроить печи; откуда взять опытныхъ хлѣбопековъ, могущихъ научить жителей выпекать именно такой хлѣбъ, который нравится нашему солдату; какъ организовать развозку хлѣба, чтобы доставлять его въ войска не горячимъ и не черствымъ и проч. Работа закипѣла. Каждый изъ насъ взялъ на себя группировку данныхъ или постановку вопросовъ по тому или другому изъ намѣченныхъ предметовъ разсужденій на предстоящемъ совѣщаніи. Самъ князь Черкаскій принялъ на себя составленіе вступительной части протокола, въ которомъ намѣревался подробно изложить весь ходъ дѣла и принятыя рѣшенія.

По окончаніи предварительныхъ работъ и послѣ завтрака, князь Черкаскій, я, А. И. Нелидовъ и нѣсколько другихъ лицъ расположились въ саду вокругъ стола, около телеграфной кареты 6-го военно-походнаго телеграфнаго парка и толковали о злобахъ дня. Близость телеграфа дѣлала возможнымъ немедленно узнавать содержаніе приходившихъ депешъ. Во время этой бесѣды, къ нашей группѣ подошелъ только-что прибывшій изъ-за Балканъ, черезъ Шипку, адъютантъ главнокомандующаго штабсъ-капитанъ Бибиковъ [1]). Онъ передалъ намъ: «что турки рѣжутъ болгаръ за Тунджей; что по всему ближайшему Забалканскому краю, вслѣдствіе ужасовъ этой рѣзни, господствуетъ всеобщая паника болгарскаго населенія, которое толпами стремится въ наши предѣлы, прося себѣ спасенія отъ турокъ и матеріальной помощи, почему и слѣдуетъ имѣть въ виду мѣры къ его обезпеченію; что на Шипкѣ невообразимый хаосъ отъ обозовъ и транспортовъ, и всѣ окрестныя поля по дорогѣ отъ Балканъ на Габрово и къ Тырнову—опустошаются бѣженцами и многочисленными командами отъ парковъ, транспортовъ и даже дѣйствующихъ войскъ, терпящихъ недостатокъ въ продовольствіи. Сверхъ того, онъ объяснилъ, что маіоръ Поповъ, временный комендантъ Казанлыка, оставляя городъ, взялъ десять человѣкъ аманатовъ отъ турецкаго населенія, обязавъ его охранять болгаръ, подобно тому, какъ наши войска охраняли мусульманъ. Но вслѣдъ за выходомъ нашихъ войскъ, болгары бѣжали, а турки зажгли городъ».

---

[1]) Нынѣ (1894 г.) генералъ-маіоръ и командиръ л.-гв. Финляндскаго полка. Сообщеніе его было тогда же записано мною въ дневникъ.

Письмо генерала Гурко, отправленное съ штабсъ-капитаномъ Бибиковымъ, было написано въ Эски-Загра 15-го іюля въ пять часовъ утра. Прося о присылкѣ себѣ въ подкрѣпленіе бригады генерала Борейши и одной 9-ти фунтовой батареи и заявляя о твердомъ своемъ намѣреніи —съ надеждою на успѣхъ—встрѣтить врага на просторной, обладающей широкимъ обстрѣломъ позиціи, генералъ писалъ: «Въ случаѣ же, если меня постигнетъ несчастіе, вслѣдствіе котораго я буду въ необходимости искать спасенія въ отступленіи черезъ Балканы, то оно еще возможно съ большими потерями черезъ Хаинъ-Богазъ, но даже немыслимо черезъ Шипку. Буду, Ваше Высочество, съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія штабсъ-капитана Бибикова и рѣшенія участи и моего отряда, и края, который довѣрился моей защитѣ. Уходя изъ Эски-Загры—болгары станутъ убивать и грабить сдавшихъ оружіе турокъ; а черкесы и баши-бузуки будутъ рѣзать и тѣхъ и другихъ» [1]).

На другой день, 16-го іюля, изъ Казанлыка, генералъ Гурко доносилъ: «Считаю священнымъ долгомъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что отступленіе наше будетъ сопровождаться поголовнымъ избіеніемъ всего болгарскаго населенія городовъ Эски-Загры и Казанлыка и всѣхъ деревень долины Тунджи. Я содрогаюсь при мысли, что временное пребываніе наше въ этихъ мѣстахъ будетъ причиною столь ужасной участи жителей этого раіона».

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, отступавшій «передовой отрядъ» не могъ быть защитою ни для болгарскаго населенія за Балканами, ни для бѣженцевъ, направлявшихся на нашу сторону хребта.

Сообщенія штабсъ-капитана Бибикова, вполнѣ подтвердившія наши опасенія, на счетъ жалкой участи болгаръ и заявленія генерала Радецкаго о недостаткѣ хлѣба были выслушаны съ стѣсненнымъ сердцемъ. Въ свою очередь, изъ нашихъ разсказовъ, капитанъ Бибиковъ узналъ о здѣшнихъ обстоятельствахъ и, по приглашенію князя Черкаскаго, взялся доложить главнокомандующему о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, включительно съ мѣрами обезпеченія участи бѣженцевъ и предстоящемъ совѣщаніи по снабженію войскъ

[1]) «Передовой отрядъ» Нагловскаго. «Русск. Вѣст.» 1891 г., мартъ, стр. 166 и 170.

хлѣбомъ. Остаться для участія въ этомъ совѣщаніи капитанъ Бибиковъ не могъ—онъ очень торопился въ главную квартиру.

Являлись новыя затрудненія и задачи гражданскому вѣдомству. Необходимо было обезпечить довольствіе войскъ Радецкаго; принять и успокоить болгарскихъ бѣженцевъ; спасти, по возможности, поля отъ напраснаго ихъ опустошенія и сверхъ того принять мѣры къ охраненію спокойствія въ Тырновѣ.

Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно. Послѣдствія втораго плевненскаго боя не могли долго оставаться въ тайнѣ; изъ-за Балканъ ожидался отрядъ генерала Гурко; черезъ Шипку шли уже болгарскіе бѣженцы, и сверхъ того учрежденія главной квартиры собирались окончательно покинуть Тырново. Военные чины штаба выѣхали еще 19-го; съ 21-го генералъ Галлъ приказалъ укладывать обозъ главнокомандующаго и предупредилъ, что съ 22-го прекращаются обѣды для чиновъ главной квартиры.

Совокупность этихъ обстоятельствъ могла пагубно подѣйствовать на городское и окрестное населеніе, возбудить панику и бѣгство жителей, еще болѣе затруднивъ черезъ то положеніе войскъ.

Въ шестомъ часу вечера, всѣ приглашенные княземъ Черкаскимъ на совѣщаніе собрались у его палатки и усѣлись на горкѣ, ожидая пріѣзда корпуснаго командира и полеваго интенданта. Къ назначенному времени генералъ Радецкій пріѣхалъ съ своимъ начальникомъ штаба генераломъ Дмитровскимъ. Полевой же интендантъ отъ совѣщанія уклонился. Между тѣмъ, совѣщаніе дало результаты отрицательные. Генералъ Радецкій говорилъ какъ-то неясно, слабо, какъ будто бы не онъ самъ, всего нѣсколько часовъ тому назадъ, возбудилъ вопросъ о привлеченіи жителей къ доставленію войскамъ печенаго хлѣба. Изъ его словъ на совѣщаніи казалось, что дѣло идетъ о предметѣ совершенно постороннемъ для него и для войскъ. Ни генералъ Радецкій, ни начальникъ его штаба не сообщили совѣщанію—какимъ войскамъ, куда именно и сколько требовалось хлѣба. Положеніе всѣхъ присутствующихъ на совѣщаніи было какое-то странное. На всѣхъ лицахъ выражалось недоумѣніе. Конецъ этому положилъ подполковникъ Липскій, начальникъ отдѣленія въ полевомъ интендантствѣ. Онъ прибылъ по приказанію полеваго интенданта и заявилъ, что товарищество Гор-

вица, Грегера и Когана имѣетъ достаточныя средства заготовлять для войскъ печеный хлѣбъ своимъ попеченіемъ, и потому содѣйствія гражданскаго начальства не нужно. Военные представители удовольствовались такимъ заявленіемъ интендантства, и совѣщаніе разошлось. Телеграфируя въ тотъ же день главнокомандующему въ Булгарени, князь Черкаскій донесъ о мѣрахъ обезпеченія бѣженцевъ и добавилъ: «генералъ Радецкій и интендантское вѣдомство, въ присутствіи генералъ-контролера, заявили, что здѣшнія войска нынѣ въ помощи отъ жителей для продовольствія не нуждаются».

Уклоненіе полезаго интенданта отъ участія въ совѣщаніи и признаніе имъ товарищества исправнымъ не требуютъ особыхъ объясненій, - все это понятно само собою, но почему генералъ Радецкій, заявившій о неимѣніи въ войскахъ хлѣба и необходимости организовать хлѣбопеченіе у мѣстныхъ жителей, самъ отъ этого отказался и удовлетворился ссылкою интендантскаго чиновника на товарищество, дѣйствія котораго войскамъ были болѣе чѣмъ кому-либо извѣстны—выяснено не было ни тогда, ни послѣ. Можно допустить, что, дѣлая утромъ свое первое заявленіе, онъ разсчитывалъ на какое-либо частное, неоффиціальное, такъ сказать, содѣйствіе князя Черкаскаго и не подозрѣвалъ, что послѣднимъ вопросъ будетъ поставленъ ребромъ. Должно быть, еще до совѣщанія, генералъ Радецкій получилъ возраженія отъ полеваго интенданта, а можетъ быть и указаніе на неполитичность обращенія къ гражданскому вѣдомству, содѣйствіе котораго въ дѣлѣ продовольствія войскъ было оффиціально отклонено полевымъ штабомъ, что по всей вѣроятности, не было извѣстно генералу. Прибывъ на совѣщаніе, Радецкій окончательно былъ пораженъ начатымъ приступомъ и увидѣлъ, что результатомъ совѣщанія будетъ протоколъ, которому легко придать характеръ рѣшительнаго протеста военныхъ властей противу интендантства и товарищества, а слѣдовательно, и противъ порядковъ продовольствія арміи, установленныхъ полевымъ штабомъ. Этого онъ не ожидалъ и, очевидно, не хотѣлъ. И вотъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ генералъ Радецкій, «страха ради іудейска», съ такимъ легкимъ сердцемъ уклоняется отъ обсужденія имъ же поставленнаго вопроса.

Какими побужденіями въ этомъ инцидентѣ руководствовался

князь Черкаскій? Зная близко общіе его взгляды на служебный долгъ и будучи именно въ этотъ день, 22-го іюля, неотступно при немъ съ самаго утра до поздняго вечера, я долженъ засвидѣтельствовать, что, прежде всего и исключительно, онъ имѣлъ въ виду дѣйствительно помочь войскамъ. Но вѣдь онъ былъ человѣкомъ со всѣми слабостями, и нельзя отрицать, что онъ съ чувствомъ особаго внутренняго удовлетворенія поспѣшилъ заручиться сдѣланнымъ ему генераломъ Радецкимъ и адъютантомъ Бибиковымъ заявленіямъ о недостаткѣ продовольствія въ войскахъ, чтобы фактами, доставленными самими войсками, рельефно оттѣнить неправильность взглядовъ полеваго штаба и интендантства, всего нѣсколько дней тому назадъ заявившихъ, что войска не нуждаются ни въ содѣйствіи гражданскихъ властей, ни въ мѣстныхъ средствахъ края. Непосредственное обращеніе къ нему войскъ доказывало совсѣмъ другое, и скрывать этого князь Черкаскій не намѣревался. Быть можетъ, даже фактъ этотъ былъ имъ черезчуръ подчеркнутъ, но, очевидно, что онъ возникъ самостоятельно, безъ всякаго съ его стороны участія. Однако, случай этотъ, въ связи съ бывшими въ Тырновѣ переговорами, довелъ неудовольствіе главной квартиры арміи противъ князя Черкаскаго до высшей степени напряженія. Отзывчивость его на заявленіе войскъ приняли за умышленное вмѣшательство въ распоряженія военныхъ властей, въ отвѣтъ на которое снова рѣшились удалить его изъ главной квартиры. Когда всѣ управленія главной квартиры были вытребованы изъ Тырнова въ Горный Студень, насчетъ гражданской канцеляріи никакого распоряженія сдѣлано не было. На запросъ о томъ князя Черкаскаго, генералъ Непокойчицкій, 25-го іюля, по телеграфу отвѣчалъ: «Тырново. Князю Черкаскому. Великій князь главнокомандующій проситъ васъ остаться съ гражданской канцеляріей въ Тырновѣ» [1]).

Терпѣли ли войска въ это время недостатокъ въ продовольствіи или товарищество въ самомъ дѣлѣ было исправно, а если и не было исправно, то только временно, имѣя возможность скоро начать правильное довольствіе войскъ? Вопросъ этотъ напрашивается самъ собою, и разъясненіе его безусловно необходимо. Заявленіе генерала

---

[1]) Телеграмма эта получена въ Тырновѣ 26-го іюля.

Радецкаго хотя и взято имъ назадъ, но, безъ сомнѣнія, сдѣлано было не съ вѣтру, такъ сказать, а основывалось на дѣйствительномъ недостаткѣ хлѣба въ войскахъ, стоявшихъ въ Тырновѣ и ближайшихъ окрестностяхъ. Насчетъ самой передовой изъ этихъ частей войскъ, а именно шипкинскаго отряда, можно привести два оффиціальныхъ свидѣтельства, вполнѣ подтверждающихъ заявленіе генерала Радецкаго.

Начальникъ, стоявшаго на Шипкѣ болгарскаго ополченія, генералъ-маіоръ Столѣтовъ, 31-го іюля 1877 г., телеграфировалъ генералу Радецкому изъ Габрова: «Вынужденъ послать флигель-адъютанта графа Толстаго просить смѣнить ополченіе съ Шипкинскаго перевала ротами Орловскаго полка. До крайности неисправна доставка хлѣба; неимѣніе сухарнаго запаса, почти поголовное отсутствіе обуви... впереди — изнурительная лихорадка и голодный тифъ».

Тотъ же генералъ Столѣтовъ, въ рапортѣ генералу Радецкому отъ 2-го августа 1877 г. № 791, донося о печальномъ положеніи болгарскаго ополченія и говоря, что онъ перевелъ дружины въ сел. Шипку (на южномъ склонѣ Балканъ), продолжаетъ, что тамъ «продовольствіе не встрѣтитъ затрудненій и можетъ считаться гораздо болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ изъ Габрова, ибо товарищество Когана и К° съ 4-го августа не будетъ уже въ состояніи снабжать, даже съ настоящею неисправностью, войска хлѣбомъ по недостатку зерна. Долина же, напротивъ, сохранила еще много средствъ для прокормленія небольшаго отряда» [1]).

Наконецъ, полевой интендантъ, 3-го августа 1877 г., оффиціально увѣдомилъ полеваго генералъ-контролера: «что хлѣбъ и другіе продовольственные продукты ставятся товариществомъ только тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ» [2]).

Оба донесенія генерала Столѣтова и извѣщеніе самого полеваго интенданта, кажется, достаточно объясняютъ дѣйствительное положеніе дѣла. Какъ согласовать заявленіе интенданта на совѣщаніи 22-го іюля о томъ, что товарищество располагало достаточными

---

[1]) В. уч. арх., дѣло № 5234.

[2]) Докладъ полеваго генералъ-контролера отъ 12-го августа 1877 года, № 314.

средствами съ несомнѣннымъ фактомъ одновременнаго оповѣщенія войскъ, что съ 4-го августа товарищество прекращаетъ присылку хлѣба по недостатку зерна!!

Если только-что приведенными документами положительно доказывается преступная бездѣятельность товарищества, то представляется вопросъ: да какимъ же образомъ довольствовались войска на Шипкѣ? Вмѣсто отвѣта приводимъ еще одинъ документъ—выписку изъ письма габровскаго окружнаго начальника, капитана Маслова, отъ 25-го іюля: «Запасовъ у меня никакихъ нѣтъ; все, что было—истрачено, и послѣднее время запасы подвозились изъ окрестныхъ округовъ; а самое послѣднее время брали у частныхъ лицъ. Такъ мнѣ придется продовольствоваться 3—4 дня, послѣ которыхъ «товарищество» обѣщало открыть свои дѣйствія». Такимъ образомъ, довольствіе войскъ на Шипкѣ съ самаго начала легло на гражданскія власти Габровскаго округа, и это продолжалось едва-ли не во все время мученическаго подвига Радецкаго на Балканахъ.

Отстаивая товарищество и зная о всѣхъ его безобразіяхъ и неисправностяхъ, интендантство, въ виду доходившихъ до него многочисленныхъ жалобъ войскъ, не могло оставаться совершенно бездѣятельнымъ по этому предмету и приняло оригинальную мѣру, которая, свидѣтельствуя какъ бы о заботливомъ его отношеніи къ заявленіямъ войскъ противу товарищества,—въ то же время порядокъ представленія оффиціальныхъ жалобъ обставляло столь сложными и неудобоисполнимыми формальностями, что, въ сущности, войска вынуждены были окончательно махнуть на товарищество рукою и самостоятельно заботиться о своемъ продовольствіи.

Документъ, на который я ссылаюсь—есть приказаніе по войскамъ арміи, отданное 2-го августа 1877 г. за № 159, почти цѣликомъ приведенное выше въ главѣ VII.

Крайняя трудность заявленій о неисправностяхъ товарищества и широко развитая въ войскахъ система заготовленія потребныхъ продуктовъ собственными средствами привели къ тому, что жалобъ по продовольствію въ полевой штабъ дѣйствующей арміи почти не поступало. Въ отчетѣ этого штаба за 1877—1878 г., изданномъ

въ 1884 г. военно-исторической коммиссіей главнаго штаба, подъ рубрикой «Жалобы по продовольствію» (стр. 75), напечатано:

«Относительно недостатковъ по отпуску войскамъ провіантскаго довольствія въ дѣлахъ имѣются слѣдующія заявленія:

«1) Генералъ-лейтенантъ Криденеръ, телеграммою отъ 16-го іюля за № 1088, донесъ начальнику штаба арміи, что сухарный запасъ истощился. Транспортъ стоитъ три дня въ Зимницѣ, гдѣ сухарей нѣтъ. Товарищество по требованіямъ не доставляетъ.

«2) Начальникъ 3-ей пѣхотной дивизіи доносилъ, что первая бригада ввѣренной ему дивизіи, расположенная у Горнаго Студня, не имѣетъ ни хлѣба, ни сухарей.

«3) Начальникъ Ловчинскаго отряда, отъ 26-го августа за № 1-мъ, донесъ въ штабъ дѣйствующей арміи о недостаткѣ хлѣба и сухарей въ частяхъ войскъ ввѣреннаго ему отряда.

«Изъ переписки, возникшей по поводу ходатайствъ объ отпускѣ войскамъ денегъ за недополученные ими продукты, вслѣдствіе недоставки ихъ интендантствомъ, видно, что въ 4-й и 9-й корпуса интендантствомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ не было доставлено подлежащее, на удовлетвореніе войскъ, количество сухарей, крупы, чаю и сахару».

И только.

Заявленія барона Криденера и начальника Ловчинскаго отряда относятся къ тому времени, когда приготовленія къ атакѣ Плевны отнимали у нихъ возможность заняться организаціей продовольственной части въ районѣ расположенія ввѣренныхъ имъ войскъ. Что же касается до жалобы начальника 3-ей пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Карцева, то ее слѣдуетъ считать только прелюдіей къ собственному его широкому хозяйничанью въ мѣстностяхъ, занятыхъ полками 3-ей дивизіи.

Вопросъ о болгарскихъ бѣженцахъ, получившій такую печальную извѣстность и давшій столько заботъ гражданскому управленію, обязанъ своимъ развитіемъ исключительно только тому, что война 1877—1878 г. велась въ Турціи.

16-го іюля получены были въ главной квартирѣ въ Тырновѣ вѣсти объ оставленіи Ловчи и жестокостяхъ, сопровождавшихъ

вступленіе турокъ въ оставленный городъ. Бѣглецовъ, однако, было немного, и послѣдствія ловчинской рѣзни были скорѣе нравственныя. Мы впервые убѣдились, что возвращеніе турокъ въ оставленныя было ими мѣста гибельно для христіанскаго населенія.

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ разсказами бѣженцевъ изъ Ловчи и Беброва, мы съ тревогою узнали о данномъ генералу Гурко приказѣ—отойти на сѣверную сторону Балканъ, оставя произволу турокъ знаменитую «долину розъ». Принятіемъ мѣръ нельзя было мѣшкать — пособіе требовалось немедленное и въ широкихъ размѣрахъ.

Предполагая всегда находиться при главной квартирѣ, гдѣ возможно было своевременно получать надлежащія разрѣшенія главнокомандующаго, князь Черкаскій, до того времени, не думалъ объ испрошеніи для себя особыхъ полномочій на всякій случай и, оставшись совершенно неожиданно въ Тырновѣ послѣ выхода главной квартиры, находился теперь въ затруднительномъ положеніи. Дѣйствовать надо было немедленно, а между тѣмъ распоряжаться самостоятельно, безъ испрошенія согласія главнокомандующаго, онъ, въ сущности, не имѣлъ права.

Само собою разумѣется, что эта формальная сторона дѣла не могла снять съ него отвѣтственности и принудить къ бездѣйствію. Убѣдясь теперь на дѣлѣ, насколько ему для пользы общей необходимо, разъ на всегда, испросить себѣ извѣстныя полномочія на самостоятельныя дѣйствія, князь Черкаскій,—отложивъ испрошеніе такихъ полномочій до перваго удобнаго случая,—тотчасъ же занялся возможнымъ обезпеченіемъ участи бѣженцевъ.

Принятіе всѣхъ бѣженцевъ, искавшихъ уже спасенія подъ покровомъ русскихъ войскъ и властей—было для насъ обязательнымъ. Но полное ихъ успокоеніе и обезпеченіе ихъ существованія, очевидно, было крайне затруднительно, и нисколько не было въ соотвѣтствіи съ имѣвшимися средствами и способами гражданскаго вѣдомства. Число бѣженцевъ, сразу поднявшихся съ своихъ мѣстъ, достигало многихъ десятковъ тысячъ душъ [1]); массою они появились изъ-за горъ и наводнили всѣ окрестности Шибки и Габрова,

[1]) Впослѣдствіи общее ихъ число опредѣляли, примѣрно, въ 200 т. чел.

ежечасно распространяясь къ сѣверу по направленію къ Тырнову. Матеріальныя средства гражданскаго управленія были тоже крайне ничтожны и совсѣмъ неопредѣленны. Въ довершеніе всего, появленіе бѣженцевъ произошло во время самыхъ оживленныхъ военныхъ дѣйствій.

Основаніемъ всѣхъ распоряженій къ устройству бѣженцевъ князь Черкаскій принялъ глубокое свое убѣжденіе, что правительство не можетъ принять исключительно на себя полное обезпеченіе участи бѣженцевъ; что правительству должно придти на помощь само общество и, наконецъ, самое главное, что сами бѣженцы должны быть привлечены къ дѣятельному изысканію средствъ къ обезпеченію своего существованія частными заработками, общественными работами и вообще всѣми доступными имъ способами.

Въ общихъ чертахъ помощь бѣженцамъ предположено было организовать въ слѣдующемъ видѣ [1]): немедленно выдать денежное пособіе болѣе нуждающимся и особенно бѣдствующимъ; разселить по опустѣвшимъ турецкимъ усадьбамъ нѣсколько тысячъ христіанскихъ семействъ съ предоставленіемъ имъ права уборки изъ-полу турецкаго хлѣба; разселить городскихъ жителей въ Тырновѣ, Дряновѣ и другихъ городахъ въ опустѣлыхъ турецкихъ домахъ, приспособя ихъ, при помощи жителей, на зиму; раздавать бѣженцамъ пособія натурою изъ старыхъ турецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, а также печенымъ хлѣбомъ; обращать охотниковъ на дорожныя и сѣнокосныя работы за опредѣленную плату. Предпринимая всѣ эти мѣры по собственному почину, правительство въ то же время приглашало къ благотворительной дѣятельности общество Краснаго Креста и Славянскій комитетъ, агентъ котораго, А. А. Нарышкинъ, былъ выписанъ изъ Бухареста со всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи денежными средствами.

Извѣстія о второй Плевнѣ, вскорѣ послѣ отъѣзда главнокомандующаго, проникли въ Тырновъ и распространились между насе-

---

[1]) Подробности этихъ мѣропріятій изложены: а) въ предложеніяхъ князя Черкаскаго тырновскому губернатору отъ 24 іюля и 2 августа 1877 г. №№ 691 и 747. Оба имѣются въ библіотекѣ Л. Н. Соболева подъ № 133, и б) докладѣ кн. Черкаскаго главнокомандующему отъ 14 сентября 1877 г. № 68, напечатанномъ въ «Сборникѣ оффиціальныхъ распоряженій», вып. IV, стр. 10—16. Сверхъ того, весь разсказъ о бѣженцахъ основанъ и на записяхъ моего дневника.

леніемъ. Свѣдѣнія о новой неудачѣ въ одномъ и томъ же мѣстѣ не произвели общаго упадка духа, но замѣтно повліяли на физіономію города и окрестностей бивуака главной квартиры. Отъ барышенъ и дѣтей въ бѣлыхъ платьяхъ съ букетами цвѣтовъ не осталось и помину; молодые парни-охотники въ ополченцы—какъ-то равнодушно бродили кругомъ и если, изрѣдка, и составляли отдѣльныя группы и затягивали національную пѣсню «Шуми, Марица», то звуки ея не подхватывались, какъ прежде, другими, а скоро обрывались и замолкали. Видно было, что не до пѣсенъ.

Въ самомъ городѣ радостное оживленіе первыхъ дней его занятія нашими войсками смѣнилось глубокой тишиной; лица жителей были серьезны; все показывало, что тырновцы сознаютъ тяжелое положеніе, однако ничто не предвѣщало близости какого-либо серьезнаго перелома въ общественномъ настроеніи.

Но вотъ стали пріѣзжать изъ-за Балканъ сперва ординарцы, а потомъ и другія лица изъ числа участвовавшихъ въ походѣ генерала Гурко. Стали распространяться не радостные, но, къ сожалѣнію, правдивые слухи о турецкихъ насиліяхъ за Тунджей и бѣгствѣ массы болгаръ на нашу сторону Балканъ. Узнали, разумѣется, и объ отступленіи передоваго отряда. Турки, слѣдовательно, были недалеко. Настроеніе умовъ сдѣлалось самымъ напряженнымъ; достаточно было еще какого-либо тревожнаго факта, и можно было опасаться, что населеніемъ овладѣетъ паника. Фактъ этотъ совершился утромъ 24-го іюля.

Въ этотъ день, въ 11 ч. утра, получена была въ Тырновѣ депеша, приказывавшая немедленно снять главную квартиру и утромъ 25-го отправить ее назадъ къ Дунаю, черезъ Яиджи, куда именно—не говорилось.

Все засуетилось и зашумѣло. Конвойный батальонъ убралъ палатки, задвигалъ повозки, началъ увязывать свои вещи. Изъ Тырнова и окрестныхъ деревень потребованы подводы подъ своз тяжестей. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы смутить жителей. Взволнованному ихъ воображенію показалось, что всѣ войска бросаютъ городъ, что вотъ-вотъ появятся турки, и начнутся неистовства, знакомыя Тырнову, если и не по собственному опыту, то по разсказамъ тѣхъ, которымъ удалось спастись въ него изъ другихъ

мѣстъ, разграбленныхъ и разоренныхъ турками. Мы сами, давно ожидавшіе отступленія, были поражены полученнымъ наконецъ приказаніемъ. Самолюбіе наше сильно страдало; намъ было больно и стыдно, послѣ столькихъ дней тріумфа и шумныхъ манифестацій, собрать потихоньку свои пожитки и уйти обратно. Но вѣдь для жителей дѣло было не въ самолюбіи; для нихъ вѣсть объ оставленіи Тырнова была громовымъ ударомъ, предвѣщая гибель и разореніе отъ мстительныхъ турокъ. Понятно, что паника могла произойти въ городѣ, и она начиналась. Лица, которымъ, по ихъ положенію и вліянію, слѣдовало быть примѣромъ спокойствія и самообладанія, явились едва-ли не главными алармистами. Тырновскій вице-губернаторъ Маркъ Балабановъ, извѣстный болгарскій дѣятель, объѣзжавшій передъ войной европейскія столицы вмѣстѣ съ Драганомъ Цанковымъ — совершенно потерялъ голову. Какъ угорѣлый прибѣжалъ онъ къ губернатору и просилъ его позволить ему уѣхать. Генералъ Домантовичъ, пристыдивъ его, отказалъ въ его просьбѣ и посовѣтовалъ ему вести себя благоразумнѣе. Но это не успокоило Балабанова, и онъ, прямо отъ губернатора, бросился на бивуакъ къ кн. Черкаскому. Я былъ въ это время у князя и видѣлъ, какъ прибѣжалъ Балабановъ. Крича, что все погибло, онъ со слезами на глазахъ упрашивалъ насъ дозволить ему уѣхать въ Вѣну, гдѣ жило его семейство. «Вамъ хорошо, говорилъ онъ, въ отвѣтъ на успокоенія, вы уйдете, а я останусь, и турки заберутъ меня. Попадись я имъ, они изрубятъ меня на куски и надѣлаютъ изъ меня котлетъ». Было и грустно и смѣшно. Кн. Черкаскій строго приказалъ ему прекратить причитанія и перестать являть примѣръ недостойнаго малодушія. «Кому другому, а вамъ-то — говорилъ князь — не предстоитъ никакой опасности; вы пришли съ нами, вслѣдъ за войсками, и если бы войска отступили — о чемъ однако и думать нечего — то и васъ бы взяли съ собою. Извольте идти въ городъ и занимайтесь дѣломъ, помогая губернатору, у котораго теперь столько работы». Балабановъ отправился обратно въ городъ, но не скоро еще образумился. Черезъ нѣкоторое время явился къ намъ священникъ Тилевъ съ цѣлью хлопотать за Балабанова, который, по словамъ его, «плачетъ и біетъ себя во главу». Но и это заступничество не помогло, и Тилевъ ушелъ, получивъ настойчивое приказаніе успо-

коить нервнаго депутата и вразумлять населеніе, говоря, что никто не думаетъ оставлять города, а уходъ главной квартиры ничего не означаетъ, такъ какъ она должна быть тамъ, гдѣ главнокомандующій. Благодаря стойкости мѣстныхъ властей и дѣятельному содѣйствію со стороны многихъ истинныхъ патріотовъ, губернатору удалось поддержать порядокъ и успокоить жителей, на которыхъ особенно хорошее впечатлѣніе произвело заявленіе о томъ, что всѣ войска остаются на своихъ мѣстахъ, и даже ожидаются значительныя подкрѣпленія [1]).

Вечеромъ князь Черкаскій со свитою проѣхался по всему городу и, гдѣ представлялся случай, говорилъ съ болгарами въ успокоительномъ тонѣ. Прежде чѣмъ сдѣлать этотъ объѣздъ, князь былъ у генерала Радецкаго и условился съ нимъ отнюдь не снимать гражданское управленіе въ Тырновѣ, Габровѣ, Еленѣ,—словомъ, вездѣ, гдѣ оно было учреждено въ предгорьяхъ Балканъ, а напротивъ усилить его еще нѣсколькими офицерами, предназначавшимися до того къ отправкѣ за Балканы. Тогда же было рѣшено поспѣшить раздачею болгарскому населенію ружей и организовать мѣстную защиту самими жителями населенныхъ пунктовъ занятаго края вообще и горныхъ проходовъ въ Балканахъ въ особенности.

ГЛАВА XII.

Одинокое пребываніе гражданской канцеляріи въ Тырновѣ.

Главная квартира получаетъ приказаніе отойти назадъ.—Намѣренія полеваго штаба удалить изъ главной квартиры гражданскую канцелярію.—Быстрое окончаніе проектовъ по гражданскому управленію.—Насилія болгаръ.—Мѣры къ обузданію ихъ.—Полевой штабъ напротивъ учреждаетъ четы повсюду въ занятомъ краѣ.—Дѣятельность М. А. Хитрово.—Протестъ князя Черкаскаго.—Возвращеніе въ Тырново участниковъ въ дѣйствіяхъ «передоваго отряда» и его кавалеріи.—Подробности о бѣдственномъ положеніи болгарскаго ополченія.—Добрыя вѣсти изъ Габрова о бѣженцахъ.—Ихъ помощь шипкинскому отряду.—Пріѣздъ въ Тырново Д. Ѳ. Самарина.—Его неудачные переговоры съ княземъ Черкаскимъ.—Вызовъ князя въ Горный Студень.—Телеграма 8-го августа о присоединеніи гражданской канцеляріи въ главной квартирѣ.

Полученное штабомъ приказаніе выступить къ Горному Студню и неупоминаніе при этомъ о гражданской канцеляріи заставило

[1]) Вскорѣ послѣ этого случая, М. Балабановъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Систовъ на мѣсто Д. Цанкова, назначеннаго на ту же должность въ Тырново.

князя Черкаскаго — не прекращая начатыхъ сборовъ нашей канцеляріи для совмѣстнаго движенія со штабомъ,—обратиться въ главную квартиру съ запросомъ: прикажетъ ли ему главнокомандующій тоже идти въ Горный Студень, причемъ прибавлено было, что, по соглашенію съ генераломъ Радецкимъ, въ Тырновѣ останется губернаторъ со всѣми чинами его управленія, а въ округахъ по-прежнему будутъ дѣйствовать окружные начальники, съ каждымъ днемъ входившіе въ роль устроителей глубоко взволнованнаго края. Сборы главной квартиры происходили оживленно и тянулись до глубокой ночи. Всюду разложены были костры, вездѣ шумъ и гамъ, а кругомъ собирались группы болгаръ, приходившихъ собственными глазами посмотрѣть, что дѣлается на бивуакѣ.

Въ 11 часовъ стало стихать, и мы собрались спать подъ открытымъ небомъ. Я легъ не раздѣваясь, какъ былъ въ кителѣ, подостлавъ подъ себя пальто и взявъ подъ голову подушку; князь же Черкаскій расположился рядомъ со мной, какъ бы у себя въ палаткѣ—онъ совершенно раздѣлся и укрылся одѣяломъ. Я не спалъ, но князь Владиміръ Александровичъ, сильно уставшій и утомленный, скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. Мимо насъ ходило много штабныхъ чиновъ и прибывшихъ къ намъ военныхъ офицеровъ, на свободѣ осматривавшихъ оставленный бивуакъ главнокомандующаго. Узнавая князя, нѣкоторые говорили, что нельзя не отдать справедливости патріотизму такого человѣка. Свободный и независимый, онъ пренебрегъ своими личными удобствами, и вотъ куда завело его желаніе служить отечеству въ минуту важную и священную. Вообще всѣ слышанныя въ ту памятную ночь заявленія, шедшія отъ молодежи и лицъ, далеко стоявшихъ отъ власти, были въ пользу гражданскаго управленія. Всѣ признавали громадность задачи, предстоявшей князю Черкаскому, и многіе пророчили ему громкую извѣстность, какъ будущему устроителю Болгаріи. Утромъ на другой день я передалъ о всемъ слышанномъ князю, и разсказъ мой произвелъ на него ободряющее впечатлѣніе.

Въ три часа ночи начали запрягать лошадей, и скоро весь штабъ двинулся, оставя насъ на бивуакѣ, такъ какъ отвѣта на депешу о томъ, выступать ли и намъ, еще получено не было. Вскорѣ черезъ городъ, съ музыкою, подошелъ къ нашему бивуаку полков-

никъ Красовскій съ своимъ Якутскимъ пѣхотнымъ полкомъ и расположился на мѣстѣ ушедшаго конвойнаго батальона.

Невыѣздъ губернатора и чиновъ гражданскаго управленія, поѣздка князя Черкаскаго по городу и прибытіе цѣлаго полка къ Тырнову быстро возстановили спокойствіе въ городѣ, и князь Черкаскій, проѣхавъ по немъ снова 25-го іюля, видѣлъ вездѣ спокойствіе и довѣрчивость. Мнѣ тогда въ Тырновѣ, въ первый разъ, пришлось воочію убѣдиться, какъ впечатлительны массы, какъ заразителенъ для нихъ примѣръ малодушія и слабости, и въ то же время, какъ спасительно вліяетъ хладнокровіе и самообладаніе лицъ, власть имѣющихъ.

26-го утромъ, пришла, наконецъ, отъ генерала Непокойчицкаго, изъ Болгарскаго Карагача, слѣдующая телеграмма:

«Тырновъ. Князю Черкаскому. Великій князь главнокомандующій проситъ васъ остаться съ гражданской канцеляріей въ Тырновѣ».

Въ данную минуту телеграмма эта вполнѣ разрѣшала возбужденныя сомнѣнія—мы должны были оставаться въ Тырновѣ, но изъ нея нельзя было заключить: слѣдовало ли намъ оставаться у подножія Балканъ, вмѣстѣ съ авангардомъ арміи, временно, приблизительно до выясненія вопроса, гдѣ основется главная квартира главнокомандующаго или, напротивъ того, должны мы тамъ находиться постоянно, въ полномъ разобщеніи съ главной квартирой? Едва прошло три недѣли послѣ того, какъ полевой штабъ сознаь необходимость въ постоянномъ при себѣ присутствіи гражданской канцеляріи, и вдругъ, совершенно неожиданно, ее снова оставляютъ въ сторонѣ и въ положеніи крайне неблагопріятномъ.

Время тогда было серьезное. Послѣ двухъ неудачъ подъ Плевной, слѣдовало дать нашимъ военнымъ операціямъ новое направленіе и во что бы то ни стало овладѣть этимъ пунктомъ. Такую задачу военныя власти считали осуществимою и не въ далекомъ будущемъ, а потому, сопоставляя это съ полученнымъ приказаніемъ оставаться въ Тырновѣ, можно было бы предположить, что гражданскую канцелярію не хотятъ только понапрасну двигать съ мѣста на мѣсто, но вѣсти, начавшія скоро приходить изъ Горнаго Студня, слишкомъ ясно говорили о другомъ намѣреніи. Отъ граж-

данской канцеляріи просто желали отдѣлаться, сѣтуя лично на князя Черкаскаго, за сношенія его съ императорскою квартирою и энергическія представленія по дѣлу обращенія мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ края на потребу арміи. Совѣщаніе съ генераломъ Радецкимъ о хлѣбопеченіи средствами мѣстныхъ жителей усилило неудовольствіе штаба и вызвало попытку удѣлить изъ главной квартиры гражданскую канцелярію и тѣмъ устранить возможность дальнѣйшихъ усложненій.

Опытъ истекшихъ мѣсяцевъ однако не позволялъ примириться съ такимъ положеніемъ вещей. Въ теченіе этого времени вполнѣ выяснилось, что гражданская канцелярія должна находиться постоянно при главной квартирѣ, въ противномъ случаѣ ей не только невозможно было правильно дѣйствовать, но даже и существовать. По закону, завѣдывавшій гражданскими дѣлами при арміи докладывалъ всѣ дѣла главнокомандующему лично, а не черезъ начальника штаба. Отдѣльное расположеніе отъ главной квартиры нарушало этотъ порядокъ и очевидно заставляло прибѣгнуть къ посредничеству начальника штаба, а значитъ отказаться отъ всякой самостоятельности и все предоставить не живому обмѣну мыслей и совокупному обсужденію въ минуту надобности, а обыкновенной канцелярской перепискѣ. Самыя же обстоятельства, при которыхъ приходилось дѣйствовать, ежечасно измѣнялись, принимали все болѣе грозный видъ и требовали мѣръ не запоздалыхъ, а вполнѣ своевременныхъ, разрѣшить которыя могъ только главнокомандующій.

Всѣ заботы гражданскаго управленія главнымъ образомъ сосредоточивались тогда надъ составленіемъ положеній о такихъ учрежденіяхъ, которыя дали бы только-что установленнымъ въ краѣ русскимъ губернаторамъ и окружнымъ начальникамъ возможность управлять губерніями и округами при содѣйствіи лучшихъ людей изъ мѣстныхъ жителей и при помощи правильно организованной полиціи и самостоятельно дѣйствующихъ судовъ. Въ частности, центральное гражданское управленіе, при личномъ неустанномъ содѣйствіи князя Черкаскаго, начиная съ первыхъ чиселъ іюля, разработывало слѣдующіе проекты:

1) объ устройствѣ управительныхъ (административныхъ) совѣтовъ въ округахъ и городахъ Болгаріи для завѣдыванія земско-

хозяйственными дѣлами страны, на основаніи самаго широкаго самоуправленія въ общинахъ и округахъ и съ строгимъ проведеніемъ выборнаго начала.

2) объ организаціи мѣстной полицейской стражи, составленной исключительно изъ мѣстныхъ жителей.

3) объ учрежденіи повсемѣстно въ занятой нашими войсками территоріи вооруженныхъ карауловъ, содержимыхъ мѣстными жителями, призванными помогать администраціи наблюденіемъ за сохраненіемъ порядка и отраженіемъ силою тѣхъ шаекъ, которыя, состоя то изъ мусульманъ, то изъ христіанъ, предавались грабежамъ и нарушали общее спокойствіе и

4) объ организаціи судебной части, озабочиваясь на первое, смутное, такъ сказать, время, введеніемъ полевыхъ военныхъ судовъ для сужденія дѣлъ, возникающихъ изъ военнаго положенія края, и приступленіемъ къ соображеніямъ относительно общей судебной реформы, для чего требовалось серьезное изученіе мѣстныхъ условій, что и было возложено на особую юридическую коммиссію подъ предсѣдательствомъ С. И. Лукьянова (нынѣ, 1895 г., сенаторъ).

Всѣ эти спѣшныя работы настолько были подготовлены, что недоставало лишь окончательной редакціи, на которую требовалось не много времени. Не послѣдуй случайнаго разобщенія гражданской канцеляріи съ главной квартирой, всѣ проекты князя Черкаскаго относительно учрежденія въ краѣ первоначальнаго русскаго управленія, могли бы быть представлены на утвержденіе главнокомандующаго еще въ концѣ іюля. Теперь это дѣло могло затянуться на долго, а потому, чтобы не терять времени, пришлось разрѣшить губернаторамъ, ознакомленнымъ съ проектами, вводить, гдѣ возможно, совѣты и организовать полицію и вооруженные караулы.

Утвердившись въ необходимости скорѣе соединиться съ главною квартирою и рѣшившись прибѣгнуть по этому дѣлу къ рѣшительнымъ настояніямъ, князь Черкаскій не вполнѣ однако надѣялся на успѣхъ своихъ объ этомъ представленій и не упускалъ изъ виду возможности полученія отказа. На такой случай являлось неизбѣжнымъ просить главнокомандующаго о предоставленіи завѣдывающему гражданскими дѣлами такихъ полномочій, которыя давали бы ему право дѣйствовать самостоятельно въ экстренныхъ случаяхъ

въ родѣ, напримѣръ, вышеописаннаго неожиданнаго появленія бѣженцевъ.

Не прекращая текущихъ организаціонныхъ работъ, князь Черкаскій занялся вопросомъ о полномочіяхъ и всѣ свои соображенія по этому поводу изложилъ въ проектѣ особаго на свое имя рескрипта [1]), который и отправилъ въ главную квартиру, прося разрѣшенія прибыть туда съ своею канцеляріею, на постоянное соединеніе съ полевымъ штабомъ и для личнаго представленія различныхъ административныхъ проектовъ, утвержденіемъ и введеніемъ которыхъ медлить было невозможно.

Въ ожиданіи отвѣта на посланную телеграмму въ главную квартиру, гражданская канцелярія осталась въ Тырновѣ. Своихъ палатокъ мы однако вновь не разбивали, а переселились въ бывшую столовую главнокомандующаго. Князь Черкаскій занялъ комнату, въ которой обѣдали высшіе чины, я—буфетную, а большая зала оставалась свободною для служебныхъ занятій и пріемовъ. Кто не перебывалъ здѣсь у насъ! Всѣ проѣзжавшіе черезъ Тырново заходили къ князю Владиміру Александровичу и побесѣдовать и раздѣлить скромную нашу трепезу. Многіе оставались по цѣлымъ днямъ, особенно изъ лицъ, являвшихся изъ-за Балканъ и съ Шипки. Насъ, какъ представителей гражданскаго управленія, интересовали преимущественно свѣдѣнія о положеніи болгарскаго населенія, поведеніи турокъ, оставшихся въ горахъ, и судьбахъ болгарскаго ополченія. Послѣднее, хотя и не подчинялось гражданскому управленію, но по инструкціи князю Черкаскому на него, какъ на завѣдующаго гражданскими дѣлами, возлагалось: «дѣятельное содѣйствіе военному начальству въ образованіи болгарскихъ дружинъ и вообще мѣстной военной силы, на которую, по выходѣ русскихъ войскъ, могло бы быть возложено охраненіе края» (§ 8). Обмундированіе и снаряженіе первыхъ шести болгарскихъ дружинъ, такъ и дружинъ второй серіи (съ 7-й по 12-ую) сдѣлано было по соглашенію гражданскаго управленія съ московскимъ славянскимъ комитетомъ. Тому

---

[1]) Рескриптъ главнокомандующаго на имя князя Владиміра Александровича, утвержденный 31-го іюля 1877 г. въ Горномъ Студнѣ, напечатанъ въ «Сборникѣ офф. расп. по Болгарскому краю», вып. III, стр. 3—7.

же гражданскому управленію обѣщано было содѣйствіе тѣхъ же дружинъ въ качествѣ мѣстной вооруженной силы. Понятно, намъ дороги были интересы болгарскаго ополченія, а потому, обращаясь къ каждому пріѣзжавшему съ вопросами: что за Балканами? что дѣлается въ самихъ Балканахъ? и какъ идутъ дѣла на Шипкѣ? мы всегда спрашивали и о положеніи болгарскаго ополченія.

За Балканами все было залито кровью; бѣгство болгаръ на нашу сторону большими массами прекратилось только потому, что появились турки, съ ожесточеніемъ истреблявшіе всѣхъ настигаемыхъ ими бѣглецовъ. Бѣжать массами значило подвергать себя явной смерти, тогда какъ, оставаясь на мѣстѣ, можно еще было надѣяться спасти свою жизнь. Вотъ почему захваченное еще на мѣстахъ христіанское населеніе осталось въ своихъ домахъ, съ часу на часъ ожидая расправы.

Расправа съ болгарскимъ населеніемъ между Эни-Загрой и Казанлыкомъ была ужасна и такъ сказать трехъ-ярусная. Истязали христіанъ жители мусульмане, пострадавшіе отъ болгаръ за время нашего занятія Казанлыка и другихъ городовъ. Грабили и производили насилія подошедшія къ Балканамъ войска Сулеймана-паши и, наконецъ, само правительство султана призвало къ отвѣту виновныхъ въ измѣнѣ... По словамъ очевидцевъ, мусульмане избивали мужчинъ и дѣтей, а женъ, дочерей и подростковъ гнали въ лагери, гдѣ надъ ними глумились солдаты. Особенно пострадалъ г. Эски-Загра. Жители его укрылись-было въ церкви, но турки ворвались туда и изрубили массу народа, стоявшаго на колѣняхъ и въ молитвѣ искавшаго спасенія. Многихъ вѣшали за ноги, а подъ головами разводили костры. Въ Эски-Загрѣ много было побито дѣтей. Когда въ январѣ 1878 г. я, проѣздомъ въ Адріанополь, былъ въ Эски-Загрѣ, мнѣ пришли сказать, что на одномъ дворѣ нашли кучу дѣтскихъ головокъ, ручекъ и ножекъ, прикрытыхъ рогожами и разнымъ хламомъ. Я подошелъ къ воротамъ того двора, гдѣ сдѣлана была эта страшная находка, и оттуда видѣлъ, какъ изъ-подъ приподнятой рогожи показались полусгнившія части дѣтскихъ труповъ. Оффиціальная расправа съ несчастными жителями долины рѣки Тунджи тоже была безпощадная. Генералъ Тотлебенъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 20-го августа 1878 г. изъ Санъ-Стефано

упоминаетъ, что изъ жителей этихъ мѣстностей — «по суду въ Адріанополѣ и Филиппополѣ было повѣшено болѣе пятисотъ человѣкъ».

Слухи о рѣзнѣ за Балканами доходили до насъ со всѣми мельчайшими подробностями. Немало смѣльчаковъ, рискуя всѣмъ, коекакъ укрываясь отъ преслѣдованій, въ одиночку, пробирались между турецкихъ форпостовъ и являлись на нашей сторонѣ. О звѣрствѣ турокъ въ церкви Эски-Загры разсказывалъ балгаринъ, бывшій въ самой церкви во время избіенія. Его самого нѣсколько разъ рубнули ятаганомъ; онъ свалился, и трупы другихъ, попадавъ на него, спасли его отъ смерти. Понятно, что подобныя извѣстія производили сильное впечатлѣніе на мѣстныхъ жителей и разжигали въ нихъ страсти, возбуждая къ отмщенію.

Большими массами бѣженцы двинулись изъ-за Балканъ вслѣдъ за отступленіемъ передоваго отряда, всюду разнося извѣстіе о неистовствахъ турокъ. Разсказы эти дѣйствовали сильно, но еще большее возбужденіе производилъ наружный видъ самихъ бѣженцевъ. Усталые и голодные, они представляли безпорядочныя толпы. Множество изъ нихъ было изранено и изувѣчено; въ Габрово принесли ребенка, у котораго было семь ранъ. Многія женщины въ пути преждевременно разрѣшались отъ бремени. Многія потеряли своихъ дѣтей, согнанныхъ, какъ звѣри, въ одно стадо.

Можно было опасаться, что болгары занятаго нами края не выдержатъ своего негодованія и, бросившись на оставшихся турокъ, перерѣжутъ ихъ до послѣдняго. А что можно было противопоставить грозившей опасности и чѣмъ ее предупредить? Начальники войсковыхъ частей усердно разсылали въ турецкія деревни одиночныхъ солдатиковъ-охранителей, мирволя по необходимости образовавшимся въ горахъ болгарскимъ четамъ. Гражданское управленіе, снабженное только 23 казаками, напрягая всѣ силы, при содѣйствіи ежедневно подъѣзжавшихъ офицеровъ, данныхъ ему въ Петербургѣ и изъ внутреннихъ военныхъ округовъ имперіи — старалось установить всюду свои административныя власти, устроить полицію, организовать вооруженные сельскіе караулы.... Къ счастью, хладнокровная распорядительность военныхъ начальниковъ и нарождавшагося гражданскаго управленія благотворно

вліяла на населеніе, и все ограничилось нѣсколькими отдѣльными вспышками. 30-го іюля болгары истребили до тла огромную деревню Трембешъ, верстахъ въ пятнадцати впереди Тырнова на р. Янтрѣ. Озлобленіе было такъ велико, что въ Трембешѣ разрушены не только дома, но и каменные заборы. Одновременно съ извѣщеніемъ объ этомъ дошли свѣдѣнія изъ горъ, что 28-го іюля болгарскія четы вырѣзали все мужское населеніе окрестныхъ около Габрова турецкихъ селеній: Адамово, Молкачево и Кояджикъ. Манофовъ доносилъ габровскому окружному начальнику, капитану Маслову, что самъ онъ не грабилъ, но отбилъ только турецкій скотъ до 400 головъ и спрашивалъ, что съ нимъ дѣлать. Послѣ столь рѣшительной расправы четъ съ спокойнымъ населеніемъ, генералъ Дерожинскій (начальникъ Габровскаго отряда), въ видахъ предупрежденія подобной рѣзни на будущее время, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ свои поиски четы дѣлали не иначе, какъ подъ надзоромъ русскихъ офицеровъ, назначаемыхъ изъ близъ расположенныхъ войскъ. Впрочемъ, послѣдовавшія затѣмъ военныя событія не дали осуществиться этой полезной мѣрѣ, и четы, по распоряженію губернатора, вскорѣ были распущены.

Въ то самое время, какъ мѣстныя военныя и гражданскія власти дружно и энергично старались ограничить явный вредъ, приносимый дѣлу умиротворенія болгарскими четами въ гористыхъ мѣстностяхъ Тырновскаго санджака—въ единственной мѣстности, гдѣ четы образовались въ значительномъ числѣ — полевымъ штабомъ арміи, совершенно неожиданно, сдѣлано было распоряженіе о повсемѣстномъ ихъ сформированіи. Иниціаторомъ этой мѣры явился М. А. Хитрово, бывшій генеральный нашъ консулъ въ Константинополѣ, поступившій, при сформированіи дѣйствующей арміи въ Кишиневѣ, въ составъ дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ [1]).

Служивъ прежде консуломъ въ Македоніи, онъ хорошо былъ

[1]) Послѣ войны М. А. Хитрово состоялъ дипломатическимъ агентомъ въ Болгаріи и Египтѣ, посланникомъ въ Бухарестѣ и Лисабонѣ, а нынѣ (1895 г.) находится посланникомъ въ Японіи.

знакомъ съ дѣятельностью тамошнихъ четъ и лично дружилъ со многими изъ македонскихъ четоводовъ. Теперь, вспомнивъ о своихъ старыхъ знакомцахъ, вѣчно искавшихъ случая приняться за свое излюбленное ремесло, М. А. Хитрово задумалъ при помощи ихъ организовать «вольныя четы» въ занятыхъ мѣстахъ Болгаріи. Развивая свой планъ начальнику полеваго штаба, онъ вызывался лично заняться этимъ дѣломъ и набрать четы «для противодѣйствія башибузукамъ, для доставленія отрядамъ нашимъ свѣдѣній о численности, расположеніи и передвиженіяхъ непріятеля и вообще для сторожевой службы впереди и на флангахъ нашихъ колоннъ».

Мысли эти онъ началъ развивать еще задолго до перехода арміи черезъ Дунай, но дѣло сперва шло туго. Для произведенія вящшаго эффекта и сильнѣйшаго впечатлѣнія, выписанъ былъ и представленъ генералу Непокойчицкому болгаринъ Панайотъ Хитовъ, знаменитый четоводъ и съ виду настоящій восточный рыцарь, сильно впрочемъ смахивавшій на столь извѣстныхъ кавасовъ, состоящихъ при европейскихъ миссіяхъ и консульствахъ въ Турціи. Рослый старикъ, въ живописномъ костюмѣ, весь увѣшанный пистолетами, кинжалами и ятаганомъ, Панайотъ, надо полагать, подѣйствовалъ внушительно, такъ какъ въ концѣ іюля начальникъ полеваго штаба поддался настойчивымъ убѣжденіямъ и согласился на организацію четъ.

Никакихъ правилъ и инструкцій по этому дѣлу составлено не было; никому ничего не сообщалось, и все основывалось на безграничномъ довѣріи къ краснорѣчивому иниціатору и его головорѣзамъ.

30-го іюля 1877 г. М. А. Хитрово, снабженный полномочіями, былъ командированъ «въ разные пункты расположенія дѣйствующей арміи для исполненія возложеннаго на него порученія». Хитову же 31-го іюля выданъ былъ слѣдующій документъ [1]):

«Свидѣтельство. Его Императорскимъ Высочествомъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, разрѣшено предъявителю сего болгарину Панайоту Хитову собрать

---

¹) Переписка о четахъ находится въ дѣлѣ канцеляріи начальника штаба № 133.

болгарскую чету, примѣрно человѣкъ въ 100, для вооруженной защиты независимости своего народа.

Въ силу такого разрѣшенія, чета, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, обязывается не обращать своего оружія на мирныхъ обезоруженныхъ жителей какъ мусульманъ, такъ и христіанъ, и оказывать содѣйствіе и императорскимъ россійскимъ войскамъ, безпрерывно доставляя онымъ вѣрныя свѣдѣнія о числѣ, расположеніи и передвиженіяхъ непріятельскихъ вооруженныхъ силъ. Подписалъ генералъ-адъютантъ Непокойчицкій; вѣрно — генеральнаго штаба полковникъ Артамоновъ» [1]).

Такимъ образомъ, съ самаго начала организаціи четъ, не ограничились порученіемъ имъ собирать лишь свѣдѣнія о непріятелѣ, а разрѣшили имъ «дѣйствовать вполнѣ самостоятельно», подъ видомъ вооруженной защиты независимости своего народа, и позволили орудовать въ мѣстахъ, гдѣ населеніе «обезоружено», т. е. тамъ, гдѣ уже были не только наши войска, но и гражданскія власти.

Объ образованіи четъ завѣдующему гражданскою частью сообщено не было, и князь Черкаскій узналъ о данномъ М. А. Хитрово порученіи случайно, одновременно съ разсказами о похожденіяхъ дѣйствовавшихъ уже въ краѣ четъ, вредъ коихъ сознавался мѣстными военными и гражданскими властями. Считая полное осуществленіе и дальнѣйшее развитіе проекта М. А. Хитрово вреднымъ для спокойствія края, князь Черкаскій обратился къ начальнику полеваго штаба съ слѣдующимъ письмомъ отъ 21 августа 1877 г. № 803 [2]).

«Конфиденціально. Милостивый государь Артуръ Адамовичъ. Случайно узнавъ, что господиномъ Хитрово была подана в. в-тву записка объ образованіи болгарскихъ вольныхъ четъ, я обращался къ г.-м. Левицкому съ просьбою сообщить мнѣ эту записку, но по случаю отсутствія вашего оной не получилъ. Изъ личныхъ объясненій съ г-мъ Хитрово и полковникомъ Артамоновымъ, которыхъ взгляды на это дѣло, повидимому, не вполнѣ тождественны, я невольно усматриваю нѣкоторую шаткость въ основномъ взглядѣ на порядокъ употребленія этого довольно неопредѣленнаго по своему существу военнаго орудія; и потому, по близкой его соприкосновенности къ самымъ кореннымъ вопросамъ гражданскаго устройства края, моему попеченію отчасти ввѣреннаго, я считаю неотложною обязанностью своею съ полною откровенностью высказать в. в-тву свой взглядъ на это дѣло.

Я не стану входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, является ли дѣйствительно необходимою для нашего войска помощь вольныхъ болгарскихъ четъ, помимо правильнаго образованія постоянныхъ болгарскихъ дружинъ въ составѣ войска, полицейской стражи въ санджакахъ и вооруженныхъ пра-

[1]) Капитанъ надъ вожатыми арміи.

[2]) В. Уч. Арх. № 5234.

*

вильныхъ мѣстныхъ городскихъ и сельскихъ карауловъ, правила для которыхъ уже утверждены главнокомандующимъ и которымъ уже раздается оружіе. Предполагаю вопросъ о вольныхъ четахъ уже окончательно разрѣшеннымъ военною властью въ утвердительнымъ смыслѣ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ. Тѣмъ не менѣе остается еще рѣшить: должны ли эти четы быть во всемъ предоставлены собственному произволу, какъ это, повидимому, предполагаетъ г. Хитрово, или онѣ должны быть подчинены извѣстному, опредѣленному и отвѣтственному начальству, пользующемуся ими какъ нерегулярною силою, но направляющему ихъ дѣятельность и за ними наблюдающему.

Повидимому, вольныя четы никакого жалованья получать не будутъ; набираются онѣ изъ людей неимущихъ, отчасти за границею, слѣдовательно, онѣ будутъ жить исключительно грабежомъ. Желательно поэтому въ такомъ случаѣ, чтобы онѣ, по крайней мѣрѣ, жили исключительно на счетъ турецкаго населенія, а не на счетъ того христіанскаго населенія, которое мы пришли ограждать отъ насилія, а не подвергать ему систематически. Для этого необходимо принятіе, по крайней мѣрѣ, трехъ самыхъ основныхъ мѣръ:

во-первыхъ, необходимо устранить отъ начальства надъ четами людей слишкомъ подозрительныхъ по своей прошлой жизни;

во-вторыхъ, слѣдуетъ неуклонно требовать и наблюдать, чтобы четы отнюдь не смѣли держаться въ мѣстностяхъ, гдѣ уже введено гражданское управленіе, но чтобы онѣ располагались при самыхъ передовыхъ частяхъ войскъ, ибо только тамъ онѣ могутъ быть нужны. Въ Тырновскомъ, Габровскомъ и Еленenскомъ округахъ, гдѣ населеніе уже вооружено и гдѣ на дняхъ будетъ еще вновь роздано оружіе, гдѣ при томъ турецкаго населенія почти нѣтъ слѣда, и гдѣ слѣдовательно можно жить лишь исключительно на счетъ болгаръ, тамъ вольныя четы недопустимы. По моему мнѣнію, онѣ должны быть исключительно обращены, какъ авангарды, къ нашимъ передовымъ отрядамъ и какъ развѣдчики, по направленію къ Софіи съ одной стороны и къ Османъ-Базару и турецкимъ крѣпостямъ—съ другой;

въ третьихъ, вольныя четы, набираемыя по крайней мѣрѣ отчасти изъ болгарскихъ проходимцевъ въ Румыніи, не могутъ быть предоставлены собственному произволу, и имъ не можетъ быть позволено по собственному хотѣнію переноситься изъ сферы дѣйствій одного нашего отряда въ сферу дѣйствій другаго, безъ прямаго ихъ подчиненія начальнику одной которой-либо части. Иначе онѣ немедленно ускользнутъ отъ всякаго контроля и внезапно очутятся не впереди войска, гдѣ есть опасность, а позади его, гдѣ есть мирные жители и случай къ безнаказанному грабежу. И тогда гражданской власти придется подвергать законной карѣ тѣхъ людей, которыми хотѣла воспользоваться власть военная. Какъ непроизводительны подобные элементы, набранные въ Румыніи—это достаточно доказали многочисленные дезертиры изъ болгарскихъ дружинъ, служившіе для нихъ лишь бременемъ и позоромъ, покуда, къ счастью, послѣ перехода за Дунай дружины отъ нихъ не освободились. По всѣмъ симъ причинамъ, я полагаю совершенно необходимымъ: каждую чету непремѣнно подчинить начальникамъ передовыхъ частей, будь то начальникъ отряда или начальникъ дивизіи, по ближайшему усмотрѣнію военной власти, но съ возложеніемъ на военное начальство непремѣнной обязанности не дозволять четамъ возвращаться внутрь страны, а также обязанности передавать ихъ въ ближайшее вѣдѣніе другой военной части, по мѣрѣ передвиженія войскъ. Примите и проч. (подписано) князь Черкаскій».

Это письмо, какъ и большая часть всѣхъ заявленій князя Черкаскаго, осталось безъ отвѣта. Осталось бы оно и безъ всякихъ послѣдствій, если бы въ дополненіе къ нему не было препровождено (12 сентября № 1.122) донесеніе начальника Ловчанскаго округа полковника Спокойскаго-Францевича, сообщавшаго о безобразіяхъ четъ, появившихся въ Ловчѣ. Въ виду этого факта, полевой штабъ вышелъ изъ бездѣйствія, но принялъ мѣры не общаго, а частнаго характера. Въ Ловчанскій отрядъ сообщено было приказаніе предупредить четы, что если онѣ будутъ грабить, то виновныхъ подвергнутъ строгому наказанію, а самыя четы распустятъ. Ловчанскія четы подчинились такому приказанію, но заявили, что безъ частной наживы имъ существовать нельзя. М. А. Хитрово поддержалъ такое заявленіе, и по его ходатайству ловчанскимъ четамъ назначено было содержаніе отъ казны по 25 к. звонкою монетою въ день на человѣка. Дальнѣйшихъ измѣненій въ проектѣ Хитрово сдѣлано не было, но четы появлялись и держались только при передовыхъ отрядахъ, такъ что, въ концѣ концовъ, заявленіе князя Черкаскаго возъимѣло свое дѣйствіе.

Формируя четы, М. А. Хитрово былъ въ Ловчѣ, Систовѣ, а также въ Бѣлградѣ и Бухарестѣ, куда на совѣщаніе съ нимъ съѣзжались излюбленные имъ македонскіе четоводы. Главнымъ его агентомъ былъ Стоянъ Везенковъ, дѣйствовавшій черезъ своихъ подручныхъ Іованче Иванова и Влче Сербаковскаго, проникавшихъ, будто бы, въ Рущукъ и Плевну. Надежды на сформированіе четъ были блестящія, пунктами сбора назначены Браиловъ и Краева, начальнику военныхъ сообщеній арміи предложено перевозить четниковъ по желѣзнымъ дорогамъ наравнѣ съ военными чинами. Въ Тырново, въ распоряженіе Хитрово, изъ Систова отправлено для вооруженія четъ 380 ружей и 75.700 патроновъ. Результаты однако не оправдали этихъ надеждъ, дѣло формированія четъ не спорилось, и ихъ образовалось немного и при томъ весьма малосильныхъ. М. А. Хитрово объясняетъ [1]) это тѣмъ, что за формированіе четъ взялись очень поздно, и что осенью и зимою 1877 г. спросъ на рабочихъ въ Болгаріи и Румыніи былъ весьма великъ и зара-

[1]) Въ отчетѣ, поданномъ 15 апрѣля 1878 г. Дѣло № 133.

ботная плата стояла высокая. Будетъ справедливѣе такую неудачу приписать тому, что съ августа 1877 г. гражданскія власти уже крѣпко держали край въ своихъ рукахъ и никому не дозволяли грабежей и самоуправства. Работать въ четахъ внутри занятаго края было невозможно, а идти на передовыя позиціи и подвергаться опасностямъ встрѣчъ не только съ баши-бузуками, но и съ регулярными турецкими войсками—немногимъ приходилось по вкусу. Вообще, болгаре изъ мѣстностей между Дунаемъ и Балканами не дали четамъ «особенно полезнаго и надежнаго контингента». Постоянно подъ оружіемъ оставались лишь четоводы и та горсть македонцевъ, изъ которыхъ были составлены первоначальные кадры четъ. Перемѣнный же составъ ихъ весьма часто измѣнялся, колеблясь отъ 30 до 60 чел. въ каждой. Въ нихъ поступали добровольцы изъ мѣстъ, гдѣ четы дѣйствовали; переходили онѣ въ другое мѣсто, мѣстные добровольцы покидали ихъ. Случалось, что нѣкоторые добровольцы присоединялись къ четамъ исключительно на тотъ или другой набѣгъ.

Первыя четы были сформированы, въ сентябрѣ, въ Ловчѣ при отрядѣ генералъ-лейтенанта Карцева. Онѣ дѣйствовали отдѣльно или совокупно, предпринимая изъ Ловчи экспедиціи противъ Турецкаго Извора, Телеша и другихъ мѣстъ. Чета Георгія Пулевскаго, въ продолженіе 2½ мѣсяцевъ, охраняла Троянскія колибы. Переходили четы и за Балканы съ отрядами генераловъ Гурко, Дандевиля и Карцева. Въ трудной операціи перевозки тяжелыхъ орудій черезъ горы, въ особенности отличились четы воеводъ Ильи Маркова (завербованъ М. А. Хитрово въ Бѣлградѣ) и Георгія Антипова, за что послѣдній, по представленію генерала Гурко, награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 3-й степени [1]).

Къ концу кампаніи всѣ четы, въ составѣ 120 конныхъ, собрались въ г. Радомирѣ, готовясь къ походу въ Македонію. Къ нимъ присоединились тамъ вооруженныя пѣшія толпы братьевъ Папа-

---

[1]) Отъѣзжая изъ арміи, 17 апрѣля 1878 г. главнокомандующій, по ходатайству М. А. Хитрово, назначилъ знаки военнаго ордена 4-й степени: главному его агенту Стояну Везенкову и четоводамъ: Ильѣ Маркову, Цеко Петрову, Дмитрію Трифонову, Георгію Пулевскому, Григорію Огненову и Иванчо Роби, и 3-й степени Георгію Антонову.

Георгіевыхъ въ числѣ 700 чел. Такъ какъ занятіе Македоніи не состоялось и собравшимся у Радомира четамъ жить было нечѣмъ, то онѣ обратились къ кормленію мѣстными средствами, вызвавъ тѣмъ громкія жалобы жителей. М. А. Хитрово усиленно хлопоталъ, чтобы ихъ разсчитали за прежнее время содержаніемъ, если не изъ военныхъ, то изъ гражданскихъ суммъ, а если этого нельзя, то хотя бы зачислили въ кадры ополченія. Во всемъ было отказано, и въ маѣ 1878 г. военныя власти признали четы ненужными и просили гражданское начальство поступить съ ними по его усмотрѣнію. Сдѣлано это было уже при генералѣ Тотлебенѣ и начальникѣ полеваго штаба князѣ Имеретинскомъ.

Въ Тырновѣ, куда ежедневно или, лучше сказать, ежечасно стекались тревожныя свѣдѣнія изъ окрестностей, приходилось только зарегистровывать ихъ въ рубрику происшествій, въ горькомъ предвидѣніи возможности получить извѣстіе о чемъ-либо еще болѣе худшемъ. Принцъ Александръ Батенбергскій, пріѣхавшій въ Тырново въ ночь съ 24 на 25 іюля, привезъ свѣжія извѣстія о войскахъ передоваго отряда Гурко. Пѣхота изнемогала отъ усталости; кавалерія почти не существовала, во взводѣ было не болѣе пяти рядовъ, и лошади дотого измучены, что при полномъ вьюкѣ не могли нести сѣдока, а падали на колѣна. То же самое подтвердили и бригадные кавалерійскіе командиры, герцоги Николай и Евгеній Лейхтенбергскіе. Командовавшій бригадою болгарскаго ополченія полковникъ Депрерадовичъ и бывшій дипломатъ, а тогда казачій юнкеръ князь Церетелевъ, успѣвшій въ три недѣли получить четыре знака военнаго ордена (!!?), говорили то же самое.

Наконецъ 27-го іюля вечеромъ, я самъ увидѣлъ только-что вернувшуюся изъ-за Балканъ кавалерію передоваго отряда. Солдаты смотрѣли бодро и говорили весело, но лошади были въ ужасномъ положеніи. Спины избиты такъ, что въ дыры можно было вложить кулакъ; ноги ихъ расходились въ стороны, иначе не могли поддерживать тѣло. Я подъѣхалъ къ бивуаку въ то время, когда люди купали лошадей, но по ущелью тянулись еще стада воловъ, отбитыхъ отрядомъ за Балканами. Вслѣдъ за волами потянулись огромные гурты овецъ. На мой вопросъ, чьи это овцы, отарщики отвѣчали, что это венгерскія отары, ежегодно пригоняемыя на выпасъ въ южную

Болгарію чуть ли не до самыхъ Салоникъ. Вотъ тутъ-то я въ первый разъ столкнулся съ австрійскими интересами на Балканскомъ полуостровѣ.

Бивуакъ возвратившейся кавалеріи былъ оцѣпленъ часовыми, любопытныхъ не допускали и хорошо дѣлали потому, что ничего успокоительнаго они не вынесли бы изъ представлявшагося зрѣлища. 29-го іюля, генералъ Гурко возвратился въ Тырново изъ главной квартиры и привезъ массу георгіевскихъ крестовъ для нижнихъ чиновъ своего молодецкаго отряда. Привезъ онъ Георгія и для герцога Николая Максимиліановича. Въ тотъ же день произошла торжественная раздача крестовъ [1]).

Получавшіяся о болгарскомъ ополченіи свѣдѣнія сводились первоначально къ многочисленнымъ разсказамъ о молодецкомъ участіи первыхъ шести дружинъ въ военныхъ дѣйствіяхъ вмѣстѣ съ отрядомъ Гурко. Всѣ хвалили храбрость и выносливость болгаръ и въ одинъ голосъ заявляли, что христіанское населеніе Балканскаго полуострова, въ теченіе вѣковъ не допускавшееся турками къ военной службѣ, не измѣнилось и сохранило въ себѣ всѣ достоинства, необходимыя для хорошаго солдата.

Тѣмъ неожиданнѣе явилась телеграмма генерала Столѣтова къ генералу Радецкому, отправленная съ Шипки 31-го іюля 1877 г.

«Вынужденъ послать флигель-адъютанта графа Толстаго [2]) просить смѣнить ополченіе съ Шипкинскаго перевала ротами Орловскаго полка. До крайности неисправна доставка хлѣба; неимѣніе сухарнаго запаса, почти поголовное отсутствіе обуви; патроны почти всѣ подмочены и врядъ ли въ настоящее время годны; съ началомъ сырой и холодной погоды многіе отлучаются самовольно искать хлѣба и одежды; впереди изнурительная лихорадка и голодный тифъ. Чтобы спасти ополченіе, необходимо вывести его по крайней мѣрѣ въ городъ Габрово, дать отдыхъ, укомплектовать и все исправить. Палатокъ у насъ вовсе нѣтъ. Генералъ-маіоръ Столѣтовъ».

Вѣроятно, такую же телеграмму генералъ Столѣтовъ послалъ и въ полевой штабъ, а можетъ быть передалъ свои заявленія сло-

---

[1]) Нѣсколько отдышавшаяся въ Тырновѣ кавалерія отправлена была рано утромъ 2-го августа къ сѣверу отъ города въ прекрасную дер. Поликраешти, гдѣ было много корму. Каждый полкъ былъ въ составѣ одного строеваго эскадрона. Остальныя лошади пошли табуномъ или въ поводу. На укомплектованіе полковъ, изъ Россіи, вытребованы маршевые эскадроны.

[2]) Полковникъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, командовавшій бригадою болгарскаго ополченія.

весно, черезъ флигель-адъютанта графа Толстаго. Догадки эти подтверждаются тѣмъ, что 1-го августа начальникъ полеваго штаба прислалъ изъ Горнаго Студня слѣдующую телеграмму: «Тырново. Князю Черкаскому. Прошу распоряженія вашего перевезти въ Тырново вещи, доставленныя Аксаковымъ для ополченія въ Бухарестъ и высылки Столѣтову триста восемнадцати шинелей. Корсаковъ двинулся уже въ Тырново. Непокойчицкій».

Корсаковъ, командиръ сводной болгарской бригады, предназначенной для сформированія новыхъ шести дружинъ (№№ 7—12), прибылъ въ Тырново 30-го іюля съ двумя дружинами въ составѣ 830 чел.[1]). Онъ въ свою очередь получилъ приказаніе немедленно направить на Шипку, въ распоряженіе генерала Столѣтова, 550 чел. на укомплектованіе первыхъ шести дружинъ.

Эти, вполнѣ оффиціальныя данныя—оправдывая дѣланныя въ Плоэштахъ возраженія князя Черкаскаго о несвоевременности еще предназначенія несформировавшагося окончательно болгарскаго ополченія для военныхъ дѣйствій,—показывали, что ополченіе на Шипкѣ бѣдствовало въ полномъ смыслѣ и начало разлагаться отъ организаціонныхъ неустройствъ, убыли въ бояхъ и усиленныхъ побѣговъ. Болгары, отлично дравшіеся съ турками, не выносили голода и холода и, еще не проникнувшись военною дисциплиною, считали себя въ правѣ самовольно отлучаться въ ближайшія окрестности отыскивать одежды и хлѣба. Надо ли говорить, что многіе такъ и не возвращались, предаваясь бродяжеству или уходя въ свои дома. Плохія нравственныя качества этихъ людей, бѣжавшихъ сперва изъ Турціи и не позаимствовавшихъ ничего добраго среди добровольцевъ, сошедшихся въ Сербіи, начали сказываться самымъ яснымъ образомъ. Графъ Толстой дополнилъ оффиціальное сообщеніе нѣкоторыми разсказами, усилившими тягостное впечатлѣніе.

---

[1]) Въ главѣ IX указано, что шесть дружинъ второй серіи предположено было размѣстить: по одной въ Никополѣ и Систовѣ и по двѣ въ Тырново и Габрово, какъ для удобства комплектованія, такъ и для образованія мѣстной военной силы, могущей подкрѣпить гражданское управленіе. Приказаніе объ этомъ пошло изъ Тырнова, отъ полеваго штаба, 6-го іюля, но дошло по назначенію лишь 19 іюля въ день бывшей въ Систовѣ паники послѣ второй Плевны. Начальникъ переправы ген. Рихтеръ задержалъ полк. Корсакова, и тотъ только 30 іюля могъ прибыть въ Тырново.

При ожидавшемся наступленіи Сулеймана-паши, на болгарское ополченіе нельзя было не разсчитывать, а между тѣмъ вотъ въ какомъ положеніи оно находилось!

Прибытіе полковника Корсакова давало возможность значительно пособить дѣлу въ особенности возобновленіемъ запаса патроновъ. Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно. Болгарское ополченіе было вооружено французскими ружьями системы шасспо, купленными Славянскимъ комитетомъ въ Германіи, и патроны къ нимъ были совершенно отличные отъ нашихъ, такъ что при невозможности возобновить заказъ патроновъ, ружья ополченцевъ становились простыми палками. Впрочемъ, купленныя у нѣмцевъ шасспо сильно пострадали въ кампаніи 1870—1871 гг. и оказывались вообще мало удовлетворительными по причинѣ сильнаго прорыва газовъ.

Все, что можно было сдѣлать для оказанія помощи болгарскому ополченію, сдѣлано немедленно. Такимъ образомъ главнѣйшія нужды ополченія можно было считать временно удовлетворенными. И какъ кстати—черезъ недѣлю начались бѣшеныя атаки Сулеймана-паши.

Дѣлая въ Тырновѣ эти распоряженія, мы никакъ не могли объяснить себѣ, отчего такъ терпитъ ополченіе, когда Славянскій комитетъ заготовилъ для него, широкою рукою, всю матеріальную часть. Мы знали, что всѣ запасы ополченія были переведены въ Плоэшти. Неужели ихъ ополченіе не взяло съ собою на эту сторону Дуная? Возможно ли, чтобы о нихъ забыли? Впослѣдствіи, когда наставшіе въ сентябрѣ мѣсяцѣ сильные холода въ Балканахъ вынудили заготовлять для дружинниковъ полушубки распоряженіемъ гражданскаго начальства, вопросъ о запасахъ снова всплылъ наружу, и начальнику тыла генералъ-адъютанту Дрентельну посланъ былъ объ этомъ запросъ по телеграфу. 9-го октября получается такой отвѣтъ:

«Изъ Бухареста № 610 пр. 50 сл. 21—11—15 д.

«Горный Студень. Князю Черкаскому.

«Въ Болгарскомъ складѣ вещей въ Плоэшти 6.000 ружей шасспо; 3.760.760 патроновъ; 12 орудій съ принадлежностями, 2.760 ядеръ различныхъ; 312 патронныхъ сумокъ, 735 малыхъ

и большихъ полушубковъ; 720 паръ чулокъ шерстяныхъ, 3.735 рукавицъ; 15 мѣдныхъ котловъ, 38 палатокъ старыхъ, ветхихъ. Въ вещахъ приблизительно 15.000 пудовъ. Дрентельнъ».

Какъ бы пригодились на Шипкѣ полушубки, рукавицы, шерстяные чулки! Если начальство ополченія съ легкимъ сердцемъ, мечтая о военныхъ подвигахъ, бросило ихъ въ Плоэшти болѣе или менѣе сознательно, то почему не поручено было полковнику Корсакову взять часть этихъ запасовъ при его движеніи въ Тырново? А онъ какъ разъ дѣлалъ этотъ путь въ то время, когда уже, по словамъ депеши генерала Столѣтова, ополченцы страдали на Шипкѣ отъ холода. Зимняя и осенняя доставка вещей въ Балканы изъ Румыніи была совершенно немыслима. Желѣзныя дороги были завалены военными грузами. На грунтовыхъ дорогахъ не хватало перевозочныхъ средствъ. Вещи для ополченія, доставленныя Аксаковымъ въ Бухарестъ и о которыхъ ген. Непокойчицкій телеграфировалъ 1-го августа князю Черкаскому, только благодаря особой настойчивости и распорядительности г. Аѳанасьева, бухгалтера Славянскаго комитета, попали на Шипку 11-го октября.

Дурныя вѣсти чередовались съ хорошими. Относительно устройства бѣженцевъ стали приходить весьма успокоительныя донесенія изъ Габрова, отъ окружнаго начальника Маслова. Сочувствіе къ бѣженцамъ было всеобщее; габровское населеніе все было сродни жителямъ Казанлыка и Колофера, а потому многіе бѣглецы размѣстились у своихъ въ Габровѣ, а другіе разошлись по окрестнымъ деревнямъ. Отъ 800 до 1.000 человѣкъ разработывали дорогу на Шипку, вмѣстѣ съ войсками и высылавшимся на работу населеніемъ. Бѣглецы охотно соглашались работать за хлѣбъ, и это давало возможность спустить съ дорожныхъ работъ хотя часть населенія и тѣмъ дозволить ему убирать поля. Словомъ, указанныя для устройства бѣженцевъ мѣры энергично и усердно приводились въ исполненіе.

«Монахинь и женщинъ—писалъ Масловъ отъ 25 іюля, я поднялъ на ноги. Онѣ живо притащили все необходимое и ухаживаютъ за ранеными. Теперь онѣ помѣстили раненыхъ болгаръ въ двухъ небольшихъ зданіяхъ училищъ. Пока они обезпечены на первое время. Послѣ я заставлю городъ сдѣлать постоянную больницу. Вчера докторъ насчитывалъ до 60 раненыхъ и больныхъ. Одинъ ребенокъ имѣетъ семь ранъ. Очень помогли мнѣ докторъ Христовъ и 5-й болгарской дружины докторъ Поповъ.

«Сегодня соберу совѣтъ и раздѣлю занятія, а то съ приходомъ этой массы людей всѣ съ ногъ сбились. Главное, что они (болгарскіе совѣты) совсѣмъ не привыкли дѣйствовать самостоятельно. Вездѣ требуется личное присутствіе, что ужасно отнимаетъ время; къ вечеру дѣлаешься совсѣмъ шальной и, чего со мной никогда не бывало, начинаешь забывать, что хотѣлъ сдѣлать.

«Нашимъ раненымъ жители приготовили пищу и, по возможности, все необходимое; да къ тому же и перевязочныя средства (посланныя Краснымъ Крестомъ) подоспѣли какъ разъ во-время. Первую телѣгу привезъ какой-то солдатъ, который не зналъ откуда, куда и что везетъ. Вторую телѣгу привезъ болгаринъ. И только вчера я получилъ отъ Краснаго Креста, что мнѣ послано пособіе съ перечнемъ матеріаловъ, находящихся во второй повозкѣ. О медикаментахъ, которые я получилъ въ первой телѣгѣ, ничего не говорится. Можетъ, я взялъ и чужое!»

Въ началѣ августа, мнѣ, совершенно случайно, пришлось видѣть массу забалканскихъ бѣженцевъ, въ періодъ ихъ первоначальнаго расположенія и при томъ при обстоятельствахъ чрезвычайно трагическихъ. Хотя эпизодъ этотъ произошелъ нѣсколько позже времени, которое описывается въ настоящей главѣ, но я привожу его здѣсь въ дополненіе къ сказанному о положеніи бѣженцевъ вслѣдъ за первымъ ихъ появленіемъ на нашу сторону.

Когда Сулейманъ-паша со всей своей арміей атаковалъ Шипку, генералъ Радецкій 10-го августа выступилъ на помощь атакованнымъ, взявъ съ собою изъ Тырнова 4-ую стрѣлковую бригару и три сотни казаковъ. Для оказанія отряду помощи всѣми средствами гражданскаго управленія, я присоединился къ генералу Радецкому и сдѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ весь походъ на Шипку [1]). Заявляя ему о моемъ намѣреніи идти съ отрядомъ, я тогда же, т. е. 9-го августа вечеромъ, предлагалъ, пользуясь казаками, собрать въ окрестностяхъ Тырнова и далѣе по пути подводы, чтобы на нихъ доставить отрядъ по крайней мѣрѣ къ Габрову. Генералъ отклонилъ это предложеніе.

Отрядъ вышелъ изъ св. Петра около Тырнова, въ 5 часовъ утра. Послѣ привала около хана Ганцовце, онъ выступилъ далѣе въ страшную жару—термометръ показывалъ 38° R.

Дорога, сильно поднимаясь въ гору, шла зигзагами; то мы далеко видѣли впередъ, то все это вдругъ скрывалось за крутымъ поворо-

---

[1]) Подробности этого похода разсказаны мною въ статьѣ: «Тырновъ и Шипка въ іюлѣ и августѣ 1877 г.», напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» за 1893 г. въ книжкахъ за октябрь и ноябрь. Нижеприводимый разсказъ о бѣженцахъ позаимствованъ изъ этой статьи.

томъ, и открывался чудный видъ назадъ, позволявшій съ головы колонны видѣть чуть ли не весь сильно растянувшійся отрядъ. За однимъ изъ такихъ поворотовъ, намъ представились какіе-то таборы, размѣстившіеся по сторонамъ дороги. Наваленныя разнымъ скарбомъ повозки стояли задомъ къ дорогѣ; около нихъ, подъ полотняными навѣсами, прицѣпленными къ дышламъ или воткнутымъ въ землю шестамъ, копошились люди; немного подальше виднѣлись лошади и волы. Телѣгъ примѣрно были сотни, а людей многія тысячи. Что это такое? Это были болгарскіе бѣженцы изъ-за Балканъ. Выгнанные изъ родныхъ пепелищъ, они продвинулись далеко къ сѣверу и рѣшительно запрудили всѣ окрестности. Большинство изъ нихъ были пѣшіе; только сравнительно немногіе успѣли сохранить свои арбы, лошадей или воловъ.

Встрѣчались два теченія. Мѣстное населеніе, покинувшее югъ, шло на сѣверъ, чтобы подъ нашею опекою укрыться отъ лютыхъ мусульманъ; русскія войска стремились на югъ съ сѣвера, спѣша предупредить врага въ его усиліяхъ овладѣть горными проходами и не дозволить ему на плечахъ бѣженцевъ прорваться черезъ Балканы. Болгары, видя, что мы не бросаемъ Шипку, что войска идутъ на ея защиту—считали себя спасенными и безусловно вѣрили въ нашу силу. По мѣрѣ нашего приближенія къ становищамъ бѣженцевъ, всѣ взрослые становились на колѣни и кланялись въ землю. «Много счастья, много здравія»—твердили женщины, съ рыданіями глядя на насъ и протягивая къ намъ грудныхъ младенцевъ. Всѣ мужчины были безъ шапокъ. Немало мужчинъ, женщинъ и ребятишекъ были въ перевязкахъ. Это жертвы турецкихъ неистовствъ. Несмотря однако на перенесенныя и переносимыя страданія, на темномъ фонѣ толпы яркими пятнами выдавались головы множества болгарокъ, украшенныхъ цвѣтами. Любовь къ цвѣтамъ у болгарокъ замѣчательная; какъ только есть возможность, болгарка непремѣнно сорветъ нѣсколько цвѣтковъ и кокетливо воткнетъ ихъ въ волосы. У однѣхъ виднѣлись отдѣльные цвѣтки, у другихъ цѣлые вѣнки. Это было немалымъ контрастомъ съ измученными лицами женщинъ и больными дѣтишками, бывшими у нихъ на рукахъ. Такова сила врожденнаго кокетства болгарокъ; какъ ни страдали онѣ, а украшать себя не забывали.

Помимо этихъ анормальностей, картина была потрясающая. И за малыми перерывами тянулась она, поражающая своимъ грознымъ однообразіемъ, до самаго Габрова и даже нѣсколько далѣе. Если эти бѣженцы, скопившіеся въ такомъ громадномъ числѣ, при движеніи войскъ впередъ только дѣйствовали на ихъ нервы и возбуждали ненависть противъ исконныхъ ихъ притѣснителей, то совсѣмъ не то значеніе получили бы они при отступленіи. Малѣйшей причины достаточно, чтобы произвести въ такой толпѣ панику, смѣшать все въ одну хаотическую кучу и загородить дорогу войскамъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ эта сторона дѣла представлялась все явственнѣе. Мы заговорили о ней. Высказано было предположеніе — удалить этихъ бѣженцевъ съ главнаго пути въ стороны, если нельзя будетъ принять мѣры къ скорѣйшему ихъ продвиженію впередъ. Такъ или иначе, но дорогу очистить слѣдовало.

Въ хорошенькомъ городкѣ Дряновѣ, на полдорогѣ до Габрова, отряду былъ приготовленъ обѣдъ. Однако люди такъ изнемогли отъ жары, что не думали о ѣдѣ, а разлеглись поудобнѣе въ тѣни и крѣпко спали. Многіе даже не дошли до мѣста бивуака, выбраннаго за городомъ, а оставались въ городѣ и засыпали въ тѣни домовъ или заборовъ. Паровыя кухни, бывшія при стрѣлковыхъ батальонахъ, давно уже сварили пищу, но никто за нею не являлся. Рѣдко мнѣ приходилось видѣть болѣе печальный и тихій бивуакъ. Встрѣченный въ Дряновѣ помощникъ окружнаго Габровскаго начальника, поручикъ стрѣлковъ императорской фамиліи Кутеповъ, успокоилъ меня насчетъ бѣженцевъ. Они были хорошо извѣстны мѣстнымъ полицейскимъ властямъ, и въ случаѣ нужды, каждую группу легко было передвинуть въ заранѣе назначенное ей мѣсто. Это обстоятельство дозволяло снисходительнѣе смотрѣть на бивуакированіе бѣженцевъ около самыхъ дорогъ. Но тотъ же Кутеповъ сообщилъ, что у жителей въ городѣ очень мало перевозочныхъ средствъ, такъ какъ почти все населеніе съ рабочимъ скотомъ разошлось по хуторамъ на уборку хлѣба. Однако до 60 подводъ было собрано, и поиски за ними продолжались. Члены городскаго совѣта дали мнѣ слово послать за подводами въ ближайшіе хутора и вечеромъ, когда жара спадетъ, доставить въ Габрово всѣхъ отсталыхъ солдатъ, оставшихся въ Дряновѣ.

Надо было отряду выходить, а на бивуакѣ царила глубокая тишина. Если бы отрядъ не поднять силою, то самъ онъ остался бы въ томъ оцѣпенѣніи, въ которое впалъ отъ усталости и невыносимой жары. Ударили походъ. Отрядъ поднялся и выступилъ тѣмъ же порядкомъ. Впереди ѣхалъ Радецкій со свитою, за нимъ шли войска, а по бокамъ какъ шпалерами съ той или другой стороны—а гдѣ мѣсто позволяло и съ обѣихъ — стояли бѣженцы. Тѣ же рыданія, тѣ же мольбы и благословенія. Пройдя нѣсколько верстъ, я увидѣлъ состоящаго въ гражданскомъ управленіи молодаго болгарина Узунова (довольно извѣстный литераторъ). Подозвавъ его къ себѣ, я узналъ, что онъ присланъ Масловымъ изъ Габрова для оказанія отряду помощи.—Можно ли взять у бѣженцевъ подводы?—спросилъ я Узунова. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда я подъѣхалъ къ Радецкому и снова предложилъ ему взять для войскъ подводы, хотя бы подъ свозъ ранцевъ и отсталыхъ, которые выходили изъ рядовъ и садились при дорогѣ. На этотъ разъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ не возражалъ; не оборачиваясь въ мою сторону и все глядя впередъ, онъ наклоненіемъ головы далъ свое согласіе. Видимо, и его начинало брать раздумье—дойдетъ ли сегодня отрядъ до Габрова. Я приказалъ Узунову доложить командиру бригады генералу Цвѣцинскому о разрѣшеніи брать подводы и условиться, какъ это сдѣлать удобнѣе. Рѣшено было взять по нѣскольку подводъ на роту. Исполненіе было немедленное и безпрекословное. Едва Узуновъ объяснилъ братушкамъ желаніе генерала, все засуетилось. Бѣженцы живо отцѣпили навѣсы и, опрокидывая арбы, выбрасывали изъ нихъ на землю свою домашнюю рухлядь. Другіе въ это время побѣжали за волами. Подмога была небольшая и поздняя, но все-таки крайне полезная.

Поздно вечеромъ на другой день, 11-го августа, отрядъ Радецкаго занялъ Шипку и немедленно выдвинулъ впередъ 16-й стрѣлковый батальонъ для занятія правыхъ высотъ, съ которыхъ турки сильно безпокоили защитниковъ перевала. Турки отступили на этомъ мѣстѣ, и спокойствіе воцарилось на Шипкѣ вплоть до разсвѣта. Только на перевязочномъ пунктѣ шла дѣятельная работа докторовъ и чиновъ Краснаго Креста. Раненыхъ было очень много.

12-го августа я пустился въ обратный путь. По дорогѣ я встрѣчалъ и нагонялъ массу болгаръ. Одни взбирались на гору съ

водой, другіе свозили, сводили и сносили внизъ раненыхъ. Бѣженцы стояли на тѣхъ же мѣстахъ, высылая отъ себя людей на помощь защитникамъ Шипки. Видно было, что усердія у нихъ много, но общаго руководства не было, а потому немало трудовъ пропадало напрасно. Напримѣръ двѣ, три болгарки шли въ гору съ небольшими кувшинами каждая, тогда какъ общими усиліями онѣ легко бы внесли два ведра. Поэтому прибывъ въ Габрово, я прежде всего, при помощи окружнаго начальника Маслова и почтенныхъ болгаръ, членовъ городскаго совѣта—къ сожалѣнію, не помню ихъ именъ—организовалъ немедленно правильную помощь гарнизону. Собрано было сто носилокъ съ 400 носильщиками за извѣстную плату отъ гражданскаго вѣдомства; тысяча человѣкъ болгаръ отправлена съ водой въ кувшинахъ, ведрахъ и бочкахъ на ослахъ и телѣгахъ. Кромѣ того, городской совѣтъ отъ себя послалъ 50 ведеръ водки. «Вообще,—записано у меня въ дневникѣ,—мѣстные жители вели себя удивительно. По первому слову бѣженцы опрокидывали свои возы съ пожитками и ѣхали или шли, куда имъ приказывали».

Предметомъ особыхъ моихъ совѣщаній съ распорядительнымъ Масловымъ было положеніе бѣженцевъ, бивуакировавшихъ по дорогѣ съ обѣихъ сторонъ Габрова, т. е. къ Шипкѣ и въ Тырново. Генералъ Радецкій просилъ меня принять мѣры къ тому, чтобы бѣженцы не могли мѣшать движенію войскъ; онъ считалъ даже необходимымъ немедленное ихъ удаленіе съ дороги. Разумѣется, удаленіе было возможно, но какъ предупредить пагубное вліяніе подобной мѣры на самихъ бѣженцевъ и на все мѣстное населеніе, между которымъ могла возникнуть паника? Куда ихъ размѣстить? какъ вообще успокоить ихъ послѣ перенесенныхъ бѣдствій, да, наконецъ, чѣмъ возмѣстить ту пользу, которую они приносили намъ, давая массу рабочихъ силъ для несенія помощи войскамъ на Шипкѣ? Съ другой стороны, съ прибытіемъ Радецкаго на Шипку, явилась полная надежда, что мы удержимся на этомъ важномъ пунктѣ и что наблюденіе за бѣженцами, расположившимися около Габрово, возможно устроить при посредствѣ назначенныхъ офицеровъ гражданскаго управленія, находившихся тогда въ Габровѣ. Всѣ бивуаки бѣженцевъ предположили раздѣлить на участки, подчинивъ каждый особому офицеру, который и получалъ указаніе,

куда именно, въ случаѣ надобности, слѣдовало ему направить своихъ бѣженцевъ Поэтому я и рѣшился оставить бѣженцевъ на занятыхъ ими мѣстахъ, впредь до постепеннаго ихъ устройства въ ближайшихъ окрестностяхъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ крайнихъ обстоятельствъ, по первому приказанію съ Шипки, немедленно свести ихъ съ дороги. Отдавъ въ этомъ смыслѣ приказанія и сообщивъ о ихъ содержаніи Ѳедору Ѳедоровичу Радецкому, я, 13-го августа, отправился въ главную квартиру, гдѣ мои распоряженія были одобрены.

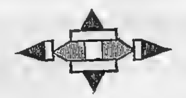
Между тѣмъ отвѣта на представленіе завѣдующаго гражданскими дѣлами о разрѣшеніи ему явиться въ Горный Студень не приходило. Мало того, получилось извѣстіе, что 31 іюля подписанъ главнокомандующимъ рескриптъ на имя князя Черкаскаго о предоставленіи ему разнаго рода полномочій по веденію гражданскихъ дѣлъ. Этотъ фактъ могъ быть истолкованъ только въ томъ смыслѣ, что въ главной квартирѣ желаютъ, чтобы гражданское управленіе оставалось въ Тырновѣ. Такъ какъ съ таковымъ желаніемъ помириться было невозможно, то князь Черкаскій вновь телеграфировалъ о необходимости личнаго доклада главнокомандующему по многимъ дѣламъ, не терпѣвшимъ отлагательства. Наконецъ, ожидаемое разрѣшеніе пришло, однако только въ формѣ согласія на пріѣздъ въ главную квартиру самого завѣдующаго гражданскими дѣлами. 4-го августа князь Черкаскій выѣхалъ изъ Тырнова и не ранѣе 8-го августа телеграфировалъ мнѣ о передвиженіи въ Горный Студень всей канцеляріи гражданскаго управленія. Этимъ и кончилась новая попытка къ удаленію завѣдующаго гражданскою частью и его канцеляріи изъ главной квартиры.

Вышеописанныя событія, происшедшія въ Тырновѣ во второй половинѣ іюля, какъ можно усмотрѣть изъ общей ихъ совокупности, не были такого свойства, чтобы успокоительно подѣйствовать на нервы князя Черкаскаго. Напротивъ, раздраженіе его ежедневно возрастало подъ гнетущимъ давленіемъ неизвѣстности о дальнѣйшихъ замыслахъ полеваго штаба. Онъ опасался, что его не вызовутъ въ главную квартиру и что, вслѣдствіе отсутствія возможности личныхъ сношеній съ высшими военными властями, дальнѣйшая судьба

гражданскаго управленія—едва начинавшаго устраиваться—будетъ скомпрометтирована. Независимо отъ этого, задержка арміи подъ Плевной представлялась ему въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Ему казалось, что въ будущемъ могли быть не только успѣхи, столь страстно ожидаемые войсками, но и новыя неудачи... Что времени терять нельзя, а надо теперь же думать о зимѣ и необходимыхъ запасахъ для войскъ... Онъ боялся, что полевой штабъ, безъ новой и еще болѣе тяжкой военной неудачи, не очнется отъ своего оптимизма и не броситъ своей непонятной непредусмотрительности. Эти опасенія, связанныя съ честью и достоинствомъ Россіи, занимали его преимущественно и на нихъ онъ сосредоточивалъ все свое вниманіе, о нихъ онъ толковалъ ежеминутно. Судьбы гражданскаго управленія—его личное дѣло—конечно, были дороги для него, но о нихъ онъ думалъ главнымъ образомъ потому, что только при посредствѣ этого дѣла онъ могъ быть въ общеніи съ военными властями и на почвѣ этого дѣла—проводить свои патріотическіе взгляды. Всякія попытки успокоить его, обратить его вниманіе на менѣе жгучіе вопросы были неудачны... онъ еще болѣе волновался. Отсюда понятно, какой энергическій отпоръ далъ онъ близкому и дружественно къ нему расположенному Д. Ѳ. Самарину, пріѣхавшему въ Тырновъ, кажется 31-го іюля, для того, чтобы уговорить князя отказаться отъ должности главноуполномоченнаго Краснаго Креста, Д. Ѳ. Самаринъ былъ членомъ главнаго управленія общества и дѣйствовалъ, если не по его порученію, то въ полной солидарности съ его настроеніемъ. 1-го августа между ними произошелъ самый горячій разговоръ, и князю Черкаскому пришлось выслушать обвиненія въ томъ, что цѣль его дѣйствій—стремленіе къ власти. Онъ возражалъ, говоря, что не власти ищетъ онъ, а независимости для своихъ дѣйствій. Собесѣдники не сговорились между собою, и князь Черкаскій остался представителемъ Краснаго Креста.

Д. Анучинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



НАШИ МИСТИКИ-СЕКТАНТЫ.

Екатерина Филипповна Татаринова и Александръ Петровичъ Дубовицкій.

III [1]).

Высочайшее повелѣніе о закрытіи тайныхъ обществъ.—Выселеніе Е. Ф. Татариновой изъ Михайловскаго зàмка.—Жизнь въ Семеновскомъ полку.—Дѣла благотворительности.—Взаимныя отношенія членовъ союза между собою.

1-го августа 1822 года послѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа В. П. Кочубея, повелѣвавшій закрыть всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, «какъ-то масонскихъ ложъ или другими, и учрежденія ихъ впредь не дозволять». Изъ этого общаго указанія не исключались и такія общества, которыя первоначально имѣли цѣль благотворительную [2]).

Отъ Е. Ф. Татариновой потребовали подписку, что она не будетъ имѣть у себя прежнихъ многочисленныхъ собраній и съѣздовъ [3]), а нѣсколько ранѣе, и именно въ 1821 году — что она выѣдетъ изъ Михайловскаго (Инженернаго) зàмка.

— Братъ Николай, — сказалъ Татариновой императоръ Александръ,—проситъ у меня Михайловскій дворецъ подъ Инженерное училище, въ чемъ я не могъ отказать ему; потому прошу васъ за-

---

[1]) См. «Русскую Старину», ноябрь 1895 г.

[2]) Полное Собраніе Законовъ № 29151.

[3]) Письмо М. С. Пилецкаго графу Протасову 22 августа 1838 г.

нимаемую вами во дворцѣ квартиру очистить. Я ассигновалъ для васъ деньги изъ моего Кабинета на наемъ квартиры со всѣми удобствами, которыя (деньги) будутъ доставляемы вамъ черезъ посредство князя Александра Николаевича Голицына [1]).

Екатерина Филипповна выѣхала изъ Михайловскаго замка и поселилась въ нанятомъ домѣ въ 1-й ротѣ Семеновскаго полка. Домъ былъ двухъ-этажный: въ верхнемъ жилъ ея деверь, Михаилъ Михайловичъ Татариновъ, а внизу — Екатерина Филипповна со своимъ штатомъ [2]). Немногочисленные ея послѣдователи въ то время жили: М. С. Пилецкій, А. Г. Милорадовичъ и П. Ф. Буксгевденъ — на Литейной улицѣ, въ институтѣ слѣпыхъ; начальникъ отдѣленія въ министерствѣ просвѣщенія, Григорій Михайловичъ Поповъ — въ Чернышевомъ переулкѣ; служившій въ канцеляріи императрицы, коллежскій совѣтникъ Родіоновъ — у Семеновскаго моста; Павелъ Николаевичъ Слуцкій — въ Коломнѣ [3]); художникъ В. Л. Боровиковскій — въ Милліонной; Никита Өедоровъ съ семействомъ — въ 4-й ротѣ Семеновскаго полка; генералъ Е. А. Головинъ, Л. М. Гагинъ и штабъ-лѣкарь Ө. Косовичъ—въ казармахъ л.-гв. Егерскаго полка [4]).

Всѣ они, лишившись возможности часто собираться вмѣстѣ, поддерживали постоянную связь съ Татариновой дѣлами благотворительности. Нѣкоторые изъ нихъ были люди не только обезпечен-

---

[1]) «Дополнительныя свѣдѣнія о Татариновой». «Русскій Архивъ» 1872 г., т. II, стр. 2337.

[2]) Штатъ Татариновой тогда составляли: вдова офицера Наталья Григорьевна, около 50 лѣтъ, смотрѣвшая за хозяйствомъ вообще; Авдотья Петровна, 45 лѣтъ — состояла при малолѣтнихъ дѣтяхъ; Прасковья Петровна, 40 лѣтъ—завѣдывала съѣстными припасами — всѣ три дворянки, но фамиліи намъ неизвѣстны. Крестьянскія женщины: Анна 40 лѣтъ, Прасковья 20 лѣтъ и мать ея 70 лѣтъ. Бывшія на воспитаніи дѣти пятилѣтняго возраста: Анна (взятая изъ-подъ Новгорода), Николай и Романъ - всѣ взяты отъ родителей, когда имъ было не болѣе полутора года.

[3]) У Слуцкаго жилъ и воспитывался мальчикъ Петръ 7 лѣтъ, взятый Татариновой отъ бѣдныхъ родителей, а у Пилецкаго—Михаилъ 13 лѣтъ, вывезенный Екатериною Филипповною изъ-за границы.

[4]) Впослѣдствіи присоединились къ союзу, но пробыли короткое время: 1) отставной штабъ-лѣкарь Өедоръ Ивановичъ Колосовъ; 2) отставной подпоручикъ, помѣщикъ Орловской губерніи, Алексѣй Васильевичъ Перваго 2-й; 3) Михаилъ Ивановичъ Клечановскій; 4) г-жа Еропкина и 5) камеръ-юнкеръ Валерій Ивановичъ Кошелевъ (Показаніе Косовича 26 и 27 февраля 1824 г.).

ные, но и богатые, охотно шедшіе на подвиги человѣколюбія. Для этой цѣли въ квартирѣ Екатерины Филипповны была поставлена кружка, въ которую опускались добровольныя пожертвованія, доходившія иногда до значительныхъ размѣровъ. Всѣ эти деньги употреблялись на вспомоществованіе бѣднымъ, не принадлежавшимъ къ союзу. Нѣкоторые получали единовременныя пособія, а другіе, преимущественно семейные, ежемѣсячное, каждое первое число. Члены союза сами отыскивали лицъ, нуждающихся въ помощи, и часто отправлялись въ отдаленнѣйшія части города, чтобы проникнуть въ жилища «бѣдности и страданій» и лично убѣдиться въ образѣ жизни нуждающихся. Бывали случаи, что нѣкоторые изъ послѣдователей Татариновой проводили ночи у постели бѣдныхъ больныхъ и несли къ нимъ какъ духовную, такъ и матеріальную помощь.

«Не разъ,—пишетъ П. Кукольникъ [1]),—заслуженный чиновникъ или благородная дама, въ самое ненастное время года, садились на дрожки съ покрытымъ лохмотьями больнымъ или больною и отвозили ихъ въ больницу, гдѣ, стараніемъ членовъ, заранѣе приготовлено имъ было мѣсто. Я самъ былъ свидѣтелемъ значительной помощи, оказанной Екатериною Филипповною одной безумной, на которую она дѣйствовала нравственнымъ вліяніемъ. Никогда не забуду той трогательной сцены, когда Екатерина Филипповна, встрѣтивъ на улицѣ плачущую бѣдную крестьянку съ груднымъ ребенкомъ и узнавъ отъ нея, что на дорогѣ въ Петербургъ у нихъ пала послѣдняя лошадь и что мужъ ея третій день бѣгаетъ по городу, ища пособія, и не можетъ его найти,—дала ей изъ кружки 52 руб. на покупку лошади. Надобно было видѣть изумленіе и восторгъ бѣдной семьи, собравшейся у ногъ ея и осыпавшей ее благословеніями. Вопль благодарности этой семьи заглушитъ передъ престоломъ Превѣчной любви всѣ осужденія людей, не вникающихъ въ сущность дѣла и судящихъ о немъ поверхностно или по слухамъ».

Слухи о добротѣ Е. Ф. Татариновой и ея благотворительности заставляли безпріютныхъ матерей приносить своихъ дѣтей и со сле-

---

[1]) «Анти-Фотій». «Русскій Архивъ» 1874 г., т. I, стр. 600.

зами умолять, чтобы она пріютила ихъ и спасла отъ неминуемой погибели, которою угрожала имъ крайняя нищета. Татаринова принимала ихъ, воспитывала и устроивала ихъ судьбу. Но доброта часто подвергается осужденію и служитъ источникомъ самыхъ нелѣпыхъ разсказовъ. Такъ и про Екатерину Филипповну говорили, что она беретъ къ себѣ дѣтей, чтобы прикрыть свой грѣхъ и распутство.

«Неизвѣстно отъ кого,—пишетъ архимандритъ Фотій[1]),—оная окаянная блудница очреватѣла и родила; удивленія достойна была многихъ слѣпость учениковъ: въ малодушіи молву разносили, что родитъ великаго человѣка, исполненнаго духа[2]). По лукавству вельможи придворнаго (кн. Александра Николаевича Голицына), приверженца своего, Татаринова, столь безчестное дѣло сдѣлавши, удостоена была посѣщенія отъ царя Александра. Въ сіе время былъ имъ окрещенъ младенецъ».

Ни оффиціальные документы, ни многочисленные свидѣтели жизни Татариновой не упоминаютъ о предосудительномъ ея поведеніи, и разсказъ Фотія надо отнести ко лжи, клеветѣ и выдумкѣ; впрочемъ, и самъ архимандритъ говоритъ, что онъ «такъ слышалъ». Но мало ли что можно слышать: не все то правда, что говорятъ. Гораздо лучше обратиться къ письменнымъ документамъ, которые обрисуютъ намъ поведеніе Екатерины Филипповны въ совершенно иномъ видѣ.

Всѣ послѣдователи смотрѣли на нее, какъ на женщину высоконравственную и вдохновенную Богомъ. Они питали къ ней глубокое уваженіе, называли матерью, видѣли въ ней руководительницу на пути къ Богу и въ отношеніи къ ней ничего грѣховнаго не допускали. Исключеніе въ этомъ составлялъ нѣкоторое время штабъ-лѣкарь Ѳ. Косовичъ.

---

[1]) Въ своей автобіографіи. «Русскій Арх.» 1873 г., т. II, стр. 1448—1449. Напротивъ того, В. Фуксъ говоритъ, что «изъ исповѣди Е. А. Головина мы узнаемъ, что Е. Ф. Татаринова предписывала супругамъ прекращеніе супружескихъ сношеній» (см. «Русскій Вѣстн». 1892 г., № 1, стр. 21). Въ той рукописи, которая была въ нашихъ рукахъ и которая хранится въ архивѣ, такого признанія Головина нѣтъ.

[2]) Никто изъ членовъ союза не говорилъ и не могъ говорить объ этомъ, и ложный слухъ этотъ дошелъ до Фотія отъ скопцовъ.

— Сердце мое,—признавался онъ впослѣдствіи,—должно любить въ ней (Татариновой) единаго Спасителя, а отнюдь не привязываться къ ней, какъ къ человѣку. Но по моему привязчивому характеру и послѣднее начиналось.

Косовичъ чаще другихъ искалъ свиданія съ Екатериною Филипповною, писалъ ей письма, въ которыхъ намекалъ на возникшее чувство, высказывалъ грусть и тоску.

«Я не могу знать, душенька,—отвѣчала ему Татаринова [1]),—причины твоей скорби потому, что ты мнѣ не изъявляешь, чѣмъ ты былъ сіи дни занятъ, гдѣ ты былъ явно или тайно? Касательно свиданія, ты самъ говорилъ, что болѣе чувствуешь ко мнѣ любви, когда ты меня не видишь. Такъ какъ ты еще не пришелъ въ благодатную простоту, то плоть твоя тебя видно смущаетъ. Ты глядя на меня выходишь изъ внутренняго твоего сношенія со мною. Благодари Бога, что онъ тебѣ черезъ меня далъ,—вотъ и довольно для меня; пребывай въ твоемъ покоѣ и утверждайся въ истинномъ твоемъ ничтожествѣ».

Возникновеніе чувства любви Косовичъ объяснялъ преобладаніемъ надъ собой разума, которому онъ позволялъ смотрѣть на Екатерину Филипповну, какъ на женщину, а не какъ на орудіе Божіе [2]). Заглушить это преобладаніе было, конечно, трудно, и, не встрѣчая отвѣта, Ѳ. Косовичъ впалъ въ полное отчаяніе.

«Скорбь твоя,—писала ему Татаринова [3]),—происходитъ отъ одной причины—ты желаешь имѣть по плоти друга, а Богъ тебѣ не даетъ. Итакъ, другъ мой, природѣ не подражай, радуйся, что Господь тебя избралъ, тебѣ духа своего далъ. Теперь остается тебѣ быть только вѣрнымъ сему духу, который не такъ скорбитъ; его скорбь непродолжительна, и душа въ скорби покойна. Желай только имѣть своего пастыря, ему одному нравиться, и скорбь твоя обратится въ радость. Я знаю, что когда насъ благодать креститъ, то скорбь эта пріятна и не хочешь ея лишиться, а когда намъ что-то недостаетъ, то вѣрь мнѣ, что плоть тоскуетъ».

Сознавая справедливость этихъ словъ, Косовичъ не могъ однако

---

[1]) Въ письмѣ безъ числа.
[2]) Показаніе Ѳ. Косовича 29 февраля 1824 г.
[3]) Отъ 7 октября 1822 г.

же побѣдить своего чувства и выказывалъ его при каждомъ свиданіи съ Екатериною Филипповною.

«Когда ты былъ у меня, душенька,—писала она ему [1]),—то я была въ ту ночь вся у престола и просила для тебя силъ. Очень была наказана, что поддалась нѣсколько, и то только на одну минуту, на твое худое желаніе. Нѣтъ, мой другъ, не такъ побѣждаютъ врага на семъ пути,—это природные люди удовлетворяютъ себя и тѣмъ облегчаются. Насъ Духъ Святый и сила его только можетъ облегчить. Я увѣрена, что тебѣ врагъ сіе внушилъ и укрѣпляетъ тебя въ намѣреніи твоемъ, вмѣщая въ тебѣ мысли о возможности сіе сотворить. Молитвою и смиреніемъ истребляй сего врага, ибо онъ насъ всегда искушаетъ тѣмъ, чѣмъ мы ему въ міру служили. Прости, молю Бога, да обниметъ тебя своею силою и не оставитъ тебя никогда, если будешь смиряться. Будь увѣренъ, что я никому не скажу твою тайну,—это слишкомъ нечисто, чтобы занимать кого-нибудь таковымъ разговоромъ. Притомъ, увѣряю тебя, что душа твоя ни малѣйше не потеряла въ моемъ сердцѣ. Смиряйся—Богъ освободитъ».

«Другъ мой!—писала Екатерина Филипповна въ другомъ письмѣ Косовичу [2]).—Жалѣю и люблю тебя, какъ только мать можетъ любить свое дѣтище. Духъ Христовъ началъ тебя крестить огнемъ и силою—благодари его. Вѣдь не за тѣмъ пришли сюда, чтобъ волю свою творить! Чѣмъ же вы докажете любовь свою, какъ не покорностью непорченой воли своей. Все страданіе твое происходитъ отъ того, что ты сердцемъ не принимаешь мое запрещеніе, какъ отъ руки Божіей. Во-первыхъ, прими сіе отъ того, кого любишь, а во-вторыхъ,—согласись. Прибавь тебѣ Господи силъ и упокой твое сердечко».

Письмо это отрезвило Косовича, и онъ принужденъ былъ прекратить свои исканія.

— Самолюбію моему, — говорилъ онъ, — было очень больно, однакожь, страданія въ моемъ сердцѣ прекратились, когда я сознался въ моемъ неповиновеніи и просилъ прощенія.

---

[1]) Отъ 23 октября 1822 г.
[2]) Отъ 19 января 1824 г.

Мы разсказали этотъ эпизодъ изъ внутренней жизни союза съ цѣлію снять съ Татариновой голословное обвиненіе Фотія [1]) и указать на взаимныя отношенія членовъ, составлявшихъ теперь не общество [2]), а небольшую семью людей, религіозно настроенныхъ, искавшихъ поэтическаго и душевнаго наслажденія въ любви къ Богу и въ стремленіи къ нему. Подъ вліяніемъ такого увлеченія, многіе члены союза были готовы на всякое послушаніе и испытаніе, лишь бы сдѣлать угодное Господу.

«Ухожу со скорбію,—писалъ однажды Татариновой братъ ея, Петръ Филипповичъ Буксгевденъ, но сердце какъ-то питается; чувствую притомъ сиротство. Теперь я имѣю желаніе сапоги чистить [3]), что принимаю за совершенную волю Божію, а сначала противился».

«Не скорби, другъ мой,—отвѣчала Екатерина Филипповна, — я думаю, если ты изъ любви къ Іисусу Христу будешь чистить сапоги, то тебѣ будетъ пріятно и легче».

Она совѣтовала своимъ послѣдователямъ мужаться, побѣждать всѣ искушенія, любить единаго Господа и избранныхъ Его. Любовь же,—говорила она,—состоитъ въ томъ, чтобы творить волю Его; любовь не осуждаетъ, любовь снисходитъ. Одно смущеніе, лишая насъ сердечнаго покоя, мѣшаетъ намъ познавать всеблагаго наставника. Давая наставленіе, какъ жить, чтобы угодить Господу, Татаринова не любила, когда подобные совѣты исходили отъ кого-либо изъ членовъ союза.

«Я прочитала письмо Гагина къ тебѣ, мой другъ,—писала она Косовичу,—и замѣчаю, что онъ тебя учитъ тому, что ты давно уже знаешь; но покажи онъ на дѣлѣ, а потомъ учи. Охъ! эти охотники учить. Ты своею искренностью выбралъ себѣ учителя, который и не слыхалъ, какъ Господній духъ всему научилъ. Я тебя

---

[1]) Быть можетъ, юрьевскій архимандритъ видѣлъ подтвержденіе дошедшихъ до него слуховъ въ воспитанницѣ Татариновой, дѣвицѣ Аннѣ Васильевой, но мы только-что сказали, что она была взята на воспитаніе изъ-подъ Новгорода, и по показанію Косовича родители часто навѣщали свою дочь и слѣдили за ея воспитаніемъ.

[2]) «Какъ всякій домъ,—показывалъ Косовичъ,—съ его знакомыми не называется обществомъ, такъ и мы себя не считали обществомъ».

[3]) Необходимо имѣть въ виду, что при тогдашнихъ воззрѣніяхъ общества барину чистить сапоги считалось предосудительнымъ, и такое желаніе могло быть принято не иначе, какъ за смиреніе.

научу, какъ ему отвѣчать для пользы его. Много наберется учителей».

Обязанная подпискою не имѣть сборищъ, Екатерина Филипповна дѣлала это украдкою и не рѣшалась часто собирать своихъ послѣдователей вмѣстѣ для общей молитвы, несмотря на ихъ просьбы и увѣренія, что безъ нея они считаютъ себя сиротами.

«Сиротство твое,—писала она Ѳ. Косовичу [1])—меня тронуло,—это знакъ вѣрности и привязанности твоей ко мнѣ, ибо душа твоя чувствовала, что я желаю уединиться; но будь увѣренъ, что я сама столько васъ люблю, что не могу съ вами разстаться. Итакъ раздѣляться мнѣ съ вами нельзя, но и видѣться со всѣми вмѣстѣ, кажется, отъ меня Богъ и не требуетъ, развѣ когда будете желать (пророческое) словечко. Я съ радостію буду видѣться съ вами въ недѣлю то съ однимъ, то съ другимъ, какъ Богъ прикажетъ; мнѣ такъ легче, какъ вдругъ со многими».

Поэтому братья собирались вмѣстѣ рѣдко, радѣнія почти прекратились, а ночныхъ собраній совсѣмъ не было. Общія собранія происходили обыкновенно на верху, въ квартирѣ М. М. Татаринова, гдѣ была особая комната, уставленная образами, преимущественно работы художника Боровиковскаго, написавшаго также и портретъ Екатерины Филипповны [2]). Въ этой комнатѣ молились, а затѣмъ проводили время въ религіозныхъ бесѣдахъ. Въ 9 часовъ вечера Татаринова ложилась спать, и ея послѣдователи уходили послѣ чая въ 7 часовъ и очень рѣдко въ 7 съ половиною часовъ вечера [3]). Калитка у воротъ запиралась, и все успокоивалось.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 22-го іюля 1822 года.

[2]) По поводу своего портрета Татаринова писала В. Л. Боровиковскому: «Вѣрный мой во Христѣ братецъ! Благослови васъ Господь докончить мой портретъ, ибо я имѣю теперь случай переслать оный въ ту губернію, куда онъ Богомъ назначенъ. Но умоляю васъ не писать копію, ибо я очень не желаю, чтобы портретъ мой былъ написанъ для общихъ глазъ. Если же тотъ возвратится чрезъ время, тогда я почту, что Богу угодно, чтобъ оный былъ оставленъ послѣ смерти моей. Молю Бога, да положитъ вамъ по сердцу мое прошеніе не писать копію. Еще молю моего Спасителя, чтобъ онъ вамъ силу пожаловалъ менѣе гнѣваться и со всѣми примириться. Родной мой! Я васъ очень люблю и прижимаю васъ къ сердцу Христову. Онъ да помилуетъ и покроетъ васъ и отъ всѣхъ суетъ избавитъ васъ. Вѣрная ваша К.».

[3]) Показаніе Косовича 28 февраля 1824 года.

Такъ продолжалось до начала 1824 года, когда арестованіе А. П. Дубовицкаго измѣнило положеніе Екатерины Филипповны Татариновой и ея послѣдователей.

IV.

А. П. Дубовицкій и его прошлое.—Знакомство съ Е. Ф. Татариновою.—Удаленіе отъ ея союза.—Миссіонерская дѣятельность Дубовицкаго въ Скопинской Конно-Заводской волости.—Образованіе особой секты истинныхъ внутреннихъ поклонниковъ.—Объясненія по поводу этой секты съ мѣстнымъ священникомъ.—Разслѣдованіе о проповѣдничествѣ Дубовицкаго.—Пріѣздъ его въ Петербургъ.—Свиданіе съ Е. Ф. Татариновою.—Письмо кн. А. Н. Голицыну.—Мнѣніе комитета-министровъ и митрополита Серафима о дѣятельности Дубовицкаго.—Ссылка Дубовицкаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.—Всеподданнѣйшая просьба о прощеніи.—Мнѣніе монастырскаго начальства.—Освобожденіе изъ монастыря.

Въ концѣ марта 1823 года пріѣхалъ въ Петербургъ, служившій прежде въ Преображенскомъ полку и потомъ вышедшій въ отставку, подполковникъ Александръ Петровичъ Дубовицкій. Сынъ богатаго помѣщика, жившаго возлѣ Рязани и имѣвшаго помѣстья въ Московской, Орловской, Тамбовской, Тульской и Калужской губерніяхъ, А. П. Дубовицкій съ юныхъ лѣтъ имѣлъ внутреннее влеченіе къ чтенію св. писанія, къ жизни скромной, уединенной и благочестивой. Всѣ часы, свободные отъ службы и домашнихъ занятій, онъ посвящалъ на «размышленія объ исправленіи нравственнаго своего состоянія».

Въ 1808 году онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью статскаго совѣтника Озерова [1]), которую нѣжно и пламенно любилъ. Въ 1821 году супруга его скончалась, оставивъ послѣ себя сына и двухъ дочерей.

— Послѣ потери возлюбленной моей жены,—говорилъ Дубовицкій,—какъ будто вся природа для меня измѣнилась. Безъ жены я уже не живу, но доживаю горькіе дни жизни моей; безъ нея уединеніе есть лучшая для меня подруга. Кромѣ религіи я ни въ чемъ не находилъ ни отрады, ни успокоенія.

---

[1]) Родной братъ котораго былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Отецъ предоставилъ въ полное управленіе А. П. Дубовицкаго одно изъ своихъ имѣній село Судохолъ, въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи, гдѣ онъ и поселился, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми [1]). Въ сельскомъ уединеніи онъ, казалось, не принадлежалъ сему міру; сердце его, преисполненное любовью къ Господу, стремилось къ «горнему отечеству», и только престарѣлые родители, да малолѣтнія дѣти привязывали его къ земному существованію и вызывали заботы и попеченія.

Въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ Дубовицкій, чтобы найти учителя для сына, онъ отыскалъ прежде всего Л. М. Гагина, также помѣщика Рязанской губерніи, съ которымъ встрѣчался въ домѣ отца. Гагинъ жилъ тогда у Косовича, съ которымъ Александръ Петровичъ и познакомился. Гагинъ представилъ Дубовицкаго княгинѣ Голицыной, у которой жилъ нѣкоторый благочестивый иностранецъ, желавшій поступить учителемъ. Черезъ княгиню Голицыну Дубовицкій познакомился съ извѣстной мистичкой Хвостовой, а черезъ Косовича и Гагина—съ Екатериной Филипповной Татариновой. Въ Петербургѣ кромѣ того жили и прежніе знакомые Дубовицкаго, подобно ему, религіозно-настроенные. Въ числѣ ихъ были: сенаторъ Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, статсъ-дама Наталья Өедотовна Плещеева, Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, князь А. Н. Голицынъ и другіе.

Семейство Татариновыхъ принадлежало къ помѣщикамъ Рязанской губерніи, жило въ сосѣдствѣ съ отцомъ Дубовицкаго, и Екатерина Филипповна была знакома Александру Петровичу съ дѣтскаго его возраста. Но такъ какъ она потомъ жила съ мужемъ внѣ губерніи, то Дубовицкій и не встрѣчался съ нею до настоящаго пріѣзда своего въ Петербургъ. Возобновивъ теперь знакомство, онъ скоро разошелся въ своихъ воззрѣніяхъ съ представительницею союза.

Дѣтски наивный, но прямой по характеру, Александръ Петровичъ не считалъ необходимымъ, изъ угожденія, поддѣлываться къ Татариновой и скрывать свои мысли. Отрицая пророчество, онъ высказывалъ опасеніе, что духовный союзъ Татариновой, самымъ

---

[1]) Срав. «Русскій Арх.» 1894 г. № 6, стр. 175.

незамѣтнымъ для членовъ образомъ, можетъ превратиться въ общество вдохновенныхъ и даже волшебниковъ; что сами не замѣчая и будучи только увѣрены, что, при помощи пророчества, приближаются ко Христу и находятся съ нимъ въ единеніи, послѣдователи Екатерины Филипповны могутъ зайти слишкомъ далеко [1]).

— Какъ удобно, говорилъ Дубовицкій, особенно въ нынѣшнее время, безъ глубокаго кореннаго смиренія, безъ совершеннаго отверженія отъ мірскихъ прихотей и безъ чистой безкорыстной любви, превратиться въ общество волшебниковъ, облеченныхъ во всѣ виды истиннаго христіанства. Прикрываясь нынѣшнимъ ложнымъ мистицизмомъ, украшаясь всѣми духовными дарами — пророчествомъ, изгнаніемъ бѣсовъ, чудодѣйственными силами—можно завлечь многихъ въ весьма опасныя сѣти.

По поводу пророчества А. П. Дубовицкій много спорилъ съ Татариновою, Р. А. Кошелевымъ и съ княземъ А. Н. Голицынымъ, хотя,—говорилъ онъ послѣднему, —и знаю, что вы къ ней хорошо расположены. Находя, что Татаринова заблуждается во многомъ, Александръ Петровичъ скоро оставилъ союзъ, но изъ бывшихъ споровъ вынесъ убѣжденіе въ необходимости проповѣднической дѣятельности, для возвращенія заблуждающихся на путь истины и для содѣланія ихъ внутренними поклонниками Господа. Пламенное упованіе на благость Божію, вѣра въ св. писаніе и не имѣющая границъ ревность снискать спасеніе души своей подвинули А. П. Дубовицкаго на проповѣдываніе слова Божія и породили въ немъ мысль, по примѣру св. отецъ, обращать совратившихся къ истинному ученію Христа [2]). «Помните ли вы, — писалъ онъ М. М. Татаринову [3]),—какъ мы съ вами радовались о дѣйствіяхъ миссіонеровъ у дикихъ, и я жалѣлъ, что Господь намъ въ Россіи не даетъ миссіонеровъ для обращенія устныхъ христіанъ и для содѣланія ихъ истинными внутренними поклонниками Ему».

Такимъ миссіонеромъ А. П. Дубовицкій и рѣшился быть самъ.

Во время довольно частыхъ поѣздокъ къ родителямъ, жившимъ

---

[1]) Изъ письма Чѳрлицкаго, послѣдователя Дубовицкаго, къ г. Эльзнеру для передачи Госнеру, безъ года.

[2]) Изъ записки генерала Лесовскаго гр. Бенкендорфу 9 октября 1833 г.

[3]) Въ письмѣ отъ 11 декабря 1823 года.

около Рязани, и возвращенія въ свое имѣніе Суходолъ, Дубовицкій долженъ былъ проѣзжать черезъ Конно-Заводскую волость въ Скопинскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, гдѣ, обыкновенно, кормилъ лошадей, или въ селеніи Лепегахъ, или въ селеніи Горловѣ. Въ 1822 году, остановившись въ селеніи Лепегахъ и имѣя обыкновеніе, въ свободные часы, читать Новый Завѣтъ, Дубовицкій положилъ его на столъ. Молодой крестьянинъ, Ермилъ Ивановъ, раскрылъ книгу и сталъ читать. Александръ Петровичъ обрадовался такому случаю и вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Гдѣ ты учился?—спросилъ Дубовицкій.

— Въ деревнѣ Горловой,—отвѣчалъ Ивановъ,—у дѣвицы Анны Стужиной, она часто посѣщаетъ насъ и говоритъ съ нами о духовныхъ матеріяхъ.

Дубовицкій сталъ разспрашивать, о чемъ и какъ они бесѣдуютъ, и былъ пораженъ чистотою нравственности и религіознымъ настроеніемъ.

— Души ихъ,—показывалъ онъ впослѣдствіи,—дотого были просты и искренни, что братъ Ермила, при первомъ же свиданіи, выславъ отца, мать и всѣхъ домашнихъ, разсказалъ мнѣ образъ своей супружеской жизни и просилъ у меня наставленія. Я удивленъ былъ расположеніемъ сихъ грубыхъ, по наружности, мужиковъ.

При вторичной своей поѣздкѣ, Дубовицкій съ намѣреніемъ остановился въ селѣ Горловѣ, въ домѣ дѣвицы Анны Стужиной, женщины грамотной, весьма религіозной, примѣрнаго поведенія и жизни. Черезъ нее онъ познакомился съ другою, такою же крестьянкою, Татьяною Астаховою.

— Скорбящее мое сердце,—говорилъ Александръ Петровичъ,—въ простотѣ, вѣрѣ и искренности сихъ душъ находило для себя великое утѣшеніе, и не мудрено потому, что подобный всегда любитъ подобнаго. Господь даровалъ мнѣ къ нимъ чрезвычайную любовь, а какъ по пословицѣ «сердце сердцу вѣсть подаетъ», то они не разбирая меня головою, а обращая ко мнѣ сердца, принимали въ оныя сильное изліяніе любви моей.

Число собесѣдниковъ проѣзжаго помѣщика, слушавшихъ его религіозныя наставленія, съ каждымъ разомъ увеличивалось.

«Пока была возможность сидѣть,—писалъ Дубовицкій [1]),—я позволялъ друзьямъ моимъ садиться, но впослѣдствіи такъ много набивалось народу, всякаго пола и возраста, что едва самому мнѣ оставался маленькій уголокъ въ избѣ. Они дотого меня полюбили, что нѣкоторые приходили ночью, дожидаясь на морозѣ, пока я проснусь. Узнавъ о таковомъ добромъ ихъ ко мнѣ расположеніи, я не остался у нихъ въ долгу и заплатилъ имъ тѣмъ же, т. е. по двѣ и по три ночи совсѣмъ почти проводилъ для нихъ безъ сна».

Чтобы привлечь слушателей еще болѣе къ церкви, Дубовицкій раздавалъ имъ книги Св. Писанія, которыя тогда Библейское общество такъ усердно распространяло, съ цѣлью отвратить «людей темныхъ» отъ расколовъ и сектъ. Встрѣтивъ большое сочувствіе со стороны крестьянъ, и самъ религіозно настроенный, онъ сталъ чаще ѣздить въ Скопинскую волость для духовныхъ бесѣдъ. Обращаясь съ слушателями по-братски и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ смиренія и «униженія», Дубовицкій скоро заслужилъ расположеніе не только крестьянъ Лепеговъ и Горлова, но и сосѣднихъ селъ: Руденки, Затворнаго и деревни Дмитріевой. Послушать его собирались мужики и бабы, старые и молодые, и даже дѣти. Дубовицкій толковалъ имъ Св. Писаніе и бесѣдовалъ подолгу. Бесѣды эти не имѣли опредѣленной формы: иногда читались разсказы принцессы Бомонъ [2]),—и Дубовицкій объяснялъ прочитанное, иногда читались молитвы, Ветхій и Новый Завѣты и проч. Александръ Петровичъ толковалъ собравшимся, зачѣмъ установлены посты и какъ въ точности соблюдать ихъ; объяснялъ «въ христіанскомъ смыслѣ» обязанности родительскія, сыновнія и супружескія; разговаривали о выгодахъ безбрачной жизни и какъ сохранить себя въ ней, «дабы и женатые не пришли въ зависть къ холостому состоянію». Дубовицкій старался доказать, что и въ супружествѣ, живя христіанскимъ образомъ, можно имѣть всѣ достоинства дѣвственниковъ.

«Солдаты,—писалъ онъ [3]),—не умѣя согласить строгихъ обязанностей христіанина съ своимъ состояніемъ, чрезвычайно были

---

[1]) Въ письмѣ А. Д. Балашову 26-го января 1824 года.

[2]) Разсказы эти описаны принцессою въ ея книгѣ подъ заглавіемъ «Училище для бѣдныхъ».

[3]) Въ письмѣ А. Д. Балашову 26-го января 1824 года.

обрадованы, получивъ черезъ меня на сіе наставленіе и разрѣшеніе въ ложной филантропіи (?), ихъ стѣснявшей. Всѣмъ давалъ совѣты, какъ ходить имъ въ присутствіи Божіемъ, наставлялъ ихъ во внутренней молитвѣ, научалъ, какъ всякій полъ и возрастъ, производя превосходнымъ образомъ свои работы, можетъ притомъ находиться во внутренней молитвѣ... Предохранялъ сіи простыя, вѣрующія души отъ различныхъ расколовъ и отъ пагубныхъ ихъ лжетолкованій».

Наконецъ, чтобы прочнѣе утвердить своихъ слушателей въ правилахъ религіи, Дубовицкій, подъ предлогомъ отправленія на богомолье въ Задонскій монастырь, пригласилъ въ свое имѣніе Суходолъ двухъ изъ наиболѣе приверженныхъ къ нему дѣвицъ изъ села Горлова,—Анну Иванову Стужину и Татьяну Евстафьеву Астахову. Продержавъ ихъ у себя въ домѣ около пяти недѣль, онъ поселилъ въ нихъ свои мысли и правила, и укрѣпилъ ихъ такъ, что онѣ признали въ немъ божественнаго (боговдохновеннаго) и безпримѣрнаго человѣка.

По возвращеніи дѣвушекъ обратно въ свою деревню, Дубовицкій, черезъ нѣсколько дней, пріѣхалъ къ нимъ вмѣстѣ съ гостившимъ у него пріятелемъ и извѣстнымъ намъ Лукою Михайловичемъ Гагинымъ. Крестьяне съ разныхъ деревень собрались слушать новое ученіе, и Дубовицкій дѣтски радовался такому изліянію Духа Божія. Онъ проповѣдывалъ пять сутокъ, днемъ и ночью, и устроилъ общій молитвенный домъ. Онъ училъ молиться Богу сердцемъ, а не умомъ; не отставать отъ церкви, чаще причащаться Св. Таинъ и любить другъ друга. Этотъ послѣдній совѣтъ онъ изложилъ въ слѣдующей пѣснѣ, переданной имъ слушателямъ [1]):

«Прочь лесть, прочь ложь, хитросплетенность,
Порочность, сладость красныхъ словъ,
Утѣха сердцу—развращенность:
Пою небесную любовь.
Пою источникъ благодати,
Святую истину пою.
Хотя бъ мой умъ горепріимный

---

[1]) «Тульскія Епархіальныя Вѣдомости» 1867 г., № 24, Приложеніе, стр. 314—315.

Непостижимы тайны зрѣлъ;
Хотя бъ и ангельскимъ языкомъ
Свои я мысли выражалъ;
Хотя бъ твоими похвалами
Творецъ вселенну наполнялъ.
Но безъ любви, что наше знанье?
Одинъ бряцающій кимвалъ.
Хотя бъ родителей наслѣдство
Я бѣдности сынамъ роздалъ,
Продалъ бы тѣло на сожженье.
Но безъ любви—все ничто.
Любовь не мыслитъ зла, коварства,
Неправды, злобы нѣтъ въ тебѣ;
Въ тебѣ все радости, пріятства,
Ты ихъ присвоила себѣ.
Любовь всему благому вѣритъ
И сноситъ ближняго пороки,
Въ врагѣ зритъ брата своего.
Любовь небесныхъ душъ желанье,
Источникъ чистыхъ наслажденій,
Предметъ твой – добродѣтель, Богъ;
Въ грядущемъ царствѣ—твой чертогъ.
Когда, когда любовь святая,
Настанетъ торжества твой часъ,
Тогда твой огонь грѣхъ истребитъ,
Сожжетъ все мертвенное въ насъ.
Тогда пороки ты очистишь
И Бога воцаришь въ сердцахъ.

Проповѣдуя любовь, Дубовицкій толковалъ своимъ слушателямъ, что, по Евангельскому ученію, люди должны быть всѣ равны, и бо̀льшаго между ними быть не должно.

— Кто хочетъ жить для Бога,—говорилъ онъ,—тотъ не долженъ искать старшинства. По-свѣтскому,—я баринъ, а по-духовному,—всѣмъ равенъ.

Относительно послѣдняго онъ давалъ примѣръ своимъ обращеніемъ, называлъ всѣхъ братьями и сестрами, цѣловалъ всѣхъ, какъ равный имъ и даже какъ меньшой. Учреждая особыя моленія, Дубовицкій приказывалъ читать священныя книги и затѣмъ толковалъ ихъ настолько убѣдительно, что многіе изъ присутствовавшихъ

плакали [1]). Послѣ чтенія онъ заставлялъ присутствовавшихъ пѣть церковныя молитвы или духовныя пѣсни, нарочно для того имъ сочиненныя. Вотъ одна изъ нихъ [2]):

О, мой Боже вселюбезный!
Весь я твой, Ты будь моимъ.
Льется, льется токъ мой слезный
Отъ желанья быть Твоимъ.
Рвется, рвется мое сердце
Отъ стремленія къ Тебѣ.
О, мой Боже сердцевидче!
Увлеки меня къ Себѣ.
Призри, призри на страданье
Твари, жаждущей Творца,
Вопль, молитву, воздыханье
Сынъ томится безъ отца.
Сожигаю, мой Спаситель,
Мое сердце до чиста,
Будь строжайшій въ немъ ревнитель.
Сердце царство есть Христа.
Нѣжный, нѣжный мой Родитель!
Кто подобенъ есть тебѣ?
О, Младенецъ, духъ водитель!
Объяви всѣмъ о Себѣ.

Послѣ пѣнія одной изъ подобныхъ пѣсней, всѣ присутствовавшіе молились, причемъ иногда читалась по книгамъ вслухъ сначала вечерня, а потомъ утреня. Во все время чтенія Дубовицкій служилъ примѣромъ для молящихся: становился на колѣни и оставался въ такомъ положеніи часъ и болѣе.

— Молитва наша,—говорилъ онъ,—была такъ усердна и пламенна, что нерѣдко сопровождалась и слезами.

По окончаніи молитвы, Дубовицкій цѣловалъ всѣхъ присутствовавшихъ и, переходя изъ дома въ домъ, былъ сопровождаемъ всегда толпою послѣдователей, которыхъ и называлъ истинными внутренними поклонниками, въ отличіе отъ всѣхъ послѣдова-

[1]) Письмо священника села Горлова Ивана Стахіева смотрителю Скопинской волости, Д. А. Джежелею, 11-го декабря 1823 г.

[2]) «Тульскія Епархіальныя Вѣдомости», 1867 г., № 23, Приложеніе, стр. 289—290.

телей православной церкви, которыхъ онъ называлъ христіанами устными [1]).

Присутствуя на торжественномъ открытіи богомоленія въ селѣ Горловѣ, Л. М. Гагинъ въ тотъ же день уѣхалъ, но не могъ не замѣтить А. П. Дубовицкому, чтобы онъ пожалѣлъ простыя души, къ нему собирающіяся, потому что на нихъ можетъ подняться большое гоненіе.

«Премного тебя благодарю,—писалъ въ отвѣтъ ему Дубовицкій [2]),—за дружеское твое посѣщеніе и за братскую любовь твою. Не бойся страха тамъ, гдѣ нѣтъ страха; раскрой сердце, и ты почувствуешь, какъ много я тебя люблю. Простота, вѣра и алканіе душъ, ищущихъ Господа въ Горловѣ и Лепегахъ, заставили меня пробыть тамъ, безъ тебя, пять или шесть дней, и вотъ что въ это время произошло».

Въ Горловѣ было два священника: одинъ совершенно необразованный и грубый, а другой Иванъ Стахіевъ, изъ полуученыхъ. Этотъ послѣдній тщательно слѣдилъ за собраніями въ селѣ Горловѣ.

— Вы изъ избы сдѣлали церковь,—сказалъ онъ, однажды, Дубовицкому.

— Вотъ какая бѣда! большое преступленіе!—отвѣчалъ помѣщикъ-проповѣдникъ.—Тебѣ, отецъ, должно бы этому радоваться; худо бы было, еслибы изъ церкви сдѣлалась изба и изъ дома молитвы вертепъ разбойниковъ, убивающихъ духъ Христовъ. Сердечно сожалѣю, если эти, едва начинающія, вѣрующія души потерпятъ гоненія отъ начальства.

Такой отвѣтъ не могъ понравиться священнику, и онъ, видя, что къ Дубовицкому стекается все болѣе и болѣе народа, что слушать его наставленія отправилась жена самого Стахіева, дочь другаго священника и жены причетниковъ, рѣшился довести о томъ до свѣдѣнія начальства. Узнавъ объ этомъ, Дубовицкій два раза за-

---

[1]) Записка генералъ-адъютанта А. Д. Балашова, « » декаб. 1823 года. Къ сожалѣнію, нѣкоторые авторы склонны приписывать Дубовицкому оскопленіе, не имѣя на это никакихъ данныхъ. См. «Русскій Архивъ» 1894 г., № 6, стр. 180.

[2]) Письмо Дубовицкаго къ Гагину 11-го декабря 1823 г., изъ Суходола.

*

ѣзжалъ къ священнику Стахіеву, но не заставалъ его. Видя, что онъ уклоняется отъ свиданія, Александръ Петровичъ просилъ своего знакомаго помѣщика, Василія Ивановича Данилова, пригласить къ себѣ священника, и дать ему возможность повидаться съ нимъ. Свиданіе состоялось, но продолжительная бесѣда не привела ни къ чему и только обострила взаимныя отношенія.

— Что-за новость дѣлается въ моемъ приходѣ?—спрашивалъ И. Стахіевъ.

— Это не новость, — отвѣчалъ Дубовицкій.—Со временъ апостольскихъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ церкви Христовой, кромѣ наружной церкви, бывали собранія, въ которыхъ взаимно назидали другъ друга и радовались о дѣлахъ Божіихъ.

— Зачѣмъ вы входите въ дѣла, не принадлежащія вашему званію, собираете къ себѣ народъ и говорите о духовныхъ предметахъ?

— Я не вхожу, — отвѣчалъ Дубовицкій, — въ дѣла, не принадлежащія моему званію: не надѣваю ризъ, не служу молебновъ, не пою панихидъ, — не отбиваю у тебя никакого дохода. Любя истинно сіи души, я доволенъ принадлежащею мнѣ платою, т. е. хулою, поношеніемъ и злословіемъ. Народъ я никогда не собиралъ къ себѣ, да и какъ мнѣ ихъ собирать? — они вольные и не послушались бы меня; а собираются ко мнѣ сами, любя меня. По гражданскому отношенію, я въ правѣ быть знакомымъ съ мужиками, въ правѣ бесѣдовать съ ними, а по духовному закону не запрещается говорить о духовныхъ матеріяхъ. А подлинно ли онѣ таковы, зачѣмъ, послѣ многихъ тебя приглашеній, не пришелъ послушать?

Стахіевъ молчалъ и не отвѣчалъ на заданный вопросъ.

— Вмѣсто досады на христіанскую связь нашу,—продолжалъ Дубовицкій,—тебѣ бы, вспоминая IX главу евангелиста Луки (стихи 49—51), радоваться было надо. Когда ученики Спасителя сказали Ему, что видѣли человѣка, именемъ Его изгоняющаго бѣсовъ и что они запретили ему это дѣлать потому, что онъ не ходитъ съ ними,— Спаситель не одобрилъ ихъ поступка и приказалъ не запрещать, глаголя: «не запрещайте, ибо кто не противъ васъ, тотъ за васъ». Изгонять же бѣсовъ хотя и есть даръ Божій, но

любовь выше всего, и всякая духовная особа не порадуется ли искренно, видя начинающееся такое тѣсное соединеніе людей столь различныхъ званій, на которыхъ началось славное изліяніе Духа Божія.

— Изъ какого говорите духа? неужели изъ Духа Святаго?

— А ты не вѣришь, что Духъ дышетъ, яко хощетъ. Впрочемъ, отъ плодовъ его можешь судить о происходящемъ. Находясь въ семъ собраніи душъ вѣрующихъ, переносишься въ первобытную простоту церкви Христовой, когда у вѣрующаго народа была душа едина и сердце едино. Находишь ли, что сіи люди дѣлаются худшими и какое ложное ученіе преподавалъ я имъ?

— Ничего дурнаго не вижу, — отвѣчалъ Стахіевъ, — но опасаюсь, чтобы не произошло изъ сего худаго.

— Къ чему же опасаться, видя, что я сѣю пшеницу и чтобы отъ нея народилась полынь.

— Что же новаго вы сказать имъ можете?—спрашивалъ Стахіевъ.—Я тоже наставляю, чтобы они любили Бога и ближняго и что отъ сего зависитъ все спасеніе ихъ.

— Правда, что я говорю иногда то же самое, но отъ моихъ словъ у нихъ слезы градомъ катятся; они плачутъ отъ радостнаго ощущенія и живой любви къ Богу и къ ближнему. Хотя бы слова твои имъ говоренныя и были одинаковы съ моими, но послѣдствія выходятъ весьма разныя. Итакъ видно, что оберточка одна, а заключающееся въ ней совсѣмъ другое. Имѣешь ли ты самъ пламенную любовь къ Богу и ближнему; отрекся ли ты отъ міра и суетъ его, распялъ ли ты плоть со страстьми и похотьми своими? Когда въ тебѣ этого ничего нѣтъ, по твоему признанію, то какъ же и быть сему иначе! Отчего жена твоя, навѣрно слышавшая болѣе всѣхъ твои наставленія, пришедшая, какъ и многіе другіе, изъ любопытства меня послушать, кончила тѣмъ, что, разставаясь со мною, бросилась ко мнѣ на шею и, обливаясь слезами, благодарила меня, какъ друга и брата.

Стахіевъ замѣтилъ на это, что Дубовицкій имѣетъ особую способность растрогать сердце и возбудить страсти.

— Такъ какъ внутреннее существо человѣка,—отвѣчалъ Александръ Петровичъ,—состоитъ изъ страстей, то, трогая его, нельзя

не тронуть и оныхъ. Страсти, благотворно настроенныя и возбужденныя любовію къ Богу и ближнему, есть все то, чего желать мы можемъ [1]).

На этомъ разговоръ остановился, и бесѣдовавшіе не убѣдили другъ друга. Священникъ Стахіевъ остался при своемъ мнѣніи, что Дубовицкій основалъ новую секту и своимъ ученіемъ наноситъ ему душевное огорченіе, отлучая его прихожанъ отъ истинной православной церкви.

На другой день послѣ этихъ объясненій Дубовицкій выѣхалъ изъ Горлова съ двумя дѣвицами, Анною и Татьяною, которыхъ увезъ въ Суходолъ подъ предлогомъ, что онѣ отправляются на богомолье въ Соловецкій монастырь. Почти половина села приходила прощаться съ отъѣзжающими, и «всѣ сестры и братья съ превеликимъ рыданіемъ провожали черезъ все село».

«Разумѣется, — писалъ Дубовицкій Л. М. Гагину [2]), — что таковая трогательная сцена для сердца чувствительнаго много раздражила ожесточенное противъ насъ сердце попа», и онъ донесъ о поступкахъ новаго проповѣдника смотрителю Скопинской волости, Григорію Антоновичу Джежелею.

«Я въ васъ увѣренъ,—писалъ ему священникъ Стахіевъ [3]),— что вы, по преданности вашей къ христіанской религіи и по долгу службы вашей, безъ внимательности не оставите всѣхъ сихъ дѣяній, а по сему васъ покорнѣйше прошу ввѣренныхъ вамъ крестьянъ оградить, по обязанности вашей, надлежащею по сему духовному предмету благопристойностью».

Отправивъ это письмо, И. Стахіевъ поѣхалъ самъ къ преосвященному Сергію, архіепископу рязанскому. Выслушавъ внимательно разсказъ священника, преосвященный спросилъ его:

— Не дѣлаются ли хуже отъ того твои прихожане?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Стахіевъ.

— Не перестали ли они ходить въ церковь?

— Нѣтъ, прежде рѣдко ходили, а теперь чаще.

— Не перестали ли причащаться?

---

[1]) Показаніе Дубовицкаго 2 марта 1824 г.
[2]) Въ письмѣ отъ 11 декабря 1823 г.
[3]) Отъ 11 же декабря 1823 г.

— Прежде они мало причащались, а теперь по нѣскольку разъ въ годъ.

— Такъ, стало быть, и доносить не о чемъ; тутъ ничего нѣтъ худаго [1]).

Совершенно иначе посмотрѣло на это дѣло гражданское начальство. Опасаясь встрѣтить въ Дубовицкомъ обличителя въ своихъ незаконныхъ поступкахъ съ крестьянами, Джежелей былъ очень радъ, когда получилъ письмо Стахіева [2]), тотчасъ же пріѣхалъ самъ въ село Горлово и послалъ нарочнаго возвратить дѣвицъ, уѣхавшихъ съ Дубовицкимъ. Такъ какъ послѣдній заѣзжалъ въ село Затворное, потомъ въ Лепеги и пробылъ тамъ нѣкоторое время, то посланный нагналъ ихъ на 40-й верстѣ отъ Горлова, но Дубовицкій не отдалъ своихъ спутницъ и привезъ ихъ въ Суходолъ. Тѣмъ не менѣе въ погонѣ онъ видѣлъ готовящуюся непріятность какъ ему, такъ и его послѣдователямъ.

«Боюсь за эти бѣдныя, начинающія вѣровать души,—писалъ Дубовицкій Л. М. Гагину [3]),—не сталъ бы онъ (священникъ) дѣлать, черезъ гражданскихъ управляющихъ, имъ истязанія и всякія притѣсненія, почему и посылаю ихъ провѣдать. Буде такъ, то ты можешь этимъ простымъ душамъ, за вѣру терпящимъ, помочь. Попъ безъ смотрителя Джежелея ничего имъ не сдѣлаетъ, которому онъ выдаетъ дѣло, какъ хочетъ и его противъ нихъ возстановляетъ. Я ихъ такъ люблю, какъ дѣтей моихъ, нѣжно возлюбленныхъ, то и прошу тебя, еслибъ сіе случилось такъ, какъ я думаю,—то Христа ради помоги ты имъ, а помочь ты можешь черезъ Измайлова Льва Дмитріевича, — смотритель Джежелей ему обязанный человѣкъ.

«Я слышалъ, пишетъ ко мнѣ Екатерина Филипповна (Татаринова), что братъ нашъ Михаилъ Михайловичъ (Татариновъ) въ Рязани, то просилъ бы васъ пріѣхать ко мнѣ, выставилъ бы вамъ подставы. Вотъ и онъ съ архіереемъ знакомъ, буде это дѣло уже фор-

---

[1]) Изъ письма Дубовицкаго кн. Голицыну безъ года и числа. См. также письмо М. И. Невзорова кн. Голицыну « » іюня 1825 г. «Вѣстн. Европы» 1868 г., № 12, 768.

[2]) Впослѣдствіи по жалобамъ крестьянъ на Джежелея было произведено по высочайшему повелѣнію слѣдствіе.

[3]) Въ письмѣ отъ 11 декабря 1823 г.

мально началось, то онъ можетъ съ нимъ переговорить и дать ему (архіерею) какъ обо мнѣ, такъ и о дѣлѣ справедливѣйшее понятіе. Хорошо бы вамъ съ Михаиломъ Михайловичемъ вмѣстѣ съѣздить къ архіерею, и ты, отложа человѣкоугожденіе, яко самовидецъ, можешь свидѣтельствовать объ истинѣ. Впрочемъ, я покоенъ, предаюсь во всемъ на волю Божію, пусть Онъ дѣлаетъ со мною, что хочетъ».

При этомъ письмѣ была приложена особая записочка, слѣдующаго содержанія: «Екатерина Филипповна мнѣ пишетъ и книжку мнѣ прислала. Я къ ней готовъ отправиться, да дорога дурна. Скажите, что вы отъ нея получили и какъ располагаете своимъ отъѣздомъ въ Питеръ. Были ли вы у моихъ (родителей) и что съ ними дѣлается; прошу по полученіи сего одолжить меня, побывать у нихъ и сказать мнѣ, знаютъ ли они эту исторію Горловскую и какъ приняли ее? Успокойте ихъ, сколько Богъ вамъ дастъ, а буде оная пошла уже въ огласку и до нихъ еще не дошла, то вы имъ можете разсказать».

Въ тотъ же день А. П. Дубовицкій писалъ М. М. Татаринову:

«Какъ я былъ обрадованъ извѣщеніемъ меня Екатериной Филипповной о пріѣздѣ вашемъ въ Рязань. И какъ узналъ о семъ, то пришло мнѣ большое желаніе просить васъ, не обрадуете ли вы меня съ Лукою Михайловичемъ (Гагинымъ) своимъ посѣщеніемъ. Вы бы утѣшили онымъ не только меня, но и многія вѣрующія души, видѣть васъ желающія.

«Если вы на сіе рѣшитесь, то я, ваше получа увѣдомленіе съ вручителемъ сего, въ назначенное время, выставилъ бы подставы; слѣдовательно, вы бы мало въ дорогѣ время потеряли. Не можете ли вы одолжить симъ искренно любящаго васъ. На письмѣ всего не переговоришь, а съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами разстались, много со мной перемѣнъ случилось. Вамъ извѣстна связь моя, изъ писемъ моихъ, съ вѣрующими душами въ Горловѣ и Лепегахъ находящимися. Господь время отъ времени болѣе благословлялъ мое съ ними соединеніе, такъ что Духъ Господа нашего Іисуса Христа сильно началъ распространяться и число вѣрующихъ значительно возрастало; – такъ что еслибъ врагъ, черезъ агентовъ своихъ, не положилъ сему препоны, то въ нѣсколько мѣсяцевъ половина сихъ селъ

могла бы быть истинно вѣрующими въ Господа нашего Іисуса Христа.

«Представьте же, какъ я былъ удивленъ и обрадованъ, видя въ любезномъ нашемъ отечествѣ таковое изліяніе Духа Божьяго. Но не долго продолжалась моя радость; возстало на сіе, какъ мнѣ кажется, гоненіе, и буде это такъ, то прошу васъ симъ возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ помочь, ибо ихъ, за ихъ вѣру, можетъ, затаскаютъ по судамъ, а они такъ еще молоды, что не выдержатъ сего, и эти злые звѣри, люди, всѣ антихриста сосуды, могутъ имъ повредить.

«Если архіерей таковъ, какъ вы его полагаете, то хорошо бы было для сего дѣла вамъ съ нимъ повидаться и, очистя его на мой счетъ предубѣжденія, показать съ прямой точки зрѣнія оное дѣло, буде оно уже формально началось, а буде нѣтъ, то предупредить его о семъ прежде, чѣмъ враги выдадутъ ему оное въ худомъ видѣ. Это дѣло чисто Божіе, то я увѣренъ, что вы не откажетесь, что можете по сему сдѣлать, а я за мое лицо, о сю пору, благодареніе Господу, не стою, —желаю изъ всѣхъ силъ предаться въ волю Его. Я совсѣмъ готовъ ѣхать къ вамъ въ Питеръ, дорога только останавливаетъ. Въ ожиданіи, не утѣшите ли вы меня своимъ пріѣздомъ, пребываю преданнымъ братомъ и слугою, дружески васъ обнимающимъ».

Между тѣмъ Джежелей поручилъ своему письмоводителю, чиновнику 10-го класса Соболеву, произвести формальное слѣдствіе и донесъ генералъ-губернатору А. Д. Балашову, который приказалъ сдѣлать то же самое скопинскому предводителю дворянства Вердеревскому.

Прибывъ въ село Горлово, Соболевъ узналъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхалъ сюда же присланный Дубовицкимъ узнать, что дѣлается въ Горловѣ и въ сосѣднихъ селеніяхъ. Соболевъ приказалъ тотчасъ же арестовать подосланнаго и на вопросъ, кто онъ такой? спрошенный отвѣчалъ, что онъ московскій купецъ, служитъ у Дубовицкаго по найму и письменнаго вида при себѣ не имѣетъ. У арестованнаго нашли нѣсколько писемъ Дубовицкаго къ разнымъ лицамъ, печатныя книги, преимущественно Новый Завѣтъ, переведенный на русскій языкъ, который ему поручено было раз-

дать крестьянамъ, и четыре рукописныя тетради подъ заглавіемъ: «Духовныя пѣсни». Отобраннымъ вещамъ была составлена опись, подъ которою арестованный подписался вмѣсто московскаго купца тверскимъ мѣщаниномъ и отказался объяснить настоящее свое имя [1]).

Задержанный былъ отправленъ сначала въ волостное правленіе, а потомъ къ Вердеревскому. Тамъ онъ признался, что зовутъ его Петръ Бильовъ, что онъ, по рекомендаціи Родіона Александровича Кошелева, принятъ Дубовицкимъ въ услуженіе и вмѣстѣ съ нимъ проповѣдывалъ крестьянамъ новое ученіе. Далѣе Бильовъ показалъ, что онъ познакомился съ этимъ ученіемъ въ Рижской губерніи, въ г. Верро, у баронессы Варвары Ивановны фонъ Криденеръ, у которой находился въ услуженіи съ 1816 по 1820 годъ. Онъ былъ съ нею три года въ Швейцаріи, потомъ жилъ въ окрестностяхъ г. Верро, на мызѣ Косъ, принадлежащей баронессѣ, гдѣ всякій день въ 11 часовъ утра и въ 8 часовъ вечера были молитвенныя собранія для всѣхъ желающихъ. На эти собранія приходили люди разнаго званія: въ Швейцаріи тысячи по двѣ, а на мызѣ Косъ — ста по два человѣкъ. Всѣхъ приходившихъ баронесса называла братьями, пѣла съ ними духовныя пѣсни и цѣловала всѣхъ безъ изъятія, при приходѣ и при уходѣ. Бильовъ объяснилъ, что онъ познакомилъ съ ученіемъ баронессы Крединеръ какъ А. П. Дубовицкаго, такъ и Л. М. Гагина, который пріѣзжалъ въ Судохолъ въ гости и пробылъ тамъ съ недѣлю [2]).

Разсказъ Бильова и данныя, полученныя при разслѣдованіи о дѣятельности Дубовицкаго какъ миссіонера, фанатика и сектатора, распространились повсюду и прежде всего огорчили его отца. На требованіе послѣдняго прекратить проповѣдничество, Александръ Петровичъ отвѣчалъ отказомъ, и про него стали говорить, что онъ дурной и непокорный сынъ.

«Я не дурной сынъ,—писалъ онъ А. Д. Балашову [3]),—я нѣжно и пламенно люблю и почитаю моего родителя. — Онъ такъ мнѣ милъ и дорогъ, что я не нагляжусь на него. А про его любовь ко мнѣ и

---

[1]) Рапортъ Соболева Джежелею 15 декабря 1823 года.
[2]) Записка Вердеревскаго Балашову безъ числа и мѣсяца.
[3]) Въ письмѣ отъ 26 января 1824 г. изъ Петербурга.

говорить вамъ нечего, вы изволите видѣть тому опытъ... Но, притомъ, представьте, какая странность! безвыѣздно жить у него я не могу, по разномыслію съ нимъ въ религіи, вслѣдствіе котораго уединенный и странный по его понятію проводимый мною образъ жизни доставляетъ много прискорбія».

Дубовицкій говорилъ, что онъ исполняетъ всѣ гражданскія обязанности, но пустые выѣзды, безполезныя знакомства, для одного только препровожденія времени, драгоцѣннаго для исполненія высшихъ и существеннѣйшихъ обязанностей человѣка, онъ считаетъ пагубною суетою; не признаетъ мучащее многихъ желаніе заслужить отъ людей доброе имя, а прочій «мірской дрязгъ, прикрываемый пространною епанчею правилъ», принятыхъ въ обществѣ, онъ уважаетъ только по крайней необходимости; но если они мѣшаютъ исполнять ему религіозныя обязанности, то и ихъ онъ презираетъ.

— Вотъ камень преткновенія, — говорилъ Дубовицкій, — вотъ причина безпокойства моего родителя и его сердобольнаго родительскаго гнѣва, который, переходя изъ устъ въ уста публики, даже съ чрезвычайнымъ увеличеніемъ, заставляетъ иныхъ, не коротко знающихъ меня, почитать дурнымъ сыномъ, какъ сектантомъ и фанатикомъ.

«На сіе, — писалъ онъ въ томъ же письмѣ Балашову, — съ свойственною мнѣ откровенностью, имѣю честь объяснить вамъ: мнѣ точно знакомы самыя благонамѣреннѣйшія общества, но общества — какъ общества — не носятъ на себѣ печати первобытной церкви Христовой, почему и не могу быть неограниченно преданнымъ ихъ членомъ, ни любимымъ ими за то, что по совершенной моей искренности и не имѣя нужды ни въ какомъ лицепріятіи, говорю имъ прямую правду, которая часто и весьма глаза колетъ. Какъ быть! Не могу иначе. Люблю Сократа и Платона, но истина мнѣ болѣе другъ и именно потому, что я не фанатикъ; за то-то я ни въ какомъ обществѣ терпимъ быть не могу. Да и сердце мое такъ расширено любовію, что для него слишкомъ тѣсно сжату быть какимъ-нибудь маленькимъ кружкомъ. И такъ вы изволите видѣть, что я не имѣю подпоры ни съ которой стороны, совершенно однакоже покоенъ, полагаясь во всемъ на волю Божію».

Обвиненіе, будто бы онъ внушалъ крестьянамъ, что въ мірѣ всѣ

люди равны, Дубовицкій отрицалъ совершенно, называлъ его нелѣпостью и несообразностью, несогласными ни съ его понятіями, ни съ его взглядами.

— Несть власти въ мірѣ, которая не была бы отъ Бога,—говорилъ онъ;—всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется и должна воздавать каждой власти ей слѣдующее: ему же честь—честь, ему же дань—дань, ему же страхъ—страхъ.

Ссылаясь на то, что въ Россіи такой духъ терпимости, что допускаются разные расколы, Дубовицкій спрашивалъ: неужели бесѣды о чистомъ христіанскомъ и православномъ ученіи лишаются права сего?

— Когда я,—говорилъ онъ,—нечувствительно и самъ не понимаю какъ, былъ завлеченъ слишкомъ далеко, т. е. когда значительно умножилось число друзей моихъ, иные стали угрожать мнѣ, что я потерплю за сіе. Тогда я отвѣчалъ, что хотя я и не ношу титула младенца Іисуса, но, будучи въ довольной мѣрѣ таковымъ дѣйствительно, лобызалъ бы руку, меня карающую. И какой бы я былъ свидѣтель истины, еслибы не былъ готовъ положить за нее голову свою.

Считая себя строгимъ ревнителемъ православія, Дубовицкій не признавалъ въ своемъ ученіи ни сектантства, ни фанатизма, ни энтузіазма.

— Не будучи ни тѣмъ, ни другимъ,—говорилъ онъ,—сердце мое горитъ любовію къ Богу и ближнему; оно-то меня и побуждаетъ безъ всякой корысти, жертвуя всѣмъ и оставляя иногда малолѣтнихъ дѣтей моихъ, спѣшить къ возлюбленнымъ о Господѣ дѣтямъ моимъ. О! жертва пріятная для сердца любящаго! Какъ сія любовь, такъ и даръ передавать самыя глубокія христіанскія истины людямъ грубымъ, всякаго пола и возраста, данъ мнѣ Господомъ. Сей даръ, говорю я, а болѣе любовь моя къ нимъ и заставила меня принять на себя столь невѣроятно тягостное бремя, при слабомъ состояніи моего здоровья.

А. П. Дубовицкій истинно вѣрилъ, что онъ призванъ волею Всевышняго быть миссіонеромъ и проповѣдникомъ въ Россіи и преимущественно среди простаго народа. Онъ не слушалъ ни совѣтовъ отца прекратить свою проповѣдь, ни предупрежденій и

угрозъ, что его дѣятельность извѣстна правительству и что онъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, будетъ арестованъ.

— Мы всѣ радуемся,—отвѣчалъ онъ,—видя дѣйствія духа Божія, обращающаго къ себѣ дикихъ, чрезъ миссіонеровъ. Сердце мое, восхищаясь онымъ, молило Господа, да ниспошлетъ Онъ таковыхъ людей и въ наше возлюбленное отечество, для простыхъ сердецъ народа русскаго. Наконецъ, увидѣлъ то, чего я ожидалъ. Господу угодно на мнѣ показать, въ маленькомъ образчикѣ, возможность онаго. Однакожь, мірскіе люди, даже мой родитель, находятъ это большою странностью! Я весьма далекъ, чтобы, по своему воображенію и по естественной, хотя бы и доброй запальчивости, бѣгать и проповѣдывать, гдѣ ни попало народу, и приводить тѣмъ въ соблазнъ души истинно благонамѣренныхъ людей. Но я, сохраняя во всемъ, сколько возможно, требуемую здравымъ разсудкомъ свѣтскую привязанность, стараюсь слѣдовать во всѣхъ моихъ дѣлахъ, равно какъ и въ употребленіи даннаго мнѣ дара, мановенію Божьяго Промысла. Пустынникъ, отрекшійся отъ міра и суетъ его, не имѣетъ нужды никому льстить. Всегдашній образъ моей жизни, горести и даже самая наружность моя, для опытнаго и проницательнаго глаза свидѣтельствуютъ, что я весьма далекъ отъ желанія сдѣлаться чѣмъ-либо извѣстнымъ въ мірѣ. Но сверхъ моего чаянія былъ помѣщенъ въ самомъ нижнемъ кругу людей, для употребленія въ пользу ихъ данныхъ мнѣ Богомъ способностей, и крайне былъ доволенъ моею неизвѣстностью.

Такъ увлекался Дубовицкій своею дѣятельностью, а между тѣмъ по полученіи первыхъ оффиціальныхъ свѣдѣній объ основаніи имъ особой секты генералъ-адъютантъ Балашовъ призналъ необходимымъ сдѣлать сношенія по этому дѣлу съ рязанскимъ архіепископомъ Сергіемъ. Послѣдній не нашелъ въ дѣятельности Дубовицкаго ничего противнаго православной нашей церкви [1]. Онъ извѣстенъ былъ преосвященному и самому Балашову, какъ человѣкъ тихій и добронравный, приверженный издавна къ религіи и особенно предавшійся ей послѣ кончины жены. Въ виду этого Балашовъ писалъ отцу, и они взаимно рѣшили вызвать Александра Пе-

---

[1]) Собственноручное письмо Балашова графу Аракчееву 5 февраля 1824 г.

тровича въ Рязань, но онъ, получивъ свѣдѣнія, что донесеніе Джежелея представлено начальству, неожиданно уѣхалъ въ Петербургъ и остановился у доктора Ѳ. Косовича. Съ Дубовицкимъ пріѣхали дѣти, гувернантка, его сподвижницы Анна Стужина и Татьяна Астахова, два лакея и двѣ крестьянскихъ дѣвушки.

Пробывъ нѣсколько дней въ квартирѣ Косовича и видя, что стѣсняетъ его, Дубовицкій нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Ожигова въ Семеновскомъ полку. Прежде всего онъ отправился къ Е. Ф. Татариновой и разсказалъ ей грустное свое положеніе. Она и всѣ члены союза не одобрили его учительскаго стремленія и поступковъ въ Горловѣ и Лепегахъ. Они совѣтовали Дубовицкому воспользоваться тѣмъ, что рязанскій, тульскій и орловскій генералъ-губернаторъ Балашовъ также пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы, съѣздить къ нему, объясниться откровенно и отказаться отъ присвоеннаго себѣ права проповѣдничества [1]). Дубовицкій не соглашался исполнить такой совѣтъ, и тогда Татаринова написала письмо Косовичу, прося его передать Александру Петровичу, чтобы онъ прислалъ къ ней Анну и Татьяну, но чтобы не держалъ ихъ у себя долго, а согласно выданнымъ имъ паспортамъ отпустилъ ихъ на богомолье. Обѣ дѣвушки были у Екатерины Филипповны, присутствовали на молитвенномъ собраніи, пѣли вмѣстѣ со всѣми духовныя пѣсни, которыя имъ очень понравились, и возвратились домой съ совѣтомъ Татариновой, чтобы Дубовицкій непремѣнно побывалъ у Балашова. На этотъ разъ Александръ Петровичъ уступилъ совѣтамъ, видѣлся съ Балашовымъ и просилъ его дозволить въ свое оправданіе изложить письменно все, что происходило въ Горловѣ и Лепегахъ. Такое объясненіе было написано и 24 января 1824 года представлено Балашовымъ графу Аракчееву

Одновременно съ этимъ Дубовицкій обратился и къ заступничеству князя А. Н. Голицына.

Онъ просилъ его удалить священника села Горлова, какъ клеветника, и поручить преосвященному Сергію произвести новое слѣдствіе, какъ человѣку, вполнѣ безпристрастному и его знающему. Въ противномъ случаѣ, писалъ Дубовицкій [2]), дѣло это будетъ

[1]) Показаніе Ѳ. Косовича 26 февраля 1824 г.

[2]) Князю А. Н. Голицыну отъ « » февраля 1824 года.

представлено въ такомъ безобразномъ видѣ, «что правительство можетъ даже счесть нужнымъ обязать меня подпиской [1]) не распространять впредь ложно выдуманныхъ на мой счетъ нелѣпостей. Я же, увѣренъ будучи передъ Богомъ въ совѣсти моей, въ противность тому, само по себѣ разумѣется, откажусь и долженъ отказаться дать таковую росписку. Сіе причтено быть можетъ мнѣ въ непослушаніе, и черезъ какія пойдетъ руки и какимъ судомъ посудятъ, даже могутъ сослать меня за то въ ссылку».

Какія же будутъ изъ того послѣдствія?—спрашивалъ простодушно и наивно Дубовицкій и отвѣчалъ самъ, что трое малолѣтнихъ его дѣтей, въ полномъ смыслѣ сиротъ, останутся безъ призрѣнія, 80-ти-лѣтній отецъ и такихъ же лѣтъ мать—безъ всякой помощи, а онъ самъ, со своимъ разстроеннымъ здоровьемъ, едва-ли вынесетъ настигающее его горе.

«Позоръ, писалъ онъ князю А. Н. Голицыну [2]), поношеніе, все-все, что только можетъ быть ужаснаго въ мірѣ семъ, представляются глазамъ моимъ. Ужели я каменный, но и каменное сердце отъ сего содрогнется, а Господь по природѣ даровалъ мнѣ сердце нѣжное. Вы меня изволите знать, я не фанатикъ, не ожесточенный: каково же мнѣ видѣть такую печальную перспективу. Знаю, что одна подписка, мною данная, все и всѣхъ успокоитъ. Но не выйдетъ ли это то же, что одна щепоть брошеннаго ладона на уголье въ честь идола, могла избавить отъ мученія, одно отреченіе отъ Христа могло доставить все здѣшнее блаженство... Какъ ни тяжело мое положеніе, вамъ здѣсь представленное, но если дойдетъ дѣло до требованія отъ меня росписки, то я всѣмъ, что только для меня дорого, въ упованіи на укрѣпляющаго меня Господа, пожертвую и, взявши на себя презрѣнное въ мірѣ имя фанатика Іисусова, послѣдую живо отзывающимся въ сердце моемъ словамъ Господа моего: всякъ иже любитъ отца своего, или матерь свою, или дѣтей или, чтобъ то ни было паче меня, нѣсть меня достоинъ».

---

[1]) На основаніи состоявшагося 1-го августа 1822 года, высочайшаго повелѣнія о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ бы видомъ они ни существовали.

[2]) Въ письмѣ отъ « » февраля 1824 г.

«Сіятельнѣйшій князь! взгляните, говоря мірскимъ языкомъ, на трагическую развязку дѣла сего. Если вы, силою власти, данной вамъ, меня не защитите, а отдадите мірскимъ людямъ распинать меня съ моимъ семействомъ и съ оными вѣрующими душами, то жалѣть о томъ будете. Я увѣренъ, что несносное тягостное бремя званія вашего тѣмъ только и услаждается, что вы можете въ таковыхъ дѣлахъ, не взирая на человѣкоуваженіе, оказывать ваше покровительство, радуясь тому, что когда сонная мечта величій мірскихъ исчезнетъ, вы можете за оное услышать отъ Спасителя нашего обѣтованныя имъ слова: «придите благословенные Отца моего зане сотвористе единому отъ меньшихъ сихъ братій моихъ—мнѣ сотвористе».

Письмо это, вмѣстѣ съ остальными бумагами по дѣлу Дубовицкаго, было, по высочайшему повелѣнію, внесено въ комитетъ министровъ. При этомъ, графъ Аракчеевъ объявилъ комитету, что императоръ находитъ поступки Дубовицкаго и Гагина непозволительными, ибо они, не принадлежа къ духовному сану и не имѣя никакого позволенія отъ правительства, не имѣли права открывать своего ученія о вѣрѣ.

Основываясь на заключеніи преосвященнаго Сергія рязанскаго, не находившаго въ ученіи Дубовицкаго ничего противнаго господствующей религіи, комитетъ министровъ полагалъ произвести, безъ огласки, вторичное разслѣдованіе, такъ какъ поступки Дубовицкаго недостаточно выяснены.

Такое постановленіе комитета было не согласно съ видами и желаніями графа Аракчеева. Въ то время онъ велъ уже интригу противъ князя А. Н. Голицына, окончившуюся удаленіемъ его, 15-го мая 1824 года, отъ званія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Графъ Аракчеевъ, не допускавшій ни чьего соперничества, не терпѣлъ князя А. Н. Голицына за его близость къ императору Александру и за вліяніе на дѣла. Узнавъ, что князь Голицынъ знакомъ съ Дубовицкимъ и покровительствуетъ ему, графъ Аракчеевъ ухватился за это дѣло, какъ за средство къ достиженію своей цѣли и, отправившись къ митрополиту Серафиму, объявилъ ему, что императоръ Александръ желаетъ, чтобы Дубовицкій былъ сосланъ въ монастырь. Серафимъ сознавался впослѣдствіи, что

не могъ и не смѣлъ не обвинить Дубовицкаго, хотя и не находилъ его виновнымъ.

«Кто только вспомнитъ то время,—писалъ Александръ Петровичъ[1]),—и тогдашнюю силу временщика, тотъ не найдетъ преувеличеннымъ, если я скажу: кто противъ Бога и великаго въ то время графа Аракчеева? Кому же и куда я могъ тогда приносить мои безплодныя жалобы?»

9-го февраля графъ Аракчеевъ объявилъ комитету министровъ, что государь императоръ, прочитавъ письмо Дубовицкаго къ генералъ-адъютанту Балашову, не находитъ его столь виновнымъ, какъ можно было предполагать по первоначальнымъ донесеніямъ, да и все вообще дѣло «не представляетъ собою прежде предполагаемой важности». Поэтому, государь признаетъ болѣе правильнымъ поручить с.-петербургскому митрополиту разсмотрѣть это дѣло [2]), а до тѣхъ поръ Дубовицкаго и его товарища Гагина содержать подъ надзоромъ, въ домѣ оберъ-полиціймейстера. За находившимся въ отпуску Гагинымъ былъ отправленъ фельдъегерскаго корпуса прапорщикъ Бѣляевъ, а Дубовицкій арестованъ ночью, бумаги его опечатаны и книги отобраны [3]).

— Зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ?—спрашивали Дубовицкаго.

— Чтобы просить государя императора,—отвѣчалъ онъ,—по поданному на меня доносу приказать произвести справедливое слѣдствіе.

---

[1]) Въ письмѣ П. Ф. Львову 30-го декабря 1840 года.

[2]) Препровождая дѣло, графъ Аракчеевъ 10-го февраля собственноручно писалъ ему: «Графъ Аракчеевъ, вслѣдствіе личнаго объясненія съ вашимъ высокопреосвященствомъ, честь имѣетъ препроводить, по волѣ всемилостивѣйшаго нашего государя императора, бумаги на ваше разсмотрѣніе, прося почтить меня вашимъ о семъ дѣлѣ мнѣніемъ».

[3]) У Дубовицкаго были отобраны: 1) «Наставленіе ищущимъ премудрости» (переводъ съ нѣмецкаго); 2) «Божественная и истинная метафизика или дивное и опытомъ пріобрѣтенное вѣдѣніе невидимыхъ и вѣчныхъ вещей», въ трехъ частяхъ. Рукописи: 3) «Свѣтъ міру», въ трехъ частяхъ; 4) «Путь Божественнаго вѣдѣнія», въ трехъ разговорахъ и 5) Разныя духовныя пѣсни въ нѣсколькихъ листахъ. У Гагина отобраны: „Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ Іисусъ Христосъ“, соч. Госнера; 2) 2-й томъ Библіи на французскомъ языкѣ и 3) Двѣ тетради подъ заглавіемъ: „Книга пѣсней въ прославленіи Господа нашего Іисуса Христа, въ духовное назиданіе младенческихъ душъ и въ насыщеніе скорбящихъ сердецъ“.

Таковаго произведено не было, и дѣло приняло оборотъ, котораго болѣе всего опасался самъ обвиняемый. Предупрежденный графомъ Аракчеевымъ, митрополитъ Серафимъ призналъ Дубовицкаго фанатикомъ и сектаторомъ, потому что въ письмахъ своихъ къ М. М. Татаринову и А. Д. Балашову онъ называлъ себя миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога.

«То истинно,—писалъ Серафимъ графу Аракчееву [1]),—что Господь Богъ посылалъ иногда непосредственно святыхъ мужей для обращенія заблуждающихся человѣковъ на путь истины и благочестія. Такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ посылалъ Онъ пророковъ, а въ Новомъ—Апостоловъ. Но дабы тѣ народы, къ коимъ они были посылаемы, могли признать ихъ за истинныхъ посланниковъ Его и дать имъ всю свою вѣру,—для сего знаменовывалъ Онъ первыхъ, т. е. пророковъ, даромъ чудотвореній и точнымъ исполненіемъ предреченій ихъ, какъ бы нѣкоторою божественною печатію своею, а послѣднихъ знаменовалъ тѣмъ же даромъ чудесъ и способностью говорить величіе Божіе всѣми языками, коимъ они никогда не учились. Но какъ г-нъ Дубовицкій сей божественной печати не имѣетъ, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, не есть миссіонеръ, посланный отъ Бога, а фанатикъ и энтузіастъ».

Мнѣніе свое Серафимъ подтверждалъ тѣмъ, что Дубовицкій самъ приписываетъ себѣ особенный, полученный отъ Бога, даръ преподавать любовь и самыя глубокія христіанскія истины людямъ грубымъ всякаго пола и возраста. Какое онъ имѣлъ на то право, когда Господь не посланнымъ отъ Него запрещаетъ проповѣдывать [2]). Какъ смѣлъ онъ присвоить себѣ столь великую честь, — честь проповѣдника и учителя истины, когда въ словѣ Божіемъ сказано: Никтоже самъ себѣ пріемлетъ честь, но званый отъ Бога. Дубовицкій, по словамъ митрополита, не училъ крестьянъ спасительнымъ истинамъ нашей вѣры, а отторгалъ ихъ отъ святой соборной и апостольской церкви и училъ суевѣрію и ереси. Онъ завелъ новую секту, далъ ей наименованіе истинныхъ внутреннихъ поклонниковъ

[1]) Въ письмѣ отъ 20-го февраля 1824 года.

[2]) «Како проповѣдятъ,—говоритъ Апостолъ Павелъ,—аще не послани будутъ».

Богу, ввелъ новые обряды, духовныя пѣсни, стихами составленныя, которыя никогда въ церкви нашей не были употребляемы, называлъ себя миссіонеромъ, посланнымъ отъ Бога и, наконецъ, заставилъ своихъ послѣдователей признавать себя за божественнаго человѣка. Все это дало возможность Серафиму сказать, что Дубовицкій фанатикъ и притомъ изступленный и неистовый, на котораго не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни гнѣвъ, ни слезы престарѣлыхъ родителей; фанатикъ, отказывающійся дать подписку въ томъ, что онъ не станетъ болѣе проповѣдывать своего ученія; что Дубовицкій есть настоящій сектаторъ, произведшій новый расколъ и черезъ то причинившій церкви Христовой великій соблазнъ и вредъ; сектаторъ вредный не только для одной церкви, но и для отечества, какъ проповѣдующій, что люди всѣ равны.

На этомъ основаніи митрополитъ Серафимъ предлагалъ: 1) послать Дубовицкаго въ дальній и уединенный монастырь, никуда не выпускать, заставить присутствовать при каждомъ богослуженіи, а въ свободное время занимать его чтеніемъ слова Божія и святыхъ отцовъ и слѣдить за образомъ его мыслей; 2) поручить епархіальному архіерею, чтобы онъ принялъ мѣры къ возвращенію къ православной церкви послѣдователей Дубовицкаго, крестьянъ села Горлова и друг.; 3) Довольствовать Дубовицкаго въ монастырѣ братскою трапезою, съ платою по 200 рублей въ годъ изъ его имущества, и если императору угодно будетъ впослѣдствіи освободить Дубовицкаго изъ монастыря, то обязать его строжайшею подпискою, что онъ не будетъ болѣе распространять своего ученія.

Что же касается до Л. М. Гагина, который имѣлъ въ этомъ дѣлѣ лишь нѣкоторое участіе, то его «крѣпко вразумить, чтобы онъ зналъ свою должность и отнюдь въ дѣла до него не принадлежащія впредь не вмѣшивался».

Согласившись вполнѣ съ мнѣніемъ митрополита Серафима, императоръ Александръ приказалъ, не предавая суду, отправить, административнымъ порядкомъ, въ монастырь, какъ Дубовицкаго, такъ и Гагина, и исполненіе этого возложить на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына [1].

---

[1]) Журналъ комитета министровъ, 26-го февраля 1824 года.

*

Дубовицкій былъ отправленъ Новгородской епархіи въ первоклассный Кирилло-Бѣлозерскій монастырь [1]), а Гагинъ—въ Валаамовъ монастырь [2]). Дѣвицы Анна Стужина и Татьяна Астахова отправлены въ свои деревни, съ однимъ старымъ и честнымъ женатымъ полицейскимъ унтеръ-офицеромъ [3]).

Ссылку свою Александръ Петровичъ принялъ съ покорностью.

— Господь мой,—говорилъ онъ,—милосердый мой Спаситель и сердцевѣдецъ видитъ, что ревность дома Его снѣдаетъ мое сердце, горящее любовію къ Нему и ближнему, и оно-то побуждаетъ меня безъ всякой корысти, жертвуя всѣмъ, служить возлюбленнымъ моимъ о Господѣ.

Не считая себя виновнымъ, Дубовицкій, какъ фанатикъ идеи, писалъ въ своемъ показаніи 2-го марта 1824 года:

«Я никакого собственнаго, мною выдуманнаго, ученія не имѣю, имѣть и знать не хочу, кромѣ ученія Христа Спасителя и примѣра святыхъ отцовъ, истинныхъ мистиковъ, истинныхъ послѣдователей пути крестному. Сіе ученіе столь любезно моему сердцу, и я толико предаюсь ему всею душою моею, что оно претворилось и, по неизреченному ко мнѣ милосердію Божію, еще болѣе претворяется, такъ-сказать, въ мою натуру, что могу назвать его моимъ ученіемъ. Молю Господа и увѣренъ, что всякая христіанская душа будетъ со мною молить Его, чтобъ мое ученіе болѣе и болѣе распространялось.

«Судіи мои! дѣлайте со мною, что хотите, но берегитесь, какъ бы не оскорбить вамъ Духа Божія! По сему и боюсь, изъ любви къ ближнему, далѣе о семъ распространяться, да и не имѣю почти никакой возможности порядочно объясниться, ибо пишу по наряду (по приказанію), въ канцеляріи, гдѣ не всегда, и по внѣшности, и

[1]) Къ сожалѣнію, все, что сказано на стр. 19 „Русской Старины" 1885 г. № 7, какъ относительно Татариновой, такъ и Дубовицкаго, не точно и не имѣетъ ни фактической, ни хронологической достовѣрности.

[2]) Въ своемъ заключеніи Гагинъ прожилъ не долго. По болѣзненному состоянію, засвидѣтельствованному монастырскимъ начальствомъ, онъ, 18-го августа 1824 года, былъ отправленъ въ Петербургъ для помѣщенія на лѣченіе въ одномъ изъ военныхъ госпиталей. Прощенный въ 1826 году, Гагинъ отправился въ деревню, но на дорогѣ въ Новгородѣ 26-го мая скончался.

[3]) Высочайшее повелѣніе, объявленное графомъ Аракчеевымъ оберъ-полиціймейстеру Гладкову 20-го февраля 1824 г.

по внутренности, къ сему есть удобности, содержась въ тюрьмѣ, подъ строгимъ такимъ присмотромъ, какъ государственный преступникъ».

Тяжесть его положенія усиливалась еще и тѣмъ, что привезенныя имъ въ Петербургъ дѣти оставались безъ призрѣнія, на попеченіи гувернантки-англичанки, Екатерины Жерсонъ. Положеніе ихъ вызывало состраданіе, и сестра Дубовицкаго, бывшая замужемъ за Протасьевымъ, просила князя Александра Николаевича Голицына объ облегченіи участи ея брата и призрѣніи его дѣтей [1]). Одновременно съ этимъ, отецъ Дубовицкаго обратился съ просьбою къ Балашову [2]) отдать ему на воспитаніе внучатъ, и, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, старикъ не стѣснился обвинить сына въ томъ, чего не было. Онъ писалъ, что Александръ Петровичъ «издавна одержимъ жестокою меланхоліею», которая, послѣ смерти жены, настолько усилилась, что онъ временно лишается совсѣмъ разсудка. Петръ Николаевичъ Дубовицкій увѣрялъ, что если оставить дѣтей у его сына, Александра Петровича, то онъ не только не способенъ дать имъ воспитаніе, но «ежели не умертвитъ ихъ, то сдѣлаетъ калѣками». 21-го марта Балашовъ передалъ эту просьбу графу Аракчееву, на которой послѣдній написалъ: «Государь не соизволяетъ, а велѣлъ оставить дѣтей, по желанію отца, при немъ».

Поводомъ къ такой резолюціи послужила всеподданнѣйшая просьба гувернантки дѣтей Дубовицкаго, англичанки Жерсонъ, умолявшей императора не разлучать ни ее, ни отца съ дѣтьми, порученными ей умирающею матерью.

«Эта мать-христіанка,—писала Жерсонъ,—поручила мнѣ своихъ дѣтей во имя Іисуса Христа, Которому она ихъ посвятила, и потому только смерть и воля вашего величества могутъ разлучить меня съ ними». Какова бы ни была судьба самого Дубовицкаго, Жерсонъ просила оказать ей милость оставаться при дѣтяхъ, дать имъ возможность видѣть отца, а ей дозволить совѣтоваться съ нимъ относительно дальнѣйшаго воспитанія ихъ въ христіанскомъ духѣ [3]).

---

¹) Письмо Елисаветы Протасьевой къ кн. Голицыну 13-го марта 1824 г.

²) Прошеніе П. Н. Дубовицкаго Балашову отъ « » марта 1824 г.

³) Вотъ подлинная просьба Е. Жерсонъ:

Votre Majesté Impériale! La gouvernante des enfans de m-r Doubovitzki réclame la miséricorde de Votre Majesté Impériale en demandant la grace de

Императоръ Александръ поручилъ сказать Жерсонъ, что она не будетъ разлучена съ дѣтьми Дубовицкаго, и разрѣшилъ ѣхать съ ними, чтобы жить по ея усмотрѣнію подлѣ Кириллова монастыря. При этомъ кн. А. Н. Голицынъ сообщилъ митрополиту и мѣстному гражданскому начальству высочайшее повелѣніе, чтобы дѣти были допускаемы къ отцу всякій разъ, когда онъ пожелаетъ [1]). Вскорѣ послѣ того, бывши въ Рязани, императоръ, при собраніи всего дворянства, подошелъ къ отцу Дубовицкаго, обласкалъ и успокоилъ его [2]).

— Хотя я и опредѣлилъ послать въ монастырь вашего сына,— сказалъ государь, — однакожъ я своей особой въ этомъ не виноватъ, — не виноватъ.

Въ монастырѣ Дубовицкій отличался примѣрнымъ поведеніемъ и преданностью къ православной церкви. Въ іюлѣ 1824 года настоятель монастыря, архимандритъ Гедеонъ, доносилъ митрополиту Серафиму, что Дубовицкій изъ монастыря никуда не выходитъ, присутствуетъ при всякой службѣ, еженедѣльно причащается Св. Таинъ, и единственное его занятіе состоитъ въ чтеніи Слова Божія

ne pas la séparer de ses élèves, qui lui ont été confiés par une mère mourante. Cette mère chrétienne m'a confié ses enfans au nom de Jesus-Christ, auquel elle les a consacrés: par conséquent il n'y a que la mort et la volonté de Votre Majesté qui puissent m'en séparer. Le père, étant de la même opinion sur l'éducation, désire aussi que je sois auprès de ses enfans pour le seconder de les élever dans l'amour de Dieu. Je n'ose pas demander grace pour monsieur Doubovitzki; mais je sollicite, que mes éléves ne soient pas separés de leur père. Quelque soit sa déstination, je prie instamment Votre Majesté, que la grace me soit accordée d'être prés de lui avec mes éléves, que nous ayons la liberté de le voir et de le consulter pour continuer cette éducation commencée par la grace de Dieu, dans l'ésprit Chrétien, car si nous n'avons pas la permission d'être prés de lui, les parents viendront m'ôter les enfans, et si en cas ils me prennent aussi avec eux, dans une maison du monde, je ne pourrai plus conduire ces enfans dans l'ésprit Chrétien. Que Votre Majesté daigne me pardonner ma demarche hardie, je m'adresse avec confiance à Votre Miséricorde et à Votre Magnanimité, dont la force surpasse toutes les fautes imaginables, comme à un Père des orphelins et des affligés.

J'ai le bonheur de me nommer avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale la très-soumise et très obéissante servante. Cathérine Gerson.

(Архивъ Канцеляріи Оберъ-Прокурора Синода, д. № 9074).

[1]) Отношеніе кн. А. Н. Голицына графу М. А. Милорадовичу 2 апрѣля 1824 г., № 14.

[2]) Докладная записка начальника 2-го округа корпуса жандармовъ генерала Лесовскаго графу Бенкендорфу 9 октября 1833 г., № 299.

и святыхъ отцовъ, по книгамъ, получаемымъ изъ монастырской библіотеки. Образъ его мыслей согласенъ съ ученіемъ православной церкви, а въ поступкахъ его замѣчается «повиновеніе, кротость и пламенное желаніе подражать святымъ отшельникамъ въ умерщвленіи плоти и въ занятіи внутреннею молитвою. Во всемъ поведеніи его видна постоянная честность и расположенность къ пользѣ ближнихъ, по которой онъ старается облегчать участь бѣдныхъ или открытою милостынею, или тайнымъ подаяніемъ. Впрочемъ, постоянно удаляется сообщества съ людьми мірскими, не занимающимися духовными предметами. Что же касается до дѣтей его, то они съ гувернанткою, съ позволенія моего, приходятъ къ нему на день для ученія, а ночлегъ имѣютъ въ особой квартирѣ, нанятой въ городѣ».

Въ такомъ уединеніи Дубовицкій провелъ почти три года, и единственнымъ его собесѣдникомъ былъ бывшій епископъ пензенскій, Амвросій Орнатскій, аскетъ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ весьма оригинальный и по своему образу жизни, и по своимъ воззрѣніямъ. Амвросій любилъ Дубовицкаго, любилъ бесѣдовать съ нимъ о Промыслѣ Божіемъ и ласкалъ его дѣтей, надѣляя ихъ просфорами.

Въ концѣ третьяго года обстоятельства измѣнились: наступило новое царствованіе, а съ нимъ и новые дѣятели. Дубовицкій рѣшился тогда самъ обратиться съ просьбою о помилованіи.

«Государь!—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 2 февраля 1826 г.—Я есмь несчастная жертва злоумышленныхъ разсчетовъ коварныхъ людей, по докладу графа Аракчеева, безъ предварительнаго суда схваченный, въ тюрьму какъ наивеличайшій государственный преступникъ заключенный, потомъ наистрожайшимъ судомъ судимый и ниже въ тѣни подозрѣнія преступленія противу гражданскихъ ли то или духовныхъ законовъ не найденный; но, несмотря на сіе, въ монастырское заточеніе осужденный, за то токмо, какъ мнѣ то объявлено было отъ митрополита Серафима, что будто я публично проповѣдывалъ. Но и сего даже государь отнюдь не было, а переименованы симъ именемъ наиблаготворнѣйшіе и по гражданскимъ и по духовнымъ отношеніямъ бывшіе на переѣздахъ моихъ черезъ Коннозаводскую Скопинскаго уѣзда волость, мои съ крестьянами разговоры и благорасположительныя мои къ нимъ и ихъ ко мнѣ отношенія, три года продолжавшіяся и вдругъ, по соображеніямъ и смёткамъ своекорыстныхъ ви-

довъ и выгодъ, на сцену какъ величайшее преступленіе выставленныя; потомъ не въ силахъ будучи доказать ихъ таковыми, вышеупомянутаго рода людьми осмѣянные, обезображенные и въ видѣ нелѣпаго и безумнаго проповѣдничества выданные. Но сія христіанская моя связь съ сими прелестными сердцу моему простосердечными, по истинѣ, столько походила и имѣла видъ онаго, сколько разговоры принцессы Бомонъ съ простолюдинами, въ извѣстной книгѣ ея подъ заглавіемъ «Училище для бѣдныхъ», упоминаемые и всѣми одобряемые, съ тою токмо разницею, что бывшія мои бесѣды по благословенію Божію и пользѣ отъ нихъ происходившей были не прекрасный какой-либо идеалъ, а дѣйствительная подлинность и точно дѣло Божіе.

«Хотя мнѣ, государь, какъ я выше упомянулъ, и объявлено было, что я посылаюсь за публичное проповѣданіе, но это было сказано мнѣ только на словахъ, а истинная причина была отъ меня скрыта, которая по судопроизводственному акту состояла въ томъ, что я посылаюсь въ заточеніе мое въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь за распространеніе будто-бы ложнаго ученія; но въ чемъ оно именно состоитъ и кто меня въ ономъ обличалъ, мнѣ о семъ никогда въ вопросныхъ пунктахъ упоминаемо не было.

«Государь мой и отецъ! если тебѣ угодно знать о семъ дѣлѣ во всѣхъ его подробностяхъ, то благоволи токмо спросить о немъ князя Александра Николаевича Голицына, которому всѣ мои расположенія и благотворныя дѣйствія сего дѣла, весь ходъ его по всѣмъ отношеніямъ и тайныя пружины его во всѣхъ частяхъ извѣстны; равно какъ и совершенно же извѣстна ему и моя невинность.

«Родитель мой, съ печали обо мнѣ и убитый позоромъ мнѣ дѣлаемымъ, не вынесъ сего, недавно умеръ съ горя. А престарѣлая умирающая моя родительница, горемъ къ горю пораженная сверхъ сего и по болѣзненнымъ своимъ припадкамъ, имѣя во мнѣ единственнаго сына и единственную подпору своей старости и о ней попечителя, никакъ не можетъ обойтись безъ моей помощи. Малолѣтніе же сироты и при избыткѣ нашего состоянія лишаются всякой возможности къ должному наружному образованію.

«Имѣніе покойнаго родителя моего, которому есмь единственный наслѣдникъ, въ 2.000 душахъ мужска пола состоящее, приходитъ безъ меня въ совершенное разстройство, а крестьяне въ крайнее разореніе и нищету. Сверхъ всего онаго, покойный августѣйшій братъ твой прошлаго лѣта, въ Царскомъ Селѣ, черезъ зятя моего сенатора Петра Ивановича Озерова мнѣ объявленнымъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Таганрогъ, изволилъ дать всемилостивѣйшее рѣшительное свое обѣщаніе даровать мнѣ свободу. Несмотря однако же на сіе, я и по нынѣ нахожусь въ упомянутомъ моемъ заточеніи, вѣроятно по ухищреніямъ тѣхъ же

зложелательныхъ мнѣ людей, которые, при всей моей невинности и ссылки въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ и дворянства и того еще худшаго находили меня не только слишкомъ достойнымъ, но и малымъ для наказанія меня и живаго бы готовы были пожрать, если бы не защитилъ меня отъ нихъ покойный благодѣтель мой и отецъ государь императоръ, не только не допустивъ ничего онаго по желанію своему имъ со мною сдѣлать, но оказалъ еще мнѣ величайшую свою милость, не сдѣлавъ дѣтей моихъ круглыми сиротами, но утвердилъ повелѣніемъ своимъ имъ при мнѣ находиться, за что да воздастъ его Господь милостью своею.

Государь мой и отецъ! благоволи воззрѣть всемилостивѣйшимъ окомъ твоего благоутробія и милосердія на все оное и меня Христа ради съ несчастными моими сострадальцами помиловать!»

Просьба эта была подкрѣплена такою же просьбою матери, просившей милосердія государя къ сиротствующимъ дѣтямъ и ея преклонному 80-лѣтнему возрасту, и повелѣнія освободить ея сына изъ монастыря, чтобы онъ могъ успокоить ея старость и закрыть ей глаза,—единственной отрады, которой не имѣлъ отецъ при своей кончинѣ. При этомъ Надежда Ивановна Дубовицкая писала князю А. Н. Голицыну [1]): «Если милосердіе Его Императорскаго Величества столь велико, что онъ преступниковъ, возстававшихъ противъ священной его особы и отечества [2]), повелѣлъ раздѣлить на злоумышлявшихъ и на ослѣпленныхъ и коварствомъ только увлеченныхъ въ преступленіе,—то могу ли я не надѣяться, чтобы отецъ-государь нашъ не обратилъ вниманія на участь сына моего, котораго вся вина состоитъ въ томъ, что, по пламенной ревности къ религіи, онъ желалъ Слово Божіе внушать ищущимъ спасенія».

Указывая на то, что А. П. Дубовицкій не былъ никогда преступникомъ, но всегда вѣрнѣйшимъ подданнымъ; что въ бумагахъ его и произведенномъ дознаніи не найдено ничего вреднаго и противнаго православной церкви, и что, наконецъ, онъ болѣе двухъ лѣтъ томится въ монастырѣ, Н. И. Дубовицкая умоляла кн. А. Н. Голицына испросить прощеніе сыну.

8 марта 1826 года оба прошенія были доложены императору Николаю, и онъ приказалъ отвѣчать матери, чтобы «она взяла тер-

1) Въ письмѣ отъ « » февраля 1826 г.

2) 14 декабря 1825 г.

пѣніе», что государь обратитъ вниманіе на ея сына, и поручилъ кн. А. Н. Голицыну напомнить о немъ во время коронаціи [1]).

Между тѣмъ, не получая долгое время отвѣта [2]), Н. И. Дубовицкая обратилась съ такою же просьбою къ Серафиму и поручила своему зятю Михаилу Протасьеву передать ее лично митрополиту. Серафимъ принялъ его ласково и привѣтливо. Графъ Аракчеевъ былъ уже не у дѣлъ, самовластіе его кончилось, и митрополиту бояться было некого. Серафимъ не могъ не сознать въ душѣ, что, какъ ни старался обвинить Дубовицкаго, но обвиненіе это было поверхностно, основано на нѣсколькихъ фразахъ, не имѣвшихъ серьезнаго значенія и сдѣлано по настоянію всесильнаго тогда временщика. Митрополитъ заявилъ Протасьеву, что отъ монастырскаго начальства онъ знаетъ, что Дубовицкій человѣкъ самыхъ строгихъ христіанскихъ правилъ, и по долгомъ испытаніи его не оказывается въ образѣ мыслей его ничего соблазнительнаго.

Позднѣе, при одномъ случаѣ въ Синодѣ, Серафимъ открыто сознался, что слишкомъ поспѣшно и неосновательно обвинилъ Дубовицкаго.

— Я осудилъ Дубовицкаго, — сказалъ онъ, обращаясь къ оберъ-прокурору кн. Мещерскому,— по однѣмъ бумагамъ, до меня дошедшимъ, но нынѣ, узнавъ его лично, удостовѣрился въ томъ, что онъ истинный христіанинъ.

— Я хорошо знаю Дубовицкаго, — прибавилъ митрополитъ кіевскій Филаретъ, тогда бывшій рязанскимъ архіепископомъ, — и никогда ничего противнаго христіанской вѣрѣ въ немъ не находилъ.

Серафимъ готовъ былъ теперь поправить свою ошибку и ходатайствовать о прощеніи, но только въ томъ случаѣ, если А. П. Дубовицкій дастъ подписку, что впредь будетъ воздерживаться отъ такихъ поступковъ, за которые онъ обвиненъ и сосланъ въ монастырь. При этомъ Серафимъ самъ набросалъ слѣдующій проектъ подписки:

«Я, отставной подполковникъ Александръ Дубовицкій, сослан-

---

[1]) Резолюція кн. А. Н. Голицына на прошеніи Н. И. Дубовицкой.

[2]) Отвѣтъ былъ подписанъ кн. Голицынымъ только 4 мая 1826 г.

ный въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь на покаяніе за распространеніе мною ложнаго ученія, почувствовавъ нынѣ вину мою и чистосердечно каясь передъ Богомъ, клятвенно обѣщаюсь и сею подпискою моею обязуюсь: 1) что я прежняго моего лжеученія отнюдь никому и никогда, ни письменно, ни словесно проповѣдывать не стану и ни къ какой сектѣ принадлежать и самъ оныя заводить не буду; 2) что я ни въ какія дѣла, до религіи относящіяся, до меня, яко мірянина, не принадлежащія, вмѣшиваться впредь не буду; 3) если же я сіе клятвенное обѣщаніе мое, собственноручно подпискою моею утвержденное, нарушу, то подвергаю себя въ сей жизни строжайшему гражданскому суду, а въ будущей — суду Божію».

Получивъ отъ Серафима проектъ подписки, М. Протасьевъ торопился послать ее А. П. Дубовицкому и выражалъ увѣренность, что онъ поспѣшитъ исполнить желаніе митрополита и тѣмъ самымъ опровергнетъ невыгодное о немъ мнѣніе [1]). А. П. Дубовицкій отказался исполнить требованіе Серафима, посланнаго ему проекта не подписалъ, а взамѣнъ его прислалъ слѣдующее обязательство:

«По дѣлу о бывшихъ бесѣдахъ моихъ съ крестьянами Конно-Заводской волости, Рязанской губерніи, въ Скопинскомъ уѣздѣ состоящей, не имѣя другаго намѣренія, кромѣ ревности къ дѣлу Божіему и искренней любви къ ближнимъ, можетъ быть я перешелъ предѣлы свѣтскому моему званію приличные и въ излишествѣ показалъ усердіе мое, а тѣмъ самымъ обратилъ на себя строгое вниманіе и подвергся заключенію въ монастырь св. Кириллы Бѣлозерскаго.

«Нынѣ, согласно требованію отъ меня подписки, симъ удостовѣряю, что я воздерживаться буду отъ поступковъ, сочтенныхъ неприличными моему званію и состоянію и послужившихъ поводомъ къ обвиненію меня, и что ничего такого никому не сообщу, что будетъ противно Св. Писанію, ученію св. отцевъ и правиламъ православной нашей церкви. Въ чемъ и подписуюсь».

Неточность и неопредѣленность даваемаго А. П. Дубовицкимъ обязательства побудила митрополита Серафима потребовать, чтобы

[1]) Письмо М. Протасьева Дубовицкому 19 марта 1826 г.

составленный имъ проектъ обязательства, одобренный императоромъ, былъ подписанъ безъ всякаго измѣненія. Дубовицкій сначала отказывался подписать подъ предлогомъ онѣмѣнія правой руки [1]), но потомъ подписалъ съ слѣдующею оговоркою:

«Хотя оная подписка, апробованная самимъ государемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, мною и подписана уже [2]), но рукоприкладство мое къ ней духовнымъ начальствомъ найдено недостаточнымъ къ утвержденію ея во всей силѣ. Почему духовное начальство требуетъ, чтобы я подписалъ сію таковую же подписку безъ всякой оговорки вторично; но такъ какъ я твердо увѣренъ въ милости Монарха, знавъ, что онъ, Государь мой и отецъ, не насилуетъ ни чьей совѣсти, то какъ могу я вопреки оной, сдѣлавшись измѣнникомъ Богу, признать за лжеученіе то, о которомъ, въ чемъ оно состоитъ, и кто меня въ ономъ обличалъ, мнѣ въ вопросныхъ пунктахъ никогда ниже упоминаемо было. Но будучи увѣренъ въ противномъ, какъ могу признать его таковымъ изъ сбереженія самого себя, погибающаго моего семейства и временныхъ выгодъ? Утверждая подписку сію для онаго вопреки моей совѣсти безъ слѣдующей оговорки, могъ ли бы я, преступникъ Богу и совѣсти моей, быть вѣренъ отцу моему Государю, матери моей Церкви и самой сей подпискѣ?

«Видя и признавая въ правительствѣ власть самого Господа, надо мною поставленную, хотя и убѣжденъ предъ Нимъ въ совѣсти моей, что я никогда, никому ничего противнаго слову Божію, ученію православной церкви и святыхъ отецъ не сообщалъ; но будучи передъ Господомъ ничто иное, какъ бѣдный грѣшникъ, почему и безъ намѣренія, по невѣдѣнію, могъ поступать вопреки сему, каковыя погрѣшности духовнымъ начальствомъ могли быть примѣчены и послужить поводомъ къ названію ихъ ложнымъ ученіемъ, въ видѣ коего и представить Государю. Въ чемъ не вѣря себѣ самому, а вѣря ему, какъ верховной власти, покоряю во всемъ о Господѣ волю мою, чистосердечно во всѣхъ оныхъ каюсь и о укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ, симъ моимъ рукоприкладствомъ всю оную подписку

---

[1]) Отзывъ Дубовицкаго архимандриту Гедеону отъ 19 іюля 1826 г.

[2]) Дубовицкій говоритъ о только-что приведенной выше и имъ самимъ составленной подпискѣ.

во всей ея силѣ утверждаю. 1826 года, іюля « » дня. Отставной подполковникъ Александръ Дубовицкій».

Хотя оговорка, сдѣланная Дубовицкимъ, могла быть принята за упорство и ослушаніе высочайшей волѣ, но вполнѣ одобрительные отзывы монастырскаго начальства о поведеніи заключеннаго были достаточны для его помилованія [1]).

Прочитавъ эту подписку, императоръ Николай призналъ ее достаточною, и 7-го августа 1826 г. высочайше повелѣлъ выпустить Дубовицкаго изъ монастыря для пребыванія, где пожелаетъ [2]), объявя ему, чтобы онъ въ точности соблюдалъ то, что обѣщалъ въ своей подпискѣ [3]).

Оставивъ навсегда Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Дубовицкій побывалъ въ Ярославлѣ, въ Москвѣ и затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и возобновилъ прежнюю свою миссіонерскую дѣятельность.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[1]) Бывшій духовникъ А. П. Дубовицкаго, іеромонахъ Кириллова монастыря Авраамъ, 12 сентября 1826 г., выдалъ ему свидѣтельство, записанное въ монастырской книгѣ подъ № 91. Въ этомъ свидѣтельствѣ, между прочимъ, сказано: «Дубовицкій по внутреннему своему побужденію былъ ежедневно у меня на исповѣди, и я не только не замѣчалъ въ немъ чего-либо въ понятіяхъ, образѣ мыслей и поведеніи его противнаго слову Божію, ученію древнихъ св. отецъ и св. нашея православныя церкви, но и не находилъ такихъ грѣховъ, которые бы могли хотя мало подать поводъ къ отлученію его отъ святыя Евхаристіи. Потому какъ истиннаго христіанина и вѣрнаго сына святыя церкви и удостоивалъ къ пріобщенію Св. Таинъ каждонедѣльно. Да и могъ ли бы я не допускать его до оныхъ, ибо онъ не только по образу мыслей своихъ, но и по жизни своей не къ каждонедѣльному, но къ каждодневному пріобщенію оныхъ могъ быть удостоиваемъ. Когда, сверхъ того, онъ и многихъ заблудшихъ овецъ стада Христова обратилъ на истинный путь покаянія, препровождая ихъ ко мнѣ, которыя и при мнѣ, недостойномъ служителѣ Его и свидѣтелѣ, приносили такое полное, живое, сердечное раскаяніе, что были допускаемы мною до пріобщенія Св. Христовыхъ Таинъ и послѣ исправленіемъ жизни своей засвидѣтельствовали истинное свое къ Господу обращеніе».

[2]) Авторъ статьи «Подполковникъ А. П. Дубовицкій» (см. «Русск. Арх.» 1894 г., № 6, стр. 185) ошибается, говоря, что ему дозволено было жить только въ своей деревнѣ. Въ письмѣ митрополита Серафима князю Мещерскому отъ 5 октября 1827 г. № 222 также сказано, что Дубовицкому предоставлено жить, гдѣ пожелаетъ. Невѣренъ и дальнѣйшій разсказъ, помѣщенный на той же страницѣ.

[3]) Письма князя А. Н. Голицына: митрополиту Серафиму и Н. И. Дубовицкой отъ 8 августа 1826 г.

Къ исторіи воспитательнаго дома.

Прибавленіе къ № 82 «С.-Петербургскихъ вѣдомостей», октября 14 дня 1763 года.

Въ С.-Петербургѣ, октября 13 дня.

Въ публикованномъ манифестѣ и высочайше апробованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ планѣ, по которому учрежденъ въ древнемъ столичномъ городѣ Москвѣ воспитательный домъ для приносимыхъ младенцовъ, всемилостивѣйшая Государыня первымъ пунктомъ второй главы повелѣвать изволитъ: родильницамъ самимъ или повѣреннымъ ихъ и постороннимъ, мужеска и женска полу, поднимая младенцовъ, приносить въ оный домъ съ тѣмъ, что въ томъ домѣ не спросятъ кто онъ и откуда; а надобно только дать знать, крещенъ ли младенецъ, и какъ его зовутъ. Однакожъ не воспрещается каждому то объявить, что самъ приносящій пожелаетъ, и оное выслушано и записано будетъ; но ежели прямо къ тому воспитательному дому принесеніе младенца кому-либо покажется трудно или опасно, то вторымъ пунктомъ дозволяется приносить къ приходскимъ священникамъ, къ богадѣльнямъ и монастырямъ, ночью и днемъ, съ такими же обстоятельствами, чтобъ приворотникамъ ни о чемъ не спрашивать, кромѣ того, что выше упомянуто.

Того же часа младенецъ поднятой отнесенъ будетъ въ воспитательный домъ, и приноситель за каждаго получитъ два рубля въ награжденіе. Впрочемъ повелѣвается днемъ и ночью, какъ рогаточному караулу, такъ полицейской и прочимъ командамъ, приносящаго не токмо не удерживать, но еще и всякое вспоможеніе и защищеніе отъ наглости оказывать. Въ слѣдствіе же втораго надесять пункта той же главы, которымъ Ея Величество уповаетъ найти въ подданныхъ Своихъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ городахъ истинныхъ подражателей матерняго своего милосердія и призрѣнія къ безпомощнымъ младенцамъ, и

дозволяетъ каждому принимать таковыхъ же на воспитаніе до двухъ, трехъ, четырехъ, но не свыше пяти лѣтъ, а потомъ отдавать въ воспитательный домъ, исключая подложныхъ и крѣпостныхъ подъ видомъ найденныхъ. Мы здѣсь объявляемъ имена тѣхъ боголюбивыхъ, которые, взирая на вѣру, сопряженную съ дѣлами спасительными своей благочестивой монархини и матери, сами въ послушаніе той же плѣнилися благодѣяніемъ къ безпомощнымъ въ родѣ человѣческомъ младенцамъ, и себя охотными къ сему душеспасительному дѣлу объявили, и которые дѣйствительно и принимать будутъ приносимыхъ дѣтей по вышеизображеннымъ обстоятельствамъ; а кто оные приниматели и гдѣ ихъ дома, то здѣсь прилагается увѣдомленіе:

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку секундъ-маіоръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ; дворъ онаго въ Преображенскомъ полку.

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ; дворъ онаго на Невской перспективной подлѣ Зеленаго мосту, противъ деревяннаго Зимняго дворца.

Дѣйствительной статской совѣтникъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ; дворъ онаго въ Большой Морской улицѣ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Александръ Борисьевичъ Бутурлинъ; дворъ онаго на берегу Мойки подлѣ Зеленаго мосту.

Шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ; дворъ онаго въ Большой Морской улицѣ.

Шталмейстеръ князь Сергѣй Васильевичъ Гагаринъ; на дворѣ каммергера и кавалера ордена святыя Анны графа Сергѣя Павловича Ягужинскаго.

Графиня Прасковья Александровна Брюсова; дворъ оной въ Милліонной улицѣ на углу противъ каменнаго Зимняго дому.

Анна Никитишна Нарышкина, дворъ оной на Исакіевской площади, которой называется Нащокина.

Дѣйствительной статской совѣтникъ Григорей Николаевичъ Тепловъ; дворъ его деревянной на Фонтанкѣ, что прежде графа Сиверса былъ.

Тайной дѣйствительной совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ князь Яковъ Петровичъ Шаховской; дворъ его по Мойкѣ на берегу противъ Галернаго двора.

Лейбъ-гвардіи Коннаго полку подполковникъ и кавалеръ князь Михайла Никитичъ Волхонской; дворъ его въ Конной гвардіи.

Каммергеръ графъ Николай Александровичъ Головинъ; домъ его на берегу Мойки подлѣ Синяго мосту.

Штатсъ-дама графиня Марья Андреевна Румянцова; домъ ея на берегу Фонтанки противъ Измайловскихъ свѣтлицъ.

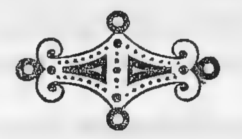
Генералъ-аншефъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ; домъ его въ Садовой улицѣ противъ Лѣтняго дворца.

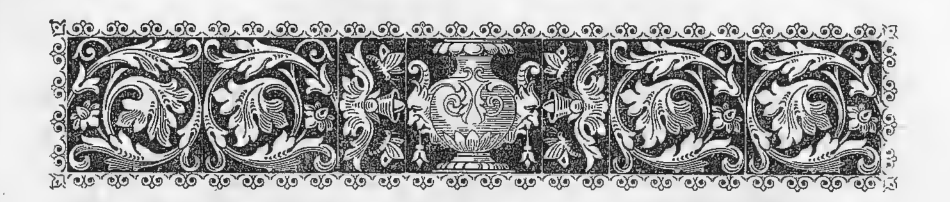
Каммергеръ Петръ Богдановичъ Пассекъ; домъ его по Невской перспективой за Аничковымъ мостомъ.

Оберъ-егермейстеръ Семенъ Кириловичъ Нарышкинъ; домъ его въ Милліонной улицѣ.

Тайной совѣтникъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ; домъ его на Фонтанкѣ близъ Измайловскаго мосту.

Кто же впредь таковоежъ душеспасительное намѣреніе принять изволитъ, таковый можетъ объявить для припечатанія въ вѣдомостяхъ.





Изъ дипломатической переписки о Россіи XVIII вѣка.

VIII [1]).

Характеръ великой княгини Екатерины.—Отзывъ о ней Вилліамса.—Прибытіе въ Петербургъ Понятовскаго.—Опала Бестужева.—Противники Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны.—Примиреніе императрицы съ Екатериною.

Екатерина любила говорить, что, въѣзжая въ Россію, не видавъ еще великаго князя, она сказала себѣ: «я буду царствовать здѣсь одна». Эта мысль, безъ сомнѣнія, могла придти ей въ голову, когда она узнала характеръ и умственныя способности своего супруга. Онъ не былъ одаренъ умомъ отъ природы, и воспитаніе его, предоставленное наемникамъ, было ведено весьма небрежно. Великая княгиня, напротивъ того, отличалась блестящимъ умомъ, обходительностью, рѣдкою красотою, граціей, вкрадчивостью и крайней любезностью, въ соединеніи съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, со смѣлостью и выдержкою—словомъ, она обладала всѣми качествами для того, чтобы подчинять себѣ людей и властвовать надъ ними. Великій князь жилъ съ супругою вначалѣ въ полномъ согласіи, но молодая чета не подавала никакихъ надеждъ на осуществленіе ожиданій, возлагавшихся на нее Елисаветою, которая до кончины желала видѣть престолъ обезпеченнымъ наслѣдникомъ.

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1895 года.

У нихъ же, по прошествіи девяти лѣтъ брачной жизни, не было еще ребенка. Наконецъ Екатерина разрѣшилась 1-го октября 1755 г. отъ бремени сыномъ, который царствовалъ впослѣдствіи подъ именемъ Павла I. На Салтыкова было возложено порученіе извѣстить короля шведскаго о благополучномъ разрѣшеніи великой княгини отъ бремени, затѣмъ онъ получилъ повелѣніе отправиться полномочнымъ министромъ въ Гамбургъ.

Сэръ Ч. Г. Вилліамъ нѣсколько мѣсяцевъ находился уже въ то время въ Петербургѣ и, какъ человѣкъ ловкій, вскорѣ оцѣнилъ достоинства Екатерины и постарался заслужить ея благоволеніе. Въ своей депешѣ отъ 2-го октября 1755 г. онъ отзывается о великой княгинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Такъ какъ, въ случаѣ кончины государыни, страною будетъ управлять ея высочество, то я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія короля мои наблюденія на ея счетъ, къ чему я имѣю полную возможность, ибо я нерѣдко бесѣдую съ нею по цѣлымъ часамъ, такъ какъ я сижу, по моему званію, за ужиномъ возлѣ нея. Съ самаго пріѣзда въ эту страну она старалась всѣми средствами пріобрѣсти любовь народа. Она съ особеннымъ стараніемъ занялась изученіемъ русскаго языка и, по отзыву нѣкоторыхъ лицъ, говоритъ на немъ, въ настоящее время, въ совершенствѣ. Ей удалось также снискать всеобщее уваженіе и самую горячую любовь народа. Наружность ея весьма замѣчательна и манеры прелестныя. Она превосходно знаетъ эту имперію и поглощена ея всестороннимъ изученіемъ. Она обладаетъ большими способностями; государственный канцлеръ Бестужевъ, съ которымъ она находится въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, говорилъ мнѣ, что у нея характеръ въ высшей степени твердый и рѣшительный.

«Что касается великаго князя, то онъ слабохарактеренъ и вспыльчивъ; но онъ такъ довѣряетъ во всемъ великой княгинѣ, что, по его словамъ, хотя онъ не понимаетъ всѣхъ дѣлъ самъ, но за то жена его все понимаетъ».

Кончину Елисаветы считали болѣе близкою, нежели было на дѣлѣ, и сэръ Ч. Г. Вилліамсъ, имѣя высокое мнѣніе о великой княгинѣ, не упускалъ случая снискать ея довѣріе и попасть въ число приближенныхъ къ ней лицъ. Это легко удалось ему, и онъ былъ

свидѣтелемъ того строгаго надзора, отъ котораго она не была избавлена даже во внутреннихъ покояхъ. Если вѣрить Рюльеру, который говоритъ, по всей вѣроятности на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, такъ какъ его показанія никѣмъ не оспаривались, то сэръ Ч. Г. Вилліамсъ дерзнулъ сказать великой княгинѣ, что «горе есть удѣлъ жертвъ; что тайные происки и затаенная злоба недостойны ни ея сана, ни ея ума, что такъ какъ люди большею частью бываютъ слабы, то личности съ твердымъ характеромъ всегда внушаютъ уваженіе; что, оставивъ стѣсненія, объявивъ во всеуслышаніе имена тѣхъ лицъ, коихъ она удостоитъ своими милостями, показавъ, что всякая выходка противъ нихъ будетъ принята ею за личное оскорбленіе, она будетъ жить такъ, какъ ей захочется».

Въ это время прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ сэромъ Ч. Г. Вилліамсомъ графъ Станиславъ Понятовскій, по милости великой княгини ставшій королемъ польскимъ, когда она была уже императрицей Россійской. Сэръ Ч. Г. Вилліамсъ былъ знакомъ съ нимъ въ Варшавѣ; и встрѣтившись съ нимъ въ Лондонѣ, въ моментъ своего отъѣзда, предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Россію. Тутъ Понятовскій былъ принятъ весьма милостиво, не столько какъ близкій родственникъ Чарторыйскаго, сколько благодаря рекомендаціи англійскаго посланника, которымъ онъ былъ представленъ какъ одинъ изъ его секретарей. Впрочемъ, онъ и не нуждался въ особой рекомендаціи, такъ какъ его наружность говорила сама за себя; онъ былъ замѣчательно красивъ, уменъ, изященъ и одѣтъ по послѣдней парижской модѣ, такъ какъ онъ прожилъ передъ тѣмъ довольно долгое время въ столицѣ Франціи. Онъ сразу понравился великой княгинѣ. Первыя свиданія Екатерины и Понятовскаго происходили въ домѣ англійскаго консула Раутона (Wroughton [1]); впослѣдствіи они встрѣчались у другаго довѣреннаго лица.

---

[1]) Услугами англійскаго консула, въ этомъ случаѣ, объясняется слѣдующее письмо великой княгини отъ 3 августа 1759 г. къ Питту, бывшему въ то время статсъ-секретаремъ:

«Милостивый государь, я весьма рада случаю доказать вамъ участіе, которое я принимаю во всемъ, касающемся вашей націи, и мое желаніе содѣйствовать ея выгодамъ въ особенности въ Россіи, странѣ, которая въ силу естественныхъ условій наиболѣе заинтересована въ благоденствіи вашего государства. Убѣдившись въ честности и усердіи къ своему отечеству г. Раутона, который вручитъ вамъ, милостивый государь, настоящее письмо, я прошу

Понятовскій, въ началѣ 1757 года былъ назначенъ полномочнымъ посланникомъ Польской республики и короля польскаго при дворѣ императрицы Россійской; одновременно съ этимъ онъ получилъ званіе великаго подскарбія Литовскаго княжества, и ему былъ данъ орденъ Бѣлаго Орла. Эта мѣра оказалась не лишнею, ибо сэръ Ч. Г. Вилліамсъ въ скоромъ времени выѣхалъ изъ Петербурга.

Между тѣмъ здоровье императрицы быстро ухудшалось; сэръ Ч. Г. Вилліамсъ такъ же, какъ и великая княгиня, полагали, что ей придется вскорѣ вступить на престолъ. На дѣлѣ вышло иначе; въ тотъ самый моментъ, когда передъ честолюбивой Екатериной открывалось, повидимому, самое блестящее будущее, когда наиболѣе дальновидные политики обращали къ ней свои взоры, какъ къ восходящему солнцу, у ногъ ея разверзлась невѣдомая пропасть.

Іоаннъ Антоновичъ и его семья все еще находились въ Ригѣ, повидимому, всѣми забытые, когда Фридрихъ, устроивъ бракъ великаго князя съ принцессой Цербтской, потребовалъ отъ Елисаветы, чтобы «Брауншвейгская семья была переведена въ какое-нибудь другое мѣсто въ Россіи». Такъ говоритъ онъ объ этомъ въ *Исторіи моего времени*, прибавляя: «Безопасность императрицы требовала, чтобы она удалила изъ ближайшихъ окрестностей Петербурга тѣхъ лицъ, кои были низведены съ престола переворотомъ и которыхъ другой дворцовый переворотъ могъ снова возвести на престолъ». Елисавета поспѣшила исполнить это требованіе. Герцогъ и герцогиня Брауншвейгскіе были отвезены въ Холмогоры, на Двинѣ, ниже Архангельска, гдѣ принцесса Анна скончалась въ родахъ въ 1746 г., оставивъ трехъ малолѣтнихъ сыновей и двухъ дочерей; ея супругъ влачилъ въ Холмогорахъ печальное существованіе до 1775 г., а Іоаннъ, разлученный съ семьею, былъ заключенъ, какъ полагаютъ, въ монастырь, находившійся по пути изъ Москвы въ Петербургъ. Какъ бы то ни было, сѣверо-американскій посланникъ въ Россіи, Стюартъ, писалъ англійскому посланнику въ Берлинѣ, сэру Митчелю 17-го октября 1757 года:

васъ выхлопотать у короля, чтобы мѣсто генеральнаго консула было оставлено за нимъ, и поручаю его особенному вниманію вашему. Этимъ вы, конечно, обяжете меня, милостивый государь, но уваженіе, съ коимъ я пребываю къ вашему превосходительству благосклонною, останется неизмѣннымъ. Екатерина».

«Въ началѣ зимы, прошлаго года, Іоаннъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, а оттуда въ Петербургъ, и помѣщенъ въ хорошемъ домѣ, принадлежащемъ вдовѣ одного секретаря тайной канцеляріи, гдѣ онъ находится подъ строгимъ присмотромъ. Императрица приказала привести его въ Зимній дворецъ, гдѣ она видѣла его, переодѣтая въ мужское платье. Трудно сказать, кто будетъ царствовать: великій князь и великая княгиня или Іоаннъ; думаютъ также, не захочетъ ли Шуваловъ дѣйствовать въ свою пользу, такъ какъ онъ пріобрѣлъ большую власть и огромное состояніе».

Мало по малу, этотъ слухъ распространился въ городѣ и взволновалъ дворъ. Всѣ съ тревогой старались предугадать тайныя намѣренія Елисаветы. Этотъ необъяснимый капризъ императрицы, конечно, долженъ былъ встревожить болѣе всѣхъ Екатерину. Она знала, что Елисавета питала къ своему племяннику нерасположеніе, это было всѣмъ извѣстно, и что она не могла простить ему его враждебнаго отношенія къ Шуваловымъ и ихъ партіи. Ей также было извѣстно, что прежнее расположеніе императрицы къ ней лично исчезло, что на нее сыпались нападки. Присутствіе Понятовскаго не нравилось посланникамъ французскому и австрійскому, такъ какъ онъ дѣйствовалъ довольно успѣшно въ пользу Англіи и Пруссіи. Въ скоромъ времени Понятовскій получилъ отъ своего монарха, короля польскаго, вполнѣ для себя неожиданно, письмо слѣдующаго содержанія отъ 30-го октября 1757 г.:

«Убѣдившись въ усердныхъ и ревностныхъ заботахъ вашихъ о моихъ интересахъ, я имѣю полное основаніе выразить вамъ мое благоволеніе по поводу того, коимъ образомъ вы исполняли до настоящаго времени возложенныя на васъ обязанности посланника при Петербургскомъ дворѣ, и съумѣю въ свое время надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ. Но король французскій, подозрѣвая васъ въ особомъ пристрастіи къ Англіи и въ тайныхъ проискахъ, которые могутъ принести большую пользу этому двору, но нанесутъ въ то же время значительный ущербъ его интересамъ, настоятельно просилъ меня немедленно отозвать васъ, въ доказательство искренней моей, къ нему, дружбы. Вы легко можете судить, что, при настоящихъ обстоятельствахъ въ особенности, мнѣ было невозможно отказать ему въ этой любезности. Поэтому, я прилагаю при семъ

ваши отзывныя грамоты, кои прошу васъ предъявить какъ можно скорѣе, ускоривъ вашъ отъѣздъ, ибо всякое промедленіе можетъ послужить поводомъ къ новымъ жалобамъ и неудовольствію. Засимъ» и т. д.

Однако, благодаря вмѣшательству Бестужева, всегда готоваго оказать услугу великой княгинѣ, Понятовскій остался въ Петербургѣ въ качествѣ чрезвычайнаго коммиссара для разъясненія несогласій, возникшихъ между Россіей и Польской республикой. Въ тотъ моментъ, великая княгиня была вторично беременна; она разрѣшилась отъ бремени въ февралѣ мѣсяцѣ 1758 г., дочерью, которая прожила всего 15 мѣсяцевъ.

Отъѣздъ сэра Ч. Г. Вилліамса и отозваніе Понятовскаго были только пробными ударами той всесильной партіи, которая овладѣла умомъ императрицы и распоряжалась всѣми дѣлами. Опала Бестужева довершила бѣдственное положеніе великой княгини, такъ какъ результатомъ ея былъ отъѣздъ Понятовскаго, который былъ отозванъ королемъ польскимъ по настоянію самой императрицы. Въ довершеніе бѣды, ея противникамъ удалось поссорить ее съ мужемъ.

Кейтъ писалъ 14-го марта 1758 г.

«Въ моментъ моего пріѣзда, наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовалась французская партія; посланники графъ Эстергази и маркизъ л'Опиталь были законодателями при дворѣ и въ столицѣ. Въ настоящее время они совершенно овладѣли великимъ княземъ который поступаетъ во всемъ по ихъ желанію. Чтобы добиться этого, они постарались прежде всего подорвать его привязанность къ великой княгинѣ, имѣвшей на него огромное вліяніе. Полагаютъ, что въ этомъ дѣлѣ имъ помогъ нѣкто Брокдорфъ, который втерся въ милость его императорскаго высочества, способствуя его безпорядочному поведенію. Великая княгиня, понимая, къ чему это клонилось, хотѣла, нѣсколько времени тому назадъ, жаловаться на него императрицѣ, но враги предупредили ее и успѣли возстановить государыню противъ ея высочества всевозможными навѣтами и клеветою, такъ что ея жалобы, къ несчастью, не были услышаны, и положеніе этой принцессы при дворѣ въ настоящее время весьма незавидное».

Немного времени потребовалось, чтобы измѣнить положеніе Екатерины. Когда она лишилась поддержки Бестужева, когда увидѣли, что ея отношенія къ мужу измѣнились къ худшему, то великая княгиня перестала играть при дворѣ какую бы то ни было роль; такъ какъ среди придворныхъ и приближенныхъ императрицы многіе опасались ея вліянія и власти, и въ особенности боялись, чтобы она не взошла на престолъ, то эти лица общими усиліями старались окончательно погубить ее въ глазахъ слишкомъ слабой и завистливой Елисаветы. Не имѣя, такимъ образомъ, защиты противъ клеветы и наговоровъ, коимъ ея поведеніе и рѣчи могли подать поводъ, Екатерина была совершенно одинока. Кейтъ писалъ 12-го апрѣля 1758 г.:

«Бѣдная великая княгиня все еще въ отчаяніи. Въ послѣднихъ интригахъ былъ замѣшанъ гр. Понятовскій; полагаютъ, что онъ не долго останется при этомъ дворѣ».

18-го апрѣля того же года онъ писалъ:

«Дѣла великой княгини весьма плохи. Однако, говорятъ, будто фаворитъ Шуваловъ прислалъ ей письмо, въ которомъ онъ обѣщаетъ, что императрица вскорѣ приметъ ее и, что если ея высочество согласится на нѣкоторыя маленькія уступки, то все будетъ забыто».

28-го апрѣля онъ сообщаетъ:

«Что касается великой княгини, то она была, послѣднее время, въ весьма бѣдственномъ положеніи, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ съ императрицею и въ еще худшихъ съ великимъ княземъ. На дняхъ ей было нанесено весьма чувствительное оскорбленіе. У нея отняли ея любимую горничную, которая была заключена въ тюрьму. Какъ я слышалъ, она имѣла по этому случаю, дня четыре тому назадъ, свиданіе съ императрицею, во время котораго, послѣ горькихъ упрековъ съ одной стороны и страстныхъ просьбъ, съ другой, ея императорское высочество пала предъ императрицею на колѣни, сказавъ, что такъ какъ она имѣла несчастіе заслужить ея неодобреніе, несмотря на свою невинность, и этимъ навлекла на себя массу оскорбленій, которыя, въ связи съ ея домашнимъ разладомъ, дѣлаютъ ея жизнь весьма тягостною, то ей остается просить одной милости, чтобы ея величество дозволила ей покинуть Россію и прове-

сти остатокъ дней при матери; при этомъ она сказала ея величеству, что если великому князю, по ея мнѣнію, для блага имперіи надобно взять другую супругу, то ни она и никто изъ членовъ ея семьи не будутъ препятствовать этому. Императрица была, говорятъ, весьма тронута этими словами и бесѣдовала съ великой княгиней гораздо ласковѣе прежняго, коснувшись нѣкоторыхъ вещей съ такою заботливостью, какой она давно не выказывала. Когда же великая княгиня, во время ихъ разговора, стала жаловаться на грубость великаго князя, присутствовавшаго при этомъ объясненіи, то императрица, сдѣлавъ знакъ, чтобы она замолчала, сказала ей вполголоса, что она желаетъ вскорѣ побесѣдовать съ нею наединѣ. Полагали, что это свиданіе состоится въ прошлую среду, ибо ея величество, которая въ сущности очень добра и чувствительна, должна была въ этотъ день пріобщаться. Полагаютъ, что за этимъ свиданіемъ послѣдуетъ примиреніе; не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ искренно этого желаютъ, такъ какъ у великой княгини немало друзей среди лицъ самыхъ высокопоставленныхъ».

Елисавета была скорѣе безхарактерна, нежели зла, поэтому она стала относиться вскорѣ благосклоннѣе къ своей племянницѣ, съумѣвшей внушить ей уваженіе своею ловкостью и превосходствомъ своего ума. Англійскій посланникъ писалъ 22-го мая 1758 г.:

«Великая княгиня послѣднее время совершенно перестала появляться въ обществѣ, но императрица выразила желаніе, чтобы она снова бывала на собраніяхъ, увѣривъ ее, что отнынѣ ихъ отношенія будутъ наилучшія. Французскій посланникъ постоянно предлагаетъ ей свои услуги, но ея императорское высочество до сей поры отвергала ихъ».

«Въ воскресенье вечеромъ при дворѣ былъ пріемъ, на которомъ присутствовала императрица первый разъ со времени моего пріѣзда въ Петербургъ. Она сидѣла довольно долго возлѣ великой княгини, игравшей въ карты, и долго бесѣдовала съ нею самымъ веселымъ и дружественнымъ образомъ».

14-го іюля онъ писалъ:

«Я слышалъ, что великій князь и великая княгиня окончательно помирились, вопреки всѣмъ стараніямъ французскаго посланника;

при этомъ обнаружились его происки, имѣвшіе цѣлью поселить раздоръ между ихъ высочествами».

Но все это продолжалось не долго. Это примиреніе было только временное. Партія недоброжелательная великой княгинѣ рѣшительно восторжествовала; императрица стала по-прежнему относиться къ ней непріязненно; великій князь болѣе чѣмъ когда-либо и притомъ безповоротно отдалился отъ жены; Екатерина положительно была въ опалѣ. Она стоически покорилась своей участи, окруживъ себя непроницаемой тайною. Такъ провела она послѣдніе три года жизни императрицы.

IX.

Смерть Елисаветы Петровны.—Представленія иностранныхъ пословъ Петру III. — Первыя дѣла Петра III. — Возвращеніе Миниха, Бирона и Лестока.—Положеніе Екатерины.—Свиданіе Петра III съ Іоанномъ.—Всеобщее неудовольствіе.—Вступленіе на престолъ Екатерины II.—Кончина Петра III.

Г. Кейтъ писалъ 5-го января 1762 года:

«Императрица скончалась сегодня въ два часа по полудни (25 декабря ст. ст.). Прошлое воскресенье, вечеромъ, у нея открылось сильное кровотеченіе, и съ этой минуты всякая надежда на ея выздоровленіе была потеряна. Однако, несмотря на слабость, она была въ полномъ сознаніи. Вчера, чувствуя приближеніе своей кончины, она послала за великимъ княземъ и великой княгинею, съ большою нѣжностью простилась съ ними и говорила съ полнымъ присутствіемъ духа и совершенной покорностью волѣ Провидѣнія».

Французскій посланникъ де Бретейль, съ 1760 г. заступившій мѣсто маркиза л'Опиталя, сообщалъ въ депешѣ отъ 11-го января:

«Императрица призывала великаго князя и великую княгиню. Первому она совѣтовала быть добрымъ по отношенію къ подданнымъ и стараться заслужить ихъ любовь. Она убѣждала его жить въ дружбѣ и согласіи съ супругою, много говорила о любви своей къ маленькому великому князю и просила его отца, въ знакъ особой, искренней его признательности къ ней, нѣжно любить своего ребенка. Говорятъ, будто великій князь обѣщалъ исполнять все это».

«Какъ только императрица испустила послѣдній вздохъ, — передаетъ Кейтъ,—сенаторы, министры и прочіе сановники имперіи, собравшись по этому поводу во дворецъ, присягнули Петру III на вѣрную службу; за ними присягнули и гвардейскіе полки, выстроившись передъ окнами дворца. Все совершилось въ величайшемъ порядкѣ и спокойствіи», — присовокупляетъ англійскій посланникъ.

Нѣсколько дней спустя, 2-го января, де Бретейль писалъ:

Большинство горевало въ душѣ, питая къ будущему императору не любовь, но страхъ и робость. Всѣ трепетали и спѣшили заявить свою покорность прежде, нежели императрица успѣла закрыть глаза».

Первымъ дѣломъ по вступленіи на престолъ Петра III было измѣнить въ корнѣ внѣшнюю политику Россіи. Какъ извѣстно, Елисавета принимала, въ послѣдніе годы жизни, самое дѣятельное и рѣшительное участіе въ войнѣ Франціи и Австріи съ королемъ прусскимъ. Новый императоръ питалъ, напротивъ того, къ Фридриху, чувства, близкія къ обожанію; это былъ его идолъ, и Петръ имѣлъ слабость думать, что онъ можетъ принять Фридриха за образецъ и подражать ему. Намѣренія царя не долго оставались тайною. Г-нъ Кейтъ писалъ 8-го января (н. ст.):

«Вечеромъ, въ день кончины императрицы, ко мнѣ такъ же, какъ и къ прочимъ иностраннымъ посланникамъ, явился оберъ-церемоніймейстеръ, баронъ Лефортъ, съ увѣдомленіемъ, что императоръ и императрица будутъ, на слѣдующее утро, принимать наши поздравленія, безо всякаго церемоніала во дворцовой галлереѣ. Вслѣдствіе этого, я отправился на другой же день во дворецъ; ихъ величества, выйдя вмѣстѣ, приняли насъ весьма милостиво; затѣмъ мы имѣли честь обѣдать съ ними за столомъ, накрытымъ на сто кувертовъ, за который всѣ, не исключая императора и императрицы, сѣли по жребію. По окончаніи обѣда, императоръ, всегда удостоивавшій меня своимъ благоволеніемъ, подошелъ ко мнѣ, въ то время, какъ я стоялъ въ кругу придворныхъ, и сказалъ мнѣ на ухо, что я буду, вѣроятно, доволенъ имъ, такъ какъ онъ разослалъ прошлую ночь курьеровъ къ корпуснымъ командирамъ своей ар-

міи, съ приказаніемъ не идти впередъ по русской территоріи и прекратить всякія непріязненныя дѣйствія. Я узналъ впослѣдствіи, что это приказаніе сопровождалось инструкціями, коими генералы уполномочивались заключить перемиріе, ежели бы пруссаки обратились къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ. Кромѣ того, говорятъ, будто генералъ Чернышевъ получилъ особое повелѣніе отдѣлиться со своимъ корпусомъ отъ австрійскихъ войскъ и послать передъ выступленіемъ въ австрійскую главную квартиру трубача, съ извѣщеніемъ, что онъ уходитъ съ войсками, состоящими подъ его командою, и что ему приказано не производить болѣе никакихъ враждебныхъ демонстрацій».

Въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны въ Петербургѣ преобладало французское вліяніе, и все французское было въ большомъ почетѣ. Петръ III спѣшилъ показать, что впредь какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ, все будетъ иначе. Уже 12-го января Кейтъ писалъ:

«Его императорское величество не упускаетъ случая выказать свое отвращеніе къ Франціи и ко всему исходящему изъ Франціи; въ доказательство чего распущена труппа французскихъ актеровъ, состоявшихъ при дворѣ».

Въ дѣлахъ внутренняго управленія, новое царствованіе началось, повидимому, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что англійскій посланникъ относился къ Петру III черезчуръ снисходительно, но все же надобно сознаться, что Кейтъ имѣлъ основаніе писать въ той же депешѣ:

«Его императорское величество не могъ дѣйствовать болѣе мудро и съ большимъ достоинствомъ, нежели онъ выказалъ до сихъ поръ во всѣхъ актахъ своего правленія. Милости, пожалованныя имъ, оказаны, по большей части, лицамъ вполнѣ достойнымъ. Никто не обиженъ, а небольшое число лицъ, потерявшихъ свои мѣста, уволены самымъ милостивымъ образомъ».

Канцлеръ Воронцовъ сохранилъ свою должность и пользовался большимъ вліяніемъ, несмотря на свои прежнія близкія отношенія къ Шуваловымъ и къ прочимъ лицамъ, которыя относились къ великому князю враждебно. Вице-канцлеромъ былъ назначенъ князь Голицынъ. Правительственная дѣятельность, направляемая

новымъ императоромъ, была запечатлѣна совершенно необычной въ Россіи энергіей и жизненностью. Г-нъ Кейтъ писалъ 26-го января:

«Всѣ дѣла рѣшаются быстрѣе прежняго. Императоръ самъ во все вникаетъ и рѣшаетъ большую часть дѣлъ самъ, справляясь, впрочемъ, предварительно съ мнѣніемъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, до коихъ дѣла эти касаются, или соображаясь съ просьбами частныхъ лицъ. Онъ интересуется также дѣлами внѣшней политики, и тутъ ничего не дѣлается безъ его вѣдома.

«Прошлый вторникъ онъ отправился торжественно первый разъ въ Сенатъ, гдѣ объявилъ, что отнынѣ русское дворянство будетъ пользоваться такою же свободою и такими же, во всѣхъ отношеніяхъ, правами, коими пользуется дворянство другихъ европейскихъ державъ, и что поступленіе дворянъ въ военную службу будетъ зависѣть впредь отъ ихъ собственнаго желанія и не будетъ подлежать никакимъ ограниченіямъ; только на иностранную службу имъ будетъ дозволено поступать не иначе, какъ съ соизволенія императора. Можно себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ и съ какою радостью была принята дворянствомъ эта неожиданная милость и какъ дворяне должны были ликовать въ душѣ, сдѣлавшись изъ рабовъ людьми свободными, т. е. истинными дворянами. Оказавъ подобную милость этому сословію своихъ подданныхъ, императоръ не позабылъ и остальнаго народа; одновременно съ этимъ была значительно понижена цѣна на соль и вмѣстѣ съ тѣмъ, именнымъ указомъ, не подлежащимъ впредь отмѣнѣ, было повелѣно, чтобы цѣна на этотъ продуктъ никогда не повышалась противъ установленной имъ нормы. Это значительно уменьшитъ доходъ казны, но его императорское величество не могъ издать болѣе важной мѣры для благосостоянія бѣднаго люда и для облегченія его участи».

Нѣсколько дней спустя, именно 29-го января, г. Кейтъ писалъ вторично:

«Императоръ продолжаетъ дѣлать добро частнымъ лицамъ и оказывать величайшія благодѣянія своему народу. Послѣднимъ правительственнымъ распоряженіемъ было уничтоженіе тайной канцеляріи, иначе говоря, государственной инквизиціи. Это величайшее благо для русскаго народа, ибо гнусное судилище это во

всѣхъ отношеніяхъ было также зловредно, а въ иныхъ случаяхъ даже хуже испанской инквизиціи».

Однимъ изъ первыхъ мѣропріятій императора было открыть двери государственныхъ тюремъ и возвратить изъ ссылки множество лицъ, сосланныхъ въ предыдущее царствованіе. Вечеромъ, въ самый день вступленія своего на престолъ,—говоритъ Кейтъ,—Петръ отдалъ приказаніе вернуть изъ ссылки Лестока; мѣсяцъ спустя, 12-го февраля, Кейтъ писалъ:

«Графъ Лестокъ, несмотря на свои семьдесятъ четыре года и на четырнадцать лѣтъ, проведенныхъ въ заточеніи и ссылкѣ, возвратился съ поспѣшностью молодаго человѣка».

Точно также были возвращены Минихъ съ сыномъ и вслѣдъ за ними Биронъ. Придворные съ удивленіемъ видѣли, что эти два соперника, несмотря на свои преклонные года и испытанныя ими всевозможныя, самыя тяжкія страданія и лишенія, появились вновь на жизненномъ поприщѣ полные силъ и энергіи.

Предоставимъ еще разъ слово англійскому посланнику:

«Герцогъ Курляндскій съ супругою возвратился изъ ссылки. Онъ появился въ кругу придворныхъ въ пожалованной ему императоромъ голубой Андреевской лентѣ; его императорское величество оказалъ большія милости всему его семейству. Вчера, послѣ полудня, я отправился засвидѣтельствовать мое почтеніе герцогу и фельдмаршалу Миниху, прибывшему наканунѣ, въ ночь, въ совершенномъ здравіи и въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ способностей, несмотря на то, что онъ пробылъ болѣе двадцати лѣтъ въ ссылкѣ, или, вѣрнѣе сказать, въ заточеніи, ибо за все это время ему было дозволено имѣть сношеніе только съ женою и съ нѣсколькими слугами, да изрѣдка позволялось говорить съ караульными солдатами».

«Фельдмаршалъ Минихъ представлялся императору и вечеромъ того же дня явился ко двору, вмѣстѣ съ герцогомъ Курляндскимъ; императоръ обошелся съ ними съ отмѣнной вѣжливостью. По истинѣ трогательно было видѣть, что эти два знаменитые сановника, переживъ за эти долгіе годы столько невзгодъ, появились вновь, въ преклонныхъ лѣтахъ при дворѣ, гдѣ они играли нѣкогда столь видную роль, и, встрѣтившись по прошествіи многихъ лѣтъ, бесѣдо-

вали съ величайшею вѣжливостью и безъ малѣйшей тѣни зависти и вражды, которая въ свое время была причиною ихъ бѣдствій. Оба сына герцога Курляндскаго произведены въ генералъ-маіоры, а графъ Минихъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ».

Бирону было въ то время 72 года, а Миниху 79 лѣтъ. Онъ скончался пять лѣтъ спустя въ Ригѣ, въ званіи эстляндскаго и лифляндскаго генералъ-губернатора. Биронъ прожилъ до 1771 года. Екатерина возвратила ему владѣніе герцогствомъ Курляндскимъ.

Однако, не всѣ правительственныя распоряженія Петра III вызывали одинаково одобреніе. 9-го марта г. Кейтъ писалъ:

«Императоръ взялъ въ казну всѣ монастырскія земли имперіи и взамѣнъ этого назначилъ архіепископамъ и настоятелямъ монастырей опредѣленное вознагражденіе и извѣстную сумму денегъ на содержаніе монаховъ».

Эта мѣра, преисполнившая радостью Вольтера, ибо все черное духовенство въ Россіи было такимъ образомъ подчинено правительству и этимъ дарована до извѣстной степени свобода ста тысячамъ крѣпостныхъ крестьянъ, возбудила, какъ говоритъ г. Кейтъ, въ депешѣ отъ 4-го мая того же года, «большое неудовольствіе въ Россіи»; 7-го іюня онъ писалъ по этому поводу еще:

«Жалобы, вызванныя присоединеніемъ монастырскихъ имѣній къ удѣламъ, усилились съ тѣхъ поръ, какъ императоръ издалъ указъ о привлеченіи сыновей духовныхъ лицъ къ военной службѣ; все духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое, единогласно на это жалуется».

Весьма ошибочно было бы судить о царствованіи Петра III исключительно по депешамъ г. Кейта. Къ его словамъ слѣдуетъ относиться весьма осторожно, по той причинѣ, что онъ не только былъ человѣкъ довольно ограниченный и не особенно проницательный, но къ тому же былъ совершенно ослѣпленъ довѣріемъ, съ коимъ относился къ нему новый императоръ, и простотою его обхожденія. Петръ III пріѣзжалъ къ нему, напримѣръ, безъ всякаго предувѣдомленія и самъ назывался къ нему на обѣдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ относился весьма дурно къ австрійскому и французскому посланникамъ, съ коими въ царствованіе Елисаветы обходились съ величайшею предупредительностью.

«Неужели англичанамъ суждено вездѣ издѣваться надъ нами?— писалъ Вольтеръ Аржантейлю. Кейтъ, мастеръ выпить, обворожилъ императора, а вашъ Бретейль никого не сумѣлъ плѣнить». Вольтеръ, обыкновенно хорошо знавшій все, что дѣлалось въ Петербургѣ, этотъ разъ кое-чего не зналъ, и де Бретейль легко могъ утѣшиться, видя пренебрежительное отношеніе къ себѣ императора.

Впрочемъ, Кейтъ, несмотря на явное свое пристрастіе къ Петру III, не могъ совершенно игнорировать того, что происходило на его глазахъ; онъ долженъ былъ видѣть, какъ много странностей совершалось при дворѣ. По словамъ очевидца, Рюльера, Петербургъ, со вступленія на престолъ императора, «принялъ видъ и пошибъ веселой кордегардіи» [1]). Разумѣется, Кейтъ также не могъ отрицать невоздержанныхъ склонностей Петра и долженъ былъ сокрушаться о нихъ, но онъ касается этого щекотливаго вопроса весьма неохотно, тогда какъ де Бретейль, не имѣя никакого повода щадить Петра III, говоритъ объ немъ болѣе откровенно.

Кейтъ, съ своей обычной сдержанностью, едва намекаетъ на всѣмъ извѣстную связь императора съ племянницей канцлера, Елизаветою Воронцовою. Онъ приписываетъ окружающимъ все то, что ему по неволѣ приходится осудить въ поведеніи императора. Такъ, напримѣръ, 23-го апрѣля онъ писалъ:

«Нельзя не пожалѣть о вліяніи недостойныхъ любимцевъ, къ сожалѣнію, окружающихъ императора».

6-го іюня онъ пишетъ еще:

«Его величествомъ совершенно овладѣли самыя недостойныя личности».

Былъ еще одинъ пунктъ, о которомъ Кейтъ говорилъ весьма сдержанно, касаясь его мимоходомъ и какъ бы противъ своего желанія: мы говоримъ объ императрицѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, каково было положеніе Екатерины, когда она сдѣлалась императрицею? Она стала до нѣкоторой степени еще болѣе несчастна, еще болѣе одинока и болѣе, чѣмъ когда-либо, подвергалась оскорбленіямъ и была предметомъ ненависти со стороны мужа. Кейтъ, ослѣпленный своимъ пристрастіемъ къ Петру III, го-

---

[1]) Pétersbonrg avait pris l'air et la ton d'un corps de garde en joie.

воритъ въ депешѣ отъ 30-го января (н. ст.) по этому поводу только слѣдующее:

«До сихъ поръ не замѣтно, чтобы съ императрицей особенно много совѣтовались, или чтобы она пользовалась большимъ вліяніемъ. Графиня Елизавета Воронцова, племянница канцлера, кажется, не вмѣшивается въ дѣла».

Въ томъ же тонѣ, не выражая ни малѣйшаго удивленія, онъ сообщаетъ въ депешѣ отъ 23-го февраля (н. ст.):

«День рожденія императора былъ отпразднованъ съ большою пышностью: императрица не присутствовала на празднествѣ, у нея была легкая лихорадка».

А 5-го мая онъ писалъ:

«Императрица показалась въ день своего рожденія и принимала поздравленія, но не присутствовала вечеромъ на пиршествѣ у императора».

Нѣсколько ранѣе, 19-го марта, Кейтъ написалъ слѣдующія многознаменательныя слова:

«Вліяніе императрицы совершенно ничтожно. Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что съ нею не только не совѣтуются въ дѣлахъ общественныхъ, но что и въ частныхъ дѣлахъ нельзя особенно разсчитывать на успѣхъ, прибѣгая къ ея ходатайству».

Король прусскій видимо имѣлъ болѣе выгодное мнѣніе объ императрицѣ, нежели ея супругъ, ибо онъ писалъ Кейту: «Совѣщайтесь съ императрицею, она дастъ вамъ лучшіе совѣты, которымъ настоятельно прошу васъ слѣдовать» [1]).

Положеніе Екатерины изображено болѣе вѣрными красками въ депешахъ французскаго посланника. Де Бретейль писалъ 11-го января (н. ст.), т. е. нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ Петра III:

«Въ день нашей аудіенціи и нашего поздравленія, императрица казалась весьма печальною. Очевидно, она не будетъ имѣть никакого вліянія; я знаю, что она старается вооружиться философіей. Но эта роль совершенно ей не по характеру, хотя я неоднократно имѣлъ честь слышать отъ нея увѣреніе въ противномъ». Въ той же депешѣ де Бретейль писалъ:

[1]) Деп. Дюрана. Спб. 1-го января 1773 г.

«Императоръ удвоилъ вниманіе къ дѣвицѣ Воронцовой. Онъ назначилъ ее гофмейстериною. Она живетъ при дворѣ и пользуется чрезвычайнымъ почетомъ. Признаться, странный вкусъ! Она не отличается умомъ, а что касается наружности, то она ниже всякой критики. Она походитъ, во всѣхъ отношеніяхъ, на трактирную служанку самой низкой пробы».

18-го января (н. ст.) де Бретейль писалъ еще:

«Положеніе императрицы самое отчаянное: ей выказываютъ полнѣйшее презрѣніе. Она видитъ съ величайшимъ негодованіемъ, какъ съ нею обходится императоръ и какъ велико высокомѣріе фрейлины Воронцовой. Я полагаю, что императрица, смѣлость и горячность коей мнѣ извѣстны, рѣшится рано или поздно на крайнія мѣры. У нея есть друзья, которые стараются успокоить ее, но они рѣшатся для нея на все, ежели она того потребуетъ».

Можно думать, что Екатерина разсчитывала уже, въ то время, воспользоваться, при первомъ удобномъ случаѣ, преданностью своихъ друзей, такъ какъ де Бретейль, который пользовался ея особымъ довѣріемъ, писалъ 15-го февраля (н. ст.):

«Всеобщее расположеніе къ императрицѣ постоянно возрастаетъ. Никто не исполняетъ такъ ревностно, какъ она, религіозныхъ обрядовъ по случаю погребенія покойной государыни; церемоніи эти, по правиламъ православной церкви, весьма многочисленны и полны суевѣрныхъ обрядовъ, надъ коими, безъ сомнѣнія, она смѣется, но духовенство и народъ полагаютъ, что это дѣлается ею отъ чистаго сердца, и признательны ей за то. Она соблюдаетъ, съ замѣчательной для всѣхъ, кто ее знаетъ близко, добросовѣстностью праздники, посты и вообще всѣ обряды, коими императоръ пренебрегаетъ, и которымъ придаютъ въ этой странѣ особое значеніе. Словомъ, она не упускаетъ случая понравиться народу и частнымъ лицамъ, и обращаетъ на этотъ предметъ черезчуръ большое вниманіе, чтобы допустить, что ею руководитъ при этомъ одно только самолюбіе. Она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ забыть или простить то, что императоръ, будучи великимъ княземъ,

неоднократно грозилъ постричь ее и заключить въ монастырь, подобно тому, какъ Петръ I заточилъ свою первую супругу. Все это, въ связи съ оскорбленіями, повторяющимися ежедневно, должно произвести въ столь умной головѣ, какова голова императрицы, сильное броженіе; при случаѣ взрывъ неминуемъ».

«Вспышка ревности со стороны фрейлины Воронцовой была причиною ссоры, происшедшей между нею и императоромъ за многолюднымъ ужиномъ у вице-канцлера, на которомъ также присутствовала императрица. Колкость упрековъ этой дѣвицы и сладость винныхъ паровъ дотого раздражили Петра, что онъ приказалъ, въ два часа утра, отвезти ее обратно къ отцу; но пока собирались исполнить это приказаніе, нѣжныя чувства взяли верхъ и къ пяти часамъ утра буря улеглась. Но дня четыре тому назадъ произошла еще болѣе бурная сцена, при чемъ обѣими сторонами были произнесены такія оскорбительныя слова, какія рѣдко доводится слышать. Дурное расположеніе духа государя продолжается точно такъ же, какъ и ухаживаніе его за другой фрейлиной двора, семнадцатилѣтней дѣвицей Чоглоковой; она довольно красива, но горбата».

Все это должно было возмущать гордую и честолюбивую Екатерину: не такова была судьба, о которой она мечтала и какую нѣкогда, повидимому, все ей сулило. Несмотря на всю твердость характера, казалось, ей не устоять подъ бременемъ этого тяжкаго испытанія, тѣмъ болѣе, что оно осложнялось самыми затруднительными обстоятельствами. Де Бретейль, которому многое было извѣстно, находился въ полномъ невѣдѣніи относительно нѣкоторыхъ другихъ, также весьма важныхъ обстоятельствъ, ибо онъ писалъ 14-го апрѣля (н. ст.):

«Императрица дотого предается своему горю и печальнымъ размышленіямъ, что тѣ немногія лица, которыя ее видятъ, утверждаютъ, будто она стала неузнаваема и будто здоровье ея угасаетъ такъ быстро, что, вѣроятно, она будетъ скоро въ могилѣ. Вотъ уже третья недѣля, какъ она страдаетъ изнурительной лихорадкою».

Какъ бы то ни было, все заставляло предполагать, что рано

или поздно между императоромъ и императрицею должна была возгорѣться борьба. Петръ III, будучи великимъ княземъ, не сумѣлъ снискать любви и уваженія подданныхъ и по вступленіи на престолъ внушилъ всѣмъ нелюбовь. На другой же день по восшествіи его на престолъ, именно 11-го января (н.ст.) де Бретейль писалъ:

«Характеръ императора скорѣе несдержанный, нежели смѣлый. Онъ часто способенъ выйти изъ себя во время разговора, но мнѣ кажется, что онъ въ душѣ трусъ».

Петръ III относился съ пренебреженіемъ къ нравамъ и обычаямъ народа и этимъ оскорблялъ русскихъ; онъ возстановилъ противъ себя всесильное въ то время духовенство, возбудилъ неудовольствіе гвардіи, желая подчинить ее нѣмецкой дисциплинѣ; словомъ, заявлялъ себя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, т. е. человѣкомъ недалекимъ, ограниченнымъ, упрямымъ, неспособнымъ подчиниться доводамъ разсудка и доступнымъ самой грубой лести; всѣ трепетали, думая о томъ моментѣ, когда онъ дастъ волю своимъ порокамъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ всѣ взоры были обращены на императрицу, и де Бретейль, конечно, былъ только отголоскомъ общественнаго мнѣнія, говоря въ депешѣ отъ 18-го іюня:

«Императрица смѣла духомъ и умомъ, она пользуется общимъ уваженіемъ, тогда какъ императора всѣ ненавидятъ».

Это было извѣстно Екатеринѣ. Она знала также, что супругъ замышляетъ относительно ея какія-нибудь пагубныя мѣры; на это указывали не только оскорбленія, наносимыя ей императоромъ публично, но и нѣкоторые другіе, еще болѣе тревожные и многознаменательные факты. Весьма вѣроятно, что подобная мысль приходила на умъ Петру III, и что его склоняли къ этому приближенные, тѣмъ болѣе, что, судя по депешѣ де Бретейля, отъ 5-го января 1782 г., при дворѣ, въ моментъ кончины императрицы Елисаветы, образовалась партія, желавшая принудить великаго князя обвѣнчаться съ Воронцовой. Хотя у Петра при восшествіи на престолъ не хватило на это рѣшимости, но, очевидно, онъ продолжалъ обду-

мывать этотъ планъ, и эта мысль неоднократно овладѣвала его умомъ. Въ этомъ не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія его обращеніе съ великимъ княземъ.

Въ то самое время Петръ III отправился въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ содержался злополучный Іоаннъ Антоновичъ. Де Бретейль упоминаетъ объ этомъ въ своей депешѣ отъ 14-го апрѣля вскользь, но Кейтъ писалъ 16-го числа того же мѣсяца:

«Императоръ видѣлъ Іоанна и нашелъ его совершенно развитымъ физически, но впавшимъ въ идіотизмъ. Рѣчь его странна и безсвязна; онъ сказалъ, между прочимъ, что онъ вовсе не та личность, за какую его выдаютъ, что тотъ государь давно взятъ живымъ на небо; тѣмъ не менѣе, онъ будетъ поддерживать законныя права того, чье имя онъ носитъ».

Екатерина была слишкомъ дальновидна, чтобы не понимать, до какой степени ея положеніе было шатко; вмѣстѣ съ тѣмъ, она была слишкомъ честолюбива и энергична, чтобы не принять рѣшительныхъ мѣръ и не предупредить удара, угрожавшаго ей, взявъ на себя иниціативу дѣйствія. Всеобщее настроеніе какъ нельзя лучше благопріятствовало ея намѣреніямъ. По словамъ очевидца, вполнѣ заслуживающаго довѣрія, всѣ разговоры сводились въ то время на жалобы, на ропотъ и намеки, коими говорятъ обыкновенно люди, старающіеся что-нибудь вывѣдать другъ у друга. Въ народѣ ходили тревожные слухи, искусно распространяемые съ цѣлью побудить его къ возстанію. Все это напоминало то неопредѣленное волненіе, которое предшествуетъ обыкновенно бурѣ. Публика, слыша со всѣхъ сторонъ, что гибель императрицы считали неминуемой, но чувствуя по всему, что подготовлялся переворотъ, ожидала, въ трепетномъ волненіи, что какое-нибудь неожиданное событіе все измѣнитъ. Это ясно сознавалось всѣми; во всей Россіи, быть можетъ, только императоръ и Кейтъ не подозрѣвали истиннаго положенія дѣлъ. Въ ту минуту Петръ III только и думалъ о томъ, какъ бы отомстить Даніи, неоднократно пытавшейся отнять у него ту часть Голштиніи, которой онъ еще владѣлъ.

Всѣ эти обстоятельства были хорошо извѣстны королю прусскому, который ими чрезвычайно интересовался, онъ со страхомъ взвѣшивалъ ихъ значеніе и тѣ послѣдствія, какія это могло имѣть для него лично.

«Письма, получаемыя изъ Петербурга, заставляли трепетать за особу императора, — пишетъ онъ въ «Исторіи семилѣтней войны», — всѣ они извѣщали о существованіи тайнаго заговора, который могъ вспыхнуть каждую минуту». Дружба, признательность и уваженіе, какія прусскій король питалъ къ выдающимся качествамъ этого государя, побудили его коснуться въ письмѣ къ Петру III столь щекотливаго вопроса. Надобно было не затронуть той щепетильности, съ какою монархи обыкновенно желаютъ, чтобы ихъ власть считалась незыблемою; вмѣстѣ съ тѣмъ, предстояло коснуться съ величайшей осторожностью вопроса о датчанахъ. Желая отговорить Петра отъ войны съ Даніей, король изложилъ подробно причины, по которымъ походъ надлежало отложить до слѣдующаго года, особенно настаивалъ онъ на томъ, что императору, до выѣзда изъ Россіи и до начала войны съ иноземцами, слѣдовало короноваться въ Москвѣ, чтобы обрядъ святаго миропомазанія сдѣлалъ его особу священною въ глазахъ народа. Онъ намекалъ затѣмъ на смуты, волновавшія Россію въ отсутствіе Петра I; послѣдняго обстоятельства онъ коснулся, впрочемъ, вскользь и закончилъ письмо, самымъ дружественнымъ образомъ убѣждая императора не пренебрегать мѣрами личной безопасности. Это письмо не произвело на императора особеннаго впечатлѣнія; вотъ его подлинный отвѣтъ: «Честь повелѣваетъ мнѣ требовать удовлетворенія за обиды, нанесенныя датчанами мнѣ лично и въ особенности моимъ предкамъ. Справедливость требуетъ, чтобы я находился во главѣ русскихъ войскъ, когда они будутъ воевать за мои интересы; притомъ церемоніалъ моего коронованія потребуетъ слишкомъ большихъ издержекъ; эти деньги могутъ быть употреблены съ бо̀льшею пользою для войны противъ датчанъ. Что касается вашихъ заботъ о моей личной безопасности, то прошу васъ объ этомъ не безпокоиться;

солдаты зовутъ меня своимъ отцомъ; по ихъ словамъ, они предпочитаютъ повиноваться мужчинѣ, а не женщинѣ; я гуляю одинъ, пѣшкомъ, по улицамъ Петербурга; ежели бы кто злоумышлялъ противъ меня, то давно исполнилъ бы свое намѣреніе, но я дѣлаю всѣмъ добро и уповаю во всемъ только на Бога; подъ Его защитою мнѣ нечего бояться».

Несмотря на этотъ отвѣтъ, король всѣми силами старался разъяснить государю опасность, ему угрожавшую. Гольцу и Шверину было приказано заводить объ этомъ рѣчь въ частныхъ бесѣдахъ съ императоромъ, но они тщетно старались доказать ему, что никакія мѣры, обезпечивающія личную безопасность монарха, не могутъ считаться достаточными въ странѣ, гдѣ господствуютъ столь грубые нравы, какъ въ Россіи.

— Послушайте, — сказалъ имъ наконецъ императоръ, — если вы считаете себя моими друзьями, не касайтесь болѣе этого вопроса, онъ мнѣ ненавистенъ.

Пришлось замолчать, предоставивъ бѣднаго монарха той неразумной безпечности, которая его погубила.

Эта безпечность дала возможность императрицѣ и ея друзьямъ совершенно спокойно подготовить и совершить переворотъ. Екатерина, несмотря на кажущееся спокойствіе, собиралась дѣйствовать. Она уже давно завербовала себѣ преданныхъ слугъ, готовыхъ на все изъ видовъ честолюбія и преданности къ ея особѣ. «Ежели бы она не препятствовала имъ, — говоритъ де Бретейль въ депешѣ 5-го января 1762 г. (н. ст.), то они попытались бы, тотчасъ послѣ кончины Елисаветы, возвести на престолъ ея сына, великаго князя Павла Петровича, и объявить ее правительницей. Этотъ планъ не особенно прельщалъ Екатерину и не былъ приведенъ въ исполненіе. До той поры всѣ ея приверженцы были изъ среды высшаго дворянства. Со вступленіемъ на престолъ Петра III, она пріобрѣла среди нихъ еще болѣе вліятельныхъ сторонниковъ и, какъ это ни покажется страннымъ, ей помогла въ этомъ, какъ говорятъ, молодая девятнадцатилѣтняя женщина, княгиня Дашкова, племянница

канцлера и младшая сестра той самой Елизаветы Воронцовой, которая слыла фавориткою императора. Благодаря ея содѣйствію, Екатеринѣ удалось, какъ утверждаетъ Рюльеръ, привлечь на свою сторону воспитателя великаго князя Павла Петровича. Казалось, личный интересъ могъ побудить графа Панина держать сторону императрицы. Но Панинъ былъ человѣкъ осторожный и весьма робкій; въ столь затруднительномъ дѣлѣ, за которое онъ легко могъ поплатиться головою, онъ не рѣшался дѣйствовать исключительно въ своихъ интересахъ и изъ видовъ честолюбія, хотя эти мотивы обыкновенно исключительно руководили всѣми его поступками. Княгинѣ Дашковой удалось привлечь его на сторону императрицы и заставить его дѣйствовать. Она же втянула, какъ говорятъ, въ заговоръ казацкаго гетмана Кирилла Разумовскаго, который числился полковникомъ въ одномъ изъ трехъ гвардейскихъ полковъ, а также генералъ-маіора гвардіи князя Волконскаго, генералъ-прокурора сената Глѣбова, архіепископа новгородскаго и нѣсколькихъ лицъ изъ высшаго духовенства. Правою рукою княгини въ этихъ интригахъ, которыя приходилось вести съ большою ловкостью и смѣлостью, былъ уроженецъ Пьемонта, по фамиліи Одаръ; онъ сказалъ однажды де Бретейлю: «Я родился бѣднякомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что только деньги имѣютъ значеніе въ мірѣ; я хочу ихъ имѣть и для этого готовъ хоть сегодня поджечь дворецъ; когда деньги у меня будутъ наконецъ, я удалюсь на родину и стану жить, какъ честный человѣкъ». Онъ такъ и сдѣлалъ: осыпанный, послѣ переворота, милостями Екатерины, Одаръ удалился въ свой родной городъ Ниццу, гдѣ скончался нѣсколько лѣтъ спустя отъ удара молніи.

Тайные происки, волновавшіе всѣ слои общества, начиная съ высшихъ и кончая низшими, конечно, таили въ себѣ зародыши переворота, но они не были причиною событія, доставившаго престолъ Екатеринѣ. Княгиня Дашкова была права, сказавъ Дидеро, что она «считаетъ свою заслугу въ этомъ дѣлѣ такъ же, какъ и заслугу прочихъ лицъ, совершенно ничтожной; она говорила, что это представляется ей сплетеніемъ самыхъ тонкихъ, неуловимыхъ ни-

тей, которыя руководили всѣми помимо ихъ вѣдома, и что самъ Петръ III ускорилъ развязку своимъ пренебреженіемъ къ народу, своими пороками и бездѣйствіемъ, возбуждая всеобщую ненависть своею жизнію; одно желаніе заставляло ихъ всѣхъ, по словамъ княгини, стремиться къ одной и той же цѣли, но между ними было такъ мало единодушія, что заговоръ успѣлъ уже созрѣть, когда и они, и императрица даже не подозрѣвали этого: часа за три до переворота всѣ считали его еще за горами».

Между тѣмъ гибель Екатерины становилась все болѣе и болѣе неминуемой, это дѣлалось замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Петръ рѣшилъ такъ или иначе отъ нея отдѣлаться. Въ день празднованія заключенія мира съ Пруссіей, императоръ, отуманенный винными парами, отдалъ приказаніе арестовать ее и заточить въ монастырь. Отъ этого отговорилъ Петра его дядя, принцъ Голштинскій, по словамъ Фридриха, человѣкъ «недалекаго ума и даже весьма ограниченный». Беранже, бывшій повѣренный въ дѣлахъ Франціи въ отсутствіе де Бретейля, говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ въ своей депешѣ отъ 24-го іюня слѣдующее:

«Было бы слишкомъ скучно и долго передавать вамъ во всей подробности происходившее во время празднествъ, коими сопровождалось заключеніе мира. За обѣдомъ Петръ, обращаясь къ прусскому посланнику, говорилъ: «Выпьемъ за здоровье короля нашего монарха. Онъ былъ такъ милостивъ, что довѣрилъ мнѣ полкъ, состоящій на его службѣ, надѣюсь, что онъ не уволитъ меня въ отставку. Увѣрьте короля, что я готовъ, по его приказанію, воевать, вмѣстѣ со всѣми моими подданными, хоть съ самимъ чортомъ».

— Ваше величество, можете быть покойны, — любезно возразила фрейлина Воронцова.— Король прусскій имѣетъ въ васъ, мнѣ кажется, слишкомъ хорошаго слугу, чтобы когда-либо уволить васъ въ отставку. Помимо этого унизительнаго для императрицы зрѣлища, ей приходится выслушивать со стороны царя весьма непріятныя колкости, на которыя она отвѣчаетъ почтительно и со слезами на глазахъ. Народъ раздѣляетъ ея горе и тщетно возноситъ объ ней мольбы».

Екатерина писала впослѣдствіи, что «съ этого дня она обратила вниманіе на предложенія, которыя ей дѣлались съ самой кончины Елисаветы». Всеобщее неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, и 29-го іюня 1762 г. совершился переворотъ.

Вотъ что писалъ Кейтъ 2-го (13-го іюля):

«Прошлую пятницу, часовъ около девяти утра, когда я собирался ѣхать въ Петергофъ, чтобы видѣть императора, одинъ изъ моихъ служителей вбѣжалъ ко мнѣ въ чрезвычайномъ волненіи и сообщилъ, что на противуположномъ концѣ города большое волненіе. Четверть часа спустя, ко мнѣ заѣхалъ одинъ англійскій негоціантъ, проживающій здѣсь, и сообщилъ, что императрица въ городѣ, что гвардія и прочія войска петербургскаго гарнизона провозгласили ее самодержавной императрицей, и что она находилась, въ ту минуту, въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ слушала обѣдню и благодарственный молебенъ, отслуженный по этому поводу. Онъ присовокупилъ, что принцъ Голштейнъ-Готторнскій Георгъ арестованъ въ то время, какъ онъ намѣревался выѣхать изъ города. Этотъ разсказъ былъ вскорѣ подтвержденъ другими лицами, и мы узнали, что всѣ служащіе и знатнѣйшія лица, бывшія въ то время въ городѣ, присягнули императрицѣ, а равно гвардія и прочія воинскія части.

«Этотъ удивительный переворотъ совершился и закончился менѣе нежели въ два часа; при этомъ не было пролито ни капли крови, не совершено ни малѣйшаго насилія, и въ болѣе отдаленныхъ отъ дворца кварталахъ города, въ особенности на той улицѣ, гдѣ я живу, была такая тишина и большинство подданныхъ ея величества были такъ спокойны, какъ будто не произошло ничего особеннаго. Единственною новостью было нѣсколько пикетовъ, разставленныхъ у въѣзда на мосты и на углахъ, и нѣсколько конныхъ патрулей, разосланныхъ по городу съ цѣлью поддержанія въ немъ порядка».

На слѣдующій день, послѣ полудня, было получено извѣстіе, что его величество отрекся отъ престола и что все обошлось безъ единаго выстрѣла. Чрезъ нѣсколько дней Петръ III скончался.

«Что касается причинъ, вызвавшихъ переворотъ, то главною была, очевидно, конфискація церковныхъ имуществъ, а равно пре-

небреженіе, оказываемое духовенству. Второю причиною была суровая дисциплина, которую императоръ пытался ввести въ армію, въ особенности въ гвардейскіе полки, привыкшіе къ большой распущенности. Ихъ неудовольствіе усилилось, когда пронесся слухъ о намѣреніи императора взять съ собою большую часть гвардейскаго корпуса въ Германію, въ походъ противъ Даніи. Народъ также не одобрялъ этой войны и видѣлъ съ неудовольствіемъ, что его вовлекаютъ въ новые расходы и въ новыя опасности для завоеванія Шлезвигскаго герцогства, владѣнія, само по себѣ незначительнаго и совершенно безполезнаго для Россіи, тѣмъ болѣе, что императоръ только-что передъ тѣмъ пожертвовалъ изъ дружбы къ королю прусскому тѣми завоеваніями русскихъ войскъ, которыя могли имѣть величайшее значеніе для государства, и народъ одобрялъ это, страстно желая мира.

«Нѣкоторыя другія, не столь важныя обстоятельства, которыя были чрезвычайно преувеличены въ глазахъ народа и представлены въ ложномъ свѣтѣ, также немало способствовали паденію Петра, одареннаго многими прекрасными качествами, не прибѣгавшаго во время своего царствованія ни къ какимъ насильственнымъ и жестокимъ мѣрамъ, но запутавшаго всѣ дѣла, питая къ нимъ непреодолимое отвращеніе вслѣдствіе полученнаго имъ дурнаго воспитанія и будучи окруженъ недостойными фаворитами. Въ ложной увѣренности, что онъ пріобрѣлъ любовь народа, оказавъ ему значительныя милости при восшествіи своемъ на престолъ, онъ предался совершенной лѣни и безпечности, что̀ и сгубило его. Признаться, я и самъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами сталъ замѣчать послѣднее время въ государѣ большую перемѣну сравнительно съ тѣмъ, каковъ онъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; постоянная смѣна удовольствій, поглощавшихъ его жизнь, и постоянная лесть окружающихъ его царедворцевъ омрачили до нѣкоторой степени его разсудокъ. Я не подозрѣвалъ, признаться, что этотъ переворотъ случится такъ скоро, но я думалъ, что отсутствіе изъ Россіи будетъ пагубнымъ для императора, поэтому всячески старался отклонить его отъ задуманнаго похода, дѣлая по этому поводу болѣе или менѣе прозрачные намеки самому государю и ста-

раясь выяснить опасность этого предпріятія тѣмъ, кто имѣлъ право давать ему совѣты.

«Вчера вечеромъ, часовъ около десяти, я получилъ повѣстку съ приглашеніемъ прибыть во дворецъ сегодня къ 11-ти часамъ утра. Я отправился. Во дворцѣ я нашелъ всѣхъ иностранныхъ посланниковъ. Насъ ввели вскорѣ къ ея величеству, и мы имѣли честь цѣловать ея руку. При этомъ, воспользовавшись случаемъ, я сказалъ ей приличное привѣтствіе отъ имени короля; она приняла его милостиво и отвѣчала мнѣ въ прекрасныхъ выраженіяхъ. Вообще, мнѣ былъ оказанъ отличный пріемъ. Главную роль при дворѣ играли гетманъ и Орловъ, о которомъ я уже упоминалъ; онъ имѣлъ орденъ св. Александра Невскаго и камергерскій ключъ».

Въ депешахъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ мы находимъ нѣкоторыя подробности относительно образа дѣйствій Петра III, которыя не были извѣстны Кейту. Онѣ подтверждаютъ то, что намъ уже извѣстно, а именно, что нельзя было выказать болѣе слабости, нежели обнаружилъ этотъ государь въ несчастіи, которое его постигло....

О Петрѣ III пожалѣлъ искренно одинъ только Фридрихъ, излившій по этому поводу свои чувства въ «Исторіи семилѣтней войны». Его ошибочный, ничѣмъ не оправдываемый взглядъ на этого императора, очевидно, былъ вызванъ чувствомъ признательности. Теряя Петра, онъ лишился многаго; онъ потерялъ въ немъ, можно сказать, преданнаго слугу.

Къ біографіи Анны Петровны Буниной.

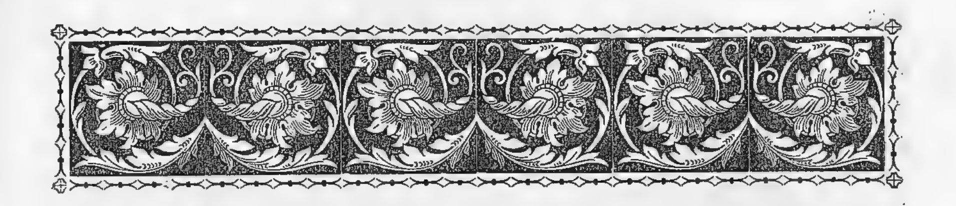
Письмо Василія Михайловича Попова къ Дмитрію Павловичу Руничу.

7 іюня 1813 года. С.-Петербургъ.

Анна Петровна Бунина, извѣстная наша писательница, коея творенія въ стихахъ и прозѣ здѣлали бы честь и мущинѣ, и коея знакомствомъ обязанъ я братцу ея, Ивану Петровичу, служащему у насъ по Министерству, отъѣзжая отсюда въ Москву, просила меня о написаніи къ вамъ письма, дабы вы не оставили ее возможною помощію въ дальнѣйшемъ ея переѣздѣ изъ Москвы въ Рязанскую губернію, верстъ еще около 350. Отсюда она ѣдетъ съ особливымъ предписаніемъ для станцій отъ Г. Почтдиректора. Но Московская дорога не такъ затруднительна для дамы, сопровождаемой хотя и однимъ только мальчикомъ да горнишною женщиною. Изъ Москвы же далѣе она опасается съ сею малою свитою ѣхать.—Она потому ожидаетъ вашей помощи дѣятельной, совѣта и наставленія.

Мнѣ пріятенъ сей случай здѣлать услугу толь почтенной дѣвицѣ и толь любезной пріятельницѣ. Я очень радъ притомъ, что исполненіе сего будетъ зависѣть отъ васъ; ибо вы все то здѣлаете конечно въ ея пользу, что можно и въ вашей власти состоитъ; а она такъ умна, что невозможнаго безъ сумнѣнія не потребуетъ, особливо когда ей невозможность сего изъяснится.

Пользуясь симъ случаемъ, я съ удовольствіемъ возобновляю искреннѣйшее увѣреніе мое въ совершенной пріязни моей, почтеніи и преданности, съ каковыми навсегда честь имѣю пребыть.



ВОСПОМИНАНІЯ, МЫСЛИ И ПРИЗНАНІЯ ЧЕЛОВѢКА, ДОЖИВАЮЩАГО СВОЙ ВѢКЪ СМОЛЕНСКАГО ДВОРЯНИНА.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ [1]).

Въ канцеляріи университета.—Подслушанный разговоръ.—Ректоръ Альфонскій.—Инспекторъ Шпейеръ.—Мое поступленіе въ университетъ.

На другой же день по пріѣздѣ я опять надѣлъ, уже въ послѣдній разъ, мой гимназическій мундирчикъ съ краснымъ воротникомъ и вмѣстѣ съ отцомъ отправились въ университетъ. Отецъ мой плохо зналъ Москву, а университетскіе порядки и подавно не могли быть ему знакомы, и вслѣдствіе этого мы сначала попали въ зданіе новаго университета, которое болѣе извѣстно было подъ именемъ дома Пашкова, но, когда вошли туда, то швейцаръ-старикъ немедленно же направилъ насъ въ правленіе, находившееся на дворѣ «стараго» зданія, мимо котораго мы прошли. Я, къ сожалѣнію, позабылъ имя этого швейцара, который вполнѣ заслуживаетъ данное ему прозваніе «историческаго», потому что къ тому времени, о которомъ я теперь говорю, онъ прослужилъ на своей должности, кажется, уже болѣе пятидесяти лѣтъ; но это имя упоминается во многихъ, уже давно напечатанныхъ, воспоминаніяхъ московскихъ студентовъ, и описаніемъ его личности я не прибавлю ничего къ его характеристикѣ. Воротясь опять вдоль по Моховой, мы вошли въ совершенно пустынный наружный дворъ, прошли знаменитую арку и

[1]) См. «Русскую Старину», ноябрь 1895 года.

вошли во внутренній дворъ, среди котораго находится довольно обширный садъ съ хорошо утоптанными дорожками; по этимъ дорожкамъ въ то время бродило нѣсколько студентовъ и молодыхъ людей въ гражданскомъ платьѣ. Намъ сейчасъ же указали двери правленія, но когда мы туда пришли и объявили цѣль нашего прихода, то чиновники сказали, что необходимо подождать прибытія ректора и что онъ будетъ еще не скоро, а вслѣдствіе этого мы отправились опять въ садъ. Этотъ самый садъ впослѣдствіи сдѣлался памятенъ мнѣ по разнымъ въ немъ происходившимъ приключеніямъ, о которыхъ будетъ разсказано въ свое время, но тогда я почти не обращалъ на него вниманія, и меня гораздо болѣе интересовали тѣ молодые люди, которые здѣсь прогуливались и въ которыхъ не трудно было угадать такихъ же futur'овъ, какимъ былъ и я самъ. Мнѣ хотѣлось заговорить съ которымъ-либо изъ нихъ, но всѣ они были и одѣты какъ-то уже совсѣмъ по-столичному и держали себя очень надменно, а на мое заговариванье отвѣчали односложно и нелюбезно. Увидя между ними одного одѣтаго уже ясно по-провинціальному, я подошелъ къ нему съ какимъ-то вопросомъ, но этотъ, уставя на меня свои хитрые и недобрые глаза, совершенно черные и какъ-то зловѣще глядѣвшіе, отвѣчалъ, очень замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, уже до такой степени рѣзко и отрывисто, что сразу отбилъ охоту съ нимъ разговаривать. Этотъ господинъ былъ Котл—скій, впослѣдствіи извѣстный въ ученомъ мірѣ какъ профессоръ сначала Дерптскаго, а потомъ Кіевскаго университетовъ. Отъ него, впрочемъ, я все-таки узналъ, что онъ поступаетъ на филологическій факультетъ и что уже принятъ даже и безъ подачи прошенія въ объявленный срокъ, потому что на этотъ факультетъ вообще охотниковъ немного. Наконецъ, ко мнѣ уже самъ подошелъ какой-то франтовски одѣтый господинъ лѣтъ двадцати и заговорилъ, а когда мы разговорились, то я отъ него узналъ, что онъ тоже не подалъ въ срокъ прошенія, но тѣмъ не менѣе принятъ на математическій факультетъ сверхъ комплекта, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ теченіе перваго года именоваться вольнымъ слушателемъ и не носить студенческаго мундира. Фамилія этого господина была Филипповъ, и хотя мы много съ нимъ говорили въ этотъ первый день моего пребыванія, но впослѣдствіи мнѣ какъ-то не случалось съ нимъ встрѣчаться; по его словамъ — въ пріемѣ сверхъ комплекта никакихъ особыхъ затрудненій въ правленіи не дѣлалось, и эти слышанныя мною отъ него свѣдѣнія вселили и во мнѣ нѣкоторую надежду на то, что и я буду принятъ на юридическій факультетъ. Третій изъ молодыхъ людей, съ которымъ мнѣ довелось говорить, былъ Николай Извѣковъ, оказался также математикомъ, и впослѣдствіи мы съ нимъ были въ очень близкихъ и даже дружескихъ отношеніяхъ; о немъ мнѣ придется еще не разъ

говорить въ слѣдующихъ главахъ. Наконецъ, кто-то сказалъ, что ректоръ долженъ скоро пріѣхать, и мы съ отцомъ опять отправились въ правленіе. На этотъ разъ насъ очень любезно принялъ какой-то толстенькій, небольшаго роста, господинъ, съ умнымъ, рябымъ лицомъ, въ очкахъ и въ синемъ фракѣ; онъ взялъ мои документы и отдалъ ихъ сидѣвшимъ за столомъ у окна какимъ-то двумъ чиновникамъ, самъ куда-то ушелъ, а мнѣ сказалъ, чтобы я подождалъ его здѣсь же. Стоя у стола, за которымъ сидѣли эти чиновники, имѣвшіе совершенно такой же видъ, какъ и тѣ, которыхъ я видѣлъ въ нашемъ губернскомъ городѣ, за исключеніемъ того, что были одѣты въ ученые синіе фраки, я ожидалъ и, между прочимъ, началъ прислушиваться къ ихъ разговору. «И что-за разсчетъ поступать на юридическій факультетъ?» сказалъ одинъ изъ нихъ, державшій въ рукахъ мое прошеніе. «Никакого разсчета нѣтъ!» отвѣчалъ другой, «вотъ на медицинскій другое дѣло: можно быть военнымъ врачемъ; или на математическій—можно и въ военную службу поступить—въ артиллерію, или быть учителемъ; а лучше всего это словесный (филологическій)—тамъ уже непремѣнно попадешь въ учителя». «На юридическомъ только и стоитъ быть для того»,—началъ опять первый,—«что если поступить въ военную службу, такъ можно быть аудиторомъ».

Хотя изъ разговора этихъ двухъ господъ мнѣ и было понятно, что они смотрятъ на занятіе тою или другою наукою, какъ на ремесло, но я признаюсь, что ихъ разговоръ погрузилъ меня въ нѣкоторое уныніе, и на меня напало сильное раздумье. Опять полѣзли въ мою голову тѣ же мысли, которыя въ послѣднее время оставляли меня въ покоѣ, и снова коломъ сталъ передо мною неразрѣшимый вопросъ: а что же, въ самомъ дѣлѣ, я буду дѣлать, когда окончу курсъ въ университетѣ? О томъ, что это должно служить средствомъ для зарабатыванія хлѣба— я и думать не хотѣлъ. Между тѣмъ, толстенькій господинъ въ очкахъ, который былъ—секретарь правленія Масловъ, опять вошелъ въ ту же комнату и сѣлъ за особый столикъ у окна. Я хотѣлъ было къ нему подойти, но онъ указалъ рукою на подходившаго къ нему господина и сдѣлалъ движеніе, означавшее, что слѣдуетъ подождать. Между тѣмъ, подходившій господинъ остановился у стола Маслова и, все время стоя, какимъ-то поющимъ, но пріятнымъ и мелодичнымъ голосомъ, сталъ ему что-то диктовать, а тотъ поспѣшно записывалъ. Я внимательно началъ всматриваться въ него и прислушиваться къ тому, что такое онъ диктуетъ. Это былъ человѣкъ уже пожилой, небольшаго роста, въ синемъ фракѣ, какъ-то небрежно и мѣшковато на немъ сидѣвшемъ, и на шеѣ имѣлъ Анну, которая какъ-то бокомъ висѣла на измятой рубашкѣ съ огромнымъ, стоячимъ по обѣимъ сторонамъ лица воротничкомъ. Лицо его было такъ привлекательно, что даже было трудно во-

образить себѣ старика съ болѣе красивою наружностью; голова окаймлена почти серебряными волосами, а все вмѣстѣ очень симпатично освѣщалось живыми, карими, какъ-то ласково и нѣжно глядѣвшими глазами. Диктовалъ онъ съ большими остановками и безпрестанно отвлекался разговорами съ подходившими къ нему, какими-то людьми, а послѣ остановки опять начиналъ пѣть, растягивая слова: «профессоръ Буслаевъ объявилъ факультету......» а потомъ, не окончивъ, опять отвлекался. Масловъ ждалъ терпѣливо, пока снова начиналось: «профессоръ Петровъ объявилъ факультету, что онъ два раза въ недѣлю будетъ читать санскритскій языкъ....» и т. д. Я, конечно, сейчасъ же догадался, что это долженъ быть деканъ филологическаго факультета, а слѣдовательно никто иной, какъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ. Это имя... имя друга Гоголя, имя фанатическаго жреца русскаго слова, уже давно было извѣстно намъ всѣмъ, и я съ почтеніемъ взиралъ на эту первую, видѣнную мною въ моей жизни, знаменитость и не спускалъ съ него глазъ до тѣхъ поръ, пока онъ совсѣмъ пересталъ распѣвать и ушелъ изъ правленія. Вслѣдъ за этимъ, Масловъ намъ объявилъ, что мы можемъ идти въ присутствіе правленія и подать прошеніе ректору. Мы съ отцомъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ вошли въ очень большую, но нѣсколько темноватую комнату, посреди которой стоялъ очень длинный столъ, обставленный огромнымъ количествомъ креселъ; посреди стола стояло огромнѣйшее «зерцало», а стѣны комнаты были уставлены шкафами. Въ этой комнатѣ, кромѣ съ нами же вошедшаго Маслова, находились всего только два человѣка: одинъ изъ нихъ сидѣлъ на самомъ нижнемъ концѣ стола, у самаго зерцала, и фигура его представляла собою нѣчто въ родѣ тѣхъ гуттаперчевыхъ рожъ, которыя дѣлаются для натыканья на пробки; а на предсѣдательскомъ мѣстѣ виднѣлась, еще издали, крупная фигура прекраснѣйшаго старца, въ широкомъ темно-синемъ фракѣ, со звѣздою на правой сторонѣ груди. Первый изъ нихъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, назывался Басалаевымъ, а та должность, которую онъ занималъ въ правленіи, носила названіе «синдикъ», но какую именно роль игралъ тамъ этотъ синдикъ—я не знаю и до сихъ поръ, какъ равно и то, существуетъ ли теперь эта должность. Второй—былъ ректоръ университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій. Въ сопровожденіи Маслова, мы почтительно подошли къ креслу ректора, и почтенный старецъ былъ такъ любезенъ, что всталъ. Отецъ изложилъ ему то затрудненіе, въ которомъ мы находились, признался въ томъ, что прошеніе не было послано въ назначенный срокъ, а вмѣстѣ сказалъ, что ему очень бы не хотѣлось, чтобы я жилъ на частной квартирѣ, и что онъ желаетъ помѣстить меня, въ качествѣ своекоштнаго пансіонера, въ нумерахъ, занимаемыхъ казенными студен-

тами. Ректоръ такъ благодушно улыбнулся, такъ радушно и любезно началъ насъ успокоивать, что мы оба просіяли. Онъ сказалъ, что неподача въ срокъ прошенія можетъ имѣть развѣ только то одно послѣдствіе, что въ первый годъ я буду называться вольнымъ слушателемъ и не буду имѣть права носить мундиръ; «да впрочемъ»,—прибавилъ онъ,—«если онъ будетъ пансіонеромъ, то и это можно будетъ разрѣшить», но что, во всякомъ случаѣ, на юридическій факультетъ я принятъ буду. Онъ принялъ мое прошеніе и документы, и приказалъ приходить завтра же—узнать о результатѣ. Никто, въ то время, изъ присутствовавшихъ при этомъ, не помѣшалъ старцу благодушествовать; но, какъ мнѣ показалось, синдикъ глядѣлъ на него какъ-то очень пронзительно, а Масловъ стоялъ возлѣ, склонивъ голову съ видомъ какъ будто какого-то сомнѣнія. Въ то время, впрочемъ, мы не обратили на это особаго вниманія и утѣшенные отправились обозрѣвать Москву. Прежде всего мы, разумѣется, отправились въ Кремль, обошли всѣ соборы, посмотрѣли на царь-колоколъ, на царь-пушку, слазили на колокольню Ивана Великаго и добыли билетъ въ Оружейную палату. Помню, что высота Ивана Великаго, о которой еще съ ранняго дѣтства я слышалъ много, какъ о чемъ-то баснословномъ, вовсе не поразила меня; и только тогда, когда мы взобрались на самый верхній этажъ и я, взглянувъ внизъ, увидѣлъ вмѣсто людей какія-то черныя точечки—я постигъ ту высоту, на какой находился. Помню, что у меня забилось сердце, какъ молотокъ, голова закружилась, и мнѣ страшно захотѣлось прыгнуть въ эту воздушную бездну; вѣроятно я страшно поблѣднѣлъ, потому что отецъ схватилъ меня за фалды и оттащилъ отъ окна. Когда мы уже спускались съ колокольни, то подъ нами, въ нижнихъ ярусахъ ея, не знаю уже по какому случаю, вдругъ зазвонили во всѣ колокола. Трудно передать словами то ощущеніе, которое я вдругъ началъ тогда испытывать; я до сихъ поръ его не забылъ, хотя послѣ никогда не былъ ни на одной колокольнѣ: мнѣ казалось, будто въ меня, разомъ и съ разныхъ сторонъ, пустили нѣсколько электрическихъ токовъ; я зажалъ уши и почти скатился внизъ по узкой лѣстницѣ.

Вечеромъ мы отправились въ Малый театръ (Большой въ то время стоялъ въ развалинахъ, послѣ извѣстнаго пожара), и это первое, видѣнное мною представленіе навсегда оставило во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Я назвалъ это представленіе первымъ потому, что такого названія, конечно, не заслуживали безобразныя ломанья какой-то несчастной провинціальной труппы, или даже нѣсколько любительскихъ спектаклей, которые мнѣ прежде случалось видѣть въ нашемъ городѣ. Давалось: «Не въ свои сани не садись» Островскаго, пьеса еще недавно въ то время поставленная на сцену, и совершеннѣе этого исполненія вѣроятно нигдѣ и никогда не было, да и быть не можетъ. Только

увидя такую игру, я началъ понимать глубокое значеніе сценическаго искусства. Собственно говоря всѣ, въ этой пьесѣ, играли превосходно, если не считать ничтожнаго Колосова въ ничтожной роли Баранчевскаго; но все-таки игра Медвѣдевой (невѣста), Акимовой (сестра), и Степанова (Маломальскій) не могла идти даже и въ сравненіе съ исполненіемъ остальныхъ четырехъ, главнѣйшихъ ролей, которое переливалось и играло всѣми искрами и молніями чистѣйшихъ алмазовъ. Садовскій—въ роли Русакова, Васильевъ—Бородкина, Шумскій—Вихорева и старуха Сабурова въ роли жены Маломальскаго были совершенны до такой степени, какъ будто это было вовсе и не игра, а передъ вами ходили, сидѣли и говорили настоящія лица, которыхъ они изображали. Такъ войти въ природу изображаемаго лица, такъ себѣ усвоить самые тончайшіе оттѣнки всѣхъ его движеній и присущихъ лицу особенностей, такъ художественно гримироваться, наконецъ, какъ это дѣлали Садовскій и Васильевъ—возможно только для людей, одаренныхъ геніемъ. И именно этотъ-то геній проявлялся въ каждомъ словѣ, каждомъ жестѣ, даже каждомъ поворотѣ головы и производилъ глубокое впечатлѣніе на зрителя. Что касается игры Шумскаго, то хотя въ роли Вихорева можно было играть безъ всякой гримировки, оставаясь самимъ собою, но геній его и тутъ оказывался не менѣе сильнымъ, а кромѣ того въ его игрѣ сразу поражало какое-то особенное благородство, какая-то аристократичность всѣхъ его движеній, которую, впрочемъ, онъ искусно умѣлъ сочетать съ особенностями того лица, которое изображалъ. Да! съ величайшимъ сожалѣніемъ, но все-таки слѣдуетъ сказать, что тому, кто видѣлъ тогда эту игру, уже теперь нечего смотрѣть ни на Московской, ни, пожалуй, ни на какой другой сценѣ. Я, впрочемъ, посвящу особую главу моимъ воспоминаніямъ о Московскомъ театрѣ, а теперь буду продолжать разсказъ по порядку. Упомяну, кстати, и о томъ впечатлѣніи, которое произвели на меня тогдашніе Московскіе трактиры. Еще и ранѣе мнѣ случалось слышать о существованіи и органовъ, и оригинальныхъ половыхъ, и знаменитыхъ растегаевъ, и все это, за исключеніемъ органовъ, игра на которыхъ въ то время почему-то была запрещена, не обмануло моихъ ожиданій и очень понравилось. Мы каждый день ходили обѣдать въ Московскій трактиръ Печкина, а такъ какъ въ то время шелъ успенскій постъ, то ѣли только одни постныя кушанья, и стоило это, помнится, очень не дорого. Но не знаю, по какой именно причинѣ я находилъ все это прекраснымъ и ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, какъ никогда потомъ во всю жизнь. Еще въ недавнее время, долго не бывъ въ Москвѣ, я въ первый же затѣмъ пріѣздъ захотѣлъ возобновить эти прежнія ощущенія и нарочно объѣздилъ всѣ знаменитые трактиры. Но, несмотря даже на то, что я уже тогда не стѣснялся никакими издержками, впечатлѣніе было

какъ-то вовсе не то: главное, исчезла куда-то та своеобразность и, если такъ можно выразиться въ этомъ случаѣ, какая-то уютность Московскихъ трактировъ, не говоря уже о томъ, что цѣны сдѣлались неизмѣримо выше прежнихъ.

На другой день мы съ отцомъ уже спозаранку ожидали въ правленіи прибытія ректора и когда, наконецъ, онъ прошелъ мимо насъ своею медленною походкою, то насъ позвали въ присутствіе. Какъ только мы вошли, то ректоръ, опять очень вѣжливо вставъ съ мѣста, еще издали протянулъ къ намъ руку, въ которой держалъ поданное вчера прошеніе, отдавая обратно отцу; а когда мы подошли—какъ по заказу началъ повторять: «нѣтъ-съ! нѣтъ-съ! нельзя-съ, нельзя-съ!» при чемъ видъ всей его почтенной фигуры уже вовсе не былъ такъ благодушенъ, какъ наканунѣ. «Помилуйте, ваше превосходительство!»—проговорилъ отецъ,—«вы сами вчера изволили сказать, что можно...» Но старецъ все продолжалъ повторять свои «нѣтъ» и «нельзя», и пришлось взять прошеніе обратно. Помню, что при этомъ, можетъ быть совершенно случайно, я взглянулъ на синдика и на Маслова, по-вчерашнему же насъ сопровождавшаго: первый сидѣлъ, отвернувъ свою пробочную физіономію куда-то въ сторону, а на лицѣ втораго изображалось то равнодушіе, видъ котораго надѣваетъ на себя каждый благонамѣренный чиновникъ, когда хочетъ показать, что тутъ онъ не причемъ. Что оставалось дѣлать послѣ этого? Повѣся головы, побрели мы съ отцомъ изъ правленія, недоумѣвая, почему сегодня сдѣлалось «нельзя» то, что вчера было не только «можно», но даже такъ любезно было намъ предложено. Не помню уже теперь, кто именно, чуть-ли не тотъ же Масловъ, посовѣтовалъ отцу обратиться къ инспектору студентовъ, каковымъ тогда былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Абрамовичъ Шпейеръ, и просить его совѣта и покровительства. Про этого Шпейера ходило между студентами не знаю кѣмъ сочиненное двустишіе:

Се—Шпейеръ! се—омаръ, се бегемотовъ внукъ,
Оберегающій Россію отъ наукъ!

И нельзя не сознаться, что при взглядѣ на почтеннѣйшаго Ивана Абрамовича невольно приходила въ голову мысль о томъ благородномъ животномъ, которое упоминается въ двустишіи; но степень его родства съ нимъ названа такою отдаленною вѣроятно исключительно для рифмы, потому что онъ скорѣе походилъ на самого дѣдушку. Онъ прежде служилъ во флотѣ, кажется, былъ капитаномъ какого-то корабля и попалъ на должность инспектора сейчасъ же послѣ знаменитаго Платона Степановича Нахимова, а быть можетъ даже и по его рекомендаціи. Это былъ очень толстый человѣкъ, лѣтъ около шестидесяти, съ огромною, всегда коротко остриженною головою, и съ широкимъ лицомъ, на

которомъ какъ-то пресмѣшно размѣщались: носъ, напоминавшій пуговицу, осѣдланный черепаховыми очками, и широчайшій ротъ съ отвислыми губами, постоянно сложенными въ какую-то недовольную, брезгливую гримасу. Выраженіе его лица, впрочемъ, было довольно добродушно. Остановлюсь на минуту на этой личности для того, чтобы, теперь же, сказать о ней все, что припомню и что я узналъ впослѣдствіи.

Шпейеръ былъ большой крикунъ и имѣлъ какой-то совершенно особенный, очень громкій и какъ будто капризный голосъ, нѣсколько напоминавшій ревъ балованнаго ребенка, звуки котораго довольно часто разносились по коридорамъ студенческихъ нумеровъ. Онъ жилъ въ самомъ зданіи «стараго» университета, и квартира его помѣщалась во второмъ этажѣ праваго крыла зданія, выходящаго на Никитскую улицу, на самомъ его углу; изъ его квартиры лѣстница вела въ третій этажъ, гдѣ помѣщались нумера, и проходить въ нихъ нужно было сначала чрезъ дортуары, въ теченіе дня остававшіеся пустыми, а уже изъ нихъ коридоръ съ нумерами проходилъ вдоль всего главнаго фасада и оканчивался на углу лѣваго крыла, выходившаго на Моховую. На томъ углу лѣваго крыла, который выходилъ на внутренній дворъ, была опять длинная чугунная лѣстница, ведшая въ нижній этажъ, въ которомъ помѣщались столовая и швейцарская, а изъ этой послѣдней, вдоль лѣваго крыла къ Моховой же улицѣ, шелъ опять коридоръ, въ которомъ также помѣщалось нѣсколько нумеровъ. По вечерамъ въ нумерахъ, за своими занятіями, студенты обыкновенно сидѣли, кто въ чемъ попало, то-есть и въ халатахъ, и въ разнообразнѣйшихъ пальто, и даже просто въ рубашкахъ; это очень хорошо было извѣстно начальству и такъ какъ дежурному субъ-инспектору нерѣдко случалось входить въ нумера въ это время, то никто уже не стѣснялся этимъ и каждый продолжалъ свои занятія въ томъ же костюмѣ, въ какомъ его застали. Но такъ какъ въ то время формализмъ и дисциплина стояли на первомъ планѣ, то всѣмъ было заранѣе извѣстно, что передъ объявленнымъ приходомъ инспектора, или въ случаѣ посѣщенія нумеровъ кѣмъ-либо изъ болѣе высшаго начальства, подобная фамильярность допускаема быть уже не можетъ, и надлежитъ какъ можно проворнѣе облачаться въ форменные сюртуки. Исключенія дѣлались только тогда, когда инспекторъ входилъ неожиданно, а слѣдовательно какъ будто самъ разрѣшалъ не измѣнять обычая. Это иногда и бывало, и въ подобныхъ случаяхъ почтеннѣйшій Иванъ Абрамовичъ обыкновенно только просовывалъ свою физіономію въ дверь одного изъ нумеровъ, поматывалъ ею въ разныя стороны, отвѣчая на поклоны, бормоталъ: «ничего, ничего, я такъ....» и сейчасъ же исчезалъ. Это дѣлалось тогда, когда онъ обрѣтался въ благодушномъ настроеніи. Но по большей части онъ бывалъ сердитъ и по вечерамъ, среди нашихъ занятій, мы нерѣдко бывали вдругъ поражае-

мы сначала отдаленными, но постепенно приближающимися звуками его всѣмъ хорошо знакомаго, рыкающаго голоса, раздававшагося со стороны дортуаровъ. «Я вамъ покажу!»—кричалъ онъ обыкновенно и медленно придвигался къ намъ, окруженный цѣлымъ штабомъ субъ-инспекторовъ и сторожей. Въ этихъ случаяхъ, въ нумерахъ все немедленно же принимало оффиціальный видъ, всѣ надѣвали сюртуки и становились у своихъ конторокъ, въ ожиданіи, пока гроза пронесется мимо. Гроза, впрочемъ, только и ограничивалась этимъ крикомъ. Случалось, что инспекторъ появлялся со двора, въ пальто и шляпѣ, и тогда крикъ начиналъ раздаваться съ низу, а на верху начинался переполохъ. Мы, то-есть я и мои товарищи по гимназіи, первое время жили въ одномъ изъ нижнихъ нумеровъ, а въ сосѣднемъ съ нами нумерѣ жилъ студентъ перваго курса медицинскаго факультета, Ежовъ, большой проказникъ, хорошо умѣвшій подражать голосу инспектора. Какъ-то разъ вечеромъ, Ежовъ пришелъ въ нашъ нумеръ и предложилъ устроить слѣдующую проказу: мы всѣ медленнымъ шагомъ пойдемъ вверхъ по чугунной лѣстницѣ, а онъ будетъ кричать, подражая голосу Шпейера, и этимъ способомъ предполагалось произвести переполохъ между студентами верхняго этажа. Эта блестящая мысль быстро разнеслась по всѣмъ нижнимъ нумерамъ, такъ что когда мы двинулись, то къ намъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ, и образовалась довольно длинная процессія съ Ежовымъ во главѣ. Мы дошли уже до половины лѣстницы и Ежовъ все время не переставалъ кричать: «я вамъ покажу!» когда до нашего слуха стали долетать подобные же звуки съ противоположной стороны, то-есть отъ дортуаровъ. Нѣкоторое время на это не обращали вниманія, и уже въ самомъ верхнемъ концѣ лѣстницы ясно обозначилось, что самъ настоящій Шпейеръ также идетъ въ верхніе нумера, и всѣ мы, разумѣется, кубаремъ скатились съ лѣстницы, облачились въ сюртуки и не безъ нѣкотораго безпокойства стали ожидать, чѣмъ все это разрѣшится. Послѣ верхніе студенты разсказывали, что повидимому Шпейеръ также услышалъ голосъ своего двойника, потому что какъ только появился въ коридорѣ, то какъ-то вдругъ замолкъ и все, пытливо, поглядывалъ вокругъ. Если бы Иванъ Абрамовичъ вздумалъ спуститься внизъ, то, по всей вѣроятности, всѣхъ бы насъ выдалъ нашъ швейцаръ, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ Павловъ, такъ какъ процессія и туда и обратно проходила мимо него; но дѣло обошлось безъ всякаго разслѣдованія, и Шпейеръ прогулялся только по верхнимъ нумерамъ, а затѣмъ тою же дорогою убрался во-свояси.

Со студентами Шпейеръ обращался безъ малѣйшей церемоніи, какъ съ мальчишками, но когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи, то говорилъ имъ «вы» и называлъ «мой другъ»; но нельзя не сказать, что по большей части онъ былъ просто грубъ и подъ сердитый часъ «тыкалъ»

всѣмъ безъ исключенія. Я самъ видѣлъ однажды, какъ онъ ударилъ по рукѣ студента, на улицѣ, за то, что тотъ какъ-то не формѣ ему поклонился, а когда я уже былъ офицеромъ, то мнѣ случилось встрѣтить одного, также офицера, который былъ исключенъ изъ Московскаго университета по слѣдующему случаю. Онъ, по фамиліи Мальцевъ, былъ своекоштнымъ студентомъ и по какому-то случаю долго не являлся на лекціи. Въ то время за этимъ строго слѣдили, и чрезъ нѣкоторое время къ Мальцеву на квартиру явился посланный отъ инспектора съ требованіемъ немедленно предстать предъ его очи, подъ угрозою немедленнаго исключенія. Когда Мальцевъ пришелъ, то Шпейеръ обратился къ нему съ грознымъ требованіемъ объяснить, по какой причинѣ онъ столько-то времени не являлся на лекціи, и тотъ, вѣроятно, не придумавъ никакой другой, сказалъ, что былъ боленъ. «Скажите пожалуйста! боленъ! самъ здоровъ, какъ быкъ, а говоритъ—боленъ!» Должно быть, Мальцевъ принадлежалъ къ тому сорту людей, которые не особенно любятъ безцеремонное обращеніе, и отвѣчалъ ему не совсѣмъ кротко и покорно, потому что Шпейеръ началъ на него уже окончательно кричать, безпрестанно, уже ясно съ намѣреніемъ, повторяя: «здоровъ, какъ быкъ». «Ну-съ, превосходительство!»—отпарировалъ тогда Мальцевъ,—«ужь если кто-нибудь изъ насъ двоихъ похожъ на быка, такъ это, конечно, не я!» За это онъ былъ исключенъ изъ университета, и впослѣдствіи этотъ разсказъ я слышалъ отъ него самого. При мнѣ, впрочемъ, то-есть за то время, которое я помню, подобные случаи повторялись не особенно часто и какъ-то чаще онъ бывалъ въ благодушномъ настроеніи, а когда прощался со студентами, то тутъ произошло нѣсколько даже трогательныхъ сценъ, изъ числа которыхъ я помню двѣ Въ первый разъ онъ пришелъ въ большую залу «новаго» университета, гдѣ въ то время былъ въ сборѣ первый курсъ двухъ факультетовъ—медицинскаго и физико-математическаго—для слушанія лекціи физики; вмѣстѣ съ Иваномъ Абрамовичемъ былъ также и назначенный на его мѣсто Ѳ. Ѳ. Веселаго. Шпейеръ остановился посреди залы, долго собирался начать какую-нибудь рѣчь и, наконецъ, съ остановками на нѣсколько секундъ почти послѣ каждаго слова, разразился чѣмъ-то въ родѣ этого: «я васъ любилъ, господа! простите! хорошіе студенты! прекрасно! очень хорошо, господа! надѣюсь! надѣюсь, что....» Тутъ онъ началъ тыкать пальцемъ туда, гдѣ стоялъ его преемникъ, «чрезъ нѣсколько времени.... Ѳедосей Ѳедорычъ.... тоже.... тоже скажетъ! простите, господа!» Онъ говорилъ все это сердитымъ и грознымъ, громогласнымъ тономъ, какимъ имѣлъ обыкновеніе распекать насъ, но все-таки въ его словахъ звучали какое-то чувство, искренность и добродушіе, такъ что большинство не могло воздержаться отъ взрыва выраженія ему сочувствія и благодарности, несмотря на то, что въ обыденное время его

вовсе не любили. Должно быть, этотъ взрывъ былъ тоже не лишенъ искренности, потому что умнѣйшій и почтеннѣйшій преемникъ Ивана Абрамовича (о которомъ рѣчь впереди) былъ ясно тронутъ и, обратясь къ намъ, сказалъ: «вижу, господа, что вы любили моего предмѣстника! надѣюсь и я также заслужить вашу любовь!» Чрезъ нѣсколько дней, Шпейеръ, уже одинъ, пришелъ проститься съ казенными студентами; онъ обошелъ всѣ нумера и даже зашелъ въ гардеробную, гдѣ въ то время нѣсколько студентовъ, въ томъ числѣ и я, переодѣвались по возвращеніи съ похоронъ бывшаго профессора Г. И. Фишера-фонъ-Вальдгеймъ. Старикъ остановился въ дверяхъ и, обводя всѣхъ сердито-добродушнымъ взглядомъ, дрожащимъ голосомъ прокричалъ: «прощайте, господа! не поминайте меня лихомъ!» Видя однако, что на его привѣтствіе отвѣчаетъ только одинъ голосъ, какъ теперь помню—студента четвертаго курса словеснаго факультета—Петровскаго, Шпейеръ какъ будто задумался и, поглядывая нерѣшительно вокругъ, какъ-то тише заговорилъ: «можетъ быть.... чѣмъ-нибудь виноватъ.... простите великодушно! если виноватъ.... развѣ по неумѣнію, а любилъ васъ всегда!» Тутъ уже не одинъ голосъ присоединился къ Петровскому, и почти всѣ дружно ему отвѣчали: «помилуйте, Иванъ Абрамовичъ! мы вѣдь умѣемъ помнить и цѣнить добро!» Старикъ ушелъ, замѣтно просіявъ, и по уходѣ его только одинъ сердитый студентъ (изъ лохматыхъ), переодѣвавшійся рядомъ со мною, съ мрачнымъ видомъ напустился на Петровскаго и началъ его упрекать за выраженіе сочувствія «этому гасителю просвѣщенія», но Петровскій нисколько не смутился и голосомъ, полнымъ увѣренности въ своей правотѣ, спросилъ: «да ты скажи, какое зло сдѣлалъ онъ тебѣ?»

Мнѣ вѣроятно не одинъ еще разъ въ теченіе моего разсказа придется упоминать о Шпейерѣ и дополнять вышесдѣланный очеркъ тѣмъ, что позабыто, или упущено изъ вида; а теперь, въ заключеніе скажу, что, скоро же послѣ моего вступленія въ университетъ, онъ былъ переведенъ на должность директора первой Московской гимназіи, а года чрезъ полтора, когда попечитель генералъ Назимовъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ—онъ взялъ Шпейера съ собою и посадилъ его губернаторомъ въ Гродно. Что было съ нимъ послѣ, не знаю.

Вотъ къ этому-то Шпейеру и пришли мы съ отцомъ просить покровительства. Было около трехъ часовъ дня, и должно быть мы, провинціалы, не съумѣли попасть во-время, потому что застали его въ полнѣйшемъ дезабилье въ передней, гдѣ онъ отдавалъ какія-то приказанія сторожамъ. Увидя насъ, старикъ сконфузился, разставилъ руки и очень убѣдительно началъ извиняться, а затѣмъ пригласилъ въ кабинетъ и сталъ напяливать на себя пальто. Отца онъ, конечно, усадилъ на креслѣ противъ себя, а я такъ и остался въ стоячемъ положеніи посреди комнаты. Отецъ объяснилъ дѣло, просилъ его совѣта и помо-

щи и прибавилъ, что я положительно не чувствую себя способнымъ къ медицинѣ. «Да вы, мой другъ, можетъ быть, еще чувствуете отвращеніе отъ труповъ? не можете выносить запаха?»—спросилъ меня Шпейеръ и когда я отвѣчалъ, что да, то брови его превосходительства сдвинулись, на лицѣ появилась дума, и стало замѣтно, что онъ усиленно соображаетъ, что бы ему сдѣлать; при этомъ продолжалъ пристально разсматривать меня. Наконецъ, соображать онъ пересталъ и, обратясь къ отцу, сказалъ: «ничего не могу.... не отъ меня зависитъ!» Но, подумавъ еще немного, прибавилъ: «обратитесь вы къ попечителю.... подайте ему, знаете.... этакую.... докладную записку. Онъ вѣрно согласится....» Когда мы начали откланиваться, то Шпейеръ вдругъ засуетился и сказалъ: «только вы поторопитесь, а то попечитель сегодня же уѣзжаетъ въ свое Тверское имѣніе, и поѣздъ скоро уходитъ». Я уже сказалъ, что было около трехъ часовъ, и, слѣдовательно, дѣйствительно торопиться не мѣшало; но у отца моего, къ несчастію, было обыкновеніе безъ надобности суетиться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые ему почему-либо казались важными. Вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать къ попечителю, а меня отпустить съ миромъ, онъ почему-то непремѣнно захотѣлъ взять и меня; а такъ какъ я былъ въ штатскомъ платьѣ, въ которомъ онъ считалъ везти меня почему-то неудобнымъ, то приказалъ переодѣться въ гимназическій мундиръ. На возвращеніе въ гостиницу, на переодѣванье, въ продолженіе котораго отецъ не переставалъ суетиться и кричать, какъ будто я былъ виноватъ во всемъ, да на тянувшую за душу поѣздку на тогдашней «гитарѣ» ушло немало времени; такъ что, когда, наконецъ, мы доплелись до дома Аксакова (помнится, на Спиридоновкѣ), то-есть квартиры попечителя, то оказалось, что онъ уже уѣхалъ на вокзалъ Николаевской дороги. Болѣе, должно быть, не оставалось дѣлать ничего, по крайней мѣрѣ не могъ ничего придумать я самъ, а отецъ ясно казался растеряннымъ, какъ и всегда съ нимъ бывало въ случаѣ какой-либо неудачи. Уныло плелись мы на той же гитарѣ въ гостиницу Парижъ и тутъ же, въ продолженіе дороги, я, видя ясно и вполнѣ понимая, что отецъ, если и желаетъ искренно оказать мнѣ содѣйствіе, то положительно не умѣетъ этого сдѣлать и что онъ только понапрасну будетъ проживаться въ Москвѣ, принялъ твердую рѣшимость и объявилъ отцу, что поступаю на медицинскій факультетъ. Не скрою, что при этомъ я сохранялъ въ душѣ надежду, что со временемъ, какъ-нибудь, буду имѣть возможность перейти на юридическій. Отецъ видимо повеселѣлъ и, только уже будто для очистки совѣсти, сказалъ: «да какъ же ты будешь? Тебѣ вѣдь будетъ очень трудно». Но моя рѣшимость была уже безповоротна; на другой же день было подано ректору новое прошеніе, и тутъ дѣло покатилось какъ по маслу: въ тотъ же день я

переселился въ нумера и даже казенный портной успѣлъ снять мою мѣрку. Отецъ также въ тотъ же день уѣхалъ домой.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Московскій университетъ.—Университетскій режимъ.—Субъ-инспекторы.—Университетская церковь.—Священникъ Терновскій.

Пока тянулась процедура поступленія въ университетъ, та жажда новыхъ впечатлѣній, которую я впервые ощутилъ во время дороги въ Москву, была какъ будто заглушена тѣми заботами и волненіями, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вышеописанныхъ неудачъ, а также и тою борьбою съ самимъ собою, которая предшествовала моей рѣшимости поступить несогласно съ собственными желаніями. Но какъ только все это окончилось, я опять отдался этой жаждѣ, и мнѣ захотѣлось видѣть какъ можно болѣе, такъ сказать, вникнуть въ жизнь Москвы и самому проникнуться тѣми впечатлѣніями, которыя она можетъ дать. Къ сожалѣнію моему, отецъ по своей разсчетливости оставилъ мнѣ очень мало денегъ, и я, очень быстро издержавъ ихъ, долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что по цѣлымъ днямъ ходилъ по всѣмъ улицамъ. Мнѣ хотѣлось узнать ихъ, и иногда случалось терять дорогу или забираться такъ далеко, что я опаздывалъ къ университетскому обѣду, а такъ какъ денегъ у меня уже не было, то приходилось голодать вплоть до самаго ужина. Я бѣгалъ по улицамъ, пристально вглядываясь во всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ, и мнѣ хотѣлось угадать, кто изъ нихъ Фамусовъ, или Чацкій, кто Репетиловъ или Загорѣцкій? Не знаю—было ли мое воображеніе такъ сильно возбуждено, или дѣйствительно эти типы продолжали еще въ то время такъ всецѣло охватывать всю московскую жизнь, но мнѣ казалось, что я ихъ вижу, узнаю въ томъ или другомъ встрѣчномъ лицѣ. Памятна мнѣ фигура одного очень толстаго старичка, съ невѣроятнымъ животомъ, котораго я каждый разъ видѣлъ въ первомъ ряду креселъ Малаго театра, а однажды—подъѣзжающимъ въ каретѣ къ воротамъ англійскаго клуба; это непремѣнно долженъ быть Фамусовъ, думалъ я, и какъ ни добивался узнать его настоящее имя—такъ и не узналъ. Хотѣлось мнѣ также видѣть и узнать имена всѣхъ московскихъ сановниковъ и аристократовъ, и для этого каждый день я надѣвалъ мундиръ и отправлялся къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ или Чудовъ монастырь. Видѣть я ихъ, положимъ, видѣлъ, но узнавать, кто именно то, или другое лицо, какую должность оно занимаетъ и вообще все то что мнѣ хотѣлось узнать—доводилось

очень рѣдко, такъ какъ чичероне у меня не было, а спрашиваемые мною посторонніе отвѣчали по большей части неохотно, или не знали сами. Скоро, впрочемъ, эта бѣготня меня утомила, тѣмъ болѣе, что я ясно сознавалъ невозможность узнать жизнь такимъ способомъ, то-есть не принимая въ ней никакого личнаго участія; а между тѣмъ жажда долго не унималась, и мнѣ случалось даже, проходя мимо тѣхъ, тогдашнихъ, многочисленныхъ еще барскихъ домовъ, которые въ настоящее время, увы, съ верху до низу завѣшаны вывѣсками портныхъ и сапожниковъ, останавливаться передъ ними подолгу и силиться хотя воображеніемъ постигнуть протекающую въ нихъ жизнь, казавшуюся мнѣ въ то время идеаломъ существованія.

Скоро послѣ отъѣзда отца, въ Москву пріѣхалъ дядя Каленовъ, также привезшій своего сына и опредѣлившій его на медицинскій факультетъ. Лекціи все еще не начинались, и все время я проводилъ у него, а также и въ томъ, что вмѣстѣ съ нимъ совершалъ длинныя экскурсіи по разнымъ магазинамъ, что у него было положительною страстью. Тогда же дядя возилъ и сына своего и меня въ Троице-Сергіеву лавру, но испытанныя мною тамъ впечатлѣнія такъ смутно остались въ моей памяти, что я не буду описывать ихъ. Наконецъ уѣхалъ и дядя, началась постоянно сѣрая, дождливая осенняя погода, а вмѣстѣ съ нею—лекціи и будничная жизнь университетскихъ нумеровъ. Не поскучайте, почтеннѣйшій читатель, выслушать ея подробное описаніе.

Въ предъидущей главѣ я уже сдѣлалъ очеркъ расположенія нашего помѣщенія и не буду повторять его, но необходимо прибавить, что изъ сѣней студенческаго подъѣзда, выходившаго на внутренній дворъ, дверь направо вела въ наши столовыя, налѣво — поднималась длинная чугунная лѣстница съ нѣсколькими поворотами, а прямо—была никогда не запиравшаяся дверь въ обширную швейцарскую, гдѣ на вѣшалкахъ подъ нумерами висѣли шинели всѣхъ жившихъ въ нумерахъ студентовъ, и нижнихъ, и верхнихъ. Изъ швейцарской шелъ коридоръ съ шестью нумерами и оканчивался не очень обширною, но весьма свѣтлою комнатою, окна которой выходили, съ одной стороны, на Моховую, а съ другой—на наружный дворъ; эта комната носила названіе «музыкальной», и въ ней стоялъ прекрасный рояль работы Вирта. Въ швейцарской, въ углу между дверью и огромною печью, денно и нощно на табуретѣ возсѣдалъ ея неограниченный властитель—отставной унтеръ-офицеръ и ветеранъ еще 12-го года—Иванъ Павловъ; онъ былъ весь увѣшанъ медалями, обшитъ разными нашивками и обладалъ такимъ удивительнѣйшимъ краснымъ носомъ, какимъ не всегда бываютъ надѣлены даже самые горькіе пьяницы. Между тѣмъ онъ не только былъ человѣкъ ничего не пившій, но даже не могъ имѣть для этого хотя сколько-нибудь времени, потому что даже спалъ сидя на томъ же та-

буретѣ и никогда не раздѣвался. Это постоянное сидѣнье и составляло его обязанность, но кромѣ этого онъ долженъ былъ знать по фамиліямъ всѣхъ студентовъ, записывать всѣхъ тѣхъ, которые возвращались домой позже часа по полуночи, а на другой день—докладывать о нихъ дежурному помощнику инспектора. Это обстоятельство, впрочемъ, было извѣстно всѣмъ студентамъ и, такъ какъ въ то время Иванъ Павловъ занималъ свою должность уже около двадцати, а можетъ быть и болѣе, лѣтъ, то вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ свѣдѣніемъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалось также и средство избавиться отъ взора этого Аргуса. Средство это было очень просто и совершалось въ слѣдующемъ порядкѣ. Возвращаясь позже опредѣленнаго часа и входя, разумѣется, очень осторожно, вы обыкновенно заставали Ивана Павлова глубоко-спящимъ и даже громко храпящимъ на его табуретѣ; но если вы, поддаваясь этому дипломатическому маневру, покушались какъ можно тише добраться до своей вѣшалки и уйдти незамѣтно, то открывался сначала одинъ глазъ, а затѣмъ, въ случаѣ надобности, и оба. Въ этомъ случаѣ вы могли быть вполнѣ увѣрены, что на другой день будете записаны. Но если вы, будучи уже искушены опытомъ, прямо подходили къ Ивану Павлову, то онъ опять оказывался спящимъ и если при этомъ случаѣ въ его рукѣ оказывался гривенникъ или какая другая монета, то онъ даже выхрапывалъ нѣсколько громче обыкновеннаго. Тогда вы, на другой день, могли быть покойны, что васъ не потребуютъ къ грозному Шпейеру. Въ теченіе дня вокругъ этого Ивана Павлова иногда собиралась цѣлая толпа студентовъ, которые съ удовольствіемъ слушали его прибаутки и балагурства.

«Музыкальная» комната также памятна мнѣ, отчасти по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ. Кажется, два раза въ мѣсяцъ, а можетъ быть и чаще, туда являлся пьянистъ Фоглеръ и желающимъ давалъ уроки фортепьянной игры. Бравшихъ у него уроки было не особенно много, помнится, не болѣе пяти или шести человѣкъ, и между ними мнѣ всѣхъ памятнѣе одинъ, въ то время уже бывшій на четвертомъ курсѣ филологическаго факультета, полякъ съ очень рѣзкою и характерною физіономіею, по фамиліи Руковичъ. Онъ чаще всѣхъ приходилъ въ музыкальную комнату, приносилъ съ собою цѣлую кучу нотъ и нерѣдко приглашалъ меня послушать его игру. Онъ заигрывался иногда чуть не до изнеможенія, но, къ сожалѣнію, таланта у него не было, и кромѣ этого его игра отличалась какою странною холодностью, которую онъ, кажется, самъ сознавалъ, но избавиться отъ нея, конечно, не могъ. Изъ жившихъ въ нумерахъ студентовъ никто въ то время не отличался болѣе или менѣе замѣтными способностями къ музыкѣ, но въ музыкальную комнату приходили нерѣдко поиграть также и вольноприходящіе студенты, и изъ ихъ числа я въ особенности помню молоденькаго сту-

дента, медика, 2-го курса Шнейдера; это былъ положительный и выдающійся изъ ряда талантъ, но мнѣ неизвѣстна дальнѣйшая судьба ни его таланта, ни самого его. Недурными пьянистами были также два богатые барича: студенты—пятаго курса медицинскаго факультета князь Долгорукій и четвертаго курса юристъ Ботвиньевъ. По этому поводу сдѣлаю небольшое отступленіе и хочу разсказать, какъ я былъ, однажды, удивленъ именно въ этой музыкальной комнатѣ.

Еще съ самаго ранняго дѣйства до меня доходили слухи, и словесные и печатные, о томъ, что существуютъ два знаменитые пьяниста, братья Рубинштейны. Имя это запечатлѣлось въ моей памяти рядомъ съ именами Моцарта, Бетховена и Листа, и воображеніе мое представляло ихъ людьми, если еще и не пожилыми, то во всякомъ случаѣ уже давно вышедшими изъ того возраста, въ которомъ еще продолжаютъ учиться, а кромѣ этого, мнѣ почему-то казалось, что всѣ эти знаменитые музыканты и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ музыкантами исключительно. Какъ-то разъ я услышалъ въ музыкальной комнату чью-то игру, а войдя увидѣлъ, что за роялемъ сидитъ какой-то незнакомый студентъ, съ откинутыми назадъ довольно длинными волосами, а вокругъ, не шевелясь и почти затая дыханіе, сидитъ цѣлая толпа слушателей, нашихъ нумерныхъ студентовъ. Я и самъ поддался всеобщему настроенію, но изъ любопытства все-таки спросилъ у Руковича, рядомъ съ которымъ я сѣлъ, кто играетъ? Оказалось, къ моему несказанному удивленію, что это Рубинштейнъ младшій, бывшій въ то время студентомъ четвертаго курса не помню какого факультета.

Фоглеръ, о которомъ я уже упомянулъ, былъ, кажется, преподователемъ музыки собственно въ театральномъ училищѣ. Приходилъ онъ въ университетъ для уроковъ постоянно въ одно и то же время, часовъ около четырехъ дня, и его преподаваніе по большей части состояло въ томъ, что бравшій урокъ садился за рояль и что-нибудь разъигрывалъ, а самъ Фоглеръ въ это время занимался разговорами съ другими студентами, посѣщавшими музыкальную комнату въ качествѣ праздношатающихся. Во время одного изъ этихъ уроковъ былъ однажды довольно комическій случай. Наканунѣ, нѣсколько студентовъ, а въ томъ числѣ и я, были на представленіи пьесы, называвшейся «Русская свадьба», въ то время бывшей въ большой модѣ. Эта пьеса, по содержанію весьма пустая и даже довольно глупая, привлекала очень много зрителей тѣмъ, что была хорошо обставлена, и дѣйствіе ея было перемѣшано съ пѣніемъ и танцами. Между прочимъ, въ ней большой фуроръ производили: покойный Садовскій въ роли шута, плясавшій и пѣвшій смѣшные куплеты на русскій ладъ, и Бороздина 2-я, пѣвшая русскія пѣсни въ роли подруги невѣсты. Каждый изъ насъ говорилъ о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ, и Фоглеръ все это выслушивалъ съ ка-

кою-то очень хитрою усмѣшкою, а потомъ вдругъ началъ, очень настойчиво, допытываться у всѣхъ, кто изъ актеровъ имъ понравился болѣе другихъ? Никто не могъ понять, чего именно онъ добивается, каждый называлъ того, или другаго актера, но никто даже и не вспомнилъ объ одной актрисѣ, роль которой состояла единственно въ томъ, что переодѣтая въ мужской костюмъ она, довольно плохо и съ какими-то вовсе ненужными кривляньями, пѣла извѣстную русскую пѣсню «вдоль по улицѣ мятелица мететъ».—«Ну, а какъ вамъ понравилась Михайлова?»—спросилъ тогда Фоглеръ, а вслѣдъ за этимъ посыпался цѣлый градъ шутокъ и насмѣшекъ, самаго студенческаго свойства.—«Да вѣдь это же моя жена!»—вдругъ огорошилъ всѣхъ Фоглеръ и довольно долго наслаждался тѣмъ смущеніемъ, которое произвело неожиданное сообщеніе.

Какъ разъ противъ дверей музыкальной комнаты, въ первой круглой залѣ нижняго этажа, помѣщалась студенческая библіотека, но входъ въ нее былъ откуда-то съ другой стороны, а въ коридоръ выходило только небольшое окошечко, которое въ извѣстные дни открывалось, и изъ него выглядывала маленькая, косенькая и добродушная фигура библіотекаря Штейнберга (если память мнѣ не измѣняетъ—его звали Егоромъ Иванычемъ). Обязанность его состояла въ томъ, чтобы снабжать студентовъ, живущихъ въ нумерахъ, книгами для чтенія, и этотъ же Штейнбергъ былъ чѣмъ-то въ обществѣ любителей русской словесности. Музыкальная комната и библіотека соединялись со швейцарскою коридоромъ, въ который выходили стеклянныя двери шести нижнихъ, жилыхъ нумеровъ, и въ одномъ изъ нихъ, именно въ шестомъ, помѣстили насъ, всѣхъ четырехъ товарищей по гимназіи, и присоединили къ намъ еще пятаго, который хотя и былъ воспитанникомъ четвертой Московской гимназіи, но его отецъ служилъ и жилъ въ нашемъ губернскомъ городѣ. О томъ, кто были эти четыре товарища, я уже говорилъ, а болѣе подробно скажу ниже; пятый же нашъ сожитель былъ Николай Извѣковъ. Университетскіе нумера были всѣ на одинъ ладъ и отличались другъ отъ друга только большимъ или меньшимъ пространствомъ, а слѣдовательно и числомъ помѣщавшихся въ нихъ студентовъ; менѣе пяти, впрочемъ, не было ни въ одномъ нумерѣ. Паркетные полы очень исправно разъ въ недѣлю лощились и натирались, и все это, вмѣстѣ, имѣло видъ весьма опрятный. Курить ни въ нумерахъ, ни въ коридорахъ въ то время не только не дозволялось, но даже считалось чѣмъ-то криминальнымъ, а такъ какъ эта потребность все-таки признавалась за имѣющую законное право, то для ея удовлетворенія, въ подвальномъ этажѣ существовала особая комната, съ-поконъ-вѣка сохранявшая названіе «трубочной», хотя въ мое время трубокъ уже не курилъ никто. Это была темная и сырая, не

очень обширная комната, вся меблировка которой состояла изъ простыхъ, некрашеныхъ деревянныхъ лавокъ и огромнаго, стараго шкапа въ углу. Помѣщалась она рядомъ съ аркою, которая и въ настоящее время проходитъ сквозь всю середину зданія «стараго» университета. Она, эта «трубочная», не лишена была нѣкоторой своеобразности, но самою оригинальною ея принадлежностью былъ ея постоянный обитатель, хранитель и хозяинъ—старикъ сторожъ—Василій. Онъ занималъ эту должность съ незапамятныхъ, чуть не доисторическихъ временъ и былъ очень уже древній старецъ, согбенный, съ лицомъ суровымъ и крючковатымъ носомъ въ видѣ клюва, но глаза имѣлъ еще очень живые, проницательные и горѣвшіе, какъ угольки; во время разговора онъ какъ будто впивался въ собесѣдника этими глазами. Этотъ Василій имѣлъ образъ мыслей аристократическій, очень любилъ разсуждать о разныхъ политическихъ предметахъ и имѣлъ на нихъ взглядъ свой собственный; онъ очень часто выражалъ самое ѣдкое негодованіе по поводу того, что въ послѣднее время университетъ началъ замѣтно переполняться учащимися изъ низшихъ классовъ общества. Очень замѣтною его особенностью была способность по первому же взгляду угадывать, кто дворянинъ и кто нѣтъ, и обращеніе свое онъ согласовалъ неуклонно съ этимъ взглядомъ: съ первыми обходился съ почтительною фамильярностью, а съ послѣдними—съ самымъ откровеннымъ презрѣніемъ. Василій былъ крѣпостнымъ дворовымъ человѣкомъ одного изъ случайныхъ людей Екатериненскаго времени—Ивана Николаевича Римскаго-Корсакова. Какъ-то разъ я разговорился съ Василіемъ, и онъ, узнавъ, что я состою въ родствѣ съ племянникомъ и однофамильцемъ его господина Петромъ Петровичемъ, который былъ двоюроднымъ братомъ моей матери, началъ оказывать мнѣ особое вниманіе, и я нерѣдко ходилъ посидѣть въ «трубочную» собственно для того, чтобы послушать его разсказовъ и разсужденій. Къ сожалѣнію, подробности этихъ разсказовъ уже испарилось изъ моей памяти, и я хорошо помню только то, что онъ вообще все настоящее, за очень малыми исключеніями, находилъ достойнымъ порицанія, любилъ сравнивать его съ прошлымъ и нерѣдко выражалъ опасеніе, что въ очень непродолжительномъ времени будетъ еще хуже. «Сохрани Богъ, старикъ завалится!» говорилъ онъ, «что тогда будетъ?» Подъ именемъ старика онъ разумѣлъ императора Николая Павловича, передъ которымъ благоговѣлъ и восхвалялъ въ немъ все, даже его домашній образъ жизни. «Старикъ-то вѣдь не охотникъ до этихъ всѣхъ заморскихъ винъ, да разныхъ финтифлюшекъ; а просто такъ: передъ обѣдомъ опрокинетъ стаканчикъ простячку, вотъ и все! кашу гречневую прямо изъ горшечка любитъ кушать...» повѣствовалъ онъ съ такою увѣренностью, какъ будто самъ все это видѣлъ и даже показывалъ жестомъ, какъ именно государь опрокидываетъ

простячекъ. Помню, что мнѣ же первому довелось сообщить о томъ, что его «старикъ», этотъ могущественный и развѣсистый кедръ, которому, казалось, и вѣка не будетъ, наконецъ, рухнулъ, подточенный заботою и неудачами. Уже узнавъ объ этомъ, я вдругъ почувствовалъ въ душѣ какую-то непонятную мнѣ самому скорбь и такую невыносимую тоску, что мнѣ захотѣлись быть одному, и я отправился въ «трубочную», а придя туда, вдругъ разразился рыданіями. Къ счастью, въ трубочной не было никого кромѣ Василія, и онъ, взглянулъ на меня внимательно, сурово спросилъ, о чемъ я плачу?—«Государь умеръ!» успѣлъ я только проговорить, какъ Василій какъ будто оцѣпенѣлъ передо мною; простоявъ такъ нѣсколько времени и все время пристально на меня глядя, онъ наконецъ какъ-то отчаянно махнулъ рукою и злобно пробурчалъ: «Ну! теперь все прахомъ пойдетъ!» Постояннымъ и единственнымъ занятіемъ Василія было то, что онъ набивалъ по заказу студентовъ папиросы, за очень незначительную плату, а также и принималъ ихъ на храненіе въ своемъ шкапу. Онъ твердо зналъ, кому принадлежатъ хранящіяся у него папиросы, сколько у кого остается и кто какой табакъ куритъ, гдѣ онѣ у него лежатъ, и не было случая, чтобы у него что-либо пропало, а дѣлалъ заказныя папиросы всегда съ величайшей акуратностью и стараніемъ. Самъ онъ не курилъ, но очень любилъ обсуждать достоинство бывшихъ тогда въ употребленіи табаковъ, и мнѣніе о нихъ имѣлъ своеобразное. «Всѣ эти, Герзоны тамъ разные, да бафры—все это дрянь! Бостанжогло... м-м-м... ну да это еще туда-сюда; вотъ Миллеръ—хорошъ, а лучше нѣтъ, какъ Папа-Кріонъ! и названіе-то вѣдь какое хорошее: Папа-Кріонъ! вотъ только зачѣмъ они этого Николу сюда придѣлали!» (Фирма, дѣйствительно очень хорошая, носила названіе: «Папа-Кріонъ Никола»).

Года черезъ три послѣ оставленія мною университета, уже будучи офицеромъ, я встрѣтилъ этого Василія въ Кремлевскомъ саду. Онъ сейчасъ же узналъ меня, и я остановился, чтобы съ нимъ поговорить. Когда онъ увидѣлъ мой мундиръ, то его суровая физіономія пріятно осклабилась.—«Вотъ такъ-то лучше, сударь!»—сказалъ онъ,—«а у насъ-то теперь! и дьячки, и пономари, и чего, чего только нѣтъ! упаси Господи!»

«Трубочная» комната наполнялась въ извѣстное только время, то-есть сейчасъ же послѣ обѣда или ужина; въ остальное же время она была почти пуста, такъ какъ для того, чтобы выкурить хотя одну только папироску, надо было надѣвать шинель и проходить довольно значительное пространство двора, а потому многіе предпочитали выбѣгать для этого просто на крыльцо. Впослѣдствіи, но уже послѣ выхода моего изъ университета, было разрѣшено курить въ нумерахъ. По правую сторону студенческаго подъѣзда шелъ также довольно длинный, темный корп-

доръ, по обѣимъ сторонамъ котораго помѣщались наши столовыя, а кончался онъ маленькою комнатою, въ которой единственное окно выходило въ одну изъ столовыхъ. Эта комнатка употреблялась для заключенія провинившихся студентовъ и носила громкое наименованіе «карцера», хотя никогда не запиралась. День нашъ обыкновенно начинался тѣмъ, что по дортуарамъ пробѣгалъ дежурный помощникъ инспектора, въ сопровожденіи унтеръ-офицера, и употреблялъ всѣ, сообразныя съ его характеромъ, мѣры для того, чтобы заставить студентовъ вставать; ни звонка, ни барабана для этого не употреблялось. Вставанье это происходило, сколько помнится, не ранѣе семи часовъ. Вставъ и наскоро умывшись, всѣ торопились въ столовую, чтобы не прозѣвать своей кружки чаю, или не получить ее уже совершенно холодною, а затѣмъ—немедленно же разбѣгались въ разныя стороны: кто въ новый университетъ, кто въ анатомическій театръ, а кто—въ клиники, или Екатерининскую больницу. За чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ обыкновенно присутствовалъ одинъ изъ помощниковъ инспектора, или, какъ ихъ обыкновенно называли, субъ-инспекторъ. Этихъ субъ-инспекторовъ, отъ времени поступленія моего до выхода, перемѣнилось довольно много, и мнѣ хочется сказать о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Объ одномъ изъ нихъ Ром—скомъ мнѣ придется говорить еще впослѣдствіи. Прозванный студентами «алеутомъ», онъ былъ грубый, крайне несимпатичный человѣкъ, очень небольшаго роста, уже лѣтъ пятидесяти, съ замѣтно сѣдѣвшими, когда-то черными волосами. Говорилъ такимъ голосомъ и тономъ, что каждая его рѣчь, какою бы ласковою ни хотѣлъ онъ её сдѣлать, походила на брань, и ходили слухи, будто эта манера явилась у него отъ того, что немедленно же по окончаніи курса въ медицинской академіи, еще тогда Московской, онъ, въ качествѣ врача, былъ отправленъ на Алеутскіе острова и именно тамъ разъучился навсегда говорить по-человѣчески.

Самымъ элегантнымъ изъ всѣхъ субъ-инспекторовъ былъ Константинъ Петровичъ Іогель, сынъ того самаго знаменитаго московскаго танцмейстера, о которомъ говорится даже въ великой эпопеѣ, носящей названіе «Война и миръ». Онъ прежде служилъ въ гусарахъ, былъ очень свѣтскій и разговорчивый господинъ и не очень долго задумывался тогда, когда ему хотѣлось прихвастнуть. Онъ очень любилъ вступать въ разныя словопренія и разговоры со студентами, и мы всѣ, въ этихъ случаяхъ, уже заранѣе знали, что, о чемъ бы ни шелъ разговоръ, а Іогель непремѣнно ввернетъ въ него какой-нибудь разсказецъ, который будетъ начинаться такъ: «когда я принялъ эскадронъ.»... и т. д. Іогель былъ довольно недурной игрокъ на скрипкѣ, и я помню, какъ въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву Апполинарія Контскаго, онъ былъ приглашенъ играть съ нимъ какой-то дуэтъ въ концертѣ, который давался

въ Дворянскомъ собраніи, съ благотворительною цѣлью. На другой же день этого концерта Іогель былъ дежурнымъ, и во время нашего обѣда онъ какъ-то очень суетился и безпрестанно подбѣгалъ то къ одному, то къ другому студенту изъ числа тѣхъ, кого видѣлъ въ концертѣ.—«А замѣтили ли вы, господа, какая чепуха у насъ съ Контскимъ вчера вышла въ allegro?»—спросилъ онъ у одной кучки, въ которой находился одинъ студентъ, полякъ, поэтъ, уже тогда напечатавшій книжку своихъ стиховъ и лично знакомый съ Контскимъ (фамилія этого студента была: Черкевичъ).—«Что же такое?»—спросилъ тотъ,—«нѣтъ, не замѣтилъ!» «Можете себѣ представить мое положеніе! самъ чувствую: я играю какъ подлецъ—Контскій—какъ с—ъ с—нъ!»—«Позвольте, позвольте! Константинъ Пэтровичъ!»—остановилъ Черкевичъ, говорившій съ очень рѣзкимъ польскимъ акцентомъ, «это вы, дэйствительно, играли и какъ подлэцъ и какъ с...ъ с..ъ, но Контскій игралъ очень хорошо!» Іогель вовсе даже и не обидѣлся за это.

Всѣ субъ-инспекторы жили въ самомъ зданіи университета, но въ нумерахъ появлялись только въ тѣхъ случахъ, о которыхъ говорено, въ остальное же время надзоръ за студентами ввѣрялся такъ называвшимся «комнатнымъ» унтеръ-офицерамъ, которые были обязаны доносить начальству обо всемъ, что ими замѣчено. Эти унтеръ-офицеры, почти всѣ безъ исключенія, были большіе кляузники; противъ нихъ, впрочемъ, существовало весьма радикальное средство: стоило только почаще давать имъ на водку, и тогда уже глаза ихъ были постоянно закрыты. Высшій надзоръ надъ «комнатными» принадлежалъ старшему унтеръ-офицеру, носившему званіе урядника, и кромѣ того, что онъ считался начальникомъ всѣхъ сторожей, этотъ урядникъ завѣдывалъ нашимъ платьемъ, бѣльемъ и вообще всѣмъ казеннымъ имуществомъ; а начальникомъ всѣхъ поваровъ считался тафельдекеръ, котораго обыкновенно называли просто «тафель».

По субботамъ вечеромъ въ нумера обыкновенно являлся субъ-инспекторъ въ сопровожденіи унтеръ-офицера и приглашалъ всѣхъ идти ко всенощной въ университетскую церковь; то же дѣлалось и утромъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ, и за тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ были у обѣдни, наблюдали очень строго. Университетская церковь помѣщалась въ то время (да вѣроятно помѣщается и до сихъ поръ) въ лѣвомъ флигелѣ зданія «новаго» университета, надъ существовавшимъ тогда, извѣстнымъ, книжнымъ магазиномъ Улитина. Церковь эта имѣла очень изящный видъ, и богослуженіе совершалось профессоромъ богословія, логики и психологіи, докторомъ богословія, протоіереемъ Петромъ Матвѣевичемъ Терновскимъ, старцемъ весьма почтеннаго, но вмѣстѣ и весьма грознаго вида. Всенощная почти всегда проходила въ присутствіи только однихъ студентовъ, но у обѣдни по-

стоянно бывало и высшее университетское начальство, и нѣкоторые представители высшаго московскаго общества. У меня и до сихъ поръ стоитъ передъ глазами картина, которую, каждый праздникъ, представляла собою университетская церковь во время обѣдни, и я хочу попытаться нарисовать её. Мы, студенты, собирались, разумѣется, ранѣе всѣхъ и становились отдѣльною группою на назначенное намъ мѣсто, въ углу уступа стѣны, съ правой стороны отъ входной двери; а лѣвый, противоположный уступъ былъ назначенъ исключительно для дамъ, и тамъ всегда ставилось нѣсколько стульевъ и креселъ. Вслѣдъ за студентами церковь, почти постоянно, начинала наполняться въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала скромно входилъ ректоръ Аркадій Алексѣевичъ, въ форменномъ фракѣ съ огромнѣйшею Анненскою звѣздою и въ чистѣйшемъ и высочайшемъ бѣломъ галстукѣ, изъ-подъ котораго аккуратненько выглядывала Владимірская лента съ крестомъ. Онъ становился позади нашей группы, чуть ли даже не на одномъ и томъ же квадратѣ паркета постоянно и во все время обѣдни стоялъ до такой степени неподвижно, что даже глаза его не обращались въ сторону. Вслѣдъ за нимъ появлялся попечитель, генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, tiré à quatre épingles, въ мундирѣ съ золотыми аксельбантами, перетянутый въ рюмочку шарфомъ съ кистями и съ туго натянутою черезъ плечо синею лентою ордена Бѣлаго орла. Онъ, рѣшительною походкою, проходилъ впередъ и останавливался также всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, у самаго алтаря, немного правѣе царскихъ воротъ. Иногда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ своею супругою Настасьею Александровною, прелестнѣйшею молодою особою; она проходила еще далѣе впередъ и становилась на особое мѣсто въ углу алтарнаго уступа, гдѣ кромѣ нея становились еще только двѣ дамы, о которыхъ сейчасъ скажу. За тѣмъ почти постоянно, появлялся маленькій, но довольно кругленькій, сѣденькій и плѣшивый генералъ-адъютантъ и генералъ-отъ-инфантеріи Сергѣй Павловичъ Шиповъ, въ александровской лентѣ, самъ когда-то занимавшій должность попечителя Московскаго учебнаго округа. Вмѣстѣ съ нимъ входила его супруга Анна Евграфовна, рожденная графиня Комаровская, еще сохранявшая слѣды замѣчательной красоты, а по росту имѣвшая возможность образовать изъ себя не менѣе двухъ, если не цѣлыхъ трехъ Сергѣевъ Павловичей. Она-то и была одною изъ дамъ, помѣщавшихся рядомъ съ попечительшею, а ея супругъ всегда становился шага на два впереди группы студентовъ. Остановясь и набожно перекрестясь нѣсколько разъ, онъ—«налѣво кругомъ» оборачивался къ группѣ студентовъ и отвѣшивалъ намъ очень вѣжливый поклонъ. На поклонъ этотъ мы отвѣчали также очень почтительнымъ поклономъ, а вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Шиповъ опять поворачивался «во фронтъ» передъ ал-

таремъ и такъ уже и оставался до конца обѣдни. Другая дама, имѣвшая право становиться рядомъ съ попечительшею, была знаменитая красавица графиня Орлова-Денисова, урожденная Шидловская, также часто бывавшая въ нашей церкви; иногда её сопровождалъ тогдашній оберъ-полиційместеръ, красивый свитскій генералъ-маіоръ Лужинъ, за котораго она впослѣдствіи и вышла замужъ.

Все то, что я сейчасъ разсказалъ, происходило въ обыкновенные воскресные дни, но во дни табельные, или вообще какіе-либо торжественные праздники картина нѣсколько усложнялась. Тогда церковь переполнялась профессорами въ мундирахъ, между которыми особенно сіялъ Александръ Ивановичъ Оверъ, увѣшанный орденами всѣхъ государствъ, и блестящими разряженными дамами и дѣвами высшаго свѣта. Въ эти дни, попечитель и генералъ Шиповъ являлись уже въ ботфортахъ и лосиныхъ штанахъ, а многоуважаемый ректоръ—въ лентѣ. Почтеннѣйшій протоіерей Петръ Матвѣевичъ совершалъ обѣдню не торопясь и съ достоинствомъ и важно шествовалъ, во время выходовъ, по церкви, сверкая своими гранатовыми очами. За студентами онъ какъ будто незамѣтно, но строго слѣдилъ и однажды заставилъ меня сгорѣть отъ стыда своимъ замѣчаніемъ. Не знаю и до сихъ поръ, чѣмъ именно я провинился, но когда во время всенощной мы по очереди подходили приложиться къ евангелію, стоявшему на аналоѣ посреди церкви, онъ вдругъ схватилъ меня за руку и своимъ гнусливымъ голосомъ, во всеуслышаніе сказалъ: «оказывать неуваженіе къ храму грѣшно и стыдно.».

Упомянувъ о протоіереѣ Терновскомъ, отмѣчу здѣсь же одну его оригинальную черту: онъ просто не выносилъ, когда кто-нибудь обращался къ нему, называя его «отецъ Петръ» или «батюшка», какъ обыкновенно обращаются ко всѣмъ священникамъ. Въ первомъ случаѣ, онъ сердито отвѣчалъ: «кромѣ имени у меня есть еще отчество!» а во второмъ,—насмѣшливо поглядывая на обращавшагося къ нему, обрывалъ: «батюшка? вы не дѣлаете чести вашей матушкѣ!» Наконецъ, какъ теперь помню, въ одинъ сумрачный, грязный и холодный осенній день, начались лекціи. Въ слѣдующей главѣ я постараюсь изобразить первыя впечатлѣнія, вынесенныя мною изъ ихъ посѣщеній, а также разсказать все, что помню о тогдашнихъ профессорахъ и тѣхъ изъ начальниковъ, о которыхъ еще не говорилъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*

Указъ Синода объ отобранiи книги: «Введенiе въ исторiю европейскую».

30 iюня 1731 года.

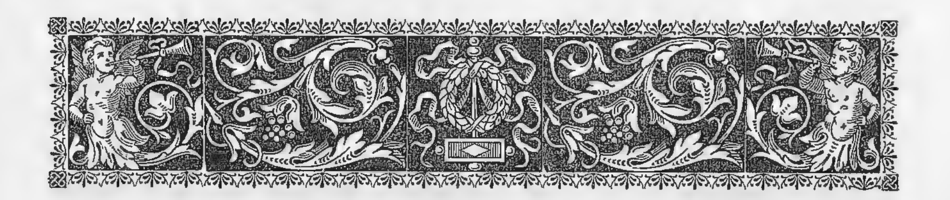
Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссiйскiя изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода Суждальскаго архiерейскаго дома управителямъ [1]).

Сего iюня 25 дня Ея Императорское Величество всепресвѣтлѣйшая великая Государыня Императрица Анна Iоанновна Самодержица всероссiйская именнымъ своего величества указомъ повелѣла: книги имянуемыя «Введенiе въ исторiю европейскую» чрезъ Самуила Пфуфендорфiя на нѣмецкомъ языкѣ сложенное, а потомъ черезъ Iоанна-Фридерика Крамера на латинскiй переложенное и на россiйскiй дiалектъ префектомъ iеромонахомъ Гаврiиломъ переведенное, которыя въ прошломъ 718 году декабря 5 дня въ С.-Петербургѣ напечатаны и проданы, всѣ собрать отвсюду въ Святѣйшiй Правительствующiй Синодъ немедленно. И во исполненiе онаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу Святѣйшiй Правительствующiй Синодъ приказали: вышепомянутые напечатанные Пфуфендорфiевы книги собравъ отвсюду у кого бъ оныя ни были, прислать въ Святѣйшiй Синодъ при доношенiяхъ въ немедленномъ времени безъ всякого удержанiя и утайки. А отъ кого именно тѣхъ книгъ и колико числомъ объявлено будетъ, то въ прiемѣ оныхъ объявителямъ прiемщики давали бъ своеручныя росписки и у кого сколько принято и въ Святѣйшiй Синодъ послано будетъ, о томъ для совершеннаго извѣстiя присылать при доношенiяхъ справедливые реестры. И Суждальскаго архiерейскаго дому управителямъ о вышеписанномъ чинить по сему Ея Императорскаго Величества указу и о полученiи сего въ Святѣйшiй Синодъ рапортовать по обыкновенiю; а о разсылкѣ и во всѣ губернiи губернаторамъ и въ провинцiи воеводамъ о томъ же оныхъ книгъ отбиранiи и въ Синодъ о присылкѣ надлежащихъ указовъ изъ Святѣйшаго Синода въ Правительствующiй Сенатъ вѣдѣнiе сообщено. Подписали: Секретари Петръ Анфимовъ и Гаврило Замятнинъ.

Сообщилъ **Констан. Тихонравовъ.**

---

[1]) Указъ написанъ управителямъ архiерейскаго дома потому, что епископъ суздальскiй Iоакимъ, по именному указу 13 апрѣля 1731 года, былъ переведенъ въ Ростовскую епархiю и въ iюнѣ мѣсяцѣ повелѣно было ему быть членомъ Св. Синода и именоваться архiепископомъ ростовскимъ и ярославскимъ. На мѣсто Iоакима епископомъ суздальскимъ въ томъ же 1731 году назначенъ Гаврiилъ, бывшiй архимандритъ Владимiрскаго-Рождественскаго монастыря, посвященный 24 ноября 1731 года во епископы.



Записки Михаила Чайковскаго [1].

(Мехмедъ-Садыкъ-паша).

III.

Іосифъ Стецкій.—Случай въ монастырѣ.—Игра въ карты.—Общество «Зеленой книги».

Домъ пана Стецкаго былъ типичнымъ домомъ зажиточнаго польскаго шляхтича, въ который не проникли еще иноземные обычаи и который не былъ недоступенъ подобно другимъ домамъ польскихъ магнатовъ. Его обширный старинной архитектуры палаццо былъ открытъ для всѣхъ: гостей здѣсь принимали привѣтливо и прекрасно угощали; многочисленная прислуга, кромѣ камердинеровъ, была одѣта показацки. У него было много лошадей, собакъ, экипажей, а домовой оркестръ состоялъ изъ 24 артистовъ, исключительно нѣмцевъ; пѣли же казаки. Гостепріимство здѣсь было полное, и въ теченіе цѣлаго года всѣ аппартаменты для гостей были постоянно заняты. Жена Стецкаго стояла гораздо выше по образованію своего мужа, далеко не отличавшагося ни начитанностью, ни ученостью. У нихъ былъ единственный сынъ, панъ Людвигъ Стецкій, человѣкъ весьма почтенный и добрый полякъ, который, несмотря на всѣ усилія ксендза Жебровскаго, не могъ дойти до третьяго класса: онъ остался вѣренъ семейнымъ традиціямъ. Это обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало ему занять постъ предсѣдателя главнаго Волынскаго суда и добросовѣстнымъ исполненіемъ своей обязанности заслужить признательность населенія.

---

[1]) См. «Русск. Старину» ноябрь 1895 г.

На охотахъ пана Стецкаго,—можетъ быть самыхъ знаменитыхъ изъ всѣхъ, какія когда-либо устраивались въ Польшѣ и Литвѣ, не исключая даже, пожалуй, охотъ пана Коханка [1]),—болѣе всего выдѣлялся Николай Ворцель. На небольшой жмудской лошадкѣ, подобной пресловутой лошадкѣ изъ отряда Кейстута, онъ преслѣдовалъ самыхъ страшныхъ и огромныхъ дикихъ кабановъ, и когда Ривка со Срулемъ или Хайка съ Мошкой (всѣ собаки носили жидовскія имена) останавливали звѣря, Ворцель со своего коня вскакивалъ на кабана и наносилъ ему ударъ кинжаломъ подъ лѣвую лопатку. Чаще всего кабанъ падалъ мертвымъ на мѣстѣ, но случалось, что звѣрь, вырвавшись отъ собакъ и унося на себѣ охотника, мчался по чащѣ лѣса. Въ такихъ случаяхъ никогда отвага, присутствіе духа и хладнокровіе не покидали Ворцеля, и благодаря этому ему всегда удавалось въ концѣ концовъ убить кабана.

Когда панъ Стецкій охотился съ гончими въ лѣсахъ, цѣлыя лѣсныя урочища окружали оградой, охотниковъ разставляли по линіи и одновременно пускали 50 своръ гончихъ. Съ разныхъ пунктовъ окружающей урочища ограды выпускали по пяти или десяти своръ; при каждыхъ пяти сворахъ былъ особый доѣзжачій на конѣ, съ арапникомъ, кортикомъ и трубой.

Никакого огнестрѣльнаго оружія не было: барсучья охотничья сумка черезъ плечо, шапка въ сумкѣ, не покрытая зимою и лѣтомъ голова—таковъ былъ нарядъ доѣзжачаго, который долженъ былъ скакать вслѣдъ за собаками. Когда собаки съ лаемъ начинали гнать звѣря,—поднимался адскій гамъ, къ которому присоединялась пальба залпами и одиночными выстрѣлами.

Это была настоящая буря, съ громомъ и завываніемъ вѣтра. Дамы часто бывали на этихъ охотахъ, впрочемъ, рѣдко на коняхъ: для нихъ выбирали живописный пунктъ, въ тѣни деревъ, около воды. Отсюда онѣ могли слѣдить за охотой, здѣсь же было мѣсто сбора охотниковъ, и тутъ же приготовлялось кушанье. По окончаніи охоты, развѣшивали на деревьяхъ дичь, играла музыка, визжали и выли собаки, а охотники кричали, ѣли, пили и бесѣдовали. Такъ заканчивались охоты пана Стецкаго.

Не могу не сознаться, что послѣ школы Вольсея, вся межирѣчская школьная система показалась мнѣ какимъ-то шарлатанскимъ и варварскимъ шутовствомъ, но человѣкъ ко всему привыкаетъ; привыкъ также и я.

На каникулы, которыя начинались 4 іюля и оканчивались 4 сентября, на праздники Рождества Христова и на Пасху,—во время которыхъ занятія прекращались на двѣ недѣли,—я ѣздилъ въ Гальчинцы,

---

[1]) Князя Карла Радзивилла.

находившіеся въ 200 верстахъ пути отъ Межирѣчья, а на праздники св. Троицы и на масляницу—въ Бережное мѣстечко генерала Корженевскаго, куда пріѣзжали также мои мать и тетка. Для меня, дитяти Украйны, это Надслучанское полѣсье было совершенно новымъ міромъ. Сосѣди съѣзжались къ пану генералу, такъ какъ онъ былъ очень вліятельный человѣкъ среди пинскихъ болотъ и полѣсскихъ лѣсовъ.

Михаилъ Корнеевичъ-Корженевскій былъ на хорошемъ счету въ Петербургѣ при дворѣ и въ сенатѣ. Онъ былъ владѣльцемъ Бережнянской и Мельницкой волостей, св. Кодни и Жеребковъ. Это былъ панъ съ головы до ногъ и такой ловкій человѣкъ, что Третякъ, капитанъ гусарскаго полка Тулинскаго, владѣлецъ Овруча и вотчинникъ Залѣсскій, ради его ловкости, горячо къ нему привязался и вѣрно служилъ ему. Поводомъ къ этой привязанности послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ Бережномъ былъ очень богатый крестьянинъ, имущество котораго опредѣлялось тысячами рублей. Онъ далъ сыну образованіе въ Домбровичскомъ учебномъ заведеніи, посылалъ его за границу—въ Германію, Данію, Швецію, и хотѣлъ освободить его отъ крѣпостной зависимости. Онъ обратился къ генералу, какъ къ своему барину. Генералъ согласился дать вольную за 6 тысячъ рублей. Эта сумма была выплачена, и вольная дана, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей.

Такъ какъ въ то время въ Россіи нельзя было не принадлежать ни къ какому сословію и такъ какъ, съ другой стороны, ему нельзя было сдѣлаться дворяниномъ, то отецъ вписалъ сына въ мѣщанскую ревизскую сказку. Лишь только были выполнены всѣ формальности перечисленія въ мѣщане, мѣщанское общество, какъ говорятъ злые языки, по наущенію генерала, схватило юношу, чтобы отдать его въ рекруты. Отецъ внѣ себя отъ горя, бѣжитъ къ пану генералу. Послѣ долгихъ и усердныхъ упрашиваній, уплативъ вновь 6 тыс. рублей, ему удалось перечислить сына обратно въ число крѣпостныхъ генерала Корженевскаго. А такъ какъ потомъ проникнутый въ Домбровичахъ революціоннымъ духомъ молодой человѣкъ сталъ распространять среди крестьянъ идеи о правахъ человѣка, то, два года спустя, онъ былъ отданъ для исправленія въ рекруты. Отецъ гордился своимъ богатствомъ, сынъ—ученостью; съ отца Корженевскій сорвалъ кушъ въ 12 тысячъ рублей, а ученаго сына сдалъ въ солдаты. Третяку, человѣку почтенному, но польскому шляхтичу стараго закала, до такой степени понравилось, что генералъ такъ проучилъ хама, что онъ, безъ всякаго вознагражденія, дѣлая упущенія въ своемъ имѣніи, согласился быть управляющимъ Корженевскаго и исполнялъ эту обязанность до 1831 г. Третякъ былъ храбрымъ солдатомъ и честнымъ человѣкомъ; но онъ ненавидѣлъ х а-

мовъ; если бы это было въ его власти, онъ бы всѣхъ ихъ уничтожилъ безъ остатка безъ всякой жалости.

Я пробылъ три года въ Межирѣчьѣ. Не могу сказать, чтобы проведенное здѣсь время оставило по себѣ непріятное воспоминаніе. Я полюбилъ моихъ учителей: въ сущности, они хорошо знали преподаваемые предметы, были вообще людьми умными и учеными, а также горячими польскими патріотами.

Монастырь былъ очень обширенъ. Къ нему примыкали развалины, которыя должны были напоминать о руинахъ Пальмиры и Бельбека, а этимъ самымъ и о Вольсеѣ, который пользовался большимъ уваженіемъ со стороны піаристовъ: они ставили его тотчасъ же вслѣдъ за Вольтеромъ и Жанъ-Жакомъ Руссо.

Въ этихъ развалинахъ было много щелей и проходовъ, черезъ которые можно было уходить и входить въ монастырь. Привратникъ, человѣкъ непоколебимой честности и суровой добродѣтели, ни о чемъ не зналъ и смѣло могъ присягнуть, что послѣ 8 часовъ вечера никто не выходилъ изъ монастыря, а если и не хватало почти всѣхъ учителей и большей части учениковъ, то это были чары Л. Канафарта [1]) Сушинскаго, умершаго еще во время Августа II. Трупъ его былъ похороненъ въ находящихся подъ монастыремъ пещерахъ, а такъ какъ не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онъ былъ оборотнемъ, то его плечи и ноги были перевязаны конопляною веревкою и прибиты къ землѣ крѣпкимъ осиновымъ коломъ. Привратникъ, слесарь Личинскій,—отецъ хорошенькой дочери, которую называли Личищанкой,—разсказывалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ наложенія заклятія на чародѣя, и просилъ учениковъ, чтобы они не позволяли себѣ въ этомъ отношеніи никакихъ шалостей, такъ какъ онъ можетъ поплатиться за это жизнью, какъ единственный свидѣтель-очевидецъ этой тайны.

Александръ Омецинскій, одинъ изъ учениковъ, всегда готовыхъ на всевозможныя продѣлки, который, несмотря на то, что былъ всего въ 3 классѣ, имѣлъ уже порядочные усики, почувствовалъ вдругъ влеченіе къ слесарскому дѣлу, этому рыцарскому ремеслу, и занимался имъ подъ руководствомъ панны Личищанки. Это не понравилось ксендзу Паевскому, преподавателю физики, у котораго жилъ Александръ Омецинскій. Онъ всегда заставалъ у слесаря совершенно ненужнаго работника. Физики – люди практичные въ жизни. Онъ и шепнулъ на ухо старому Личинскому: вздуй ты этого трутня, чтобы онъ не пользовался медомъ, который приходится по вкусу кое-кому почище его. Профессоръ былъ господинъ, привратникъ же—слуга, и вотъ старый слесарь порядкомъ помялъ бока своему работнику. Избитый Олесь, вмѣстѣ съ Дмитріемъ

---

[1]) Буфетчикъ, выдающій провизію.

Четвертинскимъ и Н. Чарнецкимъ, пробрался въ подземелье подъ костеломъ. Они вытащили изъ земли осиновый колъ и разорвали конопляную веревку. Объ этомъ никто не зналъ, но ночью ксендзъ-физикъ, который провелъ всю ночь безъ сна за рабочимъ станкомъ слесаря, услыхалъ, какъ мечется мучимый кошмаромъ слесарь. Проснувшись, Личинскій разсказалъ, что его душилъ и едва не задушилъ покойникъ Сушинскій. Ксендзъ проявлялъ всегда большую предупредительность въ отношеніи слесаря. Онъ тотчасъ же отправился въ пещеру, замѣтилъ продѣлку, покропилъ св. водою, связалъ кости новымъ шнуркомъ, вбилъ новый колъ въ могилу,—и все успокоилось. Личинскій, кромѣ обязанностей слесаря и привратника, исполнялъ еще третью обязанность—звонаря. Старикъ по-прежнему занимался за рабочимъ станкомъ, только Александръ Омецинскій былъ безвозвратно изгнанъ изъ его рабочей мастерской, дверь которой для Олеся была закрыта, подобно воротамъ непріятельской крѣпости. Но Омецинскій поддерживалъ сношенія съ этою крѣпостью и зналъ обо всемъ, что произошло. Онъ рѣшилъ устроить ксендзу самый оригинальный концертъ.

Ксендзъ-физикъ спалъ въ своей собственной келіи. Олесь, съ двумя товарищами, снова освободили изъ узъ покойника Сушинскаго. Въ огромной изразцовой печкѣ, согрѣвавшей двѣ кельи, одну, въ которой спалъ ксендзъ съ избранными учениками, и другую, гдѣ спали остальные его ученики,—поднялся вдругъ шумъ, а потомъ какой-то дьявольскій смѣхъ.

Ксендзъ вскакиваетъ съ кровати, набрасываетъ на себя рясу, поднимаетъ тревогу.

Просыпаются и собираются на коридорѣ находившіеся въ монастырѣ профессора и ученики. Является ксендзъ Бартошевичъ въ эпитрахили, съ крестомъ и св. водою. Дьяволъ хохочетъ и визжитъ. На коридорѣ бѣготня; раздается пѣніе: «Всякое дыханіе да хвалитъ Бога» и «Изыди, сатана». Дьявола гнали до отхожаго мѣста. Преслѣдованіе длилось до наступленія дня. Слухъ объ этомъ происшествіи распространился по всему городу. Почти всѣ побывали въ монастырѣ; только немногихъ не хватало; толпа любопытныхъ стояла передъ монастыремъ. А между тѣмъ на примаріи [1]) не звонятъ и не звонятъ.

Бѣгутъ къ Личинскому. Дверь его оказывается запертою. Стучатъ. Никто не отвѣчаетъ. Выламываютъ дверь и находятъ посинѣвшій трупъ стараго слесаря. Въ подземеліи нашли освобожденныя отъ узъ кости покойника Сушинскаго, а въ изразцовой печкѣ, при содѣйствіи приглашенныхъ трубочистовъ, нашли—кого бы вы думали?—Личищанку и

---

[1]) Первая молитва при наступленіи дня.

Олеся! Ихъ вытащили оттуда, какъ волковъ изъ ямы, тихихъ и покорныхъ.

Тотчасъ же произведено было слѣдствіе. Выводы, документы, аргументы были отосланы вмѣстѣ съ вещественными доказательствами къ ксендзу Жебровскому на заключеніе. Рѣшено было все это происшествіе сохранить въ глубочайшей тайнѣ.

Олесь, какъ самый старшій, былъ отправленъ домой съ надлежащею аттестаціею, Дмитрій Четвертинскій рехнулся, и всю жизнь у него не хватало пятой клепки, а Николай Чарнецій сошелъ съ ума и умеръ сумасшедшимъ.

Другое происшествіе имѣло политическій характеръ. Было два ученика, одинъ Дм. Злотницкій, сынъ участника Тарговичской конфедераціи и несчастнаго коменданта Каменецъ-Подольска, безъ выстрѣла сданнаго русскимъ, другой—молодой Бутъ, сынъ барона Бутъ, полковника, командовавшаго драгунами Суворова во время рѣзни въ Прагѣ. По мысли Януша Воронича—наказывать дѣтей за преступленія родителей—Дм. Злотницкаго повѣсили на полотенцѣ въ дверяхъ, и, если бы не ксендзъ Бенчковскій, онъ не увидѣлъ бы больше Божьяго свѣта. Молодаго Бута завели на чердакъ и свергнули со втораго этажа, какъ съ Тарпейской скалы, на камни. Онъ сломалъ себѣ ногу и на всю жизнь остался хромымъ. Виновные были наказаны, но не очень строго, такъ какъ была принята во вниманіе горячая любовь къ Польшѣ, а ксендзы-піаристы всѣ страстно любили Польшу.

Всего нѣсколько человѣкъ было насъ изъ учебнаго заведенія Вольсея, но мы задавали тонъ всей школѣ. Мы развили въ школѣ такую ненависть къ нѣмцамъ, что уроки нѣмецкаго языка, которые были необязательными, изъ 900 учениковъ посѣщали только трое, и этихъ троихъ маленькіе пузыри преслѣдовали толчками, щелчками, а, случалось, и камнями. Напротивъ, уроки русскаго языка, въ виду того, что это языкъ славянскій, посѣщали всѣ, кромѣ трехъ нѣмцемъ, которыхъ называли нѣмыми.

Славизмъ такъ вошелъ въ моду, а латынь (lacina), или какъ ее называли «лапсвинь» (lapswina) пользовалась такимъ пренебреженіемъ, что въ воскресенье на уніатскихъ богослуженіяхъ ксендза Лихачевскаго, базильяна, который состоялъ при монастырѣ для отправленія богослуженія на славянскомъ языкѣ, всѣ бывали, хотя это было необязательно. Ксендзы-піаристы, по меньшей мѣрѣ, не препятствовали этому теченію. Это дало поводъ подозрѣвать ихъ въ желаніи учредить народную польскую церковь, съ богослуженіемъ на польскомъ языкѣ.

Какъ на главныхъ сторонниковъ этой идеи, указывали на ксендза Зарѣцкаго и ксендза Бенчковскаго. Первый, уже послѣ моего выхода изъ школы, перешелъ въ уніаты, а такъ какъ тамъ онъ подвергался

преслѣдованіямъ, то принялъ православіе и сдѣлался православнымъ священникомъ. Тѣмъ не менѣе, это былъ прекрасный полякъ, готовый на всякія жертвы и очень даровитый; ни уговоры, ни самолюбіе, ни надежда на выгоды, но одно только сильное убѣжденіе побудили его къ этому шагу. Онъ былъ префектомъ гимназіи, а сдѣлался сельскимъ священникомъ и въ тиши посвятилъ себя наукамъ и добрымъ дѣламъ. Ксендзъ Бенчковскій постоянно говорилъ о необходимости ввести въ богослуженіе польскій языкъ, а по крайней мѣрѣ славянскій языкъ св. Кирилла и Меѳодія, но оставался до конца префектомъ.

По поводу латинскаго языка въ богослуженіи произошло прискорбное событіе. Ксендзъ Лихачевскій заболѣлъ. Ксендзъ Бартошевичъ служилъ вмѣсто него. Ни о чемъ не зная, студенты, по обыкновенію, собрались въ большомъ числѣ на это богослуженіе, но, услыхавъ латинскій языкъ, когда ксендзъ пѣлъ «Oremus», стали кричать: «Мы не согласны, мы не согласны!» А когда запѣлъ:—«Ite missa est», закричали: «И этого блюда (misy) не желаемъ—напрасно»,—и какой-то негодяй бросилъ камнемъ и такъ несчастливо, что выбилъ глазъ ксендзу Бартошевичу.

Огромная, неслыханная профанація! Ксендзъ, епископъ Цецишевскій, прислалъ для разслѣдованія дѣла ксендза суфрагана Пивоницкаго. Бѣдный кураторъ былъ какъ на иголкахъ, не зная, какъ тутъ поступить, такъ какъ и отъ правительства былъ тоже присланъ артиллерійскій полковникъ Ловцовъ, команда котораго квартировала въ Ровенскомъ уѣздѣ и въ Межирѣчьѣ. Это былъ почтенный русскій. Тотчасъ послѣ прибытія онъ обратился къ студентамъ, собраннымъ на плацу передъ школой, съ рѣчью. Рѣчь эту я запомнилъ дословно. «Видите ли, молодые люди,—сказалъ онъ:—если виновникъ будетъ открытъ, то онъ будетъ подвергнутъ строгой карѣ, такъ какъ это ксендзъ, намѣстникъ Бога, а съ религіей нельзя шутить, равно какъ и съ правительствомъ. Если я буду поэтому спрашивать каждаго въ отдѣльности: «ты выбилъ ксендзу глазъ?» а каждый мнѣ отвѣтитъ: «нѣтъ, не я»,—то я тогда спрошу: «вѣдь долженъ же былъ кто-нибудь бросить камень и выбить глазъ, само не могло это сдѣлаться!» и если при этомъ всѣ вы крикнете: «мы всѣ!» тогда, вѣроятно, царь не будетъ наказывать 900 человѣкъ за одинъ глазъ, и дѣло кончится ничѣмъ». Почти всѣ профессора были довольны рѣчью полковника, такъ какъ ксендзъ Бартошевичъ, въ качествѣ вице-ректора—хозяина монастыря, часто досаждалъ имъ и вообще вмѣшивался въ чужія дѣла. Кураторъ шепнулъ на ухо полковнику, чтобы онъ приказалъ взять артиллеристамъ стоги сѣна, стоявшіе около Гаручскаго пруда.

Было произведено слѣдствіе, окончившееся такъ, какъ предсказалъ Ловцовъ.

Я привелъ эти три случая потому, что они лучше всего обрисовы-

ваютъ духъ учителей и учениковъ межирѣчской школы, которая, послѣ Кременца, наравнѣ съ Уманью, своими учениками пріобрѣла столько похвалъ и уваженія для такъ называемыхъ русскихъ земель. Приведу одинъ случай, въ которомъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ, и который можетъ показать, до какой степени въ нашей школѣ была развита религіозная и политическая терпимость, какъ старались развить въ ученикахъ самостоятельность, и какъ ее награждали.

Я былъ на второмъ курсѣ, когда у насъ производили экстраординарный экзаменъ панъ Малецкій, ректоръ Виленскаго университета, и панъ Янъ Вылежинскій, маршалекъ Новоградъ-Волынскаго уѣзда, визитаторъ русскихъ земель.

Экзаменовали изъ польской исторіи, преподаваніе которой стояло у насъ очень высоко. Мнѣ предложили перечислить польскихъ королей, которые болѣе всего были полезны Польшѣ, и тѣхъ, которые причинили ей болѣе всего зла, руководствуясь при этой оцѣнкѣ своимъ собственнымъ убѣжденіемъ и не обращая вниманія на мнѣнія историковъ, по руководствамъ которыхъ преподавали у насъ исторію.

Я отвѣтилъ, что болѣе всего заслугъ имѣютъ предъ Польшей слѣдующіе короли. Болеславъ Храбрый, который хотѣлъ сблизить поляковъ съ славянами и воцариться, какъ польскій король, надъ всѣми славянами, Божіею, а не нѣмецкою милостію. Болеславъ Смѣлый, который, видя, что самымъ сильнымъ препятствіемъ въ политикѣ его предка былъ католицизмъ, нанесъ сильный ударъ католическому костелу въ Польшѣ, чтобы отторгнуть Польшу отъ костела и натиска съ Запада и вернуть ее къ церкви восточной, для того, чтобы она стала во главѣ славянскихъ народовъ. Эта великая, могучая идея потому погибла, что этотъ монархъ, человѣкъ огромнаго ума и смѣлаго сердца, былъ полонъ сомнѣнія и предразсудковъ о загробной жизни. Онъ пожертвовалъ славой земной жизни за сонъ, за грезу вѣчнаго блаженства въ будущей жизни. Тѣмъ не менѣе два Болеслава показали, что нужно Польшѣ и къ чему она должна стремиться.

Владиславъ IV Ваза, видя, что іезуиты стараются опьянить шляхту католицизмомъ и привилегіями, чтобы уничтожить единственную постоянную вооруженную силу—казачество, чтобы удержать поляковъ въ зависимости у нѣмцевъ и латинскаго костела и подавить разъ на всегда мечты о самостоятельности, о славянствѣ,—ободрилъ казаковъ, подъучилъ ихъ даже смирить гордость шляхты и наказать іезуитовъ. Этотъ король не такъ понималъ польскую исторію, какъ ее писали историки. Онъ зналъ, что подъ Клушиномъ не Жолкевскій, съ пятью тысячами панцерныхъ и королевскихъ гусаръ, но 40 тыс. казаковъ, подъ командою Конашевича Сагайдачнаго, одержали большую побѣду. То же слѣдуетъ сказать и про Ходкевича подъ Хотиномъ. Подъ Конотопомъ же

выигралъ сраженіе не Потоцкій съ Яблоновскимъ и съ тремя тысячами поляковъ, но Янъ Выговскій съ кошемъ Запорожья и съ реестровыми полками и 50 тыс. казаковъ и татаръ. Онъ зналъ, что казачество— постоянное войско, а знамена шляхты и королевскихъ гусаръ—ополченіе, сегодня сильное, какъ громъ, завтра—безпомощное, какъ жаба. Этимъ своимъ шагомъ онъ воздавалъ должное Стефану Баторію, который создалъ это казацкое войско, чѣмъ оказалъ Польшѣ равную Владиславовой услугу.

Болѣе всего виноваты предъ Польшей: Янъ Собѣсскій, который защищалъ нѣмцевъ, вмѣсто того, чтобы дать возможность побить ихъ и даже самому помочь въ этомъ, чтобы нѣмцевъ и на сѣмя не осталось. А также двое саксонцевъ, которые споили до послѣдней степени польскую шляхту, нарядили ее во фраки и парики, отъучили ее отъ ѣзды на коняхъ и посадили въ экипажи.

Все это я проговорилъ, какъ по-писанному.

Всѣ были очень удивлены, но ничего не сказали. Отъ волненія я не могъ спать цѣлую ночь. На слѣдующій день меня встрѣтили очень привѣтливо. Мнѣ дали 4 высшія награды и разрѣшили носить шпагу, подобно свѣтскимъ профессорамъ.

Съ этого дня въ школѣ меня стали считать великимъ человѣкомъ, и съ этимъ наименованіемъ я покинулъ, по окончаніи 3-го курса, гимназію, получивъ прекраснѣйшій аттестатъ зрѣлости.

На шестнадцатомъ году я былъ бакалавромъ математики и словесныхъ наукъ, и какъ для помѣщика, — человѣкомъ вполнѣ законченнымъ въ научномъ отношеніи. Моя мать этому очень радовалась, а главнымъ образомъ, по ея собственному признанію, ее утѣшало то, что всѣ эти успѣхи не вскружили мнѣ головы.

Меня любила прислуга и крестьяне, у меня были истинные друзья.

Въ Кіевѣ часто велась крупная игра. Два шурина—Витославскіе, Дембовскій, владѣлецъ стараго Константинова, генералъ Исленевъ и князь Голицынъ играли въ фараонъ и въ штосъ, по истинѣ, дьявольски. Банкометъ держалъ банкъ, пока лежавшая предъ нимъ куча ассигнацій не доростала до его носа; ставили на карту по 100 тысячъ рублей, душевыя записи переходили изъ рукъ въ руки, какъ рубли.

Меньшую игру вели: генералъ Гацкевичъ и полковникъ Млокосевичъ.

Здѣсь офицеры, средней руки помѣщики и адвокаты несли послѣдніе свои гроши въ жертву фараону, но тутъ практиковались вольты, намусленные пальцы, накладныя карты. Тутъ-то генералъ Гацкевичъ,— который не воевалъ, но распространялъ среди итальянцевъ демократизмъ — играя пополамъ съ однимъ почтеннымъ русскимъ, который спокойно смотрѣлъ, какъ рубли приплываютъ и уплываютъ изъ ихъ общаго банка, и получивъ за мошенничество пощечину отъ

гусарскаго ротмистра, прехладнокровно закричалъ: «Стойте!» и, пристально смотря въ лицо своему товарищу по игрѣ, добавилъ: «Все пополамъ!» Тутъ и ротмистръ, и всѣ игроки зааплодировали Гацкевичу и стали продолжать игру.

Если можно было сказать, что Варшава—танцовала, Краковъ—молился, Львовъ—влюблялся, Вильно—охотилось, то старый Кіевъ — игралъ въ карты и, въ виду этого, предъ возрожденіемъ университета св. Владиміра, забылъ, что онъ предназначенъ Богомъ и людьми быть столицей всеславянства.

Тотчасъ же послѣ моего пріѣзда по окончаніи школы, я былъ поставленъ моею матерью вполнѣ независимо: я получилъ въ свое распоряженіе экипажъ, лошадей, особую прислугу и доходы съ деревни Агатовской.

Въ приличномъ экипажѣ, безъ ментора или ассистента, мать поручила мнѣ сдѣлать визиты роднѣ, начиная съ старосты Бахтынскаго; на дорогу я получилъ 300 дукатовъ. Я поѣхалъ одинъ, но, признаюсь, чувствовалъ нѣкоторую тревогу; слава Богу, что былъ со мною Игнатій, неотступный слуга, камердинеръ и руководитель съ колыбели.

Заѣхалъ я въ Радомысль, гдѣ въ то время былъ уѣзднымъ хорунжимъ мой двоюродный братъ, сынъ Сымфоріана Чайковскаго, большой гуляка. Въ Радомыслѣ стоялъ гарнизономъ Алексополійской пѣхотный полкъ подъ командою полковника Повало-Швейковскаго, украинца, родомъ изъ Полтавской губерніи, одного изъ главныхъ начальниковъ готоваго уже вспыхнуть заговора Зеленой книги.

Въ день моего пріѣзда былъ большой обѣдъ и балъ у полковника по поводу состоявшагося наканунѣ обрученія хозяина дома съ панною Юліею Вонсовичъ, которая недавно была обручена съ княземъ Александромъ Ипсиланти, умершимъ въ австрійской тюрьмѣ въ Ольмюцѣ, и которая, по мнѣнію старыхъ богомолокъ-ханжей, должна была приносить несчастіе своимъ женихамъ, такъ какъ, будучи католичкой, обручилась съ православнымъ.

Я былъ представленъ полковнику и любезно имъ принятъ; я старался разыгрывать роль пана. Здѣсь я встрѣтился съ полковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ, которому меня представилъ Повало-Швейковскій, какъ шляхтяча казацкаго происхожденія; съ Бестужевымъ и многими другими заговорщиками.

На меня, человѣка новаго, это собраніе производило нѣсколько странное впечатлѣніе. Перешептываніе съ таинственнымъ видомъ, любопытство, безпокойство, глубокая задумчивость на лицахъ однихъ,— задумчивость, отъ которой, несмотря на всѣ усилія, они не могли освободиться; утрированная веселость другихъ, обнаружившая свою искусственность; всѣ были на сторожѣ, не раздастся ли на улицѣ звонъ коло-

кольчика. Ожидали и готовились; въ томъ, конечно, не было ничего удивительнаго, такъ какъ большая часть гостей была въ заговорѣ. Тѣмъ не менѣе играли въ карты и вели крупную игру, и какъ печальные, такъ и веселые, продолжали понтировать.

Банкъ держалъ извѣстный Обревскій. Началъ понтировать и я, сейчасъ же проигралъ свои 300 дукатовъ. Мнѣ сдѣлалось непріятно. Бросивъ игру, я сознался въ причинѣ этого съ полною откровенностью моему двоюродному брату, который предложилъ одолжить мнѣ денегъ, но у меня, однако, хватило силы воли поблагодарить его, но не взять.

Незамѣтно оставивъ балъ, я отправился въ заѣзжій домъ, гдѣ стояли мои лошади, и обо всемъ разсказалъ Игнатію. Онъ почесалъ затылокъ, сказавъ: «У меня есть еще мелочь, расплатитесь и тотчасъ же возвратимся домой; тутъ нечего сидѣть, такъ какъ кто можетъ поручиться, что бѣсъ не соблазнитъ панича́ продолжать игру, когда станутъ уговаривать».

Слова его пришлись мнѣ по сердцу. Немедленно были запряжены лошади, и не успѣли еще замѣтить моего отсутствія, какъ я уже катилъ на моей пятеркѣ по тракту на Луковъ. На другой день подъ вечеръ я былъ въ Гальчинцахъ, разсказавъ матери обо всемъ искренно и откровенно.

Она не сдѣлала мнѣ ни одного замѣчанія, ни одного наставленія; только на устахъ ея я замѣтилъ едва примѣтную улыбку, которая показалась мнѣ очень грустною. Это мнѣ было болѣе непріятно, чѣмъ если бы меня встрѣтилъ заслуженный выговоръ. Я былъ самъ не свой, отправился въ огородъ, въ конюшни, въ псарню, не замѣчая, чего я ищу. Вернувшись къ себѣ, я нашелъ на столѣ триста дукатовъ, и мать, позвавъ меня къ себѣ, сказала, что нужно, чтобы я ѣхалъ навѣстить родню, что это моя обязанность. Мы попрощались, причемъ ни слова не было сказано о радомысльскомъ приключеніи.

Я посѣтилъ всю родню, но съ того времени совершенно утратилъ страсть къ карточной игрѣ, страсть, которая, признаюсь, была во мнѣ развита въ сильной степени. Умная мать достигла того, что я стыдился самъ предъ собою, а не предъ другими.

Не буду писать о сообществѣ Зеленой книги. Объ этомъ такъ много было написано оффиціально и неоффиціально, что, желая что-нибудь сказать, мнѣ пришлось бы написать или, вѣрнѣе, переписать то, что было напечатано. Къ тому же я былъ слишкомъ молодъ, едва успѣлъ сойти со школьной скамьи, и потому я не могъ въ то время ничего существеннаго знать объ этомъ заговорѣ, а тѣмъ болѣе составить себѣ опредѣленное о немъ мнѣніе.

Однако, насколько помнятся мнѣ разговоры людей, посвященныхъ и здравомыслящихъ, мнѣ кажется, что сообщество это, проникнутое

сперва славянскими или всеславянскими идеями, благодаря стараніямъ вступившихъ въ него нѣмцевъ, или, можетъ быть, вслѣдствіе вліянія англичанъ на полковника Пестеля, главнаго дѣятеля этого заговора,—утратило первоначальную свою окраску и поставило главною своею задачею—борьбу съ монархомъ и монархизмомъ и учрежденіе республики. Англійское правительство безспорно доказало, что во всѣхъ заговорахъ всего свѣта, между прочими и въ заговорахъ французскихъ и русскихъ,—оно принимало дѣятельное участіе черезъ своихъ неоффиціальныхъ, но хорошо оплачиваемыхъ агентовъ. Это традиціонное оружіе англійскаго правительства, которымъ оно умѣетъ хорошо пользоваться. Всеславянство является постоянной угрозой для нѣмцевъ и для Англіи, которая родственна германцамъ по происхожденію и придерживается германской политики. Пропаганда, имѣвшая цѣлью сближеніе поляковъ и русскихъ, освобожденіе въ политическомъ отношеніи славянскихъ народностей, съ цѣлью побудить ихъ объединиться и образовать единое всеславянское государство, вовсе не предопредѣляя заранѣе формы его правленія,—была искажена и выродилась въ простой бунтъ съ забавными разсказами о царѣ Константинѣ и Конституціи, его женѣ. Такіе разсказы циркулировали среди солдатъ русскихъ войскъ и даже среди простонародья.

Два полка гусаровъ, Александрійскій изъ Троянова, подъ командою полковника Александра Муравьева, и Ахтырскій изъ Любара, подъ командою полковника Артамона Муравьева, выступили съ генераломъ Гейсмаромъ для усмиренія бунта Московскаго пѣхотнаго полка, во главѣ котораго сталъ, устранивъ его командира, подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ. Возмутившееся войско находилось на Украйнѣ, кажется, бѣлоцерковскихъ (владѣніяхъ), графини Браницкой. При генералѣ Гейсмарѣ состоялъ адъютантъ Флоріанъ Ржевусскій, сынъ Северина Ржевусскаго, командира эскадрона войскъ Наполеона; это былъ очень способный и энергичный человѣкъ, какъ и всѣ Ржевусскіе; онъ былъ съ нами въ наилучшихъ отношеніяхъ, и я повторяю здѣсь то, что разсказывалъ этотъ офицеръ. Братья Муравьевы, Александръ и Артамонъ, были одними изъ ревностнѣйшихъ тампліеровъ и болѣе всего оказывали вліяніе на сближеніе поляковъ и русскихъ.

Когда же развилось сообщество Зеленой книги, они чрезвычайно къ нему охладѣли, но въ виду воинской чести и товарищества, у нихъ не хватало отваги выйти изъ его состава; они оставались членами этого товарищества, но только по имени.

Генералъ Гейсмаръ зналъ объ этомъ, но, какъ говорилъ Флоріанъ Ржевусскій, онъ не слишкомъ довѣрялъ этимъ достойнымъ всякаго уваженія и почтеннымъ полковникамъ. По приказанію генерала Рота, онъ далъ имъ это порученіе, чтобы, въ случаѣ какого-нибудь доноса или

обнаруженія изъ перехваченныхъ бумагъ именъ полковниковъ, имѣть возможность обѣлить ихъ предъ правительствомъ и освободить отъ отвѣтственности.

Въ этихъ полкахъ было нѣсколько другихъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ товариществу или заговору, а солдаты разсуждали о конституціи и о Константинѣ. Муравьевъ-Апостолъ разсчитывалъ навѣрняка, что высланные полки гусаръ присоединятся къ нему, и потому не приказалъ заряжать ружья; фронтъ развернулся, какъ для пріема, и онъ самъ ѣхалъ навстрѣчу. Полки гусаръ шли рысью колоннами по-эскадронно, полковники были предъ фронтомъ, а генералъ Гейсмаръ между двумя колоннами. Приблизившись, колонны, безъ всякой команды, пошли шагомъ. Генералъ со словами: «все пропало»—повернулъ коня назадъ. Тогда Флоріанъ Ржевусскій пустилъ коня вскачь прямо на Муравьева-Апостола, съ крикомъ «ура!» и съ приподнятымъ палашомъ. Какъ онъ самъ разсказывалъ, онъ не тронулъ Апостола ни рукою, ни палашомъ, но онъ сидѣлъ на горячемъ и твердоуздомъ конѣ, который ударилъ грудью коня Муравьева-Апостола, и всадникъ упалъ на землю. Тогда гусары, видя подполковника на землѣ, по приказанію своихъ полковниковъ, двинулись курцъ-галопомъ, а солдаты Московской пѣхоты побросали оружіе—и все было кончено.

Когда возвращался генералъ Гейсмаръ, оба полковника съ Флоріаномъ Ржевусскимъ подъѣхали къ нему, чтобы рапортовать о случившемся. Генералъ Гейсмаръ, который былъ, несмотря на то, что нѣмецъ, храбрымъ солдатомъ и честнымъ человѣкомъ, донесъ генералу Роту обо всемъ, какъ оно въ дѣйствительности происходило, и приписалъ успѣшное выполненіе порученія отвагѣ и присутствію духа Флоріана Ржевусскаго.

Несмотря на самыя благопріятныя для обоихъ полковниковъ Муравьевыхъ донесенія генераловъ Гейсмара и Рота, прямо изъ Петербурга пришелъ приказъ арестовать ихъ и подъ стражей изъ жандармовъ отправить въ столицу. Арестъ этотъ приписывали проискамъ нѣмецкой партіи, которая питала живѣйшую антипатію ко всей фамиліи Муравьевыхъ, извѣстной своими архи-славянскими чувствами.

Тогда же былъ арестованъ полковникъ Повало-Швейковскій и много другихъ русскихъ офицеровъ. Изъ помѣщиковъ были арестованы: Петръ Мошинскій, волынскій губернскій маршалекъ, Карвицкій, президентъ главнаго Волынскаго суда, нѣсколько другихъ волынскихъ, подольскихъ и украинскихъ помѣщиковъ и между ними Людовикъ Собанскій. Изъ польскихъ офицеровъ были арестованы полковникъ Крыжановскій и маіоръ Маевскій, но дѣло ихъ велось въ Варшавѣ.

IV.

Увлеченіе охотой.—Женщины.—Охоты.

Я вовсе не имѣю намѣренія описывать политическія сообщества, заговоры и бунтъ. Я упоминаю обо всемъ этомъ только настолько, насколько событія эти касались круга моей жизни. Заговоръ былъ подавленъ, бунтъ—усмиренъ, а политическія сообщества оставили послѣ себя только преданія, какія оставляютъ послѣ себя обломки разбитаго корабля.

Правительство обнаружило могучій умъ, силу и желѣзную волю. Народъ не былъ увлеченъ призывомъ, котораго онъ не понималъ, который былъ чуждымъ его духу и сердцу. Наказанія были суровыя, но заслуженныя.

Всѣ эти обстоятельства произвели однако извѣстное пробужденіе въ русскихъ земляхъ Волыни, Подоліи и Украйны. Оживленіе это болѣе всего отразилось на молодежи и женщинахъ. Люди среднихъ лѣтъ и чиновные, хотя и не принадлежали ни къ какимъ сообществамъ, знали о заговорѣ и были какъ обухомъ пришибленные: сидѣли они дома, не выѣзжали въ города и мѣстечки, собирались въ маленькіе кружки—и то въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ—играть въ вистъ и марьяжъ, чему былъ очень радъ панъ Стромилло, извѣстный игрокъ, который не только совершенствовалъ ихъ въ игрѣ, но сообщалъ имъ такія извѣстія, о которыхъ они боялись даже спрашивать. Какъ же было имъ не бояться, когда въ Житомірѣ сидѣли подъ надзоромъ панъ Северинъ Залѣсскій, бывшій житомірскій маршалекъ, панъ Адамъ Пулавскій, потомокъ основателя Барской конфедераціи, состоявшій въ родствѣ съ знаменитѣйшими русскими дворянскими родами; если такъ поступали съ такими вліятельными лицами, то что же было бы съ мелкою шляхтою?

Молодежь стала охотиться, ѣздить по ярмаркамъ, устраивать кутежи, вести бродячій образъ жизни, какъ бы пріучая себя къ рыцарской жизни.

Какъ прежде она пересѣла съ коней въ экипажи, такъ теперь—бросила экипажи и сѣла на коней. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на 20 миль кругомъ, съ трудомъ можно было достать пару борзыхъ, да и то чаще всего паршивыхъ; а теперь каждый, во что бы то ни стало, спѣшилъ раздобыть борзыхъ и верховыхъ лошадей. Экипажи — это для стариковъ и для людей ни къ чему негодныхъ; молодому человѣку, и притомъ же шляхтичу, нужны конь и сѣдло. Измѣнилось время, а вмѣстѣ съ нимъ и люди.

Графъ Туркулъ, президентъ кіевскій, отдалъ деревню съ нѣсколькими десятками крестьянскихъ усадебъ за пару борзыхъ; чтобы сохра-

нить потомству память объ этомъ поступкѣ, эту деревню назвали— «Два пса».

Генералъ Корженевскій, мой дядя,—который, въ теченіе своей долгой военной карьеры, хотя и былъ ротмистромъ и бригадиромъ, но ни разу не садился на коня, выписалъ теперь откуда-то изъ Литвы борзыхъ и бѣлаго верховаго коня, который достался мнѣ, послѣ того какъ генералъ-лейтенантъ свалился съ него въ присутствіи императора Николая.

Такъ какъ борзые и уланки вошли въ моду, то тотчасъ же и явилась спекуляція на нихъ.

Нѣкій старый шляхтичъ, участникъ Барской конфедераціи, по фамиліи Яголковскій, сидѣлъ себѣ гдѣ-то въ Молдавіи или Валахіи со времени раздѣла Польши и терпѣлъ большую нужду, такъ какъ, изъ опасенія уронить шляхетское достоинство, не желалъ ни работать, ни заняться торговлей, слѣдуя шляхетскому правилу: — когда бѣда, то къ жиду, — онъ жилъ милостію жидовъ. Теперь же, узнавъ отъ нихъ, что дѣется на Божьей Руси, прибылъ въ окрестности Бердичева съ валашскими борзыми и племянницами молдаванками; продавъ одинъ транспортъ, безъ помощи жидовъ, и даже надувая ихъ, такъ какъ уже бѣда кончилась, поѣхалъ за другимъ транспортомъ, третьимъ, четвертымъ: сбытъ на этотъ товаръ былъ большой.

Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ купилъ себѣ деревеньку за 40 тысячъ польскихъ злотыхъ; кромѣ того инвентарь и передѣлки обошлись ему въ 5 тысячъ.

Капитанъ Лаговскій, прозванный Канціо, офицеръ арміи Наполеона, братъ храбраго полковника Петра Лаговскаго, тотъ самый Канціо, который, не умѣя командовать ни по-польски, ни по-французски, ни на какомъ-либо другомъ языкѣ, имѣлъ обыкновеніе выкрикивать, вмѣсто команды, непонятные слоги: «ту, туфъ, тофъ» и, наконецъ, «смирно!» этотъ Канціо, прослышавъ о Яголковскомъ, взялся и самъ за спекуляцію, которая не можетъ вовсе позорить шляхтича, ибо при ней не приходится прибѣгать къ аршину или квартѣ. А вѣдь шляхетское достоинство, какъ бы то ни было, слѣдуетъ соблюдать, хотя бы изъ уваженія къ праотцамъ, принадлежащимъ къ доброй родовитой шляхтѣ.

Купилъ онъ себѣ огромную бричку, покрытую бѣлымъ полотномъ, похожую на подвижной шатеръ, запрегъ въ нее четыре лошади, посадилъ въ бричку нѣсколько борзыхъ—для охотниковъ, нѣсколько племянницъ—для любителей, нѣсколько обезьянъ—для модницъ, нѣсколько попугаевъ для выжившихъ изъ ума старыхъ дѣвъ-ханжей, и такъ ѣздилъ отъ дома къ дому, на подобіе бернардинскаго монаха, собирающаго милостыню. И онъ тоже спустя два года сдѣлался помѣщикомъ.

Крымъ тоже откликнулся на этотъ спросъ; татары навезли въ Бердичевъ крымскихъ борзыхъ, выкрашенныхъ въ красный, зеленый, голу-

бой цвѣта. Моя сестра, Ружицкая, купила для меня въ подарокъ пару такихъ борзыхъ; ее занимала мысль, какіе-то будутъ щенки отъ такихъ удивительно-цвѣтныхъ отца и матери, пока ея мужъ не приказалъ вымыть этихъ собакъ съ мыломъ и вытирать ихъ щетками до-бѣла. Этотъ случай далъ поводъ ихъ маленькому сыну Стасю приказать положить находившагося на дворѣ цыганенка, намылить его и тереть щетками, чтобы онъ сдѣлался бѣлымъ. Цыганенокъ кричалъ, какъ будто съ него сдирали кожу; его освободили, но Стасю ничего нельзя было сказать: онъ слѣдовалъ примѣру отца.

Всюду въ окрестностяхъ до сумасшествія увлекались охотой; у меня самого было болѣе 30 борзыхъ.

Мы раздѣляли всѣхъ женщинъ русскихъ земель, съ физіологической и философской точки зрѣнія, на пять категорій. Къ первой категоріи принадлежали тѣ, которыя всѣмъ сердцемъ и всею душою любили Польшу, любили ее больше всего на свѣтѣ, больше, чѣмъ себя, чѣмъ родныхъ; кто не былъ полякомъ, тотъ въ ихъ глазахъ не былъ человѣкомъ. Сердцемъ и умомъ онѣ стояли гораздо выше мужчинъ; если бы дошло до дѣла, то, можетъ быть, и въ этомъ отношеніи онѣ бы превзошли мужчинъ. Старыя матроны этого времени были почти всѣ такія, а среди молодыхъ во главѣ стояли женщины знатнѣйшихъ родовъ. Всѣхъ ихъ мы называли польками.

Представительницы второй категоріи занимались чтеніемъ, посвящали себя даже литературной дѣятельности, заботились о распространеніи въ обществѣ коррентности и хорошаго тона; однако, онѣ не были ни скучными, ни неуживчивыми, но лишь требовали, чтобы мужчины въ салонахъ не держали себя, какъ на ярмаркѣ, въ кабалѣ или на охотѣ; благодаря этому, онѣ имѣли большое вліяніе на воспитаніе молодежи. Ихъ называли учеными.

Къ третьей категоріи принадлежали русалки, вертушки, шалуньи... Съ ними пріятно было проплясать мазурку, сдѣлать такое па, чтобы искры съ сердца посыпались; ѣздить, въ большой компаніи съ маскарада на маскарадъ, на маювки, кататься на масляницу въ саняхъ.

Домосѣдки составляли четвертую категорію. Это были почтенныя особы, которыя воспитывали дѣтей, сидѣли дома, занимались хозяйствомъ, чтобы домашніе и гости имѣли, что поѣсть и выпить; приготовляли разныя превкусныя вещи для охотниковъ, возвращающихся съ охоты, для рыцарей, утомленныхъ зноемъ и ратными трудами.

Наконецъ, къ пятой категоріи принадлежали, какъ мы ихъ называли, лафиринды. Разговоры ихъ отличались принужденностью, чувства—утрировкою; онѣ были непріятны тѣмъ, что не понимали другихъ, или ихъ

нельзя было понять; взгляды у нихъ были невѣрные; со злости онѣ были плаксами. Однако и онѣ были польками и любили Польшу, ибо которая же полька не любитъ этой бѣдной Польши? Потому-то, Богъ полюбилъ полекъ и сдѣлалъ ихъ, по образу и подобію своему, первыми женщинами въ мірѣ.

То, что прежде происходило только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, теперь имѣло мѣсто повсюду въ трехъ губерніяхъ. Многочисленное общество собиралось на охоты, которыя чередовались съ танцами, научными разсужденіями и даже съ музыкальными вечерами и театральными представленіями.

Весь край подѣлился на околодки, и въ каждомъ околодкѣ начинали собираться сосѣди и компаніями ѣздить въ самые богатые дома, гдѣ проводили нѣсколько дней, и снова всѣмъ обществомъ ѣхали въ другой домъ. Въ такихъ поѣздкахъ принимали участіе отъ десятковъ до сотенъ человѣкъ. Въ назначенные дни пріѣзжали изъ городовъ чиновники, военные и всѣ вообще, принадлежавшіе къ числу шляхты. Съ утра ѣхали на охоту; въ полдень дамы, одѣтыя въ утренніе костюмы, привозили завтракъ; послѣ завтрака снова охотились, больше для удовольствія прекрасныхъ дамъ, чѣмъ для добычи дичи; къ обѣду возвращались домой, а послѣ обѣда—музыка, танцы, часто театральное представленіе, пѣніе, научные диспуты, литературныя чтенія.

Съ 4-го іюля, въ день св. Іосифа, начиналась охота на птицъ: утокъ, коростелей, дупелей, куропатокъ, тетеревей, глухарей, рябчиковъ; все это гибло подъ выстрѣлами охотниковъ. Старики въ дрожкахъ и на иноходцахъ, паничи съ буфетчиками съ значками на плечахъ, присоединялись къ этимъ охотамъ. Буфетчикъ, съ тростью въ рукѣ, командовалъ, поварята и мальчики, моющіе посуду, маневрировали съ сѣтями и съ шнурками, лягавыя вертѣли хвостами, загоняли стадо и затѣмъ дѣлали стойки; тогда натягивали сѣть, а что уходило изъ-подъ сѣти, гибло подъ когтями соколовъ и кречетовъ, которыхъ буфетчики выпускали на бѣдныхъ перепеловъ.

Въ это время была уборка хлѣба: на поляхъ жали, собирали рожь, связывали снопы и складывали ихъ въ копны. Дамы и дѣвицы надѣвали на голову вѣнки изъ васильковъ и маковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ, наряжались въ батистовыя съ бѣлыми вышивками рубахи и разыгрывали роль простыхъ крестьянокъ-жницъ.

Со дня св. Варѳоломея, 15-го августа, начиналась охота на волковъ. Молодыхъ вабили, подражая вою старыхъ; подъ утро вабили старыхъ, подражая вою молодыхъ; выслѣженные такимъ образомъ, волки падали подъ выстрѣлами охотниковъ и зубами борзыхъ.

Со дня св. Михаила начиналась охота съ борзыми въ степяхъ, съ гончими въ лѣсныхъ урочищахъ, на крупнаго и мелкаго звѣря; въ пу-

щахъ—на кабановъ, на лосей, сернъ, а часто и на рысей, иногда на медвѣдей съ ищейками, съ облавой; на дрофъ, на бѣлыхъ куропатокъ съ подъѣздомъ; на утокъ и гусей на прудахъ; изъ шалашей стрѣляли тетеревей, приманивая ихъ на чучела.

Со дня поминовенія всѣхъ усопшихъ, когда выпадалъ снѣгъ, начинали охотиться съ борзыми, съ гончими, съ ружьями, устраивали ночныя охоты съ поросенкомъ на волковъ и засады. Такъ продолжалось до 15-го февраля, когда охотничій сезонъ оканчивался.

Старики понемногу совершенно сблизились съ молодежью; знакомились другъ съ другомъ, знатные знакомились съ неродовитыми, пріучались къ тягостямъ, къ отвагѣ, къ ловкости, къ предусмотрительности, чтобы всегда быть наготовѣ; молодые разсказывали, старики давали совѣты, дамы побуждали къ охотничьимъ подвигамъ, въ награду веселились, и никто не думалъ объ усталости, объ отдыхѣ, кутили до поздней ночи, а чуть свѣтъ уже охотились; закаляли себя, чтобы быть рыцарями, знакомились съ полемъ, привыкали умываться дождемъ, обсыхать на вѣтрѣ, спать на голой землѣ, мало спать и всегда быть на ногахъ. Учились владѣть оружіемъ и убивать. Это была рыцарская школа любителей, а русалки-чародѣйки были духомъ, очарованіемъ, поэзіей этой школы; что бы тамъ ни говорили, а общество, изъ какихъ бы людей оно ни состояло, если только въ немъ нѣтъ женщинъ, должно въ концѣ концовъ или обратиться въ скотское состояніе или демократизироваться; среди насъ были женщины и, благодаря этому, мы остались рыцарями, польскими шляхтичами. Послѣ Іосифа Стецкаго, объ охотахъ котораго я уже говорилъ, самыя знаменитыя охоты были у Чечела, на Волыни, у генерала Козловскаго, въ Зазовьѣ на Украйнѣ, а также у маіора гусаровъ Эмме, подъ Любаромъ. Охоты у этихъ трехъ лицъ отличались другъ отъ друга своей организаціей и заслуживаютъ упоминанія.

У Чечела псарня не отличалась ни многочисленностью, ни высокимъ качествомъ собакъ; но на всемъ лежала печать нѣмецкой систематичности и прусскаго порядка; собаки были клеймены гербомъ Чечела и номеромъ; такимъ же клеймомъ были помѣчены мѣшки съ сѣтями, съ провизіей, съ амуниціей, съ оружіемъ; оружіе тоже было украшено гербомъ и занумеровано. Охотники, доѣзжачіе, напримѣръ, кучера—всѣ были въ зеленыхъ ливреяхъ, съ гербами на пуговицахъ; ливреи эти различались, сообразно функціи и достоинству каждаго; все было взвѣшено и измѣрено. Ежедневно составлялись рапорты, формальный списокъ охотниковъ и собакъ, съ отмѣтками инспектора, который два раза въ мѣсяцъ лично производилъ осмотръ. Однако, охоты эти походили на малый дождь изъ большой тучи. На охотахъ этихъ было все слишкомъ по-нѣмецки; русины — люди крѣпкоголовые — не могли къ нимъ пріучиться.

У генерала Козловскаго было иначе. Это былъ казакъ изъ Украйны, сынъ генерала и адъютанта Суворова, прозваннаго этимъ послѣднимъ знайкой и это по слѣдующему поводу. Суворовъ имѣлъ обыкновеніе въ дорогѣ сажать около себя адъютанта и спрашивать его, чья это деревня, чей домъ, чьи лошади? И какъ только адъютантъ отвѣчалъ: «не могу знать», кричалъ «прочь, незнайка!» и тотчасъ высаживалъ его изъ экипажа и лишалъ адъютантства.

Наконецъ, во время Итальянской кампаніи не хватило адъютантовъ: всѣ они были незнайки. Онъ взялъ перваго попавшагося ему на глаза офицера изъ улановъ. Жребій выпалъ на поручика Козловскаго, который слышалъ объ этихъ увольненіяхъ адъютантовъ, и такъ какъ казаки народъ себѣ на умѣ, то онъ тотчасъ нашелся. Суворовъ спрашиваетъ: «чей это дворецъ?»—Козловскій безъ запинки отвѣчаетъ:—«маркиза Альдобранди».—«Чьи лошади?»—«Аббата Сталинели». И такъ отвѣчалъ на всѣ вопросы. Суворовъ повторялъ: «знайка»,—двигалъ его по службѣ чинъ за чиномъ до генерала и не разставался съ нимъ до самой смерти, Какъ отецъ не понималъ словъ: не знаю, такъ сынъ не понималъ слова: невозможно.

Подъ Эриванью, съ тремя тысячами кавалеріи, онъ разбилъ стотысячное войско Абасъ-Мирзы. Эривань досталась Бѣлому Царю, а Паскевичъ былъ сдѣланъ княземъ Эриванскимъ. Черезъ горы, по которымъ могутъ только карабкаться армянскія и курдистанскія козы, онъ перешелъ съ кавалеріей до Эрзерума и за Эрзерумъ до самаго Трапезонда—купать коней въ Черномъ морѣ.

Вернувшись въ Зазовъ, онъ сталъ охотиться, въ полномъ убѣжденіи, что если офицеры хороши, то всякое войско будетъ хорошимъ, а чтобы офицеры были хороши,—нужно придать имъ энергіи по-старинному. Поэтому, онъ муштровалъ казаковъ, этихъ офицеровъ охоты; къ нимъ онъ былъ очень требователенъ, а собаки должны были идти туда, куда шли казаки.

Маіоръ Эмме такъ обучалъ и обращался съ своими собаками, какъ съ солдатами. Недворянъ онъ приказывалъ бить палками, пока они не дѣлались образцовыми солдатами, или не отправлялись на кладбище. По его мнѣнію, арапникъ въ умѣлыхъ рукахъ можетъ дѣлать чудеса какъ съ людьми, такъ и съ животными; въ этомъ отношеніи люди не отличаются отъ животныхъ такъ, какъ они отличаются отъ этихъ послѣднихъ даромъ слова.

Любопытный типъ охотника безъ собакъ и безъ ловцовъ, какъ король Янъ—безъ земли, какъ главный вождь эмиграціи—безъ войска, или диктаторъ безъ страны, представляли собою шамбеланъ (камергеръ) Вонсовичъ. Онъ охотился языкомъ. Напримѣръ: пробираясь сквозь кусты, въ чащѣ какой-то литовской пущи, онъ потерялъ ружье; вдругъ,

на него выходитъ медвѣдь—огромное чудовище; онъ угощаетъ медвѣдя албанскимъ нюхательнымъ табакомъ и, когда этотъ послѣдній начинаетъ чихать, закидываетъ ему на шею веревку и приводитъ къ королю Станиславу-Августу, для того, чтобы медвѣдь протанцовалъ менуэтъ съ паней Косовской. Разсказывалъ также онъ, безъ малѣйшей запинки, какъ онъ, напоивъ до пьяна въ лѣсу водочной брагой стадо дикихъ кабановъ, загналъ ихъ пьяныхъ во дворъ въ Ставки, гдѣ былъ такой голодъ, что собирались уже бросать жребій, которыхъ крестьянина и крестьянку придется по очереди съѣсть.

Панъ Яшовскій на Подоліи разсказывалъ, что, не имѣя ни пуль, ни крупной дроби, выстрѣлилъ въ кабана, зарядивъ ружье косточками отъ сливъ; два года спустя онъ наткнулся на кабана, на которомъ выросла слива, осыпанная плодами; на этотъ разъ оловянною пулею онъ убилъ этого кабана и такъ наѣлся сливъ, что заболѣлъ несвареніемъ желудка; сливы эти, однако, были вкусны, какъ бы поджаренныя на жиру.

Даже сенаторъ Ильинскій устроилъ охоту на лосей въ своемъ Новомъ Римѣ. Этотъ Ильинскій—лицо историческое. Камергеръ и любимецъ императора Павла, кардиналъ гражданско-военный in partibus, директоръ св. инквизиціи, подъ главенствомъ отцовъ іезуитовъ обосновавшейся на болотахъ, на которыхъ стояла эта Roma Nuova.

Въ Новомъ Римѣ было большое палаццо, съ цѣльными зеркальными стеклами въ огромныхъ окнахъ, съ огромными зеркалами, которыя купилъ польскій шляхтичъ, такъ какъ они были слишкомъ дороги для русскаго императора. Сенаторъ сидѣлъ въ кардинальской пурпурной мантіи, съ звѣздами и орденами цѣлаго свѣта; возлѣ него сидѣла его супруга; съ одной стороны—нѣсколько іезуитовъ, съ другой нѣсколько гусаровъ. Пріемъ былъ барскій, охота подъ руководствомъ двухъ сыновей сенатора удалась отлично. Но болѣе всего у меня сохранилась въ памяти опера «Донъ-Жуанъ», разыгранная по-итальянски крѣпостными артистами сенатора. Сенаторъ, пользуясь своимъ значеніемъ въ Римѣ, съ разрѣшенія св. отца выслалъ нѣсколько десятковъ мальчиковъ и столько же дѣвочекъ въ св. столицу, для изученія музыки и пѣнія. А такъ какъ это были крѣпостные, записанные въ ревизскія сказки, слѣдовательно, души ихъ были собственностью сенатора, то этотъ послѣдній, изъ опасенія, чтобы имъ случайно не захотѣлось свободы, помѣстилъ ихъ въ коллегіи св. Іисуса, подъ опекой и властью отцовъ іезуитовъ. . . . .

Предпріятіе удалось: они вернулись артистами и даже недурными; въ Римѣ никто не остался. Сенаторъ по контракту отдавалъ ихъ въ наемъ въ театры: Кіевскій, Житомірскій, Бердичевскій, Каменецъ-Подольскій, и за это получалъ хорошія деньги звонкою монетою.

Удивительныя были эти окрестности Бердичева въ то время! Онѣ были полны жизни, полны возвышенныхъ стремленій среди шляхты, а

оригиналовъ было столько, что можно было сказать, на бердичевскихъ ярмаркахъ разсыпался возъ съ ними.

Въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ я уже о нихъ писалъ, и мнѣ не хотѣлось бы повторяться, хотя, мнѣ кажется, невозможно не сказать о нихъ нѣсколько словъ, такъ какъ при каждомъ воспоминаніи минувшихъ лѣтъ они у меня проходятъ передъ глазами.

Такимъ оригиналомъ былъ Донъ-Кихотъ литовскій, польскій шляхтичъ, татаринъ Ахметовичъ, который называлъ себя пашей,—не сыномъ солнца, такъ какъ этотъ титулъ принадлежитъ султану,—но внукомъ луны, почетнымъ приставомъ сенатора-кардинала Ильинскаго, имѣющимъ свою резиденцію въ развалинахъ ратуши въ Новомъ Римѣ.

Онъ былъ сотрудникомъ въ литературныхъ замыслахъ и произведеніяхъ графа Генриха Ржевусскаго, поклонникомъ и восхвалителемъ ума этого человѣка, но обличителемъ и бичомъ Божіимъ его безсердечія.

Отсылаю читателей къ написанной мною книгѣ, подъ заглавіемъ «Разговоры», въ которой я много писалъ объ этомъ литовскомъ Донъ-Кихотѣ, который, кромѣ рыцарскихъ подвиговъ героя Сервантеса, обладалъ еще даромъ ясновидѣнія и пророчества.

Помню, какъ Ахметовичъ ѣздилъ отъ дома къ дому и бормоталъ, какъ бы сквозь сонъ:

— Внутри земли разжигается и тлѣетъ огонь, откроется кратеръ вулкана, польются потоки лавы, но все это кончится ничѣмъ; такъ будетъ повторяться нѣсколько разъ, доколѣ одноязычные не объединятся въ одной вѣрѣ и въ одномъ дѣлѣ; тогда запоютъ аллилуйя, аллилуйя и будетъ истинная «осанна».

Каждый истолковывалъ себѣ эти слова, какъ хотѣлъ, и Ахметовичъ слылъ за прорицателя.

Заслуживаютъ также упоминанія братья Каменскіе, подканцлеръ изъ Рачекъ и шамбеланъ изъ Рузекъ. Подканцлеръ былъ страстнымъ охотникомъ; женившись, онъ, по словамъ шамбелана, хотѣлъ передѣлать дѣтей своихъ въ собакъ. У него было четыре сына: Шумъ, Тартасъ, Клопотъ, Галасъ и одна дочь Бида [1]).

Шамбеланъ первую дочь назвалъ Іануаріей, желая имѣть живой календарь, но, какъ говорилъ подканцлеръ, на этомъ и забастовалъ.

Эти почтенные люди не вѣрили ни въ раздѣлы, ни въ иноземное господство; присутствіе русскихъ, изъ правительственныхъ учрежденій и войска, по мнѣнію Каменскихъ, объяснялось бунтомъ казаковъ, которые гдѣ-то тамъ, на Украйнѣ, шатались. У себя дома они никогда долго не засиживались и были очень рѣдкими гостями; все ихъ имуще-

---

[1]) Клички собакъ.

ство, имѣвшее кое-какую цѣнность, находилось на храненіи у ксендзовъ-кармелитовъ, подъ охраною бердичевской чудотворной Божіей Матери; скота они не держали, такъ какъ онъ можетъ подвергаться скотскому падежу, да и гайдамаки съѣли бы; полей не засѣвали, ибо гайдамаки могли бы стоптать посѣвы и тамъ не росла бы трава; крѣпостныхъ отпустили на чиншъ; эти чинши и продажа лѣсовъ были для нихъ достаточными доходами. Бидусю и январскую дѣвицу они оставляли, по очереди, сосѣдямъ въ депозитъ; Шумъ сдѣлался капитаномъ улановъ, Галасъ ксендзомъ, Тартасъ и Клопотъ—поручиками, а двое стариковъ ѣздили изъ дома въ домъ.

Пани Грабовская, владѣтельница Игорлика, Слободычъ и многихъ другихъ деревень, нѣкогда влюбленная въ Казиміра Пулавскаго, который въ то время служилъ въ народной кавалеріи и лихо плясалъ мазурку и обертасъ,—хотя ей было около 70 лѣтъ, хотя у нея были внуки и правнуки,—переодѣвалась, въ память о возлюбленномъ, въ уланскую куртку и, при цыганской музыкѣ, плясала до изнеможенія а послѣ горько плакала. А была она Иродъ-баба. Въ гусарскомъ ротмистрѣ Геренгросѣ, хотя онъ былъ нѣмецъ, она усмотрѣла сходство съ Казиміромъ Пулавскимъ.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ жалкихъ нѣмчиковъ, которые изъ года въ годъ тянутся изъ Вестфаліи и Гессена на подкрѣпленіе нѣмцевъ, осѣвшихъ уже въ Россійскомъ государствѣ, чтобы дубить славянскую кожу, собирать славянскіе рубли и показать, что, только благодаря нѣмецкому уму, можетъ жить и увеличиваться могущество и слава россійскія; одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, которые дали поводъ генералу Ермолову на вопросъ императора Александра I, чѣмъ его наградить, отвѣтить:

— Сдѣлайте меня, ваше величество, нѣмцемъ!

Нѣмчикъ, съ вѣдома полковника, тоже нѣмца, позволилъ себя похитить полькѣ.

Нѣмчикъ кроткій, понятливый, какими, обыкновенно, бываютъ нѣмцы, посланные на заработки въ славянскіе края, готовый на все, чтобы только на старость не быть бѣднымъ нѣмцемъ, но достигнуть среди славянъ положенія барина, стать польскимъ шляхтичемъ, превратиться изъ холопа въ пана,—научился польскому языку, какъ Казиміръ Пулавскій, танцовалъ, какъ онъ, мазурку, обертасъ и выдавалъ себя за конфедерата. Годъ спустя, тощій, какъ копченое мясо, но съ карманами, наполненными золотомъ, онъ перевелся въ гвардію, на должность адъютанта г-жи Багратіонъ, жены хромаго Багратіона; прослуживъ два года, перешелъ въ гусары, съ чиномъ полковника.

Воздухъ Бердичева и его окрестностей былъ пропитанъ духомъ какого-то причудливо-веселаго остроумія; можетъ быть, на это вліяло

плодородіе земли, а, можетъ быть, также и продѣлки жидовъ, которыхъ насчитывалось въ самомъ Бердичевѣ 40 тысячъ.

Въ Бердичевѣ происходили ярмарки; каждая длилась почти четыре недѣли. На ярмаркахъ бывали по 40 тысячъ лошадей табунныхъ и по 20 тысячъ стоявшихъ въ конюшняхъ; по сто тысячъ разнаго рода скота; смола и деготь привозились въ такомъ количествѣ, что ими можно было засмолить и вымазать дегтемъ все Россійское государство, а другихъ товаровъ, женскихъ бездѣлушекъ, драгоцѣнностей, издѣлій изъ золота и серебра было столько, что человѣкъ просто до одури доходилъ, смотря на нихъ. Были гастрономическія заведенія, которыми могли бы гордиться Парижъ, Лондонъ, Вѣна, и о которыхъ Стамбулу никогда и не грезилось; были кондитерскія, были театры, гдѣ разыгрывали комедіи, трагедіи, мелодрамы; циркъ, котораго первый наѣздникъ сталъ позднѣе алхимикомъ и медикомъ-полковникомъ.

Бердичевъ съ Гнилопятомъ—это, какъ Стамбулъ съ Босфоромъ; кто въ немъ былъ, тотъ никогда о немъ не забудетъ, а кто бывалъ на его ярмаркахъ, у того навсегда сохранится желаніе туда вернуться.

Шляхта и крестьяне веселились въ Бердичевѣ по-своему, но всегда по-казацки.

Когда парубокъ-молодецъ хотѣлъ повеселиться во всю ширь, онъ покупалъ себѣ орѣховое сѣдло, уздечку изъ сыромятнаго ремня, нагайку и дикаго табуннаго коня. Въ пятницу подъ вечеръ, когда евреи прекращаютъ торговлю и, готовясь къ шабашу, шатаются по улицамъ, какъ муравьи, молодецъ, осѣдлавъ своего коня предъ Махновецкою, Бѣлопольскою или Житомірскою заставами, заставивъ его бросаться вправо, влѣво, становиться на дыбы, въѣзжалъ на улицы, нанося удары ногайкой лошади, полосовалъ также жидовскіе лбы; поднимался гвалтъ, крикъ, суматоха, но ни одинъ жидъ не смѣлъ приблизиться къ коню и казаку, ибо ничто не могло предохранить его отъ ударовъ копытъ коня и ногайки; все бѣжитъ, падаетъ другъ на друга, перемѣшивается, подобно еще не окрылившейся саранчѣ. Проскакавъ, такимъ образомъ до Бродской заставы, за Гнилопятъ, молодецъ чувствовалъ себя удальцомъ.

Шляхта обезьянила съ хлоповъ. Три брата Боровецкіе, получивъ огромное наслѣдство послѣ дяди, пользовались имъ слѣдующимъ образомъ:

Въ огромную коляску дяди, запряженную восьмеркой лошадей, садились три брата, а передъ ними и вокругъ нихъ мѣшки съ рублями-карбованцами; казаки на коняхъ впереди и позади; такъ тріумфально выѣзжали они черезъ Махновецкую заставу, передъ самымъ шабашемъ, когда всюду полно жидовъ. Братья бросали направо и налѣво рубли, а кортежъ безостановочно шагомъ двигался впередъ. Жиды бросали

ради праздника торговлю, но не поднять рубля—было бы непростительнымъ грѣхомъ; рубли падали подъ колеса, подъ лошадей, а жиды дрались изъ-за нихъ, и пока три брата успѣвали доѣхать до Бродской заставы, было около копы (60 штукъ) раненыхъ жидовъ.

Шляхта подражала простонародью, а медвѣдь захотѣлъ подражать шляхтѣ.

Въ одну изъ пятницъ, передъ наступленіемъ вечера, извозчикъ остановился около корчмы, самъ зашелъ въ комнаты, а лошадей привязалъ вожжами къ столбу; вслѣдъ за нимъ пришелъ цыганъ съ медвѣдемъ. Медвѣдя привязалъ къ санямъ, а самъ зашелъ пропустить рюмочку.

Между тѣмъ медвѣдь соскучился; вѣроятно, у него зазябли ноги; онъ топалъ, топалъ, наконецъ сталъ одною ногою въ сани; это ему понравилось; онъ сталъ другою ногою, а затѣмъ и сѣлъ въ саняхъ. Лошади захрапѣли, разорвали вожжи и во весь духъ понеслись по направленію къ Бердичеву. Испуганный медвѣдь поднимается, хватаетъ за постромки, кони летятъ, медвѣдь рычитъ, погоняетъ. Такъ они мчались, пока лошади не попадали, чтобы больше уже не вставать.

Сколько жидовъ искалѣчили—этого ни полиція, ни самъ чортъ не сосчитали, но племя жидовское не пропало!

На жалобы евреевъ полиція отвѣчала:

— Чортъ его знаетъ, откуда былъ казакъ, какъ пріѣхалъ, такъ и уѣхалъ; ищите вѣтра въ полѣ.

Шляхта позабавилась, что же тутъ дурнаго? Лучше пусть кутитъ, чѣмъ занимается какимъ-нибудь предосудительнымъ дѣломъ.

Кто послалъ медвѣдя курьеромъ — неизвѣстно; ни одинъ указъ не говоритъ, какъ слѣдуетъ поступить съ медвѣдемъ въ подобномъ случаѣ; впрочемъ, медвѣди Радзивилловъ и жиды Радзивилловъ — обратились къ нимъ съ жалобой. Нужно было вамъ сидѣть на Пескахъ! Это — вашъ городъ.

Жидовъ сажали подъ арестъ, и они должны были еще платить большіе штрафы.

Пески Бердичева, подобно Гетѣ въ Римѣ, были еврейскимъ городомъ; они находились въ треугольникѣ, образующемся пересѣченіемъ Житомірской и Бродской улицъ, и были заслонены отъ человѣческаго взора большими каменными домами богачей Израиля. Они представляли собою множество сгромоздившихся деревянныхъ домиковъ, пересѣченныхъ узенькими улицами въ разныхъ направленіяхъ. За мельницами Пески достигали болотистой части Гнилопята; на улицахъ, въ лѣтніе яркіе дни, была такая грязь, что лошадь по брюхо должна была въ ней бродить, прямо таки—тонула. Грязь эта распространила такое зловоніе, что свѣжій человѣкъ доходилъ до одурѣнія, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ

среди этихъ Песковъ новаго рода. Ни одного христіанина нельзя было встрѣтить на Пескахъ, тамъ жили одни только жиды съ паршами, съ гноившимися глазами; лица у нихъ были желтыя или страшно блѣдныя; подъ домами были устроены подземныя конюшни, гдѣ всегда можно было найти много лошадей и безъ мѣры всевозможныхъ контрабандныхъ товаровъ. Полиція, вынужденная сдѣлать обыскъ въ этомъ кварталѣ, вымазывалась дегтемъ, какъ отъ чумы, старалась исполнить, что слѣдовало, очень скоро, чтобы не долго тутъ гостить. На этихъ Пескахъ Израиля было до 10 или 15 тысячъ народонаселенія; здѣсь были наибольшія богатства, а также были такіе упрямые раввины, что, родившись тутъ, тутъ же и умирали, ни разу въ жизни не вздохнувъ инымъ воздухомъ.

При самомъ въѣздѣ въ Бердичевъ, со стороны Махновецкой заставы, происходила торговля лошадьми. Обширный слегка возвышавшійся плацъ былъ покрытъ клѣтками изъ крѣпкихъ дубовыхъ досокъ; туда, во время ярмарокъ загоняли табуны лошадей табунныхъ, заводскихъ, татарскихъ, киргизскихъ и разныхъ другихъ породъ, азіатскихъ и европейскихъ. Въ всѣхъ конюшняхъ, въ огороженныхъ дворахъ,— всюду лошади. Въ то время самыя лучшія запряжки лошадей выходили изъ табуновъ президента Ивановскаго. Кромѣ указанныхъ мѣстъ торговля табунными лошадьми велась также за городомъ на прилегающихъ къ Бердичеву лугахъ, и тамъ-то обнаруживалась ловкость табунщиковъ и ихъ лошадей.

Во время каждой ярмарки устраивались скачки на почтовой дорогѣ. Самыми страстными спортсменами были Запольскіе, Абрамовичъ и Мирза-Али. Бились о закладъ на огромныя суммы.

Говоря объ ярмаркахъ въ Бердичевѣ, нельзя умолчать объ Абрамовичахъ. Это было семейство богатое, владѣвшее почти всѣми имѣніями въ окрестностяхъ Мурованой Махнувки. Происходили они изъ татаръ и получили шляхетство еще въ очень отдаленныя времена. Они отличались смѣлостью, ловкостью и подвижностью, какъ всѣ татары; вели торговлю лошадьми, любили заниматься разными спекуляціями и потому были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ евреями. Это были настоящіе представители ярмарочной шляхты, обмануть роднаго отца при продажѣ лошади—это былъ, въ ихъ глазахъ, поступокъ, которымъ можно гордиться. Однако среди нихъ были очень почтенные люди.

Одною изъ трагикомическихъ ярмарочныхъ сценъ была губернаторская ревизія. Предъ самою ярмаркою пріѣзжалъ губернаторъ съ огромнымъ числомъ чиновниковъ и съ доносчикомъ о контрабандѣ; тотчасъ же печатаютъ всѣ подвалы, ставятъ стражу и начинаютъ обыскивать подвалы поочередно, не найдется ли тамъ брабантскихъ кружевъ или брильянтовъ, или же ищутъ въ овсѣ, нѣтъ ли тамъ скрытой

контрабанды; операція эта идетъ лѣниво, а тутъ—на носу открытіе ярмарки. Приступаютъ къ торгу. Губернаторъ получаетъ условленное число червонцевъ и, оплативъ хорошо доносчика, отсылаетъ его въ наказаніе на мѣсяцъ или на два въ какой-нибудь монастырь, чтобы его тамъ хорошо кормили, хорошо поили впредь до другой ярмарки.

Мнѣ не случалось слыхать, чтобы въ Бердичевѣ когда-нибудь поймали хоть одну контрабанду, а искали ее постоянно. Ревностные были губернаторы, но видно ужь въ Бердичевѣ евреи были такіе добросовѣстные, такіе строгіе исполнители уставовъ и законовъ.

Бердичевъ приносилъ очень большой доходъ своему владѣльцу и правительству; достаточно будетъ сказать, что за одно только право продавать дрожжи уплачивалось 40 тысячъ польскихъ злотыхъ. Народный польскій банкъ открылъ бюро ссудъ въ Бердичевѣ, а другое такое же въ Одессѣ.

Я такъ много высказалъ объ этомъ еврейскомъ Бердичевѣ, какъ бы писалъ о старомъ Кіевѣ. Это потому, что, по моему мнѣнію, только эти два города во всей Руси носятъ особый отпечатокъ; они не получили иноземной окраски, не подогнаны по образу и шаблону городовъ Запада; въ нихъ однихъ сохранился еще духъ славянства, шляхетства, казачества.

Старый Кіевъ—это всеславянская столица славянскаго духа. Послѣ поляковъ-казаковъ явились поляки-русины и должны появиться поляки-славяне, потому что это колыбель славянской вѣры, вѣры народной. Въ Кіевѣ зародилось славянское рыцарство, здѣсь оно ростетъ и разрастется и приметъ величественные размѣры всеславянства.

Бердичевъ былъ ковчегомъ тщеславія шляхты; и жиды, и ярмарки были нужны для этого тщеславія, чтобы оно могло жить, какъ душа въ тѣлѣ. Шляхтичъ въ Бердичевѣ не изображалъ изъ себя дэнди, не щеголялъ утонченностью обращенія или умомъ—нѣтъ, онъ только принималъ участіе въ ярмаркахъ; вскочивъ на коня, онъ на немъ и вертѣлся, желая выказать его съ хорошей стороны; покончивъ, билъ по рукамъ, вспрыскивалъ продажу венгерскимъ или просто водкой, на полученныя деньги дулся въ бильярдъ съ гусаромъ, танцовалъ трепака съ дѣвчинами, а потомъ снова на коня—продавать или покупать. Когда нѣтъ денегъ, когда бѣда, тогда къ жиду: дай взаймы, Мойса, дай взаймы, Сруль, а когда бѣда кончилась, то жидъ страшно третировался: гнойливый Берко, паршивый Гершко! Этого нельзя встрѣтить ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни у нѣмцевъ; на всемъ этомъ лежитъ отпечатокъ чисто польскаго рыцарства, удали, тщеславія, поэтому эти участники ярмарокъ были смѣлыми повстанцами, и эти балагуры будутъ дѣльными славянами, какъ были, такъ и останутся, гордой шляхтой. Мѣстность эта была богата не только своими ярмарками, но и людьми

науки: Карлъ Сенкевичъ изъ Калиновки; Янъ Сенкевичъ, историкъ-труженикъ, Алоисій Телинскій, авторъ «Варвары»; Симонъ Конопацкій, чувствительный пѣвецъ селянокъ; Піотровскій, умный изслѣдователь польскаго законодательства и чужеземнаго права, перешедшаго въ Польшу; Словацкій, профессоръ литературы, отецъ Юлія Словацкаго; товарищи моей молодости и военной жизни: Карлъ Ружицкій, Янъ Омецинскій, Михаилъ и Викентій Будзинскіе и др.—все это шляхта изъ окрестностей Бердичева; они показали, что умѣли владѣть и саблей, и перомъ.

Эта благословенная земля явнымъ образомъ пользовалась покровительствомъ Матери Божій Бердичевской, которая, въ то время, когда султанъ Османъ владѣлъ Каменецъ-Подольскомъ, а его визири проникали по разнымъ направленіямъ въ русскую землю, ликомъ своимъ помрачила взоры турка и сохранила въ неприкосновенности Бердичевъ и его окрестности. Потомъ вывела конфедератовъ барскихъ невредимыми и свободными на новыя битвы, на новые труды и вдохновила ксендза Марка.

Ясно, что эта мѣстность была подъ ея охраною.

Въ цѣлой Польшѣ и Руси не было такъ привольно жить, какъ въ Бердичевѣ; здѣсь веселились шумно, по-шляхетски, а не по-французски, не по-нѣмецки. Слова не говорились на вѣтеръ, а поступки были серьезными поступками. Я не могу не вспоминать объ этомъ еврейскомъ Бердичевѣ; уже я состарѣлся, а еще о немъ мечтаю, предъ внутреннимъ взоромъ моимъ стоитъ онъ, какъ бы вчера только съ нимъ разстался, и такъ люблю, какъ еслибы въ немъ мнѣ предстояло жить и въ немъ умереть.

V.

Житоміръ.—Выборы.—Окрестности и ихъ обитатели.—Лошади.—Умственное движеніе.—Матеріальныя улучшенія въ окрестностяхъ.—Составъ общества того времени въ краѣ.

Мнѣ было лѣтъ семнадцать, когда наступили дворянскіе выборы въ Волынской губерніи, въ состалъ которой входитъ въ то время Бердичевъ и его окрестности. Я былъ еще малолѣтнимъ, такъ какъ только по достиженіи 18 лѣтъ дворянинъ имѣлъ право голоса, а для того, чтобы имѣть право быть выбраннымъ и исполнять обязанности по выбору,—надлежало имѣть не менѣе 24 лѣтъ; но мать моя желала, чтобы я познакомился съ помѣщиками и вступилъ въ ихъ кругъ. Поэтому я

и поѣхалъ съ самымъ младшимъ дядей Іосифомъ Глембоцкимъ. Я получилъ право и привилегію подачи голоса, вѣроятно, по ходатайству моихъ дядей или друзей моего покойнаго отца.

Мы съ дядей остановились въ большомъ каменномъ домѣ, половину котораго заняли мы, въ другой же половинѣ остановился Михаилъ Чацкій, который и былъ избранъ волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

У насъ было людно и шумно, такъ какъ того желала моя мать; всегда было много гостей, были экипажи, верховыя лошади; мы жили на широкую ногу, благодаря чему я сразу пріобрѣлъ симпатіи дворянства.

Выборы происходили каждые три года; выбирались слѣдующія лица: губернскій предводитель дворянства, первое лицо среди дворянъ и ихъ начальникъ; президенты перваго и втораго департаментовъ; въ первомъ—рѣшались уголовныя дѣла, и на должность президента этого департамента выбирали человѣка богатаго, который на хорошемъ счету у правительства, чаще всего—пана; въ президенты втораго—человѣка умнаго и честнаго, знакомаго съ правомъ и указами, и пользующагося симпатіями дворянъ, хотя бы даже и не богатаго.

Далѣе слѣдовали уѣздные предводители дворянства 12-ти уѣздовъ, изъ которыхъ состояла въ то время Волынская губернія; уѣздные подкоморіи—должность скорѣе почетная, чѣмъ сопряженная съ какими-либо обязанностями; депутаты двухъ департаментовъ; уѣздные хорунжіе; намѣстники предводителей дворянства; эти послѣдніе должны были быть постоянно въ движеніи, въ разъѣздахъ; на эту должность выбирали молодыхъ и богатыхъ; уѣздные судьи; ихъ помощники; каждый уѣздъ выбиралъ по одному писарю; въ писаря выбирались люди, имѣвшіе достаточный навыкъ писать, дѣятельные, не кутилы и т. д. Всѣ эти чиновники исполняли свои обязанности безмездно, съ дворянскимъ сердцемъ, они посвящали свое имущество для дворянскихъ сердецъ.

Исправники и засѣдатели или ассессоры были въ то время выборные и получали жалованье; но позднѣе ихъ стали назначать отъ правительства, какъ губернаторовъ и другихъ коронныхъ чиновниковъ, которыхъ было немало.

Дворянскій домъ, или залъ выборовъ, представлялъ собою огромное каменное зданіе, которое находилось въ полномъ распоряженіи дворянъ. Полиція, жандармы и чиновники въ форменномъ костюмѣ, даже самъ губернаторъ, не имѣли права туда являться.

Губернаторъ Гижицкій, генералъ русской арміи, полякъ, — который поэтому, хотя и былъ первымъ чиновникомъ, но не любилъ узъ права и по природѣ былъ склоненъ къ нарушенію всѣхъ правовыхъ нормъ,—вошелъ въ тотъ домъ въ губернаторскомъ мундирѣ, окруженный жандармами.

Янъ Куровскій, гордый шляхтичъ, безъ дальнихъ околичностей закричалъ: «Прочь отсюда!» И шляхта за нимъ закричала: «прочь, прочь!» а Викентій Ледуховскій, бывшій губернскій предводитель дворянства, принеся книгу законовъ, успокоилъ распѣтушившагося губернатора и заставилъ его удалиться словно въ воду опущеннаго.

Съ этого времени онъ являлся лишь въ качествѣ помѣщика Житомірскаго уѣзда.

Во всей Россіи шляхетскій домъ называли: «дворянская дума».

Выборы иногда отбывались очень чинно, прилично, а иногда съ гамомъ и крикомъ. Дворяне-выборщики походили на молоко, поставленное на огонь; тихо и спокойно варится оно, просто любо смотрѣть,—какъ вдругъ начинаетъ пѣниться и все уходитъ изъ кастрюли.

Въ выборахъ губернскихъ должностныхъ лицъ важную роль играли овручане; въ этомъ уѣздѣ было болѣе 400 избирателей. Житомірцы были болѣе богаты и отличались большою гордостью, независимостью и самостоятельностью: они не позволяли большимъ панамъ управлять ими.

Овручане были бѣдны и многочисленны. Часто можно было встрѣтить овручанина, не имѣющаго ни одной души, но подающаго голосъ въ качествѣ владѣльца 25 душъ, ссуженныхъ ему богатымъ, такъ какъ нужно было имѣть 25 душъ, чтобы имѣть право вотировать. Такіе меценаты набирали цѣлую свиту овручанъ, благодаря которымъ и производили давленіе на выборы. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ меценатовъ этого рода былъ генералъ Корженевскій. Онъ владѣлъ частію Житоміра, которая называлась Коденькой; тутъ были домики, какъ бы нарочно построенные для вербовки избирателей, просторные и удобные, съ огородами, садами, окруженные палисадомъ—они походили на острова. Сюда въ крытыхъ еврейскихъ повозкахъ свозили овручанъ, и панъ Корженевскій, бывшій маршалекъ овручскій, гостепріимно принималъ у себя своихъ братьевъ—шляхту-овручанъ. Третякъ, Рожанскій и Барановскій привозили овручскую шляхту, оставались вмѣстѣ съ нею въ окруженныхъ палисадомъ домахъ, гостили и наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не имѣлъ никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, пока не окончатся выборы губернскихъ должностныхъ лицъ.

По окончаніи выборовъ овручанъ отпускали на волю, оканчивались ухаживанія за ними, угощенія, братство,—и дороги пана-мецената и его братьевъ-овручанъ совершенно расходились.

Житомірцы дѣлились на двѣ партіи. Къ первой принадлежала шляхта, бывшая въ союзѣ съ овручанами и состоявшая изъ сторонниковъ равенства, хотя, можетъ быть, и не знавшихъ, что такое демократія. Сторонниковъ другой партіи считали аристократами.

Выпущенные на волю овручане съ житомірцами оживляли кутежами другіе уѣзды.

Достойно удивленія, что, хотя Житоміръ—губернскій городъ, а Кіевъ—городъ трехъ губерній, университета, городъ дорогихъ для славянскаго сердца памятниковъ, расположенный въ мѣстности столь очаровательной, что во многомъ не уступаетъ Стамбулу,—польская шляхта не чувствовала себя въ этихъ городахъ совершенно привольно, въ то время, когда въ этомъ дрянномъ Бердичевѣ, въ болотѣ, среди жидовъ, была свобода и веселіе, шляхта чувствовала себя какъ у себя дома, строила воздушные замки и стремилась къ осуществленію своихъ фантазій. По крайней мѣрѣ до 1831 года въ одномъ этомъ городѣ братались поляки съ русскими; тѣ и другіе старались высказать свои мысли, стремленія, предположенія и комбинаціи; разсуждали по-славянски о славянскихъ вопросахъ.

Всему этому много помогало то, что въ Бердичевѣ постоянно былъ размѣщенъ по квартирамъ дивизіонъ кавалеріи; офицера все были люди, принадлежащіе къ хорошимъ родамъ, прекрасно воспитанные, а по своимъ кутежамъ походившіе на шляхту. Польская молодежь сближалась съ русскими кавалеристами и браталась съ ними; при этомъ смѣло могу сказать, что только одна шляхта окрестностей Бердичева, можетъ быть, въ цѣлой Польшѣ,—знала, что такое славизмъ, и имѣла къ нему влеченіе.

Поляки изъ окрестностей Бердичева видѣли на ярмаркахъ Александра Карагеоргіевича, сына героя Сербіи, а позднѣе князя этого умнаго рода славянскаго; вмѣстѣ съ нимъ Янковича, Ненадовича и другихъ сербовъ, въ то время скитальцевъ, покинувшихъ свой край; видѣли болгаръ—Априлева, Палаузова и черногорцевъ. Съ ними познакомились, а затѣмъ совершали охотничьи экскурсіи въ Новую Сербію, гдѣ были помѣстья этихъ эмигрантовъ. Видѣли, гдѣ и какъ они живутъ; знали, что есть запорожцы, польскіе выходцы, вооруженные рыцари за Дунаемъ, что есть некрасовцы. Шляхта знакомилась съ этими живыми книгами славянства, о чемъ не грезили ни велико-поляне, ни слѣпые мазуры, ни краковяки, ни даже галичане. Велико-поляне—умные, философы—знали и дебатировали о великихъ ученыхъ, объ онѣмеченныхъ славянахъ, и сами понемногу онѣмечивались во имя Запада и цивилизаціи—Канта, Гегеля, Шелинга.

Для краковяковъ и мазуровъ славяне—это схизма, осужденіе, погибель душъ. Галичане въ то время знали словаковъ, продававшихъ порошокъ противъ блохъ, слыхали о Ганкѣ, Шафарикѣ, но все-таки повторяли: «мадьяры, братушки,—умѣютъ владѣть саблей, но не отказываются и отъ кружки! они за насъ все знаютъ и все сдѣлаютъ».

У насъ было иначе,—мы читали сочиненія, выходившія въ Харьковѣ, Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ уже серьезно занимались славян-

скимъ вопросомъ. Такъ не могло быть подъ властью монарховъ нѣмцевъ, которые въ то время болѣе чѣмъ когда-либо прилагали усилія, чтобы убѣдить, что славы—это склавы, служившіе для римлянъ гладіаторами, а для германцевъ—кнехтами; а всѣ эти разсказы о сербскихъ царяхъ и короляхъ босняцкихъ, а также и болгарскихъ—это миѳы. Это незнакомство съ исторіей славянъ, это превратное пониманіе славянщизны есть и еще долго будетъ великимъ несчастіемъ поляковъ.

Польское общество не завязало тѣсныхъ сношеній съ обществомъ русскимъ, главнымъ образомъ потому, что вся высшая администрація слагалась въ то время изъ поляковъ и курляндцевъ. Губернаторомъ послѣ генерала Гижицкаго, шляхтича сварливаго и непріятнаго по своему нѣсколько грубому обращенію, былъ назначенъ Анджейковичъ, литвинъ, человѣкъ въ высшей степени деликатный и прекрасно воспитанный.

Русскіе чиновники состояли по большей части изъ малороссовъ, которые гораздо больше любили домашній очагъ, чѣмъ общество—малороссы трудолюбивы, добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, не пьютъ, довольствуются небольшими деньгами и таковыхъ не собираютъ, но идеаломъ ихъ является домашняя, семейная жизнь, соловей и цвѣты.

Въ деревняхъ помѣщичья жизнь протекала шумно, весело и въ высшей степени цивилизованно; почти въ каждомъ болѣе состоятельномъ домѣ была значительная библіотека, слагавшаяся изъ избранныхъ сочиненій на различныхъ языкахъ; вездѣ подписывались на газеты виленскія, варшавскія, а во многихъ мѣстахъ—на французскія; умственное движеніе было большое. Въ то время общество, по своимъ литературнымъ и философскимъ воззрѣніямъ, дѣлилось на партіи. Въ литературѣ вся молодежь и женщины стояли за романтизмъ. Адамъ Мицкевичъ, лордъ Байронъ, Пушкинъ—были идолами этой партіи. Другая партія, слагавшаяся изъ стариковъ, единственно для того, чтобы показать, что у нея есть свое мнѣніе, упорно стояла за классицизмъ. Людвигъ Осинскій стоялъ во главѣ этой партіи. У этихъ послѣднихъ на всѣ доказательства, на всѣ проявленія чувствъ былъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ. Брали книгу стиховъ Мицкевича, какъ это дѣлалъ Осинскій, открывали ее и монотонно читали: «глухо всюду, темно всюду!» и, положивъ книгу на столъ, продолжали: «вѣроятно, будетъ глупо». Отсюда происходили большіе споры, даже поединки; но, къ счастью, сторонниковъ классицизма было очень мало, и ода къ молодости, которую всѣ повторяли и которою всѣ восхищались, доконала классицизмъ. Въ философіи были сторонники Канта и сторонники Яна Снядецкаго, но послѣдніе, благодаря народной симпатіи, а также благодаря здравому смыслу, который, къ сожалѣнію, не всегда бываетъ спутникомъ поляковъ въ точныхъ

*

наукахъ и въ политикѣ, одержали верхъ надъ сторонниками нѣмецкой философіи, которой не понимали даже ея поклонники. Любимою темою поклонниковъ этой послѣдней философіи было удивленіе предъ доказательствомъ существованія дьяволовъ и ангеловъ. Эта-де міровая цѣпь, связанная звеньями отъ камней и предметовъ неорганическихъ до растеній, до гадовъ, рыбъ, птицъ, звѣрей—до самаго человѣка, не могла быть прервана между человѣкомъ и Богомъ, Творцомъ всего; этими звеньями должны быть дьяволы и ангелы. Надъ этимъ разсужденіемъ противники нѣмецкой философіи смѣялись, какъ и надъ всемъ, что принадлежало нѣмцамъ.

Яна же и Андрея Снядецкихъ почитали за величайшихъ мужей науки въ Польшѣ. Это краткое обозрѣніе далекаго прошлаго выказываетъ умственное движеніе того времени въ земляхъ русскихъ.

Не было деревни, гдѣ бы не было удобной и красивой усадьбы; даже въ малыхъ деревняхъ, которыя отдавались въ аренду или въ которыхъ жили только экономы, были чистенькія усадьбы, содержавшіяся въ образцовомъ порядкѣ. Хозяйственныя постройки соотвѣтствовали усадьбамъ, особенно выдѣлялись по своей роскоши конюшни.

Избы крестьянъ, особенно въ окрестностяхъ Бердичева, были очень чистыя, изобиловавшія садами и водою; эти деревни среди степей походили на рощи; населеніе ихъ отличалось богатствомъ, веселымъ нравомъ, необыкновенною ловкостью и большою привязанностью къ добрымъ и справедливымъ господамъ; можетъ быть, въ этой околицѣ болѣе сохранился казацкій духъ, чѣмъ въ цѣлой Украйнѣ.

Считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о лошадяхъ. Въ то время, когда Вацлавъ Ржевусскій воспитывалъ породу арабскихъ степныхъ коней въ великолѣпныхъ ставранскихъ конюшняхъ, когда князья Сангушко скрещивали арабскую и англійскую породу съ польскою, чтобы имѣть лошадей какъ въ Англіи, президентъ Ивановскій добылъ, скажу даже, откопалъ породу старо-польскихъ коней, джаметовъ, на предкахъ которыхъ гусары и панцырные рыцари развозили нѣкогда рыцарскую славу Польши; лошади эти походили на того коня, на которомъ сидитъ бронзовый Янъ III въ Варшавѣ.

По примѣру этихъ двухъ помѣщиковъ цѣлая околица бердичевская занималась коневодствомъ, не для скачекъ, но главнымъ образомъ для верховой ѣзды, а затѣмъ для ѣзды въ экипажахъ. Эти лошади очень цѣнились и хорошо оплачивались; польское войско и русская гвардія въ Петербургѣ получала самыхъ лучшихъ своихъ офицерскихъ и унтеръ-офицерскихъ коней изъ окрестностей Бердичева.

По поводу лошадей приведу одинъ забавный случай.

У президента Ивановскаго была дочь, очень красивая, прекрасно воспитанная и обладавшая большимъ приданымъ. Претенденты съѣз-

жались со всѣхъ частей Польши. Однажды было ихъ двое: графъ Р. изъ Познани и графъ Ск. изъ Галиціи; оба молодые, свѣтскіе. Видя образцовое, украинское хозяйство Ивановскаго, начали говорить объ нѣмецкихъ улучшеніяхъ; не видя у президента ни одной овцы, ни одного барана, стали доказывать, приводя цифры, что мериносы обогащаютъ край, между тѣмъ какъ лошади доводятъ его до бѣдности, и стали совѣтовать завести мериносовъ вмѣсто лошадей, которыхъ у президента было очень много.

Ивановскій слушалъ какъ бы въ чаду; онъ былъ уже въ то время 70-лѣтнимъ старцемъ; наконецъ воскликнулъ:

— Скажите, пожалуйста, вы поляки?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, покраснѣлъ такъ, что даже лысина побагровѣла:

— А на чемъ же вы будете выгонять нѣмцевъ изъ Польши, не на баранахъ ли? Фу, стыдитесь, милостивые государи, вы—подольскіе быки, уѣзжайте себѣ съ Богомъ, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста!—Графы должны были уѣхать, а президентъ выдалъ дочь за Подольскаго, шляхтича-домосѣда, но который владѣлъ прекраснымъ табуномъ польскихъ лошадей. Президентъ Ивановскій вызывалъ одобреніе и подражаніе; во всѣхъ окрестностяхъ Бердичева разводили лошадей, чтобы изъ славянскихъ земель изгонять нѣмцевъ; можетъ быть, дастъ Богъ, это и наступитъ когда-нибудь!..

Я былъ помѣщикомъ и, признаюсь, чувствовалъ себя очень счастливымъ; я любилъ мать, и мать любила меня; среди нашей родни господствовала сердечность и непринужденное желаніе сообразовать свои поступки съ удовольствіемъ другихъ.

При всемъ этомъ я любилъ охоту, собакъ и лошадей.

Въ Гальчинцѣ, гдѣ я родился и гдѣ жилъ, собиралась молодежь изъ окрестностей; у насъ была библіотека, состоявшая изъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ очень почтенныхъ сочиненій и многихъ рукописей; библіотека эта была отдана въ распоряженіе моихъ друзей и товарищей увеселеній.

Въ то время можно было и учиться, и веселиться, и кружокъ молодежи, который нѣсколько лѣтъ спустя создалъ бердичевскій бунтъ, а позднѣе полкъ волынской кавалеріи Карла Ружицкаго, собирался и веселился въ Гальчинцѣ.

Охотились, веселились, иногда танцовали, но чаще всего читали и разсуждали. Смѣло могу сказать, что ставъ, вмѣстѣ съ Яномъ Омецинскимъ, во главѣ этой молодежи,—онъ, какъ человѣкъ болѣе опытный и пользующійся довѣріемъ окружающихъ (такъ какъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше меня); а я благодаря моему значительному состоянію и по доброй волѣ,—двинули ее и по стезѣ знанія, дѣятельной любви къ

родинѣ и ея исторіи, сдѣлали ихъ шляхтичами, въ истинномъ значеніи этого слова, шляхтичами, владѣющими и перомъ, и саблей; умѣющими и танцовать, и молиться (do tańca i do różańca).

Крестьяне называли насъ—наши господа. Мы братались съ крестьянами не вслѣдствіе золотыхъ грамотъ, не вслѣдствіе маніи сближенія съ простонародьемъ, сближенія, котораго многіе старались достичь, наряжаясь въ свитки и посѣщая корчмы,—нѣтъ, мы сближались съ ними, допуская ихъ до нашихъ охотничьихъ и рыцарскихъ развлеченій, разговаривая съ ними на охотничьихъ привалахъ, какъ на мѣстахъ побоищъ славы, раздѣляя вмѣстѣ съ ними предъ кострами охотничью трапезу, отдыхая подъ одними и тѣми же стогами сѣна.

Это сближеніе на охотѣ сглаживало различія нашихъ чувствъ и понятій, давало намъ возможность понять другъ друга и приготовляло къ рыцарскому братству на поляхъ битвы, къ служенію одному дѣлу.

Золотыхъ грамотъ простой народъ не понималъ, шляхта имѣла о нихъ очень смутное представленіе и относилась къ нимъ съ большимъ недовѣріемъ. Крестьяне боялись быть обманутыми, а шляхта хотя и добродушно, но, можетъ быть, и хотѣла обмануть, и обманывала. Переодѣваніе въ свитки, хожденіе по корчмамъ, танцованіе съ крестьянками, даже случаи вступленія съ ними въ бракъ—все это было коварствомъ по отношенію къ простому народу, какою-то нелѣпою комедіею со стороны шляхты. Вся эта хлопоманія была горькою ироніей, братство же на охотѣ было дѣломъ вполнѣ естественнымъ, освященнымъ традиціями, дѣломъ, къ которому и шляхта, и крестьяне привыкли чрезъ разсказы, чрезъ воспоминанія отцовъ и дѣдовъ.

Это братство на охотѣ имѣло также и ту пользу, что пріучало насъ относиться съ уваженіемъ не только къ товарищамъ охотъ нашихъ, но даже и къ ихъ семействамъ, что является необходимымъ условіемъ къ установленію хорошихъ отношеній между шляхтою и крестьянами. Мнѣ не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь изъ нашего кружка позволилъ себѣ низко злоупотребить силою и принужденіемъ по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ крестьянкамъ, такъ какъ эти крѣпостныя были сестры, дочери, жены товарищей нашихъ охотъ. Было сохранено уваженіе къ этому побратимству, чего, къ сожалѣнію, внѣ нашего кружка не было: часто случались злоупотребленія, которыя смѣло назову ошибками и преступленіями, и которыя болѣе всего поселили рознь и даже ненависть между крестьянами и шляхтою.

Общество того времени въ политическомъ и соціальномъ отношеніи можно было раздѣлить слѣдующимъ образомъ: богатые помѣщики, владѣвшіе многими селами, иногда мѣстечками, принадлежавшіе къ стариннымъ шляхетскимъ родамъ, владѣльцы земскихъ имѣній, и то только перешедшихъ къ нимъ по наслѣдству отъ отцовъ и предковъ. Это по-

слѣднее обстоятельство было однимъ изъ существеннѣйшихъ условій для принадлежности къ такъ называемымъ въ другихъ мѣстностяхъ магнатамъ, или, какъ у насъ ихъ называли, колигатамъ. Они стояли во главѣ этой привилегированной отъ рожденія касты, къ ней присоединялись выдающіеся ученые, извѣстные и уважаемые писатели, лица, занимающія высокій постъ по дворянскимъ выборамъ, и заслуженные военные, особенно въ польскомъ войскѣ; во время Наполеона I быть простымъ солдатомъ подъ командою генерала Домбровскаго—значило быть паномъ, хотя бы безъ денегъ и безъ имѣній, колигатомъ, всегда желательнымъ гостемъ въ обществѣ колигатовъ; такой человѣкъ могъ, ни о чемъ не заботясь, спокойно пользоваться жизнью.

Въ то время я не придавалъ такого значенія, какое придаю теперь, тому обстоятельству, что только въ окрестностяхъ Бердичева генерала Домбровскаго, создателя польскихъ легіоновъ, цѣнили гораздо выше, чѣмъ князя Іосифа Понятовскаго, этого всадника-кутилу. Мазурекъ Домбровскаго былъ въ сердцахъ и устахъ всѣхъ, кто носилъ польское имя; Домбровскаго славу и заслуги хвалили трезвые, а геройство князя Понятовскаго только полупьяные или даже совсѣмъ пьяные.

Люди, которые нажили состояніе подрядами, торговлей или промыслами, всегда оставались «доробкевичами» (т. е. людьми, которые трудами достигли благосостоянія, такъ сказать, доработались до состоянія).

Титулованные—графы, бароны, получившіе эти титулы при помощи заискиваній или за деньги, не пользовались уваженіемъ среди шляхты. Даже принадлежавшіе къ лучшимъ родамъ, лишь только получали титулъ, тотчасъ же подвергались отчужденію отъ общества, а чаще всего являлись посмѣшищемъ, единственно потому, что были графами или баронами; этихъ послѣднихъ больше всего было жидовъ. Панки или полу-панки, владѣльцы маленькихъ деревень или частей деревень, арендаторы, высшіе служащіе большихъ пановъ, казенныхъ имѣній, монастырскихъ имѣній—составляли одинъ классъ, который ничѣмъ не уступалъ первому въ привилегіяхъ и прерогативахъ, но въ обществѣ его скорѣе терпѣли, чѣмъ принимали; отсюда возникло неудовольствіе и склонность къ демократіи. У нихъ проглядывало смутное желаніе, чтобы богатство пановъ какимъ бы то ни было способомъ уничтожить, а крестьянъ прижать еще болѣе. Въ то время еще не было ни теоріи, ни демократическихъ обществъ, но были вожделѣнія, которыя, безъ сомнѣнія, породили современную польскую демократію. Однако, ничего не было легче, какъ сближеніе пановъ съ панками и съ полу- панками: нужно было только немного ума и много сердца, и были бы достигнуты единство и сила. Чиншевая шляхта была бѣдна и несчастна, и поэтому пала духомъ и поступилась своимъ шляхетскимъ достоинствомъ. Панъ, кото-

рый, если только онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, былъ матерью для крестьянъ, для шляхты былъ мачихою, хотя бы былъ и наилучшимъ.

Квартиры для солдатъ, подводы для войскъ, кормовое довольствіе—все это падало на чиншеваго шляхтича.

Въ деревняхъ, которыя не были господскими, а были собственностью ихъ населенія, владѣльцы нѣсколькихъ морговъ пользовались своевольною свободою. Въ сущности, тамъ паномъ былъ жидъ-арендаторъ; онъ успѣлъ съ жидовскою ловкостію привлечь къ участію попа и задобрить деньгами правительственныхъ чиновниковъ, шляхта-владѣльцы и сами, и ихъ жены по очереди ходили сторожить у его дверей, унижались предъ нимъ; но когда наступалъ срокъ платежа, когда доходило дѣло до разсчета или уплаты, тогда жида-парха—въ ухо и по пейсамъ, били, били, а, пропивъ всѣ деньги, снова съ повинною возвращались. Такая жизнь извращала умъ и чувства, и стремленіе къ высшимъ цѣлямъ и гордость проявлялись въ причиненіи зла, въ процессахъ, въ побоищахъ. Упаси Боже было быть сосѣдомъ такой деревни. Шляхта этой категоріи, исповѣдывавшая православную вѣру, была въ братскихъ сношеніяхъ съ крестьянами, въ виду одной вѣры и одного языка, но шляхта католическая была съ крестьянами въ непріязненныхъ отношеніяхъ, а поэтому администрація пользовалась этою послѣднею для всевозможныхъ экзекуцій за недоборы, за невыполненіе различныхъ порученій; эти экзекуторы были невыносимѣе солдатъ и жандармовъ, такъ какъ угнетали православіе во имя костела католическаго апостольскаго римскаго.

Мѣщане слагались изъ евреевъ, кацаповъ, разновѣрцевъ, которые занимались торговлею, съемкою въ аренду садовъ, извознымъ промысломъ; они были порядочными и состоятельными людьми. Были и мѣщане христіане-украинцы; это были амфибіи между шляхтичемъ чиншевымъ и крестьяниномъ; помѣщикъ, какъ могъ, тянулъ съ нихъ доходы, а правительство держало его подъ своею опекою и брало все, что оставалось послѣ помѣщика. Они платили помѣщику чинши втрое большіе, чѣмъ шляхта, а правительству—платили подать, доставляли рекрутовъ и исполняли всякія повинности; это были коровы, у которыхъ было много владѣльцевъ; ихъ доили до крови и выдоили всѣ высшія стремленія, которыми они не были проникнуты въ такой степени, какъ шляхта или даже крестьяне. Даже евреи не отказывали себѣ въ удовольствіи мучить ихъ. Мѣщане доставляли наймитовъ и наймитокъ евреямъ.

Вольные крестьяне, такъ называемые вольно живущіе, почти всѣ селились въ лѣсахъ; это были рабочіе на стеклянныхъ заводахъ, плотники, рудокопы и производители всевозможныхъ лѣсныхъ продуктовъ. Многочисленные поселки ихъ были расположены около стекляныхъ фабрикъ, рудниковъ; народъ все красивый, сильный, трудолюбивый и любящій

повеселиться, прекрасные работники; между ними нѣкоторые заработывали даже до ста злотыхъ въ день кристализаціею и рѣзьбою стекла, выливаніемъ зеркалъ, отливаніемъ желѣзныхъ издѣлій и другими подобными занятіями; они не были прикрѣплены къ землѣ, не были ревизскими душами того или другаго помѣщика, или правительства; они могли переходить съ мѣста на мѣсто, по выполненіи предписанныхъ формальностей.

Однако паны съ администраціею внесли поправку въ эту вольность, или «безпанство», которое хотя и могло имѣть нѣкоторые благіе результаты, но гораздо болѣе должно было принести дурныхъ послѣдствій. Въ поселкахъ паны открыли торговлю всѣми предметами, начиная отъ дерева на постройку хатъ, до уборовъ, до предметовъ первой необходимости, до женскихъ бездѣлушекъ, шинковъ съ различными напитками, даже дѣтскихъ игрушекъ. Всѣ эти товары принадлежатъ пану, и панъ— единственный и главный торговецъ и все даетъ въ кредитъ, только записывая въ прошнурованныя книги, въ которыхъ пишутся и заработанныя деньги; къ концу года—разсчетъ. Мнѣ не случалось слышать, чтобы заработокъ сравнялся съ долгомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ у каждаго вольно-живущаго накопляется болѣе десяти тысячъ долгу, и должникъ теряетъ свою свободу, пока не расплатится, а такъ какъ онъ не можетъ расплатиться, то и является зависимымъ отъ своего кредитора въ такой же степени, какъ и настоящіе крѣпостные. Этотъ способъ закрѣпощенія долгомъ свободнаго человѣка хотя на первый взглядъ и кажется несправедливымъ, вполнѣ законенъ тамъ, гдѣ собственность служитъ основою общежитія; это закрѣпощеніе приноситъ даже извѣстную выгоду самимъ вольно-живущимъ, такъ какъ заставляетъ ихъ оставаться на одномъ мѣстѣ, а вѣдь только камень, долго остающійся на одномъ мѣстѣ, обрастаетъ (мхомъ). Съ другой стороны—устраняетъ пронырливую конкуренцію спекулянтовъ, которые, открывая новыя фабрики, разсчитывали бы нажиться, переманивая заманчивыми обѣщаніями рабочихъ съ другихъ, прежде открытыхъ фабрикъ, и такимъ образомъ вынуждая эти послѣднія прекратить производство; но дѣлать это было не такъ легко, когда можно имѣть этихъ работниковъ, только уплативъ наличными деньгами по ихъ долговымъ обязательствамъ. Этотъ способъ, повидимому, безнравственный—обезпечиваетъ существованіе фабрикъ, ихъ улучшеніе и ростъ.

Можетъ быть, эта система долговыхъ капиталовъ, улучшенная въ смыслѣ добросовѣстности и приноровленная къ условіямъ мѣста и времени, была бы наилучшею переходною ступенью отъ крѣпостной зависимости къ полной свободѣ, такъ какъ она положила бы преграду къ тому, чтобы непривычная жизнь безъ господина не перешла въ своеволіе, распутство, а можетъ быть и преступленія.

Крѣпостные крестьяне, ревизскія души, такъ сказать невольничество того времени, если у крестьянъ былъ добрый панъ, хорошо понимавшій свой собственный интересъ, было настолько счастливо, настолько благополучно, насколько можно было требовать. Три дня барщины въ недѣлю, 12 дней въ году—натуральной повинности по исправленію дорогъ, плотинъ и мостовъ, 12 дней работы, сверхъ указанной,—въ пользу помѣщика—это не очень много, не очень обременительно. Панъ, заботясь о своемъ добрѣ, не допускалъ крѣпостныхъ до голодной смерти, до нищенской жизни, не допускалъ даже до того, чтобы у нихъ не было домашняго скота. Послѣ трудовъ, крѣпостной могъ спокойно лечь спать, не думая о завтрашнемъ днѣ, и вмѣсто утѣшенія: «Богъ дастъ!» имѣть увѣренность: «панъ дастъ!»

У злаго пана крѣпостная жизнь была адомъ. Въ то время было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ пана Г., и этотъ помѣщикъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за безчеловѣчно-жестокое обращеніе съ крѣпостными. Онъ вѣшалъ женщинъ къ потолку за волосы и понемногу подрѣзалъ волосы бритвою до тѣхъ поръ, пока не оставалось такъ мало, что они не могли удержать женщины, она обрывалась, оставляя у потолка вмѣстѣ съ волосами кусокъ сорванной съ головы кожи.

Другой помѣщикъ панъ I. А. приказалъ пахать бабами и дѣвками; падали бѣдняжки, таща плугъ, а барскіе сыщики осыпали ихъ ударами батоговъ; воля панская сравняла ихъ со скотомъ.

Панъ Т., гусарскій офицеръ, пригласилъ къ себѣ на пирушку товарищей-гусаръ, а дворовымъ казакамъ и вѣстовымъ гусарамъ приказалъ силою привести молодицъ и дѣвокъ для участія въ этой пирушкѣ; пока они кутили, братья и отцы этихъ несчастныхъ жертвъ распутства привезли возы сухаго сѣна и соломы и обложили имъ домъ, какъ окопомъ, и затѣмъ подожгли. Домъ горѣлъ, а они, какъ духи-мстители, стояли вокругъ, съ ружьями, съ кольями и топорами: ни одна живая душа не вышла изъ дома—всѣ вмѣстѣ погибли. Крестьянъ погнали въ Сибирь на поселеніе, вся деревня выселилась, а пепелище барскаго дома осталось ужаснымъ назиданіемъ.

Видѣли пановъ В и Д., которые ставили на карту и проигрывали своихъ любимыхъ казаковъ, женъ и дочерей—одному, мужей и отцовъ—другому. Видѣли многихъ, продававшихъ крѣпостныя души, какъ скотъ, хуже, чѣмъ собакъ и дешевле.

Царскіе указы, дѣйствительно, не позволяли продавать души безъ земли, но не запрещали покупать землю безъ крѣпостныхъ. Поэтому въ одинъ день продавали души съ землею, а на другой—покупали обратно землю безъ душъ; души оставались у купца; все было можно—только осторожно.

Были и добрые помѣщики, но такихъ было мало; вообще стыдились

проявлять доброту и человѣчность; кто не приказывалъ жестоко наказать розгами крѣпостнаго, сорвавшаго грушу, тотъ не былъ хватомъ.

И такіе люди превратились позднѣе въ горячихъ демократовъ!

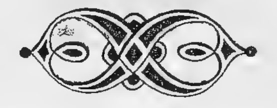
Такія отношенія между помѣщиками и крѣпостными поселили ненависть крестьянъ и господъ другъ къ другу. Правительство и администрація были совершенно непричастны къ этому злу; никто не можетъ указать ни на одно распоряженіе, побуждавшее къ этому; напротивъ, по-отечески предостерегали; правда, оберегали шляхту отъ обидъ и мести, такъ какъ все еще продолжали считать шляхту опорою трона. Правительство предоставило помѣщикамъ полнѣйшую свободу заняться улучшеніемъ быта своихъ крѣпостныхъ, даже поощряло и награждало тѣхъ, которые по-отцовски обходились съ крѣпостными, а чиновникамъ было строжайше приказано не вмѣшиваться въ отношенія между господами и крестьянами, должно признаться, въ этомъ отношеніи мы не испытывали со стороны чиновниковъ никакого давленія или непріятностей.

Старый Поляновскій изъ Лещина, человѣкъ почтенный и большой житейской опытности, видя, что молодежь о чемъ-то сговаривается и къ чему-то готовится, сказалъ:

«Сидите тихо, вы теперь словно въ раю, чего же вамъ не хватаетъ? Съ вами обходятся осторожно, какъ съ нарывомъ, такъ какъ боятся вашего яду; поэтому воздерживайтесь отъ всякихъ проявленій, которыя могутъ обнаружить, что вы всего лишь безвредная жаба; а безпомощною жабою васъ можно назвать потому, что вы одни; нужно сердцемъ приблизиться къ сердцамъ крестьянъ, относиться къ нимъ справедливо, признать ихъ людьми; а когда вы будете вмѣстѣ, то будете силой, тогда можно будетъ попробовать». Такъ говорилъ старый Поляновскій. Его не слушали. Теперь слѣдуетъ ударять себя въ грудь и искать инаго пути, который бы былъ и съ правдой, и съ Богомъ.

Перев. съ польскаго **Турцевичъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Къ исторіи театра въ Россіи.

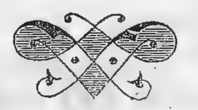
Канторѣ Театральной Дирекціи

Предложеніе.

О существуемомъ уже издавна въ Театральной Дирекціи постановленіи, что служащія въ оной по Опрѣделенію не могутъ быть увольняемы отъ Службы, какъ по предварительному о себѣ за шесть мѣсяцовъ извѣщенію, и что Дирекція въ семъ случаѣ взаимно руководствуется симъ же правиломъ, имѣвъ я счастіе докладывать Государю Императору и получивъ изустное Высочайшее Утвержденіе о непреложномъ Существованіи на всегда сего правила. Сообщаю о семъ во извѣстіе Канторѣ, которая имѣетъ обвѣстить о таковой воспослѣдовавшей Высочайшей волѣ, всѣмъ служащимъ при Дирекціи. Декабря 5-го дня 1807 года. Подлинное подписалъ оберъ-каммеръ-геръ Нарышкинъ.

Объявленіе, раздававшееся въ Московскомъ театрѣ въ 1827 году.

Въ сегоднешней оперѣ Г. Самойловъ, не желая остановить объявленнаго спектакля, по внезапной осиплости, находится въ необходимости пропустить нѣкоторые номера пѣнія, въ чемъ и проситъ снисхожденія Почтеннѣйшей Публики.



АВТОБІОГРАФІЯ

Юрьевскаго архимандрита Фотія.

Книга третья.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

Священно-архимандрита отца Фотія [1]).

Анаѳема Госнеру, Попову, Кошелеву, всему сонмищу богоборному, вождю всякаго зла и покровителю нечестія и всѣмъ участникамъ въ С.-Петербургѣ и внѣ онаго противу Бога и царя, Церкви и царства, истины и ученія святыхъ, учащимъ и все дѣлавшимъ. — Страхъ дщери дѣвицы отъ анаѳемы, реченной вождю нечестія непокаявшемуся.—Страхъ боляръ отъ анаѳемы.—Жалоба и клевета царю на Фотія.—Благословеніе митрополита Серафима за анаѳему, реченную князю и сонмищу его.—Слухъ во градѣ царствующемъ объ анаѳемѣ, реченной за нечестіе.—Посланіе съ оглашеніемъ враговъ вѣры и способъ исправить потребное для церкви и блага всего царства. — Посланіе третіе.—Планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо.

Когда князь Голицынъ повелѣніе Высочайшее о Госнерѣ [2]) послѣ предсказанія отъ Фотія, задолго до событія, на дѣлѣ увидѣлъ, и велѣно изгнать Госнера, старался еще крѣпиться и славу поддержать силы своея: всѣ соучастники возстали за Госнера. Но сатана какъ молнія съ небесъ упалъ и съ нимъ со всею свитою палъ даже до ада. Послѣднюю дерзость свою ересіархъ сей являетъ: раскрываетъ окна въ нощи и начинаетъ себя выдавать за Іоанна Предтечу и пророка объ-

---

[1]) См. „Русскую Старину" ноябрь 1895 года.

[2]) Разсмотрѣніе книги Госнера поручено было адмиралу А. С. Шишкову и министру внутреннихъ дѣлъ В. С. Ланскому. (Разборъ книги напечатанъ въ „Чтеніяхъ общ. ист. и древ." 1868 года, кн. III, онъ имѣется и въ бумагахъ Фотія—въ сборникѣ матеріаловъ, кн. II, № 1). Сдѣланный Шишковымъ и Ланскимъ разборъ Госнеровой книги поступилъ въ Комитетъ министровъ, всѣ члены котораго согласились съ мнѣніемъ Шишкова. Комитетъ министровъ постановилъ: выслать Госнера за границу, книгу его сжечь (сожжена въ Невской Лаврѣ). („Русскій Архивъ" 1868 г., стр. 1368); всѣ лица, прикосновенныя къ изданію книги—переводчики, цензоры, типографщики преданы суду Сената. Но здѣсь-то дѣло и затянулось, какъ это видно будетъ ниже. Не особенно обширный разборъ книги Госнера помѣщенъ въ „Запискахъ о крамолахъ враговъ Россіи". „Русск. Архивъ" 1868 г., 1368—1383.

являетъ себя, самъ о себѣ свидѣтельствуяй, отъ діавола будучи наученъ, что онъ есть гласъ вопіющаго,—но вскорѣ умолкаетъ сей адовъ звѣрь, власть законная схватываетъ его, увозитъ изъ Россіи и бросаетъ за границы свои. Онъ отправляется въ Прусское царство къ своимъ, ища себѣ мѣста, дабы пакости дѣять [1]). Между тѣмъ доколѣ еще не былъ вывезенъ Госнеръ, нѣсколько дней тому была медленность, князь Голицынъ пришелъ въ домъ дщери Анны дѣвицы. Здѣсь слово и дѣло съ нимъ завязалось у о. Фотія. Онъ же, князь, исполненъ сый духа вражія, не токмо не хотѣлъ ни слова, ни дѣла Божія слышать, но возмнивъ о себѣ, сказалъ тако: «злоба творитъ противу меня все, но ничто же успѣетъ она; кто меня одолѣетъ? Посмотримъ, чей будетъ верхъ? Много я видалъ людей! Чѣмъ я виноватъ? Какая бѣда Госнерова? что за важность сдѣлана, что въ книгахъ его печатается?». Въ такомъ будучи князь состояніи, не токмо не смирился, когда Господь начиналъ касаться его, да размыслитъ и покается, но старался яко змій всѣхъ прельстить, да вси подвизаются за Госнера, за честь, славу его, сколько бы ни было посрамительно для вѣры и св. церкви. И се отверзлись мнѣ очи, говоритъ Фотій, и вижу, что отступилъ кн. Голицынъ отъ Бога сердцемъ и діаволу рабъ предался явно. Слышу хульныя словеса его на Бога Святаго, что онъ презираетъ святыню, св. Евангеліе, тайны и яко сатана противится и грозитъ еще поглотить избранныхъ! Тогда Фотій сказалъ ему: «азъ есмь рабъ Господа Іисуса Христа; посланъ я тебѣ заранѣе возвѣстить покаяніе, да уцѣломудришься и покаешься; но ты пребылъ еси во злобѣ, сильне, вся дни ратуя на Господа твоего; не послушалъ и гласа Бога твоего въ насъ: ибо послушаяй васъ, рече Господь и о насъ, Мене слушаетъ,—и отметаяйся же васъ, отметается пославшаго Мене (Лук. X, 16). Возсталъ еси ты издавна растлить утробу, родшую тебя,—Невѣсту Христову—пречисту церковь; не покорилъ еси разума твоего въ послушаніе вѣры. Итакъ падешь ты и вси съ тобою падутъ: видѣлъ сатану, яко молнію спадша съ небесе (Лук. X, 18). Уста моя тебѣ глаголютъ; но сія уста, яко Господня, ты вмѣняй: когда азъ тебѣ глаголяй есмь, есть тебѣ Господь во мнѣ глаголяй». Гордяйся еще болѣе и силѣ адской человѣкъ князь малъ предъ Богомъ, возъярился яростію и закричалъ: «что ты глаголешь? Не хощу слушать твоихъ словесъ; лжу ты, Фотій, глаголешь. Я истину знаю самъ и глаголю». Тогда я сказалъ: «развѣ истина сія есть,

---

[1]) Пасторъ Госнеръ, послѣ высылки изъ Россіи, удалился сначала въ Берлинъ, а потомъ въ Лейпцигъ, гдѣ онъ пробылъ около двухъ лѣтъ. Впослѣдствіи онъ окончательно поселился въ Берлинѣ и сдѣлался лютеранскимъ пасторомъ. Госнеръ умеръ въ 1858 году. «Вѣстникъ Европы» 1868 года, сентябрь 256; 276—279, ноябрь, 265—273.

что вездѣ въ книгахъ подъ твоимъ покровительствомъ поруганъ Богъ, вѣра, церковь, всякая святыня, сатана прославляется, ересь, нечестіе восхваляется? Ты первое христіанство, св. апостоловъ и учениковъ апостольскихъ со всѣми святыми въ первые три вѣка, дерзнулъ еси дать позволеніе напечатать книги и огласить, что это есть звѣрь адскій; святѣйшіе же вселенскіе соборы и помѣстные со временъ православія вторымъ звѣремъ адскимъ нарицаются, а духовенство все отъ архіерея до послѣдняго церковника нынѣшнее также третьимъ звѣремъ отъ ада названо. Ужели, княже, сіе есть истина твоя? Кая же новая неслыханная твоя и всѣхъ твоихъ новыхъ проповѣдниковъ правда? Ты еще не боишься Бога о семъ мыслить и устами исповѣдать? Ты вся знаешь, но молчишь; ты на все согласенъ, но притворяешься, да не будетъ тебѣ бѣды на землѣ; то азъ простираю руку мою къ небу! И се судъ Божій на тебя изрекаю единъ, когда тебя вси ублажаютъ за нечестіе: много ли васъ? Тмы ли темъ безчисленныя? Но поразитъ васъ Господь Богъ всѣхъ, и потребитъ вскорѣ. Анаѳема [1]). Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его вси ненавидящіи Его; яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ! Кто можетъ противу стати Богу? Съ нами Богъ! Господь силъ съ нами!». Услышавъ гласъ сей, князь возneистовствовалъ, побѣжалъ вонъ во гнѣвѣ и ярости, яко лишенъ ума; азъ же въ слѣдъ ему возгласилъ: «ежели ты не покаешься, и вси съ тобою не обратятся, анаѳема всѣмъ; ты же, яко вождь нечестія, не узришь Бога, не внидешь въ царствіе (небесное) Христово, а снидешь во адъ, и вси съ тобою погибнутъ во вѣки [2]) Аминь».

---

[1]) Сохранились два современныя свидѣтельства объ анаѳемѣ, произнесенной Фотіемъ кн. Голицыну. Одно принадлежитъ Шишкову („Чтенія въ общ. исторіи и древн. россійскихъ", 1868 г. кн. III, 92—97), другое Свербееву. («Русскій Архивъ» 1871, 179—180). Подтверждая самый фактъ анаѳематствованія Фотіемъ кн. Голицына, оба современника вносятъ слѣдующую особенность. По разсказу Фотія, князь Голицынъ самъ добивался свиданія съ нимъ, происшедшаго 25 апрѣля, тогда какъ, по свидѣтельству Шишкова и Свербеева, Голицынъ, напротивъ, приглашенъ былъ въ домъ графини Орловой, что подтверждается и заранѣе подготовленной сценой для встрѣчи князя, которая никакимъ образомъ не можетъ быть объясняема простою случайностью. Это разногласіе свидѣтельствъ можно примирить предположеніемъ, что графиня Орлова, сильно безпокоившаяся по поводу первой выходки Фотія противъ Голицына, для того, чтобы сгладить возникшія между ними враждебныя отношенія, сама отъ себя, помимо и безъ вѣдома Фотія, пригласила къ себѣ кн. Голицына въ домъ, въ которомъ 25 апрѣля и произошла извѣстная сцена.

[2]) По словамъ Шишкова и Свербеева, Фотій, провожая кн. Голицына по ряду комнатъ, вслѣдъ ему кричалъ громко: «анаѳема, да будешь ты проклятъ». Какъ ни далеко зашла взаимная вражда между кн. Голицынымъ и архимандритомъ Фотіемъ, время все-таки нѣсколько сгладило ее. По край-

Посемъ приходитъ дщерь дѣвица Анна. Фотій повѣдалъ вся сія реченная и содѣянная. Удивилась дщерь его и мнила, что будетъ; пришла въ ужасъ, чая, что вельми князь возстанетъ противу Фотія, яко вельможа и человѣкъ великъ и силенъ. Фотій же скача и радуясь воспѣвалъ пѣснь сію: съ нами Богъ! Она же болѣе сему дивилася. Фотій же взывалъ ликуя: Господь силъ съ нами! Дѣвица изумлялася, како онъ радуется, и утверждалъ сердце свое на камени вѣры, говоря: аще Богъ за насъ, кто противу насъ? Дщерь отъ ужаса даже блѣднѣла. Фотій, являя ревность, вопіялъ: кто мя разлучитъ отъ любве Божія (Римл. VIII, 35 ст.). Князю и всѣмъ есмь я другъ до святаго олтаря. Кто же противу Бога, азъ противу того, аще братъ и отецъ мнѣ есть. Не бойся, душе моя, добро быти вездѣ съ Богомъ. Камо пойду отъ Духа Твоего, Господи, и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо? Ты тамо еси. Аще сниду во адъ? Ты тамо! Аще возму крылѣ мои рано и полечу въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя заступитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя, Господи! (Псал. 138, 7—12). Богомъ моимъ прейду стѣну: Тѣмъ единымъ избавлюся отъ искушенія. Искуси мя, Господи, яко злато, и испытай мя и увѣждь сердце мое, Господи! (Псал. 25 ст. 2) воздвигни силу Твою и пріиди во еже спасти насъ! (Псал. 79, 3). Азъ же дѣло мое совершилъ, прочая вся сотворить въ Твоей есть державѣ и силѣ, яко Твое есть Царство и сила и слава Отца, и Сына и св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Приходитъ во время оно болярыня Параскева мудрая, слышитъ сія и, въ страхъ повергаясь, бѣжитъ скорѣе изъ дома, думая, что скоро вѣстникъ отъ царя пріидетъ, и ятъ Фотій будетъ и сосланъ въ заточеніе. Приходитъ нѣкій ревнитель, соучастникъ въ дѣлѣ семъ, боляринъ правовѣренъ, слышитъ вся сія; трепетъ его объемлетъ. Подъемлетъ руки въ верхъ; возвышаетъ гласъ свой и глаголетъ: что ты, Отче, сотворилъ? Ахъ, какой страхъ! Фотій же ему сказалъ: маловѣре, почто усумнился еси (Мѳ. 14, 31) въ сей бури житейскихъ искушеній? Ты думаешь, что я не дѣло сдѣлалъ? Азъ дѣло Божіе сотворилъ, на кое уготовилъ меня Господь отъ чрева матери моея; умолкни. Аще усумнишися, не благо тебѣ будетъ; востанетъ Богъ Спасъ Самъ за насъ,—и будетъ тишина велія. Паки ревнитель сей [1]), доселѣ бывый храбрый паче всѣхъ, всѣхъ подвизаяй на брань за вѣру, говоритъ: я во ужасѣ; Боже мой! Славно сотворено; кончено все: но увы, странно! Фотій же сказалъ ему: съ нами

ней мѣрѣ въ началѣ слѣдующаго 1825 года князь Голицынъ обращался съ довольно любезнымъ письмомъ къ о. Фотію; да и самъ Фотій просилъ одного своего петербургскаго знакомаго написать утѣшеніе кн. Голицыну по поводу отставки послѣдняго. „Русская Старина“ 1882 года, августъ, 289—290.

[1]) Вѣроятно Магницкій.

Богъ! Чего бояться за правду? Такъ ли святіи Божіи говорили? Бѣжалъ сей мужъ боляринъ по граду и пронесъ слухъ, что Фотій князя Голицына проклятію предалъ. И тако промчалась молва доселѣ, яко князь Голицынъ и все сонмище зловѣрія противу царя, Бога, церкви и отечества, отъ Фотія анаѳемѣ предано. Шумъ велій сотворился по всему царствующему граду тотчасъ. Ангели Господни, и по злобѣ содѣянной, слухъ Господень большій внушили; и весь градъ молвилъ: паде, паде, паде сатана человѣкъ и ангели его діаволы человѣки съ нимъ падоша.

Князь Голицынъ, написавъ великую жалобу и многую, подалъ царю на Фотія. Какъ отъ діавола сый человѣкъ, истину утаилъ, а ложь писалъ, что изъ личности Фстій сотворилъ ему, а не правды ради. Царь отвсюду слышавъ слухъ золъ велій, что князь анаѳемѣ преданъ отъ Фотія, читая жалобу князя, смутился, оскорбился сей ангелъ мира и тишины Александръ благословенный. О семъ Фотію любимецъ его вельможа Ѳеодоръ болярипъ Уваровъ, чрезъ тайнаго своего друга военачальника и блюстителя порядка въ столицѣ, оберъ - полицеймейстера Іоанна В. Гладкова возвѣстилъ и самъ лично послѣ болѣзни, пришедъ, сказалъ. Фотій же сочинилъ донесеніе подъ названіемъ: послѣднія бесѣды архимандрита Фотія съ княземъ Голицынымъ, о коихъ выше сказано, и царю чрезъ руки тѣхъ же послалъ, да видитъ царь, кто правъ, и кто виноватъ,—и разсудитъ въ правду. Иные молвили, что Фотію будетъ за дерзость бѣда, а иные говорили враги, что Фотій въ Сибирь въ заточеніе будетъ посланъ, како онъ смѣлъ великаго, перваго вельможу министра, друга тридцатилѣтняго царева, любимца,—соучастника же въ однихъ тайныхъ дѣлахъ, о нихъ же не лѣть есть и глаголати [1]), анаѳемѣ предать. Князь бо соучастникъ и любимецъ отъ начала былъ у Александра въ трудныхъ дѣлахъ, угождая плоти, міру и діаволу, врагъ же былъ всегда Богу, какъ послѣ самое дѣло явнѣе открыло. Имъ же все сонмище богомерзкое держалось. Но хитръ былъ: ласкалъ, награждалъ правовѣрныхъ малыхъ, да вси хвалятъ его, когда ревнители Бога противятся ему во злѣ и нечестіи и слухъ о немъ проносятъ въ правду.

Возвратився Фотій въ объятія отца, архипастыря Серафима, внушавшаго разорвать союзъ съ княземъ Голицынымъ, возвѣщаетъ, что сотворилъ онъ съ нимъ и со всѣми. Сперва удивился архіерей; а потомъ сказалъ: вотъ ему должная плата. Что сдѣлано, то уже передѣлать нельзя; потерпи, чадо, ежели оскорбится царь на тебя; а добро будетъ отъ сего, ежели правды ради царь втайнѣ не хотѣлъ любящаго своего

---

[1]) Одинъ изъ приближенныхъ ко двору Александра I иностранцевъ говоритъ о князѣ Голицынѣ, что онъ, пользуясь довѣріемъ государя, участвуетъ въ нѣкоторыхъ его удовольствіяхъ, что не особенно соотвѣтствуетъ его должности оберъ-прокурора св. Синода. «Русская Старина» 1880 годъ, декабрь, 802.

отвергнуть, то теперь, стыда ради, какъ проклятаго, долженъ отъ себя удалить. Сіе много подвигнетъ сердце царево къ дѣйствію во благо, и благословлялъ Фотія архіерей Божій [1]).

День отъ дня молва умножается, градъ исполняется слухами, что за православную святую церковь и вѣру Христову Фотій князя проклялъ за то, что вѣру новую хотѣлъ ввести. Фотій обращалъ, а онъ не покаялся. Господь ангеламъ своимъ заповѣдавый сохранити праведнаго Своего во всѣхъ путяхъ Его (псал. 90, ст. 11), сотворилъ то, что весь градъ обратился по Бозѣ сердцемъ, осуждая, яко достойнаго, князя Голицына и всѣхъ его уже давно извѣстныхъ сообщниковъ.

Многіе приходили и говорили, какъ Фотій смѣлъ на такое посмѣяніе дать князя? Фотій же говорилъ всѣмъ: я сіе сотворилъ втайнѣ наединѣ; никто не былъ свидѣтель. Богъ же обезумилъ князя Голицына, что онъ самъ все то о себѣ разсказалъ всѣмъ своимъ и царю писалъ, а подвигнулъ своихъ Богъ рабовъ во благое для церкви въ большій стыдъ князю все огласить и къ хулѣ его хулу приложилъ, и ко вреду злыхъ вредъ горшій. Вождь скопища нечестиваго Госнеръ дерзнулъ хулить пресвятую Дѣву Богородицу, то развѣ онъ болѣе ея, говорилъ Фотій, что я не смѣю предать хулѣ и отлучить отъ Бога? Онъ на посмѣяніе Бога, Христа, церковь, вѣру, истину, святыхъ, на зло царству и всѣмъ людямъ, себѣ на погибель вѣровалъ, дѣлалъ, всѣмъ въ томъ содѣйствовалъ, тмы книгъ богомерзкихъ и хульныхъ силою своею умѣлъ дать волю и власть распространить, то вотъ ему за то воздаяніе, яко въ томъ ожесточилъ сердце и не покаялся. Иные говорили, какъ Фотій могъ предать анаѳемѣ? Фотій же говорилъ: «аще бы не дано было свыше, то бы я не могъ того сотворить, а когда сотворилъ съ силою и духомъ, то въ семъ есть перстъ Божій дѣйствующій; я же едино явное орудіе Божіе. Трость безъ пишущаго не гиблется; тако и языкъ безъ Бога во благое. Радуюсь, что Богъ меня избралъ сотворить службу сію, да не хвалится сильный во злобѣ своей, да не надѣется на свое лукавство во вѣки. Се же событіе Писанія: Живый на небесахъ посмѣется нечестивымъ и Господь поругается имъ! (Псал. 2, ст. 4) Се возглаголалъ къ нимъ Своимъ гнѣвомъ и яростію Своею смутилъ ихъ. Пусть зрятъ вси, каковъ же есть нечестивый на земли, не бояйся Бога и поругаяйся Христу Его и святымъ Его: видѣхъ нечестиваго превозносящагося и высящагося, яко кедры Ливанскіе, и мимо идохъ и се не бѣ, и взыскахъ и не обрѣтеся мѣсто его! (Псал. 36, ст. 35—36). Тако сотворилъ Вышній съ вождемъ зловѣрія и со всею силою вражіею по плоти во дни оны предъ лицемъ человѣковъ.

Несмотря ни на что, всѣмъ взывая о истинѣ, писалъ Фотій Апологію и планъ, како злые всѣ классы и сѣятелей исторгнуть изъ пше-

---

[1]) Въ дѣйствительности Фотій не имѣлъ права предавать анаѳемѣ.

ницы Христовой, и написалъ посланіе къ царю Александру отъ 29 апрѣля 1824 года, и обличеніе, и оглашеніе злыхъ враждебниковъ и тайны беззаконія ихъ; написалъ и надпись сдѣлавъ: «Планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо», и все сіе при посланіи своемъ приложилъ, при томъ же и присовокупилъ печатную книгу, на разныхъ языкахъ бывшую, сколько гдѣ въ столицахъ и въ Россіи ложъ масонскихъ, какіе гдѣ находятся, какіе въ новомъ тайномъ сатанинскомъ соборищѣ чины и отличія по должностямъ, приложилъ также печатную книгу на французскомъ языкѣ, гдѣ явно былъ обнаруженъ сдѣланный въ Англіи умыселъ разстроить, какъ, чрезъ что, когда, и что все уже готово въ ней къ революціи, и прочее дополнивъ, послалъ царю тайно прежнимъ путемъ въ собственныя руки для прочтенія. Всему доказательство отъ печатныхъ книгъ представилъ; но здѣсь потому нѣтъ, что единъ втайнѣ все Фотій творилъ, и тайно даже отъ Серафима митрополита. Ибо онъ, часто робѣя въ настоящей истинѣ, Фотію препиналъ, и духъ его смущалъ, то Фотій не все, дѣйствуя, говорилъ; когда же все исполнено было, тогда уже Серафиму объявилъ. Онъ же говорилъ ему, что я бы тебѣ не далъ благословенія писать: ни силъ, ни крѣпости во мнѣ не достало бы тако дѣйствовать. Кому будетъ угодно когда знать, то и посланіе и оглашеніе нечестія, и изложеніе способа нечестіе уничтожить, пусть да чтетъ здѣсь наряду. Таковое же то было писаніе царю. Бога ради прошу меня простить во многомъ, говорилъ Фотій: я никогда не былъ безуменъ; а токмо Богъ мнѣ тако помогалъ рушить яко Вавилонскій столпъ,—столпъ злобы сатанинскія, строенный многими годами, многими милліонами и всѣмъ адомъ поддерживаемый. Богомудре и богоносне архіерее, или отче кто, или человѣче Божій, сыне церкви святыя, зри, чти, како и отъ чего разрушеніе было вскорѣ столпа злобы вражія. Зри и подивися, како столпъ во плоти отъ діавола воспитанъ сый въ нечестіи, одаренный всею хитростію, паде! Вси падоша нечестивіи,—и путь ихъ погибе! Не мудростію и силою, но Божіимъ изволеніемъ и содѣйствіемъ благодати въ лицѣ Фотія и Серафима митрополита все сдѣлано было.

ПОСЛАНІЕ ТРЕТІЕ.

Помазанникъ Божій!

Слуга Господень!

Царь милостію, кротостію, мудростію и силою, и славою свыше осѣненный!

Господь съ тобою!
Радуйся о Дусѣ Святѣ и
Царствуй во вѣки!

*

Рабъ твой, служитель же св. церкви Божіей служитъ Богу и тебѣ, царю, церкви и отечеству вѣрою и правдою по закону Божію и гражданскому, по совѣсти, по любви евангельской и по присягѣ. А потому на вопросъ твой: какъ пособить, дабы остановить революцію? молился Господу Богу, и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно. Способъ весь планъ уничтожить вдругъ тихо и счастливо есть таковъ:

1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы.

2) Библейское общество уничтожить, подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано Библій и онѣ теперь не нужны.

3) Суноду быть по-прежнему и духовенству назирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ.

4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера изгнать и методистовъ выслать хотя главныхъ.

Провидѣніе Божіе теперь болѣе ничего дѣлать не открыло. Посылаю при семъ планъ. Повелѣніе Божіе я извѣстилъ; исполнить же въ тебѣ состоитъ; съ тобою Духъ премудрости и силы, державы и власти. Отъ 1812 года до сего 1824-го ровно 12 лѣтъ: Богъ побѣдилъ видимаго Наполеона, вторгшагося въ Россію: да побѣдитъ Онъ и духовнаго Наполеона лицемъ твоимъ, коего можешь ты, Господу содѣйствующу, побѣдить въ три минуты чертою пера. А вся сила духовнаго Наполеона въ четырехъ пунктахъ состоитъ.

Радуйся, спасися!
Господь съ тобою,
Царствуй во вѣки съ Богомъ! Аминь.

Рабъ Бога и Господа Іисуса Христа о Дусѣ Святѣ ревнитель св. церкви вѣрно—вѣрноподданный царю, послѣднѣйшій, но правовѣрный архимандритъ Фотій.

1824 года апрѣля 29 дня.

ПЛАНЪ

разоренія Россіи

и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо.

1) Есть въ Европѣ въ нѣмецкихъ земляхъ и въ другихъ народахъ секта иллюминатовъ,—злѣйшій расколъ, индѣ даже подъ именемъ истинныхъ христіанъ называющаяся, иначе сказать, есть общество антихристово, скопище изъ всѣхъ сектъ: оно согласно съ жидами, содержитъ годъ отъ созданія міра вмѣсто *7333* церковнаго христіанства *5824-й*. И противно священному писанію, сумволу вѣры и ученію св. церкви вѣруетъ, что якибы скоро будетъ пришествіе Хри-

ство, и будетъ царствіе Его на земли, чего послѣдній терминъ, если не ранѣе, то не позже какъ 1836 годъ; а потому полагается 1000 лѣтъ, акибы царствію Христа на земли, а послѣ онаго царствія, выдуманнаго акибы 164 года, дается для разрѣшенія сатаны: а весь счетъ годовъ въ тайныхъ обществахъ: 5836 (отъ созданія міра, который будетъ въ 1836-мъ году) 1000

164

а всего 7000 годовъ

полагается, акибы міръ долженъ отъ созданія до кончины существовать.

И какъ нынѣ вольнодумнаго общества отъ созданія міра годъ *5824*, а нашъ христіанскій отъ Рождества Христова *1824* и до *5836*, а по-христіански до 1836-го (а по-церковному отъ созданія міра до *7344-го*) остается только ждать *12 годовъ*, то вышеозначенное общество, вѣрующее во Антихриста, общество карбонаріевъ, всячески старается къ *1836 году* сдѣлать пріуготовленіе, акибы къ учрежденію единаго царства Христова. Ибо въ *1836 году* замыслъ есть, что уже всѣ царства, церкви, религіи, законы гражданскіе и всякое устройство должны быть уничтожены, и должна акибы начаться какая-то единая въ семъ мірѣ новая религія,—едино стадо, единое царство, и долженъ быть акибы единъ какой-то царь, коего столица предназначается быть во Іерусалимѣ. По мечтанію общества сказуется, что акибы тотъ царь будетъ Христосъ. Это всегубительный пароль! Но скопище разбойническое, подъ именемъ истинныхъ христіанъ, считая прелесть и обманъ за истину, всѣми средствами силится разрушать всѣ религіи, разстраивать устройство государствъ, испровергать власти властями, вооружать христіанъ другъ противъ друга, вводить всякія новости, учреждать конституціи и чрезъ все то разливать всюду духъ революціонный до того, чтобы всѣмъ все христіанское и государственное омерзить и чрезъ то заставить всѣхъ принять единое царство, единаго какого-то царя самозванца. Для сего все къ тому направляется подъ видомъ добра и религіи во всѣхъ царствахъ. Такъ-то сатана и діаволъ многихъ воодушевилъ и прельстилъ на зло.

Имущіе разумъ Божій ясно все то зрятъ и неутѣшно рыдаютъ.

Се, горе великое грядетъ!

Блаженъ, кто возметъ мѣры осторожности! Время еще не ушло. Всемірная прелесть грядетъ! Блюдите, да никто же васъ прельститъ (Мѳ. XXIV, 4.). Вотъ гдѣ сіи особенно прилично сказать слова Господни.

И дабы удобнѣе достигнуть цѣли своей, общество имѣетъ своихъ коммиссіонеровъ: оное злодѣйское общество, или Братская Герн-

гутерская церковь, состоитъ изъ меннонистовъ, сепаратистовъ, методистовъ [1]), и изъ всѣхъ сектъ послѣ реформаціи собрано во единъ союзъ, въ одно общество и называется церковь Филадельфійская, т. е. братолюбская.

2) По вліянію сего общества, особенно слывущаго подъ именемъ иллюминатовъ, на весь міръ, изъ числа коммиссіонеровъ, отъ сего общества посланныхъ для замысловъ всюду и въ Россіи есть особенно еще въ живыхъ Род. Кошелевъ.

Онъ въ Россіи есть глава всѣхъ подъ видомъ набожности злыхъ направленій въ религіи и въ государствѣ, яко иллюминатъ и клятвенный врагъ престола и олтаря.

Онъ поймалъ въ руки кн. Голицына, прельстилъ его подъ видомъ набожности все дѣлать для предуставленной цѣли; а дабы совокупно дѣйствуя родить реформу, конституцію, и, такъ сказать, раскопать основы церкви, подрыть тайно и непримѣтно престолъ самодержавія и довести до того Россію, дабы и она не только не могла, разстроясь, противиться учрежденію всемірнаго какого-то царства, но дабы ее завлечь даже и въ пособіе къ тому паролями разными.

3) Но какъ духовенство россійское многочисленно и сильно, а особливо Сνнодъ, а потому оное могло всячески не токмо препятствовать реформѣ и прочимъ замысламъ тайнымъ, но даже могло вовсе никакихъ средствъ подавать къ тому, то дабы ослабить духовенство, ввести несогласіе, новости, секты, противныя понятія религіи и государству, скрытно и постепенно смѣшать религію нашу съ другими, вотъ какимъ то образомъ и внушено ввести: министерство духовныхъ дѣлъ, которое, такъ сказать, связавъ руки и ноги духовнымъ, всѣхъ держа яко на цѣпи премудрыхъ и святыхъ пастырей и учителей, наносило, наноситъ и силится наносить ударъ въ сердце

---

[1]) Мы не будемъ подробно говорить въ отдѣльности о каждой изъ упоминаемыхъ Фотіемъ протестантскихъ сектъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко. Къ удивленію, благодаря покровительству кн. Голицына, въ царствованіе Александра I мы встрѣчаемся съ самыми разнородными миссіями въ Россіи. Такъ въ 1803 году получаетъ право пребыванія у насъ въ Россіи базельская миссія—въ Шушѣ, въ 1806 году — шотландская миссія—на Кавказѣ; около того же времени основана была англійская миссіонерская колонія въ Карассѣ—на Кавказской линіи. Англійскіе протестантскіе миссіонеры явились даже у калмыковъ. Въ 1817 году прибыли въ С.-Петербургъ изъ Лондона два англійскіе пастора и въ томъ же 1817 году, по ходатайству кн. Голицына, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи прибывшими пасторами англійской миссіи за Байкаломъ. Эта протестантская миссія существовала въ Сибири до 1840 года. «Христ. Чтеніе» 1881 г. сентябрь-октябрь. «Вѣстникъ Европы» 1868 года, августъ и сентябрь. Статья Пыпина о Библейскомъ обществѣ.

Россіи. Оно своими путями все противное церкви, государству вводитъ, принимаетъ и покровительствуетъ; а духовные, яко подначальные изъ разныхъ причинъ затворили уста, и никто правды сказать не смѣетъ; а кто препятствовалъ, тѣ уже во гробахъ лежатъ по гоненію.

И все это отъ помазанника Божія, яко ангела Господня кроткаго и добраго, есть тайна. Благочестивѣйшій монархъ! отри слезы о тебѣ молящагося духовенства россійскаго! Обрадуй сердце церкви, кому дана власть проповѣдывать слово Божіе, тотъ и проповѣдуетъ его во имя Бога нашего Іисуса Христа въ Дусѣ Святѣ.

4) А дабы нанося ударъ, яко сердцу Россіи, вѣрѣ, въ то же время нанесть и тѣлу Россіи, т. е. гражданскому устройству и царству, смѣшать религію, съ ложнымъ просвѣщеніемъ и просвѣщеніе съ религіею, и чрезъ то исказить и религію и просвѣщеніе: и чего нельзя ввести чрезъ религію то дабы ввести чрезъ просвѣщеніе, и такимъ образомъ все направить къ единой цѣли,—къ уничтоженію всѣхъ религій и всѣхъ царствъ, министерство духовное всѣхъ религій христіанскихъ и даже жидовской и магометанской, смѣшивающее всѣ религіи во-едино, соединено еще вмѣстѣ съ министерствомъ просвѣщенія и поддѣлано одному тому въ руки предать все такому лицу, которое уже ко всѣмъ замысламъ тайнымъ пріуготовлено и соглашено; а отсюда вотъ какое ужасное зло происходитъ!

1) Во св. религію Христову и въ церковь вводятся новые расколы, толки, дабы поскорѣе дать всѣмъ другой образъ мыслей, и внушается, что вотъ *въ 1836 году* для всѣхъ новая какая-то грядетъ учредиться религія новая, какая-то церковь новая, іерархія, царесвященство: и новое всемірное царство какое-то, якибы ѳеократическое или богоправленіе подъ именемъ царствія Христова на 1000 лѣтъ; да въ томъ мечтается, акибы и сбудется слово Господа: и будетъ едино стадо и единъ пастырь (Іоан. X, 16).

Это злѣйшій ковъ—неслыханное заблужденіе и пагубнѣйшее! Но это всюду внушается и всячески распространяется!

2) А для сего многими злонамѣренными распространяется и подъ видомъ Библейскаго общества, которое внушено установить во всѣхъ государствахъ; а дабы не разногласить въ дѣйствіяхъ, сообщеніе придумано подъ видомъ набожности для одной же цѣли. И кто же? миссіонеры учреждали, учители и толковники библіи суть многіе? методисты и проч. такіе злѣйшіе отступники отъ вѣры, что не токмо восточная церковь и католическая западная, но и лютеранская ихъ отвергаетъ.

3) Въ пособіе къ тому, сверхъ методистовъ, противу вѣры Христовой и всѣхъ христіанскихъ религій противу правительства, министер-

ство духовное забравъ всю власть духовенства, дозволяетъ издавать книги новаго толка для единой злой цѣли и по министерству просвѣщенія дозволяется вредныя книги выпущать и выпущены подъ предлогомъ духовныхъ:

1) Раскола, бывшаго на западѣ въ 17-мъ вѣкѣ, подъ именемъ «Квіетизма» — книга г-жи Гіонъ: «Размышленія на Евангеліе, на Посланія, на Апокалипсисъ» и проч.

2) Штиллинга, не содержавшаго никакой вѣры, между прочими издана книга: «Побѣдная повѣсть», толкованіе на Апокалипсисъ, въ коей книгѣ Восточная церковь, Западная и даже лютеранская не истинными христіанскими называются, а какая-то новая гернгутерская церковь. Оная книга есть руководство всѣ религіи уничтожить и власти испровергнуть.

А книга «Воззваніе», въ 1820 году изданная, есть повсемѣстный зовъ, что дѣлать все то время настало, не щадя ничего священнаго, и самыхъ царей не страшась. И прочихъ подобныхъ книгъ многія тысячи выпущено, особенно со времени духовнаго министерства, соединеннаго съ просвѣщеніемъ.

Министерство духовныхъ дѣлъ разсылаетъ книги опасныя, яко начальство уже къ подначальнымъ архіереямъ и прочимъ духовнымъ лицамъ, въ академіи, семинарріи, училища.

Министерство просвѣщенія яко подначальнымъ по просвѣщенію посылаетъ, какъ-то: 1) попечителямъ университетовъ и прочимъ; 2) въ институты; 3) гимназіи и прочія учебныя заведенія. И кто сильному начальнику можетъ противустать? И волею и неволею всякъ пріемлетъ книги противу вѣры и правительства.

5) Въ семъ случаѣ почты могли бы препятствовать, видя явное зло; но тому же лицу и министерство почтъ вручено. А посему служащіе при томъ, яко подначальные, исполняютъ долгъ, разсылая книги; и чрезъ сіи-то почты для единой цѣли сообщеніе есть умыслъ съ другими державами.

Страшная измѣна церкви и
Государству втайнѣ!

6) Могли бы еще подначальные, и особенно попечители противустать и не принять противнаго законамъ; но въ сіе достоинство возведены многіе изъ единомысленниковъ, какъ-то: въ С.-Петербургѣ Руничъ, въ Москвѣ Оболенскій, въ Харьковѣ Корнѣевъ, въ Одессѣ архимандритъ Ѳеофилъ и проч.

7) А какъ министерство состоитъ изъ многихъ лицъ, то для содѣй-

ствія по министерству духовныхъ дѣлъ есть Тургеневъ, по просвѣщенію Поповъ, и подобные сотрудники и единомысленники во всемъ.

8) Поелику изъ россійскаго духовенства нѣтъ особъ столь безумныхъ и способныхъ къ умысламъ, каковые весьма нужны, то первый карбонарій вызванъ изъ нѣмецкихъ земель Госнеръ въ С.-Петербургъ, Феслеръ изъ Пруссіи и посланъ въ Саратовъ и Сарепту насадить разсадникъ для злодѣйства за глазами правительства; въ отдаленныя же мѣста Россіи посланы методисты и проч.

Все это извѣстно министерству духовныхъ дѣлъ и угодно, что дѣлается.

9) Для сего-то намѣренія былъ въ покровительствѣ Лабзинъ, Татаринова, Криндеръ, попъ-еретикъ Линдель [1]), Патерсонъ [2]) и проч. и еще какой-то попъ-еретикъ для того созванъ и живетъ у А. Т. І. [3]) и составляетъ ложное пророчество, которое поправляетъ Кошелевъ.

---

[1]) Не только католическій пасторъ Линдль, но и другіе, и особенно іезуиты, свободно пропагандировали католичество. Благодаря могущественному покровительству кн. Голицына и при содѣйствіи сочувствовавшихъ іезуитамъ министровъ Кочубея и Лопухина, іезуиты покрыли Россію цѣлою сѣтью своихъ миссій. Іезуитскія миссіи, открытыя и тайныя (подъ видомъ школъ, пансіоновъ, благородныхъ заведеній) почти одновременно появились: въ Грузіи, въ Астрахани, Саратовѣ, Пензѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ, Харьковѣ, Ригѣ, въ Крыму, въ Одессѣ и, наконецъ, даже въ Сибири. Морошкинъ. «Іезуиты въ Россіи», томъ II, гл. VII.

[2]) Патерсонъ, пасторъ англиканской церкви, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ и сотрудниковъ Британскаго библейскаго общества, который странствовалъ по всей Европѣ отъ Англіи до Киргизскихъ степей, пропагандируя учрежденіе библейскихъ обществъ. Въ 1812 году Патерсонъ прибылъ въ Петербургъ и обратился къ кн. Голицыну съ проектомъ основанія въ Россіи Библейскаго общества, которое и открыто было въ Петербургѣ 6 декабря 1812 года. Патерсонъ велъ сношенія съ Британскимъ библейскимъ обществомъ и оказывалъ всевозможное содѣйствіе предпріятіямъ Русскаго библейскаго общества: на немъ лежала вся книго-печатная часть, завѣдываніе складами книгохранилища, устройство типографіи и пр. Патерсонъ для большаго успѣха и распространенія операцій Библейскаго общества два раза (въ 1816 и 1822 годахъ) объѣзжалъ всю среднюю и южную Россію, побывалъ въ двадцати четырехъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Онъ весьма много потрудился для Русскаго библейскаго общества и безъ всякихъ сектаторскихъ тенденцій, въ духѣ полной вѣротерпимости и съ искреннею любовью къ русской націи. Пыпинъ. «Россійское библейское общество» «Вѣстникъ Европы» 1868 г., августъ, 643, 661, 677, 696; сентябрь—242.

[3]) Подъ этими иниціалами скрыто имя: архіепископа Тверскаго Іоны, въ 1823 году, по званію члена Синода, жившаго въ Петербургѣ («Правосл. Обозрѣніе» 1872 г., іюль-августъ, приложеніе, стр. 19) и имѣвшаго мѣстопребываніе на Тверскомъ подворьѣ, на Васильевскомъ островѣ. Подъ попомъ-еретикомъ разумѣется священникъ города Балты, Ѳеодосій Левицкій, человѣкъ замѣчательный своею благочестивою и строго подвижническою жизнію. Начитавшись разныхъ мистическихъ книгъ, о. Левицкій почелъ себя призван-

10) Дабы правительство не вдругъ усмотрѣло, то дѣйствія зла всѣваются въ отдаленныхъ губерніяхъ: на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и въ Астрахани и въ проч. мѣстахъ.

11) Для сей же цѣли, подъ вѣдѣніемъ того же министерства просвѣщенія типографіи и цензуры содѣйствуютъ. Есть часть единомысленниковъ и въ томъ: Гречъ—первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій [1]): да еще и тайное у нихъ печатаніе иногда бываетъ. Это злѣйшее зло въ тайнѣ.

12) Чрезъ троякое министерство въ рукахъ одного всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро распространяются, что въ ужасъ многихъ приводятъ.

13) Дабы унизить одно токмо слово Божіе, которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ почитается, и на престолѣ полагается, предписано продавать даже съ микстурами въ аптекахъ и стклянками; а коль худо на разные языки переводится библія, то на греческій языкъ англичанами переведенная библія (слышно было) отъ константинопольскаго патріарха посредѣ двора сожжена.

14) Другія многія черты изъ плана реформы и уготовляемой революціи (есть ли не возмемъ мѣры осторожности) я здѣсь молчаніемъ прохожу; довольно уже и сего знать.

Пособія необходимыя и полезнѣе
всѣхъ на всегда къ уничтоженію
злоупотребленій, вкравшихся, сіи суть:

1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы.

нымъ свыше свидѣтельствовать людямъ о наступающемъ страшномъ судѣ, о кончинѣ міра и призывать всѣхъ къ покаянію. Онъ написалъ объ этомъ важномъ предметѣ особое сочиненіе и чрезъ кн. Голицына представилъ его императору Александру I. Сочиненіе о. Ѳеодосія понравилось государю, который повелѣлъ вызвать его автора въ Петербургъ. Въ маѣ 1823 года о. Ѳеодосій прибылъ въ Петербургъ и, по указанію кн. Голицына, поселился на подворьѣ преосвящ. Іоны. Живя въ Петербургѣ, о. Левицкій неоднократно представлялся государю и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ. За грозную обличительную проповѣдь по поводу наводненія 7 ноября 1824 года о. Ѳеодосій сосланъ былъ въ Коневецкій монастырь, откуда онъ освободился въ 1828 году, прибылъ въ г. Балту и занялъ свое прежнее мѣсто. Здѣсь онъ скончался въ 1845 году, глубоко оплакиваемый всѣмъ городомъ. Автобіографія Ѳеодосія Левицкаго—въ «Русской Старинѣ» 1880 г., сентябрь, 134—135, 149. Статью о Ѳ. Левицкомъ см. въ «Русской Старинѣ» 1882 г., томъ XXXV, 587—604.

[1]) Тимковскій—цензоръ, памятный, по словамъ г-на Пыпина, литературѣ необузданностью краснаго карандаша и въ то же время, въ угоду начальства, свободно пропускавшій мистическія книги. «Вѣстникъ Европы» 1888 г., ноябрь, 263.

2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій, и онѣ теперь не нужны; или сперва духовенству особенно въ руки отдать такъ какъ сословію для того избранному отъ Бога, а послѣ уничтожить по времени оное.

3) Сѵноду быть по-прежнему и духовенству за просвѣщеніемъ назирать.

4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Феслера съ наказаніемъ изгнать и методистовъ выслать.

И если сіи четыре дѣла Божіи не будутъ сдѣланы, то зло неизбѣжно будетъ, и настоящее происшествіе болѣе будетъ вредно на будущее время, нежели полезно (и Россія падетъ вскорѣ).

Господи! Спаси благочестивыя и услыши ны! Исправи дѣла рукъ нашихъ и прославися въ насъ во вѣки. Аминь.

1824 года, апрѣля 29 дня, вручено Его Императорскому Величеству Александру Павловичу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ столѣтію кавалергардовъ.

Въ 1899 году исполнится 100 лѣтъ со времени непрерывнаго существованія кавалергардовъ, какъ части Императорской россійской гвардіи. Учрежденіе кавалергардовъ въ Россіи относится еще ко времени Петра Великаго, который въ 1724 году, по случаю коронаціи супруги своей, императрицы Екатерины I, повелѣлъ сформировать «корпусъ кавалергардовъ» въ составѣ 64 человѣкъ (въ оберъ-офицерскихъ чинахъ и по большей части изъ дворянъ) и самъ принялъ званіе капитана этого корпуса. По окончаніи торжествъ корпусъ этотъ въ томъ же 1724 году былъ распущенъ. Въ 1726 году Екатерина I возстановила корпусъ и приняла званіе его капитана. Императрица Анна Іоанновна въ 1731 году упразднила корпусъ кавалергардовъ. Затѣмъ названіе «кавалергардовъ» встрѣчается въ церемоніалахъ коронованія Елисаветы Петровны въ 1742 году; но кавалергарды того времени не составляли особаго учрежденія, а были лейбъ-кампанцами, временно переименованными въ кавалергардовъ. Екатерина II возстановила въ 1762 году корпусъ кавалергардовъ, существовавшій до упраздненія его въ 1796 году императоромъ Павломъ I. Взамѣнъ этого корпуса въ томъ же 1796 году учреждены были составленные изъ чиновъ гвардейскихъ полковъ кавалергардскіе эскадроны, называвшіеся также полкомъ; эскадроны эти существовали недолго. Въ 1799 году, 11 января, учрежденъ кавалергардскій Его Императорскаго Величества корпусъ, составлявшій гвардію при особѣ императора Павла I, какъ великаго магистра ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1800 году сформированъ кавалергардскій полкъ на правахъ полковъ лейбъ-гвардіи, но безъ этого наименованія. Нынѣ существующему Кавалергардскому Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны полку положено считать начало своего непрерывнаго существованія съ 11 января 1799 года. До 1796 года, т. е. до сформированія кавалергардскихъ эскадроновъ, служба кавалергардовъ была исключительно придворная и главнымъ назначеніемъ кавалергардовъ являлось—составлять почетныхъ тѣлохранителей государей при торжественныхъ случаяхъ.

Кавалергардскій полкъ, озабочиваясь составленіемъ новой подробной исторіи полка къ 100-лѣтнему юбилею, приступилъ къ собранію матеріаловъ, между которыми видное мѣсто должны занимать тѣ, которые служатъ для характеристики внутренняго быта полка въ разныя эпохи его существованія. Поэтому полкъ обращается съ просьбою о присылкѣ разныхъ воспоминаній и записокъ. Кромѣ того въ настоящее время полкъ собираетъ біографіи и портреты всѣхъ лицъ, служившихъ въ полку, кои почему-либо выдались на поприщѣ государственнаго и общественнаго служенія.

Къ біографіи Н. С. Лѣскова.

(† 21 февраля 1895 г.).

Въ біографіи всякаго человѣка очень часто имѣетъ громадное значеніе небольшая черточка его характера, которая, иногда совершенно неожиданно, даетъ его образъ въ совершенно новомъ освѣщеніи. Считая покойнаго Лѣскова крупнымъ и оригинальнымъ писателемъ, я рѣшился подѣлиться съ читателями «Русской Старины» всѣмъ, что мнѣ извѣстно о покойномъ, съ которымъ я былъ знакомъ съ 1875 года. Обстоятельный біографическій очеркъ уже данъ г. Фаресовымъ, я постараюсь, гдѣ могу дополнить его, не стѣсняясь и «мелочами изъ архива моей памяти», и заранѣе извиняюсь за отрывистость воспоминаній [1]). Дѣдъ Николая Семеновича Лѣскова былъ священникъ села «Лѣсокъ» въ Кромскомъ уѣздѣ; отецъ Семенъ Дмитріевичъ служилъ сначала на Кавказѣ, въ какой-то казенной палатѣ, а потомъ съ 1832 по 1839 г. былъ засѣдателемъ Орловской палаты уголовнаго и гражданскаго судовъ. Чувствуя себя нездоровымъ, онъ еще въ 1836 году написалъ любопытное завѣщаніе своему малолѣтнему сыну (нашему писателю), начинающееся такими словами: «Оставляя сей суетный свѣтъ, разсудилъ впослѣднее побесѣдовать съ тобою, какъ съ такимъ существомъ, которое въ на-

[1]) Приношу сердечную благодарность сыну писателя А. Н. Лѣскову и благопріятелю покойнаго В. П. Протейкинскому за сообщенные ими мнѣ документы и свѣдѣнія. Статья А. И. Фаресова помѣщена въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г. № 4, стр. 177—203. Ср. также „Литературное Обозрѣніе“ 1895 г. № 12, „Новое Время“ № 6819, статьи В. С. Соловьева въ „Недѣлѣ“ и др. Библіографія сочиненій Н. С. Лѣскова по 1887 г. (включительно) составлена П. В. Быковымъ. Спб. 1889 г.

стоящія минуты болѣе прочихъ занимаетъ мои помышленія». Далѣе слѣдуетъ рядъ наставленій объ отношеніяхъ къ людямъ: Люби ближняго, будь честенъ и правдивъ, на службу не напрашивайся, но и не отказывайся, женись около 30 лѣтъ, выбирай невѣсту изъ своего круга, въ карты не играй. Любопытно, что Н. С. дѣйствительно никогда не игралъ въ карты и прямо говорилъ: «игра въ карты есть занятіе постыдное». Скончался отецъ въ 1846 году, оставивъ большую семью, домъ въ Орлѣ и двадцать душъ въ деревнѣ Панино, въ Кромскомъ уѣздѣ. Н. С. родился 4-го февраля 1831 г. въ селѣ Гороховѣ, Орловской губ. и былъ старшимъ сыномъ. О своемъ дѣтствѣ Лѣсковъ, какъ уже отмѣчено А. Фаресовымъ, вспоминаетъ въ «Юдоли» (XI томъ собранія сочиненій). Воспитывался Н. С. въ Орловской гимназіи, вмѣстѣ съ братомъ, но курса не кончилъ. Въ 1849 г. Сергѣй Петровичъ Алферовъ, дядя по матери Н. С., увезъ обоихъ братьевъ къ себѣ, въ Кіевъ. Жилось у него обоимъ неважно. Дядя отвелъ имъ у себя чуланчикъ, но обѣдать къ себѣ не приглашалъ. Нужда положила отпечатокъ на характеръ Н. С.: онъ былъ очень бережливый, экономный человѣкъ относительно стола и платья. Сначала (съ 1847) Н. С. служилъ въ Орловской палатѣ уголовнаго суда, а съ 1849 г. въ Кіевской казенной палатѣ по рекрутскому отдѣлу. Тамъ поразилъ его одинъ перетрусившій рекрутъ-еврей, у котораго выступилъ кровавый потъ отъ страха. Этотъ образъ отразился въ одномъ изъ разсказовъ Лѣскова. Въ Кіевѣ жизнь велась довольно бурная, и здѣсь Н. С. отдалъ общую дань молодости. 30 октября 1857 г. онъ вышелъ въ отставку, и къ послѣдующему періоду его жизни и относятся разъѣзды по Россіи, въ качествѣ контрагента втораго мужа жены его дяди, англичанина Шкота. Разъѣзды доставили Лѣскову великое знакомство съ русскими людьми всѣхъ классовъ и съ условіями русской жизни. «Этому дѣлу обязанъ я литературнымъ творчествомъ. Здѣсь я получилъ весь запасъ знанія народа и страны»,—говорилъ неоднократно покойный. Пережитый эпизодъ о сводѣ крѣпостныхъ на новыя мѣста разсказанъ Фаресовымъ. Находясь въ Пензѣ, по дѣлу постройки паровой мельницы, Н. С. страстно привязался къ лошадямъ, изучалъ башкировъ, и плодомъ этого, въ связи съ посѣщеніемъ Валаама въ 1872—74 г., явился разсказъ «Очарованный странникъ». Письма Н. С. къ Шкоту были показаны извѣстному въ то время публицисту и политико-эконому И. В. Селиванову, и тотъ первый призналъ въ нихъ литературный талантъ. Въ 1860 г., Лѣсковъ на недолгое время (15—29) сентября поступилъ на службу въ канцелярію военнаго кіевскаго генералъ-губернатора, и въ это же время появились новыя его статейки административно-публицистическаго направленія въ «Современной Медицинѣ» д-ра Хана. Съ нимъ Н. С. былъ друженъ и впослѣдствіи: я помню ихъ бесѣды о Вальтеръ-Скоттѣ,

сочиненія котораго печатались въ типографіи А. М. Хана. Въ 1861 г. Лѣсковъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Первыя литературныя статьи появились въ «Вѣкѣ» и «Сѣверной Пчелѣ» подъ псевдонимомъ Стебницкаго. Авторъ ихъ вступилъ въ литературный кружокъ Камбека, Громеки и др. Въ 1863 г. написанъ извѣстный романъ «Некуда», по содержанію подходящій къ «Бѣсамъ» Достоевскаго. Надо, впрочемъ, замѣтить, что «Некуда» появилось далеко не въ томъ видѣ, какъ желалъ авторъ: три цензуры прошло оно: двѣ правительственныхъ и одну редакторскую. Фигуры романа взяты изъ дѣйствительной жизни: такъ симпатичная фигура Райнера списана Н. С. съ его пріятеля Артура Бенни (ср. «Загадочный человѣкъ» Лѣскова). Здѣсь кстати разскажу особенный случай, бывшій съ Н. С. Какъ-то разъ у одного знакомаго Лѣсковъ и Бенни разговорились о посмертныхъ явленіяхъ и условились явиться одинъ другому послѣ смерти. Прошло довольно времени, Бенни куда-то уѣхалъ, и о немъ не было ни слуху, ни духу. Разъ Н. С. лежитъ у себя на диванѣ (на Фурштатской, домъ Матавкина), несовсѣмъ здоровый, слышитъ трескъ и затѣмъ видитъ возлѣ себя Бенни, подымающаго предъ собою окровавленную руку. Видѣніе тотчасъ исчезло, а чрезъ нѣсколько времени Лѣскову сообщили, что Бенни, наблюдавшій схватку гарибальдійцевъ съ австрійцами, былъ раненъ въ руку австрійскимъ уланомъ и отъ этой раны скончался.

Отрицательное отношеніе писателя къ тогдашнимъ прогрессивнымъ кружкамъ создало Лѣскову массу литературныхъ враговъ, но вмѣстѣ и популяризировало имя «Стебницкаго». Въ 1863 г. Лѣсковъ былъ посланъ министромъ народнаго просвѣщенія А. Головнинымъ въ Ригу къ генералъ-губернатору Ливену для собиранія свѣдѣній о школахъ тамошнихъ раскольниковъ. Кажется, отсюда же Лѣсковъ проѣхалъ и за границу. Въ Парижѣ написанъ его романъ «Обойденные» (1865). Къ 1870 г. относится романъ «На ножахъ», вызвавшій новую бурю: помню каррикатуру, изображавшую Н. С. сидящимъ на ножахъ. Положеніе Лѣскова въ этотъ моментъ въ лагерѣ людей консервативнаго направленія вызвало къ нему ожесточенное отношеніе тогдашней передовой печати. Литературная дѣятельность Лѣскова была поставлена на одну доску съ романами «Марево» Клюшникова и «Панурговымъ стадомъ» Крестовскаго, и окрещена именемъ «клубничной». Имя Стебницкаго въ то время было такъ ненавистно, что онъ со смѣхомъ разсказывалъ, какъ въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ одинъ либеральный присяжный повѣренный вычекнулъ его изъ списка присяжныхъ засѣдателей при разборѣ дѣла о какой-то мелкой кражѣ, только за то, что онъ—Стебницкій. Здѣсь, можно сказать, оканчивается первый періодъ дѣятельности Лѣскова. Въ 1872 г. появляются его «Соборяне», отдѣльные этюды къ которымъ «Чающіе движенія воды» и «Плодомасовскіе

карлики» появились въ 1867 г. и въ 1869 г. Оригинальный языкъ «Соборянъ», по словамъ покойнаго, почерпнутъ имъ изъ Духовнаго регламента и старыхъ указовъ. Вообще съ 1870 г. у Лѣскова появляется особый интересъ къ религіознымъ вопросамъ, кажется, не безъ вліянія сочиненій Хомякова. Начался онъ сношеніями Н. С. съ старообрядцами и знакомствомъ со старою ихъ иконописью. Послѣ покойнаго остались прекрасныя старинныя иконы, и на нихъ онъ не жалѣлъ денегъ: за маленькій складень Строгановскаго письма онъ заплатилъ 100 рублей. Этотъ періодъ своей жизни покойный былъ очень набожнымъ, православнымъ человѣкомъ: можетъ быть, въ извѣстной степени помогали этому и тяжелыя семейныя обстоятельства. Н. С. очень уважалъ о. Алексѣя Колоколова, у коего обыкновенно говѣлъ, и ради этого, въ виду тогдашняго деревяннаго Воскресенскаго моста, дѣлалъ громадный крюкъ на Выборгскую, чтобы слушать литургію въ Георгіевской общинѣ. Любилъ онъ и религіозную поэзію. Въ его комнатѣ всегда горѣла лампадка, и часто онъ говорилъ своему сыну: «вотъ смотри, огонь замираетъ, такъ и человѣческая жизнь». Стѣны квартиры были увѣшены религіозными картинами и гравюрами. Тутъ были картины: Мадонна (оригиналъ Мунари), икона Богоматери Боровиковскаго, пріобрѣтенная имъ въ 1881 г. въ Каневскомъ уѣздѣ, Іосифъ обручникъ, Рождество Христово и пр., англійскія гравюры: пастырь добрый, путешествіе въ Эммаусъ, Ecce homo Макса и пр. Религіозное воззрѣніе Лѣскова измѣнялось и развивалось далѣе: онъ увлекался Оригеномъ и проектировалъ даже переводъ его на русскій мною и Н. М. Бубновымъ (нынѣ профессоромъ Кіевскаго университета), подъ общей редакціей извѣстнаго византиниста архимандрита Арсенія, нынѣ епископа кирилловскаго. Далѣе Н. С. увлекался въ извѣстной степени и нѣкоторыми сторонами дѣятельности Редстока, хотя и критиковалъ его въ своемъ «Великосвѣтскомъ расколѣ», переводилъ молитвы Берсье, Кирилла Туровскаго, составилъ «Зеркало истиннаго ученика Христова» и изучилъ молоканскій катихизисъ и богословскія сочиненія Хомякова. Впослѣдствіи, въ срединѣ 80 г.г., Н. С. сталъ критически относиться къ системѣ православнаго вѣроученія, зачитывался сочиненіями Владиміра Сергѣевича Соловьева, съ коимъ и познакомился около 1887 года, и наконецъ увлекся идеями духовнаго царствія Божія по ученію графа Толстаго. Въ январѣ 1874 г. Н. С., при посредствѣ покойнаго Б. М. Маркевича, получилъ мѣсто члена особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Въ то же время Лѣсковъ познакомился и съ министромъ государственныхъ имуществъ гр. П. А. Валуевымъ и 3-го іюля 1877 г. былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ съ жалованьемъ въ 1.000 р. (отчисленъ 13 декабря 1880 г.). Книга «Мелочи архіерейской жизни»

надѣлала автору много непріятностей и по службѣ, при появленіи ея въ видѣ отдѣльныхъ статей съ 1880 года, и впослѣдствіи, при изданіи VI тома его сочиненій. 9 февраля 1881 г. Лѣсковъ былъ отчисленъ безъ прошенія отъ министерства народнаго просвѣщенія «по причинѣ несовмѣстимости литературныхъ занятій со службою». Тогда же произошелъ его разрывъ съ Б. М. Маркевичемъ и катковской партіей. Сблизился покойный Лѣсковъ въ это время съ С. Н. Терпигоревымъ и Гатцукомъ и началъ сотрудничать въ газетѣ послѣдняго и другихъ популярныхъ изданіяхъ того же типа «ради хлѣба насущнаго».

Для исторіи общаго міровоззрѣнія Лѣскова за это время важенъ неоконченный романъ «Соколій перелетъ». Это своего рода продолженіе «Некуда». «Я хочу показать, гдѣ русскіе передовые люди поднялись и гдѣ они сѣли», говорилъ онъ. Къ 1884 г. относится книга «Евреи въ Россіи» (Спб. 1884 г., 92 стр.), трактующая о предоставленіи евреямъ полноправія. На авторскомъ экземплярѣ ея слѣдующая собственноручная надпись Н. С.: «Эту книгу, напечатанную съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстаго, написалъ я, Николай Лѣсковъ, а представилъ ее къ печати нѣкто Петръ Львовичъ Розенбергъ, который и отмѣченъ ея фиктивнымъ авторомъ. Въ продажѣ не обращается». Впрочемъ, надо замѣтить, что впослѣдствіи мнѣніе Лѣскова о евреяхъ нѣсколько измѣнилось въ противную сторону. Третій и послѣдній періодъ литературной дѣятельности Лѣскова можетъ быть начатъ съ его разсказа «Христосъ въ гостяхъ у мужика». Н. С. входитъ въ тѣсное общеніе съ «Посредникомъ» и начинаетъ художественно воспроизводить сказанія «Пролога» и «Патериковъ». Нравственные вопросы отвлеченнаго свойства наиболѣе интересуютъ Лѣскова: онъ сближается съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Послѣдняго Н. С. цѣнилъ очень высоко и за его «евангелія» и за другія позднѣйшія произведенія. Послѣднія пять лѣтъ Н. С. былъ съ графомъ въ усердной перепискѣ, ѣздилъ нѣсколько разъ въ Ясную Поляну и отзывался о ученіи графа Толстаго съ великимъ почтеніемъ. «Мнѣ не дано понимать этого колосса», печалился Н. С.: «я не понимаю его непротивленія злу. Я не разъ задавалъ графу вопросъ, какъ бы онъ поступилъ, если бы совершали насиліе надъ его матерью, неужели бы сынъ не вступился?».

Впрочемъ, при отвлеченныхъ вопросахъ Н. С. не чуждался и дѣйствительности. Таковы его «Чортовы куклы», «Дама и фефела», начатый очеркъ: «Живыя растенія» (астры и помпоны) и послѣдній неизданный разсказъ «Заячій ремизъ». Это какъ бы третья часть трилогіи: первая «Некуда», вторая: «Соколій перелетъ» и третья: «Заячій ремизъ». Вотъ его содержаніе въ общихъ чертахъ. Дѣйствіе происходитъ въ сумасшедшемъ домѣ. Герой разсказа Оноприй Опанасовтчъ Перегудъ, сидитъ и вяжетъ чулки. Авторъ разсказываетъ былое Перегуда. Родился

онъ въ селѣ Перегудахъ, въ семьѣ причетника. Архіерей, проѣзжая чрезъ село, взялъ мальчика, и послѣдній долгое время былъ служкой, орлецы подкладывалъ, потомъ сдѣлался келейникомъ, а затѣмъ совершенно неожиданно становымъ приставомъ. Какъ становой, извелъ онъ всѣхъ конокрадовъ, какъ вдругъ получаетъ приказъ ловить «спеціалистовъ пиликановъ, а ходятъ они въ шляпѣ земли греческой». Священнику въ селѣ дали орденъ за его ревность, и становому обѣщали такой же, и вотъ онъ, посовѣтовавшись съ своей Христей, пробуетъ ловить пиликановъ. Начинаетъ онъ съ разспросовъ своего кучера, но тотъ, разсердившись, бросаетъ своего барина. Перегудъ беретъ новаго кучера Налетова, отыскиваетъ мнимыхъ пиликановъ въ лицѣ какихъ-то скрипачей въ поповскомъ домѣ и ругается съ хозяиномъ. Вдругъ поднимается гроза, и подъ окномъ Перегудъ видитъ идущаго человѣка въ шляпѣ земли греческой. Посовѣтоваться не съ кѣмъ, Христя ушла къ Налетову, Перегудъ рѣшаетъ догнать незнакомца, догоняетъ и сбрасываетъ его съ моста. Оказывается, что это тайный агентъ, и за его задержку Перегудъ вмѣсто награды получаетъ нахлобучку. Перегудъ продолжаетъ неудачные розыски и однажды въ лѣсу, во время бури, видитъ, что изъ его собственной брички вѣтромъ вырываетъ и носитъ по воздуху массу прокламацій. Онъ, желая воспрепятствовать ихъ распространенію такимъ путемъ, начинаетъ ловить ихъ. Ихъ дѣлается все больше и больше, лошади останавливаются. Оказывается, что у лошадей ноги забиты гвоздями, а самъ кучеръ Налетовъ и есть пиликанъ. Все это вспоминаетъ Перегудъ, сидя въ домѣ сумасшедшихъ, и вотъ онъ начинаетъ вырѣзать буквы, чтобы ими распространить здравыя мысли посредствомъ отраженія буквъ на облакахъ. Ему кажется, что опытъ удался, солнце помогаетъ ему, и онъ блаженно умираетъ.

Романы свои Н. С. вообще отдѣлывалъ весьма тщательно, а для печати самъ выбиралъ шрифты и виньетки. Въ 1875 г. 6 февраля онъ подарилъ мнѣ рукопись романа «Захудалый родъ» и разсказъ «Темнякъ». Изъ нея видно, что большинство романовъ онъ писалъ собственноручно. При перепискѣ съ черноваго постороннимъ лицомъ, находимъ новыя поправки, вычеркиванія цвѣтными карандашами и т. п. Изъ виньетокъ отмѣчу виньетку къ роману «Некуда» въ изданіи Вольфа, и неизданную виньетку къ «Соборянамъ», рисованную В. В. Крестовскимъ. На ней изображены три главныя лица этой повѣсти: Савелій Туберозовъ въ видѣ скорбнаго Зевса съ сѣдыми волнами волосъ и съ жезломъ въ рукахъ, Захарія съ узенькимъ лицомъ монгольскаго типа, въ камилавкѣ и съ ручками въ подрясникѣ, и дьяконъ Ахилла съ круглой лоснящейся физіономіей, цѣлой шапкой круто вьющихся волосъ и восторженной улыбкой. Романы и разсказы Лѣ-

скова не представляютъ измышленій автора ни по фабулѣ, ни по языку. Онъ многое бралъ и претворялъ изъ дѣйствительности: помню и его записную книжку, куда Н. С. вносилъ и мѣткія слова, и прозвища, и небольшіе анекдоты. Приведу, кромѣ вышесказаннаго, еще нѣсколько примѣровъ.

Миссіонерская дѣятельность извѣстнаго архіепископа ярославскаго Нила дала матеріалъ для книги: «На краю свѣта». «Кадетскій монастырь, сказанія о безсребренникахъ», «Часовой на льду» составлены по разсказамъ генерала Вельяминова и генералъ лейтенанта В. Д. Кренке, извѣстнаго своими брошюрами о земледѣліи. Знакомый Н. С. «превосходный изографъ Никита Севастьянычъ» съ лицомъ строгановскаго письма и къ тому же страдавшій запоемъ, съ своими архаическими очками, связанными простой ниткой, ввелъ Н. С. въ область русской иконописи, и появился «Запечатлѣнный ангелъ». О самомъ изографѣ см. Сказаніе о художномъ мужѣ Никитѣ и о совоспитанныхъ ему («Новое Время» 1886 г. № 3889). Голосъ природы—разсказъ генералъ-адъютанта С. Г. Кушелева. Будучи адъютантомъ князя Барятинскаго, С. Г. былъ приглашенъ на какую-то свадьбу. Когда все было выпито, хозяинъ-меломанъ просилъ «великихъ гостей позволить ему отдать долгъ природѣ», и сыгралъ, съ паузами, оркестровую арію изъ «Марты» на тромбонѣ. Сказъ о тульскомъ лѣвшѣ взятъ изъ разсказа одного рабочаго Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, гдѣ Н. С. провелъ лѣто 1878 г. Полунощники написаны по письмамъ, ибо, Н. С. у о. Іоанна Кронштадтскаго не бывалъ. Пустоплясы написаны въ Шмецкѣ въ 1892 г. съ сопоставленіемъ тогдашнихъ великосвѣтскихъ баловъ и голодовки. Сюжетъ разсказа Христосъ въ гостяхъ у мужика взятъ изъ книги А. Н. Аѳанасьева «Легенды русскаго народа» М. 1859. На экземплярѣ этой книги стоитъ слѣдующая надпись: «Добрые люди, не крадьте у меня эту книжку, уже три такія книжки украдены. О семъ проситъ Николай Лѣсковъ. Цѣна 8 рублей». Кстати отмѣтимъ еще одну книжку, которой Н. С. очень дорожилъ. Это «На родинѣ» Гончарова, съ которымъ Лѣсковъ неоднократно переписывался, съ автографомъ автора (февраль 1888 г.): «Н. С. Л. Въ знакъ искренняго уваженія къ его истинно русскому симпатичному таланту». Надо замѣтить, что покойный Лѣсковъ вообще любилъ книги; послѣ него осталась библіотека, заключающая въ себѣ до 3 т. томовъ. Собиралъ онъ и рѣдкости. При свободныхъ деньгахъ отправлялся онъ на Александровскій рынокъ, рылся въ разномъ bric-a-brac'ѣ бережно приносилъ облюбованную вещицу домой, чистилъ и мылъ ее и, торжественно водрузивъ ее на избранномъ мѣстѣ, отправлялся обѣдать. Знакомство Н. С. было обширное, но къ нему, какъ къ жившему

одиноко, обществомъ собирались рѣдко. Надоѣлъ ему страшно какой-то пожилой чиновникъ, ходившій къ нему съ просьбами о мѣстѣ въ таможнѣ и просившій хотя бы визитную карточку Лѣскова. Н. С. наконецъ объявилъ: «Ну хорошо, я похлопочу за васъ, васъ назначатъ, ну, а сколько вы мнѣ дадите за это?». Тотъ обѣщалъ 3.000.—«Ну, а сколько вы будете получать?»—1000 р.—«Ну, такъ ступайте домой и подумайте, вернете ли вы свои деньги». Въ заключеніи привожу выдержки о Лѣсковѣ изъ своего дневника за былые годы.

1875 г. Январь. Познакомился съ Лѣсковымъ, съ коимъ заочно знакомъ уже три года. Жилъ онъ на Фурштатской въ угловомъ домѣ Матавкина. У него былъ гость и докторъ Беннеръ. Н. С. растянулъ сухожилье. Смотрѣлъ библіотеку: около тысячи томовъ. Много запрещенныхъ, полученныхъ съ разрѣшенія М. Н. Лонгинова (главноуправляющій по дѣламъ печати). Есть и старопечатныя: «Небо новое», «Ключъ разумѣнія», «Требникъ Петра Могилы» (120 р. заплатилъ). Большое собраніе справочныхъ книгъ и словарей. Уютный кабинетъ съ темнокрасными обоями увѣшанъ картинами, бюстъ Сенеки, множество бездѣлокъ, высокіе гнутые стулья. Просилъ достать Гоголя: «Размышленія о божественной литургіи». Кто-то отнялъ книжку у Лѣскова, да и дразнитъ: книжечка то у меня! Лучшее произведеніе Лѣскова по его собственному мнѣнію и по мнѣнію Гончарова: «Запечатлѣнный ангелъ», а худшее «На ножахъ». Послѣднее выдерживаетъ третье изданіе, и Н. С. хвастался 450 р., золотыми въ копилкѣ. Языкъ «Соборянъ» взятъ изъ Духовнаго регламента. «Некуда» написано въ Кіевѣ, въ университетскомъ карцерѣ: другаго мѣста не было, все красили, а хотѣлось добыть абсолютнаго уединенія.

21 октября 1875 г., я былъ у Н. С. Разсказывалъ о гр. А. К. Толстомъ. Веселый былъ человѣкъ, немножко циникъ (рисунокъ фламандца). Въ Іоаннѣ Дамаскинѣ поэтъ изобразилъ самого себя... Н. С. читалъ «Сонъ Попова», автографъ котораго сохраняется у Маркевича. Л. Н. Толстой поссорился съ Катковымъ изъ-за того, что гдѣ-то въ Аннѣ Карениной есть фраза: «онъ взялъ ее изъ публичнаго дома. Катковъ вычеркнулъ публичнаго, ну и пошла ссора. Необыкновенно упрямъ Л. Н. Возвращался онъ съ батареей изъ-подъ Севастополя, и гдѣ-то въ южныхъ губерніяхъ имъ внезапно назначенъ былъ смотръ. Стали готовиться къ смотру: бригадный генералъ досталъ денегъ, собрали швецовъ, но мундиры успѣли сшить только на живую нитку. Высокопоставленное лицо было не въ духѣ и осталось недовольно мундиромъ одного флангового фейерверкера. «Какъ сшитъ мундиръ!» хвать за бортъ, пуговицы одна, двѣ... всѣ прочь. Подъѣзжаетъ къ другому—то же, наконецъ къ орудію, гдѣ былъ Л. Н. «Я щекотливъ, ваше в—о!» и на другой же день подалъ въ отставку. Этотъ эпизодъ Н. С. помѣстилъ въ

свой романъ «Блуждающіе огоньки». Лѣсковъ—свой человѣкъ въ магазинѣ духовныхъ книгъ Кораблева и Сирякова.

20 декабря 1877 г. Были съ Лѣсковымъ на собесѣдованіи Редстока въ домѣ Пашкова. . . . .
Редстокъ книжкой «Великосвѣтскій расколъ» не только не обидѣлся, но даже полюбилъ его чрезвычайно. Протопресвитеръ Бажановъ не даромъ-де замѣтилъ, что сія книжка прехитростная. Бесѣдовали о разныхъ религіозныхъ изданіяхъ на манеръ англійскихъ, объ изданіяхъ вел. кн. Евгеніи Максимиліановны, о изданіи перевода «Pascal als Apologet des Christenthums». Н. С. обѣщалъ меня познакомить съ цензоромъ арх. Арсеніемъ, великимъ ученымъ византинистомъ. Слѣдуетъ-де подъ его редакціей перевести и издать Оригена «Περὶ ἀρχῶν» (о началахъ). Тутъ и Коля (Н. М. Бубновъ) поможетъ. Всюду идетъ протестантизмъ: въ низшихъ слояхъ въ видѣ штунды, въ верхнихъ въ увлеченіи Редстокомъ и пр.

20 іюня 1878 г. Гостилъ въ Сестрорѣцкѣ у Н. С. Лѣскова. Онъ игуменъ, братья Бубновы послушники.

8 января 1879 г. Вторникъ. Н. С. представилъ меня въ литературный кружокъ. Члены его, какъ я узналъ впослѣдствіи, были А. П. Милюковъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Лейкинъ, Ѳ. Н. Бергъ, В. В. Крестовскій, М. А. Ханъ, А. И. Радонежскій и др. Ждали Ѳ. М. Достоевскаго. Вышла презабавная исторія. Сначала говорили объ отцѣ А. Н. Майкова, о пониманіи иконописи, о религіи, о искусствѣ, наконецъ разговоръ перешелъ на студентовъ. Я (въ то время студентъ 2 курса) защищалъ ихъ презрѣніе къ поэзіи. Такія-де темы берутъ поэты, которыя не затрогиваютъ молодежи, а то и еще хуже.—А что хуже?—А вотъ напримѣръ стихи Майкова (его присутствія тутъ я и не подозрѣвалъ):

Когда задумавшись въ откинутой колясkѣ...

Правъ-де былъ Щербина, сказавшій:

Ты гимны воспѣвалъ откинутой коляскѣ,
Хвалилъ ты мѣдный лобъ и льстилъ ты мѣдной каскѣ!..

Тогда Н. С. со смѣхомъ представилъ меня Аполлону Николаевичу: «А вотъ вамъ и Майковъ». Послѣдній не разсердился, заявилъ, что онъ и теперь напишетъ такое же стихотвореніе, что мнѣ нужно еще многое узнать для такихъ рѣшительныхъ сужденій, и прислалъ свою «Княжну».

23 января 1879 г. Воротился изъ кружка. Сначала шло вяло, говорили о типахъ Христа, о Гретхенъ, о Т. И. Филипповѣ, П. И. Савваитовѣ, П. И. Мельниковѣ, Щербинѣ. Лѣсковъ негодовалъ на цинизмъ Щербины, Майковъ говорилъ о двухъ половинахъ жизни Щербины: западничествѣ и славянофильствѣ. Вспомнили о забытомъ критикѣ Н.

Соловьевѣ и его странностяхъ. Жалѣли о немъ и раскаявались, что его обижали. Чудакъ былъ и очень нервный. Встрѣтилъ разъ В. П. Клюшникова, да и говоритъ: «Мнѣ ваше значе ликомое, не увидѣлъ, гдѣ припомню! Жена моя разныхъ напупокъ покупила» и пр. Лѣсковъ вставилъ это въ своихъ «Соборянъ» въ уста Препотенскаго. Затѣмъ разговоръ пошелъ о Катковѣ: я противъ, а они о соціалистахъ, о попыткахъ Овена, Кабе и пр. Дальше разговоръ пошелъ о Дудышкинѣ, Заринѣ и пр.

. . . .

19 марта 1892 г., посѣтилъ я Н. С. Онъ былъ боленъ, по его словамъ, angina nervosa. «Ужасныя страданія, какъ зубная боль», говорилъ Н. С., и правда: онъ забывалъ безпрестанно, о чемъ говоритъ, перескакивалъ въ словахъ и пр. Я предложилъ ему переѣхать въ Кіевъ: тамъ лучше. «Что мнѣ въ Кіевѣ, съ нимъ у меня нѣтъ общаго. Въ Петербургѣ лучше: здѣсь все же поухаживаютъ». Разговоръ перешелъ на женщинъ. «Это—низшая раса», говорилъ раздраженно Н. С. «Геній рода, ... s, насъ смущаетъ. И чѣмъ выше, тѣмъ хуже. Былъ,—разсказывалъ Н. С., покойный государь у фельдмаршала Б., были и губернаторы. Б. просилъ жену не перебивать и складно и долго о чемъ-то вралъ. Жена не выдержала: voilà ça c'est vrai! Императоръ улыбнулся. Ужь лучше говоритъ съ простой и деликатной связаться; вотъ Z ревнуетъ, за то и подпалъ подъ ея власть. Бреславльскіе профессоры лучше: всѣ живутъ съ компаньонками. Женщины безстыжи. Вотъ NN говоритъ: я «Крейцерову сонату» исповѣдую, мнѣ стыдно ласкать своего полуторагодовалаго ребенка, а жена говоритъ: Quelle bêtise, вѣдь это естественно. Ко мнѣ съ письмомъ лѣзутъ Dillon и др. точно я что-нибудь знаю о NN. Сбили старца дьяволы, такъ и NN три бабы... я и самъ въ молодости поплатился... Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ книжный магазинъ ходить, книжки смотрѣть, да съ Зандрокомъ (Н. Ф., завѣдывавшій въ то время книжнымъ магазиномъ «Новаго Времени») и Л. разговаривать». Я перевелъ разговоръ на литературную дѣятельность самого Лѣскова. «Долго-де я былъ подъ вліяніемъ Каткова: въ окончаніи «Запечатлѣннаго ангела» [1]) и въ «Расточителѣ». Много-де глупостей написалъ».—Но вѣдь много и хорошаго, возразилъ я. «Правда. «На краю свѣта» мнѣ и теперь нравится, только бы причину поѣздки выставилъ бы я не ту. «Соборянъ»

---

[1]) Объ этомъ мнѣ приходилось слышать и раньше и вотъ по какому поводу: я познакомилъ въ 1877 году съ „Запечатлѣннымъ ангеломъ“ высокообразованнаго прелата Урбана Рокицкаго, тогда ректора Спб. духовной римско-католической академіи († 1878). Послѣдній замѣтилъ, что конецъ „Запечатлѣннаго ангела“ придѣланъ; я передалъ это мнѣніе Н. С., и тотъ съ этимъ согласился.

бы не написалъ». Въ заключеніе Н. С. прочелъ мнѣ сказку о царѣ Ахрамеянѣ, какъ онъ къ Богу ходилъ на народъ жаловаться. Сказку эту приписываютъ сенатору Ѳ. Л. Барыкову.

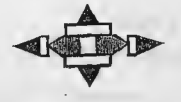
Послѣдній разговоръ былъ мной сряду записанъ на оборотѣ подаренной мнѣ фотографіи каменнаго двухъэтажнаго барскаго дома съ террасой и колоннами подъ фронтономъ, окруженнаго тополями. Фотографія снята съ рисунка, сдѣланнаго К. Шульце, на которомъ Н. С. собственноручно надписалъ: «Господскій домъ въ селѣ Горо-ховѣ, Орловской губ. Въ этомъ домѣ родился Николай Семеновичъ Лѣсковъ и тутъ же проведено его дѣтство».

Заканчивая мои замѣтки о Н. С. Лѣсковѣ, выскажу и свой личный взглядъ на его литературную дѣятельность. Н. С. былъ человѣкъ подвижной, нервный, увлекающійся. Частная его жизнь не была счастливой: много было и семейнаго горя, и матеріальныхъ недостатковъ. Тѣмъ не менѣе вся жизнь его была стремительнымъ исканіемъ добра и правды, и это отразилось и въ его литературной дѣятельности. Изображая то, что было ему не по душѣ, односторонними, рѣзкими, часто карикатурными чертами, Лѣсковъ вѣрилъ въ человѣческую природу и ея лучшія силы. Среди тяжелыхъ прошлыхъ временъ крѣпостничества, среди бурной мути шестидесятыхъ годовъ, среди современной жизни онъ находилъ и отличалъ на ряду съ отрицательными и положительные типы и вырисовывалъ ихъ оригинальными пріемами и причудливымъ стилемъ. И это положительное онъ нашелъ не въ общественномъ положеніи тѣхъ или другихъ созданныхъ имъ лицъ, а въ ихъ внутреннемъ нравственномъ мірѣ, мірѣ, сохраняющемъ непреходящее значеніе для многихъ, если не всѣхъ человѣческихъ поколѣній.

Вотъ почему мнѣ думается, что многія произведенія Лѣскова, занявъ навсегда почетное мѣсто въ исторіи русской литературы нашего времени, найдутъ читателей и впослѣдствіи, по своему глубоконравственному содержанію и по той терпимости, которая позволяетъ видѣть хорошее всюду, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни заключалось.

Сообщилъ **И. А. Шляпкинъ.**

Новгородъ
4 іюля 1895 г.



Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческіе или историко-литературные статьи и матеріалы въ 1893—95 гг. [1]).

В. Александренко,—Е. Альбовскій,—Д. Г. Анучинъ,—А. В. Арсеньевъ.

Н. И. Барсовъ,—С. Бердяевъ,—В. А. Бильбасовъ,—Н. Богдановскій,—С. Боголюбскій,—И. Н. Божеряновъ,—А. Вороновъ,—В. Ѳ. Боцяновскій,—М. Брадке, рожд. Коляндеръ,—Н. Бѣлозерская,—А. Ѳ. Бычковъ.

П. А. Валуевъ, графъ,—Н. В. Веригинъ,—П. Висковатый,—Ф. А. Витбергъ,—К. А. Военскій,—Г. Воробьевъ,—А. Вышеславцевъ.

В. Е. Гвоздиковъ,—Н. И. Гнѣдичъ,—А. Голомбіовскій,—Д. Гофштеттеръ.

Софія Дехтерева-Кавосъ,—баронъ Н. В. Дризенъ,—І. П. Дубецкій,—Н. Ѳ. Дубровинъ,—Ф. Духовниковъ.

Ѳ. П. Еленевъ,—О. Р. Еленскій.

Жмакинъ, В., свящ.,—Э. А. Жуковскій.

Н. Ѳ. Здекауэръ,—Д. П. Зуевъ,—С. П. Зыковъ.

Н. С. Иванина,—А. В. Ивановъ,—А. Измайловъ,—Ильинскій, А. И., докторъ,—Ильинскій, Пав. свящ.,—князь Н. К. Имеретинскій,—В. А. Инсарскій.

М. Л. Каземъ-Бекъ,—Какушкинъ, А. А.,—Н. И. Кашкадамовъ,—Ѳ. П. Кеппенъ,—М. А. Констанскій,—Кохановъ,—А. М. Княжевичъ,—А. О. Круглый,—П. А. Кузьминъ,—В. П. Кулинъ.

К. Н. Ламздорфъ,—Н. П. Лебедевъ,—П. С. Лебедевъ,—М. Левитскій,—Н. Леоновъ,—А. М. Ловягинъ,—М. Лопатина,—И. В. Лохвицкій.

Л. Н. Майковъ,—М. Мардарьевъ,—Ф. Мартенсъ,—Н. Михайловскій,—П. О. Морозовъ,—В. Мустафинъ.

В. Назарьевъ,—Неизвѣстный,—И. Некрасовъ.

Н. Н. Оглоблинъ,—С. Ѳ. Огородниковъ,—А. П. Озеровъ,—М. Я. Ольшевскій.

Л. П. Павлищевъ.—Вал. Алексан. Панаевъ,—М. Л. Песковскій,—П. Пирлингъ,—В. Поливановъ,—М. М. Поповъ.

Ив. Радзиковскій.—Г. К. Рѣпинскій.

Л. М. Савеловъ,—А. И. Савельевъ,—Н. Самойло,—І. Д. С.,—И. С.,—В С—ъ,—Н. М. С—ъ,—А. Ѳ. Селивановъ,—В. Д. Смирновъ,—Н. Н. Соколовъ,—А. Сперанскій,—В. Изм. Срезневскій,—А. В. Стабровскій,—В. В. Стасовъ,—Г. И. Студенкинъ,—Г. Ѳ. Сюннербергъ.

В. В. Тимощукъ,—А. Титовъ,—Ив. Тихоміровъ,—К. Тихонравовъ,—И Н. Толстой,—А. Н. Труворовъ,—А. М. Тургеневъ,—Турцевичъ,—Н. А. Тучкова-Огарева.

Н. Финдейзенъ.

А. А. Харитоновъ,—В. Храпевичъ.

Цвѣтаевъ, профессоръ,—Андр. Цимбалистовъ,—П. Н. Цуриковъ.

Е. А. Чебаевскій,—И. А. Чистовичъ.

А. Ш.,—К. Шварсалонъ,—В. И. Шенрокъ,—Н. К. Шильдеръ,—Н. Л. Ширяевъ,—И. А. Шляпкинъ.

Л. П. Юдинъ,—В. М. Юзефовичъ.

Редакторъ „Русской Старины" **С. Зыковъ.**

---

[1]) Подробный списокъ лицъ, сообщившихъ редакціи свои статьи съ основанія журнала (1870—1892 г.), былъ помѣщенъ въ декабрьской книгѣ 1892 года.

„РУССКАЯ СТАРИНА" въ изд. 1895 г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

Исторія русской литературы.

Библіографическій листокъ.

1. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. XI. В. Г. Перовъ, его жизнь и художественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Л. К. Дитерихса. Съ портретомъ Перова и 3-ю снимками съ его произведеній. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ іюльской книги).
2. «Вліяніе морской силы на исторію». 1660—1783. Изслѣдованіе капитана Мэхэна. Переводъ съ англ. Н. П. Азбелева. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ августовской книги).
3. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова.—XII. Е. Ф. Канкринъ, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго. Съ портр. Канкрина.—А. С. Грибоѣдовъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго (тамъ же).
4. Полезная библіотека. Въ странѣ черныхъ христіанъ. (Очерки Абиссиніи). Ф. Волгина. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ сентябрьской книги).
5. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. XIII. О. И. Сенковскій, его жизнь и литературная дѣятельность въ связи съ исторіей современной ему журналистики. Біографическій очеркъ Е. Соловьева (тамъ же).
6. Я. Волковъ. Алфавитный сборникъ русскихъ неправильныхъ глаголовъ. изд. 2-е. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).
7. Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. XIV. М. С. Щепкинъ, его жизнь и сценическая дѣятельность, въ связи съ исторіей современнаго ему театра. Біографическій очеркъ А. А. Ярцева (тамъ же).
8. М. В. Юзефовичъ. «Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи» 2-е изданіе. Съ біографич. очеркомъ и портретомъ автора. Кіевъ, 1895 года (на оберткѣ ноябрьской книги).
9. «Столѣтіе россійской конной артиллеріи». 1794—1894. Историческій очеркъ. Составилъ и издалъ Павелъ Потоцкій. Съ 15-ю листами портретовъ и рисунковъ. Спб. 1894 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
10. Ѳед. Дмитріевъ. Исторія Брянска. Орелъ. 1894 г. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
11. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ седьмой. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1895 г. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).

12. Пятидесятилѣтіе книжнаго и картиннаго производства фирмы И. А. Голышева. 7 декабря 1844—1894 гг. Съ портретомъ И. А. Голышева. Состав. подъ редакціей Н. П. Шипина. Владиміръ на Клязьмѣ. 1895. (тамъ же).
13. Спутникъ по Казани. Иллюстрированный указатель достопримѣчательностей и справочная книжка города. Подъ редакціею профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1895 (тамъ же).
14. Краткая исторія города Углича. Съ рисунками. Составилъ Л. Ѳ. Соловьевъ. Спб. 1895 (тамъ же).

Библіографическіе указатели.

Систематическое оглавленіе восемьдесятъ четвертаго тома составилъ **Н. И. Кашкадамовъ.**

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ 83 и 84 томахъ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ"
изд. 1895 года.

---

*

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

Л.

М.

*

О.

П.

Р.

С.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Составила Указатель Вѣра Васильевна **Тимощукъ**.

---

*

Открыта подписка на 1896 годъ
на литературную, политическую, общественную и коммерческую газету

ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ГОРОДѢ КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ. **Обзоръ текущей прессы и журналистики. Ежедневныя политическія телеграммы. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края.** Редакція употребляетъ все зависящее отъ нея на расширеніе этого отдѣла. **Казанская хроника:** земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. **Судебная хроника. Библіографія. Театръ и музыка**, отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. **Ежедневное обозрѣніе** текущей и международной жизни. **Наука, литература и искусство. Сельское хозяйство. Торговый отдѣлъ:** корреспонденціи и телеграммы изъ главныхъ пристаней и торговыхъ центровъ, а также обзоры внутренней и внѣшней торговли. На развитіе этихъ двухъ послѣднихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе. **Фельетоны и беллетристика.** На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **общедоступныя статьи научнаго содержанія**, составленныя спеціалистами. Тиражи выигрышей, спр. отдѣлъ, объявленія и проч.

Въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» принимаютъ участіе слѣдующія лица:

Н. Ф. Анненскій, А. Н. Ахмеровъ, Н. И. Ашмаринъ, А. Н. Барановъ, И. И. Бабушкинъ, А. П. Батуевъ, Н. Н. Блиновъ, М. П. Бородинъ, проф. Буддэ, проф. А. В. Васильевъ, С. И. Васюковъ, Н. Г. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), И. А. Гаркави, В. А. Гольцевъ, проф. А. Ф. Гусевъ, Б. В. Добрышинъ, П. Добротворскій, С. Я. Елпатьевскій, П. В. Засодимскій, А. П. Ивановъ, В. Е. Ильковъ, И. И. Ивановичъ, А. П. Карасевичъ, Корнгольдъ, В. Г. Короленко, проф. М. Я. Капустинъ, проф. Д. А. Корсаковъ, К. И. Котеловъ, проф. Любимовъ, К. В. Лаврскій, проф. И. Н. Ланге, Д. Е. Лаппо, А. Г. Любарскій, проф. Л. Б. Мандельштамъ, Н. К. Михайловскій, проф. Н. А. Миславскій, А. Д. Мысовская, В. Н. Назарьевъ, К. П. Назарьева, Б. П. Онгирскій (Б. Ленскій), Островская, М. А. Плотниковъ, В. О. Португаловъ, Посадскій, П. Пчелинъ, А. М. Пѣшковъ, Н. В. Ремезовъ, проф. Н. И. Слугиновъ, В. Н. Соловьевъ, проф. Н. В. Сорокинъ, В. С. Сѣрова, И. И. Степановъ, А. Н. Хардинъ, Н. Г. Шебуевъ, проф. А. Е. Штукенбергъ, Е. К. Щепетильникова, проф. Э. П. Янишевскій, Н. Ѳ. Юшковъ, А. М. Ѳедоровъ, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для городскихъ подписчиковъ. съ доставкой:			Для городскихъ подписчиковъ. безъ доставки:			Для иногородн. подписчик.		
На годъ......	7 р.	— к.	На годъ ...	6 р.	25 к.	На годъ......	9 р.	— к.
» полгода....	4 »	— »	» полгода....	3 »	25 »	» полгода...	5 »	— »
» 3 мѣсяца...	2 »	25 »	» 3 мѣсяца...	1 »	75 »	» 3 мѣсяца...	2 »	75 »
» 1 мѣсяцъ...	— »	75 »	» 1 мѣсяцъ...	— »	60 »	» 1 мѣсяцъ..	1 »	— »

Допускается разсрочка: для иногороднихъ при подпискѣ **3** р., 1 апрѣля **3** р., 1 іюля **3** р., для городскихъ—**2** р., 1 марта **2** р., 1 апрѣля **2** р., 1 іюня **1** р.

Всѣ новые годовые подписчики, подписавшіеся на 1896 годъ безъ разсрочки годовой подписной платы, получаютъ газету безплатно со дня подписки до 1 января 1896.

Подписка принимается въ главной конторѣ **Волж. Вѣстника** на Покровской ул., д. Пермяковой, а также въ ея отдѣленіяхъ: при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова, (Воскресенская, городской пассажъ), А. А. Дубровина (Гостиный дворъ), К. П. Алексѣева (Гостиный дворъ), а также въ зданіи Биржи у секретаря, въ Симбирскѣ—въ отдѣленіи конторы (Бѣляевскій пер., д. Руне), въ Вяткѣ—въ книжномъ магазинѣ Тиханова.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція **Волжскаго Вѣстника**.

Редакторъ **Н. В. Рейнгардтъ**. Издательница **Л. П. Рейнгардтъ**.

1—3

ТАМБОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ

будутъ издаваться въ 1896 году по слѣдующей программѣ:

1) Часть оффиціальная.

Дѣйствія правительства, распоряженія губернскаго начальства и объявленія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

2) Отдѣлъ неоффиціальный.

а) **Правительственныя распоряженія** и новыя узаконенія, придворныя извѣстія, статьи (руководящія) о предметахъ внутренняго управленія и политики, о выдающихся потребностяхъ мѣстной общественной жизни, по вопросамъ городскаго благоустройства и земскаго хозяйства въ губерніи, телеграммы (собственныхъ корреспондентовъ и россійскаго телеграфнаго агентства). б) **Мѣстная хроника.** в) **Иногородныя извѣстія.** г) **Корреспонденціи.** д) **Сельско-хозяйственный отдѣлъ.** е) **Иностранныя извѣстія.** ж) **Письма въ редакцію.** з) **Библіографическій указатель.** и) **Фельетонъ.** і) **Объявленія** частныхъ учрежденій и лицъ.

Газета будетъ выходить, попрежнему, три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На оба отдѣла вмѣстѣ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ 6 руб., на полгода 4 руб, на 3 мѣс. 2 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ 1 рубль.

На одинъ неоффиціальный отдѣлъ, съ пересылкою во всѣ города Имперіи: на годъ 4 руб. 20 коп., на полгода 2 руб. 50 коп., на 3 мѣсяца 1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ 60 коп.

Для сельскаго духовенства и учителей народныхъ городскихъ и сельскихъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ газета (отдѣлъ неоффиціальный) будетъ высылаться за 3 рубля въ годъ съ пересылкою, при чемъ допускается разсрочка по третямъ года, съ уплатою по 1 рублю за треть года впередъ.

Сельскимъ, волостнымъ, народнымъ и училищнымъ библіотекамъ газета по просьбѣ администраціи ихъ высылается безплатно.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи тамбовскаго губернскаго правленія, въ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленіяхъ и у гг. становыхъ приставовъ.

1—3

Историческій музей при Императорскомъ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Милостивый Государь
Г. Редакторъ.

Позвольте при посредствѣ Вашего уважаемаго изданія довести до свѣдѣнія лицъ, интересующихся исторіей просвѣщенія русскаго общества, объ организаціи историческаго музея Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный Монастырь). Прилагаемая при семъ программа музея дастъ многимъ возможность содѣйствовать этому дѣлу какъ доставленіемъ указанныхъ въ ней предметовъ и сообщеніемъ о мѣстѣ ихъ нахожденія, такъ и распространеніемъ свѣдѣній о собираніи памятниковъ, цѣнныхъ для исторіи образованія русской женщины.

Организаторъ музея **Н. Карцовъ**.

ПРОГРАММА

организаціи Историческаго музея при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Со времени своего основанія ИМПЕРАТОРСКОЕ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ и состоявшее при немъ Александровское Училище неоднократно удостоивались высокаго вниманія и милостей Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи; многія лица, выдававшіяся въ исторіи образованія русскаго общества, группировались около этого учрежденія, и многія измѣненія въ воззрѣніяхъ Правительства на дѣло воспитанія и обученія ярко отражались въ жизни этого перваго по времени Правительственнаго женскаго учебнаго заведенія въ Россіи. Все это представляетъ большой интересъ для исторіи образованія русской женщины, и потому Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ и Александровскаго Института постановилъ организовать при первомъ изъ этихъ учебныхъ заведеній музей, который комплектовали бы слѣдующіе предметы.

1) Письма Членовъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи, имѣвшія связь съ жизнью Общества благородныхъ дѣвицъ и состоявшаго при немъ Александровскаго Училища.

2) Произведенія искусствъ, книги и другіе предметы, пожертвованные Членами ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамиліи.

3) ВЫСОЧАЙШІЕ рескрипты, данные на имя учрежденія, а также выдающіяся постановленія относительно учебно-воспитательнаго и хозяйственнаго строя этого заведенія.

4) Планы зданій въ разное время, гравюры и вообще предметы, интересные для исторіи этого учрежденія.

5) Литературные и художественные труды, а также мемуары бывшихъ воспитанницъ и указанія на ихъ выдающуюся семейную или общественную дѣятельность.

6) Портреты выдававшихся дѣятелей, литературные, художественные и ученые труды служившихъ, а также служащихъ при этомъ учебномъ заведеніи.

7) Учебныя программы, классныя записки и учебники за разное время.

8) Сочиненія и отзывы постороннихъ лицъ, касающіеся этого учебнаго заведенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что лица, интересующіяся исторіей умственнаго и нравственнаго образованія русской женщины, и въ особенности лица, близко стоявшія или стоящія къ названному учрежденію, будутъ содѣйствовать основанію такого музея и не откажутся доставить означенные предметы въ Канцелярію заведенія на имя организатора музея Николая Сергѣевича Карцова, который и обязуется вести письменные и устные переговоры по всѣмъ подобнаго рода дѣламъ. Кромѣ такихъ пожертвованій, которыя будутъ отмѣчаться особыми записями, принимаются и указанія на мѣстонахожденіе подобныхъ историческихъ памятниковъ.

Всякое же заявленіе о возвращеніи владѣльцу представленныхъ предметовъ или документовъ будетъ тотчасъ же выполнено по снятіи съ нихъ копій или фотографическаго снимка.

русскаго народа. Продолжительная дѣятельность Голышева на этомъ поприщѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что избранная имъ арена далеко не прибыльна въ матеріальномъ отношеніи: въ теченіе 50 лѣтъ въ слоб. Мстерѣ прекратилось дѣло у семи предпринимателей, пытавшихся подражать Голышеву хотя и безуспѣшно, и болѣе 10 фирмъ въ Москвѣ.

Въ брошюрѣ, заглавіе которой приведено нами, подробно говорится о дѣятельности фирмы И. А. Голышева, и описывается празднованіе ея пятидесятилѣтія. По внѣшности очеркъ г-на Шипина изданъ вполнѣ удовлетворительно.

Н. К-ш-ъ.

Спутникъ по Казани. Иллюстрированный указатель достопримѣчательностей и справочная книжка города. Подъ редакціею профессора Н. П. Загоскина. Казань. 1895.

Въ Западной Европѣ почти каждый сколько-нибудь значительный городъ имѣетъ нѣсколько „гидовъ“ съ важнѣйшими историческими и практическими указаніями и свѣдѣніями, облегчающими ознакомленіе съ нимъ въ прошломъ и настоящемъ, между тѣмъ какъ у насъ, въ Россіи, многіе города, не исключая даже и столицъ, еще весьма бѣдны какъ литературою по части своей исторіи вообще, такъ и указателями ихъ историческихъ достопримѣчательностей и памятныхъ событій, — въ связи съ необходимѣйшими статистическими, справочными и другими свѣдѣніями о современномъ состояніи этихъ городовъ. По этой причинѣ, не только лица, вновь прибывающія въ городъ или случайно посѣщающія его, часто бываютъ лишены возможности болѣе или менѣе скоро оріентироваться въ немъ, но нерѣдко случается, что и коренные жители его оказываются весьма мало знакомыми съ прошлымъ и настоящимъ своего города.

Составитель книги задался цѣлію представить историческое описаніе казанскихъ достопримѣчательностей, въ связи съ исторіею города Казани и съ его современнымъ состояніемъ, присовокупивъ и важнѣйшія справочныя свѣдѣнія, и, надо отдать справедливость, добросовѣстно выполнилъ свою задачу, такъ что его Спутникъ составляетъ очень замѣтный вкладъ въ нашу скудную литературу по данному вопросу, и ему нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія, тѣмъ болѣе, что назначенная цѣна, 1 рубль, за столь объемистую книгу, очень не высока; къ тому же и издана эта книга вполнѣ прилично.

Н. Кашкадамовъ.

Краткая исторія города Углича. Съ рисунками. Составилъ почетн. граждан. Л. Ѳ. Соловьевъ. Спб. 1895 г.

Объ достоинствѣ этой исторіи города Углича можно судить, прочитавъ предисловіе и одну, двѣ главы. Выписываемъ изъ предисловія буквально, съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи, слѣдующее: «Вполнѣ сознавая, что мой трудъ не можетъ быть предметомъ интереса въ ученомъ мірѣ; но я желалъ бы познакомить моихъ сородичей съ той эпохой смутъ, погромовъ и волненій въ Угличѣ, которые могутъ служить для каждаго гражданина живѣйшимъ воспоминаніемъ о пережитомъ времени нашихъ славныхъ прадѣдовъ». Или: «Представляя на судъ читателей свой скромный трудъ, я высказалъ въ немъ о цвѣтущемъ времени бывшаго стольнаго Углича...» Авторъ «съ благоговѣніемъ» питаетъ надежду, что «дорогіе сограждане встрѣтятъ его съ любезностью и окажутъ ему радушный пріемъ».

Авторъ, очевидно, большой патріотъ и недолюбливаетъ поляковъ: на стр. 49-й онъ говоритъ: «проклятые поляки...» Едва-ли въ исторіи это умѣстно. По внѣшности книга издана сносно, но масса опечатокъ и плохіе рисунки усиливаютъ неблагопріятное впечатлѣніе (Въ подтвержденіе нашихъ словъ выписываемъ съ 89 стр.: «Свадебныя обычаи. Въ Угличѣ не безъинтересны свадебныя обычаи, гдѣ происходятъ разнаго рода обрядности въ смыслѣ предупрежденія молодыхъ отъ порчи «злыми людьми». Но еще болѣе это то, что молодежь прослышавъ гдѣ-либо свадьбу спѣшатъ туда полюбопытствовать на молодыхъ, послѣ чего бѣгутъ за свадебнымъ поѣздомъ въ ту церковь, гдѣ назначено вѣнчаніе, и здѣсь молодежь безразличія пола не соблюдая этикета (sic!) приличія пускаютъ межъ собой разныя остроты, что врядъ-ли можетъ быть похвально тѣмъ болѣе въ св. храмѣ»).

Н. К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°.), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **Ф. В. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получать въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (*35 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (*24 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (*20 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (*1 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (*40 экз.*),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (*13 экз.*),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (*38 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (*45 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ, (*206 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ, (*144 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (*25 экз.*),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**